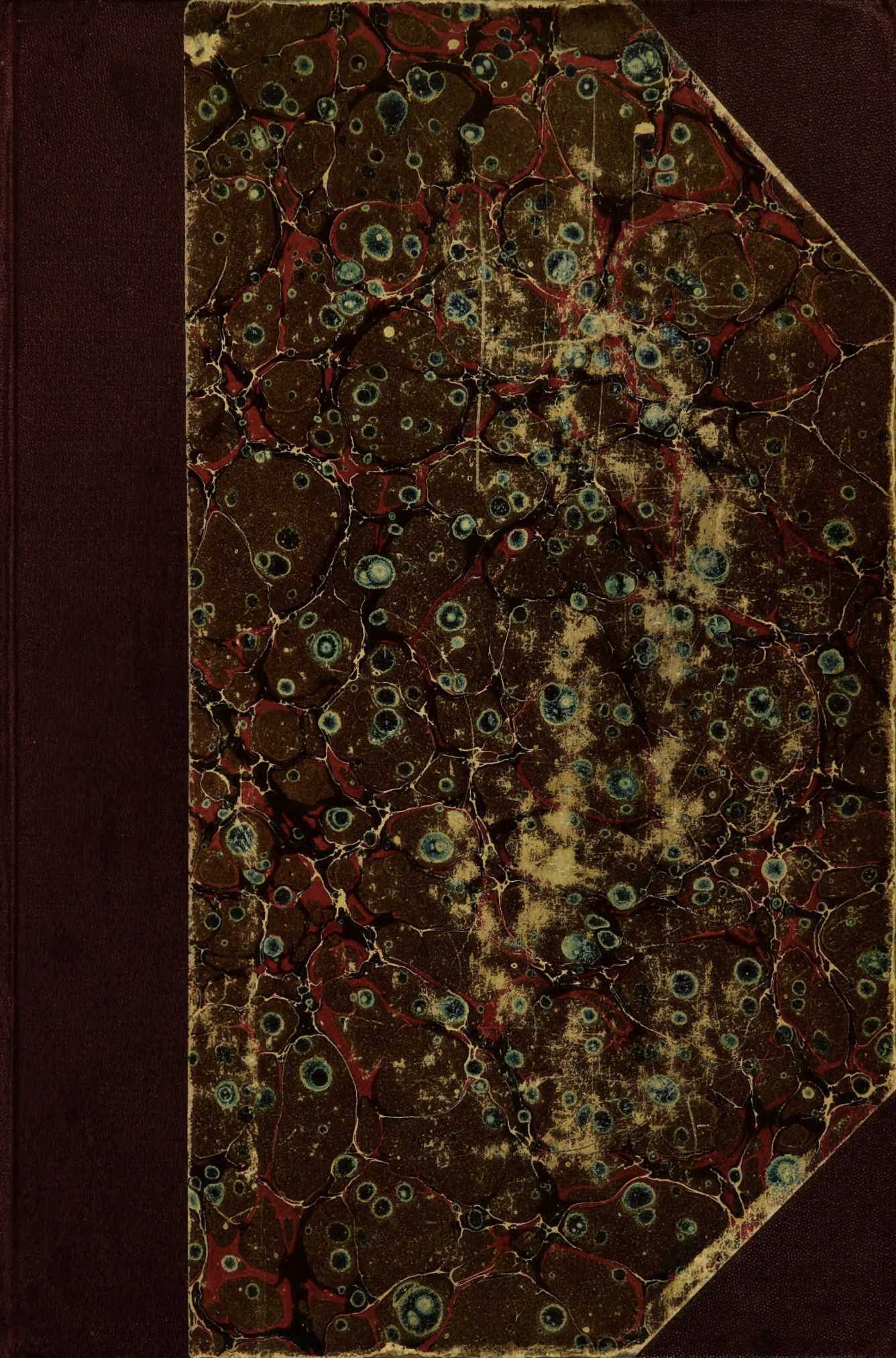


9
18в.

ГЕОГР. КАБИНЕТЪ ЖЕНСК. ПЕДАГОГИЧ. ИНСТИТУТА

БИБЛІОТЕКА ... ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
8530.

Пров. 52

П. 2009

РОССІЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ И АЗІЯТСКАЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ и ИСПРАВЛЕНІЯМИ.

ГЕОГР. КАБИНЕТЪ ЖЕНСК. ПЕДАГОГИЧ. ИНСТИТУТА

ТОМЪ II-й

АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ

и

СРЕДНЕ-АЗІЯТСКІЯ ХАНСТВА.

Съ 63 рисунками

и картою на 3 листахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ А. ИЛЬИНА.

(На углу Екатерингофск. просп. и Б. Мастерской, д. № 11/13).

1884.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),

Этотъ шестой томъ *Новой Всеобщей Географіи* подписанъ однимъ только именемъ и былъ редижированъ только однимъ лицомъ; но, какъ и предъидущіе томы, онъ принадлежитъ, доброй частью, сотрудникамъ, которымъ я считаю долгомъ выразить мою живѣйшую благодарность за ихъ драгоцѣнное содѣйствіе. Г. Кропоткинъ въ особенности можетъ по праву приписывать себѣ многія страницы этой книги. Воскресивъ для меня воспоминаніе о своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Восточной Сибири и въ Манчжуріи, онъ сообщилъ мнѣ свои замѣтки и наблюденія и указалъ мнѣ, что́ онъ могъ сдѣлать лучше, чѣмъ кто-бы то ни было, относительное достоинство статей и мемуаровъ, помѣщенныхъ въ русскихъ научныхъ изданіяхъ. Г. Меунаргіа, изъ Тифлиса, любезно согласился просмотрѣть часть моего труда, трактующаго о Кавказѣ, а г. фонъ-Зейдлицъ доставилъ мнѣ съ величайшей предупредительностью книги, брошюры, рукописныя замѣтки, гравюры и фотографическіе снимки, относящіеся къ странамъ кавказскимъ и закавказскимъ. Гг. Венюковъ, Остенъ-Сакенъ, генералъ Ильинъ, г. Стенюковичъ, профессоръ баронъ Норденшельдъ также предоставили въ мое распоряженіе драгоцѣнные документы, книги, карты или гравюры, съ благосклонностью, которой я чувствую всю цѣну. Также какъ въ предъидущіе годы, г. Эрнестъ Дежарденъ соблаговолилъ удѣлить мнѣ свои критическія замѣчанія, указать вкравшіяся у меня ошибки и пропуски. Г. Шарль Шифферъ тоже перечиталъ всѣ корректурные листы предлежащаго тома и наблюдалъ за изданіемъ книги лучше, чѣмъ я самъ могъ-бы это сдѣлать. Гг. Перронъ и Сломчинскій продолжали оказывать мнѣ свое содѣйствіе по черченію картъ, помѣщаемыхъ въ текстѣ, а г. Шрадеръ предоставилъ въ мое распоряженіе

карту Кавказа, составленную въ уменьшенномъ масштабѣ по картѣ, которая должна въ скоромъ времени появиться въ атласѣ, издаваемомъ парижской книготорговлей Гашета. Кромѣ того, я обязанъ г. Шрадеру многими изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ гравюръ, и прошу его, также какъ гг. Тэйлора, Вебера, Верещагина, Прянишникова, Ріу, Ронжа, Барклая, Лансело, принять выраженіе моей признательности за ту часть *Географіи*, которая говоритъ непосредственно глазу. Равнымъ образомъ приношу мою благодарность г. Густаву Лефрансе, который взялъ на себя трудъ привести въ порядокъ мои замѣчанія, и г. Польгеру, который составилъ алфавитный указатель къ этой книгѣ и поправлялъ корректурные листы съ той тщательностью, которую онъ вноситъ во всѣ свои работы.

Э. Реклю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. — Общая характеристика Азіи 1

Глава II. — Кавказскій край 42
I. Горы понто-каспійскаго перешейка . . . . . —
II. Западный Кавказъ, бассейнъ Кубани, абхазцы, черкесы, черноморскіе казаки. 65
III. Центральный Кавказъ, бассейнъ Камы и Терека 88
IV. Дагестанъ, восточный Кавказъ 105
V. Бассейнъ Ингура, Ріона, Чуруша, Мингрелія, Имеретія, Сванетія, Лазія 118
VI. Бассейнъ Куры. Грузія закавказская Татарія 137
VII. Русская Арменія. Араратъ, Алагазъ, плоскогорье озера Гогчай и бассейнъ Аракса 175
VIII. Общее состояніе и управленіе Кавказа 204

Глава III. — Арало-каспійская покатость. Русскій Туркестанъ, независимая Туркменія, Хива, Бухара, Страна по верхнему Оксусу. 219
I. Общій обзоръ . . . . . —
II. Памиръ и Алай 225
III. Тянь-Шань 239
IV. Горы Тарбагатай и бассейнъ о. Балкашъ 264
V. Покатость Аральскаго озера и Каспійскаго моря. Сыръ и Аму, Аралъ и закаспійскій отдѣлъ 274
VI. Населеніе арало-каспійской покатости 316
VII. Государства арало-каспійской покатости 349
I. Бактріана или афганскій Туркестанъ . . . . . —
II. Мервъ, независимые туркмены 368
III. Бухара 371
VI. Хива 386
V. Русскій Туркестанъ 392

стр.

Глава IV. — Сибирь 434
I. Сибирь . . . . . —
II. Алтай 482
III. Бассейнъ Оби. Области акмолинская, семипалатинская, губерніи томская, тобольская, восточные уѣзды губерній пермской и оренбургской. 504
IV. Бассейнъ Енисея и Байкала 547
Бассейнъ западнаго Енисея 548
Байкалъ и Ангара 568
V. Бассейнъ Лены, берега Ледовитаго океана 594
VI. Беринговъ полуостровъ, бассейнъ Анадыра и Камчатки, чукчи, коряки и камчадалы 613
VII. Становой хребетъ, бассейнъ Амура, русская Манчжурія 637
VIII. Островъ Сахалинъ 671
IX. Матеріальное состояніе и управленіе Сибири 678

Списокъ губерній и областей 698

АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

Глава I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА АЗІЮ.

I.

Изъ всѣхъ материковъ, называемыхъ обыкновенно „частями свѣта“, Азія по своей величинѣ самая значительная: она составляетъ почти ровно ретью часть всей поверхности суши, взятой въ цѣломъ, превосходитъ своими размѣрами площадь занимаемую Америкой, и на треть больше Африки; Европа, на которую можно смотрѣть отчасти, какъ на простой полуостровной придатокъ Азіи, равняется немного болѣе чѣмъ пятой части ея. Выразивъ величину Азіи въ числахъ получимъ, что поверхность континентальной Азіи, безъ Каспійскаго моря и восточныхъ уѣздовъ Пермской губерніи равна 36,850,000 кв. верстамъ, а вмѣстѣ съ островами Японскими, Филиппинскими и Зондскимъ архипелагомъ—39,385,000.

Но если, при такой обширности территоріи, Азія занимаетъ первое мѣсто между другими частями свѣта, то, въ другихъ отношеніяхъ какъ напр.: въ богатствѣ полуостровныхъ формъ, въ величинѣ береговой линіи, въ закрытыхъ моряхъ и въ морскомъ климатѣ во внутренной части континента она во всякомъ случаѣ значительно уступаетъ маленькой Европѣ. Азія не можетъ дать, подобно Европѣ, своимъ обитателямъ очень важнаго —географическаго единства. Разъединенная высокими плоскогоріями бывшими днищами морей на области совершенно различныя, она лишена дождей на громадныхъ протяженіяхъ, что̀ вмѣстѣ съ сухостью воздуха вообще, холодомъ, разрѣженностью вдыхаемой атмосферы, служитъ большимъ препятствіемъ свободному передвиженію народовъ; кромѣ того, склоны противулежащихъ горъ не соединены здѣсь между собою тѣми естественными дорогами, какими служатъ въ Европѣ долины Альпъ Азія могла быть родиной нѣсколькихъ мѣстныхъ цивилизацій, но Европѣ,

ея наслѣдницѣ, надлежало слить ихъ всѣ вмѣстѣ и создать ту высшую культуру, которая можетъ быть воспринята всѣми народами на земномъ шарѣ.

Сравнительно съ другими материками, Азія преимущественно страна плоскихъ возвышенностей. Если бы вся суша погрузилась одновременно въ воды океана, то въ то время, когда другія „части свѣта“ давнымъ бы давно совсѣмъ исчезли — или же указывали о своемъ существованіи только островками, верхушками горъ—центральная часть Азіи съ окаймляющими ее горными кряжами, все бы еще словно цитадель, высоко поднималась надъ поверхностью волнъ. Азіатскія плоскогорія и пространство которое они ограничиваютъ, образуютъ, такъ сказать, среди континента другой континентъ, и при томъ совершенно отличный отъ окружающаго: иные климатъ, флора, фауна и люди. Эти-то плоскогорія, поднимающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на нѣсколько тысячъ футовъ, даютъ Азіи, въ общемъ, наибольшую высоту надъ морскимъ уровнемъ, сравнительно со всѣми другими материками Стараго и Новаго Свѣта. Гумбольдтъ опредѣлилъ среднюю высоту Азіи въ 350 метровъ; между тѣмъ какъ Крюммель, основываясь на картахъ новѣйшихъ изслѣдователей, полагаетъ возможнымъ принять вмѣсто 350 метровъ—500 [1]): средняя же высота Европы выразится тогда лишь $^2/_3$ этого числа.

Азія богаче береговыми извилинами, нежели Африка и южная Америка; въ особенности же южная часть ея, гдѣ берега выдаются въ видѣ полуострововъ, омываемыхъ заливами и острововъ разбросанныхъ по сосѣднимъ морямъ; но за то вся срединная часть материка, заключающая въ себѣ плоскогорія и пустыни, представляетъ страшное однообразіе въ очертаніяхъ. Эта поверхность, ограниченная съ юга могучимъ Гималаемъ, Дапзангомъ и Каракорумомъ, почти со всѣхъ прочихъ сторонъ окружена еще другими горными цѣпями: на западѣ отъ нея торчатъ хребты, идущіе отъ Памира, на сѣверо-западѣ Тянь-Шань, на сѣверѣ—Алтай, а на востокѣ и сѣверо-востокѣ — нѣсколько горныхъ кряжей, отдѣляющихся одинъ отъ другого рѣчными долинами. Въ-цѣломъ, эта мѣстность столь отличающаяся отъ окраинъ Азіи, включая въ себѣ Тибетъ, Китайскій Туркестанъ и степь Гоби, имѣетъ видъ громадной трапеціи, постепенно съуживающейся по направленію къ западу. У юго-западнаго угла ея поднимается горный узелъ, образуемый пересѣченіемъ Гималая и Коракорума;— здѣсь центръ тяжести всего материка. Три большихъ равнины и три плоскогорія расположены въ перемежку, въ видѣ лучей вокругъ этого узла, имѣющаго однако, высоту меньшую, чѣмъ многія другія горныя

[1]) Versuch einer vergleichenden Morphologie der Meeresräume.

массы Азіи: можно подумать, что вслѣдствіе явленія интерференціи, высоты опустились здѣсь въ этой точкѣ ихъ столкновенія. Три низменныя области расходящіеся лучами отъ центральнаго узла суть: равнина Татаріи—съ сѣверо-запада; бассейнъ Тарима съ востока и наконецъ, впадины по которой текутъ Гангъ и Индъ, съ юго и юго-востока. Три плоскихъ возвышенности, соприкасающіеся между собою почти въ центрѣ Азіи:— Памиръ, Тибетъ и Иранъ. Послѣдній беретъ здѣсь свое начало въ видѣ простой горной цѣпи Гиндукуша, отдѣляющей долины Инда и Амударьи; впрочемъ этотъ отростокъ слишкомъ коротокъ и самая возвышенность примыкающая къ нему, далеко не такъ высокая и обширна какъ Тибетъ; но она имѣетъ еще болѣе правильную геометрическую форму: плоскогоріе Иранъ, включающее въ себѣ бо́льшую часть Авганистана, Белуджистана и Персіи, есть трапеція, двѣ стороны которой, сѣверная и южная, почти совершенно параллельны.

Сѣверо-западная часть Иранскаго плоскогорія, направляясь въ Курдистанъ, Арменію и Малую Азію, сливается тамъ съ другими горными массами, расположившимися у водъ Чернаго и Средиземнаго морей. Такимъ образомъ почти черезъ весь азіатскій материкъ тянется одна сплошная цѣпь, простая на западѣ и раздвоенная на востокѣ, отдѣляя сѣверный скатъ отъ южнаго и оставляя лишь нѣсколько горныхъ проходовъ, послужившихъ воротами, черезъ которые пролегли историческія дороги. Въ самой срединѣ восточной Азіи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сплошная цѣпь раздваивается, Куенъ-Лунь образуетъ продолженіе цѣпи Гиндукушъ и другихъ горъ западной Азіи; это самый высокій на землѣ хребетъ, если не по своимъ вершинамъ, то по своей массѣ, и тянется, съ запада на востокъ, вѣроятно, на протяженіи 42-хъ градусовъ, т. е. на 3585 верстъ [1]); ось этого хребта состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ, та что идетъ по направленію къ Европѣ, гораздо менѣе правильна. Можно бы даже всю эту цѣпь, тянующуюся отъ восточной части Куенъ-Луня и до Тавра, въ Анатоліи, назвать „преградой“, хотя греки и употребляли это названіе только для горъ сѣвернаго Ирана. Европа также имѣетъ свою преграду, образуемую Пиринеями, Севеннами, Альпами, Схаромъ (Skhar) и Балканами, которая продолжается почти до самыхъ кряжей западной Азіи; но эта европейская „Діафрагмой“, при малочисленности собственно плоскогорій, при широкихъ ущельяхъ, удобныхъ проходахъ, и даже полныхъ перерывахъ цѣпи, мало препятствуетъ переселеніямъ съ одного склона на другой.

Цѣпи горъ, ограничивающихъ плоскія возвышенности Азіи, или поднимающихся среди нихъ, замѣчательны своей правильностью направленій, а хребты нѣкоторыхъ горныхъ группъ совершенно параллельны между собою.

---

[1]) *F. von Richthofen*, China, I.

Гималай, въ томъ мѣстѣ гдѣ поднимается „Лучезарная Гора“, или Гаурисанкаръ,—кульминаціонная точка земнаго шара,—поворачиваетъ на сѣверъ отъ Индустана въ формѣ кривой, образуя совершенно правильную дугу круга, центръ котораго находится въ средней Азіи, и именно въ степи Гоби. Вся Гималайская система, а равно холмы Терай въ Индустанѣ, Дапзангъ, Каракорумъ и всѣ прочія цѣпи южнаго Тибета, слѣдуютъ, на сѣверъ и на югъ отъ главнаго хребта, по параллельной ему кривой. Куенъ-Лунь, этотъ позвопочный столбъ континента, а вмѣстѣ съ нимъ и множество второстепенныхъ хребтовъ, входящихъ въ составъ его, тянутся по тому же самому направленія. Очевидная параллельность горныхъ цѣпей, встрѣчается въ большей части горныхъ системъ Сибири, Китая, Индустана, Индокитая, Ирана и Передней Азіи. Вообще же, если не брать въ расчетъ безчисленныя мелкія искривленія цѣпей, можно сказать, что горы Азіи имѣютъ два главныхъ паправленія: съ вост.-юго-востока на зап.-сѣверо-западъ, каковы Алтай, Тарбагатай, западный Гималай, горы Ирана и Кавказа,—и съ востока на западъ, вѣрнѣе: съ вост.-сѣверо-востока на зап.-юго-западъ, каковы большая часть сибирскихъ горъ, Тянь-Шань и хребты, отроги которыхъ теряются въ плоскогоріяхъ Памира. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, цѣпи имѣющія различныя направленія, и представляющія собой кривую, выпуклая сторона которой всегда обращена къ югу [1]), пересѣкаясь между собою, образуютъ кое-гдѣ спутанные узлы, нарушающіе общую правильность горной системы. Точно также и хребты, служащіе продолженіемъ Гималая и Дапзанга, направляясь къ востоку отъ Памира, встрѣчаются съ кряжами расположенными правильными параллельными рядами къ Тянь-Шаню и Алтаю; можетъ быть скрещиванія ихъ образовали тѣ высоты у Кизылъ-Ярта и Тагармы, которыя вздымаются на восточной окраинѣ Памира. У китайцевъ они еще въ глубокой древности были извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ Цунгъ-Линга или „Луковыхъ горъ“, по той вѣроятно причинѣ, что на ихъ склонахъ растетъ дикій чеснокъ, усиливающій собою опасность переходовъ, дѣлая уступы скользкими. Этой группой заканчивается тотъ воображаемый хребетъ Болоръ, которому Гумбольдтъ приписывалъ первостепенную роль въ орографическомъ строеніи Азіи [2]). Если разсматривать строеніе континента, пренебрегая частностями, и придерживаться только рѣзкихъ очертаній, то можно замѣтить, что Китайская Имперія защищена со всѣхъ сторонъ цѣпями горъ и плоскогорій, направленіе которыхъ согласуется съ горными хребтами, стоящими отдѣльно, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ въ-общемъ, при посредствѣ Памира, острый уголъ обращенный къ западу и касающійся Гиндукушемъ западныхъ плоскогорій.

[1]) *F. von Richothofen*, ouvrage cité.

[2]) *Asie centrale;*—Fragments asiatiques.

Азія, какъ и Европа, раскинута болѣе по направленію съ запада на востокъ—географическій фактъ, оказывавшій очень сильное вліяніе на развитіе человѣчества. Въ то время, какъ Европа и Азія вмѣстѣ занимаютъ въ западно-восточномъ направленіи болѣе половины земной окружности и всего только четверть той же окружности по направленію съ сѣвера на югъ, Новый Свѣтъ, сжатый между океанами Атлантическимъ и Великимъ, тянется въ направленіи обратномъ съ Азіей: отъ арктическаго полюса почти къ антарктическому, т. е. на протяженіи болѣе чѣмъ одной трети всей окружности нашей планеты. Вслѣдствіе полнаго контраста въ общемъ расположеніи двухъ континентальныхъ группъ, флора, фауна и народы представляютъ подобный-же контрастъ. Въ Азіи виды легко могутъ распространяться въ западо-восточномъ направленіи, переходя съ одного края континента на другой, слѣдуя по градусу той же широты или же только слегка уклоняясь въ сторону, чтобы пользоваться горными проходами тамъ, гдѣ плоскогорія мѣшаютъ ихъ движенію. Отъ равнинъ Оксуса и до западнаго прибрежья Средиземнаго моря, а также вплоть до Атлантическаго океана, народы могли перемѣщаться на всемъ этомъ протяженіи, не встрѣчая надобности приспособляться къ иному климату и почти не замѣчая въ немъ рѣзкихъ перемѣнъ. Отсюда, начало общей цивилизаціи и взаимное вліяніе распространяются на громадномъ пространствѣ. Протяженіе континента по направленію хода солнца, содѣйствовало заранѣе смѣшенію всѣхъ расъ Европы и Азіи черезъ скрещиваніе, и слѣдовательно установленію мало-по-мало, нѣкотораго единства въ обѣихъ частяхъ Стараго Свѣта, тогда какъ Америка оставалась преимущественно страною крайностей. Переселяясь съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, народы, а равно животныя и растенія, могли двигаться только по очень ограниченному пространству; къ препятствіямъ происходящимъ во многихъ мѣстностяхъ отъ рѣзкихъ переходовъ равнинъ къ плоскогоріямъ, здѣсь еще присоединяется разница въ широтахъ. Мѣстныя цивилизаціи развивались въ благопріятныхъ тому мѣстностяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла большого вліянія на другую; почти по всюду племена оставались безъ взаимной связи, враждовали между собою, или же совсѣмъ не имѣли понятія другъ о другѣ. Какимъ образомъ, напримѣръ, эскимосы могли соединиться въ одну общую культуру съ краснокожими, а эти послѣдніе съ мексиканцами, гватемальцами, съ племенами Маиски, Квичуо, Аймари, Гвараны и Патагоніи? [1]). Только черезъ посредничество Европы народы Сѣверной и Южной Америки, могли получить толчекъ, вдвинувшій ихъ въ общечеловѣческую колею. Благодаря положенію обѣихъ половинъ Америки въ различныхъ полушаріяхъ, европейцы различныхъ климатовъ, португальцы, испанцы, итальянцы, французы.

[1]) *Carl Ritter*, Asien, I.

шотландцы и шведы, оставляя Старый Свѣтъ, могутъ направляться на сѣверъ или на югъ, по ту или по другую сторону экватора, въ страны климатъ которыхъ сходенъ съ климатомъ ихъ родины и въ различныхъ поясахъ основывать „Новую Францію“, „Новую Испанію“, „Новую Шотландію“, „Новую Англію“ и проч. Если-бы люди не могли перекочевывать изъ Азіи въ Европу по направленіямъ параллельнымъ экватору, или только слабо отклоняясь отъ этого направленія, то они никогда бы не создали того прогресса, который далъ имъ возможность переходить съ сѣвера на югъ и приспособляться къ берегамъ Новаго Свѣта, расположеннымъ въ направленіи обратномъ первобытному движенію народовъ.

II.

Азія вообще недостаточно изслѣдована, и большую часть мѣстностей, нанесенныхъ уже на наши карты, путешественникамъ приходилось посѣщать лишь украдкой; но она еще менѣе извѣстна въ глубинѣ своихъ нѣдръ. Передняя Азія, Сибирь и нѣкоторыя изъ горныхъ группъ, отдѣляющихъ ее отъ центральной Азіи, а также Индустанъ, Трансгангетія и Китай—мѣстности, развѣданныя изученныя геологами по формаціямъ, расположеннымъ, впрочемъ, въ томъ-же порядкѣ, какъ и европейскія. Кристалическія породы, древніе сланцы и палезоическіе пласты входятъ, главнымъ образомъ, въ строеніе сибирскихъ горъ. Вѣроятно также, что Куэнъ-Лунь и Карокорумъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ образованіямъ континента, между тѣмъ, какъ Гималай, гдѣ новѣйшія напластованія покоятся на кристалическихъ массахъ, происхожденія болѣе поздняго: онъ приподнялся уже во время вторичнаго и третичнаго періодовъ [1]). Можно судить о силѣ колебаній, происходившихъ въ этой части земнаго шара, по тому факту, что эоценовые слои были подняты, около Лега, на высоту 15,000 футовъ.

Мѣстности, гдѣ расплавленныя породы, выходя изъ нѣдръ земли, разливались на ея поверхности, занимаютъ въ Азіи очень значительную часть континента. Возвышенности вулканическаго характера поднимаются въ Сіамѣ и Пегу: а половина полуострова Индустана покрыты вулканическими породами. Грязевые, а также и горячіе источники клокочатъ на вершинахъ глиняныхъ конусовъ, у прибрежья Мекранъ и въ окрестностяхъ Гилменда; угасшіе вулканы поднимаются въ юго-западномъ углу Аравіи и у Бабель-Мандебскаго пролива, равно какъ и на африканскомъ берегу, въ Египтѣ; Геджасъ и Синайскій полуостровъ имѣютъ также свои древніе потоки лавы, а Сирія, въ Джебель-Гауранѣ, хранитъ еще остатки „ада“; въ Малой Азіи виднѣются еще свои „опалённыя“ Каппадокія „Флеграйскія поля“, подобныя итальянскимъ, и огнедышащія

[1]) *F. von Richthofen*, ouvrage cité.

горы Гассандагъ и Арге; въ Арменіи Араратъ, Алагёзъ и Абулъ величественно поднимаются надъ другими вершинами; гигантъ Кавказа, Эльбрусъ, есть также древній вулканъ, а по обоимъ концамъ Кавказскаго хребта открываются до сихъ поръ еще кратеры, извергающіе грязь и нефть. Наконецъ, Демавендъ, поднимающійся гордо у южныхъ водъ Каспійскаго моря, есть также „огненная гора", еще неокончательно угасшая.

Сѣверный рядъ тѣхъ высотъ, которыя, подъ различными названіями, отдѣляютъ Туркестанъ и Сибирь отъ Китайской имперіи, должны быть разсматриваемы, какъ звенья той цѣпи, прерывающейся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которая, направляясь отъ южной оконечности Африки къ Новому Свѣту, образуетъ громадный полукругъ у океановъ Индѣйскаго и Тихаго [1]). Другой-же полукругъ, какъ извѣстно, можетъ быть описанъ на континентахъ: это „огненный кругъ", намѣченный еще Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Начинаясь съ вулкановъ Новой Зеландіи, онъ моремъ приближается къ берегамъ Азіи, проходитъ черезъ острова Филиппинскіе, Японскіе, Курильскіе и направляется къ американскому берегу, именно къ Алеутскимъ островамъ, и затѣмъ, продолжая идти на юго-востокъ, заканчивается почти у Магеланова пролива. Въ азіатской части этой дуги и въ связанныхъ съ нею кривыхъ, еще дымящіеся вулканы, или дремлющіе, считаются сотнями; но изъ кратеровъ находящихся на восточномъ берегу континента производятъ изверженіе и понынѣ, лишь вулканы Камчатки, соединяющіе кривую Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ внутренней Азіи видны также скопленія остатковъ огненнаго происхожденія и слѣды потоковъ лавы изъ вулкановъ, угасшихъ во второй половинѣ третичнаго періода или, во всякомъ случаѣ, много столѣтій тому назадъ. Извѣстно, что Гумбольдтъ любилъ обозначать въ своихъ описаніяхъ[2]) древніе вулканы, отмѣченные въ китайскихъ хроникахъ: одинъ изъ этихъ вулкановъ, Пе-шань, дѣйствовалъ еще не далѣе какъ въ VII столѣтіи нашей эры, и „наполнялъ воздухъ огнемъ, дымомъ и раскаленными каменьями". Существованіе этихъ кратеровъ было оспариваемо, и путешественники считали возможнымъ предполагать, что собственно горѣнія залежей каменнаго угля принимались прежде за вулканическія изверженія; но вопросъ о нихъ теперь уже разъясненъ окончательно[3]). На югъ отъ Урумчи, почти у восточнаго края Тянь-Шаня, Столичка встрѣтилъ вулканическую мѣстность,

---

[1]) *Carl Ritter,* De la configuration des continents et des leurs fonctions dans l'histoire; Revue germanique, t. VIII.

[2]) Asie centrale;—Fragments asiatique;—Tableau de la Nature, etc.

[3]) Такъ называемые каменноугольные пожары были причиной тому, что Байшань (Пе-шань) и еще нѣкоторыя горы Средней Азіи, принимались за дѣйствовавшіе вулканы; ошибочность этого взгляда доказана была лишь въ самое недавнее время изысканіями проф. Мушкетова. (См. его Les volcans be l'Asie centrala, въ Bull. de l'Acad. Imper des sciences, Oct. 1876;—Докладъ (его-же) въ Русск. Геогр. обществѣ Октябрь, 1881). *Прим. пер.*

замѣчательную своими потоками базальта, вулканическими конусами и ихъ выщербленными кратерами. На западъ отъ Иркутска громаднѣйшіе потоки лавы наполнили долину одного изъ притоковъ Оки, и два кратера виднѣются надъ поверхностью этихъ потоковъ. Видны также еще другія жерла вулкановъ въ долинѣ Иркута и, кромѣ того потоки лавы, далѣе къ востоку, въ бассейнѣ Джиды, около Селенгинска, точно также какъ и на плоскогоріи Витимъ, близъ сѣверовосточнаго угла Байкала. Лавы и базальты разливались также и въ горахъ, прилегающихъ къ Охотску. Слѣды недавнихъ изверженій въ Сибири, видны почти на всѣхъ горахъ и террасахъ, граничащихъ съ сѣверо-запада съ Монгольскимъ плоскогоріемъ[1])

Съ исчезновеніемъ морей соленой воды, наполнявшей прежде громадныя впадины въ центральной Азіи, прекратилась и дѣятельность вулкановъ. Во всякомъ случаѣ, существуютъ еще на югъ отъ Айгуна, въ восточной части континента, въ верстахъ 850 отъ моря, вулканическая область, гдѣ изверженія происходили въ 1721 и 1722 годахъ. Подробные отчеты о нихъ, сдѣланные китайскими учеными, на которые указалъ г. Васильевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, относительно факта недавнихъ изверженій; строенія кратера, потоки лавы, выброшенные каменья обломки и проч., наконецъ, цѣлыя облака пара, выдѣленіе сѣрнистаго газа изъ трещинъ, доказываютъ, что изверженіе происходило въ такомъ же видѣ, какъ и въ обыкновенныхъ приморскихъ вулканахъ. Даже самое названіе огнедышащей горы: Уйюнъ-Холдонги т. е. „Десятихолміе“, указываетъ, кажется, на то, что почва разверзалась не разъ и выбрасывала конусы изъ обломковъ[2]) Озера и степныя болота, еще не достаточно высохшія на плоскогоріяхъ, можетъ быть отчасти объясняютъ образованіе этихъ вулканическихъ душниковъ.

Колебанія уровня почвы, давшія теперешнюю форму континенту Азіи, продолжаются и по сю пору, въ чемъ наблюдатели могли довольно скоро убѣдиться, относительно большей части морскаго прибрежья, едва ими были приложены научныя методы къ изученію явленій природы. Нѣтъ, напримѣръ, сомнѣнія, что сѣверные берега Сибири поднимаются мало-по-малу надъ уровнемъ океана, такъ какъ острова, удаленные отъ берега еще въ половинѣ предыдущаго столѣтія, совершенно соединились съ материкомъ и притомъ не песчаными отмелями, но горной породой, образующей дно. [3]). Подобнаго же рода явленія были замѣчены на западѣ Азіи, у береговъ морей Чернаго и Эгейскаго: здѣсь также континентъ не перестаетъ подниматься изъ воды со времени населенія этихъ странъ цивилизованными народами. Прибрежье Аравіи, омываемое Краснымъ

---

[1]) *Kropotkin*, Notes manuscrites.

[2]) *Васильевъ*, Извѣстія Русскаго Географическаго Общества, 1855; — *Семеновъ*, Добавленіе къ Землевѣденію Азіи Карла Риттера, т. I.

[3]) *Middendorff*, Sibirische Reise.

моремъ, тоже поднялось, чему служатъ доказательствомъ, появившіеся изъ-подъ воды кораловые рифы. Извѣстны также слѣды происходящаго и въ настоящее время подъема на берегахъ Мекрана и Малабара, на Цейлонѣ, въ англійской Бармапіи, въ Восточномъ Китаѣ, у устьевъ Амура и въ Камчаткѣ.

Нѣсколько труднѣе замѣтить пониженіе береговъ и потому до сего времени имѣются достовѣрныя данныя только относительно немногихъ точекъ азіатскаго прибрежья. Часть береговъ Сиріи, Большой Рпнъ между устьями Инда и полуостровомъ Кучъ, берега Фокіана, Тонкина и Кохинхины понижаются въ текущій періодъ времени. А также и части лежащія внѣ материка—архипелаги Лакедивскій и Маладивскій—указываютъ на пониженіе ихъ уровня: атоллы, т. е. кольцеобразные рифы, медленно погружаются съ своими кораловыми діадемами, хотя полипы и поднимаютъ ихъ съ года на годъ, поддерживая надъ поверхностью волнъ. Но полипы были не въ силахъ такъ быстро возводить своихъ надстроекъ напр. на рифахъ Шагоса, и этотъ островъ совсѣмъ исчезъ подъ водою.

III.

Могучій рельефъ азіатскихъ плоскогорій, заходящихъ своими вершинами въ тѣ предѣлы атмосферы, гдѣ воздухъ вдвое разряженнѣе пежели въ равнинахъ, чрезвычайно измѣняетъ нормальный климатъ континента. Уже вслѣдствіе того, что Азія, взятая въ цѣломъ, гораздо больше Европы и протяженіемъ и массивностью формъ, она менѣе подвержена вліянію моря и должна получать сравнительно гораздо меньше влажности, пежели нашъ маленькій материкъ, полуострова котораго, развѣтвляются па Атлантическомъ океанѣ и Средиземномъ морѣ. Центральная же часть Азіи, почти вполнѣ окруженная горами, задерживающими вѣтры, приносящіе дожди и снѣга, орошается еще бѣднѣе, чѣмъ остальная часть континента. Однако склоны плоскихъ возвышенностей, лежащихъ у самаго берега, а также и горные кряжи, задерживаютъ не всю влагу, приносимую вѣтрами: горные потоки и рѣки текутъ по склонамъ горъ, обращеннымъ къ внутренней части Азіи. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ, проходя черезъ цѣлый рядъ поперечныхъ долинъ, пробиваютъ себѣ дорогу къ океану, но большая часть ихъ не могутъ выносить долгаго пути: будучи слишкомъ маловодными они, или высыхаютъ, едва отойдя отъ своихъ истоковъ, или образуютъ водоемы нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ берутъ начало; или же наконецъ попадаютъ въ ту глубокую впадину, которая простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ, между системами Тянь-шаня, Алтая и Куэнъ-Луня.

Прежде, когда еще воды стекавшія во внутрь ограды окружающей плоскогорія были гораздо изобильнѣе, обширное море, почти такой же

длины, какъ Средиземное, но уступавшее ему въ ширинѣ, наполняло почти всю нижнюю часть этой громадной азіатской впадины. Это „Высохшее море“, или Ганъ-Гай, какъ называютъ его китайцы, находилось какъ можно предполагать, почти на 5,000 футовъ выше теперешняго уровня океана, а глубина его водъ достигала мѣстами 400 саженъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ изысканій, произведенныхъ новѣйшими путешественниками [1]). Ганъ-Гай,—древніе контуры котораго можно еще распознавать тамъ и сямъ, занималъ, между Тибетомъ и хребтомъ Тянь-Шянь, весь теперешній бассейнъ Тарима; между Тянь-Шанемъ и Алтаемъ онъ врѣзывался заливомъ, которому Рихтгофенъ далъ названіе „Джунгарскаго бассейна“; на западѣ онъ соединялся съ бассейномъ Шамо, гдѣ вѣтеръ теперь рябитъ лишь песокъ, проливомъ, усѣяннымъ островами, расположенными въ томъ направленіи какъ и Тянь-Шань. Теперь это днище „Высохшаго моря“, раздѣлено порогами, едва приподнятыми надъ вторичными впадинами занятыми ложами рѣкъ, частью теперь уже совершенно высохшихъ, а также болотами и болѣе или менѣе вывѣтрившимися солончаками, послѣдними остатками того, что было нѣкогда средиземнымъ моремъ Азіи.

Общее безплодіе почвы, какъ въ этой впадинѣ, такъ и въ окрестныхъ плоскогоріяхъ, недостатокъ влажности въ воздухѣ, рѣзкіе переходы отъ жары къ холоду—обстоятельства дѣлающія всѣ внутреннія области замѣчательно похожими другъ на друга, не смотря на ихъ различное географическое положеніе и на разницу въ широтахъ. Волнистыя степи краснозема, тянущіяся въ области Алтая и придающія иногда всему пейзажу видъ огромной жаровни [2]), глинистыя плоскогорія съ ихъ мрачнымъ, сѣрымъ колоритомъ, похожія на море густой грязи, мѣстности съ менѣе печальными видами попадающіяся тамъ и сямъ, пустыни, съ ихъ песчаными буграми, похожими скорѣй на гигантскія волны, гонимыя вѣтромъ, наконецъ, равнины, усѣянныя булыжникомъ и обломками кварца, кремней, яшмы, карнеоля, аметиста, мелкая масса которыхъ обращена уже въ пыль и развѣяна вѣтромъ: въ-цѣломъ всѣ эти мѣстности крайне однообразны, но онѣ тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ очертаніе линій проще. По этимъ громаднымъ плоскогоріямъ, съ ихъ безконечными пространствами потянутаго рябью песку, простирающимися отъ одного горизонта до другаго, словно по волнующемуся морю въ періодъ пассатныхъ вѣтровъ, караваны бредутъ по нѣскольку дней, иногда и недѣль, встрѣчая вездѣ на пути крайне бѣдную картинами природу, съ ея неизмѣннымъ видомъ уныніе и величія. Точно также, спускаясь съ плоскогорій въ низменности закрытаго бассейна, нельзя замѣтить никакой перемѣны: степи плоскогорій, рас-

---

[1]) *F. von Richthofen*, ouvrage cité.

[2]) *Kostenko*, Voyage au Pamir.

кинувшихся на высотѣ $4^1/_2$ верстъ надъ уровнемъ океана и равнина замѣстившая собою „Высохшее море“, пустынныя земли Тибета и сѣверной части Гоби, отдѣленныя другъ отъ друга пространствомъ въ 18 градусовъ широты, представляютъ тотъ же характеръ и то же однообразіе, кое-гдѣ лишь встрѣчаются оазисы съ прѣсной водой, составляющіе контрастъ своей роскошной растительностью съ окружающими ихъ скалистыми горами, степями плоскихъ возвышенностей. Виды мѣстныхъ растеній очень немногочисленны, какъ въ низинахъ, такъ и на высотахъ: вблизи текучихъ водъ не встрѣчается иныхъ деревьевъ, кромѣ ивъ и тополей. Пастухи, кочующіе со своими стадами съ равнинъ на пастбища плоскогорій, взбираясь иногда на вышину 13—19,000 футовъ, не замѣчаютъ тамъ почти никакой перемѣны природы, не смотря на то, что подъемъ на горныя поляны очень великъ. Какая разница съ Европой; гдѣ такъ силенъ контрастъ между роскошными равнинами Ломбардіи и утесами Альпъ!

Названіе „Центральная Азія“ дано неудачно русскими той части континента, которая соприкасается съ Европой, и которая принадлежитъ къ той же самой арало-каспійской впадинѣ, какъ и половина Россіи, орошаемая Волгой и ея притоками. Г. Рихтгофенъ хотѣлъ бы удержать это названіе спеціально для Ганъ-Гая и всей той части Тибетской возвышенности, воды которой испаряются не имѣя стоковъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта часть континента отличается отъ всѣхъ другихъ окраинъ Азіи той очень важной особенностью, что продукты, происшедшія отъ разрушенія плоскогорій и горъ дѣйствіемъ атмосферныхъ вліяній, оставались въ самомъ-же бассейнѣ, между тѣмъ какъ за ея рубежемъ, горныя обломки постепенно уносилось въ море: тамъ главное направленіе —центростремительное, тогда какъ здѣсь, т. е. внѣ предѣловъ внутренняго бассейна, оно есть центробѣжное. Горная масса, одинъ склонъ которой обращенъ къ Китаю, а другой къ Каспійскому морю, т. е. нагоріе Памиръ, имѣетъ также свою замкнутую котловину, воды которой не стекаютъ въ низменности. Афганистанъ и Иранское плоскогоріе равнымъ образомъ имѣютъ свои отдѣльные бассейны, свои озера и болота, лишенные стоковъ. Въ западной части континента, въ Малой Азіи, также находятся скопленія воды—соленыя озера, не имѣющія сообщенія съ моремъ, не смотря на относительное изобиліе выпадаемой влаги въ этой части Азіи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ морями. Наконецъ, вдали отъ горъ и плоскихъ возвышенностей, равнины Сиріи, Аравіи и Индіи суть—обширныя пространства, воды которыхъ не стекаютъ въ моря. Вся арало-каспійская впадина, отдѣленная отъ Чернаго моря лишь небольшою выпуклостью, въ 100 футовъ высоты, есть замкнутый бассейнъ или, вѣрнѣе, собраніе различныхъ между собою бассейновъ, въ родѣ „Высохшаго моря“, съ которымъ она, повидимому, когда-то соеди-

*

нялась посредствомъ проливовъ Джунгаріи, и величественными воротами которыхъ были „Геркулесовы столбы"—вершины Тянь-Шаня, Тарбагатая и Алтая [1]). Въ геологическую эпоху, предшествовавшую современной, Каспійское море, Аральское, Балкашъ и множество другихъ озеръ меньшихъ размѣровъ, постепенно отдѣлились одни отъ другихъ, также какъ различныя озера и топи Ганъ-Гая; но обѣ эти впадины одна на западѣ, а другая въ центрѣ Азіи, сильно различаются между собою: первая гладью своихъ равнинъ, вторая—могучимъ рельефомъ окружающихъ ея горъ.

Если взять вмѣстѣ тѣ области Азіи, которыя не получаютъ настолько достаточнаго количества воды, чтобы она, поднявшись выше преградъ, окружающихъ впадины, могла достигнуть моря, то получилась бы поверхность, равная почти Европѣ, т. е. около девяти милльоновъ квад. верстъ. Эти мѣстности, слишкомъ бѣдныя влагою, продолжаютъ собою, проходя чрезъ Аравійскій полуостровъ, полосу тѣхъ пустынь или областей недостаточно орошаемыхъ, которыя тянутся во всю ширину африканскаго материка, между берегомъ Средиземнаго моря и Суданомъ. Такимъ образомъ черезъ весь Старый Свѣтъ пролегаетъ вкось безводная полоса, касающаяся Европы лишь у ея юго-восточной части, занимающая почти половину Азіи и такую же часть Африки. Историческими данными доказано, что въ теченіе послѣднихъ 4,000 лѣтъ, большая часть Азіи была подвержена высыханію. Въ отдаленную отъ насъ эпоху, области, въ которыхъ теперь находятся болота Лобъ, были заняты обширнымъ внутреннимъ моремъ Ли-Гай или „Западнымъ моремъ", составлявшимъ значительную часть Ганъ-Гая. Но постоянное высыханіе этой мѣстности не позволяло долѣе удерживать за бассейномъ Тарима названіе „Западное море", и оно было перенесено на Каспій. При посредствѣ ирригаціи удалось создать еще кое-гдѣ маленькіе оазисы, но, вообще, покинутыя земли тянутся на громадныхъ пространствахъ. Цѣлыя государства исчезли, множество городовъ засыпаны пескомъ, а нѣкоторые мѣстности, прежде удобныя для путешествій, теперь болѣе не могутъ быть посѣщаемы, по причинѣ полнѣйшаго отсутствія воды и растительности. Территоріи, бывшія населенными еще въ то время, когда путешествовалъ по нимъ Марко Поло, на югъ отъ Лобъ-Нора, теперь совсѣмъ недоступны [2]). Точно также и внѣ большихъ азіатскихъ бассейновъ, на горахъ и плоскогоріяхъ южной Сибири и Монголіи, явленіе постепеннаго высыханія еще очевиднѣе, особенно въ западныхъ частяхъ. На востокъ отъ Байкала, прежняя масса воды, занимавшей углубленія плоскихъ возвышенностей и террасъ, раздробилась на безчисленное множество озеръ, болотъ и прудовъ, образующихъ легко измѣнчивый лабиринтъ. Отъ Бай-

[1]) *F. von Richthofen*, ouvrage cité.

[2]) *Johnson*. Journey to Ülchi, Journal of the R. Geogr. Soc. 1867.—*F. von Richthofen*, China.

кала и до Амура и отъ Аргуни до Хингана, мѣстность усѣяна болотами, относящимися къ эпохѣ, когда эта страна имѣла тотъ же видъ, который представляетъ теперь Финляндія [1]).

На востокъ отъ замкнутаго бассейна западнаго Китая, ручьи и рѣки размыли громадныя овраги, обнаруживъ геологическую природу древнихъ степей. На нѣкоторомъ пространствѣ, превосходящемъ величиною Францію, территорія сѣвернаго Китая покрыта желтоземомъ, мощь котораго достигаетъ мѣстами 1,600—2,000 футовъ толщины. Въ провинціи Шенъ-Зи воздухъ почти всегда наполненъ этой желтой пылью; мельчайшія пылинки поднимаются вихремъ и покрываютъ дороги, деревья, дома, нивы, путешественниковъ; желтый цвѣтъ считается священнымъ: цвѣтъ плодороднаго желтозема—это цвѣтъ цивилизаціи, созданной здѣсь плугомъ земледѣльца [2]). Страна „Желтой земли", или Гоангъ-Ту, дала свое названіе рѣкѣ Гоанго, которая протекая по ней, несетъ свои осадки въ Гоангъ - Гай, или Желтое море. Эта почва, размывки которой увлекаясь рѣками, засариваютъ бухты и заливы китайскаго прибрежья, есть почти то́ же самое, что́ у нѣмецкихъ геологовъ извѣстно подъ именемъ *лёса* (залегающаго въ долинахъ Рейна и Дуная), и которому приписывается аллювіальное или ледниковое происхожденіе. Желтоземъ, очевидно не произошелъ путемъ напластованія водныхъ осадковъ, такъ какъ въ немъ отнюдь не видно слоистости; онъ не содержитъ въ себѣ рѣчныхъ раковинъ, а исключительно лишь остатки сухопутныхъ моллюсковъ. Во всей своей толщинѣ желтоземъ пронизанъ вертикальными ходами, съ различными развѣтвленіями, оставленными, очевидно корешками многочисленныхъ растеній, поверхъ которыхъ постепенно накоплялась наносная пыль; каждый изъ этихъ маленькихъ вертикальныхъ ходовъ окруженъ, трубочками изъ углекислой извести, защищающими эти ходы отъ разрушенія. Вода проливныхъ дождей падая на этотъ грунтъ, впитывается пористой почвой, но въ мѣстахъ гдѣ дороги утоптаны ѣздой, связь между частичками глины настолько плотнѣетъ, что вода долгое время застаивается въ грязныхъ лужахъ на поверхности земли. По Рихтгофену, теорія котораго основана на долгихъ наблюденіяхъ и подкрѣплена сильными доводами, тотъ желтоземъ, которымъ покрыта не малая часть Китая [3]), есть ни что иное, какъ глина нанесенная изъ степей когда-то вѣтрами въ эти закрытыя бассейны плоскогорій.

---

[1]) *Kropotkin*, Notes manuscrits.

[2]) *F. von Richthofen*, ouvrage cité.

[3]) Въ Туркестанскомъ краѣ сѣв.-западныя предгорія Тянь-Шаня покрыты громадными отложеніями леса, которыя по ихъ обширному развитію и мощности, а также и агрономической роли, мало въ чемъ уступаютъ желтозему Китая. Кромѣ того, во многихъ другихъ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Туркестаномъ, встрѣчаются образованія этой пловатой и тонкой известковопесчанистой глины—образованія справедливо называемыя нѣкоторыми геологами *культурной формаціей*. (См.: *Романовскій*, Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края;—*Middendorff*, Ferghana; и др.) *Прим. пер.*

Эта громадная масса ныли образовалась черезъ разрыхленіе горныхъ обломковъ атмосферными дѣятелями и размываніе ихъ силой протачивающейся воды. Шахты промыты въ толщѣ Гоангъ-Ту, тамъ и сямъ открываются подземныя галлереи, своды надъ ними рушатся. Вода также образуетъ овраги съ ихъ отвѣсными стѣнами, развѣтвляющіеся до безконечности. Во многихъ мѣстахъ плоскогорія, на которыя всходитъ путешественникъ, кажутся ему совершенно ровными, сплошными, а между тѣмъ онѣ разбиты на столько отдѣльныхъ площадокъ, соединенныхъ лишь узенькими перемычками, что ставятъ въ совершенную невозможность орьентироваться и даже въ положеніе ведущее, при отсутствіи проводника, къ неминуемой гибели. Разрушеніе породъ всего болѣе происходитъ постоянно въ западной сторонѣ, въ горныхъ городахъ Монгольской плоской возвышенности, гдѣ однообразныя мѣстности отдѣляются другъ отъ друга мысами и бастіонами, которыя удаляясь все постепенно понижаются: въ нѣкоторыхъ долинахъ рѣкъ торчатъ лишь ихъ отроги въ видѣ стѣнъ, укрѣпленій, замковъ съ башнями или отдѣльныхъ башенекъ. Не одна изъ этихъ глыбъ была обращаема въ цитадель, съ готовыми ходами, расположенными этажами и съ скрытыми гротами, въ которыхъ можно было укрываться и защищаться. Но за то какія сильныя перемѣны произошли въ той части страны, которая когда-то была также голой пустыней, а теперь, ставъ мѣстностью хорошо орошенною, даетъ изобильные урожаи: Гоангъ-Ту есть по преимуществу страна земледѣлія и ея поля, съ зеленью рисующейся на желтомъ фонѣ, обновляютъ каждый годъ свою производительную силу, не нуждаясь въ удобреніи — желтоземъ самъ служитъ удобреніемъ для пограничныхъ съ нимъ полей. Было время когда большой рѣки Гоанго не существовало: ея бассейнъ образовался мало по мало размываніемъ въ краяхъ тѣхъ ложбинъ, что вели къ плоскогорію, впадина котораго заключала въ себѣ Ганъ-Гай. Тоже самое можно сказать и о притокахъ верхней Зунгари, прорѣзавшихъ, далѣе къ востоку, часть плоской возвышенности Кингама и смывшихъ обломки [1]). Происходитъ-ли тоже самое на югъ отъ Китая съ рѣками Тибетской возвышенности и состоитъ-ли почва этой страны также изъ желтозема, еще ни одинъ путешественникъ не могъ подтвердить этого; но есть нѣкоторыя достовѣрныя указанія на то, что эта догадка вѣрна и что геологическія явленія въ этой странѣ вполнѣ схожи съ тѣми, которыя существуютъ въ верхнемъ бассейнѣ Гоанго. Можно думать, что вообще всѣ географическія пояса восточной Азіи передвинулись къ западу: овраги „Желтой земли“ все далѣе врѣзываются въ плоскогорія; источники Гоанго и ея притоковъ отодвигаются дальше и дальше въ глубь континента; самый берегъ моря былъ когда-то ближе къ востоку: такъ,

[1]) *Kropotkin*, Notes manuscrits.

Японія и Курильскіе острова, вѣроятно суть остатки того, что́ было нѣкогда беорегмъ Азіи [1]). Понятно, что это пониженіе берега принадлежитъ къ довольно отдаленной геологической эпохѣ.

На сѣверномъ склонѣ азіатскаго материка, воды направляютъ свое теченіе къ океану въ видѣ трехъ большихъ рѣкъ: Оби, Енисея и Лены; но они свободно несутъ свои волны только извѣстную часть года. Въ этихъ холодныхъ областяхъ, гдѣ владычествуютъ полярные сѣверо-восточные вѣтры, подъ широтой, граничащей съ Ледовитымъ океаномъ, рѣки не имѣютъ судоходнаго значенія, такъ какъ плаваніе по нимъ можетъ продолжаться всего три-четыре мѣсяца въ году. Кромѣ того, громадныя долины этихъ рѣкъ, текущихъ въ тундрахъ, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни деревень, гдѣ вообще нѣтъ культуры, дѣлаютъ самое плаваніе крайне затруднительнымъ и долгимъ. Путешествія изъ Европы къ устьямъ этихъ большихъ сибирскихъ рѣкъ начались не ранѣе 1600 г., въ царствованіе Бориса Годунова; но нѣсколько лѣтъ спустя, однаго запрещенія со стороны русскаго правительства было достаточно, чтобы остановить всю торговлю съ сибирскимъ берегомъ [2]), и только въ 1869 году, благодаря норвежцамъ Карлсену и Іогансену, суда снова направились къ Оби и Енисею. Что касается до Лены, то по ней въ первый разъ въ 1878 г., поднялось судно, на которомъ совершилъ свою компанію Норденшильдъ. Торговыя сношенія съ этихъ поръ были установлены между Европой и Азіей черезъ посредство губъ сибирскихъ рѣкъ; но этотъ результатъ, какъ свидѣтельство побѣды надъ враждебной стихіей, долго еще не будетъ имѣть важности съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ эти сѣверныя страны остаются безъ населенія и промышленности. Можно сказать, что хотя рѣки Сибири и впадаютъ въ открытое море, но это также безполезно для населенія, какъ если бы они текли въ закрытомъ бассейнѣ: льды и мрачныя, пустынныя берега отдѣляютъ ихъ отъ остального мира. Рѣка Амуръ вливается въ Охотское море на востокѣ континента и течетъ въ климатѣ болѣе благопріятномъ, нежели рѣки направляющіяся къ Ледовитому океану; устье Амура остается открытымъ въ теченіи полугода и все таки, до настоящаго времени, недостатокъ населенія въ этомъ рѣчномъ бассейнѣ, дѣлаетъ его, какъ естественную дорогу материка, глухимъ захолустьемъ. Такимъ образомъ, добрая половина Азіи, съ ея впадинами, долинами рѣкъ, доступъ въ которыя затрудненъ, лишена тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются большая часть другихъ странъ, при помощи рѣкъ.

Отъ залива Печели до Персидскаго залива, какъ въ умѣренной полосѣ, такъ и на тропическихъ полуостровахъ, почва Азіи почти вездѣ

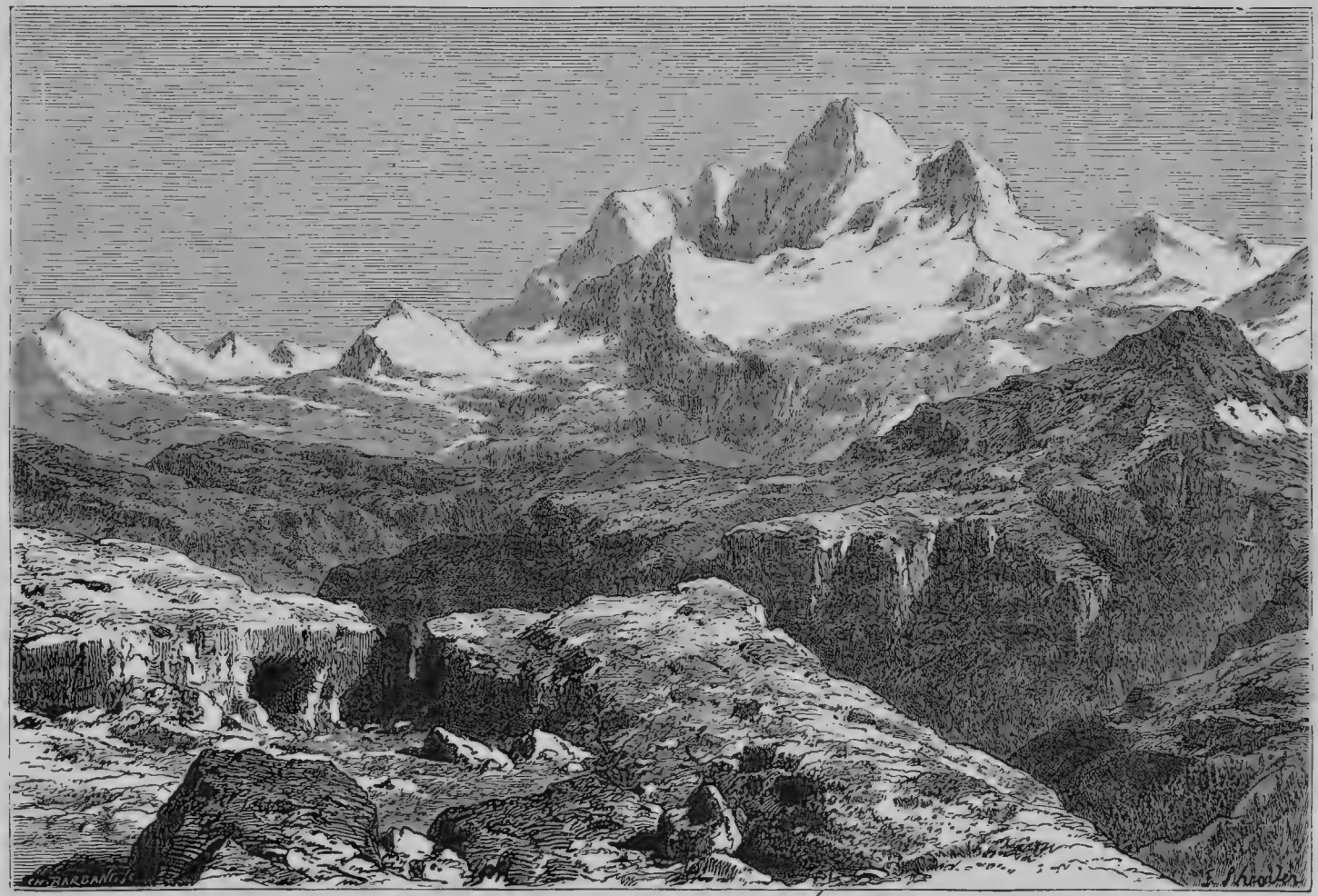
---

[1]) *F. von. Richthofen*, ouvrage cité.

[2]) Отечеств. Записки, 1871 г. №№ 10 и 11.

отлично орошена и нѣкоторыя изъ рѣкъ протекающихъ по этимъ мѣстностямъ, не только считаются одними изъ самыхъ важныхъ на земномъ шарѣ по своей длинѣ и массѣ воды, но также и по той пользѣ, которую они приносятъ судоходству и ирригаціи.

Большія рѣки склона обращеннаго къ Великому и Индійскому океанамъ расположены группами очень схожими между собою, какъ замѣтилъ давно еще Карлъ Риттеръ. Гоанго и Янцекіангъ, обѣ берутъ свои начала въ горныхъ массахъ, расположенныхъ одна подлѣ другой и текутъ сперва въ противуположныя стороны, а потомъ, описавъ каждая громадный изгибъ, сближаются снова: часто уклоняясь то къ сѣверу, то къ югу отъ полуострова Шанъ-Тунга, Гоанго приближался къ устью сосѣдней рѣки и еще не дальше какъ въ половинѣ настоящаго столѣтія онъ впадалъ въ море неподалеку отъ дельты Янцекіанга. Главная рѣка Индокитая беретъ свои истоки съ тѣхъ же горъ: это могущественный Меконгъ, который, по вычисленіямъ Франсиса Гарнье, по своей массѣ воды, послѣ Амозонской, Конго и Лаплаты, есть самая значительная рѣка на земномъ шарѣ. Салуэнъ и Иравади также берутъ свои истоки въ той-же части Китая, которая могла бы назваться „матерью водъ“. Брахмапутра, имя которой означаетъ „святость“ и Гангъ, воды котораго считаются еще болѣе священными, обѣ берутъ свои начала другъ возлѣ друга въ Гималаѣ, но на противуположныхъ склонахъ, и соединяются потомъ у дельты, образованной ихъ наносами. Индъ и Сатледжъ, хотя и соединяютъ свои воды на довольно далекомъ разстояніи отъ ихъ общаго устья, но могутъ быть разсматриваемы, какъ парныя рѣки, сходныя съ Гангомъ - Брахмапутрой, такъ какъ походятъ на нихъ въ своемъ верхнемъ теченіи. Отправляясь почти изъ одного общаго пункта, эти, самыя многоводныя въ Индіи, четыре рѣки, текутъ сначала по направленіямъ настолько противуположномъ одна къ другой, что ихъ крайнія точки мѣстами отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 2200 верстъ, соединяются потомъ опять по-парно, Гангъ съ Брахмапутрой на востокѣ и Индъ съ Сатледжемъ на западѣ: — это четверо животныхъ индусской легенды: слонъ, олень, корова и тигръ, бѣгущіе съ вершины священной горы въ равнины Индустана. Двѣ рѣки текущія въ Персидскій заливъ, также между собою близнецы, пользующіеся какъ библейской, такъ и исторической извѣстностью. Они берутъ свои источники въ одной и той же части горъ, но вскорѣ удаляются отъ друга, затѣмъ сближаются и продолжаютъ свой путь вмѣстѣ, сообщаясь естественными каналами; потомъ подходятъ къ общей дельтѣ, снова разъединяясь, какъ это было во времена Александра, или же соединяясь въ одну рѣку, носящую названіе Шатъ-эль-Араба, какъ это есть въ наше время. Наконецъ, внутренній бассейнъ Татаріи, Аральское море, имѣетъ Сыръ-дарью и Аму-дарью, точно также принадлежащія къ парной системѣ, т. е. обѣ



ГИМАЛАЙСКАЯ ГОРНАЯ ЦѢПЬ.

рѣки текутъ въ одинаковомъ направленіи и когда-то, повидимому, даже соединялись общей дельтой, посредствомъ ложа теперь уже высохшаго.

Дѣло самыхъ простыхъ географическихъ открытій на континентѣ Азіи, далеко еще не окончено: гіетометрическія наблюденія, къ сожалѣнію, недостаточно полны; направленіе и сила вѣтра, количество выпадаемыхъ дождей, были измѣрены только въ тѣхъ странахъ, куда проникла европейская наука; громадныя пространства, равныя по величинѣ почти Европѣ, до сихъ поръ для метеорологовъ области, если не совсѣмъ неизвѣстныя, то все же еще очень мало развѣданныя. Невозможно даже приблизительно опредѣлить количество выпадаемаго дождя въ различныхъ частяхъ Азіи; извѣстно только, что климатъ ея представляетъ полный контрастъ съ европейскимъ. Европа—материкъ почти островной формы, окруженъ со всѣхъ сторонъ водою, пользуется выпадаемой влагой круглый годъ, а средняя разница между количествомъ влаги выпадаемой въ мѣсяцы наиболѣе сухіе и наиболѣе влажные не превосходитъ болѣе какъ въ три раза. Между тѣмъ какъ громадная масса азіятскаго материка лежитъ подъ слоями атмосферы съ гораздо болѣе правильными воздушными теченіями. На востокъ отъ западной Сибири и Передней Азіи, которыя, собственно говоря, составляютъ промежуточную ступень между Европой и Азіей, теченіе вѣтровъ и выпаденіе дождей слѣдуютъ съ замѣчательной регулярностью, соотвѣтствуя временамъ года: на всемъ южномъ берегу материка и на восточномъ, въ самый сухой мѣсяцъ выпадаетъ въ 50—60 разъ меньше воды, чѣмъ въ мѣсяцъ наиболѣе дождливый. Зимою слои холоднаго воздуха скопляются надъ восточной Сибирью и именно въ той части ея, гдѣ протекаетъ Лена съ притоками: здѣсь, колеблясь близъ Якутска, находится полюсъ холода; тогда небо ясно, воздухъ чистъ и временами въ этой странѣ снѣгъ выпадаетъ такъ рѣдко, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большую часть зимы его бываетъ недостаточно даже для саннаго пути. Холодный воздухъ направляясь на востокъ и на югъ, приноситъ съ собою всегда прекрасную и сухую погоду. Лѣтомъ происходитъ явленіе обратное, какъ это видно на картѣ г. Войекова, имѣющей, впрочемъ, значеніе не болѣе какъ подготовительной работы: та часть Сибири, гдѣ барометръ указываетъ зимою наибольшее давленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ поверхность материка, надъ которой лѣтомъ виситъ наиболѣе легкій слой атмосферы; въ это время морской воздухъ, направляясь сюда одновременно съ океановъ Индѣйскаго и Великаго, чтобы заполнить собою разрѣженную атмосферу, приноситъ съ собою облака и дожди. По всему берегу, начиная отъ Краснаго моря и до Охотскаго въ этотъ періодъ воздушнаго отлива къ восточной Сибири [1]) владычествуетъ муссонъ, приносящій дожди.

[1]) *Voeikov*, Die atmosphärische Circulation, Ergänzungsheft, № 38; Petermann's Mittheilungen.

Очень вѣроятно, что обѣ Индіи, лежащія по ту и по сю сторону Ганга, вмѣстѣ съ островами Суматрой, Явой, Борнео и съ архипелагами къ нимъ прилегающими, получаютъ болѣе половины всей той влаги, которая въ видѣ облаковъ, разносится по всему азіатскому материку. Въ этихъ странахъ, островныхъ и полуостровныхъ, защищенныхъ съ сѣвера Гималаемъ и его восточными продолженіями и предоставленныхъ вполнѣ дѣйствію тропическихъ лучей, морской воздухъ приносится насыщенный парами, падающими ливнемъ при малѣйшемъ соприкосновеніи облаковъ съ склонами холмовъ или горъ. Въ лѣтнее время вся южная часть азіатскаго континента, нагрѣвающаяся гораздо сильнѣе чѣмъ море, привлекаетъ къ себѣ, какъ къ очагу, массу воздуха, висящаго надъ Индійскимъ океаномъ: образуется вѣтеръ, несущій дождь—южный муссонъ. Насыщенный влагой изъ громаднаго пароваго котла, называемаго Индійскимъ океаномъ, муссонъ проходитъ съ проливнымъ дождемъ по берегамъ Малабара, Трансгангетіи и затѣмъ разбивается о выступы Гималая и другихъ хребтовъ, окаймляющихъ съ юга Китай. По дождевымъ облакамъ, которыя дробятся, зацѣпляясь за верхушки горъ, отчетливо видно, что морской вѣтеръ не поднимается выше 5000—6000 футъ и часто, поднявшись на эту высоту, онъ встрѣчается съ другими воздушными теченіями. Въ низменностяхъ этотъ дождь падаетъ такими страшными ливнями, что производитъ цѣлый потопъ: жители умѣреннаго пояса не могутъ представить въ своемъ воображеніи ничего подобнаго. Годичное выпаденіе воды въ 20, 30 и 40 футовъ—не особенная рѣдкость въ нѣкоторыхъ частяхъ Индустана. Въ Шерра-Понджѣ, на горахъ Кассія, у которыхъ протекаетъ нижнимъ теченіемъ Брахмапутра, въ годъ выпадаетъ до 50 футовъ воды: иногда тамъ бываютъ такіе проливни, что въ нѣсколько часовъ грунтъ покрывается слоемъ воды болѣе чѣмъ на 20 и 28 дюймовъ; такова и долина Инда, гдѣ въ одинъ дождь выпадаетъ столько воды, сколько въ иной долинѣ Франціи, далеко не бѣдной дождями, за цѣлый годъ. Солнечный зной и обиліе воды, даютъ тропической Индіи все необходимое для воспроизведенія самой роскошной растительности, какая только можетъ украшать Землю.

IV.

Благодаря извилистымъ берегамъ и неправильностямъ рельефа, всѣ страны южной Азіи, за исключеніемъ безводныхъ Прана и Аравіи, отличаются тѣмъ разнообразіемъ видовъ, котораго нѣтъ въ другихъ частяхъ континента. Конечно, по очертаніямъ своихъ береговъ вся Передняя Азія, т. е. Анатолія, Арменія, Сирія, Аравія, долина Тигра и Ефрата, принадлежатъ скорѣй къ Европѣ: они также окружены морями, глубоко врѣзывающимися внутрь материка и такъ-же исчерчены проселочными

и большими дорогами; но на востокъ отъ нихъ расположены множество плоскихъ возвышенностей и горныхъ массъ, заходящихъ своими вершинами за предѣлы умѣреннаго пояса, и въ особенности сухіе вѣтры, господствующіе въ этой части Стараго Свѣта и дующіе то съ африканскихъ пустынь, то изъ Центральной Азіи, лишаютъ необходимой влаги большую часть внутреннихъ странъ материка. Природа развертываетъ свои красивые пейзажи, украшенные безконечнымъ разнообразіемъ дикой или культурной растительности, только въ мѣстахъ низменныхъ, пользующихся естественнымъ орошеніемъ или ирригаціонными каналами. Рядомъ съ чудными лѣсами Мазандарана, воспѣтыми поэтомъ Фирдуси, какъ рай съ вѣчной весною, стоятъ голыя скалы плоскогорій, покрытыя рѣдкимъ кустарникомъ; холодные утесы Кавказа высоко поднимаются надъ моремъ зелени мингрельскихъ долинъ прячущихъ въ складкахъ хребта непроходимыя чащи деревьевъ, перепутанныхъ лianами; сыпучіе пески Аравійской пустыни сразу прерываются у полей Вавилоніи, прославленныхъ Геродотомъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ за ихъ удивительное плодородіе [1]).

На востокъ отъ безплодной Аравіи расположены два большихъ полуострова Индіи и множество острововъ, которые по богатству растительности, яркой окраскѣ цвѣтовъ и красотѣ животныхъ, вѣроятно самыя очаровательныя мѣста на землѣ: это волшебные острова арабскихъ сказокъ, гдѣ песокъ—рубины и сапфиры, гдѣ деревья—разливаютъ въ воздухѣ ароматъ, возвращающій силу и здоровье, гдѣ птицы, разукрашенныя брильянтовыми перьями, ведутъ разговоры съ мудростью, недостающей многимъ людямъ. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ, разбросанныхъ среди голубого моря, лежатъ, впрочемъ, на пути посѣщаемомъ ураганами; кромѣ того они страдаютъ отъ землетрясеній и потоковъ клокочущей лавы, часто заливающей поля. Но морской воздухъ насыщенный парами наносится со всѣхъ сторонъ и скоро исправляетъ разрушенное, возстановляя великолѣпіе зелени и цвѣтовъ.

Сравнивая между собою континенты, шведъ Торбернъ Бергманъ, еще столѣтіе тому назадъ, замѣтилъ, что полуостровныя части материковъ всегда обращены къ югу, таковы: Аравія; Индустанъ, Индокитай. Но гомологія не ограничивается отдѣльными частями материковъ; тоже самое видно на всей сушѣ, взятой въ цѣломъ, оканчивающейся къ югу тремя массами правильной формы: Южной Америкой, Африкой и Австраліей, и кромѣ того, каждый изъ сѣверныхъ континентовъ, Европа, Азія и Сѣв. Америка заканчиваются къ югу тремя полуостровами. Въ этомъ отношеніи, сходство гораздо полнѣе между Европой и Азіей, нежели

---

[1]) *Carl Ritter*, Iran;—*Moritz Wagner*, Reise nach Persien und dem Lande der Kurden.

между обоими континентами Стараго Свѣта съ Сѣв. Америкой, у которой полуострова Калифорніи и Флориды уже какъ бы атрофированы, а промежуточный полуостровъ былъ превращенъ въ перешеекъ поднятіемъ части центральной Америки. Нужно замѣтить также, относительно полуостровъ Стараго Свѣта, что анологичныя изъ нихъ по своимъ характернымъ очертаніямъ, расположились въ соотвѣтственномъ географическомъ порядкѣ. Такъ напр. Аравія, которая по своей формѣ почти четыреугольна, соотвѣтствуетъ Испаніи, у которой тотъ же замкнутый контуръ и та же незначительная извилистость береговой линіи. Индустанъ можно приравнять къ Италіи: онъ болѣе богатъ изгибами нежели Аравійскій полуостровъ и, также какъ Италія, отдѣляетъ отъ себя съ южной стороны небольшой островокъ. Наконецъ, полуостровъ Индокитай, какъ и Греція, омываются моремъ, на которомъ разсѣяно много острововъ и островковъ. Архипелаги Азіи и Европы, какъ и соотвѣтствующій имъ архипелагъ Америки—Антильскій, имѣютъ каждый изъ нихъ свой вулканическій очагъ и свои потоки лавы. Но только на одномъ изъ этихъ трехъ архипелаговъ, на азіатскомъ, находится наибольшее число кратеровъ, производившихъ самые сильныя изверженія; въ этой области, съ возникающими вновь землями, произошли на нашихъ глазахъ очень важныя геологическія перемѣны и ее можно бы разсматривать въ цѣломъ какъ нѣчто вродѣ перешейка между Азіей и Австраліей; однако Уолессомъ указана очень точно граница между этими двумя частями свѣта и оную не трудно опредѣлить, замѣчая разницу на растительныхъ и животныхъ видахъ, живущихъ по ту и по сю сторону демаркаціонной линіи [1]). Въ вулканической цѣпи южныхъ острововъ Зондскаго Архипелага, Бали, напр., принадлежитъ къ азіатской группѣ, между тѣмъ какъ Ломбокъ, удаленный отъ него не болѣе какъ на 40 верстъ, относится уже къ группѣ австралійской.

По замѣчательной аналогіи, восточный берегъ Азіи, какъ и южный имѣетъ три полуострова обращенныхъ съ сѣвера на югъ: Камчатку, Корею и Сахалинъ. Послѣдній есть островъ только по виду, въ дѣйствительности же это полуостровъ, и своими подводными порогами, мѣшающими проходу большихъ кораблей, соединенъ съ сибирскимъ берегомъ [2]). Есть-ли, все это, простое совпаденіе и ненужно ли видѣть скорѣй дѣйствіе закона въ такомъ расположеніи земель? Трудно подвергнуть сомнѣнію существованіе этого закона, но причину такого правильнаго расположенія суши нельзя будетъ объяснить раньше чѣмъ узнаютъ внутреннее строеніе нашей планеты. Отъ состоянія внутренней массы должны зави-

---

[1]) Malay Archipelago.

[2]) *Oscar Peschel*, Geographische Homologien, Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde.

сѣть въ особенности внѣшнія формы той тоненькой, наружной коры, на которой развертывалась исторія народовъ.

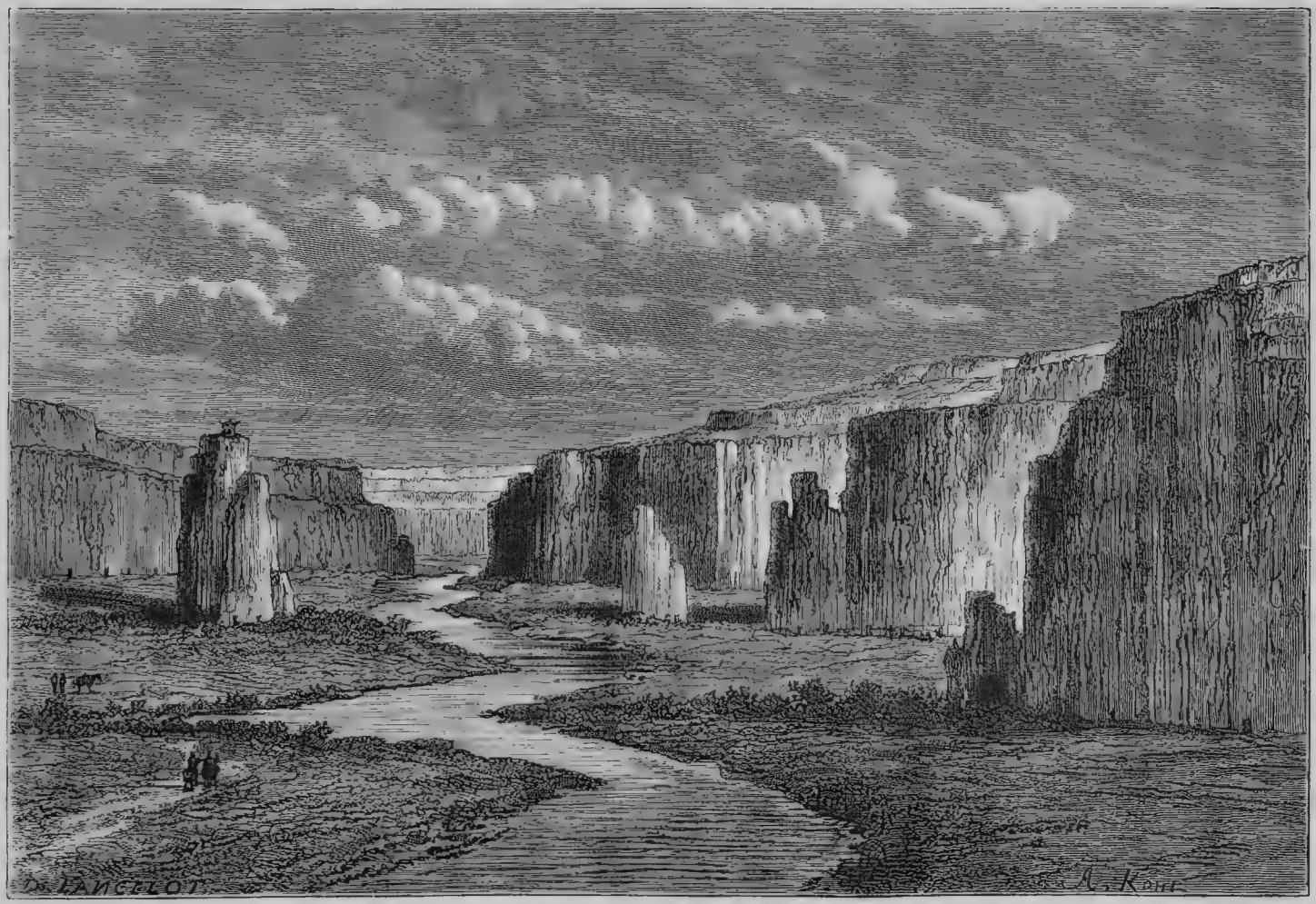
Географическое сходство не менѣе поразительно, если отъ полуострововъ Азіи перейти къ островамъ расположеннымъ на ея юго-восточной сторонѣ. Такъ, напримѣръ, островъ Суматра есть, очевидно, полуостровъ Малакки, вдвое большій по величинѣ и соединенный, также какъ и Малакка, съ Индукитаемъ, посредствомъ перешейка, отчасти опустившагося—Андаманскими и Никобарскими островами. Нѣсколько острововъ, въ томъ числѣ Суматра, Ява и весь рядъ мелкихъ островковъ, служащихъ ихъ восточнымъ продолженіемъ, расположены въ правильный рядъ, идущій какъ бы по трещинѣ, связывающей ихъ съ внутренней расплавленной массой. Но отличительной чертою острововъ, раскинутыхъ правильными рядами на юго-западѣ Азіи и на ея восточныхъ моряхъ, служитъ форма ихъ береговъ, вытянутыхъ въ видѣ кривой линіи, составляющей часть окружности. Начиная съ сѣверо-западной оконечности Суматры и до самаго Флореса, берега острововъ обращенныхъ къ Индійскому океану, развернуты въ дуги правильнаго круга. Тоже самое можно указать и относительно береговъ Борна, Паловена, Люсона и Формозы, окаймляющихъ съ востока Южно-китайское море. Восточнымъ берегомъ Кореи начинается третья кривая, идущая къ островамъ Ліу-Кіу. Японскій архипелагъ вмѣстѣ съ Сахалиномъ образуетъ еще одну кривую, которая встрѣчается у острова Іессо съ пятой кривой, составленной Курильскими островами, направляющимися къ Камчаткѣ. Наконецъ далѣе, цѣпь Алеутскихъ острововъ, примыкая однимъ концемъ къ Камчаткѣ, другимъ концемъ соединяется на американскомъ берегу, съ полуостровомъ Аляской, расположилась въ видѣ ограды у Берингова пролива. Радіусы круговъ, образуемыхъ различными кривыми мало разнятся между собою: средняя величина ихъ 1700—1900 верстъ. Но и самые берега материка, у которыхъ расположены правильными дугами эти острова, можно разсматривать тоже какъ дуги: берегъ При-амурской Области, берега Китая между Китайскимъ моремъ и Тонкинскимъ заливомъ, затѣмъ берега Кохинхины до самого устья Меконга, имѣютъ контуръ округленный, какъ-бы очерченный циркулемъ. Если бы уровень Тихаго Океана поднялся на 1500—2000 футовъ, то приморская горная цѣпь русской Манджуріи, Сикота-Алинъ, преобразовалась бы въ архипелагъ, подобный Японскому, а низменная долина рѣкъ Амура и Зунгари обратилась въ море, похожее по своему очертанію берегокъ на цѣпь Курильскихъ острововъ. На западѣ, хребетъ Хинь-гань имѣетъ форму кривой параллельной ряду Курильскихъ острововъ; но онъ состоитъ изъ породъ болѣе древняго образованія.

V.

Очень вѣроятно, что въ Азіи живетъ около двухъ третей населенія всего земнаго шара; но эта масса размѣстилась далеко неравномѣрно на громадной территоріи этого континента. Обитатели оной распредѣлились, сообразно условіямъ почвы и климата: можно сказать, что густота населенія прямо пропорціональна количеству выпадаемыхъ дождей: тамъ, гдѣ есть недостатокъ во влажности, а слѣдовательно и въ растительности, тамъ и населеніе рѣдко. Болѣе $^1/_{10}$ Азіи — песокъ, скалы, тундры,—абсолютно области не обитаемыя, а въ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстностей еще ни разу не проникалъ караванъ. На $^4/_5$ континента, число жителей, по расчету на квадратную версту, не достигаетъ и двухъ десятковъ. На остальную часть, т. е. на $^1/_5$, приходятся Индія, нѣкоторыя части Индокитая, бассейны Янцекіанга и Гоанго, Японія, Люсонъ и Ява, гдѣ скучено населеніе Азіи, дающее народамъ ея громадный численный перевѣсъ надъ жителями всѣхъ другихъ странъ земнаго шара. Болѣе половины всего людскаго рода пріютилась на югѣ и востокѣ Азіи, на поверхности, которая равняется не болѣе какъ $^1/_{16}$ всей суши. Эта скученность населенія — явленіе аналогичное тому, которое представляется въ Западной Европѣ, т. е. на совершенно противоположной окраинѣ Стараго Свѣта.

Изолированныя другъ отъ друга плоскогоріями, высокими горами безводными пустынями, народы Азіи должны были, весьма естественно болѣе различаться между собою, нежели европейцы. Послѣдніе къ какой бы націи не принадлежали, какъ бы ни была сильна ихъ національная вражда и соперничество, всегда сознаютъ, что они и ихъ противники принадлежатъ къ одному человѣческому обществу, а переходы отъ однихъ племенъ къ другимъ, отъ иберійцевъ къ кельтамъ, отъ славянъ къ финнамъ, отъ турокъ къ албанцамъ и проч., съ помощью скрещиваній сгладились уже во многихъ мѣстностяхъ и помѣси стерли рѣзкость контрастовъ, существовавшіе въ прежнее время между различными расами. Между тѣмъ какъ скрещиваніе племенъ въ Азіи далеко не такъ полно, чтобы сближать расы. На сѣверѣ, конечно, этнологическія переходныя ступени очень многочисленны, напр. между турками и монголами, русскими и финнами; на западѣ семиты и иранцы основали также національности и народности, въ которыхъ очень трудно отыскать ихъ первоначальные элементы. Безъ сомнѣнія, въ Азіи уже не существуетъ вполнѣ чистокровныхъ расъ и нигдѣ, кромѣ, можетъ быть, Андаманскихъ острововъ, не найдется чистыхъ потомковъ племени, существовавшаго тысячи лѣтъ тому назадъ [1]).

[1]) *Topinard*, Anthropologie.



БЕРЕГЪ „ЖЕЛТОЙ ЗЕМЛИ“ ВЪ ПРОВИНЦІИ ШАНЪ-СИ.

За то какой рѣзкій контрастъ между народами въ другихъ частяхъ континента! Различныя племени, извѣстныя отчасти подъ общимъ названіемъ туранцевъ, отчасти подъ именемъ финно-татаръ, составляютъ, группу совершенно выдѣляющихся, въ большинствѣ случаевъ, изъ среды остальныхъ народовъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи и образомъ жизни. На сѣверѣ Стараго Свѣта самоѣды [1]), остяки и другія сибирскія племена суть только одна изъ подъ-расъ наиболѣе характерныхъ. На востокѣ, манджуры и тунгузы, а на западѣ киргизы и татары—представители тюркской вѣтви. На монголовъ и бурятовъ можно смотрѣть, преимущественно какъ на типы расы монгольской, называемой также, за неимѣніемъ лучшаго названія, желтой расой. На южныхъ плоскогоріяхъ жители Тибета составляютъ равнымъ образомъ самостоятельную вѣтвь, тогда какъ бассейны восточныхъ рѣкъ заняты громадной китайской націей, болѣе или менѣе смѣшанной; превосходя численностью всѣ другія націи въ свѣтѣ, китайцы рѣзко различаются своимъ міросозерцаніемъ и нравами отъ всѣхъ другихъ людей. На юго-востокѣ отъ нихъ—малайцы. составляющіе одно изъ крупныхъ расовыхъ подраздѣленій на нѣкоторыхъ изъ Зондскихъ острововъ и на полуостровѣ Малаккѣ, по своему характеру представляютъ контрастъ со всѣми другими жителями Азіи. Точно также арабы, живя внутри своего полуострова, едва-ли имѣли возможность смѣшиваться съ кѣмъ либо изъ сосѣдей, и вмѣстѣ съ евреями относятся къ расѣ семитической, такъ хорошо сохранившей свой первоначальный типъ. Наконецъ, индійскія племена представляютъ какъ бы рядъ независимыхъ наслоеній: они хотя и живутъ въ одной и той же странѣ, но раздѣлены между собою на враждебныя роды и касты, и развивались независимо одни отъ другихъ, не смѣшиваясь ни кровью, ни понятіями. Священныя поэмы индусовъ разсказываютъ намъ, какъ „благородныя“ племена сражались съ людьми другой. „низшей“ расы, у которыхъ была черная кожа и приплюснутый носъ, а также и съ *аназикосами* или безносыми людьми, со злыми духами и обезьянами. Теперь борьба окончилась, но кастовый законъ стоитъ между старинными врагами, какъ духовная преграда.

Разсмотрѣнное вкратцѣ населеніе страны, въ южной и восточной сторонѣ континента, принадлежитъ къ культурнымъ націямъ; между тѣмъ какъ области сѣверныя, сравнительно пустынныя, были еще недавно населены исключительно дикими племенами, и кочевое населеніе, находящееся еще въ томъ переходномъ состояніи къ цивилизаціи, которое считается варварскимъ, бродитъ до сихъ поръ въ равнинахъ и плоскогоріяхъ Средней Азіи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ

---

[1]) Слѣдовало бы измѣнить правописаніе слова „самоѣдъ“: названіе это взято съ финскаго языка и буква *ѣ* въ немъ болѣе чѣмъ неумѣстна. *Прим. пер.*

страшныхъ, такъ сказать, миражей, которые такъ многочисленны въ исторіи народовъ, высокія горы центральной Азіи были часто принимаемы за колыбель человѣческаго рода и вліяніе наивныхъ росказней отражается еще на многихъ серьезныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Казалось весьма естественнымъ, что эти горныя вершины были якобы резиденціей боговъ, а также и первыхъ людей, созданныхъ ими; переселеніе народовъ должно было почему-то слѣдовать теченію рѣкъ, спускаясь по ихъ рѣзвымъ потокамъ, сбѣгающимъ съ областей снѣга въ видѣ прозрачной струи. Индусы смотрятъ на блестящую діадему горы Меру, поднимающуюся на сѣверѣ, какъ на мѣсто, откуда розлились первые лучи свѣта на его праотцевъ. Араратъ, въ Арменіи, гордо поднимающійся своими снѣговыми конусами надъ другими горными хребтами и долинами, считался также у многихъ народовъ, вершиной, на которую общій прародитель человѣчества впервые вступилъ ногой послѣ потопа. Наконецъ, нагоріе образующее водораздѣлъ между восточною Азіею отъ западной и называемое совершенно основательно „Маковкой Земли“, было также почитаемо, какъ мѣсто рожденія народовъ, распространившихся потомъ по Западной Азіи и Европѣ. На эти необитаемыя плоскогорія смотрѣли какъ на колыбель тѣхъ безчисленныхъ мильярдовъ людей, которые со временъ происхожденія арійцевъ жили на западъ отъ Памира.

Нынѣ иллюзіи эти разсѣялись, и не въ областяхъ снѣга люди думаютъ отыскивать слѣды своихъ предковъ. Понятно, что географія преданій и миѳовъ очень важна и можетъ послужить историкамъ своими цѣнными указаніями, но она обманываетъ тѣхъ, кто думаетъ исключительно руководствоваться ею. Центръ Азіи съ ея высокими обнаженными плоскогоріями и почти что пустынными долинами, не есть мѣсто, откуда пошла цивилизація, которой такъ гордятся теперь европейцы. Кромѣ страны, занимаемой ими и такъ счастливо расположенной, цивилизація обязана большею частью своихъ пріобрѣтеній бассейну Нила, окраинамъ Азіи, землѣ Оксуса и Яксарта, долинамъ Кавказа, Малой Азіи, Сиріи, Вавилоніи, Аравіи, Персіи, Индустану и Китаю.

Безъ образованія, переданнаго намъ народами Азіи, безъ ремеслъ, завѣщанныхъ намъ предшественниками, безъ фруктъ и растеній, которыя они научили насъ воздѣлывать, безъ подмоги, которую мы имѣемъ въ лицѣ животныхъ, прирученныхъ ими, мы находились бы еще въ глубокомъ варварствѣ. Всѣ наши европейскіе языки, исключая басскаго, азіатскаго происхожденія, всѣ они принесены арійцами, финнами и татарами, и наши словари свидѣтельствуютъ какъ много заимствовано нами у восточной цивилизаціи. И именно въ ту пору, когда у насъ не существовало еще лѣтописей, вліяніе Азіи на варварскія племена Европы было очень значительно. Когда наши предки, греки, владѣя уже письменностью и связанные съ прошлымъ преданіями, переходившими изъ вѣка въ вѣкъ,

могли дать полный отчетъ о своемъ существованіи, они развивались совершенно самобытно, независимо отъ другихъ народовъ; дѣйствительно, они жили собственной жизнью и подвергали переработкѣ и измѣненіямъ все, что приходило къ нимъ изъ чужихъ странъ. Но до этой эпохи самостоятельности, откуда же пришелъ первый толчекъ, какъ не изъ Азіи, прошедшей уже въ то время извѣстную эру цивилизаціи? Развѣ сравнительное изученіе языковъ не показываетъ, что большая часть европейскихъ идіомовъ связана съ азіатской рѣчью, изъ которой развились также зендъ и санскритъ; а раскопки доисторическихъ могилъ не свидѣтельствуютъ ли, чѣмъ наши невѣдомые праотцы были обязаны Азіи? Кто научилъ ихъ искусству плавить мѣдь, приготовлять сплавы для бронзы, а позднѣе ковать желѣзо? Кто принесъ въ Европу драгоцѣнные камни, нефритъ [1]), золотые браслеты и ожерелья? Языкъ, религія, обычаи, инструменты, домашнія животныя, культурныя растенія—все это принесено съ востока и можетъ быть, поэтому всегда, помимо привѣтствія благодѣтельнаго свѣтила, наши праотцы благоговѣйно обращали свои взоры къ священному востоку? Не ради ли этого, такъ сказать, инстинктивнаго чувства признательности они требовали, чтобы ихъ хоронили, повертывая головой къ востоку?

Въ началѣ нашей исторіи, послѣ того, какъ Европа одержала первую побѣду въ Азіи, разрушивши городъ Трою, эллинская цивилизація развивалась на полуостровѣ, лежащемъ на западныхъ полуостровахъ Малой Азіи, равно и въ самой Греціи. Европа начиналась тогда, можно сказать, на востокъ отъ Іоническаго моря, въ странѣ, розмытой водою на острова

---

[1]) Минералъ, сходный съ лучистымъ камнемъ и по составу подходитъ къ роговой обманкѣ; главное мѣсторожденіе нефрита находится въ Китаѣ; въ древности этому довольно рѣдкому минералу приписывали цѣлебныя свойства при болѣзняхъ почекъ, черезъ что онъ и получилъ будто-бы названіе „почечнаго камня“. Хотя можно думать и наоборотъ, т. е. самая почковидная форма минерала дала поводъ употреблять его для симпатическаго леченія, на которое древніе были столь падки. Впрочемъ, вообще, очень сомнительно, чтобы древніе пользовались нефритомъ (νεφριτης) исключительно какъ лечебной спеціей: всего вѣроятнѣе, что имъ дорожили какъ „переживаніемъ“, остаткомъ временъ каменнаго вѣка, когда этотъ минералъ дѣйствительно могъ считаться не только полезнымъ, но даже драгоцѣннымъ въ силу своей пригодности къ выдѣлкѣ различныхъ вещей, въ томъ числѣ и орудій, такъ какъ въ немъ прочность соединена съ очень слабой хрупкостью. Можетъ быть этотъ минералъ обладаетъ еще какими нибудь качествами, неизвѣстными намъ, но, во всякомъ случаѣ, на него можно смотрѣть отчасти какъ на реликвію древнѣйшаго культа, которую очень часто клали въ могилы вмѣстѣ съ покойникомъ, благодаря чему этотъ камень служитъ въ настоящее время какъ бы вѣхами, или путеводной нитью, для археологическихъ изысканій, и съ помощью которой можно будетъ опредѣлить географическій ходъ и районъ древней цивилизаціи. Хотя нужно замѣтить, что часто, при раскопкахъ кургановъ, вмѣсто нефрита находятъ сходственные съ нимъ минералы, какъ напр. змѣевикъ и проч.: зависѣло-ли это отъ неумѣнія древнихъ точно различать сходные между собой минералы, или же на химическую разность не обращали вниманія, или же, наконецъ, еще въ сѣдой древности практиковались уже фальсификаціи? *Примѣч. перев.*

и полуострова, носящей и по своимъ географическимъ условіямъ европейскій характеръ. Черезъ посредство городовъ восточной Іоніи, мы, преемники грековъ, получили въ наслѣдство науку, переданную имъ народами Азіи, халдеями, ассирійцами, мидянами и персами. Науки ихъ не погибли въ цѣломъ и, благодаря своимъ сосѣдямъ, малоазіатскимъ грекамъ, ихъ доля цивилизаціи сохранилась для остальнаго міра. Самое названіе „Азія“, прилагаемое теперь къ материку, который составляетъ болѣе половины всего Стараго Свѣта, есть, повидимому, греческаго происхожденія; прежде оно прилагалось только къ небольшой части азіатскаго берега, у Іоническаго моря, исторически принадлежавшаго Европѣ. Хотя названіе это толковалось различно и происхожденіе его было отыскано въ нѣсколькихъ языкахъ, но очень вѣроятно, что древніе авторы, съ Гомера и Геродота, обозначали имъ только аллювіальную равнину Эфеса; потомъ оно распространилось на долину Каистра, затѣмъ на Малую Азію и, наконецъ, на весь материкъ. Подобно этому, имя одного маленькаго племени, жившаго на югъ отъ Средиземнаго моря, перенесено было на ливійскую провинцію, а затѣмъ и цѣлый континентъ сталъ называться Африкой.

Переработавши языки, идеи и религіи заимствованные изъ Азіи, еще въ доисторическія времена переселенія народовъ, Европа, такъ сказать, возмужала, не переставая однако и послѣ этого обращаться къ той странѣ откуда она взяла столь многое изъ того, что вошло въ ея интелектуальную и нравственную жизнь. Чувство благоговѣнія, вызываемое прошлымъ, придало священный характеръ историческимъ мѣстностямъ и долгое время въ умахъ людей поддерживалась жизнь, реально тамъ уже прекратившаяся. Историческая жизнь въ бассейнѣ Ефрата и въ долинахъ Ливана была отодвинута на задній планъ; Аѳины, потомъ Римъ сдѣлались центромъ тяжести всего міра, и не смотря на это маленькая Іудея, стоявшая вдали отъ историческаго движенія, произвела религію, распространившуюся мало-по-малу на весь Западный міръ. Христіанская вѣра взяла свои начала въ Галилейскомъ округѣ, въ еврейской деревушкѣ Виолеемѣ, близь Назарета, хотя апостолы и положили потомъ въ Римѣ тотъ краеугольный камень, на которомъ должна была основаться Церковь. Конечно, въ своемъ развитіи христіанство связано съ іудейскимъ народомъ, такъ сказать, своей вещественной, генеалогической основой, нравственная же сторона его эллинская [1]), а догматы его сложились изъ воззрѣній выработанныхъ Востокомъ и Греціей, и объединенныхъ въ одно ученіе философами Александріи; но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что Іудея была исходнымъ пунктомъ христіанскаго движенія и что именно евреи, тогда, какъ и въ наше время, странствуя и торгуя, переносили изъ города въ городъ новую религію.

[1]) *Havet.* Le christianisme et ses origines.

Уже арабскіе географы среднихъ вѣковъ указали на фактъ, замѣчательнѣйшій въ исторіи, что всѣ высшіе культы въ человѣчествѣ, за исключеніемъ буддизма, черпали свои начала въ западной Азіи [1]). Не говоря уже о различныхъ арійскихъ религіяхъ, начиная съ ведизма и до политеизма грековъ, которые, вѣроятно, также выросли на пространствѣ между Олимпомъ, Виѳиніей и Памиромъ, іудейство, парсизмъ, христіанство и исламъ—продукты странъ Древняго міра, прилегавшаго къ пустыннымъ берегамъ Краснаго моря и Каспійскаго. Могущественныя проявленія человѣческаго духа обнаруживались ритмически въ созиданіи этихъ религій; они проявлялись не только въ связанныя между собою эпохи, но и съ интервалами, равнявшимися почти шести столѣтіямъ: точно волны одна за другой, чередою, разбивались о берегъ морской. Впрочемъ, всѣ эти религіи по своимъ началамъ имѣютъ между собою очень много родственнаго; всѣ они подчинялись лишь вліяніямъ мѣстностей, которыя отъ береговъ Краснаго моря и до Каспія представляются замѣчательно сходными по своимъ существеннымъ чертамъ: не смотря на разницу въ деталяхъ, пустыни Аравіи, Палестины, Халдеи и Персіи, всѣ они одинаково походятъ другъ на друга, своимъ величественнымъ однообразіемъ. Уже удалившись отъ своихъ исходныхъ пунктовъ и распространяясь подъ иными климатическими условіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приспособлялись къ образу мыслей различныхъ между собою народовъ, всѣ религіи, въ особенности же христіанство, принимали характеръ совершенно отличный отъ другихъ культовъ общаго съ ними происхожденія.

Буддизмъ также пытался распространиться въ западныхъ странахъ Азіи, и тамъ гдѣ находится долина Бамьяна, черезъ которую шелъ главный путь древнихъ народовъ, изъ Индустана въ Переднюю Азію, сохранились его слѣды. У этихъ историческихъ воротъ Гинду-Куша, на высотѣ 8500 футовъ, одинъ буддистскій царь, владѣвшій бассейномъ верхняго Оксуса, велѣлъ высѣчь въ скалѣ двѣ колосальныя статуи, укрытыя въ нишахъ, сообщающихся съ выходомъ для богомольцевъ [2]). Другіе религіозные памятники также относятся къ эпохѣ распространенія этого культа на сѣверъ и сѣверо-западъ; но буддизмъ могъ окончательно упрочиться только на востокъ отъ Памира и Тянь-Шаня. Монголы, китайцы, тибетцы охотно встрѣчали индійскихъ миссіонеровъ и, если не вполнѣ усвоили себѣ ихъ ученіе, то приняли имя буддистовъ, формулы и обряды новой религіи. Буддизмъ, смѣшанный съ различными суевѣріями, распространенъ въ Китаѣ, Тибетѣ, Монголіи и у многочисленныхъ племенъ живущихъ на пространствѣ между Байкаломъ и берегами Каспія; эта религія самая значительная по числу своихъ послѣдователей. Географически, христіанство стало ре-

---

[1]) *Renan*, Langues sémitiques,—Monothéisme des races sémitiques.

[2]) Voyages de Moorcroft, Burnes, Masson.

лигіей образованныхъ народовъ Европы и Новаго Свѣта; между тѣмъ какъ вліяніе его въ Азіи ничтожно и, кромѣ армянъ, несторіянъ, маронитовъ и нѣсколькихъ новообращенныхъ племенъ въ азіатской Россіи, единственные христіане по религіи или по имени—переселенцы изъ Европы. Что касается до магометанской религіи, развившейся южнѣе нежели іудейство и христіанство, то она распространилась на громадное пространство и въ особенности далеко на югъ и на востокъ отъ христіанскихъ владѣній. Аравія, родина Ислама стала мусульманской страной, равно какъ и Палестина, въ которой развились іудейство и христіанство. Почти вся западная Азія, до самаго Гинду-Куша, принадлежитъ разнымъ магометанскимъ сектамъ; въ Индустанѣ почитатели пророка болѣе многочисленны и могущественны, чѣмъ гдѣ-бо ты ни было: ихъ власть простирается далеко на Китай и на Зондскій архипелагъ. Сѣверъ Африки былъ также обращенъ въ исламъ арабами, и даже внутри этого континента, мусульманская религія была всегда въ полномъ своемъ развитіи. Въ Европѣ она исповѣдуется только османлисами Турціи, затѣмъ татарами и разными инородцами Россіи. Исламъ былъ изгнанъ огнемъ и мечемъ изъ всей южной Европы, но вліяніе его на европейскую цивилизацію было далеко не безслѣдно. Мавры были въ продолженіи нѣкотораго времени воспитателями западныхъ націй и, не напрасно для прогресса наукъ и искуствъ, арміи крестоносцевъ сражались два вѣка противъ Саррацинъ, чтобы собственно завладѣть „святой“ землею, родиной Авраама и Іисуса.

VI.

Если смотрѣть сверху внизъ на драму всемірной исторіи, то она есть ничто иное, какъ рядъ безпрерывной борьбы между Европой и Азіей, съ различными лишь перемѣнами. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Азіи: она первая выслала въ Европу земледѣльцевъ, создала религіозныя миѳы, принесла письменность. Поворотъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ начался для Европы еще въ тѣ легендарныя времена, къ которымъ относится миѳическое сказаніе о походѣ Аргонавтовъ; но первая большая побѣда со стороны Европы, которой собственно и открывается европейская исторія, это—когда свободные граждане Аѳинъ одержали побѣду надъ полчищами рабовъ Дарія и Ксеркса. Тогда обнаружилась разница между цивилизаціями Греціи и Востока. Греки понимали—и мы ихъ питомцы поняли въ одинъ изъ знаменательныхъ для насъ дней,—что истинная цѣль жизни поддерживать и расширять свободу, не щадя живота. Тѣ моменты, когда цѣлый народъ выказывался достойнымъ постоять за свое дѣло остаются самыми славными въ исторіи человѣчества. Тѣ поля битвъ, на которыхъ происходили лишь простыя бойни для полу-

мильона жертвъ, всегда забываются, между тѣмъ какъ Ѳермопилы, Платея, Мараѳонъ и Саламинъ становятся навсегда памятными.

Послѣ тѣхъ побѣдъ, которыми такъ торжественно началась исторія современнаго человѣка, Европа должна была не безъ борьбы охранять свое возникающее превосходство. Александръ конечно, побѣдилъ въ самое короткое время почти всю западную Азію и его имя, какъ полубога, раздается еще и по настоящее время на Кавказѣ, въ Бактріи, у подножья Алтая и даже за Байкаломъ [1]); но если македоняне проникли съ оружіемъ въ рукахъ въ самое сердце Азіи, то черезъ это они сами стали азіатами и, присоединивъ Грецію къ Азіи, лишь тѣмъ содѣйствовали довершенію плановъ Дарія и Ксеркса. Если Римъ, въ свою очередь, высылалъ противъ Востока свои побѣдоносныя арміи, то онъ былъ самъ впослѣдствіи еще болѣе порабощенъ религіей вышедшей изъ Палестины, будучи охваченъ азіатскими понятіями и нравами; даже самый центръ имперіи былъ перенесенъ туда, куда его словно тянула притягательная сила азіатскаго материка—на Босфоръ. Въ ту пору, когда цивилизованные народы юга, арійцы и семиты ревностно распространяли свое нравственное вліяніе на Востокѣ, движеніе среди варварскихъ племенъ западнаго континента и Азіи вызвало перетасовку расъ, если не въ западной Европѣ, то на равнинахъ Россіи. Лишь только Римская Имперія была поколеблена, какъ восточный міръ сталъ давить Европу тѣмъ гнетомъ, отъ котораго она не освободилась и черезъ 1000 лѣтъ. Алане, авары, разныя племена Кавказа, гуны, печенѣги, куманы, мадьяры, финны, а затѣмъ наконецъ татары, монголы, входили въ Европу черезъ ея стенныя пространства; одинъ изъ этихъ пришлыхъ народовъ даже основалъ въ Карпатахъ цѣлое государство, существующее и по-нынѣ. А съ южной стороны, арабы, пробираясь по берегамъ Средиземнаго моря, вошли въ самую внутрь Галліи; ихъ единовѣрцы турки, завладѣли Балканскимъ полуостровомъ и сдѣлали столицей своей имперіи тотъ городъ, который былъ вторымъ Римомъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій можно было опасаться, что европейскій міръ долженъ будетъ исчезнуть подъ наплывомъ волнъ, нахлынувшихъ съ Востока.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій въ исторіи—это почти внезапное возникновеніе въ началѣ XIII вѣка, монгольской имперіи, самой громадной изъ когда либо существовавшихъ. Численность кочевыхъ народовъ восточной Азіи, включая сюда даже самыхъ миролюбивыхъ изъ нихъ, не могла простираться свыше 4 или 5 мильоновъ душъ. Климатическія условія и почва не могли замѣтно измѣниться со времени среднихъ вѣковъ и потому можно заключить, что въ эпоху наплыва монголовъ въ Европу, въ азіатскихъ степяхъ было почти тоже самое число

[1]) *Kropotkin*, Notes manuscrits.

жителей, что теперь и собственно-то людей способныхъ носить оружіе, въ той части Азіи, не могло превосходить полумильона. Сколько же было этихъ воиновъ соединившихся въ полчища, чтобы отправиться на наживу, не опасаясь гибели при переходахъ черезъ безплодныя пустыни? Несомнѣнно, что орды кочевниковъ не могли сформировать тѣхъ несмѣтныхъ армій о которыхъ говорятъ лѣтописи среднихъ вѣковъ [1]). Ужасъ и страхъ нагнанные на побѣжденныхъ, преувеличили численность побѣдителей; бѣглецы воображали, что толпы нападающихъ должны быть несмѣтны, для того чтобы этимъ объяснить собственное внезапное пораженіе. Восточныя страны были для нихъ какой-то „лабораторіей, гдѣ приготовляли людей"; хотя однако, извѣстно, что европейскія страны будучи гораздо плодороднѣе и пользуясь болѣе счастливымъ климатомъ, производили населеніе въ большемъ изобиліи. Въ дѣйствительности, побѣды монголовъ зависѣли не столько отъ численности воиновъ, сколько отъ быстроты передвиженій, отъ внезапныхъ аттакъ и единства дѣйствій, тогда какъ населеніе европейскихъ странъ, занятыхъ непріятелемъ, было разбросано, безъ связи, не способное сопротивляться всей массой, въ силу своихъ земледѣльческихъ привычекъ, удерживавшихъ ихъ въ деревняхъ. Войско высланное Чингисъ-Ханомъ изъ Самарканда, въ погоню за султаномъ Аладиномъ, и состоявшее всего изъ 20,000 человѣкъ, въ три года прошло побѣдителемъ черезъ Хоросанъ, Персію, Арменію, Грузію, Кавказъ, Крымъ, Поволжье и вернулось назадъ къ своему повелителю [2]).

Чтобы достигнуть равнинъ Китая, монголамъ стоило только спуститься съ своихъ безплодныхъ плоскогорій въ долины, по которымъ текутъ притоки Гоанго. Нѣсколько дорогъ были однако заграждены отъ нихъ Великой стѣной, за которой были расположены счастливыя южныя страны; имъ оставалось только избрать для своей цѣли проходъ лежащій въ западной части Азіи, тамъ гдѣ по близости начинались владѣнія европейцевъ: но не всѣ, однако, могли достигнуть его. Во время большихъ передвиженій племенъ, множество воиновъ были оттѣсняемы на западъ другими ордами, затеривались въ Кашгаріи, окруженной непроходимыми для арміи горами, содѣйствуя увеличенію помѣсей или такъ сказать, этнологическихъ осадковъ, образовавшихся въ проходахъ центральной Азіи. Тѣмъ не менѣе выходцы, составлявшія ядро массы, хорошо знали настоящія проходы по преданіямъ и, слѣдуя дорогой,

---

[1]) И все же при опредѣленіи численнаго состава ордъ, нахлынувшихъ въ Европу, нельзя, повидимому, брать въ расчетъ только однихъ кочевниковъ Азіи: кромѣ нихъ, во многихъ мѣстностяхъ Средней Азіи существовало и осѣдлое населеніе, какъ это доказываютъ развалины многолюдныхъ городовъ, ирригаціонныхъ каналовъ и проч.
Прим. перев.

[2] *Grigorjew*, Russische Revue, 1875, t. IV № 4.

черезъ древніе морскіе проливы Дзунгаріи, пробрались къ южному подножью Алтая. Въ этихъ проходахъ, потоки человѣческихъ волнъ, подобно морю, бушевавшему здѣсь въ былое время, устремились въ равнины западной Сибири, чтобы оттуда направиться однимъ въ Европу, другимъ въ Персію, Индію, захватывая попутно не только народовъ своей расы, т. е. татаръ и монголовъ, но также и толпы побѣжденныхъ, которыя покидали опустошенныя земли, отправляясь искать свою долю въ побѣдахъ и грабежахъ. Разъ вышедши изъ центральной Азіи, ни одна орда не возвращалась уже болѣе на родныя пастбища. Указываютъ впрочемъ, на одинъ примѣръ,—это съ астраханскими колмыками, которые въ 1770 году пытались уйти туда, чтобы ускользнуть отъ власти Россіи; но только не многимъ изъ нихъ удалось добраться до страны своихъ предковъ, къ подножью Алтая. Теперь тамъ, въ центрѣ Монгольской имперіи, у Дзунгарскихъ воротъ, т. е. тамъ гдѣ прежде происходила тамъ такая сумятица, теперь не болѣе какъ пустыня. Населеніе, которое жило на сѣверъ отъ Китая и когда-то столь буйное, стало теперь совершенно мирнымъ; можетъ быть это можно приписать политикѣ Китая, заинтересованнаго распространеніемъ ученія Ламы въ Монголіи, которое смогло, по крайней мѣрѣ въ частяхъ, прилегающихъ къ китайскимъ владѣніямъ, измѣнить воинственный народъ въ монашествующій [1]).

Слѣды древнихъ переселеній еще не уничтожились. Смѣшанность фауны и флоры, которая замѣтна на границѣ двухъ континентовъ [2]) можетъ быть приравнена и къ населенію, живущему въ естественныхъ предѣлахъ той впадины, которая была когда-то покрыта моремъ, раздѣлявшимъ два континента. Самоѣды и лапландцы могутъ быть еще разсматриваемы, какъ азіаты, хотя они и занимаютъ западное положеніе территоріи, вмѣстѣ съ другими племенами, живущими въ центральной части Европейской Россіи, т. е. съ чувашами, мордвой, черемисами и прочими инородцами, сильно напоминающими своими обычаями азіатскихъ остяковъ, однако живущихъ довольно далеко отъ нихъ, и окружены русскими. Башкиры, татары, киргизы и калмыки живутъ себѣ въ Европѣ точно также, какъ и въ своихъ родныхъ странахъ. Но если нѣкоторыя азіатскія племена проникли черезъ Скандинавію до самыхъ береговъ Атлантическаго океана, то европейскіе народы стали въ свою очередь производить вторженіе въ Азію: славяне стоятъ уже твердой ногой на берегахъ Великаго Океана и въ Закавказьѣ. Эгейское море и Мраморное не образуютъ этнологическихъ границъ: напротивъ, воды этихъ морей омываютъ какъ берега Греціи, такъ и Анатоліи, гдѣ греки болѣе многочисленны, нежели турки, живущіе въ той части европейскаго континента, которая была отнята у нихъ.

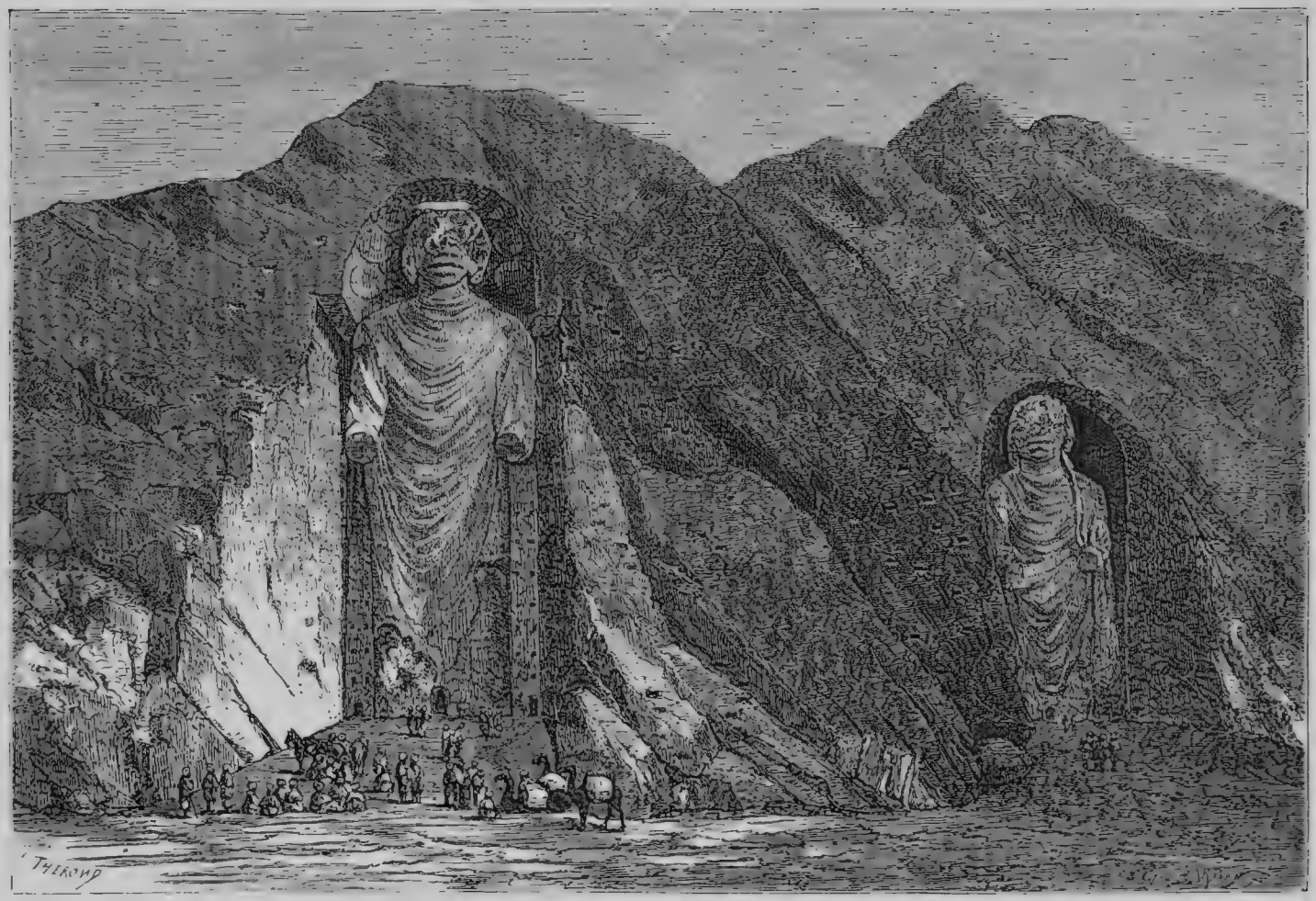
---

[1]) *F. von Richthofen*, China I.

[2]) *Сѣверцовъ*. Извѣст. Русск. Геогр. Общ. 1877. т. XIII.

Азіаты, бывшіе когда-то инціаторами, представляютъ теперь передъ лицомъ Европы, элементъ варварскій. Хотя къ западной цивилизаціи примѣшивается и много дурнаго, но можно сказать, что Европа, — континентъ спеціально „арійскій“, — есть воспитательный очагъ для народовъ Азіи. Общее движеніе культуры прежде распространялось съ востока на западъ, слѣдуя ходу солнца; въ настоящее же время лучи европейской жизни расходятся во всѣ стороны: въ Азію, Африку, Новый Свѣтъ и Австралію. Скоро минетъ уже четыре вѣка какъ перевѣсъ Европы въ дѣлѣ воспитанія всего міра окончательно установленъ; путешествія и открытія, постепенно знакомившія съ очертаніями материковъ, позволили европейцамъ въ то же время установить прочно свое вліяніе въ странахъ открытыхъ ими. Конечно, всюду, гдѣ высаживались европейскіе мореплаватели впервые, они давали доказательства своей высшей цивилизаціи, было-ли то избіеніе туземцевъ, обращеніе ихъ въ невольничество или обманы и развращеніе ихъ тысячами способовъ. Ненавистью и пораженіями другъ друга начинались отношенія между человѣческими расами: они сильно боролись передъ тѣмъ, какъ ознакомиться другъ съ другомъ, какъ съ разными лишь представителями человѣчества.

Цивилизаторское вліяніе Азіи на Европу исходило съ различныхъ частей материка; точно также и европейское вѣяніе даетъ себя чувствовать въ Азіи съ разныхъ пунктовъ, при посредствѣ приморскихъ странъ: сначала одни португальцы ступили ногой на берега Индустана, Индукитая и Малайскаго архипелага; потомъ испанцы, голландцы, англичане и французы учредили свои конторы или свои укрѣпленія по берегамъ и на островахъ. Кипръ—островъ англійскій, Малая Азія, по крайней мѣрѣ фиктивно, считается подъ протекторатомъ Англіи, а ея агенты уже *покровительствуютъ* Белуджистану, Авганистану и вѣроятно Персіи; нѣкоторыя пункты на аравійскомъ берегу а также и на персидскомъ, прямо или косвенно, принадлежатъ Великобританіи; она же присматривается уже ко всему прибрежью Оманскаго залива; полуостровъ Индустанъ, островъ Цейлонъ, часть Индукитая—англійскія владѣнія или владѣнія ихъ данниковъ. Порядочный кусокъ Индіи, по ту сторону Ганга, находится во владѣніи или же въ нѣкоторомъ подчиненіи у французовъ; Голландія, Англія и Испанія раздѣлили вмѣстѣ съ мѣстными султанами архипелагъ, соединяющій Азію съ Австраліей. Изъ восточныхъ государствъ, Японія быстрѣе всѣхъ проникласъ вліяніемъ европейскихъ идей и ввела у себя соотвѣтственныя преобразованія; въ приморскихъ городахъ Китая построились цѣлыя кварталы, населенные европейцами и американцами. Наконецъ вся сѣверная часть континента находится подъ властью Россіи, самой обширнѣйшей державы на земномъ шарѣ: въ концѣ XVI вѣка козаки покорили для своего царя всю Сибирь съ ея различными племенами а также и пушными звѣрями, составлявшими предметъ ихъ охоты.



КОЛОСАЛЬНЫЕ ИДОЛЫ ВЪ БАМІАНСКОЙ ДОЛИНѢ.

Можно считать, что болѣе чѣмъ половина поверхности Азіи и треть ея населенія подчинены европейскимъ государствамъ. Болѣе подробныя свѣденія дають слѣдующія числа, опредѣляющія (приблизительно) численность населенія и величину территорій, подчиненныхъ прямо или косвенно европейцамъ:

	пространство	съ населеніемъ въ:
Русскія владѣнія занимаютъ	16,890,000 кв. кил.	17,000,000 душъ.
Англійскія . . . „ .	6,930,000 „ „	248,500,000 „
Голландскія . . . „ .	1,740,000 „ „	26,600,000 „
Французскія . . . „ .	140,500 „ „	1,760,000 „
Испанскія . . . „ .	295,500 „ „	7,450,000 „
Португальскія . . „ .	18,000 „ „	770,000 „
Итого . .	26,014,000 кв. кил.,	съ 313,080,000 душъ.

Слѣдовательно въ Азіи почти столько же не-христіанъ, сколько въ Европѣ католиковъ и протестантовъ различныхъ вѣроисповѣданій, взятыхъ вмѣстѣ, включены добровольно или силою въ кругъ европейской политики.

VII.

На островахъ и въ приморскихъ странахъ, гдѣ европейцы учредили свои конторы или колоніи, движеніе во внутрь материка все болѣе и болѣе увеличивается посредствомъ торговли и политики, хотя собственно дѣло открытій еще далеко не закончено. Въ центральной части Азіи есть еще обширныя пространства, гдѣ путевыя линіи новѣйшихъ путешественниковъ, измѣрявшихъ пройденный путь и описавшихъ его въ общихъ чертахъ, еще до сихъ поръ не пересѣклись. Въ мѣстностяхъ, уже посѣщенныхъ ими, много пунктовъ остались неизвѣстными, а сколько фактовъ, требуютъ подтвержденія, сколько еще можно увидѣть новыхъ мѣстоположеній и городовъ, сколько бы народовъ нужно лучше изучить!

Извѣстно, что древніе, корабли которыхъ не рисковали пускаться въ Индійскій океанъ, къ „странѣ шелка“, вели торговлю, хотя и съ затрудненіями, съ Серикой, посредствомъ дорогъ, которыя никогда не были извѣстны западнымъ полководцамъ и по которымъ древніе купцы водили свои караваны. Вѣроятно невозможно отыскать ихъ точные маршруты у греческихъ писателей; но главный складъ товаровъ былъ въ городѣ Бактрѣ, и легко возможно, что путь, упоминаемый у Птоломея, шелъ на востокъ, въ верхнюю равнину Оксуса и пересѣкалъ южную часть Памира, а оттуда спускался по одному изъ притоковъ Эхардеса или теперешняго Тарима въ бассейнъ, извѣстный въ наше время подъ именемъ Кашгаріи; желательно бы также отыскать Каменную Башню, о которой упоминаютъ купцы древности, въ Ташъ-Курганѣ или „Холмѣ

изъ каменьевъ", находившейся на берегу одного изъ притоковъ Ярканда, на плоской возвышенности Сириколь, т. е. на одномъ изъ восточныхъ спусковъ Памира [1]). Китайцы, въ началѣ нашей эры, будучи еще на вершинѣ своего военнаго могущества, побѣдили западную Татарію, и въ то время, когда ихъ войска слѣдовали черезъ проходы, расположенные на сѣверъ отъ Тянь-Шана, купцы и богомольцы ихъ же національности держались болѣе крутой дороги, шедшей черезъ „Маковку Земли". Гіуэнъ-Цангъ, знаменитѣйшій изъ китайскихъ пилигримовъ, разсказываетъ о своемъ путешествіи съ такими подробностями, что можно бы было по нимъ составить его маршрутъ на картѣ Памира; возвращался же онъ въ свое отечество черезъ ту же верхнюю долину Оксуса, по которой онъ выбрался на плоскую возвышенность. Что касается до Марко Поло, то этотъ, отправившись изъ Бактріи, слѣдовалъ по пути, вѣроятно, мало разнящемуся отъ того, по которому ходили его греческіе предшественники, и прошелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ всю „гладь Памира, который считается самымъ высокимъ мѣстомъ на землѣ". Изъ Ярканда онъ обогнулъ степь Гоби, чтобы войти въ самый Китай, около истоковъ Гоанго. Впродолженіи послѣднихъ шести столѣтій не было еще ни одного путешественника, который бы тоже пересѣкъ континентъ съ запада на востокъ и могъ бы съ нимъ сравниться въ этомъ отношеніи, такъ какъ позже многіе проходили только часть его пути. Кромѣ того, Марко Поло, будучи важнымъ сановникомъ Китайской Имперіи, посѣтилъ почти всѣ провинціи этого государства, восточный Тибетъ и проникъ въ Бирманію черезъ тѣ малоизвѣстныя страны, которыя отдѣляютъ Юнъ-Нанъ отъ Индокитая. Своими увлекательными повѣствованіями о Китаѣ, его городахъ и островахъ, Марко Поло, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ путешественниковъ, могъ развить страсть къ открытіямъ: это онъ показалъ Колумбу призракъ, преслѣдовавшій послѣдняго въ его плаваніяхъ по западнымъ морямъ [2]).

Когда Марко Поло проходилъ чрезъ пустыни Памира, другой путь изъ Европы въ Монголію лежалъ сѣвернѣе и былъ уже пройденъ множествомъ купцовъ, монаховъ и посланниковъ. Въ половинѣ XIII столѣтія, центръ тяжести Монгольской Имперіи, которая простиралась тогда отъ Южнаго Моря до Чернаго, находился вблизи Алтая и очень естественно, что большая торговая дорога шла прямо къ Каракоруму, столицѣ этого громаднаго государства; орды монголовъ и татаръ слѣдуя этой дорогой, прошли къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, въ долину Яксарта; по ней прошли такъ же Планъ де-Карпинъ и Рубрукъ, посланные Людовика IX. Европейскіе искатели приключеній толпились тогда у императорскаго

[1]) *Rowlinson*, Journal of the R. Georg. Soc., 1872; *Paquier*, Le Pamir.
[2]) *Oscar Peschel*, Geschichte der Erdkunde.

шатра и сношенія Запада съ имперіей Востока были такъ многочисленны, что думали даже основать кафедру монгольскаго языка въ Парижской Сорбоннѣ [1]).

Но могущество монголовъ вскорѣ пало, Каракорумъ пересталъ быть столицей и развалины его очутились въ пустынѣ. Тѣмъ не менѣе дорога изъ Китая черезъ сѣверную сторону Тянь-Шаня и ворота Джунгаріи, была всегда извѣстна купцамъ. Пеголотти, а вслѣдъ за нимъ и другіе, проходили по ней въ XIV вѣкѣ и, вѣроятно, она считалась очень важной въ экономическомъ отношеніи, если промышленники долгое время не обращали вниманія на великое открытіе—океаническій путь. Когда дороги въ Индію, вокругъ мыса Доброй Надежды, и въ Новый Свѣтъ хорошо извѣстны, когда стало очень легкимъ дѣломъ отправляться, не подвергаясь никакой другой опасности, кромѣ бурь, на острова, богатые золотомъ, жемчугомъ и пряными кореньями, тогда только негоціанты начали забывать пустыни далекой Азіи, отдѣлявшія ихъ отъ богатыхъ рынковъ Китая. Длинныя и опасныя дороги Татаріи, Джунгаріи и Монголіи были оставлены, и только въ настоящее время снова принимаются за дѣло, начатое Марко Поло. Въ наше время лицъ, отправляющихся въ подобныя экспедиціи очень много, они вооружены всѣмъ, что можетъ дать наука и пользуются со стороны туземцевъ тѣмъ почтеніемъ, которое послѣдніе оказываютъ могущественнымъ европейскимъ націямъ. Кругъ неизслѣдованныхъ мѣстностей, съ каждымъ шагомъ путешественника, изъ года въ годъ, все болѣе и болѣе съуживается. Таинственная область Памиръ описана уже въ общихъ чертахъ; сѣверный и западный Китай, изслѣдованъ уже по всѣмъ направленіямъ. Но нѣкоторыя мѣстности Тибета все еще представляютъ собою невѣдомыя страны и очень важныя географическія задачи не будутъ разрѣшены до тѣхъ поръ, пока европейскіе изслѣдователи не посѣтятъ эти мѣста. Можно сказать, что Азія не имѣетъ еще географическаго единства по отношенію къ исторіи человѣка, такъ какъ центральныя части ея неизвѣстны въ деталяхъ движенія народовъ и торговыя сношенія продолжаютъ производиться океаническимъ путемъ и черезъ приморскія страны.

Необходимымъ слѣдствіемъ постепенныхъ открытій внутри материка и прогресса въ торговлѣ, будетъ сообщеніе Азіи той географической цѣльности, которой ей теперь не достаетъ, и, въ силу равновѣсія со всѣмъ остальнымъ міромъ, въ ней должны будутъ произойти перемѣны. Не далеко то время, когда сѣти европейскихъ желѣзныхъ дорогъ будутъ продолжены въ Азію и соединятъ города Босфора и Индустана, когда линіи прямого сообщенія пройдутъ отъ береговъ Вислы до бере-

---

[1]) *Abel Rémusat*, Rapports des princes chrétien avec le grand empire des Mongols, Mémoires de l'Institut, Acad. des Inscript., tome VI.

говъ Инда, и путешественники будутъ отправляться толпами въ области теперь неизвѣстныя, напр. въ Восточный Тибетъ, въ которомъ, навѣрно, увидятъ нѣкоторыя изъ наиболѣе грандіозныхъ явленій, касающихся жизни нашей планеты: тамъ находятся, недалеко другъ отъ друга, истоки нѣкоторыхъ очень важныхъ рѣкъ, спадающихъ съ высочайшихъ на земномъ шарѣ плоскогорій въ низменности, можетъ быть, въ видѣ чудныхъ водопадовъ или горныхъ потоковъ, низвергающихся въ ущелья, въ сотни и тысячи футовъ глубиною. Индія и Китай — двѣ страны, гдѣ населеніе наиболѣе скучено, войдутъ въ непосредственное сношеніе; Калькутта и Шанхай проведутъ на встрѣчу другъ другу торговыя дороги.

Всѣ эти экономическіе перевороты значительно поднимутъ многіе изъ тѣхъ городовъ, которые или обѣднѣли или совсѣмъ исчезли, послѣ того какъ сухопутныя дороги были оставлены ради дорогъ океаническихъ болѣе опредѣленныхъ и менѣе затруднительныхъ. Невозможно, чтобы не возродились снова большіе города въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Бактрія и Согдіанъ, въ которыхъ главныя дороги, что пойдутъ изъ Средней Европы и Индіи, должны будутъ пересѣчься съ тѣми, которыя будутъ проложены въ Месопотамію, Сирію и Египетъ. Самаркандъ, Бактръ и Гератъ поднимутся снова на мѣстѣ древнихъ развалинъ или же поодаль отъ нихъ, но въ мѣстности, пользующейся тѣми же географическими преимуществами. Тоже самое можно сказать и относительно долины рѣкъ-близнецовъ Тигра и Ефрата и о Вавилоніи и Ниневіи, такъ какъ, благодаря исключительному благопріятному положенію, которымъ пользуется эта мѣстность, ее пересѣкутъ всѣ тѣ дороги, что пойдутъ къ морямъ Черному, Средиземному, Каспійскому и къ заливамъ Персидскому и Аравійскому. Но кромѣ тѣхъ городовъ, которые снова „возникнутъ изъ праха“, выростутъ въ Центральной Азіи еще новые города; съ проведеніемъ иныхъ путей сообщенія, въ плоскогоріяхъ и пустыняхъ, раздѣлявшихъ прежде народы, образуются сами собой новые жизненные пункты, новые центры тяготѣнія для народовъ. Гдѣ построятся эти громадныя столицы, которыя будутъ служить общей метрополіей для китайцевъ и русскихъ, для индійцевъ и европейцевъ? На этотъ вопросъ пока еще нельзя отвѣтить, такъ какъ его рѣшеніе поставлено въ зависимость не только отъ климата и почвы, но и отъ политическаго соперничества. Азія—это полe битвъ, на которомъ въ будущемъ произойдутъ рѣшительныя стычки въ исторіи человѣческаго рода.

Европейское вліяніе на населеніе Азіи все ростетъ и этотъ обширный континентъ все болѣе и болѣе становится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ простую зависимость отъ маленькаго полуострова, примыкающаго къ ея западной оконечности. Могущество Европы сказывается здѣсь вліяніемъ двухъ соперничествующихъ державъ—Англіей и Россіей,

которыя такъ сильно разнятся между собою традиціями, политическимъ положеніемъ и интересами. Россія владѣетъ сѣверной областью, Англія—южной; различные мелкіе народы и тамъ и здѣсь, пытаясь поддержать свою независимость, все болѣе и болѣе втягиваются въ кругъ владѣній этихъ большихъ государствъ. На крайнемъ Востокѣ Японія блюдетъ свою политическую автономію и начинаетъ соперничать съ Европой административными нововведеніями. Китайцы же не разстаются ни съ одной изъ своихъ національныхъ особенностей; власть ихъ уменьшилась со времени наплыва въ Азію иностранцевъ и трактатами, продиктованными ими на китайской территоріи. Поднебесная Имперія, заключающая въ себѣ, можно полагать, третью часть населенія всего земнаго шара и пятую часть въ одномъ только бассейнѣ Янцекіанга, тяготится уже массою своихъ обитателей; но этотъ полу-милліардъ душъ, толпы которыхъ могутъ однимъ своимъ натискомъ подавить арміи, владѣетъ еще той силой, которую даютъ ему промышленность, трудъ, терпѣніе; ихъ здравый смыслъ, правильность привычекъ и неутомимая настойчивость дѣлаютъ ихъ страшными для конкуррентовъ. Кромѣ того, сравнительно съ индусами, они пользуются еще важными преимуществами, зависящими отъ тѣсной родственной связи между расами и прочнаго національнаго союза, при которыхъ имъ не страшны ни внутреннія междуусобицы, ни племенная ненависть, ни партіи, ни касты. Помимо всего этого, они своей трезвостью и умѣреннымъ образомъ жизни легче чѣмъ другіе народы способны приспособляться къ климатическимъ условіямъ самыхъ разнообразныхъ странъ: это раса, которая и возобновляется и держится рѣзнею. Въ вопросѣ о преобладаніи въ Азіи задѣты нетолько Англія и Россія, какъ это многіе полагаютъ, но и Китай обѣщаетъ, рано или поздно, быть сильнымъ противникомъ въ борьбѣ за свое господство. Даже болѣе: китайская нація не можетъ избѣгнуть столкновенія съ бѣлымъ населеніемъ Европы и Америки въ основныхъ вопросахъ цивилизаціи и нравовъ, прежде чѣмъ она не сдѣлается дѣятельнымъ и сознательнымъ соучастникомъ въ этихъ вопросахъ. Это неизбѣжное столкновеніе пріостановитъ на время умственный прогрессъ человѣчества, которое окончится не прежде, чѣмъ выработаются общія идеи и взгляды и пока исходные пункты, подкрѣпленные наукой, не позволятъ тронуться вмѣстѣ впередъ [1]).

Столкновеніе этихъ трехъ враждебныхъ державъ еще замедлено громадностью пространства, отчасти занятаго пустынями, раздѣляющими ихъ. Если Китай легко доступенъ съ моря, то за то вполнѣ защищенъ съ суши: тамъ, гдѣ онъ соприкасается съ русскими владѣніями, лежатъ области скорѣе пустынныя, чѣмъ населенныя; а по другую сторону китайской границы, порубежное русское населеніе такъ малочисленно, что не

[1]) *Letourneau.* Encyclopédie nouvelle.

можетъ производить на Китай никакого политическаго давленія. Между «Срединнымъ Цвѣткомъ» Янгъ-Це и англійской Индіей нѣтъ пустынь, но за то горныя области, совсѣмъ еще неизслѣдованныя, составляютъ раздѣляющую ихъ полосу. Въ западной же части континента, промежуточная полоса, отдѣляющая владѣнія русскихъ или владѣнія ихъ данниковъ отъ англійской Индіи, простирается въ ширину на нѣсколько сотъ верстъ, а народы, живущіе на этой полосѣ, сохраняютъ еще свою политическую независимость: они храбро сопротивляются съ той и другой стороны англійскимъ и русскимъ нашественникамъ, стремящимся завладѣть стратегическими пунктами на ихъ территоріи. Государственные люди, мнѣнія которыхъ имѣютъ авторитетное значеніе, утверждаютъ, искренно или съ цѣлью провести противника, что промежуточная полоса будетъ всегда неприкосновенна для обѣихъ соперничествующихъ державъ и что передовые посты, выдвигаемые въ Туркестанѣ и въ Индіи, ни сколько ни грозятъ въ будущемъ встрѣчею у воротъ Гиндукуша или у истоковъ Мургаба.

Въ военномъ отношеніи Китай далеко уступаетъ другимъ двумъ державамъ. Хотя онъ благоразумно воспользовался послѣднимъ двадцатилѣтіемъ внѣшняго мира, чтобы преобразовать свою армію, пополнить арсеналы, отлить пушки, построить броненосцы, но сомнительно, чтобы онъ, внѣ своихъ владѣній, могъ помѣриться силой съ одной изъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, китайское правительство, съ господствующимъ въ немъ этикетомъ и порабощенное традиціями, очень трудно выдвинуть на тотъ новый путь, на который влечетъ исторія; оно конечно не соглашается, чтобы иностранцы пользовались богатствомъ почвы и торговыми выгодами въ ущербъ коренному населенію. Принимая къ себѣ иностранцевъ съ почтеніемъ, требуемымъ договорами, китайцы въ тоже время умѣютъ оградить свои экономическіе интересы. Они охотно, послѣдовательно, и не торопясь пользуются всѣми открытіями и усовершенствованіями, которыя заносятся къ нимъ, но любятъ прилагать ихъ у себя сами, отстраняя мало по малу своихъ учителей. Благодаря европейцамъ, у которыхъ они обучились нѣкоторымъ искуствамъ, китайцы стали теперь гораздо сильнѣе противъ того времени, когда они впервые открыли имъ къ себѣ доступъ. Соблюдая свое высокое положеніе, которымъ пользуются съ незапамятныхъ временъ и которое создано условіями самой почвы, и не потрясая историческихъ основъ народной жизни, они могутъ поставить себя въ иныя условія принявъ вызовъ на борьбу цивилизаціи съ цивилизаціей же, съ торговыми народами, заставившими ихъ открыть устья своихъ рѣкъ пушечными выстрѣлами. Съ матеріальной стороны, Китай обладаетъ той значительной силой, которую ему даетъ численность населенія. Въ Манджуріи, на Формозѣ и въ центральной области, китайцы, мало-по-малу, побѣждаютъ территоріи культурой, и часто даже

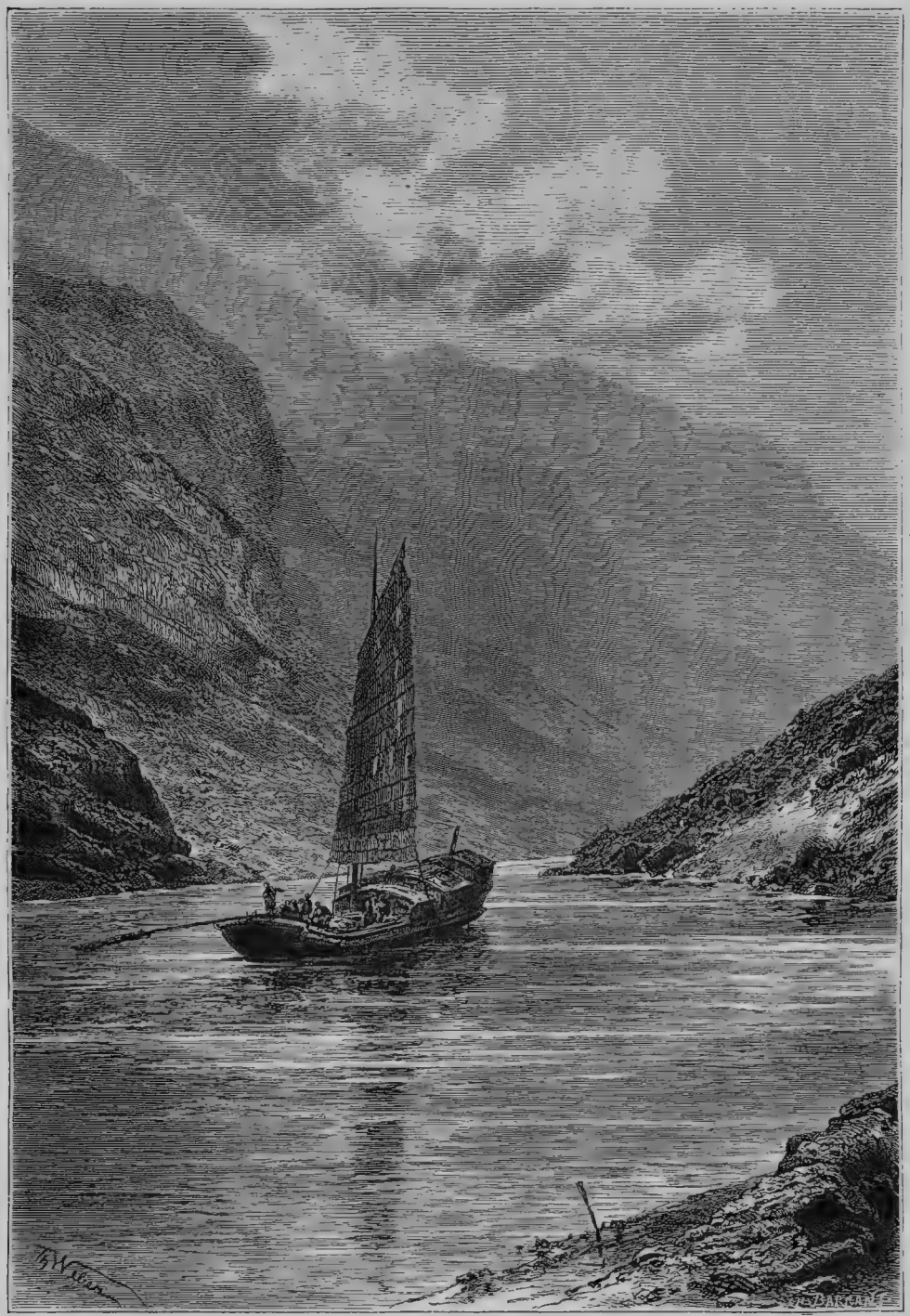
въ чужихъ краяхъ, куда они уходятъ, однако, безъ своихъ семействъ, пользуются численнымъ перевѣсомъ. Ихъ отечество набито биткомъ и китайскій народъ уходитъ оттуда, въ Индію, что по ту сторону Ганга, на Зондскій архипелахъ, въ Австралію, на Сандвичевы Острова и въ Соединенные Штаты.

Въ противуположность Китаю, Англія не можетъ бороться за свою власть въ Азіи цѣлой народной массой. У нея нѣтъ никого кромѣ наемниковъ тамъ, гдѣ находится ея главная резиденція на восточномъ континентѣ. Но все же завоеванная англичанами территорія, есть для нихъ опорная точка, которая даетъ страшную силу какъ для сопротивленія, такъ и для нападенія. Кромѣ того, она формируетъ арміи въ своей имперіи, гдѣ скучена болѣе чѣмъ шестая часть населенія всего земного шара и собираетъ въ видѣ налоговъ съ индусскихъ крестьянъ сумму на столько значительную, что ей не приходится обращаться къ бюджету метрополіи. Безъ сомнѣнія, англичане не могутъ расчитывать на привязанность порабощенныхъ и даже ихъ слишкомъ презираютъ, чтобы требовать этого; очевидно также, что наступятъ времена, когда жители Индустана на столько разовьются, что сбросятъ съ себя англійское ярмо, но, кажется, что это время наступитъ еще не скоро. Конечно Англія теперь сильнѣе укрѣпилась въ Индіи, чѣмъ до возстанія сипаевъ въ 1857 году, но все же, войска ея набраны изъ туземцевъ, которые составляютъ главную часть ея арміи и администрація можетъ успѣшно дѣйствовать только благодаря индусамъ же или „eurasiens“, т. е. метисамъ, занимающимъ всѣ низшія должности. Здѣсь нѣтъ еще иной власти, кромѣ власти англичанъ: кое-гдѣ формировалось общественное мнѣніе, но оно остается лишеннымъ всякой власти въ странѣ, гдѣ расы и касты разбили ее на множество разнохарактерныхъ обществъ: общая разрозненность подчиняетъ ихъ власти немногихъ. Англичане, принадлежащіе почти всѣ безъ исключенія къ богатому и господствующему классу, не держатъ у себя даже прислуги, принадлежащей къ ихъ расѣ, такъ какъ этотъ родъ занятій унижаетъ-де британскую спѣсь; а они здѣсь живутъ какъ боги, витая въ высшемъ мірѣ надъ порабощенной толпой, которая ихъ ненавидитъ, но трепещетъ.

Для Англіи очень важная задача, независимо отъ всякихъ перемѣнъ во внутренней политикѣ, не только поддерживать свое владычество въ Индіи, но и соединить легкими и быстрыми путями два центра своей громадной имперіи, «въ которой солнце никогда не заходитъ». Ей недостаетъ, какъ государству географической связи, такъ какъ между ея владѣніями находятся большія пробѣлы. Дорога отъ Лондона до Калькутты, какъ для флота, такъ и для арміи, далеко не гарантирована; можно бояться нападенія съ фланга, если Россія завладѣетъ Дарданеллами и верхнимъ бассейномъ Ефрата, или, если поставитъ казачьи гар-

низоны по крѣпостямъ Авганистана. До настоящаго времени Англія, благодаря скорости своихъ пароходовъ, имѣетъ большое преимущество передъ Россіей въ борьбѣ за власть: англійскія войска могутъ гораздо скорѣе проплыть разстояніе, отдѣляющее Темзу отъ Инда, нежели слабые отряды русскихъ экспедицій успѣютъ пройти пустынными берегами Каспійскаго моря къ оазису Мургаба. Что бы ни говорили карты, а Англія повидимому гораздо ближе къ Индіи, нежели Россія къ верховьямъ Оксуса. Средиземное море принадлежитъ британскому флоту, Суэцкій каналъ можетъ быть закрытъ для прохода судовъ другихъ націй, если того захочетъ Англія; точно также, она властвуетъ на Красномъ морѣ и на Аравійскомъ берегу, равно какъ въ Персидскомъ заливѣ и на берегу Мекрана. Но морскихъ путей недостаточно, надо завладѣть также и сухопутными. Она не можетъ располагать той дорогой, которая идетъ изъ Европы черезъ Остенде и Салоники въ Константинополь, безъ союза съ другими державами; въ Азіи же она стремится проторить себѣ прямые пути. Захвативши, въ будущемъ, Малую Азію, какъ нѣчто вродѣ ипотеки, и располагая островомъ Кипръ, Англія будетъ хозяйничать въ крайнемъ углу Средиземнаго моря, у самаго изгиба Ефрата; а съ востока она завладѣетъ прочными позиціями въ Мекранѣ и въ Белуджистанѣ, и вступитъ въ союзъ съ государями западной Азіи; затѣмъ съ помощью пенсій, постепенно преобразуетъ ихъ въ своихъ вассаловъ, не входя въ издержки и опасности по управленію народомъ, такъ какъ она въ этомъ отношеніи пользуется тѣми громадными преимуществами передъ Россіей, которыя даютъ ей ея капиталы. Ея пути сообщенія построятся быстро. Городъ Кандагаръ, откуда англійскіе гарнизоны могутъ наблюдать за цѣлымъ Авганистаномъ, будетъ постепенно соединенъ желѣзной дорогой, менѣе чѣмъ въ 1.000 километровъ длиною, съ остальными дорогами Индіи; половина разстоянія, отдѣляющая Александрету отъ Калькуты, будетъ пройдена англійскими локомотивами. Подобныя стремленія развѣ не предрѣшаютъ политическую судьбу Азіи?

Болѣе медленные въ своихъ движеніяхъ,—такъ какъ еще не преодолѣли окружающія ихъ естественныя препятствія,—русскіе, разсматриваемые какъ военная держава, имѣютъ, сравнительно съ своими противниками англичанами, преимущество другого рода. Территорія, занимаемая ими, не раздроблена на отдѣльныя части: русскія владѣнія отъ береговъ Лапландіи и до самаго Памира представляетъ страну, географически совершенно цѣльную; никакая другая держава, союза которой надо было бы добиваться, не лежитъ между центромъ имперіи и ея самыми отдаленными владѣніями у Оксуса. Кромѣ того большая часть населенія побѣжденныхъ территорій состоитъ изъ русскихъ и съ году-на-годъ ихъ элементъ возрастаетъ съ помощью земледѣльческой колонизаціи. Туземные же элементы такъ ничтожны, что русскому правительству нечего бо-



ВЕРХОВЬЕ ЯНТЦЕКІАНГА.

яться возстаній и славяне, предки которыхъ скрещивались съ различными инородцами, не относятся высокомѣрно къ прежнимъ владѣльцамъ страны; полное сліяніе между ними невозможно по причинѣ различія въ нравахъ, а у магометанъ, кромѣ того и религіозныхъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе православный народъ и магометане-татары далеко не то, что индусы и англичане, принадлежащіе къ двумъ совершенно различнымъ породамъ. Національная цѣльность населенія Европейской и Азіатской Россіи очень легко возможна, между тѣмъ, какъ трудно вообразить, чтобы властвующіе англичане и ихъ подданные, индусы, могли слиться въ одну націю. Несомнѣнно также, что русскіе, въ будущемъ, подобно англичанамъ, проложивши свои желѣзныя дороги и ряды колодцевъ въ пустыняхъ Азіи, будутъ еще тѣснѣе связаны матеріально съ азіатской частью имперіи. Сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя оканчиваются теперь на сѣверѣ Кавказа и рѣки Урала будутъ продолжены къ самому порогу Гиндукуша и военныя силы государства тогда могутъ быть собраны въ нѣсколько недѣль на границы земель, которыя подчинятся вліянію Англіи. Плоскогоріе Иранъ и долины верховьевъ Тигра и Ефрата представляются особенно слабыми пограничными пунктами въ этомъ отношеніи. Высматриваютъ-ли уже обѣ державы эти слабые пункты или нѣтъ, пытаются ли онѣ ускорить или отсрочить моментъ столкновенія, но они неизбѣжно должны будутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу. Всѣ маленькія промежуточныя государства раздробятся подъ напоромъ съ двухъ сторонъ, подъ вліяніемъ притяженія; интригами между обѣими имперіями, соперничествующими въ вліяніи, политическими, религіозными и торговыми заговорами, начинается скрытно та война, которая рано или поздно должна будетъ вспыхнуть.

Глубокіе перевороты приготовляются въ центрѣ Древняго міра. Тѣ страны Азіи, на которыя цивилизованныя люди, вѣрно или ложно смотрятъ, какъ на мѣсто своего происхожденія, должны будутъ стать театромъ крупнаго политическаго столкновенія между двумя могущественнѣйшими государствами Европы. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, можно считать, что какъ западная Азія, такъ и Индія будутъ окончательно во власти западной цивилизаціи и, что съ того времени всѣ націи Европы и Азіи будутъ поставлены въ условія развитія, содѣйствующія пользованію взаимнымъ прогрессомъ. Благодаря повороту западной культуры на востокъ, въ людяхъ увеличится сознаніе своего единства: политическіе перевороты подготовляютъ міру общую судьбу, съ равноправнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся жизни народовъ.

Глава II.

КАВКАЗЪ.

I.

ГОРЫ ПОНТО-КАСПІЙСКАГО ПЕРЕШЕЙКА.

Кавказскія горы въ прежнее время часто причислялись къ европейскому континенту. Крутой подъемъ ихъ на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Понта Евксинскаго, давалъ греческимъ морякамъ поводъ думать, что за этими горами начинается Азія; между тѣмъ какъ коммерсантамъ, основывавшимъ свои колоніи на сѣверномъ берету Понта, напротивъ, казалось, что Кавказъ ограничивалъ съ юга обширныя равнины Скиѳіи. Еще географы тѣхъ временъ задавались вопросомъ: были ли естественной границей между обѣими частями Свѣта, русло и болота Ѳаза, въ Колхидѣ, или же Киммерійское ущелье и рѣка Танаисъ[1]). Традиціи заставляли нашихъ предковъ, эллиновъ, часто обращать свои взоры къ этимъ горамъ, болѣе высокимъ чѣмъ ихъ оба Олимпа, Этна, Гемусъ и даже Альпы. Греческіе миѳы связываютъ исторію эллинскаго полуострова съ этими отдаленными отъ него горами, въ которыхъ греки, будто бы, отыскали первыя начала своей цивилизаціи, съ берегами Колхиды, столь прославленой походомъ Аргонавтовъ за Золотымъ Руномъ, символизующимъ богатство всей природы, равно какъ и науку, промышленность и торговлю. Греки пытались также найти въ этихъ горахъ Азіи свое національное происхожденіе — Девкаліона, который населилъ Грецію и былъымсноъ Прометея, титана, вдунувшаго божественную искру въ уста человѣка, и прикованнаго къ одной изъ скалъ Кавказа. Тотъ же, такъ сказать, предразсудокъ, котораго, вѣроятно, не чуждъ и миѳъ о Прометеѣ, привелъ нѣкогда и ученыхъ къ тому, что они окрестили именемъ, принадлежащимъ жителямъ Кавказа всѣхъ бѣлыхъ людей Ев-

[1]) *Hérodote*, Histoires, livre IV, 45.

ропы и Америки, какъ бы свидѣтельствуя такимъ образомъ инстинктивное почтеніе европейскихъ народовъ къ горамъ, поднимающимся на рубежѣ Азіи. Воображали также, что эта гористая мѣстность, какъ предполагаемая земля нашихъ предковъ, всегда была населена представителями самой чистой расы и говорили съ такимъ самодовольствомъ о ихъ красотѣ, стройности и граціи, что точно этими тѣлесными превосходствами обладали всѣ народы бѣлой расы. Названіе „кавказская раса“ какъ синонимъ бѣлой расы, арійской, индо-европейской, не совсѣмъ еще исчезло изъ обыденнаго языка.

Послѣ путешествій Палласа и другихъ изслѣдователей, описавшихъ истинный рельефъ этой страны, нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что Кавказъ долженъ быть отнесенъ къ Азіи [1]). Онъ вполнѣ отдѣленъ отъ Европы глубокой впадиной, въ которой видны теперь воды Маныча, частью стоячія, частью медленно текущія, но въ геологическій періодъ, предшествовавшій настоящему, наполнявшія собою понто-каспійскій промежутокъ. На югѣ, система кавказскихъ горъ, сохраняя характеръ отдѣльной цѣпи, соединяется съ горами Малой Азіи посредствомъ поперечнаго высокаго хребта, и слѣдовательно, Кавказъ составляетъ, такимъ образомъ, передовую горную массу азіатскаго континента. Равнымъ образомъ, судя по исторіи своихъ обитателей, Кавказъ составлялъ часть азіатскаго міра. До самаго вступленія русскихъ, жители Закавказья, грузины, мингрельцы, армяне, курды и турки имѣли сношенія главнымъ образомъ съ югомъ, именно съ Персіей и Анатоліей, съ которыми они вели дружбу, и враждовали. Что касается жителей собственно Кавказа, то они сравнительно болѣе многочисленны на южномъ склонѣ, обращенномъ къ орошеннымъ, плодороднымъ и населеннымъ равнинамъ. Сторона же, обращенная къ Европѣ, очень бѣдна деревнями, а низменности, простирающіяся у подножья горъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—настоящія пустыни. Завладѣвъ Кавказомъ, русское правительство соединило административно эти азіатскія земли и центръ тяжести для всего Кавказа опредѣлился у южной подошвы Кавказскихъ горъ; здѣсь сосредоточены военныя силы русской Имперіи, предназначенныя для дѣйствій въ Передней Азіи. Еще недавно добрый кусокъ турецкой территоріи былъ присоединенъ силою оружія къ Закавказью, и южная половина Кавказа, самая многолюдная, почти также разширилась, какъ и сѣверная; она даже больше, если, согласно административному подраздѣленію, къ ней причислять Дагестанъ, расположенный однако къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта.

Слѣдующія данныя подробнѣе знакомятъ съ пространствомъ и численностью населенія Кавказскаго края.

---

[1]) *Humboldt*, Asie centrale;—*Carl Ritter*, Asien, I. p. 16.

	Поверхность (по Стебницкому).	Населеніе приблиз. 1880.	Число душъ на кв. кил.
Предкавказье	222,241 кв. кил.	1,920,000	8,7
Дагестанъ	28,589 „ „	500,000	17,5
Закавказье (съ Кубанью) .	188,358 „ „	3,250,000	17,3
Новыя завоеванія . . .	26,590 „ „	200,000	7,5
Всего .	465,778 кв. кил.	5,870,000 жит.	12,5 душъ.

Очень мало найдется горныхъ цѣпей съ такимъ замѣчательно цѣльнымъ характеромъ, какъ Кавказъ или Кок-кафъ и Кафдагъ, какъ называютъ его татары и турки, составляющій звено „цѣпи, опоясывающей міръ“, говоря словами восточной миѳологіи [1]). Если смотрѣть на него съ Моздокскихъ степей или Екатериноградской станицы, то по мѣрѣ приближенія къ нему, онъ кажется какимъ-то громаднымъ валомъ съ тысячами блистающихъ зубьевъ. Поэты называютъ Кавказъ „Горою“, выражая этимъ словомъ понятіе о громадномъ хребтѣ, какъ объ одной сплошной и грозной горѣ, тянущейся отъ одного моря до другаго, на пространствѣ болѣе чѣмъ 1,000 верстъ. Кавказъ также называютъ „Большимъ“ въ отличіе отъ неправильной цѣпи „Малаго-Кавказа“, или вѣрнѣе, Анти-Кавказа, который поднимается съ южной стороны Закавказья, по ту сторону бассейна Куры. Конечно, Кавказъ вполнѣ заслуживаетъ прозвище Великаго. Морякъ, плавающій у восточныхъ береговъ Чернаго моря, русскій, татаринъ, приближаясь къ нему со стороны степей, видятъ какъ горы, подернутыя дымкой, мало-по-малу увеличиваются, едва замѣтно выдѣляясь сквозь облака и испаренія болотъ, скрывающія очертанія ихъ контуровъ, затѣмъ начинаютъ обрисовываться выступы, на которыхъ видны снѣгъ лѣса и овраги, а вскорѣ и совсѣмъ застилаютъ собою горизонтъ: ихъ вершины заходятъ въ полосу облаковъ, вѣтровъ и бурь и закрываютъ собою солнце впродолженіе цѣлаго полудня, угрожая долинѣ обвалами и снѣжными глыбами, по склонамъ ихъ шумно сбѣгаютъ потоки, водопады и ручьи. Русскіе, привыкшіе къ виду равнинъ и холмовъ, поражаются видомъ этихъ вершинъ, которыя кажутся имъ принадлежащими къ совершенно другой природѣ, нежели та, которую они видѣли въ своемъ отечествѣ, и еще недавно они удивлялись большему: въ долинахъ этихъ горъ жили люди, которымъ приходилось сражаться въ теченіе многихъ поколѣній и которыхъ поэзія окружила чарами, всегда связанными съ доблестью и красотой. Русская литература сохранила глубокіе слѣды того вліянія, которое производили на зрителя кавказская природа и войны съ этими горцами. Пушкинъ воспѣлъ красоту этихъ горъ, а Лермонтовъ, кромѣ того, описалъ преданія и обычаи ихъ жителей; сцены, нарисованныя имъ въ романѣ *Герой нашего времени*, игравшемъ боль-

[1]) *Klaproth*, Tableau du Caucase.

шую роль въ умственномъ развитіи русской молодежи, взяты изъ жизни на Кавказѣ. Сколько людей, лучшихъ людей, отправлялись умирать на Кавказъ, подобно Лермонтову, преслѣдуемые при жизни и тѣмъ болѣе чтимые по смерти.

Главное направленіе Кавказскаго хребта—съ юго-востока на сѣверо-западъ, съ очень слабыми уклоненіями въ сторону. Въ общемъ, этотъ хребетъ слѣдуетъ тому же направленію, какъ и горы Персіи, большая часть горныхъ цѣпей Малой Азіи и другія горныя системы азіатскаго материка. Геологическимъ происхожденіемъ Кавказъ обязанъ тѣмъ же условіямъ, которыя, подняли и скомкали въ ряды складокъ большую часть Стараго Свѣта. Между прочимъ, кавказская гряда отличается тѣмъ, что не выдѣляется рѣзко своимъ рельефомъ надъ окружающими ея землями. Съ правильностью, не имѣющей примѣровъ, она продолжается по обѣ стороны скалистыхъ уступовъ, въ видѣ глинистыхъ пригорковъ, вулканическаго характера, извергающихъ изъ себя грязь, горячую воду и проч. По обѣимъ сторонамъ цѣпь заканчивается низменными полуостровами, подверженными дѣйствію подземной силы и вдающимися въ море: съ запада — полуостровъ Тамань, а съ востока — Апшеронскій. Первый едва отдѣленъ отъ Керченскаго полуострова, связаннаго съ Крымомъ, между тѣмъ какъ второй вдается въ Каспійское море и оканчивается вулканическими островками, за которыми хребетъ идетъ далѣе въ видѣ порога, рѣзко разграничивая впадину, заполненную Каспійскимъ моремъ на части сѣверную и южную. По обѣимъ сторонамъ этого порога, лотъ опускается на 1300 футовъ глубже, чѣмъ на линіи, служащей продолженіемъ Кавказскихъ горъ. На восточномъ берегу Каспія, мысъ съ которымъ соприкасается подъ-каспійскій порогъ, нѣсколько на сѣверъ отъ Красноводскаго полуострова, есть исходная точка для всѣхъ тѣхъ горъ, пригорковъ, скалъ и обрывистыхъ утесовъ плоскогорій, которые служатъ точнымъ продолженіемъ линіи Кавказскаго хребта до самой долины Мургаба, лежащей между Мервомъ и Гератомъ [1]). Посредствомъ этихъ высотъ и тѣхъ, что расположены въ сѣверномъ Авганистанѣ, система Кавказскихъ горъ связана съ хребтомъ Гиндукушъ.

Какъ и Пиренеи, на которыя онъ походитъ по своему направленію, гребню и положенію между двумя морскими бассейнами, Кавказъ можно разсматривать какъ бы раздѣленнымъ на два неравныхъ по длинѣ отрѣзка: та самая выемка, которая образуетъ естественную границу между западнымъ Кавказомъ и восточнымъ, если и не расположена въ самой срединѣ цѣпи, то находится на равномъ разстояніи отъ обоихъ морей; это та промежуточная впадина въ цѣпи, по которой проходитъ главный военный путь изъ Европейской Россіи въ Тифлисъ. Въ мери-

[1]) *Abich*, Mémoires de l'Académie de St. Pétersbourg, 1863.

діональномъ направленіи у самаго прохода хребетъ такъ съуженъ съ обоихъ боковъ, что разстояніе между противуположными равнинами менѣе 100 верстъ, между тѣмъ какъ далѣе, къ востоку и къ западу, горная масса занимаетъ пространство значительно большее: въ западномъ Кавказѣ ширина хребта, взятая по направленію съ сѣвера на югъ вдвое, а въ восточномъ — въ два съ половиной раза шире, нежели въ части прилегающей къ грузинской дорогѣ [1]). Западная половина хребта не только гораздо шире, чѣмъ средняя часть его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая высокая: въ этой части горной системы поднимаются главныя вершины, превосходящія высотою Монбланъ т. е. высочайшій пунктъ въ Европѣ. Главныхъ вершинъ шесть: Эльбрусъ, (18,522 ф.) Коштантау, Дихтау, Казбекъ, (16,533 ф.) Ушба и Агишау; ихъ высота въ метрахъ:

Эльбрусъ . .	5,646 метровъ	Казбекъ	5,045
Коштанъ-тау.	5,211 »	Ушба (Безочъ-мта)	5,027 (?)
Дихъ-тау . .	5,185 »	Агишъ-тау или Адигъ-тау .	4,876 (?)

Дагестанъ, т. е. „Горная страна“ преимущественно, образующій существенную часть восточнаго Кавказа, ниже чѣмъ западный Кавказъ; но за то онъ неровенъ, скомканъ, самый хребетъ развѣтвляется на множество извилинъ, которыя, расходясь лучами въ разныя стороны, превращаютъ долины въ настоящій лабиринтъ. Прежде когда-то, Понто-Каспійскія горы считались гораздо болѣе высокими. По Аристотелю, верхушки Кавказа были освѣщаемы солнцемъ четыре часа спустя послѣ того, когда въ равнинахъ легла уже тѣнь. Еще въ половинѣ XVII столѣтія нѣкоторые писатели опредѣляли высоту наиболѣе поднятыхъ точекъ въ 75 верстъ [2]).

Прежніе географы полагали, что цѣпь составлена изъ одного цѣльнаго, непрерывнаго хребта; но изслѣдованія Абиха, Ходзько и другихъ геодезистовъ, которые прошли эту страну, производя измѣренія высотъ, доказываютъ, что главный рельефъ этой цѣпи есть составной. Главная цѣпь почти вездѣ составлена изъ двухъ, а мѣстами даже изъ трехъ и четырехъ хребтовъ, параллельныхъ между собою или почти параллельныхъ и связанныхъ тамъ и сямъ въ горные узлы; строеніе этой части хребта напоминаетъ кордильеры Андовъ; хотя, конечно, промежутки, заключенные между параллельными хребтами Кавказа, не такъ велики, какъ плоскогорія Андовъ съ окаймляющими ихъ хребтами, и имѣютъ большею частью форму котловинъ или вытянутыхъ воронокъ, въ которыя стекаетъ первоначально вода, направляющаяся отсюда дальше, черезъ ущелье, размытое въ одной изъ стѣнъ, окружающихъ котловину. Главнымъ хребтомъ можно считать тотъ, который служитъ водораздѣльной преградой между рѣчными системами, хотя онъ во многихъ мѣстахъ не такъ высокъ, какъ

---

[1]) *Семеновъ*, Геогр. Стат. Словарь Росс. Имперіи.

[2]) *Riccioi*. Geographia reformata.

хребты, идущіе вблизи его. Такъ, напримѣръ, Эльбрусъ расположенъ на сѣверъ отъ Главнаго хребта, въ одномъ изъ боковыхъ кряжей. Можно сказать, что, въ орографическомъ отношеніи, самая высокая точка Кавказа есть Коштантау; это гора, на которую, замѣтимъ, еще никто не взбирался, находится на хребтѣ, раздѣляющемъ два склона, и есть самая высочайшая гранитная вершина Кавказа. Между истоками Кубани и Адайкохомъ, расположеннымъ въ 160 верстахъ далѣе къ востоку, въ водораздѣльномъ хребтѣ нѣтъ ни одной щербины, ни одного перевала, который бы лежалъ ниже чѣмъ на 10.000 футовъ высоты. Первый уступъ въ хребтѣ, который находится ниже этого уровня, именно на высотѣ 9.365 футовъ, есть Малисонское ущелье, расположенное какъ разъ у одного изъ крутыхъ перерывовъ въ главномъ хребтѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда начинается поперечное звено, соединяющее его съ горами Зикары. На востокъ отъ этого прохода, проломы, на высотѣ въ 7.000—10.000 футовъ, очень многочисленны. Генеральныя съемки на Кавказѣ, давно уже оконченныя, позволили достаточно полно воспроизвести на картахъ точный рельефъ горъ, ихъ цирки, гребень и проч.; но другія работы по изслѣдованію Кавказа далеко еще не выполнены; много интереснѣйшихъ мѣстностей остаются не описанными. Послѣ 1868 года на Казбекъ и Эльбрусъ взбирались англичане Фрешфильдъ, Муръ и Тукеръ, имѣвшіе провожникомъ француза Девуасу изъ Шамуни: кромѣ ихъ еще нѣкоторые другіе предприниматели выполнили подвигъ подобнаго же рода, и снѣгъ большей части вершинъ не разъ былъ утоптанъ ногой смѣльчака; но на долю членовъ „Альпійскаго Клуба“ еще осталось не мало такихъ мѣстъ, куда стоитъ взобраться, особенно въ западномъ Кавказѣ.

Сѣверный склонъ хребта значительно отличается отъ южнаго; южный болѣе обрывистый, сравнительно съ сѣвернымъ, спускающимся къ степямъ Маныча; разстояніе отъ Главнаго хребта и до низменной равнины, орошаемой Курою вдвое больше, чѣмъ отъ того же хребта до полей, раскинутыхъ у Сулака и Терека. Подобная же разница замѣтна между обоими склонами и въ западной части хребта: по одну сторону его впадина, по которой течетъ Ріонъ, а по другую—покатость, спускающаяся постепенно къ Кубани. Но эта, покатая сторона склона, отличается страшной неровностью: недалеко отъ гребня, склонъ прерывается уступами, идущими отъ параллельныхъ хребтовъ, а спустившись нѣсколько ниже, онъ опять сталкивается съ линіею высокихъ известковыхъ террасъ, напоминающихъ собою гласисъ вала; этотъ валъ идетъ о-бокъ съ Главнымъ хребтомъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго и во многихъ мѣстахъ онъ какъ-бы стушевывается, но у дуги, образуемой верхнимъ теченіемъ Терека, его профиль замѣтенъ совершенно отчетливо. Образуется такимъ образомъ какъ бы одна громадная долина между пред-

горіями юрской формаціи и главной цѣпью [1]). Наклонъ этого гласиса, обращенный къ степямъ, очень незначителенъ, между тѣмъ какъ со стороны хребта, площадки обрываются сразу, образуя глубокія пропасти. Потоки, вытекающіе изъ цирковъ, пробираются по этимъ террасамъ „Черкесскаго Кавказа“ [2]), извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „Черныхъ Горъ“, не иначе какъ глубокими клюзами, съ ревомъ соскакивая со скалы на скалу; есть стѣны почти отвѣсные, вышиною болѣе чѣмъ въ 3.000 футовъ. Но тѣмъ не менѣе, эти-то террасы, съ ихъ оврагами, размываемыми водами горныхъ потоковъ, для черкесовъ гораздо важнѣе нежели высокія горы, такъ какъ на нихъ расположены ихъ луга и лѣса, разбитые на отдѣльные участки и каждый уголокъ имѣетъ свое названіе; между тѣмъ какъ большая часть вершинъ остаются безъимянными; еще недавно жителямъ равнинъ извѣстны были только двѣ вершины: Эльбрусъ и Казбекъ [3]).

Правильность Кавказа не ограничивается только его общимъ рельефомъ: ее можно прослѣдить и въ геологическомъ строеніи, по крайней мѣрѣ на сѣверномъ склонѣ. Главный хребетъ состоитъ существеннымъ образомъ изъ кристаллическихъ пластовъ, залегающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гранитѣ и мало-по-малу уменьшающихся въ массѣ по направленію съ запада на востокъ. Поперечное звено, Сурамъ, который служитъ такъ сказать, перемычкой, соединяющей Кавказъ съ Анти-Кавказомъ, также образованъ изъ кристаллическихъ породъ; но съ этой стороны геологическіе слои лежатъ далеко не такъ правильно, ровно, какъ на сѣверномъ склонѣ. По правую и по лѣвую стороны главнаго хребта, уступы его склоновъ состоятъ главнымъ образомъ изъ известняковъ и кварцевыхъ наслоеній, относящихся къ вѣкамъ юрскому, меловому и эоценовому; а далѣе, къ сѣверу, пліоценовые и новѣйшіе слои залегая въ степяхъ, покрываютъ собою формаціи, предшествовавшія имъ. Долины Уруха, Терека и Бакзана сходны между собою по преобладающимъ напластованіямъ. Потоки, берущіе начало въ безплодныхъ и дикихъ циркахъ, образованныхъ изъ гранита, текутъ потомъ по мергелю и песчанику, въ небольшихъ долинахъ, на которыхъ разсѣяны многочисленные аулы, а затѣмъ скопляются въ желобинахъ съ известковыми стѣнами, надъ которыми видны лѣса и пастбища. Далѣе идутъ степи, гдѣ потоки соединяются уже съ Терекомъ [4]). На половинѣ цѣпи, тамъ, гдѣ она наиболѣе съужена, между Дагестаномъ и западнымъ Кавказомъ, врѣзывается нѣчто вродѣ геологическаго залива, вдающагося въ долину верхняго Терека: въ этомъ мѣстѣ обширное совершенно горизонтальное

---

[1]) *Ходзько*, Зап. Кавк. Отд. Русс. Геогр. Общ., т. VI, 1864 г.
[2]) *K. Koch*, Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus.
[3]) *Kupffer*, Voyage dans les environs du mont Elbrous.
[4]) *E. Favre*, Mémoires de la Société Helvétique des Sciences naturelles, t. XXVII. 1876.

плоскогоріе песчаника, принадлежащаго къ третичному періоду, вклинивается въ мѣловыя напластованія. Дѣйствіе на магнитную стрѣлку обнаруживается всего сильнѣе въ этой части Кавказа, и именно: между Владикавказомъ—у сѣверной подошвы и Душетомъ—на южномъ склонѣ хребта, стрѣлка компаса склоняется на 38 сек. къ промежуточнымъ пластамъ [1]).

Порфиры, выброшенные изъ глубины, поднимаютъ свои утесы на высотахъ Кавказа за предѣлы снѣговой линіи. Лава, уже болѣе поздняго періода, обнажена въ центральной части цѣпи и, главнымъ образомъ, на южномъ склонѣ; на сѣверѣ, высочайшая вершина Кавказа—Эльбрусъ—есть древній вулканъ, дѣйствовавшій вѣроятно въ ту эпоху, когда Черное и Каспійское моря соединялись Манычемъ, т. е. въ концѣ третичнаго періода или же въ началѣ періода, слѣдовавшаго за нимъ; Эльбрусъ заканчивается вершиной подковообразной формы, которая, какъ полагаютъ взбиравшіеся на нее, есть ничто иное, какъ частью разрушенный уже кратеръ. Казбекъ — это трахитовый конусъ, а вершины „Красныхъ Горъ“, группирующихся на югъ отъ этого великана, суть также вулканы. Путь, по которому протекаетъ Арагва, проходитъ у столбчатаго базальта [2]). Вулканическая дѣятельность еще не совсѣмъ прекратилась на Кавказѣ: она проявляется не только по обѣимъ оконечностямъ цѣпи, заканчивающимся сопками (грязевыми вулканами), но и въ видѣ огневыхъ, а также и нефтяныхъ источниковъ, очень многочисленныхъ и выходящихъ изъ подземныхъ озеръ, расположенныхъ симметрично по обѣимъ сторонамъ хребта. Теплые источники Кавказа—самые изобильные, какіе только извѣстны; большая часть ихъ, какъ кажется, не связаны съ вулканическимъ центромъ, расположеннымъ подъ Кавказомъ; они идутъ вдоль по линіи преломленія горныхъ пластовъ [3]), параллельно оси горъ или, вѣрнѣе, по направленію съ востока на западъ.

Колебанія уровня почвы, вѣроятно, вулканическаго происхожденія, происходятъ промежутками въ долинахъ Аракса и Куры. Кромѣ того, правильныя поднятія почвы происходятъ на двухъ крайнихъ концахъ Кавказскаго хребта. Скалистые утесы, стоящіе у воротъ Петровска, въ Дагестанѣ, носятъ слѣды продолжительныхъ ударовъ волнъ на высотѣ около 300 футовъ, и слѣд. гораздо высшей, чѣмъ арало-каспійскій порогъ Маныча. Въ Абхазіи, слѣды измѣненія уровня морскаго берега вполнѣ очевидны. На высотѣ почти 500 футовъ видны морскія террасы, когда-то бывшія берегомъ и совершенно похожія на тѣ, которыя омываются до сихъ поръ Чернымъ моремъ. Источники, вытекающіе изъ болотъ, которыми пропитана почва на этой высотѣ, содержатъ въ себѣ

[1]) *Стебницкій*, Извѣстія Русск. Геогр. Общ. Т. IV, 1870, п. 1.

[2]) *Dubois du Montpereux*, Voyage autour du Caucase.

[3]) *Abich*, Beiträge zur Kenntniss der Thermalquellen in den Kaukasischen Ländern.

*

виды тѣхъ же раковыхъ, *mysis* и *gammarus*, которыя водятся по настоящее время въ Черномъ морѣ, чѣмъ и объясняется ихъ прежняя связь съ моремъ, если только присутствіе этихъ животныхъ на возвышенной мѣстности нельзя приписать тому, что икра означенныхъ раковъ могла быть занесена туда птицами, на ихъ перьяхъ, хвостѣ или ногахъ. Небольшое озеро Абрау, близъ Новороссійска, заключаетъ въ себѣ также полу-морскую фауну, приспособившуюся мало-по-малу къ прѣсной водѣ. Можно допустить, что колебанія почвы, приподнявшія эти озера, происходили во время четвертичнаго періода, но несомнѣнно, что и въ новѣйшую эпоху эта мѣстность еще претерпѣваетъ измѣненія въ уровнѣ. Развалины построекъ, которыя видны на аллювіи близъ Сухумъ-Кале, выше и ниже поверхности моря, доказываютъ, что уже въ историческій періодъ почва опускалась въ глубину морскихъ волнъ, затѣмъ опять поднялась и теперь опускается снова [1]). Остатки одной крѣпости до сихъ поръ покрыты на 15—20 футовъ водою; находятъ нѣкоторыя стѣны даже на глубинѣ около 5 сажень. Море постоянно выбрасываетъ, послѣ бурь, монеты, кольца и другіе предметы древности. Прибрежные жители, которые имѣютъ привычку послѣ каждой большой бури осматривать берегъ, нашли однажды въ пескѣ золотую корону. Слѣдовательно, въ этомъ районѣ происходили или постепенное осѣданіе, или же мѣстный обвалъ [2]). Подобное же явленіе происходитъ и въ портѣ Баку: близъ берега видны еще остатки какого-то зданія.

Передовыя предгорія Кавказа не столько велики, чтобы скрывать собою отъ жителей равнинъ главный хребетъ; съ Ставропольской степи, на разстояніи около 200 верстъ, видѣнъ Эльбрусъ, точно бѣлый шатеръ, стоящій одиноко на горизонтѣ. Съ каждой верстой, путешественникъ, держащій путь на югъ, видитъ безпрестанно, какъ эта гора все растетъ на фонѣ неба, въ то время, какъ по обѣимъ сторонамъ ея не видно ни одной точки, указывающей на существованіе хребта. Наконецъ, открывается главный хребетъ, съ его величественнымъ, суровымъ, почти страшнымъ видомъ, съ вершинами, покрытыми снѣжной діадемой, и испещренный снѣжными лавинами; но въ немъ нѣтъ той прелести и разнообразія, какъ въ Альпахъ: онъ гораздо уже, очертанія его проще и однообразнѣе, нежели у массивовъ Альпъ. Горы Кавказа спускаются обрывисто, а гребень имѣетъ видъ заостренныхъ зубьевъ: отвѣсный бокъ Ветгергорна, въ бернскихъ Альпахъ, можетъ служить типичнымъ образчикомъ характера Кавказскихъ горъ [3]); между прочимъ, на Кавказѣ нѣтъ такихъ большихъ водопадовъ, какъ въ Альпахъ: его горы давно проточены водами, текущими въ привычныхъ ложахъ [4]).

[1]) *Прендель*, Записки Новороссійскаго Общества, т. V, 1879, № 2.
[2]) *Чернявскій*, Извѣстія Русск. Геогр. Общ., т. XIII, 1877, № 5.
[3]) *Douglas Freshfield*, Travels in the Central Caucasus.
[4]) *Otto Krümmel*, Globus, 1879, № 7.

Недостатокъ отдѣльныхъ горныхъ массъ и большихъ промежуточныхъ долинъ лишаетъ Кавказъ озеръ, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣются въ Альпахъ; нѣтъ также такихъ водоемовъ, какіе попадаются въ горахъ Швейцаріи и Тироля. Что касаеася до озеръ прѣсной воды, которыя разстилались въ былое время у подошвы горъ, въ равнинахъ обоихъ склоновъ, то онѣ опустѣли еще со временъ ледниковаго періода. Одно изъ такихъ древнихъ озеръ, современное вулканическимъ изверженіямъ, происходившимъ въ этой странѣ [1]), замѣщено теперь полями Владикавказа и Алагира, въ долинѣ Терека. Другое озеро, не менѣе обширное, лежало на югѣ, въ бассейнѣ Карталіи, между Сурамомъ и Мцхетомъ, и исчезло съ того времени, когда разорвана была преграда, сдерживавшая воды Куры. Вся долина Алазана и его притока Айрычая, который встрѣчаетъ на пути вытянутую впадину, открывающуюся на югъ отъ цѣпи, была также наполнена водою и озеро не могло найти себѣ иного выхода, какъ только черезъ клюзы [2]), открывающіяся подъ прямымъ угломъ въ предгоріяхъ Кавказа. Всѣ рѣчныя долины, по которымъ спускается Кубань съ притоками, Зеленчукъ, Лаба, Бѣлая, а также Кура, особенно у бассейна Ахалцыха, служили резервуарами озерныхъ водъ [3]); можно сказать относительно этой страны, какъ и относительно многихъ другихъ, что „всѣ ея рѣки — это вытянутыя въ длину озера“ [4]). Анти-Кавказъ, какъ обширное горное плато, или, скорѣй, собраніе неправильныхъ горныхъ массъ съ осями, направленными подъ различными углами, представляетъ, вслѣдствіе этого, гораздо больше замкнутыхъ впадинъ и своими озерами, чѣмъ и отличается отъ понто-каспійской цѣпи.

Хотя Кавказъ и выше Альпъ, но на вершинахъ его сравнительно менѣе снѣга и льда; это зависитъ не только отъ того, что онъ занимаетъ болѣе южное положеніе, или вслѣдствіе иныхъ климатическихъ условій, но также отчасти и потому, что его гребень очень узокъ, нѣтъ тѣхъ котловинъ, гдѣ бы тающій снѣгъ могъ скопляться и образовывать ледники [5]).

На Кавказскихъ горахъ снѣговая линія сильно колеблется въ различныхъ частяхъ хребта, находясь въ зависимости отъ географической широты, открытой мѣстности, обилія снѣга и дождей, направленія и силѣ вѣтра и положенію горы относительно всей горной массы. Разность высотъ снѣговой линіи на Кавказѣ равна не менѣе, какъ 6,000 ф.: по Радде, на западныхъ бокахъ Гариболо, звена, идущаго на югъ отъ

---

[1]) *Abich.* Trümmer und Geröllablagerung.

[2]) Клюзами (cluse) геологи называютъ родъ поперечныхъ долинъ съ отвѣсными стѣнами. *Прим перев.*

[3]) *Стебницкій.* Извѣстія Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. т. V, 1877—1878.

[4]) *Kropotkin.* Notes manuscrites.

[5]) *E. Favre.* Glaciers de la chiane du Caucase, Bibl. univers. 1869.

*

Пассисъ-Мта линія снѣга начинается на высотѣ 8,250 футъ, между тѣмъ по Парроту, на сѣверо-западномъ склонѣ Большого Арарата она не спускается ниже 14,250. Гора Алагёзъ, въ Анти-Кавказѣ, достигающая 13,500 ф. высоты, лѣтомъ совершенно лишена снѣга. На самомъ Кавказѣ, натуралистъ Рупрехтъ, взбиравшійся на высоту 12,500 футовъ, на южномъ склонѣ горъ, не встрѣтилъ ни одной лавины; но это могло случиться лишь въ восточной части хребта, у Каспія, на склонѣ же обращенномъ къ Черному морю, влажные вѣтры покрываютъ снѣгомъ ту сторону хребта, которая обращена довольно часто къ югу. Въ нѣкоторыхъ высокихъ долинахъ бассейна Ріона, количество выпадающаго снѣга во время зимы, опредѣляютъ не менѣе какъ въ 16—23 фута [1]). Если взять среднюю высоту снѣговой линіи въ различныхъ частяхъ хребта, то можно опредѣлить ее для южныхъ склоновъ Кавказа въ 9,500—11,500 футовъ, съ повышеніемъ въ этихъ предѣлахъ по направленію съ востока на западъ. На противуположной сторонѣ цѣпи, т. е. обращенной къ степямъ Маныча, получится другой рядъ точекъ, для линіи постояннаго снѣга, въ 10,800—12,800 футовъ [2]). Такимъ образомъ средняя граница вѣчныхъ снѣговъ на Кавказѣ почти на 2,000 футовъ выше, чѣмъ въ Пиринеяхъ, расположенныхъ однако на одной съ нимъ широтѣ. Столь замѣтную разность можно приписать чрезвычайной сухости воздуха впродолженіи цѣлаго года, по крайней мѣрѣ на сѣверныхъ скатахъ, и знойности кавказскаго лѣта [3]). Пространство, занятое постоянно снѣгомъ, начинается отъ Оштека (или Оштена), въ западномъ Кавказѣ, и продолжается до Казбека; а далѣе за нимъ, къ востоку, бѣлѣютъ въ теченіи круглаго года только отдѣльныя вершины [4]). По Морицу Вагнеру, сумерочное зарево въ горахъ Кавказа не отличается тѣмъ блескомъ и силой, какъ въ Альпахъ, по причинѣ сравнительно меньшаго количества снѣга [5]).

Метеорологическія станціи, устроенныя въ различныхъ пунктахъ на Кавказѣ, даютъ возможность измѣрять, приблизительно, уменьшеніе той степени влажности, въ зависимости отъ которой находится постепенное повышеніе линіи вѣчныхъ снѣговъ, по направленію съ запада на востокъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ влажный вѣтеръ удаляется отъ Чернаго моря и приближается къ восточному Кавказу, гдѣ болѣе преобладаютъ вѣтры континентальные. Въ части Кавказа, обращенной къ Черному морю, выпадаютъ влаги въ формѣ снѣга и дождя, почти втрое больше, нежели въ центральной части [6]), и въ 6—8 и даже 10 разъ больше,

---

[1]) *G. Radde*, Reisen in Mingrelischen Hochgebirge.
[2]) *Стебницкій*. Изв. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. V. 1677—1878.
[3]) *Ходзько*. Изв. Русск. Геогр. Общ. 1877. № 5.
[4]) *Stebnitzkiy*, Mittheilungen von Petermann, 1875.
[5]) Der Kaukasus.
[6]) *Stebnitzkiy*, Mittheilungen von Petermann. 1875.

судя по наблюденіямъ, нежели въ бассейнѣ Куры и на Апшеронскомъ полуостровѣ; въ бассейнѣ нижней Куры случается, что въ теченіи цѣлаго полугода не выпадаетъ ни одной капли дождя. Вліяніе влажныхъ вѣтровъ Чернаго моря не простирается дальше горъ Меска или Сурама, соединяющихъ, на востокъ ото Кутаиса, главный хребетъ съ массами Анти-Кавказа. Что касается до Каспійскаго моря, то оно доставляетъ очень малое количество дождя и снѣга восточному нагорію цѣпи. Конечно, континентальный сѣверо-восточный вѣтеръ приноситъ съ собою нѣкоторое количество водяныхъ паровъ, но онъ почти всецѣло оставляетъ ихъ на первыхъ же выступахъ Кавказа, у подножья Дагестана. Каждый путешественникъ могъ замѣтить, что, отправляясь изъ Владикавказа или изъ Алагира, въ дождливый день, онъ находилъ, приближаясь къ высотамъ хребта, необыкновенно прекрасную погоду; при спускѣ же съ горъ, происходитъ обратное: оставляя воздухъ сухимъ и небо яснымъ, попадаешь подъ слой сѣрыхъ облаковъ, въ влажную атмосферу [1]).

Хотя лѣтнія жары, вмѣстѣ съ сухими вѣтрами, и приподнимаютъ общій уровень снѣговой линіи на Кавказѣ на высоту значительно бо́льшую, чѣмъ въ Пиренеяхъ, но изъ этого, однако, нельзя заключить, что температура въ горахъ Кавказа выше, чѣмъ въ Пиренеяхъ или Альпахъ; хотя казалось бы весьма естественнымъ, что въ Кавказскихъ горахъ благодаря ихъ южному положенію, температура должна бы быть выше, но холодные сѣверо-восточные вѣтры, не умѣряемые вѣтрами теплыми, съ юго-запада, которые задерживаются плоскогоріями Малой Азіи, значительно понижаютъ нормальную температуру Кавказа. На Кавказѣ, и въ Швейцаріи, климатъ почти одинаковъ, но въ послѣдней далеко не бываетъ такихъ рѣзкихъ переходовъ, какъ на Кавказѣ. Напримѣръ, метеорологическія станціи въ Швейцаріи показываютъ разницу между лѣтнею и зимнею температурою въ 18 или 19 градусовъ, между тѣмъ, какъ въ Пятигорскѣ, въ 1876 году, она равнялась 27 градусамъ.

Соотношенія между высотой данной мѣстности, температурой и количествомъ выпадаемой влаги, видны изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ у Воейкова, Стебницкаго и Статковскаго:

		Высота надъ уровн. моря. метр.	Температура.	Температура на уров. моря.	Выпаден. дождей. метр.	Періодъ наблюденій, число лѣтъ.
Зап. Кавказъ.	Кутаисъ . . .	147	14°,85	—	2,398	5 „
	Сочи	12,5	14°,33	—	2,098	3 „
	Поти	6	14°,69	—	1,760	4 „
	Редутъ-Кале .	6	14°,44	—	1,608	22 „
	Новороссійскъ .	4	13°,41	—	0,762	2 „

[1]) *Statkovsky*, Ouvrage cité.

		Высота надъ уровн. моря. метр.	Температура.	Температура на уров. моря.	Выпаден. дождей. метр.	Періодъ наблюденій, число лѣтъ.
Предкавк., центр. и вост. Кавказъ.	Владикавказъ .	678	9°,03	14°,17	0,920	5 „
	Алагиръ . .	701	8°,05	14°,16	0,972	22 „
	Пятигорскъ .	516	9°,37	13°,73	0,548	5 „
	Ставрополь . .	589,5	8°,62	13°,30	0,677	9 „
	Дербентъ . .	—	14°,16	—	0,370	2 „
Закавказье.	Сурамъ. . . .	734	9°,61	14°,61	0,558	25 „
	Тифлисъ. . .	109	12°,67	14°,73	0,471	25 „
	Баку . . .	18	15°,30	—	0,238	10 „
	Елизаветополь .	458	12°,89	15°,18	0,209	25 „
	Аралихъ. . .	833	11°,40	15°,52	0,152	22 „
	Шемаха . . .	679	11°,13	15°,20	0,380	25 „
	Шуша . . .	1122	8°,01	15°,58	0,528	22 „
	Александрополь	1469	5°,35	15°,13	0,316	25 „

Отъ недостатка снѣга зависитъ малое число ледниковъ. На вершинахъ, покрытыхъ снѣгомъ и въ особенности вокругъ Эльбруса, они, однако, довольно многочисленны и можно было бы пройти по льду на разстояніи около 200 верстъ, именно между Джуманъ-Тау и Кальтберомъ, надъ долиной Ардона. Ледникъ, который спускается ближе другихъ къ равнинѣ—это Кальчидонъ или Караганъ, простирающійся отъ Адайкоха до горной долины Уруха; Фрешфильдъ видѣлъ въ Швейцаріи только одинъ ледникъ равный длиною этому—Алечскій. Въ-среднемъ, Кавказскія рѣки, берущія начало изъ ледниковъ, не заходятъ истоками за предѣлы высоты 950 футовъ и слѣдовательно ихъ граница на нѣсколько сотъ футовъ выше, чѣмъ въ Швейцарскихъ Альпахъ; въ противуположность снѣговой линіи, предѣлы рѣчныхъ истоковъ на сѣверномъ склонѣ хребта лежатъ гораздо ниже, чѣмъ на южномъ; причиной этому обрывистость южнаго склона и покатость сѣвернаго, спускающагося длинными долинами къ степи. Но и на южномъ склонѣ Кавказа есть нѣсколько прекрасныхъ ледниковъ, особенно въ долинѣ верховьевъ Ингура, занимаемой Вольной Сванетіей. Въ восточной части цѣпи другіе ледники, впрочемъ мало извѣстные, спускаются съ Тебулосъ-мта и сосѣднихъ съ нимъ вершинъ. Есть также ледники и въ горахъ Богоса; крайній изъ нихъ, вилообразный, видѣнъ съ вост. на Шахъ-дагѣ [1]). Явные слѣды оставленные движеніемъ древнихъ ледниковъ, доказываютъ что въ кавказской цѣпи, также какъ и въ другихъ горныхъ системахъ Европы, ледяныя потоки спускались въ долины гораздо ниже и главнымъ обра-

[1]) Абихъ, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Т. VII.—Стебницкій. Изв. т. V, 1877—1878.

зомъ по сѣверному склону: около входа въ долины Малки, Баксана, Терека, видны эрратическія глыбы, остановившіяся на небольшихъ высотахъ, вдающихся мысами въ равнины. Ермоловскій камень, что близь Дарьяльскаго ущелья, у сѣвернаго выхода изъ него, имѣетъ около 14 саж. въ длину и 582 куб. сажень въ объемѣ. Въ самомъ Владикавказѣ и верстахъ въ 7 къ сѣверу, находятся эрратическія камни до 27 футовъ длиною. Въ Сванетіи, деревни, расположенныя въ настоящее время въ двухъ верстахъ отъ ледниковъ, построены изъ каменьевъ, занесенныхъ прежними ледниками [1]). Въ новѣйшую эпоху извѣстны слѣдующія движенія ледниковъ: съ 1849 по 1875, т. е. за двадцать пять лѣтъ, Баксанъ поднялся съ 7350 на 7630, а Бассинги, за время 1861 — 1873 годовъ, съ 6580 на 7000 футовъ.

Въ наше время наиболѣе извѣстный ледникъ на Кавказѣ, чаще другихъ попадающійся на глаза путешественникамъ, это Девдораки (или Девдаравки), одинъ изъ тѣхъ восьми, которые спускаются съ Казбека; онъ видѣнъ въ 5 верстахъ на западъ отъ долины, по которой течетъ Терекъ, недалеко отъ военно-грузинской дороги, идущей изъ Владикавказа въ Тифлисъ. Нижняя часть этого ледника бываетъ причиною внезапныхъ наводненій, остававшихся долгое время необъясненными. Проходъ Амилишка, служащій стокомъ и открывающійся въ нижней части ледника, слишкомъ узокъ, чтобы пропустить всю массу напирающаго льда. У выхода, вслѣдствіе запруды, образуется какъ-бы гигантская плотина, поднимающая свыше чѣмъ 650 фут. между стѣнами прохода: когда напоръ скопившейся массы становится слишкомъ сильнымъ, то преграда прорывается, и вся вода, ледъ, каменья, низвергаются въ оврагъ, идущій отъ Амилишки, и запруживаетъ теченіе Терека своей мутной массой, ничѣмъ уже не напоминающей ледникъ. Съ 1776 года этотъ Девдораки обрушивался шесть разъ, какъ и ледникъ Гитрозъ въ Альпахъ. Послѣдній обвалъ, случившійся въ 1832 г., загромоздилъ устье Терека почти на двѣ версты въ ширину и болѣе чѣмъ на 300 футовъ въ вышину. Теченіе рѣки, задерживавшееся въ прежніе разы на нѣсколько дней [2]), пріостановилось въ этомъ году всего лишь на восемь часовъ, прежде чѣмъ пробилось подъ сводами этой массы, заградившей ей путь; масса льда, которая была опредѣлена въ 650 мильоновъ куб. футовъ, вполнѣ растаяла только лишь по истеченіи двухъ слишкомъ лѣтъ [3]). Ледникъ начинаетъ снова скользить въ долину: за тринадцать лѣтъ, протекшихъ съ 1863 по 1876 г., онъ успѣлъ подвинуться впередъ на 230 метровъ, въ то время когда всѣ другіе ледники, наблюдаемые на Кавказѣ Абихомъ, отодвинулись, какъ и Альпійскіе, за тотъ же періодъ времени, назадъ. Среднее движеніе этого лед-

[1]) *E. Favre*, ouvrage cité.

[2]) *Klaproth*, Voyage au Caucase et en Georgie.

[3]) *Abich*, Statkovskiy, Steblctzky, Khatissian, etc.

ника опредѣляютъ въ 10 сант. въ день, между тѣмъ какъ средняя скорость движенія „Ледянаго моря“ на Монбланѣ считаютъ въ 30 сантиметровъ. Г. Статковскій полагаетъ возможнымъ устранить впредь обрушиваніе Девдораки, если разширить стѣны оврага Амилишки и такимъ образомъ облегчить проходъ льду: тогда ледяной потокъ, въ силу своей упругости, будетъ плавно двигаться въ этомъ ущельѣ и станетъ болѣе равномѣрно, не врываясь въ долину Терека, расположенную наискось ко рву, по которому скользитъ Девдораки.

Вотъ, по Абиху, границы главныхъ Кавказскихъ ледниковъ въ 1876 г.

	метровъ.		метровъ.
Улухамъ (на зап. отъ Эльбр.)	2,659	Черекъ	2,059
Кичкинаколь	2,384	Бисинги	2,130
Бакзанъ (на востокъ отъ Эльбруса)	2,325	Це-донъ	2,004
Терскол	2,625	Кальчи-донъ	1,739
Ирикъ	2,552	Тетнульдъ (ист. Ингура)	1,954
Урухъ-донъ (на востокъ отъ Эльбруса)	2,610	Степанъ-Цминда (на в. отъ Казбека)	2,898
Сѣв. Пасисъ-Мта	2,565	Девдораки (на сѣверъ отъ Казбека)	2,239—2,311 (?)
Южн. Пасисъ-Мта	2,245	Богосъ	2,659
Псеканъ-Су	2,210	Биллинги	2,428
Адулъ	2,225	Шагъ-дагъ	3,163

Если предѣльная линія ледниковъ лежитъ на Кавказѣ выше, чѣмъ въ Альпахъ (хотя, однако, средняя температура въ обѣихъ орографическихъ системахъ почти одна и та же), то и лѣсныя породы ростутъ гораздо выше на понто-каспійскомъ хребтѣ: на высотѣ болѣе 7.600 футовъ[1]), встрѣчаются еще деревья, а надъ ними азаліи и рододендроны съ ихъ яркими цвѣтами, небольшіе кусты волчняка съ деревянистыми стеблями, цѣлые ковры кислицы съ ея ярко-зелеными листьями и, наконецъ, различныя растенія альпійскихъ пастбищъ. Полоса деревьевъ много выше на сѣверномъ склонѣ, чѣмъ на южномъ, и это зависитъ, конечно, отъ большей степени влажности, такъ какъ сѣверный склонъ, если и получаетъ сравнительно меньше дождя, то теряетъ черезъ испареніе гораздо меньше. Мѣстами гребень хребта рѣзко отдѣляетъ чащу лѣсовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ пастбищъ, обращенныхъ къ югу. Извѣстно, что въ горахъ Средней Европы изъ деревьевъ, растущихъ наиболѣе высоко, попадаются приземистыя сосны съ ихъ вѣчнозеленой листвой; а въ горахъ

[1]) *Gustav Radd*, Reisen im Mingrelischen Hochgebirge.

Сибири—лиственница, кедръ или betula nana, на Кавказѣ-жь послѣдними представителями лѣсныхъ породъ являются березки, съ ихъ чахлой листвою. Большіе лѣса, расположенные этажами на покатостяхъ склоновъ смѣшанны между собою въ пропорціи, зависящей отъ количества теплоты и влажности, требуемой различными видами деревьевъ; главнымъ образомъ попадаются береза, хвойныя, кленъ, липа, ясень, грабъ, букъ, дубъ и каштанъ. Самшитъ служащій весьма цѣннымъ подѣльнымъ матеріаломъ и вывозимый особенно въ Англію, откуда потомъ уже расходится по всей Европѣ, ростетъ въ нѣкоторыхъ лѣсахъ густыми, непроходимыми чащами; весь берегъ Чернаго моря между Поти и постомъ Св. Николая покрытъ самшитомъ [1]), распространяющимъ въ воздухѣ сильный запахъ. Изъ кустарниковъ, преимущественно кавказскихъ, azalea pontica—одинъ изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ наземной флоры. Это удивительное растеніе, кроваво-красные листья котораго осенью составляютъ такой рѣзкій контрастъ съ темной зеленью елей, занимаетъ полосу не менѣе чѣмъ въ 5.900 футовъ по отвѣсу, между передовыми выступами горъ и склонами лежащими на 6.600 футахъ высоты. Въ нѣкоторыхъ частяхъ хребта азалія исчезаетъ, уступая мѣсто рододендрону. Разсказывали въ старину, хотя повторяютъ нерѣдко и теперь, что медъ изъ азаліи ядовитъ и что люди, испробовавшіе его будто бы мгновенно пьянѣютъ, а иногда доходятъ даже до состоянія бѣшенства. Это такъ сказать повѣріе, переходящее изъ вѣка въ вѣкъ, удостовѣренное еще Клапротомъ [2]), совершенно ошибочно или основано на какихъ либо совершенно исключительно случаяхъ, какъ утверждаютъ это множество путешественниковъ. Въ Кабардѣ, гдѣ есть собственники владѣющіе тысячами ульевъ, не знаютъ ничего подобнаго о вредныхъ качествахъ меда изъ азалій [3]).

На южныхъ откосахъ дикій виноградъ вьется вокругъ деревьевъ и, смѣшиваясь съ лѣянами образуетъ ряды фестоновъ Очень вѣроятно, что Кавказъ есть родина винограда: здѣсь, по еврейскому преданію, одинъ изъ патріарховъ, приготовивъ изъ него вино, первый позналъ его опьяняющія свойства. Полагаютъ, что и орѣхъ, ростущій въ долинахъ Имеретіи, есть также мѣстнаго происхожденія. Ни въ какой другой странѣ нѣтъ такого обилія различныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, какъ здѣсь; въ Карталіи, на юго-западъ отъ Казбека, есть множество сортовъ деревьевъ, однако еще очень мало извѣстныхъ, и не улучшенныхъ культурою, но кисловатые плоды, которыхъ могутъ быть превращены современемъ въ

---

[1]) Въ настоящее время, изъ описаній кавказскаго лѣсничаго г. Марграфа, не видно, чтобы чащи самшита (Buxus semperviv.) были „непроходимыми“: мѣстами онѣ совершенно истреблены различными предпринимателями, снабжающими самшитомъ иностранные рынки. *Прим. перев.*

[2]) Voyage au Caucase et en Georgie.

[3]) *Lamberti.* Relatione della Colchide, 1661.

превкусныя фрукты [1]). Кавказъ есть преимущественно страна фруктовыхъ деревьевъ; взять, напр., лѣса Мингреліи, которые еще не опустошены европейскими купцами, столь изобильные растительностью и сады ея гдѣ столько роскошныхъ цвѣтовъ и плодовъ, которымъ западные садоводы легко бы могли придать самый тонкій вкусъ. Но направляясь далѣе къ востоку, гдѣ становится уже замѣтнымъ переходъ отъ влажныхъ береговъ Чернаго моря къ безводному прибрежью Каспія, растительность все уменьшается, лѣса попадаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ приближенія къ восточному концу хребта; самыя деревья становятся мельче и рѣдки; степной вѣтеръ сжигаетъ траву и солнечные лучи скользятъ по голымъ утесамъ. Нѣкоторыя изъ растеній, привезенныхъ изъ Россіи, плохо прививаются на Кавказѣ, не смотря на то, что ихъ разсаживаютъ, на различныхъ высотахъ, имѣющихъ ту же температуру, которой они пользовались на родной почвѣ. Русскіе солдаты успѣшно разводятъ различныя европейскія овощи въ крѣпостныхъ огородахъ въ долинахъ Сванетіи, за то возлюбленная березка, напоминающая имъ далекую родину, остается всюду хилымъ деревцемъ [2]).

Культурныя растенія, также какъ и дикія ростутъ на отлогостяхъ Кавказскихъ горъ гораздо выше чѣмъ въ Альпахъ, благодаря продолжительному и жаркому лѣту. Въ мѣстности, которую современемъ, вѣроятно, пересѣчетъ тунель кавказской желѣзной дороги, именно между бассейнами Ардона и Ліахвы, всѣ деревни, пріютившіяся на высотѣ болѣе чѣмъ двухъ верстъ надъ уровнемъ моря, окружены полями ячменя. Около деревни Колота, въ Осетіи, крайняя граница ячменя, опредѣленная съемками, находится на высотѣ 8,100 футовъ; южнѣе ближе къ Алагозу ячмень сѣютъ даже на высотѣ 8,200 футовъ [3]). Пшеница ростетъ еще на 6,500 футахъ и слѣдовательно, болѣе чѣмъ на 3,200 фут. выше чѣмъ въ Альпахъ: кукуруза—до 2,900 футовъ, а виноградъ нерѣдко дозрѣваетъ въ Осетіи, около деревни Курта, и слѣд. на высотѣ 3,580 футовъ: лучшій виноградъ Кахетіи, въ долинѣ Алазана, собираютъ на 2,500 футахъ [4]).

Очень много лѣсовъ на Кавказѣ совсѣмъ исчезли, чтобы уступить свое мѣсто полямъ, но большая часть пустырей не заняты пашнями, фруктовыми садами или виноградниками. Въ самыхъ богатыхъ лѣсныхъ уѣздахъ истребленіе лѣсовъ производятся крайне варварскими пріемами: не даютъ себѣ даже труда заняться вырубкой деревьевъ, а, согласно обычаю, вѣроятно съ цѣлью оздоровленія мѣстности, зажигаютъ деревья, рискуя иногда при этомъ истребить цѣлый лѣсъ; или же, напримѣръ, въ тѣхъ слу-

[1]) *Koch*, Reise durch Russland nach dem Kaukasisches Jstmus.
[2]) *Von Seidlitz*. Russische Revue, 1878. № 1.
[3]) *G. Radde*, Mitthéilungen von Petermann, 1876. № 4.
[4]) *Statkovski*, Problemes de la climatologie.

ВИДЪ ГОРЫ КАЗБЕКЪ СО СТАНЦІИ КАЗБЕКЪ.

чаяхъ когда не хватаетъ для домашнихъ животныхъ сѣна, паламываютъ обыкновенныхъ вѣтокъ, съ листвой или съ почками и даютъ ихъ вмѣсто корму. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно были непроходимые лѣса, теперь уже не видно ничего кромѣ мерзости запустѣнія. То же самое можно сказать даже и о склонахъ высокихъ горъ, гдѣ также лѣса быстро уничтожаются.

Не смотря на опустошенія производимыя на Кавказѣ, большая часть дикихъ животныхъ, которыя водились тамъ еще въ отдаленныя историческія эпохи, встрѣчаются и до сихъ поръ. Серны, а также видъ каменнаго барана, туръ, въ горныхъ долинахъ часто попадаются; точно также стада буйволовъ, описываемыхъ невѣрно подъ именемъ *aurochs*, бродятъ еще въ лѣсахъ, у подошвы Эльбруса, въ мѣстности орошаемой притоками Кубани: ихъ грива не такъ роскошна какъ у литовскихъ зубровъ, а шерсть передней части туловища не такъ густа, какъ у американскихъ бизоновъ [1]). Кавказскій медвѣдь, который, какъ говорятъ, менѣе страшенъ, нежели русскій, попадается не свыше какъ на высотѣ 5,000 футовъ, т. е. на границѣ фруктовыхъ деревьевъ, и вмѣстѣ съ волкомъ и рысью водится въ лѣсахъ Абхазіи; геологъ Прендель встрѣтилъ одного изъ нихъ на разстояніи менѣе десяти верстъ отъ Сухумъ-Кале [2]). У подошвъ горъ, въ чащахъ лѣсовъ, на равнинахъ, рыщетъ дикій кабанъ; въ особенности же онъ любитъ камыши по берегамъ рѣкъ и прудовъ. Тигръ, забѣгающій сюда, какъ полагаютъ, изъ Персіи, попадается очень рѣдко, и то лишь исключительно въ низменной части Закавказья, такъ какъ онъ никогда не проникаетъ въ горныя долины. Леопарда тоже рѣдко можно встрѣтить въ равнинѣ нижней Куры, а еще рѣже леопарда встрѣчаются здѣсь гіена и шакалъ; этотъ послѣдній забѣгаетъ иногда въ лѣса расположенныя на сѣверныхъ склонахъ хребта. По своей фаунѣ и флорѣ Закавказье подходитъ къ подтропической Азіи, тогда какъ на самомъ Кавказѣ или вѣрнѣе Предкавказьѣ, животныя и растительныя виды принадлежатъ къ европейскимъ. Въ этомъ отношеніи впадина Маныча не есть еще граница, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ ея, подчиненныхъ вліянію одного и того же климата, существуетъ одна и та же флора и фауна [3]).

Хорошо орошенныя поля Закавказья, могли бы прокормить число жителей, равное населенію Франціи и вѣроятно, что они были таковыми двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Долины сѣвернаго склона Кавказа и берега рѣкъ, стекающихъ по нимъ, также на столько плодородны, что могли бы удовлетворить нуждамъ многихъ милліоновъ людей. Однако Кавказъ, въ общемъ, населенъ гораздо слабѣе, чѣмъ равнины Россіи. Въ сѣверной части Кавказа преобладаютъ степи, такъ что жители въ этой

[1]) *G. Radd*, Mittheilungen von Petermann, 1868, № 2.

[2]) Зап. Новороссійск. общества, 1879 г., № 2.

[3]) *Сѣверцовъ*. Изв. Русск. Геогр. Общ. 1879 г., № 2; *Kolenati*, Bereisung Circassiens.

части территоріи, не могутъ далеко отходить отъ рѣкъ. Въ Закавказьѣ равнины лежащія по нижнему теченію Аракса и Куры остаются пустынными, по причинѣ ихъ крайне нездороваго климата; наконецъ, въ горной области, все пространство, находящееся поверхъ полосы лѣсовъ, есть пустыня, занятая скалами, пастбищами, снѣгомъ: тамъ никого не видно, кромѣ пастуховъ и охотниковъ. Самая высокая деревня на Кавказѣ— Курушъ, въ горахъ Дагестана, у одного изъ истоковъ притока рѣки Самуръ находится на высотѣ 8,070 футовъ, т. е. на высотѣ почти равной той, на которой построенъ Сенъ-Бернардскій домъ въ швейцарскихъ Альпахъ; но вершины хребта поднимаются еще на 7,000—10,000 футовъ надъ этими послѣдними жилищами кавказскихъ горцевъ.

Самая здоровая полоса на Кавказѣ лежитъ между 2,400 и 6,600 футовъ надъ морскимъ уровнемъ; въ этихъ предѣлахъ обыкновенно жители Тифлиса, Эривани и Елизаветполя устраиваются на лѣтнее время. Самое наилучшее мѣсто для дачъ, это высота въ 4,000 футовъ; на этой линіи ростетъ еще виноградъ, шелковица, южные злаки, причемъ здѣсь можно дышать чистымъ и прохладнымъ воздухомъ, вѣющимъ съ ледниковъ [1]). Татары, въ своихъ знойныхъ долинахъ, начинаютъ собирать кукурузу съ половины мая, отсылая въ это время свои семейства и стада въ горы; вмѣстѣ съ тѣмъ они торопяться, чтобы и самимъ отправиться вслѣдъ за семействами и возвратиться въ долины не ранье какъ ко времени сбора винограда. Въ деревняхъ же въ знойное время остаются лишь нѣсколько человѣкъ, занятыхъ поливкою полей кукурузы и риса [2]). Между тѣмъ, болѣе густое населеніе Закавказья не живетъ въ здоровыхъ областяхъ предгорій; оно наиболѣе скучено въ долинахъ, по которымъ текутъ обильныя рѣки и гдѣ проходятъ главныя пути сообщенія; населеніе равнинъ легко можетъ быть удвоено, стоитъ только возобновить ирригаціонные каналы, когда то заброшенные, и снова приспособить ихъ для орошенія полей всей мѣстности, лежащей между Араксомъ и Курою. По древнимъ хроникамъ, Закавказье было прежде въ шесть разъ населеннѣе теперешняго. Когда въ первой половинѣ XIII столѣтія завладѣлъ этой страной Батый, то онъ заставилъ каждаго десятаго мужчину служить въ свой арміи и набралъ такимъ образомъ восьмисотъ-тысячное войско: населеніе страны состояло изъ 16 милліоновъ душъ [3]),— столько же, вѣроятно, было и въ эпоху Страбона.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговыя сношенія въ этой странѣ на столько уменьшились, что пути между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, по которымъ ходили еще греки, римляне, генуэзцы были совершенно за-

---

[1]) *G. Radde*, Vie Vorträge über den Kaukasus, Ergänzungschaft zu Petersmann's Mittheilungen.

[2]) *Statkovsky*, Problèmes de la climatologie du Caucase.

[3]) *Von Haxthausen*. Transkaukasia.

быты. Въ 1823 году, можетъ быть въ первый разъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, были отправлены товары изъ Редутъ-Кале въ Баку, и на эту новость смотрѣли, какъ на нѣчто необыкновенное [1]). Даже и до сихъ поръ сообщеніе между противуположными склонами хребта довольно затруднительно. Желѣзная дорога еще не пересѣкла цѣпь и только одинъ колесный путь соединяетъ обѣ половины Кавказа, проникая черезъ хребетъ. Этотъ путь, часто повреждаемый, а иногда мѣстами совсѣмъ разрушаемый обвалами снѣга или камней, и проходящій на востокъ отъ Казбека, черезъ Дарьяльское ущелье, во всѣ времена служилъ большой дорогой для переселеній и войскъ. Путь черезъ Дарьялъ, извѣстный въ древности подъ именемъ „Кавказскихъ воротъ“ дѣйствительно походилъ на ворота, входъ въ которыя былъ защищенъ крѣпостями, замѣненными впослѣдствіи русскими укрѣпленными постами. Въ восточной части цѣпи, вдоль по берегу, лежащему между скалами и Каспіемъ, проходитъ второй путь, болѣе удобный какъ для полководцевъ, такъ и для переселенцевъ, направлявшихся изъ Азіи въ Европу или обратно; но и этотъ путь могъ быть загрождаемъ тамъ и сямъ, на мысахъ, а одинъ изъ проходовъ устроенныхъ на крайнемъ звенѣ Дагестана, также какъ и Дарьяльское ущелье, представлялъ „укрѣпленные ворота“ или *дербентъ*, давшія свое названіе сторожевому городу, лежащему въ этой части берега. Что касается пути идущему по берегу Чернаго моря, въ западномъ Кавказѣ, то онъ потерялъ значеніе большой исторической дороги, еще во времена римской эпохи. Путъ этотъ проходившій по берегу, и соединявшій обѣ половины имперіи Митридата, еще до сихъ поръ сохранилъ на себѣ остатки въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ видѣ военно-межевыхъ знаковъ, считающихся у абхазцевъ „обителью гномовъ“ [2]). Но со временъ могущества Византіи, этотъ путь былъ покинуть. Въ продолженіи многихъ вѣковъ путь по западному берегу Кавказа, проложенный, между горами и моремъ на протяженіи 370 слишкомъ верстъ, былъ очень труденъ и слишкомъ часто преграждался естественными препятствіями; кромѣ того, прежде онъ былъ защищаемъ воинственными племенами и нужны были цѣлыя арміи, чтобы пробраться черезъ ихъ грозныя ущелья. Но у этихъ негостепріимныхъ береговъ море было свободно и различныя народы Запада греки и генуэзцы, русскіе и турки, изъ которыхъ одни вели съ населеніемъ Кавказа торговлю, другіе войну, имѣли всѣ выгоды, чтобы пользоваться моремъ какъ для перевозки товаровъ, такъ и солдатъ. Генуэзскіе пути, отъ которыхъ сохранились еще и доселѣ нѣкоторые слѣды, шли не вдоль берега, а черезъ горы и соединяли внутреннія части страны съ гаванями Чернаго моря.

---

[1]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale, t. I.

[2]) *Чернявскій.* Извѣст. Русск. Геогр. Общ. 1877, № 5.

Не безъ сопротивленія приходилось различнымъ народомъ перебираться съ одного склона хребта на другой. Непріятель поджидалъ его въ ущельяхъ и остатки сильно пораженныхъ пришельцевъ должны были искать убѣжища гдѣ нибудь въ хорошо защищенныхъ горныхъ долинахъ, вдали отъ своихъ братьевъ по языку и расѣ. Всякое значительное переселеніе народа переходившаго черезъ хребетъ, принуждено было, такъ сказать, процѣживаться сквозь рядъ ущелій и оставлять среди горъ новыхъ приблудковъ. „Кавказъ—гора языковъ". гороритъ Абульфеда, описывая собственно Дагестанъ, а персы и теперь еще повторяютъ его слова. Страбонъ говоритъ что греческіе купцы, торговавшіе съ гаванью Діоскуріасъ, на берегу Понта Евксинскаго, встрѣчали тамъ „если не триста различныхъ народовъ, какъ думаютъ нѣкоторыя авторы мало заботящіеся объ истинѣ", то не меньше семидесяти племенъ, говорящихъ различными языками [1]). Плиній также указываетъ, что на рынкахъ Колхиды объяснялись на сто тридцати нарѣчіяхъ. И теперь еще, какъ и во времена Страбона, считаютъ въ этой странѣ не менѣе какъ семьдесять языковъ и діалектовъ; но какъ показалъ Усларъ, извѣстный кавказскій лингвистъ, на каждое мѣстное нарѣчіе путешественники и купцы смотрѣли какъ на особый языкъ; въ дѣйствительности же, всѣ кавказскія нарѣчія могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько небольшихъ семействъ [2]). Такъ, напримѣръ, тридцать предполагаемыхъ нарѣчій Дагестана можно свести къ пяти. Нѣсколько древнихъ діалектовъ принадлежали господствовавшимъ въ этой обширной странѣ могущественнымъ народамъ, отъ которыхъ теперь не осталось никого, кромѣ очень небольшихъ группъ затерявшихся въ горахъ. Одинъ геологъ сравниваетъ ихъ съ эрратическими камнями, съ затерявшимся обломками горъ, нынѣ изчезнувшихъ.

Кавказъ, который своими скалистыми утесами, снѣгами и ледниками, такъ величественно заканчиваетъ собою однообразіе безпредѣльныхъ равнинъ Россіи, разнится не менѣе рѣзко своимъ населеніемъ, расою и языками отъ славянскаго міра, простирающагося отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана, кажущагося столь цѣльнымъ въ глазахъ иностранцевъ, и въ сущности также состоящаго изъ разнообразныхъ элементовъ. Русскіе проникаютъ мало по малу съ одного склона на другой въ долины Кавказіи и число жителей, принадлежащихъ къ племенамъ народа-побѣдителя, можно опредѣлить не менѣе какъ въ 1.400,000, что́ составляетъ почти $^1/_4$ всего населенія. Больше всего они живутъ въ той части Кавказа, которая граничитъ съ собственно Россіей, т. е. въ Кубанской области и Ставропольской губерніи. Точно также въ самомъ Закавказьѣ они составляютъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ этнографиче-

[1]) Géographie, livre XI, 16.

[2]) Извѣстія Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. т. V, 1877—1878.

скихъ элементовъ, въ особенности въ городахъ и военныхъ пунктахъ. Тамъ и сямъ разбросанныя казачьи поселенія, или колоніи ссыльныхъ сектантовъ, даютъ славянской расѣ перевѣсъ надъ другими. Между тѣмъ, многія изъ туземныхъ племенъ совсѣмъ исчезли съ Кавказа, будучи частью истреблены, частью высланы, а частью добровольно бросили Кавказъ; въ то время какъ другія группы, населяющія эту страну, мало по малу уменьшались, борясь за существованіе съ пришлыми русскими, эти послѣдніе не переставали быстро распространяться, захватывая все далѣе и далѣе пограничныя земли на сѣверномъ склонѣ и сливаясь мало по малу съ колоніями разроставшимися по южную сторону хребта, по направленію къ сѣверу. Вотъ приблизительныя численныя отношенія между различными національностями, живущими на Кавказѣ.

	Въ 1858 г. (По Семенову).	Въ 1880 г.
Русскихъ	840,000 душъ.	1.410,000
Грузинъ	835,000 „	1.150,000
Татаръ и турокъ	825,000 „	1.330,000
Армянъ	520,000 „	720,000
Лезгинъ и прочихъ горцевъ	1.400,000 „	1.050,000
Персовъ, татовъ и татишей	75,000 „	120,000
Прочихъ національностей	36,000(?) „	90,000

Извѣстно, что не легко и не скоро удалось завоевать Кавказъ, и дѣло покоренія тянулось два вѣка. Сначала русскіе построили рядъ укрѣпленій на сѣверномъ Кавказѣ, которыя были постоянно охраняемы казаками, готовыми при малѣйшей тревогѣ вскочить на сѣдла. Владѣнія же русскихъ въ Закавказьѣ вначалѣ представляли нѣчто совершенно отдѣльное, не имѣвшее никакой связи съ остальной Россіей; но мало по малу давленіе побѣдителей усилилось: всѣ племена, жившія въ равнинахъ, были окончательно подчинены, а горцы постепенно принуждены были, съ году на годъ, все болѣе съуживать поле своихъ военныхъ дѣйствій. Русскіе располагали не только обоими морями, чтобы окружить горную мѣстность и помогать своимъ союзникамъ или подданнымъ, каковыми были мингрельцы, имеретины и грузины, противъ горцевъ, но еще съ первыхъ войнъ располагали также и той брешью, что расположена между долинами Терека и Арагвы. Въ 1796 году четыре сотни русскихъ проникли въ Дарьяльское ущелье; въ 1784, въ 1795, 1896 и 1799 они уже пользовались этой дорогой; въ началѣ XIX столѣтія, когда Грузія была присоединена къ имперіи, было приступлено къ постройкѣ вдоль Терека и Арагвы военной дороги, соединившей Закавказье съ равнинами сѣвера. Съ тѣхъ поръ Кавказъ былъ разрѣзанъ какъ бы на два различныхъ ломтя. Пушкинъ описываетъ свое путешествіе въ 1828 [1]) по этому все еще опасному пути.

[1]) Поѣздка въ Эрзерумъ.

Путешественники, купцы, рабочіе должны были дожидаться военнаго конвоя, который сопровождалъ ихъ отъ одной крѣпостцы до другой, въ положенное время. Двигались по этому пути медленно, среди облаковъ пыли, не смѣя отставать отъ всадниковъ и отъ телегъ съ ихъ потерянными ободьями, причемъ впродолженіи дня проходили обыкновенно не болѣе 15 верстъ. Но арміи и обозы вступали въ „ворота“ и самыя воинственныя горныя племена очутились раздѣленными другъ отъ друга. Этотъ первый путь предшествовалъ тому, что былъ потомъ проложенъ черезъ Мамисонское ущелье, между долинами Терека и Ріона, а за ними были устроены и другіе пути, которыя если и не пересѣкали хребта, то проходили по боковымъ долинамъ, расчищая лѣса, въ которыхъ прятались горцы, устраивавшіе засады противъ русскихъ. „Если бы я могъ, говорилъ Шамиль, то окропилъ бы священнымъ елеемъ деревья моихъ лѣсовъ и смѣшалъ душистый медъ съ грязью моихъ дорогъ, ибо эти лѣса и эта грязь составляютъ мою силу“. Но рытвины и топи далеко еще не исчезли, лѣса перестали быть непроходимыми, горы ужъ не недоступны и населеніе порабощено. Въ одномъ стихотвореніи Лермонтова, говорится, что гордый Казбекъ сначала съ презрѣніемъ смотрѣлъ на карловъ, идущихъ съ сѣверныхъ равнинъ, чтобы взять его приступомъ; но когда онъ ихъ увидѣлъ поближе, вооруженныхъ заступами, кирками и топорами, производящихъ окопы и вырубающихъ лѣса, онъ вздрогнулъ до самаго основанія,— онъ понялъ, что часъ его пробилъ.

Кавказъ, разсматриваемый по отношенію рельефа земной коры, водъ, распредѣленію жителей, раздѣленъ на нѣсколько различныхъ областей, ограниченныхъ естественными предѣлами, что облегчаетъ описаніе этой страны по отдѣльнымъ частямъ, хотя и связаннымъ между собою болѣе или менѣе общими чертами. Весь западный Кавказъ, который выдается остріемъ у входа въ Азовское море, съ обоими его склонами, населенный русскими, составляетъ отдѣльную естественную область вмѣстѣ съ бассейномъ Кубани и сосѣдними степями. Средній Кавказъ, гдѣ смѣшанное населеніе живетъ въ своихъ лачугахъ, построенныхъ среди пастбищъ и по берегамъ рѣкъ, есть тоже область, географически отдѣльная отъ прочихъ, точно также какъ и весь восточный Кавказъ, гдѣ ютятся племена извѣстныя подъ общимъ названіемъ „горцевъ“. Бассейнъ Терека, равнины и озера Кумы, составляющіе остатки уже на половину высохшаго древняго моря, представляютъ полный контрастъ съ гористою областью. На югъ отъ хребта, бассейнъ Ріона и Чоруха, въ части страны, завоеванной у турокъ, заселенъ людьми одинаковаго происхожденія и составляетъ собою также отдѣльную часть Кавказа, съ довольно рѣзкой этнической границей. Но далѣе отъ нихъ, на востокъ, тамъ, гдѣ поля орошаются Курою, въ обитателяхъ нѣтъ уже цѣльнаго характера и грузины живутъ въ этой мѣст-

ности въ перемежку съ татарами; тѣмъ не менѣе, съ географической точки зрѣнія, эта страна есть нѣчто цѣльное и самостоятельное. Можно сказать тоже самое и про долину Аракса, съ ея населеніемъ, состоящимъ изъ армянъ и татаръ.

II.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗЪ, БАССЕЙНЪ КУБАНИ; АБХАЗЦЫ, ЧЕРКЕСЫ, ЧЕРНОМОРСКІЕ КАЗАКИ.

Къ западу отъ горнаго узла, въ которомъ царитъ Эльбрусъ, цѣпь превращается въ приморскій хребетъ, такъ круто обрывающійся своимъ склономъ у береговъ Чернаго моря: его откосъ продолжается глубоко подъ водою, такъ какъ не далеко отъ берега, на глубинѣ версты, а по Чернявскому [1]) даже 3.600 метровъ, лотъ еще не касается дна [2]). Уголъ склона между главнымъ хребтомъ Западнаго Кавказа и морскимъ берегомъ можно считать, въ 8 градусовъ,—наклонъ очень значительный, если при этомъ принять въ расчетъ террасы, спускающіяся одна за другой по склонамъ.

Часть прибрежнаго хребта, граничащая съ Эльбрусомъ, довольно высока, и на ея вершинахъ поднимающихся на 9.800—11.800 футовъ лежитъ постоянный снѣгъ. Но здѣсь какъ и въ центральной части Кавказа, главный хребетъ сопровождаютъ параллельные меньшіе хребты, образующіе съ нимъ и съ поперечными къ нимъ звеньями, большія продолговатыя впадины, заканчивающіеся слабыми спусками къ побережью а крутыми обрывами къ сторонѣ главнаго хребта: по тропинкамъ, проложеннымъ черезъ цѣпь и идущимъ долинами, параллельно хребту, достигаютъ перевала, а затѣмъ уже для того, чтобы перейти черезъ цѣпь, остается только обогнуть вершины. Недалеко отъ Эльбруса начинается линія вѣчныхъ снѣговъ: сначала идетъ Джуманъ-тау, тянущійся ввидѣ кровли, а за нимъ, выдѣляясь среди другихъ вершинъ, Марухъ, сверкающій своей снѣжной маковкой; еще далѣе, величественный Оштенъ (или Оштекъ) — высочайшая точка горной массы Фишта—расположившійся почти на половинѣ приморской части хребра, довольно рѣзко выдѣляясь среди окрестныхъ вершинъ своимъ снѣжнымъ гребнемъ, заканчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей конечной пирамидой наиболѣе высокую часть хребта. Со стороны моря въ сѣверо-западномъ направленіи, на горизонтѣ виднѣется его профиль, быстро понижающійся и похожій на зубья пилы. Съ 9.800 футовъ онъ спускается на 6.500, потомъ 5.000 и нако-

[1]) Изв. Русск. Геогр. Общ. 1877. № 5.

[2]) Ссылка не точна: у Чернявскаго сказано: „Извѣстно пока, что глубина Чернаго моря принимается a priori до 3.600 метровъ, но уже невдалекѣ отъ Кавказскаго берега есть глубины въ 2.000 метровъ". *Прим. перев.*

нецъ на 3.200, отдѣляясь мѣстами глубокими ущельями. Послѣдній пунктъ хребта, который можно считать еще горой есть Идокопазъ, на юго-востокъ отъ порта Новороссійскъ. Далѣе же идутъ холмы, покатыя стороны которыхъ сливаются уже съ аллювіемъ Таманскаго полуострова. Сообщеніе между обоими склонами производится посредствомъ тропинокъ, идущихъ ступеньками, но и ими почти нѣкому пользоваться: военное мѣстечко Сухумъ-Кале не соединено непосредственно съ Кубанской областью какой-нибудь стратегической дорогой. Пока состоится устройство шоссейнаго пути, ожидаемаго въ 1883 году, приходится еще путешествовать по песчаному берегу, усѣянному щебнемъ. Во время сильныхъ волненій на морѣ, пѣшеходы и всадники должны пробираться по линіи индо-европейскаго телеграфа, то взбираясь на скалы, то опускаясь въ долины рѣкъ или рѣчепокъ, стекающихъ въ море.

Вотъ между прочимъ высота различныхъ точекъ въ западномъ Кавказѣ (въ метр.):

Охтенъ (Фишта)	2,852	Сангаро	2,400
„ Марухъ	3,500	Псегаско	1,888
„ Нахаръ.	2,931	Идокопасъ	735

Хотя береговой климатъ очень влаженъ, но рѣки, впадающія въ Черное море, слишкомъ коротки, чтобы быть полноводными: это по большей части рѣки, которыя питаются ливнемъ, выпадающимъ на склоны высотъ. Только немногія изъ рѣкъ южной долины (Кодоръ, Бзыбь и Мзымта) имѣютъ нѣкоторое значеніе, благодаря параллельности главнаго хребта съ боковыми звеньями, между которыми они берутъ свои истоки. Большая часть горныхъ долинъ носитъ на себѣ слѣды древнихъ озеръ, которыя высохли, пробивъ себѣ выходъ въ ущелье или же въ подземные водоемы. Цѣлыя рѣки вытекаютъ изъ пещеръ, размывая пласты юрскаго известняка; таковъ, напримѣръ, Мычишъ, который большею частью изображается на картахъ какъ длинная, ровная, независимая рѣка, между тѣмъ какъ онъ, въ дѣйствительности, есть ничто иное, какъ рукавъ Бзыби, который течетъ подъ слоемъ горы Псхувъ и выходитъ наружу, пробиваясь между рядами скалъ, невдалекѣ отъ моря; скрытую часть его русла опредѣляютъ почти въ три версты. Около Гагровъ, у берега, бьетъ обильный подводный ключъ. Рѣка Пицунда, сосѣдняя съ Бзыбью, представляетъ тоже интересное явленіе: она измѣнила свое теченіе уже въ историческую эпоху; прежде текла на югъ, теперь же течетъ на сѣверъ отъ мѣстечка Пицунды [1]).

Рѣки Абхазіи не могутъ приносить иной пользы, кромѣ какъ для орошенія садовъ, лежащихъ у моря,—садовъ, рѣдкихъ по красотѣ,—въ мѣстахъ, которыхъ не касались бѣдствія войны; пальмы смѣшиваются съ

---

[1]) *Чернявскій.* Изв. Русск. Геогр. Общ. 1877. № 5.

европейскими деревьями, а въ тѣнистыхъ аллеяхъ растутъ въ изобилiи розы и жасмины. Но бо́льшая часть водъ, стекающихъ съ горъ, застаиваются въ топяхъ, по выходѣ изъ долинъ, и на столько заражаютъ воздухъ, что десятая доля населенiя обречена на болѣзни. Папоротники, которые покрываютъ толстымъ слоемъ большую часть полянокъ на Абхазскихъ горахъ, также отчасти способствуютъ развитiю болѣзней въ этомъ вообще нездоровомъ климатѣ. Эти папоротники, въ нѣсколько аршинъ вышины, растутъ такъ густо и такъ переплетаются между собою, что трудно бываетъ проложить себѣ дорогу между ихъ стеблей и листвой; когда они вянутъ, то, подгнивая у корня, своими сплетенiями надъ землей образуютъ какъ-бы своды, подъ которыми скопляются газы, развивающiеся въ гniющихъ остаткахъ растенiй. Дожди, падающiе на эти скопленiя, не могутъ испаряться: даже на склонахъ горъ почва болотистая и гniющая; вблизи мѣстъ, поросшихъ папоротникомъ, воздухъ зловонный, почти негодный для дыханiя и жители ближайшихъ къ нимъ деревень страдаютъ лихорадками. Поэтому абхазцы, избѣгая сосѣдства съ болотистыми мѣстами, должны были селиться или въ лѣсахъ, или на голыхъ плоскогорiяхъ [1]). Вездѣ, гдѣ русскiе позаботились объ истребленiи папоротниковыхъ зарослей, тамъ мѣстный климатъ значительно улучшился [2]). Въ полосѣ, лежащей между низкими мѣстами, заросшими папоротникомъ и горными пастбищами, находятся прекрасные лѣса пихты, дуба, каштана, смѣшанные съ самшитомъ и лещиной.

Эта часть берега Чернаго моря, простирающаяся почти на 400 верстъ длины, у подножья западнаго Кавказа станетъ современемъ для русскихъ-сѣверянъ вторымъ Крымомъ, страною дачъ и садовъ, когда нездоровость климата уничтожится. Но во всякомъ случаѣ, абхазскiй берегъ хотя расположенъ южнѣе чѣмъ Крымъ, и климатъ его жарче, туманы посѣщаютъ рѣдко, онъ имѣетъ однако ту невыгоду, что не защищенъ отъ непогоды, и именно въ мѣстностяхъ, не лежащихъ на южномъ склонѣ звеньевъ приморскаго хребта. Масса морской воды, съ температурой сравнительно возвышенной, заполняющая собою тѣ бездны Чернаго моря, что начинаются у самаго берега, сильно содѣйствуетъ согрѣванiю воздуха, поддерживая его до конца ноября на 14 — 15 градусахъ; средняя температура зимнихъ мѣсяцевъ въ Сухумѣ колеблется между 7°,3 и 8°,5. Осенью и весною здѣсь дуютъ съ страшною силой юго-западные вѣтры и заносятъ иногда съ плоскогорiй Анатолiи зимнiй холодъ; во время такихъ вѣтровъ плаванiе въ этой части моря дѣлается крайне опаснымъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ защищенныхъ гаваней. Абхазскiй берегъ за то вполнѣ защищенъ отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, полярныхъ

---

[1]) *Тороповъ.* Опытъ медицинской географiи.

[2]) *Statkovsky.* Climatologie du Caucase. *Владикинъ.* Путеводитель по Кавказу.

токовъ воздуха, идущихъ по Каспію и Кумѣ; хотя, въ своей сѣверной окраинѣ, западный Кавказъ уже не на столько высокъ, чтобы помѣшать проходу этихъ холодныхъ вѣтровъ. *Бора*—какъ итальянскіе и греческіе моряки, плавающіе по Черному морю, назвали сѣверо-восточный вѣтеръ, напоминающій имъ подобный бичъ того же имени [1]) въ Тріестскомъ заливѣ—налетаетъ шкваломъ съ холмовъ, отдѣляющихъ Новороссійскъ отъ степей, и страшно волнуетъ море. Въ 1848 году, 12 января, всѣ суда, стоявшія на Новороссійскомъ рейдѣ, были или унесены въ открытое море или выброшены на берегъ; одно изъ нихъ покрытое брызгами волнъ, мгновенно замерзавшими на бортахъ и на палубѣ, вслѣдствіе тяжести образовавшагося на немъ льда пошло ко дну со всѣмъ экипажемъ [2]).

Весь сѣверный склонъ береговой цѣпи принадлежитъ къ бассейну Кубани (*Куманъ* — у ногайцевъ, *Кубинъ* — у абхазцевъ). Эта рѣка, первыя истоки которой берутъ свои начала съ ледниковъ Эльбруса, принимаетъ потомъ въ себя каждую рѣчонку, каждый ручей, стекающій съ долинъ западнаго Кавказа, исключая разумѣется тѣхъ небольшихъ потоковъ, которые испаряются въ степяхъ, прежде чѣмъ успѣваютъ достигнуть до главной рѣки. Она, по своему полукружному направленію, напоминаетъ французскій Адуръ; Кубань, также какъ и эта рѣка, служитъ геологической границей между гористой частью страны и поверхностью занятой тѣмъ родомъ степей, которыя извѣстны во Франціи подъ именемъ „ландовъ“. Наполняясь трижды въ годъ, весенними дождями, осенними ливнями и тающими снѣгами лѣтомъ, Кубань принимаетъ видъ большой рѣки и берега ея, отдаленные другъ отъ друга на 75—100 саженъ, расширяются во время половодья болѣе чѣмъ на версту, и мѣстами глубина достигаетъ болѣе десяти футовъ; тогда какъ во время низкой воды, именно въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, она не бываетъ глубже $3^1/_2$ футовъ, а въ исключительные, впрочемъ, года, случается, что ея сѣверный рукавъ у самой дельты совсѣмъ высыхаетъ [3]). Попытки учредить правильное судоходство по Кубани долго не имѣли успѣха: пороги, водяныя поросли въ нижнемъ теченіи, а выша песчаныя отмели части задерживали суда; однако съ 1873 года пароходы, идущіе изъ Керчи поднимаются на Кубани до самой Тифлиской станицы, отстоящей всего въ 25 верстахъ отъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги; на ея верховьяхъ же могутъ плавать лишь плоскодонныя барки [4]). Инженеры

[1]) Названіе *bora* по всей вѣроятности происходитъ отъ Boreas. *Прим. перев.*

[2]) *Фонъ-Врангель*, Метеорологическій сборникъ Академіи Наукъ, т. V, № 4. *Statkovsky*, Climatologie du Caucase.

[3]) Въ іюлѣ 1846 года разливъ Кубани во многихъ мѣстахъ доходитъ до 20 верстъ; были затоплены всѣ прибрежныя аулы, вмѣстѣ съ запасами хлѣба и сѣна. (Тм. Н. Дубровинъ, очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ.)

[4]) Длина Кубани—около 680 верстъ: разстояніе же отъ устья до Тифлисской станицы 400 верстъ. *Прим. перев.*

предлагали прорыть судоходный каналъ, который бы огибая устье Кубани, соединялъ ея верхнее теченіе съ моремъ [1]). По другому проэкту предполагалось направить часть Кубанскихъ водъ въ Куму, съ цѣлью поднять земледѣліе въ степяхъ, по которымъ течетъ эта рѣка.

Верстахъ въ 50 отъ морскаго берега, Кубань, несущая въ море среднимъ числомъ 1.120 куб. метр. воды въ секунду [2]) раздѣляется на два рукава, которые въ свою очередь также развѣтвляются. Главный сѣверный рукавъ, Протока, направляется къ лиману Ахтари, заливу Азовскаго моря, а южный, болѣе многоводный Кара-Кубань, входитъ въ болота Таманскаго полуострова, снова раздваивается на югъ отъ Темрюка и затѣмъ вливается частью въ Азовское, а частью въ Черное посредствомъ такъ называемаго *богара* или протока, часто перемѣщающагося и свободнаго лишь для судовъ сидящихъ въ водѣ не глубже какъ на два фута. Отъ одного устья до другаго, отъ южнаго рукава Кубани до Протока у Ахтари, по прямой линіи будетъ не менѣе 100 верстъ, но если слѣдовать по береговому пути, то это разстояніе по крайней мѣрѣ удвоится. Дельта Кубани, имѣющая, въ общемъ видъ треугольника, можно бы приравнять къ дельтѣ Нила, если не по величинѣ, то по формѣ: она занимаетъ пространство около 6.000 кв. верстъ. Осадки, образовавшіе ее, не уносились въ открытое море, какъ это происходитъ съ рѣками: Волгой, Роною, Миссисини, но отлагались въ самомъ лиманѣ, у песчаной отмели, отдѣляющей его отъ Азовскаго моря и болѣе древней по происхожденію нежели дельта. Содержаніе осадковъ въ водѣ доходитъ среднимъ числомъ до 1:480, и наносы быстро заполнили бы весь лиманъ, если бы вода не увлекала ихъ съ одной стороны въ Азовское море, а съ другой прямо въ Черное. Засариваніе лимана еще нельзя считать полнымъ, особенно въ сѣверной части, гдѣ, лиманъ раздѣляется на множество отдѣльныхъ прудовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго параллельными бортами, окаймлявшими ложа древнихъ рѣкъ [3]).

Въ низовьяхъ рѣка часто измѣняла свое теченіе; острова и протоки перемѣщаются такъ часто, что описанія старинныхъ авторовъ стали совершенно непонятны: перемѣнились и направленія рѣки и самыя названія. Еще въ концѣ XV столѣтія Кубань несла въ Азовское море массу воды сравнительно гораздо большую. Но съ того времени она перемѣщалась со стороны въ сторону и всякое новое половодье измѣняетъ ея направленіе. На всемъ Таманскомъ полуостровѣ, усѣянномъ болотами и *ериками* или ложными рѣками, т. е. остатками половодья, сообщающимися съ моремъ, находятъ сухія балки и обнаженные берега, на коихъ видны слѣды по-

---

[1]) *Фонъ-Бурмейстеръ.* Извѣстія Русск. Геогр. Общ. 1847. Т. III, № 4; извѣстія Кавказск. отдѣла т. III.

[2]) *Данилевскій.* Зап. Русск. Геогр. Общ. т. II. 1869.

[3]) *Данилевскій.* Тамъ-же.

слѣдовательныхъ наслоеній и измѣненій уровня рѣки. Хотя полуостровъ имѣетъ въ ширину около 40 верстъ, но часто случается, что́ озера и рѣки, переполняясь водою, преобразовываютъ его въ совершенный островъ, подобный тому какимъ онъ былъ прежде когда-то. Вообще же весь полуостровъ ничуть нельзя считать низменностью: онъ состоитъ изъ пяти рядовъ холмовъ, идущихъ параллельно и поднимающихся мѣстами болѣе чѣмъ на 500 футовъ; эти ряды отдѣлены между собою промежутками, покрытыми наносной почвой и служившими когда-то проливами; и теперь еще часть ихъ занята плавнями. Вытянутая форма полуострова по направленію съ востока на западъ, расположеніе его озеръ и песчаный остроконечникъ указываютъ, что полуостровъ Тамань есть какъ бы спускъ горной цѣпи, закаканчивающейся у Азовскаго моря.

По Абиху, сопки, грязевые вулканы[1]) этого полуострова были въ прежнее время дѣятельнѣе, чѣмъ теперь. Они расположены въ рядъ, составляющій продолженіе горной цѣпи или параллельнк ея оси. На этой же линіи, служащей продолженіемъ хребта недалеко отъ города Темрюка, въ 1799 г. возникъ дѣйствующій вулканическій островокъ; онъ былъ всего саженъ 200 въ окружности, извергалъ черноватую грязь на высоту 14 футовъ надъ уровнемъ Азовскаго моря и скоро исчезъ; но на мѣстѣ его появился другой, въ 1814 г., который тоже держался лишь нѣкоторое время надъ поверхностью волнъ[2]). Маленькіе вулканическіе пригорки на полуостровѣ Тамань, извергающіе грязь, одни изъ самыхъ замѣчательныхъ на земномъ шарѣ; они представляютъ собою цѣлый рядъ переходныхъ явленій, начиная съ простыхъ сопокъ и кончая настоящими вулканами; малороссійскіе казаки назвали нѣкоторые изъ нихъ „пекломъ“. Въ 1799 году островокъ Темрюкъ, по свидѣтельству туземцевъ, извергалъ пламя и дымъ, а Куку-Оба или „Синій холмъ“, находящійся верстахъ въ 10 къ сѣверо-западу отъ Тамани, зимою 1794 года, открылъ кратеръ и съ пламенемъ выбрасывалъ куски замерзшей земли на разстояніе около версты. Прочія вулканическія вершины полуострова извергаютъ каменья и глинистую грязь; въ этой грязи находятъ корни камыша, остатки водорослей и другихъ водяныхъ растеній: вулканическіе источники очевидно сообщаются съ лиманомъ и съ моремъ. Говорятъ, что во время бурь въ грязевыхъ колодцахъ слышенъ какой то шумъ. Въ прежнее время, въ массѣ глины, выбрасываемой кратерами, и вблизи этихъ маленькихъ вулкановъ, находили множество обломковъ греческихъ и скиѳскихъ глиняныхъ издѣлій. Палласъ, желая объяснить присутствіе этихъ обломкомъ, спрашиваетъ: не имѣли-ли древніе обыкновенія бросать сосуды и другіе предметы въ жерла вулкановъ, въ видѣ приношеній.

[1]) Или „плевки“—какъ ихъ называютъ мѣстныя жители. *Прим. перев.*

[2]) *Von Bauer.* Bulletin de l'Académie des Sciences de S.-Pétersbourg, tome V, 1863; Abich.

Нефтяные источники полуострова и сѣвернаго склона западной части Кавказа вытянуты въ ту же линію и въ томъ же направленіи, какъ и сопки. Область третичной формаціи, въ которой глина и мергель заключаютъ въ себѣ столь цѣнный матеріалъ какъ нефть, занимаетъ поверхность не менѣе 1.300 кв. верстъ, продолжаясь кромѣ того довольно далеко подъ лиманами. Вода Темрюкскаго озера содержитъ въ себѣ небольшую примѣсь нефти, что не мѣшаетъ однако благоденствовать въ ней щукамъ, окунямъ и другимъ рыбамъ; въ озерѣ ловится также много раковъ, имѣющихъ впрочемъ нѣсколько горьковатый вкусъ [1]). Почва, столь богатая нефтью, буравлена пока только тамъ, гдѣ изобильные источники минеральнаго масла разливаются на поверхности, или гдѣ они выходятъ наружу въ видѣ газовъ; вообще же до сихъ поръ еще не получено тѣхъ блестящихъ результатовъ, на которые расчитывали прежде. Въ 1866 году начались работы, въ „нефтяной долинѣ“ или Куда-ко, на землѣ подаренной Императоромъ одному изъ сановниковъ: первый колодезь давалъ въ день до 800 ведеръ петроля; но почти все это добро пропало безъ проку: резервуаръ былъ устроенъ въ высохшемъ ложѣ рѣки, подверженномъ дѣйствію ливня. Впрочемъ эти колодцы вскорѣ изсякли;—три раза ихъ углубляли и наконецъ совсѣмъ оставили [2]). Въ 1870 году были вырыты шесть другихъ колодцевъ, дававшихъ въ суммѣ 13.820 ведеръ ежедневно, или 62.000 тоннъ въ годъ; немедленно послѣ буренія, начиналъ бить источникъ нефти на высоту 50 футовъ надъ уровнемъ почвы. Если бы эту „область нефти“ эксплоатировать „по американски“, соединить берегъ Анапы съ р. Кубанью желѣзной дорогой, то изъ такой богатой мѣстности можно бы было вывозить болѣе трехъ съ половиною мильоновъ ведеръ очищеннаго петроля ежегодно [3]).

Едва ли найдется въ Старомъ Свѣтѣ страна, гдѣ бы такъ часто мѣнялось населеніе, вслѣдствіе войнъ, убійствъ и выселеній, какъ въ бассейнѣ Кубани и западномъ Кавказѣ. Никакая страна не заслуживаетъ такъ вѣрно названія „страны крови“, даваемаго другимъ мѣстностямъ, опустошеннымъ битвами, какъ эта. Съ половины нынѣшняго столѣтія племена и націи исчезли изъ долинъ, замкнутыхъ съ востока Эльбрусомъ, а люди другой расы заняли покинутыя пепелища своихъ предшественниковъ. Историческая цѣнь этого народа здѣсь сразу

[1]) *Pallas.* Voyage en Crimée.
[2]) *Radde.* Vier Vorträge über den Kaukasus.
[3]) *Романовскій.* Оффиціальный отчетъ 1879 г.

прерывается; его преданіе языкъ и нарѣчія безвозвратно потеряны, такъ какъ большая часть изгнанниковъ повымерла, а среди уцѣлѣвшихъ и разсѣявшихся остатковъ племени, врядъ ли можно отыскать ту цѣлость идей и нравовъ, того, что составляло, какъ бы, душу ихъ родины. Отъ хозяевъ страны остались только географическія названія, болѣе или менѣе исковерканныя непривычнымъ языкомъ чужеземцевъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи черкесы занимали большую часть степей сѣвернаго Кавказа; они владѣли пастбищами къ сѣверу отъ Кумы, добывали соль изъ озеръ Манычской впадины [1]). Въ 1859 году Паули насчитывалъ ихъ въ западномъ Кавказѣ болѣе полумильона, а въ 1864 г., въ концѣ войны, послѣ которой вся горная область была окончательно покорена, число туземцевъ опредѣляли еще въ 300,000 душъ. Въ настоящее время они перестали существовать какъ самостоятельное населеніе страны, живутъ въ разбросъ, оставаясь въ странѣ на исключительнымъ условіямъ, и скоро на всемъ Кавказѣ совсѣмъ не останется чистыхъ представителей черкесской національности. Абхазцы, жившіе на берегу моря и въ южныхъ долинахъ, также почти исчезли, не смотря на то, что ихъ, какъ номинально подчинившихся Россіи съ 1810 года, щадили болѣе нежели черкесовъ. Въ 1864 году абхазцевъ было около 150.000, а въ 1877 году, передъ послѣдней Восточной войной число ихъ уменьшилось на треть: болѣе 20.000 душъ эмигрировало послѣ того какъ турки принуждены были оставить укрѣпленное мѣстечко Сухумъ. Нѣкоторыя долины совершенно лишились своихъ прежнихъ обитателей, и пустѣютъ въ ожиданіи русскихъ: о туземцахъ напоминаютъ лишь кладбища, осѣненныя рощами дикой сливы, груши и яблони, переплетенныхъ виноградною лозою [2]).

Побѣжденные еще при императорѣ Николаѣ, черкесы или адиге [3]), жившіе искючительно на сѣверномъ склонѣ Кавказа, въ долинахъ верхнихъ притоковъ Кубани [4]), не пожелали подчиниться власти побѣдителей и

---

[1]) *Klaproth*,—Voyage au Caucase et en Georgie.

[2]) Сборникъ извѣстій о Кавказѣ, т. I.

[3]) Слово «адиге» у всѣхъ племенъ этого народа означаетъ *островъ*. *Прим. перев.*

[4]) Изъ прилагаемой таблички видно, какъ (приблизительно) измѣнились численныя отношенія между различными племенами черкеской національности въ промежутокъ между 1835—1858 гг. Изъ племенъ перечислены только главнѣйшія, причемъ блуждавшія границы ихъ территорій опредѣлены при помощи рѣкъ, а порядокъ расположенія въ столбцѣ указываетъ на сосѣдства.

	Между рѣками:	Число душъ въ 1835 г.	Въ 1885 г.
Бол. Кабарда	Терекомъ и Малкой	24,000	24,272
Мал. Кабарда	Терекомъ и Сунджей	6,000	12,735
Абреки или бѣглыя кабардинцы	въ дол. мал. и бол. Зеленгука .	4,000	4,707
Шапсуги	Шапса и Супъ	200,000	160,000
Натухажцы	Нпз. Кубани и Черн. мор. . .	60,000	20,000

ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

вмѣсто того чтобы поселиться въ низменной равнинѣ, какъ имъ было то предложено, предпочли совсѣмъ выселиться изъ страны, всей массой; только 70.000 согласились остаться на сдѣланныхъ имъ условіяхъ. Такъ счастливо отдѣлавшись отъ подобныхъ враговъ, русское правительство старалось содѣйствовать „исходу“ несчастныхъ туземцевъ, облегчивъ имъ дорогу; прокламаціей намѣстника, объявленной въ 1864 году, послѣ окончательнаго пораженія горцевъ, всѣмъ адиге было приказано въ теченіи мѣсяца „очистить долины“, подъ страхомъ быть объявленными военноплѣнными. Приказъ былъ выполненъ и болѣе $^4/_5$ адиге, понукаемые русскими войсками, занимавшими въ это время долину за долиной [1]), покинули свое отечество и направились искать убѣжища въ европейской Турціи, въ Анатоліи, на Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ Оттоманской имперіи. Съ 1-го января по 10 іюля 1864 г. всѣхъ горцевъ, переселявшихся въ Турцію было вывезено изъ портовъ:

Тамани	27,337	душъ.
Анапы	16,452	„
Новороссійска	61,995	„
Туапсе	63,449	„
Сочи	46,754	„
Мыса Адлера	20,731	„
Изъ прочихъ портовъ	21,350	„
Итого	258.067	душъ.

Изъ этихъ оффиціальныхъ данныхъ, касающихся черкесовъ отправленныхъ, въ продолженіи полугода, подъ наблюденіемъ русскихъ офицеровъ ихъ портовъ Чернаго моря во временныя депо, учрежденныя въ Требизондѣ, Самсунѣ и Синопѣ, видно, что число переселенцевъ достигало почти 260.000. Прочими также оффиціальными отчетами, число всѣхъ черкесовъ, эмигрировавшихъ съ 1858 по 1864 опредѣляется въ 398.000 человѣкъ. Считая еще тѣхъ, которые ушли съ Кавказа до или послѣ

	Между рѣками:	Число душъ въ 1835 г.	Число душъ въ 1858 г.
Абадзехи	Схагуаше и Пшишь	9,000	6,521
Бзедухи	по Кубани до Пшишь		4,000
Кемгуй (Темиргой)	Кубанью и Схагуаше	11,000	8,168
Бесленейцы	въ Кубанской котлов.	25,000	5,115
Мохошевцы	Чехураджъ и Шеде	5,000	5,000
Убыхи	на сѣв. отъ Абх. у Черн. моря	19,000	25,000
		527,000	315,550

(См. „Русс. Вѣсти.“, 1842 г.; — *Бержэ*, „Кавк. Календ.“ 1858 г.; — *Дубровинъ*, «Очерки Кавказа; — *Ильинъ*, Карта Европейской Россіи). *Прим. перев.*

[1]) Кубанскія Вѣдомости, 1867 г., № 39; — *Dulaurier*, Revue des deux Mondes 15 déc., 1865; 1-e Janvier, 1866.

большого исхода и тѣхъ, которые поумирали во время морского плаванія, можно принять, что число всѣхъ черкесовъ и вообще кавказцевъ покинувшихъ свои горы, не менѣе какъ въ полмильона. Само собою понятно, каковъ былъ процентъ смертности, сколько этихъ несчастныхъ страдальцевъ погибло во время перевозки на баржахъ черезъ море, а потомъ, въ шалашахъ раскинутыхъ на берегу, отъ недостатка необходимой пищи, непогоды и дурного обращенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе половины выходцевъ поумирали съ голоду или отъ болѣзней, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того какъ они оставили свою дорогую родину. Прибывши наконецъ въ страну гдѣ имъ была предоставлена земля, изгнанники очутились среди враждебнаго населенія, чужаго имъ по языку, религіи, нравамъ. Пріученные къ постояннымъ войнамъ, они и на новомъ мѣстѣ продолжали держаться военныхъ пріемовъ и грабежей, захватывая мечомъ то, что будучи мирными земледѣльцами, добыли бы плугомъ. Изгнаніе черкесовъ, было не только бѣдствіемъ для нихъ самихъ, но и для тѣхъ съ кѣмъ пришлось имъ жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ.

На Кавказѣ остались очень не многіе адиге, собственно тѣ, которыя такъ сказать, цѣною порабощенія купили себѣ право остаться въ своемъ отечествѣ. Но на адиге очень долгое время смотрѣли какъ на типъ другихъ кавказскихъ племенъ, еще не эмигрировавшихъ, и вліяніе ихъ на сихъ послѣднихъ было слишкомъ значительно, чтобы не видѣть необходимости изучить этотъ народъ таковъ, какимъ онъ былъ до 1864 г., въ тѣ времена когда онъ своимъ энергическимъ сопротивленіемъ русскимъ, пріобрѣлъ себѣ славу героевъ, поставивъ себя на ряду съ самыми доблестными націями на земномъ шарѣ. Преданія джигитовъ, патріархальная простота нравовъ, физическая красота, изящность, безспорно дѣлали черкесовъ первыми между остальными кавказцами, и ихъ именемъ часто называли всѣхъ другихъ горцевъ. Къ несчастію, они жили только войною и многіе этимологи объясняютъ самое слово „черкесъ“, въ смыслѣ „грабитель“ „бандитъ“ „разбойникъ большой дороги“. Тѣмъ не менѣе, названіе націи можетъ быть произведено отъ Kerkétes, упоминаемыхъ у Страбона [1]). Языкъ адиге грубый, гортанный, съ произношеніемъ затруднительнымъ для всякаго иностранца. Говорятъ, что кромѣ обыкновеннаго языка, въ военныхъ дѣйствіяхъ черкесы употребляли особенный жаргонъ [2]).

Адиге принадлежатъ вѣроятно къ той-же вѣтви какъ и грузины, лезгины, чеченцы и прочіе народы Кавказа, о которыхъ неизвѣстно достовѣрно, принадлежатъ ли они къ арійцамъ или же быть можетъ, представляютъ смѣсь другихъ расъ. Они большею частью красивы, стройны,

---

[1]) Géographie, livre XI, chap. II; *Klaproth*, Tableau du Caucase.

[2]) *Reineggs*; *Klaproth*, etc.

съ тонкой таліей и широкоплечи; лицо овальное, чистое, съ блестящими глазами и окаймлено густыми черными, иногда каштановыми или свѣтлыми, волосами. Ихъ привычку держаться прямо и откидываясь назадъ, приписываютъ матерямъ, которыя грудныхъ дѣтей привязываютъ плашмя къ доскѣ. У мужчинъ и женщинъ тучность или какой либо другой физическій порокъ считается позоромъ; тѣ, у которыхъ есть таковой, удерживаются отъ посѣщенія общественныхъ празднествъ и народныхъ собраній [1]). Зная, что красота есть неотъемлемая принадлежность ихъ расы, черкесы женятся рѣдко на женщинахъ другой крови. Ихъ своеобразный парядный костюмъ, который они носятъ съ такой ловкостью, сдѣлался національнымъ костюмомъ всѣхъ вообще горцевъ, а также и русскихъ казаковъ; даже миролюбивые евреи до сихъ поръ одѣваются въ *черкеску*, украшенную патронами, впрочемъ совершенно для нихъ безполезными.

У черкесовъ, какъ и албанцевъ Пинда, съ которыми они имѣютъ большое сходство, кровавая месть есть высшій законъ. Кровь за кровь; убійца долженъ быть наказанъ, если онъ, по меньшей мѣрѣ, не выкупитъ свое преступленіе, или если ему не удается украсть ребенка изъ семейства своего врага, воспитать его, какъ собственнаго сына, и затѣмъ возвратить его въ родительскій домъ. Подлогъ лошади измѣненіемъ тавра, также какъ и убійство, требуетъ кроваваго возмездія [2]). Вражда между семьями продолжается иногда на цѣлыя поколѣнія; но тѣмъ не менѣе черкесы отличаются отъ всѣхъ сосѣдей сванетовъ тѣмъ, что смотрятъ съ презрѣніемъ на ихъ каменныя жилища и живутъ въ деревянныхъ хижинахъ легкой постройки, разсчитывая при оборонѣ только на силу своихъ мускуловъ. Надо замѣтить, что кровомщеніе никогда не совершается на глазахъ женщины: одного мановенія ея руки достаточно чтобы остановить убійство. Но въ то же время мужъ или отецъ столь священной особы, могутъ убить ее самое, не отдавая никому отчета. Слѣдуя древнему обычаю, молодой человѣкъ похищаетъ силою дѣвушку, на которой онъ хочетъ жениться. Молодая черкешенка впередъ знаетъ, что ей придется оставить родительскій домъ, уступить притворной или дѣйствительной силѣ, или быть проданной въ чужіе края; но сила обычая такова, что лишеніе отечества и гаремная жизнь обыкновенно ничуть не страшатъ ее. Дѣвушки увѣрены въ томъ, что, по издавна сложившемуся взгляду онѣ, въ чужихъ краяхъ сдѣлаются законными супругами разныхъ вельможъ, благодаря своей красотѣ, изящнымъ манерамъ и поэтическому языку. Въ то время какъ другіе женщины Востока были ничто иное какъ рабы, черкешенки же оставались людьми свободными и это дѣлало ихъ еще болѣе привлекательными. Что касается мальчиковъ, то ихъ чаще

---

[1]) *Bodenstedt.* Die Völker des Caukasus.

[2]) *Colenati,* Bereisung Circassiens.

всего воспитывали не сами родители, но *аталыки* или воспитатели, которые выбирались изъ людей, обладавшихъ физическими и нравственными достоинствами: — мужествомъ, вѣжливостью, краснорѣчіемъ, умѣніемъ управляться съ оружіемъ съ конемъ. Родители не довѣряли своей нѣжности и, боясь портить собственныхъ дѣтей, давали имъ другого отца, поручая ему сдѣлать изъ нихъ хорошихъ наѣздниковъ, бойцовъ и охотниковъ, научить ихъ выражаться языкомъ простымъ, краснорѣчивымъ и поэтическимъ. Когда воспитаніе молодого человѣка считалось оконченнымъ, онъ опять вступалъ въ свою семью, не переставая, однако, относиться къ аталыку, какъ къ своему истинному отцу. Встарь, посредствомъ фиктивной кражи,—остатка варварскихъ обычаевъ—аталыкъ завладѣвалъ ребенкомъ: онъ похищалъ его черезъ три дня послѣ рожденія, въ присутствіи однако семи свидѣтелей, обязанныхъ клятвою подтвердить впослѣдствіи подлинность юноши [1]). Благодаря тѣмъ заботамъ, какія прилагались черкесами къ воспитанію молодыхъ людей, ихъ народъ „сталъ „самымъ просвѣщеннымъ на землѣ“ [2]).

Гордясь своей свободой, адиге не были однако равны между собою. Они раздѣлялись на три сословія: на князей и дворянъ, потерявшихъ свое значеніе во время междоусобицъ [3]), и на простыхъ крестьянъ-воиновъ; но всѣ они раздѣлялись на *тлеуши*, или «братства», члены которыхъ были преданы другъ другу до самой смерти; эти братства играли не малую роль въ борьбѣ съ русскими [4]). Въ равнинахъ въ особенности дворяне пользовались властью, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имъ удавалось даже установить въ своихъ помѣстяхъ правежъ вродѣ феодальнаго; но ихъ крестьяне убѣгали къ горнымъ черкесамъ и дворяне тщетно пытались вернуть ихъ назадъ. Черезъ это происходила безпрестанная вражда, и нѣкоторые изъ дворянъ, терпѣвшихъ пораженія прибѣгали не разъ къ иноземной помощи [5]). Кромѣ трехъ свободныхъ классовъ, были еще рабы состоявшіе изъ военно-плѣнныхъ или бѣглецовъ, и употреблявшіеся для работъ. Воля свободныхъ людей, выраженная въ народныхъ собраніяхъ становилась закономъ а князья, какъ и дворяне, были не болѣе какъ исполнителями этой воли. Священники, принадлежавшіе также къ господствующему классу, пользовались слабымъ вліяніемъ, такъ какъ религія черкесовъ, а равно ихъ сосѣдей, была чрезвычайно смѣшаннаго характера: они были одновременно и язычниками, державшимися старыхъ боговъ и христіанами или магомеганами, по обрядовой сторонѣ; какъ язычники,

---

[1]) *Reineggs.* Bechsreibungen des Caukasus; *K. Kocg*, Reise durch Russland nach Caukasien.

[2]) *Bell.* Journal d'une residence en Caucasie.

[3]) *Люлье.* Записки Кавказскаго отдѣла, т. IV, 1857.

[4]) *Косд.*—Bell, etc.

[5]) *Люлье*, тамъ-же.

они поклонялись *Шибле*, богу грома, войны и правосудія [1]); ему послѣ побѣды приносили въ жертву лучшую овцу изъ своего стада. Они чтили деревья, пораженныя молніей, и преступникъ могъ находить подъ ними надежное убѣжище. Они считали, что боги воздуха, воды, лѣса, фруктовыхъ деревьевъ, животныхъ и всякой твари, одухотворены вѣяніемъ Великаго Духа и имѣли свой культъ: всему приносилась особая жертва, хотя бы въ видѣ нѣсколькихъ капель напитка, торжественно вылитаго изъ кубка. Чтобы умилостивить волны и вызвать у нихъ милосердіе къ родственникамъ „на морѣ сущимъ“, мать, жена, или невѣста моряка задаривали ручьи, журчавшіе у горъ: теченіемъ уносило ихъ приношенія въ Черное море, которое отвѣчало на это завываніемъ вѣтра и поднятіемъ облачка [2]).

Такова была религія древнихъ черкесовъ; но еще до второй половины XVIII столѣтія князья и дворяне считались большей частью христіанами, преклоняли свои колѣна въ церквахъ, развалины которыхъ видны тамъ и сямъ на вершинахъ холмовъ [3]). Шейкъ Мансуръ, обратилъ почти всѣхъ своихъ земляковъ въ секту магометанъ-суннитовъ, за что былъ сосланъ на Соловецкіе острова, гдѣ и кончилъ свою жизнь среди ледяныхъ покрововъ Бѣлаго моря. Вліяніе крымскихъ хановъ было направлено къ тому-же: изъ среды черкесовъ все болѣе и болѣе появлялось горячихъ послѣдователей ислама по мѣрѣ того, какъ развивалась въ нихъ ненависть къ русскимъ-христіанамъ, завладѣвшимъ ихъ родиной. Но въ то же время нѣкоторыя практическія стороны магометанства, и въ особенности многоженство, не были введены въ этой странѣ, какъ общепринятыя—древніе нравы стояли за семью. Воинъ стыдился даже видаться съ женою въ присутствіи товарищей, и, если браки не держались совсѣмъ въ секретѣ, то во всякомъ случаѣ отнюдь не считалось удобнымъ говорить о нихъ. Въ религіозномъ рвеніи, черкесовъ и другихъ горцевъ западнаго Кавказа нельзя сравнивать съ честными татарами изъ племени Карачай, или „Черный потокъ“, которые занимали южныя долины Кубани, на западъ отъ Эльбруса, на территоріи, гдѣ, какъ говоритъ легенда, жили прежде френги, т. е. франки, или европейцы [4]): эти карачаи — мусульмане преимущественно [5]). Они занимаются большею

---

[1]) Помимо Шибле у нихъ былъ еще *Созерисъ*, богъ земледѣлія, обилія и домашняго благосостоянія, отчасти соотвѣтствующій по идеѣ и по празднествамъ въ честь его, древнерусскому Яру. *Прим. пер.*

[2]) *Bodenstedt*, ouvrage cité.

[3]) Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ указываютъ, что христіанство было принято ими во время Юстиніана. Георгій Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря въ 1550—1557 годахъ, пишетъ о черкесахъ какъ о христіанахъ; но спустя немного лѣтъ, именно около 1376 г., доминиканецъ Іоаннъ Лукскій уже сообщаетъ, что между черкесами стало развиваться магометанство. (См. Н. Дубровинъ, Очеркъ Кавказа). *Прим. пер.*

[4]) *K. Koch.* Reise nach Caucasien.

[5]) *G. Radde.* Reisen im Mingrelischen Hochgebirge.

*

частью торговлей и служатъ посредниками между различными племенами, живущими на разныхъ склонахъ горъ.

Абхазцы, сохранившіе еще названіе абазовъ, подъ которымъ они были извѣстны грекамъ, называютъ себя обыкновенно *абзуа*, что значитъ собственно „народъ“ [1]); до времени большихъ переселеній они занимали почти весь южный склонъ Кавказа между долинами Ингура и Бзыби и переходили не разъ за главный хребетъ, чтобы завладѣть землями черкесовъ. Они говорятъ языкомъ похожимъ на языкъ адиге [2]), но по внѣшнему виду и по нравамъ, замѣчается сильный контрастъ между этими двумя народами. Абзуа ростомъ меньше чѣмъ черкесы, ихъ кожа смуглѣе, волосы темнѣе; черты лица большею частью неправильны, вы-

АБХАЗЕЦЪ.

раженіе лица грубое и дикое. Они далеко не такъ красивы какъ ихъ сосѣди; рабы изъ ихъ племени, мужчины и женщины, освобождались за половину той цѣны, которую стоили черкесы [3]). Они не такіе ловкіе наѣздники какъ ихъ сосѣди, но какъ и эти послѣдніе любили жить мечомъ: долгое время ихъ занятіемъ были разбои на морѣ; до того времени, когда Черное море еще не принадлежало русскимъ, ихъ суда, ходившія подъ веслами и подъ парусами и экипажъ которыхъ состоялъ изъ 200—300 человѣкъ, отваживались нападать на берега Анатоліи, Крыма и Европейской Турціи, вплоть до Босфора. Въ прежнее время многіе изъ нихъ отправлялись въ Египетъ, чтобы продаться тамъ въ солдаты или

[1]) По Дубровину, собственно чеченцы, а не абхазцы, называютъ себя „народомъ“ (*Нахле*). *Прим. перев.*

[2]) *Klaproth.* Tableau du Caucase.

[3]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale.

въ рабство. Въ отрядѣ Мамелюковъ и въ самомъ Каирѣ, среди жителей было очень много такихъ, которые родились въ горныхъ долинахъ Абхазіи [1]). Какъ и черкесы, абхазцы дѣлились на военныя группы, имѣвшія своихъ князей, дворянъ и свободныхъ людей, возлагавшихъ на рабовъ всѣ трудныя земледѣльческія работы. У нѣкоторыхъ абхазцевъ деньги были неизвѣстны до прихода русскихъ: единицей цѣнности считалась обыкновенно корова, а телята процентами; случалось, что къ концу нѣсколькихъ лѣтъ, небольшой заемъ нужно было уплачивать цѣлымъ стадомъ. Только въ 1867 году, этотъ первобытный пріемъ былъ замѣненъ тѣмъ, который принятъ всѣми цивилизованными народами [2]). Абхазцы, подобно черкесамъ, все еще остаются язычниками по своимъ понятіямъ и нѣкоторымъ обрядамъ; исповѣдуя исламъ, они удерживаютъ нѣкоторые слѣды древне-христіанскаго культа; они чтутъ кресты и церкви, ѣдятъ свинину, дѣлаютъ приношенія въ храмы въ видѣ вкладовъ, панцырей, оружія или одежды; еще до сихъ поръ церковь, построенная, какъ гласитъ легенда, апостоломъ Павломъ, на одномъ изъ выступовъ Маруха, служитъ мѣстомъ стеченія богомольцевъ [3]). Но болѣе всего чтимый ими храмъ—дремучій лѣсъ; они любили подвѣшивать на вѣткахъ дуба свои приношенія и произносить здѣсь клятвы. Прежде на вѣтвяхъ священныхъ деревьевъ они помѣщали гробы своихъ мертвыхъ; они полагали, что взрывъ газовъ развившихся въ трупѣ, заставляетъ злыхъ духовъ на-вѣки уважать покой мертвецовъ; почтеніе къ мертвымъ доходило до крайностей: мѣста погребенія содержались гораздо лучше, чѣмъ жилища живыхъ [4]).

И по сіе время нѣсколько тысячъ абхазцевъ живутъ еще въ горныхъ долинахъ южнаго Кавказа [5]), между тѣмъ какъ адиге уже перестали существовать, какъ народъ, на противоположномъ отъ нихъ склонѣ. Карачаи единственные туземцы въ горахъ, которые устояли противъ волнъ нахлынувшихъ изъ Россіи. Всюду, кругомъ ихъ территоріи когда-то независимыхъ горцевъ, уже заняты другой народностью; нѣсколько бѣглыхъ русскихъ семействъ, которыя поселились когда-то у абхазцевъ [6]), были

---

[1]) *Reineggs.* Beschreibung des Caucasus.

[2]) *Грабовскій.* „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", вып. 4.

[3]) *Kolenate,* Bereisung Circassien.

[4]) *Wakhoutcht,* traduction de Brousset.

[5]) Абхазія раздѣлялась: на собственно Абхазію или Абсне (отъ Гагръ по берегу моря до р. Ингура), Цебельду (по верхов. р. Кодора и въ дол. р. Далъ), Самузаркань (по берегу моря, между рр. Галидзгой и Ингуромъ), и проч. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, всѣхъ абхазцевъ насчитывали около 128,800 душъ. Въ 1865 г. въ округахъ Сухумскомъ, Бзыбскомъ, Абжиескомъ и Цебельдѣ было 17,990 душъ обоего пола. *Прим. перев.*

[6]) *K. Radde,* ouvrage cité.

[7]) *Dubois de Montsereux.* Voyage autour du Caucase

*

такъ сказать, авангардомъ будущихъ завоевателей. Жители Кавказа смотрѣли прежде на югъ, какъ на страну цивилизаціи, и Грузія въ особенности дарила ихъ оружіемъ, дорогими тканями, литературнымъ языкомъ; теперь же они принуждены обращать свои взоры на сѣверъ, откуда имъ шлютъ пока лишь одни указы, арміи и переселенцевъ. Великороссы, малороссы, казаки, принадлежащіе къ этимъ обѣимъ славянскимъ семьямъ, принимаютъ участіе въ переселеніяхъ, которымъ правительство придавало преимущественно военный характеръ, организуя земледѣльческія поселки на военную ногу. Можно сказать, что теперь весь западный Кавказъ сталъ уже русской землею. Колоніи чеховъ, основанныя на земляхъ черкесовъ, мало по малу сливаются съ русскимъ населеніемъ. Число славянскихъ поселенцевъ на землѣ адиге давно превосходитъ число горцевъ, владѣвшихъ ею.

На сѣверѣ отъ горной области, равнины низовьевъ Кубани и полуостровъ Тамань суть мѣстности, гдѣ слѣдовали наиболѣе частыя перемѣны населенія различныхъ рассъ, не связанныхъ между собою промежуточными помѣсями. Что это, напримѣръ, были за люди, оставившіе послѣ себя долмены, всюду разсѣянные на полуостровѣ Тамань и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ [1]), но нигдѣ на самомъ Кавказѣ [2])? Эти памятники отличаются отъ другихъ, находимыхъ въ разныхъ странахъ, своимъ круглымъ отверстіемъ съ лицевой стороны, настолько широкимъ, что въ него можетъ пройти голова ребенка. Неизвѣстно какому-бы народу можно приписать эти памятники, относящіеся къ желѣзному вѣку [3]), такъ какъ исторія Кубани простирается въ глубь временъ всего вѣковъ на десять, т. е. не долѣе той эпохи, когда хазары и половцы, остатки которыхъ поселились въ Венгріи подъ именемъ Кумановъ, владѣли или же только проходили по землѣ, на которой въ ту пору находились эллинизованные города, кимрійскаго Босфора. Около конца X столѣтія, русская колонія Тмутаракань, довольно отдаленная отъ ядра славянскихъ націй, была уже прочнымъ поселкомъ на полуостровѣ Тамань и поддерживала связь съ прочими группами русскихъ выходцевъ, жившихъ въ Крыму. Изъ лѣтописей видно, что русскіе изъ Тмутаракани, боролись съ яссами и косогами, предшественниками черкесовъ. Камень съ надписью, найденный около Тамани и перенесенный теперь въ С.-Петербургскій эрмитажъ, свидѣтельствуетъ о состояніи цивилизаціи у древне-русскихъ обитателей этой мѣстности: на этомъ камнѣ указано разстояніе между Керчью и Тмутараканью, измѣренное по льду зимою 1068 года. Но эти первыя славянскія колоніи не были настолько сильны численностью, чтобъ могли

---

[1]) *Ландъ*, сборникъ извѣстій о Кавказѣ.

[2]) *Dubois du Montpéreux*, Voyage autour du Caucase; — *Bergé*, Russische Revue, 1874, № 11; — *Bell*, Journal d'une résidence.

[3]) *Bell*, ouvrage cité.

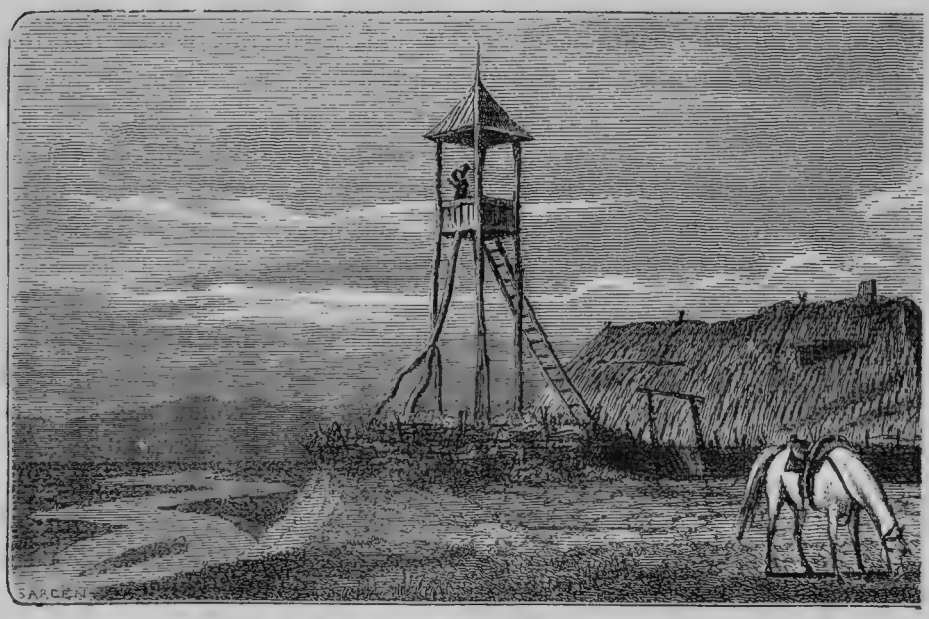
удержаться среди враждебнаго населенія. Татары, пришедшіе подъ предводительствомъ монгольскихъ вождей, завоевали эту землю одновременно съ занятіемъ Крыма. Въ началѣ 18-го вѣка здѣсь снова поселились русскіе: то были казаки, предпочитавшіе уйти въ подданство крымскаго хана, нежели подчиниться власти Петра Великаго. Къ этимъ казакамъ некрасовцамъ, названнымъ такъ по имени ихъ главы Некрасова, присоединилось еще очень много раскольниковъ, пришедшихъ сюда изъ разныхъ концевъ Россіи; вскорѣ вся страна снова была всецѣло населена русскими, которые обработывали почву, занимались рыболовствомъ на берегахъ рѣкъ и озеръ, разводили отличный украинскій скотъ, распространившійся отсюда потомъ даже въ Закавказье. Но тѣмъ не менѣе эти промышленные поселенцы не нравились правительству, и въ 1777 году они вынуждены были искать убѣжища сначала у черкесовъ, затѣмъ въ Турціи, въ ея азіатскихъ и европейскихъ владѣніяхъ; большая часть ихъ затерялась потомъ среди мусульманскаго населенія. Послѣ нихъ ногайскіе татары, выселившіеся изъ Крыма въ числѣ двухъ тысячъ семействъ, поселились въ станицахъ оставленныхъ некрасовцами; но, въ свою очередь, они должны были покинуть эту страну и уйти въ степи на западъ отъ Дона.

Съ тѣхъ поръ страна эта стала принадлежать русской имперіи, а земли ея были розданы по усмотрѣнію императрицы Екатерины и всемогущаго Потемкина. Несчастные нижнеднѣпровскіе казаки, ушедшіе сначала въ Турцію, послѣ того какъ имъ разрѣшено было вернуться въ Россію, должны были выносить на себѣ всю тяжесть сраженій и вылазокъ, а по окончаніи войны, когда Потемкинъ основался на берегахъ Буга, ихъ принудили покинуть свои деревни и земли, отведенныя имъ въ Новороссіи, и идти на поселеніе въ болотистыя пустыни, на правый берегъ Кубани. Пришедши сюда въ 1793 г. въ числѣ 17,000 воиновъ, и слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 30,000 душъ, они были также хорошо приняты черкесами, какъ и ихъ предшественники; но вскорѣ черноморцы не замедлили войти съ своими сосѣдями въ столкновеніе, и изъ друзей превратились въ побѣдителей. Война, которая свирѣпствовала между ними и прежними владѣльцами земли, была, такъ сказать, войной нечаянныхъ нападеній. Казаки построили форты въ стратегическихъ пунктахъ, караульныя башни и укрѣпленныя станицы по всей линіи Кубани; труднѣе всего имъ было бороться съ непріятелемъ, таившимся въ камышахъ рѣки, и при всякомъ удобномъ случаѣ нападавшимъ въ расплохъ; но казаки сами умѣли набрасываться на врага внезапно, какъ тигръ подстерегшій добычу,—въ ихъ средѣ развились тѣ грозные *пластуны*, которые наводили ужасъ на непріятельскіе аванпосты во время войнъ Россіи [1]).

[1]) *Короленко.* Черноморскіе казаки.

Сражаясь постоянно съ черкесами, казаки въ концѣ концовъ усвоили ихъ пріемы, нравы и обычаи, и даже опытный глазъ не всегда могъ сразу отличить казака отъ кавказскаго горца.

Въ то-же время, когда шла у нихъ война съ черкесами, продолжавшаяся семьдесятъ лѣтъ, они должны были еще бороться и съ враждебной природой, которую побѣдить окончательно удастся еще очень нескоро. Города, деревни, каналы, дороги — все было уничтожено когда они пришли въ эту страну: не осталось ничего кромѣ безформенныхъ развалинъ, впослѣдствіи изученныхъ археологами, пытавшимися опредѣлить мѣста городовъ, упоминаемыхъ древними авторами. Большая



Казачій сторожевой постъ или вышка.

часть мѣстностей въ этой странѣ могла заселяться лишь медленно; въ то время какъ въ степяхъ недоставало воды, въ другихъ мѣстахъ ея было въ изобиліи, а низменности нерѣдко и совсѣмъ затоплялись. На Кубанской дельтѣ, гдѣ лихорадки постоянны, процентъ смертности очень великъ, а въ нѣкоторые года онъ значительно превышаетъ число рожденій. Среднимъ числомъ, третья часть дѣтей, рождающихся въ этой странѣ, умираютъ очень рано: возрастъ отъ 3 до 5 лѣтъ переживаетъ не болѣе какъ половина дѣтей [1]).

На узкомъ карнизѣ Кавказскаго склона, обращеннаго къ Черному морю, нѣтъ населенныхъ городовъ: эмиграція лишила страну большей

[1]) *Ландъ*. Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. III.

части ея обитателей, продолжительныя войны разорили поля, недостатокъ путей не позволяетъ снабжаться съѣстными припасами изъ внутри страны, почти всѣ рейды плохо защищены, климатъ морского прибрежья нездоровъ. Все это препятствуетъ тому, чтобы пользоваться замѣчательными выгодами этого берега, долженствующаго со временемъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ въ Старомъ Свѣтѣ. Даже Сухумъ-Кале, охраняющій входъ въ южную часть этой страны и претендующій на названіе города, есть незначительное мѣстечко, не смотря на что онъ служитъ главнымъ пунктомъ военнаго округа, не смотря на свой превосходный портъ, глубокій и хорошо защищенный отъ вѣтровъ; на его мѣстѣ, какъ полагаетъ большая часть русскихъ археологовъ, стоялъ греческій городъ, называвшійся у милетцевъ Діоскуромъ, тридцать два вѣка тому назадъ, а позднѣе извѣстный подъ именемъ Севастополя. Казалось бы болѣе естественнымъ, конечно, искать Діоскуръ южнѣе, у тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится деревня Изгауръ или Искуріа [1]), но по близоста ея и около мыса почти не находятъ древнихъ развалинъ; между тѣмъ какъ одинъ греческій городъ съ улицами, площадями, фундаментами зданій, виденъна нѣсколькихъ футахъ глубины въ портѣ Сухума [2]); а повсюду въ окрестностяхъ уцѣлѣли еще остатки каналовъ, дорогъ и древнихъ построекъ, и также развалины греческихъ памятниковъ[3]), служившія у турокъ матеріаломъ для постройки въ 1787 году крѣпости Сухумъ, разрушенной вмѣстѣ съ городомъ въ войну 1877 года. Даже въ лучшіе года торговля Сухумъ-Кале, ввозная и вывозная не достигала болѣе нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Въ 1876 году въ портѣ было всего 997 судовъ, вмѣстимостью 232.750 тоннъ. Прибрежные жители удачно занимаются ловлей дельфиновъ: въ 1872 году ихъ было поймано, на одномъ только Сухумскомъ рейдѣ, до 3.800 штукъ. Къ сѣверу отъ города видны остатки боевой стѣны, которая, какъ говорятъ, была когда то длиною въ „шестьдесятъ тысячъ шаговъ“ [4]), и построена въ V вѣкѣ для защиты приморскаго города отъ абхазцевъ.

Мѣстечко Пицунда, древній Pythius византійцевъ, было также важнымъ городомъ, какъ свидѣтельствуютъ это окрестныя развалины: византійскій храмъ, обновленный русскимъ правительствомъ, былъ построенъ какъ полагаютъ, Юстиніаномъ въ 551 г. Въ пицундскомъ монастырѣ умеръ Хризостомъ, находившійся въ ссылкѣ. Уголокъ служившій византійцамъ мѣстомъ для ссылокъ, генуэзцы впослѣдствіи обратили въ торговый и самый оживленный пунктъ морскаго прибрежья: сюда именно стека-

---

[1]) *Dubois de Montpereux.* Voyage autour du Caucase;— *Müller*, édition des Géographi minores;—*E. Desjardin*, Notes manuscrites.

[2]) *Чернявскій*, Извѣст. Русск. Геогр. общ. 1877, № 5.

[3]) Предшественниками милетцевъ, основавшихся здѣсь *не ранѣе 8-го в. до Р. Х.* были финико-ассиріане, (см. *Курціусъ*, Греція). *Пр. пер.*

[4]) *Lamberti*, Relatione della Colchide.

лись итальянскіе купцы и миссіонеры, оставившіе послѣ себя столько слѣдовъ своего пребыванія въ видѣ сторожевыхъ башень, оружія, монетъ [1]). Судя по преданіямъ туземцевъ, изъ иностранцевъ самое замѣтное вліяніе на цивилизацію страны оказали генуэзцы или „джиновы“. Имъ также принадлежало оружіе, украшенное французскими и латинскими изрѣченіями, которое находили довольно часто въ горахъ, около половины этого столѣтія [2]).

За Пицундой слѣдуютъ древнія крѣпости Гагры, Адлеръ или Ардилеръ (Ардувачъ) и еще нѣкоторыя другія. Далѣе идетъ якорная стоянка Туапсе, гдѣ видѣнъ всего одинъ домъ, стоящій у берега; хотя современемъ появится здѣсь большой торговый городъ, такъ какъ рейдъ Туапсе очень глубокъ и отлично защищенъ [3]); уже работаютъ надъ постройкой пути, который пересѣчетъ Кавказъ на сѣверъ отъ Туапсе и затѣмъ спустится у Екатеринодара, пройдя черезъ термальную станцію Ключевая. Первый приморскій городъ, лежащій почти у крайняго пункта Кавказа, Новороссійскъ или Суджукъ, благодаря своему рейду, ведетъ нѣкоторую торговлю: въ 1876 году въ его портѣ было 486 судовъ, вмѣстимостью въ 177,400 тоннъ; его рейдъ подверженъ борѣ, равно какъ и сосѣдняя съ нимъ бухта Геленджикъ, служившая во время войны съ черкесами мѣстомъ высадки русскихъ войскъ.

Рейдъ Анапы еще менѣе надеженъ, и лоцмана совѣтуютъ морякамъ быть всегда готовыми сняться съ якоря; въ 1876 году, число судовъ, заходившихъ въ портъ не превышало 476, съ вмѣстимостью въ 156.950 тоннъ. Анапу, бывшій турецкій городъ, русскіе завоевывали три раза а въ 1860 году, главный административный пунктъ полуострова Тамань былъ изъ него временно перенесенъ въ Темрюкъ. Въ то время Темрюкъ былъ простой казачьей станицей, съ домиками, расположенными на холмѣ высотой въ 250 футовъ, среди узкаго перешейка, раздѣляющаго два пруда, сообщающихся съ Кубанью. Въ его сосѣдствѣ расположены въ видѣ пяти отдѣльныхъ группъ главные грязевые вулканы полуострова Тамань: всѣхъ сопокъ насчитываютъ здѣсь болѣе сотни, причемъ, между ними есть много такихъ, которыя постоянно мѣняютъ свои мѣста. За послѣдніе нѣсколько лѣтъ, грязью выбрасываемой этими вулканами стали лечиться отъ ревматическихъ болей. Деревенька Тамань, давшая полуострову свое имя, кромѣ того, что лежитъ у самаго пролива, противъ Керчи и Еникале, не имѣетъ никакихъ другихъ преимуществъ; прилегающій къ ней берегъ низокъ и доступенъ только для плоскодонныхъ судовъ. Далѣе отъ нея, на сѣверо-востокъ, находится крѣпость Ѳанагорія, построенная изъ остатковъ греческаго города того же имени,

[1]) *Dubois de Montpereux.* Voyage autour du Caucase.

[2]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale.

[3]) *Карановъ.* Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. общ., 1873—1874.

отъ котораго сохранились еще нѣсколько развалившихся стѣнъ и гробницъ, хотя и менѣе цѣнныхъ, нежели тѣ, что находятся на противоположномъ отъ нея берегу [1]).

Станицы, построенныя казаками въ степи, орошаемой Кубанью и ея притоками, со временъ основанія ихъ пользуются тѣми преимуществами передъ поморскими пунктами, что лежатъ на перекресткѣ естественныхъ степныхъ дорогъ. Нѣкоторые изъ этихъ мѣстечекъ оживлены торговлею и могли-бы считаться настоящими городами, еслибы дома ихъ не были разбросаны на такомъ громадномъ пространствѣ. Въ Кубанской области насчитывается не менѣе 146 станицъ, имѣющихъ свыше 2,000 жителей,— цифра громадная, если принять во вниманіе краткость періода, въ который совершалась колонизація. Впродолженіе одного только 1872 года, населеніе Кубанской территоріи поднялось съ 672,000 душъ на 733,000; въ то время какъ нормальный приростъ населенія не превосходитъ шести или семи тысячъ душъ, эмиграція сразу повысила его не меньше какъ на 54,000 [2]). Понятно, что быстрое заселеніе края не могло не отразиться бѣдственно на многихъ переселенцахъ, расположившихся на болотистой почвѣ, или выбиравшихъ мѣста для своихъ поселковъ на авось. Въ числѣ собственниковъ, владѣющихъ лучшими участками, находятся и высокопоставленныя лица; съ 1860 по 1870 въ Кубанской области и Ставропольской губерніи было роздано болѣе 120,000 десятинъ [3]).

Казаки не дѣлятъ свою землю на отдѣльныя собственности. „Вмѣстѣ мы ее завоевали, говорятъ они, вмѣстѣ защищали, вмѣстѣ и владѣемъ ею“. Община рѣшаетъ каждый годъ, какая часть полей должна быть занята той или другой культурой; огороды единственная частная собственность казака. Но офицеры, уже переставшіе быть выборными своихъ братьевъ-казаковъ, получили отъ правительства вмѣстѣ съ чинами и участки земли или хутора, которые должны были еще болѣе возвышать значеніе этихъ чиновъ. Еще во времена Екатерины разныя начальствующія лица получали „въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе“ хутора, какъ бы частную собственность. Примѣру высшихъ лицъ слѣдовали многіе офицеры казачьихъ общинъ, и вокругъ ихъ станицъ построились хутора, куда уже не могли проникать стада, принадлежащія общинѣ. Въ 1842 г. правительство раздѣлило всю землю между чинами, придерживаясь іерархическаго порядка, именно: генераламъ было роздано по 1,500 десятинъ, штабъ-офицерамъ по 400, оберъ-офицерамъ по 200 и простымъ казакамъ по 30. Участки простыхъ казаковъ, составляющіе общинную собственность, очутились также раздѣленными на мелкіе куски и напрасно

[1]) *Görtz.* Archäologische Topographie der Halbinsel Taman.
[2]) *Васильчиковъ.* Землевладѣніе и земледѣліе.
[3]) *Чаславскій.* Крестьянскія переселенія.

крестьяне протестовали противъ такого дѣлежа почвы, столь противнаго ихъ интересамъ [1]). Въ послѣднее время разные сектанты, и въ особенности шалопуты, начинаютъ сильно разростаться въ малорусскихъ селеніяхъ: круговая порука придаетъ имъ особенную силу и возможность процвѣтать тамъ, гдѣ другіе гибнутъ [2]).

На вывѣтрившихся долинахъ, пересѣкающихъ известковыя террасы, обращенныя крутизной своей къ Кавказу, находятся самыя плодородныя земли, вслѣдствіе чего тамошнія деревни въ настоящее время населены болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Самая главная изъ станицъ, расположенныхъ у подошвы кавказскихъ предгорій — Майкопъ, бывшая прежде важнымъ стратегическимъ пунктомъ и сборнымъ мѣстомъ для войскъ, предназначавшихся къ отправкѣ черезъ хребетъ; въ качествѣ рынка, снабжающаго съѣстными припасами прилегающую къ нему мѣстность, Майкопъ занимаетъ видное мѣсто между другими городами Кавказа. Въ самой долинѣ Кубани процвѣтаютъ также и торговыя мѣстечки и станицы: Баталпашинская, Николаевская, близъ которой разработываются Каракентскія угольныя копи, Ладовская, Усть-Лабинскъ, Екатеринодаръ. Этотъ послѣдній казачій городъ сдѣлался главнымъ пунктомъ Кубанской области, и ведетъ довольно значительную торговлю: сюда съѣзжаются до 25 тыс. крестьянъ на сентябрьскую ярмарку, гдѣ продается однихъ мануфактурныхъ товаровъ среднимъ числомъ на два милліона рублей [3]). Въ Екатеринодарѣ есть также нѣсколько фабрикъ; расположившись у верховья рѣки, онъ снабжаетъ съѣстными продуктами порты Чернаго моря: Новороссійскъ, Анапу и кромѣ того Ейскъ, портъ, лежащій на югъ отъ Таганрога; у песчаной стрѣлки, омываемой желтоватыми волнами Азовскаго моря. Въ 1848 году Ейскъ еще не существовалъ. Основанный по указанію моряка Трифонова, онъ началъ застраиваться почти съ американской быстротой, благодаря раздачѣ земель, освобожденію отъ налоговъ, свободной торговлѣ и обильному улову рыбы, доходъ отъ которой простирается среднимъ числомъ до 200,000 руб. Въ первыя десять лѣтъ его существованія, число жителей достигло 20,000. Его развитіе было задержано послѣ того какъ онъ былъ лишенъ своихъ льготъ, но все же Ейскъ остался самымъ многолюднымъ городомъ на Кавказскомъ прибрежьѣ, и нѣсколько сосѣднихъ станицъ сравнительно съ нимъ не болѣе какъ деревни. Около семисотъ каботажныхъ судовъ приходятъ ежегодно на его рейдъ, чтобы нагрузиться зерномъ, шерстью, льнянымъ сѣменемъ; но эти суда не могутъ подходить къ самому берегу,

[1]) *Попка.* Черноморскіе казаки, ихъ частная жизнь и боевая. — *Dragomanov*, Notes manuscrites.

[2]) *Благовѣщенскій, Линтваревъ и Маргарафъ.* Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, IV, 1878.

[3]) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла, III.

такъ какъ только въ 3-хъ верстахъ отъ него начинается глубина едва на 14 футовъ. Не смотря на это, напр. въ 1876 г., въ его портѣ находилось 1439 судовъ, вмѣстимостью въ 167.420 тонн.

Ставрополь, главный городъ той губерніи Кавказа, которая по своему протяженію уступаетъ по величинѣ только Кубанской области лежитъ уже внѣ бассейна рѣки Кубани, хотя воды орошающіе его, направляются въ Азовское море, черезъ посредство Егорлыка, Зап. Маныча и Дона. Расположенный болѣе чѣмъ на 2,000 футахъ высоты, на одной изъ террасъ упирающихся въ подножье Кавказа, Ставропольвъ эпоху своего основанія, т. е. въ 1776 или 1777, былъ не болѣе какъ „Номеръ Восьмой," и неизвѣстно даже съ какого времени онъ сталъ называться греческимъ именемъ—„городомъ Креста"; долгое время онъ неимѣлъ иного значенія, кромѣ стратегическаго, въ ряду тѣхъ десяти крѣпостей, которыя охраняли равнины Предкавказья, на промежуткѣ между дельтой Дона и городомъ Моздокомъ. Занимая довольно большое пространство на нѣсколькихъ пригоркахъ, отдѣляющихся другъ отъ друга глубокими оврагами, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ въ Россіи; проточной водою орошается множество садовъ, славящихся превосходными фруктами, а клочки чернозема на Ставропольской террасѣ, также какъ и черноземъ Малороссіи, даютъ земледѣльцамъ обильные урожаи.

На сѣверъ отъ Ставрополя, въ долинѣ Егорлыка и еще другого притока Маныча, Средн. Егорлыка, раскинулась группа многолюдныхъ деревень; жители ихъ большею частью уже не казаки, а крестьяне, выходцы изъ среднихъ губерній Россіи. Самые поселки ихъ называются не станицами а селами, такъ что самимъ названіемъ опредѣляется существенная разница между прежними деревнями бассейна Кубани и тѣми что вновь въ бассейнѣ Егорлыка.

Вотъ перечень городовъ, станицъ и деревень Зап. Кавказа, имѣвшихъ въ 1874 году болѣе 5000 жителей:

Кубанская область:

Екатеринодаръ	32,500
Ейскъ	28,500
Майкопъ	22,500
Темрюкъ (городъ)	11,150
Ново-Покровская(станица)	7,000
Пашковская	6,600
Ново-Михайловская	6,550
Старо-Минская	6,250
Ладовская	6,175
Ново-Троицкая	6,150
Петровская	6,050
Ивановская	5,950
Старо-Щербиновская	5,900
Уманская	5,650
Успенская	5,600
Темиргоевская	5,420
Ильинская	5,400
Баталпашинская	5,320

Черноморскій округъ:

Григорополисская (станица)	5,300
Анапа	5,200
Бекешевская	5,100

Ставропольская губернія:

Ставрополь	29,600	Донское	6,775
Бѣлаглинское (село)	11,220	Ново-Георгіевское	5,600
Безопасное	6,805	Средне-Егорлыкское	5,450
Краснополяна	6,500	Кугульта	5,400
Ладовская балка	6,200	Песчанокопское	5,300
Ново-Дмитріевское	5,800	Сандата	5,200
		Медвѣжье	5,150

III.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗЪ, БАССЕЙНЫ КУМЫ И ТЕРЕКА.

Между Эльбрусомъ и Казбекомъ, слѣдовательно на протяженіи 170 верстъ, главный хребетъ на столько высокъ, что вершинами своими и ледниками, скользящими въ котловины и въ горныя долы, заходитъ далеко за предѣлы снѣговой линіи. Мѣстами, прибрежныя звенья сливаются съ вершинами хребта и образуютъ тѣ горные массивы, которые, такъ ярко блистая своими ледяными вершинами, высоко поднимаются надъ остальными горами. Эльбрусъ съ его контрфортами составляетъ одну изъ самыхъ массивныхъ частей Кавказа; татары называютъ его Ялъ-бузъ, или „Ледяная грива“, а черкесы смотрятъ на него какъ на „Святую Гору“ на „Вершину Блаженныхъ“ и считаютъ, что снѣжная вершина Эльбруса есть „тронъ Властелина вселенной, царя духовъ“ [1]). Адишъ, Каштанъ-тау и Дихъ-тау, сгруппированы возлѣ этого пункта и выдвигаются мысами за предѣлы главнаго хребта. Далѣе къ востоку Адай-Кохъ, Дзеа-кохъ и сосѣднія съ ними горы представляютъ другую группу величественныхъ вершинъ. Нѣсколько дальше отъ этой группы съ ея снѣжными вершинами и ледниками, къ востоку, цѣпь прерывается глубокой брешью, черезъ которую протекаютъ воды Ардона; но вскорѣ эта брешь запирается хребтомъ Зикари, идущимъ параллельно оси главнаго хребта. Масса Зилга-Кохъ поднимается на югъ отъ впадины размытой потоками, т. е. между массивами Тепли и тѣми что заканчиваются въ восточной части куполомъ Казбека или „Главой“. Этотъ куполъ— Мкинвари, какъ называютъ его грузины. Урсъ-Кохъ, или „Бѣлая гора“ какъ называютъ его осетины, а также „Пикъ Виоліема или Христа“[2]). Казбекъ еще болѣе почитаемъ нежели Эльбрусъ, благодаря своему положенію у воротъ Кавказа, называемымъ теперь Дарьяльскимъ ущельемъ: здѣсь же находится отдѣленный ледни-

---

[1]) *Kolenati.* Die Bereisung des Caukasus. *Bodenstedt.* Die Völker des Caukasus.

[2]) *Муромцевъ*, Изв. Русск. Геогр. Общ. 1872, № VIII.—*Хатисьянъ*;—*Statkovskiy.* Climatologie du Caucase.

ТИПЫ КАВКАЗСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

комъ отъ горныхъ полянъ [1]) знаменитый гротъ, съ котораго отшельники, съ помощью желѣзной цѣпи, могли подниматься къ „колыбели Іисуса Христа“ и къ „шатру Авраама“.

Средняя высота Кавказскаго хребта между Эльбрусомъ (5.646 метр. 18.572 ф.) и Адайкохомъ (4.646 м. 15.239) равна 3.800 (12.500 ф.) метрамъ, а высота нѣкоторыхъ промежуточныхъ точекъ:

Зикари .	(10.265 ф.) 3.129метр.	Мамисонъ .	(9.387 ф.) 2.862 м.
Зилга-Кохъ	(12.538 ф.) 3.853 „	Крестовая гора	(7.323 ф.) 2.263 „
Тепли . .	(13.523 ф.) 4.202 „	Бешъ-тау . .	(4.592 ф.) 1.400 „

Контрефорты и террасы которыми спускается снѣжный хребетъ образуютъ различныя звенья „Черныхъ горъ“, а затѣмъ развертываются въ видѣ громаднаго полукруга у Кабардинской равнины и поднимаются потомъ снова на сѣверѣ въ видѣ массы Бешъ-тау, заканчивающейся полуостровной формой. Воды, стекающія по этому амфитеатру, какъ и альпійскіе потоки, соединяющіеся на поляхъ Піемонта, образуютъ многоводный Терекъ, По Кавказа, стремительно несущійся къ Каспію. Между тѣмъ какъ воды, стекающія съ выступовъ наиболѣе выдвинутыхъ, не соединяются съ Терекомъ, а направляются въ степи, образуя къ сѣверу Калаусъ, и къ сѣверо-востоку Куму.

Калаусъ, въ верхней долинѣ котораго находится нѣсколько деревень съ осѣдлымъ населеніемъ, по своему характеру есть настоящая степная рѣка. Весною, когда таютъ снѣга, Калаусъ широко разливается по низменнымъ частямъ равнины; лѣтомъ же, во время жаровъ, онъ мельчаетъ по мѣрѣ того какъ удаляется отъ холмовъ, на которыхъ береть свое начало и, наконецъ, совсѣмъ высыхаетъ, не достигнувши впадины Маныча, этого остатка отъ существовавшаго когда-то понто-каспійскаго пролива. Извѣстно что эта незначительная рѣка, періодически совсѣмъ высыхающая представляетъ собою замѣчательное явленіе своимъ раздвоеніемъ къ Каспійскому морю и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Черному [2]) Калаусъ входитъ въ впадину Маныча у самаго водораздѣла и во время половодья небольшая горка заставляетъ его раздѣляться на два потока, изъ которыхъ одинъ сливается съ Манычемъ Дона, а другой направляется къ дельтѣ Кумы. Крутые берега его, заключающіе въ себѣ ложе въ 4—5 верстъ шириною, доказываютъ, что эта рѣка была когда-то гораздо многоводнѣе; но ея русло, по которому могли бы течь Рона или Нимъ, занято теперь медленно текущей рѣчкой, пробирающейся отъ одного болота къ другому и поросшей камышами. Напрасно надѣялись нѣкогда на то, чтобы пользуясь водами Калауса, соединить каналомъ оба моря: эта рѣка слишкомъ ма-

[1]) *Klaproth*. Tableau du Caucase.
[2]) *Bergsträsser*. Mittheilungen von Petermann, 1859.

ловодна и теченіе ея слишкомъ неправильно, что бы она могла служить судоходнымъ цѣлямъ.

Бассейнъ Кумы обширнѣе чѣмъ бассейнъ Калауса, а воды ея стекаютъ съ болѣе высокихъ холмовъ и даже настоящихъ горъ, на которыхъ снѣгъ сохраняется впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Сойдя съ высокой долины, Кума является уже многоводной рѣкой, въ которую собираются рѣченки, спадающія съ западныхъ прибрежныхъ хребтовъ и мало по малу увеличиваютъ ее; но принявши въ себя послѣдній постоянный притокъ, верстахъ въ 235 отъ Каспійскаго моря, она начинаетъ постепенно уменьшаться и, извиваясь, уходитъ въ степь; тамъ часть ея воды испаряется, а остальная часть, раздѣлившись на право и на лѣво течетъ дальше, орошая луга ногайскихъ татаръ и калмыковъ. Бываетъ не рѣдко, что въ 95 верстахъ отъ того мѣста, которое было прежде устьемъ этой рѣки, послѣдняя капля воды уходитъ изъ своего ложа въ сторону, вслѣдствіи плотинъ настроенныхъ туземцами [1]). Прежде, когда воды въ бассейнѣ Кумы было значительно больше, дельта ее начиналась тамъ гдѣ теперь рѣка уже перестала существовать. Сѣверный рукавъ ее направляется къ западному Манычу, ложе котораго замѣщено теперь озерами и прудами Гуйдука, расположенными въ формѣ ожерелья. Оба другіе рукава Кумы, опредѣляющіе свое направленіе лужами, лужицами и ручейками, тянутся почти параллельно къ бухтѣ Каспійскаго моря, называемой до сихъ поръ еще Кумскимъ Прораномъ, т. е. водосливомъ рѣки Кумы. Во время сильныхъ и исключительныхъ половодій, рѣка сноситъ плотины построенныя нагайцами и временно наполняетъ свое прежнее русло; такъ, напримѣръ, было въ 1879 г., когда въ „водосливѣ“ показались снова желтыя воды Кумы и прибрежные жители какъ, говорятъ, пытались удержать ее въ новомъ ложѣ. Но въ ту пору когда дуютъ вѣтры восточный и сѣв.-восточный, господствующіе здѣсь большую часть года, то происходитъ явленіе противуположное: вода изъ бухты входитъ въ прежнее ложе рѣки Кумы и, гонитъ передъ собой стоячія воды болотъ, такимъ образомъ, подъ напоромъ вѣтра обратное теченіе проникаетъ иногда довольно далеко во внутрь материка [2]). Такъ заканчиваетъ свое теченіе рѣка, неуступающая величиною Гароннѣ, ибо течетъ въ полосѣ гдѣ атмосфера много суше, чѣмъ въ западной Франціи. Кума, равно какъ и Калаусъ, не имѣетъ достаточно воды, чтобы могла питать собою понто-каспійскій каналъ. Кромѣ того, невозможно было бы воды верхней долины, провести къ водораздѣльному хребту, не прорѣзавъ степь каналомъ верстъ во 100 длиною. Пристань Серебряковская, у устья Кумы, недоступна для судовъ,

---

[1]) *Bergsträsser.* Mittheilungen von Petermann, livraison citée.

[2]) *Pallas.* Voyage pendant les années 1793 et 1794.

сидящихъ въ водѣ болѣе двухъ футовъ. Тѣ же суда, которыхъ углубленіе болѣе чѣмъ четыре фута, должны становиться на якорь въ разстояніи, почти 7 верстъ отъ берега [1]).

Терекъ совсѣмъ не таковъ, какъ Манычъ или Кума, которыя высыхаютъ недостигнувъ моря. Его главные источники берутъ свое начало на высотѣ около 8,200 футовъ, въ котловинѣ окруженной ледниками; еще не успѣвъ выйти изъ областей снѣга и горныхъ полянъ, Терекъ уже является могучей рѣкою. Соединившись съ другими потоками онъ огибаетъ съ восточной и южной стороны массивы Кавказскихъ горъ, среди которыхъ возвышается Казбекъ, а затѣмъ пройдя черезъ цѣлый рядъ бассейновъ и ущелій, выходитъ на равнину черезъ скалистые ворота, расположенныя у входа въ городъ Владикавказъ. У основанія громаднаго откоса, состоящаго изъ вулканическихъ изверженій, наполнившихъ древнее озеро, Терекъ, соединяется съ нѣсколькими потоками или *донами*, которые стекаютъ съ сосѣднихъ долинъ, съ такой же быстротой, какъ и самъ Терекъ, и точно также катя булыжникъ, образующій вытянутые полуостровки, отодвигающіе потоки все болѣе и болѣе къ низовьямъ. Гузель-донъ, Фіагъ-донъ, Ар-донъ или „Бѣшеная рѣка“ присоединяются также къ главной рѣкѣ, а за ними Урухъ, выходящій изъ ущелья, глубиною въ нѣсколько сотъ футовъ, гдѣ онъ течетъ подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, растущихъ на скалистыхъ уступахъ. Черекъ, Баксу и другія рѣченки также сливаются съ Терекомъ, присоединившись предварительно къ р. Малкѣ т. е. къ самому большому изъ притоковъ Терека, получающаго свои воды съ снѣжныхъ вершинъ Эльбруса. Обширныя ложа высохшихъ рѣкъ, направляющіеся къ сѣверу, дали Палласу и другимъ путешественникамъ поводъ думать, что нѣкогда Малка соединялась съ Кумою и текла вмѣстѣ съ нею въ впадину Маныча; голыши приносимыя потокомъ измѣнили теченіе рѣки и направили ее въ Терекъ. Можетъ быть даже, что и эта рѣка текла когда-то прямо на сѣверъ, къ понто-каспійскому проливу, и что обходя контрефорты Дагестана, она мало по малу современемъ потечетъ въ Каспій прямою дорогою[2]). Еще до сліянія съ Малкой, Терекъ несетъ воды болѣе 500 куб. метр. (17,650 к. ф.) въ сек. Выйдя совсѣмъ изъ горной области, онъ замедляетъ свое теченіе и направляется извилинами къ Каспійскому морю [3]); послѣ чего онъ принимаетъ еще одну очень важную рѣку, протекающую по Чечнѣ, быструю Сунджу, въ которую вливаются изобильные сѣрные источники: Мельчиги—большой горячій ручей, образуемый пятью обильными источниками,

---

[1]) *Петриченко.* Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ II, 1872.

[2]) *Pallas.* Voyage pendant les années 1793 et 1794;—*Reinegge.* Beschreibung des Kaukasus.

[3]) Вся длина Терека, отъ устья до истоковъ—около 450 верстъ. *Прим. пер.*

вода которыхъ столь горяча, что даже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ выхода, она не годна для питья [1]).

Ниже впаденія рѣки Сунджи, Терекъ теряя много воды въ отводныхъ каналахъ и черезъ испареніе, остается все же достаточно полноводнымъ, чтобы образовать громадную дельту и вливаться въ море многочисленными рукавами. Эти рукава, постоянныя или временные, часто во время наводненій мѣняютъ свои мѣста, и сравнительное значеніе ихъ мѣняется съ каждымъ столѣтіемъ: одинъ изъ такихъ рукавовъ есть „Старый Терекъ", который былъ когда-то гораздо важнѣе чѣмъ „Новый Терекъ", замѣнившій его массою своей воды. Не считая наносныхъ полуострововъ, которые почти удваиваютъ длину береговой линіи, сама дельта вдоль по берегу занимаетъ около 115 верстъ, а ложа нѣкоторыхъ рукавовъ сливались, повидимому, съ устьями сосѣднихъ рѣкъ: съ одной стороны съ Кумою, съ другой—съ Сулакомъ. Къ западу отъ дельты теперешняго Терека, можно еще распознать прежній берегъ Каспія, а также замѣтны параллельныя ряды бугровъ совершенно похожихъ на тѣ, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, образовались чрезъ пониженія уровня водъ въ ту эпоху, когда Каспійское море отдѣлилось отъ Чернаго. По Бэру [2]), аллювій Терека гораздо быстрѣе покрываетъ прибрежье Каспія, нежели Волга. Морскія бухты совершенно заполнены рѣчными наносами и рыболовныя станціи, расположенныя на берегу въ 1825 г., тридцать лѣтъ спустя, отодвинулись на 15 верстъ во внутрь материка. Весь берегъ между Кумою и Терекомъ съ 1841 г. отодвинулся къ востоку на 1—2 версты [3]). Но всѣ эти новыя мѣстности, завоеванныя у моря, еще плохо осушены и крайне нездоровы. Въ Іюлѣ и въ Августѣ мѣстные рабочіе и садоводы говорятъ, что у нихъ въ это время голова точно „вспухши",—они становятся жертвой болотной лихорадки и всякаго рода галлюцинацій [4]).

Количества воды, которое несетъ Терекъ, совершенно достаточно, чтобы имѣть возможность провести каналъ къ цѣпи, раздѣляющей оба Маныча, и такимъ образомъ проложить водный путь отъ Каспійскаго моря къ Черному; таковъ проэктъ инженера Данилова. По всей вѣроятности однако, этому дорого стоющему предпріятію еще долго придется ждать. Вода Терека и его притоковъ служитъ теперь только для ирригаціи полей, прилегающихъ къ берегу. Каналъ Эристова, питаемый Малкой, пересѣкаетъ равнину въ южной части бассейна и, пройдя 220 верстъ, соединяется съ Терекомъ. Казаки прорыли его по собственному почину, захвативъ такимъ образомъ тѣ земли, которыя правительство не имѣло въ

[1]) *Берже*, Чечнія и Чеченцы.
[2]) *Kaspische Studien*.
[3]) Зап. Кавказ. Отд. Русск. геогр. общ. т. VI.
[4]) Кавказскій календарь, 1880 г.

виду предоставлять имъ. Другой каналъ, Курскій, на сѣверъ отъ предыдущаго, идетъ также отъ Малки; на немъ устроено 19 мельницъ; во время высокой воды, этотъ каналъ представляетъ изъ себя рѣку въ 150 верстъ длиною. Третій каналъ, къ сѣверу отъ притока Сунджа, орошаетъ собою около 100,000 десятинъ земли. Умѣло направленныя воды Кавказскихъ рѣкъ, съ ихъ плодоносной глиной, могутъ быть проведены далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и богатѣйшій кабардинскій бассейнъ станетъ современемъ страной преимущественно земледѣлія и садоводства; очень немного нужно чтобы земля стала плодороднѣе и лучше орошена; нѣтъ недостатка и въ рабочихъ рукахъ; чего недостаетъ здѣсь это—науки и свободной инициативы.

Кабардинцы, или какъ они сами называютъ себя: кабертай, населяютъ почти весь южный склонъ центральнаго Кавказа, между Эльбрусомъ и Казбекомъ. Они этнологически очень близкіе родственники черкесамъ или адиге, почти совершенно исчезнувшимъ на Кавказѣ; красивые, стройные и гордые, какъ адиге, любящіе подобно имъ войну и борьбу, они съ трудомъ привыкаютъ къ мирнымъ привычкамъ земледѣльческой жизни; отъ своихъ прежнихъ сосѣдей, черкесовъ, они различаются только лишь по языку, да и тотъ похожъ на языкъ адиге по обилію свистящихъ и гортанныхъ звуковъ. Ихъ князья считаютъ себя происходящими отъ арабовъ, что̀ можетъ быть отчасти объяснено желаніемъ новообращенныхъ мусульманъ связывать свое происхожденіе съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ Магометъ. Во всякомъ случаѣ, разницу, которую замѣчаютъ при взглядѣ на кабардинскаго князя и на простого воина можно просто приписать иному образу жизни а также, вліянію скрещиванія съ чужеземцами. Этотъ народъ, по всѣмъ вѣроятіямъ пришелъ съ сѣверо-запада, можетъ быть даже изъ Крыма, оттѣсненный оттуда къ берегамъ Терека сначала ногайскими татарами, а затѣмъ русскими. Кабардинцы сохранили кое-что изъ кочевой жизни: они гораздо болѣе заняты выращиваніемъ лошадей и овцеводствомъ, нежели обработкой пашень. Ихъ земли до сихъ поръ есть общинная собственность, точно также какъ луга и лѣса; каждый имѣетъ право на полосу земли до тѣхъ поръ, пока онъ обработываетъ ее самъ; въ противномъ случаѣ земля поступаетъ тотчасъ же обратно въ общину кабардинцевъ. У нихъ, кажется болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ кавказскихъ племенъ, смѣлая кража считается доблестью,—при томъ однако условіи, чтобы совершалась за предѣлами своей деревни и своего племени [1]), и чтобы воръ оставался не пойманнымъ; иначе онъ дѣлается предметомъ всеобщихъ шутокъ и насмѣшекъ. Вопреки требованію русскихъ властей, похищеніе невѣсты считается для молодого человѣка дѣломъ весьма почетнымъ; за нѣсколько

[1]) *Габровскій.* Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып IV.

дней до свадьбы, женихъ прокрадывается въ комнату поджидающей его молодой дѣвушки и увозитъ ее. Когда онъ возвращаееся съ нею, чтобы вымолить прощеніе, то можетъ впередъ разсчитывать на одобреніе его поступка со стороны всѣхъ тѣхъ, кто чтитъ еще древніе обычаи [1]).

Собственно кабардинцевъ считается около 32,000; на ихъ территоріи живутъ еще, впрочемъ, и другіе разноплеменные народы. Въ прежнее время кабардинцы считались главнымъ племенемъ въ Предкавказьѣ; но они были покорены раньше другихъ горцевъ, такъ какъ по географическому положенію ихъ страна представляла мѣстность, открытую для нападеній со всѣхъ сторонъ. Достаточно было русскимъ перейти нѣсколько небольшихъ рѣкъ, чтобы вступить на территорію Кабарды, а затѣмъ открывалась долина Терека, прорѣзывающая съ сѣвера на югъ всю Кабарду, и служившая естественной дорогой для завоевателей. Укрѣпленія и посты, учрежденные на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, вдоль по рѣкѣ, раздѣлили равнину на двѣ разныя половины: Большую Кабарду, на западѣ, и Малую Кабарду — на востокѣ; здѣсь же между двумя склонами Кавказа, была проложена главная военная дорога, которой русскіе были обязаны прочнымъ установленіемъ своего могущества. Кромѣ того, самое расположеніе Кабардинскихъ деревень, раскинутыхъ линіей вдоль берега рѣки, еще болѣе лишало ихъ возможности защищаться отъ нападеній. Въ 1763 г. кабардинцы приняли для виду крещеніе, отправившись въ русскія владѣнія, и поселились въ степи, по среднему теченію Терека. Въ началѣ этого столѣтія болѣе 40 тысячъ кабардинцевъ ушли изъ подъ власти русскихъ и направились къ туркамъ, на Кубань, гдѣ имъ было оказано убѣжище и дана земля, на которой еще и до сихъ поръ живутъ потомки „бѣглыхъ кабардинцевъ“. Но ядро этого племени осталось въ бассейнѣ верхняго Терека, и кабардинская молодежь продолжаетъ до сихъ поръ поступать въ царскую армію. Изъ среды молодыхъ людей императоры любили формировать превосходныхъ „черкесовъ“, такъ ловко гарцующихъ на своихъ сильныхъ и неутомимыхъ лошадяхъ во время парадныхъ смотровъ. Они одѣваются въ особенный изящный костюмъ, который носятъ съ особеной ловкостью и который состоитъ изъ огромной шапки или „папаха“ и черкески, украшенной патронами и стянутой въ таліи. По возвращеніи на родину, они уже не принадлежатъ своему народу и гордятся не своей свободой, чѣмъ гордились ихъ предки, а своимъ порабощеніемъ. Кромѣ того, торговля кабардинцевъ съ русскими и продолжительныя пребыванія въ ихъ странѣ чужеземцевъ болѣе и болѣе измѣняютъ ихъ древніе нравы. Помимо того, разноплеменное населеніе въ ихъ странѣ, нарушаетъ цѣльность ихъ расы. Татары, уруспевцы, балкары и ногайцы, группируясь въ общины, управляемыя старшинами, живутъ тутъ же отдѣльными

[1]) *Bell*, Journal d'une résidence en Circassie.

деревнями. По селамъ бродятъ евреи, отыскивая желающихъ получать ихъ никогда неоплатныя ссуды. Лучшія земли захвачены тамъ и сямъ нѣмецкими поселеніями и даже такъ называемая „шотландская“ колонія, къ сѣверу отъ Пятигорска, совершенно онѣмечена. Что касается до городовъ, ростущихъ съ каждымъ днемъ, то они стали исключительно русскими. Территорія, къ сѣверу отъ Малки, давно уже была вполнѣ русской и занята казаками, предки которыхъ пришли въ эту страну еще во времена Іоанна Грознаго.

Осетины также многочисленны въ бассейнѣ Терека, какъ и кабардинцы, но они почти не встрѣчаются въ равнинѣ, и живутъ исключительно въ долинахъ той части горной области, которая граничитъ съ запада Адайкохомъ, а съ востока Казбекомъ. Впрочемъ ихъ аулы разсѣяны не только среди пастбищъ и ущелій сѣвернаго склона,—двѣ пятыхъ осетинскаго населенія живетъ на южномъ склонѣ, въ долинѣ притоковъ Ріона и Куры, берущихъ свое начало съ боковъ Зикары и Брутсабзели; осетины занимаютъ также часть Тріалетскихъ горъ, лежащую къ югу отъ равнины Куры [1]). Изъ самой точной переписи видно, что число осетинъ достигаетъ болѣе чѣмъ 110 тыс. душъ. Они составляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ національностей на Кавказѣ; но не своему могуществу они обязаны своей извѣстностью, а скорѣй тѣмъ различнымъ теоріямъ, которыми ученые пытались объяснить происхожденіе и родственныя связи этихъ горцевъ. Кто они: алане, какъ это предполагаютъ нѣкоторые этнологи, послѣ того какъ были собраны цѣнныя указанія относительно этого предмета у историковъ Византійской имперіи и среднихъ вѣковъ? Суть ли они чистые представители „арійцевъ“ Кавказа и слѣдуетъ ли смотрѣть на нихъ, какъ на братьевъ германцевъ или же скорѣй персовъ? Можетъ быть осетины суть азы, родственные тѣмъ, которые переселились въ Скандинавіи, какъ думаетъ г. Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ? [2]). Или, не семиты-ли они отчасти, какъ утверждаетъ это Пфаффъ? [3]). Судя по разнообразію ихъ типовъ и физіономій, варіирующихъ отъ идеально красивыхъ, до отвратительно безобразныхъ, можно думать что осетины національность смѣшанная; она заключаетъ въ себѣ грузинъ, армянъ и кабардинцевъ. Въ Дигоріи, на сѣверномъ склонѣ, нѣсколько благородныхъ родовъ несомнѣнно татарскаго происхожденія; на югѣ, въ долинѣ Ліахвы или Ливахъ-дона многія аристократическія семейства произошли отъ грузинъ. Если не обращать вниманія на множество исключеній, то въ общемъ смѣло можно сказать про осетинъ, что по красотѣ они стоятъ гораздо ниже всѣхъ другихъ племенъ Кав-

[1]) *N. von Seidlitz.* Carte ethnologique du Caucase, 1880.
[2]) *Klaproth*; Kohe, Koch.
[3]) Recherches sur les population primitives du Caucase.
[4]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ т. II, 1872.

каза. Осетины большею частью, какъ по чертамъ лица такъ и по фигурѣ, угловаты, неуклюжи, у нихъ совершенно нѣтъ того чарующаго взгляда, того благородства въ лицѣ, той стройной походки, которыми отличаются черкесы и кабардинцы. Между ними блондиновъ больше, нежели брюнетовъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ глаза голубые, точно у скандинавовъ, между тѣмъ какъ у другихъ, особенно у тѣхъ которые напоминаютъ собою евреевъ, торгующихъ подержаными вещами, и говорящихъ какъ они, такимъ же вкрадчивымъ голосомъ, глаза обыкновенно черные или каріе [1]).

Но, къ какой-бы расѣ Европы или Азіи не причисляли этотъ народъ, достовѣрно лишь то, что ихъ языкъ принадлежитъ къ одному изъ нарѣчій арійской вѣтви. Самихъ себя осетины называютъ иронами, что напоминаетъ Иранъ или Персію, а свою страну они называютъ Иронистаномъ. Въ дигорскомъ нарѣчіи много примѣшано татарскихъ и черкескихъ словъ; но діалектъ на которомъ говорятъ въ горныхъ долинахъ и который сохранилъ еще свою чистоту, отличается богатствомъ корней сходныхъ съ корнями языковъ индо-европейскихъ, греческаго, латинскаго, славянскаго и нѣмецкаго [2]), хотя онъ болѣе грубъ чѣмъ тотъ, которымъ говорятъ въ равнинѣ. Пытались отыскать въ нравахъ осетинъ нѣкоторые инаго рода данныя, указывающія на ихъ родство съ западными націями. У ироновъ напр., имѣются кровати, столы, сидѣнья,—чего нѣтъ у другихъ горцевъ; они по европейски привѣтствуютъ другъ друга, цѣлуются и жмутъ руку, также какъ и цивилизованные народы Запада; наконецъ,—важное указаніе, касающееся пьянства—они молотятъ рожь, точно также какъ германцы, приготовляютъ изъ нее хмѣльной напитокъ и изготовляютъ пивныя кружки точно такой же формы, какая употребляется у крестьянъ сѣверной Германіи. Путешественники указываютъ также на сходство жилищъ южныхъ осетинъ и эмеритинцевъ съ фермерскими хижинами въ Альпахъ: это деревянные домики крытыя дранью, на которую накладывается тяжелый булыжникъ [3]); но въ горныхъ долинахъ, гдѣ лѣсу мало, тамъ они живутъ въ каменныхъ башняхъ, построенныхъ еще въ глубокой древности, и изъ которыхъ многія уже представляютъ развалины.

Вообще же осетины не дѣлаютъ особенной чести индо-европейской расѣ слывя представителями Кавказскихъ племенъ. Физически они стоятъ ниже своихъ сосѣдей горцевъ, и, точно также, не могутъ быть сравниваемы съ ними по благородству, сознанію собственнаго достоин-

---

[1]) У осетинъ сохранилось не мало легендъ о подвигахъ древнихъ *Нартовъ*, почитаемыхъ народомъ за святыхъ: нартами они называютъ израильтянъ, жившихъ будтобы въ нынѣшней Имеретіи. *Прим. пер.*

[2]) *Klaproth*, *Sjögren*, *Rosen*, etc.

[3]) *Koch*, Wanderungen im Oriente;—*von Seidlitz*. Russische Revue. 1878, № 1.

ПАССАНАУРЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

ства и мужеству, хотя Фрешфильдъ и называетъ ихъ *джентльменами* Кавказа. Въ прежнее время они занимались, подобно нѣкоторымъ другимъ горскимъ племенамъ тѣмъ, что охотно продавались тому, кто больше платилъ: осетины поступали солдатами на службу Византіи, Грузіи и Персіи, которыя посылали въ горы агентовъ для набора рекрутъ; наемники возвращались домой только для того, чтобы прокутить вырученныя деньги.

Военныя привычки на столько деморализовали осетинъ, что они въ концѣ концовъ могли заниматься только однимъ грабежемъ; особенно они почитали, да чтутъ еще и теперь, бога разбоевъ, Саубарега, который, сидя на черномъ конѣ, охраняетъ бандитовъ въ ихъ экспедиціяхъ и указываетъ имъ путь [1]). Будучи не прочь при случаѣ убить или ограбить, не подвергаясь большой опасности, они, какъ извѣстно, были слишкомъ осторожны, когда имъ приходилось, защищая свою свободу, вступать въ бой съ русскими, и когда исходъ битвы казался имъ сомнительнымъ. Владѣя долинами центральнаго Кавказа и слѣдовательно располагая самыми важными стратегическими пунктами въ горахъ, они однако-жъ, оставили западныхъ черкесовъ и дагестанскихъ лезгинъ порознь сражаться и покориться. Вмѣсто того, чтобы занять въ священной войнѣ первое мѣсто, какъ казалось того требовали обстоятельства, они медлили рѣшеніемъ принять участіе въ битвахъ до того времени, когда побѣда уже окончательно склонилась на сторону русскихъ. Нищета отдала ихъ въ руки эксплуататорамъ разныхъ національностей, княжескимъ родамъ, между которыми встрѣчается даже одна венгерская фамилія [2]). Чтобы положить конецъ спорамъ о земельной собственности, русское правительство объявило всѣ земли въ долинѣ собственностью государства. Большая часть осетинъ считались мусульманами, теперь же они называютъ себя христіанами и чтутъ св. Николая не меньше, чѣмъ и пророка Илью. Впрочемъ, какъ извѣстно, они впродолженіи послѣднихъ десяти вѣковъ трижды мѣняли свою религію. Будучи тысячу лѣтъ тому назадъ христіанами, они затѣмъ обратились въ исламъ, а послѣ, двѣсти лѣтъ спустя, въ царствованіе царицы Тамары, они снова возвратились къ своей прежней вѣрѣ. При новыхъ политическихъ перемѣнахъ произошедшихъ въ XV столѣтій, они во второй, разъ приняли магометанство, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя жили въ сосѣдствѣ съ грузинами. Вопреки исповѣдываемому ими теперь христіанству, они не только придерживаются многоженства, но кромѣ того, ихъ первая жена смотритъ на дѣтей прижитыхъ съ осталь-

---

[1]) *Пфаффъ*, см. выше.

[2]) *Красновскій.* Записк. Кавк. Отд. VII, 1860;—Въ Дигоріи существуетъ преданіе что нѣсколько вѣковъ тому назадъ, венгерецъ Бадель, родоначальникъ баделятъ, принесъ съ собою въ Дигорію ружье, оказавшее осетинамъ большія услуги въ войнахъ, за что былъ осыпанъ почестями, распространившимися и на его потомство. *Прим. пер.*

ными женами какъ на своихъ рабовъ. Кромѣ офиціальной религіи и остатковъ мусульманства, они удерживаютъ слѣды и язычества. На св. Недѣлѣ, осетины несутъ хлѣбъ и масло въ священные лѣса, и тамъ въ гротахъ, въ часовняхъ бывшихъ нѣкогда христіанскими, приносятъ на жертвенникъ свои приношенія и ѣдятъ барановъ, убитыхъ въ честь алтаря. Изъ памятниковъ наиболѣе чтимыхъ осетинами, это ихъ „саппады“ или древнія гробницы, осьмиугольной формы, вышиной отъ 9 до 12 футовъ, оканчивающіяся пирамидальной крышей, съ продѣланнымъ въ ней отверстіемъ. Въ нѣкоторыхъ осетинскихъ и черкесскихъ деревняхъ эти саппады такъ многочисленны, что могли бы образовать настоящій некрополь. Съ половины послѣдняго столѣтія эти памятники запрещено сооружать вновь, по той причинѣ, что выходящіе изъ нихъ газы заражаютъ воздухъ [1]).

Послѣ кабардинцевъ и осетинъ, изъ „инородцевъ“ бассейновъ Кумы и Терека, ногайскіе татары, наиболѣе многочисленны; почти всѣ они кочуютъ въ восточной части степей, по берегамъ Каспійскаго моря и тѣхъ соленыхъ озеръ, что зимой наполняются дождемъ, а лѣтомъ осушаются солнцемъ и вѣтромъ. Эти ногайцы, потомки прежнихъ владѣтелей Крыма, и родственные тѣмъ, которыхъ можно видѣть еще разбросанными тамъ и сямъ по берегу Кубани суть истинные азіаты: они живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, какъ и ихъ бѣдные сосѣды ставропольскіе и астраханскіе калмыки; когда же имъ приходится мѣнять пастбища, то кладутъ своихъ дѣтей въ корзины, привѣшиваютъ ихъ къ бокамъ верблюдовъ, женщины взлѣзаютъ на горбъ животнаго, и караванъ отправившись въ путь, переходитъ такимъ образомъ черезъ пустыни;—сцены средней Азіи повторяются на западномъ берегу Каспійскаго моря, который, впрочемъ, въ степной полосѣ мало отличается отъ восточнаго берега. Нужно однако сказать, что районъ этой кавказской Азіи мало по малу съуживается по мѣрѣ того, какъ монгольское населеніе оттѣснятся русскимъ; еще полъ-столѣтія тому назадъ ногайцевъ на Кавказѣ было до 79 тысячъ [2]); съ того времени это число уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину [3]). По чертамъ лица, фигурѣ и походкѣ большая часть ногайцевъ выглядятъ монголами; плоское лицо, широкій носъ, выдавшіяся скулы, маленькія и косыя глаза высокій лобъ и рѣдкая борода указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на помѣсь ихъ съ калмыками. Они кротки и привѣтливы, но упорно держатся закоренѣлыхъ пріемовъ, враги всякихъ перемѣнъ, и обрусѣніе ихъ идетъ только по берегамъ рѣкъ, гдѣ рыбный промыселъ и земледѣліе ставятъ въ постоянное сношеніе съ русскими, или же когда бѣдность заставляетъ ихъ работать въ качествѣ наемниковъ у армянъ и казаковъ. Въ 1865 году

[1]) *Von Seidlitz.* Russische Revue, 1878, № 2.

[2]) *Koch.* Reise durch Russland und die Kaukasischen Isthmus.

[3]) *Мевесъ.* Зап. Кавк. Отд. т. VII, 1866 г.

насчитывали до двадцати ногайскихъ деревень, по постройкамъ походившихъ на русскія [1]). Унылые, какъ вообще монголы, они съ грустной ироніей производятъ свое имя отъ словъ, обозначающихъ: „ты будешь несчастенъ!“ [2]) Въ окрестностяхъ Кизляра живутъ также нѣсколько тысячъ туркменовъ. Одна легенда, заключающая въ себѣ смутный геологическій намекъ относительно подводной части Каспійскаго моря, гласитъ, что эти туркмены пришли сюда сухимъ путемъ изъ азіатскихъ степей чрезъ Красноводскъ и Апшеронскій полуостровъ [3]).

Самый большой городъ въ бассейнѣ Кумы, Пятигорскъ, расположенъ у южной подошвы Машука, у выдавшейся мысомъ горной массы Бештау. Этотъ пятиглавый порфировый конусъ, окруженный мѣловыми рифами, поднимающійся среди степей, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему вершинами горъ Лисицы, Верблюда, Змѣи, служилъ во всѣ времена сборнымъ пунктомъ для степныхъ кочевниковъ [4]). Пятигорскъ находится въ одной изъ тѣхъ мѣстностей на Кавказѣ, гдѣ наиболѣе тѣснятся различныя племена, кабардинцы, ногайцы, казаки; нынѣ же онъ сталъ, кромѣ того, сборнымъ пунктомъ для русскихъ пріѣзжающихъ сюда изъ разныхъ губерній, а равно и для другихъ европейцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пятигорскъ, въ качествѣ лечебной станціи, съ ея изобильными сѣрными водами, пользуется у врачей и у больныхъ громадной репутаціей по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ: одинъ этотъ городъ имѣетъ столько же посѣтителей, сколько цѣлыя сотни другихъ станцій, съ ихъ 700 различными минеральными источниками Кавказа, перечисленными у Ходзько. Группа лечебныхъ водъ Пятигорска, включая сюда и источники, бьющіе въ его окрестностяхъ, не далѣе, какъ верстахъ въ 40 отъ города, представляютъ собою полную серію минеральныхъ водъ, рекомендуемыхъ новѣйшей терапевтикой [5]). Двадцать источниковъ въ самомъ Пятигорскѣ, температура которыхъ колеблется между 29 и 47 градусами Цельзія, и которые даютъ вмѣстѣ среднимъ числомъ 10 литровъ въ секунду, представляютъ образецъ сѣрнистыхъ водъ. Верстахъ въ 20 на сѣверо-западъ, по ту сторону горной массы „Пятигорья“, расположенной островкомъ, станція Желѣзноводскъ, самое названіе которой показываетъ на характеръ ея водъ, имѣетъ двадцать отдѣльныхъ источниковъ, различающихся между собою температурой и содержаніемъ угольной кислоты; но количество выбрасываемой ими воды находится въ зависимости отъ землетрясеній. На западъ, въ

---

[1]) Зап. Кавк. Отд., т. VII, 1866 г.

[2]) *Kolenati.* Bereisung des Kaukasus.

[3]) *Eichwald.* Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus.

[4]) *Favre.* Mémoires de la Société helretique des Sciences naturelle. т. XXVII, 1876.

[5]) *Jules François*, Cemptes rendus de l'Academie de Sciences, séance du 29 mai, 1876.

той же долины, гдѣ и Пятигорскъ, возлѣ деревни Эссентуки, находятся двадцать другихъ источниковъ, — холодныхъ, и щелочныхъ, содержащихъ іодъ и бромъ, и пробивающихся сквозь слой мергеля. А еще далѣе, въ самомъ, такъ сказать, ядрѣ горъ, бьетъ величественный фонтанъ, которому черкесы дали названіе Нарзанъ, т. е. „Напитокъ богатырей“, и извѣстный теперь подъ именемъ менѣе поэтическимъ, но болѣе точнымъ: Кисловодскъ; этотъ источникъ, которому нѣтъ равнаго по качеству, даетъ ежедневно болѣе 1,500,000 литровъ воды (18 въ секунду) и 5,400 куб. метровъ угольной кислоты. Стѣна въ нѣсколько верстъ длиною, окружавшая гроты и гробницы, преграждала нѣкогда входъ къ священному источнику [1]); до сихъ поръ еще кой-гдѣ видны ея остатки. Изъ другихъ ключей, не приносящихъ пока еще пользы, одни содержатъ хлоръ, другія магнезію, морскую соль и проч., между тѣмъ какъ озера и пруды, оставшіеся въ степи, вслѣдствіе отступленія моря, какъ и лиманы Черноморья, заключаютъ въ себѣ солоноватую грязь и, микроскопическія водоросли.

Пятигорскъ раскинутъ на громадномъ пространствѣ, въ долинѣ р. Подкумокъ, южномъ притокѣ Кумы, а средняя высота города на 1,550 футовъ выше уровня нездоровой атмосферы равнинъ; его громадные бульвары, парки и сады еще болѣе содѣйствуютъ оздоровленію города. Гостинницы, роскошные дома, крытыя галлереи, блестящіе магазины, въ которыхъ продаются персидскіе и бухарскіе ковры и тысячи предметовъ, привезенныхъ изъ Тулы, а также изъ заводовъ Франціи и Англіи, придаютъ Пятигорску видъ европейскаго лечебнаго города, вродѣ Карлсбада, Киссингена, Виши; но этотъ русскій городъ гораздо новѣе перечисленныхъ: до 1830 года онъ не существовалъ даже и по имени. Въ концѣ прошлаго столѣтія, больные пріѣзжали сюда купаться „подъ выстрѣлами черкесовъ“. Русскіе вельможи, для леченія этими водами, отправлялись сюда подъ охраной доброй сотни всадниковъ и прислуги, конвоировавшихъ ихъ экипажи, палатки, провизію, и жили во все время леченія бивуакомъ, неподалеку отъ источника [2]). Въ настоящее время введены приспособленія: надъ подземными озерами и колодцами устроены ванны; но за то теперь не видно болѣе собственно геологической работы самихъ источниковъ. Громадные туфовые ряды, отлагавшіеся источниками, и такъ удивившіе Палласа, почти всѣ закрыты постройками или развалинами, и самая пропасть, которую наполняетъ на 75 футахъ глубины небольшое дымящееся озеро, потеряла уже свой прежній страшный видъ; теперь купающіеся сходятъ въ нее туннелемъ, а воркующіе голуби, которые прежде гнѣздились въ нишахъ колодца, исчезли. Гово-

[1]) *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase.
[2]) *G. Radde*, Vier Vorträge über den Kaukasus.

рятъ, что эта бездна разверзлась около 1774 года, и что въ то же самое время почва на довольно большомъ пространствѣ [1]) дала трещину. Эсентуки и прочія станціи для купаній, принадлежащихъ къ группѣ Пятигорска, окружены, правда, безплодными степями, но за то красоту этихъ мѣстъ, которой нельзя не восхищаться, составляютъ массивы величественнаго Эльбруса съ его ледниками, лѣсами, горными потоками. Съ юрасоваго хребта Бермамутъ, который поднимается на 8.500 футовъ высоты, на юго-западѣ отъ Кисловодска и его прекрасныхъ лѣсныхъ чащъ, гигантъ Кавказскихъ альпъ является во всемъ своемъ величіи; Бермамутъ одна изъ горъ Кавказа, на которую взбираются гораздо чаще чѣмъ на всѣ другія.

Георгіевскъ, лежащій на сѣверо-востокъ отъ Пятигорска, но въ томъ же самомъ рѣчномъ бассейнѣ, былъ до 1824 года главнымъ городомъ Предкавказья. Уступивши затѣмъ Ставрополю свою роль главнаго административнаго пункта, Георгіевскъ сталъ простой деревушкой; онъ сохраняетъ еще свое значеніе, какъ мѣсто куда свозятся земледѣльческіе продукты бассейна Кумы и какъ станція Кавказской желѣзной дороги. Благосостоянію этого города содѣйствуютъ нѣмецкія колоніи. Внизъ по теченію Кумы и ея западныхъ притоковъ идутъ нѣсколько старинныхъ козачьихъ станицъ; нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. Отказное, Александровская, Благодарное и Прасковея сдѣлались уже городами и важными сельскохозяйственными центрами. На востокъ отъ Прасковеи, на обоихъ берегахъ Кумы стоялъ когда-то извѣстный городъ Мадьяръ или Мадьяры. Случайное совпаденіе названій дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ думать, что этотъ городъ былъ столицей венгровъ; но это названіе татарскаго происхожденія, означающее „зданіе“, „дворецъ“, принадлежало, какъ кажется, одному изъ главныхъ городовъ Хозарской имперіи [2]). Онъ былъ построенъ татарами-кипчаками, и различные документы, открытые недавно, доказываютъ, что еще въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія Мадьяръ былъ цвѣтущимъ городомъ и часто посѣщался русскими купцами; арабскій географъ Абульфеда описываетъ его подъ именемъ Ку-Мадьяра. Во время Палласа, въ немъ было еще тридцать два неразрушенныхъ дома; теперь же виднѣются лишь нѣсколько остатковъ башень и груда развалинъ, покрывающихъ обширное пространство; валяющіяся всюду обломки кирпича, глазурованы въ персидскомъ вкусѣ. Здѣсь же найдено нѣсколько надписей, приписываемыхъ татарскимъ мусульманамъ [3]), и медалей выбитыхъ, какъ видно, въ Сараѣ на Волгѣ. Армянская деревня Святой Крестъ построена среди его развалинъ; въ окрестностяхъ видно множество кургановъ. На востокъ, вдоль Кумы

[1]) *Pallas.* Second voyage.
[2]) *Klaproth.* Voyage au Caucase.
[3]) *Von Baer.* Beiträge zur Kenntniss der Russischen Reisen, 4 vol.

слѣдуютъ земледѣльческіе поселки, но по мѣрѣ удаленія отъ рѣки, встрѣчаются лишь кочующіе ногайцы и калмыки.

Главный городъ Кабарды, а въ тоже самое время и самый значительный городъ въ бассейнѣ Терека, имѣетъ очень громкое названіе — Владикавказъ; у туземцевъ же, осетинъ, онъ называется не иначе какъ Капкай, т. е. „Горныя Ворота.“ Онъ и въ самомъ дѣлѣ находится у подошвы Черныхъ Горъ у входа въ высокія ущелья, черезъ которыя пробѣгаетъ Терекъ; городъ лежитъ на высотѣ 2.300 футовъ, и какъ центральная крѣпость Кавказа, стерегшая главный военный путь, проходящій мимо, впродолженіи всей Кавказской войны, съ 1784 г., былъ очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ; со времени же покоренія горцевъ, онъ ростетъ еще и какъ торговый городъ. Чистенькій и изящный Владикавказъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые обязаны своимъ возникновеніемъ почвѣ и которые быстро возрождаются снова если ихъ разрушаетъ война или пожаръ. Владикавказъ есть ворота, черезъ которые равнины европейской Россіи сообщаются съ Закавказьемъ, и предверіе въ переднюю Азію. Жизнь въ немъ однако пока еще имѣетъ сдержанный характеръ, такъ какъ преобладающій элементъ въ городѣ чиновники и военные; въ 1874 году число мужчинъ вдвое превосходило число женщинъ.

Недавно еще военная дорога, проходящая черезъ Кавказскія альпы, изъ Владикавказа въ Тифлисъ, была нѣсколько разъ повреждаема и даже разрушаема сильнымъ разливомъ бурнаго Терека; снѣжные обвалы и камни преграждали ему выходы изъ ущелья; извѣстно также что Девдоракскій ледникъ постоянно грозитъ обрушиться на эту дорогу и покрыть ее грудой обломковъ; среднимъ числомъ она блокируется, каждые 17 дней въ году, на разстояніи около 14 верстъ [1]). Будетъ однако необходимо предпринять очень крупныя работы, когда придется соединять Владикавказъ съ Тифлисомъ желѣзной дорогой, если только вѣрно, что уже рѣшено, не смотря на всѣ препятствія представляемые природой, попытаться проникнуть, черезъ горы долиной Терека. Но гдѣ будетъ начинаться тунель? Желѣзная дорога, проходя ниже теперешней шоссейной, должна будетъ встрѣтить горы близъ деревни Коби, извѣстной своими углекислыми водами и появиться снова на открытой мѣстности, пройдя 16 верстъ подъ горнымъ хребтомъ? Или желѣзный путь свернетъ къ востоку, чтобы прорѣзать горы тунелемъ меньшей длины, спустившись по южному склону, долиной Малой Арагвы? Рѣшатъ ли инженеры направить дорогу западнѣе, въ долину Ардона? Если да, то въ этомъ случаѣ путь пойдетъ на сѣверо-западъ отъ Владикавказа, въ верхнюю долину Ардона, черезъ ворота или ущелье Алагиря, города окруженнаго фруктовыми садами и служившаго прежде пунктомъ для ссыльныхъ, пройдетъ вблизи

[1]) Записки Кавказск. Отдѣла, VII. 1866.

рудъ свинцоваго блеска Садона, до сихъ поръ еще не обогатившагося этимъ сокровищемъ, и поднимется постепенно черезъ брешь въ главной цѣпи, до тунеля длиной въ 4½ версты, который придется прорыть въ хребтѣ Роки, на востокъ отъ водораздѣльнаго хребта Зикари. Верхняя долина Ардона лежитъ у обоихъ склоновъ Закавказья—здѣсь именно находится, съ точки зрѣнія путей сообщенія, центръ Кавказа: проѣзжающіе будутъ имѣть возможность очень удобно направляться отсюда въ Грузію и бассейнъ Куры черезъ перевалъ Роки, доступный только для всадниковъ, а съ другой стороны въ Имеретію и бассейнъ Ріона, черезъ Мамисонскій перевалъ. Кромѣ того допускаютъ еще восточное направленіе пути, который соединитъ Грозное и Нижній Терекъ, долины Арагвы, черезъ Аргунъ и тунель, прорытый на западъ отъ горы Барбало. Благосостояніе Владикавказа и другихъ городовъ обоихъ склоновъ зависитъ главнымъ образомъ отъ окончательнаго выбора направленія, по которому пройдетъ закавказская желѣзная дорога. Впрочемъ очень вѣроятно, что цѣпь будетъ обойдена съ востока желѣзной дорогой, которая соединитъ города Петровскъ, Дербентъ и Баку, прежде чѣмъ рискнутъ пробить горы ради прямого пути.

Ниже Владикавказа, по Тереку, въ томъ мѣстѣ гдѣ въ прежнее время черкесы держали бродъ, т. е. недалеко отъ сліянія Малки съ Терекомъ, въ самомъ центрѣ Кабарды, у большой дороги находится Екатеринодаръ. Основанный Потемкинымъ въ 1778 г.— какъ одна изъ крѣпостей Кавказской линіи, — онъ семь лѣтъ спустя былъ сдѣланъ главнымъ городомъ по управленію Кавказомъ. Но въ 1790 году, Екатеринодаръ потерялъ значеніе главнаго города, и съ тѣхъ поръ онъ ничто иное, какъ простая казачья станица. Политическій и торговый центръ этой мѣстности — Моздокъ или „Черный лѣсъ“, городъ происхожденія сравнительно древняго, такъ какъ основанъ еще въ 1759 владѣтелемъ Малой Кабарды, котораго неудачная война заставила покинуть свою страну; Моздокъ служилъ мѣстомъ убѣжища для кабардинцевъ, бѣжавшихъ изъ долины Терека, осетинъ и чеченцевъ съ горъ, армянъ и грузинъ изъ Закавказья. Почти до послѣдняго времени, выходцы изъ Арменіи, въ числѣ нѣсколько тысячъ, были преобладающимъ населеніемъ въ Моздокѣ: благодаря имъ этотъ городъ, въ которомъ болотныя міазмы заставили жителей перемѣститься со времени своего основанія на 7 верстъ въ сторону, сталъ главнымъ рынкомъ Предкавказья; сюда съѣзжаются и станичные козаки и горцы изъ Дагестана, земледѣльцы изъ Кабарды, и кочевые ногайцы съ низовьевъ Терека и Кумы. Чтобы содѣйствовать развитію этого города, военная дорога изъ Ставрополя въ Тифлисъ, распоряженіемъ правительства, была проведена черезъ Моздокъ; но съ по-

[1]) *Von Seidlitz.* Russische Revue, 1878, № 1.

стройкой желѣзнаго пути, городъ потерялъ тѣ торговыя выгоды, которыми онъ пользовался благодаря прихотливому повороту столбовой дороги. Съ тѣхъ поръ Моздокъ пользуется лишь своими естественными преимуществами, служитъ биржей для торговыхъ сдѣлокъ между различными мѣстными національностями, и какъ пунктъ для своза земледѣльческихъ продуктовъ изъ колоній, лежащихъ по среднему теченію Терека. На берегахъ Терека виднѣются еще до сихъ поръ три разрушенныхъ города, Татар-путъ, Джуладъ и неизвѣстныя еще развалины, стѣны и рвы которыхъ приписываются легендой хромоногому Тимуръ-Хану [2]).

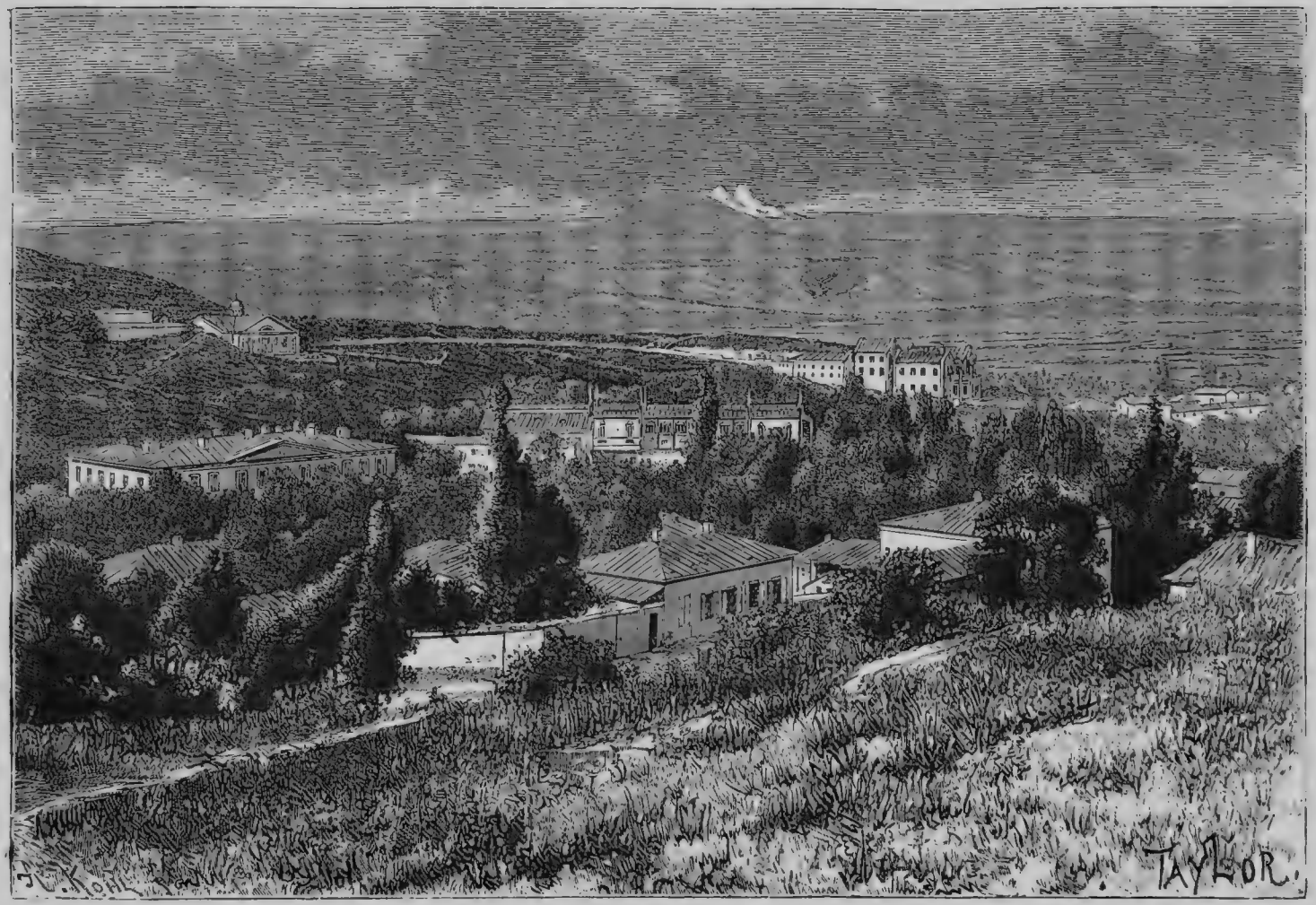
Грозный, дома котораго группируются вокругъ крѣпости Грозная, въ настоящее время, служитъ главнымъ естественнымъ пунктомъ для всей долины Сунджи, долины, можетъ быть самой плодородной во всемъ Предкавказьѣ; его минеральныя воды, сдѣлавшіяся извѣстными съ половины прошлаго столѣтія, посѣщаются очень многими, но нефтяные колодцы въ его окрестностяхъ не имѣютъ большаго промышленнаго значенія. Многочисленныя деревни и мѣстечки, между которыми болѣе другихъ выдается Урусъ-Мартанъ, разбросаны въ равнинѣ Грознаго и по окрестнымъ холмамъ. Далѣе, на востокъ, лежитъ магометанскій городъ Аксай съ его садами, раскинувшимися въ обильно орошенной мѣстности, воды которой теряются въ топяхъ нижняго Терека и Каспійскаго прибрежья.

Кизляръ древнѣе Моздока, такъ какъ о немъ упоминается еще въ хроникахъ 1616 года; въ немъ какъ и въ Моздокѣ находили пріютъ бѣглые всѣхъ націй и въ особенности армяне, мало-по-малу завладѣвшіе всей мѣстной торговлей. Положеніе Кизляра у самаго основанія дельты весьма выгодно отзывается, если не на жизненныхъ удобствахъ, то на торговлѣ и земледѣліи: Терекъ съ своими рукавами, которые сдерживаются боковыми плотинами, не всегда достаточно прочными, снабжаетъ прибрежныхъ жителей вполнѣ достаточнымъ количествомъ воды, необходимымъ для ирригаціи земель. Въ 1861 г. насчитывали вокругъ Кизляра болѣе 1250 садовъ, поставлявшихъ на рынки Россіи различные фрукты и овощи. Кизляръ извѣстенъ также въ восточной Европѣ своими виноградниками, на которые, въ урожайные года, спускаются гурьбами сборщики винограда изъ Дагестана. Кизлярское вино вывозится черезъ маленькую сосѣднюю пристань, Брянскъ, и служитъ русскимъ промышленникамъ для фабрикаціи портвейна, мадеры, хереса и прочихъ винъ, пользующихся извѣстностью. На Нижегородской ярмаркѣ продается этого вина болѣе 400.000 ведеръ ежегодно.

Слѣдующіе города бассейна Кумы и Терека имѣютъ болѣе 5000 т. жителей:

---

[2]) *Bergé.* Russische Revue, 1874, № 11.



ВИДЪ ПЯТИГОРСКА СЪ ГОРЫ МАШУКЪ.

Ставропольская губернія.		*Терская область.*	
Пятигорскъ (1875) . . .	13.650	Владикавказъ (1875) . .	20.600
Прасковея (мѣстечко) . .	8.000	Кизляръ (1876). . . .	9.175
Александровская (слобода).	7.400	Грозный	8.450
Благодарное (село) . . .	6.050	Моздокъ	8.380
Отказное (село)	5.150	Урусъ-Мартанъ.	6.900
		Аксай	5.000

IV.

ДАГЕСТАНЪ. ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗЪ.

Въ массивахъ восточнаго Кавказа нѣтъ такихъ гигантскихъ вершинъ, какъ Казбекъ и Эльбрусъ, но за то въ-общемъ, они своимъ рельефомъ представляютъ значительно большую выпуклость, поднимающуюся надъ равнинами. Открытыя бреши между вершинами сравнительно выше, а боковыя цѣпи настолько раздвинули эту горную часть Кавказа, что она занимаетъ собою до двухъ градусовъ широты. Среди этихъ горъ, различныхъ по высотѣ и направленію, представляются болѣе разнообразные виды, нежели у подошвы западныхъ колоссовъ; въ большей части долинъ видны кругомъ на горизонтѣ горы, покрытыя снѣгомъ или лѣсными чащами. Спутанность отдѣльныхъ цѣпей долгое время покровительствовала горцамъ противъ русскихъ: послѣдніе могли проникнуть въ лабиринтъ горныхъ долинъ не иначе, какъ пробравшись по пропастямъ извилистаго ложа рѣки, или же идя на рискъ по непзвѣстнымъ горнымъ тропинкамъ и подвергаясь скрытой засадѣ туземцевъ. Извѣстно, что послѣднія рѣшительныя битвы происходили въ Абхазіи, но за то въ Дагестанѣ дольше всего велась борьба на-смерть противъ славянскихъ завоевателей.

Гору Борбало, съ которой берутъ начало потоки, стекающіе въ четыре большія рѣки, въ Терекъ, Сулакъ, Куму и ея большой притокъ Алазанъ, разсматриваютъ обыкновенно какъ рубежъ западнаго Дагестана. Къ этому горному узлу подходитъ главная боковая цѣпь Анди и здѣсь, сливаясь съ главнымъ хребтомъ, образуетъ вмѣстѣ съ нимъ треугольникъ восточнаго Кавказа. Можно, впрочемъ, смотрѣть на Дагестанъ какъ на громадное плато, изрытое долинами: на высотахъ ихъ глубина лежитъ всего лишь на нѣсколько сотъ или тысячъ футовъ ниже уровня хребта. По Абиху, весь горный Дагестанъ есть ничто иное, какъ система складокъ, состоящая изъ пластовъ осадочнаго, юрскаго, мѣловаго и третичнаго, сцѣпленія между которыми прерваны и разсѣчены трещинами [1]).

---

[1]) Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О., т. IV. 1864

Подобно тому, какъ на западѣ Эльбрусъ, находящійся на одной изъ боковыхъ цѣпей, поднимается высоко внѣ средняго хребта, точно также и въ цѣпи Анди возвышаются надъ всѣми другими кульминаціонными точками восточнаго Кавказа Тебулосъ-мта, 15,000 футовъ высоты, и еще нѣсколько другихъ пиковъ или „мта“ достигающихъ 13,150 ф., между тѣмъ какъ собственно главный-то, позвоночный, хребетъ не заходитъ за предѣлы 10—11,500 футовъ. Впрочемъ, хребетъ постепенно поднимается къ востоку, и на югъ отъ Самура, множество другихъ еще точекъ заходятъ за линію вѣчныхъ снѣговъ, таковы: Сари-дагъ, Вицыри, Базардьюзъ, Тхванъ-дагъ и Баба-дагъ на продольномъ хребтѣ, и Алахунъ-дагъ, Шалбузъ-дагъ или восточный Эльбрусъ и Кизылъ-кайя въ сѣверныхъ боковыхъ массивахъ. На востокъ отъ Баба-дагъ горы начинаютъ быстро понижаться по направленію къ Каспійскому морю и на Апшеронскомъ полуостровѣ онѣ уже ничто иное, какъ холмы. Почти всѣ названія горъ или турецкія или грузинскія.

Укажемъ на различныя высоты восточнаго Кавказа:

Главный хребетъ.		Метры:	*Цѣпь Анди.*		Метры:
Борбало . .	(10,781ф.)	3,287	Тебулосъ-мта.	(14,760ф.)	4,500
Сари-дагъ. .	(11,982 „)	3,656	Качу . . .	(14,012 „)	4,271
Вицыри . .	(12,733 „)	3,882	Диклосъ-мта .	(13,717 „)	4,182
Базардьюзъ .	(14,699 „)	4,182	*Восточные массивы.*		
Тхванъ-дагъ .	(13,740 „)	4,189	Алахунъ-дагъ.	(11,752 „)	3,583
Баба-дагъ. .	(11,915 „)	3,633	Шагъ-дагъ .	(13,947 „)	4,252
Атешъ-га (Апшеронъ)	(905 „)	276	Шалбузъ-дагъ	(13,933 „)	4,248
			Кизылъ-кайя..	(12,231 „)	3,729

Нѣсколько потоковъ, сбѣгающихъ съ предгорій Дагестана, впадаютъ въ Терекъ черезъ посредство его южнаго притока, Сунджи; Сулакъ же получаетъ почти весь избытокъ воды, которая падаетъ на горы въ видѣ дождя, и состоитъ изъ четырехъ рѣчекъ, носящихъ у татаръ названіе Койсу. Подобно Тереку и Ардону, эта рѣка передъ тѣмъ какъ выйти черезъ величественное ущелье въ равнину, течетъ сначала по Чернымъ горамъ, и затѣмъ уже, повернувъ на востокъ, направляется къ Каспію. Сулакъ, также какъ и Терекъ, съ помощью наносовъ, все болѣе и болѣе выдвигаетъ свое устье въ море и во время половодья даже образуетъ временную дельту, причемъ его воды смѣшиваются отчасти съ водой Терека въ громадной бухтѣ Аграханъ, похожей, въ сущности скорѣе на прудъ, нежели на морской заливъ. Разсчитывая углубить фарватеръ, Петръ Великій хотѣлъ измѣнить теченіе Сулака, отведя его въ сторону посредствомъ канала, но эта работа не принесла, какъ многія другія предпріятія подобнаго рода, начатыя Петромъ, никакой пользы: разлившы рѣки

разрушили оплоты, а грязь засорила судоходный каналъ. Оросительныя канавки, прорытыя нѣсколько лѣтъ назадъ, имѣли большій успѣхъ. Количество земли, орошаемое нижнимъ Сулакомъ, доходитъ до 55 тысячъ десятинъ [1]).

Южнѣе Сулака впадаетъ въ Каспійское море еще нѣсколько рѣкъ, которыя по большей части суть не болѣе, какъ ручейки, пробивающіеся между булыжникомъ. Единственная важная рѣка — Самуръ; по выходѣ изъ горы, онъ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, которые безпрестанно мѣняютъ свои мѣста среди песку и голышей. Можно сказать, что Самуръ и всѣ другія рѣки, текущія по равнинѣ Кубы, образуютъ одну общую дельту, и, мѣняясь своими ложами, сообща покрываютъ наносами берегъ Каспійскаго моря. Эти потоки, стремительно ниспадающіе на рыхлую почву, ими самими нанесенную, можно сравнить съ *fiumi* и съ *fiumare* восточнаго склона Апеннинъ, мѣняющими постоянно свое теченіе; тамъ и сямъ находятся прежнія ихъ русла, ложныя рѣки и пруды оставленные рѣками. Мѣстность у низовьевъ Самура, водная система которой еще не установилась, есть одна изъ самыхъ нездоровыхъ на Кавказѣ.

Въ 1868 году, по окончаніи войнъ, раззорившихъ долины Кавказа, русское правительство предприняло перепись горныхъ туземцевъ; число ихъ доходило до 908,000; въ 1872 году насчитывали ихъ 995,000, изъ которыхъ почти половина, именно 478,000, приходилась на Дагестанъ. Чеченцы и лезгины сѣвернаго склона, между Кабардой и Каспійскимъ моремъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ въ настоящее время не менѣе 670,000 душъ [2]). Это населеніе подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, различныхъ по происхожденію, религіи, нравамъ, языку; теперь однако уже доказано, что большая часть нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ этой области Кавказа, въ сущности ничто иное, какъ только различныя patois, принадлежащія къ одной и той же лингвистической вѣтви. Одинъ изъ такихъ языковъ Дагестана употребителенъ лишь въ деревнѣ Инухъ, расположенной въ юго-западной части страны и состоящей изъ тридцати домовъ; при томъ этотъ столь мало распространенный языкъ, какъ и большая часть дагестанскихъ нарѣчій, за исключеніемъ нѣсколькихъ аварскихъ документовъ, писаныхъ арабскими буквами, совершенно лишенъ литературы.

Между населеніемъ восточнаго Кавказа насчитывается около 140,000 чеченцевъ, подраздѣляющихся между собою на двадцать разныхъ группъ и говорящихъ различными нарѣчіями. Извѣстные отчасти подъ именемъ

---

[1]) Зап. Кавк. Отд., т. VI. 1864.

[2]) *N. von Seidlitz.* Carte ethnographique du Caucase. 1880.

мисджеговъ, какъ ихъ называютъ лезгины, ихъ восточные сосѣди, или кистинъ, какъ ихъ называютъ грузины, чеченцы занимаютъ весь западный Дагестанъ, расположившись на востокъ отъ осетинъ и кабардинцевъ, и на предгоріяхъ, спускающихся въ равнины[1]). Протекающая по ихъ территоріи Сунжа, дѣлитъ страну на Малую Чечнію или низменную, и Большую Чечнію — горную. Чеченцы равнины и горъ, какъ извѣстно сражались съ наибольшимъ ожесточеніемъ противъ русскихъ: въ прошломъ столѣтіи Даугъ-Бегъ и Омаръ-Ханъ, а въ текущемъ Хази Молла, а за нимъ Шамиль, группировали вокругъ себя чеченцевъ, которые, какъ магометане-сунниты и болѣе пламенные послѣдователи своего культа, нежели ихъ единовѣрцы черкесы и абхазцы западнаго Кавказа, боролись съ той энергіей, которую придаетъ фанатизмъ, соединенный съ любовью къ свободѣ и съ страстью къ битвамъ. Однако они вынуждены были уступить, и съ 1859 года въ Чечнѣ, самой плодороднѣйшей и здоровой мѣстности Предкавказья, живутъ только побѣжденные, русскіе подданные. Крѣпость Грозная, существовавшая съ 1819 года, и сдѣлавшаяся теперь городомъ Грознымъ, была построена побѣдителями на берегахъ Сунджи, между обѣими территоріями чеченцевъ,— угрозы этой крѣпости не оставались напрасными. Также какъ и черкесы, горные чеченцы продолжаютъ покидать свои родные аулы; тѣ изъ нихъ, которые не соглашались селиться въ равнинѣ, въ окрестностяхъ Моздока и другихъ городовъ лежащихъ по Тереку и Кумѣ, уходили въ Турецкую Арменію по сотнѣ и по двѣ семействъ, конвоируемые русскими солдатами. По мѣсяцу и по два эти несчастные плелись, въ сопровожденіи своихъ стадъ, по пути изъ Владикавказа, черезъ Тифлисъ, въ Александрополь. На турецкой территоріи ожидали ихъ другія бѣдствія: тамъ недоставало для нихъ земли, черезъ что происходили кровавыя стычки между ними и ихъ новыми сосѣдями. Ихъ перемѣщали по нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, и на кладбищахъ, въ каждомъ мѣстѣ ссылки, оставалась не малая часть эмигрантовъ[2]).

Жители Чечніи во многомъ похожи на черкесовъ: они на видъ такіе же гордые, стройные, изящные, любятъ богатую одежду и носятъ ее съ такой же ловкостью. Носъ у нихъ большей частью орлиный, взглядъ безпокойный, почти злой; но тѣмъ не менѣе они великодушны и всегда сохраняютъ свое достоинство въ рѣчи и въ обхожденіи; они могутъ убить, но не оскорбить. Ихъ женщины, отличающіяся стройностью и граціей, одѣваются въ красивыя платья, обрисовывающія ихъ талію, и

---

[1]) Мѣстныя условія содѣйствовали процвѣтанію въ ихъ странѣ скотоводства, но, двухъ-лѣтнее истребленіе сѣна (въ 1840 и 1841 г.) русскими войсками, вызванное стратегическими соображеніями, совершенно убило эту промышленность. (См. *Дубровинъ*. Очеркъ Кавказа). *Прим. пер.*

[2]) *Vivien de Saint-Martin*. Année géographique. 1866

широкія панталоны изъ розоваго шелка; ноги ихъ обуты въ желтые чевяки, а руки украшены серебряными браслетами; суконная накидка, ниспадающая на плечи, скрываетъ отчасти и прическу. Жилища чеченцевъ, по большей части, настоящія берлоги—холодныя, сырыя, мрачныя: нѣкоторыя сакли на просто вырыты въ землѣ, а иныя сплетены изъ вѣтокъ или сложены изъ камней, грубо наваленныхъ въ кучу. Издали ихъ аулы, гнѣздящіеся на отвѣсныхъ скалахъ или на откосахъ, напоминаютъ собою эрратическіе камни, остановившіеся на краю пропасти. До покоренія русскими, большая часть горцевъ жили общинами и управлялись народными сходами, подобными тѣмъ, какіе существовавали когда-то въ швейцарскихъ кантонахъ. Другія же общины подчинялись наслѣдственнымъ ханамъ, основавшимъ свою власть еще въ эпоху нашествія магометанъ. Наконецъ, всѣ они одинаково подчинялись *адату* или обычному праву.

Страшные для жителей равнинъ, какъ грабители и разбойники, дагестанскіе горцы, въ особенности чеченцы, быть можетъ изъ всѣхъ другихъ воинственныхъ народовъ, во время священной войны противъ русскихъ, выказали въ себѣ самыя блестящія качества свободныхъ людей: „мы всѣ равны!“ любили они повторять; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ не было рабовъ, за исключеніемъ плѣнниковъ и сыновей этихъ послѣднихъ. Да и тѣ, плѣнные, часто женились на дочеряхъ своихъ владѣльцевъ и становились такимъ образомъ равноправными членами семьи [1]). Гордость чеченъ доходила до фанатизма, ихъ гостепріимство хотя и не безъ примѣси нѣкоторыхъ странностей было безгранично. Встрѣчая путешественника, они цѣлой кавалькадой стремглавъ спускались съ своего аула, и, на лету помахивая ружьями и пистолетами, салютовали чужеземцу выстрѣлами, а затѣмъ, мгновенно остановившись въ десяти или пятнадцати шагахъ отъ него, привѣтствовали почтительнымъ „селям-алекумъ“! Въ подобныхъ обществахъ правосудіе отправляется „кровавымъ закономъ“, и, не смотря на русскій кодексъ, ихъ древній обычай остается единственнымъ уставомъ, который они чтутъ. Убійство, грабежъ и кража съ насиліемъ, могутъ быть искуплены только смертью, или же, по меньшей мѣрѣ, виновный долженъ отпустить волосы на головѣ и не брить ихъ до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшій не согласится выбрить его собственноручно и оба не дадутъ передъ Кораномъ клятву въ братствѣ [2]). Случается также, что по случаю большихъ празднествъ, законы о мести пріостанавливаютъ свою силу [3]). Если, напр., горецъ замѣчаетъ, что у него украдена лошадь,—онъ вооружается, завертывается въ бѣлую шерстяную матерію, употребляемую для савановъ, беретъ монету для уплаты священнику

[1]) *Берже.* Чечня и чеченцы. *Globe*, Société de Geographie de Genève, 1861.

[2]) *Берже.* Тамъ-же.

[3]) *Rein eggs.* Beschreibung des Kaukasus.

съ тѣмъ, чтобы этотъ помолился объ усопшемъ, и затѣмъ отправляется отыскивать пропавшее животное. Но обыкновенно укравшій уже успѣлъ сбыть краденую лошадь, продавши ее въ какой нибудь отдаленный аулъ. При видѣ прежняго владѣльца лошади, готоваго биться съ нимъ на смерть, новый владѣлецъ возвращаетъ животное и, въ свою очередь надѣвъ саванъ и заплативши священнику, отправляется отыскивать продавшаго украденное животное. Можетъ быть такой-то и есть воръ? Тогда призываютъ священника и завязывается смертельный бой; если-же продавшій былъ также обманутъ, то и ему теперь надлежитъ отправляться въ поиски, надѣвъ на себя ужасные символы обозначающіе борьбу на смерть. Такимъ образомъ эти визиты одного къ другому оканчиваются лишь смертью виновнаго, если только воръ не былъ чужой, приходившій съ другого склона горъ [1]). Другой обычай, у ингушей [2]), свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени сильна у нихъ вѣра въ безсмертіе души: если наканунѣ свадьбы одинъ изъ обрученныхъ умираетъ, то брачная церемонія чрезъ это не пріостанавливается: мертвый соединяется узами съ живымъ, —свадьба-де рано или поздно совершится на небѣ, — и отецъ не можетъ ужъ отступиться отъ приданаго, обусловленнаго заранѣе. Христіанство имѣло всегда свою долю послѣдователей, но тѣмъ не менѣе всѣ чеченцы— сунниты, за исключеніемъ брагуновъ, живущихъ по Сунджѣ. У кистинъ есть три церкви, построенныя на горѣ, въ честь Св. Георгія, Богородицы и Св. Марины; эти храмы очень часто посѣщаются богомольцами, при чемъ въ извѣстное время приносятся въ жертву бараны. Ихъ церкви переполнены останками животныхъ [3]).

Почти всѣ племена, живущіе въ долинахъ восточнаго Кавказа, на востокъ отъ чеченцевъ, извѣстны подъ общимъ названіемъ лезгинъ, названіемъ, по татарской этимологіи, равнозначущимъ слову „разбойникъ", „грабитель"; но, какъ кажется, это имя принадлежало народу еще въ глубокой древности, такъ какъ грузины и армяне съ незапамятныхъ временъ называли ихъ лек'ами или лекс'ами. Число лезгинскихъ племенъ постоянно измѣнялось въ зависимости отъ войны и выселеній; Коленати насчитывалъ ихъ 55, а Берже—51; Комаровъ, придерживаясь общихъ подраздѣленій, на своей этнографической картѣ Дагестана отмѣтилъ границы владѣній 27 племенъ [4]). Всѣ эти мелкія народности имѣютъ

[1]) *Kennan.* Bulletin of the Géographical American Society.

[2]) Ингуши—племя чеченцевъ, занимавшее низменности. Между прочимъ, они интересны еще тѣмъ, что прежде почитали нѣчто вродѣ мумій, или скелетовъ, принадлежавшихъ, какъ утверждаетъ преданіе, народу *нартъ*, Назргана, и остававшихся будто-бы болѣе 2000 лѣтъ до прихода русскихъ нетлѣнными. Вообще на Кавказѣ, судя по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ есть не мало легендъ и вещественныхъ остатковъ, указывающихъ на долговременное пребываніе въ этой странѣ израильтянъ. *Прим. перев.*

[3]) *Берже.* Тамъ-же.

[4]) Зап. Кавк. Отд. VIII, 1873.

свои собственные діалекты, полные гортанныхъ звуковъ, трудныхъ по произношенію для европейца. Усларъ и Шифперъ [1]) группируютъ всѣ эти діалекты, относя къ аварскому языку главныя нарѣчія западнаго Дагестана, а также нарѣчія Дарго и Куры, въ восточномъ Дагестанѣ. Но горцы отдаленныхъ мѣстностей не могутъ понимать другъ друга и прибѣгаютъ къ третьему языку: у священниковъ и купцовъ, принадлежащихъ къ западнымъ племенамъ, такимъ языкомъ служитъ арабскій; въ восточной же части во всеобщемъ употребленіи турецкій жаргонъ Азербейджана. Самое замѣчательное изъ лезгинскихъ племенъ, пользовавшееся славою храбрѣйшихъ и составляющее почти пятую часть всѣхъ лезгинъ, есть племя аваровъ, живущее на востокъ отъ ихъ ближайшихъ сосѣдей, чеченцевъ. Слѣдуетъ ли на нихъ смотрѣть какъ на братьевъ тѣмъ аварамъ, которые основали громадную имперію на Дунаѣ и надъ которыми торжествовалъ Карломанъ? Большая часть писателей признаетъ это предположеніе правдоподобнымъ [2]). Между тѣмъ, по Комарову, имя аваровъ, обозначающее на турецкомъ языкѣ жителей долинъ, „бѣглецы“, „бродяги“—происхожденія новѣйшаго.

Въ Дагестанѣ слишкомъ мало пахатной земли, чтобы все полумилліонное населеніе могло жить обработкой полей и скотоводствомъ. Однако они хорошіе земледѣльцы: ихъ сады, окруженные стѣнами, тщательно орошенные, содержатся въ совершенствѣ и доставляютъ зерно, фрукты, овощи; но не смотря на это, они должны или уходить въ чужія страны или заниматься грабежомъ, чтобы пополнять средства, необходимыя для существованія. Расположившись по обоимъ склонамъ хребта, они могли спускаться на сѣверъ, въ долины Терека или Сулака или на югъ, въ плодородную Грузію. Не менѣе отважные, нежели чеченцы, но еще болѣе твердые и неутомимые, лезгины имѣли за собой ту невыгоду, что были разбиты на множество племенъ, существовавшихъ независимо и часто враждовавшихъ одно съ другимъ; кромѣ того, среди ихъ молодежи было принято, какъ нѣкогда у албанцевъ и швейцарцевъ, поступать наемниками къ мелкимъ окрестнымъ князькамъ; силы страны обрушивались противъ ея самой въ безпрестанныхъ войнахъ. Въ битвѣ, лезгины не были такъ благородны, какъ черкесы: послѣдніе отпускали плѣнниковъ, не причиняя имъ никакого вреда, между тѣмъ какъ лезгины рубили имъ правую руку и относили въ свои жилища, какъ трофеи [3]).

Только во время послѣднихъ войнъ всѣ лезгины соединились, чтобы общими усиліями бороться противъ Россіи за свою независимость и

---

[1]) Mélanges asiatiques, divers mémoires; Bulletin de l'Acad. de Sc. de S.-Pétersbourg; divers mémoires, Изв. Кавк. Отд. V, 1878.

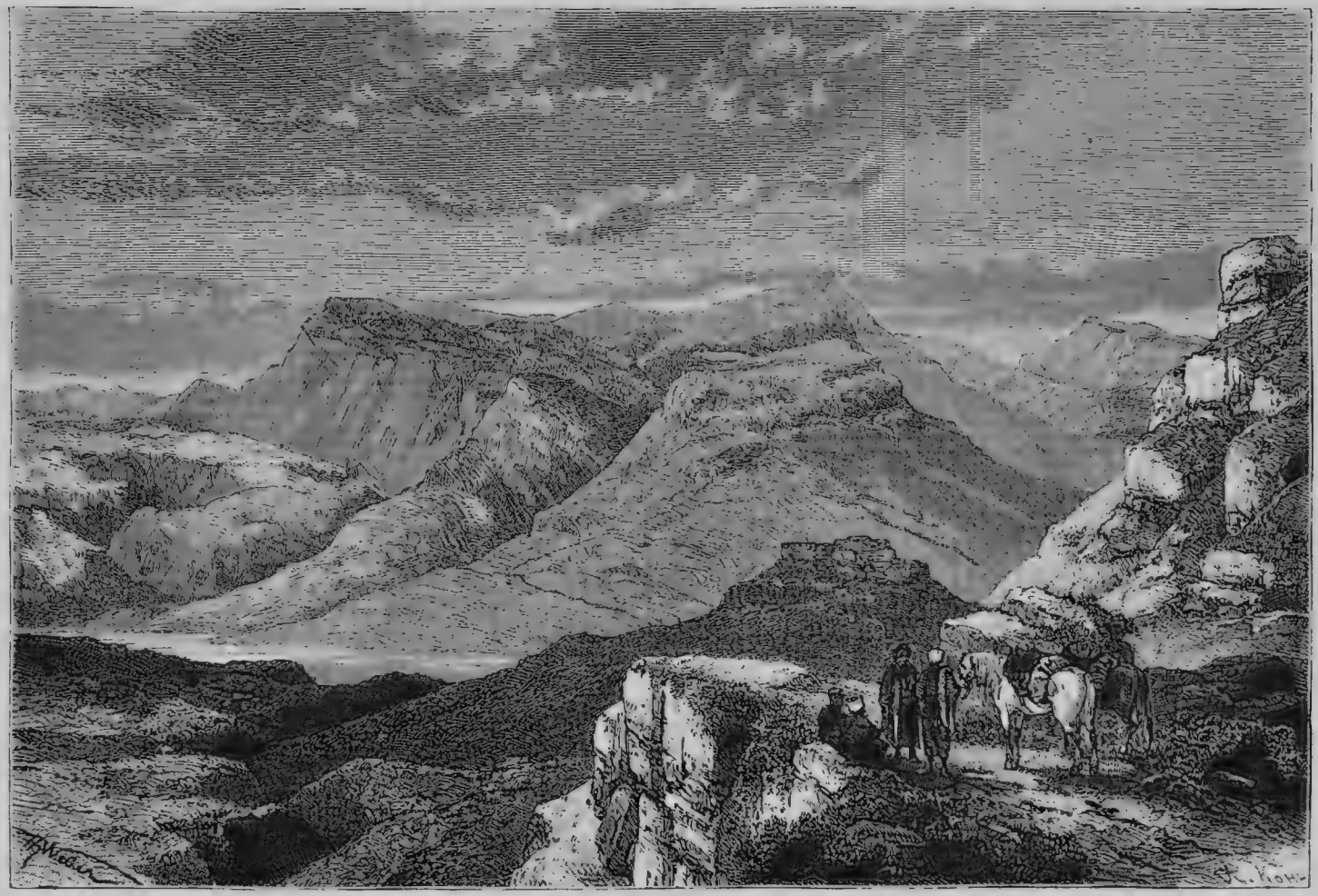
[2]) *Klaproth.* Tableaux historique de l'Asie

[3]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale.

вѣру. Между лезгинскими племенами указываютъ на Дидо, живущихъ въ верхней долинѣ андійскаго Койсу, какъ на имѣющихъ особую религію и слывущихъ между сосѣдями поклонниками дьявола [1]), умилостивляющими бога зла посредствомъ жертвоприношеній. Всѣ же остальные лезгины—мусульмане. Хотя они большіе охотники до вина и табаку и удерживаютъ многое изъ христіанства и язычества, тѣмъ не менѣе, все же ревностные сунниты и, благодаря лишь преданности своей религіи, они смогли забыть вѣковую вражду съ одноплеменными родами и народами, ради священной войны или *газавата*. Сгруппировавшись вмѣстѣ съ чеченцами вокругъ своего соотечественника Кази-Молла, а потомъ его питомца Шамиля (Самуила), изъ племени Койсу-бу, они не одинъ разъ прогоняли русскихъ до самыхъ крѣпостей въ равнинѣ, и случалось, что эти послѣдніе должны были покидать свои военныя поселенія и отдѣльные гарнизоны, слишкомъ далеко забравшіеся въ горы. Сила лезгинъ происходила отъ стремленія къ увлекавшему ихъ равенству. Подвиги легендарнаго героя лезгинъ, Хаджи-Мурада, начались войной противъ аварскихъ хановъ. Но мало по малу учредилась аристократія изъ *наибовъ* или правителей, которые захватили власть и черезъ своихъ муридовъ или „учениковъ“ распоряжались полновластно вооруженными силами. Толпы горцевъ, постепенно порабощенныя своими руководителями, перестали сражаться противъ русскихъ съ прежней энергіей. Отрѣзанные съ трехъ сторонъ, окруженные фортами, тѣснимые точно желѣзнымъ кольцомъ, подступавшими со всѣхъ сторонъ колоннами, видя свою страну исчерченную дорогами, по которымъ двигались горныя пушки, они вынуждены были прекратить войну, послѣ того какъ половина ихъ пала отъ ядеръ, болѣзней и голода [2]). Когда сдался Шамиль, въ 1859 г., при немъ оставалось изъ его приверженцевъ не болѣе четырехсотъ человѣкъ.

Послѣ покоренія снова возгорѣлась старинная родовая ненависть. Лезгинскій Дагестанъ, изъ всѣхъ другихъ областей Кавказа сдѣлался главнымъ мѣстомъ кровавыхъ столкновеній и убійствъ. Среднимъ числомъ, на каждыя триста человѣкъ приходится одинъ убитый или раненый ежегодно. Округъ Кайтаго-Табасеранъ на западъ отъ Дербента пользуется печальной извѣстностью, насчитывать въ своей средѣ болѣе убійцъ, чѣмъ въ какой бы ни было другой провинціи русской Имперіи [3]). Но за то въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ этими людьми, способными ежеминутно браться за кинжалъ или ружье, живутъ тихіе ухбуканы, кубичи или кубачи, ремесло которыхъ не сражаться, а снабжать лишь оружіемъ всѣхъ окрестныхъ горцевъ. Необходимые для всѣхъ они и

[1]) *Carla Serena.* Bulletin de la Société de Géographie de Paris, 1880.
[2]) *Владыкинъ.* Путеводитель по Кавказу.
[3]) *Комаровъ.* Сборникъ свѣдѣній о Кавк. горцахъ.



ГОРА ГУНИБЪ.

уважаются всѣми, и ихъ нейтралитетъ никогда не былъ нарушаемъ. Въ прежнее время они изготовляли кольчуги, теперь же занимаются главнымъ образомъ выдѣлкой ружей и кинжаловъ; они умѣли также лить и небольшія пушки. Кромѣ того ухбуканскіе ткачи приготовляютъ сукна. Какого происхожденія этотъ небольшой промышленный народъ, затерявшійся между земледѣльцами и пастухами? Кубичи называютъ себя: „френги“ или „френки“, т. е. франками, европейцами, но они ни по виду, ни по своему языку, принадлежащему къ группѣ дарго, не неоправдываютъ этого названія [1]). Они европейцы лишь по той смышленности съ какою усвоили себѣ промышленные пріемы, будучи обучены имъ вѣроятно бѣглыми, или быть можетъ они переняли искуства у бывшихъ рабовъ или же,

Ногайскій мальчикъ.

наконецъ, у путешественниковъ. Ухбуканы очень малочисленны: въ 1867 г. ихъ было не болѣе, двухъ тысячъ душъ, обитавшихъ въ 400 домахъ. Нѣсколько лезгинскихъ общинныхъ федерацій или магаловъ, представляютъ также, благодаря общей солидарности и свободѣ каждаго, замѣчательное благосостояніе; такова федерація изъ пяти общинъ, называемая Даргилярской или Дарго, въ которой прежде устраивались въ равнинѣ возлѣ Акуша, большія народныя собранія, вродѣ швейцарскимъ landsge-

[1]) *Klaproth.* Tableau du Caucase.

meinden. Этотъ магалъ давалъ прибѣжище эмигрантамъ всѣхъ національностей и ихъ округъ былъ самымъ населеннымъ во всемъ Дагестанѣ [1]).

Прибрежье Каспійскаго моря, какъ историческая дорога для армій и народовъ, проходившихъ изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію, задерживало у себя часть побѣдителей или отсталыя группы, принадлежавшія всѣмъ національностямъ, какія только слѣдовали по этой дорогѣ съ военными или торговыми цѣлями. На этой узкой береговой полосѣ живутъ монголы, семиты, арійцы и турки а еще далѣе отъ нихъ, на сѣверъ, ногайцы, раскинувшіе свои шатры въ степяхъ прилегающихъ къ Сулаку. Начиная съ этой болотистой низменности и вплоть до Дербента вся береговая часть занята преимущественно татарами-кумыками, числомъ болѣе 50,000 душъ; подвигаясь все далѣе къ сѣверу, они оттѣсняютъ въ боковыя долины мѣстное населеніе, принимая однако въ свою среду множество армянскихъ торговцевъ. Другіе татары, родственные живущимъ въ Закавказьѣ, занимаютъ мѣсто южнѣе, въ равнинахъ Кубы, содѣйствуя этнографическому преобладанію въ этой странѣ тюркскаго элемента. Всѣ жители прибрежья, къ какой бы они расѣ не принадлежали, говорятъ на языкѣ „френковъ“ т. е. турецкимъ нарѣчіемъ Азербенджана. Но персіяне, таты или таджики, происходящіе отъ побѣдителей, владѣвшихъ этой страною еще во времена Сасанидовъ, сохранили свой языкъ и нравы. Они живутъ еще отдѣльной колоніей у Дербента, но наиболѣе многочисленны, между Кубою и Бакинскимъ заливомъ. Евреи разбросанные тамъ и сямъ въ горахъ, очевидно пришли изъ Персіи вмѣстѣ съ татами, такъ какъ они говорятъ между собою персидскимъ языкомъ, а ихъ женщины носятъ иранскій костюмъ; кромѣ того они сами считаютъ Персію своимъ отечествомъ [2]). Всѣ евреи живущіе въ Кубѣ, точно также какъ и ихъ бакинскіе и шемахинскіе сородичи, поселились въ этой странѣ съ незапамятныхъ временъ, и полагаютъ, основываясь на свидѣтельствахъ армянскаго историка Моисея изъ Хорена, что они происходятъ отъ израильтянъ, эмигрировавшихъ въ Персію болѣе 2500 лѣтъ тому назадъ, послѣ перваго разрушенія Храма Салманасаромъ [3]). Въ ихъ обыденномъ, персидскомъ, языкѣ примѣшано много древне-еврейскихъ словъ и халдейскихъ названій, не употребительныхъ у другихъ евреевъ; имена, которыя они даютъ своимъ дѣтямъ при рожденіи, относятся ко временамъ Судей и изъяты изъ употребленія болѣе двадцати пяти вѣковъ. Впрочемъ большая часть кавказскихъ евреевъ были принуждаемы прежде къ при-

---

[1]) *Фон-Зейдлицъ*. Извѣстія Кав. Отд., т. V. 1877, *Koch*, Wonderungen im Oriente.

[2]) *Комаровъ*, Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О., т. VIII, 1873 г.

[3]) У Мегасѳена, писавшаго въ концѣ IV-го или въ началѣ III вѣка до Р. Х. находится извѣстіе о томъ, что Навуходоносоръ переселилъ часть плѣнныхъ евреевъ—или иверійцевъ, какъ онъ называетъ ихъ—на востокъ отъ Чернаго моря. (См. Прот. Пятаго Археол. Съѣзда въ Тифлисѣ). *Прим. перев.*

нятію христіанства и смѣшались такимъ образомъ съ остальнымъ населеніемъ; весьма вѣроятно, что очень немногіе изъ нихъ сохранили свою національность; черезъ смѣшеніе они становились осетинами, лезгинами, грузинами и въ особенности татарами. Множество деревень извѣстныхъ подъ именемъ Джутъ-Кенд'а или „жидовскаго города" населены исключительно жителями, называющими себя татарами [1]).

Въ странѣ горцевъ совсѣмъ нѣтъ городовъ. Часто въ лезгинскихъ аулахъ собираются одновременно тысячи горцевъ, созываемыя ихъ главою по случаю празднества или битвы; но обыкновенно все населеніе разсѣяно по деревушкамъ, среди скалъ или пастбищъ. Хунзакъ, бывшая столица аварскихъ хановъ, лежащій у одного изъ притоковъ Койсу, представляетъ теперь не болѣе какъ развалины, у которыхъ расположена русская крѣпость; Гимры, находящійся повыше сліянія Аварскаго Койсу съ Андійскимъ, тѣсно связанъ съ воспоминаніями о войнахъ за независимость: здѣсь умеръ Кази-Мулла, родился Шамиль. Ведено, въ Чечнѣ, раскинутый на высокой террасѣ, воды которой стекаютъ въ Терекъ, есть довольно большая деревня, укрѣпленная небольшимъ русскимъ фортомъ, замѣнившимъ собой цитадель Шамиля. Недалеко отъ нея поднимается „гора" Гунибъ, верхняя терраса которой, занимающая поверхность въ 90 кв. верстъ, служила послѣднимъ убѣжищемъ пророка. Гунибъ извѣстенъ у русскихъ подъ именемъ „Горы Гитары" и названъ такъ по формѣ скалъ; противъ нея поднимается другая гора, съ утесистыми уступами, точно гигантская песчаная глыба, еще болѣе странная, и напоминающая собою „Саксонскую Швейцарію".

Городъ Темиръ-Ханъ-Шура, въ землѣ кумыкскихъ татаръ, расположенъ, если не въ равнинѣ, то во всякомъ случаѣ въ долинѣ широко открытой по направленію къ Каспійскому морю, и лежащей на высотѣ всего 1,530 футовъ. Озеро, или вѣрнѣе прудъ, давшее городу свое названіе теперь уже высохло; тѣмъ не менѣе здѣсь существуютъ мѣстныя лихорадки, такъ какъ дожди въ этой мѣстности столь ничтожны, что не могутъ образовать правильныхъ стоковъ воды, которая застаивается въ низкихъ мѣстахъ. Какъ для Темиръ-Ханъ-Шуры и большихъ мѣстечекъ, лежащихъ одно къ юго-западу—Казанитъ, и другое къ югу — Губденъ, такъ равно и для всей страны кумыковъ, гаванью служитъ городъ Петровскъ, бывшій во время войнъ съ горцами важнымъ стратегическимъ пунктомъ въ качествѣ порта, снабжавшаго провіантомъ. Рейдъ Петровска одинъ изъ менѣе плохихъ на Каспійскомъ морѣ. Благодаря изгибу берега, укрѣпленнаго каменнымъ оплотомъ, суда защищены отъ вѣтровъ западнаго и южнаго, и имѣютъ здѣсь хорошую якорную стоянку: глубина рейда съ его песчанымъ дномъ въ полуверстѣ отъ берега достигаетъ 20

[1]) *Черный*. Горные евреи; von *Seidlitz*, Russische Revue 1879, № 12.

футовъ. Петровскъ построенъ недавно, но онъ, какъ портъ, вытѣснилъ своего южнаго сосѣда, Тарки, въ которомъ, какъ говоритъ Гамба, въ началѣ этого столѣтія, было 12,000 жителей, состоявшихъ почти исключительно изъ татаръ [1]), и который теперь ничто иное какъ незначительное мѣстечко, или пригородъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Петровскъ оживленъ торговой дѣятельностью, и большая часть судовъ, идущихъ изъ Астрахани въ Баку, пользуются здѣшней якорной стоянкой: этимъ однако не удовлетворяется еще честолюбіе негоціантовъ г. Петровска: они смотрятъ въ будущемъ на Петровскъ, какъ на крайній пунктъ Кавказской желѣзной дороги и, можно сказать, что современемъ онъ займетъ на этой линіи тоже мѣсто что и Ростовъ, но лишь на противоположномъ концѣ понто-каспійскаго перешейка. Отъ Петровска до Владикавказской желѣзной дороги, т. е. на разстояніе 305 верстъ, придется построить желѣзнодорожный мостъ только черезъ Сулакъ и, слѣдовательно, исполнить единственную капитальную работу, такъ какъ для постройки пути потребуется лишь простая прокладка рельсовъ по степи. Въ окрестностяхъ Петровска изъ нѣсколькихъ колодцевъ добывается нефть. Земледѣліе стало развиваться въ этой странѣ послѣ того, какъ владѣльцы громадныхъ пространствъ необработываемой земли согласились уступать крестьянамъ, на оброчныхъ условіяхъ, сначала двѣ пятыхъ, а потомъ и половину своихъ земель.

Узкій проходъ, остающійся между концемъ Табасеранской цѣпи и моремъ, охраняется городомъ Дербентомъ или Дербендомъ, построеннымъ, какъ гласитъ легенда, царями мидійскими или Александромъ. Но онъ вовсе не принадлежитъ къ такой далекой древности, такъ какъ построенъ вѣроятно въ концѣ пятаго или въ началѣ шестаго вѣка персидскимъ царемъ изъ династіи Сасанидовъ: Масуди приписываетъ основаніе этого города Хозрою Ануширвану. Этотъ, единственный въ своемъ родѣ, укрѣпленный городъ, заключенъ между двумя параллельными стѣнами, прикрытыми башнями, спускающимися съ горъ къ морю и украшенными надгробными плитами, надписи на которыхъ послужили предметомъ изученія для историковъ; дома и базаръ, расположенные въ этомъ наклонномъ параллелограмѣ, образуютъ собственно одну улицу длиною около 3-хъ верстъ. Самое названіе города обозначаетъ большія укрѣпленныя ворота, или „Желѣзныя ворота“, — по арабски и по турецки: Баб-ель-Хадидъ и Демир-Капысы; называютъ его также и Баб-эль-Абубомъ, что значитъ „Ворота Воротъ“. Всѣ путешественники среднихъ вѣковъ говорятъ, что стѣна выходила далеко въ море, и притомъ, по однимъ источникамъ на милю, а по другимъ всего на полмили [2]). Теперь не видно даже слѣдовъ этой подводной стѣны, что объясняютъ мѣстнымъ поднятіемъ берега: между городомъ

---

[1]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale.

[2]) *Christ. Burrough.* Hakluyt's collection of the early voyages, I.

и теперешнимъ берегомъ тянется длинная полоса земли, которая по виду кажется поднятой со дна [1]). На западъ отъ крѣпости Нарынъ-Кале, охраняющей городъ съ вершины горы выдающейся мысомъ, стѣны защищены точно также башнями, расположенными на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, и идутъ вдоль по горному хребту, спускаясь во рвы и поднимаясь на горные склоны, вплоть до отдаленныхъ пиковъ. Если вѣрить туземцамъ, эта стѣна, неимѣющая, впрочемъ, важнаго стратегическаго значенія, тянулась когда-то съ своими башнями черезъ весь Кавказскій хребетъ, отъ одного моря до другого; такой валъ конечно могъ защищать всѣ равнины, расположенныя у восточной подошвы Кавказскихъ горъ: на разстояніи 28 верстъ отъ Дербента можно различать еще его остатки. Дважды взятыя русскими, знаменитыя ворота Азіи стали принадлежать имъ окончательно по договору 1813 г., но городъ, какъ постъ выдвинутый мусульманами-шіитами противъ суннитовъ сѣвера, до сихъ поръ сохранилъ свой азіатскій видъ. Впрочемъ, очень мало русскихъ городовъ, которые могли-бы сравниться въ промышленности съ этимъ персидскимъ городомъ, приходящимъ однако въ упадокъ, если только вѣрно, что въ 1825 году въ немъ было 26.000 жителей, т. е. вдвое болѣе чѣмъ въ настоящее время [2]). Вода Рубаза проходитъ черезъ водопроводъ длиною въ 15 верстъ, орошая около полутора тысячъ садовъ, засаженныхъ фруктовыми деревьями различныхъ сортовъ, а также виноградомъ, хлопкомъ, мареной, шафраномъ и табакомъ. Прежде марена играла очень важную роль въ торговлѣ Дербента: въ 1861 г. ее вывезено на сумму болѣе чѣмъ милліонъ рублей. Какъ и Петровскъ, Дербентъ имѣетъ у себя нефтяные колодцы и ломку асфальта. Портъ его, обнесенный набережной, иногда замерзаетъ.

Менѣе живописная Куба по численности населенія и промышленности походитъ на Дербентъ. Расположенная у верхушки вулканическаго конуса, размытаго потоками или *чайями*, спадающими съ Шахъ-Дага и съ сосѣднихъ горъ, Куба населена, подобно Дербенту, мусульманами-шіитами, занимающимися преимущественно садоводствомъ. Тысячи евреевъ живутъ въ немъ торговлей. Городъ, къ сожалѣнію, лежитъ въ лихорадочной мѣстности; въ 1825 году Кубу даже пытались перенести въ болѣе здоровое мѣсто, лежащее на разстояніи 12 верстъ къ сѣверо-западу. Но жители не послѣдовали примѣру поданному чиновниками и эти послѣдніе возвращаются въ старый городъ, гдѣ они, впрочемъ, живутъ больше зимою. Въ горахъ находится община Крызъ, состоящая изъ

[1]) Съ X-го в. (по Р. Х.) и по новѣйшее время море отступило отъ берега, какъ это можно заключить изъ стариннаго плана г. Дербента, не менѣе какъ на 200 сажень, обнаживъ такимъ образомъ часть стѣны, скрывавшейся подъ водою. (См. Зап. Кавк. Отд. II-—Пятый Арх. Съѣздъ въ Тифлисѣ). *Прим. перев.*

[2]) *Von Eichwald.* Reise auf dem Kaspischen Meere und in dem Kaukasus.

пяти деревень. Главный городъ долины Самура—Ахты, построенный среди горъ, у сліянія двухъ незначительныхъ рѣкъ.

Въ 1863 г. слѣдующіе города и мѣстечки восточнаго Кавказа имѣли болѣе 4,000 жителей:

Дагестанъ.		Тарки	4,100
Дербентъ	13,775	Темиръ-Ханъ-Шура	5,100
Губденъ	5,500	*Бакинская губернія.*	
Ахты	5,650	Куба	11,300
Казанищи	4,400	Крызъ	4,800

V.

БАССЕЙНЫ ИНГУРА, РІОНА, ЧОРУХА.

Мингрелія, Имеретія, Сванетія, Лазистанъ.

Эта часть Закавказья, недавно увеличенная кускомъ территоріи, которой владѣли турки, съ давнихъ временъ была исторически связана съ Европой. Еще греки построили сто двадцать мостовъ черезъ Фазисъ и проложили прекрасный колесный путь черезъ горы, между городомъ Сарапанесомъ или теперешнимъ Шарапаномъ и долиной р. Куры. Кромѣ римлянъ, впослѣдствіи, посѣщали эту страну генуэзцы; они здѣсь имѣли свои города и конторы; турки, завладѣвъ прибрежьемъ этой страны, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы хозяевами Константинополя и наслѣдниками византійскихъ императоровъ. Европейское вліяніе отразилось также и на религіи мѣстныхъ жителей, которые почти всѣ были христіанами еще съ первыхъ вѣковъ церкви, между тѣмъ какъ въ восточной части Кавказа, гдѣ царитъ еще азіатскій духъ, татары, персы и горцы исповѣдуютъ магометанство въ той или другой формѣ. Но, если бассейны Ингура и Ріона, по своей исторіи были наиболѣе европейскими сравнительно съ другими частями Кавказа, то все же они оставались долгое время внѣ движенія новѣйшей цивилизаціи, а нѣкоторые округа горной страны обрѣтаются и по сю пору въ полнѣйшемъ варварствѣ. Съ этой областью, древней Колхидой, очень немногія страны въ свѣтѣ могутъ поспорить въ великолѣпіи растительнаго міра, естественному плодородію почвы и прочимъ богатствамъ природы, и тѣмъ не менѣе она очень малолюдна: едва-ли, при одинаковомъ пространствѣ, она хотя въ половину такъ населена какъ Франція. Можно также сказать, судя по приблизительнымъ даннымъ, что и вновь присоединенная территорія, Лазистанъ, населена еще рѣже и число душъ на квадратную версту въ ней еще менѣе.

Бассейны Ингура и Ріона совершенно отдѣлены другъ отъ друга Кавказскимъ хребтомъ, Анти-Кавказомъ и промежуточною горною цѣпью Мескъ. Отъ Абхазіи до страны Лазовъ горы идутъ правильнымъ полукругомъ, въ которомъ самая низшая точка, исключая морскаго прибрежья есть Сурамскій перевалъ, достигающій 3,015 футовъ высоты. Горныя кряжи параллельныя Главному хребту разбиваютъ въ свою очередь этотъ громадный полукругъ на мѣстности замкнутыя почти вплотную и коегдѣ образующія какъ-бы свои маленькіе отдѣльные мірки.

Долина верхняго Ингура, составляющая по административному дѣленію округъ Вольной Сванетіи, есть типъ подобнаго закаулка, совершенно отдѣленнаго отъ остальнаго Кавказа; она представляетъ изъ себя вытянутую впадину, заключенную между двумя параллельными хребтами; ея высота доходитъ до 6,500 футовъ. Къ сѣверу отъ нея тянется Главный хребетъ, почти сплошь испещренный снѣгомъ, съ нѣсколькими ледниками скользящими въ верхнихъ циркахъ; на югѣ находится другой хребетъ, еще болѣе правильный и съ остроконечными вершинами, тоже покрытыми вѣчными снѣгами. Ледники Труйбера сталкивали свои морены въ мѣстность расположенную не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ сванетской деревни Джабеши, въ общинѣ Мужалъ; эта деревня, какъ и многія другія построена на обломкахъ занесенныхъ сюда древними потоками льда [1]). Потоки берутъ свои начала въ ледникахъ Адиша главнымъ образомъ, въ трехъ пунктахъ: съ Тетнульда, напоминающаго савойскій Монъ-Бланъ, съ Ушба или двурогаго „Чудовища“, съ Нуамъ-Куамъ, а также съ другихъ горъ Главнаго хребта и съ боковой цѣпи Корилдашъ; эти потоки, образующіе Ингуръ, соединяются въ углубленіи впадины занятой Вольной Сванетіей, ограниченной поперечной преградой, на югъ отъ массивовъ Эльбруса. Чтобы выбраться изъ горной долины, Ингуру необходимо пробиться черезъ узкій проходъ между скалъ; онъ низвергается въ пропасть и течетъ сначала на юго-западъ, затѣмъ на югъ, по ущелью длиною въ 75 верстъ. Это ущелье средняя ширина котораго не болѣе $2^1/_2$—5 сажень съ его гранитными или слонцевыми откосами, поднимающими на 650—1,300 футовъ, посѣщается очень рѣдко, и то лишь въ послѣднее время; однако эта клюза представляетъ изъ себя цѣлый рядъ восхитительныхъ пейзажей благодаря пышной растительности, окаймляющей берегъ Ингура и небольшимъ обломочнымъ конусамъ, находящимся у сліянія маленькихъ притоковъ; вообще это дефиле, единственное на Кавказѣ, по благородству очертаній и разнообразію видовъ. До военныхъ экспедицій 1858 г. небыло ни одной дороги проникавшей въ его тѣснины: Сванетія сообщалась съ Мингреліей лишь опасной тропинкой проторенной въ горахъ, на высотѣ около 10,000 футовъ [2]).

[1]) *Favre.* Mèmoires de la Société helvetique des sciences naturelles.

[2]) *Бакрадзе.* Записка Кавк. Отд., т. VI. 1846

Въ ущельяхъ Ріона и его верхнихъ притоковъ, нельзя уже встрѣтить тѣхъ величественныхъ видовъ, какія на Ингурѣ, хотя въ каждомъ изъ нихъ есть свои восхитительныя мѣста. Обѣ главныя рѣки бассейна, Ріонъ и Цхенисъ (Цхенис-цхали, т. е. Рѣка Лошади) у которыхъ прежде когда-то находили золотой песокъ[1]), берутъ свои начала съ ледниковъ Пасисъмта или „Горы Пазисъ“,—названіе очень похожее на Фазъ или Фазисъ, данное греками дали рѣкѣ, извѣстной въ наше время подъ грузинскимъ названіемъ Ріона или Ріони: въ этомъ совпаденіи именъ хотѣли видѣть нѣчто этимологически родственное. Отдѣленные отъ своихъ истоковъ цѣпью Гариболо, Ріонъ и Цхинизъ все болѣе и болѣе расходятся въ стороны: первая орошаетъ собою княжескую Сванетію и Мингрелію, а вторая страну Ратша и Имеретію. Квирила стекающая съ восточныхъ долинъ, и Хани — съ южной стороны горъ, по клюзѣ напоминающей въ миніатюрѣ ингурскую, соединяются другъ съ другомъ, потомъ съ Ріономъ въ плодородной равнинѣ, простирающейся на югъ отъ Кутаиса. Въ этой мѣстности начинался древній заливъ, который мало по малу былъ покрытъ заносами Ріона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, спадающимъ съ амфитеатра окрестныхъ горъ: нѣсколько холмовъ—остатковъ прежнихъ острововъ,—поднимаются среди наносной почвы покрывающей всю равнину; крайніе горные выступы являются закруглеными и притуплеными у подошвы потоками, извилистое теченіе которыхъ чрезвычайно измѣнчиво. Въ 70 верстахъ отъ устья, деревни расположены всего лишь на высотѣ 40 футовъ. Болота, трудно осушаемые по недостатку склона окаймляютъ на большомъ разстояніи судоходную часть Ріона, но густыя поросли камыша, и цѣлый пластъ водныхъ растеній, а также лѣса и кустарники скрываютъ эти болота отъ взгляда; вокругъ, ихъ не видно ничего, кромѣ маленькихъ озеръ, остатковъ того моря, которое прежде покрывало всю эту страну.

У морскаго берега часть древняго морскаго залива еще сохранилась до сихъ поръ въ видѣ озера, удержавшаго по сю пору свое греческое названіе: Παλεοστομ („Старое Устье“); полагаютъ, что оно было еще въ элинскую эпоху бухтой, въ которую вливались воды Фазиса. По Вахушту, грузинскому писателю прошлаго столѣтія, Палеостомъ соединялся съ моремъ протокомъ, посредствомъ котораго суда проникнувъ въ теперешнее озеро могли находить въ немъ убѣжище[2]). Въ мѣстахъ наиболѣе глубокихъ, лотъ опускается на 9 саж., но почти всюду илистые и плоскіе берега этого озера идутъ далеко подъ водою въ видѣ мелей; вода мутная, содержитъ много органическихъ остатковъ. Фауна Палеостома отчасти еще морская и хотя вода въ немъ отнюдь не солоноватая, но въ ней находятъ

[1]) *Gamba.* Voyage dans la Russie meridionale,—*Radde*, Vorträge über den Kaukasus.
[2]) Description géographique de la Géorgie, publieé par *Brosset.*

ТИПЫ И КОСТЮМЫ МИНГРЕЛЬЦЕВЪ.

тѣхъ же, *балановъ*, *нерендъ* и *немертъ*, что и въ водѣ Чернаго моря [1]). Песчаная гряда отдѣляетъ это озеро отъ моря и тянется правильной линіей далеко къ сѣверу. Воды Ріона, точно также какъ и Ингура и всѣхъ другихъ рѣкъ, текущихъ къ мингрельскому прибрежью должны были прорваться черезъ эти дюны, прежде чѣмъ они пробились къ морю; рѣки увеличиваютъ съ каждымъ годомъ новой полосою наносовъ берегъ, лежащій внѣ естественной плотины. Дельта Ріона, также какъ и дельта рѣки По и большей части рѣкъ, которые впадаютъ въ море черезъ промоину, образовавшуюся въ береговомъ кордонѣ, начинаютъ свою дельту внѣ такого кордона: воды должны соединиться, не дойдя до ограды, чтобы проникнуть черезъ нее сообща. Среднее количество воды которое несетъ Ріонъ опредѣляютъ въ 967 куб. метровъ [2]); но почти навѣрное извѣстно, что эта цифра была слишкомъ преувеличена, такъ какъ по ней выходитъ, что на весь рѣчной бассейнъ въ 13,820 кв. верстъ (15,760 кв. кил.), выпадаетъ дождя около 2 метровъ (1,95 метра); хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и выпадаетъ влаги вдвое болѣе показаннаго числа, но нужно принять въ расчетъ испареніе, и въ особенности громадное количество воды поглощаемой богатой растительностью Мингреліи. По свидѣтельству Страбона, Ріонъ и его притокъ Квирила были судоходными до самаго Сарапанеса, лежавшаго въ 140 верстахъ отъ теперешняго устья; между тѣмъ какъ въ наше время суда останавливаются у Орпири, проходя всего двѣ трети прежняго разстоянія [3]). Изъ карты, изданной въ 1738 году Александромъ, княземъ Имеретіи, видно, что большія барки могли подниматься по рѣкѣ почти до самаго Кутаиса, но это указаніе, не пользуется однако довѣріемъ [4]). Во время низкой воды, съ іюля по декабрь, глубина достигаетъ едва лишь 20—30 дюймовъ.

Горы, образующіе водораздѣлъ между Ріономъ и бассейномъ Куры, на югѣ и на юговостокѣ тянутся непрерывной горной цѣпью отъ Меска или Сурама, соединяясь на западѣ съ береговой цѣпью Лазистана. Даже о-бокъ съ Главнымъ хребтомъ эти горы кажутся довольно величественными: нѣкоторые вершины покрытыя зеленью у подошвы, а выше лѣсами и горными пастбищами, достигаютъ и даже переходятъ за высоту 8,200 футъ, не касаясь однако ни одной точкой линіи вѣчнаго снѣга. На западѣ, послѣдняя гора этой цѣпи, называемая обыкновенно Аджарскимъ или Ахалцыхскимъ хребтомъ, заканчивается всего въ верстѣ отъ берега, омываемаго Чернымъ моремъ. Главныя высоты этой цѣпи суть:

---

[1]) *Tcherniavsky*, cité par Oscar Peschel, Probleme der vergleichenden Erdkunde.

[2]) *Radde*. Das Relief der Kaukasus-Länder.

[3]) Длина рѣкъ этого района (въ верстахъ) Ріонъ—320, Цхенисъ—150, Квирила—120, Хони—100, Ингура—150; что касается до Палеостома, то онъ занимаетъ въ окружности не болѣе 25—30 верстъ. *Прим. перев.*

[4]) Военно-статистическое описаніе Кутаисской губерніи, 1838 года.

Непись-Цкаро, главн. верш. (на югъ отъ Кутаиса) (9,450 ф.) . 2,884метр.
Нагебо, на востокъ отъ Непись-Цкаро . . . (8,594 ф.) . 2,620 „
Сагалатло, на востокъ отъ Нагебо . . . . (8,141 ф.) . 2,482 „
Чехатай, первая гора съ западной стороны цѣпи (3,306 ф.) . 1,008 „

Съ аллювіальныхъ равнинъ, по которымъ пробѣгаетъ Ріонъ, высоты Аджара имѣютъ видъ горной цѣпи; но если смотрѣть на нихъ съ южной стороны, то они кажутся не болѣе какъ шероховатой каемкой, обрамляющей плоскогоріе, на которомъ въ безпорядкѣ разбросаны горы съ округленными вершинами, раздѣленное на неправильныя части долинами, образовавшимися черезъ размываніе потоками. Съ любой изъ подобныхъ вершинъ, раскинутыхъ въ странѣ лазовъ или въ Лазастанѣ, недавно присоединенной къ Россіи, мѣстность представляется, волнистою, напоминающей бушующее море. На сѣверо-востокъ отъ Артвина и на юго-востокъ отъ Батума, въ горной массѣ Карчъ-Шаль есть вершина достигающая 11,257 футовъ высоты; но за исключеніемъ ее никакой другой пунктъ въ землѣ лазовъ не превышаетъ высотою горъ, тянущихся оградой съ сѣверной стороны; эти послѣднія поднимаются, въ среднемъ, на 8,300 футовъ и слѣд. болѣе чѣмъ на 1,950 фут. заходятъ за наиболѣе предѣльную полосу лѣсовъ. Гора Арзіани, именемъ которой часто называютъ всю горную возвышенность, находящуюся на востокъ отъ нижняго бассейна Чороха или Чоруха, по виду совершенно похожа на древній вулканъ: въ доисторическую эпоху лава разливалась здѣсь изъ многихъ сосѣднихъ съ нею вершинъ [1]). Утесы изъ чернаго базальта представляютъ сильный контрастъ съ прекрасными лугами, флора которыхъ, простирающаяся чуть не до самыхъ вершинъ почти та же, что и въ западной Европѣ. Въ долинѣ фруктовыя деревья и лѣсныя породы не менѣе роскошны, чѣмъ на склонахъ, южнаго Кавказа. Лазистанъ — это земной рай; большая часть горцевъ умѣютъ выбирать для своихъ деревень мѣста, свидѣтельствующія о ихъ любви къ природѣ: съ каждой изъ ихъ деревень открывается прекрасный видъ на цвѣтущіе луга, обрывистыя скалы, горные потоки, водопады, рощи и живописно разбросанныя хижины [2]).

Всѣ рѣки стекающія съ горъ Арзіани по направленію къ западу, сливаются съ Чорухомъ черезъ посредство р. Аджара или Имаршеви. Южнѣе, другія рѣки, текущія уже по русской территоріи, вливаются также въ Чорухъ, хотя бо́льшая масса воды этой рѣки течетъ еще по турецкимъ владѣніямъ. Главная рѣка страны беретъ свое начало на югъ отъ Требизонда и Понтійской цѣпи, и принявъ здѣсь первыя притоки, направляется параллельно берегу Чернаго моря и верхней

[1]) *Казбекъ.* Три мѣсяца въ турецкой Грузіи.
[2]) *G. Radde.* Mittheilungen von Petermann, 1875, № 2.

долинѣ Ефрата. Въ этой мѣстности Малой Азіи горы, плоскогорія, долины — все вытянуто въ правильныя линіи, имѣющія юго-западное и сѣверо-восточное направленіе. Пройдя около 280 верстъ, Чорухъ принимаетъ въ себя р. Туртумъ, а съ нимъ р. Олты и направляется прямо къ Черному морю по глубокой клюзѣ, пересѣкающей береговую горную цѣпь. По выходѣ изъ ущелья, эта рѣка, подобно Ріону, образуетъ наносную равнину, выдвигающуюся за нормальную линію морского берега и защищающую съ западной стороны батумскій рейдъ, которому также угрожаютъ заносы. Немного уступая Ріону по массѣ воды, Чорухъ, однако, менѣе судоходенъ въ своей верхней части, нежели мингрельская рѣка; его теченіе слишкомъ быстро. Въ 1875 году, когда эта страна принадлежала еще туркамъ, около 200 каиковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ среднимъ числомъ грузъ въ три тонны, спустились по рѣкѣ отъ Артвина въ Батума въ восемь часовъ; между тѣмъ какъ для того, чтобы подняться въ верхъ по рѣкѣ, требовалось отъ четырехъ до пяти дней [1]).

По климату Закавказье, какъ извѣстно, принадлежитъ къ полосѣ умѣреннаго пояса, наиболѣе благопріятной для растительности; растенія отличаются удивительнымъ разнообразіемъ и красотою формъ. Благодаря обильнымъ дождямъ и защитѣ отъ сухого сѣверо-восточнаго вѣтра, представляемой Кавказскимъ хребтомъ, различныя садовыя и лѣсныя породы ростутъ на южныхъ склонахъ горъ гораздо выше, нежели въ другихъ странахъ, пользующихся той же самой температурой. Такъ, напримѣръ, орѣхъ растетъ въ Сванетіи на высотѣ болѣе чѣмъ въ 5,400 фут.; онъ осѣняетъ своими вѣтвями совмѣстно съ другими плодовыми деревьями, струистыя воды Ингура, чуть пониже ледника Труйберъ; горцы сѣвернаго склона приходятъ по осени цѣлой гурьбою собирать здѣсь различные плоды, за которыми имъ пришлось бы ходить слишкомъ далеко, если бы они направились въ бассейнъ Терека [2]). Бѣлая шелковица и виноградъ ростутъ въ Сванетіи даже на высотѣ 3,280—3,600 фут., а Рупрехтъ, въ долинѣ верхняго Ріона, видѣлъ хлопчатникъ, ростущій на 2,090 фут. высоты.

Въ-общемъ, въ отношеніи растительности, западная сторона Закавказья походитъ болѣе на приатлантическую Францію и среднюю Европу, нежели на прибрежье Средиземнаго моря. Хотя по нѣкоторымъ чертамъ мингрельская флора кажется принадлежащей къ обѣимъ полосамъ. Индигоноска, не составляющая, однако, до сихъ поръ предмета промышленности, ростетъ на берегахъ Ріона, рядомъ съ хлопчатникомъ; изъ зерновыхъ же растеній преобладаетъ здѣсь кукуруза; говорятъ, что

---

[1]) *Казбекъ*, тамъ же.

[2]) *G. Radde.* Reisen im Mingrelischen Hochgebirge.

въ Лазіи попадаются даже чайныя деревца[1]); камфарное дерево также акклиматизовано въ этой мѣстности[2]). Во время цвѣтенія, гранатовыя деревья, растущія дико цѣлыми лѣсами, придаютъ странѣ видъ громаднаго сада. Но за то эквалиптусъ, столь полезный при улучшеніи климата въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ, не можетъ расти въ Закавказьѣ: не потому, чтобы средняя температура была для него недостаточной,—эквалиптусъ отлично растетъ въ Лигуріи, гдѣ годовая температура ниже,—но потому, что онъ не можетъ вынести крайностей кавказской зимы[3]). Оливковое дерево, разведенное греками и генуэзцами на южномъ берегу Тавриды, и серебристая листва котораго блеститъ такъ на откосахъ, спускающихся къ Алупкѣ и Ялтѣ, пока не привилось еще окончательно на берегу Мингреліи[4]). Въ половинѣ текущаго столѣтія, въ Поти, у дельты Ріона, произрастали довольно успѣшно лимоны, но одна суровая зима погубила ихъ въ-конецъ; съ того времени это дерево перестало составлять принадлежность закавказской флоры, что, кажется, можетъ служить указаніемъ на полное измѣненіе мѣстнаго климата. Избытокъ влажности представляетъ невыгодную сторону береговой мѣстности, между тѣмъ какъ другія части этой страны страдаютъ иногда обратнымъ, т. е. излишней сухостью. Средняя температура Кутаиса (14°,85) на полтора градуса выше, чѣмъ она должна быть, судя по климату приморскихъ городовъ. Причина такой аномаліи тотъ сухой, палящій и порывистый восточный вѣтеръ, что дуетъ такъ часто въ долинѣ Ріона, губя растенія и разслабляя до изнеможенія людей и животныхъ. Чтобы защитить себя отъ этого бича, закрываютъ всѣ окна въ домахъ и окружаютъ себя водой, налитой въ плоскую посуду, съ цѣлью сдѣлать вдыхаемый воздухъ болѣе влажнымъ. Направляясь съ востока на западъ, этотъ вѣтеръ мало по малу слабѣетъ: въ Поти онъ уже не такъ непріятенъ, а въ Редутъ-Калѣ совсѣмъ не ощутителенъ[5]). Болѣе слабый токъ воздуха направляется съ запада, и, смѣняя собою восточный вѣтеръ въ долинѣ Ріона, приноситъ съ собою обыкновенно дождевыя тучи съ Чернаго моря.

Мингрельцы и другіе жители западнаго Закавказья владѣютъ слишкомъ роскошными лѣсами, чтобы могли научиться уважать деревья. Въ равнинѣ, кругомъ вблизи жилищъ, можно видѣть деревья съ обломанными верхушками, и громаднѣйшіе прутья срѣзываемые ради потѣхи. Многія породы, цѣнныя по своимъ нѣжнымъ плодамъ, стали быстро исчезать съ того времени, какъ явились сюда на поиски за дорогими деревьями

---

[1]) *Казбекъ.* Три мѣсяца въ турецкой Грузіи. *Radde.* Vier Vortäge über den Kaukasus.

[2]) *Ruprecht.* Mittheilungen von Petermann, 1862. № 5.

[3]) *Statkovskiy.* Problèmes de la climatologie du Caucase.

[4]) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase.

[5]) *Statkovskiy,* ouvrage cité.

иностранные купцы, и въ особенности французы; орѣхъ, украшавшій собою прежде большую часть пейзажей Закавказья, исчезъ въ низинахъ страны почти всюду, куда только проложены дороги. Уничтоженіе лѣсовъ мало по малу измѣняетъ видъ горной мѣстности, и однако расчищенныя мѣста распахиваются рѣдко: разработка земли производится по-старому и на старыхъ же, насиженныхъ мѣстахъ. Здѣсь, на родинѣ винограда, рѣдко гдѣ производятъ хорошее вино. Виноградныя лозы оставленныя на произволъ, тянутся гирляндами по стеблямъ молодого вяза, дуба или ольхи, покрывая до самой верхушки своею листвой, словно сѣткой, деревья въ 80 футовъ вышины. Туземцы не любятъ затруднять себя собираніемъ винограда на такой высотѣ: они обираютъ только нижнія гроздья, предоставляя остальное птицамъ небеснымъ. Сколько покинутыхъ нивъ сплошь поросли папоротникомъ! Масса построекъ исчезла въ зелени и самъ владѣлецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, не можетъ распознать своихъ мѣстъ!

Бассейны Ингура и Ріона, эти страны прекрасныхъ деревьевъ и яркихъ цвѣтовъ, славятся, между прочимъ, и домашними животными. Въ вольной Сванетіи, говоритъ Радде, разводятъ „лучшій домашній скотъ въ свѣтѣ“ [1]). Обѣ породы мѣстныхъ быковъ одинаково превосходны: одна—малорослая, веселая, рѣзвая, другая же отличающаяся силою, солидностью и статностью—это украинская порода, введенная въ долину Ингура закавказскими купцами-татарами. Очутившись въ новомъ климатѣ, на богатыхъ пастбищахъ, съ ихъ высокой и сочной травою, украинскій скотъ измѣнилъ цвѣтъ шерсти: его масть по оттѣнку и по рисунку часто походитъ на тигровую. Въ горныхъ долинахъ лошадей очень мало, но они также замѣчательны по своей силѣ и граціи. Ослы и мулы изъ Сванетіи продаются татарами въ-трое и въ-четверо дороже, нежели тѣ, что вывозятся изъ равнинъ. Овцы и другія мелкія домашнія животныя тоже отличаются красотой и отличнымъ качествомъ получаемыхъ отъ нимъ продуктовъ. Копченая свинина изъ Ратши, въ верхней долинѣ Ріона, цѣнится гастрономами, а мѣстные каплуны не менѣе жирны и сочны, нежели изъ Бресса или Манса.

Въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ болота своими міазмами порождаютъ лихорадки, вліяніе маляріи также гибельно для животныхъ, какъ и для людей: это фактъ очень извѣстный на всемъ Кавказѣ. Крестьяне, живущіе въ болотистыхъ мѣстностяхъ Мингреліи, не могутъ охранить отъ нея даже своихъ куръ, разводимыхъ въ дворахъ. Тороповъ не сомнѣвается, что лихорадки могутъ быть причиной падежей [2]).

Извѣстно, какъ благодѣтельно климатъ и почва той части западнаго

[1]) Reisen im Mingrelischen Hochgebirge.

[2]) *Тороповъ*. Опытъ медицинской географіи Кавказа.

Закавказья, которая лежитъ выше уровня болотистой мѣстности, дѣйствовали на благосостояніе человѣка, на развитіе его силъ и красоты. Но не нужно, однако, думать, что всѣ жители этой страны принадлежатъ къ одной чистой расѣ. Между ними замѣтно громадное разнообразіе въ типахъ и особенно сильно бросается въ глаза разница у мингрельцевъ между блондинами и брюнетами: у первыхъ — высокій лобъ и овальное лицо, у вторыхъ же лобъ ниже и фигура шире, но тѣ и другіе красивы и статны. Еще во времена давно минувшія, восточные берега Чернаго моря посѣщались странствующимъ людомъ и непріятелемъ различныхъ расъ и очень многіе изъ чужеземцевъ остававшихся въ здѣшней дали странѣ начало отраслямъ новыхъ родовъ. Арабы, убѣгавшіе отъ господства турокъ, и даже негры, содѣйствовали образованію помѣсей. Но какъ бы не были многочисленны эти помѣси, ихъ разнообразные элементы послужили основаніемъ къ произведенію прекраснаго и оригинальнаго типа. Въ низменныхъ частяхъ Мингреліи и въ особенности на ближайшихъ предгоріяхъ, вплоть до высотъ въ 3,330—4,000 футовъ, почти всѣ обитатели ихъ очень красивы: достаточно однодневной прогулки въ Зугдиди или въ другой подобный же маленькій городокъ у нижняго Ріона или нижняго Ингура, чтобы убѣдиться въ томъ, что никакая другая человѣческая раса не имѣетъ болѣе красивыхъ представителей [1]). Но за то въ самомъ, такъ сказать, ядрѣ горъ, гдѣ борьба за существованіе была очень трудной и часто гибельной, жители ужъ не такъ красивы, тамъ и сямъ попадаются фигуры положительно безобразныя, въ особенности между женщинами; зобъ и кретинизмъ встрѣчаются довольно часто у сванетовъ и всего болѣе въ верхней долинѣ Цхенисъ-цхали — тутъ есть цѣлыя семейства, состоящія изъ кретиновъ [2]). Когда поднимаются по берегу Ингура отъ кукурузныхъ полей къ горнымъ пастбищамъ, покрытымъ пеленою снѣга, то наблюдаютъ измѣненія во внѣшности обитателей, аналогичныя съ тѣми, какія можно замѣтить, направляясь отъ прекрасныхъ итальянскихъ озеръ къ ущельямъ кантона Вале.

Сванеты, живущіе въ долинѣ верхняго Ингура и по верхнему Цхенису, очевидно, народность смѣшанная, хотя ихъ этнографическая основа—грузинская, равно какъ и языкъ. Они составляли когда то могущественную національность, прославленную Страбономъ [3]), и еще въ XV столѣтіи занимали долину верхняго Ріона. Остатки этого народа происходятъ, главнымъ образомъ, отъ бѣглыхъ, которые вслѣдствіе дурнаго обращенія, притѣсненій владѣльцевъ или бѣдствій войны, уходили изъ равнинъ Мингреліи и конечно не могли нигдѣ находить для себя

[1]) *Radde.* Vier Vorträge über den Kaukasus.
[2]) *Radde.* Reise im Mingrelischen Hochgebirge.
[3]) Geographie, livre XI, chap. 2.

лучшаго убѣжища, какъ въ горахъ, этихъ естественныхъ крѣпостяхъ. Сванеты, поселившіеся въ горахъ, въ сосѣдствѣ съ ледниками, были тамъ почти недоступны: Ингуръ, во время половодья, запиралъ ихъ долины, а перевалы горъ впродолженіи восьми мѣсяцевъ въ году были загромождены снѣгомъ, такъ что къ нимъ могли пробираться только самые отважные смѣльчаки; кромѣ того, верхнюю Сванетію окружали горныя поляны, превращенныя частыми войнами въ совершенныя пустыни. Сванеты же бассейна Цхенисца менѣе отдѣлены отъ остальнаго міра: высота мѣстности, занимаемой ими, не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ, а окружающія ихъ горы не представляютъ обрывистыхъ утесовъ и доступъ въ ихъ ущелья менѣе затруднителенъ. Сванеты этихъ долинъ, будучи прикрѣплены къ землѣ своими князьями, вынесли на себѣ самое тяжелое феодальное иго; они назывались сванетами-дадьянъ, по имени одной княжеской древне-грузинской фамиліи, владѣвшей ими. Ихъ трудно по виду отличить отъ сосѣднихъ съ ними имеретинъ, тѣмъ болѣе, что, какъ и эти послѣдніе, они говорятъ настоящимъ грузинскимъ языкомъ. Сванеты-дадишкальяны, живущіе въ западной части бассейна верхняго Ингура, бывшіе тоже закрѣпощенными, происхожденія татаро-кумыкскаго; по уничтоженіи крѣпостнаго права, русское правительство откупало ихъ у владѣльца какъ рабовъ. Нѣсколько солдатъ, занимающихъ постои, являются здѣсь единственными представителями русской власти; но сванеты-дадишкальяны не имѣютъ съ ними никакихъ другихъ отношеній, кромѣ продажи спиртныхъ напитковъ. Восточныя общины верховьевъ Ингура, съ населеніемъ въ 4,120 жителей, долгое время сохраняли полную независимость и хотя они присягнули Россіи въ 1853 году, но часто и теперь еще продолжаютъ называться „вольными“ [1]).

Во многихъ отношеніяхъ они дѣйствительно свободны, хотя и подчинены русскому государю и одна „мятежная“ деревня по распоряженію властей уничтожена не далѣе какъ въ 1876 году. У вольныхъ сванетовъ или „бывшихъ вольныхъ сванетовъ“, какъ называютъ ихъ оффиціальные документы [2]), нѣтъ ни господъ, ни начальства; ихъ священники, не пользуются никакой властью. На общинныхъ собраніяхъ всѣ горцы имѣютъ равный голосъ и важные вопросы рѣшаются единогласно; въ случаяхъ, когда имѣется хотя бы одинъ голосъ противъ постановленія, или если кто либо изъ вотирующихъ приходитъ въ собраніе послѣ рѣшенія дѣла, то вопросъ поднимается снова и вотируется до тѣхъ поръ, пока не состоится полнаго согласія, чего достигаютъ, впрочемъ, всегда. Но община не касается частныхъ распрей, которыя обыкновенно рѣшаются законами возмездія, равно какъ и споры между двумя враждую-

[1]) *Стояновъ.* Записки Кавк. Отд., т. X. 1876 г.
[2]) Списки населенныхъ мѣстъ Кавказа, 1879 г.

щими деревнями. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Кавказа не господствуетъ такъ кровавая месть, какъ въ Сванетіи; рѣдко можно встрѣтить лицо, не бывшее убійцей[1]): отецъ бросаетъ ружейную пулю въ люльку новорожденнаго[2]). Всѣ дома, расположенные по берегу верхняго Ингура суть настоящія крѣпости, способныя выдержать осаду: всѣ они гнѣздятся на скалистыхъ выступахъ и охраняются четыреугольной башней, вышиной въ 65—80 футовъ, съ которой приближающійся врагъ еще издали можетъ служить хорошимъ прицѣломъ. Входныя двери въ эту бойницу помѣщаются во второмъ или въ третьемъ этажѣ, куда можно войти только по бревну, съ высѣченными на немъ ступеньками и замѣняющему собою наклонную лѣстницу.

Наслѣдственная вражда и убійства были причиной значительной убыли населенія въ долинѣ Джабе-Шеви; но оно все же оставалось довольно многочисленнымъ и сванеты принуждены были уходить къ своимъ сосѣдямъ. Еще во время своего военнаго могущества, ихъ молодежь отправлялась на завоеванія, и не разъ они грабили равнину; такъ, напримѣръ, въ концѣ XIV вѣка, они дошли до самаго Кутаиса и сожгли этотъ городъ[3]). Еще немного лѣтъ тому назадъ сванеты практиковали у себя дѣтоубійство, съ цѣлью уменьшать въ семействѣ число дѣтей: мальчики пользовались предпочтеніемъ, тогда какъ большая часть дѣвочекъ должны были гибнуть. Во время голодовокъ, горцы продавали своихъ уже взрослыхъ дѣтей и подростковъ, цѣны на коихъ колебались между 700 и 1,200 франками[4]). Теперь эти горцы бродятъ у постоялыхъ дворовъ, въ поискахъ за поденной работой Что касается до небольшой мелочной торговли съ населеніемъ, живущимъ въ нижней долинѣ, то она предоставлена евреямъ изъ деревни Лахамули. Эти евреи отличаются отъ своихъ братьевъ по происхожденію воинственными привычками: они исповѣдываютъ христіанскую вѣру и считаютъ себя сванетами, несмотря на то, что горцы верхняго Ингура не только не женятся на ихъ дочеряхъ, но даже брезгаютъ ѣсть съ ними за однимъ столомъ.

„Вольныхъ сванетовъ“ и „сванетовъ княжескихъ“ по послѣдней переписи было болѣе 12,000. Составляя одинъ изъ христіанскихъ народовъ Кавказа, они выдѣляютъ себя изъ среды своихъ единовѣрцевъ, ставя себя выше другихъ; они считаютъ, что ихъ предки были крещены

[1]) *Radde.* Ouvrage cité.

[2]) *Bernoville.* Bulletin de la Société de Géographie de Paris, juillet 1872.

[3]) Изъ грузинскихъ лѣтописей извѣстно, что Сванетія первоначально входила въ составъ Грузинскаго царства и управлялась эристами; затѣмъ она подчинялась Имеретіи, а позже, когда Мингрелія стала независимою, Сванетія подпала власти Дадіановъ. Что касается до верхнихъ сванетовъ или „вольныхъ“, то они еще раньше мингрельцевъ освободились изъ подъ власти имеретинскаго царя и, уничтоживъ у себя князей и дворянъ, оставались съ того времени независимыми. *Прим. перев.*

[4]) *Bodenstedt.* Die Völker des Kaukasus.

ТИПЫ СВАНЕТОВЪ.

самимъ Іисусомъ Христомъ; ихъ религія развивалась довольно своеобразно, смѣшиваясь съ остатками болѣе древнихъ культовъ. Склепы ихъ церквей, обыкновенно небольшихъ строеній, едва вмѣщающихъ въ себѣ десятокъ прихожанъ, и вокругъ которыхъ собираются толпы народа; наполнены рогами тура и каменнаго барана—предметами очень чтимыми. Священники или „пàпи“ образуютъ особенную касту, въ которой санъ передается отъ отца къ сыну; но они не пользуются никакими иными правами, кромѣ того, что не подлежатъ кровомщенію. Настоящая религія сванетовъ — ихъ обычаи. У мѣстныхъ женщинъ не принято, какъ у грузинокъ верхней долины Ріона, заботливо скрывать свой ротъ и подбородокъ, но во время пѣнія гимновъ или народныхъ пѣсенъ, они закрываютъ ротъ платкомъ, для того-де, чтобы помѣшать діаволу войти въ него. Точно также и сванетъ, отправляющійся въ путь по важному дѣлу, хранитъ молчаніе, или, если онъ твердитъ молитву, то никто не долженъ слышать его голосъ: малѣйшее вырвавшееся слово можетъ навлечь бурю [1]). Суевѣрія ихъ аналогичны съ тѣми, которыя встрѣчаются у норвежскихъ рыбаковъ, у бурятъ и американскихъ охотниковъ.

Долина верхняго Ріона, извѣстная подъ именемъ Ратши, болѣе обширна и многолюдна, нежели обѣ западныя долины Цхениса и Ингура, а потому она всегда служила главной дорогой для пастуховъ, купцовъ, равно какъ и для войскъ, желавшихъ пробраться изъ равнинъ Грузіи въ долину Терека. Населеніе Ратши, какъ почти всѣ жители Кутаисской губерніи, по своему происхожденію и языку—грузины; они цивилизованнѣе, чѣмъ ихъ сосѣди сванеты и имѣютъ болѣе сношеній съ иноземцами. Однако, они слишкомъ многочисленны для занимаемой ими территоріи, ихъ выси негодны для полевой культуры, вслѣдствіе чего обитатели принуждены тысячами переселяться въ болѣе низменныя мѣста. Они очень трудолюбивы, не расточительны, и по большей части возвращаются въ свои мѣста съ заработкомъ. Плотники и пильщики, встрѣчающіеся въ Имеретіи и Мингреліи, почти всѣ изъ Ратши.

Грузины верхняго Ріона извѣстны болѣе подъ именемъ имеретинъ, т. е. „людей съ другой стороны“, такъ какъ горная цѣпь Сурамъ раздѣляетъ собою ядро этой расы. Имеретіей же называлось, при перемѣщеніи политическихъ границъ, то все западное Закавказье, то лишь горная половина этой страны; подъ Мингреліей обыкновенно подразумѣваютъ низменность, заключающую въ себѣ аллювіальную равнину и береговую полосу. Вліяніе климата, съ его влажностью и обиліемъ міазмовъ, не могло не отразиться на обитателяхъ; сложилось мнѣніе; что мингрельцы большею

[1]) *Бокрадзе*. Зап. Кавк. Отд. 1864, т. VI; *Radde*. Reisen im Mingrelischen Hochgebirge; *Bodenstedt*. Ouvrage cité.

частью народъ нерадивый и въ особенности въ болотистыхъ мѣстностяхъ, но переселенцы изъ нихъ же племени, живущіе въ сухомъ климатѣ Тифлиса, напротивъ, отличаются дѣятельностью[1]). Конечно, безжалостныя опустошенія, производившіяся набѣгами, постоянныя междуусобицы и, сверхъ того, полное порабощеніе крестьянъ своими господами,—все это могло вселить только отвращеніе къ труду: къ чему, задавать себѣ трудъ обработывать почву, если продукты труда пойдутъ въ чужіе амбары и скотные дворы? Эта несчастная страна испытала на себѣ всѣ формы рабства. Рабы могли владѣть, въ свою очередь, рабами и, такимъ образомъ, эти послѣдніе, именно рабы-каторжники, были одновременно собственностью двухъ господъ. До 1841 года, въ числѣ рабовъ были

Мингрелка.

даже священники. Въ сравнительно недавнее время, князья Мингреліи отбирали свою дань у подчиненныхъ самолично: въ сопровожденіи своихъ придворныхъ, гостей, слугъ, сокольничихъ, съ лошадьми и собаками, они отправлялись къ своимъ вассаламъ и жили у нихъ до тѣхъ поръ, пока не истощались для гостей всѣ запасы провизіи; затѣмъ князья отправлялись почтить своимъ присутствіемъ другого несчастнаго, и, переѣзжая такимъ образомъ съ одного пира на другой, приводили въ разореніе хозяевъ. Никакая женщина не могла быть увѣрена, что она останется въ своей семьѣ, въ особенности если она была красива; господа завладѣвали женщинами, продавали дѣтей. Слишкомъ слабые, чтобы со-

[1]) *Statkovsky.* Problemes de la climatologie du Caucase.

противляться, мингрельцы скрывали дома свои въ густой зелени, избѣгая встрѣчи съ господиномъ, чѣмъ отличались отъ гордыхъ обитателей горъ, группировавшихъ свои башни-бойницы въ одну сплошную цитадель [1]). Было нѣсколько мятежей, особенно сильныхъ въ 1857 и 1858 годахъ, съ цѣлью освобожденія забранныхъ въ плѣнъ женщинъ и отмѣны колодъ, надѣвавшихся владѣльцами на шеи своихъ рабовъ, но и эти возстанія были подавлены и погашены кровью [2]). Рабство въ Мингреліи уничтожили три года спустя послѣ того, какъ оно было отмѣнено въ Имеріи, но поборы съ крестьянъ не вполнѣ прекратились, и дѣти рабовъ еще не усвоили себѣ нравовъ свободныхъ людей. На плодороднѣйшихъ поляхъ Имеретіи и Мингреліи жители остаются нищими, подобно бѣднымъ ломбардцамъ, живущимъ также на чрезвычайно богатой землѣ, питаются почти исключительно отварной кукурузой или пшеномъ, кушаньемъ, напоминающимъ итальянскую *polenta*; ихъ обыкновенный костюмъ—рубашка въ лохмотьяхъ, подвязанная веревкой или ремнемъ, и вмѣсто шляпы на головѣ—кусокъ сукна, укрѣпленный подъ подбородкомъ тесемкой. Не зная ремеслъ, жители могутъ уходить въ городъ только въ качествѣ носильщиковъ или чернорабочихъ. Жилище мингрельца—грязная деревянная лачуга или шалашъ; нѣсколько тощихъ животныхъ, козъ и свиней бродятъ вокругъ полей кукурузы, плохо воздѣланныхъ, плохо огороженныхъ; и тутъ же въ грязныхъ лужахъ отдыхаютъ буйволы. Хотя и видны успѣхи въ этой странѣ, благодаря изобильному производству кукурузы, но этотъ рай Закавказья, есть одна изъ тѣхъ странъ, которыя отлично доказываютъ, какъ слабо мѣстная производительность зависитъ непосредственно отъ естественныхъ богатствъ страны. Иные люди обработывая гранитныя скалы, пользуются бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели мингрельцы, еле перебивающіеся на своихъ тучныхъ, аллювіальныхъ земляхъ!

Лазы Аджара и Чоруха, жившіе еще недавно неподалеку отъ русской политической границы Закавказья, приходятся братьями по языку и по крови мингреламъ и грузинамъ; тѣ же изъ ихъ сородичей, что живутъ еще въ Турціи, вплоть до Требизонда и далѣе, являются болѣе или менѣе смѣшанными; но множество названій доказываютъ, что грузины въ прежніе времена жили даже и во внутренней части Малой Азіи [3]). Еще Розенъ, посѣтившій Лазію въ 1844 г., доказалъ, что парѣчіе мѣстныхъ жителей очень близко подходитъ къ грузинскому языку [4]); между говоромъ, который слышенъ у бывшей русской границы, а также на берегахъ Чоруха и настоящимъ мингрельскимъ языкомъ изъ окрестностей Зугдиди, гдѣ до сихъ поръ еще сохранилась древняя народная поэзія, разницы

[1]) *G. Radde.* Reisen im Mingrelischen Hochgebirge.
[2]) *Бороздинъ.* Записки Кавк. Отд. VII. 1866.
[3]) *Hyde Clarke*, Ausland, 1870, № 51.
[4]) Ueber die Sprache der Lasen.

почти нѣтъ [1]): но въ языкѣ жителей западнаго берега есть значительная примѣсь турецкихъ и греческихъ словъ. Что касается до нравовъ аджаръ и другихъ горцевъ Лазистана, то они походятъ и въ этомъ отношеніи на имеретинъ. Какъ тѣ такъ и другіе, чтутъ сѣдины и любятъ гостепріимство въ широкихъ размѣрахъ; они очень сдержанны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытны; какъ и большая часть кавказцевъ они любятъ роскошь и живописный костюмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нельзя упрекнуть въ лѣности, какъ это часто дѣлали лица недостаточно знакомые съ ними [2]): ихъ поля хорошо воздѣланы, дома содержатся чисто. Женщины въ Лазіи красивы, хорошо сложены и замѣчательны своей храбростью. Очень многіе изъ прибрежныхъ лазовъ покидаютъ свои мѣста: одни поступаютъ въ матросы и ихъ фелуки, съ тѣхъ поръ какъ прекращены морскіе грабежи, плаваютъ по портамъ Чернаго моря, другіе— направляются въ большіе многолюдные города, гдѣ занимаются различными ремеслами: имъ издавна принадлежитъ монополія въ торговлѣ кухонными принадлежностями изъ латуни [3]). И прежде Константинополь былъ городомъ, къ которому они направлялись преимущественно, а съ тѣхъ поръ какъ ихъ земля присоединена къ Россіи, лазы-мусульмане тысячами выселяются на турецкую территорію. Константинопольское правительство съумѣло привлечь къ себѣ это населеніе, уръзавши власть беговъ, бывшихъ прежде полу-независимыми, и капризы которыхъ были единственнымъ закономъ для ихъ подданныхъ. Очень вѣроятно, что теперь лазы-христіане станутъ знакомиться больше съ Тифлисомъ и русскими портами Чернаго моря.

Турецкій режимъ не могъ не отразиться на лазахъ, и они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнятся съ мингрелами, жившими въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Три вѣка тому назадъ всѣ грузины верхней долины Аджара были христіанами; во многихъ деревняхъ видны еще церкви, построенные въ византійскомъ стилѣ и доселѣ хорошо сохранившіеся. Нѣкоторыя общества обратились къ мусульманству не далѣе какъ въ концѣ XVIII вѣка, хотя до сихъ поръ еще между ними извѣстны много такихъ семей, которые остаются христіанами по сущности, а мусульманами только по виду, и такихъ которые соединили обѣ религіи, не вѣдая сами, гдѣ кончаются догматы ихъ прежней вѣры и гдѣ начинается новое ученіе. Вмѣстѣ съ религіей введенъ былъ въ эту страну и турецкій языкъ: грузинская рѣчь недавно совсѣмъ исчезла въ городахъ и большихъ деревняхъ, — ее можно слышать только въ глухихъ деревушкахъ. Колоніи армянъ, разсѣянные по всей странѣ лазовъ, также совершенно забыли

[1]) *Цагарели.* Изв. Русск. Геогр. Общества, 1878, № 1.

[2]) *Османъ-Бей.* Изв. Русск. Геогр. Общества, декабрь, 1874.

[3]) *Казбекъ.* Три мѣсяца въ турецкой Грузіи,—*Radde und Siewers*, Mittheilungen von Petermann. 1875, № 2.

свой родной языкъ и говорятъ исключительно по-турецки [1]). Въ настоящее время русскому въ Батумѣ и въ другихъ городахъ, языку мало по малу предстоитъ изгнать изъ употребленія турецкій, а христіанство снова должно вытѣснить собою исламъ. Въ этой странѣ уже попадаются славяне: путешественникъ Казбекъ встрѣтилъ здѣсь нѣсколько русскихъ семействъ, происходящихъ отъ бѣглыхъ, покинувшихъ свое отечество изъ нежеланія отбывать воинскую повинность.

Долинѣ Ріона, торговое значеніе которой поняли еще Аргонавты, и въ которую тридцать вѣковъ спустя, отправились генуэзцы въ поиски за тѣмъ же „Золотымъ руномъ“, снова суждено принять на себя значительную коммерческую роль; прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ вдоль этой долины пролегла желѣзная дорога, соединивъ Черное море съ Тифлисомъ, этотъ первый участокъ того желѣзнаго пути, который современемъ будетъ вести въ Индію. Но гдѣ былъ путь, по которому ходили прежде греческіе купцы? Гдѣ былъ тотъ городъ Колхиды, который считался ихъ главнымъ рынкомъ? Смутныя преданія, между которыми многіе, вѣроятно, заимствованы изъ классической литературы, относятся къ экспедиціи греческихъ героевъ, и на развалины въ этой странѣ, указываютъ какъ на „дворцы Язона“. Шарапанъ, нынѣ простая деревня, лежащая у сліянія рѣкъ Квирилы и Дзирулы, у Поти-Тифлисской желѣзной дороги, кичится тѣмъ, что она построена на мѣстѣ того страшнаго лѣса, черезъ который долженъ былъ проникнуть миѳическій персонажъ, чтобы завладѣть Золотымъ руномъ. На юго-востокъ отъ Кутаиса, у входа въ ущелье Хани, существуютъ другія развалины, расположенныя амфитеатромъ на склонахъ одного холма: это остатки Багдада, города бывшаго у турокъ важнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Въ прошломъ столѣтіи его жители, почти исключительно мусульмане, были изгнаны; но Богдадъ и до сихъ поръ еще остался довольно большой деревней.

Кутаисъ, главный городъ губерніи, заключающей въ себѣ самую значительную часть западнаго Закавказья, занимаетъ очень удобное положеніе, у перекрестка трехъ долинъ, по которымъ текутъ Ріонъ, Квирила и Хани соединающаяся съ Квирилой: здѣсь же находится начало аллювіальной равнины, которая простирается до самаго моря. Прикрытый передовыми выступами предгорій, онъ хорошо защищенъ отъ сѣвернаго вѣтра, хотя эта же защита въ лѣтнее время часто бываетъ причиной удушливой жары; впрочемъ прохладныя воды Ріона, протекающаго черезъ городъ, питаютъ роскошную растительность его садовъ и парковъ. Существовалъ ли Кутаисъ три-четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ гласитъ объ этомъ преданіе и былъ ли онъ родиной Медеи, несомнѣнно

[1]) *Казбекъ*, тамъ-же.

лишь, что онъ основанъ во времена глубокой древности,—такъ какъ еще Прокопъ упоминалъ о немъ подъ именемъ Кататисіон'а,—и не переставалъ появляться въ исторіи, то какъ столица Грузіи, то какъ одинъ изъ важныхъ городовъ Кавказіи, и всегда какъ укрѣпленное мѣсто, изъ за котораго спорили цари. Но самый городъ перемѣщенъ: главный кварталъ его находится пониже акрополя, на террасахъ занимающихъ правый берегъ рѣки, а улицы теперешняго Кутаиса тянутся вдоль по равнинѣ окаймляющей лѣвый берегъ. Зданіе наиболѣе замѣчательное въ городѣ—остатки собора построеннаго Багратидами, въ началѣ XI столѣтія, на скалахъ занятыхъ акрополемъ: начатый архитекторами армянскими, законченный греческими, и приноровленный къ мѣстному вкусу, этотъ храмъ послужилъ моделью для всѣхъ другихъ церквей въ этой странѣ; развалины его до сихъ поръ еще служатъ очень цѣннымъ памятникомъ грузинскаго искусства [1]). Въ послѣднее время Кутаисъ быстро разросся: съ 4000 т. жителей населеніе поднялось до 12,000, благодаря торговлѣ и успѣхамъ мѣстной промышленности; выдѣлка шляпъ пользуется особенной извѣстностью [2]). Залежи каменнаго угля Тквибулы, извѣстныя и слегка разрабатываемыя еще съ половины текущаго столѣтія, не играютъ до сихъ поръ важной промышленной роли, хотя находятся менѣе чѣмъ въ 30 верстахъ, на сѣверо-востокъ, отъ Кутаиса, въ горахъ Накерала, и залегаютъ толщью въ 40—65 футовъ [3]); въ этой мѣстности находятъ также родъ чернаго янтаря, изъ котораго выдѣлываютъ браслеты и другія вещицы служащія для украшенія. Съ 1879 года, въ верхней долинѣ Квирилы начата разработка марганцевой руды, количество которой опредѣляютъ въ нѣсколько милліоновъ тоннъ [4]). Нѣсколько выше городка Они, главнаго торговаго пункта верхней долины Ріона, находится станція углекисло-желѣзныхъ источниковъ, Уцера, привлекающая къ себѣ ежегодно тысячи купающихся.

Хони, на сѣверо-западъ отъ Кутаиса, у входа въ долину Цхенисса, служитъ рынкомъ, гдѣ княжескіе сванеты сбываютъ свои продукты; еще ниже, неподалеку отъ сліянія Цхениса съ Ріономъ, находится другое населенное мѣстечко, Кулахи. Эта часть Кавказа наиболѣе населенная [5]).

Орпири, пристань на Ріонѣ, у сліянія его съ Цхенисомъ, есть село, въ которомъ живутъ скопцы, по большей части очень зажиточные, и когда-то организованные на военную ногу для доставки съѣстныхъ припасовъ. Торговля въ селѣ уменьшилась со времени проведенія желѣзной дороги. Что касается до двухъ портовъ Чернаго моря, Редутъ-Кале и Поти, то купцы

---

[1]) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase.
[2]) *Freshfield.* Central Caucasus.
[3]) *Gustav Radde.* Vier Vorträge über den Kaukasus.
[4]) *Méounarguia.* Notes manuscrites.
[5]) *Стебницкій.* Извѣстія Кавказскаго Отд. V. 1877.

тщательно избѣгаютъ посѣщать ихъ, боясь лихорадки, а моряки также обходятъ ихъ, по причинѣ плохой якорной стоянки. Редутъ-Кале, имя котораго такъ странно составлено изъ двухъ однозначущихъ словъ,—одно французское, другое турецкое,—есть жалкая деревушка, основанная русскими въ текущемъ столѣтіи; она имѣла еще нѣкоторое значеніе, какъ мѣсто высадки войскъ, не смотря на свои невыгодныя стороны, такъ какъ въ ея сосѣдствѣ по нижнему теченію Ингура, находятся богатыя селенія, между которыми особенно многолюдны Зугдиди, Джвари и Цаленджиха, разбогатѣвшія черезъ шелкъ-сырецъ; климатъ Редутъ-Кале, впрочемъ, менѣе вреденъ для здоровья нежели другихъ приморскихъ городковъ; тѣмъ не менѣе онъ почти совсѣмъ оставленъ ради города, лежащаго южнѣе—Поти, расположеннаго у устья р. Ріона или Фазиса, отъ которой и произошло турецкое названіе Поти-кале-фашь или „Замки Фазиса“. Дома его, окруженные полисадами, построены на сваяхъ, вдоль рѣки, въ нездоровой, болотистой мѣстности, и раскинуты на пространствѣ достаточномъ для большого города: два раза въ годъ разливъ Ріона превращаетъ Поти въ полуостровъ. Рейдъ находится далеко отъ города, и портъ, построенный у самаго устья рѣки, недоступенъ для судовъ средняго углубленія. Были предприняты дорого-стоющія работы по углубленію порта: въ подражаніе тому что сдѣлалъ инженеръ Гартлей для песчаной отмели Сулина, у устья Дуная, продолжены были въ море оба берега рѣки посредствомъ моловъ, проложенныхъ по морскому дну: вмѣстѣ съ тѣмъ желали защитить входъ для судовъ, отъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, сдѣлавъ молъ съ сѣверной стороны гораздо длиннѣе. Но до сихъ поръ успѣли только снести песчаную отмель, а въ послѣднее время эта борьба съ моремъ, какъ кажется, и совершенно оставлена. Портъ Ріона остается годнымъ лишь для вывоза зерна и шелка-сырца; моряки принуждены выжидать благопріятнаго момента для выхода въ море; ввозъ также незначительный. Въ 1876 г. вывозъ равнялся 4.721,000 рублей, а ввозъ—1.209,000: среднимъ числомъ въ годъ ввозится на 600,000—1.000,000 рублей. Навигація закрыта въ Поти, въ среднемъ, 205 дней въ году[1]).

Портъ Батумъ, значительно предпочитаемый предыдущему, и находящійся отъ него менѣе чѣмъ въ 50 верстахъ, на юго-западъ, присоединенъ къ Россійской имперіи со времени послѣдней войны. Стремленіе завладѣть имъ, какъ якорной стоянкой, составляло одну изъ побудительныхъ причинъ похода русскихъ въ Малую Азію; хотя они и были отбиты передъ Батумомъ, но турки, проигравшіе сраженіе на другомъ полѣ, должны были уступить этотъ портъ, котораго русское правительство такъ давно добивалось. Впрочемъ, съ торговой точки зрѣнія, Батумъ при-

[1]) *Петровскій.* „Древняя и Новая Россія“, 1879 г. № 3.

надлежалъ гораздо болѣе русскимъ нежели туркамъ. Въ батумскій портъ, располагающій 65 футами глубины, заходили большіе одесскіе пароходы, чтобы выгружать здѣсь на небольшія суда товары, предназначавшіеся для Поти. Батумъ, подъ вліяніемъ Англіи, объявленъ, по Берлинскому договору, порто-франко, что не помѣшало ему однако сдѣлаться хорошо укрѣпленнымъ городомъ: какъ гавань онъ не имѣетъ неудобствъ рѣчныхъ пристаней, отдѣленныхъ отъ моря песчаными отмелями; но полуостровъ, образованный наносами Чоруха въ Черное море, съ западной стороны, къ несчастью, безпрестанно увеличивается, загораживая песчаными мелями доступъ на якорную стоянку, которая уже настолько уменьшилась въ размѣрахъ, что не можетъ вмѣщать въ себѣ болѣе двѣнадцати большихъ судовъ. Ничего нѣтъ легче какъ соединить, въ будущемъ, портъ съ рѣкою судоходнымъ каналомъ, прорывши его въ низменной равнинѣ; такой каналъ, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, надъ которой уже начаты работы, и которая, пройдя черезъ Узургеты, соединится съ Поти-Тифлисской, откроютъ, такъ сказать, двойной входъ въ Батумъ: одинъ со стороны Чоруха, другой со стороны Ріона. Необыкновенное плодородіе мингрельскихъ равнинъ и долинъ Ливана, въ бассейнѣ Чуруха, придадутъ Батуму важное коммерческое значеніе въ будущемъ. Главные продукты вывоза—зерновой хлѣбъ, хлопокъ и превосходныя яблоки, извѣстныя въ Россіи подъ названіемъ „крымскихъ“, и, наконецъ, дельфиній жиръ, добываемый изъ животныхъ пойманныхъ въ бухтѣ.

Во внутренней части русскаго Лазистана главный городъ, Артвинъ, построенъ на склонѣ горы амфитеатромъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ Чурухъ, выйдя изъ клюзы, становится судоходнымъ; онъ занимаетъ въ окружности вмѣстѣ съ своими садами не меньше 8 верстъ. Главный предметъ промышленности—окраска матерій; кромѣ того въ немъ фабрикуются шелковыя издѣлія и другія ткани. Почти всѣ его купцы, большей частію армяне, находятся, черезъ посредство Батумскаго порта, въ сношеніяхъ съ Константинополемъ и Марселемъ. Говорятъ что въ Артвинѣ лазы наиболѣе красивы: всѣ дѣти ихъ могли-бы служить образцами для скульпторовъ и живописцевъ. Быть можетъ нѣтъ такихъ странъ, гдѣ бы меньше встрѣчалось больныхъ или хилыхъ, какъ въ Лазіи [1]).

На югъ отъ Артвина, мѣстечко Арданучъ, бывшее нѣкогда столицею царства, расположено на плоскогоріи у выхода изъ Адскаго Ущелья; гораздо выше Артвина, въ самомъ ядрѣ горъ, стоитъ другой городъ, принадлежавшій туркамъ, Олти, служащій главнымъ торговымъ этапомъ между Ардаганомъ и Эрзерумомъ: подобно Артвину, это городъ фруктъ и цвѣтовъ.

Изъ городовъ и мѣстечекъ западнаго Закавказья, слѣдующія, въ 1874 году, имѣли болѣе 4,000 жителей:

---

[1]) *K. Koch*. Wanderungen im Oriente.

ГОРОДЪ ПОТИ И УСТЬЕ РІОНА.

Кутаисская губ.		Цаленджиха	4,450
Кутаисъ	12,750	Хони	4,000
Зугдиди	5,450	*Батумская* область.	
Кулаши	5,350	Батумъ	6,000(?)
Джвари	4,850	Артвинъ	6,000(?)

VI.

БАССЕЙНЪ КУРЫ.

Грузія и Закавказская татарія.

На Куру и Араксъ можно смотрѣть какъ на рѣки-близнецы, независимыя другъ отъ друга. Онѣ почти равны по длинѣ, берутъ начало въ одной и той-же мѣстности, но остаются раздѣленными между собой, какъ въ верхнемъ такъ и въ среднемъ теченіи, плоскими возвышенностями и высокими горными цѣпями. Во времена Страбона [1]). Эти рѣки имѣли отдѣльныя устья, а въ настоящее время они соединяютъ свои теченія невдалекѣ отъ Каспійскаго моря, всего на 20 футахъ высоты, среди низменной равнины, которая по своей пустынности, однообразію и глади напоминаетъ морскую поверхность. Какъ области этнографическія, оба бассейна, Куры и Аракса, сильно различаются между собою. Положимъ, какъ тотъ, такъ и другой бассейнъ населенъ татарами, но за то по верхнему и среднему теченію сѣверной рѣки живутъ Грузины,—давшіе этой рѣкѣ названіе Мтквари,— а берега южной рѣки заняты главнымъ образомъ армянами. Съ точки зрѣнія политической, Кура принадлежитъ всецѣло Россійской Имперіи, тогда какъ истоки Аракса берутъ начало на турецкой землѣ, а своимъ правымъ берегомъ средняго теченія, съ впадающими въ него притоками съ юга, онъ принадлежитъ персамъ.

Названіе грузинской рѣки: Кура или Куръ, мало различается отъ греческаго названія „Kuros“ или „Koros“, передѣланнаго французами въ Cyrus; одинъ изъ ея истоковъ бьетъ ключемъ, и извѣстенъ у турокъ подъ именемъ „коралловой воды“ или „Жемчужнаго источника“. Эта рѣка течетъ по воронковидной котловинѣ, бывшей въ древности озеромъ, и окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами; во время талой воды эта котловина преобразовывается въ озеро, или по, меньшей мѣрѣ, въ болото. Выйдя изъ впадины черезъ клюзу, Кура пробирается у восточной подошвы Арзіанской горной цѣпи, затѣмъ круто поворачиваетъ, течетъ черезъ цѣлый рядъ ущелій, по выходѣ изъ которыхъ мало по малу спускается съ плоскогорій и пробиваетъ себѣ брешь въ горахъ,

[1]) Livre XI, chap. IV; — *Von Baer*. Kaspische Studien.

окаймляющихъ эту плоскость. Эти горы суть: съ запада—Аджаръ, а съ востока—Тріалеты, служащія продолженіемъ Аджара и спускающіяся постепенно въ равнину, къ Тифлису. Въ нижней части этого ущелья, идущаго въ видѣ просѣки между Ацхуромъ и Боржомомъ, на протяженіи 23 верстъ, Кура низвергается быстрымъ потокомъ съ высоты имѣющей въ общемъ 535 футовъ. Выйдя на равнину Карталиніи, она поворачиваетъ на востокъ и, слѣдуя подошвѣ Тріалетскихъ горъ, принимаетъ въ себя всѣ небольшіе притоки, текущіе въ долинахъ этихъ горъ. Въ той мѣстности, гдѣ Кура беретъ свое начало, только двѣ или три вершины превосходятъ высоту 9,850 футовъ, большая часть высотъ не достигаетъ этой высоты и не сохраняетъ снѣга впродолженіи лѣта.

Почти всѣ плоскогорія, съ которыхъ берутъ свои начала верхніе притоки Куры, очень неровны и походятъ на горный лабиринтъ; но между Ардаганомъ и Ахалцыхомъ. тѣ плоскогорія, которыя тянутся, по восточной сторонѣ долины Куры, принимаютъ уже характеръ настоящихъ плато. Если принимать въ разсчетъ только выдающіеся пункты хребта, можно сказать, что это плоскогоріе есть настоящая горная цѣпь, которая проходитъ черезъ всю страну, отдѣляя Араксъ отъ Куры. Средняя высота этой цѣпи надъ уровнемъ Чернаго моря опредѣляется въ 6,600 футовъ; но собственно въ правильной части плоскогорія возвышаются лишь пригорки и удлиненные холмы съ едва замѣтной покатостью и вовсе не имѣющіе вида горъ. Впадины этихъ однообразныхъ плоскогорій наполнены озерами, изъ которыхъ вода, выливаясь черезъ край, течетъ частью въ Араксъ, частью въ Куру; но между этими озерами есть и такія, которыя не имѣютъ стоковъ и вода въ нихъ мало по малу становится солоноватой; множество глубокихъ впадинъ давно на половину повысохли и только небольшія болота указываютъ на существовавшіе въ древности на ихъ мѣстѣ озера. Одинъ видъ страны ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь былъ когда-то огромный озерной бассейнъ, заливы котораго развѣтвлялись по ущельямъ окрестныхъ горъ. На востокъ отъ этого моря дѣйствовали нѣкогда вулканы. Двойной рядъ вершинъ съ кратерами тянется на востокъ отъ Ахалкалаки и въ общемъ имѣетъ видъ цѣпи, направляющейся съ сѣвера на югъ, перпендикулярно къ хребту Тріалерныхъ горъ. Одинъ изъ вулкановъ, Самсаръ, заканчивается овальнымъ кратеромъ почти въ три версты длиною; потокъ его лавы, простирается на сѣверозападъ. на большую часть плато. Большой Абулъ и Малый Абулъ, имѣющіе общее основаніе, напоминаютъ формой оба конуса Арарата; съ ихъ трахитово-порфирныхъ вершинъ можно видѣть, обернувшись къ западу, весь Кавказскій хребетъ, Эльбрусъ и Тебулосъ-мта.

Другія вершины вулкановъ, извергавшія когда-то расплавленныя каменья, расположены въ видѣ полукруга, у котораго, точно въ воронкѣ

расположилось прекрасное озеро Тороованъ, заключающее въ себѣ остатки озерной фауны [1]) и напоминающее собою обширный кратеръ, наполненный водою [2]). Съ высоты этихъ черныхъ горъ, съ зіяющими внизу разсѣлинами, выщербленными гребнями хребтовъ, глубокими пропастями и потоками словно и по сю пору клокочущей лавы, представляется величественное зрѣлище, съ нѣсколько, однако, зловѣщимъ оттѣнкомъ: пастухи бродящіе вблизи, стараются избѣгать этой мѣстности,—въ ней „царятъ злые духи". Извилистыя долины Куры, съ ихъ тѣнистыми рощами и журчащими ручейками, рѣзко отличаются отъ безжизненныхъ плоскогорій и ихъ широкихъ ложбинъ размытыхъ рѣкою; кромѣ того, тамъ и сямъ рѣка должна была пробиваться черезъ узкія ущелья между потоками лавы, изъ которыхъ одни выстроились колонами, другіе поднимаются въ видѣ обрывистыхъ утесовъ и столбовъ, а на нѣкоторыхъ вершинахъ виднѣются развалины замковъ [3]). Взятые вмѣстѣ, эти вулканическія массивы, равно какъ и Тріалетскія горы, соприкасающіеся съ ними и съ гористыми террасами, поднимающимися на западъ отъ Тифлиса, составляютъ какъ бы начало Малой Азіи, вдающейся сюда мысомъ, и служатъ для всей страны, какъ бы огромной лабораторіей урагановъ: почти всѣ бури съ градомъ, въ Карталиніи, разрѣшаются на склонахъ Тріалетскихъ горъ [4]), на узкой полосѣ, занимающей около 95 верстъ въ длину. Частыя градобитія заставили нѣкоторые уѣзды въ этой мѣстности совершенно покинуть земледѣліе и заняться извозомъ. Другая полоса бурь и градобитія простирается у подошвы горъ, у Елизаветполя. Еще Вахушть, въ своей *Географіи Грузіи*, говоритъ о частыхъ буряхъ въ странѣ и указываетъ на то, что онѣ мѣшаютъ развитію шелководства, ибо громъ служитъ главной причиной смертности шелковичныхъ червей.

Вотъ, между прочимъ, главныя высоты въ верхнемъ бассейнѣ Куры:

Казилъ-гійдукъ (истоки Куры)	(10,200ф.)	3,109	метровъ.
Большой Абулъ (вулканъ)	(10,960 „)	3,341	„
Самсаръ	(10,830 „)	3,302	„
Годореби	(10,470 „)	3,192	„
Эмлекли	(10,015 „)	3,053	„
Койретынъ-дагъ (на зап. отъ Куры) . . .	(9,965 „)	3,038	„
Арджеванъ (Тріалетскія горы)	(9,060 „)	2,762	„
Перевалъ Канлы (между Курой и Чурухомъ).	(9,000 „)	2,468	„
Перевалъ Коджоръ (между равн. Ахалц. и Тифлиса).	(4,335 „)	1,321	„

[1]) *Байернъ.* Сборникъ свѣденій о Кавказѣ. I, 1871.
[2]) *Абихъ*, Записки Кавказ. Отдѣла, VIII, 1872.
[3]) *Dubois de Montpèreux.* Voyage autour du Caucase.
[4]) *Абихъ.* Записки Кавк. Отд. 1879, т. X, кн. 3.

Соединившись съ Арагвой, которая несетъ почти столько же воды, сколько и сама Кура, эта послѣдняя поворачиваетъ на югъ, потомъ на юго-востокъ, но вообще придерживаясь направленія Главнаго Хребта, точно также какъ и ея оба притока, Іора и Алазанъ, по выходѣ ихъ изъ горныхъ ущелій. Соединившись съ Курою эти два притока дѣлаютъ ее уже настоящей рѣкой, а недалеко отъ ея низовьевъ, тамъ гдѣ Куру пересѣкаетъ путь, идущій изъ Елизаветполя въ Баку, она несетъ на себѣ пароходы, сидящіе въ водѣ около 4 футовъ [1]); только недостатокъ населенія мѣшаетъ пользоваться этимъ судоходнымъ путемъ, болѣе чѣмъ въ 700 верстъ длиною, считая разстояніе до самаго устья Куры. Въ настоящее время рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи не приноситъ иной пользы, кромѣ рыбнаго промысла, такъ какъ рыба въ ея водахъ размножается чрезвычайно сильно. Въ промысловыхъ мѣстахъ Сальяны, гдѣ рѣка развѣтвляется, у дельты, на нѣсколько рукавовъ, ловится столько рыбы за-разъ, сколько нигдѣ вѣроятно на Земномъ шарѣ [2]): десятки тысячъ красной рыбы и сотни тысячъ разной другой рыбы, меньшей цѣнности, вылавливается ежегодно рыбаками концесіонерной компаніи. Не взирая на административные безпорядки, государство получаетъ дохода съ этихъ промысловъ не менѣе 120,000 рублей. Судя по описанію Палласа, кажется что въ водахъ Куры лѣтъ сто тому назадъ рыбы было еще больше: тогда вылавливали до 15,000 осетровъ въ одинъ день. Случалось, что впродолженіи сутокъ осетры запруживали рѣку почти сплошной двигающейся массой, не смотря на то, что Кура имѣетъ не менѣе 70 сажень ширины и 72 фута глубины. Г. Данилевскій замѣчаетъ, что пароходство содѣйствовало уменьшенію рыбы въ Курѣ. Бываетъ, что пароходъ встрѣчаетъ у входа въ рѣку цѣлыя стаи осетровъ, тысячами и мильярдами входящими въ Куру, для метки икры, и испуганныя рыбы убѣгая изъ рѣки, удаляются въ море [3]).

Кура, соединившись съ Араксомъ, несетъ 676 куб. метровъ воды въ секунду; эта восточная рѣка Закавказья содержитъ сравнительно съ своимъ бассейномъ гораздо меньше воды, нежели Ріонъ, текущій въ западной сторонѣ Закавказья. Меньшее изобиліе дождей и большая испаряемость на склонѣ, спускающемся къ Каспійскому морю, объясняютъ эту разницу. Большая часть бассейна Куры состоитъ изъ настоящихъ пустынь, совершенно лишенныхъ ирригаціи, но все же, послѣ дождей, настолько богатыхъ травою, что пастухи-татары въ весеннее время выгоняютъ сюда свои стада, пасущіяся лѣтнее время на горныхъ пастбищахъ. Вообще въ Грузіи, между рѣками Курой и Іорой, и между Іорой и Алазаномъ, простираются каменистыя степи не имѣющія постояннаго насе-

[1]) Сборникъ свѣденій о Кавказѣ, 1872, т. II.

[2]) *Von Baer.* Kaspische Studien.

[3]) Сборникъ свѣденій о Кавказѣ, 1872, т. II.

ленія. Кромѣ верховьевъ трехъ притоковъ Куры, съ ихъ низменными тѣнистыми берегами, вся остальная мѣстность,—камни и глина,—представляетъ повсюду печальное зрѣлище полнѣйшей засухи. Въ прошломъ столѣтіи татары воздѣлывали рисъ на лѣвомъ берегу Куры, на сѣверъ отъ Елизаветполя, но набѣги лезгинъ принудили ихъ покинуть свои поля, отъ которыхъ нынѣ уцѣлѣли лишь остатки ирригаціонныхъ каналовъ проведенныхъ отъ Іоры; стада дикихъ козъ бродятъ по опустѣвшимъ пажитямъ; на правомъ берегу Куры громадныя пространства покрыты полынью и другими растеніями пустырей. Татарскіе пастухи, живущіе

Типъ татарина.

здѣсь, устраиваютъ себѣ въ землѣ настоящія логовища, чтобы укрываться въ нихъ зимою отъ холоднаго вѣтра, гуляющаго по голымъ плоскогоріямъ Карайяза: нѣсколько подпоръ, укрѣпляющихъ землянки и выходящихъ концами наружу служатъ единственнымъ указаніемъ на существованіе подземной деревни. Съ первыхъ же дней весны, татары съ радостью покидаютъ свои грязныя жилища, наполненныя всякими гадами, и уходятъ буковыми лѣсами, на югъ, въ долы Гок-чайя [1]).

[1]) *N. Von Seidlitz*,—Mittheilungen von Petermann. 1880;—Notes manuscrites.

Въ этихъ мѣстахъ цивилизація отодвинулась назадъ: пастушеской жизни здѣсь предшествовало земледѣліе. Впрочемъ, нужно сказать, что даже зимою, т. е. въ то время, когда уровень рѣки очень низокъ, Кура вмѣстѣ съ Араксомъ даютъ лишь 194 куб. метра въ секунду, но лѣтомъ слѣд. въ то время года когда влага наиболѣе необходима, массу воды которую можно было бы утилизировать, опредѣляютъ, болѣе чѣмъ 1,000 куб. метровъ въ секунду [1]). Единственныя значительныя работы по ирригаціи которыя были предприняты тифлисскими инженерами для изученія гидрологіи р. Куры, состоятъ въ сущности изъ нѣсколькихъ соединенныхъ канавъ, названныхъ „Маріинскимъ каналомъ"; этотъ каналъ проходитъ черезъ степь Карайяза (Черный глазъ), между Курой и Іорой; къ несчастью мѣстность выбранная для опытовъ оказалось очень нездоровой, и земледѣльцевъ, рискующихъ своей жизнью, является сюда очень немного. Кромѣ того, инженеры изъ страсти къ линейкѣ и компасу, проводили желоба съ геометрической точностью, не обращая вниманія ни на склоны, ни на выпуклости, тогда какъ мѣстные земледѣльцы, сооружая свои каналы, относились къ неровностямъ почвы гораздо серьознѣе.

Въ южной сторонѣ восточнаго Кавказа, между Нухой и Шемахой, татарское населеніе, сохранившее въ своемъ владѣніи земли, поучаетъ русскихъ новичковъ, какимъ образомъ вода, которой пользуются умѣючи, можетъ превращать пустыни въ сады; каждый потокъ спускающійся съ Главнаго хребта на равнину, останавливаютъ у выхода изъ ущелья запрудами, раздѣляющими его на множество мелкихъ рукавовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь наполняетъ оросительныя канавки или желоба, и дробится до тѣхъ поръ пока не используется послѣдняя капля воды. Въ общемъ всѣ эти каналы и канавки выходя изъ горнаго прохода, чтобы оросить эту громадную площадь, имѣющую видъ полукруга, походятъ на артеріальную систему, которая развѣтвляясь по всему организму, несетъ съ собой кровь и жизнь. Вода предназначенная для орошенія недостигаетъ русла Куры. Но воды этой же рѣки, проведенныя въ боковыя каналы, могли бы идти на встрѣчу небольшимъ потокамъ и превращать такимъ образомъ степь въ плодородныя нивы. Нѣкоторые изъ неорошенныхъ степныхъ пространствъ опасны для проходящихъ по нимъ караванамъ, по недостатку фуража и ядовитымъ травамъ, растущимъ въ этихъ степяхъ; отъ здѣшняго полыня гибнутъ лошади. Въ 1722 году, когда армія Петра Великаго проходила черезъ эти степи въ Шемаху, артиллерія лишилась всѣхъ своихъ лошадей. Сто лѣтъ спустя тоже самое несчастіе постигло армію генерала Циціанова.

Часть степей Карабага и Ширикума, занимая пространство имѣющее форму треугольника, заключеннаго между Курою, Араксомъ а

[1]) *Bêliy et Habb.* Observation faitès de 1860 á 1866.

также степь Муганъ, начиная съ правого берега Аракса и низовьевъ Куры вплоть до самаго подножья горъ Талыша, были прежде воздѣланной и населенной равниной. Каналъ вырытый 15 столѣтій тому назадъ, проходилъ черезъ степь Карабача и черезъ многолюдный городъ Билганъ, разрушенный впослѣдствіи Ченхисъ-ханомъ. Когда, двумя столѣтіями позже, Тимуръ велѣлъ вырыть снова каналъ, городъ выстроился опять и существовалъ еще до прошлаго столѣтія. На востокъ отъ Аракса, находятъ слѣды многочисленныхъ каналовъ, проведенныхъ отъ рѣки и направляющихся на востокъ черезъ равнину; но замѣтно что возобновленіе этихъ каналовъ не могло бы возстановить прежнюю возможность пользованія водой: понизился ли средній уровень рѣки, или же берега ея покрылись наноснымъ слоемъ, но оросительныя каналы очутились на уровнѣ высшемъ нежели сама рѣка [1]). Одинъ изъ такихъ каналовъ, прослѣдованный Тороповымъ, имѣетъ не менѣе 140 верстъ длины, а по сторонамъ его находятся громадныя груды развалинъ существовавшаго тамъ довольно большого города [2]). Остатки постоялыхъ дворовъ (каравансараевъ) и загоренныхъ водоемовъ доказываютъ также, что дорогой, теперь уже оставленной, когда-то пользовались множество путниковъ. Могильныя курганы разбросаны тамъ и сямъ по равнинѣ; на всемъ полуостровѣ, образованномъ сліяніемъ Аракса съ Курою, тянутся многочисленныя ряды ретраншементовъ, прерываемые кое-гдѣ сторожевыми холмами и прикрытіями. Нѣкоторые изъ этихъ ретраншементовъ, нарушающихъ однообразіе степи, идутъ на протяженіе 10 и 15 верстъ: народъ построившій подобныя укрѣпленія для защиты своей территоріи, располагалъ, конечно, иными естественными источниками богатства, нежели камышъ, солончаки и песокъ. Населеніе страны стало уменьшаться со времени нашествія монголовъ, въ началѣ тринадцатаго столѣтія; въ ту пору жители не желавшіе вступать въ полчища Батыя, покидали свои города и поля, и искали убѣжища въ горахъ. Ирригаціонныя каналы запустѣли и покрылись тиной; воды Аракса и Куры стали заливать во время половодья всѣ впадины, мимо которыхъ они протекали въ прежнее время, и образовали нездоровыя и болотистыя скопленія воды; получились настоящія озера, какъ напримѣръ, Махмудъ-чаласи, въ мѣстахъ наиболѣе низкихъ, и заполняемыхъ тѣми рѣчепками, которыя очень слабы, чтобы добраться до моря. Вслѣдствіе испаренія исчезли многія озера, и отъ нихъ остались лишь солонцы, окруженныя какъ бы краснымъ поясомъ желтокорня и другихъ растеній солончаковыхъ почвъ; въ этой мѣстности, гдѣ прежде повсюду протекали оросительныя воды, пастухамъ теперь приходится довольствоваться вырытыми колод-

[1]) *Statkovskiy.* Climatologie du Caucase.
[2]) *Торопов.* Кавказскій календарь, 1869.

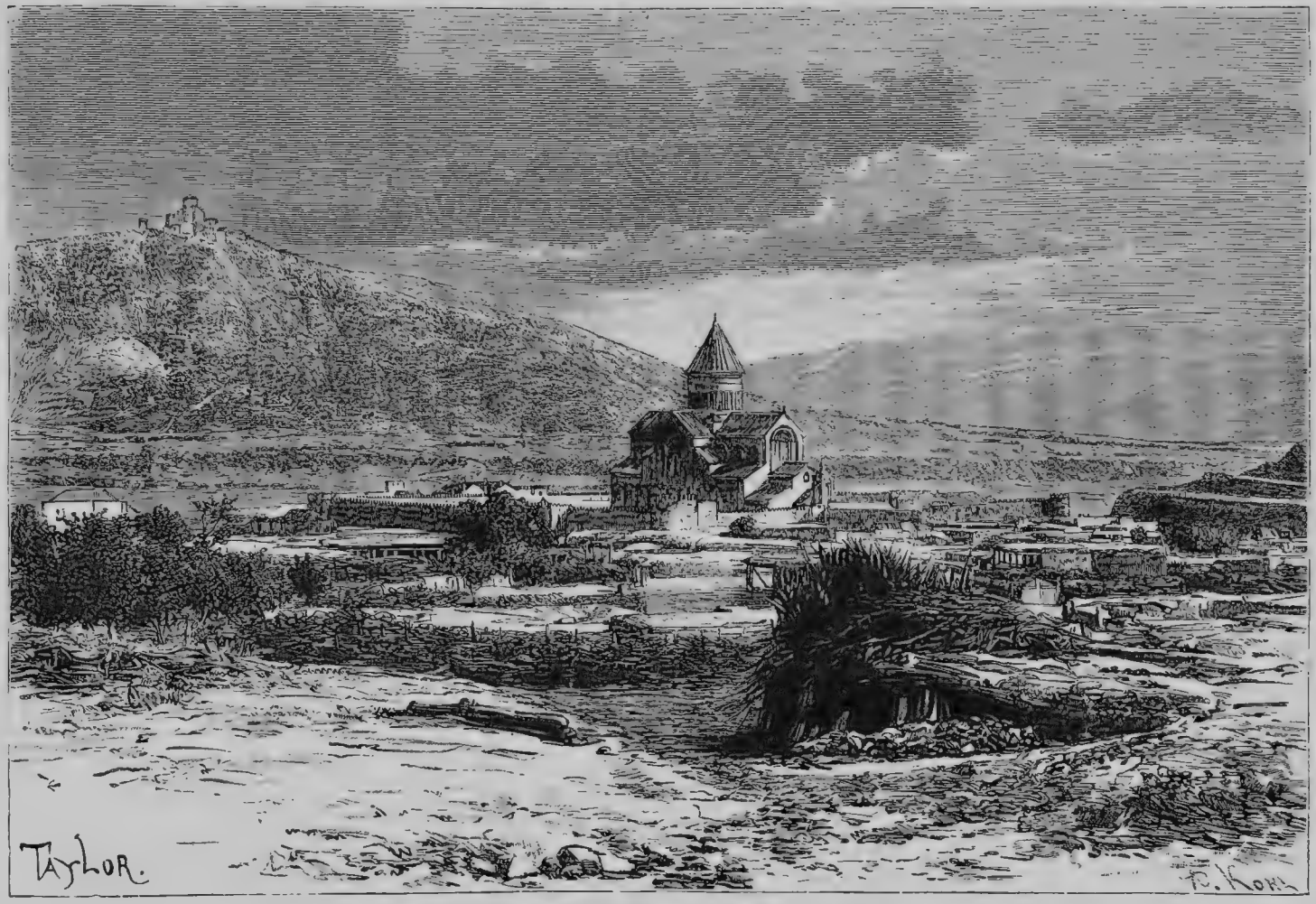
цами, въ которыхъ еле сочится солоноватая вода. Мѣстами пространства покрыты безконечнымъ сѣренькимъ чернобыльникомъ, а кой-гдѣ попадается еще *delphinium* съ его голубыми цвѣтками [1]). И все же было бы сравнительно легко сдѣлать почву плодородной; при земледѣльческихъ сооруженіяхъ, практикуемыхъ въ Ломбардіи и въ Фландріи, она могла бы прокормить не меньше двухъ милліоновъ людей. Изслѣдованія произведенныя въ 1860 году, съ цѣлью ввести ирригацію, показали, что здѣсь въ низменной равнинѣ, давно покинутой находится около двухъ милліоновъ десятинъ орошенной земли. Довольно большое пространство въ степи покрыто черноземомъ и недостаетъ только воды, чтобы сдѣлать этотъ край одной изъ житницъ Передней Азіи. Даже и безъ орошенія, почва у подошвы горъ Талыша настолько еще влажная, что позволитъ воздѣлывать громадныя поля зерновыми растеніями, могущими служить предметомъ значительнаго вывоза въ Закавказьѣ; раскольники, живущіе здѣсь богатыми деревнями, стали вести большую торговлю съ тѣхъ поръ какъ имъ была дана свобода передвиженія въ предѣлахъ страны. Ни въ какой другой части Кавказа не привилась такъ хорошо колонизація, какъ здѣсь.

Прежде опасались, что вторичной разработкѣ почвы можетъ сильно препятствовать нездоровость климата, зависящая какъ и въ французскомъ Комарг'ѣ, отъ разложенія органической матеріи дѣйствіемъ лучей палящаго солнца; но эта нездоровость кажется была преувеличенной. Страшный лѣтній зной, которому приходится иногда подвергаться въ этихъ равнинахъ, выразился въ легендѣ, повѣствующей о ядовитыхъ змѣяхъ, покрывающихъ собой эту равнину и преграждающихъ въ нее доступъ. Плутархъ говоритъ, что армія Помпея, опасаясь быть съѣденной, отступила при видѣ множества этихъ гадовъ; наконецъ, еще не такъ давно въ 1800 г., русскіе, съ генераломъ Зубовымъ во главѣ, проходившіе зимою черезъ эту степь, видѣли землю сплошь покрытую окоченѣвшими гадюками [2]). Даже дикія животныя, какъ говорятъ, не осмѣливались переходить черезъ эту степь. Однако Тороповъ и другіе путешественники указываютъ на то, что напротивъ, пресмыкающіеся, змѣи и скорпіоны очень рѣдки въ степи Муганъ, а пастухи, бродящіе здѣсь, ничуть ихъ не боятся и даже роются въ землѣ, отыскивая трюфли, которыхъ здѣсь очень много. Если повѣріе относительно змѣй есть не болѣе какъ выдумка, то черепахъ водныхъ и сухопутныхъ во всѣхъ влажныхъ мѣстахъ здѣсь особенно много. Иногда въ степи попадаются стада дикихъ козъ, скачущихъ вдали по равнинѣ. Птицы вьются цѣлыми тучами вокругъ болотъ и текущихъ водъ, у дельты.

---

[1]) *N. Von Seidlitz.* Russische Revue, 1879.

[2]) *Gamba.* Voyage dans la Russie méridionale, II.



МЦХЕТЪ БЫВШАЯ СТОЛИЦА ГРУЗІИ.

Кура можетъ, современемъ, содѣйствовать возобновленію земледѣлія въ своемъ бассейнѣ не только своими водами, но также и илистыми осадками, которыя теперь уносятся въ Каспійское море. Эта рѣка подобно Ріону, безпрестанно завладѣваетъ морскимъ берегомъ и ея изжелто-красноватыя волны, болѣе легкія, чѣмъ соленая вода, врѣзываются далеко въ море. Съ 1829 по 1862 г., т. е. въ періодъ тридцати трехъ лѣтъ, приращеніе континента, какъ показываютъ сравнительныя карты, равнялось 120 кв. верстъ, слѣд. около 4 кв. верстъ ежегодно [1]). Главное теченіе рѣки точно также пробивается черезъ кордонъ дюнъ, служащихъ нормальной линіей берега; выйдя за эту черту, рѣка раздѣляется на два рукава, образуя присемъ полуостровъ, примыкающій къ матерой землѣ островками и наносными отмелями. Акуша, западный рукавъ дельты, раздѣляется въ свою очередь на нѣсколько вторичныхъ рукавовъ, изъ которыхъ каждый вдается далеко въ заливъ Кизылъ-Агачъ. Кромѣ того, замѣтно, что къ сторонамъ дельты примыкаетъ множество континентальныхъ язычковъ, очевидно наноснаго происхожденія и образованныхъ блуждавшими рукавами Куры; волны гонимыя съ сѣверо-востока полярнымъ вѣтромъ, направляясь къ сушѣ, сглаживали неправильныя очертанія морского берега, заполняя ихъ аллювіемъ и придали берегу закругленіе въ формѣ серпа, обращеннаго вогнутой стороной къ сушѣ. Островъ Сари, расположенный на юго-западъ отъ крайней оконечности этого полуострова, увеличивается подобнымъ же путемъ: тѣже самыя волны приносятъ къ нему землистыя частички и отлагаютъ ихъ на песчаномъ берегу островка. Весь берегъ Ленкорана получилъ также приростъ, благодаря частичкамъ земли, приносимымъ къ нему волнами, съ размываемой дельты Куры. Такимъ же образомъ образовался и тотъ рядъ болотъ, что раскинуты у подножья предгорій иранской возвышенности. Въ этихъ нездоровыхъ мѣстностяхъ, комары кружатся надъ землей такими густыми роями, что татары принуждены пристраивать у своихъ жилищъ павильоны, или вышки въ родѣ сторожевыхъ будокъ, довольно впрочемъ живописныхъ, гдѣ они обыкновенно, проводятъ ночь, чтобы избѣгнуть нижнихъ слоевъ атмосферы, наполненныхъ насѣкомыми.

Горный округъ Ленкоранъ, которымъ Россія завладѣла у своей сосѣдки, какъ бы въ видѣ залога, или ипотеки, принадлежитъ географически Персіи, и есть ничто иное какъ кайма изъ горныхъ террасъ, поднимающихся на югъ отъ Каспійскаго моря, съ господствующимъ среди нихъ вулканомъ Саваланъ. Пробираясь по склонамъ горъ, лежащихъ въ ихъ территоріи русскія войска достигли горныхъ проходовъ, расположенныхъ на высотѣ 6,309—6,600 футовъ, откуда имъ уже не представлялось никакихъ затрудненій выбраться и на Иранскую плоскую возвышенность. Въ этой странѣ,

---

[1]) *Von Baer.* Kaspische Studien;—*Тороповъ*, Кавказскій календарь 1869.

орошаемой обильно дождями, приносимыми съ Каспійскаго моря муссономъ, дующимъ правильно съ сѣвера, флора и фауна разнятся съ кавказскими; въ этой пограничной области, гдѣ водятся тигры, пышные лѣса, могутъ быть отнесены отчасти къ тропическимъ; но лѣсныя породы ростущія на высотѣ большей, чѣмъ 660 футовъ, и покрывающіе склоны Талыша вплоть до 6,000 футовъ высоты, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ скорѣй къ флорѣ средней Европы [1]). Очень мало такихъ странъ, гдѣ бы разница въ флорѣ была такъ ощутительна какъ здѣсь, между склонами горъ Талыша и степью Муганъ, на которой, въ ея безводной части, встрѣчается не болѣе пяти растительныхъ видовъ [2]). Конечно, дожди на цоколяхъ Иранскаго плоскогорія вчетверо обильнѣе, чѣмъ въ степяхъ, и среднее количество дождей выпадающихъ въ Баку равно всего 0,34 метра, тогда какъ въ Ленкоранѣ эта величина опредѣляется въ 1,33 метра [3]). Если смотрѣть на эту область со стороны этнографической, то она лежитъ внѣ Кавказа, и всецѣло принадлежитъ къ персидской территоріи.

На сѣверъ отъ Куры, въ странѣ сохранившей, еще со временъ персидской эпохи, свое прежнее названіе — Ширвана, — нѣсколько холмовъ, отдѣленныхъ равниною, повидимому, составляли прежде часть горной системы Кавказа; размываемые постоянно водою во время продолжительнаго геологическаго періода, они отдѣлились отъ контрефортовъ Кавказа и остались среди степи, на расчищенной вокругъ ихъ мѣстности, какъ свидѣтели минувшаго. Эта область была подвержена не только измѣненіямъ медленными дѣйствіями воды, но не рѣдко была потрясаема и дѣйствіемъ подземной силы. Землетрясенія здѣсь часты: городъ Шемаха въ особенности сильно страдаетъ отъ нихъ, не смотря на то, что дома въ немъ строятся очень низкими и приспособленными къ сопротивленію колебаніямъ почвы; въ 1669 году, когда этотъ городъ былъ самымъ многолюднымъ во всемъ Закавказьѣ, одно сотрясеніе, длившееся всего лишь нѣсколько секундъ, превратило его въ груду обломковъ, и 8,000 душъ погибло подъ его развалинами. Мѣстная хроника гласитъ, что деревня Лача, лежавшая на югъ отъ Шемахи, была совершенно поглощена низверзнувшей почвой, со всѣми своими жителями и стадами. Въ маѣ 1859 г. новое землетрясеніе, которому, къ счастью, предшествовали, за часъ времени, легкія колебанія и подземный гулъ, разрушилъ Шемаху и промышленную деревню Боскалъ; большая часть жителей, вмѣстѣ съ властями, покинули городъ, а Губернское Правленіе было перенесено въ Баку. Въ 1872 году, земля еще разъ поколебалась подъ

[1]) *Schneider.* Dresden Geographische Gesellschaft, nov. 1879.
[2]) *Тороповъ*, тамъ же.
[3]) *N. Von Seidlitz.* Historische-ethnographische Skizze des Gouv. Baku.

Шемахой. Изслѣдованіями Абиха доказано, что дѣйствіе подземныхъ силъ распространяется въ этой мѣстности сѣверо-запада на юго-западъ, по продолженію оси Кавказскихъ горъ, и что самый городъ мало удаленъ отъ центра сотрясеній [1]). Бывали случай, что изъ глинистой или каменистой массы, со взрывомъ вдругъ начинала извергаться нефть, сопровождая изверженіе дымомъ и пламенемъ; остатки одного изъ подобныхъ взрывовъ, видѣнныхъ ботаникомъ Кохомъ въ равнинѣ лежащей южнѣе Шемахи, покрывали собою поверхность, имѣвшую около версты въ окружности, причемъ соленая вода, отзывавшаяся на вкусъ нефтью, заполняла собою трещины, образовавшіяся въ почвѣ [2]).

Апшеронскій полуостровъ [3]), составляющій восточное продолженіе Кавказской цѣпи, а съ нимъ и весь берегъ до самаго устья Куры, служатъ ареной непрерывной вулканической дѣятельности: изверженія газа и горячей воды, источники нефти, вулканы выбрасывающіе грязь и даже лаву, свидѣтельствуютъ о постоянномъ подземномъ броженіи въ этой мѣстности, расположенной полу-кратеромъ вокругъ Бакинскаго залива. Казалось бы, что силы приподнявшія Кавказскій хребетъ, стремятся въ этомъ мѣстѣ продолжить его черезъ Каспійское море [4]), между тѣмъ извѣстно, что уже въ новѣйшій періодъ здѣсь происходили мѣстныя пониженія, какъ доказываютъ это постройки въ портѣ Баку, погрузившіяся въ воду и островъ Наргинъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ прежде частью материка [5]). Ханыковъ показалъ, что съ X столѣтія и по-днесь, берегъ Каспійскаго моря у восточной оконечности Кавказа былъ подверженъ попеременнымъ колебаніямъ [6]): приподнявшись на 60 футовъ выше теперешняго уровня берега, онъ опустился потомъ на $16^1/_2$ футовъ, послѣ того поднялся снова и затѣмъ опустился опять. Какъ Апшеронскій полуостровъ, такъ и различныя острова, служащіе его продолженіемъ съ восточной стороны, очевидно приподняты съ морского дна однимъ подземнымъ толчкомъ, неравно, однако, распредѣлившимся, ибо самый рельефъ почвы представляетъ рядъ многочисленныхъ складокъ, въ видѣ куска скомканной матеріи, происшедшихъ несомнѣнно отъ бокового нажатія. На полуостровѣ находятся вулканы выбрасывающіе грязь, и конусы ихъ достигаютъ слѣдующей высоты: Босъ-дагъ 1.180 футовъ, Османъ-дагъ 1305 и Кирики 512. Всѣ впадины въ почвѣ заполнены во-

---

[1]) Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. т. V, 1862.

[2]) Wanderungen im Oriente.

[3]) Названіе этого полуострова происходитъ отъ персидскихъ словъ: abi-cherin (прѣсная вода), и дано, вѣроятно, по той причинѣ, что изобильный источникъ таковой воды находится у самого мыса, лежащаго противъ Св. Острова. (Березинъ, фопъ-Зейдлицъ).

[4]) *Абихъ.* Записки Кавк. отд. т. VI, 1864

[5]) *Eichwald.* Reise auf den Kaspischen Meere und in den Kaukasus.

[6]) Записки Кавк. отдѣла, т. II.

лотами. Что касается конечной части полуострова, то она, какъ и песчаная дельта Куры, была такъ сказать, срѣзана волнами въ формѣ серпа, Св. островъ, „Святой острогъ“, называемый также Палагайемъ, на сѣверъ отъ оконечности Апшерона, принялъ подобную же форму. Этотъ островъ, какъ и другіе прилегающія къ нему, происхожденія вулканическаго: одинъ изъ нихъ, Кумани, поднялся со дна въ 1864, а другой, Лозы, имѣлъ въ 1876 году три извержения и выбрасывалъ каменья, долетавшія до мыса Алата, на континентѣ [1]). Вокругъ полуострова, рѣзвятся многочисленными стаями тюлени, но за то рыбы здѣсь очень мало, что объясняютъ присутствіемъ въ водѣ газовъ и нефти.

Во многихъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова достаточно слегка пробить верхній слой почвы, чтобы изъ нея сталъ выходить горючій газъ: маленькая искра причиняетъ цѣлый пожаръ, который можетъ прекратить только сильная буря или проливной дождь. Бываетъ иногда, что пламя появляется произвольно, и не рѣдко въ бурную ночь виднѣется зарево отражающееся на бокахъ холмовъ. Даже среди моря нефть бьетъ ключомъ и разносится далеко волнами въ видѣ пленки, поддернутой радужными цвѣтами. Около мыса Шихова, на югъ отъ Баку, изверженіе газа производитъ такой сильный водоворотъ, что моряки принуждены бросать якорь, во избѣжаніе опасности [2]). Стоитъ только кинуть въ подобный потокъ зажженую паклю, какъ газъ мгновенно воспламеняется и на поверхность воды начинаютъ распространяться сверкающія волны. Въ другихъ мѣстахъ подземныя силы не ограничиваются изверженіемъ газа, петроля и асфальта, но приподнимаютъ морское дно; еще недавно замѣтили одинъ островокъ, появившійся около Баку. Легенда о Прометеѣ, похитившемъ огонь, быть можетъ, имѣла въ народномъ воображеніи нѣкоторую связь съ появленіями пламени на холмахъ и водахъ Баку.

Главный источникъ горючаго газа находится въ четырнадцати верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Баку, близь деревень Балаханъ и Сураханъ, на берегу одного довольно большого соленаго пруда. Эта мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Атешъ-га, стала знаменитымъ какъ священное мѣсто у огнепоклонниковъ. Кажется однако, что это святилище поклонниковъ огня, въ его теперешнемъ видѣ, существуетъ не такъ давно, какъ это обыкновенно полагаютъ: начало основанія его относится къ XVII столѣтію, къ той эпохѣ, когда множество купцовъ изъ Индіи посѣщали дворы татарскихъ хановъ въ Дербентѣ, Шемахѣ и Баку. „Храмъ огня“—очень скромное помѣщеніе, занимающее, какъ бы изъ милости, уголъ на одномъ громадномъ заводѣ, служащемъ для обработки петроля и асфальта; заводъ снабжается непосредственно газомъ, выходя-

[1]) Извѣстія Кавк. отдѣла, IV, 1876,—*Lissenko.* Russische Revue, 1879, № 10.
[2]) *Абихъ.* Записки Кавк. отдѣла Русск. Геогр. Общества, т. VI, 1864.

щимъ изъ земли и имѣющимъ значеніе не болѣе, какъ горючаго матеріала. Исполняющіе роль священнослужителей не имѣютъ никакого понятія объ ихъ настоящей религіи: на алтарѣ, рядомъ съ изображеніями Сивы, стоятъ сосуды, относящіеся къ парсійскому культу, русскія иконы Николая Чудотворца, образъ Богородицы, католическое распятіе, и всѣмъ этимъ реликвіямъ воздается равное почитаніе [1]).

Промышленное значеніе этого колосальнаго „завода“, устроеннаго самой природой на Апшеронскомъ полуостровѣ и Св. островѣ, значительно возросло за послѣдніе годы. Продажа нефтяныхъ участковъ земли принесла государству болѣе 3-хъ милліоновъ рублей. Нѣтъ ничего проще устройства обжигательныхъ печей въ этой странѣ: достаточно зажечь газъ выходящій изъ трещинъ въ слояхъ известняка, чтобы камни стали мало по малу обжигаться до желаемой степени. Въ частныхъ домахъ и на сосѣднихъ заводахъ пользуются этимъ газомъ для топлива, освѣщенія и кухни; свѣтъ получаемый отъ Балаханскаго газа, далеко не такъ силенъ, какъ свѣтъ отъ обыкновеннаго уличнаго, такъ какъ онъ менѣе богатъ углеродомъ. Поднятіемъ своимъ на поверхность земли нефть обязана напору этого газа, проталкивающаго ее черезъ слои песку и булыжника, залегающихъ подъ поверхностью наружнаго пласта третичнаго образованія; поднимаясь съ глубинъ, нефть увлекаетъ съ собою большое количество песку, который скопляясь вокругъ отверстій образуетъ коническія пригорки вышиной до 50 футовъ. До сихъ поръ не видно, чтобы 700 нефтяныхъ колодцевъ, вырытыхъ въ окрестностяхъ Баку, до глубины 260—330 футовъ, были бы близки къ истощенію: изъ нихъ получается пять шестыхъ всего петроля добываемаго на Кавказѣ; съ 1870 по 1878 производство болѣе чѣмъ удесятирилось: построена цѣлая флотилія пароходовъ и парусныхъ судовъ для перевозки этого продукта. Но непоытность людей, занимающихся нефтянымъ промысломъ, служитъ причиною громадныхъ потерь; такъ напримѣръ одно время Балаханскій источникъ, дающій ежедневно 4,800 тоннъ, впродолженіи мѣсяца билъ „въ пустую“, за неимѣніемъ готовыхъ резервуаровъ для собиранія нефти [2]). Многіе изъ бакинскихъ пароходовъ отапливаются минеральнымъ масломъ.

Нефтяной промыселъ на Кавкасѣ распредѣлялся въ 1871 году слѣдующимъ образомъ:

Въ Терскомъ округѣ было	172	источн., давшихъ	29,930	пудовъ.
„ Дагестанѣ „	127	„	12,749	„
„ Кубанской обл. „	14	„	97,890	„
„ Тифлисской г. „	99	„	69,347	„
„ Бакинской губ. „	285	„	1.138,023	„
Итого	697	источниковъ.	1.372,149	пудовъ.

[1]) *De Gobineau.* Les Religions et les philosophes dans l'Asie centrale.

[2]) *Абихъ.* Записки Кавказскаго отдѣла, X, 1876.

Въ 1878 г. одинъ только Бакинскій нефтяной промыселъ далъ 19.536,020 пуд., причемъ экспортъ равнялся 9.894,994 пудамъ, или 162.000,000 килограммовъ (по Лисенко). Добываніе соли имѣетъ для Баку также нѣкоторое значеніе: въ 1876 году ее добыто здѣсь 7,300 тоннъ.

Въ центральной части Закавказья, равно какъ и въ западной, численный перевѣсъ населенія лежитъ на сторонѣ грузинъ или картвелъ, потомковъ тѣхъ иберійцевъ, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ. Изображенія, находимыя въ гробницахъ, представляютъ тотъ же типъ и даже ту самую прическу, какія можно видѣть и у теперешнихъ обитателей страны: въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось за протекшія двѣ тысячи лѣтъ. Владѣя страной въ самыя отдаленныя историческія времена, грузины сохранили до сихъ поръ, если не свою независимость, то во всякомъ случаѣ этнографическую цѣльность, и нарѣчія, имѣющія по своему происхожденію общія начала. Прежде они владѣли территоріей болѣе обширной, и не смотря на то, что ихъ страна подвергалась въ различныя эпохи нашествіямъ персовъ и мидянъ, армянъ, монголовъ, турокъ, и наконецъ славянъ, грузины до сихъ поръ еще занимаютъ всѣ земли отъ равнинъ Куры до Требизонда, и отъ Эльбруса до Арзіани, слѣдовательно пространство равное почти Франціи. Изъ всѣхъ народовъ Кавказа грузины, въ числѣ превосходящемъ мильонъ душъ, сгруппировалось наиболѣе тѣсно, и среди ихъ населенія встрѣчается менѣе чѣмъ гдѣ либо чужеземцевъ. Тифлисъ, главный городъ всего Закавказья расположенъ въ Грузіи.

Какъ политическое государство, Грузія имѣла свой періодъ процвѣтанія и военной славы [1]). Особенно въ XII вѣкѣ, въ царствованія Давида „Возстановителя“ и Тамары, картвелы господствовали надъ всѣми другими странами Кавказа: имя Тамары осталось популярнымъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго. Во всѣхъ горныхъ долинахъ имя ея послужило предметомъ безчисленныхъ легендъ и народныхъ пѣсень; большая часть разсѣянныхъ всюду развалинъ слыветъ за остатки ея дворцовъ или крѣпостей; какъ правительница, она въ народномъ воображеніи стоитъ на ряду съ Александромъ и какъ святая—съ св. Георгіемъ и пророкомъ Ильей. Но періодъ могущества Грузіи длился не долго; вслѣдъ за нашествіемъ Чингис-хана наступилъ рядъ безпрерывныхъ войнъ и междуусобицъ. Борьба прекратилась лишь въ 1802 году, когда Грузія стала официально русской провинціей, будучи и до того времени фактически таковою. Географическое положеніе Грузіи не позволяло ея населенію сплотиться въ одну цѣлую націю и поддерживать свою независимость.

---

[1]) Еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., когда парояне овладѣли Арменіей, то императоръ Неронъ, за содѣйствіе оказанное грузинскимъ царемъ въ изгнаніи парянъ, подарилъ ему часть Арменіи, граничившей съ Грузіей. *Прим. перев.*

Большая часть картвеловъ жили въ равнинѣ, а условія почвы и климата заставляли ихъ, какъ земледѣльцевъ разсѣиваться по деревнямъ. Они окружены со всѣхъ сторонъ горами, обитатели которыхъ, живя въ своихъ тѣсныхъ, холодныхъ и безплодныхъ долинахъ, бросали завистливые взгляды на равнину, и всегда, когда представлялся удобный случай, спускались въ нее на грабежъ. Кромѣ того, грузинская территорія раздѣлена на три части, совершенно разграниченныя между собою горами и лѣсами: на востокѣ—долина Куры, въ центрѣ—долины Ріона и Ингура а на западѣ—Чоруха; всѣ эти три части мѣстности географически различныя между собою, и весьма естественно, что населеніе каждой изъ нихъ жило особой политической жизнью. Притомъ, владѣнія грузинъ представляли по формѣ слишкомъ длинную полосу, вытянутую по направленію съ востока на западъ, и вслѣдствіе уже одного этого условія раздробленіе всей націи на различныя народности, было почти неизбѣжнымъ.

Картвелы или собственно карталины, сохранившіе еще названіе, принадлежавшее цѣлой націи,—это грузины, живущіе на востокъ отъ Сурама, въ равнинѣ озернаго происхожденія, центръ которой есть Гори, а крайняя точка Мцхетъ, древняя столица Карталиніи. Въ восточной ча, сти картвелы смѣшиваются съ тифлисскими грузинами, и названіе послѣднихъ часто употребляется какъ общее для розничныхъ народностей Грузіи. Кахетины, занимающіе самую восточную часть Грузіи, живутъ въ долинѣ Іоры и Алазана. На западъ отъ Сурама, долины Ріона, Цхениса и низовье Ингура, населяютъ имеретины и мингрелы; гурійцы занимаютъ сѣверный склонъ Аджарскихъ горъ, а по другую сторону этой стѣны, и отчасти въ бассейнѣ Чоруха, живутъ лазы. Наконецъ, сванеты и еще кой-какія племена пріютились, словно въ крѣпостяхъ, въ горныхъ долинахъ Кавказа. Карталины различныхъ-семей не вполнѣ могутъ понимать другъ друга, вслѣдствіе примѣси чужеземныхъ словъ, вошедшихъ въ мѣстныя идіомы; тѣмъ не менѣе отъ Требизонда и до Тифлиса всѣ нарѣчія чрезвычайно между собою схожи; у граматныхъ карталинцевъ единство языка поддерживалось съ помощью письменности, издававшейся на грузинскомъ языкѣ. Карталинская литература существуетъ не позже какъ съ десятаго вѣка: начавшись съ перевода Библіи, мало по малу она разросталась благодаря религіознымъ сочиненіямъ, поэтическимъ произведеніямъ, пѣснямъ, драмамъ и научнымъ книгамъ, а въ настоящее время, обогатилась переводами иностранныхъ сочиненій и періодическими изданіями[1]); но дальнѣйшая обработка языка и умственное развитіе націи были пріостановлены крайними мѣрами, вызванными въ видахъ централизаціи. Съ 1807 года грузинскіе архивы и цѣнныя

[1]) Лучшіе историки, поэты, переводчики св. писанія, были родомъ изъ Верхней Карталиніи. *Прим. перев.*

памятники литературы, находившіеся въ Тифлисѣ, были перевезены въ С.-Петербургъ. Употребленіе картвельскаго языка замѣнено языкомъ побѣдителей и изученіе русской рѣчи стало обязательнымъ во всѣхъ школахъ страны. На грузинскій языкъ, причисляемый одними авторами къ индо-европейскому корню, а другими — къ группѣ алтайскихъ нарѣчій, можно смотрѣть, какъ на языкъ, занимающій самостоятельное мѣсто: таково мнѣніе Клапрота [1]), поддерживаемое Цагарелли, грузинскимъ филологомъ, такъ тщательно изучившимъ грамматику своего языка [2]). Грузинскій языкъ, подобно басскому въ Европѣ, есть остатокъ того языка, который былъ прежде въ употребленіи въ Азіи на значительно бо́льшомъ пространствѣ, и который не имѣетъ никакого родственнаго отношенія къ діалектамъ арійскому, семитскому и уральскому. Что касается до грузинскаго алфавита, употреблявшагося еще въ X вѣкѣ, если еще не раньше, то онъ также какъ и армянскія буквы, взятъ изъ арамейскаго алфавита, черезъ посредство pehlvi и зенда [3]).

За исключеніемъ большей части лазовъ, обратившихся въ мусульманство, всѣ карталины христіане, православнаго вѣроисповѣданія, и считаютъ своимъ патрономъ св. Георгія Побѣдоносца; обыкновенно, полагаютъ, можетъ быть и основательно, что по имени этого святого и самая страна стала называться Георгіей, откуда, съ мѣстнаго произношенія, получилось русское: Грузія. На сѣверъ отъ Ріона и Куры, св. Георгій почитается болѣе всѣхъ другихъ святыхъ; между тѣмъ какъ на югъ отъ этихъ рѣкъ и въ странѣ занятой армянами, культу св. Маріи всюду предшествовала Ма или Мая, богиня плодородія почвы и покровительница жатвы [4]). Грузины стойко держались своей религіи и, не смотря на свой кроткій характеръ, энергически выдерживали религіозныя преслѣдованія со стороны турокъ и персовъ, во времена нашествій. Византійская архитектура грузинскихъ церквей, введеная изъ Арменіи [5]) приняла въ средніе вѣка оригинальный характеръ, и особенно развилась въ X и въ XII столѣтіяхъ, въ эпоху національнаго могущества. До сихъ поръ еще видны, принадлежащіе къ этому времени великолѣпныя куполы, колокольни и придѣлы чрезвычайно граціозной и легкой постройки. Даже въ долинахъ горъ, наиболѣе удаленныхъ, встрѣчаются, къ удивленію, церкви съ замѣчательно выдержаннымъ стилемъ, расположенныя большею частью на холмахъ среди тѣнистыхъ рощъ, что̀ придаетъ имъ еще болѣе красивый видъ. Почти всѣ церкви были приспособлены къ тому,

---

[1]) Voyage au mont Caucase et en Géorgie.

[2]) О грамматикѣ грузинскаго языка.

[3]) *Lenormann.* Introduction à un mémoire sur la prapagation de l'alphabet phénicien dans l'ancien monde.

[4]) Russische Revue, 1878. № 11.

[5]) *Dubois de Montpereux.* Voyage autour du Caucase.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ ИМЕРЕТИНЦЕВЪ.

чтобы они могли одновременно служить и крѣпостями: въ подземельяхъ, о существованіи которыхъ трудно даже и подозрѣвать, мѣстное населеніе находило себѣ убѣжище во время войнъ. Въ Кахетіи, въ скалахъ Каразской степи, раскинувшейся въ долинѣ Іоры, находится много пещеръ, служившихъ прежде церквями или монастырями, и вырытыхъ, какъ говорятъ, въ VI вѣкѣ [1]). Во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ Карталиніи крестьяне указываютъ на пещеры, вьющіеся лабиринтомъ, въ которыхъ жили пещерные люди. Попадаются также, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, какіе то странныя башни, напоминающія собою сардинскіе *nuraghi*; первоначальное назначеніе ихъ остается неизвѣстнымъ, хотя каждый такой памятникъ имѣетъ свою легенду.

Способъ постройки грузинскихъ жилищъ держится въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ; цѣлыя деревни состоятъ изъ ямъ, вырытыхъ въ землѣ или въ скалахъ и прикрытыхъ грудой хвороста или же глиняной крышей, на которой такъ любятъ возсѣдать женщины, пользуясь вечерней прохладой. Въ большей части грузинскихъ городовъ множество зданій до сихъ поръ еще покрываютъ, слѣдуя обычаю, не кровлей, а слоемъ битой глины, фута въ 2 толщиною, съ слабой покатостью, только что необходимой для стока воды въ отверстія, устроенныя въ низенькихъ стѣнкахъ, окаймляющихъ террасу. Густая трава, въ которой обыкновенно преобладаетъ *lepidium vesicarium*, изъ семейства крестоцвѣтныхъ, растетъ на этой земляной крышѣ, напоминающей собою воздушные сады; но лѣтомъ трава на площадкахъ увядаетъ, и чтобы уничтожить ее, прибѣгаютъ къ огню; выжиганіе производится обыкновенно въ ночное время, что придаетъ странному зрѣлищу видъ пожара, быстро скользящаго по кровлямъ домовъ и длящагося всего нѣсколько минутъ. Съ гигіенической стороны, эти площадки изъ битой глины гораздо предпочтительнѣе европейскихъ крышъ: онѣ поддерживаютъ въ жильѣ болѣе равномѣрную температуру, умѣряя ее лѣтомъ и сохраняя лучше зимою: только изъ неумѣстной подражательности, тифлисскіе баре строятъ свои дома въ западномъ стилѣ.

Грузины живущіе въ бассейнѣ Куры, также какъ ихъ западные сосѣди имеретины, мингрелы и лазы, вполнѣ заслуженно славятся своей красотой; у нихъ роскошные волосы, большіе глаза, бѣлые зубы, нѣжный и чистый цвѣтъ лица, стройная и гибкая талія, маленькія и сильныя руки; по вмѣстѣ съ тѣмъ, они, кажется, не такъ красивы, какъ картвелы черноморскаго прибрежья, а ихъ женщины почти всегда раскрашены, вялы не привлекательны, взглядъ ихъ и улыбка не озарены мыслью. У большей части грузинъ цвѣтъ лица красный, почти багровый, причиняемый конечно неумѣреннымъ употребленіемъ вина; при всякомъ удобномъ случаѣ, грузины берутъ кубокъ съ виномъ, и произнеся татарскія слова: *алла*

[1]) *Bergé.* Russische Revue. 1874, № 11.

верди, т. е. „это даръ божій!“, опоражниваютъ его въ честь друзей [1]). Кахетины въ особенности гордятся виномъ, которое производитъ ихъ земля, грузинское Эльдорадо, и пьютъ его въ большомъ количествѣ; до той поры, пока не посѣтилъ эту страну *oidium* (родъ грибка), разорившій виноградники, средней порціей деревенскаго рабочаго было не менѣе двухъ кружекъ въ день. Ихъ вино,—единственный почти напитокъ употребляемый въ этой странѣ, можетъ, какъ полагаютъ, поспорить подчасъ съ лучшими сортами Запада; одинъ изъ предметовъ такъ часто поражающихъ взглядъ въ Кахетіи, это — бурдюки изъ бычачьей или свиной шкуры, съ торчащими оконечностями, привѣшанные обыкновенно у дверей лавокъ, или перетаскиваемые въ телѣгахъ и вздрагивающіе при каждомъ толчкѣ, точно живые. Для того чтобы кожа сохранила свою гибкость, ее иногда сдираютъ съ живой твари, а послѣ этой варварской операціи, шкуру смазываютъ нефтью, придающей вину непріятный запахъ, съ которымъ, впрочемъ, иностранецъ свыкается очень скоро.

Не смотря на плодородіе почвы и относительно слабую населенность, сельскіе жители по большей части очень бѣдны и обыкновенно располагаютъ всего лишь одной жалкой лошаденкой, шелудивыми коровами и овцами, съ шерстью похожей на войлокъ. Подобно имеретинамъ и мингреламъ, хотя и въ меньшей степени, грузины испытали на себѣ крѣпостное право. Съ 1864 и 1866 г. они были наконецъ освобождены онъ прикрѣпленія къ землѣ: крѣпостное состояніе уничтожено въ различныхъ губерніяхъ Закавказья тремя и даже пятью годами позже, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Россійской Имперіи; но помѣщики, оставаясь крупными собственниками, не скоро еще отвыкли относиться къ крестьянамъ, какъ къ животнымъ и подчинять ихъ своему капризу, а нравы привитые народу рабствомъ еще не успѣли стереться. Большинство грузинъ неряшливы и безпечны, но за то они веселы, общительны, прямодушны и могутъ постепенно оправиться. Грузины въ-общемъ считаются менѣе развитыми, нежели другіе кавказцы; въ школахъ, гдѣ имъ приходится учиться вмѣстѣ съ татарами и армянами, они стоятъ, по способности къ изученію иностранныхъ языковъ, по наукамъ и легкости изложенія, ниже другихъ [2]); но это, можетъ быть, происходитъ отъ разницы въ подготовкѣ между тѣми и другими дѣтьми: грузины принадлежатъ къ сельскому населенію, между тѣмъ какъ армяне—къ горожанамъ. Воровство—порокъ почти неизвѣстный между грузинами и армянами живущими въ Грузіи. Въ судебныя учрежденія въ Тифлисѣ сравнительно очень рѣдко поступаютъ жалобы о кражахъ, и еще рѣжѣ въ подобныхъ случаяхъ преступниками оказываются туземцы. Надо замѣтить однако,

---

[1]) *Koch.* Wanderungen im Oriente.
[2]) *Bodenstedt.* Die Völker des Kaukasus.

что многіе изъ нихъ занимаются воровствомъ въ нѣсколько иной формѣ — незаконной торговлей. Царь Вахтангъ, издавшій сводъ законовъ для своей страны, не питалъ, кажется, особеннаго довѣрія къ честности своего народа: „Я составилъ этотъ кодексъ, писалъ онъ, но въ Грузіи никогда не произносились справедливые приговоры,—да никогда и не будутъ произносить ихъ“ [1]). Кромѣ тѣхъ варварскихъ наказаній, которыя употреблялись прежнимъ грузинскимъ правительствомъ, русскіе ввели еще въ этой странѣ карательную мѣру наиболѣе унизительную — тѣлесное наказаніе. „Наказать по-русски“ стало синонимомъ—„высѣчь розгами“ [2]).

Одна изъ чертъ наиболѣе замѣчательныхъ въ грузинскомъ народѣ, это ихъ любовь къ пѣснямъ и танцамъ. Грузины не обладаютъ большими музыкальными способностями и ихъ языкъ, обильный гортанными и свистящими звуками, едва-ли созданъ для мелодій, но, тѣмъ не менѣе, они могутъ пѣть подъ звуки дайры (бубенъ), или трехструнной балалайки, по цѣлымъ днямъ. Они, можно сказать, способны сопровождать напѣвомъ каждое свое движеніе. Выпалывая поля кукурузы, или исполняя другія полевыя работы, мужчины расположившись правильными группами, поютъ въ нѣсколько голосовъ пѣсни соотвѣтствующія роду работы, и по мѣрѣ того какъ подвигаются впередъ, понижаютъ голосъ; ускоряя движеніе, ускоряютъ и тактъ. Дойдя до конца борозды, рабочіе сразу останавливаются и затѣмъ снова, напѣвая въ тактъ, возвращаются назадъ слѣдуя въ пѣніи тому же порядку. Суровые помѣщики, наѣхавшіе къ нимъ изъ пасмурной Россіи, думали было сначало прекратить это пѣніе, но потомъ уступили: работа, безъ веселыхъ пѣсень, плохо спорилась у эмеретинскихъ поденщиковъ.

Обязанность справлять многочисленныя праздники, похожіе на французскія „fréries“ и „ducasses“, обычай возвелъ на степень закона. Пѣшкомъ, верхами, въ скрипучихъ, арбахъ, все населеніе переносится на мѣсто празднества, избирая для этого сборнымъ пунктомъ почитаемый храмъ или дубовую рощу, такъ какъ грузины любятъ природу и красивый кругозоръ. Пѣсни и танцы, угощенія, торговля, выполненіе религіозныхъ обрядовъ—все идетъ своимъ чередомъ; но самое богослуженіе исполняется съ особеннымъ увлеченіемъ. Богомольцы подходятъ съ пѣніемъ къ священнику, чтобы тотъ снялъ съ ихъ шеи желѣзное кольцо, свидѣтельствующее временное подчиненіе своему святому, а затѣмъ, освободившись отъ колецъ, приносятъ жертвоприношеніе въ видѣ барана или быка, предназначеннаго для праздненства. Часто при этомъ, кидаясь въ ноги молящимся, появляется невѣста „бѣлаго Георгія“, одѣтая въ бѣломъ; тотъ кто хочетъ проникнуть въ церковную ограду долженъ переползти черезъ

---

[1]) *Reineggs.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus.
[2]) *Владикавк.* Путеводитель по Кавказу.

нее или же перепрыгнуть [1]). Случается не рѣдко, что армяне и татары-мусульмане, пришедшіе на праздникъ съ торговыми цѣлями, невольно заражаются религіознымъ пыломъ грузинъ и принимаютъ участіе въ ихъ пѣніи и обрядахъ [2]). За религіозными танцами слѣдуетъ обыкновенная пляска и игры, принимающія иногда характеръ сраженій: побѣдители завладѣваютъ кушаками побѣжденныхъ, одѣваютъ на себя ихъ громадныя бурки, а на голову напяливаютъ величавые папахи. Прежде подобныя битвы устраивались и на улицахъ Тифлиса въ память изгнанія персовъ, причемъ воинственный азартъ заходилъ мало-по-малу такъ далеко, что на мѣстѣ праздненства всегда оставалось нѣсколько труповъ.

Восточная Грузія, равно какъ и западная, въ этнографическомъ отношеніи богата малодоступными углами, которые занятыми горцами, еще очень недавно открывшими къ себѣ свободный доступъ. По одну сторону ихъ живутъ Сванеты, а по другую—хевсуры, пшавы, тушины. Самыя высокія долины восточнаго Кавказа, въ сосѣдствѣ съ Борбало, служили пріютомъ для бѣглыхъ всѣхъ племенъ и парѣчій, вослѣдствіи измѣнившихъ, благодаря долгому пребыванію среди горныхъ пастбищъ и снѣговъ, если не свой типъ, то во всякомъ случаѣ, внѣшній видъ и сгруппировавшихся въ небольшія народности. Чеченцы, лезгинцы, грузины, и даже евреи, говоритъ преданіе, вошли въ составъ новыхъ племенъ; но главный элементъ преобладающій въ этихъ группахъ набирался съ юга и грузинскій типъ попадается на глаза путешественнику чаще другихъ [3]). Исповѣдываніе ими христіанской религіи, указываетъ также на то, что среди этихъ народцевъ, вліяніе грузинъ было преобладающимъ. На сѣверномъ же склонѣ горъ общепринятый языкъ происхожденія чеченскаго.

Гора Борбало заслуживаетъ вниманія, какъ центръ, изъ котораго рѣки расходятся во всѣ стороны въ видѣ лучей, и въ тоже время какъ этнографическая грань. На востокъ отъ нея, орошаемая двумя рѣчками, образующими Андійскій Койсу, находится Тушетія, на югъ — Алазанъ, протекающій по Кахетіи; по берегамъ его живутъ отчасти тушины, но главное населеніе состоитъ преимущественно изъ грузинъ, размѣстившихся въ долинѣ рѣки; на юго-западъ — истоки Іоры, а также восточныя притоки Арагвы, пробѣгаютъ по землѣ пшавовъ. На западъ и сѣверо-западъ, на обоихъ склонахъ горъ центральнаго Кавказа, живутъ хевсуры, или „ущельный народъ“. Вообще же нѣтъ опредѣленныхъ границъ для владѣній этихъ племенъ; они часто мѣняютъ мѣстность, уходя съ своими стадами на пастбища изстари принадлежащія имъ, или же пріобрѣтаемыя удачными военными экспедиціями.

---

[1]) Кавказъ. 1878, №№ 229 и 230;—Russische Revue, 1878, № 11.

[2]) *Дубровинъ*. „Вѣстникъ Европы“, 1868, апрѣль и май.

[3]) Въ разговорномъ языкѣ пшавовъ, тушинъ и хевсуровъ, а также въ ихъ книгахъ священнаго писанія, сохранились слѣды древне-грузинскаго языка. *Прим. перев.*

Пшавы, живущіе пониже другихъ, на высотѣ всего 3,300 футовъ, и слѣдовательно въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ грузинами долинъ, болѣе цивилизованы, нежели напр. хевсуры, и говорятъ грузинскимъ языкомъ; численность ихъ начинаетъ постепенно увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ они стали жить въ мирѣ съ своими сосѣдями, и доставляютъ свои припасы на тифлисскій рынокъ. Тушины, менѣе многочисленныя и слишкомъ стѣсненыя въ своихъ дикихъ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ снѣжными горами, пользуются славой самыхъ умныхъ и самыхъ промышленныхъ горцевъ въ этой части Кавказа. Большая часть мужчинъ принуждены уходить изъ дому мѣсяцевъ на шесть въ году, подобно савоярамъ и оверпцамъ, и во время своихъ дальнихъ путешествій сталкиваться съ различными національностями, живущими въ долинахъ, съ ихъ идеями болѣе широкими и духомъ болѣе предпріимчивымъ; нѣкоторые тушины обладаютъ замѣчательными познаніями и говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ; ихъ собственный языкъ крайне грубъ, бѣденъ гласными буквами и очень богатъ согласными: девять свистящихъ и восемь гортанныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый сочетается различнымъ образомъ съ предыдущими или послѣдующими буквами такъ близко, что нужно было изобрѣсти для обозначенія ихъ спеціальныя знаки [1]).

Хевсуры, оставаясь изолированными въ зимнее время, и даже вполнѣ отдѣленными другъ отъ друга, Главнымъ кавказскимъ хребтомъ, до сихъ поръ еще невѣжественны и почти совершенные варвары; но по нѣкоторымъ своимъ племеннымъ чертамъ, они самый интересный народъ въ Азіи. Они не такъ смуглы, какъ тушины и очевидно смѣшанной расы: они отличаются фигурой, цвѣтомъ глазъ и волосъ, и формой черепа; физіономіи по большей части дикія, взглядъ свирѣпый. Между ними множество крайне сухощавыхъ, а головы ихъ похожи скорѣй на черепы мертвецовъ, оживленныхъ съ помощью чуда. Хевсуры рѣдко такъ статны какъ черкесы: у нихъ ноги и руки слишкомъ велики и безъ всякой пропорціи съ туловищемъ. Земля, на которой они живутъ, снабдила ихъ желѣзными мускулами; имъ приходится карабкаться по самымъ обрывистымъ скаламъ имѣя на себѣ тяжелую ношу; часто можно видѣть какъ они возвращаются изъ Владикавказа, и пробираясь по снѣгу и каменьямъ, тащатъ на своихъ плечахъ по кулю соли, вѣсомъ около трехъ пудовъ. Но чтобы спуститься съ горы, по снѣжному склону, они никогда не прибѣгаютъ, какъ осетины, къ „природнымъ“ саласкамъ, а предпочитаютъ спускаться на свернутой буркѣ. Они прямо спускаютъ съ горы не только свой багажъ, но и животныхъ, связавши имъ предварительно ноги [2]).

Въ горныхъ долинахъ Борбало, въ 1876 г., насчитывали:

---

[1]) *Anton Schiefner.* Bulletin de l'Academie de S. Pétersbourg, t. XII, 1856.

[2]) *Казбекъ.* Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи.

	По Радде	По Зейдлицу:
Пшавовъ.	7,475	8,150
Хевсуровъ	5,845	6,900
Тушинъ	5,100	5,050
Всего. . .	18,420	20,100

Хевсуры и Пшавы, по нѣкоторымъ своимъ обычаямъ не успѣвшимъ еще исчезнуть, не смотря на усилія русскихъ чиновниковъ и священниковъ, походятъ на краснокожихъ и другихъ дикихъ народовъ Новаго Свѣта и Африки. Такъ, напримѣръ, ихъ женщины уходятъ рожать гдѣ нибудь въ отдаленной лачугѣ или пещерѣ, безъ всякой посторонней помощи, даже со стороны мужа. Послѣдній въ это время бродитъ вокругъ жалкаго помѣщенія больной и если слышитъ мучительные крики, при трудныхъ родахъ, то старается ружейными выстрѣлами ободрить несчастную. По окончаніи родовъ, маленькія дѣвочки, увѣдомленныя отцомъ, тайкомъ пробираются, въ сумерки или на разсвѣтѣ, къ больной, что бы принести ей хлѣба, молока и сыру. Родильница, считающаяся нечистой, должна оставаться въ продолженіе мѣсяца въ своемъ шалашѣ, который по уходѣ ее сжигается. На отца въ тѣхъ случаяхъ, когда у него родится сынъ сыплятся поздравленія и устраиваютъ на его счетъ пирушку, въ которой, однако, хозяинъ не долженъ принимать участія. Обычай хевсуровъ требуетъ, чтобы въ семействѣ никогда не было болѣе трехъ дѣтей. Для женщины считается стыдомъ родить раньше, чѣмъ черезъ четыре года послѣ замужества, или снова имѣть ребенка въ промежутокъ болѣе краткій, нежели три года; дѣвушка мать обязана лишить себя жизни. Трудныя условія для существованія, въ этой странѣ стужи и холода, объясняютъ указанныя предосторожности, принимаемыя хевсурами; но по крайней мѣрѣ они не прибѣгаютъ къ дѣтоубійству, какъ это дѣлали прежде сванеты западнаго Кавказа. Кромѣ того хевсуры очень любятъ своихъ дѣтей, хотя ихъ обычай и запрещаетъ ласкать ихъ при постороннихъ. Мальчиковъ обыкновенно окрещиваютъ названіемъ какого нибудь дикаго звѣря, напр.: Медвѣдь, Левъ, Волкъ, Пантера или другимъ какимъ либо именемъ, символизующимъ будущіе доблести ребенка; дѣвочкамъ же даютъ имена нѣжныя: Роза, Жемчужина, Блестка, Солнышко и проч...

Большая часть браковъ рѣшаются предусмотрительными родителями еще въ то время, когда ихъ дѣти качаются въ люлькѣ; тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ исполняетъ всѣ формальности похищенія невѣсты, которая давнымъ давно предназначена ему; когда свадьба же совершена и закончена пирушкой, то молодыя обязаны нѣсколько недѣль или мѣсяцъ не видаться другъ съ другомъ при постороннихъ. Разводы здѣсь довольно часты и кромѣ того очень многіе хевсуры, слѣдуютъ примѣру магометанъ вводя у себя многоженство. Прежніе обряды при погребеніи

теряютъ свою силу. Въ старину запрещалось оставить кого нибудь умереть въ домѣ: умирающій долженъ былъ закрыть глаза, имѣя предъ лицомъ своимъ солнце или звѣзды, и чтобъ послѣдній его вздохъ смѣшался съ вѣяніемъ вѣтерка. Стоя передъ покойникомъ, родные должны были выражать сначала радость, а затѣмъ уже давать волю слезамъ, рыданіямъ и печальнымъ причѣваніямъ. Если умиралъ ребенокъ, котораго не успѣли окрестить, то его нужно было потереть пепломъ.

Гордясь тѣмъ, что они христіане, хевсуры исповѣдуютъ, однако, свою религію довольно оригинально: главный богъ ихъ — богъ войны, а изъ прочихъ боговъ и ангеловъ они особенно почитаютъ Мать Земли, Ангела Дуба и Архангела Собственности [1]); подобно магометанамъ, они празднуютъ пятницы, не ѣдятъ свинины, питаютъ отвращеніе къ пѣтухамъ, почитаютъ священныя деревья, приносятъ жертвы духамъ земли и воздуха. Ихъ священники лечатъ больныхъ, кропятъ народъ кровью животнаго, приносимаго въ жертву, предвѣщаютъ будущее, варятъ церковное пиво; они же завладѣли всѣми богатствами страны, заключающимися въ цѣнныхъ алмазахъ, старинныхъ медаляхъ и серебряныхъ чеканныхъ сосудахъ. Однако хевсуры съ сожалѣніемъ лишаютъ себя и свои жилища всякихъ украшеній, такъ какъ они, въ противоположность тушинамъ, одѣвающимся въ черное, любятъ носить одежду яркихъ цвѣтовъ, украшенную бахрамою и блестками. Они можетъ быть единственный народъ на землѣ, сохранившій привычку носить на себѣ кольчуги, наручи и каски, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ; но въ прежнее время всѣ народы Кавказа имѣли при себѣ это вооруженіе. Не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія чеченцы-ингуши носили еще кольчугу и щитъ [2]). Странствуя въ этихъ горахъ и замѣчая неожиданно передъ собой людей закованныхъ въ латы, путешественникъ можетъ принять ихъ за потомковъ крестоносцевъ, и множество авторовъ дѣйствительно задавались вопросомъ: не происходятъ ли хевсуры отъ рыцарей, загнанныхъ сарацинами въ долины Кавказіи? [3]). Законъ кровавой расправы принуждаетъ хевсуровъ одѣваться въ броню. Всякій намѣревающійся мстить, или опасающійся мщенія, беретъ съ собой все свое оружіе, необходимое какъ для защиты, такъ и для нападенія: кольчугу, щитъ, кинжалъ, шашку и ружье; руки закрываютъ перчаткой, заканчивающейся желѣзнымъ остріемъ, — оружіе, которымъ наносятъ тѣ страшныя удары, слѣды отъ которыхъ виднѣются на лицѣ почти всякаго мужчины въ этой странѣ [4]).

Татары хотя далеко не такъ многочисленны въ бассейнѣ Куры, какъ грузины, но занимаютъ, однако, почти всю восточную часть этого

---

[1]) *F. Radde.* Vier Vorträge über den Kaukasus.
[2]) *Sallas.* Second voyage en Russie.
[3]) *Зиссерманъ.* Кавказъ. 1851.
[4]) *Radde.* Die chewsuren und ihr Land.

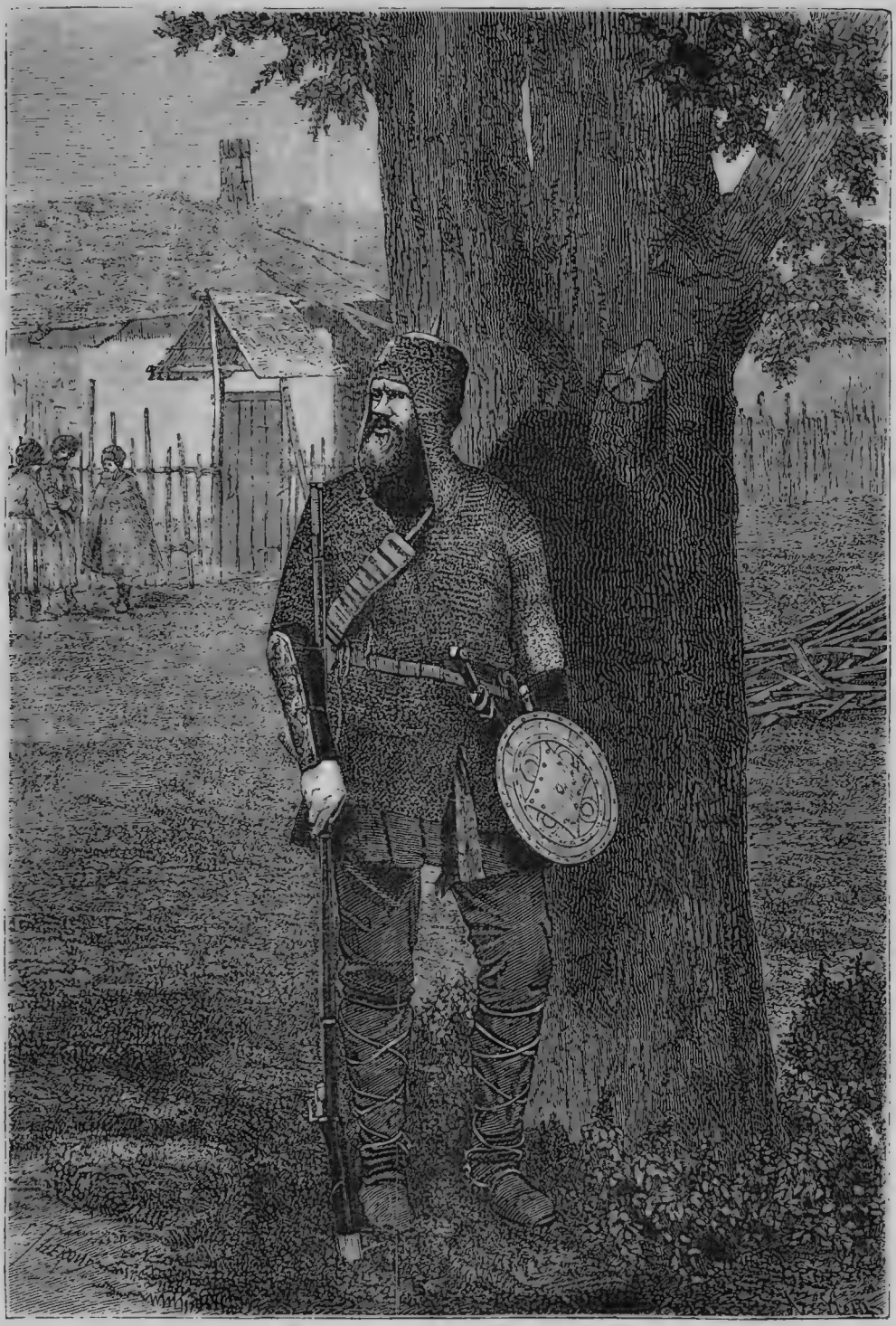
бассейна, начиная отъ самаго Тифлиса. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они живутъ сплоченнымъ населеніемъ, не смѣшиваясь съ другими народами; эти татары—турки, утратившіе названіе своей расы, но представляющіе собою несравненно меньшую помѣсь, нежели османлисы Турціи; византійцы и арабы соединяли ихъ подъ общимъ названіемъ хазаровъ, вмѣстѣ съ тѣми племенами которые жили по берегамъ Дона и Волги. Между татарами встрѣчаются всякіе типы, начиная съ самыхъ благородныхъ и кончая самыми грубыми; но вообще, они врядъ ли менѣе красивы и стройны, нежели ихъ сосѣди картвелы; лица почти у всѣхъ серьозныя и строгія. Закавказскіе татары, разсматриваемые какъ народъ, обладаютъ такими нравственными качествами, какихъ не имѣется у другихъ жителей Кавказа; только между ними, остававшимися свободными, можно встрѣтить такую рѣдкую искренность, такую честность, стоящую внѣ искушеній, и удивительно радушное и утонченное гостепріимство. Большая часть ихъ очень дѣятельны и, какъ скотоводы, земледѣльцы, садовники и ремесленники, стоятъ выше другихъ мѣстныхъ племенъ. Также и по образованію, во многихъ уѣздахъ они стоятъ выше русскихъ, будучи большею частью граматны: многіе между ними хорошо пишутъ по турецки—„на языкѣ падишаховъ“: очень часто встрѣчаются татары, знающіе, кромѣ своего языка и туземныхъ нарѣчій еще два литературныхъ языка: арабскій и персидскій, одинъ семитскій, другой—арійскій.

Татары въ нѣкоторомъ отношеніи суть цивилизаторы Кавказа, и ихъ языкъ, собственно нарѣчіе Адербейджана, служитъ для взаимныхъ сношеній между различными народами Кавказа; исключая армянъ и русскихъ, всѣхъ туземцевъ, къ какой бы они расѣ не принадлежали, принимаютъ обыкновенно за татаръ [1]), что конечно указываетъ на отсутствіе національнаго типа. Навѣрное албанцевъ Страбона, этихъ людей „искреннихъ и такъ мало похожихъ на торгашей, какъ только это возможно“, и столь прославленныхъ географомъ Амазіи, можно встрѣтить между татарами, населяющими въ настоящее время эту страну. Точно также между ними можно встрѣтить, судя по названіямъ деревень, представителей воинственныхъ народовъ, производившихъ свои набѣги на южную Европу—кумановъ и печенѣговъ; нѣсколько здѣшнихъ мѣстечекъ носятъ арабскія названія [2]). Татарамъ недостаетъ только сильной инициативы, чтобы пользоваться въ странѣ большимъ вліяніемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они очень много терпятъ отъ ростовщиковъ и подчиненія господству армянъ. По своимъ нравамъ татары низовьевъ Куры, Ширвана и Баку, похожи больше на черкесовъ, нежели на турокъ [3]). Хотя

[1]) *N. Von. Seidlitz.* Russische Revue, 1879. n. 12.

[2]) *Von. Seidlitz*, mémoire cité.

[3]) Татары были переселены въ Грузію персидскимъ шахомъ въ 1480 г. *Прим. пер.*



ВООРУЖЕНІЕ ХЕВСУРОВЪ.

религія разрѣшаетъ имъ многоженство, но они рѣдко пользуются этимъ правомъ; ихъ женщины вообще работаютъ свободно, безъ принужденія и ходятъ съ открытымъ лицомъ. Наконецъ, замѣчательной чертой тюркскаго населенія Закавказья можетъ служить его крайняя вѣротерпимость. Шіиты здѣсь въ большинствѣ, но они ничуть не притѣсняютъ мусульманъ-суннитовъ; у татаръ Закавказья, между обѣими сектами совсѣмъ не существуетъ той свирѣпой вражды другъ къ другу, которая встрѣчается въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Они пользуются той же терпимостью и со стороны христіанъ; во многихъ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ поочередно выбираютъ старшинъ, какъ изъ среды армянъ, такъ и изъ татаръ, во избѣжаніе недовольства съ чьей либо стороны. У самой персидской границы, гдѣ шіиты еще до сихъ поръ выполняютъ свои религіозныя процессіи со всей торжественностью, христіане не только безъ опасенія могутъ присутствовать на этихъ церемоніяхъ, но даже и принимаютъ въ нихъ участіе. Такъ, напримѣръ, въ г. Шушѣ, военные музыканты разыгрываютъ различныя аріи, а казаки гарцуютъ на своихъ лошадяхъ, на похоронныхъ процессіяхъ, изображающихъ смерть Гассана и Гусейна; между тѣмъ какъ главные участники въ этой церемоніи идутъ передъ толпой и оплакиваютъ мучениковъ изъ семьи пророка и увлекаемые фанатизмомъ наносятъ себѣ мученія жестокими истязаніями. Во главѣ процессіи идутъ „шрамовники“, обрекшіе себя на истязанія, укутанные въ саваны. Идя въ тактъ съ музыкой, они наносятъ себѣ по головѣ удары обнаженной шашкой: кровь струится изъ пораненныхъ мѣстъ и острое лезвіе все продолжаетъ бередить раны; вскорѣ маска изъ запекшейся крови начинаетъ покрывать все лицо, на которомъ можно различить только бѣлки ихъ глазъ, мечущихъ свирѣпые взгляды и бѣлые зубы, виднѣющіеся изъ подъ страдальческой улыбки. Другіе правовѣрные втыкаютъ себѣ заостренныя лучины въ прорѣзы, сдѣланныя на обнаженномъ черепѣ, привѣшиваютъ замки къ скуламъ и къ ушамъ, продѣвая ихъ въ тѣло, укрѣпляютъ два обнаженныхъ меча по сторону плечъ, такъ чтобы съ каждымъ движеніемъ туловища остріе вонзалось въ тѣло; навѣшиваютъ на руки, на грудь, на поясницу, цѣпочки и зеркала, прикрѣпляя ихъ къ тѣлу желѣзными пристежками. Часто эти несчастные падаютъ отъ потери силъ или обливаясь кровью, между тѣмъ какъ дервиши и муллы, роль которыхъ болѣе легкая, продолжаютъ идти дальше возбуждая толпу пѣніемъ, молитвами и вскрикиваніями [1]).

Другіе приверженцы секты шіитовъ живутъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ восточной части Закавказья о-бокъ съ татарами:—это древніе владѣльцы страны, персы или таты, извѣстные въ Туркестанѣ подъ именемъ таджиковъ, выдѣлившіеся здѣсь сплоченными группами. Живутъ они въ окре-

[1]) *B. Vereshtchaghin.* Tour du monde, 1869.

стностяхъ Баку, но распространены и дальше, на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, почти до самой Кубы. Почти весь округъ Ленкоранъ, у персидской границы, по своему населенію, состоящему изъ татишей, принадлежитъ также Прану; эти послѣдніе находятся въ полудикомъ состояніи и занимаютъ гористую часть этой мѣстности. Живя долгое время въ глуши, между горными вершинами и болотами нижней Куры, они не могли такъ цивилизоваться, какъ другіе народы восточнаго Закавказья. Ихъ языкъ, на который однако не слѣдуетъ смотрѣть какъ на простое мѣстное нарѣчіе, развивался въ параллель съ другими иранскими діалектами, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походитъ на афганскій [1]). Иранцы, таты и татиши, взятые какъ группа стоятъ на очереди послѣ грузинъ и татаръ по занимаемому ими пространству, но армяне, группирующіеся больше въ городахъ и особенно въ Тифлисѣ, болѣе многочисленны, и ихъ вліянія гораздо значительнѣе. Кромѣ этихъ первостепенныхъ племенъ въ бассейнѣ Куры, нужно принять еще во вниманіе небольшіе племена монголовъ, этихъ жалкихъ остатковъ прежнихъ властителей, живущихъ теперь болѣе или менѣе смѣшанными съ татарами, на лѣвомъ берегу Алазана, между Сигнахомъ и Закаталами. Осетины, а также и греки вызванные сюда въ 1829 году, чтобы замѣстить собою татаръ, наконецъ, русскіе и нѣмецкіе земледѣльцы, пришедшіе въ эту страну, частью какъ ссыльные и частью по собственной охотѣ, дополняютъ собою осѣдлое населеніе восточнаго Закавказья.

Русскіе сектанты поселенные здѣсь въ 1838 году, въ 1840, и въ послѣдующихъ, на южной сторонѣ Кавказскаго хребта, — большею частью молокане и духоборцы, пришедшіе сюда съ р. Молочной, что въ Таврической губерніи. И тѣ и другіе, благодаря господствующему у нихъ согласію, пользуются гораздо большими удобствами жизни, нежели ихъ сосѣди татары и грузины; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это же благосостояніе и нравственная изолированность заставляютъ ихъ держаться разъ установившейся рутины; во многихъ отношеніяхъ они уступаютъ другимъ славянскимъ колоніямъ. Духоборцы, лишенные почти всѣ какого-либо образованія, и знающіе лишь на память нѣсколько религіозныхъ пѣсенъ, уважаются всѣми за чистоту нравовъ. Молокане болѣе образованы, болѣе утонченны, занимаются охотно торговлей, но менѣе любимы своими сосѣдями; одна изъ ихъ колоній, въ окрестностяхъ Тифлиса, почти исключительно завладѣла извозомъ. Что касается до нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся также какъ и русскіе сектанты недалеко отъ Тифлиса и Елизеветполя, то они остаются совершенно отдѣленными отъ окружающаго населенія. Они трудолюбивы, хорошіе земледѣльцы, и земли, отданныя имъ 1817 году, т. е. въ то время, когда они прибыли сюда изъ Вюртемберга, они преобра-

[1]) *Dorn.* Ueber das Puschtu; — *N. von Seidlitz*, mémoire citè.

зовали въ настоящіе сады; но они считаются не очень гостепріимными: путникъ съ трудомъ можетъ добиться у нихъ ночлега или утолить голодъ[1]). Нельзя не замѣтить, что за два поколѣнія швабскіе колонисты замѣчательно какъ измѣнились физически, подъ вліяніемъ среды. Хотя они совсѣмъ не смѣшивались съ своими сосѣдями грузинами, армянами и татарами, но большая часть ихъ имѣетъ уже темные волосы, черные глаза, овальное, съ правильными чертами лицо, и красивую стройную талію. Они уже болѣе не походятъ на своихъ родственниковъ, оставшихся въ родной сторонѣ.

Городъ, лежащій у самыхъ верховьевъ Куры и недавно присоединенный Россіи—крѣпость Ардаганъ; онъ построенъ въ горной котловинѣ отличающейся плодородіемъ, у южной подошвы того горнаго мыса, на которомъ стоитъ крѣпость Рамазанъ. Русскіе, занявши эту мѣстность въ 1877 году, завладѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми важными проходами, ведущими въ долины Чоруха и Аракса. Но Ардаганъ съ восточной стороны не соединенъ еще хорошими путями съ остальнымъ Закавказьемъ, и вулканическая область, пересѣкаемая Курою представляетъ большія препятствія для торговли. Въ стѣнѣ одного изъ тѣхъ ущелій, по которому протекаетъ Кура, пониже Ардагана, находится знаменитый монастырь Вардзія или Вардзишъ (замокъ Розъ), высѣченный въ рыхлой скалѣ, состоящей изъ вулканическаго пепельнаго туфа, прослоеннаго черной вулканической окалиной. Подземный городокъ, содержащій въ себѣ безчисленное множество келій, расположенныхъ этажами и соединяющихся между собой коридорами и галлереями, окаймляя пропасть, лежитъ почти на 200 футахъ надъ уровнемъ Куры. Залы служили церквями, въ которыхъ до сихъ поръ еще виднѣются остатки стѣнной живописи; въ другихъ же залахъ были устроены, такъ называемые лѣтніе и зимніе дворцы царицы Тамары[2]).

На востокъ отъ этихъ ущелій, крѣпость Ахалкалаки, построенная у сліянія двухъ притоковъ Куры, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, не смотря на свое расположеніе на плоскогоріи въ 5,550 футовъ высоты, открытомъ доступу вѣтровъ и покрытомъ снѣгомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, но богатомъ черноземомъ. Русскіе сектанты сдѣлали городъ Ахалкалаки значительнымъ рынкомъ. Ахалцыхъ, „Новая крѣпость“, или Акиска, бывшая въ прежнее время турецкимъ городкомъ Ак-гиссаръ („Бѣлой крѣпостью“), есть также военный городъ, охраняющій нѣсколько дорогъ, идущихъ отъ русской границы; но въ мирное время онъ служитъ преимущественно торговымъ центромъ и армяне,

[1]) *Vereschagin*, Tour du monde, 1869.

[2]) *Dubois de Montpéreux*. Voyage autour du Caucase.— *Max von Thielmann*. Streifzüge im Kaukasus.

со времени выселенія отсюда турокъ, вмѣстѣ съ тысячею евреевъ, составляютъ почти все мѣстное населеніе, занимающееся торговлей товарами, а еще больше контрабандою; главная промышленность этого города—выдѣлка серебряныхъ издѣлій. Прежняя крѣпостная мечеть, передѣланная въ церковь, одно изъ прекраснѣйшихъ зданій на Кавказѣ. Во времена турецкаго господства Ахалцыхъ былъ главнымъ рынкомъ грузинскихъ рабовъ, которыхъ дагестанскіе лезгины, не обращая вниманія на русскихъ, находили средство захватывать въ плѣнъ въ равнинѣ [1]).

Расположившись на высотѣ болѣе чѣмъ въ 3,300 футовъ и построенный отчасти на той скалѣ, у которой протекаетъ Посковъ, небольшой притокъ Куры, Ахалцыхъ окруженъ голыми горами съ ихъ желтоватымъ оттѣнкомъ; но равнины окружающія его представляютъ красивѣйшія мѣстности, съ раскинутыми на нихъ развалинами монастырей и церквей въ чисто-грузинскомъ стилѣ. Окрестности Ахалцыха обладаютъ одними изъ самыхъ богатыхъ теплыхъ источниковъ на Кавказѣ. На юго-востокъ отъ него, пониже Вардзіи, минеральныя воды Аспинца, бьющіе ключемъ у самаго берега Куры, на сѣверо-западъ отъ термальныхъ соленыхъ водъ Аббасъ-Тумана, привлекаютъ къ себѣ множество купающихся, и расположены въ одной изъ тѣнистыхъ и живописнѣйшихъ долинъ на Кавказѣ. Далѣе на сѣверо-востокъ, въ одной изъ боковыхъ долинъ Куры, источники Цинубани, самыя изобильнѣйшіе въ цѣлой странѣ, даютъ около 175 литровъ воды въ минуту. Наконецъ, если спускаться отъ Ахалцыха къ Тифлису и слѣдовать по берегамъ Куры, то придется пройти черезъ великолѣпный горный проходъ, у котораго на высотѣ 2,625 футовъ расположенъ Боржомъ, городъ, столь посѣщаемый купающимися и дачниками. Для богачей и вельможъ, Боржомъ—это лѣтній Тифлисъ: дворцы и виллы построились въ сосѣдствѣ съ развалинами, служащими доказательствомъ, что до XVI вѣка эта страна была гораздо населенѣе; здѣсь воздухъ чистъ и прохладенъ, вода въ изобиліи; въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны горъ, для охотниковъ найдутся еще серны и дикія козы. Среди елей на высотѣ 7,880 футовъ, къ общему удивленію, попадаются остатки укрѣпленнаго замка грузинской постройки, охранявшаго когда-то горный путь, между Ахалцыхомъ и Кутаисомъ.

Сурамъ хорошо извѣстенъ путешественникамъ: расположенный на спускѣ желѣзной дороги, ведущей изъ Поти въ Тифлисъ, онъ служитъ мѣстомъ невольной пріостановки; это небольшое, но очень торговое мѣстечко, по виду очень похоже на большое русское село. Высоко надъ его домами, на уединенной скалѣ стоитъ укрѣпленный замокъ, владѣлецъ котораго, желая сдѣлать оный недоступнымъ, какъ гласитъ легенда, можетъ быть, впрочемъ, очень близкая къ дѣйствительности, положилъ подъ

[1]) *K. Koch.* Wanderungen im Oriente.

первый камень единственнаго сына бѣдной вдовы; въ одной изъ народныхъ балладъ распѣваемыхъ на вечеринкахъ, передается разговоръ матери съ ея единственнымъ сыномъ [1]). Сурамомъ заканчивается съ запада Карталинская равнина, въ которой вода древняго озера замѣстилась обильно-плодородной почвой. Желѣзная дорога, проходящая черезъ Сурамъ, можетъ быть разсматриваема какъ путь временной, такъ какъ только во избѣжаніе крупныхъ расходовъ на прорытіе тунеля, инженеры принуждены были допустить наклонъ въ 5 сантиметровъ на метръ: два паровоза особой конструкціи, съ трудомъ втаскиваютъ поѣздъ на гору. Вѣроятно впослѣдствіи направленіе этой дороги измѣнятъ и она свернетъ южнѣе, прорѣзавъ тунелемъ горный хребетъ вблизи Боржома [2]). Горы Мескъ покрытыя когда-то лѣсами, теперь уже во многихъ мѣстахъ обнажены и восточный вѣтеръ, спускающійся съ склоновъ этихъ горъ въ долину Кутаиса, сталъ болѣе рѣзокъ и сухъ.

Гори, главный городъ этой мѣстности и, такъ сказать, этнографическій центръ Грузіи, расположенъ почти-что на срединѣ существовавшаго здѣсь въ древности озера, недалеко отъ сліянія Куры въ ея притоками Ліахвы и Меджуда, направляющихся сюда изъ Осетіи. Этотъ городъ построился у подошвы одной небольшой горы, съ красующейся на ея вершинѣ цитаделью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой прекрасной мѣстности, что можетъ стать со временемъ садомъ Тифлиса, благодаря обилію воды годной для ирригаціи. Но мѣстные жители не умѣютъ еще извлекать выгоду изъ своей плодородной земли и превосходнаго климата; они, однако доставляютъ въ Тифлисъ много вина, служащаго болѣе крѣпкимъ напиткомъ, нежели вино кахетинское, а здѣшняя пшеница считается лучшей въ Закавказьѣ.

На востокъ отъ Гори тянутся отроги, состоящіе изъ третичнаго рухляка, круто обрывающіеся у берега Куры; къ сѣверу же они мало-по малу спускаются скатами, покрытыми обломками разрушенныхъ скалъ. На вершинѣ одного изъ этихъ отроговъ, верстахъ въ восьми отъ Гори, находится городъ пещерныхъ людей (троглодитовъ), Уфлисъ-цихе или Уплосъ-циха, онъ не менѣе интересенъ, чѣмъ монастырь Вардзія, и посѣщается гораздо чаще, такъ какъ лежитъ не далеко отъ Тифлиса и желѣзной дороги. Скала Уфлисъ-цихе, вышиной въ 650 футовъ, состоящая изъ наслоеній различныхъ по плотности, вся изрыта, изрѣзана, выдолблена, высѣчена, съ вершины до основанія, и представляетъ пирамидальную груду имѣющую видъ построекъ: остается только снять легкую каменистую оболочку, чтобы городъ появился на свѣтъ со всѣми своими башнями и куполами [3]). Очень вѣроятно, что грубые троглодиты были пер-

[1]) *Von Haxthausen.* Transkaukasia;—*Max von Thielmann*, ouvrage citè.
[2]) *Fabritius.* Russische Revue, 1876, № 11.
[3]) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase.

вѣми обитателями Уфлисскихъ гротовъ, но за то люди, жившіе въ этихъ пещерахъ послѣ нихъ, уже были знакомы съ роскошью и искусствами: въ подземныхъ залахъ этого древняго города находятъ остатки греческой, римской, арабской и византійской архитектуры.

Мцхетъ (или Мцхета), построенный у входа въ тотъ горный проходъ, который когда-то былъ заполненъ водами озера, находившагося на мѣстѣ Карталиніи, въ настоящее время есть не болѣе какъ деревушка, не имѣющая никакого значенія; но въ IV и V столѣтіяхъ, Мцхетъ былъ столицей грузинскихъ царей. Этотъ городъ на самомъ дѣлѣ, занимаетъ, очень важное положеніе въ центрѣ Закавказья, такъ какъ дорога изъ Дарьяльскихъ Воротъ, у которыхъ проходитъ Арагва, пересѣкается въ Мцхетѣ съ тѣмъ путемъ, который идетъ отъ Чернаго моря къ Каспійскому, черезъ долины Ріона и Куры. Разрушенная столица перемѣстилась недалеко отъ Мцхета, даже по сосѣдству съ нимъ, такъ какъ дѣйствительно, всего въ 20 верстахъ, отъ него стоитъ главный городъ Грузіи и всего Кавказа; она перемѣстилась болѣе къ югу, чтобы нѣсколько удалиться отъ осетинъ, этихъ очень опасныхъ сосѣдей [1]), тысячу лѣтъ тому назадъ. Устои одного моста черезъ Куру, построеннаго римлянами и относящагося къ эпохѣ преслѣдованія Митридата Помпеемъ, уцѣлѣли, какъ говорятъ, до 1841 года. Но Мцхетъ владѣетъ болѣе замѣчательнымъ памятникомъ своего прошедшаго—соборной церковью, основанной царемъ Міріаномъ въ 328 году, хотя съ того времени она часто реставрировалась и была даже перестроена; но все же она долгое время служила „Saint-Denis“ [2]) для грузинскихъ царей и первыхъ сановниковъ государства. Другая церковь въ Мцхетѣ относится также къ IV столѣтію. Высокій курганъ въ окрестностяхъ города былъ недавно раскопанъ.

Тифлисъ, главный городъ на Кавказѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый большой городъ въ Азіатской Россіи, не дальше какъ въ XV столѣтія состоялъ всего изъ небольшой группы домовъ, построенныхъ на берегу Куры, скользящей по скалистому ущелью и занимающей своимъ русломъ не болѣе семи саженъ ширины. Не было ни одного мѣста въ долинѣ болѣе удобнаго для постройки прочнаго моста черезъ Куру чѣмъ здѣсь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, это составляло и единственное преимущество Тифлиса; деревушка не могла расти пока не была поставлена на степень политическаго центра и не сдѣлалась пунктомъ, въ которомъ сходились всѣ дороги Закавказья.

---

[1]) *Пфафъ.* Воспоминанія объ осетинахъ.—*N. von Seidlitz*, Mittheilungen von Petermann, 1880.

[2]) Въ церкви Св. Денниса короновались французскіе короли. *Прим. пер.*

Грузинское названіе Тифлиса,—Тфилисъ или Тфилисъ-Калаки, обозначающее „Теплый городъ“,—происходитъ несомнѣнно отъ теплыхъ сѣрнистыхъ водъ температурой въ 45°, бьющихъ близъ Куры, въ расщелинѣ Тсавкиси, струясь сквозь порфиръ и сланецъ. Можно также приписать названіе „теплый городъ“, той дѣйствительно невыносимой жарѣ, заносимой сюда съ голыхъ раскаленныхъ скалъ, окружающихъ бассейнъ, въ которомъ лежитъ этотъ городъ, расположенный на высотѣ 1,200 футовъ надъ уровнемъ моря. Повсюду вокругъ Тифлиса видны лишь склоны холмовъ или сланцевыхъ горъ, съ ихъ желтымъ или сѣрымъ оттѣнкомъ, лишенные лѣсовъ, покрывавшихъ ихъ въ прежнее время; точно также и верхній, растительный слой земли, былъ снесенъ вѣтрами и дождями и исчезъ такимъ образомъ съ большей части утесовъ. Съ тѣхъ поръ какъ русскіе сдѣлались хозяевами страны, они сильно опустошили лѣса въ окрестностяхъ Тифлиса; но они производили истребленіе лѣсовъ только въ оврагахъ, низменныхъ мѣстахъ и островкахъ орошаемыхъ Курою; сѣроватая масса, выдающаяся мысами и на 1,300 и 1,600 футовъ выше уровня города, повсюду застилаетъ горизонтъ. Повыше квартала, бывшаго древнимъ городомъ Грузіи, стѣны, бастіоны и разрушившіяся башни нарушаютъ однообразіе горизонта. Между тѣмъ какъ на обоихъ берегахъ быстрой Куры, соединенныхъ тремя мостами, съ висячими надъ водой галлереями, низенькими домиками съ крышами раскрашенными въ разные цвѣта, церквями съ ихъ колокольнями, заканчивающимися восьми-гранными пирамидами, все это вмѣстѣ составляетъ живописную картину. Но между тѣмъ внѣшній видъ этого азіатскаго Тифлиса остается угрюмымъ: сѣроватый отѣнокъ кирпичныхъ и деревянныхъ построекъ производитъ на путешественника какое-то тяжелое впечатлѣніе [1]). Почти половина домовъ во время переписи 1874 г. была крыта землею, что́ придавало имъ видъ лачугъ и производило странный контрастъ съ рядомъ стоящими большими зданіями [2]). На сѣверо-западъ отъ стараго города идутъ, правильно выстроившись, новыя улицы, съ ихъ тяжелыми домами, церквами, казармами, дворцомъ, въ стилѣ завезенномъ сюда русскими; на широкомъ бульварѣ, по которому послѣ захода солнца толпится публика, видны магазины, обставленные со всей роскошью большихъ европейскихъ городовъ. А еще далѣе къ сѣверу, главнымъ образомъ на лѣвомъ берегу Куры, вокругъ воксала желѣзной дороги, городъ постоянно увеличивается. Тифлисъ развертывается все болѣе и болѣе на сѣверномъ берегу, по направленію къ Мцхету, чтобы въ широкой равнинѣ искать побольше свѣта и воздуху, которыхъ ему не достаетъ.

По разнообразію жителей Тифлисъ есть истинная столица Кавказіи.

---

[1]) *Venukov.* Notes manuscrites.

[2]) *N. von Seidlitz.* Russische Revue, 1880, № 2.

Хотя она и лежитъ въ этнографическихъ предѣлахъ Грузіи, но тѣмъ не менѣе этотъ городъ не есть чисто грузинскій; въ 1803 году, изъ 2,700 домовъ, только четыре принадлежали грузинамъ [1]). Армяне составляютъ самый большой процентъ тифлисскаго населенія: они составляютъ треть всѣхъ жителей, тогда какъ ни русскіе, ни грузины не составляютъ и пятой части, если даже при этомъ считать въ числѣ грузинъ мингрельскихъ и имеретинскихъ носильщиковъ и водовозовъ, этихъ „оверщевъ“ Тифлиса, слѣдующихъ пѣшкомъ за своей лошадью, везущей бурдюки, изъ которыхъ свищетъ вода.

Жителей Тифлиса, сгруппированныхъ по національностямъ, на основаніи переписи 1876 года можно расположить въ такомъ порядкѣ:

Армянъ	37,308	Поляковъ	1,592
Грузинъ вообще . . .	21,623	Евреевъ	1,145
Русскихъ.	19,574	Грековъ.	388
Нѣмцевъ.	2,005	Осетинъ.	293
Татаръ и турокъ . . .	2,310	Французовъ.	267
Персіянъ	1,692	Прочихъ жителей . . .	1,354

Въ пансіонахъ, казармахъ, госпиталяхъ и тюрьмахъ находилось 14,473 души.

Въ Тифлисѣ очень много пріѣзжихъ и пришлыхъ холостыхъ людей, пребывающихъ въ городѣ лишь временно. Среднимъ числомъ населеніе горожанъ состоитъ почти изъ $^2/_3$ мужскаго пола, именно: мужчинъ 66,148, а женщинъ 38,777. Этимъ объясняется отчасти та нравственная испорченность, на которую указываютъ всѣ путешественники. Вся эта безсемейная толпа наполняетъ собою улицы, но въ особенности же толпится около базара, на которомъ можно видѣть купцовъ всѣхъ расъ и костюмовъ, соотвѣтственно роду выставляемыхъ ими товаровъ: оружіе, кубки, ковры, шелковыя издѣлія, русскіе и англійскія матеріи, „articles de Paris“ и проч. Армяне очень искусные ювелиры и занимаются отдѣлкой въ оригинальномъ вкусѣ различныхъ драгоцѣнныхъ камней. Базаръ — главный и истинный центръ Тифлиса, если не въ геометрическомъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ въ торговомъ. Тифлисскія бани — другой центръ, средоточіе общественной жизни для русскихъ, армянскихъ и грузинскимъ женщинъ: здѣсь они занимаются своимъ туалетомъ, уборкой и раскрашиваніемъ волосъ. Въ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ; но за то имѣется богатый естественно-историческій музей, а во дворцѣ находится прекрасный рельефный планъ Кавказскаго хребта. Между многими учеными обществами, основанными въ Тифлисѣ, Географическое Общество, какъ отдѣленіе С.-Петербургскаго, издаетъ документы и записки очень цѣнныя для географіи и этнографіи Кавказа; Медицинское Обще-

[1]) *Владыкинъ.* Путеводитель по Кавказу.

ТИФЛИСЪ.

ство печатаетъ также очень полезныя изданія. Кромѣ этихъ двухъ Обществъ, нужно упомянуть еще о третьемъ, которое ставитъ своей цѣлью собираніе древнихъ рукописей, писаныхъ на закавказскихъ нарѣчіяхъ.

Задыхаясь въ этой жаровнѣ, въ которой расположенъ Тифлисъ, жители пользуются всякимъ случаемъ подышать чистымъ воздухомъ и толпятся въ окрестныхъ садахъ и паркахъ... Можно встрѣтить тысячи гуляющихъ въ аллеяхъ ботаническаго сада, расположеннаго у западной стороны старинной крѣпостцы, въ верхней части оврага, съ его теплыми источниками и въ прекрасномъ городскомъ саду устроенномъ въ центрѣ города, съ его тѣнистыми аллеями бѣлыхъ акацій, спускающимися къ Курѣ. Во время лѣтней жары, служащіе, а также богатые купцы, въ сопровожденіе трактирщиковъ и торговцевъ отправляются толпами за городъ къ вилламъ и трактирамъ, расположеннымъ въ горахъ. Главный „сенаторіумъ“ окрестностей Тифлиса—городокъ Коджоры, дома котораго разбросаны на высотѣ отъ 4350 до 4950 футовъ, по склонамъ горы, лежащей на западъ отъ Тифлиса, и въ которомъ грузинскіе цари имѣли свою лѣтнюю резиденцію; здѣсь же видны еще остатки древнихъ лѣсовъ. Манглисъ, Бѣлый-Ключъ и другія деревеньки раскинуты дальше, въ самомъ сердцѣ Тріалетскихъ горъ, покрытыхъ до сихъ поръ еще густыми лѣсами. Множество ломокъ алебастра снабжаютъ Тифлисъ известью необходимой для построекъ [1]). На югъ отъ города видны ращелины и кратеры вулкановъ, выбрасывавшихъ прежде потоки лавы, имѣющія видъ огромныхъ ступенекъ надъ плодородными нивами Сомхета, орошаемыми однимъ изъ притоковъ Куры. Эта мѣстность была долгое время во владѣніи Орбеліани, княжеской фамиліи китайскаго происхожденія, которая сопутствуемая различными восточными племенами [2]) покорила и завладѣла этой страной двадцать три вѣка тому назадъ, и которая существуетъ еще и по настоящее время. Различные развалины Сомхета, свидѣтельствуютъ о минувшемъ могуществѣ фамиліи Орбеліани.

Слѣдуя на юго-востокъ отъ Тифлиса, большая дорога, спускающаяся въ долину и къ подошвѣ горъ поднимающихся на югѣ, пересѣкаетъ собою нѣсколько рѣкъ, довольно опасныхъ во время разлива, но зеленѣющія берега которыхъ образуютъ точно оазисъ среди безводныхъ земель. У одной изъ такихъ рѣкъ, орошающихъ сады Анненфельда, поднимается знаменитая колонна Шамхоръ, о которой упоминаетъ еще Абулъ-Феда, въ тринадцатомъ вѣкѣ. Удивительно красивый по гармоничному сочетанію пьедестала, фундамента, фризы, капители и конечной колонки, этотъ минаретъ имѣетъ болѣе 180 футовъ высоты; но онъ сильно

---

[1]) *N. von Seidlitz.* Russische Revue, 1880, № 2.

[2]) *Saint-Maitin.* Discription de l'Arménie; – *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase.

обветшалъ и наклонился, а куфическую надпись, сдѣланную на фризѣ, уже совершенно невозможно прочесть. Этотъ памятникъ, стоящій точно маякъ среди окрестныхъ развалинъ, полей и степей, относится, вѣроятно къ девятому столѣтію[1]). Бассейнъ Шахмора, воды котораго протекаютъ у деревни этого же имени, есть самый важный пунктъ на Кавказѣ по своимъ минеральнымъ богатствамъ. Здѣсь въ котловинѣ, среди порфировыхъ горъ, почти на 5,000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, находится заводъ Кедобекъ для добыванія мѣдной руды изъ сосѣднихъ съ нимъ рудниковъ. Это промышленное заведеніе, купленное въ 1863 году нѣмецкими инженерами, требуетъ постоянно болѣе тысячи рабочихъ:— персіанъ, татаръ, армянъ и грековъ,— и добываетъ среднимъ числомъ отъ восьми до десяти тысячъ тоннъ шести-процентной руды, издѣлія изъ которой покупаются отчасти правительствомъ для артиллерійскаго вѣдомства. Заводъ располагаетъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и 12,800 десятинами земли и лѣса, вообще отлично устроенныхъ; одинъ изъ минныхъ колодцевъ находится уже на глубинѣ около 2,000 футовъ[2]). Въ 1877 году на заводѣ добыто до 53,000 пудовъ мѣди, стоимостью въ 530,000 рублей. Залежи квасцовъ не менѣе богатыя, чѣмъ въ Толфѣ, близъ Чивита-Веккіи, занимающіе поверхность въ 30 кв. верстъ, находятся возлѣ Соглыка, въ бассейнѣ Шамхора[3]); по различнымъ остаткамъ найденнымъ въ минахъ, видно, что этими залежами пользовались еще во времена римской эпохи; въ 1878 году изъ нихъ добыто 7,800 пудовъ квасцовъ. Равнымъ образомъ, въ этой части Елизаветпольскаго округа добывается желѣзо и кобольтъ.

Въ 200 верстахъ на юго-востокъ отъ Тифлиса находится древній городъ Ганджа, бывшій столицей ханства того же имени, извѣстный теперь у русскихъ подъ именемъ Елизаветполя, и губернскаго города. Онъ существуетъ съ XI столѣтія; но прежній городъ стоялъ на нѣсколько верстъ въ сторону отъ теперешняго; до сихъ поръ еще видны развалины, приписываемыя одной легендой, лишенной всякаго основанія, городу построенному Александромъ Великимъ[4]), который никогда, какъ извѣстно, и не былъ въ бассейнѣ Куры. Недалеко отъ Елизаветполя, нѣсколько на юго-востокъ, на поляхъ, черезъ которыя протекаетъ Тертеръ, передъ сліяніемъ съ Курою, стояла древняя столица Агваніи или Албаніи, Партавъ, на мѣстѣ котораго находится теперь деревня Барда или Бердайя[5]); этотъ городъ былъ разрушенъ въ первой половинѣ X вѣка „русскими", „народомъ дикимъ и страннымъ",— какъ говорятъ о нихъ арабскіе

---

[1]) *K Koch.* Wanderungen im Oriente; *Dubois de Montpéreux*, ouvrage cité.
[2]) *N. von Seidlitz.* Mittheilungen von Petermann. 1880.
[3]) *Radde.* Vier Vortäge über den Kaukasus.
[4]) *Gamba.* Voyage dans la Russie meridionale, t. II.
[5]) *Проценко.* Кавказскій календарь. 1880.

авторы — пришедшимъ къ нимъ съ сѣвера Каспійскимъ моремъ [1]). Эта страна была прежде гораздо населеннѣе, судя по остаткамъ жилищъ: большая дорога идущая отсюда на западъ, долиною Тертера къ плоскогорію Гокча, прежде оцѣпляла города и деревни отъ низовьевъ Куры и до бассейна верхняго Аракса. Самый городъ Елизаветполь, построенный въ концѣ XVI столѣтія на теперешнемъ мѣстѣ, былъ прежде гораздо значительнѣе: всюду видны остатки многихъ разрушенныхъ зданій и прекрасная персидская мечеть, построенная Шахъ-Абазомъ; бо́льшая часть домовъ, изъ которыхъ почти всѣ не имѣютъ оконъ, это глиняные мазанки, сохраняющіеся бозконечно долго, благодаря сухости климата, и вмѣстѣ съ развалинами, придающіе городу какой-то ветхій видъ. Жилища окружаютъ прекрасныя деревья, въ особенности чинары; городъ,—это большой садъ имѣющій верстъ двадцать въ окружности, и тѣмъ не менѣе онъ не пользуется здоровымъ мѣстоположеніемъ; весь чиновный людъ переселяется на лѣто южнѣе, въ горы покрытые лѣсомъ, въ Геленендорфъ, въ Хаджи-Кендъ и на берега живописнаго „Синяго озера“ (Гѣкъ-гѣль). Елизаветполь отличается, къ сожалѣнію, видомъ проказы, извѣстной подъ мѣстнымъ названіемъ „годовикъ“, такъ какъ эта болѣзнь продолжается около года, не поддаваясь излеченію никакими средствами; полагаютъ что эти пораженія кожи, оставляющія послѣ себя на лицѣ отвратительные слѣды, аналогичны съ „Алепской язвой“. Можетъ быть эту спеціальную болѣзнь можно приписать двадцати двумъ кладбищамъ, находящимся въ сосѣдствѣ съ городомъ, прилегающимъ къ садамъ и примѣшивающимъ трупные останки къ водѣ ирригаціонныхъ каналовъ, проведенныхъ изъ рѣки Ганджи [2]). Воды послѣдней, развѣтвляясь по сотнямъ садовъ, не всегда достигаютъ Куры. Благодаря Елизаветпольскимъ татарамъ, занимающимся почти исключительно земледѣліемъ или садоводствомъ, швабскимъ колонистамъ въ Геленендорфѣ, пришедшимъ сюда въ 1816 году, а равно духоборцамъ, населяющимъ нѣсколько окрестныхъ деревень, страна эта славится своими фруктами и овощами; здѣсь растутъ превосходнѣйшіе вишни въ Закавказьѣ; кромѣ того здѣсь занимаются главнымъ образомъ производствомъ табаку и хлопка, разводятъ также тутовое дерево, воспитываютъ шелковичныхъ червей, изготовляютъ телѣги по образцу неуклюжихъ экипажей, вывезенныхъ изъ Швабіи, и имѣютъ также нѣсколько ткацкихъ фабрикъ. Армяне, которые относительно городскаго населенія нѣсколько малочисленнѣе татаръ, служатъ торговыми посредниками.

Шуша, самый большой городъ въ Елизаветпольской губерніи, населенъ также армянами и татарами, столь разнящимися какъ по роду

[1]) *Kunik*;—*Moses Kagankavatzi*; *Dorn*; *d'Ohsson*, Peuples du Caucase.
[2]) *Statkovskiy*. Problèmes de la climatologie du Caucase.

дѣятельности, такъ и по нравамъ. Построенный почти на 3,500 футахъ высоты, на мелафировой террасѣ, расположенной у горной долины, и окруженной кромѣ того амфитеатромъ горъ, Шуша одинъ изъ тѣхъ городовъ Кавказа, климатъ которыхъ наиболѣе суровый. Онъ мало похожъ на города равнинъ: его улицы широки и вымощены плитнякомъ, дома построены не изъ кирпича или изъ битой глины, а изъ тесаннаго камня, добытаго изъ того же пласта на которомъ стоитъ городъ: укрѣпленныя зданія съ башнями и подземными выходами придаютъ Шушѣ видъ средневѣкового европейскаго города [1]). Армянскіе купцы очень дѣятельны, ведутъ прямыя сношенія съ торговыми домами въ Тифлисѣ, Москвѣ, Марсели, занимаются преимущественно торговлей шелкомъ и владѣютъ нѣсколькими фабриками шелковыхъ тканей. На сѣверъ отъ Шуши находится Джанятагскій конскій заводъ, основанный съ цѣлью сохранить породу лошадей карабагскихъ; онъ еще съ прошлаго столѣтія сталъ приходить въ упадокъ. Что касается до мѣдныхъ рудъ въ горахъ, расположенныхъ нѣсколько западнѣе, то они приносятъ лишь небольшую пользу.

По другую сторону бассейна Куры, Телавъ, бывшая столица Кахетіи и резиденція „царя-царей“ въ XI вѣкѣ, теперь не болѣе какъ уѣздный городъ; онъ оставался долгое время простой деревней, довольно впрочемъ, живописной, благодаря развалинамъ крѣпости, раскинутымъ на вершины скалы, въ долинѣ Алазана. Важность этого города, какъ рынка наиболѣе посѣщаемаго оптовыми виноторговцами, все болѣе ростетъ; но отсутствіе хорошаго сообщенія съ Тифлисомъ, исключая той дороги, что идетъ черезъ перевалъ Гомбори, и колеснаго пути, однако еще не оконченнаго, представляетъ для города большое неудобство, тѣмъ болѣе что онъ осужденъ на долгое время оставаться внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сигнахъ, расположенный какъ и Телавъ, на высотѣ болѣе двухъ тысячъ футъ, на возвышенности къ югу отъ долины Алазана, началъ свое существованіе съ крѣпости или, въ переводѣ его названія съ татарскаго языка, „мѣста убѣжища“; мало по малу онъ сдѣлался торговымъ городкомъ и армяне, привлеченные сюда торговлей винами, составляютъ теперь преобладающее населеніе города. По другую сторону долины, у южной подошвы главнаго Кавказскаго хребта, нѣкоторые города, съ ихъ орошеннымъ полями служили для защиты противъ лезгинъ, таковы: Бѣлоканы и Закаталы. Послѣдній, какъ городъ самъ менѣе важенъ, нежели его южный пригородъ Талы, окруженный садами. Нуха, построенная точно также у подошвы Главнаго хребта, еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, была простой деревушкой: въ ея крѣпости, построенной въ 1765 году татарскимъ ханомъ Гусейномъ находится дворецъ въ персидскомъ стилѣ, необыкновенно оригинальной кра-

[1]) *Vereshtchaghin.* Tour du Monde, 1869.

соты и служащій центромъ различныхъ кварталовъ города, съ его широко раскинутыми предмѣстьями, оросительными каналами и окрестными рощами, въ которыхъ раздаются трели многочисленныхъ соловьевъ. Нуха населена преимущественно мусульманами - суннитами, занимающимися главнымъ образомъ шелководствомъ и выдѣлкой шелковыхъ тканей: этотъ городъ—самый важный торговый центръ по вывозу шелку-сырца; одна компанія шелководовъ во время крѣпостного права [1]) владѣла двадцатью восемью деревнями. Съ тѣхъ поръ какъ болѣзнь шелковичныхъ червей произвела сильныя опустошенія въ западной Европѣ, въ Нуху каждый годъ наѣзжаютъ сотни французскихъ и итальянскихъ купцовъ, чтобы добывать яичекъ шелковичнаго червя.

Шамахи, или Шемаха, какъ говорятъ русскіе, уѣздный городъ прежней провинціи Ширванъ, былъ прежде самымъ большимъ центромъ въ Закавказьѣ, и полагаютъ, что въ XVII столѣтіи въ его стѣнахъ находилось не менѣе ста тысячъ жителей; но послѣ того онъ много пострадалъ отъ землетрясеній и еще больше отъ людской жестокости. Его опустошилъ Петръ Великій, а затѣмъ Надиръ-Ханъ. Лишенный степени губернскаго города въ пользу Баку, онъ все же остался самымъ многолюднымъ пунктомъ въ цѣлой губерніи. Подобно сосѣднему съ нимъ городу Лагичу, расположенному нѣсколько сѣверо-западнѣе, въ долинѣ, начинающейся у Баба-дага, Шемаха обогатилась мануфактурной промышленностью. Татарскіе женщины приготовляютъ шерсть, красятъ ея и ткутъ изъ нея прекраснѣйшіе ковры, подражая персидскимъ образцамъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи эта работа, требующая терпѣнія и вкуса, можетъ быть поставлена выше подобныхъ же произведеній французской фабрикаціи, какъ по красотѣ рисунка, такъ и по богатству красокъ и дешевизнѣ; „эти ковры самыя лучшія и самые прочные во всей Азіи [2])“. Гранаты безъ сѣмячка, получаемые изъ шемахинскихъ садовъ, пользуются извѣстностью на Востокѣ [3]).

Баку, губернскій городъ восточной провинціи Закавказья, имѣетъ совершенно азіатскій видъ. Его низенькіе дома съ плоскими крышами, высокіе минареты, дворецъ хановъ, окружающіе его желтоватые холмы и голубыя воды залива придаютъ ему типичный видъ восточнаго города. Одна старинная башня, имѣющая видъ усѣченнаго конуса, стоитъ совершенно уединенно на берегу моря: это — „башня Молодой Дѣвушки“, построенная, вѣроятно, для караульной службы, а въ теперешнее время превращенная въ маякъ. Вмѣстѣ съ воротами ханскаго дворца, украшенными великолѣпными арабесками, эта башня служитъ единственнымъ интереснымъ памятникомъ древности въ Баку. Городъ грязенъ, улицы

[1]) *Kolenati.* Bereisung Hoch-Armeniens und Elisavetpol.
[2]) *K. Koch.* Wanderungen im Oriente.
[3]) *Reneggs. Klaproth*, etc.

кривыя и пыльныя; въ 1878 году Баку не былъ еще освѣщенъ: городъ нефти не имѣлъ ни одного фонаря. Высшее начальство по ночамъ сопровождали казаки съ зажженными факелами [1]). Баку имѣетъ важность для торговли, только какъ портъ всего Закавказья, прилегающаго къ Каспійскому морю. Не менѣе пятидесяти судовъ, экипажъ которыхъ составляютъ по большей части татары, постоянно видны на его глубокомъ рейдѣ, совершенно защищенномъ окрестными холмами, расположенными полукругомъ, островками и подводными мелями: пароходы могутъ бросать якорь на 20 футахъ глубины и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Благодаря своему привиллегированному положенію между другими портами Каспійскаго моря, Баку легко можетъ стать наиболѣе важнымъ торговымъ пунктомъ въ сношеніяхъ съ Персіей, а черезъ посредство Астрахани, съ бассейномъ Волги и всей остальной Россіей. Хотя Баку находится еще только въ ожиданіи желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна идя по берегу Каспія, соединитъ его съ Ставрополемъ, а другая, пройдя долину Куры, соединитъ съ Тифлисомъ, но уже, какъ портъ, онъ занимаетъ послѣ Астрахани, самое бойкое мѣсто въ предѣлахъ внутренняго моря. Въ 1877 году 654 судна, съ общей вмѣстимостью въ 100,200 тоннъ, вели торговыя сношенія съ Персіей, а число каботажныхъ судовъ въ бакинскомъ портѣ, въ томъ же году, достигало 1818; что касается до предметовъ ввоза и вывоза, то первыя оцѣниваются въ 879,060 рублей, а вторые—въ 1.279,620. Но промышленность самаго города сводится почти къ нулю: обработка нефти и ея смолистыхъ продуктовъ производится вблизи „огненныхъ источниковъ“, въ Балаханахъ и Маштаги. Бакинскіе рыбаки занимаются и ловлей тюленей.

Сальяны или Сальянъ, городокъ расположенный у дельты Куры, не далеко отъ того мѣста гдѣ эта рѣка раздваивается на рукава, пользуется тѣми выгодами, которыя доставляютъ ему рыбная ловля и плодородіе садовъ. Оффиціально онъ считается простымъ мѣстечкомъ, но тѣмъ не менѣе это единственный настоящій городъ закавказскаго прибрежья, на югъ отъ Баку. Ленкоранъ или Ленкорудъ, хотя и лежитъ при морѣ у персидской границы, но какъ портъ не пользуется тѣми преимуществами, которыми располагаетъ Баку. Названіе города происхожденія татарскаго, обозначающее „якорная стоянка“, и тѣмъ не менѣе суда открытые дѣйствію вѣтра и волнъ, должны останавливаться въ трехъ верстахъ отъ берега. Жизнь въ Лепкоранѣ подвержена риску, по причинѣ тѣхъ скопленій воды или протоковъ, которые разсѣяны вдоль берега, и извѣстныхъ подъ названіемъ *мурд-абъ* или „мертвыхъ водъ“: во всей этой мѣстности свирѣпствуетъ лихорадка. Въ болотахъ охотники ловятъ сѣтями безчисленное множество утокъ и иныхъ болотныхъ птицъ. Вмѣстѣ

[1]) Вѣстникъ Европы. 1879.

съ воздѣлываніемъ риса, введеннымъ въ эту сырую мѣстность, перенесена была сюда чуть ли не вся индійская флора, чрезвычайно интересная для ботаниковъ [1]).

На югъ отъ Ленкорана, маленькій портъ Астара, расположенный на песчаной косѣ, у устья рѣки того же имени, пользуется едва ли не большими преимуществами, нежели Ленкоранъ, какъ по своему климату, такъ и по болѣе удобному доступу для судовъ; здѣсь же находится русская таможня, а по другую сторону рѣки начинается персидская территорія. Астара особенно извѣстна своими сушеными фруктами, чернильными орѣшками, сырымъ хлопкомъ и разными припасами, привозимыми въ этотъ городъ персами, которые получаютъ въ обмѣнъ бумажныя ткани, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, въ томъ числѣ и самовары. Годичная торговля въ Астарѣ простирается до милліона рублей.

Въ 1874 г., изъ городовъ бассейна Куры и восточнаго Закавказья, слѣдующіе имѣли болѣе 5000 жителей:

Новыя завоеванія:		Сальяны	9,050
Ардаганъ	5,000	Маштаги	5,075
Тифлисская губернія:		*Елизаветпольская губернія:*	
Тифлисъ	104,750	Шуша	24,550
Ахалцыхъ	13,250	Нуха	20,900
Сигнахъ	9,250	Елизаветполь	18,500
Телавъ	7,025	*Округъ Закаталы:*	
Гори.	5,000	Талы	5,950
Бакинская губернія:		Бѣлоканы	5,550
Баку	14,575		

VII.

РУССКАЯ АРМЕНІЯ.

Араратъ, Алагезъ, Гокчайское плоскогоріе и бассейнъ Аракса.

Бассейнъ Аракса, взятый въ общемъ, отличается географическимъ единствомъ: это широкая полоса, имѣющая видъ полукруга, идущаго на сѣверъ отъ Иранскаго плоскогорія и обращеннаго своей выпуклой стороной къ югу. Высокія горы, съ ихъ могущественными контрфортами, опоясываютъ этотъ бассейнъ почти со всѣхъ сторонъ, кромѣ части прилегающей къ Каспійскому морю, и занятой аллювіальной равниной, образованной наносами Аракса и Куры. Рѣки-близнецы протекаютъ по мѣстностямъ этнографически неоднороднымъ. На берегахъ Куры живутъ

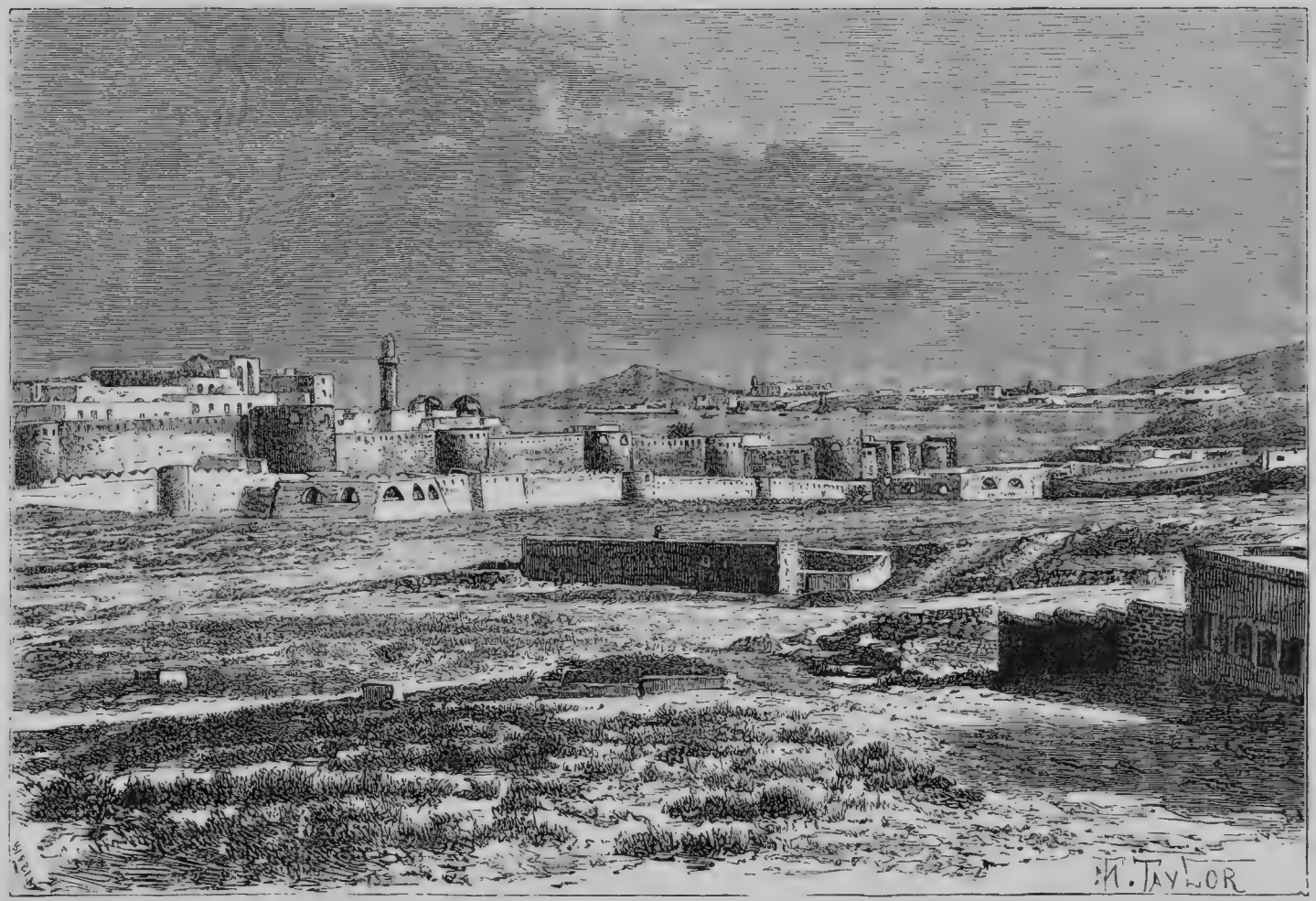
[1]) *N. Von Seidlitz.* Russische Revue. 1879.

армяне, грузины, татары; въ равнинѣ Аракса — армяне, курды, отчасти татары, одни о-бокъ съ другими; но несомнѣнно, что собственно армяне составляютъ здѣсь преобладающій элементъ, и притомъ не только по степени своей культуры и вліянію на остальное населеніе, но также и по своей численности. Въ политическомъ отношеніи, бассейнъ Аракса является точно также раздробленнымъ: верховья его принадлежатъ Турціи, правый берегъ примыкаетъ большею частью своего теченія къ Персидской территоріи, а добрая половина этого бассейна принадлежитъ Россіи, завладѣвшей на немъ самыми благопріятными стратегическими пунктами, позволяющими ей во всякое время спуститься въ долину Ефрата. Россія имѣла въ виду пріобрѣсти также истоки этой рѣки съ ея верхними притоками, до самаго Діадина, но подъ вліяніемъ Англіи, должна была съузить эти предѣлы и удовольствоваться тѣмъ, что ей было удѣлено, не взирая на Санъ-Стефанскій договоръ, Берлинскимъ конгресомъ. Знаменитая гора Араратъ, этотъ исполинъ Анти-Кавказа, и Эчміадзинскій монастырь, религіозная столица армянъ и центръ этой національности, находятся на русской территоріи.

На сѣверъ отъ истоковъ Аракса, горы, сѣверный склонъ которыхъ спускается къ Черному морю, изрѣзаны оврагами и долинами, а ихъ контрефорты и неправильныя звенья, каковы: Керечи-дагъ, Соганлы-дагъ Чилдиръ-дагъ, и проч. сливаются на сѣверъ отъ Карскаго бассейна, на плоскоріи занятомъ озерами, заканчиваясь на востокѣ вулканами Абуломъ и Самсаромъ. Эти спутанныя звенья чрезвычайно затрудняютъ сообщеніе между противоположными склонами, не смотря на что они далеко не достигаютъ той высоты, какъ массивы Кавказа или Анти-Кавказа; самая высокая вершина Казилъ-дагъ или „Красная гора“, находящаяся между бассейномъ Карса и озеромъ Чалдыромъ, имѣетъ высоты всего лишь 10,200 футовъ, а слѣд. лежитъ ниже идеальной линіи вѣчныхъ снѣговъ. На югъ отъ истоковъ Аракса площадь занимаемая горами съуживается, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится выше и встрѣчается съ водораздѣльнымъ хребтомъ, идущимъ по направленію съ запада на востокъ, между долиной Аракса и той которая идетъ параллельно Ефрату или Мураду; нѣсколько вершинъ съ угасшими кратерами расположенныхъ въ рядъ на этой вулканической цѣпи, достигаютъ высоты болѣе чѣмъ 9,850 футовъ. Перли-дагъ, находящійся на срединѣ цѣпи и Чингилъ, на ея восточной оконечности, около перевала ведущаго изъ равнины Эриванн въ Байязетъ, оба достигаютъ почти 10,500 футовъ высоты.

Нѣсколько ручейковъ стекающихъ въ Аксъ указываютъ своимъ названіемъ „Тузла-су“, на характеръ воды, которая передъ выходомъ на поверхность проходитъ черезъ залежи соли [1]). На сѣверъ отъ Перли-

[1]) *K. Koch.* Wanderungen im Oriente.



ВИДЪ ГОРОДА БАКУ.

дага въ равнинѣ, съ третичнымъ напластованіемъ, кромѣ трахитоваго конуса Текелти-дагъ, находится еще гора Кульпъ, — одна изъ самыхъ громаднѣйшихъ массъ каменной соли, какія только извѣстны; не вдалекѣ отъ нея Араксъ, еще не принявъ въ себя западный Арпачай, проходитъ черезъ узкое ущелье съ базальтовыми стѣнами. Окружающіе холмы лишены растительности и состоятъ изъ глины и мергеля различныхъ цвѣтовъ, краснаго, синяго, зеленаго и сѣраго, что́ придаетъ мѣстности какой-то странный, пестрый видъ. Соленосная гора, образованная изъ такихъ-же разноцвѣтныхъ слоевъ, идетъ на востокъ съ слабымъ подъемомъ, между тѣмъ какъ на западѣ она прерывается сразу, обрывисто, всего на разстояніи какихъ нибудь полутора верстъ и заканчиваясь тремя крутыми уступами; въ ея обнаженныхъ стѣнахъ видны прожилки соли, бѣлаго, розоваго и зеленоватаго цвѣта, отдѣленныя слоями глины, заключающей въ себѣ безчисленные кристалы селенита, блещущіе на солнцѣ. Самый верхній пластъ соли, толщина котораго равняется, въ среднемъ 50 футамъ, никогда еще не былъ эксплоатированъ солепромышленниками; точно также не обращается никакого вниманія на самый нижній слой, отчасти выщелоченный; разрабатываютъ только средній пластъ, толщина котораго колеблется между 100 и 210 футами; яма, вырытая съ лицевой стороны уступа, тянется вглубь болѣе чѣмъ на полверсты (600 метр.). Ломка соли въ Кульпѣ, вѣроятно можетъ считаться, внѣ Китая, одной изъ самыхъ древнѣйшихъ. Армяне разсказываютъ, что сюда приходилъ Ной запасаться солью, и даже могутъ указать мѣсто, гдѣ патріархъ началъ свою работу. Въ части рудника, уже заброшенной, рабочіе не рѣдко находятъ молоты и каменные ломы, относящіеся къ той эпохѣ, когда еще не знали употребленія металловъ. Эти орудія рудокоповъ, прикрѣплявшіяся къ ручкѣ посредствомъ ремня, сдѣланы изъ діорита, т. е. изъ такой горной породы, которая не встрѣчается ни въ одной изъ окрестныхъ горъ и вѣроятно пріобрѣталась путемъ торговли съ отдаленными странами. Хотя способы добыванія и улучшились съ тѣхъ поръ, но все же они остаются крайне грубыми, а недостатокъ дорогъ ограничиваетъ дѣятельность Кульпинскаго рынка Тифлисской и Эриванской губерніями. Среднее количество добываемой соли поднялось за послѣдніе сорокъ лѣтъ, начиная съ 1836 года, съ 4.000 на 16.300 тоннъ [1]).

Гора Араратъ, „историческій центръ Армянскаго плоскогорія“ и центральный пикъ цѣпи тѣхъ плоскогорій и возвышенностей, которыя тянутся черезъ Старый Свѣтъ, начинаясь у мыса Доброй Надежды и оканчиваясь у Берингова пролива [2]), поднимается на восточномъ продолженіи вулканической цѣпи между Араксомъ и Ефратомъ; но ея ко-

[1]) *G. Radde.* Vier Vorträge über den Kaukasus.
[2]) *Carl Ritter.* Erdkunde, Asien, vol. X.

ническая масса, бѣлѣющая отъ снѣга и испещренная черными прожилками, такъ высоко поднимается надъ другими горами, что она кажется стоящею какъ бы во главѣ кортежа, а холмы и плоскія возвышенности простираются у ея подножья точно равнины. Самое имя Арарата, происхожденія вѣроятно арамейскаго и равнозначуще выраженію „особенно высокій"; армянское же названіе—Мазисъ, которое и есть настоящее имя горы, такъ какъ она находится на армянской землѣ, обозначаетъ „большой" или „величественный"[1]). Турки дали названіе Арарату Агридагъ или „скалистая гора" (Арги-дагъ, гора Ковчега), между тѣмъ какъ персы называютъ ее Кох-і-Ну или „Гора Ноя" [2]). Весьма естественно, что на эту величественную гору, единственную по своей славѣ, болѣе гордую чѣмъ оба Олимпа эллиновъ, жители долины Ефрата смотрѣли какъ на божественную вершину, и что, по восточнымъ миѳамъ, съ ея священной верхушки сошли люди и животныя, чтобы населить собою міръ. Армяне до сихъ поръ еще показываютъ издали точное мѣсто, на которомъ остановился ковчегъ Ноя послѣ „сорокадневнаго плаванія надъ вершинами самыхъ высокихъ горъ". „Духи, вооруженные огненнымъ мечемъ охраняли этотъ священный корабль, зеленый какъ дернъ холмовъ" [2]).

Если смотрѣть на Араратъ изъ Нахичевани, то онъ кажется одной конической массой, поднимающейся на сѣверо-западѣ; изъ Баязета онъ видѣнъ на югѣ, а изъ Эривани—съ сѣвера; съ двухъ послѣднихъ пунктовъ, онъ представляется въ видѣ двухъ различныхъ горъ, стоящихъ по линіи направленія Кавказскаго хребта. Большой Араратъ поднимаетъ свою двуглавую вершину къ сѣверо-западу отъ Малаго Арарата, отдѣляющагося отъ своего сосѣда глубокой впадиной. Въ общемъ же обѣ горы, вмѣстѣ съ ихъ контрфорсами, занимаютъ между двумя равнинами, Баязета и Эривани, пространство около 900 кв. верстъ. Высота Арарата и прилегающихъ къ нему возвышенностей слѣдующая:

Большой Араратъ	5,160 метровъ.	(16,925 фут.)	
Малый Араратъ	3,596 „	(11,695 „	
Промежуточный перевалъ (по Абиху) .	2,705 „	(8,872 „	)
Баязетъ (крѣпость)	2,043 „	(6,700 „	)
Эчміадзинъ	765 „	(2,827 „	)
Эривань	985 „	(3,130 „	)

Склоны Арарата почти со всѣхъ сторонъ очень пологи, и напоминаютъ Этну; но мѣстами потоки лавы и очень глубокій снѣгъ, становящійся рыхлымъ въ продолженіи лѣтняго времени, дѣлаетъ восхожденіе очень труднымъ для путешественника. Армяне разсказываютъ различныя чудеса,

[1]) *Vivien Saint Martin.* Becherches sur les populations primitives du Caucase.
[2]) *Carl Ritter*, volume cité.
[3]) *James Greagh.* Armenians, Koords and Turks.

которыми были часто останавливаемы ихъ пастухи, и нечестивцы, пытавшіеся взобраться на гору „Матери-Міра"; а неудачные попытки Турнефора и Морье, еще болѣе утвердили ихъ въ этомъ. Но когда Парротъ[1]) вполнѣ удачно достигъ вершины, въ 1829 году, они единодушно отрицали, чтобы такой подвигъ могъ быть исполненъ, продолжали по прежнему держаться своихъ мнѣній и набрасывать нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на увѣренія этого ученаго, пока другіе, вслѣдъ за Парротомъ, не выполнили эту задачу съ такимъ же успѣхомъ. Въ 1850 году г. Ходзько провелъ цѣлыхъ пять дней на вершинѣ ради своихъ работъ по тріангуляціонной съемкѣ Кавказа. Отсюда онъ визировалъ Савелянъ, отстоящій на 329 верстъ на юго-востокъ и Эльбрусъ, на разстояніи 413 верстъ къ сѣверо-западу, посредствомъ геліотроповъ съ другими астрономами, находившимися на Акдагѣ, среди Гокчайскаго плоскогорія.

На высотѣ 11,400 футовъ (3,475 метр.) горные склоны сплошь покрыты растительностью, но на 12,300 фут. (3,750 м.) семейство злаковъ уже прекращается; на 13,000 ф. (3,950 м.) и до самой линіи постоянныхъ снѣговъ, встрѣчается не болѣе разновидностей въ флорѣ, чѣмъ на высотахъ европейскихъ Альпъ[2]). Виды, ростущіе на высотахъ Арарата, всѣ очень похожи или однородны съ тѣми, что встрѣчаются на Альпійскихъ вершинахъ, но они не такъ многочисленны какъ на этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, изъ 49 разновидностей, ростущихъ на Фаульгорнѣ, здѣсь, на соотвѣтственной полосѣ, найдено всего лишь 31, что безъ сомнѣнія можно приписать большей сухости воздуха на горахъ Арменіи[3]). Что касается до фауны этихъ горъ, съ которыхъ, по восточнымъ миѳамъ, сошли всѣ существующія животныя, то она сравнительно очень бѣдна: волкъ, гіена, и пожалуй еще пантера, встрѣчающаяся въ лѣсахъ у горной подошвы, по близости Аракса; на склонахъ самого Мазиса встрѣчается только туръ, каменная куница и одинъ видъ зайца; не видно даже летучихъ мышей.

Хотя Араратъ всего на три градуса широты южнѣе Пиринеевъ, но онъ гораздо выше свободенъ отъ снѣга. Линія вѣчныхъ снѣговъ начинается, по Вагнеру, на высотѣ 13,840 фут. (4,220 м.), и на 14,330 (4,370) по Парроту, а слѣдовательно она здѣсь болѣе чѣмъ на полторы версты выше начала снѣговой линіи въ Пиринеяхъ. Это зависитъ отъ открытой мѣстности, на которой стоитъ Араратъ, вслѣдствіе чего онъ предоставленъ всей силѣ солнечныхъ лучей, отражаемыхъ прилегающей къ нему плоской возвышенностью и вліянію вѣтровъ, содѣйствующихъ испаренію влаги; вотъ почему этотъ громадный вулканъ показываетъ свои обнаженные утесы изъ черной лавы менѣе чѣмъ на 3,280 футовъ ниже

[1]) *Reise zum Ararat.*

[2]) *G. Radde.* Записки Кавказ. Отдѣла, Русск. Геогр. Общества, т. I № 2.

[3]) *Statkovskiy.* Problemes de la climatologie du Caucase.

своей верхушки; но за то въ оврагахъ, которыми изборождены его бока, снѣгъ лежитъ гораздо ниже; разсказываютъ даже, что въ одномъ мѣстѣ, въ нижней части, онъ покрытъ сплошь снѣгомъ точно зубчатымъ воротникомъ. Въ большей части его ущелій снѣжныя лавины принимаютъ кристаллическое строеніе и превращаются въ настоящіе ледники,—единственные въ Арменіи,—спускающіеся ниже 9,850 футовъ (3,000 метр.) высоты; главнымъ изъ нихъ, въ сѣверо-западной части горы, считается ледникъ св. Іакова, воронка котораго образована навѣрное предшествовавшими изверженіями Арарата, и похожа на ту, что находится въ небольшой долинѣ Дель-Бове, у склона Можнибелло [1]). Въ минувшую геологическую

Араратъ съ сѣверо-восточной стороны.

эпоху ледники Арарата спускались гораздо ниже: это видно по остаткамъ глетчеровъ и по слѣдамъ, оставленнымъ ими на поверхности трахитовыхъ скалъ, въ видѣ шлифовки и шрамовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волнистыя поверхности стѣнъ такъ отлично отесаны продолжительными прохожденіями льдовъ, что блестятъ точно металлъ, отражая солнечные лучи съ ослѣпительной яркостью [2]).

Фактъ очень любопытный: Араратъ, не смотря на громадное количество снѣга, который покрываетъ его конечную пирамиду, и которымъ засыпанъ его кратеръ, совершенно не даетъ воды. Натуралистъ Ваґнеръ могъ найти

[1]) *Abich.* Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches.
[2]) *Moritz Wagner.* Reise nach dem Ararat.

только два ручья у подошвы этой могучей горы, да и тѣ были не болѣе какъ небольшія струйки, журчащія между каменьями. Въ то время какъ сосѣднія горы, одинаковаго вулканическаго происхожденія, даютъ цѣлыя потоки воды и наполняютъ ею обширныя и глубокія озера,—склоны Арарата остаются сухими и знойными. Во время засухъ, они необитаемы по недостатку растительности и влаги; пастухи не гоняютъ туда свои стада; рѣдко встрѣчаются тамъ и дикія животныя; даже птицы избѣгаютъ этой горы съ ея чернѣющими утесами, съ блеклой растительностью. Здѣсь царитъ полнѣйшая глушь, точно среди песчаной пустыни. Вода, образующаяся отъ таянія снѣговъ, или падающая въ видѣ дождя, исчезаетъ въ трещинахъ почвы, подъ слоями пепла и лавы, и скопляется, вѣроятно, или въ подземныхъ озерахъ, или же, скорѣй, стекаетъ въ скрытыя рѣки.

Эти подземныя воды, которыя въ соприкосновеніи съ слоями, лежащими въ нѣдрахъ земли и ихъ высокой температурой, превращаются въ пары, объясняютъ можетъ быть страшное изверженіе, происходившее въ 1840 году: одинъ древній кратеръ, расположенный пониже монастыря св. Іакова, вдругъ снова разверзся; густой паръ поднялся вверхъ выше вершинъ Арарата, распространяя въ воздухѣ запахъ сѣры; послышались глухіе подземные раскаты, и затѣмъ гора стала выбрасывать изъ трещинъ громадное количество каменьевъ, изъ которыхъ многіе достигали вѣсомъ до пяти тоннъ; въ почвѣ образовались трещины, открывшія выходъ парамъ, и со дна рѣки Аракса стали бить клокочущіе горячіе ключи. Монастырь св. Іакова исчезъ подъ развалинами, равно какъ богатая и многолюдная деревня Аргури, которую армяне считали самой древнѣйшей на землѣ. Дѣйствительно, названіе Аргури въ переводѣ означаетъ „виноградная лоза“, а легенда добавляетъ къ этому, что въ Аргури Ной посадилъ первую лозу, по выходѣ своемъ изъ ковчега. Отъ изверженія пострадали не только двѣ тысячи душъ, жившія въ Аргури, но и въ Эривани, Нахичевани и Баязетѣ тысячи другихъ людей погибли при землетрясеніи; къ счастію, почти всѣ жители въ самый моментъ сотрясенія были вышедши изъ домовъ, подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ [1]). Четыре дня спустя послѣ изверженія и землетрясенія, новое несчастіе разрушило почти всѣ нивы и сады Аргури: вода и грязь скопившіяся въ кратерѣ и образовавшіяся отчасти черезъ таяніе снѣга, прорвали заключавшія ихъ стѣнки и разлились по склонамъ горы цѣлыми потоками, затопивши равнину, обративъ ее въ обширное болото. Изверженіе разрушившее Аргури было самымъ сильнымъ изъ тѣхъ, которыя извѣстны въ исторіи этой горы, хотя Араратъ уже и до того времени былъ нѣсколько разъ центромъ сильныхъ землетрясеній. Что касается до увѣреній путешественника Рейнегса, который будто бы видѣлъ въ 1785 г. дымъ и пламя,

[1]) *Moritz Wagner, Abich, Ходзько.*

выходившіе изъ вершины Арарата, то это болѣе чѣмъ сомнительно; никто изъ мѣстныхъ жителей армянъ не замѣтилъ этого явленія.

Аллахъ-гтезъ (Око Господне), или скорѣй, Ала-гёзъ, т. е. „пестрая гора“—если только это не есть исковерканное турками армянское названіе горы: Аракадзъ [1]), стоитъ противъ Арарата, по другую сторону равнины, раскинутой у Эривани. Эта вулканическая масса поднимается не такъ высоко, какъ Араратъ; но если его притупленный конусъ достигаетъ едва 13,750 футовъ высоты, то, по своему протяженію и могучимъ контрфорсамъ, онъ превосходитъ своего гордаго противника. На югъ и на востокъ, потоки его лавы спускаются въ самую долину Аракса; на западъ и на сѣверъ отъ него другіе потоки лавы, также относящіеся къ отдаленному геологическому періоду, разливались на долинѣ Арпачая, у Александрополя; масса извергнутаго вещества простирается на сотни верстъ въ окружности. Гора заслуживаетъ названія пестрой, по разноцвѣтнымъ оттѣнкамъ окалины, гладко отшлифованнымъ каменьямъ и обсидіанамъ, между которыми пробивается тамъ и сямъ зелень и цвѣты. Три изъ древнихъ кратеровъ заполнены маленькими озерами, находящимися вѣчно въ тѣни бросаемой окружающими ихъ стѣнами; но съ Алагёза, какъ и съ Арарата, стекаетъ въ долину воды очень немного: по временамъ и эта вода теряется въ окалинѣ и пеплѣ. Одно озеро, находящееся на югъ отъ горы, Айгеръ-гиль, питается подземной водою и само даетъ начало истокамъ прекрасной рѣки Карасу, притоку Аракса, катящей свои воды у подножья старинной цитадели Армавиръ [2]).

Алагёзъ стоитъ отдѣльно отъ прочихъ горъ, какъ и Араратъ; онъ соприкасается лишь небольшой и вытянутой возвышенностью съ горами, обращенными на сѣверъ отъ него, именно съ тѣми, что идутъ параллельно Кавказскому хребту и соединяютъ такимъ образомъ вулканическую цѣпь плоскогорія Ахалкалаки съ массивами, расположенными на востокъ отъ Эривани, у большого озера Гокчай. Эти горы, Сомхетъ, Памбакъ и еще нѣсколько другихъ, вершины которыхъ достигаютъ 8,080—9850 футовъ (2,400—3,000 метр.), суть простые кряжи плоскогорія, спускающіяся по обѣимъ сторонамъ длинными скатами, съ слабымъ наклономъ къ порогамъ горнаго прохода. Этекъ-майданскій перевалъ, находящійся на торговомъ пути изъ Тифлиса въ Эривань, пересѣкаетъ эту цѣпь на высотѣ 7,120 футовъ. Въ этомъ мѣстѣ находится сѣверо-западный уголъ той горной возвышенности, у которой перекрещиваются различныя оси Кавказскихъ горъ, образуя настоящій горный лабиринтъ, и направляясь съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, съ юго-запада на сѣверо-западъ; но господствующее направленіе остается сѣверо-западо юго-восточнымъ,

[1]) *Carl Ritter.* Asien, vol. X.

[2]) *Dubois de Montpèreux.* Voyage autour du Caucase.

параллельнымъ главному хребту. Впрочемъ хребты имѣютъ, въ-среднемъ, почти одинаковую высоту; они поднимаются на 3,280 футовъ надъ тѣмъ громаднымъ пьедесталомъ, какимъ служитъ имъ плато, и только не многіе изъ вулканическихъ конусовъ достигаютъ сравнительной высоты въ 5000 футовъ, или 10,000 футовъ абсолютной высоты. Этимъ пересѣченіемъ хребтовъ равной высоты и объясняется образованіе среди нихъ обширнаго озера, наполняющаго впадину въ плоской возвышенности, которое, превышая на 6,340 футовъ уровень Чернаго моря, не имѣетъ другихъ стоковъ кромѣ какъ съ юго-западной стороны къ Араксу, посредствомъ рѣки Занги, да и то лишь въ лѣтнее время. Это озеро—Гокъчай (Гокча) или „Синяя Вода“, какъ называютъ татары, — Севанга на языкѣ армянъ. Шардэнъ былъ первымъ европейскимъ путешественникомъ, указавшимъ на него. А между тѣмъ озеро занимаетъ не менѣе 1,212 кв. верстъ (1370 кв. километровъ), и слѣдовательно въ два съ половиной раза больше Женевскаго озера. Его глубина можетъ быть и не такъ значительна какъ озера Леманъ, но все же довольно велика: среднимъ числомъ она достигаетъ отъ 148 до 285 футовъ, но лотъ отыскиваетъ на линіи идущей вдоль озера и 360 футовъ, именно въ его самомъ съуженномъ мѣстѣ[1]). Въ сѣверной части бассейна вода имѣетъ прѣсный вкусъ, какъ и въ большей части озеръ служащихъ водоемами, но въ его южной части, гдѣ вода возобновляется медленнѣе, она нѣсколько солоноватая; въ озерѣ не болѣе пяти видовъ рыбы; изъ нихъ можно назвать форель и лосось; но за то, въ отношеніи количества, рыбы вообще очень много. Случается, что за одинъ разъ вытаскиваютъ сѣтью отъ 1000 до 2000 форелей; зимою ловятъ ихъ пробивая ледъ.

Гокчай обязано своимъ названіемъ прекрасному лазоревому цвѣту воды. Треугольной формы, нѣсколько съуженное у средины двумя выдающимися съ противуположныхъ сторонъ мысами, оно со всѣхъ сторонъ вполнѣ окружено горами, которыя вблизи берега кажутся сѣрыми, за тѣмъ мало по малу переходятъ въ синеватый фонъ, черезъ который пробиваются тамъ и сямъ бѣлыя полоски снѣга. Общій видъ этого пейзажа величественный и торжественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный. Склоны горъ, состоящіе изъ порфира и лавы почти совершенно обнажены; даже на берегу не видно нигдѣ деревца. Отъ древнихъ городовъ не осталось ничего кромѣ груды развалинъ, среди которыхъ часто находятъ множество монетъ, относящихся ко временамъ Сассанидовъ. Деревни пріютились въ хорошо защищенныхъ уголкахъ, у высокихъ уступовъ скалъ; кое гдѣ видны лачуги на половину вырытыя въ землѣ. Въ различныхъ мѣстахъ на плоскогоріи, раскинуты многочисленныя могильныя насыпи, называемыя

[1]) *Семеновъ.* Словарь Россійской Имперіи. *Кесслеръ.* Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. т. VII. 1876.

гробницами огу или великановъ, расположенныя или отдѣльно или рядами на краю террасы, и похожія на тѣ, которыя встрѣчаются на Алагёзѣ и почти на самой вершинѣ Малаго Арарата [1]). Почти всѣ поля, раскинутые на плоской возвышенности, давно уже стоятъ подъ паромъ, и страна снова сдѣлалась пустынной; еще недавно равно какъ и въ эпоху свайныхъ построекъ ни одного судна не было видно на волнахъ этого озера, [3]); сами рыбаки не удаляются далеко отъ берега. Въ продолженіи восьми мѣсяцевъ плоскогоріе покрыто снѣгомъ, а зимою, не смотря на жестокія бури, спускающіяся съ горъ, случается не рѣдко, что озеро покрывается льдомъ, сначала у береговъ, а затѣмъ мало по малу и на самой срединѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Гокчая, находится монастырь Севанъ, знаменитый у армянъ еще въ IX вѣкѣ; онъ занимаетъ островокъ изъ лавы, т. е. собственно вершину конуса, поднятаго со дна озера. Трудно вообразить болѣе печальное мѣсто для ссылки, болѣе мучительной скуки, какую навѣваетъ этотъ островокъ съ его черными скалами, лишенными всякой растительности, съ его монахами обреченными на молчаніе во все время, исключая четырехъ дней въ году. Но деревни лежащія не вдалекѣ, на плоскогоріи, сдѣлались лечебнымъ мѣстомъ для обитателей нездоровой Эривани. Лихорадки столь обыкновенныя и опасныя въ равнинѣ Аракса, совсѣмъ отсутствуютъ на плоскогоріи; воздухъ здѣсь чистый и укрѣпляющій.

На востокъ отъ Гокчая и его вулканической ограды, съ которой стекаютъ ручьи, наполняющіе маленькія долины, скрещиваются звенья Карабагскихъ горъ, извѣстные у грузинъ подъ именемъ Рани, или персидской страны Арранъ — древней земли Іудеевъ, и простираютъ свои лабиринты по направленію съ востока на юго-востокъ. Въ этой самой области, изрѣзанной глубокими ущельями, вершины волнистыхъ массивовъ Гокчая достигаютъ самой большей высоты, и если не касаются линіи вѣчныхъ снѣговъ, то тѣмъ не менѣе въ обрывахъ ихъ почти постоянно видны полосы снѣга. Круглый годъ сохраняютъ свои снѣжныя шапки только три или четыре горы: вершина Гемышь 11,270 фут. (или 3,740 метровъ), съ которой текутъ истоки Тертера, Казанголъ-дагъ, и его южный сосѣдъ, Капуджикъ, который продолжается на югъ къ городу Ордубату крутыми обрывами, заканчивающимися на вершинѣ остроконечной стѣною и обвалившимися у боковъ откосами. На югъ отъ этихъ кульминаціонныхъ точекъ восточной Арменіи, по другую сторону ущелья Аракса, поднимаются горы такой же высоты и точно также испещренныя полосами снѣга. Между цѣпью, въ которой царитъ Капуджикъ и горами идущими у Шуши, открывается бассейнъ Зангезура, средняя

[1]) *Bergé.* Russische Revue. 1874. № 11.

[2]) *Байернъ.* Сборникъ свѣденій о Кавказѣ. I, 1871.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ АРМЯНЪ.

высота котораго 3,950 фут. (1,200 метр.) и который, кажется, прежде составлялъ такую же озерную впадину какъ Гокча; но онъ опустѣлъ черезъ посредство двухъ рѣкъ,—Бергушета и Акеры, соединяющихся вмѣстѣ, передъ впаденіемъ въ Араксъ. Въ центрѣ этого бассейна поднимается коническая гора Ишкли или Качалъ-дагъ, достигающій 9,850 футовъ (3,000 метр.) вышины. Пепелъ и окалина, выброшенные окрестными вулканами и скопившіеся на днѣ бывшаго озера слоями въ нѣсколько сотъ футовъ, размыты рѣками въ глубокіе овраги. Пемзовыя террасы, занятыя подъ посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ, оканчиваются надъ зеленѣющими долинами разноцвѣтными утесами, сѣрыми, зелеными, синими и даже ярко-красными; размытые дождями въ видѣ иглъ и обелисковъ, они образуютъ тамъ и сямъ каменныя глыбы, нависшія въ видѣ сводовъ: это такіе же „крытыя колонны“, какія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Подобными приспособленіями пользуются крестьяне, устраивая въ нихъ свои погреба, стойла и даже самыя жилища [1]).

Флора гористой страны замѣчательно какъ походитъ на горную флору Европы, и если бы путешественника вдругъ перенести съ долины Альпъ на берега однаго изъ притоковъ Аракса, то онъ ничуть не замѣтилъ бы перемѣны мѣстности: онъ нашелъ бы здѣсь тотъ же букъ, дубъ, осину, тѣ же кустарники въ лѣсахъ, а между дерномъ тѣ же цвѣты [2]). Горныя долины, покрытыя слоемъ чернозема, очень плодородны; по причинѣ этого плодородія страна получила названіе Карабагъ, т. е., Черный садъ. Но на склонахъ въ лѣсной полосѣ, нуждающейся во влагѣ, гдѣ лѣтній зной доходитъ до 40° Цельсія, почва вообще безплодна: шалфей и еще нѣсколько душистыхъ травъ составляютъ почти единственныя растенія лужаекъ, а представители фауны—пресмыкающіеся: пауки, скорпіоны [3]) и страшные тарантулы, извѣстные у русскихъ обыкновенно подъ названіемъ фаланги (*phalangium araneoides*). Карабагскія лошади, считающіяся самыми лучшими и самыми красивѣйшими въ Закавказьѣ, отличаются способностью карабкаться по горамъ съ ловкостью козъ.

Араксъ, рѣка преимущественно армянская, беретъ свое начало внѣ русской территоріи, на югъ отъ Эрзерума; онъ получаетъ свои первыя воды съ вулкана Бингол-дага или „Горы тысячи ручьевъ“, южный склонъ котораго питаетъ нѣсколько притоковъ Ефрата, а также и самый Ефратъ; Араксъ былъ отчасти извѣстенъ подъ именемъ „рѣки тысячи озеръ[4])“ Въ видѣ небольшой рѣченки онъ проникаетъ въ русское Закавказье и затѣмъ увеличивается вдвое, принявши въ себя Арпачай или Ахуреанъ,

[1]) *N. Von Seidlitz*,—Mittheilungen von Petermann. 1880;—Notes manuscrits.
[2]) *Moritz Wagner*. Ouvrage cité.
[3]) *G. Radde*. Vier Vorträge über den Kaukasus.
[4]) *C. Koch*. Wanderungen im Oriente.

спускающійся съ вулканическихъ плоскогорій Александрополя и Алагёза: только благодаря этому притоку, Араксъ можетъ орошать большую часть бассейна Эривани, который безъ него былъ бы пустыней. Повернувъ къ югу отъ массивовъ Гокчайскаго плоскогорія и горъ Карабага, Араксъ выходитъ изъ днища древняго озера черезъ узкое горное ущелье, скользитъ по порогамъ въ 30—40 саженъ ширины, и его клокочущія воды, ударяющіяся то въ одну, то въ другую сторону берега, между черными, обрывистыми, торчащими словно иглы, скалами, спускаются въ среднемъ по наклону въ 16½ на версту и даже въ 50 футовъ, въ части ущелья наиболѣе наклонной [1]). Ордубатъ при входѣ въ Аразбарское ущелье, находится еще на 3,050 фут. (929 метр.) надъ уровнемъ Каспійскаго моря и почти въ 100 верстахъ отъ равнины; войдя въ которую, сливается съ рѣкой Бергушетъ и вмѣстѣ съ нею, обогнувъ съ южной стороны „гору храбрыхъ“ или Дири-дагъ, стоящую одиноко въ равнинѣ, принимаетъ нѣсколько рѣкъ съ персидскихъ горъ и соединяется затѣмъ съ Курой, протекши всего около 750 верстъ. У подножья „Горы храбрыхъ“, названной этимъ именемъ разбойниками, которыхъ еще въ 1877 году, здѣсь было до 300 человѣкъ, рѣка проходитъ подъ мостомъ Худаферинъ, приписываемымъ преданіемъ Помпею; но постройка этого моста относится навѣрно къ эпохѣ болѣе поздней; повыше находится еще другой мостъ, который, по мнѣнію туземцевъ, построенъ Александромъ, но, вѣрнѣе что онъ римской постройки [2]). Худаферинскій мостъ, у котораго производится довольно большая торговля между русскимъ берегомъ и персидскимъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній на Араксѣ. Гидравлическія работы у его сліянія съ Курой заброшены. Оросительные каналы, разносившіе по полямъ плодородіе, тоже оставлены, что́ способствовало, вмѣстѣ съ болотами Куры, превращенію этой части Каспійскаго прибрежья въ проклятое мѣсто. Араксъ, какъ полагаютъ, склоняется все больше къ правому берегу, пытаясь снова отдѣлиться отъ Куры, и течь въ море независимо, какъ это было во времена Страбона.

Бассейнъ Аракса—это одна изъ тѣхъ странъ Передней Азіи, которая наиболѣе страдаетъ отъ крайностей температуры. Климатъ Эривани еще болѣе невыносимъ, нежели тифлисскій. Такъ, напримѣръ, зимою температура падаетъ до—30° и даже до—33° а, средняя температура января мѣсяца равна—15°; это объясняется отчасти высокимъ мѣстоположеніемъ равнины, находящейся на 3,280 футовъ надъ уровнемъ моря; лѣтнія жары, не рѣдко свыше 40°, достигающіе даже 44° и 45° (Цельсія), заставляютъ европейцевъ искать въ это время убѣжища въ тѣни, въ горахъ. Изнурительныя лихорадки и другія болѣзни очень обыкновенны въ Эривани. „Въ Тифлисѣ, говоритъ армянинъ, не отличить молодого отъ ста-

[1]) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase.
[2]) *Von Seidlitz.* Notes manuscrits.

рика; въ Эриванѣ—живые не лучше мертвыхъ!" Къ счастью, въ знойную пору, въ равнинѣ Эривани дуетъ по вечерамъ сѣверо или сѣв.-сѣв.-западный вѣтеръ, нѣчто въ родъ мистраля, съ особенной силой срывающійся съ горъ Алагёза. Этотъ вѣтеръ, происходящій, какъ и мистраль, отъ разности въ температурахъ между снѣжными вершинами и знойной долиной, начинаетъ дуть около пяти часовъ вечера и продолжается почти до разсвѣта. Въ то время, когда свирѣпствуетъ этотъ вѣтеръ, жители сидятъ запершись въ своихъ домахъ, не желая подвергать себя массѣ пыли и крупнаго песку, вихремъ кружащихся въ воздухѣ. Въ окрестностяхъ Эривани всѣ тополи, стоящіе у дорогъ и въ садахъ, наклонены на югъ-юго-востокъ [1]).

Кромѣ пирамидальныхъ тополей, насаженыхъ руками людей, обитающихъ въ долинахъ, спускающихся къ Араксу, во многихъ мѣстахъ, въ особенности вблизи городовъ, другое дерево раскидываетъ свои вѣтви надъ нивами, это нальбандъ, видъ окулированнаго вяза *(Ulmus campestris suberosa)*, съ его густою листвой, совершенно непроницаемой для солнечныхъ лучей. Нальбандъ—одно изъ красивѣйшихъ декоративныхъ деревьевъ, какія гдѣ либо существуютъ, но онъ встрѣчается только въ русской Арменіи. Абрикосовыя деревья растутъ во всѣхъ садахъ; крестьяне воздѣлываютъ рисъ, хлопчатникъ, кунжутъ и клещевинное деревцо; разводятъ также виноградъ, изъ котораго получается вино темнаго цвѣта, очень богатое алкоголемъ, и какъ десертное можетъ быть приравнено къ мадерѣ или хересу. Но виноградники эти могутъ процвѣтать только при томъ условіи если отъ зимныхъ стужъ лозы прикрывать землею, а въ знойную пору поливать ихъ на равнѣ съ огородными растеніями. Безъ оросительныхъ каналовъ въ этомъ климатѣ все погибаетъ; почва не рѣдко высыхаетъ такъ сильно, что бываетъ похожа скорѣе на закаленный кирпичъ. Но вездѣ, гдѣ протекаетъ живительная вода, почва зеленѣетъ и покрывается цвѣтами; среди пустынь нарождаются оазисы. Персіяне, живущіе въ этой странѣ, проводя оросительныя канавки, принуждены, по большей части, устраивать для воды подвалы, чтобы предохранять такимъ образомъ испареніе этой цѣнной влаги [2]); персіяне являются здѣсь благодѣтелями, которымъ мѣстные жители обязаны своимъ существованіемъ; не станетъ воды—не станетъ людей, которые принуждены будутъ или бѣжать отсюда, или погибнуть. Одинъ англійскій инженеръ занятъ, говорятъ, тѣмъ, чтобы провести воды Арпачая на юго-востокъ, и распредѣлить ея каналами по полямъ Сардарабада, на западъ отъ Эгміадзина, стоящихъ теперь пустынными; говорятъ также, что сотни тысячъ эмигрантовъ, нѣмцевъ, ирландцевъ или русскихъ, могли бы поселиться на этой землѣ, если бы

[1]) *G. Radde*, Vier Vorträge über den Kaukasus.
[2]) *Von Seidlitz*, Mittheilungen von Petermann, 1880; Notes manuscrits.

мѣстность оживить водой. Въ бассейнѣ нижняго Аракса, точно также, цѣлый народъ могъ бы существовать на берегахъ его текучихъ водъ.

Въ ожиданіи каналовъ, долженствующихъ обновить эти поля, во всей русской Арменіи земледѣліе находится по своимъ техническимъ пріемамъ на самой первобытной ступени. Армяне, такіе ловкіе торговцы, оказываются рутинерами какъ земледѣльцы, а ихъ сосѣди татары, какъ видно, ничуть не служатъ имъ примѣромъ болѣе опытныхъ хозяевъ. Въ большей части уѣздовъ, кабаны, живущіе стадами среди кустарниковъ и въ камышахъ по Араксу, составляютъ большое зло для земледѣлія; они сильно вредятъ полямъ, расположеннымъ въ сосѣдствѣ съ порослями камыша. Но татары, какъ добрые мусульмане, питаютъ такое сильное отвращеніе къ этимъ нечистымъ животнымъ, что не хотятъ преслѣдованіемъ ихъ осквернять свои руки. Они не согласны предоставить даже сосѣдямъ возможность истреблять дикихъ свиней, и часто изъ-за убитаго кабана между сосѣдними крестьянами, принадлежащими къ различнымъ національностямъ, поднимаются жестокія ссоры[1]). Земледѣльческія орудія армянъ самаго первобытнаго устройства; до сихъ поръ еще для молотьбы служатъ грубые волоки, снабженныя снизу рядами остроконечныхъ голышей[2]). Археологи могутъ спросить, вмѣстѣ съ Коннингамомъ: тѣ каменныя стрѣлы, которыхъ такъ много находятъ во всѣхъ частяхъ свѣта, не служили ли они, подобно тому какъ у армянъ, для мирныхъ, чисто земледѣльческихъ цѣлей?

Главная нація, населяющая долину Аракса, по численности своей занимаетъ на Кавказѣ четвертое мѣсто, и уступаетъ по своему вліянію только русскимъ; это армяне, или вѣрнѣе: гай, гайкъ, гайканы, какъ они сами себя называютъ. Названіе „Арменія“ происхожденія арамейскаго, обозначающее, вѣроятно, „высокая страна“, есть въ то же время названіе наиболѣе неопредѣленное, прилагаемое главнымъ образомъ ко всей области плоскогорій, съ господствующимъ на нихъ двуглавымъ Араратомъ. Слѣдуя политическимъ превратностямъ и выселеніямъ, собственно Арменія или Гайясданъ, т. е. земля населенная гайками, измѣняла свои границы съ каждымъ столѣтіемъ; въ настоящее время она занимаетъ почти всю долину Аракса, значительную часть бассейна Куры по обѣ ея стороны, затѣмъ весь верхній бассейнъ Ефрата, до сліянія его двухъ верхнихъ истоковъ, берега озера Ванъ и нѣсколько кусковъ персидской земли въ бассейнѣ озера Урмія. Центръ тяжести армянскихъ владѣній перемѣщался все ближе и ближе къ сѣверу; онъ находился прежде недалеко отъ озера Вана, въ равнинѣ верховьевъ Мурада, т. е. восточнаго Ефрата; деревня Гайкъ носитъ еще до сихъ

[1]) *Parrot*;—*Petzholdt*.
[2]) *N. von Zeidlitz*, Notes manuscrits.

поръ названіе національности. Но территорія, подчиненная мусульманамъ-туркамъ не могла оставаться священной землей для армянъ. Во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ только разсѣяны армяне, вездѣ они смотрятъ на гору Араратъ и на долину Аракса, какъ на свое истинное отечество; тамъ до сихъ поръ находится главное ядро ихъ расы, съ наименьшей примѣсью чужого элемента; кромѣ того, тамъ и языкъ армянскій наиболѣе чистъ и наиболѣе подходитъ къ тому, который употребляется еще при богослуженіи, но уже вполнѣ исчезъ изъ общаго употребленія еще въ концѣ XIV вѣка.

Когда эта мѣстность была покорена русскими, въ 1828—1829 годахъ, то 130,000 армянъ пришли изъ Персіи и Турціи, чтобы подъ покровительствомъ русской арміи поселиться въ долинѣ Аракса и Куры и замѣстить собой курдовъ и татаръ, стремившихся въ свою очередь уйти на земли, оставшіяся во власти магометанъ. Во время послѣдней войны, 1877 и 1878 годовъ, произошло подобное же явленіе: изъ Ардаганскаго округа, въ долинѣ верхней Куры и изъ Карской области, въ бассейнѣ Аракса, почти все мусульманское населеніе поуходило въ предѣлы Турціи, а взамѣнъ ихъ явились массой армяне. Эти послѣдніе пришли изъ верхняго бассейна Ефрата, съ береговъ Чоруха, но въ особенности изъ той части турецкой территоріи, которая должна была по Санъ-Стефанскому договору принадлежать Россіи, и которая по Берлинскому конгрессу снова осталась за Турціей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти переселенія народовъ, встрѣчавшихся на пути, не обходились безъ убійствъ, голода и эпидемій; потеря людей была громадна, и теперь еще, не смотря на мирное время, религіозная и расовая ненависть служатъ причиной ужасающихъ драмъ; но вообще враждебное населеніе размѣстилось сообразно естественному влеченію.

До сихъ поръ еще нѣтъ сколько нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ относительно численности армянъ въ Малой Азіи, но весьма вѣроятно, что ихъ тамъ меньше, чѣмъ въ русскихъ владѣніяхъ.

Вотъ вѣроятныя цифры армянъ:

Въ Кавказской и Европейской Россіи	840,000
„ Турецкой Арменіи (по Равенштейну)	760,000
„ Персидской Арменіи (по Дюлорье)	150,000
„ Европейской Турціи	250,000
„ другихъ странахъ	60,000
	2.060,000

Обыкновенно полагаютъ, что число всѣхъ армянъ доходитъ до 3-хъ, а по нѣкоторымъ авторамъ до 4-хъ милліоновъ[1]), но наврядъ ли ихъ больше двухъ. Одна странная особенность, показывающая на сколько армяне раз-

[1]) *Issaverdens*, Armenia and the Armenians.

сѣяны по разнымъ странамъ, заключается въ томъ, что ихъ города и они сами гнѣздятся большими группами вдали отъ Арменіи и даже внѣ азіатскаго материка: напр., въ Константинополѣ число армянъ достигаетъ не менѣе 200,000 душъ; Тифлисъ—второй городъ гайканъ по численности населенія, расположенъ тоже на не-армянской землѣ или, такъ сказать, въ ихъ черезполосномъ владѣніи. Есть также еще нѣсколько другихъ городовъ въ Закавказьѣ, которыхъ можно по преобладающему населенію назвать армянскими.

Прошло много вѣковъ, какъ армяне лишившись политическаго единства и національной независимости, разбрелись по всему Востоку; еще Геродотъ видѣлъ ихъ въ Вавилонѣ. Когда ихъ земля стала добычей побѣдителей, они предпочли „жить иностранцами на чужой землѣ, нежели быть рабами въ своемъ отечествѣ“. Они переселялись толпами, и въ XI вѣкѣ ихъ видѣли пробиравшимися въ Россію, Польшу, Буковину и въ Галицію. Теперь ихъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ отъ Лондона до Сингапура и Шанхая, и всюду они составляютъ кружки значительныхъ негоціантовъ. Часто сравниваютъ армянъ съ евреями, разсѣянными также по всему свѣту и это сравненіе во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрно: гайканы навѣрно не уступятъ израильтянамъ въ религіозной устойчивости, въ духѣ солидарности, точно также какъ и въ страсти къ наживѣ и торговой оборотливости; но они не такъ предпріимчивы какъ евреи и, въ то время когда послѣднихъ можно встрѣтить на отдаленныхъ концахъ свѣта единицами, успѣшно выдерживающими борьбу за существованіе, армяне могутъ двигаться лишь болѣе или менѣе сплоченными группами. Кромѣ того, большинство армянъ, остающихся въ родной землѣ, далеко не чувствуетъ того отвращенія къ воздѣлыванію полей, какъ евреи; во многихъ уѣздахъ Закавказья почти всѣ хлѣбопашцы принадлежатъ къ армянской національности. Извѣстно, что изъ нѣкоторыхъ деревень Карабага, жители ихъ, гайканы, уходятъ въ отхожіе промыслы въ качествѣ каменьщиковъ и плотниковъ [1]). Ни въ какой странѣ на земномъ шарѣ нельзя встрѣтить евреевъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе подобнымъ образомъ.

Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что семитическій элементъ игралъ большую роль въ складѣ жизни армянскаго народа, такъ какъ происходили многочисленныя переселенія евреевъ и переходъ ихъ массами изъ Палестины въ Арменію [2]). На общій взглядъ „потомки Гайка“ арійцы, очень близко стоятъ къ персамъ; но постоянныя превратности, сопряженныя въ продолженіи четырехъ тысячъ лѣтъ съ войнами, покореніями, ссылками, содѣйствовали смѣшенію этихъ арійцевъ со всѣми со-

[1]) *N. von Seidlitz*, Mittheilungen von Petermann, 1880;—Notes manuscrits.
[2]) *Carl Ritter*, Asien, vol. X.

сѣдними національностями и въ особенности съ евреями, переселявшимися толпами въ горы Арменіи, какъ плѣнники ассирійскихъ завоевателей [1]). Царскій родъ, самый знаменитый, царствовавшій въ Гайазданѣ и въ Грузіи, именно Багратиды, ведетъ свое начало отъ евреевъ, и генеалогія его простирается до Давида, царя-пророка. Между различными поселенцами въ Арменіи, оказывавшими довольно сильное вліяніе на націю, указываютъ на племя мамигоновъ, которые вмѣстѣ съ княземъ Дженасдана, т. е. Китая, вступили въ Арменію, въ Сомхетъ, въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Данныя лѣтописцевъ доказываютъ очевиднымъ образомъ, что большая часть чужеземцевъ, приходившихъ сюда, подобно норманнамъ и варягамъ, т. е. въ качествѣ полководцевъ [2]), и принимавшихъ на себя обязанность сражаться противъ друзей и недруговъ, были иранцы, принадлежавшіе, вѣроятно, къ тому же племени, какъ и таджики въ бассейнѣ Оксуса [3]).

Всѣ грамматики помѣщаютъ языкъ гайканъ въ семью арійскую. Онъ очень схожъ съ зендомъ: по синтаксису онъ даже вполнѣ иранскій, по составу же словъ походитъ гораздо больше на греческій языкъ и на славянскіе; хотя онъ довольно грубъ, обиленъ согласными буквами, но за то по богатству словъ и грамматическихъ формъ онъ сходенъ съ іонійскимъ: въ немъ та же гибкость въ образованіи словъ, та же способность составлять неопредѣленное наклоненіе для составныхъ словъ [4]). Конечно, современный армянскій языкъ подраздѣляется на нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій, заимствовавшихъ множество выраженій изъ грузинскаго и турецкаго языковъ; такъ напр., въ долинѣ низовьевъ Аракса, въ особенности тамъ, гдѣ армяне окружены со всѣхъ сторонъ татарами, они говорятъ на жаргонѣ, въ которомъ преобладаетъ турецкій языкъ; можно указать также на то, что, напримѣръ, въ Ширванѣ, въ южномъ Кавказѣ, множество армянскихъ обществъ совершенно не говорятъ на родномъ языкѣ. Подобныя перемѣны были неизбѣжны, по причинѣ разсѣяній націи; большая часть армянъ давно уже покинула свою родную отчизну, и тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Буковинѣ и Трансильваніи даже совершенно забыли языкъ своихъ предковъ. Въ священномъ монастырѣ Эчміадзинѣ, гдѣ рѣчь гайканъ ближе всего подходитъ къ ихъ классическому языку, она сохранилась какъ чистый иранскій діалектъ. Наконецъ, армянская литература, которая впродолженіи двухъ тысячъ лѣтъ не перестаетъ все болѣе обогащаться, объясняетъ исторію языка и данныя о его происхожденіи. Въ Ванскомъ округѣ скалы носятъ на себѣ армянскія надписи, сдѣланныя клинообразной вязью. Изъ другихъ гайканскихъ

---

[1]) До сихъ поръ еще въ Закавказьѣ существуютъ двѣ армянскія деревни съ населеніемъ говорящемъ на древне-еврейскомъ языкѣ. (См. Мшакъ, 1881 г.). *Прим. перев.*

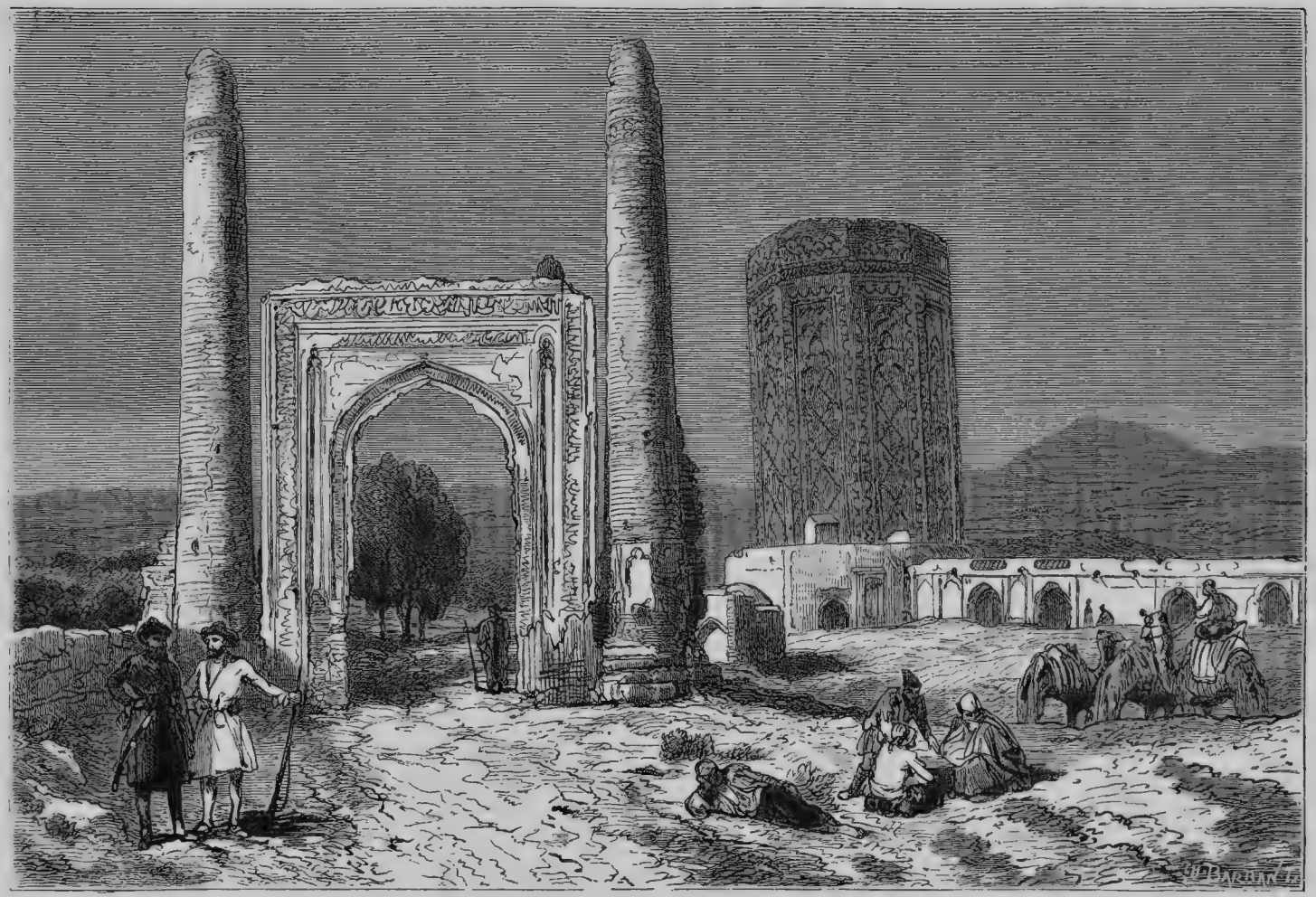
[2]) *Saint-Martin*, Memoires sur l'Armenie.

[3]) *Schweiger-Lerchenfeld*, Armenien;—*Fr. von Gellwaldt*, Central Asie.

[4]) *Dulaurier*. Revue des Deux Mondes. 15 avril 1855.

документовъ, писанныхъ греческими и персидскими буквами, видно, что въ V вѣкѣ христіанской эры, въ эпоху полнаго процвѣтанія армянской литературы, въ тѣ времена, когда еще до трехсотъ школъ были открыты для образованія молодыхъ людей, армяне составили свой собственный алфавитъ, употребляемый и до настоящаго времени. Въ XIV столѣтіи, нашествіе Тамерлана сразу положило конецъ классическому періоду литературы Гайяздана. Въ настоящее время армяне, столь заботящіеся о воспитаніи своихъ дѣтей, всячески стремятся дать имъ всѣ средства пользоваться образованіемъ; нѣтъ такой общины, которая не заботилась бы объ открытіи или содержаніи школы; часто даже ихъ деревенскія общества принуждены бываютъ приходить по этому поводу въ столкновеніе съ русской администраціей, считающей ихъ не въ мѣру ревностными въ дѣлѣ народнаго образованія, и съ собственнымъ духовенствомъ, опасающемся утерять черезъ это часть того вліянія, которое перейдетъ къ учителямъ. Научное и литературное движеніе сравнительно съ численностью армянъ ведется также довольно энергично, и кажется тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ Россіи, печатаютъ книгъ всего больше. Прежняя армянская литература почти вся состояла изъ сочиненій по богословію, исторіи, метафизикѣ и грамматикѣ; теперь же она затрогиваетъ всѣ другіе вопросы и обогащается переводами образцовыхъ иностранныхъ сочиненій. Въ самомъ центрѣ Анатоліи путешественники встрѣчаютъ гайканъ, занимающихся французскимъ языкомъ и интересующихся его литературой; уже въ 1854 г. въ Европѣ и въ Азіи было не менѣе 22 армянскихъ типографій. Ихъ журналы издаются въ Тифлисѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ, а различныя общества въ Москвѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и въ Венеціи, занимаются изданіемъ памятниковъ письменности древняго языка. Въ 1880 году число издававшихся армянскихъ газетъ и журналовъ распредѣлялось такимъ образомъ: въ Константинополѣ — 9, въ Тифлисѣ — 5, Эчміадзинѣ—1, Москвѣ — 1, Венеціи—1. Самое знаменитое учрежденіе армянъ за границей, это монастырь, основанный въ 1717 году монахомъ Мехитаромъ, т. е. „утѣшителемъ“, на островѣ Санъ-Лазарро, возлѣ канала лагунъ, по которому гондолы слѣдуютъ изъ Венеціи въ Лидо. Въ этомъ зданіи изъ розоваго кирпича, окруженномъ садами, издаются очень цѣнные документы; здѣсь же находится библіотека, заключающая въ себѣ рѣдкія восточныя рукописи.

Венеціанскіе мехитаристы точно также, какъ и большая часть гайканъ, живущихъ внѣ Закавказья и Турціи, принадлежатъ къ армяно-унитаріанскому вѣроисповѣданію, довольно близкому къ римско-католической церкви, удерживая при этомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ традицій. Но главная масса армянскаго народа, въ равнинахъ Ефрата и Аракса остается вѣрной древней христіанской религіи; въ городахъ, гдѣ приходится однимъ сектантамъ жить о-бокъ съ другими, тамъ они очень враждебно



ВИДЪ У ГОРОДА НАХИЧЕВАНЬ.

относятся другъ къ другу и даже стараются, насколько возможно, избѣгать торговыхъ сношеній. Разница въ догматахъ той и другой секты, т. е. собственно армянской и католической, лежитъ въ пониманіи естества Іисуса Христа, ада и чистилища, власти соборовъ, церковной іерархіи и различныхъ обрядовъ; но, такъ сказать, во внѣшнихъ, формахъ какъ тѣ, такъ и другіе, придерживаются множества различныхъ символовъ, относящихся къ прежнему культу. Армянскій народъ, окрещенный въ началѣ IV столѣтія Григоріемъ I „Просвѣтителемъ", есть первый народъ, обратившійся въ христіанство массой; но утерявши своихъ боговъ, онъ не забылъ своихъ повѣрій и переходилъ къ новому культу мало по малу: подобные перевороты совершаются лишь медленнымъ путемъ. Еще и до сихъ, какъ во времена Зороастра, они устраиваютъ празднество въ честь священнаго огня. Въ день годового праздника чета новобрачныхъ сожигаетъ въ большомъ мѣдномъ сосудѣ все лучшее, что производитъ земля: разнаго рода цвѣты, хлѣбныя колосья вмѣстѣ съ соломинкой, ладонъ, лавровыя вѣтки и проч. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, повертываются лицомъ къ солнцу, какъ бы прося у него ободренія; женихъ и невѣста также обращаютъ къ нему свои взоры, призывая его въ свидѣтели своей любви: больные просятъ у солнца здоровья, умирающіе желаютъ бросить на него свой послѣдній взглядъ, а мертвыхъ хоронятъ лицомъ къ востоку [1]). Во время большихъ праздниковъ армяне приводятъ въ церковь или подъ священныя деревья быковъ, или барановъ [2]), украшенныхъ цвѣтами и восковыми свѣчами, а затѣмъ убиваютъ ихъ, сопровождая церемонію пѣснями и молитвами: это очевидно есть ничто иное какъ приношеніе жертвы богу Митрѣ, завѣщанному старой религіей новой.

Духовный глава армянъ — католикосъ, власть котораго зиждется на храненіи у себя очень цѣнныхъ мощей: правой руки мученика Григорія. Онъ избирается высшими лицами Эчміадзина, если только не былъ раньше назначенъ въ преемники своимъ предшественникомъ, послѣ чего ему подчиняются всѣ его единовѣрцы, исповѣдывающіе григоріанство; онъ назначаетъ епархіальныхъ епископовъ, избирая ихъ почти всегда изъ среды монаховъ, и шлетъ свои распоряженія Константинопольскому и Іерусалимскому патріархамъ: послѣднее условіе было очень важно для русскаго правительства, присоединившаго къ своимъ владѣніямъ священную гору Араратъ и чтимый народомъ Эчміадзинскій монастырь. Завладѣвши этимъ кускомъ земли, столь знаменитымъ на Востокѣ, оно въ то же время еще болѣе содѣйствовало упроченію авторитета духовнаго главы болѣе чѣмъ двухъ милліоновъ людей. Такимъ образомъ петербургскія власти, не особенно мягко относящіеся къ религіямъ и сектамъ удаляю-

[1]) *Cirbied*, Mémoires de la Société des antiquaires de France, t. II. 1820. *Bodenstedt*, Die Völker des Kaukasus. *Moritz Wagner*, Reise nach dem Ararat.

[2]) *N. Von Seidlitz*. Mittheilungen von Petermann. 1880. Notes manuscrits.

щимся отъ православія, всегда тщательно заботились, чтобы обставить католикоса самыми высокими знаками своего почтенія, пріобрѣтая такимъ образомъ нѣчто въ родѣ права покровительствовать армянамъ, живущимъ въ Турціи. Конечно, въ большей части случаевъ излишнее рвеніе въ обрусеніи народовъ имперіи, побуждало чиновниковъ употреблять жестокія и притѣснительныя мѣры противъ армянъ, но все таки, никакія своеволія губернаторовъ и политическіе перевороты не мѣшали имъ пользоваться тѣмъ значительнымъ вліяніемъ въ имперіи, которое они пріобрѣтаютъ, благодаря своему образованію, знанію языковъ, изворотливости, часто пронырству, и наконецъ, той замѣчательной способности, съ какою они умѣютъ проникать въ оффиціальный міръ. Извѣстно какой долей власти отъ имени своихъ повелителей Османлисовъ пользуются гайканы въ Константинополѣ. Въ Петербургѣ они также начинаютъ играть роль подобную той, которую нерѣдко выполняли ловкіе итальянцы во Франціи. Въ Закавказьѣ они мало по малу скупаютъ земли, и всегда, какъ собственники, держали въ рукахъ своихъ сосѣдей татаръ.

По внѣшнему виду армяне русскаго Закавказья отличаются отъ грузинъ, развѣ только болѣе крупными чертами лица, болѣе округленнымъ лицомъ, болѣе короткой и толстой шеей. Очень многіе изъ нихъ скоро тучнѣютъ, и вѣроятно причиной этому служитъ ихъ слишкомъ сидячій образъ жизни. У армянъ обыкновенно густые черные волосы, почти всегда украшеныя у женщинъ цвѣтами, глаза большіе, черные и томные: по виду они кажутся кроткими, тихими, почти меланхоликами. Хотя очень спокойные по своей натурѣ, они способны храбро отражать нападенія, какъ это и доказали въ началѣ XVIII столѣтія, во время семилѣтней войны за независимость, которую имъ пришлось выдержать противъ персовъ, въ горахъ Карабага и, кромѣ того, во многихъ мѣстныхъ возстаніяхъ противъ турокъ. Въ домашней жизни армяне не носятъ при себѣ оружія, между тѣмъ какъ грузины особенно въ бассейнѣ Ріона любятъ увѣшивать себя съ ногъ до головы цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и кинжаловъ: какъ сильно сказываются въ этомъ контрастѣ національные характеры! И именно человѣкъ миролюбивый, не носящій оружія, предоставленный самому себѣ, съумѣлъ наилучшимъ образомъ сохранить свою свободу: армяне не знаютъ дворянъ, свободно избираютъ своихъ начальниковъ, и во всѣ времена умѣли избавляться отъ той тяжкой участи раба, какая была и есть еще въ настоящее время, хотя и подъ другимъ названіемъ, долею большинства грузинъ. Вообще можно сказать, что малообразованные армяне Аракса, обнаруживаютъ въ себѣ замѣчательныя природныя способности, и коль скоро имъ представляется возможность учиться, они съ удивительной быстротой пріобрѣтаютъ знанія и превосходятъ даже славянъ той изумительной легкостью, съ какой имъ даются языки. „У армянина умъ въ головѣ, между тѣмъ, какъ у грузина онъ

только во взглядѣ". Судя по ихъ литературѣ, армяне, среди другихъ народовъ, имѣютъ рѣдкій недостатокъ—быть слишкомъ тяжелыми, принимать все черезчуръ серьезно. Гармонія стиха трогаетъ ихъ очень мало [1]), хотя и у нихъ были превосходные поэты, и даже въ наше время ихъ лучшіе писатели воспѣваютъ природу и отчизну. Армяне особенно любятъ разсуждать о богословіи, метафизикѣ, грамматикѣ и пріобрѣли извѣстность въ исторіи литературы собственно трудами по эрудиціи. Нѣкоторыя сочиненія греческихъ классиковъ, считавшіяся безвозвратно потерянными, напримѣръ, отрывки изъ Эзопа, Филона, Хризостома, были найдены въ древнихъ армянскихъ переводахъ мехитаристами Венеціи и Вѣны [2]).

Армянка.

Почти во всѣхъ странахъ гдѣ живутъ армяне, они старательно избѣгаютъ людей другой расы и другого языка. Кромѣ того, торговый характеръ зачастую служитъ причиною ихъ выдѣленія въ особый классъ: въ городахъ и въ большей части татарскихъ и грузинскихъ деревень, они столь же необходимы и столь же ненавидимы и презираемы, какъ и евреи въ восточной Европѣ. Между тѣмъ, безъ особеннаго преувеличенія, къ гайканскимъ крестьянамъ, могутъ быть примѣнены слова Тур-

[1]) *Bodenstedt.* Die Völker des Kaukasus.
[2]) *Dulaurier.* Revue des deux Monde, 15 apr. 1854.

нефора: „Армяне лучшій и честнѣйшій народъ въ мірѣ“,—или замѣчаніе Байрона: „Добродѣтели армянина—въ немъ самомъ, свои пороки онъ получилъ отъ другихъ“. Но что значитъ мнѣніе свѣта для нихъ, живущихъ внѣ общества и среди людей, говорящихъ другимъ языкомъ? Армяне, придерживающіеся старины, земледѣльцы или коммерсанты, тѣ и другіе, живутъ какъ бы замурованными въ своей семьѣ. Они доселѣ еще держатся за патріархальный бытъ; дѣдъ приказываетъ, дѣти, зятья и внуки повинуются; женщина, вынужденная молчать, по крайней мѣрѣ до рожденія перваго ребенка, носитъ вокругъ шеи и нижней части лица, толстую суконную повязку, которая закрываетъ ей ротъ: чтобы быть понятой она должна, подобно нѣмой, объясняться знаками. Сдѣлавшись матерью, она пріобрѣтаетъ право говорить въ полголоса съ женщинами своей семьи; но чтобы разговаривать свободно, она должна достигнуть зрѣлыхъ лѣтъ и даже старости. Всѣ заботы о хозяйствѣ лежатъ на ней до появленія въ домѣ невѣстки [1]). Иностранецъ рѣдко бываетъ приглашаемъ въ армянскій домъ, и право, можно много разъ пройти черезъ ихъ деревню, сомнѣваясь даже обитаема-ли она. Постройки и сады, окруженныя высокой стѣной, совершенно скрыты отъ взгляда. Нѣтъ ничего угрюмѣе и безобразнѣе длиннаго ряда глиняныхъ стѣнъ, носящихъ у нихъ названіе деревни, особенно въ равнинахъ лишенныхъ зелени.

Татары, населяющіе низовые берега Аракса, нисколько не различаются по языку, религіи и нравамъ отъ тюркскихъ племенъ долины Куры. Цыгане составляютъ весьма незначительную часть населенія Арменіи. Что касается курдскихъ пастуховъ, кочующихъ по близости съ Араратомъ, на склонахъ Алагеза и по берегамъ Гокчайскаго озера, то почти всѣ они живутъ здѣсь лишь временно, приходя изъ Курдистана, Персіи и Турціи. Среди этихъ же пастуховъ, насчитываютъ нѣсколько сотенъ іезидовъ, на которыхъ всѣ ихъ сосѣди смотрятъ съ ужасомъ, какъ на поклонниковъ дьявола. Курды образуютъ значительную часть осѣдлаго населенія закавказской Арменіи, только въ округѣ Зангезуръ, на юго-востокъ отъ Гокчайскаго озера. Двѣнадцать, тринадцать тысячъ курдовъ этого округа, одѣваются также какъ и татары, привыкаютъ говорить ихъ языкомъ, и мало-по-малу смѣшиваются съ ними [2]).

Главнымъ городомъ въ верхней долинѣ Аракса, въ части завоеванной русскими, служитъ прекрасный Кагызманъ, скрытый фруктовыми деревьями, яблонями, грушами, сливами, вишнями, абрикосами, персиками, шелковицами, орѣшниками, вьющимся виноградомъ. Въ бассейнѣ Аракса, но собственно въ части долины орошаемой однимъ изъ его небольшихъ прито-

[1]) *James Creagh.* Armenians, Koords and Turks.
[2]) *N. von Seidlitz.* Mittheilungen von Petermann 1880; Notes manuscrites.

ковъ, находится знаменитый Карсъ, столица горной Арменіи и въ тоже время самый многолюдный городъ территоріи, недавно присоединенной къ Россіи. Этотъ городъ купленъ дорогою цѣною. Еще въ 1828 году имъ овладѣлъ Паскевичъ, а 1855 г. вошелъ въ него Муравьевъ, взявши городъ голодомъ, послѣ долгой осады и безплодныхъ штурмовъ; наконецъ въ 1877 году русскіе снова заняли этотъ городъ, и окончательно присоединили его къ Имперіи. Еще до войнъ Россіи съ Турціей Карсъ выдержалъ много осадъ. Какъ столица Армянскаго царства, въ IX и X столѣтіяхъ онъ былъ разграбленъ Тамерланомъ, Амуратомъ III, персами, и его значеніе какъ сильной крѣпости издавна привлекало всѣхъ полководцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ занимаетъ центральное положеніе между верхними бассейнами Куры, Чоруха, Аракса, Ефрата и господствуетъ надъ горными проходами и долинами этихъ рѣкъ. Самая мѣстность, содѣйствуетъ энергической защитѣ. Въ этомъ мѣстѣ Карсъ-чай съуживается и, образуя двойной изгибъ, однимъ поворотомъ примыкаетъ къ городу, а другимъ огибаетъ крѣпость. Съ высоты своихъ черныхъ базальтовыхъ скалъ, Карсъ, выстроенный изъ обломковъ лавы, въ прежнее время могъ стойко выдерживать небольшіе осады, но со временъ развитія артиллеріи, онъ долженъ былъ укрѣпить свои высоты; въ войну 1877—78 годовъ одиннадцать фортовъ, расположенныхъ по окружности и снабженныхъ окопами, представляли оборонительную линію въ шестьнадцать верстъ длиною. Форты вмѣстѣ со скалами базальта и обсидіана,—единственныя интересныя предметы въ этомъ черномъ печальномъ, лишенномъ растительности и окруженномъ голыми скалами городѣ. Не смотря на то, что Карсъ занимаетъ положеніе на высотѣ около 6000 футовъ, онъ ведетъ довольно оживленную торговлю.

Колесный путь спускаясь на востокъ, долиной Карсъ-чая, и соединяясь съ тѣмъ, который идетъ отъ Арпачая, связываетъ такимъ образомъ Карсъ съ Александрополемъ, т. е. древнюю турецкую крѣпость съ русскимъ укрѣпленіемъ, надъ которымъ велись постоянныя работы, начиная съ 1837 года; до того времени существовала здѣсь только деревенька Гумры, населенная армянскими выходцами. Александрополь, построенный недалеко отъ восточнаго берега Арпачая, въ бассейнѣ находящемся на югъ отъ массива Алагезъ и менѣе чѣмъ въ 200 саженяхъ ниже своего прежняго соперника, окруженъ полями значительно лучше обработанными, такъ какъ Арпачай или „Рѣка ржи“ снабжаетъ ихъ въ изобиліи водою, необходимою для орошенія. Александрополь сдѣлался наслѣдникомъ города Ани, бывшаго въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ резиденціей армянскихъ Багратидовъ и разореннаго сельджуками Альп-Арслана, а затѣмъ монголами Батый-хана. Въ 1319 году, землетрясеніе докончило разореніе города и жители его разсѣялись по всему Кавказу, Крыму, до самой Польши. Развалины покрываютъ трех-

угольный мысъ, находящійся на правомъ берегу Арпачая, и отдѣляющійся съ запада отъ плоскогорія высохшимъ рвомъ, стѣны котораго изрыты гротами и могилами; съ сѣверо-востока сильная двойная ограда защищала городъ съ единственной доступной къ нему стороны; на самомъ высокомъ мѣстѣ скалы, возвышается акрополь. Остатки церквей, мечетей, дворцовъ въ мавританскомъ и въ то же время византійскомъ стилѣ, разсѣяны на поверхности скалы; почти всѣ уцѣлѣвшіе остатки носятъ армянскія надписи; видны также слѣды стѣнной живописи, а въ пещерахъ скульптурныя изображенія, грубо высѣченныя изъ камня. Если вѣрить даннымъ армянскихъ лѣтописей, по всей вѣроятности преувеличеннымъ, то въ Ани было не менѣе 100,000 жителей, и тысяча церквей возвышали свои куполы надъ другими зданіями [1]).

На юго-востокъ отъ Ани, и уже въ обширной равнинѣ, отдѣляющей два колосса Алагезъ и Араратъ, находится другая груда развалинъ,— Талышъ, который, кажется, также былъ столицею армянскаго царства; теперь же это маленькая деревушка, гнѣздящаяся между высокими стѣнами, башнями и остатками дворцовъ. Область низовьевъ Арпачая есть страна развалинъ. На западъ отъ этой рѣки, видны еще остатки Пакарана или „Собранія боговъ“ [2]). Нѣсколько далѣе къ югу двѣ столицы, построенныя послѣдовательно одна за другой тѣмъ же царемъ Эрованомъ II Эрованташадъ и Эровантагердъ, и имѣвшія, какъ говорятъ, 30,000 еврейскихъ и 20,000 армянскихъ домовъ, находились при сліяніи Аракса съ Арпачаемъ; первая стояла на восточномъ берегу, а вторая на западномъ. Армавиръ, другой главный городъ этого царства съ блуждающей столицей, основанный также Эриваномъ II, ранѣе двухъ вышеупомянутыхъ городовъ, оставилъ послѣ себя на холмѣ ничего неозначающія развалины, расположенныя среди равнины, на берегахъ канала Кара-су, близъ Аракса. Наконецъ, на югъ отъ рѣки, на террасѣ изъ лавы, отдѣленной отъ окружающихъ холмовъ глубокими разщелинами, возвышается „черная крѣпость“, Кара-Кала или Кара-Кале, которую Дюбуа-де-Монпере ошибочно принималъ за древній Тиграносертъ. Очень немногіе изъ старинныхъ замковъ могутъ сравниться съ суровою прелестью ея башень, построенныхъ изъ краснаго порфира и черной лавы, и воздвигнутыхъ надъ пропастями, на глубинѣ которыхъ шумитъ вода. По армянскому преданію, близъ этого мѣста Іовъ, сидя у своего пепелища, бесѣдовалъ съ тремя поучавшими его друзьями.

Истинный Римъ гайканъ, Эчміадзинъ, находящійся на западъ отъ Эривани, почти среди равнины, есть самъ по себѣ небольшой городъ. Въ его сосѣдствѣ группируются дома маленькаго города Вагаршабада; самъ

---

[1]) *Hamilton.* Asia Minor.—*Carl Ritter.* Asien, X.—*Dubois de Montpéreux*, etc.

[2]) *Carl Ritter*, ouvrage cité.

же Эчміадзинъ есть ничто иное, какъ огромный монастырь, выстроенный изъ битой глины, съ церковью, пирамидальной колокольней и боковыми башенками. Четыреугольная ограда, сѣроватыя стѣны которой лишены даже башень, скрываетъ собою нижнюю часть зданій. Если и есть что истинно прекраснаго въ Эчміадзинѣ, такъ это его прозрачныя воды, цвѣты, тополевыя рощи и фруктовые сады,—жалкіе остатки „зеленыхъ садовъ", видѣнныхъ въ семнадцатомъ вѣкѣ Шардэномъ, Тавернье и Турнефоромъ. Тѣмъ не менѣе Эчміадзинскій монастырь, названіе котораго означаетъ: „Сошелъ Единородный!" есть столица армянскаго народа. Здѣсь именно, согласно легендѣ, „Единородный Сынъ" явился въ солнечномъ лучѣ Григорію Просвѣтителю и однимъ ударомъ молніи низвергнулъ въ преисподнюю языческія божества. Эчміадзинъ стоитъ на мѣстѣ города бывшаго столь могущественнымъ въ древнее время въ Арменіи. Тутъ возвышался Ардеметъ-Кагакъ, „Городъ-Артемизы" или Анахиты, (Армянская Венера), куда со всѣхъ сторонъ стекались вѣрующіе на поклоненіе богинѣ [1]). Сюда же, къ подножію Армавирской крѣпости, ходили совѣщаться у священныхъ дубовъ, гдѣ жрецы, подобно тому какъ въ Додонѣ, прислушиваясь къ шепоту листьевъ колеблемыхъ вѣтромъ, предсказывали судьбу [2]). Божества храма измѣнились, протекло не менѣе двадцати пяти столѣтій, а это мѣсто въ равнинѣ осталось священнымъ. Монастырская библіотека богаче мехитаріанской, находящейся въ Венеціи; она обладаетъ 635-ью старинными рукописями [3]), а ея типографія, самая древняя въ Арменіи, издаетъ журналъ и нѣсколько народныхъ армянскихъ книгъ. На монастырскомъ колоколѣ видна тибетская надпись съ мистическими словами (*Om Mani Padmi houm*) резюмирующими суть жизни и смерти и всѣхъ вѣчныхъ истинъ. Такимъ образомъ, Арменія еще въ очень отдаленную эпоху была въ сношеніяхъ съ буддійскимъ міромъ [4]).

Эривань, главный городъ русской Арменіи и второй по населенію въ бассейнѣ Аракса, такъ какъ Александрополь превосходитъ его численностью жителей, построенъ въ сѣверо-восточномъ углу древняго озернаго бассейна, черезъ который протекаетъ рѣка Занга, дробящаяся въ тысячахъ ирригаціонныхъ каналовъ. Главнымъ образомъ, Эривань населена армянами; между тѣмъ какъ подъ владычествомъ персовъ, преобладающимъ населеніемъ были татары. Построенная при входѣ въ горную долину, ведущую, черезъ Гокчайское плоскогоріе, въ Тифлисъ и бассейнъ Куры, Эривань должна была занимать важное стратегическое и торговое значеніе; ея крѣпость, возвышающаяся на массивахъ базальтовыхъ колоннъ,

---

[1]) *Carl Ritter*. Asien, tome X;—*Saint-Martin*. Memoires sur l'Arménie;—*Dubois de Montpereux*. Voyage autour du Caucase.

[2]) Моисей Хоренскій.

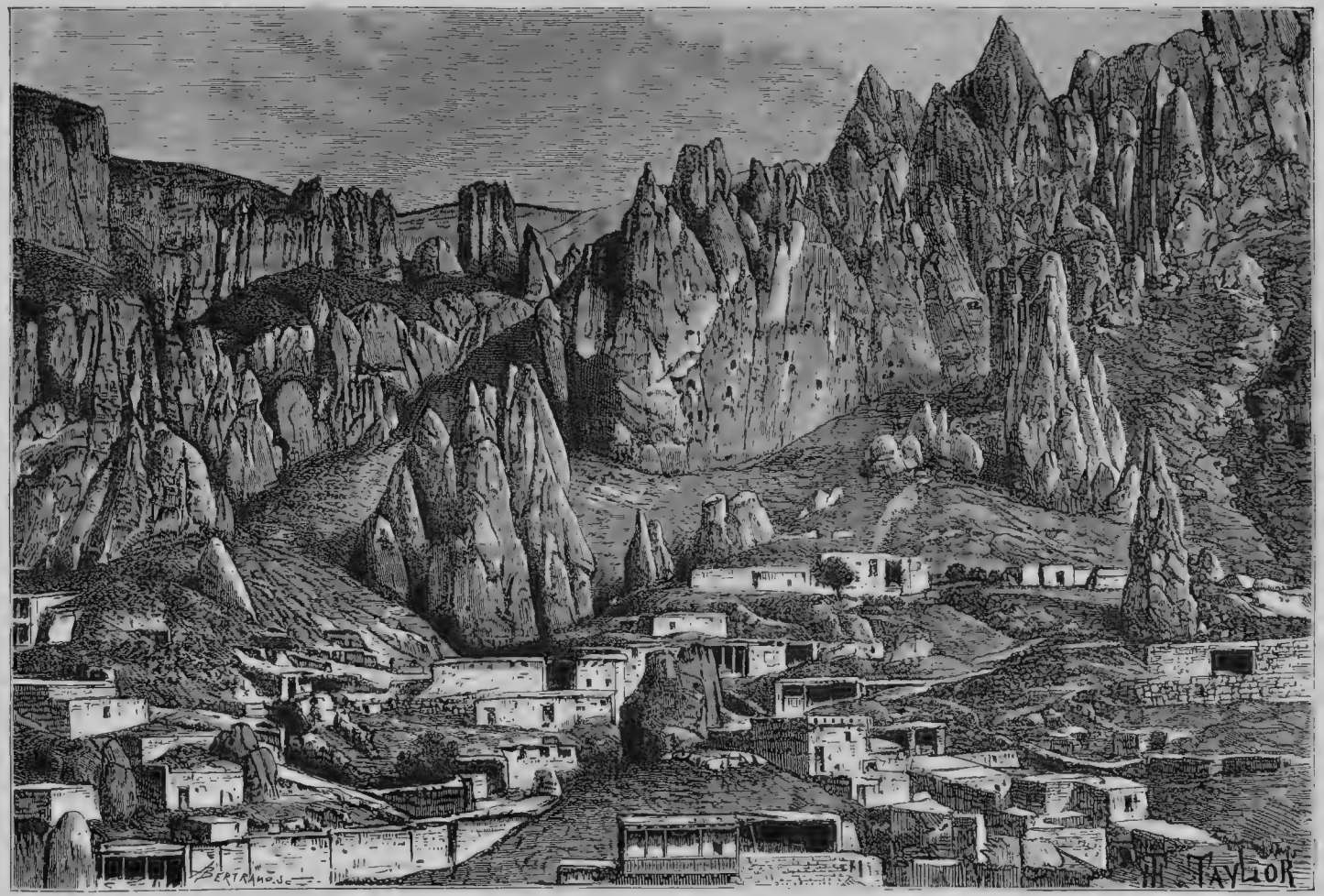
[3]) *Moritz Wagner*, ouvrage cité.

[4]) *Dubois de Montpéreux*. Voyage autour du Caucase.

напоминаетъ о многочисленныхъ военныхъ подвигахъ. Въ Эривани, почти сплошь построенной въ персидскомъ стилѣ, есть нѣсколько живописныхъ зданій, прекрасная мечеть, украшенная арабесками и отѣненная великолѣпными вязами; но особенно хороши огороды и фруктовые сады, по которымъ струятся быстрыя воды; отсюда открывается чудный видъ на Араратъ съ его двуглавой вершиной, возвышающійся на юго-западѣ; но за ирригаціонной полосой начинаются сѣрыя и оголенныя поля. Отвратительный климатъ, съ рѣзкими переходами отъ жары къ холоду, пыль, лихорадки, вскорѣ обезлюдили бы городъ, если бы онъ не занималъ первенствующаго положенія на границѣ Персіи и Турціи, и если бы его сады и соляныя копи не составляли бы значительнаго предмета торговли. Такъ, напримѣръ, въ 1876 г. въ Эриванскомъ уѣздѣ добыто соли 12,890 тоннъ. Лѣтомъ всѣ русскіе чиновники удаляются въ горныя долины. Семеновка, колонія молоканъ, построенная на Гокчайскомъ плоскогорьѣ, близъ верхняго спуска дороги идущей изъ Эривани въ Тифлисъ, и въ ея сосѣдствѣ, Делижанъ, лежащій при раздѣленіи пути на Александрополь, считаются въ числѣ весьма здоровыхъ станцій, какъ для жителей равнины Аракса, такъ для обитателей долины Куры. Самое большое село плоскогорья, Каваръ, находится недалѣе какъ въ 6 верстахъ на югъ отъ Гокчайскаго озера; офиціально оно извѣстно подъ именемъ Ново-Баязета. Мѣдныя руды этого округа болѣе не обработываются.

На востокъ отъ Эривани, въ долинѣ находящейся среди вулканическихъ горъ, есть развалины города, бывшаго также одной изъ множества армянскихъ столицъ. Въ Башъ-Карны или Гарны, который, какъ увѣряютъ армяне, былъ построенъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, находятся остатки храма греческой постройки, можетъ быть посвященнаго армянской Венерѣ, и называвшагося въ честь основателя „Тономъ Тиридата“. Въ Башъ-Карны, видны еще остатки дворца и крѣпостей; но базальтовыя колоны, разщелины въ которыхъ бѣжитъ потокъ, скалистые вулканическіе уступы голубаго, зеленаго, краснаго цвѣтовъ, какъ доказательства древнихъ изверженій, гораздо замѣчательнѣе остатковъ человѣческихъ построекъ. Здѣсь, въ самомъ дикомъ мѣстѣ этой волнистой области, находится Кегартъ, Кергашъ, или Айриванкъ, т. е. „Подземный монастырь“, половина котораго высѣчена въ туфѣ и лавѣ. Среди равнины, тамъ гдѣ воды потока Карны, Карны-чая, развѣтвляются въ оросительныя каналы передъ впаденіемъ въ Араксъ, возвышался Артаксатъ, построенный генераломъ Антіоха Артаксіасомъ, по указанію Ганнибала [1]) и бывшій армянской столицей до той поры, пока римлянинъ Корбулонъ, въ царствованіе Перона, не разрушилъ его. Неронія, названная такъ ея основателемъ Тиридатомъ въ честь „Цезаря“, заступила его мѣсто, но она

[1]) *Ernest Desjardins*, Notes manuscrites.



ПРЕДМѢСТЬЕ ЖИРУЗИ ВЪ ЗАНГЕЗУРСКОМЪ ОКРУГѢ.

сдѣлалась столицею, только въ концѣ перваго столѣтія, чтобы быть затѣмъ вскорѣ развѣнчанной въ пользу Вагархабада. Когда, въ 370 году, она была разрушена арміею Сапора II, то въ ея стѣнахъ насчитывала болѣе 200,000 тысячъ жителей, армянъ и евреевъ, которые частью были избиты, частью уведены въ плѣнъ [1]). Деревня Ардахаръ, которую можно еще видѣть и теперь, есть ничто иное, какъ древняя цитадель Артаксатъ; повсюду кругомъ простирается нездоровая рѣвнина, съ разбросанными по ней жалкими хижинами. Араксъ, нѣкогда протекавшій у подножія городской стѣны, перемѣнилъ свое ложе и течетъ въ настоящее время почти въ 10 верстахъ южнѣе, около начала возвышенности, идущей къ подошвѣ Арарата.

Нахичевань, главный городъ уѣзда, раскинувшагося на юго-востокъ отъ Арарата, по мнѣнію армянъ древнѣе Эчміадзина: преданіе говоритъ, что онъ былъ построенъ патріархомъ Ноемъ, послѣ насажденія имъ первой виноградной лозы у предгорій Арарата. Самое его названіе, по-армянски, означаетъ „Первое пристанище“, а мѣстные священники показываютъ могильный курганъ, подъ которымъ, какъ они говорятъ, былъ похороненъ Ной. Городъ этотъ столь же древній какъ и исторія, описанный еще Птоломеемъ подъ именемъ Наксуаны, нѣсколько разъ строился и снова перестраивался; всѣ существующіе теперь дома выстроены изъ камня, добываемаго на мѣстѣ развалинъ. На главномъ порталѣ древняго дворца, у котораго стоятъ два высокихъ минарета, построенныхъ изъ кирпича, находится надпись на персидскомъ языкѣ, украшенная богатыми арабесками; около этого же мѣста возвышается двѣнадцатиугольный монументъ, называемый „башнею хановъ“, вокругъ которой также сдѣлана надпись, рельефными буквами, занимающая въ длину около 1480 футовъ [2]). Хотя Нахичивань есть одинъ изъ священныхъ городовъ, почитаемыхъ армянами, однакожъ онъ, главнымъ образомъ, населенъ татарами, занимающимися садоводствомъ и виноградниками; онъ много потерялъ во время персидскаго владычества, такъ какъ до того времени въ его стѣнахъ помѣщалось 40 тысячъ жителей. Сотни фруктовыхъ садовъ обильно орошаются окрестными источниками, а также водою, проведенною изъ Аракса, и ручейками, стекающими съ горъ Карабага. Въ сосѣднихъ скалистыхъ контрофорсахъ, расположенныхъ на сѣверо-западъ, современъ глубокой древности разрабатываютъ залежи каменной соли, чередующейся съ пластами глины, въ родѣ кульпинскихъ, и точно также заключающихъ въ себѣ каменныя орудія, оставленныя древними рудокопами. Среднее количество соли добываемой въ Нахичеванѣ опредѣляютъ въ 4,500 тоннъ (Густавъ Раде). Нахичеванскіе жер-

[1]) *Saint-Martin*, Memoires sur l'Armenie.

[2]) *Dubois du Montpereux*. Voyage autour du Caucase.

новые камни, вытесанные изъ разноцвѣтнаго песчаника, очень цѣнятся во всей Арменіи.

Нахичеванская таможня есть пунктъ черезъ который проходятъ много товаровъ, составляющихъ въ этой мѣстности предметъ торговли съ Персіей. Средній вывозъ товаровъ изъ Нахичевани въ Персію, за періодъ 1863—72 годовъ простирался до 280,000 рублей. Ввозъ изъ Персіи въ Нахичевань на 1.100,000 рублей.

На юго-востокъ отъ города расположенъ, на берегу Аракса, пограничный постъ Джульфа, напротивъ древняго персидскаго каравансарая, возвышающагося надъ скалами изъ кровавокраснаго песчаника и стѣнами древней крѣпости. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія въ Джульфѣ было сорокъ тысячъ жителей, и она славилась во всей Арменіи своею промышленностью и торговлею. Но „Великій“ Шахъ-Абазъ нашелъ нужнымъ превратить въ пустыню округъ отдѣляющій Персію отъ Нахичевани и всю территорію занимаемую турками. Жители Джульфы получили приказаніе выселиться всей массой; тѣхъ, которые не успѣвали бѣжать, бросали въ рѣку, а городъ былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ на глазахъ изгнанниковъ, будущихъ колонистовъ Новой-Джульфы, близъ Испагани. Отъ старой Джульфы остались только ничтожныя развалины и остатки монументальнаго моста, съ четырьмя башнями по угламъ, и устоями, омываемыми волнами „буйнаго Аракса“ [1]). Самые любопытные памятники въ Джульфѣ—это гробницы обширнаго кладбища, расположеннаго на разстояніи почти полутора верстъ вдоль берега Аракса; нѣкоторые изъ надгробныхъ статуй отличаются замѣчательно тонкой работой. Десять семействъ, живущихъ въ разрушенномъ каравансараѣ,— вотъ и все что оставалось въ 1854 году отъ населенія Джульфы [2]). Подъ плитами могильныхъ склеповъ гнѣздятся ужасныя скорпіоны.

Ордубатъ расположенъ на Араксѣ, по ниже Джульфы, около того мѣста, гдѣ рѣка, пройдя черезъ ущелье Мигри, достигаетъ своей крайней южной точки, и обходитъ съ южной стороны Карабагскія горы въ видѣ луки. Это самый пріятный городъ во всей Арменіи; семьдесятъ источниковъ бьющихъ ключемъ смѣшиваютъ свои прозрачныя воды съ оросительными каналами, и поддерживаютъ богатую растительность окружающихъ садовъ. Ни въ какой другой части Аракскаго бассейна нѣтъ такихъ высокихъ и вѣтвистыхъ деревьевъ, какъ здѣсь; на городской площади сохранился лишенный своей верхушки и полузасохшій платанъ, имѣющій въ окружности не менѣе 6 сажень. Въ окрестностяхъ Ордубата, въ садахъ и на откосахъ горъ, всюду разбросаны дачи. Въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверо-западъ, въ „Золотой долинѣ“, находится деревня Акулиссы, раз-

[1]) Pontem indignatus Araxes, Encide, VIII.
[2]) *Dubois de Montpéreux.* Ouvrage cité.

дѣленная на двѣ группы домовъ, въ которыхъ живутъ богатые армянскіе негоціанты, занимающіеся главнымъ образомъ торговлею шелкомъ и отдачею подъ большіе проценты своихъ капиталовъ эриванскимъ и тифлисскимъ спекуляторамъ. Акулиссы, бывшій въ прошломъ столѣтіи значительнымъ городомъ, былъ разрушенъ Надиръ-Шахомъ, который методически уничтожалъ домъ за домомъ до тѣхъ поръ, пока негоціанты не согласились уплачивать ему требуемый выкупъ [1]). Мѣдныя руды въ окружающихъ горахъ въ настоящее время не составляютъ важнаго предмета промышленности: въ 1877 г. добыто было всего 117 тоннъ чистой мѣди.

Слѣдующіе города въ бассейнѣ Аракса имѣютъ населеніе свыше 3,000 душъ:

Карская область:		Эривань (съ двумя при-	
Карсъ	10,000	городами)	12,500
Кагызманъ	5,000	Нахичевань. . . .	6,900
Эриванская губернія:		Новобаязетъ	5,350
Александрополь. . . .	20,450	Ордубатъ	3,500

Двойной бассейнъ, Бергушета и Акеры, расположенный между горами Ордубата и Шуши, и образующій административный округъ Зангезуръ, не заключаетъ въ себѣ настоящихъ городовъ, а всего лишь нѣсколько значительныхъ мѣстечекъ, населенныхъ армянами, татарами и курдами. Самое населенное мѣстечко есть Кинзыракъ; главнымъ административнымъ пунктомъ считается здѣсь Джирузи, называемый по-армянски Корысъ или „деревнею столбовъ“, вслѣдствіе туфовыхъ иглъ, образовавшихся размываніемъ водою склона той террасы, на которой построено мѣстечко. Домики съ плоскими крышами, расположенные другъ относительно друга ступеньками, образуютъ какую-то странную лѣстницу, спускающуюся сверху внизъ, подъ которой ютятся жители, разхаживающіе подземными улицами. Другіе же жилища, погреба, сараи, вырыты въ террасахъ вулканическаго пепла, а обвалы поросшіе бурьяномъ защищаютъ жилье; внизу, по берегамъ потока ростутъ густолиственные вязы. Теперешнее Джирузи новаго происхожденія: на 980 футахъ или, вѣрнѣе, на 5,250 футахъ абс. высоты простираются поля, замѣнившія прежнюю деревню. Лѣтомъ, когда пятьдесятъ тысячъ кочующихъ пастуховъ сгоняютъ свои стада съ окрестныхъ мѣстъ на богатыя пастбища Зангезура, Джирузи становится на нѣсколько недѣль торговымъ пунктомъ, и толпы народа тѣснятся тогда на ступеняхъ этого громаднаго амфитеатра, застроеннаго лачугами [2]).

---

[1]) *K. Koch.* Wanderungen im Oriente.

[2]) *N. von Seidlitz.* Mittheilungen von Petermann, 1880.

VIII.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ И АДМИНИСТРАЦІЯ КАВКАЗСКАГО КРАЯ.

Русскіе вовсе не новые пришельцы на Кавказѣ. Тмутаракань составляла часть Кубанскаго бассейна съ конца десятаго вѣка, и еще въ 914 году „руссики“ появились передъ Бердой, у подножія Карабагскихъ горъ. Болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ Стенька Разинъ разграбилъ Баку, а въ 1723 году Петръ Великій простиралъ свои побѣды до нынѣшней Персіи. Болѣе столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ Россія ступила твердою ногою въ Закавказскій край; провинціи мало-по-малу присоединялись къ Имперіи оружіемъ, покупкой, добровольнымъ подчиненіемъ. Сравнительно съ большею частью европейскихъ странъ, положеніе Кавказа за послѣднія сто лѣтъ было совершенно ненормальнымъ; самая богатая и населенная часть страны, служившая опорнымъ пунктомъ для армій, и съ помощью которой удалось присоединить къ имперіи все Закавказье, принадлежитъ Россіи еще съ начала текущаго столѣтія.

Народонаселеніе Закавказскаго края, еще болѣе слабое по численности, чѣмъ въ Европейской Россіи, послѣ завоеваній быстро увеличилось, несмотря на войны, переселенія, изгнанія массами, несмотря на вредный климатъ нѣкоторыхъ округовъ. Переселенія казаковъ и русскихъ крестьянъ, а также бѣглыхъ армянъ, уравновѣсили собою число покинувшихъ страну, а вмѣстѣ съ этимъ шло замѣтное увеличеніе населенія черезъ естественный приростъ равномѣрно по всѣмъ округамъ края, даже у славянскихъ выходцевъ. Въ началѣ военной окупаціи, Кавказъ былъ „могилой русскихъ“. Въ продолженіе года болѣе чѣмъ десятая часть ихъ гибла отъ лихорадокъ. Но опытъ употребленія хинина, лучшія гигіеническія условія и кое-гдѣ осушеніе болотъ, значительно улучшили положеніе дѣлъ и въ настоящее время смертность русскихъ на Кавказѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ самой Россіи.

Такъ, напримѣръ, смертность среди войскъ на Кавказѣ выражается слѣдующими данными:

Въ 1837	году	одинъ	смертный	случай	на	9	больныхъ.
» 1846	»	»	»	»	»	17	»
» 1862	»	»	»	»	»	41	»
Общая смертность въ 1864			году	25	на	1,000	»
»	»	» 1872	»	19.86	на	1,000	»

тогда какъ, напр., смертность въ Московскомъ уѣздѣ доходитъ до 41,11 на 1,000.

Подобное же явленіе было наблюдаемо въ Алжирѣ, гдѣ испанскіе и французскіе переселенцы не только постепенно попривыкли къ климату, но сдѣлали его болѣе сноснымъ. Процентъ смертности на Кавказѣ сравнительно съ нарождаемостью менѣе, нежели въ другихъ частяхъ Русской имперіи, и въ этомъ отношеніи Кавказъ занимаетъ даже одно изъ первыхъ мѣстъ между многими странами въ свѣтѣ. По Бунге, цифра смертности въ кавказскихъ провинціяхъ не превышаетъ въ среднемъ, двухъ третей числа рожденій, между тѣмъ какъ въ остальной части Русской имперіи, Франціи, Англіи, Австріи и даже Германіи, процентъ смертности значительно болѣе. Такъ,

на Кавказѣ: на 1,000 жителей рождается	37,9,	умираетъ	25,2
въ Россіи	47,8	„	34,7
„ Англіи.	35,6	„	22,7
„ Франціи	26,6	„	23.

Процентъ самоубійцъ на Кавказѣ довольно высокъ и статистика указываетъ на замѣчательный фактъ, что число ихъ почти одинаково у обоихъ половъ. Въ этомъ видна поразительная разница съ Европой, гдѣ число мужчинъ самоубійцъ въ три, четыре раза превышаетъ женщинъ самоубійцъ. У нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, у армянъ и осетинъ, женщины чаще чѣмъ мужчины оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ. Слѣдуетъ ли искать причину этого контраста въ вынужденной нѣмотѣ армянскихъ женщинъ и смертельной скукѣ ежедневной рутины, а также жестокости осетинскихъ мужей? Поэтическому инстинкту кавказскихъ женщинъ, проявляющемуся въ импровизаціяхъ, пѣніи, въ ихъ страстной дикціи, приходиться часто сталкиваться съ грубымъ подчиненіемъ домашнему рабству [1]).

Большая часть кавказскихъ земель, лежащихъ надъ полосою хлѣбныхъ растеній, можетъ быть обитаема только пастушескими племенами. Но кромѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ развитію земледѣлія препятствуютъ снѣга и льды, есть еще довольно обширныя пространства, опустошенныя самимъ человѣкомъ, и легко доступныя для возстановленія ихъ плодородія; это равнины, страдающія засухой, ирригаціонные каналы которыхъ давно пришли въ негодность, или такіе участки земель, которые орошались только близъ текущими водами. Обширныя равнины Эчміадзина и Эривани, низовьевъ Куры и Аракса, не превратились ли въ пустыню, по крайней мѣрѣ хоть частями, съ тѣхъ поръ какъ ихъ ирригаціонные каналы засорились грязью и камышемъ? „Месопотамія“, образуемая Алазаномъ, Іорою, Курою, не есть ли безлюдная степь, несмотря на многоводныя рѣки окружающія ее со всѣхъ сторонъ? Милліоны людей исчезли изъ Закавказья вмѣстѣ съ сѣтью оросительныхъ каналовъ, при-

[1]) *Сталинскій*, Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ I. 1871.

надлежавшихъ древнимъ народамъ; конечно, на отводныхъ каналахъ, которые скоро будутъ прорыты, народятся новые милліоны людей. Тамъ, гдѣ проходятъ волны живительной влаги, появляются зародыши городовъ и растительности. Заселеніе земли идетъ о бокъ съ ея оздоровленіемъ, поля замѣщаютъ болота.

Завладѣвъ Кавказомъ, русское правительство не оставило поземельную собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала прежде, и подвергало ее многочисленнымъ измѣненіямъ, часто противорѣчивымъ, и зависившимъ отъ различныхъ вліяній, господствовавшихъ въ канцеляріяхъ С.-Петербурга. Сверхъ того, мѣры принятыя для владѣнія землей усложнились самымъ фактомъ завоеваній, уничтоженіемъ полевой культуры, истребленіемъ ауловъ, населеніемъ и выселеніемъ массами, военной и земледѣльческой колонизаціей.

Въ первый періодъ владычества всѣ основанныя колоніи были военными. Населенныя казаками, которые были одновременно земледѣльцами и воинами, которые должны были строить деревни и крѣпости, обрабатывать поля, рыть каналы, проводить дороги и постоянно наблюдать за непріятелемъ, грозившемъ имъ скрытыми засадами въ камышахъ. Всѣ удивляются громадной работѣ, исполненной исключительно руками людей, которые, сверхъ того, очень часто должны были мѣнять по приказу своихъ начальниковъ свои мѣста или пріемы. Благодаря имъ, вся западная часть Предкавказья окончательно колонизована; она была бы значительно населеннѣе, если бы правительство долгое время не противодѣйствовало свободному переселенію русскихъ крестьянъ, покидавшихъ Россію, не говоря уже о милліонахъ крѣпостныхъ, которые охотно бы ушли въ эту страну, если бы это зависѣло только отъ нихъ.

Во всѣхъ уже населенныхъ областяхъ Кавказа, русское правительство прежде всего старалось заручиться расположеніемъ князей, укрѣпивъ за ними владѣніе землей, и только во время большихъ войнъ съ горцами въ Кабардѣ и Дагестанѣ оно иногда, силою обстоятельствъ, вынуждено было опираться на народъ, чтобы поднять его противъ аристократіи; такъ, напримѣръ, дѣйствовалъ Ермоловъ; но эта система скоро была оставлена, и уже въ концѣ царствованія императора Николая старались пріобрѣсти расположеніе мѣстной аристократіи. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ не существовало крѣпостнаго права, русское правительство учредило его, пожаловавъ князьямъ значительныя помѣстья. Такимъ образомъ, кабардинскіе князья, нѣкогда пользовавшіеся обширными общинными полями наравнѣ съ другими, вдругъ, по римскому праву, превратились въ крупныхъ собственниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ получили въ собственность цѣлыя княжества, занимавшія собою до двадцати, пятидесяти и даже сотни тысячъ десятинъ земли; правительство должно было впослѣдствіи выкупать землю у этихъ владѣтелей, для того чтобы или раздать ее казакамъ или

же дать въ надѣлы, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, крестьянскимъ общинамъ. Правда, въ 1863 году рѣшено было въ принципѣ, что земля цѣликомъ будетъ принадлежать общинамъ, но на практикѣ, поддерживаютъ крупную собственность, и въ одной только Кабардѣ 140 участковъ, каждый въ 550 десятинъ, были сохранены для людей могущихъ быть полезными правительству своими личными услугами или вліяніемъ; сверхъ того, всѣ офицеры арміи получили, внѣ земель присоединенныхъ къ общинѣ, участки въ полную собственность. Что касается лѣсовъ и луговъ, они остались нераздѣленными. Такимъ образомъ, установился порядокъ вещей, существующій въ Россіи: кромѣ сословій крупныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ каждый отдѣльное помѣстье, есть сословіе крестьянъ, дѣлящихъ между собою землю по способу круговой поруки и общиннаго пользованія ею. Средній налогъ, который крестьяне платятъ государству, составляетъ три рубля съ семьи.

Рабство, существовавшее въ различныхъ формахъ въ большей части Кавказа, спачала при русскомъ правительствѣ возросло, а затѣмъ, въ 1866 году, оно было совершенно уничтожено, хотя и при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ для освобожденныхъ. Въ силу „свободныхъ договоровъ", освобожденные вынуждены были платить собственникамъ, или двѣсти рублей деньгами, или же шестью годами работы; подростки свыше пятнадцати-лѣтняго возраста были обязаны уплачивать за себя по сто пятидесяти рублей, или же закрѣпостить себя на десять лѣтъ тяжелаго труда. Если крѣпостной имѣлъ скотъ или иную движимую собственность, ее дѣлили на три части, изъ коихъ одна доставалась освобожденному. Въ результатѣ была страшная нищета, особенно въ равнинахъ [1]).

Однихъ земледѣльческихъ производствъ Кавказа уже достаточно для того, чтобы они могли служить значительнымъ предметомъ вывоза. До уничтоженія крѣпостнаго права земли въ Имеретіи продавались отъ 22 до 28 рублей за десятину, въ настоящее же время онѣ стоятъ въ десятеро дороже; земли же въ бассейнахъ Куры и Аракса, подверженныя грозамъ или саранчѣ, возрасли въ цѣнѣ не такъ быстро. Хлѣбныя растенія, произрастаемыя въ изобиліи, идутъ большею частью на производство алкоголя. Кавказъ болѣе чѣмъ Бессарабія, Крымъ и низовья Дона, можетъ считаться въ Русской Имперіи „страною винодѣлія": въ 1875 г. пространство, занимаемое виноградниками, опредѣляли въ 77,820 десятинъ, при чемъ, напримѣръ, Терская область производила всего 1,820 ведеръ, Кутаисская губернія—4,265, Тифлисская—2,260, прочія мѣстности—2,055; но пространство земель, которое кавказскіе земледѣльцы могли бы употреблять на воздѣлываніе винограда, само собою разумѣется значительно превышаетъ полосу лозъ во Франціи, и до настоящаго вре-

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, I, 1868; II, 1869; III 1870; V. 1871.

мени филоксера очень мало коснулась виноградниковъ Терека и Ріона [1]). Самый ужасный бичъ для винодѣловъ долины Терека есть *oidium* (грибокъ). Кавказъ снабжаетъ Россію значительнымъ количествомъ своихъ столовыхъ винъ; особенно хороши кахетинскія вина, и кромѣ того кизлярскія и низовьевъ Терека; всего-на-всего кавказскіе виноградники производили въ 1875 году 15,515 ведеръ вина; въ Вардзіи, Ахалцыскаго уѣзда, виноградную лозу воздѣлываютъ на высотѣ около 4,000 футовъ [2]). Табакъ становится одной изъ важныхъ статей производства на Кавказѣ, такъ какъ количество земли, отводимой подъ воздѣлываніе этого растенія, достигало въ 1876 г. до 3,611 десятинъ, давшихъ въ суммѣ около 15,000 пудовъ табаку; вывозъ изъ черноморскихъ портовъ Кавказа заключается главнымъ образомъ въ табакѣ. Закавказскія равнины снабжаютъ хлопкомъ русскія бумагопрядильни въ значительно меньшемъ количествѣ сравнительно со спросомъ. Во время войны Соединенныхъ Штатовъ, производство быстро возросло, и торговля хлопкомъ съ Англіей доставила кавказскимъ купцамъ прибыль около двухъ милліоновъ рублей; но быстро разбогатѣвъ и разсчитывая на слишкомъ легкую продажу, они не съумѣли организовать правильнымъ образомъ отправку продукта требуемаго манчестерскими фабрикантами, и вскорѣ кавказскій хлопокъ былъ изгнанъ изъ западныхъ рынковъ. Среднее производство кавказскаго хлопка, по Радде, простирается до 480 тоннъ. Шемахинскій и нухинскій шелкъ-сырецъ очень цѣнятся, преимущественно французскими фабрикантами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ шелковичные черви были уничтожены болѣзнью на югѣ Франціи; восточная область Закавказья—одна изъ самыхъ важныхъ странъ, гдѣ только разводится хорошій „шелкопрядъ“; французскія прядильщицы были приглашены въ различные города Закавказья, Зугдиди, Нуху и Шемаху для обученія туземныхъ женщинъ искусству разматывать шелкъ [3]). По колоссальному производству съѣстныхъ продуктовъ, овощей и фруктовъ, Кавказъ займетъ относительно Россіи такое же значеніе, какъ Алжиръ по отношенію къ Франціи. Въ долинѣ Аракса царствуетъ тропическая жара, и вездѣ, гдѣ почва хорошо орошается, жатвы бываютъ превосходны. На склонахъ кавказскихъ горъ вслѣдствіе разнообразія въ климатѣ различныя культуры могутъ произрастать на весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Нужно пройти черезъ Иранское плоскогорье, на югъ отъ закавказскихъ полей, чтобы снова найдти, на берегахъ Персидскаго залива, флору Ордубата и Ленкорани.

Между тѣмъ, южные округа, съ ихъ почти тропической флорой, населены наименѣе. Кавказское населеніе, столь рѣдкое, что по густотѣ далеко не можетъ быть приравнено къ Франціи и къ сосѣднимъ съ нею странамъ,

[1]) *Bock*, Russische Revue, 1878, № 8.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, III. 1875.

[3]) *Бороздинъ*, Записки Кавказскаго Отдѣла, № VII, 1866.

ТИПЫ И КОСТЮМЫ АРМЯНЪ.

тѣснится особенно въ Мингрельской равнинѣ, климатъ и растительность которой наиболѣе походятъ на западно-европейскіе: въ двухъ уѣздахъ этой равнины на квадратную версту приходится болѣе 40 человѣкъ; и замѣчательно, что именно тутъ, гдѣ мингрельцы селятся особенно близко другъ къ другу, они гораздо зажиточнѣе и въ значительной степени содѣйствуютъ обогащенію страны продажею избытка своихъ продуктовъ; кромѣ того, крестьяне этой же мѣстности съумѣли лучше другихъ защитить себя отъ вторженія армянскихъ купцовъ, такъ дорого заставляющихъ платить ихъ за свое посредничество [1]). Послѣ Кутаискаго и Сенакскаго уѣздовъ, самые населенные округа Кавказа, расположенные какъ-бы симметрично на противоположныхъ концахъ и склонахъ Кавказскаго хребта, одинаково обязаны своимъ благосостояніемъ садоводству и культурѣ европейскихъ растеній. Сверхъ того и самая земля здѣсь распредѣлена лучше, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ она разбита на отдѣльныя собственности. Въ *Магль*, или общинѣ Дарго, каждый изъ ея членовъ пользуется правомъ владѣть участкомъ земли, годной для культуры.

Охота и сборъ плодовъ въ лѣсахъ не могутъ имѣть важнаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ всѣ равнины населены и склоны горъ значительно обезлѣсены; но рыбный промыселъ, какъ извѣстно, производится въ очень широкихъ размѣрахъ у береговъ Азовскаго, Чернаго и особенно Каспійскаго морей. Лиманы Ахтари и Ейска, воды Кубани, прибрежья Поти и Батума, низовья Терека, а въ особенности Кура и заливъ Кизылъ-Агачъ, съ его желтоватой водой, очень богаты рыбою, служащей преимущественно пищей жителямъ Кавказа, а также предметомъ вывоза въ Россію и Персію.

Несмотря на природныя богатства кавказской территоріи, культура находится еще въ зачаточномъ состояніи; во всемъ, что касается промышленности, придерживаются старинныхъ пріемовъ, за исключеніемъ горнаго дѣла. Такимъ образомъ, Бакинскіе нефтяные колодцы, Кедабекскіе мѣдныя рудники, Саглыкскіе квасцовые заводы, около Елизаветполя, а также желѣзный заводъ Чазаша въ долинѣ Болниса, въ 75 верстахъ на юго-западъ отъ Тифлиса, обладаютъ сложными приспособленіями, требуемыми современной наукой; и въ то же время рядомъ съ новѣйшими инструментами видны еще въ употребленіи и орудія каменнаго вѣка. Такое положеніе вещей будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока Кавказскій Край не соединятъ съ Европой, Россіей и Передней Азіей хорошими путями, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ стоять отдѣленнымъ отъ нихъ степями и горами, лишенными дорогъ. Обѣ половины Кавказа имѣютъ всего только одну желѣзную дорогу; Предкавказье связано съ желѣзнодорожной сѣтью Россіи и Европы Ростово-Владикавказской желѣзной дорогою; Черное море соеди-

[1]) *Meounarguia*, Notes manuscrites.

няется желѣзнымъ путемъ съ столицей Закавказья; но оба склона Кавказа сообщаются между собою лишь дорогами Военно-Грузинской, проходящей у ледниковъ Казбека, и еще той, что идетъ черезъ Мамисонскій перевалъ; на востокѣ, Кавказскія горы огибаетъ путь, идущій изъ Дербента въ Баку; но вскорѣ будетъ проложенъ такой же путь съ запада, по Абхазскому прибрежью. Большія линіи желѣзныхъ дорогъ, долженствующія современемъ соединить Владикавказъ съ Тифлисомъ, Елизаветградъ съ Петровскомъ и Баку, Грозный, черезъ Астрахань, съ Саратовомъ, Батумъ съ Ростовомъ, пока еще совсѣмъ не входятъ въ планы построекъ. Приступлено однако къ прокладкѣ желѣзнаго пути отъ Тифлиса до Баку, который соединитъ собою два моря—Черное и Каспійское; эта дорога превратитъ Баку въ одинъ изъ главныхъ рынковъ Востока, такъ какъ, кромѣ того, этотъ городъ будетъ исходной точкой желѣзныхъ путей Предкавказья, Кахетіи и Арменіи [1]). Болѣе двадцати лѣтъ поговариваютъ о постройкѣ большой международной линіи между Европой и Индіей, которая пройдетъ по западному берегу Каспійскаго моря, черезъ Баку, и поднимется, черезъ Ленкорань и Рештъ, на Иранское плоскогорье: но осуществленіе этого проекта, кажется, очень отдалено. На южныхъ и западныхъ границахъ до Иранскаго плоскогорія или Турецкой Арменіи, (лежащихъ на югъ и на западъ отъ русскихъ владѣній) можно достигнуть только очень неудобными дорогами; одна лишь военная дорога, построенная собственно для перевозки пушекъ, а не товаровъ, соединяетъ Карсъ и Эрзерумъ, и служитъ продолженіемъ пути, ведущаго изъ Тифлиса въ Александрополь и Карсъ черезъ плоскогорія Арменіи. Вѣтвь этой дороги спускается на югъ, къ Эривани, и персидской границѣ,—къ Джульфѣ.

Вообще теперешнее состояніе внѣшней торговли въ Закавказьѣ мало даетъ надеждъ на то, чтобы пассажирское и товарное движенія по международному пути, проложенному изъ Кавказа въ Малую Азію и Персію, могли бы вскорѣ оплатить издержки, затраченныя на постройку таковой дороги. Въ 1878 году, вся торговля закавказской территоріи, какъ вывозная такъ и ввозная, достигала всего 12 милліоновъ рублей, т. е. менѣе четырехъ рублей на душу; собственно внѣшняя торговля Закавказья черезъ посредство Чернаго и Каспійскаго морей, а также и сухого пути, выразилась въ 1878 году въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Черезъ Черное море.	Каспійское море.	Сухимъ путемъ.
Вывезено на. . . .	4.575,050 р.	1.349,350 р.	334,300 р.
Ввезено на. . . .	1.418,400 „	1.931,600 „	2.666,100 „
Итого . . .	3.993,450 р.	3.280,030 р.	3.000,400 р.

Хотя сообщеніе Персіи съ Европой сѣвернымъ путемъ гораздо легче,

[1]) *Fabritius* Russiche Revue, 1876, № 11.

чѣмъ другими путями, но тѣмъ не менѣе движеніе ея торговли съ Закавказьемъ и Астраханскимъ портомъ не превышаетъ даже 5-ти милліоновъ рублей. Самымъ значительнымъ предметомъ вывоза служатъ фрукты.

Кавказъ лишенъ пока того матеріальнаго единства, которое создается обладаніемъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и торговыми центрами; еще менѣе онъ богатъ тѣмъ нравственнымъ единствомъ, которое является лишь у цѣльной народности или при полной солидарности національностей, имѣющихъ общіе интересы и одинаковыя стремленія. Образованіе распространено еще слишкомъ слабо для того, чтобы молодые люди различныхъ національностей могли чувствовать то родство, которое дается воспріятіемъ однихъ и тѣхъ же идей и фактовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, въ этомъ направленіи замѣтны уже большіе успѣхи, и во многихъ школахъ армянинъ сидитъ рядомъ съ татариномъ, русскій съ грузиномъ. Изъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ можно указать на слѣдующія: фельдшерская школа и женскій институтъ въ Тифлисѣ; гимназіи: въ Тифлисѣ, Ставрополѣ, Владикавказѣ, Ейскѣ, Эриванѣ, Елизаветполѣ и Кутаисѣ. Кромѣ того Тифлисъ, Кутаисъ, Пятигорскъ, Темиръ-Хапъ-Шура, располагаютъ прогимназіями; въ Тифлисѣ, Баку и Владикавказѣ открыты техническія школы. Многіе богачи, или только достаточные родители, отправляютъ своихъ дѣтей учиться за границу; въ 1879 году насчитывали не менѣе 28 армянъ въ различныхъ школахъ и университетѣ Цюриха. Большимъ препятствіемъ для общаго образованія молодыхъ людей Кавказа служитъ не только различіе языковъ, но также и алфавитъ. Абхазцы, осетины, горцы Дагестана до тѣхъ поръ не могли выучиться читать, пока гг. Люлье, Сьегренъ, Шифнеръ, Усларъ и Загурскій не изобрѣли для нихъ особаго алфавита, воспроизводящаго значками каждый изъ пятидесяти различныхъ звуковъ этихъ языковъ. Именно Кавказу необходимо было бы имѣть универсальную азбуку, предложенную еще въ 1852 году Лепсіусомъ, и послѣ того въ разныхъ формахъ гг. Беллемъ, Кудро и многими другими учеными [2]).

Извѣстно, что Кавказъ страна столь же различныхъ религій, какъ и нарѣчій. У нѣкоторыхъ горныхъ племенъ существуетъ еще въ разныхъ формахъ язычество. Здѣсь встрѣчаются также двѣ такихъ большихъ магометанскихъ секты, какъ суниты и шіиты, различающіеся другъ отъ друга стрижкой волосъ и усовъ, и различными обрядами: они живутъ въ перемежку общинами въ восточномъ Кавказѣ, особенно въ Бакинской губерніи, гдѣ въ 1873 году насчитывали: шіитовъ 270,787; сунитовъ 206,121 душъ (Зейдлицъ). Въ странѣ есть не мало евреевъ, а также израильтянъ, обра-

[1]) Въ 1881 г. число всѣхъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ Тифлисѣ и другихъ городахъ Кавказскаго Края доходило до 34; изъ этого числа на русскомъ языкѣ—24; на грузинскомъ—4; на армянскомъ—5; на адербейджанскомъ—1.

Прим. пер.

[2]) *Загурскій.* Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, II, V, 1871.

*

щенныхъ съ давнихъ поръ въ христіанство [1]). Православные, армяне-грегорьянцы, армяне-уніаты составляютъ между христіанами преобладающій элементъ; но сектанты также многочисленны, и ихъ гораздо болѣе, чѣмъ показываютъ оффиціальныя данныя. По переписи, сдѣланной въ 1873 г., однихъ раскольниковъ на Кавказѣ насчитывали:

въ Предкавказьи	24,722
въ Закавказьи	30,024
	54,746

Молокане живутъ большими колоніями преимущественно въ Ставропольской губерніи, около Тифлиса, на Ахалкалакскомъ плоскогоріи, въ Муганской степи, а въ настоящее время они распространяются и во вновь присоединенныхъ территоріяхъ. Различіе религій и національностей имѣло необходимымъ послѣдствіемъ и различные способы пониманія и примѣненія юридическихъ правъ. Такъ, русское правительство не смотря на всѣ свои усилія, вынуждено было, по крайней мѣрѣ на время, отказаться отъ введенія всюду общихъ россійскихъ законовъ, и у горцевъ-мусульманъ по настоящее время существуютъ еще два кодекса,—религіозный кодексъ или *шаріатъ*, основанный на Коранѣ, и обычное право или *адатъ*. Шаріатъ примѣняется только въ религіозныхъ вопросахъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ, между тѣмъ какъ адатъ рѣшаетъ дѣла, касающіяся собственности и интересовъ общины. Судъ посредствомъ адата производится публично, на площади, избранными судьями; нѣкоторыя деревни пріобрѣли себѣ извѣстность своимъ замѣчательнымъ правосудіемъ, и въ сомнительныхъ случаяхъ къ нимъ обращаются какъ къ настоящему аппеляціонному суду.

Почти всѣ кавказскіе горцы питаютъ еще враждебное чувство побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, и съ гордостью вспоминаютъ время прежней независимости. Среди жителей равнины, одни, какъ ногайцы, татары, таты, знаютъ что ихъ братья и единовѣрцы живутъ внѣ границъ Русской Имперіи и считаютъ себя поэтому иностранцами на своей же родинѣ; другіе, какъ начримѣръ, курдскіе пастухи, суть не болѣе какъ кочующіе пришельцы, готовые каждый день сложить свои палатки. Грузины считаютъ, что имъ суждено скорѣе служить русскимъ чѣмъ быть имъ равными. Армяне, политически подчиненные, стремятся сдѣлаться господами силой капитала [2]). Славяне-побѣдители, хотя въ дѣй-

---

[1]) Въ 1876 г. въ Тифлисѣ евреевъ-жителей было: 673 м. и 472 ж., военныхъ чиновъ 141,—всего 1,268. *Прим. пер.*

[2]) Приводимъ слѣдующія интересныя данныя, касающіяся движенія населенія и естественнаго прироста въ Тифлисской губерніи:

Во всѣхъ городахъ Тифлисской губ. армяне составляютъ господствующій элементъ; въ г. Тифлисѣ почти половина населенія состоитъ изъ армянъ, другая же по-

ствительности и многочисленные, пока не съумѣли еще соединить политически всѣ эти разрозненныя народности. Ихъ преобладаніе по преимуществу военное, и Кавказъ одинаково служитъ имъ и театромъ войны и страною колонизаціи.

Съ стратегической точки зрѣнія Малая Азія и Персія совершенно открыты для русской арміи. Черное море сдѣлалось русскимъ озеромъ. Каспійское море принадлежитъ Россіи почти всецѣло, и флотъ, стоящій въ превосходномъ портѣ Баку, можетъ по первому сигналу принять войска и доставить ихъ хозяевами на берега Мазендерана. Александрополь и Карсъ, сильныя и хорошо вооруженныя первокласныя крѣпости, достаточно грозны для верхняго бассейна Евфрата, а перевалы, черезъ которые придется переводить солдатъ и артиллерію, находятся во власти русскихъ. Въ случаѣ войны съ Англіей за господство въ Передней Азіи, Россія займетъ господствующее положеніе. Прежде Босфору можно было грозить съ сѣвера съ двухъ сторонъ; теперь онъ можетъ быть подверженъ

ловина — изъ грузинъ (26%), русскихъ (24%) и татаръ (5%). Въ остальныхъ городахъ армяне своей численностью подавляютъ грузинъ; такъ, наприм., въ Ахалцыхѣ армянъ 93%. Даже въ чисто-грузинской мѣстности, въ городахъ Телавѣ и Сигнахѣ, населеніе почти исключительно армянское (73 и 89%), тогда какъ въ селеніяхъ Телавскаго уѣзда на 49,103 жит. приходится армянъ всего лишь 2,869, т. е. 6%; въ Сигнахскомъ уѣздѣ на 74,142 жит.—5,567 армянъ, или 7,5%. Сельское армянское населеніе преимущественно сгруппировалось въ Ахалкалакскомъ и отчасти въ Ахалцыхскомъ, Борчалинскомъ и Тифлисскомъ уѣздахъ.

Относительно прироста населенія можно замѣтить, что въ г. Тифлисѣ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ находятся грузины, у которыхъ на 100 жит. среднимъ числомъ въ годъ прирастаетъ 1 человѣкъ, у армянъ—0,8. Для русскихъ, у которыхъ приростъ равенъ всего 0,4%, условія не особенно благопріятны. Но условія болѣе всего невыгодны для татаръ, у которыхъ на 100 душъ вымираетъ ежегодно 5 человѣкъ.

Изъ уѣздныхъ городовъ въ благопріятныхъ условіяхъ находятся Ахалкалаки, Телавъ, Сигнахъ и Душетъ,—они даютъ приростъ отъ 1,3 до 3% въ годъ. Въ городахъ же Гори и Ахалцыхѣ ежегодно вымираетъ 0,3 до 1,7%.

Въ селеніяхъ Тифлисской губерніи — грузинъ 58%, армянъ 18%, татаръ 10% осетинъ 9%; на остальныя народности приходится 4,7%.

Приростъ населенія у грузинъ и армянъ, въ селеніяхъ и городахъ:

	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.
На 100 жителей прирастаетъ у армянъ	0,7 чел.	1,5 чел.
„ 100 „ „ „ грузинъ	0,7 „	1,7 „

Громадное вліяніе оказываетъ вѣроисповѣданіе жителей: такъ, у православныхъ грузинъ ежегодно прирастаетъ 1,7%, а у грузинъ-магометанъ всего 0,8%. Татары даютъ такой же малый приростъ, какъ и русскіе (отъ 0,4 до 0,5%). Для русскихъ очевидно вредны мѣстныя климатическія условія, потому что у нихъ если рождается болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ народностей (5,3%), за то и умираетъ громадный процентъ — 4,9%. На татаръ же дѣйствуетъ не мѣстность, а условія жизни, зависящія отъ ихъ вѣроисповѣданія: у нихъ среднимъ числомъ ежегодно рождается 3 человѣка, а умираетъ 2,5 на 100 душъ.

Въ общемъ приростъ населенія собственно Тифлисской губерніи достигаетъ 1,3%. (См. данныя Кавказскаго Статистическаго Комитета „о движеніи населенія въ Тифлисской губерніи“, 1882 г. Кавказскій календарь, 1882 г. и проч.). *Прим. перев.*

нападенію еще и съ восточной стороны. Если Англія владычествуетъ на Средиземномъ морѣ, то того же нельзя сказать относительно Чернаго моря: чтобы вести сухопутную кампанію, у нее не найдется столько войскъ, чтобы помѣряться силами съ русскими въ Азіатской Турціи, гдѣ она сама взяла на себя роль покровительницы, и границы которой,—быть можетъ неосторожно,—она гарантировала. Долиной Ефрата, Россія всегда, по первому желанію, можетъ приблизиться къ „святымъ мѣстамъ", покорепнымъ нѣкогда крестоносцами, гдѣ христіане всѣхъ вѣроисповѣданій, католики, православные, протестанты, стремятся занять преобладающее религіозное значеніе:—не очевидно ли также, что русское вліяніе будетъ увеличиваться въ этой странѣ пропорціонально населенію Кавказа? Во всѣ времена народы, живущіе въ сосѣдствѣ съ Араратомъ и Анти-Кавказомъ, принимали значительное и самосостоятельное участіе въ политическихъ движеніяхъ Передней Азіи, а теперь эти же народы представляютъ собою не болѣе какъ авангардъ несмѣтной славянской національности! Противъ ея грознаго могущества, есть только одна преграда,—это союзъ свободныхъ народовъ; но развѣ можно думать, что бы армяне, курды, турки бассейновъ Тигра и Ефрата, освободившись, соединились другъ съ другомъ, забыли свою религіозную ненависть и національное соперничество?

Кавказскіе народы не имѣютъ никакихъ политическихъ преимуществъ передъ славянскимъ населеніемъ Русской имперіи: лезгины, грузины, армяне и татары, равно какъ и великоруссы и малороссы, подчинены самодержавной и неограниченной власти царя и одинаково обязаны повиноваться ей „не только словомъ, дѣломъ, но и помышленіемъ". Ни одна изъ народностей Кавказа не имѣетъ конституціи, гарантирующей ея права, и большая часть ихъ болѣе или менѣе покровительствуемы обычаями, одни писаными, другіе передаваемыми устно, по преданію. Представителемъ особы Императора на Кавказѣ состоитъ генералъ-губернаторъ или Намѣстникъ, которому предоставлена чрезвычайная власть. Что касается прежнихъ царствующихъ фамилій страны, то онѣ лишены всякой политической власти, получаютъ пенсіи, пользуются привилегіями и почестями, благодаря присягѣ „быть вѣрными и вѣчными слугами русскаго царя".

Бюджетъ Кавказа, составлявшій по отчетамъ въ 1878 г. 6.750,000 руб., входитъ въ общій бюджетъ Имперіи. Собственно бюджета Закавказья, (включая Дагестанъ), увеличивающагося изъ года въ годъ, хватило бы съ избыткомъ на мѣстные расходы, если бы не удваивалось, а въ нѣкоторые года не учетверялось бы, содержаніе на границахъ значительной арміи; такимъ образомъ съ возрастаніемъ издержекъ увеличивается и дефицитъ. Бюджетъ Закавказья въ 1870 году достигалъ

5.358,470 руб., а въ 1880 году 8.784,980 рублей (Шавровъ, Кавказскій Календарь); при чемъ

Общій приходъ Кавказа въ 1878 г. составлялъ	16.339,703	руб.
Расходъ.	71.660,325	„
Дефицитъ	55.320,622	„

Дефицитъ этотъ, колеблющійся между 18 и 40 милліонами рублей въ мирное время, возросъ до 57 милліоновъ во время войны За 10 лѣтъ, отъ 1869 года по 1878, общую сумму расходовъ опредѣляютъ не менѣе 343.131,005 рублей. Во всемъ Закавказьѣ общая цифра расходовъ, долженствующихъ служить развитію страны, какъ напримѣръ образованію, постройкѣ дорогъ, содержанію лѣсовъ, колонизаціи, не превосходитъ сумму 1.800,000 рублей.

Главныя статьи дохода Кавказскаго края составляетъ налогъ на спиртъ; на Кавказѣ этотъ налогъ составляетъ болѣе чѣмъ половину ежегоднаго дохода, т. е. 3.520,000 р.—изъ общей суммы бюджета, равной 6.755,000 р.

Административно Кавказъ раздѣленъ на провинціи не одинаковой величины, съ ихъ первоначальнымъ устройствомъ, носящимъ военный характеръ и разнообразныя оффиціальныя названія: губернія, округъ, область и проч. Тифлисъ, столица обоихъ склоновъ, есть въ тоже время главный административный пунктъ всего Закавказья; между тѣмъ какъ Ставрополь, такъ хорошо расположенный, какъ наблюдательный пунктъ на плоскогоріи, обращенномъ къ центральной части цѣпи, есть главный административный пунктъ Предкавказья. Дагестанъ, который долженъ былъ бы принадлежать къ сѣверному Кавказу, напротивъ, причисляется къ южному. Русскіе, такъ долго останавливаемые на своемъ пути лезгинскими горцами, у подножья первыхъ контрфорсовъ Кавказа, обозначили границу тамъ, гдѣ начиналась для нихъ линія вылазокъ. Другая географическая странность: Кубинскій уѣздъ,—конечно вслѣдствіи этнологическаго и религіознаго единства народностей, обитающихъ оба склона Кавказа въ восточной части цѣпи,—составляетъ часть закавказской губерніи, Бакинской. Дербентъ или „Ворота“ остался политической границей между сѣвернымъ и южнымъ округами Кавказа.

Слѣдующая таблица представляетъ перечень провинцій съ подраздѣленіемъ ихъ на уѣзды и съ населеніемъ по оффиціальнымъ переписямъ 1873—1877 гг. Что касается областей, лежащихъ въ Закаспійскомъ Краѣ и зависящихъ административно отъ военнаго управленія Кавказа, т. е. туркменскихъ земель, еще не вполнѣ подчиненныхъ Россіи, то географически, это страна не можетъ быть отдѣляема отъ остальной части аралокаспійской территоріи.

Таблица административнаго раздѣленія Кавказскаго Края, съ показаніемъ числа жителей и пространства.

	Квадратн. километр.	Квадратн. верстъ.	Число душъ обоего пола.
Сѣверный Кавказъ.			
I. *Губернія Ставропольская.*			
1. Уѣздъ Ставропольскій (Ставрополь 29,617 ж.)	7,693	6,760	42,509
2. „ Александровскій	11,847	10,410	83,399
3. „ Новогригорьевскій	12,254	10,768	104.240
4. „ Медвѣжинскій	7,195	6,322	106,433
5. Земли кочующихъ калмыковъ, Больше-Дербетовскаго улуса	5,340	4,692	88,470
6. Земли кочующихъ туркменовъ, караногайцевъ, эдишкульцевъ и ачикулак-джембулуковцевъ.	24,382	21,425	
Итого	68,711	60,377	475,051
II. *Область Кубанская.*			
1. Уѣздъ Темрюкскій (Темрюкъ 11,651)	10,788	9,480	100,031
2. „ Ейскій (Ейскъ 28.062)	12,704	11,163	121.001
3. „ Екатеринодар. (Екатеринодаръ 29,303)	11,726	10,304	168.731
4. „ Майкопскій (Майкопъ 23,405)	16,042	14.096	147.408
5. „ Баталпашинскій	18,143	16,030	127,462
6. „ Кавказскій	16,518	14,515	140,315
7. „ Закубанскій.	8,503	7,472	38,293
Итого	94,524	83,060	843,247
III. *Область Терская.*			
1. Округъ Пятигорскій (раздѣленъ на уѣзды Пятигорскій № 1 и Нальчикскій № 8, Пятигорскъ 13,665, Нальчикъ 1,748)	22,326	19,619	136,280
2. „ Владикавказскій (Владикавказъ 20,057)	10,920	9,596	137,027
3. „ Кизлярскій (Кизляръ 9,176)	6,736	5,915	29,211
4. „ Грозненскій (Грозный 8,452)	11,112	9,765	116,356
5. „ Хасав-юртовскій	5,593	4,914	55,166
6. „ Веденскій	1,488	1,307	22,596
7. „ Аргунскій (съ слоб. Шатой 94)	2,817	2,475	22,620
Городъ Моздокъ, безуѣздн.			8,379
„ Георгіевскъ, безуѣздн.			3,345
Итого	60,987	53,590	530,980
Всего на Сѣверномъ Кавказѣ	224,221	197,027	1.849,278
изъ коихъ водная поверхность (озера и лиманы) занимаетъ	2,570	2,258	
Закавказье.			
IV. *Область Дагестанская.*			
1. Округъ Темир-Хан-Шуринскій (Тем.-Х.-Шура 5,094),	6,320	5,553	68,110
2. „ Гунибскій	4,486	3,942	47,916
3. „ Казикумухскій	2,273	1,997	36,056
4. „ Андійскій	3,469	3,048	41,468
5. „ Аварскій	1,481	1,301	38,910
6. „ Кайтаго-Табасаранскій	3,004	2,640	42,968
7. „ Кюринскій	2,917	2,564	60,482

8. Округъ Самурскій	3,748	3,294	59,819
9. Городъ Дербентъ / Загородная часть Дербент. градоначальство	302	266	13,775 / 2,777
10. Округъ Дарганскій	1,660	1,458	65,450
Портовый городъ Петровскъ			3,893
Острова Каспійскаго моря	44	39	
Итого	29,704	26,102	481,524
V. *Округъ Закатальскій*	4,168	3,662	68,839
VI. *Губернія Тифлисская.*			
1. Уѣздъ Тифлисскій и Борчалинскій (Тифлисъ 89,551)	10,922	9,598	218,983
2. Уѣздъ Душетскій (Душетъ 2,041)	4,077	3,582	57,558
3. „ Телавскій (Телавъ 7,022)	2,381	2,093	52,412
4. „ Сигнахскій (Сигнахъ 9,265)	6,152	5,406	81,328
5. „ Горійскій (Гори 5,015)	6,619	5,817	124,829
6. „ Ахалцихскій (Ахалцихъ 13,265)	2,716	2,386	43,377
7. „ Ахалкалакскій (Ахалкалаки 3,074)	2,703	2,375	49,909
8. „ Тіонетскій	4,774	4,195	32,404
Итого	40,344	35,452	660,800
VII. *Губернія Кутаисская.*			
1. Уѣздъ Кутаисскій (г. Кутаисъ 12,741)	3,333	2,929	142,083
2. „ Шаропанскій (Квирилы 347)	3,126	2,747	107,790
3. „ Рачинскій (Они 626)	2,830	2,487	49,372
4. „ Лечгумскій (Лайлаши 637) / Приставство Сванетское	4,611	4,052	33,921
5. Уѣздъ Сенакскій	1,729	1,519	86,413
6. „ Зугдидскій (Хони 421) / Заштатный городъ Редутъ-кале (51 чел.)	2,797	2,457	87,666
7. Уѣздъ Озургетскій (Озургети 700)	2,235	1,964	52,416
Портовый городъ Поти			3,026
Итого (съ 7,367 неплат. податей)	20,661	18,155	570,691
VIII. *Сухумскій отдѣлъ.*			
1. Округъ Пицундскій	3,687	3,240	7,080
2. „ Очемчирскій	4,682	4,114	32,179
Городъ Сухумъ			1,500
Цебельдинское Попечительство			605
Итого	8,369	7,354	41,364
IX. *Округъ Черноморскій.*			
Городъ Новороссійскъ	7,313	6,426	2,988
„ Анапа			5,019
Отдѣлъ Попечительства о Черноморскихъ прибрежныхъ поселеніяхъ			7,728
Итого			15,735
X. *Губернія Елисаветпольская.*			
1. Уѣздъ Елисаветпольскій (Елисаветполь 18,505)	8,809	7,740	98,587
2. „ Казахскій	6,896	6,059	77,601
3. „ Шушинскій (Шуша 24,552)	5,241	4,606	105,465
4. „ Зангезурскій	7,751	6,811	88,685
5. „ Нухинскій (Нуха 20,917)	3,774	3,316	94,336
6. „ Арешскій	3,253	2,859	38,776
7. „ Джеванширскій	5,176	4,548	49,005
8. „ Джебраилскій	3,253	2,859	41,329
Итого	44,153	38,798	593,784

XI. *Губернія Бакинская.*			
1. Уѣздъ Бакинскій (Баку 15,105)	4,118	3,619	59,389
2. „ Кубинскій (Куба 11,324)	7,053	6,198	145,778
3. „ Шемахинскій (Шемаха 25,087)	7,345	6,454	97,801
4. „ Гёкчайскій	3,591	3,155	60,299
5. „ Джевадскій (Сальяны 10,168)	12,689	11,150	70,568
6. „ Ленкоранскій (Ленкорань 4,779)	5,314	4,669	95,382
Острова	77	67	—
Итого (съ 11,556 неплат. податей)	40,187	35,312	540,773
XII. *Губернія Эриванская.*			
1. Уѣздъ Эриванскій (Эривань 11,938)	3,018	2,652	96,212
2. „ Нахичеванскій (Нахичевань 6,877)	4,365	3,836	65,635
3. „ Новобаязетскій (Ново-Баязетъ 5,363)	6,148	5,403	73,162
4. „ Эчміадзинскій	3,806	3,345	83,039
5. „ Александропол. (Александрополь 19,976)	3,755	3,299	107,015
6. „ Сурмалинскій	3,628	3,188	58,487
7. „ Шаруро-Даралагезскій	3,005	2,640	51,791
8. Заштатный городъ Ордубатъ			3,489
Итого (съ 8,963 неплат. податей)	27,725	24,362	547,693
XIII. *Область Батумская.*			
1. Округъ Батумскій	1,436	1,262	20,824
2. „ Аджарскій	2,413	2,120	12,241
3. „ Артвинскій	3,384	2,974	38,443
Городъ Батумъ			3,479
„ Артвинъ			6,000
Итого	7,233	6,356	80,977
XIV. *Область Карсская.*			
1. Округъ Тахтинскій	3,760	3,304	11,432
Хоросанское Приставство			3,044
2. Округъ Ардаганскій	4,469	3,927	9,981
Городъ Ардаганъ			663
Посховское Приставство			5,841
3. Округъ Ольтинскій	2,887	2,537	9,819
Городъ Ольты			342
„ Карсъ			3,665
4. Округъ Кагызманскій	1,608	1,413	4,809
Городъ Кагызманъ			2,498
5. Округъ Шурагельскій	2,967	2,607	28,642
6. Округъ Зарушадскій	2,895	2,544	9,373
Чалдырское Приставство			4,977
Итого	18,586	16,332	95,086
Всего по Закавказью	248,445	218,313	3.697,275
Всего по Кавказскому и Закавказск. краю, включая внутреннія воды, озера (3705 кв. в.) и острова (107 кв.в.)	472,666	415,340	5.546,553
Закаспійская область			94,000
Всего жителей въ предѣлахъ Кавказскаго Намѣстничества			5.640,553

Примѣчаніе: Таблица передѣлана за-ново и дополнена по даннымъ Кавказскаго Статистическаго Комитета, „Кавказскаго Календаря“ за 1882 г., „Superficie de l'Europe établie par Strelbitsky, 1882“. и проч. *Перев.*

Глава III.

АРАЛО-КАСПІЙСКІЙ СКЛОНЪ.

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ, НЕЗАВИСИМАЯ ТУРКМЕНІЯ, ХИВА, БУХАРА, СТРАНА ВЕРХНЯГО ОКСУСА.

I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

На западъ отъ Каспійскаго моря Европа имѣетъ рѣзко опредѣленную границу съ Азіей: древній понто-каспійскій проливъ, по южную сторону котораго выдвигаются первыя плоскогорія Кавказа, составляетъ между континентами какъ-бы естественный пограничный ровъ. Но за то на сѣверъ и на востокъ отъ Каспія границы Европы и Азіи сливаются въ равнинѣ, переходящей мало-по-малу въ пригорки и пустыни, пространства песку, глины, въ каменистыя мѣстности, солончаковыя степи и болота. Если и существуетъ съ этой стороны какой-либо естественный рубежъ между двумя материками, то это та наиболѣе низменная часть выпуклости, которая проходитъ между Аральскимъ бассейномъ и долиной Оби: по обѣ стороны этой возвышенности разсѣяны многочисленныя озера, съ неопредѣленными очертаніями—остатки высохшихъ морей, а за этой полосой снова начинается область равнинъ, простирающаяся до самой подошвы плоскогорій и горъ, составляющихъ часть континентальной цѣпи.

Такимъ образомъ арало-каспійскій склонъ плоскогорій Средней Азіи сливается съ сѣверо-западной стороны съ степями Россіи, между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, а съ сѣверной стороны онъ отдѣляется едва замѣтно отъ равнинъ Оби; со всѣхъ же другихъ сторонъ эта область имѣетъ рѣзко опредѣленныя границы. Съ запада она омывается водами Каспія, съ юга—отдѣлена отъ Персіи и Афганистана горной „прегра-

дой", которая начинаясь у юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, соединяется потомъ въ формѣ вытянутой кривой съ Гиндукушемъ и Каракорумомъ. На востокъ лежитъ плоская возвышенность Памиръ, а на сѣверо-востокъ горы Тянь-Шань и Тарбагатай, съ ихъ горными полянами и снѣжными вершинами. Поверхность Арало-Каспійской области, включая въ нее государства, находящіеся подъ протекторатомъ Россіи, а также Уханъ, Бадакшанъ, Балхъ и Земли туркменовъ, занимаетъ болѣе трехъ милліоновъ кв. верстъ и, слѣдовательно, въ шестеро превышаетъ величину Франціи. Территорія болѣе чѣмъ въ милліонъ кв. верстъ, простирающаяся къ сѣверу, въ бассейнъ Оби, въ административномъ отношеніи также присоединена къ этому естественному бассейну русскаго Туркестана и составляетъ часть одного и того же генералъ-губернаторства.

Русскій Туркестанъ, имѣющій наклонъ съ сѣверной и восточной стороны къ Каспійскому морю, состоитъ на половину изъ гористой мѣстности и на половину изъ низменностей. Разнообразіе климатовъ, фауны и флоры не менѣе поразительны, нежели геологическія образованія этого громаднаго пространства, по одну сторону котораго поднимаются горы высотой въ 20—23 тысячъ футъ, а по другую — низменности, спускающіеся у береговъ Каспія ниже морского уровня. Впрочемъ, есть нѣкоторое сходство между восточной стороной гористой мѣстности и западной частью области низменныхъ равнинъ. И тамъ и здѣсь предѣлы годичной температуры гораздо шире, чѣмъ въ Европѣ или въ какой-либо другой странѣ сосѣдней съ моремъ; колебанія температуры необыкновенны. Такъ, напримѣръ, во время холодовъ, осенью и зимою, въ долинахъ и горахъ Туркестана господствуетъ полярный сѣверо-восточный вѣтеръ; лѣтомъ же и весною приноситъ съ собою жару юго-западный вѣтеръ, экваторіальный [1]); такимъ образомъ въ каждое изъ временъ года климатъ претерпѣваетъ рѣзкія противуположности въ температурѣ, что, впрочемъ, свойственно всѣмъ странамъ лежащимъ внутри материка. Вообще, Арало-Каспійскій склонъ, приведенный къ уровню моря, находится въ іюлѣ мѣсяцѣ между изотермическими линіями 20 и 25° Ц.:—температура острововъ Зеленаго Мыса, лежащихъ на 2,580 верстъ ближе къ экватору. Для января мѣсяца въ Аральской области изотермическими линіями будутъ: 5 — 15°, т. е. тѣ линіи, что проходятъ черезъ Канаду, южную Гренландію и Шпицбергенъ и, слѣдовательно, черезъ мѣстности лежащія на 2,800 верстъ ближе къ къ полюсу,—на столько сильны колебанія температуры крайнихъ мѣсяцевъ въ русской Татаріи. Но разница между жаркимъ днемъ и холоднымъ еще болѣе значительна: среднимъ числомъ она равна 74° между 44° и —25, и даже —30°. Въ равнинѣ сухость воздуха и недостатокъ росы также содѣйствуютъ рѣзкости климата. Часто атмосфера бываетъ столь

[1]) *Боршовъ.* Ботаническая географія Арало-Каспійской области.

слабо насыщена парами, что дыханіе становится затруднительнымъ; извѣстны цѣлые годы, въ которые дождь ни разу не освѣжилъ почву: въ 1858 году продолжительность дождей въ пустынѣ Кара-кумъ не превосходила въ итогѣ четырехъ часовъ. Влажность, приносимая юго-западными вѣтрами, задерживается выступами Памира и долинами Тянь-Шаня т. е. тамъ, гдѣ есть ручьи, потоки и рѣки; при всемъ томъ дожди эти менѣе обильны, нежели въ горахъ Европы и Индіи.

Другая общая характерная черта для русскаго Туркестана, его горъ, долинъ и равнинъ,—это постоянное высыханіе почвы въ теченіе современнаго геологическаго періода. Обѣ рѣки-близницы, Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, текутъ съ Памира и Тянь-Шаня, почти параллельно одна другой, въ озеро называемое всѣми прибрежными жителями Аральскимъ моремъ; но въ предшествовавшую эпоху, обѣ эти рѣки, были значительно многоводнѣе, и несомнѣнно, что они, соединяясь въ одно общее русло, впадали въ Каспій. Въ настоящее время, отдѣленныя одна отъ другой, они все еще считаются одними изъ самыхъ большихъ рѣкъ Азіи, по крайней мѣрѣ по длинѣ: обѣ онѣ имѣютъ въ протяженіи не менѣе 2,000 верстъ; но количество воды, несомой ими, очень незначительно въ сравненіи съ той массой влаги, какую несутъ въ море такія могущественныя рѣки окраинъ материка, какъ Обь, Енисей, Лена, Амуръ, Гоанго, Янгце-Кіангъ, Меконгъ, Брахмапутра, Гангъ, Индъ. Бассейны рѣкъ Аму и Сыра обнаруживаютъ на поверхности явные слѣды постепеннаго высыханія: всюду видны оставленныя ложа рѣкъ, частью уже засоренныя; множество рѣченокъ, которыя когда то достигали главной рѣки, останавливаются на полдорогѣ и затериваются или въ пескахъ, или въ солончаковыхъ болотахъ; мелкіе озера высыхали сотнями и тысячами, не оставивъ послѣ себя ничего кромѣ пласта соли. Большія озера, внутреннія моря, въ родѣ Балкаша и Арала, измельчали, озера плоскихъ возвышенностей, какъ напримѣръ Исыкъ-Куль, совсѣмъ опустѣли; многія изъ нихъ даже совершенно исчезли, какъ напримѣръ, тѣ, что замѣстились равнинами Кульджи и Ферганы. Каждая мѣстность Арало-Каспійскаго склона, разсматриваемая отдѣльно, свидѣтельствуетъ собою общее явленіе засухи. Посредствомъ постояннаго высыханія почвы, большая часть страны преобразовалась въ степи и при томъ не только въ равнинахъ, но и въ горахъ. На Памирѣ, Тянь-Шанѣ и Тарбагатаѣ каждая продольная долина, каждая впадина представляютъ собою оголенную степь, съ растительностью чрезвычайно ограниченной, какъ числомъ видовъ, такъ и періодомъ ея годичнаго роста. Климатъ здѣсь врядъ-ли болѣе благопріятенъ для растеній, нежели въ арктическихъ странахъ, такъ какъ развитіе мѣстныхъ растеній ограничено всего тремя мѣсяцами,—съ одной стороны зимними снѣгами, съ другой—лѣтней засухой [1]).

[1]) *Grisebach.* Végétation du Globe.

Въ подобной странѣ, гдѣ большая часть мѣстностей на столько подвержены засухѣ, что становятся не пригодными даже для кочевниковъ и ихъ стадъ, населеніе, конечно, весьма незначительно. Обитатели Арало-Каспійскаго склона распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Поверхность въ кв. верстахъ.	Поверхность въ километрахъ.	Вѣроятное населеніе въ 1880 г.	Число душъ на кило.
Въ русскихъ владѣніяхъ отъ Атрека до Иртыша . .	3.262,157	3.708,135	4.500,000	1
„ Хивѣ	50,800	57,800	300,000(?)	12
„ Бухарѣ	210,000	239,000	2.150,000	9
„ землѣ независимыхъ туркменовъ	228,900	206,500	200,000	1
„ авганскомъ Туркестанѣ .	118,600	135,000	950,000	6
Всего . .	3.870,457	4.346,435	8.500,000	2

Слѣдовательно, принимая въ разсчетъ даже обильно орошенныя долины, гдѣ населеніе наиболѣе густо, видимъ, что въ общемъ, на аралокаспійскомъ склонѣ не приходится жителей и двухъ человѣкъ на кв. версту; страна эта въ 6—7 разъ малолюднѣе нежели Кавказскій край, не смотря на его громадныя пространства, необитаемыя земли, на скалы, и поверхности покрытыя снѣгомъ. Мѣстныя преданія, историческія данныя, равно какъ и развалины множества городовъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что эта область въ прежнія времена была гораздо населеннѣе. Число жителей уменьшилось вмѣстѣ съ уменьшеніемъ воды. Большія имперіи, основанныя въ бассейнахъ Оксуса и Согдіаны, изчезли: очаги цивилизаціи, такъ ярко освѣщавшіе весь восточный міръ, погасли; просвѣщенные народы снова обратились почти въ варварство, кочевое состояніе восторжествовало надъ земледѣліемъ и попятное движеніе сказалось очень сильно. Господствующая раса также измѣнилась: измѣненіе климата, высыханіе почвы, успѣшнѣе нежели войны, создали въ результатѣ замѣщеніе части коренныхъ обитателей-арійцевъ тюрками и киргизами. Въ горныхъ долинахъ Памира, отъ Каратегина до Уахана, живутъ племена землевладѣльцевъ-арійцевъ, ушедшихъ въ горы, вслѣдствіе натиска со стороны кочевниковъ, которые, пришедши сюда съ сѣверовостока, заняли равнины. Перемѣщеніе изотермъ и изогіетъ уменьшаетъ или увеличиваетъ площадь занятую растеніями, заставляя ихъ спускаться съ горъ въ равнины или подниматься съ равнинъ на горы, превращаетъ пахотныя земли въ пастбища, расширяя предѣлы пустынь, и привлекая къ нимъ кочующихъ татаръ, отодвигаетъ осѣдлыхъ арійцевъ. Войны и убійства ускорили лишь ходъ указанный климатомъ. Но городское населеніе могло оставаться отчасти независимымъ отъ среды, благодаря торговлѣ и промышленности: коренная раса, смѣшанная различнымъ обра-

зомъ, могла существовать до сихъ поръ о бокъ съ расой, пришедшей съ сѣвера. Арійцы и тюрки, или какое бы другое названіе не дали имъ, живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ, образуя различныя группы, приспособляющіеся къ внѣшнимъ условіямъ, сообразно склонностямъ и старинымъ обычаямъ. Оксусъ служитъ нѣсколько вѣковъ не болѣе какъ политической границею между землями Ирана и Турана, ибо во всѣ времена на сѣверъ отъ этой рѣки, среди туранскаго населенія, жили группы иранцевъ, разсѣянныя въ видѣ острововъ и архипелаговъ.

Въ настоящее время народъ, говорящій арійскимъ языкомъ, беретъ верхъ надъ остальными племенами. Русскіе, сильные тѣмъ могуществомъ, которымъ они пользуются благодаря высшей цивилизаціи, пренебрегаютъ затрудненіями представляемыми климатомъ и завоевываютъ съ успѣхомъ громадныя пространства, съ цѣлью дать тѣсную политическую связь вновь присоединеннымъ странамъ Арало-Каспійскаго склона. Ихъ войска отправлялись туда послѣ того, какъ страна была изучена натуралистами, послами или купцами. Русскія заняли города, издавна существующіе, или построили новые, и въ различныхъ торговыхъ и стратегическихъ пунктахъ, казавшихся имъ благопріятными, положили начало колонизаціи, именно въ горныхъ долинахъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ точные предѣлы кочевникамъ. Пароходство по обѣимъ рѣкамъ, дороги, а позже и желѣзныя пути, уменьшатъ, такъ сказать, пространство этой страны и позволятъ такимъ образомъ славянскому элементу легко упрочить свое превосходство. Это не болѣе какъ вопросъ времени. Въ землѣ таджиковъ, сартовъ, узбеговъ, Ташкентъ и Самаркандъ становятся русскими городами, подобно Казани, бывшей прежде въ землѣ татаръ, чувашей и черемисовъ.

Съ половины текущаго столѣтія пріобрѣтенія русскихъ въ Туркестанѣ шли очень быстро, не смотря на то, что не разъ изъ С.-Петербурга предписывались границы какъ бы съ цѣлью положить конечный предѣлъ наступательныхъ движеній. Въ общемъ количество всѣхъ земель, завоеванныхъ со времени взятія Ак-Мечети, въ 1853 г., равно почти 1.000,000 кв. верстъ, что̀ превосходитъ въ два раза поверхность Франціи [1]). То по произволу честолюбиваго генерала, то въ наказаніе туземцевъ за оскорбленіе русской власти набѣгами, присоединяется еще и еще новая провинція къ громаднымъ владѣніямъ русскаго орла. Памятенъ еще циркуляръ канцлера Горчакова, относящійся къ 1864 году, когда дѣло заключалось въ томъ, чтобы за предѣлами кочевыхъ народовъ подчинить Россіи область, населенную земледѣльцами и съ раскинувшимися на ней городами, и могущую служить для арміи опорнымъ пунктомъ, гласившій, что обстоятельства и интересы Россіи, заставляютъ направить царскія войска именно

[1]) *Венюковъ*. Территоріальныя пріобрѣтенія и уступки Россіи за послѣдніе тридцать лѣтъ.

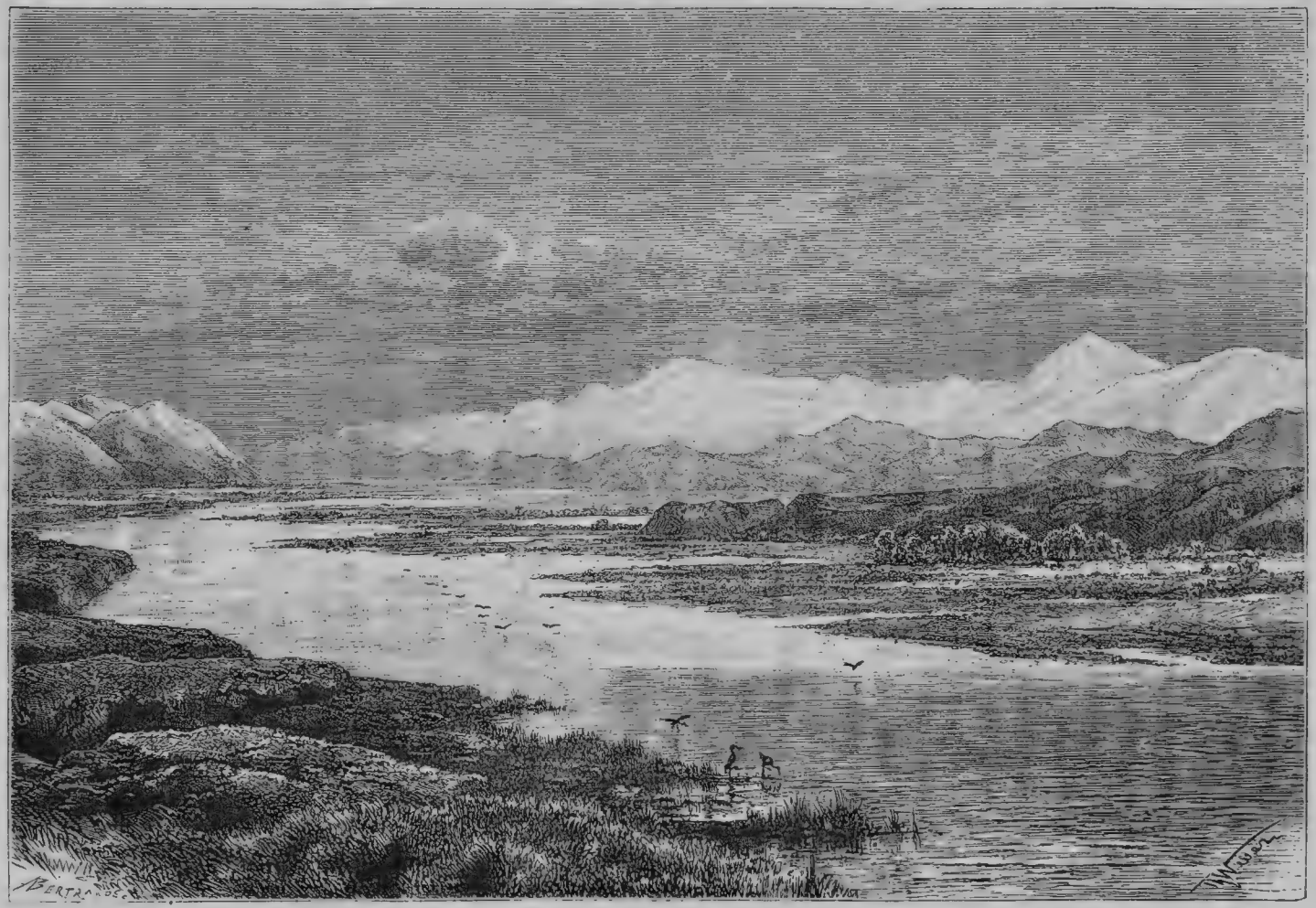
туда и не далѣе. Съ того времени русскіе сильно подвинулись впередъ; но, тѣмъ не менѣе, Арало-Каспійскій склонъ далеко еще не весь находится въ политической власти Россіи; Хива и Бухара остаются, конечно, только фиктивно независимыми, но на югъ отъ Оксуса находятся еще различныя маленькія государства, прилегающія къ горамъ Гиндукуша, и существующіе самостоятельно, которыхъ ничуть нельзя считать вассалами Имперіи. Договоромъ заключеннымъ между Россіей и Англіей, въ 1873 году, изъ этихъ государствъ создана Авганская территорія; но эта дипломатическая уловка не мѣшаетъ русскимъ мало по мало распространять свое вліяніе въ этихъ странахъ, отдѣленныхъ отъ Авганистана громадной стѣной Гиндукуша и несомнѣнно составляющихъ часть Арало-Каспійскаго склона, какъ съ точки зрѣнія физической географіи, такъ и по населенію; пространство простирающееся на нѣсколько сотъ тысячъ кв. верстъ, если въ настоящее время еще не служитъ окраиною русской имперіи, то оно рано или поздно станетъ ею [1]). На югозападѣ, по Атреку, живутъ различныя племена туркменовъ, изъ конхъ въ особенности извѣстны текинцы, такъ храбро сопротивлявшіеся русскимъ, понесшимъ отъ нихъ въ 1878 г. довольно сильное пораженіе; но средства русскихъ такъ велики сравнительно съ тѣми, которыми располагаютъ кочевники-текинцы, что на битву при Денгилъ-Тепе можно смотрѣть какъ на простую случайность, не имѣющую никакого серьезнаго значенія въ исторіи, и это небольшое замедленіе не отсрочитъ рѣшеніе судьбы [2]). На всю низменную область, простирающуюся отъ береговъ Каспійскаго моря и подножья Памира и отъ подошвы иранскихъ плоскогорій до истоковъ Оби и Иртыша, можно заранѣе смотрѣть какъ на русскую территорію. Простая горная цѣпь отдѣляетъ ее отъ страны, расположенной на англо-индійскомъ склонѣ, въ чертѣ тяготѣющей къ странѣ Ганга. Одной стороною Бамьянскій перевалъ обращенъ къ С.-Петербургу, другая—къ Калькутѣ, посматривающимъ на него то съ вождѣніемъ, то съ боязнью.

На востокъ отъ Туркестана сосѣди русскихъ—китайцы. Обѣ имперіи, раскинувшіяся на нѣсколько тысячъ верстъ, соприкасаются своими границами. Плоская возвышенность Памиръ, Небесныя Горы и, далѣе къ востоку, условная пограничная линія, проходящая черезъ Джунгарскія Ворота, отдѣляютъ русскія владѣнія отъ китайскихъ, оставляя при этомъ большую часть границы открытой для вторженій. Но что бы ни говорила молва, а русскимъ совершенно нечего опасаться появленія на ихъ границѣ новаго Чингизъ-Хана: на ихъ сторонѣ всѣ преимущества оружія, провіанта, военныхъ позицій, и еще болѣе того громаднаго превосходства которое даетъ наука въ приложеніи къ войнѣ.

---

[1]) *Венюковъ.* Тамъ же.

[2]) Пророчество автора, какъ извѣстно, сбылось очень скоро. *Прим. перев.*



ЦѢПИ АЛАЯ И ТРАНСЪ-АЛАЯ.

II.

ПАМИРЪ И АЛАЙ.

Памиръ и Тибетъ, массивы которыхъ встрѣчаются другъ съ другомъ на сѣверъ отъ Индустана и на востокъ отъ Оксуса, суть двѣ горныя цѣпи Азіи, хотя, вѣрнѣе сказать, обѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, составляютъ одну континентальную цѣпь. Расположившись подъ прямымъ угломъ, одна параллельно экватору, а другая по направленію меридіана, онѣ образуютъ то, что называется: „Крышей“, „Вѣнцомъ міра“, и Бам-и-дуніаг'омъ, названіемъ киргизскаго происхожденія, прилагаемомъ обыкновенно лишь къ одному Памиру.

Вмѣстѣ съ своими мысами, выдающимися въ видѣ горъ надъ равнинами Оксуса на западѣ, и Тарима, на востокѣ, Памиръ занимаетъ въ центрѣ Азіи пространство равное приблизительно 70,000 кв. верстъ. Его громадные уступы, выдвигающіеся вмѣстѣ съ контрфорсами верстъ на 500, образуютъ какъ бы западную часть той стѣны, которая окружаетъ въ видѣ плоскогорій и горныхъ системъ китайскую имперію, рѣзко раздѣляя Азію на двѣ половины, и заграждая пути для переселеній и военныхъ набѣговъ. Поднимаясь, въ среднемъ, на высоту 13,000 футовъ надъ уровнемъ земли годной къ культурѣ, въ области снѣговъ и горныхъ пастбищъ, Памиръ былъ бы страной голода и смерти для народовъ или для армій, которые вздумали бы зайти въ него. Однако небольшіе караваны путешественниковъ и купцовъ и небольшіе отряды воиновъ черезъ это плоскогоріе проходили не рѣдко. Невозможно, чтобы въ прежнее время не пытались бы пройти кратчайшимъ путемъ пространство, отдѣляющее Оксусъ отъ Кашгаріи и Европу отъ Китая. Греки, римляне, арабы, итальянцы и китайцы не разъ пересѣкали Памиръ, одни съ торговыми предпріятіями, другіе въ пылу религіозной ревности, третьи ради завоеваній; но очень немногіе изъ путешественниковъ оставили описанія своихъ маршрутовъ; всѣ они старались перейти плоскогоріе черезъ борозды, лежащія въ самой нижней части его. На однообразномъ пространствѣ слѣды путниковъ теряются также скоро, какъ и слѣды корабля въ океанѣ. Въ Памирѣ, имя котораго есть синонимъ пустыни [1]), нѣтъ ни городовъ, ни обработанныхъ полей, ничего, что могло бы служить вѣхами; мѣстности всюду одинаковы, однообразны. Никакія точныя указанія въ древнихъ сочиненіяхъ о путешествіяхъ не могутъ помочь отыскать съ достовѣрностью прежніе пути каравановъ, и только новѣйшіе изслѣдователи, прошедшіе разныя части его, тщательно наносившіе на карту маршруты, дали наконецъ возможность составить общее понятіе о

[1]) *Сьверцовъ*, Vlue, Forsyth, Paquier etc.

плоскогоріи и его рельефѣ. Благодаря имъ, можно было разобраться въ хаосѣ древней номенклатуры, возстановить географію Азіи, стереть различныя фантастическія цѣпи горъ, нанесенныя на карты на-угадъ... „Меридіональный“ хребетъ Болоръ, составляющій, по мнѣнію Гумбольдта[1]), ось материка, пересталъ уже существовать на картахъ, по крайней мѣрѣ какъ рядъ вершинъ; точно также Имаюсъ древнихъ смѣшивается съ громаднымъ плоскогоріемъ Памиръ. Очень возможно, впрочемъ, что названіе Болора или Балора прилагалось въ сущности только къ области сосѣдней съ Гиндукушемъ, вѣроятно къ странѣ, извѣстной въ наше время подъ названіемъ Дардистана[2]).

Греческіе торговцы, сопровождавшіе купцовъ другихъ націй, можетъ быть китайцевъ, во второмъ вѣкѣ христіанской эры, если не ранѣе этой эпохи, умѣли отыскивать дороги въ Серику или „Страну шелка“, черезъ Памиръ. Основавшись въ Бактріанѣ, т. е. въ долинѣ средняго Оксуса и войдя, конечно, при этомъ въ сношенія съ народами, жившими на востокъ и сѣверъ отъ нихъ, греки принуждены были пользоваться дорогой чрезъ плоскогоріе и, поднимаясь по Оксусу, пробираться возможно дальше узкимъ горнымъ проходомъ, передъ тѣмъ какъ выдти въ долину. Такъ Птоломей, собравшій всѣ документы, черезъ географа Марина Тирскаго, добытыя македонянином Маесомъ Тиціаніуомъ, дѣйствительно говоритъ, что греки направлялись на сѣверъ въ страну Комедъ. Оттуда дорога шла у подошвы плоскогорія черезъ долину Оксуса, вѣроятно и черезъ его притокъ Сургъ-абъ[3]), направляясь къ „Каменной Башнѣ“, главному пункту пересѣченія дорогъ и остановокъ послѣ столь продолжительнаго пути. Гдѣ находилась эта башня? Относительно этого вопроса можно дѣлать только предположенія, такъ какъ остановки купцовъ могли происходить безразлично въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ впадинъ, въ которыхъ пересѣкаются нѣсколько дорогъ и гдѣ для вьючныхъ животныхъ находятъ вдоволь травы и воды. Наконецъ, пастухи развѣ не могли, въ разныя времена, обозначать различныя мѣста „Каменными башнями“, которыя служили имъ сигналами, межевыми знаками, могильными памятниками? Одинъ изъ этихъ многочисленныхъ Ташъ-Курган'овъ или „Каменныхъ грудъ“ расположенный на подъемѣ въ 10,800 футовъ, у одного изъ верхнихъ притоковъ рѣки Яркандъ, у восточной подошвы Памира, сталъ даже чѣмъ-то въ родѣ деревни и главнымъ городомъ малолюднаго Сириколя. Раулинсонъ предполагаетъ, что это можетъ быть и есть „Каменная Башня“ греческихъ и римскихъ купцовъ, ходившихъ въ „Страну шелка“[4]). Во всякомъ случаѣ невѣроятно, что для того, чтобы отпра-

[1]) Asie centrale.
[2]) *Shaw*, Journal of the Geographical Society, 1876.
[3]) *Richthofen*, ouvrage cité.
[4]) Journal of the Geogr. Society, vol. XLII, 1872.

виться изъ долины Сургъ-абъ въ долину Тарима,— древній Эхардесъ,— караваны шли тропинкой, хотя и болѣе удобной, по которая вела ихъ далеко на юго-востокъ. Кромѣ того Ташъ-Курганъ и Сириколь, по Гордону, происхожденія сравнительно новѣйшаго. До путешествій Федченко, Сѣверцова и другихъ русскихъ изслѣдователей, положившихъ въ области плоскогорія предѣлы того пространства, на которомъ должна была находиться знаменитая „Каменная Башня", ученые искали ее по всей центральной Азіи. Нѣтъ пункта упоминаемаго древними, которой бы такъ часто не перемѣщали на картѣ съ одного мѣста на другое. Предполагали найти его на мѣстѣ новаго города Ташкента или „Каменнаго Замка", на сѣверѣ отъ Яксарта; думали также, что онъ находился главнымъ образомъ въ Ферганѣ, а Риттеръ, Гумбольдтъ и Лассенъ [1]) считали развалины стоящія на холмѣ „Соломонова Трона", что возлѣ города Ошъ, за остатки Каменной Башни. Птоломей, сбитый съ толку смутными и противурѣчивыми указаніями купцовъ, помѣстилъ Каменную Башню гораздо далѣе къ сѣверу: по указываемой имъ широтѣ ее нужно бы было искать въ самой Сибири, по ту сторону Тянь-Шаня.

Другимъ купцамъ, приходившимъ съ востока, дороги были извѣстны болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до той эпохи, когда римляне проходили черезъ Памиръ. Китайцы знали о существованіи народовъ, жившихъ на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, а ихъ частыя сношенія съ ними происходили черезъ перевалы Цунгъ-Линга, или Памира русскихъ географовъ. Вслѣдъ за экспедиціей Чангъ-Кіена, снаряженной около 128 года до Р. Х., торговля стала развиваться очень быстро, и вскорѣ китайскіе караваны, изъ которыхъ иные состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправлялись прямо отъ береговъ Тарима къ берегамъ Сыръ-Дарьи въ страну Таванъ; нерѣдко отправлялось до десяти и двѣнадцати караванъ въ годъ и, благодаря этимъ путешествіямъ, какъ полагаютъ, введены въ Китаѣ лозы и сѣмена винограда, орѣха, гранатоваго дерева, бобы, огурцы, петрушка, люцерна, шафранъ, кунжутъ [2]). Отправляясь долиной Тарима, китайскіе купцы должны были искать переходъ черезъ горы, конечно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они менѣе широки; они огибали на сѣверо-востокъ всю массу Памира и Алайскихъ горъ, идя черезъ Терекъ-даванъ; но извѣстно также изъ лѣтописей того времени, что они пересѣкали Памиръ на-прямикъ, черезъ южные перевалы, чтобы соединить этой дорогой земли Оксуса и Кипина или Кабулистана.

Междоусобныя войны, большія переселенія народовъ остановили торговое движеніе, установившееся непосредственно между восточной и западной Азіей; но миссіонеры и богомольцы-буддисты снова проторили

[1]) *Ritter*, Asien V; *Humboldt*, Asie centrale; *Lassen*, Indische Alterthümer.
[2]) *Bretschneider*, On the study and value of chinese botanical works.

дорогу въ Памиръ. Гіуенъ-Цангъ, знаменитѣйшій изъ этихъ богомольцевъ, разсказываетъ о своемъ шестнадцатилѣтнемъ путешествіи, совершенномъ имъ по центральной Азіи, въ первой половинѣ VI вѣка, и въ его путевыхъ замѣткахъ можно отыскать довольно много сходныхъ именъ на пути въ южной Памиръ черезъ Бадакшанъ, Іаханъ и страну Сириколь[1]). Это почти тотъ самый путь, по которому слѣдовалъ Марко Поло, сопровождавшій своего дядю и своего отца во время знаменитаго путешествія 1272 — 1275 г.; однако, кажется[2]), что онъ держалъ путь нѣсколько сѣвернѣе и что съ мѣста перехода черезъ верхній Оксусъ онъ прямо пересѣкъ „плоскогоріе Памиръ“ по направленію съ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ и долженъ былъ „объѣзжать верхомъ двѣнадцать дней“ эту мѣстность, не встрѣтивъ за всю дорогу ни жилищъ, ни растительности, при чемъ каждый несъ съ собою то, что ему было нужно[3]). Въ 1603 г. католическому миссіонеру Гоесу пришлось также проходить черезъ южную часть Памира, вѣроятно той же дорогой, что и Гіуенъ-Цангу. Послѣ того протекло болѣе двухъ столѣтій прежде чѣмъ европейскій путешественникъ снова проникъ въ южный Памиръ. Въ 1838 г. англичанинъ Вудъ поднялся по одному изъ развѣтвленій верхняго Оксуса до самаго Сары-Куля или Куль-Кальяна: вслѣдъ за этимъ начался рядъ новыхъ научныхъ изслѣдованій. Въ 1868 году Гайвардъ посѣтилъ юго-восточную часть плоскогорія; индусы посланные англійскимъ топографическимъ Бюро также прошли какъ черезъ большой, такъ и малый Памиръ; въ 1871 г. грекъ Потагосъ тоже отправился черезъ южную сторону плоскогорія изъ Бадакшана въ Кашгаръ. Въ 1875 г. Форсайтъ, Гордонъ, Троттеръ спустились по плоскогорію до Бадакшана и посѣтили Шигнанъ и Рошанъ вмѣстѣ съ топографомъ изъ Индіи, принадлежавшимъ къ ихъ экспедиціи.

Что касается до сѣвернаго Памира, то его перестали посѣщать со временъ китайскаго владычества. Арабы, владѣвшіе долиной Сыръ-Дарьи, были заинтересованы посылкой всѣхъ торговыхъ экспедицій дорогами сравнительно легкими, огибающими съ сѣверной стороны массивы Тянь-Шаня; по этимъ же дорогамъ ходили и европейскіе послы, отправлявшіеся ко двору монгольскихъ властелиновъ. Дѣло географическихъ изслѣдованій въ сѣверномъ Памирѣ было начато лишь благодаря индусу Абдулъ-Меджиду, который въ 1861 году первый прошелъ черезъ Памиръ съ юга на сѣверъ, и затѣмъ русскимъ изслѣдователямъ: Федченко, Костенко, Мушкетову, Сѣверцову, Оханину и проч. Въ настоящее время болѣе $^4/_5$ всей поверхности Памира болѣе или менѣе извѣстны: промежутокъ, отдѣляющій столь важную маршрутную линію г. Сѣверцова 1878 года отъ пути пройденнаго англійской экспедиціей въ 1873 году,

[1]) *Stanislas Julien*, Histoire de la vie d'Hiouen-Tsang et des ses voyages.

[2]) *Paquier*, le Pamir.

[3]) *Marco Polo*, edition Pauthier, Livre, chap. XXXII.

равенъ не болѣе 45—50 верстамъ. Въ общихъ чертахъ и съ приблизительной точностью Памиръ нанесенъ уже на карты; до двадцати важныхъ пунктовъ опредѣлены астрономически Бонсдорфомъ, Шварцемъ, Скази; высота 2000 мѣстностей измѣрена барометромъ или другими инструментами; ни одна изъ неизслѣдованныхъ чрезполосныхъ земель не отстоитъ своей центральной частью болѣе чѣмъ на 55 верстъ отъ границъ областей уже извѣстныхъ и можно быть увѣреннымъ, что ни одна изъ горныхъ массъ, ни одна сколько нибудь значительная выпуклость поверхности не избѣгла взора путешественника[1]).

Памиръ вполнѣ ограниченъ какъ со стороны сѣвера такъ и юга горными хребтами, высотой въ 6500—9850 футовъ, не смотря на то, что само плоскогоріе возвышается на 13000 футъ надъ поверхностью Туркестанской равнины. Съ юга, цѣпь Гиндукушъ, продолженная горами, примыкающими къ Куэнъ-Луню, составляетъ раздѣлительный валъ, по другую сторону котораго развертывается бассейнъ Инда. Съ сѣвера Транс-Алай и Алай, составляющіе географически часть Тянь-Шаня, отдѣляютъ Памиръ отъ склоновъ, спускающихся къ Сыръ-Дарьѣ. Однако плоскогоріе, окаймленное двумя рядами горъ, имѣющихъ направленія зап.-юго-западное и вост.-сѣв.-восточное, далеко не представляетъ на всемъ своемъ пространствѣ одинаковую поверхность. Напротивъ, Памиръ раздѣленъ на множество, такъ сказать, отдѣльныхъ „Памировъ“ посредствомъ ряда высотъ и даже настоящихъ горъ, глубокихъ овраговъ, по которымъ воды стекаютъ на западъ въ р. Аму, на востокъ—въ Таримъ, не имѣя при этомъ явной водораздѣльной цѣпи. Рельефъ плоскихъ возвышенностей, исключая горныхъ уступовъ, представляетъ колебанія не свыше 3500 футовъ, вслѣдствіе чего климатъ, ландшафты и незначительная флора плоскорія почти вездѣ одинаковы. Кромѣ того выпуклости не на столько обрывисты, чтобы затруднять собою киргизскихъ пастуховъ или путешественника. „По всему Памиру есть тропинки; тысячи дорогъ перекрещиваются: съ проводникомъ можно безъ затрудненій ходить по всѣмъ направленіямъ“ [2]). Во всей сѣверной части Памира, расположенной на югъ отъ величественной пограничной цѣпи За-алай, нѣтъ такихъ высотъ, которыя поднимались бы выше чѣмъ на 1000—1650 футовъ относительной высоты и составляли бы затрудненіе при переходѣ черезъ нихъ; всюду пространство это покрыто затвердѣлой глиной и недвижущимися песками [3]). Между Рангъ-кулемъ и Яшилъ-кулемъ, въ мѣстности, посѣщенной недавно Сѣверцовымъ, а также и въ центральномъ Памирѣ, путь на столько удобенъ, что походитъ скорѣй на шоссейную дорогу. Въ одномъ мѣстѣ западнаго Памира генералъ Абрамовъ пере-

[1]) Bulletin de la Société de Géographie de Paris, 1880.
[2]) *Gordon*, The Roof of te World.
[3]) *Костенко*, Алайская экспедиція 1876 г.

шелъ безъ большихъ хлопотъ, вмѣстѣ съ артиллерійской батареей, хребетъ Алай, высоты Кара-Казыкъ или „Черный Колъ“, находящійся на одной высотѣ съ вершиной горы Роза [1]). Недоступный въ прежнее время для армій, по трудности добыванія провіанта, Памиръ не можетъ уже болѣе останавливать военныя силы, снабженныя хорошимъ обозомъ. Но черезъ него можно проходить только во время четырехъ мѣсяцевъ въ году, отъ іюня до сентября; въ продолженіе $^2/_3$ года, земля покрыта снѣгомъ, а вѣтры слишкомъ суровы, чтобъ при нихъ выдержать дѣйствіе холода.

Горныя породы Алая, покрытыя на поверхности пескомъ и глиной, состоятъ изъ гранита и кристаллическихъ сланцевъ. Массы гранита, которыя образовали бы остовъ горъ, если бы плоскогоріе было размыто рѣками, вытянуто какъ разъ въ томъ же направленіи какъ и главныя цѣпи Тянь-Шаня [2]); въ томъ же направленіи выдвинуты въ самую равнину западнаго Туркестана и оконечности горныхъ хребтовъ, но за то между гранитомъ мѣста заполнены формаціями болѣе поздними и даже тріасовыми. Главный склонъ Памира обращенъ къ западу и юго-западу; его предѣльная линія, которая очень извилиста и почти сглажена, находится гораздо ближе къ восточной равнинѣ нежели къ низменности арало-каспійскаго склона. На восточной сторонѣ плоскогорія поднимается самая значительная вершина—гордая Тагарма или Тигальма, называемая, благодаря конечно скалѣ, также еще Уй-Тагъ или Гора-Домъ, и Муз-Тагъ-Ата или „Отецъ ледяныхъ горъ“, такъ какъ ея снѣга, покрывающіе вершину и ледники, спускаются въ окрестныя ущелья. Тагарма поднимается вѣроятно не менѣе какъ 10,000 футъ выше Монблана и тянется далеко на юго-востокъ контрфорсами Чичикликъ, сохраняя высоту 20,000 футовъ. По Троттеру и Костенко высота Тагармы 25,500 футовъ, а по Гайварду—21,000. Можно вообще сказать, что восточная окраина Памира, въ которой г. Сѣверцовъ видѣлъ не болѣе одного ряда возвышенностей, выдающихся въ формѣ отдѣльныхъ мысовъ и поднимающихся то тамъ, то сямъ, напоминаетъ горный хребетъ лишь въ зачаточномъ видѣ и продолжается въ направленіи отъ азіатскихъ плоскогорій къ центральному горному узлу, параллельными рядами, къ Гималайскимъ горамъ. Тагарма и различныя горныя массы, направляющіяся на-искось къ Тянь-Шаню, часто описывались въ кашгарскомъ Туркестанѣ подъ турецкимъ названіемъ Кизыль-арта или „Краснаго Перевала“: это — Цунгъ-Лингъ или „Луковичныя горы“ китайскихъ авторовъ.

Плохо защищенный со стороны окраины, съ ея брешами, Памиръ часто бываетъ посѣщаемъ вѣтрами, которыя, спускаясь съ юго-запада въ арало-каспійскія равнины, дуютъ съ страшной силой, поднимая вихри

---

[1]) *Venucov*, le Globe, journal de la Soc. de Géogr. de Genève 1880, n. 1.

[2]) *Mouchketov*. Expédition de l'Alaï en 1877.

снѣга или пыли. Въ это время рогатый скотъ сбивается въ кучу, стараясь плотнѣе прижаться другъ къ другу, чтобы противиться порывамъ вѣтра; отдѣлившееся животное гибнетъ. У самаго Кара-Куля и въ песчаныхъ ущельяхъ Кизылъ-Арта, камни носятъ на себѣ слѣды штриховъ, которые чертитъ на нихъ песокъ, постоянно проносящійся надъ ними съ сѣвернымъ вѣтромъ [1]). Въ этихъ мѣстахъ воздухъ вообще очень сухъ и особенно прозраченъ, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда цѣлыя тучи пыли наносятся вѣтромъ изъ пустыни [2]). Случается, что термометръ въ тѣни показываетъ всего—10° С, тогда какъ на солнцѣ ртуть поднимается до 70°; путешественники, которые имѣютъ дѣло съ инструментами, принуждены предохранять руки отъ обжога [3]). Холодъ и вьюги, случающіяся по Гордону особенно часто въ февралѣ и мартѣ, не составляютъ исключительнаго препятствія для путешественника; разница въ температурѣ, зависящая отъ прозрачности воздуха, есть одна изъ опасностей, съ которыми приходится бороться путешественнику. Часто также путники страдаютъ отъ „горной болѣзни“, и Гордонъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ сотоварищей, который могъ служить „горнымъ барометромъ“ по жестокимъ головнымъ болямъ, появлявшимся у него каждый разъ какъ поднимались на высоту свыше 11,800 [4]).

Тѣмъ не менѣе Памиръ бываетъ временно обитаемъ. Киргизы съ сѣвера изъ Кокана и Каратегина или съ запада изъ Шигнана бродятъ по этимъ степямъ въ лѣтнее время, сопровождая свои стада; путешественники встрѣчали тамъ и сямъ груды камней, какъ остатки древнихъ лагерей и гробницы киргизскихъ святыхъ, украшенныя бараньими рогами и кусками развѣвающейся матеріи. Повыше границы деревьевъ, между которыми видны низкорослая береза, можжевельникъ съ толстымъ и стелющимся стволомъ [5]) и колючій кустарникъ, нѣтъ иного матеріала для топки кромѣ деревянистыхъ корней одного вида лаванды [6]); а еще выше не попадаются уже и эти корни, и пастухамъ приходится носить съ собою топливо. Но во многихъ областяхъ Памира трава на пастбищахъ, не смотря на высоту 13,200 ф., также густа какъ на лугахъ западной Европы, а можетъ быть и болѣе сочна: „это лучшія пастбища въ свѣтѣ, такъ какъ тощія лошаденки жирѣютъ на нихъ въ десять дней“, говоритъ Марко Пало и это подтверждаютъ новѣйшіе изслѣдователи и проводники изъ Ухана. Въ горной долинѣ Сариколь, на склонѣ Кашгара, нѣкоторыя растенія, какъ напр. рожь и бобы созрѣваютъ на высотѣ 10,150 фут.

---

[1]) *Костенко*, Алайская экспедиція 1876;—*Коростовцевъ*, Извѣстія Русск. Геогр. Общества 1877, п. 4.

[2]) *Костенко*, *Michell*.

[3]) *Съверцевъ*, *Венюковъ*.

[4]) The Roof of the World.

[5]) *Костенко*.

[6]) *Гордонъ*.

Но тѣмъ не менѣе параллельные склоны, раздѣленные между собою низменностями, особенно въ сѣверномъ Памирѣ, по большей части почти всюду совершенно лишены зелени, и трава ростетъ только во влажныхъ впадинахъ, на берегу ручейковъ и озеръ [1]).

Но фауна гораздо богаче, нежели еще недавно предполагали. Экспедиція Сѣверцова въ 1878 г. нашла въ Памирѣ 112 видовъ разныхъ птицъ, тогда какъ въ европейскихъ Альпахъ, на той же высотѣ, насчитываютъ ихъ не болѣе дюжины. На болотахъ, окаймляющихъ озера, видѣли слѣды, оставленные сернами, зайцами, оленями, лисицами, медвѣдями, волками, рысями и леопардами. Въ Большомъ Памирѣ встрѣчали каменныхъ барановъ, подобныхъ тѣмъ, которые водятся въ Гималаяхъ. Наиболѣе характерное животное плоскогорія—это овца, называемая качкаръ или архаръ, ovis Poli или Palii натуралистовъ, и достигаетъ $1^1/_2$ аршина вышины и вѣсу 10—11 пудовъ [2]); качкаръ отличается своими громадными опущенными рогами, свернутыми въ спираль. Прежде это животное было очень обыкновенно на плоскогорьяхъ, такъ какъ всюду во множествѣ находятъ его рога вмѣстѣ съ черепомъ, но въ настоящее время можно иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней не встрѣтить ни одного качкара. Кажется, этотъ видъ овцы вымираетъ; эпизоотія 1869 года почти совершенно истребила расу ovis Poli во всемъ сѣверномъ Памирѣ; но Сѣверцовъ находилъ ихъ еще тамъ въ 1877 году [3]). Медвѣдя также не встрѣчаютъ въ этой части плоскогорія. Греческій путешественникъ Патагосъ видѣлъ обезьянъ мелкой породы въ южныхъ горныхъ долинахъ [4]). Вѣроятно, что тигръ не попадается болѣе въ Памирѣ, и путешественники смѣшивали его съ леопардомъ.

На плоскогоріи, не менѣе чѣмъ на арало-каспійскомъ склонѣ, слѣды высыханія почвы очевидны, хотя впадины плоскогорія Памиръ вообще не особенно глубоки, и сравнительно небольшого дождя достаточно, чтобы вода стала выливаться изъ нихъ черезъ край, и тѣмъ не менѣе множество озеръ уже не могутъ питать свои рѣки и, оставаясь отнынѣ изолированными въ своихъ узкихъ бассейнахъ, мало-по-малу, обращаются въ резервуары солоноватой или даже соленой воды, какъ тому можетъ служить примѣромъ Сусыкъ-Куль, въ полосѣ южнаго Памира. Масса соли залегаетъ, въ центральномъ Памирѣ, въ долинѣ сосѣдней съ Рангъ-Кулемъ или „Козьимъ озеромъ“, — резервуаромъ, вода котораго еще прѣсна, благодаря рѣкѣ, протекающей здѣсь и вливающейся въ одинъ изъ притоковъ Оксуса. Во многихъ мѣстахъ слои выпарившейся соли, или магнезіи, покрываютъ точно снѣгъ пространства, когда-то покрытыя водою.

[1]) *Костенко*, *Коростовцевъ*.
[2]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.
[3]) *Сѣверцовъ*, *Костенко*.
[4]) Bulletins de la Societé d'Anthropologie, 1880.

Самое большое озеро Памира Кара-Куль или „Черное озеро“, названное такъ по цвѣту темно-синей воды, въ настоящее время, какъ кажется, находится въ періодѣ высыханія. Расположенный немного южнѣе Трансъ-Алая и „Краснаго“ перевала или Кизылъ Арта, въ Памиръ-Каргоши или въ „Заячьемъ Памирѣ“, Кара-Куль окруженъ со всѣхъ сторонъ снѣжными горами, съ которыхъ спускаются нѣсколько ледниковъ; его громадная впадина не заполняется, какъ прежде, водою и высоты уже не вдвигаются массами въ западную часть озера. Глинистая равнина, окружающая его съ разсѣянными на ней кустарниками и лужами, тянется далеко на нѣсколько верстъ шириною, до самыхъ подножій горъ. Очевидно, что Кара-Куль, занимающій въ настоящее время поверхность не менѣе чѣмъ на 220 кв. верстъ, былъ прежде гораздо обширнѣе и составлялъ одинъ съ небольшими окрестными озерами сплошной бассейнъ [1]). Повсюду вокругъ него видны крутые или отлогіе разрыхленные берега, покрытые выпарившейся магнезіей, блистающей на солнцѣ ослѣпительной бѣлизной и конечно въ мѣстахъ не покрытыхъ завалами песку. Мѣста, поросшія травою, въ которыхъ ютятся дикіе гуси, утки и чайки, идутъ широкой полосой по берегу, а полуострова и многочисленные острова также служатъ мѣстомъ ихъ кратковременнаго пребыванія. Главный холмъ, поднимающійся среди озера, дѣлитъ его на двѣ половины, сѣверную и южную, примыкая къ берегу песчаной косой. Воды, приносимой рѣками, недостаточно чтобы замѣстить убыль отъ испаренія въ Черномъ озерѣ. Дожди здѣсь очень рѣдки и почти всегда влага приносится сюда въ лѣтнее время тучами, въ видѣ крупнаго града, а зимою въ видѣ снѣга. По Костенко, на всѣхъ картахъ Кара-Куль представляется изливающимся то въ Оксусъ, то въ р. Кашгаръ, то наконецъ въ оба эти бассейна разомъ: это обстоятельство дало поводъ китайцамъ, сравнить его съ двуглавымъ чудовищемъ, назвать его озеро-Драконъ. Если и существовалъ когда либо стокъ достаточно полноводный, чтобы нести воды Кара-Куля въ р. Кашгаръ посредствомъ р. Марканъ-су, то его давно уже не стало; что касается до южнаго стока, соединявшаго озеро съ Оксусомъ, то онъ вѣроятно не вполнѣ еще высохъ: во время проливныхъ дождей онъ доставляетъ еще немного воды черезъ ту брешь, по которой течетъ Чонъ-су (Большая рѣка) или Ак-Байталъ [2]). Кара-Куль, почти не имѣющій стока, мало по малу сконцентрировалъ соли, содержащіяся въ его водахъ: магнезія сообщила послѣднимъ до того горькій вкусъ, что животныя пьютъ ихъ только томимыя сильной жаждой; но эти воды остаются всегда прозрачными, даже тогда, когда вѣтры волнуютъ ихъ до самаго дна, и въ бассейнѣ несомнѣнно водится рыба, такъ какъ летающіе надъ

[1]) *Мушкетовъ*, Изв. Географ. Общ. 1878 г.
[2]) *Сьверцовъ*, Экспедиція 1878 года.

нимъ соколы и другія хищныя птицы отъ времени до времени быстро спускаются къ поверхности озера [1]). По разсказамъ пастуховъ, уровень Кара-Куля повышается регулярно каждую пятницу: это странное явленіе, которому г. Костенко склоненъ придавать нѣкоторую вѣру, можно объяснить только дѣйствіемъ какого нибудь сильнаго перемежающагося источника [2]). Г. Коростовцевъ тоже говоритъ о періодичности прибыли воды въ „Черномъ озерѣ“, но безъ указанія продолжительности колебаній уровня.

Различныя высоты Памира суть:

Проходъ Кизылъ-артъ, по Коростовцеву.	4,272	метр.
Кара-куль, по Костенко	4,020	„
Проходъ Узъ-бель (къ югу отъ Кара-Куля), по Коростовцеву.	4,631	„
Нижняя граница постоянныхъ снѣговъ, „ „ . .	4,650	„

На сѣверѣ Памира два параллельные хребта, Алайскій и Заалайскій, поднятые—первый діоритами, второй гранитами, ограничиваютъ плоскогорье въ видѣ двойнаго вала. Тотъ и другой принадлежатъ къ системѣ Тянь-Шаня, и геологическое ихъ строеніе, по словамъ г. Мушкетова, точно такое же; но будучи явственно отдѣлены отъ восточнаго массива Небесныхъ горъ проходами Когъ-артъ и Терекъ-даванъ [3]), изъ которыхъ послѣдній служитъ главнымъ переваломъ для каравановъ, ходящихъ между Ферганой и Кашгаріей, они могутъ быть разсматриваемы какъ независимое цѣлое. Западный отрывокъ Тянь-Шаня, который на западѣ врѣзывается своими отрогами въ равнины Туркестана, между бассейнами Сыръ-дарьи и Аму-дарьи, тянется на 700 слишкомъ километр. въ длину; также, какъ Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ, этотъ отрывокъ состоитъ изъ различныхъ хребтовъ, направляющихся — одни отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, другіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и пересѣкающихся между собою на извѣстныхъ разстояніяхъ; но главнымъ направленіемъ остается первое, то-есть направленіе Алайскихъ и Заалайскихъ горъ.

На сѣверо-восточномъ углу плоскогорья Памира, два гребня представляютъ замѣчательную правильность. Алай или Кичи-Алай, составляющій въ то же время водораздѣльный хребетъ между бассейномъ Сыра и бассейнами Аму и Тарима, явственно ограничиваетъ Ферганскую долину своими горами, отъ 4,000 до 5,000 и даже до 5,500 метр. средней высоты, отдѣленными одна отъ другой проходами, неглубоко врѣзывающимися въ массу плоскогорья; одинъ изъ наименѣе высокихъ между про-

---

[1]) *Коростовцевъ*, цитир. статья.

[2]) *Костенко*, Экспедиція на Алайскія горы, въ 1875 году.

[3]) Горные проходы Тань-Шаня носятъ татарскія названія *даванъ* (дабанъ), *артъ* (ярть), *бель* или *хуталъ*. *Даваномъ* называется трудный и каменистый проходъ; *артъ*— это опасный проломъ въ высокой горѣ; *бель*— низкій и удобный проходъ; *хуталъ* же означаетъ широкое отверстіе между невысокими холмами. (*Федченко*).

ходами, открывающимися на западѣ отъ Терекъ-давана, есть перевалъ Исфайрамъ (3,600 метр.), находящійся на одномъ изъ „переломовъ“ Алая, то-есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь круто перемѣняетъ направленіе, поворачивая почти безъ изгиба къ западу. Съ этого широкаго порога, покрытаго пастбищами и легко доступнаго, видны на обширномъ пространствѣ только мурава, скалы да снѣга: ослѣпительный гребень Заалайскаго хребта закрываетъ видъ Памира [1]). Съ сосѣдняго пригорка можно созерцать колосса Заалайскихъ горъ, бѣлоснѣжную пирамиду, которой покойный Федченко далъ названіе „пикъ Кауфманъ“: это, вѣроятно, самая высокая гора всей системы Тянь-Шаня. Другая группа, состоящая изъ трехъ равныхъ вершинъ, почти такой же высоты, какъ и гора Кауфманъ, поднимается надъ гребнемъ немного восточнѣе: это „Гурумди“ киргизовъ [2]). Ни одного дерева не видно на склонахъ: только изрѣдка, тамъ и сямъ, встрѣчаются кусты можжевельника; туземцы не знаютъ другаго топлива, кромѣ кизяка, то-есть коровьяго кала.

Пространство, заключающееся между Алайскимъ и Заалайскимъ хребтами, разсматриваютъ какъ особенное плоскогорье, образующее какъ бы внѣшнюю террасу Памира, одну изъ ступеней, по которымъ нужно спускаться съ этой „Кровли міра“ въ долину Ферганы. Это ни что иное, какъ высохшее озеро [3]), ширина котораго, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, не менѣе 40 километр., и которое тянется въ формѣ широкой аллеи по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Высшая часть этого промежуточнаго пространства, извѣстная у киргизовъ подъ именемъ Башъ-Алай или „Головы Алая“, представляетъ настоящее плато, типъ столькихъ другихъ возвышенныхъ равнинъ, заключенныхъ между горными цѣпями центральной Азіи: съ западной стороны глинистое пространство, тамъ и сямъ содержащее въ почвѣ примѣсь соли, но представляющее мѣстами богатыя пастбища, съуживается и въ то же время углубляется, врѣзывается въ толщу горной массы, измѣняясь сначала въ долину, затѣмъ въ простое ущелье, гдѣ остается мѣсто лишь для прохода водъ ручья. Эта нагорная степь—земной „рай“ киргизовъ (таковъ буквальный смыслъ слова Алай), но рай, который они могутъ посѣщать только впродолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году.

На этомъ-то едва примѣтномъ порогѣ плоскогорья Башъ-Алай, въ поперечномъ направленіи къ гребнямъ двухъ горныхъ цѣпей, и находится линія водораздѣла: съ одной стороны тающіе снѣга стекаютъ къ рѣкѣ Кашгаръ, съ другой—къ одному притоку Оксуса. Два потока, берущіе начало на Алайскомъ плоскогорьѣ, получили оба одно и то же имя, Кизыль-су (Красная вода), по причинѣ краснаго цвѣта ихъ высокихъ

[1]) *Федченко*, Путешествіе въ Туркестанъ.
[2]) Proceedings of the Geograph. Society, 1880.
[3]) *Мушкетовъ*, цитир. статья.

береговъ и ложа; большая часть ручьевъ, спускающихся съ горъ къ этимъ главнымъ рѣкамъ, тоже имѣютъ красноватый оттѣнокъ, зависящій, безъ сомнѣнія, отъ глинъ, которыя были отложены древними ледниками. Впрочемъ, ледяныя рѣки и теперь еще висятъ надъ долиной „Красныхъ Водъ“, спускаясь изъ снѣжныхъ цирковъ Заалайскихъ горъ. На сѣверныхъ склонахъ Алая горные потоки тоже катятъ во время разливовъ „кровавыя воды“, происходящія отъ глинистыхъ слоевъ, образовавшихся вслѣдствіе размыванія пластовъ тріаса [1]). Въ ручьяхъ, текущихъ къ западной „Красной Водѣ“, то-есть къ Сургъ-абъ, какъ ее называютъ таджики, Федченко открылъ одинъ видъ форели, рыбу, которая не водится ни въ одной рѣкѣ равнинъ Туркестана. Быть можетъ, эта рыба сходная съ той, которую Гриффитъ нашелъ у Баміана, на другомъ притокѣ Оксуса. Перемѣны климата прогнали эту породу рыбъ изъ водъ равнины и заставили ее подняться къ горнымъ потокамъ.

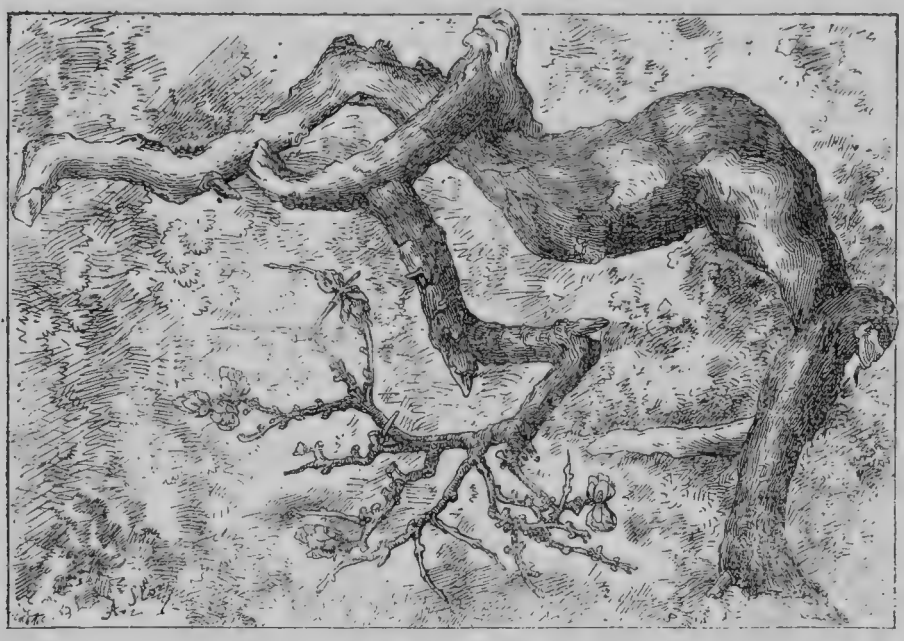
Къ западу отъ горнаго прохода Исфайрамъ и перевала Кара-казыкъ, Алайскій хребетъ, которому въ этой области часто даютъ названіе Алайтага, поднимается постепенно, сопровождаемый на сѣверѣ параллельными кряжами, черезъ которые протекаютъ горные ручьи Ферганы. Алай соединенъ посредствомъ боковыхъ отроговъ съ этими кряжами и составляетъ вмѣстѣ съ ними, къ сѣверу отъ истоковъ Зарявшана, массивъ высокихъ горъ, превышающій на 2,000 метр. границу постоянныхъ снѣговъ и изливающій огромные ледники въ окрестныя нагорныя долины. Съ высшаго пика этого массива, самой высокой вершины Алая въ собственномъ смыслѣ, спускается на сѣверъ глетчеръ, носящій имя „ледника Щуровскаго“. Съ боковъ хребта Хотуръ-тау и съ сосѣднихъ горъ льются многочисленные каскады, частію простыя струи воды, разсыпающіяся въ пыль на карнизахъ скалъ, частію прозрачные снопы влаги, ниспадающіе съ сильнымъ шумомъ на каменные утесы и образующіе широкіе потоки. Эти водопады составляютъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ зрѣлищъ на Алаѣ, ибо въ горахъ центральной Азіи каскады такъ же рѣдки, какъ и на скатахъ Кавказа: вообще въ отношеніи красоты водъ алайскія Альпы далеко уступаютъ Альпамъ Европы. Лѣса, растущіе на этихъ средне-азіатскихъ горахъ, тоже далеко не имѣютъ того величественнаго вида, какимъ отличаются лѣса европейскіе: они состоятъ преимущественно изъ *арчи*, особаго вида можжевельника (juniperus pseudosabina), который издали похожъ на кипарисъ, но у котораго стволъ болѣе кривой и вѣтви немного болѣе раскинуты. Лѣса арчи начинаются на высотѣ около 1,500 метр., граница же послѣднихъ деревъ находится выше 3,000 метр. [2]).

Хребетъ Караче-тау, составляющій западное продолженіе главной

[1]) *Федченко*, цитированн. сочиненіе.

[2]) *Костенко*, Экспедиція на Алай, въ 1876 г.

цѣпи Алая, сохраняетъ почти до самаго Ташкента, къ которому онъ подходитъ съ южной стороны, высоту болѣе 4,000 метр.; затѣмъ онъ довольно быстро понижается по направленію къ Самарканду. Но отъ этого хребта отдѣляется подъ острымъ угломъ другой кряжъ, направляющійся на сѣверо-западъ. Эти горы, прерываемыя широкими брешами, имѣютъ особое названіе для каждаго изъ своихъ отрывковъ, какъ то: Ура-тепе, Джуланъ или Саусаръ-тау, Кара-тау, Нура-тау; съ южной стороны ихъ сопровождаютъ еще другія горы въ видѣ стѣнъ.



Ледникъ Щуровскаго.

Параллельные хребты, идущіе между Алаемъ и западнымъ Памиромъ, вообще говоря, выше внѣшней цѣпи, и притомъ они стоятъ на гораздо болѣе высокомъ пьедесталѣ. Но горные потоки дѣлятъ ихъ на многочисленные отрывки; они не только не сливаются съ линіей водораздѣла, но даже перерѣзаны черезъ извѣстные промежутки поперечными долинами, гдѣ проходятъ рѣки, спускающіяся съ полуденной покатости Алая и съ противолежащихъ горъ. Такъ, Заалайскій хребетъ отдѣленъ, на западѣ, отъ горъ Каратегинъ глубокой брешью, на порогѣ которой, въ проходѣ Терсъ-агаръ, одинъ и тотъ-же источникъ съ двумя водопадами течетъ на сѣверъ къ р. Тузъ-алтынъ-дара, притока р. Сургъ-абъ, на югъ къ р. Мукъ-су. Далѣе на западѣ и самъ Сургъ-абъ отрѣзываетъ кусокъ отъ горъ Каратегинъ, чтобы соединиться съ болѣе многоводной рѣкой Мукъ-су [1]), которая беретъ начало въ одной изъ самыхъ дикихъ

[1]) *Костенко*, Russische Revue, 1876 г. № 12.

мѣстностей Средней Азіи. Съ перевала Терсъ-агаръ, откуда видишь у себя подъ ногами лежащую на тысячу метровъ ниже верхнюю долину р. Мукъ-су, взоръ обнимаетъ обширный амфитеатръ горъ, которыя на сѣверо-востокѣ примыкаютъ къ Заалайскому хребту. Горы Шельвели, Сандалъ господствуютъ своими гребнями надъ фирновыми полями цирковъ и надъ ледниками ущелій; со склоновъ ихъ боковыхъ отроговъ отдѣляются снѣжныя лавины, которыя заваливаютъ теченіе ручьевъ и превращаютъ ихъ во временныя озера. Рѣка Мукъ-су образуется изъ соединенія трехъ маленькихъ рѣчекъ: одна изъ этихъ рѣчекъ, которая спускается по долинѣ Баляндъ-кіикъ, открывающейся на востокъ по направленію къ озеру Кара-Куль, прикрыта, при выходѣ изъ своего ущелья, боковымъ ледникомъ, около 2 километровъ шириною, оканчивающимся кристаллическими стѣнами, имѣющими 60 метр. высоты. Другой глетчеръ, наполняющій долину Сель-су, еще гораздо значительнѣе: простираясь въ длину по меньшей мѣрѣ на 15 километровъ (киргизы же приписываютъ ему слишкомъ въ два раза бо́льшее протяженіе), онъ составляетъ одну изъ главныхъ ледяныхъ рѣкъ центральной Азіи; Оханинъ, первый русскій, имѣвшій счастіе изслѣдовать эту грандіозную область, далъ этому леднику имя путешественника Федченко, который, до него, такъ много сдѣлалъ, чтобы пролить свѣтъ на невѣдомый міръ Алая и Памира [1]). Отъ этого величественнаго массива, быть можетъ равнаго массивамъ пика Кауфманъ и Тагармы, отдѣляются двѣ цѣпи—одна, извѣстная подъ названіемъ горъ Дарвазъ, направляется на юго-западъ къ большому изгибу Аму-дарьи, другая, получившая наименованіе хребта Петра Великаго, господствуетъ на югѣ надъ долиной рѣки Сургъ-абъ.

Къ западу отъ горнаго узла Алай-тагъ, гдѣ всѣ параллельныя цѣпи соединяются въ одно снѣговое плоскогорье, съ котораго спускаются ледники въ окружающіе цирки, два параллельные хребта Зарявшанскихъ и Гиссарскихъ горъ тоже перерѣзаны брешами, черезъ которыя проходятъ рѣки; но уже цѣпи расходятся въ формѣ опахала; онѣ постепенно понижаются и наконецъ пропадаютъ въ равнинѣ, снова появляясь то тутъ, то тамъ въ видѣ скалъ, выступающихъ на подобіе острововъ среди низменности. Между Самаркандомъ и Гиссаромъ нѣкоторыя изъ горныхъ вершинъ поднимаются еще за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, и хотя менѣе высокія, чѣмъ пикъ Кауфманъ въ Заалайскихъ горахъ, онѣ, быть можетъ, кажутся болѣе величественными, благодаря ихъ бо́льшей относительной высотѣ надъ уровнемъ сосѣднихъ равнинъ и низкихъ боковыхъ отроговъ или предгорій. На юго-востокъ отъ Самарканда, пикъ Газрети-Султанъ, увѣнчанный блестящей діадемой изъ льдовъ, представляется обитателямъ равнины настоящимъ царемъ горъ, на что́ указываетъ но-

[1]) Извѣстія Русск. Географ. Общества, XVI, 1880 г.

симое имъ громкое прозвище. Не видимъ-ли мы какъ-бы отблескъ этихъ сверкающихъ снѣговъ въ описаніи алмазныхъ и рубиновыхъ горъ, которое намъ оставили богатыя фантазіей сказки восточныхъ народовъ? И что какъ не амфитеатръ горныхъ склоновъ, испещренныхъ бѣлыми полосами снѣга, придаетъ своимъ контрастомъ столько прелести зеленѣющимъ оазисамъ верхняго Аму и Зарявшана?

Различныя высоты системы Алая (по измѣреніямъ Костенко, Федченко, Оханина):

Терекъ-даванъ (Костенко)	3,140	метр.
Проходъ Исфайрамъ (Федченко)	3,600	„
„ Кавукъ (Федченко)	4,000	„
„ Кара-казыкъ (Костенко)	4,389	„
Башъ-Алай, у истоковъ Кизылъ-су (Костенко) .	3,300	„
Главная вершина Алай-тага (Федченко) . . .	5,800	„
Средняя высота Алай-тага (Костенко)	4,800	„
Нижняя граница ледника Щуровскаго (Федченко)	3,570	„
Пикъ Кауфманъ (Заалайск. горы) (Федченко) .	7,500	„
Перевалъ Терсъ-агаръ (Костенко)	2,956	„
Нижняя граница постоянныхъ снѣговъ, на Заалайскихъ горахъ (Федченко)	4,250	„
Шельвели (Оханинъ)	7,500	„
Сандалъ (Оханинъ)	7,500	„
Чабдара (Гиссарскія горы) (Федченко)	5,580	„
Газрети-Султанъ (Гиссарск. горы) (Федченко) .	4,500	„

III.

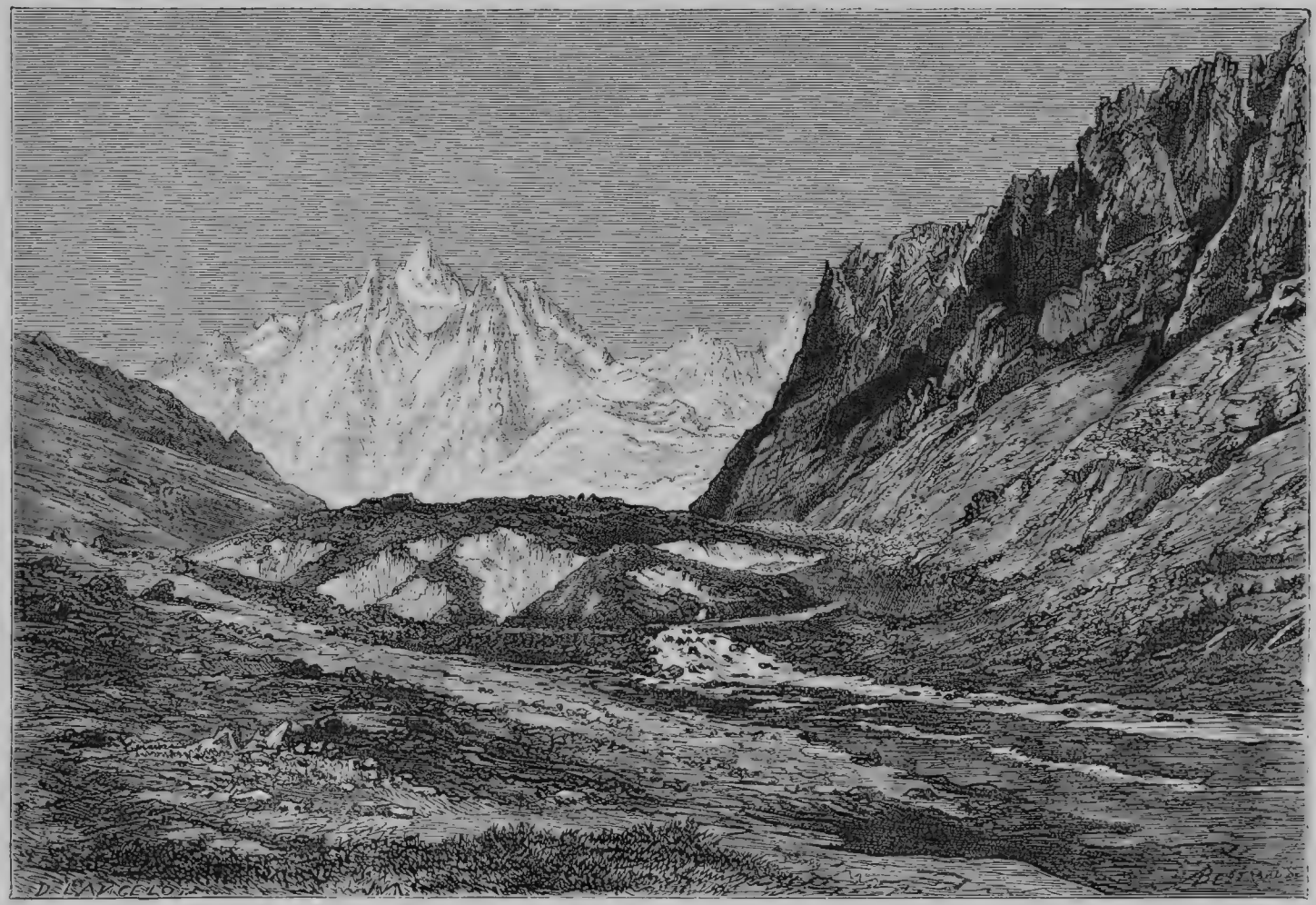
ТЯНЬ-ШАНЬ.

Опираясь на большую центральную выпуклость континента, Тянь-Шань образуетъ обширную горную систему, самую могучую на сѣверной покатости Азіи, какъ по своему протяженію, длинѣ и высотѣ своихъ хребтовъ, такъ и по обилію своихъ снѣговъ, по громадной массѣ своихъ ледниковъ. Имя „Небесныхъ горъ“, данное ему китайцами и удержанное за нимъ западными націями, происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ высоты его вершинъ, бѣлые снѣга которыхъ сливаются съ облаками неба. Его многочисленные хребты были однимъ изъ главныхъ препятствій для переселеній народовъ, походовъ завоевателей, торговыхъ сношеній, и во всѣ времена историческіе пути обходили эти горы на востокѣ, черезъ проходы Джунгаріи. До недавняго времени даже русскіе, несмотря на свои военные рессурсы и на сознаніе превосходства своей цивилизаціи,

останавливались у сѣвернаго основанія Тянь-Шаня, не отваживаясь перейти черезъ эти громады горъ: тутъ высился для нихъ, какъ неприступная стѣна, рубежъ извѣстнаго міра. Притомъ же обширныя пустыни, „Голодная степь“, большія болота, мелководныя озера заграждаютъ доступъ къ этимъ высокимъ горнымъ массамъ. Никакая долина большой рѣки, за исключеніемъ Сыръ-дарьи, не ведетъ къ ихъ проходамъ, да и самая Сыръ-дарья теряется въ замкнутомъ озерѣ, какъ и всѣ другіе потоки, спускающіеся съ Тянь-Шаня. Хотя Небесныя горы составляютъ главный массивъ Азіи къ сѣверу отъ Гималайя и Куэнь-Луня, однако съ гидрографической точки зрѣнія онѣ гораздо менѣе важны, чѣмъ второстепенныя горныя цѣпи, въ которыхъ берутъ начало большія сибирскія рѣки: Обь, Енисей, Лена. Тянь-Шань весь лежитъ въ области центральной Азіи, неимѣющей никакого истеченія къ морю; это массивъ степей, пустынь, на половину высохшихъ озеръ, обширныхъ соляныхъ болотъ, которыя образуютъ, такъ сказать, „внутренній материкъ“, заключенный въ серединѣ азіатскаго континента. Притомъ же онъ обитаемъ, да и то въ очень слабой степени, только въ долинахъ его окружности и на нѣкоторыхъ плоскогорьяхъ: превосходя, по пространству, въ двадцать пять разъ швейцарскія Альпы, онъ не заключаетъ въ своихъ предѣлахъ даже десятой части ихъ народонаселенія. Въ то же время это одинъ изъ рубежей, раздѣляющихъ племена и народы: для монголовъ, киргизовъ, дзунгаровъ, таджиковъ эти снѣговые хребты, какъ исполинскіе валы, служатъ предѣлами ихъ отечества, и тѣ же высокіе гребни Небесныхъ горъ почти вездѣ составляютъ политическія границы между Россійской имперіей и Китаемъ.

Система Тянь-Шаня, какъ она представляется намъ со времени новѣйшихъ изслѣдованій, составляетъ, вѣроятно, по совокупности своего рельефа, выпуклость земной поверхности болѣе значительную, чѣмъ всѣ горныя цѣпи Европы, взятыя вмѣстѣ отъ восточныхъ Карпатовъ до Сіерры-Невады. Г. Семеновъ давалъ общее имя „Небесныхъ горъ“ только хребтамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Иссыкъ-куля, въ области, надъ которой господствуетъ, съ восточной стороны, массивъ Ханъ-Тенгри; Гумбольдтъ называлъ такъ только цѣпи, которыя тянутся между Нарыномъ и Кашгаръ-дарьей; напротивъ, для китайскаго писателя Гіуэнъ-Цанга Небесныя горы начинались на востокѣ отъ массива Ханъ-Тенгри. Г. Сѣверцовъ первый призналъ географическую связь громаднаго гористаго пространства, продолжающагося отъ порога Дзунгаріи до цѣпей Туркестана. „Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, говоритъ этотъ путешественникъ [1]), я направлялся къ юго-западу и постоянно видѣлъ возвышающіяся влѣво громады снѣжныхъ горъ. Пройдя Семирѣченскій Ала-тау, я созерцаю

[1]) Географическое распредѣленіе животныхъ.



ЛЕДНИКЪ ЧУРОВСКАГО.

бѣлый Тальгаръ и другія вершины Заилійскаго Ала-тау. Вотъ цѣпь Александра, за ней другая цѣпь, далѣе опять новые хребты. Небесныя горы какъ-будто продолжаются безъ конца; всегда видишь зубцы пилы, вырѣзывающіеся на горизонтѣ, и снѣга, блистающіе на небѣ!" Тянь-Шань начинается въ Монголіи простымъ гребнемъ скалъ, поднимающимся надъ ложемъ „высохшаго моря", по китайски Ханъ-хай; но къ этому гребню, направляющемуся къ западу-юго-западу, примыкаетъ второй, затѣмъ три, четыре и болѣе, которые соединены промежуточными плоскогорьями: всѣ эти хребты постепенно повышаются, расширяютъ свое основаніе и въ концѣ концовъ занимаютъ, по направленію съ сѣвера на югъ, пространство около восьми градусовъ географической долготы. Около середины Небесныхъ горъ ширина плоскогорья, на которомъ стоятъ гряды горъ, уменьшается постепенно, параллельные хребты убавляются въ числѣ, и наконецъ, Тянь-Шань, который, впрочемъ, уже утратилъ это имя на своей западной окопечности, пропадаетъ въ равнинахъ Туркестана, гдѣ послѣдніе его слѣды являются въ видѣ незначительныхъ отроговъ, каменистыхъ возвышенностей, окруженныхъ песками и болотами. По направленію отъ востока къ западу различныя цѣпи Небесныхъ горъ протянулись вмѣстѣ почти на 2,500 километровъ въ длину; принимая среднюю ширину массива только въ 400 километр., находимъ, что общая площадь этой орографической системы равняется приблизительно 1.000,000 квадр. километр., то-есть составляетъ почти столько-же, сколько площадь Франціи, соединенной съ Пиренейскимъ полуостровомъ.

Не всѣ хребты Тянь-Шаня имѣютъ нормальное направленіе отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, или просто отъ востока къ западу; между ними есть много такихъ, которые тянутся, параллельно одни другимъ, отъ юго-востока къ сѣверо-западу или отъ востока-юго-востока къ западу-сѣверо-западу: горы послѣдняго рода были подняты діабазами, тогда какъ правильныя цѣпи образованы гранитами и сіенитами [1]). По расхожденію своихъ хребтовъ, Тянь-Шань можетъ быть разсматриваемъ какъ резюме общаго рельефа Азіи; разница только въ томъ, что возвышенности, направляющіяся къ сѣверо-западу, имѣютъ гораздо меньшую относительную важность въ Тянь-Шанѣ, нежели въ совокупности континентальнаго рельефа. Главныя цѣпи системы Небесныхъ горъ, тѣ, которыя стоятъ на широкомъ основаніи и возвышаются до пояса постоянныхъ снѣговъ, тянутся параллельно, отъ востока-сѣверо-востока къ западу-юго-западу, тогда какъ цѣпи, идущія наискось къ этому направленію, какъ-то: Кара-тау и Нура-тау, примыкаютъ къ системѣ съ внѣшней стороны, на сѣверной покатости, обращенной къ равнинамъ Туркестана и Сибири: только одинъ изъ этихъ хребтовъ не-

[1]) *Мушкетовъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1878 г.

ресѣкаетъ Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ, именно тотъ, который господствуетъ на востокѣ надъ Ферганской равниной и образуетъ краевую цѣпь всего центральнаго нагорья. Наружныя цѣпи расположены въ видѣ опахала, такъ сказать, внѣ массы Небесныхъ горъ, вслѣдствіе чего заключенныя между ними равнины принимаютъ треугольную форму. Сыръ-Дарья и ея притоки, также притоки другихъ рѣкъ, теряющихся въ степныхъ озерахъ, сначала текутъ съ востока на западъ, въ одной изъ промежуточныхъ долинъ собственно такъ называемаго Тянь-Шаня, затѣмъ, по выходѣ изъ главнаго массива, поворачиваютъ на сѣверо-западъ, отклоняемые внѣшними цѣпями [1]). Въ самомъ сердцѣ системы всѣ долины Небесныхъ горъ, также какъ долины Алая, Памира и восточной Сибири, принадлежатъ къ весьма древнимъ геологическимъ періодамъ, такъ какъ пласты тріаса и юры отложились тамъ правильно между кристаллическими, девонскими и каменноугольными вершинами главныхъ цѣпей. Кромѣ того, тамъ видны огромные слои лесса, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 метровъ въ толщину и придающіе ландшафту, своимъ однообразнымъ сѣровато-желтымъ цвѣтомъ, утомительную монотонность [2]).

До половины настоящаго столѣтія Тянь-Шань принадлежалъ къ числу наименѣе извѣстныхъ областей земнаго шара, и только съ большимъ трудомъ, при помощи сравнительнаго изученія китайскихъ документовъ, европейскимъ географамъ и ученымъ: Риттеру, Гумбольдту, Ремюза, удалось различить нѣкоторыя черты этой таинственной страны. Но непрерывное поступательное движеніе русскихъ на сибирской покатости Тянь-Шаня, сношенія, которыя они завязали съ владѣтелемъ Кашгаріи, когда она была еще независима отъ Китая, позволили многочисленнымъ путешественникамъ, геологамъ или натуралистамъ, обойти массивъ во всѣхъ направленіяхъ, и отнынѣ остается только обозначить точнѣе разные детали его архитектуры, изучить тщательнѣе его формаціи и горныя породы, узнать ближе и классифицировать его естественныя произведенія. Съ 1856 года г. Семеновъ началъ дѣло изслѣдованія невѣдомой страны, которое неутомимо продолжали гг. Валихановъ, Голубевъ, Венюковъ, Сѣверцовъ, Рейнталь, Проценко, Остенъ-Сакенъ, Каульбарсъ, Мушкетовъ, Пржевальскій, Полторацкій, Регель и другіе. Въ особенности изслѣдованія г. Сѣверцова пролили много свѣта на общее геологическое строеніе, на флору и фауну „Небесныхъ горъ“. Но многія любопытныя путевыя записки еще не изданы въ свѣтъ, многіе важные труды по этому предмету спокойно почіютъ въ архивахъ, хотя остается еще много сомнительныхъ, требующихъ разъясненія, пунктовъ, хотя многія горы,

---

[1]) *F. von Richthofen*, China.

[2]) *Мушкетовъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, XIV, 1878 г.

выставленныя какъ колоссы того или другаго массива, должны будутъ преклониться передъ другими, болѣе могучими, исполинами. Съ другой стороны, современемъ должна выработаться и установиться окончательная номенклатура взамѣнъ существующаго нынѣ обилія именъ татарскихъ, джунгарскихъ, русскихъ, китайскихъ, обилія, которое ведетъ только къ путаницѣ, такъ что иногда смѣшиваютъ совершенно различныя и очень удаленныя одна отъ другой горы, или принимаютъ одинъ пикъ за цѣлую группу вершинъ. Наконецъ, предстоитъ еще произвести точныя измѣренія, которыя должны замѣнить имѣющіяся нынѣ опредѣленія высотъ, сдѣланныя на основаніи малонадежныхъ барометрическихъ наблюденій, исходящихъ изъ фиктивной средней высоты и простыхъ вычисленій, извлеченныхъ изъ вида растительности и высоты снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приводимыя разными путешественниками высоты горъ разнятся между собой на нѣсколько сотъ и даже на тысячу метровъ.

Тянь-Шань въ собственномъ смыслѣ, — не принимая въ разсчетъ кряжей и островковъ скалъ, находящихся въ пустынѣ Гоби,—начинается на разстояніи около 200 километр. къ востоку отъ города Хами (Хамиль), и, постепенно поднимаясь въ видѣ ряда хребтовъ и вершинъ, вскорѣ достигаетъ высоты отъ 2 до 3 километровъ. Перевалъ Кошети (Кошети-даванъ или Кошети-даба), черезъ который проходитъ дорога, соединяющая Хами, у южнаго основанія горъ, съ городомъ Баркулъ, на сѣверномъ скатѣ, лежитъ уже на высотѣ 2,734 метровъ [1]). Продолжаясь въ западномъ направленіи, эта горная цѣпь, вѣроятно, сохраняетъ свою высоту и даже, какъ кажется, образуетъ массивъ въ группѣ горъ Богдо, судя, по крайней мѣрѣ, по обильнымъ ручьямъ, питаемымъ его снѣгами; но тотчасъ-же за этой группой открывается глубокая брешь, черезъ которую проходитъ дорога Умруци (Урумчи, Умрици) въ Турфанъ и въ Пишанъ (Пи-чанъ). Весь этотъ отрывокъ Тянь-Шаня окруженъ узкимъ поясомъ зелени, питаемымъ параллельными ручьями, которые берутъ начало въ оврагахъ и вскорѣ по выходѣ изъ нихъ теряются въ пескахъ или разливаются болотами въ глинистыхъ мѣстахъ равнины. Вокругъ этой зеленѣющей опушки возвышенностей продолжаются, по направленію къ западу, два залива нѣкогда существовавшаго азіатскаго средиземнаго моря, превратившіеся постепенно въ „гоби“ или пустыни.

Горы Баркуля и Хами, поднимающіяся, какъ мы сейчасъ сказали, въ видѣ мыса надъ окружающими пустынными пространствами, имѣли капитальную важность во всемірной исторіи. Подобно молу, разбивающему воду на два теченія, этотъ массивъ во всѣ времена раздѣлялъ потокъ переселеній: это межа, поставленная между двумя историческими путями. Въ то время, какъ нѣкоторые народы, въ своемъ движеніи на

[1]) Карта сѣверо-западной Монголіи составленная *Рафайловымъ*.

*

западъ, слѣдовали вдоль полуденнаго основанія этой горной цѣпи и вступивъ въ бассейнъ Тарима, осѣдали въ долинахъ обширнаго полукруга Кашгаріи, другіе народы, и притомъ гораздо болѣе многочисленные, проходили черезъ узкія ворота пустыни Номинъ-мингинъ-гоби (на картѣ Рафайлова, Найманъ-мингенъ-гоби на другихъ картахъ), оставленныя природой между Баркульскими горами и передовыми вѣтвями Алтая, и продолжали свой путь на сѣверо-западъ черезъ равнины Джунгаріи, гдѣ разсѣяны озера и болота Улясутая и обширныя, наполовину затопленныя водой, пространства области Тянь-Шань-пелу, остатки бывшаго сѣверо-западнаго залива „высохшаго моря“ или Ханъ-хай. Кочуя по пастбищамъ, окаймляющимъ эти низменныя земли, монголы могли легко обходить на сѣверѣ всю систему Небесныхъ горъ черезъ тотъ или другой изъ многочисленныхъ горныхъ проходовъ, которые открываются на западъ къ бассейну рѣки Или, на сѣверо-западъ къ озеру Балхашъ, на сѣверъ къ Черному Иртышу и озеру Зайсанъ. Среднее возвышеніе пороговъ, черезъ которые проходятъ изъ Монголіи въ Сибирь, не превышаетъ, вѣроятно, 1,000 метровъ. Высшая точка дороги, направляющейся на сѣверо-западъ отъ города Баркуля, къ озеру Улюнгуръ и къ Черному Иртышу, лежитъ всего только на высотѣ 765 метровъ Что касается цѣпи, идущей наискось къ главному направленію Тянь-Шаня, цѣпи, которая, по мнѣнію Рихтгофена, направляется на сѣверо-западъ, отъ Баркульскаго мыса къ горамъ Тарбагатай, то изслѣдованія г. Потанина не подтвердили ея существованія. Правда, что небольшой отрогъ, примыкающій къ крайнему углу Баркульскаго Тянь-Шаня, тянется на сѣверо-западъ, но затѣмъ онъ опять соединяется съ главной цѣпью, къ западу отъ города (Баркуля): это внѣшняя закраина или стѣнка древняго озера, которое мало по малу испарилось, и отъ котораго теперь остался только маленькій озерный бассейнъ Баркуль, которому сосѣдній городъ, извѣстный у китайцевъ подъ именемъ Шинъ-си-фу, обязанъ своимъ татарскимъ названіемъ. За Баркульскими высотами, въ сѣверо-западномъ направленіи, вплоть до долины Чернаго Иртыша, нѣтъ болѣе никакихъ горъ, кромѣ неправильныхъ возвышеній почвы, бывшихъ острововъ и полуостововъ древняго внутренняго моря, отдѣлявшаго массивы Алтая отъ цѣпей Тянь-Шаня [1]).

Къ западу отъ пролома Урумци и отъ древняго Турфанскаго залива, въ который вулканы, упоминаемые китайскими писателями изливали нѣкогда потоки расплавленной лавы, и гдѣ, говорятъ, горѣли когда-то подземные пласты каменнаго угля [2]), главная цѣпь Тянь-Шаня, снова поднимаясь до пояса постоянныхъ снѣговъ, принимаетъ имя горъ Катунъ

---

[1]) Путешествія Потанина, карта Рафайлова.

[2]) *Регель*, Russische Revue, 1880 г., № 3.

или Катынъ. Эта цѣпь, одна изъ наименѣе извѣстныхъ частей системы Небесныхъ горъ, принадлежитъ, вѣроятно, къ числу самыхъ высокихъ цѣпей и, безъ всякаго сомнѣнія, превышаетъ 5,000 метровъ: ни одинъ изъ китайскихъ писателей не упоминаетъ о существованіи прохода, который бы перерѣзывалъ эту громаду; всѣ караванныя дороги обходятъ ее на востокѣ или на западѣ, и озера, простирающіяся по обѣ стороны этой области Тянь-Шаня, даютъ поводъ думать, что снѣга очень обильны на высотахъ [1]). При истокахъ рѣки Кашъ, которая беретъ начало въ одномъ изъ массивовъ Катуна и течетъ на западъ къ Кунгесу и Или, изъ цирковъ горъ спускаются обширные ледники, посѣщенные недавно Регелемъ [2]). Тамъ система „Небесныхъ горъ“ состоитъ уже изъ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ. На югѣ отъ Катуна тянется другая цѣпь, перерѣзанная поперечными долинами или ущельями, черезъ которыя проходятъ потоки, спускающіеся съ главнаго хребта. Къ западу отъ одного изъ этихъ проломовъ, черезъ который протекаетъ одинъ притокъ озера Богла-норъ (Бостанъ-норъ, Багарашъ-куль, Баграчъ-куль), называемаго иначе Карашаромъ, Тянь-Шань образуетъ четыре параллельныхъ возвышенности, извѣстныя, какъ и сосѣднее озеро, подъ многими различными именами, которыя еще не замѣнены правильной географической номенклатурой. Между этими различными цѣпями, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, разстилаются, на высотѣ болѣе 2,000 метровъ, два обширные бассейна, которые были когда-то озерами, а теперь представляютъ естественные луга: это двѣ „Звѣзды“, Малый Юлдузъ и Большой Юлдузъ, орошаемые и тотъ и другой рѣками, спускающимися къ озеру Карашаръ. Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ громадныхъ луговыхъ цирковъ, Тамерланъ, выступившій въ походъ противъ кашгарскаго владѣтеля, давалъ рандеву пяти арміямъ, которыя подвигались разными дорогами черезъ Небесныя горы, и которымъ дано было порученіе истребить всѣхъ жителей, которыхъ онѣ найдутъ между озеромъ Зайсанъ на сѣверѣ и озеромъ Карашаръ на югѣ. Императорскій шатеръ былъ поставленъ въ центрѣ равнины, и „разрушитель міра“ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, блиставшемъ драгоцѣнными камнями. Вокругъ пышнаго ханскаго павильона тѣснились менѣе высокія, но всѣ роскошно убранныя дорогими тканями и разными украшеніями, палатки эмировъ: почва исчезала подъ сплошнымъ покровомъ изъ разноцвѣтныхъ ковровъ. По окончаніи приготовленій къ пиршеству, эмиры и князья были допущены, въ знакъ особой милости, къ цѣлованію слѣда шаговъ своего грознаго повелителя; всѣ получили подарки, и воины были „внѣ себя отъ восторга“ [3]).

---

[1]) *Костенко*, Туркестанъ.

[2]) Russische Revue, 1880 г., № 3.

[3]) *Карлъ Риттеръ*, Азія, восточный Туркестанъ; *Куропаткинъ*, Англо-русскія границы въ Средней Азіи.

Эти обширные луга, видѣвшіе Тамерлана во всей его славѣ, составляютъ „обѣтованную землю“ для пастуховъ—номадовъ; ни въ одной долинѣ кочевники не находятъ болѣе сочной травы для своихъ стадъ, болѣе здороваго климата, и въ лѣтнее время скотъ ихъ здѣсь не безпокоятъ ни оводы, ни комары. Однако, эти великолѣпныя пастбища были совершенно заброшены въ 1876 году, во время посѣщенія этой мѣстности г. Пржевальскимъ. Ограбленные въ 1865 году джунгарскими магометанами, кочевники, обитатели обоихъ Юлдузовъ, въ числѣ около пятидесяти тысячъ человѣкъ, принуждены были покинуть край, и одни изъ нихъ спустились на юго-востокъ къ озеру Карашаръ, другіе направились на сѣверо-западъ, чтобы пробраться на русскую территорію, въ долину рѣки Или. Оставшись такимъ образомъ единственными хозяевами пустынныхъ горныхъ степей, дикія жвачныя животныя сдѣлались очень многочисленны въ лугахъ Большаго и Малаго Юлдуза, и потому здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-либо, можно изучить фауну Небесныхъ горъ. Въ этихъ мѣстахъ часто встрѣтишь качкара или архара (ovis Poli), стадами въ 30 или 40 головъ; горная коза, называемая натуралистами capra Skyn (capra Sibirica), тоже странствуетъ по травянистымъ плато и прыгаетъ по скаламъ значительными бандами; олень „маралъ“, который въ другихъ гористыхъ областяхъ Азіи обыкновенно не покидаетъ покрова большихъ лѣсовъ, здѣсь бродитъ по горнымъ скатамъ, поросшимъ ползучимъ кустарникомъ, которые окружаютъ оба Юлдуза, и забирается даже въ область травъ; но ovis Karelini, который, послѣ качкара, можетъ считаться великаномъ бараньей расы, и аргали, подъ именемъ котораго часто смѣшиваютъ разныя породы, не встрѣчаются въ восточномъ Тянь-Шанѣ. Хищныя животныя, въ особенности волки и лисицы, очень многочисленны въ этой части Тянь-Шаня; медвѣдь „съ бѣлыми когтями“, ursus leuconyx, обыкновенный въ степяхъ Юлдузъ, не водится нигдѣ, кромѣ Небесныхъ горъ [1]). Коршунъ-ягнятникъ этихъ горъ, который имѣетъ не менѣе 1 метра 20 сантим. въ длину, и у котораго разстояніе между распущенными крыльями составляетъ около 3 метровъ,—страшное животное: онъ нападаетъ иногда даже на человѣка, когда видитъ его на краю пропасти, и ударомъ крыла старается сбросить его въ бездну [2]).

Смотря по положенію мѣста, по среднему направленію вѣтровъ, по степени обилія дождей, склоны горъ, въ восточномъ Тянь-Шанѣ представляютъ замѣчательные контрасты. Полуденныя отлогости, вообще болѣе крутыя и быстро теряющія, черезъ испареніе или истеченіе, небольшое количество дождевой воды, приносимое имъ облаками, почти всѣ безлѣсны; напротивъ, скаты, обращенные на сѣверъ, гораздо болѣе тѣнисты; сосно-

[1]) *Пржевальскій*, Путешествіе на Лобъ-Норъ.
[2]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.

вые лѣса показываются тамъ и сямъ на поросшей травой покатости, даже на высотахъ превосходящихъ 2,450 метр., верхній предѣлъ древесной растительности. Высокая цѣпь Наратъ, или Нара-тау, которая господствуетъ на сѣверѣ надъ Малымъ Юлдузомъ, и которую перерѣзываетъ горный проходъ на высотѣ 2,990 метровъ, представляетъ поразительнымъ образомъ эту противоположность между двумя скатами. На сѣверной сторонѣ этихъ горъ лѣса, ростущіе по берегамъ рѣки Занмы, одного изъ подпритоковъ Или, состоятъ почти исключительно изъ „тянь-шаньской сосны“ и особой породы ясеня, тогда какъ въ болѣе важной долинѣ Кунгеса, а также въ большей части бассейновъ сѣвернаго склона горъ, фруктовыя деревья, въ особенности дикая яблоня и абрикосовое дерево, ростутъ огромными лѣсами и даютъ превосходные плоды, хотя немного кисловатые на вкусъ. Дикіе кабаны, медвѣди, олени, косули спускаются массами въ долину Кунгеса, чтобы полакомиться плодами, которые въ иныхъ мѣстахъ покрываютъ почву толстыми слоями, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ [1]).

Сѣверный хребетъ Тянь-Шаня подъ конецъ самъ отдѣляется отъ массива Небесныхъ горъ, уклоняясь отъ него въ направленіи на западъ-сѣверо-западъ и на сѣверо-западъ. Эта цѣпь принимаетъ послѣдовательно различныя названія, какъ-то: Иренъ-хабирганъ, Боро-хоро, Талки, данныя кочевыми племенами, которыя бродятъ со своими стадами по ея пастбищамъ. На сѣверѣ отъ Кульджинской равнины, которая отдѣляетъ ее отъ Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ, она соединяется съ другими небольшими параллельными цѣпями въ гористое плато, изрытое водами, которое образуетъ родъ выступа или мыса надъ равнинами и степями Семирѣчья. На западѣ это плоскогорье развѣтвляется на отроги въ формѣ полуострововъ и продолжается отдѣльными массивами, между которыми текутъ горные ручьи, теряющіеся въ озерѣ Балхашъ или въ окружающихъ пустыняхъ. Главный изъ этихъ массивовъ, вершины котораго еще превышаютъ 2,500 метр., возвышается на подобіе стѣны между Семирѣчьемъ и долиной рѣки Или: оттого онъ перерѣзанъ многочисленными тропинками, проложенными черезъ его проломы. Имена переваловъ, изъ которыхъ самые замѣчательные Аламанъ и Алтынъ-Имель или „Золотое Сѣдло“, употребляются обыкновенно для обозначенія различныхъ частей гребня, черезъ который они проходятъ.

Направленіе этого отрога, выдвинутаго въ видѣ желѣзка копья въ западныя равнины, совпадаетъ съ направленіемъ главной оси Тянь-Шаня, то-есть онъ тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Такъ же точно орьентирована цѣпь джунгарскаго Алатау, которая отдѣляется отъ нагорья, образуя острый уголъ съ цѣпью Иренъ-хабирганъ. Джунгарскій Ала-тау

[1]) *Пржевальскій*, цитирован. сочиненіе.

представляетъ, съ сѣверной стороны, типъ *сіерры*, по правильности его рельефа, относительной высотѣ его покрытыхъ снѣгомъ остроконечныхъ вершинъ, однообразнымъ зазубринамъ его гребня; съ юга, напротивъ, онъ просто имѣетъ видъ приподнятаго края плоской возвышенности. Простираясь въ длину слишкомъ на 300 километровъ, эта горная цѣпь, очень удачно выбранная какъ политическая граница между Россійской имперіей и Китаемъ [1]), перерѣзана всего только двумя удобными для сообщенія проходами, изъ которыхъ одинъ называется Тентекскимъ, а другой Лепсинскимъ; но въ восточной своей части она заворачиваетъ къ югу боковымъ контрфорсомъ, черезъ который ведетъ Каптагайскій порогъ, прославившійся во всей области Небесныхъ горъ, благодаря сибирскому вѣтру, который съ страшной силой низвергается въ эту брешь, чтобы подняться затѣмъ на плоскогорье, вздымая вихри песку и даже гравія [2]). На востокѣ отъ джунгарскаго Ала-тау сѣверная и южная равнины сообщаются посредствомъ возвышенной степи съ остатками древняго, нѣкогда покрывавшаго ихъ моря. Далѣе, на китайской территоріи, горы Барлукъ, высота которыхъ превышаетъ 1,800 метровъ, продолжаютъ ось цѣпи Ала-тау и соединяются съ системой Тарбагатая.

Пространство, заключающееся между джунгарскимъ Ала-тау и „Небесными горами“ въ собственномъ смыслѣ, представляетъ равнину, извѣстную подъ именемъ Тянь-Шань-пелу; но эта равнина, нѣкогда морская, постепенно поднимается къ западу, чтобы образовать удлиненное плоскогорье, закраины котораго составляютъ Ала-тау на сѣверѣ, Боро-хоро и Талки на югѣ. Озеро Сайрамъ, занимающее одинъ изъ водоемовъ этого плато, между лѣсистыхъ высотъ, находится всего только на разстояніи 200 метр. отъ горнаго прохода Талки, въ цѣпи того же имени, у основанія крутаго склона, вдоль котораго прежде слѣдовала китайская такъ называемая „Императорская“ дорога изъ Пекина въ Кульджу, теперь испортившаяся. Площадь этого резервуара слегка солоноватой воды опредѣляютъ приблизительно въ 750 квадр. километр., а высота его мѣстоположенія, которая всего только на какую нибудь сотню метровъ меньше высоты пролома Талки, составляетъ, по Матвѣеву, 1,800 метр. [3]). Впрочемъ, другіе изслѣдователи давали ему болѣе значительную высоту 1,920, и даже отъ 2,100 до 2,200 метр. Это озеро, какъ полагаютъ, очень глубокое, получило отъ монголовъ названіе Серп-объ-норъ, что значитъ „Большая вода“. Туземцы очень боятся его и говорятъ, что иногда оно яростно бушуетъ въ совершенно тихую погоду, когда въ воздухѣ не шелохнетъ: это происходитъ, по объясненію ихъ, оттого, что тогда просыпается чудовище, обитающее въ пучинахъ водъ [4]).

---

[1]) *Венюковъ*, Русско-азіатскія границы.

[2]) *Костенко*, цитированное сочиненіе.

[3]) Туркестанскія Вѣдомости. 1879 г. *Alferaki*, Russische Revue.

[4]) *Костенко*, цитированное сочиненіе.

Въ огромной совокупности морщинъ, параллельныхъ или расходящихся, которыя образуютъ систему Небесныхъ горъ, одна изъ самыхъ величественныхъ горныхъ цѣпей есть, безспорно, та, которая высится прямо надъ равнинами Кульджи, расположенная противъ крутыхъ скатовъ Боро-хоро. Эта цѣпь, Нянъ-Шань или Темурлыкъ, явственно ограничена на востокѣ и западѣ двумя рѣками, Текесъ и Кегенъ, которыя спускаются съ горъ, лежащихъ южнѣе, ибо линія возвышенностей, служащая для раздѣленія водъ, мѣняетъ мѣсто въ разныхъ частяхъ Тянь-Шаня: тогда какъ въ восточномъ Тянь-Шанѣ эту линію образуетъ сѣверный хребетъ, между Кульджой и Карашаромъ водораздѣльной линіей становится средняя цѣпь; затѣмъ тоже на западѣ, есть еще третья раздѣльная гряда, изливающая воды съ одной стороны къ Сибири и Туркестану, съ другой къ бассейну Тарима. Рѣка Кегенъ, которая отдѣляетъ цѣпь Нянъ-Шань отъ западныхъ хребтовъ, получаетъ свои первыя воды съ очень высокихъ массивовъ и протекаетъ по днамъ древнихъ, высохшихъ озеръ, представляющихъ удобные пути съ востока на западъ Тянь-Шаня, пути, по которымъ часто проходили полчища завоевателей. Эти котловины, какъ и долина р. Текесъ, сообщаются съ бассейномъ озера Иссыкъ-куль черезъ горный проходъ Санташъ, лежащій на небольшой высотѣ: громадный *санъ-тасъ* или груда камней, — откуда и самое имя перевала,— возвышается подлѣ тропинки, какъ наглядное свидѣтельство о числѣ путниковъ, которые проходя бросили по камню на священное мѣсто, въ честь горнаго духа. Существуетъ легенда, что будто Тамерланъ, проходя черезъ Санъ-Ташъ, далъ приказъ своимъ воинамъ воздвигнуть эту горку, для чего каждый изъ нихъ долженъ былъ принести свой камень и положить его въ общую кучу; на обратномъ пути изъ похода, оставшіеся въ живыхъ люди взяли назадъ свои камешки и сложили изъ нихъ вторую кучу, меньше первой: огромная груда камней, которая видна теперь на перевалѣ, указываетъ, какъ велико было число погибшихъ на войнѣ [1]).

Къ сѣверу отъ прохода Санташъ, рѣка Кегенъ вырывается изъ своей нагорной долины черезъ грозное ущелье, самое страшное, какое путешественники видѣли до сихъ поръ въ Небесныхъ горахъ. Эта разсѣлина въ скалахъ, на днѣ которой реветъ Кегенъ, извѣстный здѣсь подъ именемъ Актогоя, а ниже подъ именемъ Чарына, имѣетъ отъ 300 до 500 метр. глубины, и стѣны ея во многихъ мѣстахъ перпендикулярны или даже переходятъ за линію отвѣса. Съ главнымъ потокомъ сливаются три другіе меньшіе, три ручья Мерке, которые передъ тѣмъ тоже текутъ по дну тѣснинъ, прорытыхъ черезъ конгломераты кристаллическихъ

---

[1]) *Семеновъ*, Mittheilungen von Petermann, 1858 г.; *Сѣверцовъ*, Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann, 1870 г.; *Костенко*, цитированное сочиненіе.

горныхъ породъ, гранита, сіенита, порфира. Въ наибо́льшей части дефилея Актогой бѣжитъ пѣнясь съ камня на камень, и его воды кажутся совершенно бѣлыми на днѣ ущелья; въ другихъ мѣстахъ онѣ представляются неподвижными и черными, какъ-будто запертыми въ глубокихъ водоемахъ; сама скала, всегда сырая, темна, какъ стѣны колодца. Когда стоишь на днѣ этой пропасти, то нависшіе надъ головой выступы камня по бокамъ ея совершенно скрываютъ небо, такъ что можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь во внутренности земли. Впрочемъ, нѣкоторыя части ущелья имѣютъ менѣе угрюмый видъ; гранитныя крутизны представляютъ тамъ и сямъ террассы, откуда выглядываетъ группа деревьевъ, составляющая своею зеленью рѣзкій контрастъ съ голой скалой: на скатахъ, никогда не освѣщаемыхъ непосредственно солнцемъ, эти деревья— сосны, тогда какъ на отлогостяхъ, обращенныхъ къ свѣту, растутъ бузина и другія мелкія деревца [1]).

Чарынъ, самый большой притокъ р. Или, сопровождается на западѣ другой рѣкой, называемой Чиликъ, которая тоже протекаетъ черезъ гористую область и разрѣзываетъ ее на отдѣльные массивы; но пространство, заключающееся между этими двумя рѣками, состоитъ большею частью не изъ группъ горныхъ вершинъ, а изъ возвышенной степи, извѣстной подъ именемъ плоскогорья Джаланашъ, предполагаемая высота котораго всего только 1,200 метровъ, и которое составляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающими горами совершеннымъ отсутствіемъ древесной растительности, бѣдностью своей фауны и флоры, похожихъ на фауну и флору низменныхъ степей.

Двѣ параллельныя гряды горъ, которыя тянутся на сѣверѣ отъ бассейна Иссыкъ-Куль, носятъ обѣ столь обыкновенное въ татарскихъ земляхъ названіе Ала-тау, или „Пестрыхъ горъ". Сѣверная гряда называется Заплійскимъ Ала-тау, а южная — Ала-тау Кунгей. Въ дѣйствительности обѣ онѣ составляютъ одну и ту же цѣпь гранитныхъ высотъ, перерѣзанную въ продольномъ направленіи долиной съ двойнымъ скатомъ, гдѣ отложились известковые пласты, и гдѣ текутъ съ одной стороны воды Чилика, съ другой—воды Большаго Кебина, одного изъ главныхъ истоковъ рѣки Чу. Благодаря сосѣдству укрѣпленія Вѣрный, эти гористыя области извѣстны намъ лучше, чѣмъ другія части Тянь-Шаня. Впереди Заплійскаго Ала-тау, состоящаго главнымъ образомъ изъ гранита, но частью также изъ метаморфическихъ сланцевъ, известняковъ и песчаниковъ, идутъ, со стороны степи, невысокія порфировыя горы, усѣянныя эрратическими камнями, перенесенными туда съ большой цѣпи; остатки моренъ видны въ различныхъ долинахъ, между прочимъ у выхода долины рѣки Тургень, къ востоку отъ Вѣрнаго: громадный ледникъ

[1]) *Сѣверцовъ*, Путешествіе на Тянь-Шань.

наполнялъ нѣкогда всѣ верхніе цирки, откуда текутъ воды этого горнаго потока. Теперь не существуетъ болѣе ни одного ледника на обоихъ Ала-тау, сосѣднихъ съ Вѣрнымъ; но около центральной ихъ части эти два гребня переходятъ за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, который лежитъ на высотѣ около 3,300 метровъ. Одна вершина Заилійскаго Ала-тау, триглавый Талгаръ, и одинъ изъ его сосѣдей, съ западной стороны, пирамидальный пикъ Алматы, поднимаются на цѣлый километръ выше, достигая пояса вѣчныхъ снѣговъ.

Южная цѣпь Ала-тау не имѣетъ вершинъ, превосходящихъ 3,600 метровъ. Какъ правильный каменный валъ, слегка зазубренный пониженіями гребня, она возвышается надъ берегами озера Иссыкъ-Куль своими голыми скалами, ярко блестящими на солнцѣ, тогда какъ на сѣверномъ скатѣ виднѣются черноватыя группы сосенъ. Въ этихъ горахъ хвойные лѣса уцѣлѣли еще, благодаря большому возвышенію ихъ пояса, заключеннаго между средними высотами 1,750 и 2,600 метровъ; но лиственныя деревья, между которыми преобладала дикая яблоня, были большею частью истреблены непредусмотрительными казаками и другими русскими колонистами страны.

На востокѣ двѣ параллельныя цѣпи „Пестрыхъ горъ“, общая длина которыхъ около 250 километр., явственно ограничены горнымъ проходомъ Сапъ-ташъ и ущельемъ Актогоя; на западѣ Буанскій дефилей, по дну котораго протекаетъ рѣка Чу, рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ хребта Александровскаго. Эта брешь, дикая и мрачная, усѣяна огромными каменными глыбами, среди которыхъ высятся порфировые столбы причудливыхъ формъ; но она не имѣетъ того дикаго величія, какимъ отличается Актогойская тѣснина; въ одномъ только мѣстѣ, при впаденіи притока, Большой Кебинъ, можно полюбоваться красивымъ зрѣлищемъ водопада который образуетъ эта рѣка, низвергаясь изъ разсѣлины горы, черной отъ растущихъ по бокамъ ея сосенъ, въ нижнюю равнину, лежащую на 100—120 метр. ниже. Послѣ сліянія съ Большимъ Кебиномъ, р. Чу, вдоль которой идетъ *бомъ*, или опасная тропинка, изсѣченная, въ видѣ карниза, на выступахъ скалъ, пересѣкаетъ западное продолженіе Заилійскаго Ала-тау, который въ этомъ мѣстѣ является уже незначительной гранитной возвышенностью; затѣмъ она принимаетъ въ себя другой притокъ, Малый Кебинъ. Тамъ же начинается широкая равнина, раздѣляющая двѣ отдѣлившіяся отъ Тянь-Шаня вѣтви, которыя продолжаются далеко и наконецъ пропадаютъ въ степи. Сѣверная отрасль, называемая Кандыль-ташъ, которая отдѣляется отъ Заилійскаго Ала-тау, направляясь къ сѣверо-западу, не можетъ быть названа грядой горъ въ собственномъ смыслѣ: это скорѣе широкій цоколь изъ плоскихъ возвышенностей,

---

[1]) *Съверцовъ*, цитированное сочиненіе.

поддерживающій горы, изъ которыхъ ни одна не достигаетъ границы лѣтнихъ снѣговъ; южная вѣтвь, другой Ала-тау, извѣстный обыкновенно подъ именемъ хребта Александровскаго, есть настоящая цѣпь, съ бѣлыми, покрытыми снѣгомъ, вершинами, которая тянется съ востока на западъ, на пространствѣ болѣе 300 километровъ. Высшая вершина этого хребта, Гамышъ, названа русскими „горой Семенова", въ честь одного изъ первыхъ новѣйшихъ изслѣдователей Небесныхъ горъ.

Географическій центръ всей системы Тянь-Шаня составляетъ большое озеро, извѣстное у туземцевъ подъ именемъ Иссыкъ-куль или „Теплаго озера". Оно со всѣхъ сторонъ окружено горами, — на сѣверѣ цѣпью Ала-тау Терскей: зубчатыя стѣны опоясывающаго его громаднаго амфитеатра образуютъ овалъ, имѣющій 650 километр. въ окружности. Иссыкъ-куль—самый значительный бассейнъ въ области Небесныхъ горъ, а внутри цѣпи онъ—единственное большое озеро, которое осталось изъ многочисленныхъ резервуаровъ, наполнявшихъ нѣкогда борозды между параллельными хребтами Тянь-Шаня. Но прежде онъ былъ гораздо обширнѣе: старые берега, оставленные его водами, на высотѣ 60 метровъ надъ нынѣшней его поверхностью, на склонахъ окружающихъ горъ, и въ Буамскомъ ущельи, въ 50 километр. къ западу, показываютъ прежніе уровни озера [1]). Даже въ такой короткій промежутокъ времени, какъ десять лѣтъ, протекшихъ отъ 1867 до 1877 года, констатировано правильное пониженіе уровня водъ приблизительно на 2 метра [2]), пониженіе, которое свидѣтельствуетъ о временномъ или постоянномъ обсыханіи страны. Окаймляющіе это внутреннее море плоскіе берега, шириною отъ 100 до 400 метровъ, состоящіе по большей части изъ красноватой глины и усѣянные лужами соленой воды, служатъ другимъ признакомъ обѣдненія страны въ отношеніи влажности. У западнаго угла озера рѣка Чу изливалась нѣкогда въ Иссыкъ-куль, когда уровень этого бассейна былъ выше нынѣшняго, затѣмъ опять выходила изъ него, очищенная отъ своихъ наносовъ [3]): подобное же явленіе мы видимъ въ гидрографіи Европы, гдѣ, напримѣръ, р. Арва, въ предшествующія времена геологической исторіи, впадала въ Леманъ и вскорѣ снова выходила изъ него, но затѣмъ она мало по малу засорила приносимыми ею землистыми частицами свою собственную дельту, и такимъ образомъ русло ея отдѣлилось отъ ложа озернаго бассейна. Теперь Арва смѣшиваетъ свои воды съ водами Лемана уже не прямо, а черезъ теченіе Роны; что касается рѣки Чу, то она выпускаетъ изъ себя одинъ истокъ въ Иссыкъ-куль, тихій ручей Кутемальды [4]), но истокъ очень бѣдный водой, перемежаю-

[1]) *Романовскій*, путешествіе 1878 г., Извѣстія Русск. Геогр. Общества, XV, 1879 г.
[2]) *Регель*, *Mittheilungen von Peterman*, 1879 г., № 10;—*Костенко*, цитиров. сочин.
[3]) *К. Риттеръ*, Азія.
[4]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.

щійся, текущій только послѣ большихъ дождей и во время таянія снѣговъ. У киргизовъ существуетъ преданіе, что будто-бы обитатели края, желая избавиться отъ стѣснительнаго для нихъ сосѣдства водъ Иссыкъ-куля, прорыли ручей Кутемальды, чтобы опорожнить озеро, но что, не умѣло взявшись за дѣло, они только дали озеру новый притокъ, вмѣсто желаемаго истока. Въ настоящее время Теплое озеро не имѣетъ истеченія, такъ что воды его теряются только путемъ испаренія. Тѣмъ не менѣе оно въ десять разъ превосходитъ Женевское озеро по протяженію; площадь его исчисляется въ 5,780 километровъ.

Высота Иссыкъ-куля надъ уровнемъ моря должна быть около 1,500 метровъ (1,380 м., по Семенову, 1,615 м., по Голубеву); съ конца сентября снѣга покрываютъ берега озера, и впадающіе въ него потоки остаются скованными льдомъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ; однако, самъ Иссыкъ-куль никогда не замерзаетъ,— отсюда и произошло данное ему имя „Теплаго озера“ [1]),— если только, какъ утверждаетъ одинъ англійскій путешественникъ [2]), Иссыкъ-куль не обязанъ своимъ названіемъ теплымъ ключамъ, бьющимъ со дна у береговъ, и которые дѣлаютъ купанье почти невозможнымъ во многихъ мѣстахъ: незамерзаніе этого бассейна объясняютъ большой глубиной занимаемой имъ впадины, гдѣ холодныя поверхностныя воды постоянно замѣняются менѣе студеными жидкими слоями, поднимающимися изъ глубокихъ пропастей дна [3]). Въ монгольскомъ языкѣ „Теплое озеро“ называется Темурту-норъ, по причинѣ желѣзныхъ блестокъ, приносимыхъ впадающими въ него ручьями, и которыя употребляются туземцами для выдѣлки оружія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега имѣютъ совершенно черный цвѣтъ отъ этихъ металлическихъ наносовъ. Вода немного солоновата, что̀ тоже служитъ признакомъ постепеннаго высыханія; но въ степяхъ Туркестана, эта вода показалась-бы прѣсной, въ сравненіи съ тамошней водой. Рыба водится въ этомъ озерѣ во множествѣ, но если недѣлимыя очень многочисленны, то число видовъ весьма не велико: до сихъ поръ извѣстны всего только четыре вида. Г. Семенову удалось поймать тамъ только одинъ видъ карпа. Удивительно прозрачныя,— свѣтло-голубыя, какъ бирюза, у береговъ и болѣе темнаго лазурнаго цвѣта по серединѣ озера, надъ пучинами неизмѣренной еще глубины,— воды Иссыкъ-куля разстилаются широкой скатертью на необозримое пространство, далѣе, чѣмъ кругъ небосклона; отдаленный берегъ скрытъ кривизной обширной поверхности озернаго бассейна, но громады горъ высятся за этой выпуклостью, на-половину задернутыя при основаніи легкой дымкой, окрашенной лучами солнца въ красноватый

---

[1]) *Сѣверцовъ*, цитирован. сочиненіе.

[2]) Asthon Dilke, Valley of the Ili; Proceedings of the Geograp. Society, 1874 г.

[3]) *Семеновъ*, Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества, I, 1867 г. *Костенко* и др.

цвѣтъ, и поднимающія свои остроконечныя снѣговыя вершины къ ясному, почти всегда безоблачному, небу. Черты представляющагося взорамъ ландшафта чрезвычайно просты, и тѣмъ лучше запечатлѣваются въ памяти: плоскій красный берегъ, зеленоватыя воды, полоса фіолетовыхъ паровъ на горизонтѣ, лазурныя горы, бѣлый гребень, обрисовывающіеся на голубомъ фонѣ неба, и, въ обширномъ пространствѣ, вѣчное безмолвіе, ничѣмъ ненарушаемая тишина; рѣдко-рѣдко случится увидѣть какой нибудь признакъ, напоминающій присутствіе человѣка, какую-нибудь хижину, пріютившуюся на берегу, какую-нибудь барку, движущуюся по волнамъ этого внутренняго моря [1]). Только въ 1872 году первое судно, достойное этого имени, пустилось по водамъ озера; но кажется, что берега его прежде были населены многочисленными обитателями; волны иногда выбрасываютъ костяки, черепы и разные предметы человѣческаго искусства; г. Колпаковскій нашелъ въ водѣ, на глубинѣ полутора аршинъ, черепки глиняной посуды и куски желѣза. По киргизской легендѣ цѣлый городъ покоится вѣчнымъ сномъ на днѣ озера, и изъ одного колодца этого города и вылились всѣ воды, наполнившія громадный бассейнъ [2]).

Къ востоку отъ Иссыкъ-куля, этой срединной впадины системы Небесныхъ горъ, группируются горы, извѣстныя подъ именемъ Ханъ-Тенгри, которыя, въ этомъ безконечномъ мірѣ Тянь-Шаня, могутъ быть разсматриваемы какъ господствующій массивъ: хотя высшая вершина этихъ горъ, кажется, уступаетъ по высотѣ главнымъ вершинамъ Заалайской цѣпи, но зато въ группѣ Ханъ-Тенгри собрано наибольшее число снѣговыхъ горъ, поднимающихся выше, чѣмъ Монъ-Бланъ и Эльбрусъ; въ этой группѣ тянь-шаньскіе ледники всего лучше напоминаютъ древній видъ страны, когда по ней двигались ледяныя рѣки; здѣсь же берутъ начало самые значительные потоки, расходящіеся отсюда къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта; наконецъ, тутъ же открывается важнѣйшій, наиболѣе посѣщаемый горный проходъ между двумя скатами, сѣвернымъ и южнымъ, кульджинскимъ и татарскимъ.

Этотъ массивъ Тянь-Шаня составляетъ часть полуденной цѣпи, которая начинается на югѣ отъ бассейна Большаго Юлдуза, и которая, подъ разными именами, тянется съ востока на западъ. За первымъ хребтомъ, Кокъ-тепе, слѣдуетъ другой, Гешикъ-хашн, далѣе идетъ хребетъ Шаликъ-тау, за которымъ высятся горы Музартъ-тау, прорѣзанныя широкимъ пролетомъ, который тоже называется Музартомъ. Проходъ, которому предъидущіе путешественники приписывали высоту въ 4,500 метровъ, лежитъ, по Регелю, на цѣлый километръ ниже, но съ окружающихъ горъ спускаются въ этотъ проходъ такія огромныя ледяныя

[1]) *Сьверцовъ*, цитирован. сочиненіе.

[2]) *Костенко*, цитирован. сочиненіе; *Голубевъ*, Путешествіе 1859 г.; Извѣстія Русск. Геогр. Общества, VI, 1870 г.

рѣки и вѣтры поднимаютъ тамъ такіе страшные вихри и навѣваютъ такіе сугробы снѣга, что легко можно было преувеличить высоту порога: скелеты животныхъ, которыя погибли застигнутыя снѣжнымъ бураномъ, указываютъ направленіе, котораго должны держаться путники, и свидѣтельствуютъ въ то же время объ опасностяхъ дороги. Морены заграждаютъ долину, и караваны принуждены дѣлать большіе обходы по склонамъ, чтобы обогнуть ледяныя массы, толкающія эти каменные валы. Водопадъ, вырывающійся изъ подъ свода одного ледника, низвергается съ высоты крутой стѣны въ долину Музарта, и его воды, сливаясь съ текущимъ по дну ручьемъ, убѣгаютъ вмѣстѣ съ нимъ между скалами. Но самыя большія массы кристаллизованной воды, образующія главный ледникъ, „Mer de glace“ Музарта, спускаются съ южнаго склона горъ. Въ трехъ километрахъ къ югу отъ прохода, порогъ котораго представляетъ очень удобную дорогу, вступаешь въ циркъ, около 6 километровъ длиною, покрытый сѣроватыми горками и грудами камней, смѣшанныхъ съ кусками льда. Десять большихъ глетчеровъ блестятъ въ корридорахъ изъ скалъ, возвышающихся на 1,200—1,800 метровъ надъ амфитеатромъ моренъ; напротивъ перевала поднимается величественная пирамида, изъ розоваго гранита, высота которой около 6,000 метровъ. Груды каменныхъ обломковъ, по которымъ пробираются узкой тропинкой караваны, лежатъ на льду: трещины, образовавшіяся въ кучахъ камней, обнаруживаютъ тамъ и сямъ стѣны расколовшагося льда [1]). На полуденной покатости часть тропы всегда загорожена глетчеромъ въ 15 метр. высоты, гдѣ путники должны вырубать ступеньки во льду, и съ котораго лошадей спускаютъ при помощи веревокъ; въ сосѣдствѣ, въ Мазаръ-башѣ, китайскимъ правительствомъ учрежденъ военный постъ изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, для того, чтобы путешественники всегда могли найти проводниковъ и помощь въ этомъ трудномъ проходѣ, которымъ, впрочемъ, торговые караваны пользуются только при спускѣ; отправляясь изъ Аксу въ Кульджу, они должны выбрать, на западѣ цѣпи, другіе перевалы, гдѣ могли-бы проходить лошади. Зимой переходъ черезъ Музартъ легче, чѣмъ лѣтомъ, потому что трещины тогда прикрыты снѣгомъ. Новѣйшіе изслѣдователи гг. Каульбарсъ, Полтарацкій, Шепелевъ, Костенко, Дилькъ, Регель переходили черезъ этотъ хребетъ, но ни одинъ европейскій путешественникъ не слѣдовалъ дорогой, идущей по ту сторону перевала, къ равнинамъ Кашгаріи.

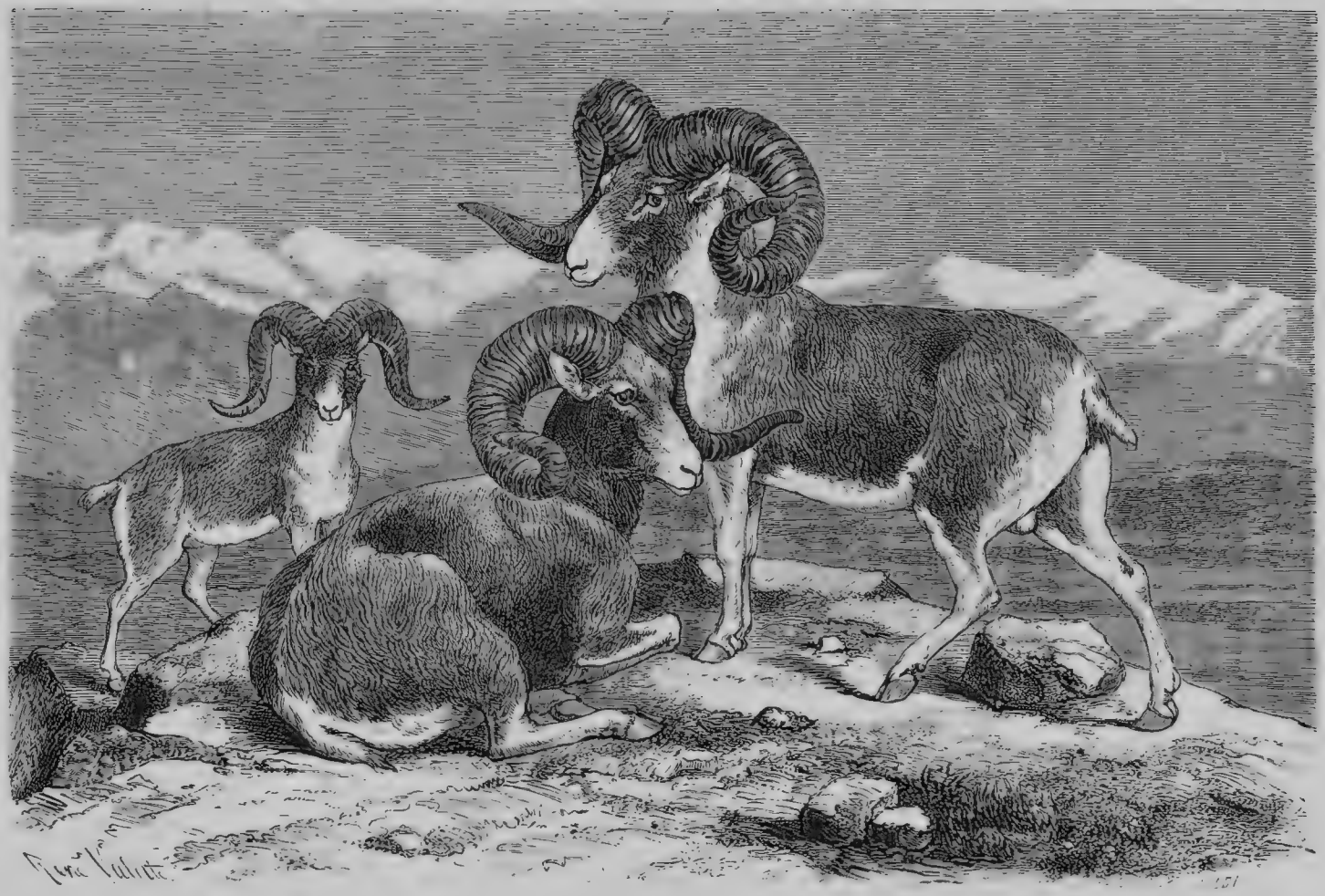
На западѣ отъ Музарта простирается цѣлый міръ ледниковъ и высокихъ горныхъ вершинъ, которыя, такъ сказать, составляютъ кортежъ массивовъ Ханъ-Тенгри, „царя небесъ“. Эта область, которая ожидаетъ

[1]) *Шепелевъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1872 г., № 4; *Регель*, Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 10.

своего Вимпера, еще не была описана: ни одинъ путешественникъ не пытался еще взобраться на этотъ колоссъ. Извѣстно только, что многіе изъ его ледниковъ, между прочимъ, тотъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сары-Джассы, притокъ Тарима, не уступаютъ по длинѣ глетчеру Алечъ, въ Валлисскихъ Альпахъ. Отъ Музартъ-тау до западной оконечности Сары-Джассинъ-тау, на протяженіи слишкомъ 100 километровъ, снѣговой гребень держится на средней высотѣ болѣе 5,000 метровъ; всѣ его вершины превышаютъ по меньшей мѣрѣ на одинъ километръ возвышеніе европейскаго Монъ-Блана, и къ югу отъ этого гребня высится отдѣльно, изолированный въ своемъ величіи, исполинъ Ханъ-Тенгри, называемый также Карагель-басъ.

Далѣе, за хаотической громадой высокихъ вершинъ за плоскогорьемъ, изрѣзаннымъ во всѣхъ направленіяхъ верхними притоками Тарима и Сыра, горы опять принимаютъ свою нормальную орьентировку и продолжаются прямолинейно въ видѣ правильныхъ хребтовъ, по направленію отъ востока къ западу. Раздѣленныя на параллельныя отрасли, онѣ образуютъ огромный массивъ, который имѣетъ не менѣе 350 километр. въ ширину на сѣверѣ отъ Кашгара, и котораго краевыя цѣпи, на сѣверной и на южной его сторонѣ, поднимаются гораздо выше, чѣмъ цѣпи, расположенныя въ серединѣ; какъ-разъ по оси этой системы тянется борозда, въ которой течетъ Нарынъ, главный притокъ Сыръ-Дарьи. Полуденный хребетъ, Кокъ-шаль, удерживаетъ за собой первенство, которое онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ Музартъ-тау и Ханъ-Тенгри; хотя перерѣзанный по всей ширинѣ, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, долинами рѣкъ, спускающихся на юго-востокъ въ Кашгарію, этотъ хребетъ вездѣ сохраняетъ свою высоту, превышающую 4,500 метр., а многія изъ его вершинъ, въ массивѣ Кокъ-кія, поднимаются даже болѣе, чѣмъ на 5,000 метр. Эти горы, крутые склоны которыхъ спускаются къ китайскому Туркестану, тоже принадлежатъ къ числу наименѣе извѣстныхъ областей Азіи. Однако, около западной ихъ оконечности есть легко доступный и очень удобный для прохода перевалъ, Туругъ-артъ (или Турагъ-артъ), хорошо извѣстный купеческимъ караванамъ. Въ этой области Небесныхъ горъ громадный пьедесталъ въ 4,000 метр. высоты, образуемый плоской возвышенностью, поддерживаетъ на себѣ только голые холмы да разсѣянныя цѣпи, между которыми проходятъ ложа высохшихъ рѣкъ. Путешественники разсказываютъ, что имъ приходилось идти въ теченіи цѣлыхъ часовъ по грунту изъ красной глины, не встрѣчая другой растительности, кромѣ одного вида rheum, растущаго тамъ и сямъ миріадами [1]). Съ той и другой стороны скатъ очень отлогій; даже на сѣверѣ, по направленію къ Аксайскому плоскогорью, покатость, по

[1]) *Osten-Sacken*, Sertum tianschanicum.



OVIS KARELINI. АРГАЛИ. OVIS POLI.

словамъ г. Остенъ-Сакена [1]), не превышаетъ 200 метр., между порогомъ и озеромъ Чатыръ-куль. Это озеро, гдѣ, по свидѣтельству киргизовъ, не водится никакой рыбы, есть остатокъ существовавшаго нѣкогда очень длиннаго внутренняго моря, заключеннаго между южной цѣпью и горами, которыя образуетъ на сѣверѣ параллельная гряда Кубергенты, Акъ-баша, Кара-койна. Вода не имѣетъ истеченія, по крайней мѣрѣ поверхностнаго; несмотря на то, она не соленая, даже не солоноватая [2]),—явленіе рѣдкое въ замкнутомъ бассейнѣ, указывающее на то, что, вѣроятно, истокъ озера высохъ въ недавнее время. Къ сѣверу отъ Чатыръ-куля эта цѣпь перерѣзана проходомъ Ташъ-робатъ или „Каменный каравансарай", названнымъ такъ потому, что прежде тамъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ каменный постоялый дворъ для проѣзжихъ купцовъ. Караваны, отправляющіеся изъ Вѣрнаго въ Кашгаръ, всѣ проходятъ черезъ Ташъ-робатъ или Туругъ-артъ, даже зимой, привозя прибрежнымъ жителямъ Тарима котлы и другія желѣзныя издѣлія русской фабрикаціи, и пріобрѣтая въ обмѣнъ грубыя, но прочныя бумажныя матеріи, производимыя кашгарцами. На югѣ отъ перевала Туругъ-артъ, въ самой долинѣ Тоюна или Тояна, по которой слѣдуютъ караваны, путешественникъ Столичка нашелъ, какъ онъ полагаетъ, признаки существованія древнихъ вулкановъ, подобныхъ тѣмъ, которые горѣли нѣкогда въ окрестностяхъ Турфана и Пичана, на берегахъ того-же „Высохшаго моря" [4]). Напротивъ, г. Мушкетовъ, который недавно объѣхалъ эту страну и совершилъ восхожденіе на многія ея крутизны, отрицаетъ вулканическое происхожденіе этихъ горъ; по его словамъ, каменныя породы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, суть авгитовые порфиры и діабазы [5]). Широкіе *сырты* или пустынныя плоскогорья образуютъ на югѣ Тянь-Шаня выступающія террасы, какъ-бы наружныя ступени, на которыя опирается масса Небесныхъ горъ.

Къ западу отъ прохода Туругъ-артъ, полуденная цѣпь опять поднимается на большую высоту, и съ одного перевала, находящагося на сѣверѣ, въ одной параллельной цѣпи, г. Остенъ-Сакенъ насчиталъ не менѣе 63 пиковъ, возвышающихся на гребнѣ. Первоначальное направленіе хребта—съ сѣверо-востока на юго-западъ, но потомъ онъ поворачиваетъ къ западу, затѣмъ къ сѣверо-западу, въ томъ-же направленіи, какъ и крайнія развѣтвленія сѣверныхъ цѣпей. Изгибаясь такимъ образомъ и пересѣкая параллельные хребты центральнаго Тянь-Шаня, массивы поперечной цѣпи: Кара-теке, Суйокъ или Суокъ (то-есть „Холодъ"), Кара-коль, Яссы-тау, Когартъ-тау, Урумбашъ, Чичикли,—необходимо

---

[1]) Voyage dans le Tian-chan, en 1867.
[2]) *Остенъ-Сакенъ*, цитирован. сочиненіе.
[3]) *Gordon*, The Roof of the World.
[4]) *H. Rawlinson*, Meeting of the Geographical Society, 15 іюня, 1874 г.
[5]) Извѣстія Русск. Географ. Общества, XIV, 1878 г.

должны были задерживать воды въ параллельныхъ бороздахъ внутреннихъ цѣпей, послѣдствіемъ чего было образованіе многочисленныхъ озеръ, теперь уже по большей части вытекшихъ, въ ущелье, черезъ которое уходятъ воды Нарына. Съ этой стороны система Небесныхъ горъ совершенно ограничена, такъ какъ равнины Ферганы разстилаются у самаго основанія цѣпи; но у юго-западнаго угла Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ различные массивы направляются къ юго-западу, чтобы продолжать Небесныя горы Алайскимъ хребтомъ: здѣсь громадная сводообразная возвышенность Тянь-Шаня соприкасается съ четыреугольной массой Памира, которая ограничиваетъ на западѣ глубокую впадину или долину, гдѣ текутъ воды Тарима. Еще въ началѣ третичнаго періода, широкій морской проливъ, усѣянный горами, выступавшими изъ воды въ видѣ острововъ, соединялъ Фергану и Кашгарію посредствомъ прохода Когъ-артъ, и, такимъ образомъ, совершенно отдѣлялъ плоскую возвышенность Памира отъ плоскогорья, несущаго на себѣ горы Тянь-Шаня [1]). Черезъ всю систему Небесныхъ горъ тянулась наискось, по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, цѣпь большихъ озеръ, обширныхъ внутреннихъ морей, отъ которыхъ теперь осталось только одно, Иссыкъ-куль; другія озера, какъ Кульджинское, Ферганское, засорились въ верхней своей части и вытекли въ нижней.

На сѣверѣ отъ нагорной долины Нарына, главная цѣпь, одна изъ самыхъ высокихъ цѣпей въ системѣ Небесныхъ горъ, есть та, которая получила имя Терской Ала-тау, или Ала-тау „въ тѣни“, въ отличіе отъ цѣпи Кунгей Ала-тау или Ала-тау „на солнцѣ“ [2]), которая высится по другую сторону „Теплаго озера“, и которой голыя, лишенныя зелени, скалы ярко блестятъ освѣщенныя солнечными лучами: здѣсь мы видимъ тотъ-же контрастъ, какой представляютъ, напримѣръ, склоны Bach и Soulane во французскихъ Пиренеяхъ. Терской Ала-тау, когда на него смотришь съ береговъ Иссыкъ-куля, является болѣе зеленѣющимъ, чѣмъ Кунгей Ала-тау, благодаря влажности его скатовъ: черезъ устья его долинъ виднѣются вдали сосновые лѣса и пастбища, разстилающіяся у основанія его фирновыхъ полей. Поднимаясь на эти горы, приходится взбираться на древнія морены, нагроможденные камни которыхъ обросли мхомъ, опутаны и скрѣплены корнями сосенъ. Угусъ-басъ, главная вершина цѣпи, поднимаетъ свою покрытую льдами главу слишкомъ на 5,000 метр., и стѣны его, напоминающія крутые скаты Веттергорна [3]), господствуютъ еще надъ большинствомъ другихъ вершинъ сіенитоваго гребня. Нарынъ, главный истокъ Сыръ-Дарьи, беретъ начало на полуден-

[1]) *Сѣверцовъ*, Русск. Географ. Общество, засѣданіе 16 мая 1879 г.; — *Russische Revue*, 1879 г., № 9.

[2]) *Сѣверцовъ*, Путешествіе на Тянь-Шань.

[3]) *Семеновъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1867 г.

номъ склонѣ цѣпи Терской Ала-тау, посреди торфяныхъ болотъ прохода Барскаунъ; другіе-же, болѣе южные притоки этой рѣки, выходятъ изъ области ледниковъ Акъ-Ширякъ, къ югу отъ которыхъ текутъ верхнія рѣки кашгарскаго бассейна Акъ-су. Значительная часть области, заключающейся между цѣпью Терской Ала-тау, на сѣверѣ, и хребтомъ Кокъ-шаль, на югѣ, образуетъ широкую равнину (или сыртъ), одѣтую песчаниками, пестрыми мергелями, гипсами и соляными слоями, усѣянную лужами и покрытую травой, да и то рѣдкой и тощей, только на перешейкахъ, отдѣляющихъ впадины болотъ и озеръ: путешественники, проходящіе черезъ эту страшную страну, гдѣ нерѣдко бушуютъ бури и снѣжныя мятели, даже въ іюнѣ и въ іюлѣ, съ трудомъ находятъ между болотами благопріятное для привала мѣсто, гдѣ можно разбить палатки. По разсказамъ киргизовъ, бываетъ, что впродолженіи всего лѣта снѣгъ не растаиваетъ въ углубленіяхъ долины, куда со всѣхъ сторонъ спускаются льды [1]).

Цѣпь Ала-тау-Терской продолжается на западъ подъ разными именами, какъ всѣ параллельныя цѣпи, съ которыми она соединяется боковыми отрогами. Въ этой части Тянь-Шаня озерныя равнины, быть можетъ, еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но самыя озера исчезли и теперь существуетъ только одинъ бассейнъ, еще наполненный водой: это Сонъ-куль, прѣсноводный резервуаръ, величиной съ Женевское озеро, окруженный крутыми хребтами изъ зеленаго порфира и выпускающій изъ себя излишекъ водъ черезъ ручей, который течетъ въ Нарынъ. Между высохшими озерными равнинами одна изъ самыхъ замѣчательныхъ—долина Кашкаръ, откуда выходитъ рѣчка того-же имени, главный истокъ рѣки Чу. Бассейнъ Кашкара сообщается съ сѣверной равниной черезъ горный проходъ Шамси, одинъ изъ самыхъ живописныхъ проходовъ на тянь-шаньскихъ Альпахъ, напоминающій, по словамъ г. Остенъ-Сакена, ущелье „Tête Noire“ въ Валлисѣ, и очень богатый альпійскими растеніями. Флора Небесныхъ горъ заключаетъ въ себѣ пятую или шестую часть исключительно ей свойственныхъ видовъ, которые не были извѣстны въ другихъ мѣстахъ, и, по тождеству различныхъ формъ, приближается къ растительности Тибета и Гималайи [2]). Рододендронъ (альпійская роза), это характеристическое растеніе Альпъ, не встрѣчается нигдѣ въ Небесныхъ горахъ, ни на ихъ вѣтвяхъ и отрогахъ [3]). Во всѣхъ почти цѣпяхъ западнаго Тянь-Шаня, какъ и въ цѣпяхъ восточнаго, сѣверные склоны болѣе пологи, чѣмъ южные; получая изъ атмосферы больше дождевой воды, приносимой влажными вѣтрами, первые, то есть сѣверные, лѣснстѣе противоположныхъ скатовъ и, вообще

[1]) Полковн. *Кнульбарсъ*, Записки Русскаго Географ. Общества, V, 1875 г.

[2]) Sertum tianschanicum,—Royle, Illustration of Himalayan Plants.

[3]) *Сѣверцовъ*, Journal of the Geograph. Society, XL, 1870.

говоря, покрыты прекрасными сосновыми лѣсами [1]). Но какъ на той, такъ и на другой сторонѣ горъ, водопадовъ почти совсѣмъ нѣтъ; г. Остенъ-Сакенъ видѣлъ только одинъ водопадъ, хотя онъ во время своего путешествія, продолжавшагося семь недѣль, прошелъ черезъ шесть изъ параллельныхъ хребтовъ.

На сѣверѣ отъ Кокана, Тянь-Шань, хотя все еще величественно господствующій надъ разстилающимися у его подножія, обширными равнинами, не можетъ уже, однако, сравняться съ колоссальными массивами центральной области Небесныхъ горъ. Здѣсь цѣпь Таласъ-тау, у подошвы которой г. Сѣверцовъ видѣлъ остатки ледниковыхъ моренъ, достигающіе отъ 750 до 900 метр. высоты [2]), отдѣляется отъ горъ Александра, затѣмъ развѣтвляется на нѣсколько грядъ, которыя постепенно понижаются и переходятъ въ степи, на юго-западѣ, на западѣ, на сѣверо-западѣ. Горы Чоткалъ, которыхъ послѣдній выступъ или мысъ огибается теченіемъ Сыръ-Дарьи, ниже Ходжента, по своей флорѣ и фаунѣ принадлежитъ уже почти совершенно къ области степей [3]). Цѣпь Таласъ-тау сохраняетъ еще довольно большую высоту, до мѣстностей, лежащихъ на сѣверо-востокъ отъ Ташкента, такъ что ей часто даютъ имя „Ала-тау“ (Пестрыя горы), какъ и другимъ цѣпямъ, которыхъ скалы, окрашенныя въ разнообразные оттѣнки цвѣтовъ, испещрены чередующимися полосами или пятнами зелени и снѣга. Что же касается цѣпи Кара-тау или „Черной горы“, послѣдняго развѣтвленія Небесныхъ горъ, которое теряется на сѣверо-западѣ въ степяхъ, то онъ поднимается выше 2,000 метр. только нѣкоторыми отдѣльными точками своихъ гребней; но тѣмъ не менѣе она имѣетъ весьма важное значеніе въ географіи Туркестана, какъ водораздѣльный хребетъ между бассейнами рѣкъ Сыръ-Дарьи и Чу [4]); кромѣ того, это самая важная изъ всѣхъ цѣпей системы по богатству заключающихся въ ней мѣсторожденій каменнаго угля, желѣза, мѣди, свинцовой руды, содержащей серебро [5]). Одна изъ вершинъ цѣпей Кара-тау, носящая имя Казыкъ-уртъ или Казбекъ, какъ и колоссъ Кавказскихъ горъ, почитается туземцами какъ священная гора: это одинъ изъ тѣхъ пиковъ, о которыхъ населеніе, живущее у подножія высоко поднимающейся каменной громады, говоритъ какъ о мѣстѣ, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ, когда онъ сталъ на твердую землю, по окончаніи всемірнаго потопа.

Въ цѣломъ, есть очевидный контрастъ между Тянь-Шанемъ восточнымъ и Тянь-Шанемъ западнымъ. Первый гораздо массивнѣе, менѣе

---

[1]) *Остенъ-Сакенъ*, Sertum tianschanicum.

[2]) Извѣстія Русск. Геогр. Общества, 1865 г., № 1.

[3]) *Регель*, Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 10.

[4]) *Хорошкинъ*, Туркестанъ.

[5]) *Полтарацкій*, Записки Русск. Географ. Общества, I, 1867 г.

изрѣзанъ на горы и долины; онъ сохранилъ характеръ плоскогорья, на которомъ поднимаются высокіе параллельные хребты. Второй дѣлится на горныя цѣпи, гораздо болѣе обособленныя, разрѣзанъ на долины болѣе глубокія: это альпійская область Небесныхъ горъ. Очевидно, Тянь-Шань, несмотря на очень древнее происхожденіе своихъ горныхъ породъ, лучше сохранилъ, чѣмъ Альпы, свой первоначальный видъ: онъ былъ менѣе изрытъ и источенъ дождями, снѣгами и ледниками. Въ то время, какъ фирновыя поля и ледяныя рѣки покрывали Альпы Европы и даже, до 200 метровъ высоты, всѣ равнины, разстилающіяся у основанія ихъ боковыхъ отроговъ, ледники Небесныхъ горъ, какъ кажется, спускались не во всѣ нижнія долины, и, благодаря этому обстоятельству, поясъ лѣсной растительности могъ занимать скаты горъ, по крайней мѣрѣ до высоты 750 метровъ надъ уровнемъ морей, которыя омывали ихъ подошву. Слѣдствіемъ этого была значительная разница въ способѣ распространенія видовъ флоры и фауны. Въ то время, какъ область европейскихъ Альпъ была колонизована видами, растительными и животными, свойственными лѣсамъ окружающей равнины, послѣ отступленія льдовъ, поясъ нижняго Тянь-Шаня былъ родиной, откуда виды постепенно распространились, съ одной стороны къ верхнимъ склонамъ, съ другой—къ обсохшимъ степямъ, окружающимъ возвышенности [1]).

Исторія населеній Тянь-Шаня тоже объясняется рельефомъ и географическимъ положеніемъ этихъ горныхъ цѣпей. Степи, бывшія озерныя ложа, которыя окружаютъ Небесныя горы, пригодны для земледѣлія только на незначительной части ихъ протяженія. Пастухи-номады кочуютъ на бо̀льшей части этихъ равнинъ и не позволяютъ земледѣльческимъ народамъ селиться въ верхнихъ долинахъ. Они отправляются туда сами лѣтомъ, гоняя свои стада на горныя пастбища. Почти вся страна естественно должна была принадлежать бродячимъ племенамъ, которыя, слѣдуя традиціонному обычаю, перекочевывали отъ пастбища къ пастбищу, отъ подошвы къ вершинѣ горъ. Такимъ то образомъ кочевники противоположныхъ покатостей вступали между собою, родъ съ родомъ, племя съ племенемъ, въ сношенія сосѣдскія и торговыя; будучи отдѣлены другъ отъ друга, въ зимніе мѣсяцы, огромными пространствами въ нѣсколько сотъ верстъ, они снова сходились лѣтомъ; мало по малу, отъ одного къ другому, распространились на всемъ громадномъ пространствѣ Небесныхъ горъ, отъ Кокана до Тянь-Шань-пелу, одни и тѣ-же нравы и обычаи, одни и тѣ-же понятія, одни и тѣ-же вѣрованія и религіозные обряды. Тогда какъ для земледѣльческихъ населеній противоположныхъ скатовъ Небесныя горы были непроходимымъ препятствіемъ, онѣ, напротивъ, манили пастуховъ-номадовъ, приглашая ихъ собираться на пастбищахъ

---

[1]) *Сѣверцовъ*, Распредѣленіе животныхъ въ Туркестанѣ.

высокихъ вершинъ. Но встрѣчи кочевниковъ не всегда бывали миролюбивы; часто они вступали въ борьбу между собою изъ за обладанія травяными плоскогорьями. Не будучи солидарными въ отношеніи своихъ интересовъ, они дѣлились на враждебныя одна другой группы, и когда какой-нибудь завоеватель являлся у воротъ долинъ, они не устремлялись массами, чтобы отразить общими силами нападеніе чужеземцевъ. Вотъ почему китайцы, монголы, русскіе могли поочередно овладѣвать безъ труда Небесными горами. Привыкшіе безпрестанно мѣнять мѣсто стоянки, живущіе разрозненно, безъ всякой связи между собою, безъ привязанности къ почвѣ, безъ корней, такъ сказать, эти пастушескіе народцы передвигались при малѣйшемъ внѣшнемъ давленіи, быстро уходили на какое-нибудь другое пастбище; не имѣя опредѣленнаго отечества, они не могли, понятно, бороться съ той энергіей отчаянія, какую выказывали многіе осѣдлые горцы-земледѣльцы въ своихъ битвахъ. Чтобы покорить кавказцевъ, потребовалось сто лѣтъ постоянныхъ войнъ, и цѣлыя арміи были истрачены въ этой непрерывной борьбѣ, тогда какъ тутъ простыя сотни казаковъ въ тріумфѣ проѣхали по долинамъ безконечнаго Тянь-Шаня, не встрѣтивъ почти никакого отпора со стороны его жителей и едва обмѣнявшись съ ними нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Какой историческій контрастъ между этими двумя системами горъ—Кавказомъ, вокругъ котораго не переставали тѣсниться и сталкиваться различные народы и Тянь-Шанемъ, котораго всѣ націи, за исключеніемъ кочевыхъ пастушескихъ народцевъ, постоянно избѣгали, дѣлая для этого длинные обходы! Можно сказать, что по исторіи своего населенія, какъ и по своимъ текучимъ водамъ, Небесныя горы принадлежатъ къ замкнутому бассейну.

Различныя высоты Тянь-Шаня, по опредѣленіямъ Потанина, Костенко, Сѣверцова, Голубева, Регеля, Каульбарса, Остенъ-Сакена, Матвѣева, Пржевальскаго, Буяновскаго, Скази суть:

Восточный Тянь-Шань.

Перевалъ Кошети, по Потанину	2,734	метр.
Катунскія горы, по Костенко.	4,800	„
Плато Малый Юлдузъ	2,400	„
„ Большой Юлдузъ.	1,800	„
Проходъ Наратъ (Пржевальскій)	2,987	„

Тянь-Шань, къ сѣверу отъ Кульджи.

Горы Боро-хоро, средняя высота, по Матвѣеву.	1,950	„
Проходъ Ситирти, по Матвѣеву	1,759	„
„ Талки, „ „	1,909	„
„ Алтынъ-Имель, по Скази	1,817	„

Проходъ Каптагай, по Костенко	1,329	метр.
Озеро Сайрамъ, по Матвѣеву	1,800	„
Городъ Кульджа	630	„

Центральный Тянь-Шань.

Проходъ Санташъ, по Регелю	2,027	„
Плоскогорье Джаланашъ, по Сѣверцову	1,200	„
Ханъ-Тенгри	7,200	„
Порогъ Музарта, по Костенко	3,350	„
Гора Николая	5,300	„
Угусъ-басъ (Терскей-Ала-тау)	5,030	„
Проходъ Барскаунъ	3,600	„
Проходъ Заука	3,895	„
Сыртъ верхняго Нарына (Каульбарсъ)	3,500 до 3,600	„
Талгаръ (заилійскій Ала-тау)	4,600	„
Алматы (заилійскій Ала-тау)	4,200	„
О. Иссыкъ-куль (по Семенову)	1,380	„
„ „ (по Голубеву)	1,615	„
Укр. Нарынское (Каульбарсъ)	2,063	„
Вѣрный	930	„

Западный Тянь-Шань.

Туругъ-артъ, проходъ	3,500	„
Кара-бель, „	3,883	„
Суйокъ, „	3,870	„
Когъ-артъ, по Буняковскому	3,206	„
Ташъ-робатъ, „	3,930	„
О. Чатыръ-куль, „	3,370	„
О. Сонъ-куль, „	2,866	„
Прох. Шамси (Буняковскій)	3,608	„
Гамышъ или гора Семенова (хр. Александровскій)	4,683	„
Кара-бура (Таласъ-тау)	3,300	„
Минъ-Джильке (Кара-тау)	2,100	„
Кара-тау	1,650	„
Городъ Коканъ	393	„
„ Ташкентъ	462	„
Верхній предѣлъ деревьевъ (по Остенъ-Сакену и Каульбарсу)	отъ 2,700 до 3,000	„

IV.

ГОРЫ ТАРБАГАТАЙ И БАССЕЙНЪ ОЗЕРА БАЛХАШЪ.

Пространство, шириною около 400 километровъ, отдѣляющее крайніе массивы восточнаго Тянь-Шаня и джунгарскаго Ала-тау отъ горныхъ цѣпей Алтая, представляетъ, правда, широкія бреши между Монголіей и русской Азіей; но рядомъ съ этими горными проходами, игравшими такую важную роль въ исторіи переселенія народовъ и завоеваній, занимающія это пространство плоскогорья и цѣпи горъ образуютъ, своимъ общимъ направленіемъ, родъ перешейка между двумя системами Тянь-Шаня и Алтая. Центральный массивъ этого перешейка, массивъ, который можно сравнить съ уцѣлѣвшимъ быкомъ обрушившагося моста, составляетъ хребетъ Тарбагатай, имя котораго буквально значитъ „гора тарбагановъ“ или сурковъ-байбаковъ (Arctomys bobac). Имѣя весьма незначительные размѣры, въ сравненіи съ двумя громадными выпуклостями земной поверхности, между которыми онъ возвышается, массивъ Тарбагатай есть совокупность горъ, равняющаяся, по своему рельефу, цѣпи Пиренеевъ: длина его, отъ востока къ западу, почти такая-же, какъ длина этой цѣпи, а главныя его вершины не превосходятъ, по возвышенію, пикъ Нету или Монъ-Пердю.

Также, какъ Небесныя горы, Тарбагатай представляетъ въ расположеніи своихъ хребтовъ двѣ различныя оси, изъ которыхъ одна направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, а другая тянется къ сѣверо-западу. Первое направленіе, параллельное полуденному Тянь-Шаню, принадлежитъ горамъ Барлукъ (Барлыкъ) и Уръ-кошаръ (Учъ-кошаръ), которыя составляютъ также самую южную цѣпь Тарбагатая, и которыя поднимаются нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ въ поясъ постоянныхъ снѣговъ. Что касается главной цѣпи Сурковыхъ горъ, именно сѣверной, то гребни и вершины ея идутъ въ томъ-же направленіи, какъ и сѣверный Тянь-Шань. Два хребта пересѣкаются около восточной части системы, и тамъ-то, недалеко отъ мѣста ихъ встрѣчи, надъ равнинами Иртыша, находятся самыя высокія вершины: Сауру (Сауръ) и Музъ-тау или „Гора льдовъ“. Когда созерцаешь эту группу высокихъ горъ съ береговъ Чернаго Иртыша или озера Зайсанъ, пикъ Сауру, проглядывающій сквозь вѣтви тополей, сіяетъ блескомъ бѣлыхъ снѣговъ на голубомъ фонѣ неба и на фіолетовой дымкѣ, которою подернуты нижніе скаты; нѣкоторые ледники спускаются даже ниже пояса лѣсовъ въ овраги горъ Сауру и Музъ-тау. Но этотъ центральный массивъ снѣговыхъ высотъ высится уединенно, и со всѣхъ сторонъ цѣпь быстро понижается, продолжаясь на западъ отрогами хребта Манракъ, на востокъ отрогами хребта Кара-

адыръ; на сѣверѣ легко доступный проходъ, поднимающійся только на половину высоты снѣговыхъ вершинъ, позволяетъ китайскимъ мандаринамъ перебираться, даже въ колесномъ экипажѣ, съ покатости, обращенной къ озеру Балхашъ, на покатость, спускающуюся къ озеру Орхуноръ, въ Монголіи [1]). Горныя породы, изъ которыхъ образованъ хребетъ Манракъ, какъ кажется, вулканическаго происхожденія [2]).

Собственно такъ называемый Тарбагатай отдѣленъ отъ другихъ цѣпей невысокими порогами, которые поднимаются не болѣе какъ на 1,000 метр. надъ уровнемъ моря. Идя вверхъ по теченію рѣкъ или ручьевъ, текущихъ съ водораздѣльной возвышенности, почти не замѣчаешь, что дорога идетъ въ гору: горы виднѣются только вдали; но встрѣчающіяся на пути груды камней, похожія по виду на морены, напоминаютъ о дѣйствіи, произведенномъ нѣкогда движеніемъ ледниковъ. На западѣ отъ этихъ пониженій, Тарбагатай снова повышается мало по малу, не переходя, однако, большимъ числомъ вершинъ за границу вѣчныхъ снѣговъ; на полуденной покатости бѣлое пятно видно круглый годъ только на одной горѣ, на Тасъ-тау, главной вершинѣ Сурковой цѣпи, окруженной степями и принимающей на свои голыя скалы отблескъ бѣловатыхъ пространствъ, тоже лишенныхъ зелени [3]). Только по берегамъ потоковъ почва осѣнена деревьями, но на сѣверномъ скатѣ, болѣе возвышенномъ, очень мало видно древесной растительности. Богатые альпійскіе луга покрываютъ зеленымъ ковромъ верхніе склоны горъ и служатъ мѣстомъ свиданія пастухамъ обѣихъ покатостей.

Хребетъ Тасъ-тау, на который совершено было нѣсколько восхожденій со времени путешествія Шренка въ 1840 г., оканчивается двумя острыми вершинами, изъ которыхъ одна извѣстна была подъ именемъ „Горы знаменъ“ у китайцевъ, имѣвшихъ обыкновеніе каждый годъ водружать на ней новое знамя. Вершины Тасъ-тау состоятъ изи глинистыхъ сланцевъ и доломита. Граниты, сіениты, порфиры тоже составляютъ значительную часть горныхъ породъ Тарбагатая; но кажется, что самыя распространенныя, занимающія наибо́льшее протяженіе, формаціи тамъ — песчаники, известняки и сланцы, принадлежащіе къ каменноугольному періоду. Залежи каменнаго угля были открыты на полуденномъ склонѣ горной цѣпи, близъ китайскаго города Чугучака, и во время посѣщенія края Татариновымъ, въ 1864 году, копи разработывались руками преступниковъ, осужденныхъ на каторгу. Русскіе изслѣдователи нашли также въ оврагахъ большіе куски самородной мѣди и мѣсторожденія желѣзной руды. Въ сѣверной долинѣ Терсъ-Айрыка, спускающейся къ озеру Зайсанъ, около сотни китайскихъ искателей золота занимаются

[1]) *Полк. Сосновскій, Струве, Потанинъ, Мирошниченко.*
[2]) *Финшъ*, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876.
[3]) *Шренкъ; Гумбольдтъ*, Asie centrale.

собираніемъ золотаго песку, смѣшаннаго съ древними рѣчными наносами [1]). Нѣкоторые изъ многочисленныхъ могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ на выступахъ горъ, на перевалахъ, въ равнинахъ, и туземное названіе которыхъ, *обо* или *оба* (могила, груда камней)—встрѣчается во множествѣ географическихъ именъ страны, заключали много золотыхъ вещей, ради которыхъ киргизы и дѣлаютъ раскопки въ этихъ древнихъ могилахъ.

Обыкновенно принимаютъ, что хребетъ Тарбагатай оканчивается у горнаго прохода Кара-коль, или нѣсколько западнѣе, у предгорій, которыя господствуютъ надъ городомъ Сергіополемъ; однако, эта горная система продолжается еще на западъ цѣпью Денгизъ-тау или „Озерная гора", которая тянется на сѣверъ отъ озера Балхашъ и, подъ конецъ, сливается съ водораздѣльной возвышенностью, между арало-каспійской покатостью и бассейномъ Оби. Живописныя Аркатскія скалы, которыя, въ видѣ ряда высотъ, идутъ въ сѣверномъ направленіи къ Семипалатинску, тоже принадлежатъ къ системѣ Тарбагатая. Всѣ эти горы перерѣзаны очень удобными для сообщенія проходами, которые соединяютъ противоположные скаты и позволяютъ путешественникамъ обходить высокую часть цѣпи между равнинами двухъ большихъ озеръ: Ала-куль и Зайсанъ. Однако, всего чаще посѣщаемый проходъ, тотъ, который имѣлъ наиболѣе важное историческое значеніе, открывается именно въ высокой части Тарбагатая, къ востоку отъ хребта Тасъ-тау: это Хабаръ-ассу. Въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій кашгарскіе купцы, отправлявшіеся на ярмарки: троицкую, оренбургскую и ирбитскую, не осмѣливались ѣхать туда прямымъ путемъ по берегамъ Балхаша, изъ опасенія быть ограбленными въ дорогѣ; перейдя различныя цѣпи Тянь-Шаня и джунгарскаго Ала-тау, они слѣдовали почти тому-же направленію, которое принимаетъ теперь линія русско-китайской границы, и переваливали черезъ Тарбагатай по проходу Хабаръ-ассу, чтобы затѣмъ спуститься по сибирской покатости [2]). Съ своей стороны, татары и русскіе торговые люди, ѣхавшіе изъ равнинъ Сибири и восточной Россіи, избрали тотъ-же путь, только въ обратномъ направленіи. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ: въ Тюмени, въ Тобольскѣ, въ Тарѣ, въ Томскѣ, основались факторіи или конторы бухарцевъ, и существующая въ окрестностяхъ Томска колонія мусульманъ (около 300 душъ) напоминаетъ еще объ этихъ торговыхъ сношеніяхъ прежняго времени. Стѣснительныя мѣры русскаго правительства, въ 1745 году, остановили преуспѣяніе этого края, учредивъ пограничныя таможни, установивъ даже смертную казнь для тѣхъ, кто сталъ-бы производить торговлю ревенемъ, затѣмъ воспре-

[1]) *Струве* и *Потанинъ*, Записки Русск. Геогр. Общества, т. I, 1867 г.

[2]) *Schrenk*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, von Baer und Helmersen, Bd. VII.

тивъ безусловнымъ образомъ проѣздъ путешественниковъ [1]). Однако, впослѣдствіи торговыя сношенія возобновились понемногу. На порогѣ перевала, однимъ богатымъ киргизомъ, выстроенъ каравансарай, гдѣ и останавливаются проѣзжающіе, почти все сарты, которые служатъ посредниками торговаго обмѣна между Россіей и Китаемъ. Съ проходовъ Тарбагатая видны на сѣверо-западѣ блестящія водныя скатерти озеръ Сассыкъ-куль и Ала-куль и смутно обрисовывающійся на небѣ неопредѣленный, подернутый фіолетовой дымкой, профиль горъ джунгарскаго Ала-тау.

Различныя высоты Тарбагатая суть:

Средняя высота цѣпи Барлукъ, по Костенко	1,400	метр.
Проходъ Джаирскій, по Костенко	1,812	„
Вершина хребта Мусъ-тау (Сауру)	3,400	„
Самые возвышенные пики хребта Манракъ, по Финшу . .	1,500	„
Проходъ Чаганъ-обо, къ югу отъ Сауру	1,427	„
„ Бургасутай, на востокѣ Тарбагатая	1,090	„
„ Хабаръ-ассу (по срединѣ Тарбагат.) (Мирошниченко)	2,874	„
Тасъ-тау, центральный пикъ Тарбагатая, по Федорову . .	2,958	„
Алетскій проходъ, на западѣ Тарбагатая, по Семенову. .	1,800	„
Порогъ сергіопольской дороги, между Тарбагатаемъ и Денгизъ-тау, по Вальдбургъ-Цейлю	650	„
Средняя высота Тарбагатая, по Шренку и Семенову . .	1,800	„
„ „ границы вѣчныхъ снѣговъ на Тарбагатаѣ, по Шренку	2,760	„
Высота границы снѣговъ на Сауру (Сосновскій)	3,287	„
Средняя высота цѣпи Денгизъ-тау, по Финшу	1,200	„
Вершины Аркатскаго хребта, по Шренку	770	„

Съ обѣихъ сторонъ своего хребта, Памиръ и Тянь-Шань изливаютъ избытокъ своихъ дождевыхъ водъ и тающихъ снѣговъ въ замкнутые бассейны, на востокѣ въ бассейнъ Тарима, на западѣ въ арало-каспійскую котловину. Одинъ только Тарбагатай посылаетъ на востокъ нѣсколько потоковъ въ Иртышъ и составляетъ, такимъ образомъ, по одному изъ своихъ склоновъ, часть океанской покатости; всѣ другія горы Туркестана принадлежатъ къ Средней Азіи, по истеченію своихъ водъ къ внутреннимъ бассейнамъ. Наибольшая жидкая масса, естественно, должна вытекать изъ выпуклой части громаднаго полукруга плоскихъ возвышенностей и горныхъ цѣпей, обращенныхъ въ сторону дождливыхъ западныхъ вѣтровъ. И дѣйствительно, въ равнинахъ Туркестана и Семирѣчья протекаютъ самыя многоводныя рѣки, получающія начало въ снѣжныхъ массахъ водораздѣльнаго хребта; тамъ-же разстилаются широкой водной

[1]) *Потанинъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. I, 1867 г.

площадью самыя большія озера, настолько обширныя, что туземцы даютъ имъ названіе „морей“. Однако, рѣчная и озерная система Памира и Небесныхъ горъ далеко не имѣетъ той важности, какъ подобная-же система восточной части Европейской Россіи, гдѣ невысокіе холмы, болотные пороги, едва примѣтныя волнистыя повышенія почвы, образуютъ границы гидрографическаго бассейна. Эта покатость Россіи, по протяженію, уступаетъ равнинамъ Туркестана; но она имѣетъ Волгу и изливаетъ эту могучую рѣку въ такое море, какъ Каспійское, тогда какъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья такъ небогаты водой, что не могутъ перейти за Аралъ, куда онѣ впадаютъ, а третья большая рѣка, Или, теряется въ озерѣ Балхашъ.

Впрочемъ, геологическое изслѣдованіе страны указываетъ съ полной очевидностью на тотъ фактъ, что вытекающія съ горъ рѣки орошали ее нѣкогда гораздо бо́льшимъ количествомъ воды. Такъ, не говоря уже о моряхъ третичнаго періода, простиравшихся на сѣверѣ Азіи, достовѣрно извѣстно, что, даже въ относительно недавнюю эпоху, Балхашъ, развертывающій нынѣ свой бассейнъ, въ видѣ обширной дуги, на сѣверѣ отъ центральнаго Тянь-Шаня, продолжался на 400 километр. къ востоку и къ юго-востоку, вплоть до порога плоской возвышенности, одну впадину которой наполняетъ озеро Эби-норъ, а къ западу онъ простирался на четверную ширину. Хребетъ Ала-тау джунгарскій, выдвигался тогда, въ видѣ мыса, среди сплошнаго внутренняго моря, теперь раздѣленнаго на особенныя водныя площади, озера и болота. Въ настоящее время глинистыя низины, солончаковыя пространства, сыпучіе пески указываютъ мѣстности, которыя нѣкогда были покрыты водами. Еще въ историческія времена Балхашъ былъ соединенъ въ одинъ бассейнъ съ Сассыкъ-кулемъ или „Вонючимъ озеромъ“, съ Ала-кулемъ или „Пестрымъ озеромъ“ и съ Джаланашъ-кулемъ, составляющими его продолженіе на востокѣ. Даже въ семнадцатомъ столѣтіи Балхашъ, говорятъ, наполнялъ всю впадину, отдѣляющую его нынѣ отъ Аральскаго моря, если только авторъ описанія Сибири („Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“) не ошибся, говоря, что это озеро, котораго онъ подробно и точно перечисляетъ всѣ притоки, выпускало изъ себя двѣ рѣки въ Аралъ: Сыръ-Дарья и Амунъ-Дарья (Яманъ-Дарья, Сары-ту)[1]); но этотъ фактъ въ высшей степени невѣроятенъ, ибо нѣкоторые виды балхашской фауны свидѣтельствуютъ объ изолированности этого озернаго бассейна, продолжающейся уже въ теченіи длиннаго геологическаго періода[2]). На китайской картѣ, составленной въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, по повелѣнію императора Кіенъ-лонга, два юго-восточные бассейна составляли въ то время одинъ.

[1]) *Бабковъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. I, 1867 г.

[2]) *Проф. Кеслеръ*, Труды петербургскаго общества естествоиспытателей.

Пестрое озеро отдѣлено теперь отъ Вонючаго озера перешейкомъ въ 100 километр. ширины, который иногда затопляется послѣ быстраго таянія зимнихъ снѣговъ [1]). Островной холмъ Аралъ-Тюбе, поднимающійся на 190 метровъ среди озера Ала-куль, не имѣетъ ничего вулканическаго, хотя Гумбольдтъ говоритъ о немъ, какъ объ огнедышущей горѣ, разверзающей свой кратеръ надъ поверхностью водъ [2]). Всѣ предполагаемые вулканы Семирѣченской и Кульджинской страны суть ни что иное, какъ горящія залежи каменнаго угля [3])

Еще и въ наши дни Балхашъ очень обширенъ. Китайцы знаютъ его подъ именемъ Си-хай или „Западнаго моря“; названіе, которое, впрочемъ, примѣняется у нихъ также къ Аралу и къ Каспійскому морю. Киргизы окрестныхъ мѣстностей видятъ въ немъ Денгизъ или просто „Море“, какъ будто и не существуетъ другаго моря на свѣтѣ; но они называютъ его также Акъ-денгизъ или Ала-денгизъ, то-есть „Бѣлое море“ или „Пестрое море“, можетъ быть, по причинѣ острововъ, которые пестрятъ и оживляютъ его поверхность [4]). Третій изъ замкнутыхъ бассейновъ Азіи, по своимъ размѣрамъ, Балхашъ протянулся на пространствѣ, средняя величина котораго исчисляется въ 21,800 квадр. километровъ; но эта цифра только приблизительная, ибо какъ измѣрить точнымъ образомъ площадь озера безъ рѣзко обозначенныхъ очертаній, безъ твердыхъ береговъ, озера, котораго вся полуденная часть окаймлена низменными берегами, выступающими изъ подъ воды, когда вѣтеръ дуетъ съ юга, и снова погружающимися въ воду, когда вѣтеръ повернетъ на сѣверъ? Болота продолжаютъ озеро, отмели образуютъ продолженіе твердой земли; цѣлые лѣса камышей, которые достигаютъ 4 и 5 метровъ вышины, и въ которыхъ гнѣздятся птицы міріадами и укрываются дикіе кабаны, скрываютъ промежуточный поясъ между землей и водой. Зимой, когда киргизскіе пастухи спустятся съ хребта Ала-тау и его предгорій, они въ этихъ-же камышахъ ищутъ со своими стадами убѣжища и защиты отъ страшнаго сѣвернаго вѣтра [5]). Напротивъ, сѣверный берегъ, образуемый крутыми скатами плоскогорья, которое поднимается въ видѣ двойной террасы надъ поверхностью водной площади, имѣетъ совершенно опредѣленное очертаніе; даже кое-гдѣ утесы его образуютъ выступы горъ, которые выдвинулись далеко въ озеро въ видѣ мысовъ. Вдоль этого возвышеннаго берега воды глубоки, и изсѣченія его могли-бы служить гаванями, еслибы когда-нибудь установилось серьезное судоходство на Балхашѣ. Но этотъ бассейнъ по своему мелководью слишкомъ походитъ

[1]) *Венюковъ*, Рукописныя замѣтки.
[2]) Annales des Voyages, déc. 1830; *К. Риттеръ*, Землевѣдѣніе Азіи.
[3]) *Мушкетовъ*, Записки минералогическаго общества, II, 1877 г.
[4]) *Голубевъ*; *Костенко*, Туркестанскій край.
[5]) *Spörer*, Mittheilungen von Petermann, 1868.

на обширное болото, чтобы онъ могъ когда-либо служить для цѣлей большаго торговаго движенія. Если даже берега его заселятся современемъ, Балхашу все-таки, кажется, не суждено носить на своихъ водахъ другихъ судовъ, кромѣ рыболовныхъ барокъ,— ибо озеро очень богато рыбой,—да перевозочныхъ лодокъ между двумя противоположными берегами, отстоящими одинъ отъ другаго всего только на нѣсколько километровъ, въ самыхъ узкихъ частяхъ бассейна. Глубина нигдѣ, кажется, не превышаетъ 21 метра, а средняя величина, выведенная изъ произведенныхъ доселѣ промѣровъ, ниже даже 10 метровъ [1]). Принимая какъ точную эту приблизительную среднюю глубину, находимъ, что вмѣстимость Балхаша составляетъ около 218 милліардовъ кубич. метровъ, то-есть въ два съ половиною раза превосходитъ объемъ Женевскаго озера, которое, однако, въ 36 разъ менѣе обширно по размѣрамъ поверхности. Незначительная толщина слоя воды въ Балхашѣ не позволяетъ этому резервуару противостоять дѣйствію мороза: съ конца ноября и до начала апрѣля озеро бываетъ покрыто ледяной плитой.

Вода въ Балхашѣ прозрачная, но соленая въ наибо́льшей части бассейна; при устьяхъ рѣки Или она почти прѣсная, тогда какъ около южной оконечности она до такой степени насыщена солью, что животныя, пьющія этотъ разсолъ, умираютъ,— откуда и произошло прозвище Итъ-ичмезъ („собака не пьетъ ее“), данное киргизами этой части озера. Изъ этого видно, что явленіе обсыханія страны достигло уже болѣе сильной степени въ этомъ бассейнѣ, чѣмъ въ бассейнѣ Арала. Интересно было-бы сдѣлать сравнительные анализы воды разъединенныхъ нынѣ озеръ, которыя составляли часть древняго внутренняго моря, для того, чтобы констатировать такимъ образомъ различныя перемѣны, происшедшія въ содержаніи жидкости со времени раздѣленія этихъ бассейновъ: вода съ ея осадками, приносимая рѣками, и количество дождей постоянно измѣняютъ относительную пропорцію солей, измѣняютъ тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ озерный резервуаръ менѣе значителенъ. Въ настоящее время, какъ видно изъ разсказовъ путешественниковъ, Ала-куль—самое соленое изъ этой группы озеръ; Сассыкъ-куль, съ „вонючей водой“, чуть солоноватъ. Измѣняясь въ степени солености, различныя озера равнины должны были измѣняться также въ высотѣ положенія, съ тѣхъ поръ, какъ они не соединены болѣе въ одну впадину. Перешейки, раздѣляющіе нынѣ эти бассейны, могли появиться либо путемъ образованія дюнъ, либо вслѣдствіе внутренняго давленія земли, и въ каждомъ озерѣ уровень не перестаетъ колебаться, смотря по обилію снѣговъ и дождей и интенсивности испаренія. Принимаютъ, какъ вѣроятный фактъ, но не будучи въ состояніи опереться на строгія измѣренія, что Балхашъ лежитъ не-

[1]) *Нифантьевъ; Костенко*, Туркестанскій край.

много выше, чѣмъ другія озера: его высоту опредѣляютъ въ 238 метр., тогда какъ Сассыкъ-куль лежитъ будто-бы на 8 метровъ ниже. Озеру Ала-куль приписываютъ промежуточный уровень [1]). Находящееся въ предѣлахъ Монголіи озеро Эби-норъ, отдѣленное отъ Ала-куль обсохшей Чулакской равниной, имѣетъ, по однимъ, всего только 213 метр. высоты (по Матвѣеву, 256 метр.); напротивъ, по другимъ географамъ, это самый высокій изъ всѣхъ озерныхъ бассейновъ сѣвера.

Контрастъ двухъ береговъ Балхаша происходитъ главныхъ образомъ отъ различія, существующаго между двумя покатостями въ отношеніи обилія текучихъ водъ. На всей огромной дугѣ сѣвернаго берега, которая развертывается на протяженіи около 700 километр., не считая тысячи небольшихъ изсѣченій прибрежья, Балхашъ не получаетъ ни одного постояннаго притока: Токранъ, который обыкновенно доходитъ до озера, совершенно изсякаетъ послѣ большихъ засухъ. То-же самое нужно сказать о временныхъ притокахъ южнаго берега, берущихъ начало въ степи и пересыхающихъ лѣтомъ, подобно африканскимъ „уади“; но съ этой стороны высокія снѣговыя горы, Ала-тау Джунгарскій, центральныя цѣпи Тянь-Шаня въ собственномъ смыслѣ, Ала-тау Заилійскій, тоже изливаютъ избытокъ своихъ водъ въ равнину, и этотъ избытокъ достаточенъ для того, чтобы большинство рѣкъ края могли достигать озера и приносить ему свои осадки: обширный полукругъ низменныхъ земель, который образовали рѣчные наносы въ древнемъ, на-половину засыпанномъ морѣ, даетъ мѣрило могущественнаго дѣйствія этихъ водъ Тянь-Шаня, проявляющагося въ измѣненіи геологическаго вида страны; можно съ увѣренностью предсказать, что въ близкомъ будущемъ приносимые рѣками илъ и песокъ разобьютъ Балхашъ на отдѣльные бассейны, подобные озерной группѣ Ала-куля.

Главный притокъ Балхаша, Или, — большая рѣка, по крайней мѣрѣ по длинѣ его теченія, ибо онъ имѣетъ не менѣе 1,500 километр. протяженія. Образуясь изъ соединенія Текеса и Кунгеса, онъ получаетъ черезъ первую изъ этихъ рѣкъ ледниковыя воды, текущія съ горнаго прохода Мусъ-артъ, тогда какъ вторая рѣка, Кунгесъ, сливается съ потоками, бѣгущими съ хребта Наратъ и съ другихъ цѣпей восточной части Небесныхъ горъ. Въ Кульджинской равнинѣ Или, еще имѣющій видъ стремительнаго горнаго потока, катитъ быстрыя воды въ руслѣ шириною отъ 200 до 400 метр. и глубиною отъ 1 до 6 метр., надъ которымъ постоянно господствуетъ съ сѣверной стороны высокій берегъ, образуемый боковыми отрогами цѣпи Алтынъ-Имель. Рѣка судоходна для небольшихъ судовъ болѣе, чѣмъ на половинѣ своего теченія; у Илійска, гдѣ она мѣняетъ направленіе, чтобы течь на сѣверо-западъ, параллельно

[1]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань; *Карта Регеля*, Mittheilungen von Petermann, 1879.

внѣшнимъ передовымъ цѣпямъ Тянь-Шаня, теченіе, болѣе тихое, носитъ, въ періодъ разливовъ, барки, приходящія изъ озера, откуда онѣ проникаютъ въ рѣку черезъ порогъ бара. Ущелье, прорытое въ массѣ порфира, образуетъ границу между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Или; фигуры Будды и тибетскія надписи, изсѣченныя въ скалѣ, какъ-бы указываютъ, что здѣсь останавливалось нѣкогда дунганское царство. Ниже этой тѣснины рѣка, уже теряющая много воды испареніемъ, вступаетъ въ область дельты, очень обширную въ сезонъ разливовъ. Въ это время многочисленныя развѣтвленія Или обнимаютъ треугольное пространство слишкомъ въ 13,000 квадр. километр.; но обыкновенно южное ложе дельты есть единственный рукавъ, который наполненъ водой, и которымъ рѣка изливается въ озеро, и только въ сосѣдствѣ устья Или выдѣляетъ изъ себя нѣсколько боковыхъ потоковъ или ложныхъ рѣкъ, которые, не достигая Балхаша, теряются въ болотахъ.

Изъ другихъ притоковъ Балхаша ни одинъ не катитъ достаточно большаго количества воды, чтобы быть судоходнымъ въ теченіи значительной части года, а многіе между ними даже бываютъ отдѣлены отъ озера впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ песчаными стрѣлками. Кара-талъ, питаемый снѣгами обоихъ скатовъ джунгарскаго Ала-тау у западной его оконечности, есть одна изъ „семи рѣкъ“, которыя заставили дать области, заключенной между джунгарскимъ Ала-тау и Балхашемъ имя Семирѣченскаго края; но можно-бы было съ такимъ-же правомъ дать странѣ наименованіе трехрѣченскаго, десятирѣченскаго или двадцатирѣченскаго края, смотря по тому, сколько будемъ насчитывать въ ней значительныхъ потоковъ. Эти семь рѣкъ по преимуществу, то есть тѣ, отъ которыхъ область получила свое названіе, суть: Кара-талъ и его притокъ Кокъ-су, Бійенъ, Акъ-су и Сарканъ, Басканъ и Лепса [1]). Иногда, хотя совершенно ошибочно, къ „семи рѣкамъ“ причисляютъ Или, тогда какъ одинъ изъ сейчасъ названныхъ потоковъ хребта Ала-тау исключаютъ изъ ихъ числа; но эта разница номенклатуры происходитъ оттого, что административная провинція, Семирѣченская область, гораздо болѣе обширная, чѣмъ край того-же имени, обнимаетъ также теченіе Или. Кара-талъ, самая длинная, но не самая обильная изъ семи рѣкъ, кажется, имѣлъ прежде весьма важное значеніе для канализаціи орошаемой имъ мѣстности: ирригаціонныя канавки виднѣются повсюду въ прибрежныхъ равнинахъ и остатки буддійскихъ строеній до сихъ поръ встрѣчаются тамъ и сямъ на берегахъ рѣки. Лепса—самая многоводная изъ рѣкъ, вытекающихъ съ хребта Ала-тау, и болота ея устья сливаются съ болотами другой рѣки, Акъ-су, въ одну обширную дельту съ измѣнчивыми ложами.

---

[1]) *Schrenk*, Reisebericht in Baer und Helmersen's Beiträge, Bd. VII;—*Семеновъ*, Географ. Словарь Россійской Имперіи;—Spörer, *Mittheilungen von Petermann*, 1868 г.

ПЕРЕХОДЪ ЧРЕЗЪ РѢКУ КИРГИЗОВЪ.

Эти лепсинскія болота составляютъ послѣднее, наиболѣе удаленное на сѣверъ, мѣсто убѣжища тигровъ; кошки этой породы, которыхъ иногда встрѣчаютъ далѣе на сѣверѣ, суть заблудившіяся животныя [1]). Рѣка Ая-гузъ, впадающая въ Балхашъ у западной оконечности озера, тоже иногда причисляется къ „семи рѣкамъ“; она вытекаетъ изъ передовыхъ отроговъ Тарбагатая, и пески ея содержатъ, впрочемъ въ очень незначительномъ количествѣ, блестки золота. На берегахъ этой рѣки, теперь почти пустынныхъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ развалины городовъ, принадлежащихъ къ древней буддійской цивилизаціи.

Озера Сассыкъ-куль и Ала-куль принимаютъ въ себя, какъ и Балхашъ, горные потоки, спускающіеся съ хребта Ала-тау; но самый большой притокъ этого двойнаго озернаго бассейна, Чурту, Эмиль или Имель, приходитъ съ востока и собираетъ свои первыя воды въ оврагахъ Тарбагатая. Перемѣнные объемы воды, приносимые этими потоками, оказываютъ непосредственное дѣйствіе на очертанія и уровень Ала-куля. Хотя эта область частію обсохла, какъ и все остальное пространство покатости замкнутыхъ бассейновъ Азіи, однако по временамъ здѣсь замѣчаются обратныя явленія. Живущіе на Ала-кулѣ киргизы разсказываютъ, что уровень этого озера, послѣ того какъ онъ постоянно понижался во времена ихъ дѣдовъ и отцовъ, сталъ вдругъ повышаться и не переставалъ подниматься съ 1850 до 1862 года, затопляя острова и плоскіе берега. Прибыль водъ прорвала, наконецъ, песчаныя стрѣлки, которыя тянулись поперегъ озера отъ одного берега до другого, и за которыя монголы дали Ала-кулю прозвище Гурге-Норъ или „озера съ мостомъ“. Быть можетъ, новый періодъ обсыханія снова выдвинулъ на поверхность эти песчаныя косы, и киргизы могутъ опять начать переходить черезъ озеро по его естественному мосту.

Мѣстности, прежде затопленныя, которыя недавно покинуты отступившими водами, суть именно самыя безплодныя, по причинѣ песковъ и твердыхъ глинъ, составляющихъ наибольшую часть почвы, гдѣ, кромѣ того, находятся еще соляныя частицы. Гдѣ прежде было озеро, тамъ теперь безжизненная пустыня; никакой растительности не встрѣтишь на берегахъ бывшаго озернаго бассейна. Такъ, напримѣръ, на южной сторонѣ Балхаша легко узнать старые высокіе берега, о которые нѣкогда ударялись волны озера. Далѣе на западъ можно прослѣдить контуры высохшаго внутренняго моря, которое протяженіемъ было не меньше Балхаша, и отъ котораго теперь остались только лужи, маленькіе пруды, да болотистыя и солончаковыя пространства земли. Это древнее море простиралось на сѣверѣ западнаго Тянь-Шаня, отъ цѣпи Александровской до внѣшнихъ предгорій хребта Кара-тау; теперь его замѣнили пески и

[1]) *Семеновъ*, цитированное сочиненіе.

глины степи, называемой Муюнъ-кумъ или Акъ-кумъ: на востокѣ и на сѣверѣ прежній берегъ довольно ясно обозначенъ теченіемъ рѣки Карагаты, спускающейся съ Александровскихъ горъ, и теченіемъ Чу, главной рѣки бассейна, питаемой тающими снѣгами хребта Терскей-Ала-тау.

V.

ПОКАТОСТЬ АРАЛЬСКАГО И КАСПІЙСКАГО МОРЕЙ.

Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, Аралъ и Закаспійскій отдѣлъ.

Эти озера, эти болота, эти пересыхающіе лѣтомъ ручьи, эти частныя пустыни, избѣгаемыя кочевниками, начинаютъ собою, у основанія лѣсистыхъ скатовъ Небесныхъ горъ, обширную область низменныхъ степей, которая протянулась черезъ весь Туркестанъ, и, перейдя за рѣку Уралъ, продолжается во внутренности Европейской Россіи. Почти вездѣ степь представляется какъ открытое голое пространство, гдѣ взоръ свободно скользитъ по ровной почвѣ до кривизны земли подъ горизонтомъ. Однако, большинство степей только кажутся горизонтальными, въ дѣйствительности-же поверхность ихъ развертывается въ видѣ длинныхъ волнъ, столь-же правильныхъ, какъ волны тропическаго моря, вздымаемыя равномѣрнымъ дуновеніемъ пассатныхъ вѣтровъ; но общее однообразіе оттѣнковъ мѣшаетъ глазу различать гребни и промежуточныя борозды волнистой равнины, и путешественникъ, въ первый. разъ попавшій въ степь, бываетъ не мало удивленъ при видѣ лошадей, всадниковъ, цѣлыхъ каравановъ, вдругъ исчезающихъ въ этихъ складкахъ почвы, словно они провалились сквозь землю. Отсутствіе предметовъ сравненія, деревьевъ или зданій, не позволяетъ зрителю отдать себѣ отчетъ объ истинномъ размѣрѣ возвышеній и углубленій рельефа: какой-нибудь незначительный холмикъ въ 20 или 30 саженъ вышины, о который нѣкогда ударялись волны моря, высится надъ равниной, какъ величественная гора; какой нибудь обглоданный водами крутой, обрывистый берегъ, со стѣнъ котораго осыпается песокъ въ сосѣднюю лужу, принимаетъ видъ грандіозныхъ береговыхъ утесовъ океана. Утромъ рефракція свѣтовыхъ лучей способствуетъ увеличенію размѣровъ всѣхъ предметовъ: орелъ, стоящій на землѣ, кажется верблюдомъ; пучекъ травы принимаетъ видъ дерева. Когда солнце поднимается высоко, воздухъ, сильно нагрѣваемый лучами пылающаго неба, почти всегда безоблачнаго, непрестанно дрожитъ и переливается, какъ паръ раскаленной печи: все принимаетъ волнистую и измѣнчивую форму. Когда небо покроется облаками, поднимается вѣтеръ,

приносящій цѣлыя тучи горячаго песку, подъ которыми все сливается въ красноватый туманъ [1]).

Совершенно однообразную картину представляютъ эти равнины зимой, когда все пространство покрыто снѣгомъ, который по временамъ поднимаютъ и кружатъ вихремъ жестокіе бураны, бушующіе на широкомъ просторѣ степи. Разнообразіе различныхъ степей начинаетъ обнаруживаться въ первые дни весны, тотчасъ послѣ того, какъ выступившія изъ береговъ рѣки и лужи опять вернутся въ свое обычное ложе, и когда киргизы выжгутъ сухой хворостъ и старую траву на пастбищахъ. Молодыя растенія всходятъ и развиваются въ нѣсколько дней; угрюмая нагота равнинъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, смѣняется зеленью и цвѣтами. Въ эту пору года степь является въ своихъ самыхъ разнообразныхъ видахъ, по причинѣ различія грунтовъ, песковъ, глинъ, камней, болотъ прѣсноводныхъ или соляныхъ: каждый родъ почвы обнаруживается своей особенной флорой и фауной; нигдѣ растенія и сопровождающія ихъ животныя не зависятъ болѣе близкимъ образомъ отъ физическихъ условій обитаемой ими почвы и мѣстности.

Но это богатство и блескъ весенняго разцвѣта степной природы продолжаются недолго. Чрезвычайно неравномѣрный климатъ страны, знойный въ сезонъ жаровъ, леденящій въ періодъ холодовъ, позволяетъ успѣшно прозябать лишь небольшому числу растеній, выдерживающихъ крайности температуры. Лѣтній зной сжигаетъ молодые ростки, цвѣты гибнутъ подъ палящими лучами солнца; во многихъ мѣстахъ степь, сѣрая, пыльная, опять принимаетъ тотъ-же монотонный видъ, какой она имѣла впродолженіе зимы; только осенью, въ теченіе нѣсколькихъ дней, дожди немного оживляютъ растительность: кажется, что наступаетъ вторая весна; но вскорѣ растенія снова увядаютъ, и печальный покровъ зимы разстилается надъ пустынями. Недостатокъ текучихъ водъ на землѣ, рѣдкость водяныхъ паровъ въ воздухѣ, способствуютъ увеличенію однообразія вида, придаваемаго странѣ обширнымъ протяженіемъ ея равнинъ, сравнительно съ малымъ возвышеніемъ выпуклостей рельефа почвы. Даже въ какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстахъ отъ большихъ рѣкъ, тамъ, гдѣ туземцы еще не выкопали ирригаціонныхъ каналовъ, оплодотворяющихъ землю, находишься уже какъ-будто среди настоящей пустыни, и въ какую сторону ни посмотришь, вездѣ увидишь продолжающіеся до самаго горизонта либо сыпучіе пески, либо цѣлые лѣса тростника, либо *соры*, болота, наполненныя соленой водой, или *такиры*, глинистыя пространства, въ которыхъ верблюды вязнутъ зимой, и которыя лѣтомъ дѣлаются твердыми, какъ камень. Оттого киргизу, который выберетъ себѣ уголокъ земли въ степи, нужно много трудовъ и заботъ, чтобы совершенно

[1]) *Левшинъ*, *Нешель*, *Гельмерсенъ*, *Вамбери*, *Каразинъ* и т. д.

пропитать его водой. При помощи маленькихъ земляныхъ насыпей онъ дѣлитъ свое поле на небольшія квадратныя площадки, въ родѣ перегородокъ, устраиваемыхъ въ салинахъ, и, черпая воду изъ боковаго арыка, наполняетъ послѣдовательно каждый изъ квадратовъ; когда почва достаточно напитана влагой, излишекъ воды выпускается, смотря по скату мѣстности, черезъ отверстія, сдѣланныя въ насыпяхъ, раздѣляющихъ перегородки поля. По способамъ земледѣлія, Туркестанъ походитъ на Египетъ [1]).

Пустыни въ собственномъ смыслѣ протянулись на пространствѣ, которое можно считать равнымъ половинѣ равнины Туркестана, заключенной между порогомъ Оби и Иранскимъ плоскогорьемъ. Въ сѣверной части этого пояса, область, ограниченная нижними теченіями рѣкъ Чу и Сары-су, извѣстна у туземцевъ подъ именемъ Бекъ-пакъ-дала или Бедъ-пакъ-дала, то-есть „Вшивой степи“ [2]), русскіе же обыкновенно называютъ ее „Голодной степью“. На югъ отъ р. Чу тянутся „Бѣлые пески“ (Акъ-кумъ); „Красные пески“ (Кизыль-кумъ) занимаютъ большую часть страны, ограниченной съ сѣвера Сыръ-Дарьей, съ юга Аму-Дарьей. Между Сыромъ и Ураломъ путешественники должны проѣзжать черезъ „Черные пески“ (Кара-кумъ). Другая область „Черныхъ песковъ“, еще гораздо болѣе обширная, обнимаетъ почти все треугольное пространство, ограниченное на сѣверо-западѣ долиной Узбоя, на сѣверо-востокѣ теченіемъ Аму-Дарьи, на югѣ оазисами, простирающимися у основанія Иранскаго плоскогорья. Многія другія песчаныя пустыни, менѣе значительныя, разсѣяны въ остальной части Туркестана.

Между этими песчаными пространствами, которыя, впрочемъ, всѣ одинаково имѣютъ сѣроватый цвѣтъ, даже тѣ, которыя носятъ названіе „Черныхъ“ или „Красныхъ“ песковъ, мало найдется такихъ, которыя бы больше пугали киргизъ, чѣмъ Голодная степь, гдѣ мѣстами возвышаются *барханы* или песчаные бугры, на ложѣ изъ известковыхъ породъ или изъ мергельной глины; дорога изъ Ташкента въ Акмолинскъ пересѣкаетъ эту степь, но недостатокъ воды и пастбищъ заставляетъ караваны дѣлать длинные круги. Лѣтомъ, въ то время, какъ въ тѣни палатки термометръ поднимается до 36 градусовъ, температура песку, накаляемаго непосредственно солнечными лучами, достигаетъ 47 и 48 градусовъ; путники, проходящіе черезъ Голодную степь, даже послѣ того, какъ дневная жара спадетъ, испытываютъ на подошвахъ ощущеніе обжога, а сопровождающія ихъ собаки не могутъ прилечь отдохнуть иначе, какъ выкапывая глубокія ямы въ почвѣ, чтобы найти тамъ болѣе прохладный слой. Нѣкоторыя изъ южныхъ пустынь еще болѣе страшны въ жаркую лѣтнюю пору:

---

[1]) *Grisebach*, Végétation du globe, trad. Tchihatchev.

[2]) *Красовскій*, Область Сибирскихъ киргизовъ.

во время экспедиціи противъ туркменъ-теке сотни людей погибли отъ нестерпимаго зноя, усиливаемаго отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ песчаной поверхности, а на верблюдахъ смертность была еще сильнѣе. „Черные пески“ (Кара-кумъ) на сѣверѣ отъ Аральскаго моря болѣе доступны, благодаря прорѣзывающимъ ихъ параллельнымъ пониженіямъ почвы или оврагамъ, направляющимся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между грядами песчаныхъ бугровъ, высотою отъ 8 до 10 метровъ, которые какъ бы составляютъ продолженіе каменистаго хребта Кара-тау. Эти углубленія почвы или промежуточныя борозды представляютъ длинныя узкія долины, похожія на леды (lèdes) французскихъ дюнъ, и одѣтыя, какъ и онѣ, мягкой муравой, на которой пасутся стада, да кое-какими деревцами, каковы: ива песковъ и дикая маслина или джида; эти долины въ прежнія времена были воздѣланы, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣды ирригаціонныхъ каналовъ (арыковъ) [1]). Что касается самихъ бархановъ, которые почти всѣ тверды, то флора ихъ состоитъ изъ растеній съ очень глубокими корнями, которые ищутъ влажность, скрытую подъ сухими слоями верхняго песку. У основанія этихъ горокъ тамъ и сямъ бьютъ изъ земли ключи чистой воды, производимые просачиваніемъ дождя и снѣга [2]); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаешь цѣлыя группы въ двадцать или тридцать фонтановъ, блистающихъ серебристой струей между песками. Въ разныхъ частяхъ степи открыли слои льда, прикрытые пылью, нанесенной вѣтромъ, и сохранявшіеся годами, не смотря на лѣтнія жары [3]).

Многія глинистыя степи, съ почвой пропитанной солями, выступающими въ видѣ налета на поверхность, не менѣе пустынны, чѣмъ пески, и путешественники гораздо больше боятся переходовъ черезъ эти солончаковыя пространства, потому что тутъ находятся самыя опасныя топи, гдѣ, послѣ малѣйшаго дождя, верблюды вязнутъ въ полужидкомъ соленомъ илѣ, а также потому, что вода здѣсь очень рѣдка и караванъ всего чаще подвергается опасности страдать отъ жажды. Мѣстами привала на дорогахъ обыкновенно служатъ колодцы; но сколько разъ, добравшись до желанной воды, томимые жаждой путники узнаютъ съ отчаяніемъ, что колодезь заваленъ трупами животныхъ, превратившими жизненную влагу въ ядъ! Нужно очистить колодезь, вычерпать изъ него всю воду и ждать цѣлые часы, пока ключъ снова наполнитъ яму, или даже копать новые резервуары. Обыкновенно поиски воды продолжаютъ до 4 метровъ отъ поверхности почвы, но бываютъ также раскопки, достигающія 40 метр. глубины [4]).

---

[1]) *Нешель*; *Гельмерсенъ*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. XVIII. *J. Barrande*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, 1879, № 4.

[2]) *Мейеръ*, цитиров. сочиненіе; *Нешель*, цитиров. сочиненіе.

[3]) *Борщовъ*; *Grisebach*, Végétation du Globe. trad. Tchihatchev.

[4]) *Хорошкинъ*, *Вамбери* и т. д.

Скудная природная растительность, которую представляетъ аралокаспійская область, отличается въ особенности своими кустами, своими колючими растеніями; почва тамъ ни довольно богата, ни довольно влажна, чтобы питать лѣсную растительность: настоящіе лѣса увидишь только въ сѣверо-западной части равнинъ, орошаемой рѣками Ураломъ и Эмбой. Русскіе повсюду вырубаютъ деревья; киргизы испытываютъ нѣчто въ родѣ ужаса, вступая въ лѣсъ, и чувствуютъ себя привольно только на широкомъ просторѣ безпредѣльнаго пространства; но для тѣхъ и другихъ одиноко стоящія деревья, какъ они встрѣчаются тамъ и сямъ среди пустыни, составляютъ своего рода святыню, на которую путникъ уже издали взираетъ съ благоговѣніемъ. Въ „Бѣлыхъ Пескахъ", къ сѣверу отъ Ауліеата, есть два такихъ священныхъ дерева, чтимыхъ и посѣщаемыхъ киргизами. Въ Тургайской степи тоже есть легендарная ольха, около 6 метровъ въ обхватѣ, широко раскинувшая свои вѣтви и дающая пріютъ въ своей густой листвѣ гнѣзду хищной птицы, которую никто не осмѣливается трогать изъ боязни совершить святотатство. Стволъ и вѣтви увѣшаны приношеніями: лентами, конскими хвостами и гривами, медалями; каждый киргизъ, проходя мимо этого священнаго дерева, благоговѣйно бормочетъ имя Аллаха [1]).

Степи Оренбургскаго Туркестана представляютъ нѣкоторое сходство съ степями Россіи; но флора ихъ заключаетъ гораздо меньшее число видовъ, и травы не находятъ тамъ слоевъ чернозема, гдѣ они могли-бы развиваться съ такой же силой, какъ въ южно-русскихъ степяхъ. Отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу Татаріи растительность становится все болѣе и болѣе скудной до самаго основанія горныхъ цѣпей, гдѣ начинается другой, отличный отъ предъидущаго, поясъ. На всемъ пространствѣ этой арало-каспійской страны, столь-же обширной, какъ вся западная Европа, ботаники открыли до сихъ поръ только 1152 вида явнобрачныхъ растеній [2]); вдали отъ рѣкъ, въ открытой равнинѣ, вся растительность состоитъ изъ нѣсколькихъ типическихъ видовъ, „бурыхъ, какъ шерсть верблюда", покрывающихъ монотонныя пространства, на протяженіи сотенъ и тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ пустыни не встрѣтишь ничего, кромѣ чернобыльника, растенія черноватаго цвѣта, которое, покрывая большія пространства, придаетъ природѣ невыразимо печальный, угрюмый видъ; въ другихъ мѣстахъ, въ солончаковыхъ степяхъ, не увидишь никакихъ растеній, кромѣ красноватыхъ солянокъ, отъ которыхъ почва получаетъ кроваво-красный цвѣтъ. Флора всего пространства, заключеннаго между Аральскимъ озеромъ и Каспій-

[1]) *Полторацкій*, Записки Русск. Географ. Общества, 1867 г.; *Nöschel*, Beiträge von Baer und Helmersen, Bd. XVIII.

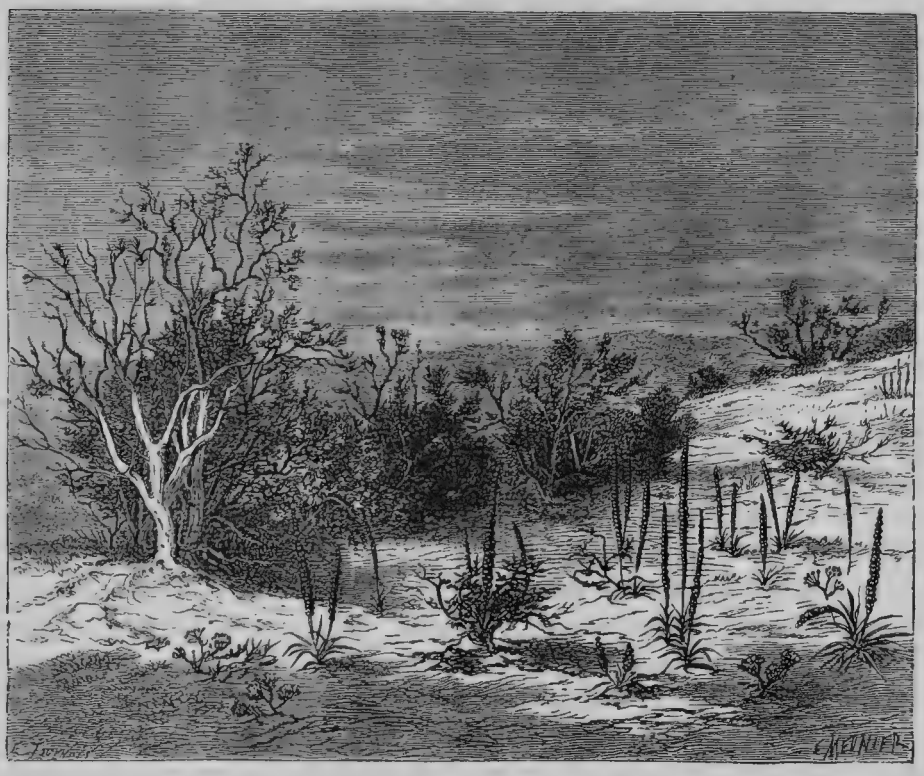
[2]) *Lehmann*, Reise nach Buchara, Beiträge von Baer und Helmersen, Bd. XVII; *Эверсманъ*, *Эйхвальдъ*, *Карелинъ*, *Нешель*, *Боршовъ* и т. д.

скимъ моремъ, и продолжающагося съ сѣвера на югъ между Эмбой и Атрекомъ, состоитъ всего только изъ 329 видовъ [1]). Нѣтъ такого маленькаго кантона Франціи, который-бы не былъ богаче растеніями, чѣмъ эта громадная территорія западной Азіи, подраздѣляющаяся на области различной растительности, смотря по обилію воды и пропорціи солей, содержащихся въ ея почвахъ.

Въ исторіи земнаго шара растительность Туркестана представляетъ собою флору недавняго происхожденія. Составляющіе ее виды, переселившіеся туда изъ всѣхъ окружающихъ странъ: изъ русскихъ степей, съ Алтая, изъ Сибири, изъ Персіи,—постепенно обогащали почву, по мѣрѣ отступленія водъ изъ обширной равнины. Но всѣ эти иноземныя вторженія не могли, конечно, совершаться безъ того, чтобы не происходило столкновеній между видами, и въ этой борьбѣ одерживаютъ верхъ формы, переселяющіяся съ юга. Такъ, саксаулъ (anabasis ammodendron) и джида (eleaegnus, дикая маслина), уроженцы Персіи, постоянно подвигаются впередъ, тогда какъ тополи, пришельцы съ сѣвера, отступаютъ къ странамъ своей первоначальной родины [2]). Любопытно видѣть, какъ всѣ эти растенія приспособляются къ условіямъ почвы и климата степей: чтобы лучше сопротивляться вѣтрамъ, они пріобрѣтаютъ болѣе гибкій стволъ, представляютъ менѣе значительную поверхность, лишаютъ себя листвы; чтобы уменьшить испареніе, они облекаются твердой и толстой корой, настоящей броней черепахи, вмѣсто тонкой верхней кожицы, и сокъ ихъ смѣшивается съ соляными веществами; они покрываются жесткими волосами или колючками и выдѣляютъ изъ себя эѳирныя масла, которыя также способствуютъ ослабленію испаренія. Такимъ-то образомъ, благодаря этой аккомодаціи, вдали отъ всякой проточной воды могутъ развиваться деревянистые виды, каковъ, напримѣръ, саксаулъ, похожій на зеленѣющій пукъ прутьевъ, совершенно лишенный листьевъ, хотя производящій цвѣтки и плоды: вмѣсто ежегодныхъ концентрическихъ слоевъ, новая древесина ствола образуетъ простыя утолщенія или бугорки, наростающіе на старомъ деревѣ или окружающіе его сѣтью. Зерно саксаула отличается такой плотностью, что жаръ, скрытый подъ пепломъ, тлѣетъ болѣе сутокъ; древесина его тяжелѣе воды, и при ударахъ топора изъ нея сыплются искры [3]). Травяныя степи, лишенныя влажности, которая позволяла-бы имъ покрываться дерномъ, подобнымъ муравѣ европейскихъ луговъ, производятъ лишь уединенные пучки травы, занимающіе не болѣе трети всей поверхности. Время роста и цвѣтѣнія коротко, но зато растенія пользуются имъ съ удивительной энергіей: при первомъ пробужденіи весны оренбургскія степи одѣваются въ пышный уборъ изъ тюльпановъ, къ которымъ тамъ

[1]) *Боршовъ*, Ботаническая географія арало-каспійской области.
[2]) *Боршовъ*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Григорьевъ*, Записки Русск. Географ. Общества, 1861.

и сямъ примѣшаны лилейныя и касатиковыя или рисовыя растенія; необозримое пространство представляетъ сплошной коверъ, сотканный изъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ [1]). Но пройдетъ нѣсколько недѣль послѣ этого праздника степи—и земля уже опять приняла свой обычный видъ, угрюмый и сѣроватый; растенія завяли, засохли, и вѣтеръ разсѣеваетъ ихъ по безконечной равнинѣ. Бриза, привлекаемая какъ-бы собирательнымъ фокусомъ на раскаленную поверхность почвы, поднимаетъ и кружитъ передъ собой столбы пыли; обломки высохшихъ растеній несутся



Растительность на Кизыль-Кумѣ.

и скачутъ тысячами и милліонами; свертываемые въ шары вѣтромъ, эти „бѣгуны степей“ то катятся по землѣ, соперничая между собою въ скорости, то яростно гонятся другъ за дружкой, дѣлая прыжки въ нѣсколько аршинъ: словно живыя существа, увлеченныя въ какой-то фантастической скачкѣ [2]).

Фауна Туркестана, какъ и его флора, отличается поразительнымъ однообразіемъ на обширныхъ пространствахъ; но благодаря, разнообразію мѣстностей и рельефа почвы, отъ оазиса до пустыни и горъ, животные

---

[1]) *Grisebach*, Végétation du Globe, trad. Tchihatchev.

[2]) *Von Baer*, Caspische Studien.

виды здѣсь многочисленны: для одной только равнины арало-каспійской покатости, совокупность фауны заключаетъ, по Сѣверцову, 47 млекопитающихъ и 97 птицъ [1]). Пресмыкающія, змѣи, ящерицы, скорпіоны заползаютъ во всѣ трещины почвы. Лѣсныя чащи, окаймляющія берега рѣкъ, скрываютъ почти всѣхъ четвероногихъ страны, тигровъ, барсовъ, дикихъ кошекъ, волковъ, лисицъ, кабановъ; но въ открытой равнинѣ могутъ жить только соединенныя въ общества животныя, которыя быстро проходятъ большія пространства, въ поискахъ за пастбищами и сырыми мѣстами. Караваны купцовъ, батальоны солдатъ, идущіе по ихъ слѣдамъ черезъ закаспійскую пустыню, встрѣчаютъ иногда стада сайгъ и табуны дикихъ ословъ или кулановъ, которые несутся съ громовымъ шумомъ, окруженные столбами поднимаемой ихъ копытами пыли, потомъ вдругъ останавливаются въ молчаніи, и, постоявъ немного, снова исчезаютъ, потрясая своимъ галопомъ звонкую почву [2]). Свойство климата не позволяетъ туземцамъ разводить, вдали отъ рѣкъ и воздѣланныхъ земель, другія породы животныхъ, кромѣ вьючнаго и верховаго скота: верблюдовъ, лошадей, ословъ и барана, такого же кочевника, какъ и его господа, и прокармливающаго ихъ своимъ мясомъ. Части равнины, гдѣ человѣкъ могъ окружить себя, при помощи земледѣлія и разведенія домашнихъ животныхъ, средой, напоминающей Европу, составляютъ лишь узенькіе оазисы, угрожаемые сыпучими песками и часто опустошаемые саранчей. Но онъ живетъ, однако, или по крайней мѣрѣ кочуетъ по своей странѣ. Зимой онъ слѣдуетъ за своимъ скотомъ, который ходитъ всюду отыскивать себѣ кормъ подъ тонкимъ слоемъ снѣга, раскапывая его ногой и растапливая его своимъ дыханіемъ. Лѣтомъ онъ располагается на стоянку въ сосѣдствѣ колодцевъ, у подошвы холмовъ, гдѣ кругозоръ менѣе монотоненъ и растительность болѣе разнообразна, чѣмъ среди ровной степи.

Арало-каспійская покатость усѣяна озерными пространствами, которые напоминаютъ о древнемъ внутреннемъ морѣ Туркестана. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ этой страны, преимущественно на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ отъ Аральскаго озера, встрѣчаются пропасти или глубокія впадины въ формѣ воронки. Эти воронки, уровень которыхъ находится на довольно большой глубинѣ, даже на 30 метр. ниже окружающей почвы, почти всѣ наполнены солью или соленой водой и содержатъ морскія раковины въ глинахъ и пескахъ, изъ которыхъ состоятъ ихъ берега; края нѣкоторыхъ воронокъ разорваны промоиной, и идущіе отъ нихъ размытые водой рвы указываютъ направленіе древняго потока, вылившагося изъ впадины. Соляныя болота, разсѣянныя на почвѣ степи подлѣ

---

[1]) Распредѣленіе животныхъ въ Туркестанѣ.

[2]) *Вамбери*, Странствованіе дервиша въ Средней Азіи.

прѣсноводныхъ прудовъ и озеръ, тоже заключаютъ въ себѣ остатки морскихъ организмовъ, образующіе цѣлые слои. Эти раковины сердцевика (cardium), ракушки (mytilus), винтушки (turitella) и другихъ видовъ, обыкновенныхъ въ Аральскомъ морѣ, повидимому, служатъ доказательствомъ того, что это озеро прежде простиралось до тѣхъ мѣстъ, то-есть почти до порога, отдѣляющаго нынѣ бассейнъ Оби отъ арало-каспійской покатости; во всякомъ случаѣ этотъ фактъ представляетъ сильный аргументъ для тѣхъ ученыхъ, которые ищутъ слѣды древняго морскаго пролива, соединявшаго Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ [1]).

Изъ рѣкъ, впадавшихъ нѣкогда въ Аральское море, только двѣ достигаютъ его въ наши дни—Сыръ-Дарья и Аму-Дарья. Сыръ („рѣка“ по преимуществу, по Сѣверцову; „желтая“ рѣка, по Левшину), Яксартъ древнихъ писателей, со временъ Александра Македонскаго, и Шашъ или Сигунъ арабовъ, зарождается въ самомъ сердцѣ Небесныхъ горъ. Одинъ изъ его истоковъ выходитъ изъ озера на Барскаунскомъ проходѣ, въ горной цѣпи Терской Ала-тау; другой изливается изъ болотъ горнаго прохода Заука; самый обильный потокъ выходитъ изъ-подъ конечной аркады ледника Петрова, котораго кристаллическая масса, простирающаяся въ длину верстъ на пятнадцать и перерѣзанная пятью серединными моронами, наполняетъ разсѣлину удивительно правильной формы, открывающуюся въ горахъ Акъ-ширякъ или Акъ-ташъ, почти столь же высокихъ, какъ и массивъ Ханъ-тенгри. Другой ледникъ, Иръ-ташъ, менѣе значительныхъ размѣровъ, очень интересенъ по формѣ своего бассейна, загороженнаго при выходѣ высокими скалами; по всей вѣроятности, въ прежнее время съ вершины этихъ утесовъ льды обрушивались въ видѣ кристаллическаго катаракта, еще болѣе грандіознаго, чѣмъ теперешній водопадъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какіе представляетъ намъ альпійскій міръ [2]).

Зарождающаяся рѣка еще не приняла имени Сыра; при каждомъ новомъ большомъ притокѣ она перемѣняетъ наименованіе. При выходѣ изъ ледника Петрова она называется Якъ-ташъ, затѣмъ, начиная отъ впаденія притока Кара-сай, это названіе измѣняется въ Тарагай. По принятіи другаго значительнаго притока, Кара-коль, и по вступленіи въ поясъ лѣсовъ, на высотѣ 2,900 метровъ, рѣка получаетъ отъ киргизовъ новое имя — Большаго Нарына. Ниже двойнаго сліянія съ притоками Уланъ и Курмекты, Нарынъ вступаетъ въ Капчегайское ущелье, куда еще не могъ спуститься ни одинъ путешественникъ, чтобы посмотрѣть на катаракты рѣки; но предполагаютъ, что эти неизвѣстные водопады

---

[1]) *Мейеръ*, Киргизская степь, Матеріалы для географіи и статистики Россіи; *Lehmann*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. XVII; *Нешель*, *Гельмерсенъ*, то же изданіе, т. XVIII.

[2]) *Каульбарсъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. V, 1875 г.

должны быть очень красивы и грандіозны, такъ какъ разница уровня между верхнимъ и нижнимъ ложемъ, на пространствѣ около 43 километровъ, исчисляется отъ 900 до 965 метр.[1]). По соединеніи съ Малымъ Нарыномъ, рѣка, уже спокойная, протекаетъ послѣдовательно черезъ нѣсколько бывшихъ озерныхъ ложъ, столь многочисленныхъ въ западномъ Тянь-Шанѣ; затѣмъ, прежде, чѣмъ выйти окончательно изъ области горъ, чтобы вступить въ Ферганскую равнину, она должна еще пройти послѣдовательно два дикія ущелья. На югѣ отъ города Намангана, она принимаетъ въ себя притокъ Кара-Дарью, который смѣшиваетъ свое мутное теченіе съ чистыми, лазурными водами Нарына[2]), и съ этого-то мѣста главная рѣка принимаетъ, наконецъ, свое имя Сыръ-Дарьи; киргизы обыкновенно считаютъ главной вѣтвью рѣки Кара-Дарью или „Черную рѣку“, хотя она катитъ, вѣроятно, объемъ воды, не превышающій пятой части жидкой массы Нарына[3]); но дѣло въ томъ, что этимъ притокомъ гораздо больше пользуются для искусственнаго орошенія почвы: воды его разведены въ безчисленное множество ирригаціонныхъ каналовъ или арыковъ, тогда какъ сѣверная, то-есть главная вѣтвь рѣки остается на всемъ своемъ теченіи дикимъ потокомъ, еще не приспособленнымъ для служенія цѣлямъ земледѣлія.

Въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ Сыръ-Дарья приняла видъ величественнаго потока, она уже начинаетъ мелѣть, уменьшаться въ объемѣ. Въ Ферганской равнинѣ и далѣе, внизъ по теченію, рѣка, хотя она получаетъ одинъ за другимъ нѣсколько притоковъ, которые всѣ приходятъ къ ней съ горъ, лежащихъ на сѣверъ отъ нея, катитъ жидкую массу все менѣе и менѣе значительную. Въ этой-то части теченія рѣки, въ обширномъ амфитеатрѣ плоскихъ возвышенностей и горъ, который окружаетъ Фергану, воды, текущія въ Сыръ-Дарью, приносятъ наибольшую пользу человѣку: большая часть равнины, при помощи искусственнаго орошенія, превращена жителями въ цвѣтущій садъ, и нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно, долгіе годы мира и спокойнаго развитія промышленности сдѣлаютъ изъ этой страны вторую Ломбардію. Все пространство треугольной формы, заключающееся между Сыромъ и Кара-Дарьей, то есть Икису-араси или „Междурѣчье“, представляетъ страну воздѣланныхъ земель, тѣнистыхъ садовъ, текучихъ водъ; это самая плодоносная часть всего Туркестана. Различныя рѣки, спускающіяся съ Алай-тага и съ другихъ южныхъ горъ, тоже дѣлятся на безчисленное множество арыковъ, окаймленныхъ по краямъ тополями и другими деревьями. Но большинство рѣкъ края, отводимыхъ справа и слѣва всѣми прибрежными жителями въ свои оросительные каналы, истощаются, какъ и рѣки сѣверныхъ сте-

[1]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.

[2]) *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.

[3]) *Костенко*, Туркестанскій край.

пей, прежде, чѣмъ успѣютъ достигнуть теченія Сыръ-Дарьи. Песчаныя пространства, лишенныя необходимой для оплодотворенія ихъ почвы воды, образуютъ тамъ и сямъ небольшіе архипелаги пустынь, и вдоль праваго берега Сыръ-Дарьи тянется поясъ безплодныхъ и необитаемыхъ земель. Тѣмъ не менѣе Фергана можетъ быть разсматриваема въ цѣломъ, какъ прекрасно обработанная, плодоносная страна, какъ земля зелени и цвѣтовъ. Климатъ тамъ неравномѣрный, но болѣе прохладный лѣтомъ, менѣе холодный зимой, нежели въ голой степи, гдѣ свободно разгуливаютъ полярные вѣтры. Мягкій голубой цвѣтъ составляетъ общій колоритъ этой страны: „все тамъ окрашено въ бирюзовый оттѣнокъ,—говоритъ путешественникъ Уйфальви,—небо, камни, опереніе вороновъ и черныхъ дроздовъ, и даже стѣны памятниковъ“ [1]).

Выше города Ходжента, Сыръ-Дарья покидаетъ высохшее ложе древняго Ферганскаго озера, огибая горы Чокталъ, и слѣдуетъ, подобно Аму-Дарьѣ, въ сѣверо-западномъ направленіи, параллельно хребту Кара-тау. Рѣка, повидимому, протекаетъ теперь сѣвернѣе, чѣмъ она текла прежде. Длинное болото Тусъ-кане, которое тянется, въ видѣ кривой длиною около 200 верстъ, на сѣверѣ отъ горъ Нура-тау, имѣетъ совершенно видъ бывшаго рѣчнаго ложа: тутъ, вѣроятно, проходилъ нѣкогда Яксартъ, слѣдуя правильному скату степи, чтобы идти на соединеніе съ Аму-Дарьей, близъ горной цѣпи Шейкъ-джейли, гдѣ видно древнее рѣчное русло [2]). Направленіе, принимаемое нынѣ рѣкой, оставляетъ ей гораздо меньшую покатость къ Аральскому морю. Здѣсь мы видимъ явленіе сходное съ тѣмъ, какое представляетъ намъ рѣка Чу: Сыръ-Дарья тоже огибаетъ громаднымъ полукругомъ своего нижняго теченія бассейнъ древняго моря, теперь засыпаннаго песками. Также какъ песчаныя пустыни Акъ-кумъ и Кара-кумъ, обширные пески Кизылъ-кумъ суть ничто иное, какъ высохшее морское дно, которое нѣкогда соединялось съ нынѣшнимъ Аральскимъ озеромъ въ одно средиземное море. Сыръ-Дарьинскія пустыни не самыя безплодныя въ Туркестанѣ: мѣстами онѣ покрыты кустарникомъ, гдѣ колючіе кусты перемѣшаны съ деревцами разныхъ породъ; саксаулъ, главный представитель лѣсной флоры туранскихъ степей, растетъ здѣсь разсѣянными группами и рощицами. Для пользы края, необходимо было-бы заботливо сохранять это дерево, вмѣсто того, чтобы истреблять его, какъ это дѣлаютъ теперь, съ достойной сожалѣнія непредусмотрительностью, употребляя его какъ топливо, въ особенности на пароходахъ сыръ-дарьинской флотиліи.

Въ этой части своего теченія, проходящей черезъ пустынныя пространства, Сыръ долженъ былъ нѣкогда принимать въ себя рѣку Чу,

---

[1]) Bulletin de la Société d'acclimatation, 1879.

[2]) *Костенко*, цитированное сочиненіе.

которая въ наши дни уже не въ силахъ добраться до него. Чу—главная рѣка бассейна горной цѣпи Терской Ала-тау и хребта Александровскаго. Питаемая этой обширной областью высокихъ горъ, поднимающихся до пояса вѣчныхъ снѣговъ, рѣка Чу катитъ много воды во всей верхней части своего теченія; но ниже впаденія въ нее рѣчки Кара-баты она не получаетъ болѣе ни одного притока, развѣ только послѣ продолжительныхъ дождей, и теченіе ея, по дорогѣ развѣтвляющееся тамъ и сямъ, истощается мало по малу. Точно также Таласъ, большая рѣка, выходящая изъ Тянь-Шаня черезъ широкій Ауліе-атскій проломъ, останавливается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чу и теряется въ обширныхъ болотахъ; но копая почву ниже, на продолженіи этихъ рѣкъ, находятъ еще свѣжую воду на глубинѣ одного или полутора метр., изъ чего нужно заключить, что вода разливается подъ землей. Другія болота служатъ р. Чу резервуарами испаренія; около оконечности цѣпи Кара-тау, тамъ, гдѣ этому потоку оставалось-бы только сдѣлать поворотъ къ югу, чтобы достигнуть долины Сыръ-Дарьи, онъ разливается, на разстояніи 100 километр. отъ этой рѣки, во время своего полноводья, въ большое болото, Саумаль-куль, откуда уже не можетъ выбраться; а лѣтомъ онъ даже не достигаетъ и этого болота [1]). Къ западу отъ Чу другая рѣка, бывшая прежде притокомъ Сыръ-Дарьи, тоже теряется въ пескахъ степи, пройдя пространство болѣе 800 километр: это Сары-су, называемый Яманъ-су въ верхнемъ его теченіи и Янъ-су въ томъ мѣстѣ, гдѣ почва выпиваетъ послѣднія его капли. Онъ зарождается на сѣверѣ отъ озера Балхашъ, на слегка волнистомъ плато, образующемъ водораздѣльную возвышенность между областью замкнутыхъ бассейновъ и Обской покатостью. Другія рѣки, истоки которыхъ находятся въ той же области, изсякаютъ подобнымъ-же образомъ, не будучи въ состояніи достигнуть Сыра или Арала; каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенную область, гдѣ повторяются въ миніатюрѣ тѣ же явленія, какія представляютъ въ большихъ размѣрахъ покатости Аральскаго и Каспійскаго морей Въ одномъ изъ этихъ замкнутыхъ бассейновъ, на сѣверѣ отъ рѣки Сары-су, центральное озеро состоитъ изъ небольшой водной площади, которая, однако, носитъ громкое имя Денгизъ („море“), свидѣтельствующее, быть можетъ о болѣе значительномъ ея протяженіи въ прежнія времена. Наконецъ въ сѣверо-западныхъ степяхъ, рѣки Иргизъ и Тургай, спускающіяся съ Марождарскихъ горъ и съ другихъ цѣпей холмовъ, соединяются въ цѣлый лабиринтъ болотъ, который чуть не каждый день мѣняетъ свои очертанія, смотря по тому, какая погода — идутъ-ли дожди или стоитъ засуха. Между рѣками страны многочисленныя Кара-су, то есть „Черныя воды“, текущія по торфяному грунту, отличаются отъ всѣхъ дру-

[1]) *Копыловъ*, Russische Revue, 1874 г., № 4.

гихъ потоковъ Туркестана сопротивленіемъ, которое онѣ оказываютъ морозу. По разсказамъ киргизовъ, эти „Черныя воды“ не перестаютъ течь впродолженіи всей зимы въ то время, какъ всѣ другія рѣки превратились въ ледяные пути [1]).

Во всемъ своемъ нижнемъ теченіи Сыръ часто мѣнялъ русло не только во времена, предшествовавшія исторіи, но даже въ новые вѣка. Султанъ Баберъ, царствовавшій надъ Ферганой въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, и который, безъ сомнѣнія, долженъ былъ хорошо знать главную рѣку своего ханства, утверждаетъ въ своихъ „Запискахъ“ [2]), что Сигунъ терялся тогда въ пескахъ, не соединяясь ни съ какимъ другимъ потокомъ. Въ настоящее время одинъ рукавъ рѣки отдѣляется отъ главнаго потока верстахъ въ 11 ниже форта Перовскій: это Яны-Дарья или Джаны-Дарья, то-есть „Новая рѣка“. Вѣрнѣе, однако, было-бы дать ей названіе „Перемежающейся рѣки“, такъ какъ она въ разныя эпохи то появлялась, то исчезала, смотря по естественнымъ измѣненіямъ главнаго русла и по канализаціоннымъ работамъ прибрежнаго населенія. Извѣстно, что въ четырнадцатомъ столѣтіи текла большая рѣка въ нынѣшнемъ ложѣ Яны-Дарьи [3]). Въ 1740 году, во время посѣщенія края Муравинымъ, тамъ вовсе не было воды; рѣка совершенно высохла. Затѣмъ въ періодъ съ 1760 по 1770 годъ она опять открылась, кара-калпаки и киргизы тотчасъ-же стали копать каналы на ея берегахъ, для проведенія воды на свои земли. Въ 1820 году Яны-Дарья снова перестала существовать: входъ въ нее былъ загражденъ плотиной, которая и отбросила воды въ главное русло Сыра. Впослѣдствіи эта плотина была снесена разливомъ рѣки, и Яны-Дарья съ 1848 года опять возобновила свое теченіе въ юго-западномъ направленіи [4]). Но она не достигаетъ ни Аму-Дарьи, ни Аральскаго моря; пройдя около 300 километр., она теряется въ озерѣ Кукча (Кукча-денгизъ). Однако, по другую сторону этого бассейна испаренія, можно ясно различить слѣды прежняго ложа, и Мейеръ нашелъ на его берегахъ кучи высохшаго тростника, остатки камышей подобныхъ тѣмъ, которые покрываютъ болота и берега текучихъ водъ во всѣхъ равнинахъ Туркестана. Это русло старой Яны-Дарьи огибало на югѣ крутые обрывистые берега глинистаго плоскогорья, ограничивающаго съ восточной стороны Аральское море, и соединяло озера Кунградское и Дау-кара въ области нижняго Оксуса (Аму-Дарьи): бывшая рѣчная долина въ этомъ мѣстѣ такъ хорошо сохранила

---

[1]) *Полторацкій*, Записки Русск. Географ. Общества, 1876 г.;—Bulletin de la Soc. de Géogr., déc. 1869.

[2]) Французскій переводъ Паве-де-*Куртеля*, т. I, стр. 2.

[3]) *Herbert Wood*, Journal of the Geograph. Society, 1876;—*Брунъ*, Плаваніе вокругъ Каспійскаго моря.

[4]) *Терентьевъ*, Записки Русск. Географ. Общества; Статист. IV 1874 г.

свой первоначальный видъ, какъ будто воды только что покинули ее [1]). Впрочемъ другія рѣчныя русла, сообщавшіяся прежде съ ложемъ Яны-Дарьи, разнообразно развѣтвляются по направленію къ Аральскому морю; но въ ту эпоху, когда текли воды во всѣхъ этихъ долинахъ, орьентированныхъ по большей части съ юга на сѣверъ, между параллельными цѣпями дюнъ, уровень Аральскаго моря былъ на 15 метр. выше теперешняго: по всей вѣроятности, весь этотъ рѣчной лабиринтъ высыхалъ постепенно, по мѣрѣ пониженія уровня воды во внутреннемъ морѣ Туркестана [2]). Какъ-бы то ни было, нынѣшній рельефъ страны не позволяетъ допустить, что будто Сыръ-Дарья могла впадать непосредственно въ Каспійское море, какъ это говорятъ древніе писатели. Какъ могъ мореплаватель Патроклъ найти устья Яксарта въ 2400 стадіяхъ, то-есть почти въ 450 километрахъ къ сѣверу отъ истоковъ Оксуса, когда мы знаемъ что въ этой области, между бассейнами Каспійскаго и Аральскаго морей, возвышается плоскогорье Устъ-Уртъ? Безъ всякаго сомнѣнія онъ видѣлъ только бухту, глубоко врѣзывающуюся въ материкъ, вѣроятно, Кындерлинскую [3]), и этотъ заливъ по ошибкѣ былъ смѣшанъ съ рѣчнымъ устьемъ. Сыръ не могъ быть притокомъ Каспійскаго моря: иначе, какъ черезъ Яны-Дарью и Аму-Дарью.

Главный рукавъ нынѣшняго Сыра опять дѣлится на двѣ вѣтви въ небольшомъ разстояніи внизъ отъ выхода Яны-Дарьи. Оба эти потока тоже измѣнились какъ въ направленіи, такъ и въ объемѣ жидкой массы, южный рукавъ нѣкогда былъ самой обильной рѣкой изъ двухъ; но съ теченіемъ времени стокъ его уменьшился мало по малу до того, что наконецъ, туземцы дали этой вѣтви Сыра прозвище Джаманъ-Дарьи, то, есть „Худой рѣки“; далѣе, южный рукавъ опять дѣлится, но только небольшая часть его воды снова соединяется съ Сыромъ, остальная-же часть испаряется въ болотахъ. Сѣверная вѣтвь, Кара-узякъ, которая въ началѣ была просто ирригаціоннымъ каналомъ, продолжаетъ рѣку въ сѣверо-западномъ направленіи и соединяется съ Араломъ, близь сѣверо-восточной оконечности озера. До сихъ поръ еще не опредѣлено точнымъ образомъ среднее количество воды, приносимое Сыръ-Дарьей въ это внутреннее море; но, по приблизительному исчисленію, оно не превышаетъ половины объема рѣчнаго стока, какимъ онъ найденъ по измѣренію у форта Перовскаго, выше трифуркаціи рѣки. За мѣру низкихъ водъ, какъ показало это измѣреніе, можно принять 885 кубич. метровъ въ секунду, средній же объемъ протекающей жидкой массы почти втрое больше; но ниже Перовска, по берегамъ всѣхъ рукавовъ, протоковъ и

[1]) Киргизская степь, матеріалы для географіи и статистики Россіи.

[2]) *Herbert Wood*, цитированн. мемуаръ;—Карта нижняго теченія Аму-Дарьи, составленная русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1873 г.

[3]) *H. Kiepert* Zeitschrift der Gesellschaft für die Erdkunde, т. IX.

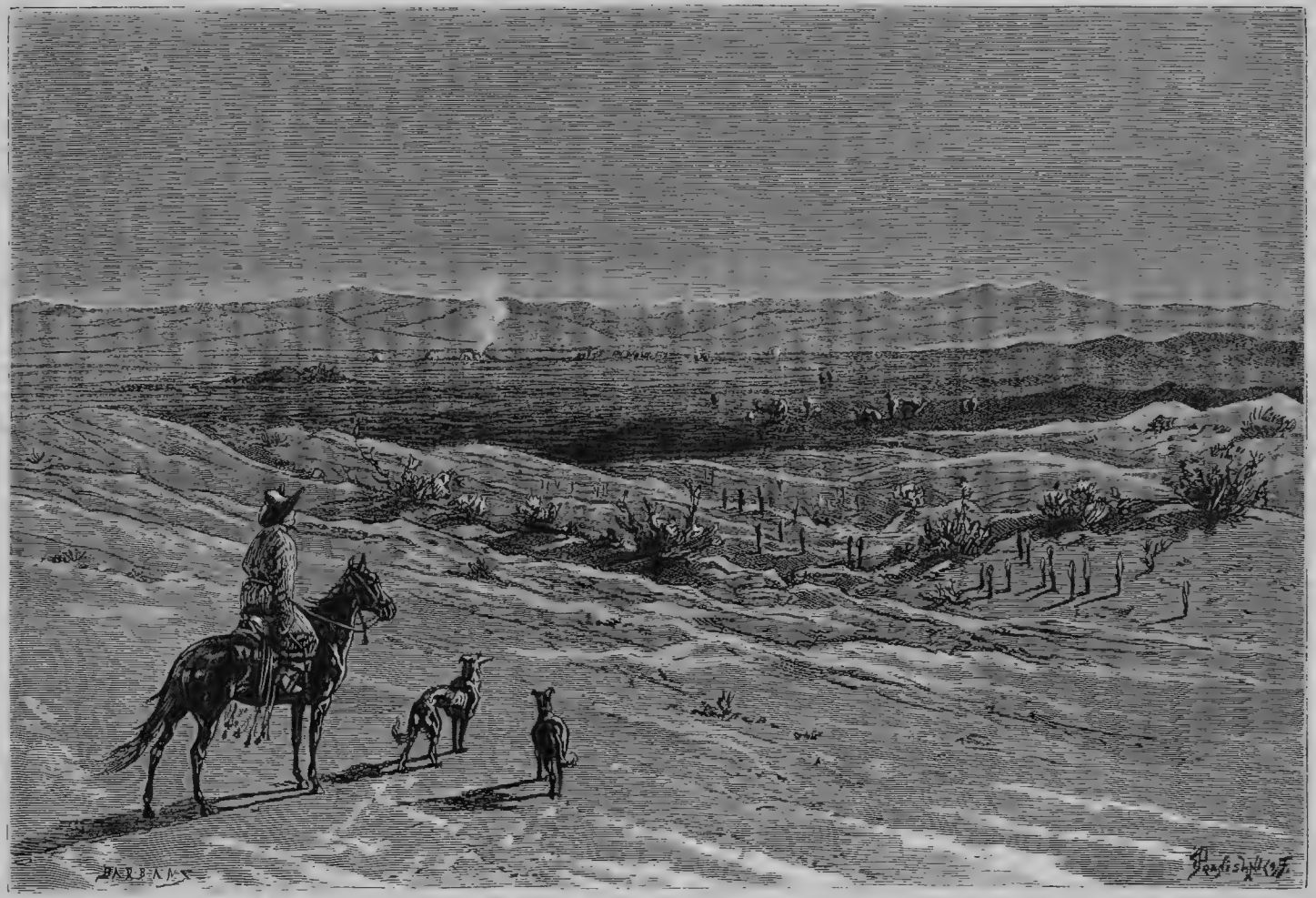
ложныхъ рѣкъ дельты, разстилаются тѣ обширныя болота, гдѣ испаряются воды, и которыя примѣтны издали только по волнующимся отъ вѣтра лѣсамъ камышей. Низменныя земли по которымъ протекаетъ Сыръ-Дарья, очень богаты дичью и по справедливости могутъ быть названы страной охоты по преимуществу: тутъ встрѣтишь во множествѣ всякаго звѣря—волковъ, оленей, кабановъ, барсуковъ, дикихъ козъ, зайцевъ; густыя поросли, вдоль берега, кишатъ фазанами; въ камышахъ и на рѣкѣ гнѣздится всякаго рода водяная птица: цапли, ибисы, журавли, гуси и утки (въ томъ числѣ красный гусь, въ родѣ фламинго) расхаживаютъ по болотамъ, отыскивая добычу. Еще около половины настоящаго столѣтія, тигръ, огромный звѣрь, ростомъ развѣ немного поменьше королевскихъ тигровъ Индіи, тоже рыскалъ среди сыръ-дарьинскихъ чащей, но въ послѣднее время онъ сталъ очень рѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ и даже, быть можетъ, совсѣмъ исчезъ изъ этой страны; по крайней мѣрѣ въ 1876 году одинъ важный сановникъ имперіи, страстный охотникъ, не могъ, не смотря на поиски киргизовъ и всѣхъ солдатъ мѣстнаго войска, открыть ни одного логовища тигровъ [1]).

Судоходство на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи непостоянно и сопряжено съ опасностью. Русскіе, правда, держатъ военную флотилію на этой рѣкѣ, но имъ стоитъ большаго труда проводить суда черезъ баръ, который не имѣетъ даже одного метра (менѣе полутора аршинъ) средней глубины; часто пароходы садились на мель, наѣзжая на песчаныя отмели, загораживающія рѣчное ложе: „здѣсь не пароходы возятъ пассажировъ, а пассажиры тянутъ на себѣ пароходы“, говорятъ обыкновенно, когда рѣчь зайдетъ о плаваніи по Сыру [2]). Ледяная кора, покрывающая Сыръ впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ [3]), и, еще болѣе, тучи комаровъ, обращающія въ бѣгство киргизскихъ судовщиковъ въ лѣтнюю пору, быстрое теченіе, отталкивающее суда при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, недостатокъ топлива для машинъ пароходовъ—всѣ эти неудобства тоже составляютъ серьезныя препятствія установленію правильнаго судоходства. Не по призыву торговли, а единственно для надобностей военной службы, суда появились на водахъ Яксарта: до прибытія русскихъ, киргизы имѣли только плохія барки да плоты, связанные изъ камыша. При настоящихъ условіяхъ, и пока теченіе рѣки не будетъ урегулировано при помощи человѣческаго искусства, вода ея можетъ быть утилизируема только для орошенія почвы; при разумномъ употребленіи, эта вода прибавила бы къ существующему узкому поясу воздѣланныхъ земель обширныя пространства, отвоеванныя у безплодной пустыни. Достовѣрно извѣстно, что въ прежнія времена обработанныя мѣстности занимали гораздо болѣе

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, Bulletin de la Société d'acclimatation, 1879 г.

[2]) *Терентьевъ*, Записки Географ. Общества; Статист., IV, 1874 г.

[3]) Туркестанскія Вѣдомости; Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1873 г., № 4.



ВИДЪ СТЕПИ КИЗИЛЬ-КУМЪ.

значительное протяженіе въ странѣ. Двѣнадцать тысячъ арыковъ, гласитъ легенда, распространяли жизнь среди песковъ[1]); но большая часть этихъ живительныхъ артерій засорилась: слѣды старыхъ оросительныхъ канавокъ виднѣются во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь растетъ только дикій кустарникъ, гдѣ прогуливаются бугры сыпучаго песку; большіе города, покинутые жителями, представляютъ теперь не болѣе какъ груды мусора, гдѣ ползаютъ разные гады. Въ этихъ странахъ потокъ воды вызываетъ къ жизни города, запруда обращаетъ ихъ въ развалины. Какъ намъ разсказываетъ исторія, копать и отводить каналы было главное искусство завоевателя и основателя царства. Обширная сѣть канализаціи, которую теперь приготовляютъ, и которая должна брать у рѣки 35 куб. метровъ въ секунду для орошенія 100,000 гектаровъ (слишкомъ 90,000 десятинъ) земли, нѣтъ сомнѣнія, будетъ имѣть послѣдствіемъ возрожденіе народовъ на берегахъ древняго Яксарта.

Изъ двухъ скатовъ „кровли міра“ самый обширный, то-есть западный, спускаетъ всѣ свои воды въ Аму-Дарью или „рѣку“ Аму, извѣстную древнимъ подъ именемъ Оксуса. Слѣдовательно, отъ Гиндукуша до Алая, область истоковъ Оксуса занимаетъ пространство шириной въ 300 слишкомъ километровъ. Оттуда-то рѣка и получаетъ всю свою жидкую массу: изъ общей длины ея теченія, исчисляемой въ 2,500 километровъ, вся нижняя часть, болѣе половины, не имѣетъ притоковъ.

Что считать главнымъ истокомъ этой знаменитой рѣки, которую арабскіе географы называли Джигунъ, и которую туркмены, живущіе на берегахъ ея, до сихъ поръ еще знаютъ подъ этимъ именемъ, желая видѣть въ ней одинъ изъ миѳическихъ потоковъ земнаго рая? Въ настоящее время еще невозможно отвѣтить окончательно на этотъ вопросъ, ибо стокъ (объемъ протекающей воды) различныхъ рѣкъ плоскогорья никѣмъ не былъ измѣряемъ, и путешественники, переходившіе черезъ эти рѣки или слѣдовавшіе вдоль ихъ теченія, посѣтили край въ разныя эпохи и не могли сравнивать своихъ наблюденій. Въ 1838 году, когда англичанинъ Вудъ достигъ береговъ озера Сары-куль (неизвѣстно, произошло-ли это имя отъ турецкаго Сарыкъ-куль, „Желтое озеро“, или отъ Сиръ-и-коль, по персидски Сиръ-и-коли, „Голова горы“) или Куль-кальянъ, которому онъ, какъ вѣрноподданный своей королевы, далъ названіе „озера Викторіи“,—онъ не сомнѣвался, что ему посчастливилось найти столь долго отыскиваемый истокъ древняго Оксуса; но теперь сдѣлалось вѣроятнымъ, что главная вѣтвь рѣки есть Акъ-су или „Бѣлая Вода“ киргизовъ, которая беретъ начало на востокѣ отъ плоскогорья Большой Памиръ и отъ озера Сары-куль. Этотъ Акъ-су, не то-ли же самое, что

[1]) *Herbert Wood*, The Shores of lake Aral; *Костенко*, цитированное сочиненіе.

Вакъ-шу, о которомъ говорятъ уже санскритскіе писатели [1]), и котораго названіе было передѣлано древними греками въ Оксосъ или Оксусъ, имя и до сихъ поръ еще употребляемое географами? Если такъ, то, значитъ, киргизы тюркскаго племени кочевали уже по этимъ плоскимъ возвышенностямъ гораздо ранѣе средневѣковыхъ переселеній народовъ, гораздо ранѣе завоеваній Александра Македонскаго, такъ какъ имя рѣки имѣетъ смыслъ только въ ихъ языкѣ [2]).

Самая южная изъ верхнихъ вѣтвей Оксуса — Сархадъ или рѣка Малаго Памира, долина которой была изслѣдована въ первый разъ научнымъ образомъ въ 1868 году „мирзой“ Суджа, инженеромъ-географомъ на службѣ остъ-индскаго правительства. Этотъ притокъ Оксуса зарождается въ томъ-же пониженіи почвы, какъ и Акъ-су, но течетъ въ противоположномъ направленіи, къ юго-западу, и, наконецъ соединяется у Лангаръ-кишта съ Оксусомъ Большаго Памира,—съ тѣмъ Оксусомъ, который жители Бадахшана, считая его главной рѣкой, называютъ Джигуномъ, и по которому, въ новѣйшія времена, первый поднялся упомянутый англичанинъ Вудъ. Вновь открытое имъ озеро истока, которое такъ же часто называютъ его именемъ, какъ и именами озера Викторіи и Сарыкуль, представляетъ продолговатый бассейнъ, уровень котораго значительно измѣняется по временамъ года, понижаясь зимой и повышаясь лѣтомъ, подъ вліяніемъ тающихъ снѣговъ. Вудъ пробилъ въ одномъ мѣстѣ ледъ, чтобы сдѣлать промѣръ дна, но нашелъ тамъ только 3 метра глубины; однако, озеро, вѣроятно, довольно глубоко въ сосѣдствѣ одного мыса на сѣверномъ берегу. Высоту положенія этого бассейна надъ уровнемъ моря Троттеръ опредѣляетъ въ 4,236 метровъ [3]).

Акъ-су, называемый Мургабомъ въ одной части его теченія, тоже выходитъ изъ озера, Газъ-куль или Ой-куль, которое мирза Суджа принялъ за истокъ Сархада; менѣе широкій и лежащій на менѣе значительной высотѣ, нежели озеро Вуда, бассейнъ Газъ-куль часто исчезаетъ подъ грудами снѣга, падающими съ Акъ-таша или „Бѣлаго Камня“ и съ сосѣднихъ горъ. Направляясь сначала на востокъ, какъ бы для того, чтобы идти на соединеніе съ Таримомъ, потомъ поворачивая къ сѣверу, Акъ-су принимаетъ въ себя на западѣ воды, спускающіяся къ нему съ Большаго Памира, затѣмъ на востокѣ усиливается притокомъ, который посылаетъ ему пикъ Тагарма, и, слѣдуя, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, общему наклоненію покатости, спускающейся по направленію къ западу, соединяется послѣдовательно со всѣми горными потоками центральнаго Памира, затѣмъ сливается съ южнымъ Оксусомъ, который, въ своемъ верхнемъ теченіи, прошелъ черезъ область Уаханъ, восточный Бадахшанъ,

[1]) *Rémusat, Vivien de Saint-Martin, H. Rawlinson*, etc.

[2]) *Eichwald*, Reise auf dem Kaspischen Meere; *Венюковъ*, рукописныя замѣтки.

[3]) *Гордонъ*, цитирован. сочиненіе.

Шигнанъ, Рошанъ. Послѣ того Оксусу, сдѣлавшемуся уже большой рѣкой, остается еще соединить свой потокъ съ потокомъ сѣверной вѣтви, называемой Сургъ-абъ, которую питаютъ снѣги Заалайской цѣпи и горъ Каратегинъ. Далѣе, Аму-Дарья, по выходѣ изъ ущелій передовыхъ плато Памира, имѣетъ лишь второстепенные притоки. Ниже своихъ данниковъ изъ западнаго Бадахшана, она не получаетъ болѣе ни одной капли воды изъ южныхъ областей: тамъ всѣ ея естественные притоки разведены арыками для орошенія полей или поглощаются пескомъ пустыни. Со стороны праваго берега рѣка тоже получаетъ весьма небольшое количество воды.

Зарявшанъ или Заревшанъ есть одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя изсякаютъ, прежде чѣмъ достигнуть Аму-Дарьи. А между тѣмъ она зарождается какъ могучая рѣка, подъ сводомъ громаднаго Зарявшанскаго ледника, спускающагося со склоновъ одной высокой горы, въ цѣпи Алайтагъ, и протянувшагося, по словамъ Мищенкова, на 50 верстъ въ длину. Справа и слѣва, каждый снѣжный циркъ горъ посылаетъ свой потокъ Зарявшану. Черезъ двойной проломъ южныхъ цѣпей, онъ получаетъ значительную рѣку, которая проходитъ, на высотѣ 2,210 метровъ, черезъ озеро Искандеръ, названное такъ въ память Александра Македонскаго; горные склоны, поднимающіеся слишкомъ на 1,000 метр., окружаютъ этотъ прѣсноводный бассейнъ, нынѣшняя глубина котораго около 60 метр., но надъ которымъ господствуютъ старые песчаные берега, лежащіе на 100 метровъ выше теперешнихъ береговъ. По вступленіи въ Самаркандскую равнину, Зарявшанъ,—имя котораго по персидски означаетъ „раздаватель золота“ и дано ему, быть можетъ, за его золотоносный песокъ, или, что̀ болѣе вѣроятно, за плодородіе, приносимое его водами прибрежнымъ полямъ,—дѣлится на безчисленное множество ирригаціонныхъ каналовъ, которые всѣ вмѣстѣ оплодотворяютъ пространство болѣе 458,000 гектаровъ; но, не доходя 100 километровъ до Аму-Дарьи, онъ истощается совершенно. Уже въ Бухарѣ Зарявшанъ не приноситъ достаточно воды для орошенія полей, вслѣдствіе чего жители многочисленныхъ деревень принуждены были переселиться въ другія мѣста выше по рѣкѣ. Смотря по обилію снѣговъ и дождей, по колебаніямъ климата, по альтернативамъ мира и войны, соотвѣтствующимъ дѣятельной культурѣ или временному прекращенію земледѣльческихъ работъ, вода спускается болѣе или менѣе низко въ естественныхъ и искусственныхъ руслахъ Зарявшана, и даже бываетъ такъ, что въ иныхъ мѣстахъ излишекъ водъ во время разливовъ рѣки уходитъ въ болота [1]).

На югѣ отъ Аму-Дарьи, другая рѣка, имѣющая весьма значительный бассейнъ, тоже изсякаетъ, далеко не доходя до главной рѣки, въ которую

[1]) *Костенко*, цитирован. сочиненіе.

она нѣкогда впадала, и отъ которой она теперь отдѣлена песчаной пустыней. Этотъ бывшій притокъ Оксуса, называемый Мервскимъ Мургабомъ, беретъ начало среди афганской территоріи, въ горахъ Гарджистана, соединяется со всѣми ручьями, бѣгущими съ сѣвернаго склонаЕратскихъ горныхъ цѣпей, затѣмъ, развѣтвляясь въ равнинѣ, теряется наконецъ въ пескахъ, начинающихся за Мервскимъ оазисомъ. Ератская рѣка, Гери-рудъ, проходящая поперечной долиной или ущельемъ черезъ краевую цѣпь Иранскаго плоскогорья, тоже составляла прежде часть того-же бассейна: но подобно тому, какъ Мервскій Мургабъ изсякаетъ прежде чѣмъ достигнуть Аму-Дарьи, Гери-рудъ, извѣстный въ своемъ нижнемъ теченіи подъ зендскимъ именемъ Теджень или „Рѣка“ [1]), пересыхаетъ, не дойдя до Мургаба; оросивъ сарахскіе сады, онъ смачиваетъ пески, образуя мокрый слой почвы, гдѣ путники съ трудомъ собираютъ просачивающуюся капля по каплѣ солоноватую воду, затѣмъ онъ окончательно испаряется. Летучіе пески, переносимые вѣтромъ съ мѣста на мѣсто на сѣверѣ отъ двухъ ирригаціонныхъ дельтъ Мургаба и Гери-руда, совершенно скрыли подъ собой бывшія рѣчныя ложа, такъ что теперь неизвѣстно даже, въ какомъ направленіи текли воды. Судя по общему скату почвы, спускающемуся отъ юго-востока къ сѣверо-западу, параллельно горнымъ цѣпямъ Гюлистана и Туркестана, нужно полагать, что теченіе этихъ рѣкъ направлялось въ ту-же сторону, и что онѣ соединялись не съ нынѣшней Аму-Дарьей, но съ западнымъ рукавомъ этой рѣки, который изливался въ Каспійское море; въ этомъ-же направленіи выкопаны и линіи колодцевъ.

Во всей части своего нижняго теченія, внизъ отъ страны Балхъ, Аму сохраняетъ свое нормальное направленіе къ сѣверо-западу. У Килифа, откуда русскіе начали правильную съемку рѣки [2]), и гдѣ еще видны кое-какіе слѣды моста, построеннаго Надиръ-шахомъ, послѣдній выступъ Гиссарскихъ горъ съуживаетъ ложе, которое имѣетъ въ этомъ мѣстѣ не болѣе 300 метровъ въ ширину; но въ равнинѣ берега раздвигаются на разстояніе, среднимъ числомъ, болѣе 700 метр., хотя глубина водъ не менѣе 6 метр. и хотя во время разлива скорость теченія измѣняется отъ 10,000 до 5,600 метр. въ часъ [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка имѣетъ не менѣе 2 километровъ въ ширину, даже въ періодъ мелководья; но въ этихъ частяхъ теченія она окружаетъ своими водами низменные острова, гдѣ растутъ ивы, подобныя деревьямъ аллювіальныхъ острововъ Миссисипи, и lasiagrostis splendens, высокій злакъ съ золотистыми колосьями. Высокіе берега Аму-Дарьи, подтачиваемые водами, почти вездѣ довольно обрывисты; глина пустыни, расположенная слоями, которые представляютъ

[1]) *Карлъ Риттеръ*, Азія; *Zimmermann*, Denkschrift über den Oxus.
[2]) *Костенко*, Туркестанскій край.
[3]) *Alexander Burnes*, Travels into Bokhara.

почти такую-же твердость и такой-же наружный видъ, какъ слапцы, является тамъ и сямъ въ формѣ настоящихъ утесовъ, напоминающихъ крутые скалистые берега моря. Прежде чѣмъ вступить въ низменную область воздѣлываемыхъ земель, которыя почти всѣ находятся на лѣвомъ берегу, рѣка должна даже перерѣзать въ Тойю-бойнѣ (Верблюжій проходъ), черезъ ущелье въ 330 метровъ шириною, полосу мѣловыхъ скалъ, содержащихъ большое число ископаемыхъ. Путешественники констатировали тотъ фактъ, что теченіе Оксуса идетъ обыкновенно вдоль праваго берега: также, какъ въ Волгѣ и въ сибирскихъ рѣкахъ, воды и здѣсь неудержимо повинуются боковому движенію, которое имъ сообщается вращеніемъ земли вокругъ своей оси [1]).

Аму-Дарья катитъ значительное количество землистыхъ частицъ. Вода въ ней отъ присутствія этихъ осадковъ почти всегда желтоватая; во время сильныхъ разливовъ она даже принимаетъ темнокрасный цвѣтъ, свидѣтельствующій о примѣси наносовъ Сургъ-аба и его „кровавыхъ водъ“. Несмотря, однако, на мутный цвѣтъ, вода этой рѣки имѣетъ пріятный вкусъ: достаточно дать осѣсть мельчайшимъ частичкамъ песку, которыми она наполнена. „Никакая вода въ мірѣ не можетъ сравниться съ ней“, говорятъ туземцы и путешественники; „даже вода благословеннаго Нила менѣе хороша“ [2]). Подобно египетской рѣкѣ, Оксусъ имѣетъ свои правильные разливы, происходящіе отъ таянія снѣговъ. Наводненіе начинается въ маѣ, и въ концѣ іюля или въ началѣ августа приливъ достигаетъ своего высшаго уровня. Въ октябрѣ рѣка уже совершенно вернулась въ свое ложе и продолжаетъ понижаться въ теченіе всей зимы: это періодъ мелководья, который продолжается до весеннихъ дождей. Иногда, въ холодное время года, поверхность рѣки, выставленная дѣйствію полярныхъ вѣтровъ, замерзаетъ совершенно, и караваны переходили рѣку по льду, на дорогѣ изъ Мерва въ Бухару [3]). Средняя толщина ежегодной ледяной коры равняется 30 сантиметрамъ у Нукуса, выше бифуркаціи нижнихъ потоковъ.

Начиная съ половины 1874 года жидкая масса, протекающая въ Оксусѣ, была правильно измѣряема. У Питняка, то-есть непосредственно за „Верблюжьимъ проходомъ“ внизъ по рѣкѣ, среднее количество стока исчисляется Шмидтомъ и Дорандтомъ [4]) въ 3,570 кубич. метровъ въ секунду (3,328 куб. метр., по Герберту Вуду). Для всей поверхности бассейна, которая можетъ быть исчисляема приблизительнымъ образомъ въ 300,000 квадр. километровъ, безъ рѣкъ Зарявшана и Мургаба, эта масса воды представляетъ годовой жидкій слой толщиною въ 30 сантиметровъ

[1]) *Герберт Вудъ*, *Богдановъ* и т. д.
[2]) *А. Вамбери*, Странствованія дервиша въ Средней Азіи.
[3]) *Алекс. Борнсъ*, цитированное сочиненіе.
[4]) Записки экспедиціи на Аму-Дарью, 4-й выпускъ.

на квадратный метръ площади: это избытокъ дождевой воды надъ потерей отъ испаренія, избытокъ значительный, свидѣтельствующій объ обиліи снѣговъ на плоской возвышенности Памира. Такимъ образомъ, пропорціонально поверхности бассейновъ истеченія, Аму-Дарья катитъ столько же воды, сколько большія рѣки западной Европы, какъ, напримѣръ, Жиронда. По порядку абсолютной важности, изъ европейскихъ рѣкъ только Дунай и Волга стоятъ выше Аму; меньшая на половину, чѣмъ Шатъ-эль-Арабъ, эта средне-азіатская рѣка очень близко подходитъ, по объему жидкой массы, къ Нилу. При большихъ наводненіяхъ, какимъ былъ, напримѣръ, разливъ 1878 года, она превосходитъ даже Миссисипи въ среднемъ его теченіи [1]).

Но у Нукуса, то-есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ передъ впаденіемъ въ Аральское море, она уже катитъ только половину того объема воды, который протекалъ по ея руслу на „Верблюжьемъ проходѣ“: здѣсь по величинѣ она уже уступаетъ Ронѣ, Рейну, По, Невѣ, Днѣпру. По измѣреніямъ Шмидта и Дорандта, количество протекающей въ секунду воды въ Аму-Дарьѣ, у Нукуса, представляетъ слѣдующія цифры:

Средній объемъ при низкомъ состояніи воды . . .	976	куб. метр.
Средній годовой объемъ за три года: 1873, 1874, 1875.	1,596	„ „
Въ періодъ половодья.	4,537	„ „
Во время наводненія 1878 г., по Гельману. . . .	27,400	„ „

Это оскудѣніе Аму-Дарьи объясняется тѣмъ, что въ промежуточномъ пространствѣ между Верблюжьимъ проходомъ и Нукусомъ ирригаціонные каналы, которые всѣ выкопаны на лѣвомъ берегу, отняли у рѣки значительную часть ея жидкой массы въ пользу прибрежныхъ равнинъ Хивы. Вода вошла въ землю, но лишь за тѣмъ, чтобы снова явиться на поверхности въ формѣ зелени, въ этихъ группахъ тополей, ивъ, кленовъ и вязовъ, которыя составляютъ такой пріятный контрастъ съ угрюмымъ однообразнымъ пространствомъ безжизненной пустыни, въ рощицахъ и садахъ фруктовыхъ деревьевъ, въ поляхъ, засѣянныхъ хлѣбными растеніями, и въ искусственныхъ лугахъ. Впродолженіе ирригаціоннаго сезона, то-есть съ половины апрѣля до конца іюля, поля Хорезма, общее протяженіе которыхъ исчисляется въ 10,600 квадр. километровъ [2]), поглощаютъ 7 милліардовъ кубич. метровъ воды, то-есть седьмую часть годоваго стока рѣки, и общее количество отлагаемаго ила составляетъ 16.660,000 тоннъ,—масса, достаточная для того, чтобы повышать ежегодно поверхность прибрежныхъ равнинъ на восемь десятыхъ миллиметра. Пропорція содержащихся въ водѣ землистыхъ частицъ измѣняется, смотря по высотѣ

---

[1]) *Гельманъ*, Записки Кавказскаго отдѣла Географ. Общества, за 1879 г.

[2]) *Basiner*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. XV.

разлива, отъ величины меньшей одного килограмма до 3,400 граммовъ ила на кубическій метръ воды [1]).

Г. Гербертъ Вудъ вычислилъ, что количество воды, употребляемое для орошенія Хивинскаго края, превосходитъ на цѣлую треть то количество, которое было-бы строго необходимо. Земледѣльцы, не зная заранѣе, какого уровня достигнетъ разливъ Аму-Дарьи, принуждены копать свои каналы такимъ образомъ, какъ будто они предвидятъ засуху; но такъ какъ чрезмѣрное обиліе воды тоже можетъ быть причиной бѣдствій, то имъ нужно создавать искусственныя озера и болота на всей окружности своихъ оазисовъ, чтобы имѣть резервуары, куда-бы можно было спускать лишнюю воду изъ арыковъ. Необходимо, слѣдовательно, каждый годъ перекапывать оросительные каналы, чтобы очистить ихъ отъ накопившейся грязи, которая обыкновенно образуетъ слой около 60 сантиметровъ средней толщины. Въ августѣ мѣсяцѣ, какъ только собранная жатва свезена въ житницы, водоотводные каналы запираютъ при помощи временныхъ запрудъ и приступаютъ къ очисткѣ ложа, причемъ выбрасываютъ грязь по обѣ стороны арыка, укрѣпляя такимъ образомъ его боковыя насыпи. Но въ то время, какъ землистыя частицы, приносимыя рѣкой въ каналы, убираются каждый годъ и никогда не задерживаютъ свободной циркуляціи воды въ ирригаціонной сѣти, естественныя русла, идущія въ направленіи къ Аральскому морю, засариваются изъ году въ годъ: въ этихъ руслахъ отлагаются песчаныя мели, измѣнчивые бары, которые дѣлаютъ плаваніе по рѣкѣ труднымъ и опаснымъ и сообщаютъ совокупности рѣчныхъ водъ естественную наклонность разливаться по сторонамъ въ ирригаціонные каналы, куда ихъ увлекаетъ сила тяжести. Такова одна изъ главныхъ причинъ постоянныхъ перемѣнъ русла, происходящихъ въ нижней области Оксуса [2]).

Съ геологической точки зрѣнія можно сказать, что истинная дельта Аму-Дарьи есть та аллювіальная равнина, которую рѣка ежегодно оплодотворяетъ своими водами и осадками. Треугольное пространство, ограниченное Аральскимъ моремъ и двумя внѣшними или крайними вѣтвями Аму, Талдыкомъ на западѣ и Яны-су на востокѣ, есть дельта только по видимому, ибо формаціи, по которымъ тамъ протекаютъ рѣчныя воды, не были отложены этими водами; это болѣе древнія образованія, гдѣ различныя части потока вырыли себѣ случайныя русла, и гдѣ среднее паденіе гораздо значительнѣе, чѣмъ въ наносныхъ равнинахъ: отъ Нукуса до устьевъ, на разстояніи 120 километровъ по прямой линіи, общее паденіе превышаетъ 18 метровъ [3]), тогда какъ отъ Новаго Орлеана до Мексиканскаго залива, на протяженіи болѣе значительномъ, паденіе состав-

[1]) *Шмидтъ* и *Дорандтъ*, цитированный мемуаръ.

[2]) *Гербертъ Вудъ*; *Каульбарсъ* и др.

[3]) *Столѣтовъ*; *Гельманъ*, Записки Кавказск. отдѣла Географ. Общества, 1879 г.

ляетъ всего только нѣсколько сантиметровъ впродолженіи низкаго уровня водъ. Слѣдовательно, эта область нижняго Оксуса не можетъ быть принимаема за дельту, развѣ только въ геометрическомъ значеніи этого слова; дельты въ собственномъ смыслѣ образуются лишь при впаденіи каждаго изъ рукавовъ рѣки въ Аральское море: тамъ, дѣйствительно, отлагаются аллювіальные полуострова на отмеляхъ, и потоки Аму-Дарьи развѣтвляются и безпрестанно перемѣщаются въ этихъ грязяхъ, которыя нанесены ими же самими. Высокіе бары, которые поднялись со дна въ большей части устьевъ, преграждая доступъ всякому судну, имѣющему болѣе метра водоуглубленія, и, выше, густые камыши, достигающіе 6 и 8 метровъ высоты, среди которыхъ разливаются воды, не будучи еще въ состояніи прорыть себѣ черезъ эти чащи правильныя русла, останавливаютъ всякія другія суда, кромѣ каюковъ хивинскихъ рыбаковъ. Однако, пароходъ *Перовскій*, сидящій въ водѣ немного больше одного метра, успѣлъ, въ 1873 году, проложить себѣ дорогу черезъ рукавъ Яны-су, черезъ озеро Дау-кара и черезъ Куванъ-джерму или „Новый перекопъ“, и появился передъ Нукусомъ, къ великому удивленію туземцевъ. Съ той поры судоходство по нижнему Аму никогда не прерывалось, не смотря на препятствія, встрѣчаемыя при входѣ въ рѣку, и на быстрое теченіе, которое часто пароходы съ трудомъ преодолѣваютъ. Нѣкогда западный рукавъ, Талдыкъ, былъ самый глубокій, но онъ обмелѣлъ и засорился мало по малу, вслѣдствіе естественнаго стремленія рѣки уклоняться все болѣе и болѣе къ правой сторонѣ [1]); подобнымъ-же образомъ другой рукавъ, Дарьялыкъ, то-есть „Новый потокъ“, былъ покинутъ въ западныхъ равнинахъ, и прежняя столица страны, Катъ, расположенная нѣкогда на южной сторонѣ рѣки, въ 20 километрахъ къ западу отъ нынѣшняго Аму [2]), представляетъ теперь лишь безформенную груду развалинъ. Тамъ и сямъ, среди мокрыхъ земель и болотистыхъ пространствъ, поднимаются, на подобіе острововъ, холмы въ 50 и даже въ 75 и 90 метровъ высотою; киргизы, свято почитающіе память усопшихъ, устроили на этихъ буграхъ свои кладбища, и съ далекаго разстоянія видны развѣвающіеся по воздуху конскіе хвосты и флаги или значки, украшающіе могилы [3]).

Большія перемѣны, происшедшія въ теченіи Оксуса уже въ историческую эпоху, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ физіографіи, и изъ всѣхъ явленій этого рода, которыя были наблюдаемы въ новыя времена, съ ними можно сравнивать только періодическія перемѣщенія китайской Желтой рѣки. Если область нижней Аму-Дарьи не есть настоящая дельта, и если рѣка еще не проложила себѣ въ этой области правильныхъ руслъ, то это потому, что она течетъ тамъ только съ не-

[1]) *Гербертъ Вудъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Ленцъ; H. Kiepert*, Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde, Bd. IX.
[3]) *Левшинъ; H. Wood*, Journal of the Geographical Society, 1875.

давняго времени, быть можетъ, не болѣе трехъ-сотъ пятидесяти лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, не далѣе какъ въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія Аму былъ притокомъ Каспійскаго моря; но это было лишь временное явленіе: со временъ греческихъ историковъ эта рѣка уже два раза переходила отъ Каспія къ Аралу и обратно.

Въ эпоху Страбона, Оксусъ, по его словамъ, „величайшая рѣка всей Азіи, за исключеніемъ рѣкъ Индіи“ [1]), впадалъ въ Каспійское море, и торговое движеніе, направлявшееся съ Понта Эвксинскаго въ Индію, производилось черезъ эту рѣку, составлявшую тогда продолженіе, на восточной сторонѣ Гирканскаго моря, закавказской долины Куры. Послѣ завоеваній Александра Македонскаго, основанія эллинскихъ государствъ въ бассейнѣ Оксуса и географическаго изслѣдованія восточныхъ водъ Каспійскаго моря, произведеннаго, по порученію Селевка I, мореплавателемъ Патрокломъ, кажется поистинѣ невозможнымъ, чтобы могла быть ошибка относительно такого важнаго факта, какъ теченіе Оксуса. Но въ эпоху первыхъ арабскихъ и турецкихъ писателей эта рѣка, о которой Эдризи говоритъ, что она „превосходитъ всѣ рѣки въ мірѣ, какъ по объему и глубинѣ водъ, такъ и по ширинѣ ложа“ [2]), уже свернула съ прежняго пути на сѣверъ и изливалась въ Аральское море; всѣ арабскіе документы той эпохи удостовѣряютъ этотъ фактъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ рѣка опять направила свое теченіе къ Каспійскому морю, въ сторону котораго ее увлекаетъ относительно сильное паденіе, ибо бифуркація нынѣшняго ложа и стараго русла, ниже Яны-Ургенча, находится на высотѣ 42 метр. надъ уровнемъ Арала, на высотѣ 114 метр. надъ уровнемъ Каспія: это составляетъ паденіе болѣе 14 сантиметровъ на километръ [3]). Новое русло было наполнено въ продолженіи около двухъ столѣтій; но около половины шестнадцатаго вѣка, Аму-Дарья, оставивъ дорогу къ Каспію, снова вернулась, — во второй разъ уже въ историческія времена,—въ Аральское море.

Эти попеременныя перемѣщенія средне-азіатской рѣки были оспариваемы очень многими учеными; мало найдется географическихъ вопросовъ, которые бы подавали поводъ къ такимъ продолжительнымъ спорамъ. Отрицали даже, чтобы Оксусъ текъ къ Каспійскому морю во времена древнихъ грековъ; старое русло было приписываемо геологическимъ временамъ, задолго предшествовавшимъ исторіи человѣчества; высказывали предположеніе, что это русло не существуетъ болѣе и не наполнялось ни разу съ тѣхъ поръ, какъ поднятіе почвы подъ Кавказомъ и его закаспійскимъ продолженіемъ будто-бы заставило всѣ рѣки

[1]) Географія *Страбона*, кн. XI, 7, 3.

[2]) *Henry Rawlinson*, Edinburgh Review, янв. 1872 г.; Journal of the Geograph. Society, passim.

[3]) *Тилло*, Нивеллированіе Аральскаго моря въ 1873 г.

страны перенести свое теченіе далѣе къ сѣверу. Песчаные бугры, насыпи изъ обвалившейся глины, заграждающія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впадину бывшаго рѣчнаго ложа, приводились въ доказательство давности отступленія водъ каспійскаго Оксуса, а единогласные разсказы туземцевъ отвергались, какъ нестоющіе вниманія, подъ предлогомъ, что геологическая очевидность явленія должна была сама по себѣ породить народное преданіе. Наконецъ, указывали на различіе фаунъ Каспія и Арала какъ на доказательство того, что Оксусъ не переходилъ попеременно отъ одного моря къ другому: до сихъ поръ извѣстенъ только одинъ видъ рыбъ, изъ семейства лососиныхъ, общій обоимъ бассейнамъ [1]). Тѣмъ не менѣе, фактъ перемѣщенія русла Оксуса имѣетъ за собой положительныя историческія свидѣтельства; формальные документы, цитируемые сэромъ Генри Раулинсономъ, Юлемъ, Бруномъ [2]), не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ; итальянскіе и испанскіе портуланы (описанія и карты морскихъ береговъ и пристаней), составленные на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мореплавателями и торговыми людьми, показываютъ намъ, что западные народы очень хорошо были знакомы съ „Ургенджской рѣкой“, то есть съ Аму-Дарьей, и знали ее какъ притокъ Бакинскаго моря, извѣстнаго въ наши дни подъ именемъ Каспійскаго. На одной картѣ каталонскаго атласа 1375 года Сыръ и Аму даже соединены въ одинъ потокъ, и этотъ планъ согласуется съ современными свидѣтельствами; кромѣ того, названія Ochus и Amo, находящіяся къ югу отъ главнаго устья, даютъ право заключить, что Ургенджская рѣка изливалась въ море нѣсколькими рукавами. Мы не можемъ только опредѣлить съ точностью время возвращенія Аму-Дарьи въ Аральское море. Въ 1559 году, когда англійскій путешественникъ Дженкинсонъ посѣтилъ Туркестанъ, Оксусъ уже пересталъ течь въ Каспійское море, но онъ еще орошалъ равнины на западѣ отъ Куня-Ургенджа, и Дженкинсонъ могъ сѣсть на судно передъ этимъ городомъ, чтобы отправиться въ плаваніе по рѣкѣ; наконецъ, около 1575 года, по свидѣтельству Абуль-Гази, рѣка, уклоняясь все далѣе и далѣе на востокъ, покинула Ургенджскій оазисъ и устремилась всей своей массой къ Аральскому морю. Абуль-Гази, разсказывающій намъ объ этомъ событіи и о тѣхъ значительныхъ перемѣнахъ, которыми оно сопровождалось въ земледѣльческой промышленности страны, былъ ургенджскимъ ханомъ, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно переворота, который совершился тогда въ физической географіи Туркестана.

---

[1]) *Богдановъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г, № 6; — Russische Revue, 1875 г., ноябрь.

[2]) Journal of the Geograph Society etc.; — Плаваніе вокругъ Каспійскаго моря.

[3]) *Lenz*, Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu-daria; — *Циммерманъ*, *Базинеръ* и др.

Когда Муравьевъ обслѣдовалъ, въ 1819 году, часть прежняго теченія Аму-Дарьи къ Каспійскому морю, его открытіе было встрѣчено съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и въ возраженіяхъ не было недостатка; но Эйхвальдъ въ 1826 г., Карелинъ въ 1836 г., Вамбери въ 1863 г., подтвердили описаніе Муравьева; наконецъ, въ 1871 году, во время приготовленія новой русской экспедиціи противъ Хивы, изысканія были возобновлены г. Стебницкимъ, отъ стараго устья на 300 километровъ вверхъ по долинѣ; послѣ того работа изслѣдованія была старательно продолжаема—со стороны Хивы г. Глуховскимъ, а въ центральной части прежней рѣки г. Лупандинымъ: теперь мы уже имѣемъ подробную карту стараго теченія Аму-Дарьи. Покинутое ложе, средняя ширина котораго не менѣе километра, такъ отчетливо сохранило свои очертанія, какъ-будто воды только вчера оставили его. Обрывистые берега Узбоя выгрызены въ глинистой землѣ до глубины 20 и 25 метровъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаные откосы скрыли подъ собой параллельные слои береговой стѣны; аллювіальныя мели, поднимавшіяся со дна до самой поверхности теченія, могутъ быть сразу узнаны, точно также, какъ и острова, разсѣянные посреди рѣки. Самыя глубокія впадины бывшаго ложа до сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ заняты продолговатыми, извилистыми озерами, напоминающими своей формой рѣчныя излучины; только большая часть этихъ резервуаровъ наполнены соленой водой, окаймленной по краямъ кристаллами соли, похожими на снѣгъ. Гребенчики (деревцо), тростники, ростущіе цѣлыми лѣсами въ ложбинахъ, представляютъ восхитительное зрѣлище для путешественника, которому передъ тѣмъ пришлось странствовать цѣлыя недѣли по страшной, лишенной всякой растительности, песчаной пустынѣ; тамъ и сямъ, на берегахъ прѣсныхъ водъ, онъ съ неописанной радостью видитъ даже настоящія рощицы, состоящія изъ тополей и дикихъ маслинъ (джида). Прежде полагали, что Узбой имѣлъ еще другое устье, къ югу отъ острова Челекень, въ бухтѣ, называемой заливомъ Хивинскимъ; г. Стебницкій не отыскалъ этой рѣчной вѣтви и даже не думаетъ, чтобы она когда нибудь существовала [1]), но одинъ рукавъ протекалъ по южной сторонѣ полуострова Дарджа, который нужно считать истинной дельтой прежняго Оксуса. Туркмены показываютъ еще планъ ирригаціонныхъ каналовъ въ мѣстности, бывшей низовьемъ Аму-Дарьи [2]). Замѣчательно, что высохшая рѣка оканчивала свое теченіе не въ равнинѣ, но черезъ ущелье, черезъ ворота горъ, между двухъ вершинъ, которыя, благодаря контрасту съ окружающей ровной пустыней, имѣютъ очень внушительный видъ; горы эти — Большой Балханъ, на сѣверѣ, и Малый Балханъ, на югѣ.

[1]) Journal of the Geograph. Society, vol. XLIV, 1874 г.

[2]) *Eichwald*, Reise auf dem Kaspischen Meere.

Туземцы прежде называли покинутое русло Оксуса разными именами, смотря по частямъ его теченія, какъ-то: Лауданъ, Дарьялыкъ, Купя-Дарья (Старая рѣка), Узбой, Энгіунджъ, Деуденъ; но теперь ему даютъ общее наименованіе Узбой, отъ равнинъ Хивы до Балханскаго залива. Оно начинается на востокѣ, въ нынѣшней дельтѣ Аму-Дарьи, тремя руслами Дарьялыка, Деудана и Тону, изъ которыхъ два первыя соединяются близъ „Желтыхъ Камышей“ или Сары-Камышъ. За этимъ двойнымъ озеромъ, которое, безъ сомнѣнія, было обширнымъ озернымъ бассейномъ, и вода котораго была, до недавнихъ наводненій и предпринятыхъ русскими работъ, гораздо солонѣе морской, Узбой слѣдуетъ въ южномъ направленіи, чтобы обойти крутые склоны плоскогорья Устъ-Уртъ; затѣмъ онъ поворачиваетъ къ западу, проникаетъ въ проломъ горной цѣпи, составляющей продолженіе Кавказскаго хребта на восточной сторонѣ Каспійскаго моря, и, соединившись съ бывшимъ потокомъ Акъ-тамъ или „Бѣлая Глина“, впадаетъ въ продолговатый заливъ Балханскій, въ южной части Каспійскаго моря. Общая длина Узбоя, между нынѣшнимъ теченіемъ Аму и его прежнимъ устьемъ, около 800 километровъ: долина Оксуса была тогда длиннѣе на все это разстояніе. Развалины городовъ и деревень, находимыя путешественниками на берегахъ верхняго Узбоя, между дельтой нынѣшней Аму-Дарьи и озеромъ Сары-Камышъ, принадлежатъ, очевидно, къ двумъ эпохамъ, соотвѣтствующимъ двумъ періодамъ истеченія Оксуса къ Каспійскому морю. Постройки древнѣйшихъ городовъ указываютъ на несравненно болѣе высокую степень цивилизаціи и богатства, чѣмъ та, о которой свидѣтельствуютъ развалины позднѣйшихъ поселеній, во всемъ похожихъ, судя по сохранившимся остаткамъ, на строенія современныхъ намъ Хивинскихъ городовъ [1]). По свидѣтельству туземцевъ, другой рукавъ Оксуса [2]) отдѣлялся отъ рѣки близъ Чарджуя, гораздо выше нынѣшней дельты, и бѣжалъ прямо на западъ черезъ равнины, которыя впослѣдствіи превратились въ пустыню и извѣстны теперь подъ именемъ Кара-кумъ (Черные пески).

Заливъ Балханскій вдается далеко внутрь материка, и песчаныя пространства, солончаковыя котловины, обширныя болота, находящіяся на протяженіи Узбоя, придаютъ ему скорѣе видъ бывшаго морскаго пролива или длинной цѣпи озеръ, чѣмъ простаго рѣчнаго ложа. Вѣроятно, что въ предшествующую геологическую эпоху, прежде, чѣмъ сдѣлаться русломъ простой рѣки, ложе Узбоя принимало въ себя воды, которыя Аралъ, имѣвшій тогда болѣе высокій уровень, чѣмъ въ наши дни, посылалъ непосредственно въ Каспійское море, ибо, какъ мы знаемъ, высы-

[1]) *Костенко*, Туркестанскій край.

[2]) *Гербертъ Вудъ*, цитированное сочиненіе и Journal of the Geograph. Society, 1875 г.;—*Костенко*, цитированное сочиненіе.

ханіе составляетъ общее явленіе въ замкнутыхъ бассейнахъ Азіи. Въ тѣ времена, когда притоки Оксуса и Яксарта, теперь пропадающіе въ пескахъ пустыни, приносили свои воды главному потоку, и когда страна изобиловала лѣсами, какъ о томъ опредѣленно говоритъ Страбонъ, и какъ это повторяютъ арабскіе писатели десятаго столѣтія, уровень Арала необходимо долженъ былъ превышать горизонтъ, котораго воды его достигаютъ въ настоящее время: этотъ бассейнъ продолжался въ ту эпоху далеко на югъ, до подошвы крутыхъ береговъ Усть-Урта.

Понятно, что уровень Аральскаго моря долженъ былъ значительно колебаться изъ вѣка въ вѣкъ, не только вслѣдствіе перемѣнъ климата, которыя влекутъ за собой увеличеніе или уменьшеніе дождей и мѣстной растительности, но также смотря по измѣненіямъ теченія Аму-Дарьи. Если многочисленные признаки,—и между ними главнымъ образомъ линіи уровня, начертанныя водами на западныхъ береговыхъ утесахъ Аральскаго моря,—свидѣтельствуютъ о болѣе высокомъ уровнѣ этого озера въ предшествующую эпоху, то нѣкоторые другіе факты доказываютъ, что было также время, когда Аралъ не наполнялъ всего бассейна, въ которомъ онъ заключенъ. Его уровень и площадь поперемѣнно увеличивались и уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ обитаетъ на его берегахъ. Его, правда, называютъ „моремъ“, и до извѣстной степени онъ заслуживаетъ это наименованіе, не за глубину, но за большое протяженіе; однако, онъ зависитъ всецѣло, въ отношеніи своего питанія, отъ двухъ впадающихъ въ него рѣкъ: пусть Аму и Сыръ удалятся отъ аральской котловины, чтобы направить свои воды въ Каспій, и „море Хорезма“ неминуемо должно обмелѣть и высохнуть въ небольшое число лѣтъ. Но Аму-Дарья, какъ мы видѣли, уже два раза покидала Аралъ въ историческія времена, тогда какъ одинъ изъ рукавовъ Сыръ-Дарьи тоже изливался нѣкогда въ Каспійское море черезъ теченіе Оксуса. Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Аралъ нисходилъ въ разные періоды своей исторіи, до размѣровъ незначительнаго степнаго озера.

Впрочемъ, этотъ вопросъ легко можетъ быть разрѣшенъ посредствомъ простаго вычисленія. Г. Стебницкій исчислялъ, въ 1870 году, поверхность Арала, безъ четырехъ главныхъ острововъ бассейна, въ 65781 квадр. километр.: это площадь равная восьмой части Франціи. Самая впалая часть бассейна, идущая вдоль западныхъ высокихъ береговъ, у основанія плоскогорья Усть-Уртъ, имѣетъ всего только 68 метр. въ самомъ глубокомъ мѣстѣ; да и этотъ поясъ большихъ глубинъ очень узокъ. Около центра бассейна лотъ нашелъ глубину воды равную 53 метрамъ; но вокругъ этихъ двухъ впадинъ ложе Арала опять повышается неправильно отъ середины къ берегамъ, и въ сосѣдствѣ прибрежья озеро превращается въ простое болото; на обширныхъ пространствахъ, особенно въ восточной и южной части бассейна, рыболовы могутъ ходить

по морю на нѣсколько верстъ отъ берега, причемъ вода доходитъ имъ только до пояса; линія береговъ вездѣ неопредѣленна, измѣнчива и зависитъ отъ вѣтровъ, которые заставляютъ ее отступать или выдвигаться впередъ на нѣсколько верстъ, смотря по ихъ направленію. Взявъ среднюю ариѳметическую величину всѣхъ произведенныхъ до сихъ поръ промѣровъ дна, находимъ, что весь бассейнъ въ цѣломъ его объемѣ, разсматриваемый какъ имѣющій вездѣ одинаковую глубину, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ 10, по большей мѣрѣ 15 метровъ. Если даже принять эту послѣднюю глубину за истинную, то и тогда общій объемъ воды въ Аральскомъ морѣ достигаетъ едва 1000 милліардовъ кубич. метровъ (по Герберту Вуду, 942.970.000.000 кубич. метровъ или 1.233.434.000.000 куб. ярдовъ), слѣдовательно, по вмѣстимости, это море только въ одиннадцать разъ больше маленькаго Женевскаго озера, которое, однако, въ 116 разъ уступаетъ ему протяженіемъ. Изъ этого видно, какъ незначительна относительная важность Этого озернаго бассейна, который представляетъ такую красивую фигуру на картѣ Азіи!

Количество воды, которое Аму-Дарья приноситъ въ теченіе года Аралу, извѣстно; количество-же, изливаемое Сыръ-Дарьей, не было измѣрено съ такой-же точностью; но мы знаемъ, что оно составляетъ около 1200 кубич. метровъ въ секунду, и что около половины этой послѣдней рѣки изливается въ озеро. Слѣдовательно, приносимый двумя рѣками объемъ воды,—не принимая въ разсчетъ мелкихъ, почти всегда пересохшихъ, притоковъ, которые отъ времени до времени вливаютъ въ озеро небольшое количество дождевой воды, — равняется приблизительно 2200 кубич. метрамъ въ секунду. Эта жидкая масса составляетъ какъ-разъ такой объемъ, какой отняло-бы у озера годовое испареніе, равное 1020 миллиметрамъ. Но при этомъ нужно принять во вниманіе также и дожди, падающіе непосредственно въ бассейнѣ Арала, которые, впрочемъ, представляютъ, по Карлу Шмидту и Дорандту [1]), только отъ 8 до 9 сантиметровъ въ годъ. Годовое испареніе, исчисляемое гг. Шмидтомъ и Дорандтомъ въ 1150 миллиметровъ, уноситъ-ли также и этотъ вносъ облаковъ, и сохраняется-ли приблизительно равновѣсіе между прибылью и убылью воды въ бассейнѣ? Извѣстно, что со времени прибытія русскихъ въ край было уменьшеніе объема жидкой массы Арала: испареніе получило перевѣсъ. Вслѣдствіе недостаточности приносимаго притоками количества воды, заливъ Айбугирскій, который еще фигурируетъ на многихъ картахъ къ западу отъ устьевъ Аму-Дарьи, и который въ 1848 г. имѣлъ метръ глубины, былъ уже въ 1870 году не болѣе какъ болото, совершенно отдѣленное отъ главнаго озера перешейкомъ, состоящимъ изъ ила и заросшимъ камышами. Въ 1871 году, во время Хивинской экспе-

[1]) Цитированный мемуаръ.

диціи, русскіе географы констатировали тотъ фактъ, что соленый заливъ Айбугиръ совсѣмъ исчезъ, и что въ бывшемъ его ложѣ растутъ деревья; если онъ иногда и появляется опять, то уже не какъ заливъ Аральскаго моря, а какъ бассейнъ, образующійся отъ разлива Аму-Дарьи; онъ наполняется теперь только прѣсной водой. Съ исчезновеніемъ этого залива площадь Аральскаго бассейна убавилась на порядочный кусокъ, который можно исчислять приблизительно въ 3500 квадр. километровъ. Но, одновременно съ Айбугиромъ, сколько другихъ низменныхъ береговъ на окружности Арала должны были высунуться изъ подъ воды и такимъ образомъ съузить поверхность озернаго бассейна? Обширное песчаное пространство, окаймляющее сѣверные берега Аральскаго моря, представлено на картѣ Гладышева и Муравина, относящейся къ 1740 году, какъ покрытое водами, и дѣйствительно современные намъ изслѣдователи доказали, что вода удалилась оттуда въ недавнюю эпоху. На скатахъ береговыхъ утесовъ, въ западной части бассейна, старыя линіи берега видны на высотѣ 43 и даже 75 метровъ надъ теперешнимъ уровнемъ водъ [1]). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вода омывала основаніе холмовъ, которые теперь находятся почти въ 60 верстахъ отъ берега [2]), и киргизы показываютъ мечеть построенную нѣкогда на восточномъ берегу озера, и которая теперь удалена отъ него на десятки верстъ [3]). Песчаная степь не перестаетъ увеличиваться на счетъ пустыни водъ, и можно прослѣдить взоромъ прогрессъ образованія дюнъ на морскомъ прибрежьи. Первый рядъ песчаныхъ горокъ состоитъ изъ твердыхъ, вполнѣ окрѣпшихъ холмовъ, поросшихъ тамарискомъ или гребенчикомъ; второй рядъ, болѣе близкій къ озеру, имѣетъ уже кое-гдѣ молодыя поросли гребенчика, который поднимаетъ свои стебли надъ пескомъ, недавно нанесеннымъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ; на самомъ берегу моря песчаные бугры, когда смотришь издали, сливаются съ желтоватыми волнами; но они растутъ мало по малу, и въ самомъ озерѣ морщинистыя песчаныя мели покрываются постоянно увеличивающимися длинными бугорками, зачатками будущихъ дюнъ [4]). Многочисленные острова, бывшіе нѣкогда подводными мелями, послѣдовательно выступили на поверхность, оправдывая своимъ обиліемъ имя озера, Аралъ-денгизъ, которое по турецки значитъ: „море острововъ“. Русскіе прежде называли его „Синимъ моремъ“, откуда и произошло наименованіе „Синей орды“, которое носили кочевники окрестныхъ мѣстъ [5]). Также какъ киргизы и туркмены, они говорили съ ужа-

---

[1]) *Мишенковъ*, Записки Русск. Географ. Общества, IV, 1871 г.

[2]) *Meyendorff*, Reise nach Bokhara; Mittheilungen von Petermann, 1878 г., № 8.

[3]) *Герберта Вуда*, цитирован. сочиненіе.

[4]) *Сѣверцовъ*, *Богдановъ*, Russische Revue, 1875 г., № 3; *Mittheilungen von Petermann*, 1878, № 8.

[5]) *Левшинъ*, *Эверсманъ* и т. д.

сомъ о какой-то пропасти на днѣ озера, будто-бы поглощающей воды Арала, которыя подъ землей утекаютъ въ Каспійское море [1]).

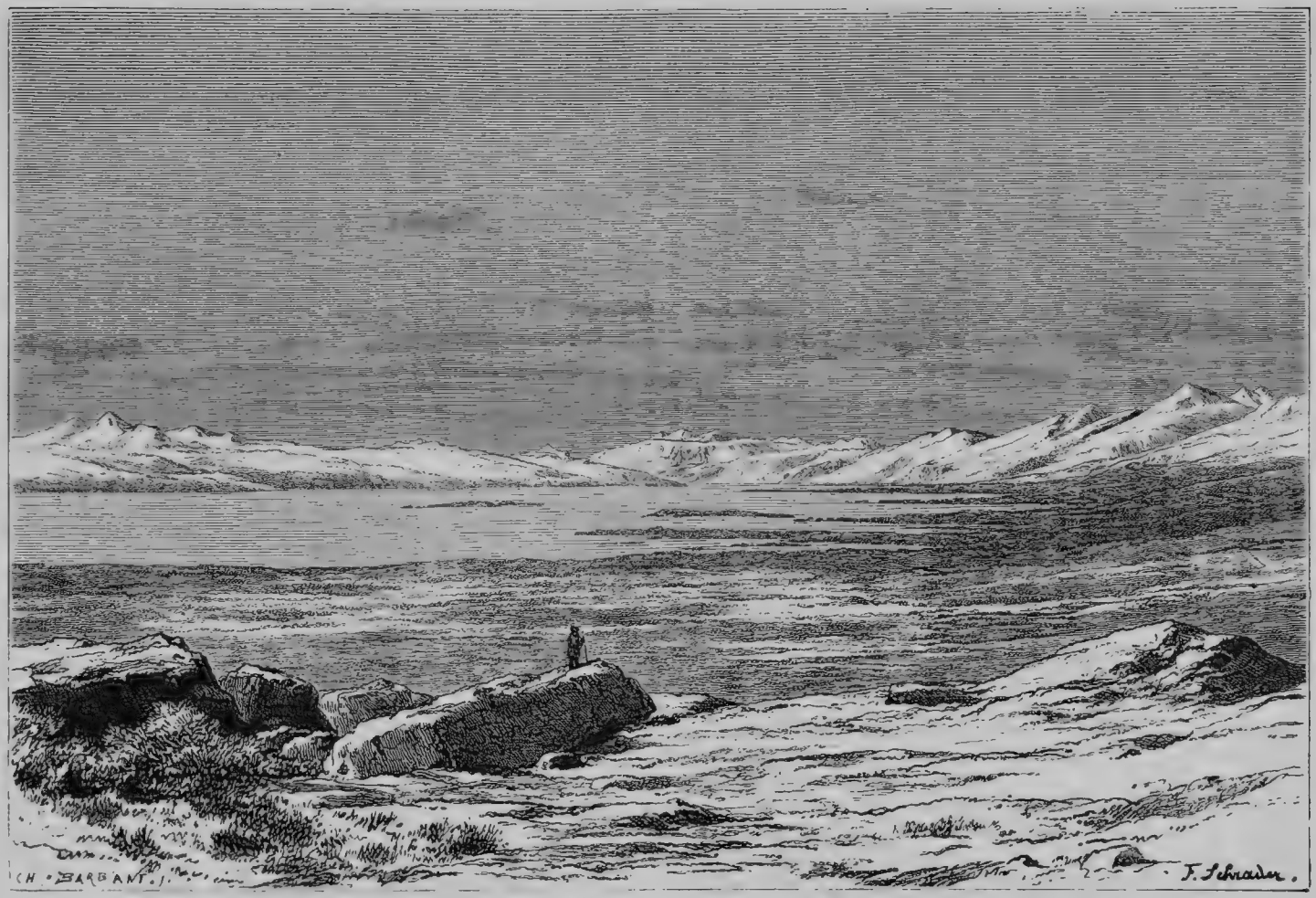
Несравненно быстрѣе должна была совершаться перемѣна въ размѣрахъ Аральскаго моря въ ту эпоху, когда Оксусъ, переставъ течь на сѣверъ, направилъ свой потокъ на юго-западъ, къ Каспію. Предположимъ повтореніе подобнаго событія, то есть возвращеніе Аму въ старое русло, и Аралъ, лишающійся ежегодно 50 милліардовъ кубич. метровъ рѣчной воды, потеряетъ, въ первый же годъ, двадцатую часть своей вмѣстимости. По прошествіи десяти или двѣнадцати лѣтъ, онъ уже будетъ имѣть только половину своего нынѣшняго объема, всѣ плоскія, неглубокія мѣста дна, то есть самая обширная часть его бассейна, будутъ уже сухой землей; черезъ двадцать четыре года вода останется еще только въ пяти впадинахъ ложа, изъ которыхъ двѣ главныя находятся одна въ центрѣ, другая въ западныхъ областяхъ моря; различныя отдѣльныя озера, остатки бывшаго Арала, уменьшатся до размѣровъ другихъ *денгизовъ* Киргизской степи. Встрѣчающіеся на Аралѣ бугры, подобные тѣмъ, которые мы видимъ на западныхъ берегахъ Каспія, и тоже перпендикулярные къ направленію берега, свидѣтельствуютъ, своимъ образованіемъ, о періодѣ быстраго истеченія, во время котораго берегъ дѣйствіемъ воды былъ изрытъ на длинные параллельные овраги, отдѣленные одинъ отъ другаго промежуточными стѣнами [2]).

Древніе писатели, которые говорятъ о странѣ орошаемой Оксусомъ и Яксартомъ, упоминаютъ объ Аральскомъ морѣ только въ тѣ эпохи, когда не называютъ этихъ двухъ рѣкъ притоками Каспія. Греческіе и римскіе географы, которые описываютъ Оксусъ какъ рѣку, впадающую въ Гирканское море, совершенно не знаютъ о существованіи промежуточнаго моря. Трудно было-бы объяснить, какимъ образомъ столь обширная водная площадь, нынѣшнее протяженіе которой почти равно протяженію Эгейскаго моря, могла быть совершенно неизвѣстна древнимъ, еслибы она имѣла въ ту эпоху такіе-же размѣры, какъ въ наши дни. Греческіе государи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій управляли странами, заключающимися между Персіей и большими горными цѣпями центральной Азіи; купцы, полководцы эллинскаго языка переходили черезъ рѣки Оксусъ и Яксартъ, и ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о второмъ морѣ, лежащемъ на востокъ отъ Гирканскаго. Но въ эпоху арабскаго завоеванія, когда Джигунъ, покинувъ дорогу къ Каспійскому морю, направилъ свое теченіе къ котловинѣ Арала, всѣ писатели знаютъ это озеро: они чертятъ его карты, говорятъ о судахъ плавающихъ по его водамъ. Одинъ изъ этихъ средневѣковыхъ авторовъ, Хорземи, уроженецъ страны, опре-

---

[1]) *Левшинъ*, Описаніе киргизъ-кайсаковъ.

[2]) *Сѣверцовъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 7.



ОЗЕРО САРЫ-КУЛЬ.

дѣляетъ протяженіе этого „моря“ такимъ образомъ, что оно имѣетъ около 400 верстъ въ окружности [1]); не считая небольшихъ изсѣченій морскаго прибрежья, въ наши дни окружность Арала втрое больше: ее можно считать равной 1350 километр. (около 1250 верстъ). Но со времени возвращенія Оксуса къ Каспійскому морю прекращаются всякія извѣстія объ Аральскомъ озерѣ: ни одинъ европейскій путешественникъ не упоминаетъ о немъ. Марко Поло, отправляясь изъ приволжскихъ степей въ пустыни по теченію Оксуса, конечно, долженъ былъ проходить въ сосѣдствѣ обширной котловины, которую теперь занимаетъ туркестанское море; но онъ не знаетъ даже о существованіи его. Монахъ Рубруквисъ, который прошелъ черезъ страну непосредственно на сѣверѣ отъ впадины, наполняемой нынѣ Аральскимъ моремъ, ничего не говоритъ объ этомъ огромномъ водномъ пространствѣ, онъ упоминаетъ только о „большой рѣкѣ, орошающей всю страну по волѣ жителей, воды которой поглощаются почвой и наконецъ теряются въ болотахъ, не достигая какого либо моря [2]). Маршруты путешествій Ибнъ-Батуты, Пеголотти, отъ каспійскаго берега въ Харезмъ и въ Отраръ на Сыръ-Дарьѣ, проходятъ какъ-разъ черезъ пространство, которое въ наши дни покрыто площадью водъ [3]). Всѣ эти факты даютъ право заключить съ полной увѣренностью, что въ своихъ послѣдовательныхъ колебаніяхъ, относительно уровня и объема жидкой массы, Аральское озеро прошло черезъ періодъ почти совершеннаго высыханія, и что одно время оно нисколько не отличалось отъ многочисленныхъ озерныхъ бассейновъ, разсѣянныхъ въ степи: оно бывало попеременно то моремъ, то болотомъ.

Смотря по альтернативамъ увеличенія и уменьшенія Аральскаго моря, вода его имѣетъ бо́льшую или меньшую степень солености: содержаніе соли возрастаетъ съ усиленіемъ испаренія, умаляется съ увеличеніемъ приносимой рѣками жидкой массы. Въ настоящее время воды Арала, получающаго обильную дань отъ своихъ притоковъ, двухъ большихъ рѣкъ, въ очень слабой степени солены, и животныя, дикія и домашнія, пьютъ ихъ безъ отвращенія; притомъ-же относительная важность прѣсноводныхъ потоковъ, изливающихся въ озеро, и измѣнчивое дуновеніе вѣтровъ разнообразно перемѣщаютъ водяные слои различной солености, вслѣдствіе чего наблюденія, сдѣланныя въ разные, даже непосредственно слѣдующіе одинъ за другимъ, года, не даютъ одного и того-же результата, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

---

[1]) *Ali-Suavi*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, tome IV.

[2]) Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de Géographie de Paris tome IV.

[3]) *Henry Rawlinson*, цитированное сочиненіе; *Бруннъ*, Плаваніе вокругъ Каспійскаго моря.

Соленость Аральскаго моря, по Тейху, лѣтомъ 1871 г. . 12,9000 на 1000
„ „ „ „ „ „ 1872 „ . 10,9089 „ „
„ „ „ „ Гримму „ 1873 „ . 12,2757 „ „

Но можно принять, какъ средній выводъ изъ произведенныхъ до сихъ поръ анализовъ, что количество солей всякаго рода, растворенныхъ въ аральской водѣ, составляетъ 11 частей на 1000. Пропорція морской соли приблизительно на одну треть меньше въ Аралѣ, нежели въ Каспіѣ, тогда какъ гипсъ содержится тамъ въ количествѣ почти въ три раза болѣе значительномъ, чѣмъ въ послѣднемъ изъ этихъ бассейновъ, именно:
Морск. соль: въ аральск. в., 6,2356 на 1000; въ касп. в., 8,9504 на 1000
Гипсъ „ „ „ „ 1,5562 „ „ „ „ „ 0,5592 „ „

Очевидно, Аральское „море“, по составу своей воды, не есть остатокъ океана: это внутренній бассейнъ, гдѣ содержаніе солей зависитъ отъ свойства почвы окружающихъ мѣстностей. Что касается фауны Арала, то подробное изученіе ея началось только въ эти послѣдніе годы [1]); оно показало, что прѣсноводные и морскіе виды живутъ тамъ рядомъ одинъ съ другимъ. Въ цѣломъ, однако, прѣсноводная фауна беретъ перевѣсъ; она не заключаетъ въ себѣ осетровъ и стерлядей, свойственныхъ Каспію, и вообще, по Кесслеру, въ аральскихъ водахъ ловится только треть видовъ, найденныхъ въ этомъ морѣ, т. е. Каспійскомъ [2]). Фалькъ, Георги, Палласъ, Эверсманъ — всѣ говорили о существованіи тюленей въ Аралѣ, что́ было-бы чертой сходства съ фауной Каспійскаго моря и Ледовитаго океана; но путешественникъ Макшеевъ доказалъ, что это ластоногое животное не водится въ Аралѣ. За то въ его притокахъ, Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, открыли рыбъ, принадлежащихъ къ роду, который до того времени считался исключительно американскимъ, къ роду *scaphirhynchus* [3]).

Многочисленныя мели, не только у береговъ, но и по срединѣ бассейна, далѣе внезапные штормы, поднимающіе сильное волненіе на поверхности озера, наконецъ, недостатокъ населенія на большей части прибрежья—все это не позволяетъ судоходству получить дѣйствительно важное значеніе на водахъ Арала; до сихъ поръ оно приносило нѣкоторую пользу только съ военной точки зрѣнія, какъ средство для перевозки транспортовъ между дельтой Сыръ-Дарьи и устьями Аму-Дарьи; но давно уже явилась мысль связать Аральское море съ сѣтью внутренняго судоходства Европы, возстановивъ старое теченіе Узбоя до залива Балханскаго; еще Петръ Великій, восторженный ученикъ голландцевъ, только и мечтавшій что о прорытіи вездѣ каналовъ, задумалъ поворотить теченіе Оксуса къ Каспійскому морю, и въ 1713 году далъ инструкціи въ этомъ смыслѣ несчастному Бековичу-Черкасскому. Даже сдѣлано было

[1]) *Богдановъ*, Russische Revue, 1876 г. № 6.
[2]) Russische Revue, 1875 г., № 4.
[3]) *Богдановъ*, цитированное сочиненіе.

начало приведенія этого проэкта въ исполненіе, и часть Аму-Дарьи, на этотъ разъ направляемая рукой человѣка, пошла прежней дорогой, къ Каспійскому морю. Во время большаго разлива 1878 года, когда города, окруженные со всѣхъ сторонъ водой, превратились въ острова, а дороги въ каналы, русло Узбоя получало въ секунду массу воды равную 873 кубич. метрамъ, которая, однако, почти цѣликомъ терялась въ прибрежныхъ болотахъ; только небольшой потокъ въ 4 метра достигалъ озера Сары-Камышъ [1]). Въ 1879 году стокъ канала, который направили въ Узбой, не превышалъ уже 60 метровъ въ секунду, но при помощи боковыхъ плотинъ удалось заставить новую рѣку изливаться въ бассейны „Желтыхъ Камышей“ (Сары-Камышъ). Однако, для того чтобы возстановить старый Узбой, воды Аму ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отдавать этому двойному озеру, ибо уровень нижняго пруда почти на 15 метровъ ниже уровня Каспійскаго моря, а чтобы поднять его на достаточную высоту до порога, откуда-бы вода полилась въ русло Узбоя, для этого нужно-бы было наводнить пространство, обнимающее около тысячи квадр. километровъ. Безъ сомнѣнія, какъ показали изысканія г. Гельмана, можно-бы было обойти этотъ озерный бассейнъ, выкопавъ искусственный каналъ; но если бары въ устьяхъ Аму-Дарьи останутся на томъ же мѣстѣ, если самыя теченія Сыра и Аму, равно какъ и невѣрные, измѣнчивые фарватеры Аральскаго моря, не будутъ замѣнены правильными каналами, то спрашивается—какая можетъ быть польза отъ возстановленія Узбоя: судоходство, которое производилось-бы по извилистому потоку, оканчивающемуся съ той и другой стороны непроходимыми мелями, всегда оставалось-бы ненадежнымъ, зависящимъ отъ случая, если бы даже были сдѣланы серьезныя попытки къ созданію его на новой рѣкѣ. Въ этихъ странахъ, гдѣ рѣдкіе оазисы осаждаются песками пустыни, вода должна-бы быть употребляема до послѣдней капли для орошенія прибрежныхъ полей.

Песчаная степь Кара-кумъ, или „Черные Пески“, обширная область треугольной формы, простирающаяся на югѣ отъ Аральскаго моря, между Аму-Дарьей, Узбоемъ, текинскими горами и Мервскимъ оазисомъ, есть одна изъ этихъ пустынь, которыя при помощи искусственнаго орошенія могли бы превратиться въ плодоносныя равнины, и гдѣ находятся остатки многихъ большихъ и многолюдныхъ городовъ. Рѣдкія, проложенныя караванами, тропинки проникаютъ въ эти пустынныя пространства, и путники считаютъ дневными переходами разстояніе, раздѣляющее колодцы, которые къ тому-же слишкомъ часто оказываются пустыми, безъ воды, либо просачивающими негодную для питья солоноватую или

[1]) *Гельманъ*, Записки Кавказскаго Отдѣла Геогр. Общества, т. X, 1879 г.

соленую жидкость. Тамъ, по выраженію Арминія Вамбери, „каждая капля воды есть капля жизни“ [1]). Подвижные пески, тщательно обходимые караванами, тянутся въ видѣ бугровъ, словно волны моря, на обширныхъ пространствахъ; въ другихъ мѣстахъ, глинистая почва, твердая, какъ камень, и растрескавшаяся, звенитъ подъ ногами лошадей и верблюдовъ; солончаки, съ обманчивымъ топкимъ грунтомъ, въ которомъ не мало погибло путниковъ и животныхъ, отражаются въ воздухѣ дѣйствіемъ миража. Почти вездѣ земля голая; только изрѣдка, тамъ и сямъ, попадаются пучки репейника и низкихъ колючихъ растеній. Чащи саксаула рѣдко встрѣчаются въ пустынѣ къ югу отъ Аму-Дарьи, и почти всѣ поросли этого деревца, существовавшія тамъ лѣтъ сто тому назадъ, уже истреблены. Но нѣкоторые изъ горныхъ скатовъ, ограничивающихъ на юго-западѣ область пустыни, представляются почти зеленѣющими, или по крайней мѣрѣ зеленовато-синими, благодаря влажности, приносимой туда облаками. У основанія этихъ высотъ бьютъ изъ земли ключи, вокругъ которыхъ развилась растительность и возникли селенія. Пустыня отдѣлена отъ горъ поясомъ воздѣланныхъ земель: это атоки или деревни, населенныя туркменами племени теке: Ахалъ-атокъ на западѣ, Дерегезъ-атокъ въ серединѣ, Келатъ-атокъ на востокѣ.

Большой Балханъ, на сѣверѣ отъ прежняго устья Аму-Дарьи, есть главный массивъ этой горной цѣпи, которую можно-бы было назвать „туркменскимъ Кавказомъ“, такъ какъ она составляетъ продолженіе Кавказскихъ горъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря. Этотъ массивъ высится почти одиноко, имѣя съ одной стороны пустыню, поднимая съ другой стороны свой крутой обрывистый склонъ высоко надъ остроконечными вершинами гряды горъ Куряпынъ-кары, которыя продолжаются на западъ до полуострова въ формѣ удочки, запирая наполовину входъ въ Красноводскій заливъ. На сѣверъ отъ Большаго Балхана и его западнаго продолженія простирается гористая область, которая далѣе, въ территоріи, называемой „Закаспійскимъ отдѣломъ“, сливается съ плоской возвышенностью Усть-Уртъ. На югѣ, Малый Балханъ, менѣе высокій и менѣе поражающій рѣзкостью формъ, нежели Большой Балханъ, и покрытый тамъ и сямъ зеленѣющими полосками тощей растительности, составляетъ начальную гряду краевой цѣпи Иранскаго плоскогорья, которая тянется съ замѣчательной правильностью въ юго-восточномъ направленіи, и которую сосѣдніе туземцы, туркмены на сѣверѣ и персіяне на югѣ, называютъ разными именами. Часть этихъ горъ, ближайшая къ Малому Балхану, носитъ названіе Куряпъ-дагъ; за ней слѣдуютъ горы Копетъ-дагъ (Копепетъ-дагъ, Киппетъ-дагъ) или Даманъ-и-кохъ; далѣе идутъ горы Гулистана, самыя высокія во всей цѣпи и

[1]) *Вамбери*, Странствованія лжедервиша въ центральной Азіи.

прерываемыя на востокѣ долинами рѣкъ Герп-рудъ и Мургъ-абъ. Самое имя Даманъ-и-кохъ, означающее буквально „краевая гора“, указываетъ на положеніе ея относительно Иранскаго плоскогорья.

Хотя Курянъ-дагъ и Копетъ-дагъ могутъ быть разсматриваемы какъ внѣшняя закраина южныхъ возвышенныхъ земель, однако, между этими горами и плоскогорьемъ въ собственномъ смыслѣ остается проходъ въ видѣ широкой долины, въ которой текутъ воды Атрека. Здѣсь, какъ и во всей системѣ Тянь-Шаня и Алая, происходитъ пересѣченіе двухъ хребтовъ, изъ которыхъ одинъ направляется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а другой тянется почти по направленію меридіана, и именно, въ углу, образуемомъ этими двумя складками почвы, открывается равнина, впрочемъ неправильная и гористая, наклоненная къ водамъ Каспійскаго моря.

Разныя высоты туркменскаго Кавказа суть:

Большой Балханъ, по Бларамбергу	1,602 метра.
Малый Балханъ	794 „
Средняя высота вершинъ Копетъ-дага	2,250 до 2,300 „
Кара-дагъ, на сѣв. отъ Мешеда, по Непиру	2,398 „

Атрекъ — большая рѣка, длиною болѣе 500 километровъ; но въ сосѣдствѣ своего устья онъ обыкновенно представляетъ незначительный потокъ, шириною около десяти метровъ (14 аршинъ): отводъ воды для орошенія полей и непосредственное испареніе почти совершенно истощили его; часто въ его широкомъ руслѣ остаются только тамъ и сямъ лужи мутной, иловатой воды, пріобрѣвшей солоноватый вкусъ, тогда какъ весной, во время большаго наводненія, воды его разливаются на пространствѣ отъ 2,000 до 2,500 метровъ въ ширину [1]). Далѣе на югѣ течетъ другая рѣка, менѣе значительная, но устье которой никогда не пересыхаетъ, и которая обильно орошаетъ окрестности Астрабада, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря: это Гургенъ (Гурганъ, Джорджанъ, Хурганъ, Хургенъ, Верканъ, Гиркапія, Нугсапіа) или „Волчья рѣка“. Эта изобилующая рыбой [2]) рѣка, длина которой не достигаетъ 200 километровъ, получила, однако, большую историческую важность, и имя ея сдѣлалось именемъ всей страны Гиркапской, съ неопредѣленными предѣлами; естественной границей Персіи считается то нижнее теченіе этой рѣки, то низовье Атрека, и, поднимаясь вверхъ по долинамъ этихъ рѣкъ, русскіе могутъ обойти позиціи туркменовъ въ ихъ природныхъ укрѣпленіяхъ на горахъ Даманъ-и-кохъ. Оффиціально границей служитъ Атрекъ, но до сихъ поръ еще ни одинъ русскій путешественникъ, ни одинъ солдатъ не проникалъ въ верхнія области рѣчнаго бассейна.

Въ прежнія времена переходъ черезъ рѣку Гургенъ былъ защищенъ

---

[1]) Извѣстія Русск. Географ. Общества, т. VIII, 1872 г., № 3.

[2]) *Вамбери*, Странствованія дервиша въ Средней Азіи.

„Красной стѣной“ (Кизыль-аланъ), которая должна была сохранять земледѣльческія населенія Персіи отъ набѣговъ кочевниковъ, проклятыхъ Яджуджъ и Маджуджъ, „Гога и Магога“, какъ ихъ называли арабскіе писатели среднихъ вѣковъ. Само собой разумѣется, сооруженіе этой стѣны, какъ и постройка всѣхъ, теперь лежащихъ въ развалинахъ, зданій центральной Азіи, приписывалось „двурогому“ Искандеру (Александру Великому), и легенда гласитъ, что будто цѣлая армія духовъ, состоявшихъ въ распоряженіи македонскаго царя, трудилась надъ этимъ валомъ и воздвигла его въ нѣсколько дней. Но намъ неизвѣстно даже, точно-ли „Красная стѣна“ греческаго происхожденія; полагаютъ, что она была построена, какъ и Дербентскія ворота, Хозроемъ Ануршиваномъ. Во время сооруженія этого памятника уровень Каспія, кажется, былъ ниже, нежели въ наши дни, если только не было послѣ того мѣстнаго осѣданія почвы той страны, ибо западный конецъ стѣны выдвинутъ въ море на нѣсколько километровъ. Гюмишъ-тепе или „Серебряный холмикъ“, составлявшій нѣкогда одну изъ главныхъ крѣпостей большой стѣны, былъ островомъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія; но пониженіе уровня Каспійскаго моря опять перемѣстило его на твердую землю. Отъ этого укрѣпленія, гдѣ нашли только черепки глиняной посуды, оружіе и скелеты, погребенные по магометанскому обычаю, стѣна продолжается на востокъ, оставаясь на разстояніи, среднимъ числомъ, 2-хъ или 3-хъ километровъ къ сѣверу отъ Гургена. Остатки ея можно прослѣдить до самыхъ истоковъ рѣки и даже до Буджнурда, въ верхней долинѣ Атрека: слѣдовательно, длина ея превышала 350 километровъ. Въ настоящее время эта стѣна „Гога и Магога“ есть не болѣе, какъ рядъ пригорковъ отъ одного до двухъ метровъ высотою и около десяти метровъ шириною, надъ которымъ черезъ каждую тысячу шаговъ господствуютъ развалины башень [1]).

Между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, ясно ограниченная плоская возвышенность образуетъ большой, каменистый островъ между морскими водами и низменными степями, изъ которыхъ послѣднія нѣкогда были покрыты обширнымъ средиземнымъ моремъ Туркестана. Плоскогорье это носитъ киргизское названіе Устъ-Уртъ, которое обыкновенно, хотя ошибочно, передѣлываютъ въ Усть-Уртъ (то-есть какъ будто „устье Урта“ или равнины), тогда какъ это слово означаетъ „Высокую Равнину“, въ противоположность Низменной равнинѣ или Астъ-Урту киргизовъ [2]). Эта возвышенная равнина представляетъ типъ террасы, по своему уединенному положенію и по обрывистой крутизнѣ своихъ краевъ. Неровности ея

[1]) *Herbelot*, Bibliothèque orientale; — *Вамбери*; — *Стебницкій*; - *Эйхвальдъ*; - *Муравьевъ*; — *Дельмаръ*, *Моргапъ*; — *сэръ Генри Раулинсонъ* и др.

[2]) *Левшинъ*, Описаніе области киргизъ-кайсаковъ.

почвы происходятъ главнымъ образомъ отъ дѣйствія дождевыхъ и снѣговыхъ водъ, которыя разорвали верхніе слои и вырыли воронкообразныя углубленія, безчисленные замкнутые бассейны, неимѣющіе стока ни къ Аральскому, ни къ Каспійскому морю [1]). Почти вездѣ Устъ-Уртъ ограниченъ крутымъ утесомъ или обрывомъ, по киргизски *чинкъ*, который дѣлалъ-бы плоскогорье неприступнымъ, если-бы края его не были прорѣзаны то тамъ, то тутъ оврагами и лощинами; изъ основанія его бьютъ многочисленные ключи прѣсной воды, имѣющей слегка сѣрнистый вкусъ. На западѣ отъ Аральскаго моря этотъ „чинкъ“ высится въ видѣ сплошной стѣны, поднимающейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ на 100 метровъ, и на краю крутыхъ скатовъ виднѣются тамъ и сямъ какія-то таинственныя постройки въ формѣ усѣченной пирамиды [2]). Плоскогорье во всей его массѣ состоитъ изъ третичныхъ горныхъ породъ, и слѣдовательно, по своему геологическому образованію, рѣзко отличается отъ равнинъ, простирающихся на востокъ отъ Арала [3]); самыя высокія его выпуклости достигаютъ высоты 200 метровъ надъ уровнемъ этого озера, и, слѣдовательно, слишкомъ 250 метр. надъ уровнемъ Средиземнаго моря; но кромѣ того, небольшая цѣпь скалъ, кальцинированныхъ солнцемъ, Акъ-тау или „Бѣлая гора“, тянется отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на сѣверо-западной оконечности плоской возвышенности, и вдается далеко въ Каспійское море, образуя полуостровъ Мангышлакъ. Большая часть областей плоскогорья, уже пройденныхъ русскими изслѣдователями, лишена растительности, такъ что часто путешественники принуждены были питаться въ этихъ пустыняхъ такъ называемымъ „земляным хлѣбомъ“ (Lecanora или Parmelia esculenta),—родъ лишая, который растетъ въ видѣ шариковъ, похожихъ на разбросанный по землѣ птичій пометъ [4]). Однако, тамъ есть много пастбищъ въ лощинахъ и оврагахъ, и полуденная часть плоскогорья скорѣе заслуживала-бы названія „Поля сернъ“, „Поля кулановъ“ или „Дикихъ лошадей“, чѣмъ прозвища Кафланкиръ или „Поля тигровъ“, даннаго ей туркменами [5]). Въ кочевомъ киргизскомъ населеніи нѣтъ недостатка на Устъ-Уртѣ; но этому населенію часто приходится мѣнять мѣсто стоянки. Кратчайшій путь съ береговъ Каспійскаго моря къ устьямъ Аму-Дарьи идетъ отъ восточной оконечности залива Мертвый Култукъ и направляется на сѣверо-востокъ, черезъ плоскогорье Устъ-Уртъ, къ Кунграду, на протяженіи, по прямой линіи, около 415 километровъ. Въ первый разъ этой дорогой воспользовались русскіе коммерсанты въ 1878 году, и отправленные по ней караваны не встрѣтили

[1]) *Stumm*, Zeitschrift für Erdkunde, 1874.
[2]) *Basiner*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd XV.
[3]) *Барботъ-де-Марни*, Russische Revue, 1877 г., № 3.
[4]) *Паллассъ*, *Эверсманъ*, *Базинеръ*, *Миддендорфъ*.
[5]) *Вамбери*, Странствованія лжедервиша въ Средней Азіи.

никакихъ препятствій: ни крутыхъ обрывовъ, ни потоковъ, ни сыпучихъ песковъ; двѣнадцать колодцевъ, расположенныхъ на пути слѣдованія каравановъ, содержатъ годную для питья воду, въ количествѣ достаточномъ, чтобы напоить двѣсти верблюдовъ. Эти животныя везутъ телѣги, имѣющія, среднимъ числомъ, около тридцати пудовъ клади. Недавно предложенъ былъ проэктъ постройки желѣзной дороги, которая соединила-бы Каспійское море съ Аральскимъ, слѣдуя вдоль цѣпи озеръ и соляныхъ болотъ, замѣнившихъ, вѣроятно, бывшій морской проливъ, между заливомъ Мертвый Култукъ и аральской бухтой Чернышева.

Нѣкоторые изъ восточныхъ бассейновъ Каспія, врѣзывающіеся далеко во внутренность степей, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя озера, составляющія переходъ между обширнымъ Гирканскимъ моремъ и солончаковыми болотами, разсѣянными въ пустыняхъ Туркестана. Одинъ изъ этихъ бассейновъ, почти независимыхъ отъ Каспійскаго моря, есть Кара-богазъ или „Черная Пучина“, громадный овалъ котораго разстилается на пространствѣ болѣе 16,000 квадр. километровъ. Ограниченное на западѣ маленькой песчаной насыпью, это озеро сообщается съ моремъ только черезъ протокъ шириной отъ 200 до 800 метровъ, имѣющій не болѣе одного метра глубины при входѣ, такъ что только плоскодонныя суда могутъ проникать въ Кара-богазъ. Быстрое теченіе, идущее изъ Каспійскаго моря, всегда направляется черезъ этотъ узкій проливъ, со скоростью отъ 5 до 6 километровъ въ часъ. Западные вѣтры ускоряютъ воздушные токи, дующіе въ противоположномъ направленіи, замедляютъ это теченіе, но никогда оно не движется со скоростью меньшей 2,750 метровъ въ часъ [1]). Мореходы, плавающіе по водамъ Каспія, туркмены, кочующіе по его берегамъ, были поражены непреклоннымъ, неумолимымъ ходомъ этой морской рѣки, катящей соленую воду, черезъ подводныя скалы, въ заливъ съ невѣдомыми границами, простирающійся далеко за кругъ горизонта, и боязнь этого теченія въ проливѣ, этой „черной пучины“, была причиной того, что изслѣдователи Каспійскаго моря долго не отваживались пускаться на судахъ въ Кара-богазъ. Соймоновъ въ 1726 г., Токмачевъ въ 1764 г., ограничились обслѣдованіемъ протока, ведущаго въ заливъ; Карелинъ и Бларамбергъ въ 1836 г. вошли въ Кара-богазъ, но, проплывъ около 36 километровъ, вернулись назадъ; только въ 1847 году Жеребцовъ, первый изъ изслѣдователей тѣхъ мѣстъ, смѣло проникъ въ это внутреннее озеро, чтобы произвести съемку его береговъ. „Черная Пучина“, также какъ другая предполагаемая бездна Арала, считалась прежде чѣмъ-то въ родѣ водоворота, куда будто-бы низвергались морскія воды, которыя затѣмъ уходили подземными каналами въ Персид-

---

[1]) *Жеребцовъ; von Baer*, Kaspische Studien; *Петрусевичъ*, Записки Кавказскаго отдѣла Русскаго Географ. Общества, т. XI, 1880 г.

ХРЕБЕТЪ ИСКАНДЕРЪ-КУЛЬ.

скій заливъ или въ Черное море. Быть можетъ, смутные слухи о существованіи залива Кара-богазъ послужили основаніемъ для разсказа Аристотеля по поводу тѣхъ пучинъ Понта Эвксинскаго, гдѣ будто-бы клокотали воды Гирканскаго моря, изливавшіяся туда послѣ продолжительнаго теченія въ преисподнихъ ада. Арабскіе географы Истахри и Якутъ тоже говорятъ о какомъ-то „Черномъ Курганѣ“ (*Сія-кохъ*), подлѣ котораго воды будто-бы низвергаются въ пропасть, образуютъ водовороты, и затѣмъ снова выходятъ въ Индійскомъ океанѣ [1]).

Существованіе теченія, уносящаго соленыя воды Каспія въ обширный заливъ Кара-богазъ, было объяснено вполнѣ удовлетворительно покойнымъ академикомъ Бэромъ. Этотъ бассейнъ имѣетъ небольшую глубину, среднимъ числомъ отъ 4 до 12 метровъ; вѣтры свободно разгуливаютъ въ немъ по всѣмъ направленіямъ, лѣтнія жары даютъ себя чувствовать во всей ихъ силѣ, и слѣдовательно, испареніе тамъ весьма значительно: лѣтомъ надъ озеромъ всегда стоитъ туманъ. Постоянно уменьшающаяся въ толщинѣ слоя жидкой массы, постоянно мелѣющая вслѣдствіе этой потери паровъ, огромная водная площадь можетъ пополнять свою убыль только благодаря непрерывному приливу новыхъ водъ. Тщательныя изслѣдованія, которыя очень удобно могутъ быть производимы въ узкомъ и неглубокомъ каналѣ, соединяющемъ Кара-богазъ съ моремъ, не обнаружили существованія обратнаго подводнаго теченія, уносящаго въ Каспій болѣе соленыя воды залива. Такимъ образомъ этотъ внутренній бассейнъ отдаетъ исключительно атмосферѣ воду, приносимую каспійскимъ теченіемъ; но, уменьшаясь отъ испаренія, громадное болото сохраняетъ соль: оно концентрируетъ ее, насыщается ею съ каждымъ днемъ все больше и больше. Теперь, говорятъ, уже никакое животное не можетъ существовать тамъ; рыбы, увлеченныя теченіемъ въ озеро, становятся слѣпыми по прошествіи пяти дней [2]). Тюлени, прежде посѣщавшіе Кара-богазъ, не показываются тамъ болѣе; самые берега его лишены всякой растительности. На глинистомъ днѣ начинаютъ уже отлагаться слои соли, и лотъ, вынутой изъ воды, тотчасъ-же покрывается соляными кристаллами. Бэръ хотѣлъ вычислить приблизительно количество соли, которое теряетъ ежедневно Каспійское море въ пользу Аджи-коуссара или „Горькаго колодца“, какъ называютъ туркмены внутреннюю часть озера. Взявъ наименѣе высокія числа для степени солености каспійскихъ водъ, ширины и глубины пролива, скорости теченія,— ученый авторъ сочиненія *Kaspische Studien* доказалъ, что Кара-богазъ получаетъ каждый день 350,000 тоннъ (около 2.100,000 пудовъ) соли, то-есть столько, сколько ее потребляется во всей Россійской Имперіи въ теченіе шести мѣсяцевъ. Если отъ дѣйствія сильныхъ бурь или

[1]) *Rawlinson*, *Road to Merv*, Proceedings of the Geographical Society, vol. I, мартъ 1879 г.

[2]) *Семеновъ*, Словарь Россійской Имперіи.

вслѣдствіе медленнаго отложенія осадковъ баръ при входѣ замкнется, то „Черная Пучина“ быстро уменьшится въ протяженіи, берега ея превратятся въ громадныя соляныя поля, и водная площадь, которая останется въ центрѣ бассейна, будетъ не болѣе, какъ грязная лужа, покрывающая кристаллическую плиту.

На всѣхъ берегахъ Туркестана, и преимущественно на окружности Мангышлакскаго полуострова и вблизи мыса Тюкъ-Караганъ—или вѣрнѣе Тюпъ-Караганъ, то-есть „Пригорокъ, поросшій акаціями“,—встрѣчаются эти резервуары каспійскаго прибрежья, представляющіе всѣ степени соляной концентраціи. Одинъ резервуаръ еще получаетъ отъ времени до времени воды моря и пока еще отложилъ на своихъ берегахъ только очень тонкій слой соли; въ другомъ, тоже наполненномъ водой, дно скрыто подъ толстымъ слоемъ розовыхъ кристалловъ, похожихъ на мраморную мостовую; третій обратился уже въ компактную массу соли, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ лужи воды, лежащія на метръ и болѣе ниже уровня моря; есть, наконецъ, такіе, что потеряли испареніемъ всю наполнявшую ихъ нѣкогда воду, и пласты соли, устилающіе ихъ дно, частію уже засыпаны пескомъ. Ащи-сай, между Кара-богазомъ и полуостровомъ Мангышлакъ, есть одинъ изъ этихъ высохшихъ бассейновъ, наполненныхъ солью; уровень его на 15 метровъ ниже поверхности Каспійскаго моря [1]).

Цѣпь болотъ, солончаковыхъ котловинъ, небольшихъ озеръ, соединяетъ заливъ Кара-богазъ съ другимъ соляным резервуаромъ, который мало по малу отдѣляется отъ сѣверо-западнаго залива Каспійскаго моря. Да и самъ этотъ заливъ, называемый „Мертвымъ“ (Мертвый Култукъ, т. е. „мертвый заливъ“), есть скорѣе степное озеро, чѣмъ бухта моря. Средняя глубина воды въ этомъ бассейнѣ не превышаетъ 2 метровъ, и суда, пускающіяся въ плаваніе по его водамъ, подвергаются опасности сѣсть на мель, каждый разъ, когда восточный вѣтеръ гонитъ волны къ открытому морю. Эта обширная бухта, частію отдѣленная отъ Каспія песчаными мысами и отмелями, не получаетъ ни одного постояннаго притока, и полное испареніе ея водъ можетъ быть предупреждено только непрерывнымъ приливомъ жидкихъ массъ, приходящихъ изъ открытаго моря. Но, принося свою дань соленыхъ водъ, это морское теченіе, при содѣйствіи дующихъ съ суши береговыхъ вѣтровъ, которые увлекаютъ съ окружающихъ степей столбы песку и отлагаютъ его среди залива, постоянно повышаетъ отмели и, такимъ образомъ, работаетъ надъ изолированіемъ Мертваго-Култука, надъ преобразованіемъ его въ громадное соляное болото. Однако, гораздо прежде, чѣмъ произойдетъ отдѣленіе этой „мертвой“ бухты отъ остальнаго Каспія, рукавъ, который она выдѣляетъ изъ себя на юго-западъ, къ низменности, составляющей продолженіе за-

[1]) *Von Baer*, Kaspische Studien.

лива Кара-богазъ, будетъ превращенъ въ соляное озеро. Этотъ морской рукавъ, Кайдакъ или Кара-су (Черная Вода) наполняетъ длинную и глубокую разсѣлину, по краямъ которой возвышаются крупныя скалы, образующія продолженіе „чинка“ или обрывистаго ската плоской возвышенности Устъ-Уртъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда степныя племена были еще совершенно независимыми отъ Россіи и стояли съ ней на равной ногѣ, главный рынокъ, гдѣ производилась мѣновая торговля между Хивой и Московіей, былъ расположенъ на берегахъ залива Кара-су. Въ то время баръ, отдѣляющій этотъ фьордъ отъ Мертваго Култука, былъ легко переходимъ; теперь-же онъ почти неприступенъ, и русское правительство принуждено было упразднить въ 1843 году крѣпость Ново-Александровскъ, которую оно построило въ 1826 г. на восточномъ берегу бухты Кара-су. Соленость воды въ Мертвомъ Култукѣ уже въ два раза сильнѣе, чѣмъ въ центральномъ бассейнѣ Каспія, а въ бухтѣ Кара-су она почти вчетверо больше и превышаетъ даже соленость Суэзскаго залива, самаго соленаго изъ всѣхъ морей, сообщающихся съ океаномъ. Пропорція морской соли доходитъ въ Кара-су почти до 4 сотыхъ, а всѣ соли, взятыя вмѣстѣ, представляютъ 57 тысячныхъ воды; это значитъ, что животная жизнь тамъ почти или совсѣмъ прекратилась [1]).

Вся область, простирающаяся на сѣверо-востокъ отъ Каспія и продолжающаяся, въ видѣ ряда слѣдующихъ одно за другимъ болотъ, до прибрежныхъ низменностей Аральскаго моря, имѣетъ тотъ-же неопредѣленный характеръ, представляя нѣчто переходное между моремъ и степными водами: тамъ только и видишь что *соры*, болота, камыши или соляныя озера, и когда западные вѣтры дуютъ съ большой силой въ продолженіи нѣсколькихъ дней, равнина снова покрывается водой. До 1879 года русскіе чиновники, инженеры и сборщики податей, обыкновенно объѣзжали на сѣверѣ это болотистое и солончаковое пространство, называемое туземцами Тенътякъ-соръ, и астраханскіе и гурьевскіе рыбопромышленники, пользуясь тѣмъ, что начальство никогда не заглядываетъ въ эту мѣстность, отправлялись туда солить наловленную рыбу, чтобы уклониться отъ платежа установленнаго налога. Естественные каналы, имѣющіе нѣкоторое истеченіе послѣ сильныхъ дождей, соединяютъ соляныя озера этой области съ моремъ, и одинъ изъ этихъ каналовъ судоходенъ для мелкихъ судовъ. По берегамъ болотъ тамъ и сямъ бьютъ изъ земли нефтяные ключи [2]).

Хотя впадающія въ Каспій рѣки текутъ въ море съ европейской покатости, и хотя приносимые ими землистые осадки отлагаются преимущественно передъ западнымъ берегомъ, однако, морская впадина

---

[1]) *Бэръ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Мейеръ* и *Полонскій*, Извѣстія Русск. Геогр. Общества, 1880 г.

гораздо глубже на западной сторонѣ. Противъ туркменскихъ береговъ, между Красноводскомъ и Чикишляромъ, въ 50 метровъ глубины заходятъ, въ морѣ, не ближе, какъ на разстояніи отъ 50 до 75 километровъ отъ берега, тогда какъ по другую сторону бассейна, на такомъ же удаленіи отъ прибрежья, нужно опускать лотъ на 600 слишкомъ метровъ. Потопленный берегъ продолжается отъ Красноводскаго полуострова до Мазандеранскаго прибрежья, къ основанію Ашуръ-адинской стрѣлки; длинный и узкій островъ Огурчинскій, названный такъ русскими по причинѣ его формы, напоминающей огурецъ, есть, очевидно, остатокъ прежняго берега: это рядъ дюнъ, вершина которыхъ постоянно повышалась отъ наносимаго вѣтромъ песку, по мѣрѣ того, какъ основаніе ихъ погружалось въ море. На сѣверѣ отъ Мангышлакскаго полуострова островъ Кулали есть другая цѣпь песчаныхъ горокъ, или, вѣрнѣе сказать, одна большая дюна, имѣющая ту характеристическую форму полумѣсяца, которая замѣчается въ большей части холмовъ сыпучаго песку. Очевидно, Каспійское море подвергалось многочисленнымъ колебаніямъ уровня со времени отдѣленія его отъ Понта Эвксинскаго. Если бугры западнаго прибрежья Каспія и устьевъ Волги доказываютъ, своей формой и своимъ расположеніемъ, перпендикулярнымъ къ линіи береговъ, что въ извѣстную эпоху воды моря быстро понизились, то контуры острововъ Огурчинскаго и Кулали, вылѣпленные, такъ сказать, правильнымъ ударомъ волнъ, служатъ, напротивъ, указаніемъ на періодъ повышенія каспійскихъ водъ. Съ 1830 по 1863 годъ, непосредственныя измѣренія каспійскаго уровня, сравненныя съ нарѣзками, сдѣланными Ленцомъ на одномъ береговомъ утесѣ близъ города Баку, свидѣтельствуютъ о пониженіи горизонта водъ на 1,20 метра. Съ другой стороны двѣ тріангуляціи Кавказа, произведенныя въ 1830 и 1860 годахъ, обнаружили пониженіе кавказскаго уровня, за этотъ промежутокъ времени, на 1,25 метра, — число почти совпадающее съ результатомъ непосредственнаго наблюденія. Слѣдовательно, въ 1860 году уровень Каспія былъ слишкомъ на 26 метровъ ниже уровня Чернаго моря [1]).

VI.

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩІЕ АРАЛО-КАСПІЙСКУЮ ПОКАТОСТЬ.

Хотя эта часть азіатскаго континента извѣстна обыкновенно подъ именами Туркестана и Татаріи, но она населена не исключительно людьми тюркскаго племени, и даже коренное населеніе ея, вѣроятно,

---

[1]) Извѣстія Русскаго Географ. Общества, т. XVI, 1880 г.

принадлежитъ къ арійской семьѣ народовъ: здѣсь именно, въ центрѣ Стараго Свѣта, цивилизованные народы Европы привыкли искать первоначальную родину своей рассы. Какова-бы ни была степень основательности этого общераспространеннаго мнѣнія, во всякомъ случаѣ обширная равнина, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть названа въ этнологическомъ отношеніи страной контрастовъ; противоположность, которую представляютъ чудные сады, орошаемые водами Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, и страшныя пустыни „Красныхъ“ или „Черныхъ“ песковъ, повторяется и въ самихъ обитателяхъ этихъ земель: одни занимаются земледѣліемъ и промышленностью: они садоводы, ремесленники, и стремятся пользоваться удобствами осѣдлой жизни; другіе, напротивъ, номады и пастухи: они кочуютъ со своими стадами въ степяхъ, и, чтобы обогатиться, стараются овладѣть сокровищами, накопленными ихъ сосѣдями, жителями плодоносныхъ оазисовъ. Между городами устанавливаются торговыя сношенія, но между горожанами и кочевниками въ прежнія времена шла непрерывная война, вызываемая, такъ сказать, самой природой: пустыня осаждаетъ оазисъ, а кочующій пастухъ угрожаетъ осѣдлому земледѣльцу. Такая борьба существовала въ краѣ искони-вѣковъ и прерывалась только въ эпохи иноземныхъ нашествій и завоеваній, которыя связывали на нѣкоторое время арало-каспійскую покатость съ другими странами, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда уничтожали всю мѣстную цивилизацію поголовнымъ истребленіемъ жителей. Нигдѣ противоположные элементы не уравновѣшиваются лучше своей относительной силой: борьба между ними продолжалась изъ вѣка въ вѣкъ. Нигдѣ также религія не приняла столь ясно выраженнаго дуалистическаго характера: здѣсь, въ древней Бактріи, среди роскошнаго райскаго сада, окруженнаго безплодными песками, возникъ и развился маздеизмъ, культъ двухъ главныхъ боговъ близнецовъ и враговъ, ведущихъ между собой непрестанную войну. Ормуздъ и Ариманъ имѣютъ каждый свою свиту, свой сонмъ духовъ, которые воюютъ въ воздушныхъ пространствахъ, тогда какъ на землѣ, увлекаемой въ движеніи небесъ, живетъ въ вѣчной взаимной враждѣ людской родъ.

Впрочемъ, различіе между кочевниками и осѣдлыми жителями, столь рѣдкое въ отношеніи правовъ и преданій, гораздо менѣе значительно съ точки зрѣнія племеннаго происхожденія. Иранъ и Туранъ— это скорѣе символическія выраженія, чѣмъ термины соотвѣтствующіе фактамъ реальнымъ и опредѣленнымъ. Между осѣдлыми и цивилизованными населеніями Арало-каспійской покатости примѣшаны въ сильной степени элементы тюркскіе и даже монгольскіе; съ другой стороны, арійцы, потомки древнихъ парѳянъ и персовъ, входятъ нѣкоторой долей въ составъ бродячихъ народцевъ аму-дарьинскаго бассейна. Смотря по превратностямъ исторіи, которыя соотвѣтствуютъ въ широкой мѣрѣ ко-

лебаніямъ мѣстнаго климата, образованныя націи земледѣльцевъ и пастушескія племена степей поочередно одерживали верхъ, и чужеземные завоеватели: иранцы, македоняне, аравитяне, монголы, русскіе,—усиливали то одинъ, то другой изъ враждующихъ элементовъ. Въ настоящее время, благодаря преобладанію славянскаго племени, арійцы снова взяли перевѣсъ; но въ странѣ есть достаточно мѣста для всѣхъ, и естественныхъ богатствъ, хорошо утилизируемыхъ, хватило-бы съ излишкомъ для жителей всякой рассы, иранцевъ и туранцевъ. Имѣющаяся нынѣ статистика населенія, живущаго между Каспійскимъ моремъ, Иранскимъ плоскогорьемъ, Памиромъ, Тянь-Шанемъ и водораздѣльной линіей Обскаго бассейна, крайне неполна и неточна, и даваемое ею общее число жителей, 7 милліоновъ душъ (что̀ составитъ, въ среднемъ выводѣ, по 2 жителя на каждый квадр. километръ), есть чисто приблизительное. Еще гораздо болѣе сомнительны будутъ выводы, если мы захотимъ опредѣлить числовыя величины, показывающія распредѣленіе народовъ этой громадной территоріи по языкамъ и племенному происхожденію. Извѣстно только, что такъ называемая „туранская“ расса имѣетъ здѣсь наибольшее число представителей: она составляетъ, вѣроятно, двѣ трети народонаселенія.

Туркмены или туркоманы, которые занимаютъ, какъ осѣдлые жители или кочевники, всю юго-западную часть Татаріи,—отъ плоской возвышенности Устъ-Уртъ до страны Балхъ,—громадную область пространствомъ около 500,000 квадр. километр., суть, вмѣстѣ съ киргизами, главные представители тюркской рассы на Арало-каспійской покатости. Общее число ихъ опредѣляютъ приблизительно около милліона душъ (450,000, по Вамбери, внѣ Персіи и Хивы; — 980,000, по Вамбери, во всей западной Азіи; — 1.000,000, по Куропаткину [1]); — 1.250,000, по Галкину [2]). Они дѣлятся на многочисленные народцы, подраздѣляющіеся, въ свою очередь, на второстепенныя племена, которыя распадаются на орды, дробящіяся на кланы, роды или группы семействъ: завоеванія и переселенія до сихъ поръ не перестаютъ соединять и снова разъединять различныя подраздѣленія рассы, которыя при этомъ часто мѣняютъ и самое имя; но главныя дѣленія сохраняются, и различіе политическаго порядка сообщаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ вполнѣ опредѣленный характеръ. Между этими туркменами, племена, живущія на плоской возвышенности Устъ-Уртъ и во всей „закаспійской“ области, по берегамъ Карабогаза и Балханскаго залива, состоятъ въ русскомъ подданствѣ; двѣсти тысячъ другихъ туркменъ зависятъ косвеннымъ образомъ, черезъ хивинскаго хана, отъ той-же державы, и сливаются мало по малу съ сартами и узбеками, которыхъ сады и поля перемѣшаны съ ихъ обработан-

[1]) Туркменія и туркмены.
[2]) Историческіе и этнографическіе матеріалы.

ными землями [1]); большинство іомудовъ и гокдановъ — данники Персіи, но въ теченіи восьми мѣсяцевъ въ году они кочуютъ на сѣверѣ отъ Атрека, и тогда обязаны выбирать себѣ хана отвѣтственнаго передъ русскимъ правительствомъ; племя эрсари признаетъ надъ собой власть бухарскаго эмира, а племена эль-эли зависятъ отъ того или другого изъ афганскихъ владѣтелей. Наконецъ, половина туркменъ состоитъ изъ племенъ, непризнающихъ надъ собой никакой иноземной власти: это текинцы и сарыки. Салоры, жители страны Мервъ, о которыхъ говорятъ, что они стоятъ выше всѣхъ другихъ туркменскихъ народцевъ по благородству рассы, утратили недавно свою независимость: они теперь покорены мервскими текинцами. Текинцы—самые многочисленные и самые храбрые изъ туркменъ; ихъ военный крикъ: *уранъ! уранъ!* всего чаще раздается въ закаспійскихъ степяхъ, и еще недавно они нанесли русскимъ самое кровавое пораженіе, какое когда-либо приходилось испытать славянскимъ завоевателямъ въ Туркестанѣ. Классификація всѣхъ этихъ племенъ крайне затруднительна, о чемъ можно судить по различію исчисленій, представляемыхъ разными путешественниками: такъ, напримѣръ, по Муравьеву, общая численность туркменъ эль-эли, живущихъ на границахъ Афганистана, доходитъ до 400,000 душъ;—по Вамбери же, ихъ всего только 15,000 душъ.

Главныя туркменскія племена, по Петрусевичу и др.

Текинцы мервскіе . .	50,000	кибитокъ	или	250,000 челов.
„ атокскіе . .	30,000	„	„	150,000 „
Эрсари	40,000	„	„	200,000 „
Іомуды	20,000	„	„	100,000 „
Сарыки	20,000	„	„	100,000 „
Гокланы	9,000	„	„	45,000 „
Чодоры	6,000	„	„	30,000 „
Эль-эли	3,000	„	„	15,000 „
Салоры	3,000	„	„	15,000 „

Большинство туркменъ, въ особенности тѣ, которые живутъ по окраинамъ пустыни, между Атрекомъ и Аму-Дарьей, сохранили характеристическія черты своей рассы,—широкій лобъ, маленькіе косолежащіе и острые глаза, небольшой, но рѣзко очерченный носъ, довольно толстыя губы, оттопыренныя уши, черную рѣдкую бороду, короткіе и густые волоса [2]). Въ долинѣ Атрека и во всей гористой области, ограничивающей Иранское плоскогорье, туркмены въ сильной степени смѣшались съ иранской кровью. Персидскія женщины, которыхъ грабители уводятъ въ

[1]) *Галкинъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *De Bloqueville*, Tour du Monde, tome XIII;—Bulletin de la Société de Géographie, іюль и августъ 1872 г.;—*Girard de Rialle*, les Peuples de l'Asie centrale.

неволю во время своихъ разбойничьихъ экспедицій, измѣняютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе первоначальный типъ рассы, такъ что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ иранской границей рѣдко встрѣтишь туркмена, черты котораго не напоминали-бы персіянина. Но если туркменъ утратилъ свою татарскую физіономію, то онъ сохранилъ свой острый глазъ, пронизывающій свѣтъ какъ стрѣла, свою гордую и воинственную осанку: этой-то смѣлостью своей поступи онъ и отличается, главнымъ образомъ, отъ другихъ народовъ той-же рассы,—киргизовъ, кара-калпаковъ, узбековъ. Почти всѣ туркмены высокаго роста, очень сильнаго сложенія и обладаютъ большой гибкостью членовъ. Племена внутреннихъ мѣстностей смотрятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на смѣшанныхъ туркменовъ персидской границы, которые и сами вообще согласны съ тѣмъ, что примѣсь чужой крови составляетъ для нихъ упадокъ, вырожденіе племени. Каждый прославившійся воинъ считаетъ долгомъ имѣть по крайней мѣрѣ одну жену чистой туркменской породы, и дѣти, родившіяся отъ этой жены, почитаются дѣтьми болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ рожденныя отъ другихъ женъ.

За исключеніемъ жителей Мерва, а также населенія нѣсколькихъ деревень въ горахъ Гулистана, на сѣверѣ отъ Мешеда, и населенія крѣпостей или „кургановъ“ въ Атокѣ, всѣ туркмены, кочующіе и осѣдлые, обитаютъ въ кибиткахъ, и даже по числу этихъ разборныхъ войлочныхъ палатокъ, возвышающихся среди равнины, обыкновенно исчисляютъ силу племенъ: среднимъ числомъ, считаютъ по 5 душъ на кибитку. Ковры и подушки составляютъ всю меблировку этого переноснаго жилища. Одѣяніе состоитъ, для обоихъ половъ, изъ красной шелковой рубахи, которая покрываетъ все тѣло, отъ плечей до лодыжки. Мужчины надѣваютъ сверхъ рубашки чапанъ или халатъ, а на головѣ носятъ легкую барашковую шапку: этотъ костюмъ хорошо защищаетъ ихъ отъ степнаго холода, но не выказываетъ ихъ стройности и ловкости; хотя отличные наѣздники, они далеко не имѣютъ такой красивой посадки на конѣ, какъ русскій казакъ. Женщины обыкновенно не носятъ другой одежды, кромѣ длинной рубахи; но когда нужно принарядиться, онѣ повязываютъ вокругъ пояса большую шаль, обуваютъ ноги въ красные или желтые сапожки, украшаютъ себя запястьями, ожерельями, серьгами; подобно американскимъ индіянкамъ, онѣ даже продѣваютъ себѣ кольца въ перегородку поздрей; наконецъ, онѣ привязываютъ себѣ на грудь сумочки или коробочки съ амулетами, похожія на патронташъ, и сопровождающія ихъ движенія серебристымъ побрякиваньемъ. Головной уборъ ихъ весь унизанъ и увѣшанъ монетами, цвѣтными каменьями, настоящими или поддѣльными, разными золотыми и серебряными украшеніями, и имѣетъ иногда такіе огромные размѣры, что заключенное въ немъ лицо походитъ на образъ святаго, обрамленный ризой. Туркменскія жен-

БЕРЕГЪ КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

щины не прячутъ лица подъ покрываломъ, какъ другія магометанки. „Куда намъ, бѣднымъ жительницамъ степей, говорятъ онѣ, сообразоваться съ городскими обычаями!“ [1]).

Туркмены, живущіе въ оазисахъ Даманъ-и-кохъ, не имѣютъ никакихъ властей: „Мы народъ безъ главы! говорятъ они съ гордостью, мы всѣ равные и каждый изъ насъ царь. Намъ не надо тѣни дерева, не хотимъ мы быть и подъ сѣнію начальника!“ Между ними нѣкоторыя личности принимаютъ, правда, титулъ *акъ-сакала* (буквально: „сѣдая борода“), *бая*, *бія* или бея, даже хана; но это просто тщеславіе, и никто не думаетъ оказывать такому самозванному главѣ больше почтенія, чѣмъ другимъ воинамъ, если онъ не отличается особенными качествами храбрости или добродѣтели, или если онъ не успѣлъ навербовать себѣ кліентовъ продажей хлѣба въ кредитъ. Тѣ, которыхъ называютъ „добрыми“, то-есть богачи, люди, умудренные опытомъ, самые неустрашимые бойцы, пользуются большимъ вліяніемъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы принять общее рѣшеніе въ пользу войны или въ пользу мира; но они не имѣютъ никакой власти какъ судьи, и никто не пойдетъ жаловаться кому бы то ни было по поводу личнаго оскорбленія, покражи имущества или какой-нибудь неправды. Обиженный самъ отплачиваетъ обидчику, если можетъ, и порождаемыя местью войны продолжаются изъ рода въ родъ, если только первоначальная обида или неправда не будетъ заглажена посредствомъ денежнаго вознагражденія. Вступая въ союзъ другъ съ другомъ по своей доброй волѣ, расходясь по собственному желанію, отвѣтствуя за свои поступки только передъ собственной совѣстью, туркмены повинуются лишь традиціоннымъ правиламъ поведенія, передаваемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе съ незапамятныхъ временъ. Жизнь въ степяхъ, освященная *дебомъ* или обычаемъ и согласующаяся съ традиціоннымъ кодексомъ ихъ морали, сдѣлала изъ нихъ людей свободныхъ, вольницу; но это не мѣшаетъ имъ уважать мирнаго сосѣда, быть гостепріимными, держать данное слово. Туркмены отличаются отъ окружающихъ народовъ, персіянъ, афганцевъ и бухарцевъ, болѣе строгой честностью и менѣе испорченными нравами. Только на войнѣ они даютъ полный просторъ своей свирѣпой жестокости; но въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ они обнаруживаютъ замѣчательную честность. У нихъ не заимодавецъ, а должникъ хранитъ у себя росписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить точную цифру своего долга; что касается кредитора, то ему нечего дѣлать съ этимъ документомъ [2]). Можно опасаться, какъ-бы вносимая теперь чуждая „цивилизація“ не измѣнила этой патріархальной простоты нравовъ.

[1]) Туркмены—іомуды, „Военный Сборникъ“, янв. 1872 г.;— Bulletin de la Société de Géographie de Paris, іюль, 1872 г.

[2]) *Вамбери*, Странствованія дервиша въ Средней Азіи.

Туркмены сохранили еще обычай, нѣкогда существовавшій у всѣхъ народовъ, который состоитъ въ томъ, что браку предшествуетъ притворное похищеніе невѣсты, воспоминаніе первобытныхъ нравовъ. Завернутая въ длинное покрывало и держа въ рукахъ козу или ягненка, молодая

Туркменка.

дѣвушка садится верхомъ на коня, скачетъ во весь опоръ и быстрыми поворотами то въ ту, то въ другую сторону старается уклониться отъ похитителя, который преслѣдуетъ ее, во главѣ компаніи друзей. На третій или четвертый день послѣ свадьбы молодая туркменка должна совершить новое притворное бѣгство, должна уйти къ своимъ родителямъ, у которыхъ она и остается въ продолженіи цѣлаго года, чтобы дать мужу время наворовать, на своемъ хищническомъ промыслѣ, сколько

нужно людей и такимъ образомъ уплатить условленный калымъ плѣнниками [1]): это долгъ чести, отъ котораго онъ не можетъ отказаться. Всѣ другія событія туркменской жизни тоже сопровождаются старыми символическими обычаями. Такъ, у нихъ не ограничиваются оплакиваніемъ умершихъ, но обычай требуетъ еще, чтобы въ теченіе цѣлаго года, въ тотъ самый часъ, когда умеръ покойникъ, всѣ его родственники и друзья принимались испускать протяжный вой, не прерывая, впрочемъ, ни на минуту своихъ занятій, и бываетъ такъ, что они вдругъ начинаютъ свои жалобныя завыванія, продолжая въ то-же время ѣсть, пить или курить. Если покойный былъ великій воинъ, то нужно воздвигнуть могильный курганъ или *ексу* надъ его костями: каждый храбрецъ племени приноситъ по меньшей мѣрѣ семь корзинъ земли, и такимъ то образомъ выростаютъ въ короткое время тѣ горки, вышиною отъ восьми до десяти метровъ, которыя виднѣются тамъ и сямъ въ степяхъ.

Всѣ туркмены говорятъ тюркскими нарѣчіями джагатай, мало различающимися одно отъ другаго, и исповѣдуютъ одну и туже вѣру, магометанскую суннитскаго толка, но не всѣ съ одинаковымъ усердіемъ. Самые ревностные изъ нихъ, вѣроятно тѣ, которые живутъ на персидской границѣ; они находятъ въ своей религіозной ненависти къ шіитамъ, обитателямъ сосѣдняго плоскогорья, предлогъ и оправданіе для своихъ разбойничьихъ набѣговъ и того тяжелаго рабства, въ которомъ они держатъ своихъ плѣнниковъ; правда, что они считаютъ себя также вправѣ грабить и убивать хивинцевъ или бухарцевъ, не изъ за различія культа, но въ силу закона возмездія, который позволяетъ имъ мстить за прежнія избіенія. Еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія они смѣло пускались въ дрянныхъ баркахъ по Каспійскому морю, чтобы ловить невольниковъ на бакинскомъ берегу [2]), и въ видахъ пресѣченія этихъ хищническихъ набѣговъ, русское правительство и основало морскую станцію на островѣ Ашуръ-аде: ихъ военные суда превратились теперь въ рыболовныя. Нѣкоторые персидскіе округи совершенно обезлюдѣли отъ туркменскихъ набѣговъ; въ другихъ мѣстахъ, оставшіеся жители запираются въ деревняхъ, которыя похожи на крѣпости, и гдѣ караульные днемъ и ночью стоятъ на стражѣ, чтобы поднять тревогу при малѣйшемъ признакѣ опасности. На нѣкоторыхъ, слишкомъ открытыхъ нападенію, поляхъ построены башни черезъ каждые сто шаговъ. Число людей, уведенныхъ туркменами въ плѣнъ изъ Персіи, въ теченіи одного столѣтія, опредѣляютъ въ милліонъ душъ; случалось такъ, что одновременно до 200,000 невольниковъ томились въ рабствѣ въ Туркестанѣ [3]). Горе пастухамъ, которые заберутся въ пастбища сосѣднія съ

[1]) *Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.
[2]) *Eichwald*, Reise auf dem Kaspischen Meer.
[3]) Revue des Deux Mondes, 15 апр. 1880 г.

*

становищами туркменовъ! Разбойники, спрятавшіеся гдѣ-нибудь въ складкѣ мѣстности, за холмомъ или въ оврагѣ, скоро отрѣзываютъ имъ отступленіе, и, захвативъ въ плѣнъ, гонятъ ихъ передъ собой, обремененныхъ цѣпями. Цѣлыя орды кочевниковъ не имѣютъ другого занятія, кромѣ разбойничества, торговли персидскими невольниками или войны съ другими туркменскими народцами; и, чтобы обезпечить себя отъ нападеній этихъ наслѣдственныхъ разбойниковъ, южные народы принуждены были воздвигать исполинскія стѣны, въ нѣсколько сотъ верстъ длины, остатки которыхъ и теперь еще видны на юго-восточномъ углу Каспійскаго моря. „Гдѣ твоя душа?“ спрашиваетъ одна женщина у туркменскаго героя, и отвѣчаетъ: „Твоя душа въ твоемъ мечѣ, твоя душа въ золотой стрѣлѣ“ [1]). Грабитель по профессіи, „черный“ туркменъ позволяетъ себѣ только одинъ трудъ и одну заботу—уходъ за своимъ конемъ, его неразлучнымъ товарищемъ, который выручаетъ его изъ всѣхъ бѣдъ и опасностей разбойничьей жизни, который для него дороже женъ и дѣтей, и съ высоты котораго онъ „не хочетъ знать ни отца, ни матери“; всякое употребленіе своихъ рукъ для земледѣльческихъ работъ или для какого-нибудь ремесла показалось бы ему унизительнымъ: онъ предоставляетъ эти занятія женщинамъ и рабамъ. Приводить захваченныхъ въ плѣнъ людей—вотъ его честь и слава. Когда лихіе наѣздники отправляются среди ночи въ *аламанъ* или разбойничій набѣгъ,—они любятъ больше мракъ, какъ хищные звѣри,—*ишанъ* или странствующій дервишъ не преминетъ благословить ихъ и призвать милость неба на ихъ благородное предпріятіе. Попавшіеся въ плѣнъ старики или больные тотчасъ же умерщвляются, не только потому, что они не имѣютъ цѣны, но также потому, что кровь ихъ угодна богу браней; что же касается духовныхъ лицъ, то ихъ обыкновенно щадятъ, въ виду того, что они могли бы бросить дурной зарокъ на своихъ похитителей.

Въ прежнее время большинство уводимыхъ туркменами плѣнниковъ были обречены влачить жалкое существованіе въ вѣчномъ рабствѣ; однако, весьма значительная часть сыновей невольниковъ, а часто также и сами невольники, поднимались мало по малу, благодаря своему уму, своей ловкости и хитрости, гораздо выше тѣхъ, которые ихъ поработили. Очень многіе изъ персіянъ, проданныхъ на рынкахъ Хивы и Бухары, достигали того, что дѣлались негоціантами, высшими чиновниками, администраторами округовъ. Въ ханствахъ еще независимыхъ имъ обыкновенно даются самыя деликатныя и наилучше вознаграждаемыя должности. Хотя шіиты по происхожденію, они, однако, усердно исполняютъ обряды мѣстнаго вѣроисповѣданія [2]). Со времени уничтоженія продажи

[1]) *Radlow*, Volksliteratur der Türkischen Stämme; — *Elie Reclus*, Philosophie positive, мартъ, 1878 г.

[2]) *Верещагинъ*, Revue des Deux Mondes, 1873 г.

персидскихъ невольниковъ на базарахъ ханствъ, ловля плѣнниковъ дѣлается только въ видахъ полученія выкупа [1]). Въ былое время нѣкоторые владѣтельные князьки Хорассана тоже получали очень хорошіе барыши, продавая своихъ собственныхъ подданныхъ.

Въ эти послѣдніе годы разбойничьи промыслы степныхъ хищниковъ много поубавились. Сдерживаемые на западѣ, на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ русскими войсками и флотиліями; вынужденные отнынѣ уважать границы состоящихъ подъ покровительствомъ Россіи ханствъ, Хивы и Бухары; встрѣчая также и со стороны Персіи болѣе серьезное, чѣмъ прежде, сопротивленіе, такъ какъ они теперь наталкиваются на колоніи курдовъ, которыхъ персидское правительство поселило въ долинахъ горъ, и которые храбро защищаютъ свое новое отечество, туркмены волей неволей должны оставлять мало по малу свои обычаи безпрестанныхъ войнъ и разбойничьихъ набѣговъ: изъ бандитовъ они дѣлаются садоводами [2]). Гокланы теперь по большей части мирные земледѣльцы и даже занимаются съ успѣхомъ шелководствомъ. Уже многочисленныя орды текинцевъ, недавно наводившія страхъ своими разбойничьими подвигами, стали вести осѣдлую жизнь, и занимаются копаніемъ ирригаціонныхъ каналовъ, чтобы увеличить площадь своихъ оазисовъ. Самая мораль народа измѣнилась, и въ своихъ бесѣдахъ съ европейскими путешественниками туркмены упорно отрицаютъ справедливость взводимыхъ на нихъ обвиненій въ разбойничествѣ [3]). Прежняя ходячая поговорка: „если разбойники нападутъ на кибитку твоего отца, помогай имъ грабить и бери свою долю добычи“ [4]), не имѣетъ уже смысла въ примѣненіи къ большей части племенъ. Притомъ же у туркменъ переходъ отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому дѣлается очень легко и просто. Обѣднѣніе, ссора съ сосѣдями, бракъ съ женщиной изъ кочующей группы превращаютъ осѣдлаго жителя въ кочевника; наоборотъ, совѣты или примѣръ друзей, занимающихся воздѣлываніемъ почвы, потеря верблюдовъ, какая-нибудь неудача заставляютъ номада отказаться отъ бродячей жизни. Сами земледѣльцы иногда переходятъ съ мѣста на мѣсто, когда сила ихъ полей истощится или если мѣстный климатъ оказывается неблагопріятнымъ для нихъ. Культура нѣкоторыхъ пищевыхъ растеній можетъ быть примирима съ этой кочевой жизнью. Чтобы получить хлѣбъ, носящій по латыни ихъ имя, *polygonum tartaricum*, или гречу, татары выжигаютъ растительность на выбранномъ пространствѣ, сѣютъ и собираютъ жатву черезъ два или три мѣсяца, послѣ чего перекочевываютъ въ другія мѣста. Туркменскіе скотоводы, перекочевывая регулярно, смотря по времени года, съ однихъ

---

[1]) Russische Revue, 1879 г., № 8.

[2]) *Стебницкій*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, апр. 1872 г.

[3]) *Нэпиръ*, Journal of the Geographical Society, t. XLVI, 1876 г.

[4]) *Гродековъ*, Отъ Герата до Самарканда.

и тѣхъ-же пастбищъ Иранскаго плоскогорья на однѣ и тѣ-же травяныя степи равнины, находятся въ переходномъ состояніи между бродячей и осѣдлой жизнью. Оттого русскіе и надѣются смирить южныхъ кочевниковъ Татаріи, какъ они угомонили уже сѣверныхъ, воздвигая укрѣпленія, командующія зимними становищами туземцевъ. Кромѣ того, русскіе устраиваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго склады съѣстныхъ припасовъ, и недавно начата постройка желѣзной дороги, направляющейся отъ залива Михайловскаго къ оазисамъ туркменовъ.

Верблюдъ и лошадь, неразлучные товарищи кочующаго туркмена, естественно, должны уменьшаться въ числѣ, во-первыхъ, вслѣдствіе войны туркменъ съ русскими, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ въ странѣ будетъ распространяться земледѣліе, и воинственныя привычки уступятъ мѣсто болѣе мирнымъ нравамъ; говорятъ даже, что туркмены добровольно сбываютъ съ рукъ своихъ верблюдовъ, продавая ихъ персіянамъ, изъ опасенія, чтобы русскіе не овладѣли ихъ скотомъ для перевозки своихъ военныхъ припасовъ и провіанта. Большинство верблюдовъ туркменскаго края одногорбыя животныя, поменьше ростомъ и слабѣе силой двугорбыхъ, но за то выносливѣе къ жарѣ: они могутъ дѣлать переходы около 40 верстъ въ день, съ кладью отъ 9 до 12 пудовъ. Они пасутся на волѣ, безъ путъ, вокругъ кибитокъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже опять дѣлаются полудикими и уходятъ далеко вглубь степей, гдѣ и остаются цѣлые мѣсяцы. Что касается туркменскихъ верховыхъ лошадей, происшедшихъ отъ скрещиванія арабской породы съ туземными животными, быть можетъ, знаменитыми нисейскими конями древнихъ парѳянъ, то онѣ не красивы на видъ, но мало найдется во всемъ свѣтѣ равныхъ имъ по силѣ выносливости: разсказываютъ даже о переѣздахъ въ 1,000 верстъ, сдѣланныхъ въ пять или шесть дней подрядъ, безъ отдыха; послѣ этого понятна поговорка, что „два дня купца не стоятъ одного дня вора“ [1]). Эти туркменскія лошади, очень цѣнимыя русскими офицерами, имѣютъ голову болѣе длинную, грудь болѣе узкую, ноги болѣе мохнатыя, чѣмъ у чистокровныхъ арабскихъ коней, но онѣ лучше выносятъ климатъ, голодъ и жажду. Говорятъ, что онѣ происходятъ отъ животныхъ, приведенныхъ арабами во время перваго завоеванія и впослѣдствіи Тамерланомъ и Надиръ-шахомъ. Воспитываемыя подъ кровомъ кибитки вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми и ласкаемыя рукой женщинъ, туркменскія лошади отличаются необыкновенно кроткимъ нравомъ и большой смышленностью; всѣ онѣ очень красиво держатъ голову. Часто можно видѣть въ бѣдной изодранной кибиткѣ хозяина и его семью, одѣтыхъ въ лохмотья, тогда какъ лошадь всегда покрыта хорошимъ войлокомъ [2]).

[1]) *Муравьевъ*, Путешествіе въ Хиву.

[2]) Военный Сборникъ, янв. 1872 г.; — Bulletin de la Société de Géogr. de Paris, іюль 1872 г.

Кара-калпаки или „Черныя Шапки“ составляютъ въ географическомъ смыслѣ переходъ между туркменами юга и киргизами сѣвера. Остатки могущественной націи, они еще имѣютъ представителей своей расы на огромномъ пространствѣ, въ Европейской Россіи, въ губерніяхъ астраханской, пермской, оренбургской; на Кавказѣ, въ Кубанской области; въ Сибири, въ тобольской губерніи: переселенія, добровольныя или насильныя, разсѣяли ихъ племена на тысячи верстъ разстоянія одни отъ другихъ; но, по ихъ преданіямъ, всѣ они происходятъ изъ Хорезма [1]). Кара-калпаки разбросаны нѣсколькими маленькими группами въ долинѣ Зарявшана, но наиболѣе сплоченную массу они составляютъ еще въ сырыхъ равнинахъ нижней Аму-Дарьи и на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря: тамъ они живутъ, быть можетъ, въ числѣ 50,000 душъ, тогда какъ во всей Россійской Имперіи ихъ насчитываютъ около 300,000 человѣкъ. На берегахъ Аральскаго моря „Черныя шапки“ (называются этимъ именемъ потому, что обыкновенно носятъ на головѣ колпаки или высокія шапки изъ черныхъ барашковъ) по большей части рослый и сильный народъ, съ широкимъ плоскимъ лицомъ, большими глазами, короткимъ носомъ, толстымъ подбородкомъ, широкими руками [2]). Однако, женщины ихъ слывутъ первыми красавицами въ Туркестанѣ. Впрочемъ нельзя сказать, что кара-калпаки представляютъ рѣзко обособленный типъ: разсѣянные на обширномъ пространствѣ, среди различныхъ народовъ, они, повидимому, разнообразно смѣшались съ другими племенами, а въ Татаріи они мало по малу сливаются съ образовавшимся изъ помѣсей населеніемъ сартовъ. Кара-калпаки, смирные, кроткіе, охотно занимающіеся земледѣльческими работами, служатъ, обыкновенно, посмѣшищемъ для своихъ сосѣдей, именно по причинѣ хорошихъ качествъ ихъ характера: ихъ тихій, миролюбивый нравъ, ихъ природное добродушіе доставили имъ репутацію самыхъ глупыхъ людей на свѣтѣ; впрочемъ, имъ дѣйствительно не достаетъ живости и предпріимчивости; взглядъ у нихъ вялый, безъ огня, ротъ почти всегда разинутъ и нижняя губа отвисла [3]). По всей вѣроятности, черезъ нѣсколько поколѣній, этотъ малочисленный, лишенный энергіи, народецъ не будетъ уже имѣть независимаго существованія въ Туркестанѣ.

Многочисленная киргизская нація, заключающая, быть можетъ, два милліона душъ (2.400,000, по Левшину; 3.000,000, по Красовскому), и область которой, столь же обширная, какъ вся Европейская Россія, простирается отъ береговъ Волги до бассейна Тарима и отъ низовьевъ Аму-

---

[1]) *Гребенкинъ*, Русскій Туркестанъ, II, 1872 г.

[2]) *Вамбери*, Sketches of Central Asia;— *Girard de Rialle*, Les Peuples de l'Asie centrale.

[3]) *Каразинъ*, Сцены изъ страшной жизни въ Средней Азіи.

Дарьи до рѣки Иртыша, есть, по численности, самая важная между кочевыми рассами Азіи; но она не имѣетъ этнической связи и дробится до безконечности: сами киргизы сравниваютъ себя съ „пескомъ морскимъ", который разносится вѣтромъ на далекое разстояніе, хотя песчаные берега отъ этого не бѣднѣютъ; представителей этого племени встрѣчаешь даже на границахъ Тибета и Индостана. Два главные отдѣла киргизской рассы соотвѣтствуютъ рельефу страны. Въ равнинѣ арало-каспійской покатости и бассейна Оби живутъ киргизъ-кайсаки, самый многочисленный отдѣлъ; въ долинахъ Тянь-Шаня, Алая и Памира бродятъ буры, буруты (окончаніе *утъ* въ монгольскомъ языкѣ есть форма множественнаго числа: бурутъ, якутъ, тунгутъ, тангутъ [1]), или кара-киргизы, „черные киргизы", называемые также киргизами „дикихъ горъ" или „дикими горными киргизами" *(Дикокаменные киргизы)*.

Киргизы сами себя называютъ кайзаками или казаками, хотя наименованіе „киргизъ" или вѣрнѣе „кргызъ" имъ не безъизвѣстно, и если вѣрить ихъ толкованію, это слово значитъ буквально „Сорокъ дѣвушекъ". По ихъ легендѣ, сходной съ легендой многихъ другихъ народовъ Азіи, они происходятъ отъ сорока дѣвъ и красной собаки, символа ихъ дикой и бродячей жизни. Они раздѣляются на слѣдующія четыре орды: „Большую" *(Улу-юзъ)*, самую древнюю, которая занимаетъ восточную часть Киргизскаго края, преимущественно на югъ отъ озера Балхашъ и въ сосѣдствѣ Небесныхъ горъ; „Среднюю" *(Урта-юзъ)*, племена которой кочуютъ главнымъ образомъ въ области невысокихъ холмовъ, отдѣляющихъ бассейнъ Оби отъ арало-каспійской покатости; „Внутреннюю" или „Букеевскую", кочующую въ Оренбургскихъ степяхъ; и наконецъ, „Малую" *(Качи-юзъ)*, которая владѣетъ западной областью края и простирается далеко въ Европейскую Россію; несмотря на свое имя, эта послѣдняя орда самая важная, какъ по численности, такъ по степени цивилизаціи и по роли, которую ей обезпечиваютъ ея постоянныя сношенія съ русскими, военными властителями страны. Тщетно русское правительство, со временъ Екатерины II, пыталось поставить надъ Малой ордой хана; всѣ назначаемые правители были свергаемы или умерщвляемы [2]). Также, какъ и туркменскія племена, федерація или *союзъ* киргизовъ дѣлится на второстепенныя группы, а эти послѣднія, въ свою очередь, подраздѣляются на кланы, часто враждующіе между собой, и на роды, заключающіе, среднимъ числомъ, отъ пяти до пятнадцати кибитокъ. Каждый изъ этихъ *ауловъ* или маленькихъ общинъ живетъ въ полной независимости, не признавая, послѣ власти русскихъ завоевателей, старательно избѣгаемыхъ, никакого другаго начальства, кромѣ авторитета

---

[1]) *Радловъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg, t. VI.

[2]) [illegible], *Мейеръ* и др.

главы семейства и третейскихъ судей, избираемыхъ ими самими въ случаѣ какихъ-либо споровъ и несогласій. Русскіе ограничиваются обложеніемъ этихъ кочевниковъ податью, въ размѣрѣ полутора рублей съ кибитки, но правительственнымъ чиновникамъ трудно открыть всѣ становища, въ оврагахъ и лощинахъ, за холмами, между песчаныхъ бугровъ, среди непроходимой чащи камышей по берегамъ болотъ, подъ покровомъ лѣсовъ; да и находимые ими аулы часто покидаются, по причинѣ періодической перемѣны мѣста жительства кочевниковъ, смотря по времени года. Вотъ почему оффиціальная статистика всегда оставалась ниже дѣйствительности, хотя изъ года въ годъ казна успѣвала открывать все большее и большее число уклоняющихся отъ взноса подати. Въ 1837 году, когда было въ первый разъ приступлено къ сбору подати, русскіе чиновники нашли только 15,500 кибитокъ въ бывшей области Оренбургскихъ

Богатый киргизъ.

киргизовъ; въ 1846 году они переписали ихъ уже 67,280, а въ 1862 г. число войлочныхъ палатокъ, гдѣ былъ взимаемъ налогъ, простиралось уже до 155,000 слишкомъ [1]). Въ 1872 году первая оффиціальная перепись, произведенная въ двухъ областяхъ, Тургайской и Уральской, не смотря на сопротивленіе киргизовъ, насчитала 605,000 кочевниковъ; сверхъ того Букеевская орда, аулы которой почти всѣ разсѣяны на западѣ отъ рѣки Урала, на европейской территоріи, заключаетъ, по разнымъ исчисленіямъ, отъ 160,000 до слишкомъ 200,000 душъ [2]).

Не имѣя начальниковъ, всѣ киргизы считаютъ себя болѣе или менѣе принадлежащими къ дворянству. Ихъ мелочное аристократическое тщеславіе безгранично. Когда два киргиза встрѣтятся, первый вопросъ, съ которымъ они обращаются другъ къ другу, слѣдующій: „Кто были твои

[1]) *Мейеръ*, Киргизская степь, Матеріалы для географіи и статистики Россіи.

[2]) *Тилло*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1873 г., № 2; *Обручевъ*, *Риттихъ* и др.

семь предковъ?“ И всѣ, даже восьмилѣтнія дѣти, умѣютъ въ отвѣтъ перечислить свою генеалогію до седьмаго колѣна по восходящей линіи. Тѣ, которые насчитываютъ хановъ между своими предками,—и дѣйствительно находятся такіе, которые ведутъ свой родъ отъ Чингисъ-хана,—почитаются людьми высшей породы, отличающимися своей „бѣлой костью“ отъ массы „чернокостнаго“ народа. Благородные киргизы, которымъ русское правительство жалуетъ разныя привилегіи, и которыхъ оно возвело въ званіе „султановъ“, не освобождая ихъ, однако, отъ платежа подушной подати, окружены сбродомъ теленгутовъ,—то-есть бѣглыхъ, чужеземцевъ, сыновей невольниковъ,—которые прежде служили имъ маленькими арміями во время междоусобныхъ войнъ, а теперь гоняютъ стада своего господина и обработываютъ его поля. Эта челядь въ большомъ презрѣніи у вольныхъ кочевниковъ, и не имѣетъ права вступать въ какой-либо изъ клановъ или ауловъ; она считается какъ-бы особой кастой, непринадлежащей къ націи, и живетъ въ отдѣльныхъ станахъ, вмѣстѣ съ своими господами, султанами, также ненавидимыми массой народа. *Біи* или „старѣйшіе“ суть выборные судьи, къ которымъ всѣ охотно обращаются въ случаѣ споровъ, на судъ которыхъ, вопреки русскому закону, отдаютъ дѣла, которыя должны бы быть разбираемы султанами или русскими чиновниками [1]). „Чернокостные“ присвоиваютъ себѣ коллективное дворянство или благородное происхожденіе, которое даетъ имъ кланъ, имѣющій свой особенный знакъ, подобный *тотему* индѣйцевъ, и благоговѣйно сохраняемый изъ вѣка въ вѣкъ. Каждое племя отличается также особеннымъ крикомъ, который члены его испускаютъ, какъ призывный кличъ, въ своихъ празднествахъ или спорахъ.

Языкъ вездѣ одинъ и тотъ же и представляетъ лишь незначительныя измѣненія у различныхъ киргизъ-кайсацкихъ племенъ. Онъ принадлежитъ къ чистому тюркскому корню и очень мало подвергался чуждымъ вліяніямъ: въ немъ можно замѣтить только кое-какіе слабые слѣды монгольскаго языка и небольшое число словъ арабскихъ и персидскихъ, внесенныхъ вмѣстѣ съ магометанской религіей [2]). На сѣверѣ, дѣйствіе русской рѣчи уже даетъ себя чувствовать, и даже, въ нѣкоторыхъ аулахъ Оренбургской степи, киргизы разговариваютъ между собой по русски [3]); но поселенцы славянской рассы сдѣлали, быть можетъ, больше позаимствованій, въ обыденной разговорной рѣчи, изъ идіома побѣжденныхъ, чѣмъ эти послѣдніе изъ діалекта своихъ побѣдителей. Подобно тому, какъ во времена монгольскаго нашествія москвитяне получили отъ татарскихъ завоевателей слова, относящіяся къ политикѣ и администраціи, такъ точно

[1]) *Тилло*, цитированная статья.

[2]) *Красовскій*, Киргизская степь.

[3]) *Радловъ*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 28 августа 1863 г.

нынѣшніе русскіе берутъ въ свой языкъ у покоренныхъ бродячихъ инородцевъ выраженія, относящіяся къ кочевой жизни [1]). По свидѣтельству Вамбери, изъ всѣхъ киргизскихъ племенъ кипчаки, принадлежащіе къ Средней ордѣ, всего лучше сохранили свой первоначальный типъ, свои древніе нравы и обычаи и чистоту своего языка. Что касается происхожденія этой націи, то оно еще составляетъ предметъ горячихъ споровъ между этнологами, и нѣкоторые ученые даже хотѣли видѣть въ киргизахъ арійскихъ скиѳовъ, такихъ-же, какъ древніе обитатели береговъ

Киргизка.

Понта Эвксинскаго. Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о родословіи ихъ рассы, нынѣшніе киргизы несомнѣнно всего больше походятъ на монголовъ и на тюркскія и татарскія народности, составляющія съ ними одну группу по языку. Это крѣпко сложенные, коренастые люди, съ толстой и короткой шеей, широкимъ и невысокимъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими косолежащими глазами, рѣдкой бородой, смуглымъ, часто грязно коричневымъ цвѣтомъ кожи [2]). Дородность составляетъ очень обыкновенное у киргизовъ Орен-

[1]) *Вамбери*, Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes.

[2]) *Радловъ; Вамбери; Верещагинъ;* Girard de Rialle и пр.

бургской степи, и притомъ она считается у благороднаго сословія націи чѣмъ-то въ родѣ привилегіи, прибавляющей важности и придающей болѣе величавый видъ. По большей части они обладаютъ большой физической силой, но крайне лѣнивы, вялы, неповоротливы и неуклюжи; походка ихъ тяжелая, тѣмъ болѣе, что отъ постояннаго сидѣнья на конѣ, на которомъ они проводятъ половину своей жизни, ноги у нихъ слегка выгнуты дугой. Въ нѣкоторыхъ племенахъ, матери даже имѣютъ привычку класть подушки между колѣнами спеленатымъ грудным дѣтямъ, для того, чтобы постепенно выгнуть имъ ноги и такимъ образомъ сдѣлать ихъ болѣе приспособленными для верховой ѣзды [1]). Подобно ногайцамъ, киргизы часто имѣютъ угрюмый или печальный видъ; между ними рѣдко встрѣтишь людей, которые были-бы такъ же предупредительны, привѣтливы въ обхожденіи, отличались-бы такимъ же веселымъ характеромъ, какъ башкиры, или имѣли-бы такой-же смѣлый, неустрашимый взглядъ, какъ туркмены. Большинство ихъ до крайности лѣнивы и безпечны: ничего не дѣлать—это для нихъ верхъ блаженства и славы. Въ киргизскихъ пѣсняхъ, женщины прославляютъ лѣность мужчинъ и свое собственное трудолюбіе. Привыкшія къ правильному труду, киргизки, вообще говоря, болѣе стройны и ловки, чѣмъ ихъ мужья, которыхъ онѣ превосходятъ также и нравственными качествами. Въ праздничные дни онѣ любятъ принарядиться: на голову надѣваютъ высокую бархатную или парчевую шапочку, украшенную металлическими бляхами, вышивками и бусами, а косы продолжаютъ до самыхъ пятъ, при помощи лентъ и конскихъ гривъ; онѣ прибѣгаютъ къ румянамъ и бѣлилам гораздо больше, чѣмъ европейскія женщины, и даже, чтобы нарумянить себѣ щеки, натираютъ ихъ растеніями съ ѣдкимъ сокомъ.

Киргизы большихъ степей, народъ вооруженныхъ пастуховъ, суть кочевники по преимуществу: какое-нибудь событіе, стѣснительное давленіе другаго племени, худыя предзнаменованія, сильная буря, заставляютъ ихъ перемѣнить отечество. Такъ, въ 1820 году большая часть астраханскихъ киргизовъ покинули свои становища, чтобы вернуться въ Азію, по простому слуху, что администрація собирается сдѣлать имъ перепись; они испугались, что послѣдствіемъ этой переписи будетъ то, что ихъ молодыхъ людей заберутъ въ военную службу и сдѣлаютъ солдатами на двадцать или на тридцать лѣтъ. Тщетно русскіе правители велѣли выстроить настоящіе дома для киргизскихъ „султановъ“, разсчитывая, что это придастъ больше важности послѣднимъ и будетъ способствовать возвышенію ихъ въ мнѣніи народа: хотя очень польщенные оказанной имъ честью, киргизскіе „бѣлокостники“ продолжали жить по прежнему подъ войлочной палаткой, оставляя въ своихъ домахъ всѣ предметы роскоши,

[1]) *Левшинъ*, Описаніе киргизъ-кайсаковъ.

свидѣтельствующіе объ ихъ богатствѣ и цивилизаціи; только самые жалкіе члены націи, тѣ, которые почти низведены на степень рабовъ среди казацкихъ колоній, соглашаются обитать въ деревянныхъ домикахъ. Киргизы предчувствуютъ, что осѣдлая жизнь въ домахъ будетъ совпадать для нихъ когда-нибудь съ потерей свободы [1]). Киргизская юрта, совершенно похожая на калмыцкую и туркменскую кибитку, состоитъ изъ простой деревянной рѣшетки, покрытой снаружи краснымъ сукномъ у нѣкоторыхъ „султановъ“, бѣлымъ войлокомъ у богатыхъ и обыкновенной кошмой у „чернокостныхъ“. Въ какихъ-нибудь полчаса времени цѣлый аулъ исчезъ и направляетъ путь къ другимъ мѣстамъ стоянки, къ сѣверу въ началѣ лѣта, къ югу въ первые дни зимы.

Киргизъ-кайсаки не имѣютъ того воинственнаго темперамента, какимъ отличаются ихъ южные сосѣди, туркмены. Однако, они долго оказывали сопротивленіе славянскимъ завоевателямъ. Они приняли русское подданство въ 1734 году; но они думали въ то время, что исполняютъ лишь пустую формальность, когда же поняли, что въ мнѣніи русскихъ они утратили свое независимое существованіе, война началась. Она продолжалась болѣе ста лѣтъ съ промежутками вооруженнаго мира [2]). Послѣднее возмущеніе имѣло мѣсто въ 1870 году, и мангышлакскіе киргизы разрушили тогда одну русскую деревню и осаждали фортъ Александровскій [3]). Но, по природѣ, киргизъ-кайсаки народъ миролюбивый. Чтобы отмстить за обиды, удовлетворить старую злобу или воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для грабежа, они, правда, предпринимаютъ отъ времени до времени *баранты* или вооруженныя экспедиціи, подобныя *аламанамъ* туркменъ, но дѣлается это обыкновенно только для того, чтобы хищнически напасть и заграбить чужихъ лошадей. Они не употребляютъ въ дѣло оружія, кромѣ какъ противъ дичи. Страстные охотники, они преслѣдуютъ и убиваютъ степнаго волка ударами бича, оканчивающагося хвостами изъ желѣзной проволоки [4]). Они умѣютъ дрессировать сокола, коршуна и даже беркута, пріучая ихъ ловить дичь; однако, помощь беркута на охотѣ не безопасна для нихъ самихъ: бывали случаи, что крылатый хищникъ, тщетно отыскивая взоромъ съ небесной выси волка, лисицу или какое-нибудь другое животное, забившееся въ свою берлогу или нору, налеталъ на своего господина, сшибая его съ коня ударомъ могучихъ крыльевъ, вонзая когти въ его тѣло и стараясь выклевать ему глаза [5]).

Киргизъ-кайсаки называютъ себя магометанами суннитами, но они

---

[1]) *Левшинъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Григорьевъ*, Russische Revue, 1873 г.
[3]) *Загорскій*, Russische Revue, 1879 г., 5.
[4]) *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.
[5]) *Ибрагимовъ*, Древняя и Новая Россія, 1876 г. № 9.

по большей части до такой степени чужды всякому фанатизму, что ихъ съ такимъ-же правомъ можно бы было причислить къ шаманистамъ и къ язычникамъ. Между ними встрѣчаются даже такіе, которые на распросы путешественниковъ отвѣчаютъ, что и сами не знаютъ, къ какой религіи принадлежатъ. Когда они впервые вступили въ сношенія съ русскими, они не были мусульманами; въ то время не существовало ни одной мечети въ киргизскихъ степяхъ, не было ни одного муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Это сами русскіе всего болѣе способствовали обращенію киргизовъ въ послѣдователей Магомета, предполагая ихъ таковыми. Косвенно, они были обратителями этого народа въ магометанскую вѣру, напомнивая ему имя Аллаха во всѣхъ своихъ договорахъ и условіяхъ; но они имѣли полный успѣхъ въ этомъ отношеніи только у сановныхъ степняковъ, да у купцовъ. Главная масса націи осталась тѣмъ, чѣмъ она была до русскаго господства, принявъ, впрочемъ, изъ религій окружающихъ народовъ то, что внушало ей страхъ. Наиболѣе приверженными къ шаманству оказываются тѣ изъ киргизовъ, которымъ всего рѣже приходилось имѣть сношенія съ русскими [1]). Впрочемъ, киргизскій исламизмъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они ненавидятъ христіанъ и послѣдователей Али (шіитовъ) и считаютъ позволительнымъ обкрадывать, грабить и даже убивать этихъ иновѣрцевъ; но ихъ религіозные обычаи и обряды не имѣютъ никакой связи съ предписаніями Корана. Пуще всего боятся они дурнаго глаза и никогда не забудутъ украсить разноцвѣтными лентами голову молодаго верблюда, чтобы удалить отъ него пагубныя вліянія: все у нихъ примѣта, хорошая или худая,—паденіе нитки на камень бѣлый или черный; оттѣнокъ желтый или красный пламени, которое поднимается, когда на огонь брошено масло; трещины продольныя или поперечныя, которыя образуются на поджариваемыхъ бараньихъ лопаткахъ и т. д. Они пробуютъ заклинать злыхъ духовъ, дѣлая имъ жертвоприношенія, привязывая къ травамъ, къ камышамъ, къ кустамъ, къ кольямъ, воткнутымъ въ землю, волосы, тряпки или ленты. Въ горахъ они вѣшаютъ также части одежды на вѣтвяхъ деревьевъ, осѣняющихъ цѣлебные источники [3]). Собираясь въ путь-дорогу или отправляясь въ военную экспедицію, на баранту, киргизъ пришиваетъ себѣ сзади, къ шапкѣ, одинъ или два мѣшечка, содержащихъ писанныя молитвы, которыя должны дать ему мужество и удачу въ предпріятіи.

Изъ всѣхъ магометанскихъ обычаевъ всего быстрѣе было принято многоженство, принято, впрочемъ, не массой бѣдныхъ киргизовъ, неимѣющихъ средствъ платить болѣе одного раза калымъ или выкупъ за жену,

---

[1]) *Левшинъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Григорьевъ*, цитирован. статья.

[3]) *Костенко*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, мартъ, 1877 г.

а богачами, которые обладаютъ сотнями и тысячами головъ скота. Также, какъ у большинства народовъ, выходящихъ изъ состоянія варварства, у степняковъ существуетъ еще тамъ и сямъ, въ бракахъ, обычай притворнаго похищенія невѣсты; но есть также много киргизовъ, которые на самомъ дѣлѣ похищаютъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ военную добычу. Чаще всего они отправляются за этого рода добычей къ калмыцкимъ народцамъ Небесныхъ горъ, и такимъ образомъ исполняютъ древній обычай, по которому всякая невѣста должна быть взята внѣ племени и даже внѣ націи. По традиціи, киргизы экзогамисты или „чужебрачники“, чѣмъ и объясняется большое сходство типа этихъ тюркскихъ племенъ съ ихъ сосѣдями монгольской расы. Изъ національныхъ обычаевъ всего лучше сохранились тѣ, которые относятся къ чествованію памяти усопшихъ. Киргизы хоронятъ своихъ покойниковъ съ плачемъ и рыданіями и возобновляютъ траурныя церемоніи или справляютъ поминки на сороковой день, затѣмъ на сотый день, въ концѣ года и еще по прошествіи девяти лѣтъ. Близкіе родственники бьютъ себя въ грудь и испускаютъ вопли, утромъ и вечеромъ, впродолженіи цѣлаго года, передъ куклой, одѣтой въ платье умершаго. Могильные курганы, которые возвышаются на вершинѣ холмовъ, украшенные пиками съ развѣвающимися на концѣ конскими гривами и хвостами, составляютъ предметъ величайшаго почитанія. Нѣкоторые холмы сплошь усѣяны надгробными памятниками всевозможной величины и формы, воздвигнутыми въ честь усопшихъ, пирамидами, башенками, куполами, портиками: матери велятъ представлять на этихъ памятникахъ колыбели своихъ дѣтей, а дѣти изображаютъ на нихъ кибитку, гдѣ трудилась мать. Курганы встрѣчаются также въ большомъ числѣ въ открытой степи: одна изъ могильныхъ насыпей, возвышающихся на берегу рѣки Тургай, имѣетъ 32 метра въ вышину и 290 метр. въ окружности; по сказанію легенды, подъ этимъ холмомъ покоится прахъ героя или *батыря* исполинскаго роста, одного изъ тѣхъ, которые поднимали горы, какъ простые камни для своихъ пращей[1]). Проходя или проѣзжая мимо этихъ могилъ, киргизы считаютъ долгомъ сотворить молитву съ колѣнопреклоненіемъ у подножія кургана и оставляютъ тамъ, для нуждающихся, разныя вещи, одежду, съѣстные припасы, деньги. Бѣдные прохожіе могутъ взять себѣ, какъ даръ отъ умершаго, все, что̀ увидятъ на его могилѣ; но они обязаны, взамѣнъ того, и сами сдѣлать какое-нибудь маленькое приношеніе, дабы ни одинъ нуждающійся не вернулся отъ покойника съ пустыми руками[2]).

Въ общемъ ходѣ развитія человѣческихъ обществъ земледѣліе составляетъ прогрессъ въ сравненіи съ пастушскимъ образомъ жизни; но

---

[1]) *Левшинъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Nöschel*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. XVIII.

относительно киргизовъ этого нельзя сказать. У этихъ степняковъ тотъ, кто исходитъ въ состояніе хлѣбопашца, есть уже человѣкъ обездоленный, утратившій радости жизни и свободу. Еще и въ наши дни почти всѣ киргизъ-кайсаки магометанской вѣры — кочевники; тѣ же, которые, по неимѣнію собственнаго скота, вынуждены обработывать землю въ сосѣдствѣ русскихъ поселеній, отрекаются отъ имени кайсаковъ уже со второго поколѣнія, носятъ русскую одежду и называютъ себя христіанами; близъ укрѣпленныхъ постовъ южной Сибири, это они поставляютъ хлѣбъ русскимъ линейнымъ казакамъ. На всей окружности киргизскаго края мелкіе русскіе торговцы держатъ туземцевъ въ кабалѣ посредствомъ ростовщичьихъ ссудъ, и примѣру этихъ кулаковъ слишкомъ усердно слѣдуютъ, во внутренности степей, такъ называемые „ханы“, то-есть богатые киргизы; всякій разъ, какъ слишкомъ суровая зима влечетъ за собой гибель значительной части скота, среди киргизовъ происходитъ эмиграціонное движеніе, направляющееся изъ территоріи ордъ къ русскимъ владѣніямъ. Между киргизами есть такіе богачи, которые насчитываютъ въ своихъ стадахъ сотни верблюдовъ, тысячи лошадей и до двадцати тысячъ барановъ. У нихъ есть также и крупный рогатый скотъ, но въ меньшемъ числѣ; до половины восемнадцатаго столѣтія киргизы еще не вводили этихъ животныхъ въ своихъ степяхъ, и имъ стоитъ большаго труда прокармливать ихъ и защищать отъ холода во время продолжительной зимы. Общее количество домашнихъ животныхъ въ киргизской степи опредѣлялось въ 1872 году, по Тилло, слѣдующими цифрами:

Верблюдовъ	120,000	Быковъ и пр.	600,000
Лошадей	1.720,000	Барановъ	2.000,000
		Козъ	180,000

Кучки деревьевъ, густые камыши, узкіе и длинные овраги между песчаныхъ бугровъ служатъ убѣжищами большей части стадъ во время бурановъ; но въ открытой степи нужно выкапывать большія ямы, куда и укрывается скотъ отъ непогоды, или протягивать войлочный заборъ со стороны вѣтра. Самыя лучшія пастбища всегда приберегаются къ зимѣ: когда земля покроется снѣгомъ, лошади начинаютъ разгребать снѣгъ копытами и обгладываютъ верхнюю часть стеблей, затѣмъ на то же мѣсто пускаются верблюды, которые обрываютъ траву ближе къ землѣ, наконецъ, очередь доходитъ до барановъ, которые уже выщипываютъ растенія до самаго корня.

Неакклиматизировавшіяся животныя гибнутъ отъ этой тяжелой жизни, отъ стужи и безкормицы. Дромадеры туркменской породы не могли быть введены въ краѣ, и только двугорбые верблюды переносятъ тамошній климатъ. Бараны всѣ принадлежатъ къ породѣ овецъ съ курчавой шерстью и жирнымъ хвостомъ (курдюкомъ); эти животныя, когда подростутъ, дѣлаются обыкновенно такими сильными и такими большими, что дѣти во

ТУРКМЕНСКІЙ ОБЫЧАЙ ДОГОНКА НЕВѢСТЫ.

время своихъ игръ разъѣзжаютъ на нихъ верхомъ. Стада всегда ходятъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ козъ, и иногда случается, въ началѣ или въ концѣ зимы, что при переходѣ черезъ рѣки, покрытыя тонкимъ или хрупкимъ льдомъ, овцы тонутъ сотнями, желая слѣдовать за своими легкими проводницами [1]). Что касается киргизской лошади, то она не красива на видъ, но очень крѣпка, выносliва и неприхотлива; она дѣлаетъ шагомъ до 80 верстъ въ день,—даже по 100 верстъ, какъ говоритъ г. Костенко,— ѣсть все, что попадется, ложится на голый песокъ и переноситъ, безъ вреда для своего здоровья, всѣ крайности тепла и холода. Во время своихъ конскихъ скачекъ или *байга*, киргизы и калмыки могутъ легко проскакать около 10 верстъ въ четверть часа, около 20 верстъ въ полчаса, и иные киргизскіе наѣздники, мѣняя лошадей на нѣсколькихъ станціяхъ, пробѣгали въ тридцать четыре часа около 300 верстъ. Цѣнныя лошади, какъ-то: *карабаиръ* или „полукровный“ и *аргамакъ*, чистой породы, менѣе выносливы. Аргамакъ, столь замѣчательный блескомъ своего одѣянія, стройнѣе и выше на ногахъ, чѣмъ чистокровная арабская лошадь; его можно встрѣтить только у киргизскихъ „султановъ“ [2]).

Черные или дикокаменные киргизы, извѣстные у туземцевъ подъ именемъ бурутовъ (буровъ), менѣе многочисленны, нежели кизгизъ-кайсаки, такъ какъ общее число ихъ на обоихъ скатахъ хребта Тянь-Шаня не превышаетъ 350,000 или 400,000 душъ; они мало отличаются, по типу, языку и нравамъ, отъ своихъ сосѣдей, обитателей равнинъ, и народная легенда даже производитъ ихъ отъ выходцевъ изъ степныхъ кайсацкихъ ордъ, убѣжавшихъ въ горы [3]). Однако, эти горные киргизы, очевидно, въ болѣе сильной степени смѣшались съ монголами и представляютъ совершенно тотъ же физическій типъ, какъ и калмыки; почти всѣхъ ихъ женщинъ русскіе находятъ безобразными, исключая женщинъ племени сары-багишъ. Онѣ никогда не закрываютъ лица, и глаза ихъ смѣло глядятъ изъ косо разрѣзанныхъ вѣкъ; волосы у нихъ жесткіе и твердые, какъ конская грива; по праздничнымъ днямъ онѣ носятъ головной уборъ въ родѣ туркменскаго, сплошь увѣшанный металлическими бляхами и монетами, которыя звенятъ при каждомъ движеніи. Грязные и склонные къ пьянству, никогда не моющіеся, никогда не вытирающіе своихъ кухонныхъ инструментовъ и посуды иначе, какъ пальцами, изъ опасенія „прогнать изобиліе“ изъ дома [4]), буруты болѣе дики, болѣе невѣжественны, чѣмъ киргизы равнинъ, но за то они, говорятъ, болѣе честны и болѣе прямодушны въ сравненіи съ ихъ сосѣдями степняками. Очень

[1]) *Левшинъ*, цитирован. сочиненіе.
[2]) *Ch. de Ujfalvy*, Bulletin de la Société d'acclimatation, 1879 г.
[3]) *Хорошкинъ*, Сборникъ статей относящихся къ Туркестану.
[4]) *Семеновъ*, Mittheilungen von Petermann, 1859 г., № 3.

униженные теперь, эти дикокаменные киргизы, повидимому, были нѣкогда націей гораздо болѣе цивилизованной, чѣмъ въ наши дни: китайскіе лѣтописцы говорятъ о „ки-си-ли-ци“, какъ о народѣ могущественномъ и промышленномъ, который велъ дѣятельную торговлю съ отдаленными странами внѣшней Азіи. Но великія переселенія народовъ увлекли далеко на западъ и на югъ эту вѣтвь киргизской націи, а тѣ, которые остались на мѣстѣ, были оттѣснены мало по малу въ горныя долины. Потомъ пришли русскіе, которые истребили всѣхъ киргизовъ сибирскихъ степей, къ востоку отъ Иртыша, или оставили лишь ничтожные обломки этихъ инородческихъ племенъ, скоро утратившихъ самое имя и слившихся съ другими народами. Они сохранили отъ своей древней цивилизаціи разныя мастерства и умѣютъ строить вѣтряныя мельницы, ковать желѣзо, ткать прекрасныя матеріи [1]). Чернымъ киргизамъ совершенно чуждо аристократическое тщеславіе, такъ сильно развитое у киргизъ-кайсаковъ, и ни одинъ изъ этихъ горцевъ не претендуетъ на благородное происхожденіе, не кичится своей „бѣлой костью“; однако, ихъ начальники или *манапы*, въ нѣкоторыхъ племенахъ, захватили въ свои руки обширную, почти неограниченную, власть, и даже присвоили себѣ право жизни и смерти надъ своими управляемыми. Память о былой славѣ не совсѣмъ угасла у тянь-шаньскихъ киргизовъ, и ихъ поэты, ихъ импровизаторы, вокругъ которыхъ собирается толпа слушателей въ становищахъ, воспѣваютъ еще древнихъ *батырей*, которые пронзали по тысячѣ человѣкъ однимъ ударомъ копья и поднимали одной рукой гору, гдѣ заснула ихъ невѣста: ничто не было слишкомъ трудно для этихъ храбрецовъ былыхъ временъ. Ученые хотѣли видѣть въ пѣсняхъ и былинахъ кара-киргизовъ остатки древнихъ эпическихъ поэмъ, и въ нѣкоторыхъ изъ ихъ воззваній или молитвъ проходитъ какъ-бы вѣяніе Ведъ:

„Всевышній, Царь небесный, ты, который производишь изъ земли зелень и одѣваешь деревья листьями; ты, который покрываешь кости мясомъ и черепъ волосами, творецъ творенія. Небо, ты, которое создало звѣзды;

„Вы, шестьдесятъ властителей, давшіе намъ отца, и ты, Пай Онльгуэнъ, давшая намъ мать;

„Дайте намъ скота, дайте хлѣба, дайте главу дому, пошлите намъ свое благословеніе!“ [2]).

Черные киргизы дѣлятся на многочисленныя племена, изъ которыхъ западныя извѣстны подъ общимъ именемъ „Правой“ (*Онг*), тогда какъ восточные народцы, на обоихъ скатахъ Небесныхъ горъ, составляютъ такъ называемую „Лѣвую“ (*Солг*). Киргизы этой послѣдней вѣтви, то-есть „Лѣ-

[1]) *Валихановъ*, Путешествіе въ 1858 и 1859 годахъ.

[2]) *Радловъ*, Volksliteratur der türkischen Stämme Sibiriens; *Elie Réclus*, Philosophie positive.

вой", находятся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ тянь-шаньскими калмыками, происходящими частію отъ тѣхъ калмыковъ, которые ушли въ 1771 году изъ астраханскихъ степей въ Джунгарію, и которые потеряли, во время этого исхода, такое большое число своихъ, отъ голода, холода и битвъ. Побѣжденные черными киргизами и другими степными народами въ сраженіи, данномъ въ мѣстности къ югу отъ озера Балхашъ, калмыки нашли убѣжище только въ восточныхъ долинахъ Небесныхъ горъ, гдѣ ихъ поселило китайское правительство, рядомъ съ ихъ соплеменниками, торгами или торгутами, буддистами, какъ и они, и говорящими нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ ихъ языку. Азіатскіе калмыки ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ. У нихъ такое-же плоское лицо, съуженное въ верхней части, такіе-же узкіе и косолежащіе глаза, такія же блѣдныя губы, искривленныя печальной улыбкой, такое-же массивное туловище, поддерживаемое кривыми ногами. Женщины нѣкоторыхъ племенъ имѣютъ привычку чернить себѣ зубы [1]). Также, какъ киргизы, и даже гораздо чаще, калмыки употребляютъ быка для перевозки тяжестей и для верховой ѣзды.

Едва-ли найдется народъ, среди котораго оспа производила-бы болѣе страшныя опустошенія, чѣмъ у тянь-шаньскихъ калмыковъ: оттого они прокляли самое имя этого бича; у нихъ считается грѣхомъ не только говорить, но даже упомянуть о немъ какимъ-нибудь намекомъ. Въ зимнюю пору, семья, пораженная страшнымъ недугомъ, можетъ считаться пропащей семьей: холодъ, въ соединеніи съ болѣзнью, не пощадитъ ни одного изъ обитателей кибитки; всѣ члены семейства, отъ мала до велика, погибнутъ, и никогда никакой наслѣдникъ не явится за полученіемъ вещей, оставшихся въ зараженномъ жилищѣ. Чтобы предохранить себя отъ заразы, калмыкъ, зашедшій нечаянно или по ошибкѣ въ кибитку, гдѣ есть больные оспой, первымъ дѣломъ напивается водкой до опьяненія, послѣ чего его родные и друзья, вооруженные ногайками, хлещутъ его до крови, чтобы прогнать вошедшаго въ его тѣло злаго духа. Въ противоположность своимъ сосѣдямъ, киргизамъ, калмыки мало заботятся о своихъ умершихъ. Они почти никогда не погребаютъ ихъ, а оттащивъ мертвое тѣло на нѣкоторое разстояніе отъ становища, бросаютъ его на пескѣ, отчего нерѣдко случается, что голодная собака приноситъ въ кибитку кусокъ трупа и пожираетъ его на глазахъ родныхъ покойника [2]).

Въ богатой долинѣ рѣки Или, между Тянь-Шанемъ въ собственномъ смыслѣ и джунгарскимъ Ала-тау, главная масса населенія состоитъ изъ таранчей, земледѣльческаго народа, тюркско-татарской рассы, но, очевидно, смѣшаннаго въ сильной степени съ арійскими элементами: они происхо-

[1]) *Каразинъ*, Сцены изъ страшной жизни въ Средней Азіи.

[2]) „Туркестанскія Вѣдомости", 1 апрѣля 1880 г.

дятъ отъ кашгарскихъ колонистовъ, приведенныхъ въ край манчжурскими завоевателями, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія; хотя мусульмане по имени, они не знаютъ бо̀льшей части предписаній своей религіи и руководствуются старыми обычаями, предшествовавшими магометанскому *шаріату* [1]); женщины ихъ не закрываютъ себѣ лица. Всѣ обитатели этой Илійской страны, за исключеніемъ небольшаго числа русскихъ гражданскаго сословія и казаковъ, пришли съ китайской территоріи, на югѣ и на востокѣ. Самые извѣстные изъ этихъ пришельцевъ—дунгане, которые населяютъ главнымъ образомъ города бассейна рѣки Или и составляютъ нѣчто въ родѣ авангарда своимъ единоплеменникамъ внутреннихъ провинцій Китайской имперіи и округовъ турфанскаго и урумційскаго. Солоны происходятъ отъ тунгузскихъ военныхъ поселенцевъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, которые пришли въ край въ прошломъ столѣтіи, и которымъ грозитъ опасность исчезнуть отъ неумѣреннаго употребленія опіума [2]). Сибо или шибо, которые составляли, вмѣстѣ съ солонами, отдѣльное войско, подраздѣлявшееся на восемь „знаменъ“ или хошуновъ, были чистокровные манчжуры, говорившіе цивилизованнымъ языкомъ націи [3]); остатки этихъ племенъ, сохранившіе ихъ имя, сдѣлались туземцами черезъ брачные союзы съ калмыцкими женщинами. Между жителями этой страны встрѣчаются также, въ небольшомъ числѣ, манчжуры и китайцы „хамбинги“. Извѣстно, что Кульджинскій край есть одинъ изъ тѣхъ, гдѣ, во времена новаго періода исторіи, происходили самыя ужасныя побоища, оканчивавшіяся истребленіемъ цѣлыхъ рассъ народовъ. Говорятъ, что въ 1858 году манчжуры велѣли перебить, безъ различія пола и возраста, всѣхъ калмыковъ, обитавшихъ въ Илійской равнинѣ: болѣе милліона человѣческихъ жизней погибло въ этой чудовищной рѣзнѣ. Столѣтіе спустя, новые поселенцы, таранчи и дунгане, которыхъ манчжуры ввели въ край на мѣсто истребленныхъ калмыковъ, жестоко отмстили своимъ господамъ за пролитые послѣдними потоки крови. Ожесточенная война, въ которой не было пощады ни одному плѣннику, свирѣпствовала между поселенцами и ихъ господами впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и окончилась въ 1865 году поголовнымъ избіеніемъ манчжуровъ, солоновъ и сибо; только молодыя женщины избѣгли смерти. Многолюдные города были обращены въ груды развалинъ; если вѣрить разсказамъ туземцевъ, около двухъ милліоновъ человѣкъ погибли въ эти страшные годы разрушенія. Когда господство китайцевъ уступило мѣсто владычеству таранчей и дунганъ, въ долинѣ Или, еще недавно такъ густо населенной, оставалось не болѣе 130,000 жителей.

[1]) Tour du Monde, 1874.
[2]) *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferganah et Kuldja.
[3]) *Радловъ*, Russische Revue, 1873 г., № 3.

До прибытія русскихъ въ бассейны Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, политическое могущество принадлежало, въ цивилизованныхъ государствахъ страны, націи узбековъ, тюркско-татарской рассы, какъ киргизъ-кайсаки и кара-киргизы, и говорящихъ также тюркскимъ языкомъ, джагатаемъ или уйгуромъ, однимъ изъ цивилизованныхъ и литературныхъ діалектовъ тюркскаго корня. Какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ различныя рассы или народности живутъ рядомъ одна съ другой, и гдѣ привилегіи, политическія и соціальныя, принадлежатъ одной изъ нихъ, въ Туркестанѣ имя узбековъ, какъ господствующаго класса, естественно, составляло предметъ честолюбія для всякаго, и потому національность ихъ увеличилась большой частью людей смѣшанной крови. На милліонъ узбековъ, живущихъ нынѣ въ арало-каспійскомъ бассейнѣ, значительная пропорція, безъ сомнѣнія, состоитъ изъ помѣси съ иранскими элементами, какъ это доказываютъ черты лица, походка и характеръ. Отъ Ферганы до Хивы и отъ Хивы до афганскихъ провинцій Гинду-Куша, контрастъ между различными племенами, которыя всѣ одинаково именуютъ себя узбеками, такъ-же великъ, какъ контрастъ между національностями, носящими разныя названія. Что особенно поражаетъ, у большинства узбековъ, въ жилахъ которыхъ есть уже примѣсь персидской крови, это густая растительность на подбородкѣ; даже узбеки, сохранившіе татарскій типъ, плоское лицо и косолежащіе глаза, имѣютъ часто такую-же величественную бороду, какъ иранцы [1]).

Узбеки считаютъ себя потомками кочевыхъ племенъ знаменитой Золотой Орды, получившей это названіе, какъ говорятъ, отъ золотыхъ листовъ, которыми обвертывали жерди, составлявшія остовъ ханской палатки; но, очевидно, въ рассу ихъ съ давнихъ поръ примѣшались элементы монгольскіе и татарскіе. Знаменитые уйгуры, давшіе имъ языкъ, которымъ они говорятъ въ настоящее время, языкъ гораздо болѣе приближающійся къ татарскому корню, чѣмъ турецкій, употребляемый левантинцами, были, вѣроятно, тѣ изъ турко-татаръ, которымъ принадлежала наибольшая доля участія въ образованіи рассы узбековъ нашихъ дней [2]): носимое ими національное названіе буквально значитъ „свободный человѣкъ“, если только оно не происходитъ отъ имени одного изъ ихъ государей, чингисъ-хановыхъ потомковъ, который обратилъ ихъ въ магометанскую вѣру, въ первыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія. Таковы, какими мы ихъ видимъ теперь, то-есть смѣшанные съ различными элементами, турецкими, монгольскими, иранскими,—узбеки представляютъ еще значительный контрастъ, съ одной стороны съ чистыми кочевниками страны, туркменами и киргизами, съ другой—съ арійцами, совершенно

[1]) *Венюковъ; Уйфальви; Шау; Жираръ-де-Ріаль* и др.
[2]) *Friedrich Müller*, Allgemeine Ethnographie.

осѣдлыми. Нѣкогда болѣе цивилизованные, болѣе занимавшіеся земледѣліемъ, чѣмъ въ наши дни, они частію снова вернулись къ состоянію номадовъ; можно сказать, что они и теперь еще полукочевники, и между ними не рѣдкость встрѣтить горожанъ, которые проводятъ почти весь годъ въ палаткѣ среди своего сада, и у которыхъ домъ служитъ житницей [1]). Еще раздѣленные на роды и племена, изъ которыхъ иные носятъ то же имя, какъ и киргизскіе народы, узбеки считаютъ даже принадлежащими къ ихъ націи кланы, на которые съ такимъ-же правомъ могли-бы имѣть притязаніе черные киргизы: таковы, напримѣръ, ферганскіе туруки или турки, можетъ быть, близкіе родичи тѣхъ, которые, подъ такимъ-же этническимъ наименованіемъ, получили въ передней Азіи и въ Европѣ столь важную историческую роль. Между узбекскими племенами старѣйшимъ или самымъ благороднымъ почитается племя мангитовъ, изъ котораго вышла царствующая фамилія бухарскихъ хановъ или эмировъ, и которое, вслѣдствіе того, пользовалось многочисленными прерогативами [2]). Въ мусульманскомъ мірѣ узбеки представляютъ собою наиболѣе искренній и страстный элементъ; между ними меньше встрѣтишь равнодушныхъ къ вѣрѣ, меньше лицемѣровъ, нежели между другими народностями Туркестана. Почти всѣ разбойники, но также почти всѣ „святые“ края,—болѣе девяти десятыхъ общаго числа,—принадлежатъ по происхожденію къ племени узбековъ [3]): персіяне, таджики, сарты, афганцы, арабы, фигурируютъ пропорціонально въ гораздо меньшемъ числѣ между „Божьими людьми“, не смотря на то, что духовное сословіе вербуется почти исключительно изъ таджиковъ: въ двухъ тысячахъ мечетей Зарявшанскаго округа едва-ли наберется полсотни муллъ, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ, то-есть не таджиковъ [4]). Хотя узбеки располагали политической властью въ теченіи столѣтій, они остались простыми и честными, въ сравненіи съ иранцами, которые составляютъ массу чиновниковъ и сборщиковъ податей. Эти иранцы, въ насмѣшку, величаютъ своихъ господъ, узбековъ, *Югунъ-келлс* или „толстыми черепами“, въ смыслѣ тупоголовыхъ, и это прозвище, кажется, справедливо съ двоякой точки зрѣнія, такъ какъ у узбековъ костяной ящикъ головы дѣйствительно толще, шире и крѣпче, чѣмъ у ихъ соотечественниковъ иранской рассы [5]). Чтобы показать, въ шутливой формѣ, контрастъ характера, существующій между узбеками и таджиками, жители края разсказываютъ такую исторію, что будто одна принцесса обѣщала свою руку

---

[1]) *Вамбери; Уйфальви*; *Верещагинъ* и др.

[2]) *Хиныковъ*, Bokhara, its amir and its people.

[3]) *Хиныковъ; Хорошкинъ*, Сборникъ статей, относящихся къ Туркестану; *Гродековъ*, From Samarkand to Herat, франц. переводъ *Ш. Марвена*.

[4]) *Гребенкинъ*, Русскій Туркестанъ, часть II.

[5]) *Вамбери*, Sketches of Central Asia; *Girard de Rialle*, цитирован. сочиненіе.

тому изъ двухъ претендентовъ, который проретъ оросительный каналъ черезъ Голодную степь. Узбекъ добросовѣстно принялся за дѣло, началъ копать ровъ для арыка и довелъ его до водопада, который видѣнъ еще и въ наши дни; но у него не хватило времени окончить эту гигантскую работу. Таджикъ не задавалъ себѣ такого большаго труда. Онъ поступилъ гораздо проще: передъ назначеннымъ днемъ, разослалъ камышевыя циновки вдоль песчаной пустыни, и когда принцесса взошла на свою башню, чтобы увидѣть вдали серебристую струю водъ канала, показалъ ей свою работу, блестѣвшую на солнцѣ. Несчастный соперникъ, съ отчаянія, бросилъ свой заступъ высоко въ воздухъ, и при паденіи инструментъ раскроилъ ему голову [1]).

Сартъ.

Утрата политической власти, по всей вѣроятности, будетъ имѣть слѣдствіемъ все большее и большее сближеніе узбековъ съ классомъ сартовъ и даже, во многихъ мѣстахъ, слияніе ихъ въ одну націю. Сарты составляютъ смѣшанную рассу, какъ и узбеки, но иранскій элементъ у нихъ преобладаетъ, и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ тѣхъ изъ узбековъ, которые сохранили тюркскую физіономію. Впрочемъ, имя сартовъ всего чаще употребляется для обозначенія не особенной національности, а класса, отличающагося родомъ занятій и нравами. Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ цивилизованныхъ тад-

[1]) *Костенко*, Туркестанскій край.

жиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія; нѣкоторые писатели подводятъ даже и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана [1]). „Когда гость приходитъ къ тебѣ и ѣстъ твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, ты можешь сказать, что это сартъ“,—такъ рѣшила мѣстная вѣжливость. Когда киргизъ или узбекъ кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построитъ себѣ тамъ домъ и займется торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами [2]). Осѣдлые цыгане, извѣстные подъ именемъ мазанговъ,—въ противоположность кочевымъ цыганамъ или лули,— называются тѣмъ-же именемъ; къ сартамъ-же всего скорѣе можно причислить и *курамъ*, то-есть „сбродъ“ окрестностей Ташкента; такъ называютъ людей всякаго рода и племени: узбековъ, киргизъ-кайсаковъ, кара-калпаковъ, которые поселились въ подгородныхъ деревняхъ, вокругъ большаго города [3]). Во всей Ферганѣ большинство жителей сами себя называютъ „курамъ“, изъ чего видно, что имъ хорошо извѣстно, что они произошли изъ смѣшенія различныхъ рассъ [4]). Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульджѣ, они говорятъ турецкимъ языкомъ, тогда какъ въ Ходжентѣ и въ Самаркандѣ—они употребляютъ персидскій [5]). Представляя собою по преимуществу населеніе смѣшанной крови въ странахъ арало-каспійской покатости, сарты увеличиваются въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другія народности, и этотъ народъ или классъ несомнѣнно имѣетъ будущее, несмотря на презрѣніе, оказываемое имъ людьми благородной рассы. Киргизы любятъ дѣлать игру словъ изъ имени сартовъ: они называютъ ихъ *сары-итъ*, что значитъ „желтыя собаки“, и киргизъ, соглашающійся выдать свою дочь замужъ за одного изъ этихъ презрѣнныхъ парій, навлекаетъ безчестіе на весь свой родъ [6]). Униженіе, въ которомъ властители страны держали сартовъ, имѣло естественнымъ слѣдствіемъ нравственную порчу послѣднихъ; оно сдѣлало ихъ боязливыми, хитрыми и фальшивыми. Вообще, сарты очень походятъ на евреевъ, какъ по физіономіи, такъ и по характеру, и вполнѣ заслуживаютъ свое наименованіе, если правда, что оно означаетъ „старьевщикъ“, то-есть торгующій подержанными вещами; но по Лерху, смыслъ этого названія — просто „горожанинъ“. Они особенно любятъ производить коммерцію деньгами, въ качествѣ мѣнялъ, ростовщиковъ и т. п.; но, какъ и евреи, они стараются пріобрѣсти образованіе, и умъ ихъ гораздо болѣе доступенъ новымъ

---

[1]) *Гребенкинъ*, Русскій Туркестанъ; *Schuyler*, Turkistan.
[2]) *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.
[3]) *Федченко*, Путешествіе въ Туркестанъ.
[4]) *Кунъ*, Russische Revue, 1876 г., № 4.
[5]) *Костенко*, цитированное сочиненіе.
[6]) *Верещагинъ*, Tour du Monde, t. XXX.

КИРГИЗСКІЕ НАѢЗДНИКИ.

пдеямъ, чѣмъ умъ узбековъ [1]). Хотя сарты очень боятся горъ, однако, они мало по малу пробираются туда въ качествѣ земледѣльцевъ, и покойный Федченко отзывается объ ихъ поселеніяхъ, какъ о самыхъ цвѣтущихъ колоніяхъ края. Они имѣютъ обыкновеніе насаждать вокругъ селенія деревья, которыя скоро разростаются въ маленькія рощи. Въ этомъ отношеніи сарты не похожи на киргизовъ, которые любятъ, правда, деревья, какъ защиту для кибитокъ отъ солнца и вѣтра, но которымъ никогда не придетъ въ голову разводить ихъ самимъ [2]).

Арійская расса представлена въ Туркестанѣ преимущественно таджиками, единоплеменниками тѣхъ, которые, подъ именемъ татовъ, живутъ по другую сторону Каспійскаго моря: слово таджикъ, означающее „увѣнчанный“, доказываетъ, что въ эпоху, когда расса получила это наименованіе, власть принадлежала ея представителямъ [3]); она и теперь еще принадлежитъ имъ съ экономической точки зрѣнія, ибо таджики составляютъ классъ имущихъ,—это спекулянты, купцы, землевладѣльцы, а узбеки работаютъ въ ихъ садахъ и виноградникахъ. Во многихъ странахъ арало-каспійской покатости они называютъ себя „парсиванъ“, то-есть персіянами; это, въ самомъ дѣлѣ, иранцы, мало отличающіеся отъ иранцевъ Персіи, и нарѣчіе, которымъ они говорятъ, содержитъ лишь незначительную примѣсь выраженій турецкихъ, арабскихъ или монгольскихъ. Съ перваго взгляда легко отличить изящнаго и граціознаго таджика отъ мѣшковатаго, неуклюжаго узбека: достаточно сравнить походку того и другого; однако, скелетъ таджика остается болѣе массивнымъ, чѣмъ скелетъ персіянина въ собственномъ смыслѣ; на сѣверѣ отъ горнаго узла Гинду-Кушъ рѣдко встрѣтишь тѣ тонкія и стройныя таліи, которыя такъ обыкновенны на Иранскомъ плоскогорьѣ [4]). Что касается типа лица, то онъ тотъ-же самый. Характеристическіе признаки таджиковъ—длинная голова съ высокимъ лбомъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣсницами, тонкій носъ, прямой у большинства, горбатый у нѣкоторыхъ; цвѣтъ лица румяный, волоса темнорусые, густые, борода обильно обросшая [5]). Таджики верхней долины Аму-Дарьи поразительно похожи на жителей Кашмира. Очевидно, таджики составляютъ умственную аристократію Туркестана, и всѣ, кто имѣетъ претензію на хорошія манеры въ прибрежныхъ городахъ Сыра и Аму, стараются подражать ихъ языку [6]). Но сколько пороковъ гнѣздится на днѣ этого вѣжливаго,

---

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости“, 25 марта 1880 г.
[2]) *Гребенкинъ*, Русскій Туркестанъ, часть II.
[3]) *Ханыковъ*, Объ этнографіи Персіи.
[4]) *Ибраимовъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1876 г., № 9.
[5]) *Shaw*, Visit to high Tartary, Yarkand and Kashghar.
[6]) *Верещагинъ*, Le Tour du Monde, t. XXV.

покрытаго внѣшнимъ лоскомъ, общества! Сколько есть таджиковъ, вполнѣ заслуживающихъ обвиненія, несправедливо взводимаго противъ всей рассы, о которой говорятъ, что эти люди безъ идеала, необузданные любители чувственныхъ наслажденій, существа сладострастныя и жестокія, живущія только для наживы, игры и разврата!

Галчи, осѣдлые горцы, живущіе на западномъ скатѣ Памира, въ самаркандскомъ Когистанѣ, въ Каратегинѣ, въ Уаханѣ, въ Шигнанѣ, въ Дарвазѣ, въ Бадахшанѣ, тоже арійцы иранскаго корня, но они лучше таджиковъ сохранили первоначальную чистоту рассы, благодаря тому, что рѣдко берутъ себѣ женъ изъ другого племени: подобно тому, какъ ихъ начальники производятъ свой родъ по прямой линіи отъ Александра Великаго, они считаютъ себя потомками воиновъ македонскаго царя. Характеристическія особенности типа галчей,—то-есть „голодныхъ вороновъ“, по ихъ собственному опредѣленію смысла этого имени,—„несчастныхъ“ или „бѣдняковъ“, по объясненію таджиковъ, жителей равнины [1]),—составляютъ: очень широкая голова [2]), тонкій и красивый, слегка закривленный носъ, рѣзкое очертаніе губъ. Путешественникъ Уйфальви встрѣчалъ галчей похожихъ, какъ двѣ капли воды, на крестьянъ Романьи. Изъ пяти иранскихъ народцевъ Когистана четыре говорятъ сродственными нарѣчіями и легко понимаютъ другъ друга, тогда какъ пятый, ягнаубы, населяющіе долину того-же имени, имѣетъ особенный языкъ, хотя тоже арійскаго корня, но совсѣмъ непохожій на идіомъ ихъ соплеменниковъ. Своимъ прямодушіемъ и простотой галчи составляютъ совершенную противоположность съ лукавыми сартами и таджиками равнины. У нихъ гостепріимство священно, и въ каждомъ изъ ихъ селеній есть особый домъ для пріема странниковъ. Рабство не существуетъ и никогда не существовало въ землѣ галчей; всѣ жители ея люди вольные и управляются сами собой: ихъ старшины или „бѣлыя бороды“, обязанные этимъ титуломъ уваженію, которое они пріобрѣли своей правотой, нелицепріятной справедливостью, должны преклоняться передъ рѣшеніями народнаго собранія. Рѣдко случается, чтобы галчи позволяли себѣ имѣть болѣе одной жены, хотя религія разрѣшаетъ имъ многобрачіе; однако, женщина не считается совершенно равной мужчинѣ: при раздѣлѣ наслѣдства сыновья получаютъ двѣ трети, а дочери только одну треть [2]).

Таджики верхняго Туркестана, нынѣ мусульмане, сохранили еще кое-какіе остатки древняго культа огня, и это, вѣроятно, чрезъ нихъ нѣкоторые обряды или обычаи поклоненія пламени распространились отъ народца къ народцу до крайнихъ предѣловъ Сибири. Какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствовало арійское вліяніе, у таджиковъ до сихъ поръ справляется праздникъ огня или солнца, во время котораго зажигаютъ

[1]) *Юль*; *Федченко*; *Уйфальви* и др.

[2]) *Ханыковъ*, цитированное сочиненіе.

костры, подобно тому, какъ у европейскихъ народовъ зажигаютъ костры или смоляныя бочки на Ивановъ день, и эти огни, также какъ и у насъ въ Европѣ, предназначаются къ тому, чтобы очищать своимъ пламенемъ всѣхъ, кто перепрыгнетъ черезъ нихъ. Больные должны три раза обойти вокругъ костра, затѣмъ перешагнуть трижды черезъ огонь; если-же чающій исцѣленія слишкомъ слабъ, чтобы выполнить эти предписанія, то ему нужно по крайней мѣрѣ пристально смотрѣть на пламя въ то время, какъ надъ нимъ произносятъ заклинанія для того, чтобы прогнать болѣзнь къ „пустынямъ и озерамъ“ [1]). У горныхъ арійцевъ, на востокъ отъ Самарканда и Бухары, и на югъ отъ Памира, въ Уаханѣ и Бадахшанѣ, запрещено дуть на свѣтъ, ибо нечистое дыханіе человѣка не должно прикасаться къ пламени, чистотѣ по преимуществу; туземцы пріобрѣли привычку гасить лучины, служащія имъ свѣтильникомъ, производя теченіе воздуха маханіемъ руки [2]). Вокругъ колыбели новорожденнаго, вокругъ одра умирающаго постоянно носятъ горящій факелъ. Тамъ и сямъ на берегахъ Панджи, южной вѣтви верхней Аму-Дарьи, встрѣчаются древнія башни, сооруженіе которыхъ приписываютъ зардушти или „огнепоклонникамъ“ [3]). Многія не-арійскія племена Туркестана и Сибири соблюдаютъ обычаи аналогичные обычаямъ галчей. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ никогда не начинаютъ трапезы безъ того, чтобы не бросить въ честь огня кусочка мяса, капли напитка [4]).

Къ прежнимъ народностямъ и къ эмигрантамъ различныхъ рассъ, которые были приведены въ страну войнами, одни какъ завоеватели, другіе какъ плѣнники, въ текущемъ столѣтіи прибавились еще славяне всякаго рода и племени, великоруссы, малоруссы и поляки. Они составляютъ еще весьма незначительный процентъ народонаселенія, никакъ не больше десятой части (эмиграція русскихъ въ Сыръ-Дарьинскую область, въ десятилѣтіе съ 1867 по 1877 г., по Костенко, 300,000 душъ; въ Семирѣченскую, 44,000, изъ которыхъ 20,000 казаковъ), но политическое преобладаніе рассы обезпечиваетъ имъ вліяніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ можно-бы было предполагать, принимая во вниманіе ихъ малое число. Это русскіе генералы даютъ приказанія, передъ которыми всѣ преклоняются; это русскіе гарнизоны занимаютъ всѣ стратегическіе пункты края и своими грозными орудіями, блистающими на солнцѣ, могутъ разрушить крѣпости и сжечь жилища туземцевъ. Но до настоящей минуты русскіе колонисты въ собственномъ смыслѣ играли весьма незначительную роль въ дѣлѣ преобразованія страны. Замѣчено даже, что казаки гораздо

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Gordon*, The Roof of the World.

[3]) *Wood*, Journey to the source of the river Oxus; *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.

[4]) *Крапоткинъ*, Рукописныя замѣтки.

болѣе приблизились къ киргизамъ, чѣмъ киргизы къ русскимъ, по нравамъ и образу жизни: во многихъ мѣстахъ казаки приняли костюмъ, нравы и обычаи туземцевъ, и подобно имъ, живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ.

Мулла таджикъ.

Однако, обрусѣніе народовъ арало-каспійской покатости уже началось на нѣкоторыхъ пунктахъ, и именно въ мѣстностяхъ страны наиболѣе удаленныхъ отъ Европейской Россіи. Военныхъ колонистовъ, казаковъ, посланныхъ правительствомъ въ уединенныя, раскиданныя станицы Тянь-Шаня и опустошавшихъ своимъ хищническимъ хозяйствомъ край, куда они шли противъ воли, смѣнили тамъ и сямъ переселенцы, пришедшіе добровольно и занимающіеся завоеваніемъ почвы посредствомъ земледѣлія. Уже въ 1865 году одинъ крестьянинъ изъ центральной Россіи, посланный своимъ обществомъ въ качествѣ развѣдчика, поселился на восточномъ берегу озера Иссыкъ-куль, и два года спустя къ нему присоединилось до сотни его односельцевъ, вызванныхъ имъ съ родины [1]). Съ того времени основались новыя земледѣльческія колоніи въ различныхъ долинахъ Небесныхъ горъ, и земледѣліе или, вѣрнѣе сказать, хищ-

[1]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.

ничество казака, поочередно звѣролова, рыболова, пчеловода, лѣсоруба, уступило мѣсто правильной обработкѣ почвы. Группы русской колонизаціи, слѣдующія одна за другой по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, соединяютъ долину Иртыша съ долиной Нарына, и безъ всякаго сомнѣнія, эта линія скоро продолжится черезъ Фергану къ западнымъ долинамъ Памира. Русское населеніе образуетъ уже, отъ Кавказа до Урала и отъ Урала до Тянь-Шаня, полный полукругъ около „инородцевъ“ Туркестана, и съ каждымъ годомъ этотъ поясъ, длиною въ нѣсколько тысячъ верстъ, расширяется и продолжается все далѣе и далѣе. Киргизы и туркмены, узбеки, сарты и таджики, замкнутые въ постоянно увеличивающемся кругѣ славянскихъ поселеній, подвергнутся рано или поздно той участи, которую испытали приволжскіе татары, чуваши и мордва.

VII.

ГОСУДАРСТВА АРАЛО-КАСПІЙСКОЙ ПОКАТОСТИ.

I. Бактріана или Афганскій Туркестанъ.

Государства и провинціи этой области Азіи не могутъ имѣть постоянныхъ, точно очерченныхъ границъ. На востокѣ плоская возвышенность, на югѣ горные хребты, на западѣ песчаная пустыня составляютъ ихъ естественные предѣлы, и эти предѣлы выдвигаются впередъ или отступаютъ, смотря по обилію снѣговъ, богатству пастбищъ, распространенію искусственнаго орошенія, движенію переносныхъ песковъ. Аму-Дарья только частію своего теченія служитъ сѣвернымъ рубежемъ этимъ областямъ Туркестана и отдѣляетъ ихъ отъ Бухары. Между группами населенія западнаго Памира сѣверныя считаются тяготѣющими къ Бухарскому ханству, южныя связаны политически съ Афганистаномъ; но за этими двумя государствами обрисовывается на горизонтѣ тѣнь соперничествующихъ европейскихъ державъ, оспаривающихъ одна у другой обладаніе Азіей. Позади Бухары виднѣется Россія, уже обратившая эмира въ своего вассала; позади Афганистана выступаетъ фигура Британіи, владычицы Индій, и жители спорной страны, хотя пользующіеся полунезависимостью, хорошо знаютъ, что ихъ будущая судьба уже съ давняго времени составляетъ предметъ горячаго спора между русскимъ и англичаниномъ. Дипломатическая переписка, которой обмѣнялись, въ 1872 и 1873 годахъ, петербургскій и лондонскій кабинеты, установила даже, временно, что сѣверный предѣлъ Афганистана долженъ обнимать, на сѣверѣ отъ естественныхъ границъ, образуемыхъ горнымъ валомъ Гинду-Куша и древняго Паропамиза, земли Уаханъ, Бадахшанъ, Кундузъ,

Хульмъ, Балхъ и Меймане. Такимъ образомъ, два европейскія государства распоряжались судьбой территорій и народовъ, которые были посѣщены очень немногими путешественниками, и которыхъ научное изслѣдованіе предстоитъ еще сдѣлать. Понятно, что Англія, овладѣвая стратегическими позиціями въ областяхъ Афганистана, сосѣднихъ съ индійской границей, старается увеличить размѣры этого государства съ сѣверной стороны и тѣмъ уменьшить объемъ будущихъ владѣній Россіи. Что касается этой послѣдней державы, которая еще далеко не окончила своего дѣла завоеванія и ассимиляціи, то она можетъ выжидать. Географически, верхнее теченіе Аму-Дарьи и вся сѣверная покатость иранскаго плоскогорья и Афганистана принадлежатъ къ арало-каспійскимъ странамъ, и возростающее вліяніе славянской державы непремѣнно должно рано или поздно соединить въ одну политическую группу различныя части этого огромнаго бассейна. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году между афганскими владѣніями аму-дарьинской покатости и Афганистаномъ въ собственномъ смыслѣ существуетъ полное разобщеніе; тогда русскія арміи могли-бы свободно проникнуть въ сѣверныя долины Гинду-Куша, Кохъ-и-Бабы, горъ Гарджистана.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣли эти страны въ исторіи Азіи, и какъ много народовъ и армій продефилировали чрезъ горные проходы индійскаго Кавказа. Тамъ находятся, на западѣ отъ громаднаго полукруга горныхъ цѣпей и плоскихъ возвышенностей, замыкающаго Китайскую имперію, первые пороги, позволяющіе переходить черезъ раздѣльный хребетъ между сѣверомъ и югомъ континента. Тамъ должны были переходить пилигримы, купцы, переселенцы, воины; тамъ встрѣчались различныя цивилизаціи, съ ихъ религіями, нравами и произведеніями. Тамъ сходились и пересѣкались большія международныя дороги Азіи, тѣмъ болѣе важныя въ прежнія времена, что всемірная торговля еще не имѣла въ своемъ распоряженіи морскихъ путей, открытыхъ впослѣдствіи европейскими мореплавателями. Дороги, связывающія непосредственно долину Аму-Дарьи съ долиной Инда, имѣютъ, кромѣ того, надъ дорогами, открывающимися западнѣе между Туркестаномъ и Персіей, ту огромную выгоду, что онѣ проходятъ почти вездѣ черезъ мѣстности пригодныя для земледѣлія и населенныя, избѣгаютъ большихъ безводныхъ пустынь: вездѣ мѣстами остановки для путешественниковъ и каравановъ служатъ города, а необходимые имъ съѣстные припасы доставляютъ воздѣланныя поля и сады. По краямъ этихъ дорогъ, соединяющихъ двѣ половины азіатскаго континента, естественно, должны были возникнуть могущественные города: тамъ царствовали повелители имперіи, владѣнія которыхъ простирались отъ береговъ Индійскаго океана до равнинъ Сибири, и жители сотнями тысячъ были собраны въ ихъ огромныхъ столицахъ. Можно заранѣе разсчитывать на богатую жатву открытій, которую изслѣдователи

принесутъ изъ этихъ странъ Азіи, и которая дастъ возможность разъяснить многіе еще сомнительные пункты всемірной исторіи. Не тамъ-ли же, въ центрѣ тяжести азіатскаго континента, должна, гораздо больше, чѣмъ въ Константинополѣ, разрѣшиться, наконецъ, великая проблема политическаго равновѣсія между Европой и Азіей, извѣстная подъ именемъ „восточнаго вопроса"?

Самое восточное государство въ бассейнѣ Оксуса,—если можно дать названіе государства землѣ столь слабо населенной,—есть Уаханъ, чрезъ который протекаетъ Сархадъ или Панджа, полуденная вѣтвь Аму-Дарьи. Территорія Уахана весьма значительна, такъ какъ верхнее теченіе Сархада, отъ его истока въ Маломъ Памирѣ до большаго изгиба Ишкашимскаго, имѣетъ не менѣе 250 километровъ протяженія; но эта область такъ возвышенна, такъ холодна, такъ бѣдна растительностью, что ея рѣдкіе жители не могли нигдѣ поселиться, кромѣ какъ въ нѣсколькихъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтра лощинахъ, на берегу рѣки: самая низкая деревушка Уахана лежитъ на высотѣ 2,700 метровъ, а самое возвышенное селеніе, Сархадъ, находится на высотѣ 3,600 метровъ, слѣдовательно, выше чѣмъ вершина высочайшаго пика Пиренейскихъ горъ; за Сархадомъ, еще выше, разбросаны тамъ и сямъ лѣтнія жилища. Тальникъ и другой низкій кустарникъ составляютъ единственную древесную растительность этой холодной долины, и обитатели ея, уахи, сѣютъ въ своихъ садахъ только горохъ и ячмень; по счастію, они имѣютъ, кромѣ того, стада курдючныхъ барановъ, яковъ и другаго крупнаго рогатаго скота; главное ихъ удовольствіе—это охотиться лѣтомъ на каменнаго козла, качкаря (ovis Poli), а также на куропатокъ съ помощью прирученныхъ соколовъ.

Даже въ этой дикой горной области, столь удаленной отъ плодородныхъ равнинъ, и которая, казалось-бы, не представляетъ ничего заманчиваго для завоевателей, войны и рабство смѣшали рассу; уахи или уаханцы—это народъ, происшедшій отъ смѣшенія таджиковъ и узбековъ, говорящій одновременно двумя языками—татарскимъ, который ихъ природный языкъ, и персидскимъ, цивилизованнымъ діалектомъ, который они употребляютъ въ сношеніяхъ съ иностранцами [1]). Нѣкоторые изъ этихъ горцевъ въ полномъ смыслѣ слова красавцы, съ тонкими чертами лица, отличающими персидскій типъ; но бѣлокурые волосы и голубые глазы тоже не рѣдкость между ними. Въ настоящее время уахи магометане шіитскаго толка, и притомъ очень искренніе и ревностные въ своей вѣрѣ, доказательствомъ чего, между прочимъ, служитъ тотъ фактъ, что они регулярно посылаютъ десятину своему духовному главѣ, имѣющему пребываніе въ Бомбеѣ [2]); но тѣмъ не менѣе они до сихъ поръ сохранили,

[1]) *Gordon*, The Roof of the World.
[2]) *Gordon*, цитированное сочиненіе.

вмѣстѣ съ нѣкоторыми слѣдами древняго культа огня, много нравственныхъ чертъ, отличающихъ, ихъ отъ другихъ мусульманъ; женщина пользуется у нихъ бо́льшимъ уваженіемъ, нежели у большинства восточныхъ народовъ, и, какъ у киргизовъ, такъ и этого племени, всѣ деньги семьи обыкновенно отдаются на руки женѣ.

Во время своего путешествія къ истокамъ Аму-Дарьи, въ 1838 году, англичанинъ Вудъ опредѣлялъ общее число уаханцевъ только въ 1,000 душъ, тогда какъ тридцать пять лѣтъ спустя другой англійскій путешественникъ, Форситъ, и его товарищи по экспедиціи исчисляли населеніе долины въ 3,000 человѣкъ: эта послѣдняя цифра очень близко подходитъ къ числу, показанному однимъ документомъ русскаго происхожденія, по которому въ Уаханѣ находится будто бы 550 жилыхъ домовъ [1]). Народное преданіе говоритъ, что прежде этотъ край былъ гораздо болѣе населенъ; съ другой стороны, въ послѣднее время колоніи уаханцевъ основались также на восточномъ скатѣ Памира, въ Сириколѣ и въ Кашгаріи. Но, очевидно, Уаханъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ не числу жителей, а своему географическому положенію на проходѣ, ведущемъ съ арало-каспійской покатости въ бассейнъ Тарима; черезъ Уаханъ проходитъ самая удобная дорога Памира, та, по которой въ это послѣднее время, идя, быть можетъ, по слѣдамъ Марко Поло, слѣдовали путешественники Вудъ, мирза Суджа, Поталосъ, Форситъ и Гордонъ. Относительно легко доступные перевалы, которыми каждый годъ пользуются горцы, киргизы и уаханцы, ведутъ на югъ, черезъ Гинду-Кушъ, въ Читраль и Канджудъ, то-есть въ верхнюю долину Инда. Проходъ караванъ, которымъ доставляютъ проводниковъ и вьючныхъ животныхъ, и которые подвергаются опасности сдѣлаться предметомъ разныхъ прижимокъ и вымогательствъ и даже рискуютъ быть ограбленными при удобномъ случаѣ,— такова главная причина, которая побудила воздвигнуть настоящія оборонительныя крѣпости въ печальной долинѣ Сархада. Въ Кила-Панджа или „Пяти фортахъ“, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже слія́нія двухъ горныхъ ручьевъ Большаго и Малаго Памира, остались двѣ изъ этихъ крѣпостныхъ башенъ, хорошо сохранившіяся. Здѣсь находится резиденція уаханскаго мира или эмира, называющаго себя потомкомъ Сикандара, то-есть Александра Македонскаго, котораго, впрочемъ, и всѣ другіе князьки области горъ считаютъ своимъ предкомъ [2]). Во время посѣщенія Уахана путешественникомъ Вудомъ, этотъ край былъ почти совершенно независимъ отъ Бадахшана; послѣ того прежнія вассальныя отношенія возстановились, и уаханскій эмиръ снова сдѣлался данникомъ Бадахшана, а черезъ это государство и вассаломъ Афганистана. До

[1]) *Behm und Wagner*, Die Bevölkerung der Erde, V.

[2]) *Вудъ; Гордонъ; Уйфальви* и т. д.

1873 года ежегодный подарокъ, приносимый, въ видѣ дани, сюзерену, состоялъ изъ невольниковъ, и чтобы добыть этотъ живой товаръ, уаханцы должны были вести противъ своихъ сосѣдей непрерывную войну посредствомъ нападеній изъ засады и неожиданныхъ набѣговъ. Этимъ и объясняется обезлюденіе страны и запустѣніе пастбищъ Памира, куда прежде лѣтомъ приходили въ большомъ числѣ киргизскіе пастухи со своими стадами.

Бадахшанъ съ 1869 года состоитъ въ вассальной зависимости отъ Афганистана и посылаетъ ему ежегодно дань деньгами въ размѣрѣ около 180,000 франк. и лошадьми въ числѣ 500 головъ [1]); но этотъ край заключенъ въ такія опредѣленныя границы съ географической точки зрѣнія, что онъ всегда будетъ сохранять отдѣльное политическое существованіе; онъ отдѣленъ снѣговыми горами Гинду-Куша, Читраля и Кафиристана, проломы которыхъ, недоступные для верховыхъ животныхъ, находятся на высотѣ, превышающей 5,000 метровъ. Пространство Бадахшана можетъ быть исчисляемо приблизительно въ 20,000 квадр. килом. Что касается населенія, довольно густаго въ нижнихъ областяхъ страны, которыя спускаются пологимъ скатомъ на сѣверо-западъ, къ Аму-Дарьѣ, то общая численность его, вѣроятно, не менѣе 150,000 душъ [2]). Почти всѣ бадахшанцы — таджики персидскаго языка, по большей части магометане суннитскаго толка; между ними, во внутренности края, поселились въ небольшомъ числѣ узбеки и другіе турки, но въ цѣломъ расса сохранила красоту иранскаго типа.

Бадахшанъ естественно дѣлится на двѣ части—восточную, которая граничитъ съ Уаханомъ, и черезъ которую протекаетъ Панджа (южная вѣтвь верхней Аму-Дарьи), поворачивая на сѣверъ; и западную, которую орошаетъ рѣка Кокча или Кучка, то-есть „Зеленая“, подпритокъ средняго Оксуса. Съ южной стороны протянулся высокій гребень Гинду-Куша, гдѣ открываются два пролома: Нусканъ (5,100 метровъ высоты), надъ которымъ господствуютъ ледники, и Дора (4,800 метр.), немного менѣе трудный для перехода. Двѣ половины Бадахшана раздѣлены очень высокой отраслью Гинду-Куша, примыкающей далѣе на сѣверѣ къ возвышеннымъ плоскогорьямъ, которыя Оксусъ огибаетъ въ своемъ теченіи. Горный проходъ, который обыкновенно избираютъ путешественники и купеческіе караваны, чтобы попасть изъ бассейна Кокчи въ бассейнъ Панджи и подняться на востокъ къ проломамъ Памира, лежитъ на высотѣ 3,320 метровъ, по Вуду [3]); часто переходъ бываетъ очень труденъ, не только

[1]) Journal of the Geographical Society, XLII, 1872.
[2]) *Emil Schlagintweit*; *Niemann*, Mittheilungen von Petermann, 1873, № 5.
[3]) Journey to the Source of the river Oxus.

по причинѣ глубокихъ снѣговъ, но также по причинѣ восточнаго вѣтра, который дуетъ тамъ съ страшной силой впродолженіи шести мѣсяцевъ въ году, съ конца осени до половины весны: это такъ называемый „уаханскій вѣтеръ", котораго бадахшанцы справедливо боятся пуще всего на свѣтѣ. Важнѣйшее поселеніе этой области—Ишкашимъ, именемъ котораго иногда называютъ всю восточную часть Бадахшана: онъ расположенъ на южномъ берегу Панджи или Сархада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ на сѣверъ къ Шигнану и Рошану, чтобы соединиться съ другими рѣками, образующими Аму-Дарью. Ишкашимъ находится, слѣдовательно, въ точкѣ пересѣченія естественныхъ путей, перерѣзывающихъ страну съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Это селеніе обязано своимъ важнымъ значеніемъ также сосѣдству рубиновыхъ копей, пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность со временъ глубокой древности; онѣ занимаютъ, въ 32 километрахъ ниже Ишкашима, верхнюю часть крутыхъ утесовъ, возвышающихся на 360 метровъ надъ правымъ берегомъ Панджи. Многочисленныя подземныя галлереи, почернѣвшія отъ копоти лампъ, на половину наполненныя просачивающейся сквозь почву водой, проникаютъ далеко во внутренность горъ. Ишкашимскіе рубины, изъ которыхъ самыми драгоцѣнными считаются камни великолѣпнаго блѣдно-краснаго или розоваго цвѣта, были прежде извѣстны подъ вульгарнымъ именемъ *баласа* (rubis-balais, balaï или balach), которое произошло отъ слова Балакшанъ (Balacian, Балачанъ, въ книгѣ Марко Поло), искаженнаго названія страны, употреблявшагося нѣкогда европейцами. Вслѣдствіе войны, отдавшей эти копи въ руки кундузскаго эмира, этотъ послѣдній, недовольный тѣмъ, что онъ получалъ, какъ ему казалось, слишкомъ мало драгоцѣнныхъ камней, овладѣлъ всѣми жителями края, въ числѣ пяти сотъ семействъ, и велѣлъ продать ихъ въ рабство. Во время проѣзда путешественника Вуда, въ 1838 году, этотъ округъ былъ еще почти безлюденъ, и рубиновыя копи были совершенно заброшены. Съ того времени разработка ихъ опять возобновилась, на этотъ разъ въ пользу афганистанскаго эмира.

Полуденный Бадахшанъ тоже обладаетъ копями, прославившимися на всемъ Востокѣ, мѣсторожденіями бирюзы и лазуреваго камня или лазурика, которыя находятся на сѣверномъ скатѣ Гинду-Куша, близъ истоковъ Кокчи, въ округѣ Лажурдъ или Лазурдъ,—откуда и произошли слова: „лазурикъ" (lapis lazuli) и „лазурь", „лазурный" [1]). Въ скалахъ, состоящихъ изъ бѣлаго и чернаго известняка, и прорѣзанныхъ жилами въ видѣ линій, какъ агатъ, открываются тамъ и сямъ отверстія рудниковъ, расположенныя безъ всякаго видимаго порядка, на высотѣ 500 метровъ надъ уровнемъ рѣки; но только немногія копи проникаютъ далеко

[1]) *H. Yule,* The Book of sir Marco Polo.

въ толщу горы, по причинѣ частыхъ обваловъ галлерей, неимѣющихъ никакихъ искусственныхъ подпоръ. Самый драгоцѣнный лазуритъ находятъ обыкновенно въ самомъ черномъ известнякѣ; менѣе цѣнятся камни *нили*, прекраснаго индиговаго цвѣта, *асмани*, свѣтло-синяго или голубаго цвѣта, и *сувси*, зеленоватаго оттѣнка [1]). Эксплуатація лазуритовыхъ копей часто прерывалась, то по причинѣ малыхъ выгодъ, приносимыхъ ими самимъ рудокопамъ или ихъ господамъ, то по случаю войнъ или внутреннихъ волненій и междоусобій, парализующихъ промышленность страны; однако, бадахшанскіе камни все еще очень хорошо извѣстны купцамъ бухарскимъ, кабульскимъ и кашгарскимъ. Говорятъ, что разработка этихъ копей драгоцѣнныхъ камней даетъ ежегодно отъ 500 до 1000 килограммовъ отъ 1221 до 2442 фунтовъ камня [2]). По словамъ индійскаго путешественника пундита Мунфуля, рудокопы работаютъ въ галлереяхъ только зимой, лѣтомъ-же они покидаютъ копи, потому что боятся змѣй. Бассейнъ рѣки Кокчи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ во всей Азіи по своимъ минеральнымъ богатствамъ, извѣстенъ обыкновенно подъ именемъ Хама-канъ, что значитъ „сплошь усѣянный рудниками“, ибо, кромѣ лазуритовыхъ копей, онъ изобилуетъ также важными мѣсторожденіями мѣди, свинца, квасцовъ, сѣры и желѣзной руды, разрабатываемой съ незапамятныхъ временъ. Лежащія сѣвернѣе горы и высокая цѣпь Ходжа-Мохамедъ, продолжающаяся на сѣверъ къ большому изгибу Аму-Дарьи, тоже содержатъ мѣдную и свинцовую руду, а воды многихъ горныхъ потоковъ катятъ золотоносный песокъ; благодаря этимъ минеральнымъ богатствамъ, бадахшанцы пріобрѣли славу лучшихъ кузнецовъ и мастеровъ металлическихъ издѣлій на всемъ Востокѣ; но они обязаны этой славой также своимъ учителямъ, греческимъ художникамъ, ибо въ древности Бадахшанъ составлялъ часть Эллинской Бактріаны; въ индійскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, можно видѣть серебряную чашу, принадлежавшую къ числу сокровищъ одного бадахшанскаго государя, и очень любопытную по красотѣ и отчетливости работы, хотя эта древность относится уже къ эпохѣ упадка греческаго искусства [3]).

Богатый минеральными сокровищами, Бадахшанъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ странъ центральной Азіи, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя естественныя условія въ отношеніи здоровости климата, чистоты водъ, красоты тѣнистыхъ рощъ и лѣсовъ, плодородія долинъ. Бадахшанскіе арбузы и дыни, яблоки, персики, виноградъ славятся во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Тамошнія лошади замѣчательны своей крѣпостью и вѣрностью шага на трудныхъ горныхъ дорогахъ, качества,

[1]) *Wood*, Journey to the Source of the River Oxus.

[2]) *Пундитъ Мункфулъ*, Journal of the Geograph Society, vol. XLII, 1872.

[3]) *H. Yule*, цитирован. сочиненіе.

*

которымъ онѣ обязаны тѣмъ, что кабульскій эмиръ выбралъ ихъ, какъ главную дань, платимую ему этимъ краемъ Бадахшанскіе бараны доставляютъ часть шерсти, употребляемой для тканья чудесныхъ кашмирскихъ шалей; стада дикихъ свиней бродятъ во всѣхъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Бадахшана. Но обитатели этой страны, такъ изобилующей естественными рессурсами всякаго рода, живутъ по большей части въ крайней бѣдности [1]); феодальный порядокъ, затѣмъ войны, внесенныя кундузскими узбеками въ долину Кокчи и сопровождавшіяся грабежемъ и истребленіемъ населенія, наконецъ, тягостныя подати, налагаемыя кабульскимъ эмиромъ и еще увеличиваемые его вассаломъ,—все это легло тяжелымъ гнетомъ на край и довело до нищеты почти всѣхъ бадахшанцевъ. Кромѣ того, властители страны, предавались, до недавняго времени, торговлѣ невольниками; ни одинъ путешественникъ не могъ быть увѣренъ въ своей личной безопасности, пока не вступилъ въ улицы какого-нибудь города. Въ силу религіозной традиціи, одни только невѣрные могли быть обращаемы въ рабство, но шіиты тоже причислялись къ невѣрнымъ, и многіе сунниты, подвергнутые пыткѣ, принуждены были выдавать себя за послѣдователей Али. Однако, нужды торговли ставили индусскихъ купцовъ и евреевъ внѣ всякой опасности быть захваченными въ плѣнъ и проданными въ неволю.

Не взирая на войны, тиранію, рабство, бадахшанскіе таджики описываются въ лестныхъ чертахъ рѣдкими путешественниками, которые отваживались проникнуть въ ихъ страну. У бадахшанцевъ сильно развито чувство равенства, несмотря на различіе происхожденія и состоянія; всѣ они отличаются хорошими манерами, и даже ребенокъ подходитъ съ важностью къ пожилымъ людямъ, чтобы засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе; женщины, между которыми много бѣлокурыхъ, привѣтливы, дѣятельны, хорошія хозяйки, и хотя мусульманки, пользуются, по крайней мѣрѣ принадлежащія къ бѣдному классу, полной свободой открывать лицо и разговаривать съ мужчинами, знакомыми ихъ семейства. Бадахшанцы очень гостепріимны, скромны, хотя и любопытны въ глубинѣ души, имѣютъ веселый нравъ, несмотря на важный видъ; но ихъ природныя качества вполнѣ развиты только въ „возмутившихся“ округахъ, то-есть въ тѣхъ округахъ, гдѣ населеніе сохранило свою первоначальную независимость [3]).

Во время путешествія Вуда, главнымъ городомъ Бадахшана было мѣстечко Джермъ или Джурумъ, состоявшее изъ нѣсколькихъ раскиданныхъ деревень, которыя всѣ вмѣстѣ имѣли никакъ не болѣе 1,500 жителей. Прежняя столица, Файзабадъ, лежащая верстахъ въ пятидесяти на

[1]) *Пундитъ Мунфулъ*, Journal of the Geographical Society of London, vol XLII, 1872.
[2]) *Ямшедъ;—Лейтнеръ;—Гельвальдъ*, Central Asien.
[3]) *Wood*, Journey to the Source of the River Oxus.

сѣверо-западъ отъ Джерма, тоже въ долинѣ Кокчи, представляла тогда груду развалинъ, стѣны крѣпости еще стояли на одной скалѣ праваго берега Кокчи, при выходѣ рѣки изъ горнаго ущелья, но отъ самаго города оставались только кучи мусора, осѣненныя тамъ и сямъ деревьями, которыя были пощажены пожаромъ, истребившимъ городъ во время нашествія кундузцевъ, въ 1828 году. Сдѣлавшись снова главнымъ городомъ страны, Файзабадъ возродился изъ-подъ развалинъ; однако, въ 1866 году, въ немъ насчитывалось всего только 400 домовъ; по свидѣтельству кафира Ямшеда, онъ превосходитъ, по численности населенія, всякій другой городъ Бадахшана; но жители его уже не той рассы, такъ какъ обитатели прежняго Файзабада были переселены массами въ Кундузъ. Западная область края тоже была опустошена завоевателями, а три года спустя, въ 1832 году, землетрясеніе разрушило большую часть уцѣлѣвшихъ отъ кундузскаго погрома селеній; жители были погребены подъ развалинами строеній, дороги завалены обвалившимися съ горъ скалами, рѣки запружены грудами каменныхъ обломковъ [1]). Послѣ этихъ страшныхъ катастрофъ, стаи волковъ замѣнили населеніе, и путешественники не осмѣливались ѣздить по странѣ безъ приличнаго конвоя.

Неизвѣстно еще съ достовѣрностью, гдѣ находился городъ Бадахшанъ, который когда-то былъ столицей государства, и который часто смѣшивали, совершенно ошибочно, съ Файзабадомъ. Полагаютъ вообще, что онъ лежалъ къ востоку отъ нынѣшней столицы, въ равнинѣ Даштъ и Бахаракъ, гдѣ сливаются, прежде чѣмъ соединиться съ Кокчей, три рѣки Зардео, Саргиланъ и Вардожъ или Бадахшанъ; эмиръ имѣетъ теперь лѣтній домъ или дачу на мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній городъ [2]). Нѣкоторые писатели искали также городъ Бадахшанъ въ западной области края, гдѣ находятся мѣстности самыя знаменитыя въ религіозной исторіи страны. Одинъ пикъ величественной формы, возвышающійся на югѣ отъ города Мешеда, святаго, какъ и одноименный съ нимъ городъ Персіи, извѣстенъ подъ названіемъ Тахтъ-и-Сулиманъ или „Соломоновъ Тронъ“, даннымъ по имени одного царя, который удалился на эту высокую гору,—такъ гласитъ легенда,—чтобы избѣгнуть укушенія скорпіоновъ, водящихся въ равнинѣ; отъ подошвы до верхушки горы разставлена была живая лѣстница изъ людей, которые, передавая пищу изъ рукъ въ руки, подносили царственному отшельнику приготовляемыя внизу яства; несмотря, однако, на эту предосторожность, однажды скорпіонъ, спрятавшійся въ гроздяхъ винограда, вонзилъ царю свое смертоносное жало. Другая гора, Кишмъ, лежащая на юго-востокъ отъ Мешеда, замѣчательна тѣмъ, что нѣкогда персы поддерживали тамъ, какъ символъ очищенія

[1]) *Вудъ*, цитирован. сочиненіе;—*Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.
[2]) *Файзъ-Букшъ*, *Yule* Journal of the Geograph. Society, vol. XLII, 1872.

для всѣхъ людей, „самый священный изъ всѣхъ огней“. Путешественникъ Гардимеръ говоритъ, что онъ видѣлъ на этой горѣ остатки большаго храма [1]).

Нынѣшняя столица Бадахшана по своему положенію въ самомъ сердцѣ горъ не можетъ сдѣлаться значительнымъ рынкомъ. Городъ Рустакъ, сборный пунктъ для иноземныхъ купцовъ, индусовъ, афганцевъ, бухарцевъ, находится уже въ равнинѣ, верстахъ въ сорока къ востоку отъ мѣста сліянія Кокчи и Аму-Дарьи; въ этомъ городѣ сходятся караванныя дороги, идущія изъ Кашгара, Читраля, Балха и Гиссара [2]). На Аму и на его большихъ притокахъ, Гиссарѣ и Бадахшанѣ, въ настоящее время не существуетъ мостовъ, да, быть можетъ, не существовало даже въ эпохи наибольшаго процвѣтанія Бактріаны. Для переправы черезъ рѣку, лошади привязываются къ лодкамъ и паромамъ и плывутъ черезъ потокъ, побуждаемыя криками и жестами своихъ хозяевъ [3]).

На западѣ отъ Бадахшана, область, заключающаяся между лѣвымъ берегомъ Аму-Дарьи и горами, составляющими продолженіе Гинду-Куша, тоже зависитъ, въ политическомъ отношеніи, отъ Афганистана, но населенія, живущія на противоположныхъ горныхъ скатахъ, еще ясно различаются между собой. Относительно легко доступные проломы гребня или перевалы, которые позволяютъ въ этой области переходить черезъ раздѣльную линію высотъ между бассейномъ Оксуса и бассейномъ Синда, увлекали потоки народовъ различныхъ рассъ къ Бактріанѣ, подобно тому, какъ вода горнаго озера стремится къ выходному ущелью. Здѣсь проходили, въ эпоху предшествовавшую писаной исторіи, арійскіе завоеватели, направляясь къ Индіи; Александръ Македонскій тоже переправился съ войскомъ черезъ Паропамизъ или индійскій Кавказъ, чтобы присоединить Согдіану къ своей имперіи; монголы и родственныя имъ рассы слѣдовали тѣмъ-же путемъ въ противоположномъ направленіи, чтобы спуститься къ югу, тогда какъ, идя по ихъ слѣдамъ въ обратную сторону, иранцы и индусы направлялись къ сѣверу черезъ тѣ-же горные проходы. Такимъ образомъ, здѣсь встрѣчались лицомъ къ лицу различныя рассы и народы, ведя между собой борьбу за обладаніе воротами. На югѣ, афганскіе иранцы сохранили преобладаніе; на сѣверѣ, узбекскіе татары, поселившись среди прежняго таджикскаго населенія, завоевали себѣ политическое первенство, и во всѣхъ провинціяхъ, лежащихъ къ западу отъ Бадахшана, они тоже одерживаютъ перевѣсъ численностью [4]);

---

[1]) Journal of the Bengal Asiatic Society, 1853;—*H. Rawlinson*, Journal of the Geographical Society of London, 1872.

[2]) *Костенко*, Туркестанскій край.

[3]) *A. Burnes*, цитированное сочиненіе; *Верещагинъ* и др.

[4]) *Гродековъ*, From Samarkand to Herat, франц. перев. Ш. Марвена.

наконецъ, большая часть горныхъ проходовъ, въ томъ числѣ и самый важный изъ нихъ, Баміанскій, находятся во власти шіитскихъ населеній, монгольскаго происхожденія, гезаретовъ, называемыхъ также, но совершенно несправедливо, „варварами", хотя они едвали уступятъ, по степени образованности, узбекамъ. Близкіе родичи калмыковъ, гезареты перестали говорить своимъ природнымъ монгольскимъ нарѣчіемъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія; теперешній ихъ языкъ персидскій. Слѣдовательно, несмотря на безпрестанный приливъ и отливъ людей, съ сѣвера на югъ отъ пороговъ, перерѣзывающихъ Гинду-Кушъ, эта „перегородка" континента осталась однимъ изъ главныхъ этнографическихъ барьеровъ Азіи.

Рѣка Кундузъ, называемая Акъ-Серай въ нижней части ея теченія, отъ города Кундуза до сліянія съ Аму-Дарьей, получаетъ свои первыя воды съ хребта Кохъ-и-Баба или „Отца горъ"; одинъ изъ впадающихъ въ нее ручьевъ беретъ начало на знаменитомъ перевалѣ Хаджи-какъ, если не на самомъ низкомъ, то наименѣе трудномъ въ цѣпи „индійскаго Кавказа",—перевалѣ, который избираютъ съ незапамятныхъ временъ большинство путешественниковъ, завоевателей, миссіонеровъ и торговыхъ людей; онъ открытъ впродолженіи семи мѣсяцевъ въ году. На востокъ отъ этого горнаго прохода, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ „Баміанскихъ воротъ", которое ему дано по имени ближайшаго города, рѣка Кундузъ или Сургъ-абъ течетъ вдоль сѣвернаго основанія Гинду-Куша, и многіе изъ горныхъ потоковъ, посылаемыхъ ей снѣгами большаго гребня, тоже бѣгутъ по долинамъ, черезъ которыя проложены тропинки, поднимающіяся къ другимъ порогамъ горной цѣпи. Индаръ-абъ, текущій съ востока на встрѣчу Сургъ-абу и, по сліяніи, уходящій вмѣстѣ съ нимъ въ равнины, тоже беретъ начало на пастбищахъ относительно невысокаго горнаго прохода, называемаго Кауакъ (по Маркгаму, высота его 4,010 метровъ), и многія изъ боковыхъ долинъ, впадающихъ въ долину Индаръ-аба, также ведутъ къ проломамъ гребня, черезъ которые обыкновенно переваливаютъ кочующіе пастухи со своими стадами, чтобы спуститься на югъ, черезъ Когистанъ, въ бассейнъ Инда. Маркгамъ насчитываетъ шестнадцать горныхъ проходовъ въ части Гинду-Куша, которая продолжается съ сѣверо-востока на юго-западъ, на пространствѣ около 220 километровъ отъ перевала Кауакъ до перевала Хаджи-какъ [1]). Когда смотришь съ низменности или долины, въ которой Индаръ-абъ и Сургъ-абъ текутъ на встрѣчу другъ другу, исполинская цѣпь является во всемъ своемъ величіи, встаетъ во весь ростъ, отъ черноватаго основанія до бѣлыхъ снѣговыхъ вершинъ; высокій гребень поднимается на 6,000 метровъ, но въ разныхъ мѣстахъ этой колоссальной стѣны открываются вырѣзки въ 2,000 метр., даже въ 2,500 метровъ, прерывая тамъ и сямъ линію

[1]) Proceedings of the Geographical Society, 1879, № 2.

вѣчныхъ снѣговъ, начертанную съ замѣчательной правильностью на скатахъ хребта, на высотѣ около 4,500 метровъ [1]).

Черезъ горные проходы Хаджи-какъ и Иракъ, городъ Баміанъ или Баміянъ сообщается съ долиной рѣки Гельмундъ, также какъ съ Кабульскими горами, тогда какъ черезъ третій перевалъ, называемый Чибрскимъ, онъ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ долиной рѣки Горбандъ, составляющей часть бассейна Инда. Слѣдовательно, Баміанъ, такъ сказать, командуетъ большей частью Афганистана, и его стратегическую важность хорошо понимали во всѣ времена, какъ о томъ свидѣтельствуютъ развалины укрѣпленій, принадлежащихъ къ различнѣйшимъ эпохамъ, которыя, то-есть развалины, тянутся длиннымъ рядомъ на сосѣднихъ скалахъ и дефилеяхъ долины: полагаютъ, что этотъ городъ былъ древній Паро-Вами или „Блестящій градъ“, отъ котораго, быть можетъ, получилъ свое названіе хребетъ Паропамизъ, а нѣкоторые авторы видятъ, вмѣстѣ съ Карломъ Риттеромъ, въ Баміанѣ „кавказскую Александрію“, Alexandria ad Caucasum, основанную могущественнымъ македонцемъ [2]). Какъ большая часть городовъ, построенныхъ въ сосѣдствѣ раздѣльныхъ возвышенностей для водъ и народовъ, Баміанъ пріобрѣлъ особенную важность въ религіозной исторіи восточныхъ націй. Между развалинами, оставленными монголами, послѣ разрушенія Баміана, въ 1220 году, видны многочисленные слѣды зданій, служившихъ, какъ полагаютъ, храмами, а также остатки ступъ, религіозныхъ памятниковъ въ формѣ колоколовъ, которые буддисты оставили послѣ себя во всѣхъ странахъ, куда проникали ихъ миссіонеры. Городъ даже получилъ прозвище Бутъ-Баміанъ или „Баміанъ съ идолами“, отъ двухъ колоссальныхъ человѣческихъ фигуръ, грубо изсѣченныхъ изъ камня; эти два изображенія божества, Силсаль (Серсаль) и Шамама, называемыя также Краснымъ Идоломъ и Бѣлымъ Идоломъ, стоятъ тамъ какъ-будто затѣмъ, чтобы смотрѣть съ высоты своего величія на проходящіе у ихъ ногъ народы; караваны располагаются на отдыхъ въ отверстіяхъ, оставленныхъ подъ полой ихъ мантіи. Исторіографъ Тамерлана, Шерифъ-эддинъ, говоря объ этихъ кумирахъ, которыхъ онъ называетъ одного Латъ, а другаго Мунатъ, утверждаетъ, что ни одинъ стрѣлокъ не въ состояніи пустить стрѣлу такъ высоко, чтобы она долетѣла до ихъ головы; по измѣреніямъ Борнса, одинъ изъ идоловъ имѣетъ 21, а другой 36 метровъ высоты. Индусы поднимаютъ руки, проходя мимо этихъ чудовищныхъ боговъ; но другіе бросаютъ въ нихъ камнями, а нижняя часть фигуръ даже была частію повреждена пушечными выстрѣлами. Большая часть изваяній и рисунковъ, которыми были украшены идолы, исчезла; остался только ореолъ вокругъ

[1]) *Wood*, Journey to the Source of the River Oxus.
[2]) *Carl Ritter*. Asien, Bd. III, 7 Theil.

БУХАРСКІЕ ТАДЖИКИ.

ихъ головъ. Во внутренности колоссальныхъ статуй высѣчены лѣстницы и комнаты или гроты; сосѣднія стѣны горъ, состоящія изъ легко раскапываемой кремнистой глины, перемѣшанной съ мелкимъ булыжникомъ, тоже пробуравлены во всѣхъ направленіяхъ. Цѣлый народъ могъ-бы удобно размѣститься въ этихъ „двѣнадцати тысячахъ“ выкопанныхъ ямъ или пещеръ, занимающихъ скаты долины на протяженіи около 13 километровъ; нѣкоторые пригорки изрыты такимъ множествомъ глубокихъ впадинъ, что походятъ на пчелиные улья [1]). Часто цѣлыя партіи рабочихъ занимаются раскопкой мусора, лежащаго кучами въ пещерахъ подземнаго города, и находятъ монеты, кольца и другія золотыя и серебряныя вещи. На скалахъ горнаго прохода были открыты клинообразныя надписи; но большая часть медалей и монетъ, принадлежащихъ уже къ мусульманской эпохѣ, носятъ куфическія надписи. Что касается лежащей статуи Будды, тоже имѣвшей громадные размѣры (не менѣе тысячи футовъ въ длину), которую видѣлъ миссіонеръ Гіуэнъ-Цангъ въ седьмомъ столѣтіи, то новѣйшіе путешественники не отыскали никакихъ остатковъ этого колоссальнаго идола [2]).

Хотя городъ Баміанъ географически составляетъ часть Туркестана, такъ какъ онъ находится на берегу рѣки Сургъ-абъ, на тысячу слишкомъ метровъ, то-есть на цѣлую версту ниже перевала Хаджи-какъ, его, однако, обыкновенно считаютъ принадлежащимъ къ Афганистану. Это происходитъ оттого, что путешественники, вмѣсто того, чтобы спускаться къ равнинамъ Кундуза, слѣдуя по теченію рѣки, перерѣзанной водопадами и сопровождаемой обрывистыми скалами, направляются на сѣверъ, чтобы перейти послѣдовательно нѣсколько небольшихъ горныхъ цѣпей, параллельныхъ Гинду-Кушу, которыя, хотя не достигаютъ границы постоянныхъ снѣговъ, но, тѣмъ не менѣе, составляютъ весьма серьезныя препятствія между возвышенной Баміанской долиной и равнинами, спускающимися къ Аму-Дарьѣ. По Гриффиту,

высота горнаго прохода	Хаджи-какъ	3,716 метр.
„ „ „	Иракъ	3,932 „
„ „ города	Баміанъ.	2,590 „

Горный проходъ Акъ-робатъ или „Бѣлый Каравансарай“, непосредственно на сѣверѣ отъ Баміана и Кара-коталъ или „Черный перевалъ“, въ „Черныхъ горахъ“ (Кара-кохъ), имѣютъ тотъ и другой слишкомъ 3,000 метровъ высоты, но тѣмъ не менѣе, обоими можно пользоваться для проѣзда фургоновъ и артиллеріи. Между этими двумя проходами нужно переходить черезъ небольшой отрогъ, подъемъ на который очень труденъ по причинѣ сильной крутизны его скалъ, на что указываетъ

[1]) *Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.
[2]) *Yule*, The book of sir Marco Polo.

самое имя его, Данданъ-Шиканъ, то-есть „разбиватель зубовъ“. На сѣверѣ отъ перевала Кара-коталъ путешественникамъ не приходится болѣе переходить черезъ гребни параллельные Паропамизу, но дорога, идущая по теченію рѣки Хульмъ, пролегаетъ черезъ страшныя ущелья, прерываемыя живописными долинами: одна изъ этихъ тѣснинъ, открывающаяся выше Гейбака, носитъ названіе Дура-и-Зиндань, что значитъ „Ущелье тюрьмы“, и на ея отвѣсныхъ скалахъ, возвышающихся на 300 метровъ, видны развалины старинныхъ укрѣпленій, доказывающія, что прежніе властители края хорошо понимали стратегическую важность этого горнаго прохода. Въ цѣломъ, всѣ эти горы сѣвернаго ската индійскаго Кавказа имѣютъ болѣе пріятный, болѣе живописный видъ и одѣты болѣе богатой растительностью, чѣмъ дикія, голыя крутизны Афганистана; всѣ склоны ихъ покрыты зеленѣющими пастбищами, а гребни и вершины ласкаютъ взоръ необыкновенной мягкостью линій [1]). Но болотистыя равнины, разстилающіяся у подошвы этихъ горъ, въ особенности низменная долина рѣки Кундузъ или Акъ-серай, принадлежатъ къ самымъ нездоровымъ мѣстностямъ центральной Азіи. „Если хочешь умирать, поѣзжай въ Кундузъ“, гласитъ бадахшанская поговорка. Разсказываютъ, что изо ста тысячъ бадахшанцевъ, переселенныхъ насильно въ эту страну Мурадъ-бегомъ въ 1830 году, оставалось въ живыхъ восемь лѣтъ спустя не болѣе шести тысячъ человѣкъ.

Самый городъ Кундузъ, хотя столица государства, представлялъ, даже во времена наибольшаго могущества Мурадъ-бега, невзрачную кучку жилищъ, состоявшую изъ пятисотъ или шестисотъ глиняныхъ домишекъ, камышевыхъ хижинъ и узбекскихъ палатокъ, разбросанныхъ среди садовъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей и болотъ: эту столицу скорѣе можно было принять за временное становище грабителей, чѣмъ за настоящій городъ [2]). Талиханъ, лежащій восточнѣе, у подошвы горной цѣпи, которая отдѣляетъ Кундузъ отъ Бадахшана, кажется, имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе: онъ впродолженіи цѣлыхъ семи мѣсяцевъ оказывалъ сопротивленіе осаждавшимъ его полчищамъ Чингисъ-хана, и Марко Поло говоритъ объ этомъ городѣ, который онъ называетъ Тайканомъ, какъ о значительномъ населенномъ мѣстѣ и большомъ рынкѣ, гдѣ производилась дѣятельная торговля хлѣбомъ, фруктами и солью. Сосѣднія соленосныя горы, „сплошь изъ соли“, лежатъ, повидимому, не на югъ отъ Талихана, какъ говоритъ знаменитый венеціанскій путешественникъ, онѣ находятся на юго-востокъ и на востокъ отъ этого города, именно близъ Акъ-булака (Бѣлый источникъ), въ Бадахшанѣ [3]). Идя въ этомъ направленіи, путешественники поднимаются къ горному проходу Латтабандъ, обыкновенной

[1]) *Вудъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Пундитъ Мунфуль*; *Yule*, The book of sir Marco Polo.
[3]) *Юль*; *Костенко*.

дорогѣ караваповъ, отправляющихся изъ Кундуза къ Бадахшану и возвышенному Памиру. Съ этого перевала открывается великолѣпнѣйшій и обширнѣйшій видъ: что особенно поражаетъ взоръ, съ западной стороны, такъ это величественный конусъ Кохъ-и-амбара, возвышающійся всего только на 800 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, но представляющій замѣчательную правильность формъ. По словамъ легенды, эта гора была перенесена изъ Индустана однимъ святымъ человѣкомъ, и утверждаютъ, въ доказательство справедливости этого разсказа, что будто всѣ индійскія растенія произрастаютъ на ея скатахъ. По крайней мѣрѣ пастбища ея славятся разнообразіемъ и сочностью своихъ травъ, и жители Кундуза, Талихана и Хазратъ-имама, городовъ лежащихъ соотвѣтственно къ западу, къ востоку и къ сѣверу отъ Кохъ-и-амбара, посылаютъ туда свои стада. Левъ бродитъ въ равнинахъ, разстилающихся на сѣверъ отъ этихъ горъ [1]); но его не увидишь нигдѣ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи; новый Александръ Македонскій не могъ-бы теперь забавляться львиной охотой въ лѣсахъ Трансоксіаны, какъ называлась въ древности страна, лежащая за Оксусомъ.

Населеніе провинціи Кундузъ исчисляютъ различно; по приблизительнымъ статистикамъ, даваемымъ русскими офицерами [2]), оно простирается до 400,000 душъ, что̀ составитъ, для пространства области, равнаго, какъ полагаютъ, 28,000 квадр. километровъ, болѣе 14 человѣкъ на квадратный километръ. Это, конечно, немного для края столь богатаго плодородными и хорошо орошаемыми долинами, но это огромная пропорція въ сравненіи съ малонаселенностью русскихъ владѣній, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что русскіе патріоты смотрятъ на эту территорію, занимающую такое выгодное положеніе у воротъ Гинду-Куша, какъ на необходимое дополненіе уже принадлежащаго Россіи, въ большой части пустыннаго, Туркестана. Безъ всякаго сомнѣнія, если-бы безпрестанныя войны на афганской границѣ смѣнились прочнымъ, продолжительнымъ миромъ, населеніе Кундуза быстро удвоилось-бы, ибо тамошнія женщины умѣютъ ввести въ каждый домъ замѣчательный духъ порядка и бережливости. Путешественники хвалятъ кундузокъ какъ отличныхъ хозяекъ, и даже женщины сосѣднихъ провинцій признаютъ за ними этотъ талантъ. А между тѣмъ мѣстные нравы не позволяютъ кундузскому узбеку оказывать своей женѣ столько привязанности, сколько онъ питаетъ къ своей собакѣ. Если предложить мужу продать свою супругу, то онъ нисколько не обидится; но торговать у него собаченку значилобы нанести ему кровное, самое непростительное оскорбленіе [3]).

---

[1]) *Burnes, Moor, Croft, Wood, Yule.*

[2]) Военный Сборникъ, т. III.

[3]) *Вудъ*, цитирован. сочиненіе.

Область Хульмъ или Хулумъ не такъ обширна, но не менѣе густо населена, чѣмъ Кундузъ, пропорціонально пространству, хотя она не столь обильна водой. Рѣка Кундузъ или Акъ-серай, питаемая снѣгами Гинду-Куша и Кохъ-и-Бабы („отца горъ"), довольно многоводна, по крайней мѣрѣ настолько многоводна, что течетъ до соединенія съ Аму-Дарьей, тогда какъ рѣка Хульмъ, берущая начало въ предгорьяхъ цѣпи Кара-Кохъ („Черныя горы"), не имѣетъ достаточной массы воды, чтобы достигнуть главной рѣки бассейна: она теряется въ ирригаціонныхъ каналахъ при вступленіи ея въ равнину. Но географическое положеніе Хульмскаго края, составлявшаго средоточіе древней Бактріаны, чрезвычайно важно. Въ этой области оканчивается дорога въ Персію и Индію, идущая черезъ Баміанскій порогъ, здѣсь находится естественный центръ громаднаго амфитеатра горныхъ хребтовъ и плоскихъ возвышенностей, который тянется отъ персидскаго Мешеда до Бухары черезъ индійскій Кавказъ, Памиръ, Самаркандскія горы. Выше Хульмскаго края соединяются всѣ большія рѣки, которыя смѣшиваютъ свои воды въ Аму-Дарьѣ: Акъ-серай, текущій изъ Кундуза, и Сургъ-абъ, спускающійся съ Алая и сѣвернаго Памира; слѣдовательно, къ этой области Азіи сходятся естественные пути полукруга, имѣющаго болѣе 1,500 километровъ протяженія. Нѣкогда Балхъ, „матерь городовъ" *(Аму-аль-Булядъ)*, былъ мѣстомъ пересѣченія всѣхъ торговыхъ трактовъ страны. Послѣ разрушенія этого большаго города Чингисъ-ханомъ, въ 1220 году, и обезлюденія части бассейна Аму-Дарьи, центръ торговли, впрочемъ, сильно уменьшившейся, долженъ былъ перемѣститься, но удержался, однако, въ той-же области. До половины текущаго столѣтія Хульмъ былъ самымъ важнымъ городомъ древней Бактріаны: населенный почти 10,000 жителей, таджиковъ по большей части, онъ производилъ большую торговлю мѣхами всякаго рода, бараньими, волчьими, лисьими, собачьими и кошачьими. Обширные и тѣнистые сады, простые и фруктовые, окружаютъ городъ поясомъ зелени; самое ложе рѣки, гдѣ вода течетъ не постоянно, обращено мѣстами въ садъ. Хульмъ — городъ новый, которому въ началѣ дали имя, столь обыкновенное въ Туркестанѣ, Ташъ-Курганъ или „Каменная крѣпость"; старый Хульмъ, въ разстояніи 8 километровъ отъ нынѣшняго, теперь не болѣе, какъ куча мусора.

Балхъ, который въ древности пользовался такой славой, какъ столица имперіи и какъ священный городъ, мѣсто, гдѣ проповѣдывалъ Зороастръ, средоточіе эллинской цивилизаціи въ Средней Азіи послѣ Александра Македонскаго, и впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ центровъ буддійской религіи, представляетъ теперь одну обширную руину; на пространствѣ болѣе 30 километровъ въ окружности вездѣ видишь только груды кирпичей, черепки изразцовъ и другаго мусора, среди которыхъ не возвышаются болѣе, какъ во времена Марко Поло, остатки мрамор-

ныхъ храмовъ, которые китайскій пилигримъ Хіуэнъ-Цангъ видѣлъ еще, въ седьмомъ столѣтіи, во всей ихъ красѣ. Нѣсколько узбекскихъ становищъ и таджикскихъ деревушекъ расположились было тамъ и сямъ въ равнинѣ, нѣкогда столь многолюдной, но и тѣ были совершенно покинуты въ 1872 году, вслѣдствіе свирѣпствовавшей между жителями той мѣстности холерной эпидеміи [1]). „Когда Балхъ возродится изъ развалинъ, говорятъ туземцы, это будетъ знакомъ, что скоро настанетъ конецъ свѣту“ [2]). Политическій центръ афганскаго Туркестана находится, съ 1858 года, въ Шахтъ-и-пулѣ, километрахъ въ двадцати къ востоку отъ древняго Балха; но городское населеніе, цифра котораго, по Гродекову, простиралась въ 1878 году до 25,000 душъ, переселилось немного далѣе, вокругъ мусульманской святыни Мазаръ-и-Шерифъ („Могила шерифа“), пользующейся славой даже по ту сторону Гинду-Куша, благодаря чудесамъ, которыя не перестаетъ творить изъ глубины своего склепа пророкъ Али. Мазаръ-и-Шерифъ, примѣтный издалека по четыремъ высокимъ голубымъ минаретамъ, находится еще въ предѣлахъ области, орошаемой рѣкой Балхъ или Дегасъ, которая получаетъ свои первыя воды съ горъ Кохъ-и-Баба и Сефидъ-кохъ. Въ низменной области эта рѣка не болѣе, какъ обведенный съ боковъ плотинами, но еще быстрый каналъ, называемый Бендъ-и-Барбари или „Плотина варваровъ“, который оканчивается, на сѣверъ отъ Балха, послѣ теченія болѣе 300 километровъ, въ садахъ Сіягирда. Тамъ тоже развалины покрываютъ огромное пространство; когда ѣдешь съ береговъ Аму-Дарьи, то приходится проѣзжать черезъ кучи обломковъ на протяженіи 13 километровъ съ сѣвера на югъ [3]). Неизвѣстно, былъ-ли Сіягирдъ предмѣстьемъ Балха, или независимымъ городомъ.

На западѣ другія рѣки, текущія тоже въ афганской территоріи, направляются также къ долинѣ Аму-Дарьи, не будучи, однако, въ состояніи достигнуть ея; но, по крайней мѣрѣ, воды ихъ приносятъ ту пользу, что покрываютъ зеленью оазисы, окружающіе города Акъ-ча, Сарипулъ, Шибирханъ (Шибирганъ, Шиберканъ), Андхой, которые населены таджиками и другими иранцами, туркменами, но главнымъ образомъ узбеками. Шибирханъ, славящійся своими арбузами, о которыхъ Марко Поло отзывается какъ о лучшихъ въ свѣтѣ, есть, говорятъ, самый богатый и самый цвѣтущій изъ этихъ городовъ, благодаря обилію воды, орошающей его фруктовые сады; когда путешественникъ Ферье посѣтилъ Шибирханъ, въ 1845 году, населеніе его простиралось до 12,000 душъ. Сарипулъ имѣлъ, въ 1818 году, около 3,000 жителей, но запертый въ

[1]) *Гродековъ*, Отъ Герата до Самарканда.
[2]) *Alex. Burnes*, цитирован. сочиненіе.
[3]) *Гродековъ*, цитированное сочиненіе.

циркѣ, или котловинѣ среди горъ, гдѣ скопляются міазмы и воздухъ не освѣжается вѣтромъ, онъ принадлежитъ къ очень нездоровымъ мѣстностямъ. Въ долинѣ, гдѣ находятся Шибирханъ и Сарипулъ, не существовало никакихъ деревьевъ, кромѣ суксаула и тамариска, и старожилы не помнили даже времени, когда лѣса были истреблены. Въ недавнее время были посажены нѣкоторыя деревья, привезенныя изъ Бухары черезъ пустыню.

Послѣ Мазаръ-и-Шерифа самый многолюдный городъ афганскаго Туркестана—Андхой: по Вамбери, онъ имѣлъ около 15,000 жителей въ 1863 году; но большая часть городскаго населенія жила въ палаткахъ, среди развалинъ города, осаждаемаго песками пустыни. Воды горнаго потока Меймене, или Маймене, протекающія черезъ андхойскіе сады, уже скудны и солоноваты въ этомъ мѣстѣ, такъ что вновь прибывшій человѣкъ не можетъ ихъ пить. „Соленая вода, жгучій песокъ, ядовитыя мухи и скорпіоны,—вотъ что найдешь въ Андхоѣ, какъ и въ аду“, говоритъ одно стихотвореніе персидскаго поэта, цитируемое у Вамбери [1]). Андхойскія лошади, генеалогію которыхъ жители возводятъ до коня богатыря Рустема, персидскаго Геркулеса, славятся во всей Татаріи; ихъ посылаютъ даже въ Индію; точно также андхойскіе одногорбые верблюды, особенно та порода ихъ, которую называютъ *неръ*, или *наръ*, отличаются необыкновенно густой шерстью, красотой формъ, крѣпостью членовъ; но обѣднѣвшее населеніе имѣетъ уже очень небольшое число этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ. Прежде андхойцы отправляли также въ Персію черный барашекъ, извѣстный въ Европѣ подъ именемъ „астраханской“ мерлушки, но эта торговля окончательно прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ въ 1840 году афганцами.

Меймене, лежащій въ области горъ, орошается той-же самой рѣчкой Нари, вода которой принимаетъ ниже солоноватый вкусъ и изсякаетъ въ андхойскихъ садахъ. Населенный преимущественно узбеками, которые пользуются во всемъ иранскомъ и татарскомъ мірѣ большой славой за свою храбрость, этотъ городъ умѣлъ долгое время сохранять свою независимость среди соперничествующихъ притязаній Персіи, Бухары, Афганистана; теперь онъ состоитъ подъ верховной властью кабульскаго эмира, какъ вассальное владѣніе, въ ожиданіи того времени, когда придутъ другіе господа съ сѣвера, чтобы сдѣлать изъ него одинъ изъ своихъ аванпостовъ на порогѣ Иранскаго плоскогорія. Стратегическая важность Меймене значительна, и нѣкоторые даже хотѣли видѣть въ немъ одинъ изъ центровъ тяжести всей западной Азіи: „Гератъ — ключъ къ Индіи, говоритъ сэръ Генри Раулинсонъ, а Меймене — ключъ къ Герату!“ Съ другой стороны, г. Гродековъ, русскій путешественникъ, который имѣетъ,

[1]) Странствованія дервиша въ Средней Азіи.

по этому вопросу, то преимущество надъ всѣми современными географами, что онъ самъ прошелъ дорогу изъ Меймене въ Гератъ, утверждаетъ, что этотъ путь слишкомъ труденъ, чтобы имъ можно было воспользоваться для прохода армій. Какъ-бы то ни было, Меймене, главная торговая станція между Гератомъ и Бухарой, командуетъ нѣсколькими горными ущельями, и обладаніе имъ имѣло-бы большую цѣну въ борьбѣ державъ, оспаривающихъ другъ у друга господство надъ Азіей: въ рукахъ завоевателя всѣ укрѣпленныя, природой или искусствомъ, мѣста составляютъ „ключи“ одно къ другому. Недавно Меймене былъ самъ по себѣ важнымъ городомъ. Въ 1863 году, Вамбери опредѣлялъ число его жителей отъ пятнадцати до восемнадцати тысячъ душъ, а позднѣйшія исчисленія, русскаго происхожденія, но, вѣроятно, преувеличенныя, говорятъ о шестидесяти-тысячномъ населеніи, собранномъ въ его глиняной оградѣ; но въ 1874 году афганское войско, численностью около 10,000 человѣкъ, съ двадцатью пушками, явилось подъ стѣнами Меймене и приступило къ осадѣ города, взявъ уже передъ тѣмъ Сарипулъ и Шибирханъ. Осада продолжалась шесть мѣсяцевъ и окончилась избіеніемъ 18,000 человѣкъ на улицахъ и въ домахъ; съ той поры Меймене представляетъ не болѣе, какъ полуразрушенную деревню, и туркмены грабители нерѣдко дѣлаютъ на нее свои разбойничьи набѣги. Что касается всего края, то статистики его народонаселенія значительно расходятся между собой: по Вамбери, число жителей бывшаго ханства простирается до 300,000, тогда какъ, по исчисленію русскихъ офицеровъ, оно не превышаетъ 100,000 душъ [1]). На ярмаркахъ въ Меймене производится значительная торговля лошадьми, сушеными плодами, коврами, которые ткутъ мѣстныя женщины, и евреи, индусы, парсы служатъ главными посредниками въ этой торговлѣ.

Въ настоящее время Андхойское ханство есть единственное, которое еще сохранило нѣкоторую независимость; всѣ другія ханства, лежащія между индійскимъ Кавказомъ и теченіемъ Аму-Дарьи, подвластны Афганистану. Географическія дѣленія страны остались тѣ-же самыя; деревня Гурзиванъ и мелкія группы жилищъ, разсѣянныя по долинѣ Дарзабъ, въ горахъ, лежащихъ на югъ и на юго-западъ отъ Сарипуля, сохранили еще титулъ ханства, но утративъ всякую самостоятельность. Узбеки этой страны не отправляютъ натурой воинской повинности, такъ какъ ихъ афганскіе повелители боятся, чтобы они не воспользовались оружіемъ для возстановленія своей независимости; но за эту льготу они должны платить тѣмъ больше налоговъ, и бремя рабства для нихъ очень тяжело. По словамъ г. Гродекова, они съ нетерпѣніемъ ждутъ прихода

---

[1]) *Behm und Wagner*, Die Bevölkerung der Erde, 1874 г.; *Гродековъ*, цитированное сочиненіе.

русскихъ; но сами ничего не дѣлаютъ для своего освобожденія, и едва умѣютъ защищаться противъ туркменскихъ разбойниковъ. Какимъ образомъ эти храбрые турки, которые въ былое время дрались какъ львы въ бою съ врагомъ, сдѣлались такими смирными и покорными? Отвѣтъ не труденъ: столѣтнее угнетеніе превратило ихъ въ наслѣдственныхъ рабовъ [1]).

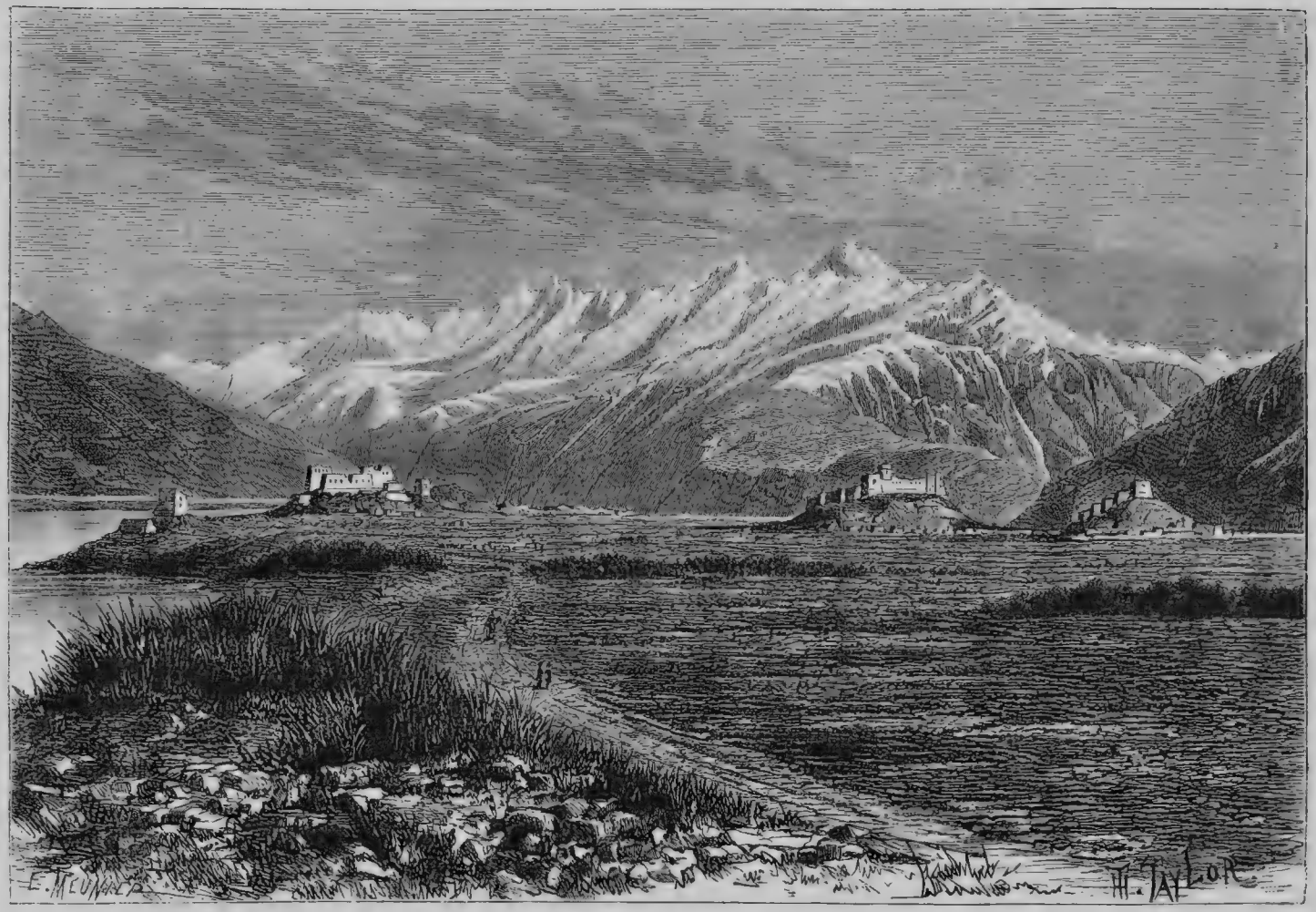
Населеніе афганскаго Туркестана, по Гродекову и „Военному Сборнику“ (томъ III):

		Переносъ .	685,000 жит.
Уаханъ	3,000 жит.	Шибирханъ . . .	270,000 „
Бадахшанъ	158,000 „	Акъ-ча.	
Кундузъ	400,000 „	Сарипулъ	
Балхъ	64,000 „	Меймене.	
Андхой.	60,000 „	Гурзиванъ. . . .	5,000 „
	685,000 жит.	Дарзабъ	
		Всего . .	950,000 жит.

II. Мервъ, независимые туркмены.

Узкіе оазисы, окруженные песками,—вотъ все, что осталось теперь отъ „независимой Татаріи“, которая еще недавно простиралась на такое значительное пространство. Въ наши дни только одинъ знаменитый городъ находится внѣ афганскихъ границъ или внѣ предѣловъ территоріи, подвластной прямо или косвенно русской державѣ; но этотъ городъ, хотя и не многолюдный, имѣетъ первостепенную политическую важность, благодаря своему географическому положенію: это древній городъ Мервъ персіянъ, Мауръ узбековъ, оспаривающій у Балха титулъ „матери городовъ Азіи“, и нѣкогда гордо величавшій себя „царемъ вселенной“ (*Шахъ-и-Джуханъ*). Развалины древняго эллинскаго города, Антіохіи-Маргіаны, построеннаго Антіохомъ Сотеромъ [2]), до сихъ поръ еще видны въ сосѣдствѣ: туземцы называютъ ихъ Мервъ-и-муканъ. Во времена арабскаго могущества, Мервъ, какъ Самаркандъ и Бухара, сдѣлался одной изъ главныхъ школъ мусульманской науки и литературы, и знаменитый историкъ Якутъ изучалъ источники въ его богатыхъ книгохранилищахъ. Извѣстно, какъ жестоко поступили дикія монгольскія орды Чингисъ-хана съ несчастнымъ городомъ: его жители, въ числѣ семисотъ тысячъ, говорятъ, были выведены за городъ, пересчитаны, какъ бараны, приведенные на бойню, и затѣмъ методически, одинъ за другимъ, были перерѣзаны; цѣлыя пирамиды труповъ возвышались въ равнинѣ. Мервъ, однако, опра-

[1]) *Вамбери*, Allgemeine Zeitung, 31 авг. 1880 г.
[2]) *Страбонъ*, Географія, книга XI, гл. 2.



КАЛА-ПАНДЖА НА ОКСУСѢ. ФОРТЪ У ПОДОШВЫ ПАМИРА.

вился впослѣдствіи отъ этого ужасающаго погрома; въ 1795 году, онъ опять былъ очень многолюднымъ мѣстомъ, когда Мурадъ, эмиръ бухарскій, разрушилъ плотину, задерживавшую воды Мургаба въ видѣ искусственнаго озера, опустошилъ городъ и его сады, несмотря на отчаянное сопротивленіе жителей, въ которомъ женщины принимали участіе наравнѣ съ мужчинами, и обратилъ въ безлюдную пустыню большую часть страны. Сорокъ тысячъ мервцевъ, выбранныхъ преимущественно между ткачами шелковыхъ матерій и другими ремесленниками, были насильно переселены въ Бухару, гдѣ потомки ихъ и теперь еще населяютъ отдѣльный кварталъ. Покоренный затѣмъ хивинцами, Мервъ принадлежитъ съ 1834 года туркменскому племени текке, и его постоянное населеніе состоитъ изъ двухъ или трехъ тысячъ узбековъ, тогда какъ сарыки, салоры, туркмены текке составляютъ подвижной элементъ, приходящій и уходящій, въ окрестностяхъ города: это главная опорная точка кочевыхъ обитателей Туркменіи, и послѣдніе, по свѣдѣніямъ, заслуживающимъ, какъ говоритъ г. Петрусевичъ, всякаго довѣрія, занимаютъ 50,000 кибитокъ въ Мервскомъ оазисѣ. Этотъ поясъ воздѣланныхъ земель, который Антіохъ, по свидѣтельству Страбона, велѣлъ окружить стѣной въ 1,500 стадій или 275 километровъ протяженія, простирается на 12 километровъ въ ширину и слишкомъ на 125 километр. въ длину, съ юга на сѣверъ. Плодородіе его славится на всемъ Востокѣ; 2,000 туркменскихъ рабочихъ, по одному на каждую группу изъ 24 семействъ, занимаются каждый годъ содержаніемъ въ исправности оросительныхъ каналовъ, чтобы обезпечить успѣхъ жатвы. „Посѣй одно зерно, и у тебя родится самъ-сто!“ говоритъ пословица, относящаяся къ необычайной производительности мервскихъ полей [1]). Стебли сорго, употребляемые въ кормъ верблюдамъ, достигаютъ толщины обыкновеннаго бамбука; во время голода, посѣтившаго Персію въ 1871 году, цѣна пшеницы не повысилась въ Мервѣ, хотя этотъ продуктъ вывозился въ значительномъ количествѣ изъ края къ плоскогорьямъ [2]). Несмотря на сырость почвы, воздухъ тамъ почти всегда сухой и здоровый, но, при малѣйшемъ вѣтрѣ, атмосфера принимаетъ желтый цвѣтъ отъ носящихся въ ней тучъ песку, и тогда почти невозможно дышать. Далѣе на югъ простираются очень нездоровыя мѣстности: „Прежде, чѣмъ о томъ узнаетъ Аллахъ“,—говоритъ пословица,—„вода Маручака уже отправила человѣка на тотъ свѣтъ“.

Въ Мервскомъ краѣ произошли большія перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ жители его, сдѣлавшіеся болѣе свободными, не имѣютъ болѣе причины опасаться власти династій Хивы и Бухары. Какой дурной славой пользовались нѣкогда мервцы во мнѣніи бухарцевъ и персіянъ, можно

[1]) *Alex. Burnes*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Гродековъ*, цитированное сочиненіе.

судить по слѣдующей старинной поговоркѣ, существовавшей въ странѣ: „Если встрѣтишь ехидну и мервца, то прежде всего старайся порѣшить мервца, а потомъ уже принимайся за змѣю“ [1]). Опасаясь пускаться на берега Аму-Дарьи для разбойничьихъ набѣговъ, за которые могли-бы наказать русскіе, вынужденные жить въ мирѣ съ персами, съ курдами горъ Даманъ-и-Кохъ и съ афганцами Гинду-Куша,—мервскіе люди, предвидя будущее, отказались по большей части отъ своихъ прежнихъ нравовъ воинственныхъ кочевниковъ: грабежъ и убійство уже не въ такой большой чести у нихъ, какъ бывало прежде, и даже находятся между мервцами смѣлые моралисты, которые не боятся говорить, что нѣтъ ничего славнаго убивать своего ближняго. Теперь уже понастроили домовъ въ Мервскомъ оазисѣ, прорыли ирригаціонные каналы, и поясъ культурныхъ земель увеличился; во время зимы, единственнаго сезона, когда растительная жизнь можетъ перенести тряску перевозки, караваны привозятъ фруктовыя деревья изъ Бухары для посадки въ оазисѣ. Въ краѣ ведется кое-какая торговля, и купцы изъ Мешеда и Бухары поселились среди становищъ кочевниковъ [2]).

Между Мервомъ и Мешедомъ, туркмены текке и ихъ союзники салоры, такъ сказать, осаждаютъ персидскій укрѣпленный городъ Сарахсъ (Шаракъ), лежащій въ оазисѣ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ подъ именемъ Аріи, и который орошается и оплодотворяется водами Гери-руда, или Теджена, гератской рѣки. Какъ Мервъ и Меймене, это одинъ изъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, переходъ котораго во владѣніе военной державы можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія для судьбы народовъ Ирана. Сарахсъ имѣетъ право на титулъ города, ибо мешедскіе евреи, ведущіе торговлю съ туркменами окрестныхъ мѣстностей, выстроили тамъ нѣсколько домовъ изъ битой глины; но до недавняго времени постоянные жители обитали исключительно въ *киргахъ*, деревянныхъ или тростниковыхъ шалашахъ, обтянутыхъ снаружи войлокомъ [3]). Равнины окружающаго оазиса не менѣе богаты и плодородны, чѣмъ окрестности Мерва. Эти два города оспариваютъ другъ у друга славу быть мѣстомъ рожденія перваго землепашца.

Къ западу отъ Сарахса, на пространствѣ болѣе 600 километровъ, туркмены не имѣютъ городовъ въ собственномъ смыслѣ слова, а только становища, на берегахъ рѣкъ, постоянныхъ или временныхъ, и источниковъ, вытекающихъ изъ подошвы горъ; впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ становищъ, окруженныя оборонительными стѣнами, въ которыхъ каждая бойница имѣетъ свое ружье, состоятъ изъ тысячъ кибитокъ и такъ-же многолюдны, какъ настоящіе города. Насчитываютъ не менѣе двухъ ты-

[1]) *Wolff*, Narrative of a mission to Bokhara.

[2]) *Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.

[3]) *Napier*, Journal of the Geographical Society, tome XLVI, 1876.

въ Геокъ-тепе [1]), который, слѣдовательно, по величинѣ и населенности, превосходитъ многіе значительные города. Недалеко отъ Геокъ-тепе возвышаются укрѣпленные холмы Денгли-тепе или Денгиль-тепе, которые туркмены храбро и съ успѣхомъ защищали противъ приступовъ русскихъ въ 1879 году, но которые, однако, были взяты русскими войсками во время второй ахалъ-текинской экспедиціи подъ начальствомъ генерала Скобелева. Отъ древнихъ парѳянскихъ городовъ не осталось ничего, или, по крайней мѣрѣ, то, что уцѣлѣло отъ нихъ, ожидаетъ еще путешественниковъ, которые-бы описали эти остатки сѣдой старины. Полагаютъ, что городъ Нисса, гдѣ находились гробницы парѳянскихъ царей, занималъ выходъ одной долины, у подошвы горъ Даманъ-и-Кохъ [2]): быть можетъ, онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ Ніасъ, на востокъ отъ туркменской крѣпости Кызилъ-арватъ, или вѣрнѣе Кызилъ-робатъ, то-есть „Красный каравансарай“. Англійскіе путешественники Бэкеръ и Гилль недавно проѣзжали черезъ эту страну.

III. Бухара.

Это среднеазіатское государство, номинально еще независимое, есть одно изъ тѣхъ ханствъ, которыя должны почтительно сообразовать свою политику съ волей и предписаніями, исходящими изъ Петербурга; не имѣя надобности держать гарнизоны въ крѣпостяхъ и платить жалованье администраторамъ, Россія, тѣмъ не менѣе, владѣетъ дорогами, которыя Бухара открываетъ ей къ порогамъ Гинду-Куша, и чтобы напасть на Мервъ или идти на Герать, ея арміи могутъ такъ-же хорошо опираться на оазисы Бухары, какъ и на прибрежье Каспійскаго моря. Съ своей стороны, бухарское правительство, покровительствуемое своимъ могущественнымъ сюзереномъ, не имѣетъ болѣе причины бояться за свои границы со стороны туркменъ или афганцевъ, и даже цѣлыя провинціи были присоединяемы къ его владѣніямъ однимъ почеркомъ пера. Такъ, по волѣ Россіи, многія государства на верхнемъ теченіи Аму-Дарьи: Шигнанъ, Рошанъ, Дарвазъ, Каратегинъ, зависѣвшіе нѣкогда частію отъ Кундуза, а потомъ отъ Бадахшана, отнынѣ включены въ составъ бухарскаго ханства, и, такимъ образомъ, русскіе сдѣлались господами горныхъ проходовъ Памира. Въ предѣлахъ, которые ему были начертаны въ настоящее время, территорія этого ханства занимаетъ пространство почти равное половинѣ Франціи и заключаетъ населеніе, какъ полагаютъ, превышающее два милліона душъ (именно—площадь Бухары 239,000 квадр.

---

[1]) *Петрусевичъ*, Записки Кавказскаго отдѣла Русскаго Географ. Общества, т. XI, 1880 г.

[2]) *H. Rawlinson*, Proceedings of the Geographical Society, 1879.

*

сячъ жилищъ въ восьми деревняхъ Ашабадъ и около пятнадцати тысячъ километровъ, а вѣроятная цифра населенія 2.130,000 душъ, такъ что, слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по 9 жителей на квадратный километръ). Бухара почти всѣмъ своимъ протяженіемъ лежитъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, откуда и произошло ея древнее имя Трансоксіана или Мавераннаръ, смыслъ котораго тотъ-же самый, то есть „страна, лежащая за Оксусомъ". названіе Согдіана относилось только къ долинѣ рѣки Согдъ, нынѣшняго Зарявшана, раздѣленной теперь между русскими и бухарцами.

Высшія области бухарскаго Памира, по которымъ протекаютъ рѣки: Панджа, Мургабъ и Сургабъ, спускающіяся съ ихъ снѣжныхъ долинъ, почти совершенно пустынны, или посѣщаются только лѣтомъ киргизскими пастухами. Въ центрѣ Памира нѣтъ болѣе селеній выше Ташъ-Кургана, и можно прослѣдить теченіе Мургаба (Акъ-Су или „Бѣлая Вода"), на протяженіи слишкомъ 200 километровъ, до пояса вѣчныхъ снѣговъ и до величественной скалы Акъ-Ташъ или „Бѣлый Камень", не встрѣчая ни одного постояннаго поселка. Только на днѣ западныхъ долинъ Памира живетъ осѣдлое населеніе, и деревни, изъ которыхъ иныя носятъ названіе городовъ, слѣдуютъ тамъ на нѣкоторомъ разстояніи одна за другой.

Ниже Ишкашимской излучины, въ Бадахшанѣ, Сархадъ или Панджа продолжаютъ течь въ сѣверномъ направленіи, до соединенія съ Мургабомъ и другими рѣками западнаго Памира, которыя всѣ вмѣстѣ образуютъ Аму-Дарью. Въ этой-то части бассейна Оксуса основались три государства: Шигнанъ, выше, Рошанъ и Дарвазъ, ниже по теченію рѣки. Со времени среднихъ вѣковъ ни одно изъ этихъ государствъ не было посѣщаемо европейскими путешественниками; однако, между Бадахшаномъ и долинами верхней Аму-Дарьи существуютъ частыя сообщенія; въ 1873 году капитанъ англійской службы Троттеръ могъ послать своего помощника изъ туземцевъ, Абдулъ-Субхана, обслѣдовать теченіе рѣки Панджи (южной вѣтви верхняго Аму), на пространствѣ 160 километровъ внизъ отъ большаго изгиба при Ишкашимѣ до Уамура, столицы Рошана. Съ другой стороны, индійскій изслѣдователь Субадаръ-Хайдаръ-шахъ, извѣстный обыкновенно подъ именемъ или титуломъ „Хавильдаръ", поднялся, въ 1874 году, по теченію Оксуса, отъ западнаго Бадахшана до границъ Рошана; теперь остается лишь незначительный пробѣлъ между путями, пройденными этими двумя путешественниками.

Шгананъ (Шугнанъ, Шугданъ) и Рошанъ, которые, вѣроятно, всѣмъ своимъ протяженіемъ лежатъ въ поясѣ высоты, превышающемъ 2,000 метровъ, получили отъ обитателей равнины названіе Зучанъ или „Страны двухъ жизней", имѣющее тотъ смыслъ, что всякій, кто вступаетъ въ эту счастливую землю, кто дышетъ ея здоровымъ воздухомъ и пьетъ ея чи-

стыя воды, можетъ быть увѣренъ, что проживетъ два вѣка [1]). Но очень небольшое число людей пользуются этимъ великолѣпнымъ климатомъ. По Вуду, общее число жителей Шигнана и Рошана, которые всѣ иранской рассы, не превышало, въ 1838 году, тысячи трехсотъ семействъ, изъ которыхъ триста приходилось на первое и тысяча семействъ на второе изъ этихъ государствъ. По Форситу и Троттеру, населеніе значительно увеличилось съ того времени, такъ какъ оно состояло для обѣихъ областей, въ 1873 году, изъ 4700 семействъ, или приблизительно изъ 25,000 лицъ, что̀, конечно, еще очень мало для долины протяженіемъ около 200 верстъ, къ которой, кромѣ того, присоединяются, съ восточной стороны, многочисленныя боковыя долины. Торговля невольниками была, какъ и въ Уаханѣ, причиной обезлюдѣнія страны, и еще очень недавно, несмотря на отмѣну рабства, оффиціально провозглашенную въ Кабулѣ и во всѣхъ афганскихъ владѣніяхъ, въ составъ которыхъ входили недавно берега Панджа, люди продавались и покупались, какъ товаръ, въ землѣ „Двухъ жизней“. Въ 1869 году, тамошній властитель торговалъ своими собственными подданными, чтобы поддержать равновѣсіе своихъ финансовъ; въ тѣхъ мѣстахъ цѣна мужчины или женщины колебалась между 300 и 450 франк. и представляла цѣнность 10 или 15 воловъ, отъ 5 до 8 яковъ или двухъ киргизскихъ ружей.

Во время путешествія Форсита и его спутниковъ эти два государства имѣли только одного эмира, резиденція котораго находилась въ Уамурѣ (Вамарѣ), столицѣ Рошана. Главный городъ Шигнана, Килабаръ-панджа, лежащій на лѣвомъ берегу рѣки, состоитъ изъ 1,500 домовъ, такъ что выходитъ, что онъ одинъ заключаетъ около трети всего населенія обоихъ государствъ (?). Уамуръ и большая часть другихъ селеній страны построены на правомъ берегу, такимъ образомъ, что обращены лицомъ къ западу, болѣе освѣщенному и болѣе теплому, чѣмъ сторона, обращенная къ востоку.

Дарвазъ, который слѣдуетъ за Рошаномъ на берегахъ Аму-Дарьи, ниже впаденія Мургаба и Панджи, тоже населенъ таджиками, говорящими персидскимъ языкомъ и хорошо сохранившими преданія маздеизма, несмотря на то, что они теперь исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка. Главная рѣка начинаетъ въ Дарвазѣ поворачивать къ западу и культурныя растенія умѣреннаго пояса, даже хлопчатникъ, показываются въ хорошо защищенныхъ лощинахъ. Главный городъ Дарваза—Нибъ-кумбъ, иначе Кила-кумбъ или Калсхъ-и-Кумбъ, извѣстный также подъ именемъ „Тюрьмы Искандера“, такъ какъ, по преданію, онъ основанъ знаменитымъ македонскимъ царемъ, который будто-бы построилъ его съ цѣлью запереть въ стѣнахъ бунтовщиковъ. Пятитысячный

[1]) *Костенко*, Туркестанскій край.

бухарскій гарнизонъ занимаетъ важнѣйшія мѣста Дарваза, населеніе котораго оказало энергическое сопротивленіе завоевателямъ. Напротивъ, жители Кулаба и его провинціи, которую орошаетъ рѣка Кичисурханъ, легко покорились новымъ господамъ.

Область Каратегинъ, которая отдѣлена отъ Ферганской долины лишь снѣговыми гребнями цѣпи Алай-тагъ, есть прекрасная страна высокихъ горъ, ледниковъ, водопадовъ, простирающаяся на западъ отъ Алайскаго плоскогорья и орошаемая рѣкой Кизылъ-су или „Красная вода“, которая ниже принимаетъ новое имя, Сургабъ, а еще далѣе называется Уакшъ (Вакшъ, Вахшъ). Также какъ въ другихъ государствахъ западнаго Памира, въ Каратегинѣ до сихъ поръ сохранилось древнее арійское населеніе: галчи, хотя обращенные оффиціально въ магометанскую вѣру, сохранили свои старые нравы, напоминающіе времена Зороастра, и продолжаютъ говорить персидскимъ языкомъ, среди киргизовъ тюркскаго языка. Эти горцы народъ очень промышленный: они умѣютъ ткать матеріи, ковать желѣзо, промывать золотоносные пески своихъ ручьевъ, добывать каменную соль изъ своихъ горъ, а лѣтомъ они ведутъ довольно большую торговлю съ Коканомъ, Бухарой и Кашгаромъ; но эти промыслы недостаточны для прокормленія жителей. Будучи всѣ земельными собственниками, они не хотятъ дробить своихъ земель до безконечности, и потому молодые люди края уходятъ массами искать заработковъ на сторонѣ, въ городахъ равнины; это „оверняты“ Туркестана. Всѣ водоносы въ Ташкентѣ каратегинскіе уроженцы [1]); но Каратегинъ посылаетъ также школьныхъ учителей въ города Татаріи [2]). Покойный Федченко исчислялъ населеніе, очень густое для страны, имѣющей 2,000 метровъ средняго возвышенія, слишкомъ въ 100,000 человѣкъ, разсѣянныхъ въ 400 слишкомъ кишлакахъ, среди фруктовыхъ садовъ. „Потомокъ Александра Македонскаго“, котораго жители Каратегина признаютъ своимъ шахомъ, имѣетъ резиденцію въ мѣстечкѣ Гармъ или Хармъ, группѣ изъ 340 домовъ, расположенной на правомъ берегу Сургаба. Въ сосѣдствѣ этой столицы вытекаютъ изъ земли теплые углекислые источники въ видѣ настоящаго ручья.

Область Гиссаръ, къ западу отъ Каратегина, посѣщенная въ 1874 году, въ южной ея части, путешественникомъ Субадаръ-Хайдаръ-шахомъ, затѣмъ изслѣдованная болѣе подробнымъ образомъ, въ 1875 году, русской экспедиціей Вишневскаго, Маева и Шварца,—является отнынѣ на картахъ совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ ее представляли прежніе географы. Астрономическія съемки, сдѣланныя Шварцемъ, такъ сказать, завоевали для науки страну, гдѣ до того времени горныя цѣпи

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, іюнь 1878 г.
[2]) *Арандаренко*, Russische Revue, 1878 г., № 9.

и рѣки чертились наудачу, по противорѣчащимъ одинъ другому разсказамъ. Теперь мы знаемъ, что р. Сургабъ или Уакшъ пересѣкаетъ своимъ теченіемъ восточную часть Гиссара, чтобы соединиться съ Аму-Дарьей ниже Газретъ-имама, въ Кундузѣ, и что къ западу отъ Уакша территорія разрѣзана на параллельные поясы широкими долинами Кафирнахана, Сурхана, Ширабадъ-Дарьи, открывающимися между высокихъ снѣговыхъ горъ. Ниже Гарма нѣтъ ни одного города, кромѣ Курганъ-тюбе, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки; но въ нѣкоторомъ разстояніи ниже по теченію находятся развалины Лакмана, который, кажется, былъ весьма значительнымъ городомъ, и гдѣ видны слѣды моста черезъ Уакшъ. Напротивъ сліянія этой рѣки съ Аму-Дарьей стоялъ другой городъ, Тахта-куватъ, о которомъ туземцы разсказываютъ разныя легенды. Наконецъ, близъ горнаго прохода Патта-Гиссаръ, на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Мазаръ-и-Шерифъ, сохранились обширныя развалины города Термезъ, которыя тянутся по берегу Аму-Дарьи на пространствѣ 26 километровъ въ длину, между рѣкой Сурханъ и руинами другого города, Мія, тоже пустыннаго въ наши дни и примѣтнаго издалека по уцѣлѣвшему еще высокому минарету. Термезъ носилъ прежде таджикское имя Гулъ-Гула, что̀ значитъ „Шумный“; происхожденіе этого названія объясняютъ такъ, что гулъ, стоявшій надъ его многолюдными базарами, слышенъ былъ въ Бактрахъ, на разстояніи 90 километровъ [1]). Въ развалинахъ этихъ городовъ открыли много драгоцѣнныхъ вещей изъ золота и серебра, преимущественно древнихъ греческихъ монетъ, покупаемыхъ почти исключительно мультанцами, которые увозятъ ихъ въ Индустанъ. Разработка золотыхъ пріисковъ на берегахъ Уакша ведется очень дѣятельно, и нѣкоторые плоскіе берега, въ сезонъ низкаго стоянія водъ, бываютъ сплошь усѣяны туземными золотоискателями, которые усердно промываютъ песокъ, чтобы собирать драгоцѣнныя блестки. Какъ во времена аргонавтовъ, они употребляютъ, для промывки, овечье руно, шерсть котораго задерживаетъ тяжелый золотой песокъ пропуская воду илъ и гравій. Подобно своему предку Язону, греки Бактріаны тоже съумѣли завоевать себѣ „золотое руно“ [2]).

Всѣ города Гиссара: Файзабадъ, Кафирнаганъ, Душамбе, Гиссаръ, Каратагъ, Регаръ, Сари-чуй, Юрчи, Денау, Байсунъ, Ширабадъ или „Львиный городъ“, стоятъ на берегахъ притоковъ или подпритоковъ Аму-Дарьи, и большая часть ихъ построены въ области смежной съ вѣчными снѣгами и ледниками. Низменныя равнины, прилегающія къ Оксусу, такъ же нездоровы, какъ и равнины, простирающіяся по другую сторону рѣки въ Кундузѣ, и путешественники, даже туземцы, не могутъ

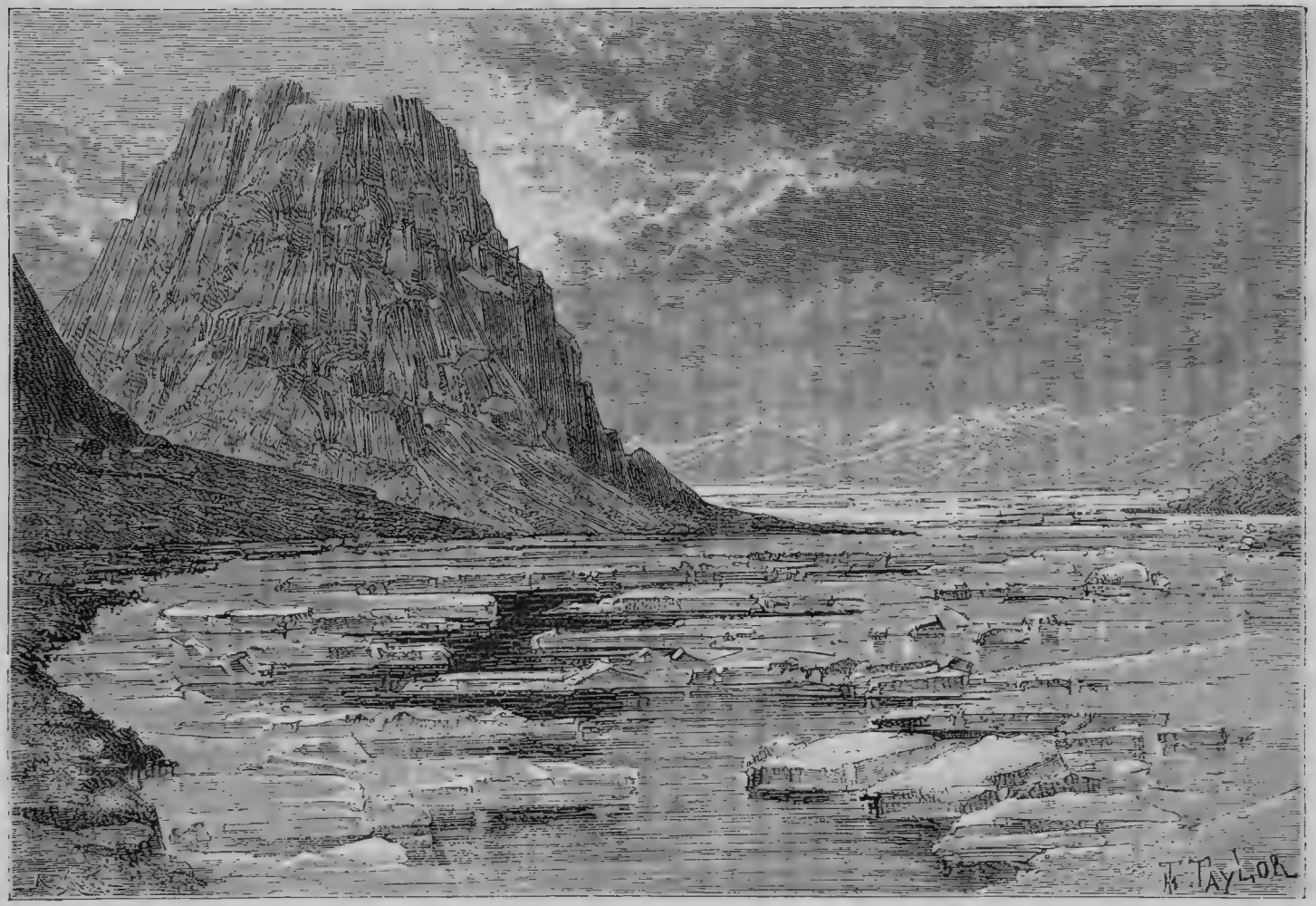
[1]) *Юновъ*, „Туркестанскія Вѣдомости“, 29 апр. 1880 г.

[2]) *Мейендорфъ*, Путешествіе въ Бухару; *Юновъ*, „Туркестанскія Вѣдомости“, 18 марта 1880 г.

пускаться въ тѣ мѣста, не подвергая опасности здоровье и даже жизнь. Чтобы избѣгнуть лихорадокъ и ревматизмовъ, причиняемыхъ рѣзкими перемѣнами температуры, тамошніе жители, какъ въ области горъ, такъ и въ равнинѣ, никогда не покидаютъ мѣховой одежды, даже въ самую жаркую пору лѣта. Гиссаръ, по прозванію „Веселый" городъ, который далъ свое имя всей странѣ, выстроился, естественно, внѣ области лихорадокъ, въ 160 километрахъ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, въ верхней долинѣ рѣки Кафирнаганъ, у подножія снѣговыхъ горъ, за которыми скрывается озеро Искандера (Александра). Населеніе гиссарской столицы, исчисляемое приблизительно въ 10,000 душъ, занимается главнымъ образомъ фабрикаціей оружія, ножей и разныхъ другихъ металлическихъ издѣлій, за покупкой которыхъ пріѣзжаютъ киргизы, и которыя разносятся пилигримами даже въ Персію, въ Турцію и Аравію; нѣкоторые изъ выдѣлываемыхъ въ Гиссарѣ дамасскихъ клинковъ, съ рукоятками изъ рѣзнаго золота или серебра, отличаются замѣчательнымъ совершенствомъ работы, и произведенія этого рода, выходящія изъ европейскихъ мастерскихъ, не могутъ сравниться съ ними по тонкости закалки [1]). Кажется, что въ прежнее время Гиссаръ былъ гораздо болѣе значительнымъ городомъ. Эта область Татаріи принадлежитъ уже къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ древнее арійское населеніе было вытѣснено пришлымъ финно-татарскимъ элементомъ: чистокровные арійцы, галчи, сохранились только въ горныхъ кишлакахъ, да нѣкоторые города, какъ Файзабадъ, Кафирнаганъ, населены еще таджиками; но вообще въ странѣ, также какъ въ прибрежныхъ равнинахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, сарты и узбеки составляютъ самую многочисленную часть жителей; такъ что бухарцы провинцію Гиссаръ обыкновенно называютъ Узбекистаномъ [2]).

На западъ отъ Гиссарскихъ горъ широкія долины, открывающіяся въ направленіи къ Аму-Дарьѣ, орошаются рѣками, которыя, соединившись, образуютъ рѣку Кашку. Въ этихъ долинахъ основались разныя мелкія государства, границы которыхъ постоянно измѣнялись, сообразно превратностямъ войнъ и перемѣнамъ въ политикѣ сосѣднихъ державъ, и часто они даже играли весьма важную историческую роль: не безъ причины Александръ Македонскій провелъ цѣлыхъ три года въ этой странѣ [3]). Шехръ-и-себсъ (Шахъ-и-сябзъ, Шарсабидъ), построенный на берегахъ ручья, бѣгущаго съ горы Хазрети-Султанъ, у южнаго выхода одного прохода горъ Самаркандъ-тау, есть одна изъ тѣхъ временныхъ столицъ, которыя играли значительную роль въ исторіи арало-каспійской покатости. Шехръ-и-себсъ состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ, Китаба, выше, и Шехра, ниже по теченію рѣчки, окру-

[1]) *Вамбери*, Странствованія лжедервиша въ Средней Азіи.
[2]) *Мейеръ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1876 г., № 12.
[3]) *Ernest Desjardins*, рукописныя замѣтки.



СКАЛЫ АКЪ-ТАШЪ ВЪ ДОЛИНѢ ТОГО ЖЕ ИМЕНИ.

женныхъ нѣкогда одной общей стѣной—теперь уже сильно поврежденной временемъ—но отдѣленныхъ одинъ отъ другого обширными садами, отъ которыхъ эти два города-близнеца и получили общее имя. Шехръ-и-себсъ, то есть: „городъ, утопающій въ зелени“. Шехръ, съ его девятью десятками мечетей, куполы и минареты которыхъ высоко поднимаются надъ массой домовъ, есть бо́льшій изъ двухъ городовъ и насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ около двадцати тысячъ жителей; въ меньшемъ, Китабѣ, населеніе не превышаетъ пятнадцати тысячъ душъ. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, на мѣстѣ нынѣшняго Шехръ-и-себса находилась простая деревня, по имени Кешъ, гдѣ родился, въ 1335 году, ребенокъ, который впослѣдствіи получилъ прозвище „Хромой“, Тимуръ-ленкъ или Тамерланъ, и сдѣлался страшнымъ бичемъ Божіимъ. Грозный властелинъ Азіи хотѣлъ было основать въ родномъ селѣ столицу своей громадной имперіи и построилъ тамъ множество большихъ зданій; но потомъ онъ долженъ былъ признать выгоды, которыя представлялъ Самаркандъ, какъ центральный городъ, и перенесъ туда свою резиденцію [1]). Отъ Тамерланова дворца, Акъ-серая или „Бѣлаго замка“,—считавшагося однимъ изъ „семи чудесъ свѣта“,—остались только башни и два огромныхъ столба изъ кирпича, которые поддерживали высокій стрѣльчатый сводъ входнаго портика; стѣны еще блестятъ своей обшивкой изъ фарфора, бѣлаго и голубаго, украшеннаго арабесками и испещреннаго надписями на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Преданіе указываетъ на одну изъ этихъ башень, какъ на ту самую, съ которой будто-бы бросились внизъ разомъ сорокъ придворныхъ, чтобы подхватить бумагу, которую вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ ихъ повелителя [2]).

Населеніе края, который былъ родиной знаменитаго азіатскаго завоевателя, состоитъ главнымъ образомъ изъ кенегезовъ, узбековъ суннитовъ, славящихся во всемъ Туркестанѣ своей храбростью и стойкостью, столько-же, сколько ихъ женщины славятся своей красотой; такъ что нужно было направить русскую военную экспедицію на Шехръ-и-себсъ, для того, чтобы присоединить это маленькое государство къ владѣніямъ эмира бухарскаго. Никогда обитатели Шехръ-и-себса не терпѣли у себя невольничества. Рѣка Кашка, протекающая чрезъ городъ и орошающая его сады, которые, благодаря этому обильному орошенію, производятъ великолѣпные плоды,—защищала также жителей противъ нападеній внѣшняго врага; подвижныя плотины, устроенныя поперегъ потока, позволяли наводнить на далекое пространство всю мѣстность, окружающую городъ и его крѣпость [3]). Присоединеніе Шехръ-и-себса было для бухарскаго правительства чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ

[1]) *Записки Бабера*, переведен. на франц. языкъ *Паве-де-Куртелемъ*.
[2]) *Хорошкинъ*, Сборникъ статей, относящихся къ Туркестану.
[3]) *Мейендорфъ*, Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару.

въ экономическомъ отношеніи, ибо долина Кашки производитъ въ изобиліи разнаго рода хлѣбъ, табакъ, хлопокъ, пеньку, фрукты и овощи, а горы возвышенной области богаты залежами желѣзной руды; пласты самородной каменной соли, въ окрестностяхъ Гиссара, на юго-западъ отъ Шехръ-и-себса, доставляютъ Самарканду всю соль, которая необходима для его потребленія; Гиссаръ, кромѣ того, важенъ, какъ рынокъ, гдѣ производится большая торговля скотомъ и земледѣльческими продуктами.

Одна изъ южныхъ вѣтвей Кашки беретъ начало въ области горъ, которая нѣкогда пользовалась большой славой, какъ заключающая въ себѣ одно изъ „чудесъ свѣта“. Это чудо—узкій дефилей отъ 12 до 20 метровъ шириною и около 3 километровъ длиною, по которому проходитъ дорога, ведущая изъ Балха въ Самаркандъ черезъ Ширабадъ, городъ Шехръ-и-себсъ и цѣпь Самаркандъ-тау. Во время прохода буддистскаго миссіонера Гіуэнъ-Цанга, это ущелье было заперто воротами съ двумя створками, скрѣпленными желѣзной оправой и увѣшанной колокольчиками, которые звонили при малѣйшемъ движеніи воздуха [1]). Восемь столѣтій спустя, Клавихо, испанскій посолъ, отправленный ко двору Тамерлана, тоже проѣзжалъ черезъ „Желѣзныя Ворота“, но искусственнаго препятствія тогда уже не существовало; русскіе ученые, участвовавшіе въ гиссарской экспедиціи, переходили, въ свою очередь, черезъ порогъ знаменитыхъ воротъ, которыя теперь обыкновенно называютъ Бузголахана или „Козья хижина“; однако, ближайшій городъ до сихъ поръ сохранилъ многозначительное имя Дербента, подобно имени каспійскихъ „Воротъ“ [2]).

Важный городъ Карши расположенъ среди обширной равнины, близъ сліянія двухъ главныхъ вѣтвей рѣки Кашки, которыя получаютъ всѣ воды, текущія съ горъ между городами Шехръ-и-себсъ и Дербентъ. Ограда Карши имѣетъ не менѣе 9 километровъ въ окружности, и населеніе, живущее внутри этихъ стѣнъ, простирается до 25,000 душъ. Этотъ городъ хвалится, хотя съ меньшимъ правомъ, чѣмъ Гиссаръ, хорошимъ качествомъ своихъ ножей и клинковъ, отправляемыхъ даже въ Персію и въ Аравію; изъ другихъ фабрикуемыхъ тамъ металлическихъ издѣлій замѣчательны изящные кувшины и мѣдныя блюда съ очень искусной рѣзьбой и украшенныя серебряными инкрустаціями [3]); но главный источникъ богатства даетъ ему окружающій оазисъ, гдѣ воздѣлываютъ преимущественно табакъ. Карши, подобно большинству европейскихъ городовъ, устроилъ у себя публичное гульбище или бульваръ, который тянется вдоль рѣки, окаймляя ея берегъ своими аллеями серебристыхъ

[1]) *Stanislas Julien*, Pélerins bouddhistes.
[2]) *Lerch*, Russische Revue, 1875 г., № 8.
[3]) *Ch. de Ujfalvy*, Tour du Monde, 1879 г., № 3.

тополей и красивыми цвѣтниками; на этомъ гульбищѣ собирается весь каршинскій бомондъ. Жители Карши славятся во всемъ ханствѣ, какъ люди, обладающіе хорошимъ вкусомъ, живымъ и бойкимъ умомъ и остроуміемъ.

Второй городъ ханства какъ по числу жителей, такъ и по степени развитія торговой и промышленной дѣятельности, Карши важенъ какъ мѣсто соединенія дорогъ, идущихъ изъ Бухары, изъ Самарканда, изъ Гиссара, изъ Балха, изъ Меймене. Онъ находится всего только въ сотнѣ километровъ отъ Аму-Дарьи, но отдѣленъ отъ нея песками, въ которыхъ теряется орошающая его рѣка Качка до послѣдней капли. Переходъ черезъ главную рѣку страны, на дорогѣ изъ Андхоя и Меймене, охраняется укрѣпленнымъ городкомъ Килифъ, передъ которымъ Аму-Дарья, загороженная съ одной стороны высокими скалами, имѣетъ только 357 метровъ ширины; но зато въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются, говорятъ, большія глубины, въ 75 и 100 метровъ [1]). Ниже по теченію крѣпостца Карикджи, на правомъ берегу, и крѣпость Керки, на лѣвомъ, защищаютъ другой переходъ. Вся средняя часть рѣки, отъ древней Бактріапы до Хивинскаго оазиса, была присоединена Россіей къ владѣніямъ Бухары, и это государство взяло на себя обязанность содержать паромы на рѣкѣ, держать въ порядкѣ и ремонтировать каравансараи на обоихъ берегахъ. Населеніе лѣваго берега состоитъ главнымъ образомъ изъ туркменовъ племени эрсари, которые платятъ дань бухарскому эмиру, дабы послѣдній защищалъ ихъ противъ другихъ кочевниковъ. Послѣ Керки, единственный укрѣпленный городъ, которымъ обладаетъ Бухара на западномъ берегу рѣки, есть Чарджуй, стоящій на прямой дорогѣ изъ бухарской столицы въ Мервъ, напротивъ того мѣста, гдѣ нѣкогда долженъ былъ оканчиваться Зарявшанъ. Чарджуй сдѣлался складочнымъ мѣстомъ торговли между Бухарой и Хивой.

Овладѣвъ Самаркандомъ и верхней и средней долиной Зарявшана, русскіе тѣмъ самымъ поставили въ полную отъ себя зависимость столицу Бухары и всѣ другіе города, находящіеся на нижнемъ теченіи этой рѣки. Одного сооруженія поперечной плотины, которая задерживала-бы воды Зарявшана въ видѣ обширнаго резервуара испаренія, было-бы достаточно, чтобы изсушить всѣ производительныя земли Бухаріи въ собственномъ смыслѣ и принудить жителей къ выселенію. Расширеніе площади земледѣлія въ Самаркандскомъ краѣ имѣетъ подобныя-же слѣдствія, такъ какъ теперь требуется болѣе значительное количество воды для искусственнаго орошенія; съ тѣхъ поръ, какъ русскіе сдѣлались господами Самарканда, какъ численность населенія возрасла и поверхность садовъ увеличилась, Бухарія терпитъ постоянно усиливающійся недоста-

[1]) *Мейеръ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1878 г., № 4.

токъ воды, и можно уже констатировать нѣкоторое перемѣщеніе жителей изъ нижнихъ въ выше лежащія части теченія рѣки. Такимъ образомъ, даже не принимая въ разсчетъ огромной несоразмѣрности военныхъ силъ, между славянской державой, которая овладѣла Самаркандомъ, и бухарскимъ ханствомъ, самое географическое положеніе двухъ странъ обезпечиваетъ верхнему краю рѣшительное преобладаніе надъ нижнимъ, по теченію ихъ жизненной артеріи.

Городъ Бухара, *Шерифъ* или „благородная“,—какъ ее величаютъ на монетахъ, чеканящихся именемъ эмира,—не принадлежитъ къ числу красивыхъ городовъ востока. Хотя мѣстное преданіе основателемъ ея называетъ „Двурогаго“ Александра (Македонскаго), она не принадлежитъ также и къ числу древнихъ городовъ Согдіаны. Улицы въ ней узкія и кривыя; зданія ветхія, полуразвалившіяся и покрытыя густымъ слоемъ пыли; воды лѣниво движутся въ каналахъ, а иногда даже совсѣмъ пересыхаютъ; на площадяхъ нѣтъ тѣнистыхъ деревьевъ, и улицы не кишатъ уже народомъ, какъ бывало въ тѣ времена, когда эмиръ бухарскій былъ могущественнѣйшимъ государемъ арало-каспійской покатости. Главная мечеть бросается въ глаза своимъ высокимъ минаретомъ, который поднимается на 50 метровъ (слишкомъ 23 сажени), и верхушка котораго, какъ увѣряютъ бухарцы, находится на уровнѣ почвы Самарканда; но на самомъ дѣлѣ, главный городъ Зарявшана лежитъ почти на 300 метровъ выше бухарской столицы (именно, высота мѣстоположенія Самарканда 655 метр., Бухары 360 метр.). Прежде сбрасывали приговоренныхъ къ смерти преступниковъ съ вершины этой священной башни, всходить на которую имѣли право только муллы и палачи, тащившіе своихъ жертвъ на казнь.

Впрочемъ, торговля все еще привлекаетъ на базары „благороднаго“ города людей всѣхъ рассъ и народностей востока. По меньшей мѣрѣ двѣ трети всего городскаго населенія, исчисляемаго въ 70,000 душъ, то-есть въ половину той цифры, до которой оно простиралось въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, состоитъ изъ таджиковъ; но узбеки, болѣе или менѣе смѣшанные съ иранскими элементами, тоже очень многочисленны; киргизы разбиваютъ свои палатки или кибитки на площадяхъ, какъ будто-бы они находились среди пустыни; мервскіе туркмены своей гордой осанкой и смѣлой поступью составляютъ рѣзкій контрастъ съ иранскими вольноотпущенниками, раболѣпными и лукавыми; русскіе начинаютъ тоже появляться въ столицѣ ханства, въ сопровожденіи разныхъ авантюристовъ изъ другихъ странъ Европы; евреи и индусы или „мультанцы“, прозванные такъ по имени города Мультана, который въ Татаріи считаютъ метрополіей Индустана, сидятъ на базарахъ, предлагая проходящимъ свои товары. Почти всѣ индусы, посѣщающіе Бухару,—ширкапурскіе уроженцы: они имѣютъ на своемъ красивомъ смугломъ челѣ красный знакъ, символъ священнаго пламени.

Въ восточномъ мірѣ Бухара пользуется громкой славой, какъ главный центръ мусульманской учености: „Вездѣ въ другихъ мѣстахъ на землѣ, свѣтъ исходитъ свыше; но онъ поднимается изъ Бухары", засвидѣтельствовалъ самъ Магометъ, когда онъ былъ взятъ на небо: такъ разсказываютъ бухарскіе ишаны и муллы [1]). Какъ-бы то ни было, Бухара есть безспорно одинъ изъ тѣхъ городовъ, имя которыхъ должно занять видное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли. Мусульманская образованность несомнѣнно достигала тамъ замѣчательной степени развитія въ различныя эпохи, съ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, затѣмъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда городъ снова оправился отъ страшнаго погрома, произведеннаго дикими полчищами Чингисъ-хана. Также какъ на другомъ концѣ мусульманскаго міра: въ Севильѣ, въ Гренадѣ, въ Кордовѣ, смѣшеніе цивилизацій арійской и арабской имѣло самыя счастливыя послѣдствія для успѣховъ человѣческаго знанія, и бухарскіе иранцы, обращенные въ исламизмъ и болѣе или менѣе подвергшіеся арабскому вліянію, сдѣлались знаменитыми поэтами, писателями, докторами, учеными Трансоксіаны. И теперь еще „Городъ Храмовъ",— ибо таковъ, на монгольскомъ языкѣ, смыслъ слова Бухара,— есть въ то же время городъ школъ; триста шестьдесятъ мечетей высоко поднимаютъ надъ массой низкихъ домовъ свои куполы, башни и минареты; но городъ имѣетъ, кромѣ того, болѣе сотни медресе, изъ которыхъ одна, построенная съ большой роскошью на средства Екатерины II, была подарена ею эмиру, котораго императрица старалась завербовать себѣ въ союзники [2]). Дѣти читаютъ по складамъ коранъ въ этихъ многочисленныхъ школахъ, которыя легко узнать издали по ихъ лакированнымъ кирпичамъ или израсцамъ, испещреннымъ надписями религіознаго содержанія, или по пріютившимся подъ ихъ крышами гнѣздамъ аистовъ, символу мира и гостепріимства. Но внутри разсадниковъ просвѣщенія царствуетъ мертвящая традиція: рутина преподаванія убила истинную науку, и въ школахъ теперь уже не обучаютъ ничему, кромѣ сухихъ, безжизненныхъ формулъ. Точно также и мусульманская вѣра, нѣкогда столь горячая въ Бухарѣ, теперь не болѣе какъ ханжество и лицемѣріе; этотъ „Римъ ислама" есть одинъ изъ магометанскихъ городовъ, гдѣ подъ строгостью религіозныхъ правилъ и обязанностей, подъ личиной набожности, скрывается всего больше обмановъ и всяческихъ гадостей. Всѣ предписанія муллъ и ишановъ разныхъ монашескихъ орденовъ исполняются въ точности; бухарцы всегда носятъ на себѣ, завернутый въ чалму, свой смертный саванъ; они акуратно читаютъ молитвы и дѣлаютъ требуемыя колѣнопреклоненія; они регулярно ходятъ на поклоненіе сосѣдней святынѣ,

[1]) *Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.
[2]) *Григорьевъ*, Russische Revue, 1873 г.

гробницѣ, гдѣ погребенъ Бага-эддинъ, національный святой Туркестана; но въ то же самое время—вѣроломство отравляетъ дружбу, доносъ служитъ главнымъ средствомъ правительственной системы, и порокъ во всѣхъ его видахъ спокойно живетъ у самыхъ дверей мечетей [1]).

Промышленность бухарской столицы, хотя она очень уменьшилась противъ прежняго времени, все еще значительна. Базары содержатъ еще, кромѣ товаровъ, привезенныхъ изъ разныхъ европейскихъ странъ, много произведеній туземной почвы и промышленности. Такъ, въ Бухарѣ фабрикуютъ прекрасныя бумажныя полосатыя ткани, извѣстныя подъ именемъ *аладжи*; гофрированный (съ тисненными узорами) кожаный товаръ, выдѣлываемый бухарскими кожевниками, отличается замѣчательной гибкостью, и туземные сапожники шьютъ изъ него очень красивую обувь. Производство шелковыхъ матерій тоже составляетъ національную промышленность, и въ Бухарѣ можно купить шелковые платки необычайной тонкости, ткань которыхъ, по выраженію одного путешественника, „похожа на паутину“; еще недавно съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Татаріи правовѣрные приходили на бухарскій рынокъ обновлять свой гардеробъ. Занятіе Самарканда русскими и важное торговое значеніе, которое получилъ Ташкентъ, не лишили Бухару ея движенія, какъ мѣста обмѣна, и даже, кажется, заставили обратить къ коммерческимъ спекуляціямъ инціативу, направленную прежде почти исключительно на войну и политику. Бухара—главный центръ товаровъ между рынками нижегородскимъ и пешаверскимъ. Индія и Афганистанъ посылаютъ Бухарѣ: красильныя вещества и москотильный товаръ, различные виды чая, глиняную посуду, разные инструменты и орудія, книги, но преимущественно ткани, извѣстныя подъ названіемъ *кабули* (кабульскія), даже когда онѣ привозятся изъ Англіи и не проходятъ транзитомъ черезъ Кабулъ. Персія отправляетъ сюда тоже ткани, оружія, книги; Мервъ поставляетъ бухарцамъ оружіе и дорогихъ лошадей; Гератъ продаетъ имъ фрукты, шерсть, кожи, тогда какъ Хива, которая тоже вывозитъ земледѣльческіе продукты, служитъ главнымъ посредникомъ Россіи по сбыту въ Бухару мануфактурныхъ издѣлій, вывозимыхъ изъ губерній волжскаго бассейна. Русскіе товары, естественно, встрѣчаются въ наибо́льшемъ количествѣ, сравнительно съ другими привозными, на бухарскихъ базарахъ; но продаются они не русскими негоціантами. Бухарскіе купцы сами ѣздятъ за товаромъ въ Нижній-Новгородъ, въ Москву, въ Оренбургъ, и сами отвозятъ его на главный рынокъ Зарявшана: въ ихъ рукахъ и въ рукахъ афганцевъ, мультанцевъ (индусовъ) и евреевъ сосредоточена вся эта важная отрасль внѣшнихъ торговыхъ сношеній хан-

[1]) *Вамбери*, Странствованія лжедервиша въ центральной Азіи; *Herbert Wood*, The Shores of Lake Aral.

ства, обороты которой исчисляютъ въ 35 милліоновъ метал. рублей. Въ 1876 году въ Бухарѣ былъ всего только одинъ русскій купецъ; мало того—нѣкоторыя отрасли торговли, находившіяся прежде въ рукахъ русскихъ, были отняты у нихъ туземцами: зеленый чай, употребляемый бухарцами, представляетъ годовой грузъ 5,000 верблюдовъ, и весь этотъ товаръ получается изъ Афганистана; привозъ же черныхъ чаевъ изъ Россіи теперь совершенно прекратился [1]).

Такимъ образомъ, Бухарѣ пока не грозитъ опасность быть разстроенной торговымъ соперничествомъ Самарканда или какого-либо другого города, занятаго русскими; ей грозитъ, какъ сказано выше, опасность другого рода, именно—постепенное обмелѣніе и высыханіе оросительныхъ каналовъ, которое имѣло-бы роковымъ слѣдствіемъ вторженіе песковъ [2]). Дюны съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе проникаютъ въ предѣлы оазиса, засыпаютъ ирригаціонные каналы и постепенно превращаютъ край въ пустыню. Истребленіе лѣсовъ саксаула имѣло въ этой странѣ такія-же слѣдствія, какими сопровождалось нѣкогда обезлѣсѣніе въ области французскихъ ландовъ; песчаныя горки, прежде твердыя, какъ скалы, сдѣлались подвижными, и вѣтеръ гонитъ ихъ на завоеваніе полей и селеній. Кромѣ того, арыки, отведенные изъ Сыръ-Дарьи, давнымъ давно заброшены, и теперь только кое-гдѣ остались отъ нихъ едва замѣтные слѣды. Большая часть песчаныхъ бугровъ въ Бухарѣ движутся по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, подъ вліяніемъ полярнаго вѣтра, который иногда дуетъ впродолженія трехъ мѣсяцевъ безъ перерыва [3]); но дюны набѣгаютъ также и съ другихъ точекъ горизонта, и можно, пожалуй, вычислить напередъ, въ какой промежутокъ времени плодородная земля будетъ покрыта летучими песками. Еще очень недавно богатая территорія Варандзи была занесена пескомъ, и жители ея принуждены были искать въ другомъ мѣстѣ какихъ-нибудь средствъ къ существованію. Другой округъ, Ромишанъ, лежащій къ западу отъ города Бухары, былъ засыпанъ пескомъ въ 1868 году, и говорятъ, что шестнадцать тысячъ семействъ должны были покинуть свои наполовину зарытые въ песчаныхъ сугробахъ дома, чтобы искать счастья на чужбинѣ, въ хивинскомъ ханствѣ; точно также считаютъ десятками тысячъ эмигрантовъ, направившихся къ Самарканду и Зарявшанскому округу. Самой столицѣ бухарскаго ханства грозитъ серьозная опасность; туземцы ожидаютъ этой катастрофы какъ непреложнаго опредѣленія Аллаха, и дѣйствительно, если не будутъ своевременно приняты мѣры къ прикрѣпленію дюнъ, бѣдствіе станетъ неизбѣжнымъ. Такъ погибли города Хаджу-оба, развалины

---

[1]) *Петровскій*, Вѣстникъ Европы, мартъ, 1873 г.; *Schuyler*, Turkistan.

[2]) *Соболевъ*, Военный Сборникъ, томъ IV; Извѣстія Русскаго Географ. Общества, томъ IX, № 8, 1870 г.

[3]) *Хорошкинъ*, Сборникъ статей о Туркестанѣ.

котораго видны въ 40 километрахъ на сѣверо-западъ отъ Бухары, и, въ 32 километрахъ къ западу, знаменитый Байкундъ, нѣкогда болѣе важный, чѣмъ нынѣшняя столица. Отъ этого многолюднаго города остались только груды мусора, да обломки водопровода [1]). Бухара, угрожаемая песками, страдаетъ также отъ дурнаго качества своихъ водъ; вообще это очень нездоровый городъ, и среди его населенія свирѣпствуютъ многочисленныя болѣзни. Нарывы и язвы всякаго рода очень обыкновенны, особенно у женщинъ, и говорятъ, что болѣе половины изъ тамошнихъ жительницъ покрыты шрамами и язвинами или сдѣлались немощными отъ болѣзней. Въ лѣтнее время большое число жителей—цѣлая четверть по словамъ Бёрнса, только десятая часть, по свидѣтельству другихъ путешественниковъ,—страдаютъ отъ присутствія паразита, подкожной глисты *pumme* или струнца медицинскаго (*filaria medinensis*), которая развивается въ тѣлѣ человѣка на ногахъ или рукахъ, и которую нужно осторожно наматывать, чтобы извлечь изъ тѣла, если не имѣешь мужества разрѣзать больную часть. Бухарскіе брадобрѣи очень искусно дѣлаютъ эти хирургическія операціи.

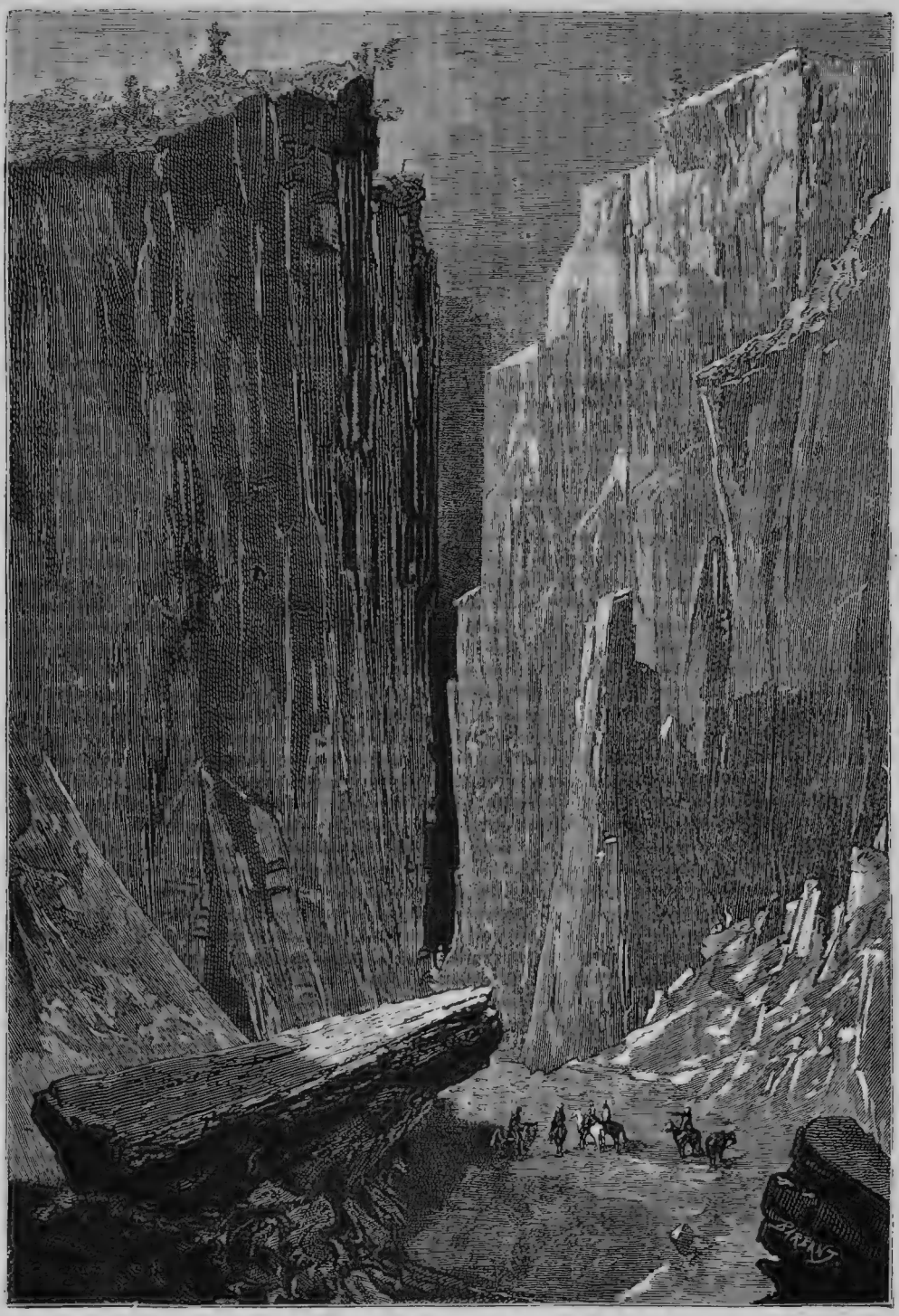
Кромѣ столицы, многіе другіе города Бухаріи основались въ долинѣ Зарявшана, особенно въ Міанкальскомъ округѣ, который простирается отъ Бухары вверхъ по теченію рѣки до границъ русскихъ владѣній: тамъ деревня слѣдуетъ за деревней, и весь край представляетъ одинъ сплошной садъ. Эта часть Туркестана всего лучше сохранила тотъ видъ, какой, по часто повторяемой мѣстной поговоркѣ, нѣкогда имѣла вся страна, отъ Ташкента до Хивы: „отъ города до города, коту надо было только перескочить съ крыши на крышу“ [2]). Самые значительные города Міанкальскаго округа—Зіяуэддинъ, Яны-Курганъ и Керминехъ, населенные преимущественно узбеками, которые окружили ихъ превосходно воздѣланными садами и полями.

Ниже Бухары, Кара-Куль или городъ „Чернаго озера“ есть главное мѣсто роздыха между столицей ханства и Чарджуемъ на Аму-Дарьѣ. Близь этого мѣста оканчивается, во время разлива, „золотоносная“ рѣка (Зарявшанъ): прудъ, носящій еще громкое имя Денгизъ или „море“, принимаетъ въ себя излишекъ воды, которая испаряется на солнцѣ, не будучи въ состояніи перейти черезъ поясъ песковъ, отдѣляющій ее отъ Оксуса. Въ 1820 году, во время путешествія Мейендорфа въ Бухарію, Кара-Куль и его окрестности, вѣроятно, не терпѣли такого недостатка въ водѣ, какъ въ наши дни (если правда, что городъ имѣлъ тогда населеніе, простиравшееся до 3,000 душъ [3]). Теперь такая значительная масса народа неизбѣжно погибла-бы отъ жажды въ этой области пе-

[1]) *Alex. Burnes*, цитирован. сочиненіе.

[2]) *Левшинъ*, Описаніе киргизъ-кайсаковъ.

[3]) Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарію, *Мейендорфа*.



„ЖЕЛѢЗНЫЯ ВОРОТА“ — НА ПУТИ ИЗЪ КАРШИ ВЪ ДЕРБЕНТЪ.

сковъ, гдѣ прежде встрѣчались, въ видѣ непрерывной ирригаціонной сѣти, оросительные каналы, отведенные изъ трехъ рѣкъ: Аму-Дарьи, Зарявшана и Сыръ-Дарьи [1]).

Будучи вассальнымъ государствомъ Россіи, бухарское ханство сохраняетъ собственное управленіе, и наружныя формы правительства остались по виду; но въ сущности все измѣнилось, такъ какъ эмиръ или „глава правовѣрныхъ“, хотя все еще господинъ надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ, долженъ, однако, принимать въ разсчетъ волю болѣе сильнаго, чѣмъ онъ,—генералъ-губернатора русскаго Туркестана. Даже на его территоріи, въ предѣлахъ ханства, въ Кала-Ата, русскіе построили, въ 1872 году, фортъ, по имени Георгіевскій, имѣющій назначеніе наблюдать за прямой дорогой изъ Ташкента въ Хиву. Иностранцы христіане отнынѣ не имѣютъ болѣе причины опасаться заключенія безъ всякаго повода въ тюрьму и истязанія пытками: евреи, еще недавно терпѣвшіе всевозможныя притѣсненія, теперь не даютъ себя въ обиду, прибѣгая въ случаѣ надобности къ защитѣ русскихъ, между которыми они находятъ много единовѣрцевъ; невольничьи рынки заперты, или по крайней мѣрѣ торговля человѣческимъ мясомъ не производится такъ открыто, какъ производилась прежде. Трактатъ 1873 года, которымъ была отмѣнена продажа невольниковъ, обезпечивалъ въ то-же время русскимъ право свободнаго судоходства по Аму-Дарьѣ и устройства на ея берегахъ складочныхъ мѣстъ для товаровъ и набережныхъ, или пристаней; онъ открылъ русской торговлѣ города и селенія Бухаріи, разрѣшилъ подданнымъ Бѣлаго царя заниматься всякими промыслами и ремеслами, съ тѣми-же правами и преимуществами, какими пользуются сами бухарцы, позволилъ имъ селиться и пріобрѣтать недвижимую собственность повсемѣстно въ предѣлахъ ханства. Сверхъ того, Россія выговорила себѣ право держать при дворѣ бухарскаго эмира постояннаго дипломатическаго агента, на обязанность котораго возложено наблюденіе за исполненіемъ условій заключеннаго договора, и наконецъ, установлены еще особыя правила полицейскаго характера, которыми воспрещается всякому лицу, къ какой-бы національности оно ни принадлежало, переходить съ русской территоріи въ бухарскіе предѣлы безъ формальнаго разрѣшенія императорскаго правительства. Такимъ образомъ полицейская власть Россіи проникаетъ далѣе, чѣмъ ея оружіе, во внутренность азіатскаго континента: черезъ посредство вассальнаго государства оно можетъ дѣйствовать до самыхъ границъ Афганистана и Кашмира. Что касается торговыхъ выгодъ, выговоренныхъ въ упомянутомъ трактатѣ, то русскіе еще почти не воспользовались ими.

Бухарская армія, сдѣлавшаяся въ сущности безполезной, есть не

[1]) *Ивановъ*, *Соболевъ*, Извѣстія Русск. Географич. Общества, томъ IX, № 8, 1870 г.

болѣе, какъ иррегулярная полицейская стража, состоящая изъ волонтеровъ сартовъ и бывшихъ невольниковъ персіянъ, проданныхъ туркменами на рынкѣ Бухары. Команда, которой обучалъ это воинство дезертиръ казакъ Поповъ, сдѣлавшійся главнокомандующимъ бухарскихъ силъ, производится на русскомъ языкѣ, съ примѣсью словъ англійскихъ и турецкихъ, а мундиръ солдатъ представляетъ отдаленное подражаніе мундиру индійскихъ сипаевъ.

IV. Хива.

Подобно Бухарѣ, Хива тоже обратилась въ вассальное государство, подвластное Россіи; но географическое положеніе этого ханства ставитъ его въ гораздо болѣе непосредственную зависимость отъ сосѣдней могущественной державы. Правый берегъ Аму-Дарьи, воды которой отдѣляютъ русскія владѣнія отъ Хивинскаго ханства, уставленъ укрѣпленіями и военными постами, откуда русскіе солдаты могли бы въ одинъ день захватить весь оазисъ, занять его города, опустошить его сады и поля. Пространство и населеніе этого среднеазіатскаго государства опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

	Пространство.	Вѣроятное населеніе.	Килом. населеніе.
Оазисъ . . .	13,500 кв. килом.	300,000 жит. осѣдлыхъ	22 жит.
Степи и пр. .	44,300 „ „	400,000 „ кочевыхъ	9 „
Всего . . .	57,800 кв. килом.	700,000 жителей	12 жит.

Хотя Хивинская земля занимаетъ, оффиціально, территорію равную или даже нѣсколько превосходящую десятую долю площади Франціи, но наибольшая часть этого пространства состоитъ изъ безплодной песчаной пустыни, и Харезмъ въ собственномъ смыслѣ совпадаетъ съ поверхностью орошенія нижней Аму-Дарьи: тамъ, гдѣ оканчиваются ирригаціонные каналы, находятся и послѣднія постоянныя селенія ханства; все осѣдлое населеніе собрано, такъ сказать, подъ пушечнымъ выстрѣломъ русскихъ армій. Однако, Россіи нужно было слишкомъ полтораста лѣтъ, чтобы достигнуть господства надъ этой страной, такъ хорошо защищенной съ южной, съ западной и съ сѣверо-западной сторонъ, почти непроходимыми пустынями. Уже въ прошломъ столѣтіи два раза, въ 1730 и въ 1740 годахъ, хивинскіе ханы признавали надъ собой верховную власть русскаго царя, но трактаты, опредѣлявшіе ихъ подданство, оставались мертвой буквой, и населеніе продолжало все такъ же враждебно относиться къ иностранцамъ [1]). Въ 1717 году кабардинскій князь Бековичъ-Черкасскій, посланный Петромъ Великимъ предложить почетную гвардію хану и такимъ образомъ подготовить русское господство, совершилъ пер-

[1]) *Поповъ*, Сношенія Россіи съ Хивой при Петрѣ Великомъ.

вую экспедицію противъ Хивинскаго ханства, которая окончилась полной гибелью отряда [1]). Въ 1839 году былъ направленъ второй походъ противъ Хивы, тоже имѣвшій неудачный исходъ; во главѣ двадцатитысячнаго войска, сопровождаемаго обозомъ изъ 10,000 верблюдовъ, генералъ Перовскій (оренбургскій военный губернаторъ) пустился черезъ степь Оренбургскихъ киргизовъ. Но страшные морозы, снѣжные бураны, недостатокъ продовольствія для людей и корма для животныхъ, безпрестанныя нападенія непріятеля заставили его съ полдороги вернуться назадъ среди зимы. Рѣшительная кампанія состоялась только въ 1873 году: отдѣльные отряды войскъ, вышедшіе съ прибрежья Каспійскаго моря, изъ Оренбурга, съ Сыръ-Дарьи, изъ Ташкента, приближались мало по малу къ оазису и вторглись въ его предѣлы одновременно со всѣхъ сторонъ: Хива была взята почти безъ боя; единственныя серьезныя битвы были даны не противъ обитателей оазиса, а противъ ихъ тогдашнихъ союзниковъ, туркменъ каспійской области. И теперь еще отъ времени до времени приходится посылать маленькія экспедиціи противъ хищниковъ, чтобы воспрепятствовать имъ дѣлать набѣги, съ цѣлью грабежа, въ поселенія нижней Аму-Дарьи.

Между культивированными областями Татаріи Хива, по богатству своей растительности и по яркому контрасту своей зелени съ окружающими безплодными пустынями, всего болѣе заслуживаетъ похвалъ, разсѣянныхъ въ пѣсняхъ восточныхъ поэтовъ. Повсюду въ хивинскомъ оазисѣ вода течетъ въ изобиліи, окаймленная тополями, вязами *карагачъ* и другими деревьями; поля окружены аллеями изъ шелковичныхъ деревъ; выбѣленные известкой домики прячутся въ листьяхъ и цвѣтахъ; соловей, неизвѣстный почти во всѣхъ другихъ оазисахъ Татаріи, поетъ здѣсь среди розъ. Земля, ежегодно обновляемая отложеніемъ рѣчнаго ила, отличается замѣчательнымъ плодородіемъ, и земледѣльческія произведенія, въ особенности лукъ, разные фрукты, персики, яблоки, гранаты, получаются превосходнаго качества. Дыни и арбузы съ береговъ Аму Дарьи пользуются такой славой, что ихъ знаютъ даже въ Пекинѣ, и въ прежнее время китайскій императоръ требовалъ извѣстное количество этихъ пло-

---

[1]) Въ собственноручной инструкціи, данной Бековичу-Черкасскому Петромъ Великимъ, это порученіе предложить русскую гвардію хивинскому, а затѣмъ и бухарскому хану мотивировано тѣмъ, что ханы тамъ „бѣдствуютъ отъ подданныхъ“. Причиной печальнаго исхода многообѣщавшей экспедиціи кн. Черкасскаго было вѣроломство хана, который, видя, что ему не одолѣть русскихъ въ открытомъ полѣ, притворно заключилъ миръ и пригласилъ Бековича слѣдовать за нимъ въ Хиву; не доходя до города, онъ просилъ русскаго военачальника раздѣлить свой отрядъ на нѣсколько частей, для того, чтобы его удобнѣе было размѣстить по квартирамъ; когда же это было исполнено ханскіе чиновники развели части отряда въ разныя стороны, хивинцы бросились на разъединенныхъ русскихъ и начали ихъ истреблять. Такъ погибъ весь отрядъ.

Прим. перев.

довъ въ видѣ дани отъ своихъ кашгарскихъ вассаловъ. Оттого населеніе Хивинскаго края весьма значительно, по численности, въ сравненіи съ населеніемъ другихъ странъ Туркестана; оно могло бы удвоиться и утроиться безъ того, чтобы земля отказалась его прокармливать. Желтая вода рѣки, разводимая арыками, изливается на почву въ чрезмѣрномъ изобиліи, и эта то вода, вызывая къ бытію растительность, превращается въ человѣческія жизни.

Хива, столица этой земли, извѣстной въ древности подъ именемъ Харезма или Ховарезма, смыслъ котораго, говорятъ, есть синонимъ слова „Низменная страна“ [1]), представляетъ собраніе невзрачныхъ глиняныхъ мазанокъ, между которыми извиваются узкія и кривыя улицы, грязныя или пыльныя, смотря по времени года. Городъ окруженъ невысокимъ земляным валомъ, вдоль котораго тянутся тамъ и сямъ лужи вонючей воды, замѣняющія ровъ. Во внутренности Хивы другая земляная стѣна, высотой отъ 8 до 9 метровъ, ограничиваетъ цитадель, то-есть кварталъ, въ которомъ живутъ ханъ и главные чиновники; тамъ же находятся важнѣйшія мечети и школы, построенныя изъ кирпичей, а не изъ битой земли, какъ обыкновенные дома; впрочемъ, ни одно изъ этихъ зданій, за исключеніемъ мечети, гдѣ помѣщается гробница мусульманскаго святаго Полвана или Пеливана, покровителя Хивы, не замѣчательно богатствомъ или красотой архитектуры. Западная часть города, усѣянная садами, самая пріятная: тамъ террасы хижинъ утопаютъ въ зелени, осѣненныя вязами и фруктовыми деревьями; по всѣмъ направленіямъ идутъ оросительные каналы и тѣнистыя аллеи, а вдали, за зубчатой стѣной цитадели, выступаетъ профиль куполовъ и башенъ, обрисовывающійся на голубомъ фонѣ неба. Кварталы города въ собственномъ смыслѣ заключаютъ болѣе кладбищъ, чѣмъ садовъ; тамъ жилища мертвыхъ разсѣяны среди домовъ живущихъ [2]).

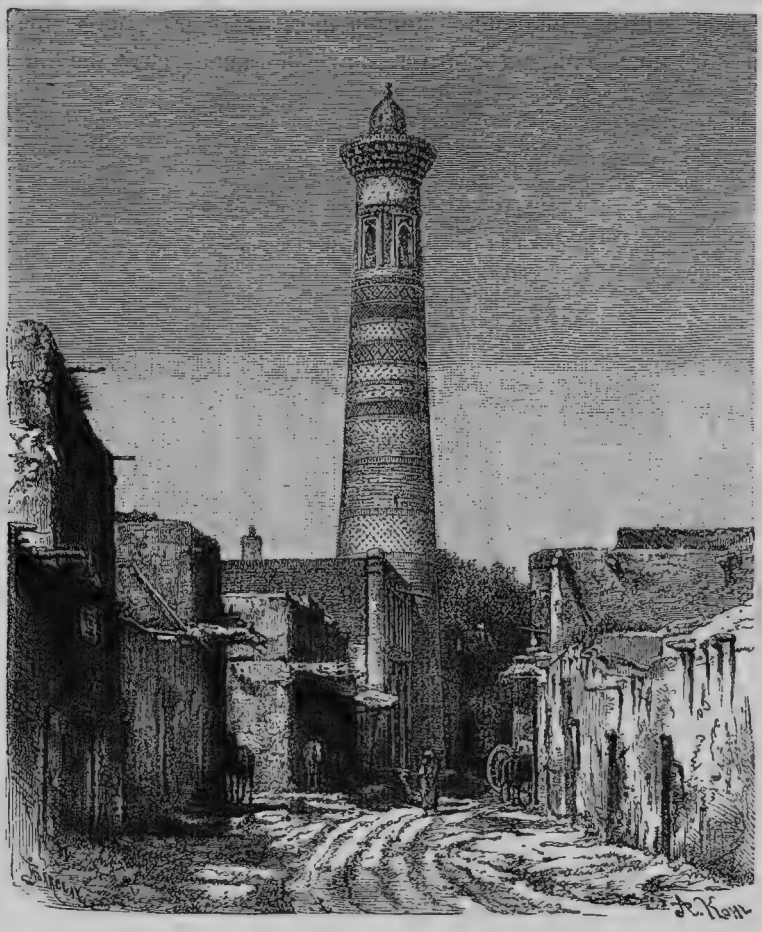
До русской экспедиціи 1873 года, Хива была однимъ изъ главныхъ невольничьихъ рынковъ Азіи: тамъ туркмены продавали партіи плѣнниковъ, захваченныхъ или купленныхъ на берегахъ Каспійскаго моря, на плоскогорьяхъ Персіи, Герата, Афганистана. Невольники, наиболѣе цѣнимые за ихъ рабочую силу, были русскіе: почти всѣ они принадлежали хану или другимъ знатнымъ особамъ Хивинскаго края, и многіе изъ нихъ достигали высшихъ должностей въ государствѣ. Персидскіе невольники составляли главную массу порабощеннаго населенія. Во время прибытія русскихъ войскъ въ 1873 году, они возмутились во многихъ мѣстахъ и разграбили жилища своихъ господъ. Послѣдніе прибѣгли къ защитѣ русскихъ генераловъ, и скоро для усмиренія были приняты строгія мѣры.

---

[1]) *Лерхъ*, Russische Revue, 1873 г.

[2]) *Костенко*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, ноябрь, 1874 г.; *Mac Gahan*, Campaigning on the Oxus.

Затѣмъ слѣдовало избіеніе массами плѣнниковъ, и чтобы отнять у пережившихъ эту кровавую расправу всякую возможность къ побѣгу, хивинцы разрѣзывали имъ ступню ногъ или икры и потомъ засыпали раны рубленымъ конскимъ волосомъ. Тогда русскій генералъ-губернаторъ, котораго невольники встрѣтили какъ своего освободителя, рѣшился, наконецъ,

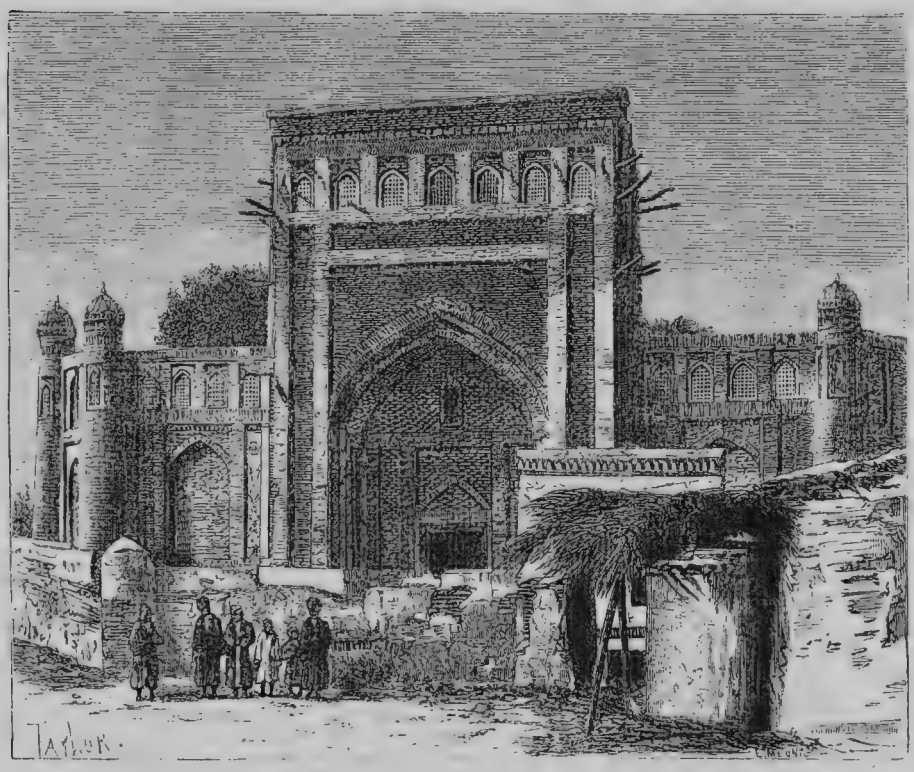


Хива. — Минаретъ.

оправдать возлагавшіяся на него надежды; отмѣна рабства была провозглашена, и русская армія занялась возвращеніемъ на родину плѣнниковъ, которые изъявили желаніе вернуться въ свои семьи; большинство изъ 37,000 получившихъ свободу рабовъ отправились въ свое отечество, но во время слѣдованія между несчастными переселенцами была большая смертность, и, кромѣ того, немалое число ихъ было перебито туркменами, нападавшими на партіи на дорогахъ, пролегающихъ черезъ пустыню [1]).

[1]) *Костенко*, цитиров. сочин.; *Хорошкинъ*; *Шмидтъ*, Russische Revue, 1874 г., № 9.

Населеніе города Хивы, во время занятія его русскими, исчислялось приблизительно въ четыре или пять тысячъ душъ. Оно состояло главнымъ образомъ изъ узбековъ, происшедшихъ отъ смѣшенія съ иранской кровью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ обиліе ихъ бороды, столь скудно обрастающей у большинства туранцевъ; другіе жители — сарты и освобожденные изъ неволи персіяне, говорящіе мѣстнымъ тюркскимъ языкомъ. Физіономія большей части хивинцевъ непріятная, даже рѣзкая и грубая: оспа, глазныя болѣзни, накожныя сыпи, неумѣренное употребленіе опіума и



Хива. — Наружный видъ мечети.

ханиша оставили видимые слѣды почти на всѣхъ липахъ. Дѣти, вообще говоря, имѣютъ красивыя, миловидныя лица, но прелесть чертъ, живость взгляда исчезаютъ у взрослыхъ, и дряхлость обыкновенно наступаетъ очень рано. Почти у всѣхъ хивинцевъ уши оттопыренныя или даже отвислыя: высокая персидская барашковая шапка, которую они носятъ постоянно, зимой и лѣтомъ, отгибаетъ имъ уши, по которымъ ихъ можно узнать съ перваго взгляда среди жителей другихъ ханствъ. Только члены духовенства имѣютъ обыкновеніе носить чалму.

Промышленность и торговля Хивы незначительны по развитію и размѣрамъ: главные предметы мѣстнаго производства—шелковыя матеріи

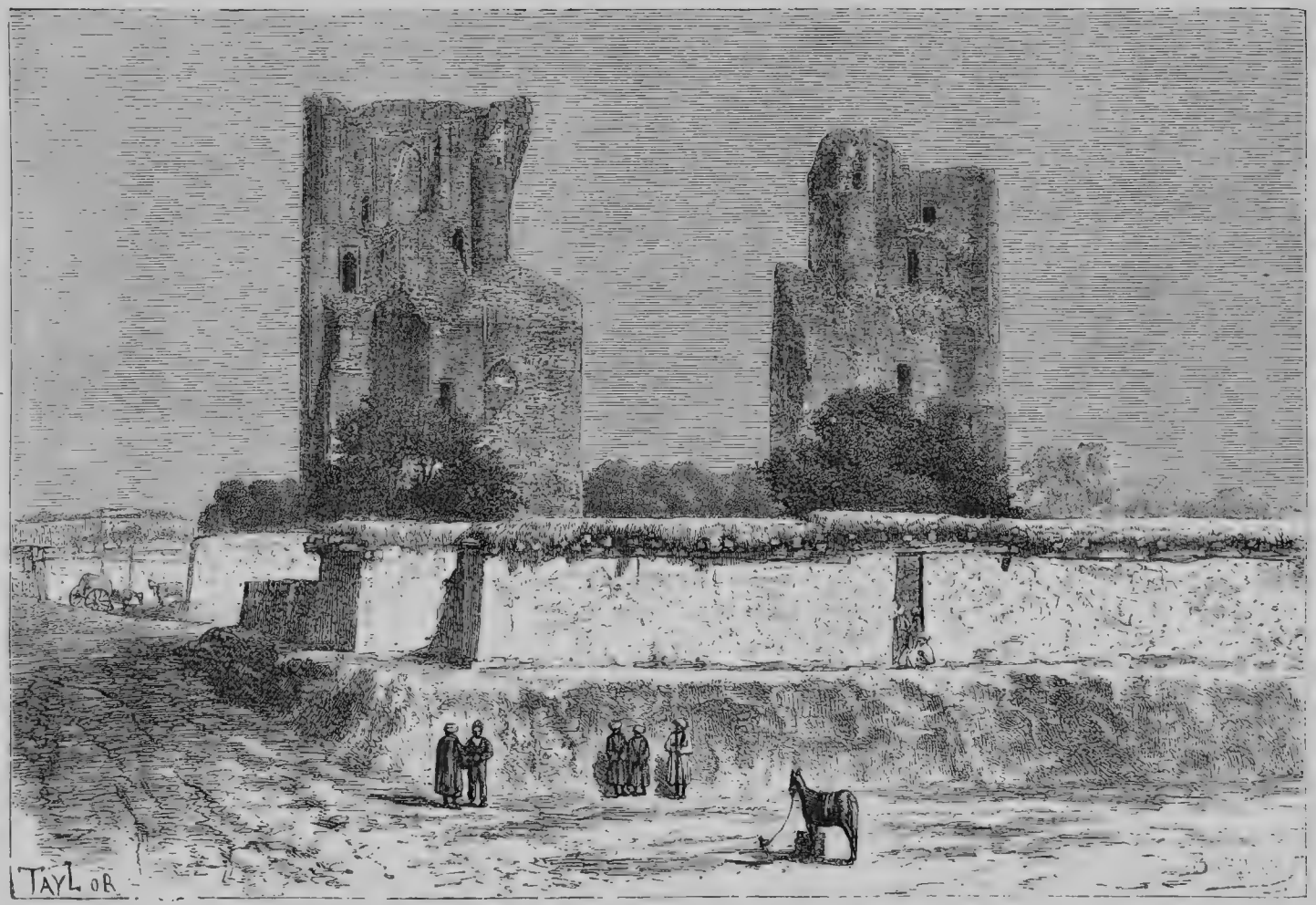
плохаго качества, много уступающія бухарскимъ шелковымъ издѣліямъ, и бумажныя ткани, довольно прочныя; но почти всѣ ткани привозятся сюда изъ Россіи, также какъ и другія мануфактурныя произведенія; впрочемъ, на хивинскихъ базарахъ можно найти также, но въ маломъ количествѣ, англійскія хлопчато-бумажныя издѣлія и зеленый чай, привозимый изъ Индіи черезъ Кабулъ и Бухару. Главные купцы, ведущіе торговлю съ Россіей, Персіей и Афганистиномъ, поселились не въ столицѣ ханства; они имѣютъ пребываніе въ Ургенджѣ, самомъ большомъ городѣ государства, лежащемъ въ 40 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Хивы, недалеко отъ лѣваго берега рѣки; по своему положенію, этотъ пунктъ, какъ ближайшій къ русскимъ населеніямъ сыръ-дарьинской области, всего удобнѣе можетъ служить складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній края и европейскихъ товаровъ; оттого именемъ *ургенджы* или ургенчи часто называютъ безразлично всѣхъ хивинскихъ торговцевъ; въ глиняныхъ стѣнахъ этого города скучено до 30,000 жителей. Недавно Ургенчъ называли обыкновенно Яны-Ургенчъ или „Новый“ Ургенчъ въ отличіе отъ Куна-Ургенчъ то-есть „Стараго“ Ургенча, города, который былъ опустошенъ Тамерланомъ, и передъ которымъ свирѣпый азіатскій завоеватель воздвигъ высокую пирамиду изъ человѣческихъ череповъ. Расположенный на сѣверо-западъ отъ Хивы, при рукавѣ рѣки, который нѣкогда продолжался Узбоемъ въ направленіи къ Каспійскому морю, этотъ городъ пересталъ существовать въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда Аму-Дарья покинула окружающія его поля, чтобы перейти далѣе къ востоку. Такимъ образомъ города въ этой странѣ возникаютъ или исчезаютъ, возвышаются или приходятъ въ упадокъ, смотря по измѣненію рѣчныхъ руслъ: образуйся въ пустынѣ новая вѣтвь Аму-Дарьи, и какая нибудь кучка убогихъ глиняныхъ мазанокъ сдѣлается многолюднымъ мѣстечкомъ; высохни другой потокъ, и нынѣ цвѣтущій большой городъ скоро снизойдетъ на степень ничтожной деревушки. Такъ, знаменитому Кунграду, передъ которымъ проходилъ Талдыкъ, грозитъ участь Стараго Ургенча, съ тѣхъ поръ, какъ этотъ рукавъ Аму-Дарьи превратился въ медленно текущую рѣчку, воды которой теряются среди камышей. Городъ Ходжейли, стоящій при вершинѣ аму-дарьинской дельты въ собственномъ смыслѣ, напротивъ крѣпости Нукусъ, получилъ нѣкоторую важность по своей торговлѣ съ кочевниками окрестныхъ мѣстностей; говорятъ, онъ населенъ почти исключительно хаджами (*ходжи* или *хаджи*—такъ называется мусульманинъ, ходившій въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета), откуда и произошло данное ему имя.

Хивинскій ханъ, также какъ эмиръ бухарскій и константинопольскій султанъ, есть, въ принципѣ, неограниченный властитель земли и жизни своихъ подданныхъ; и теперь еще вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ жестоко онъ пользовался въ недавнія времена этой властью посредствомъ

самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній и пытокъ, посредствомъ „клоповника“, меча, веревки и кола. Однако, извѣстные предѣлы были положены его всемогуществу обычаемъ, и нѣкоторые изъ выбираемыхъ имъ высшихъ сановниковъ принадлежатъ всегда къ тому или другому привилегированному классу. Такъ, *Начибъ* или духовный глава, званіе котораго соотвѣтствуетъ въ религіозной іерархіи званію константинопольскаго шейхъ-эль-ислама, долженъ быть избираемъ между сеидами, то-есть потомками пророка; *аталики* или государственные совѣтники, которыхъ ханъ признаетъ нужнымъ призвать въ свой совѣтъ, всегда назначаются изъ узбековъ; *метеръ*, функціи котораго соотвѣтствуютъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, всегда выбирается изъ сартовъ, то-есть принадлежитъ къ коренному населенію страны. Въ настоящее время истинный господинъ ханства—русскій резидентъ, вооруженный трактатомъ, подписаннымъ въ 1873 году. По этому договору, государь Харезма объявляетъ себя „покорнымъ слугой Императора Всероссійскаго“: онъ предоставляетъ русскимъ право свободно торговать въ его городахъ, безпрепятственно проѣзжать и провозить товары черезъ его территорію; онъ разрѣшаетъ ихъ судамъ свободное плаваніе по Аму-Дарьѣ, обязуется давать земли для устройства товарныхъ складовъ русскихъ торговцевъ, принимать на свою отвѣтственность исправное содержаніе искусственныхъ сооруженій, предпринятыхъ его побѣдителями на теченіи рѣки. Онъ признаетъ, что должники изъ его подданныхъ обязаны платить долги прежде всего тѣмъ изъ кредиторовъ, которые принадлежатъ къ русской національности, и самъ онъ обязуется уплатить русскому правительству, въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, сумму 2.200,000 рублей, разсроченную на двадцать лѣтъ, такъ что послѣдній годовой взносъ долженъ быть произведенъ въ 1893 году. Вся его страна, города и деревни, служатъ обезпеченіемъ исполненія долговаго обязательства, принятаго имъ въ отношеніи побѣдителя. Какая можетъ быть независимость государства, которое подписываетъ подобный договоръ? Въ сущности Хива есть не болѣе, какъ русская провинція, хотя еще безъ гарнизона.

V. Русскій Туркестанъ.

Часть арало-каспійской покатости, которою Россія овладѣла непосредственно, не оставивъ даже тѣни личной власти прежнимъ государямъ страны или независимости ихъ народамъ, имѣетъ гораздо болѣе обширное протяженіе, чѣмъ область Туркестана еще свободная или уже поставленная въ вассальныя отношенія къ русской державѣ; но эта часть пропорціонально менѣе населена. Занимая болѣе сѣверное положеніе, будучи выставленъ дѣйствію болѣе холодныхъ вѣтровъ, русскій Туркестанъ менѣе богатъ плодородными землями, и именно тѣ мѣстности, куда



БУХАРА. РАЗВАЛИНЫ ВНУТРИ ГОРОДА.

направляется славянская колонизація, наиболѣе удалены отъ Россіи въ собственномъ смыслѣ: обширныя степи, простирающіяся на 1,500 верстъ въ ширину, отдѣляютъ эти новыя мѣста Россіи отъ метрополіи; укрѣпленія и почтовыя станціи, связывающія колоніи съ уральскими и волжскими городами, медленно превращаются въ города и деревни.

Между этими территоріями съ очень рѣдкимъ осѣдлымъ населеніемъ самая бѣдная постоянными жилищами—провинція, пространствомъ равная тремъ пятымъ Франціи (по Стрѣльбицкому, около 287,850 квадр. верстъ), которая простирается между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, отъ береговъ Урала до береговъ Атрека. Этотъ обширный край, оффиціально называемый „Закаспійскимъ отдѣломъ", подчиненъ въ административномъ отношеніи главному управленію Кавказа; до сихъ поръ его разсматривали просто какъ морское прибрежье, лежащее противъ бакинскаго порта, откуда всего удобнѣе могутъ быть перевозимы войска и провіантъ. Единственныя постоянныя поселенія, которыя имѣютъ тамъ русскіе,—крѣпости и укрѣпленные лагери, устроенные на пунктахъ морскаго берега, наиболѣе доступныхъ для судовъ и наивыгоднѣе расположенныхъ, какъ центры дѣйствія противъ кочевниковъ внутренней части страны. Нѣкоторые изъ построенныхъ фортовъ были покинуты, либо по причинѣ недостатка хорошей воды или нездоровости климата, либо по причинѣ совершенной ихъ безполезности: многіе посты на Мангышлакскомъ полуостровѣ, нѣкогда укрѣпленные, теперь представляютъ лишь кучи обломковъ; но близъ форта Александровскаго, подъ защитой мыса Тюкъ-Караганъ, возникло довольно оживленное рыбачье селеніе, Николаевскъ.

Изъ всѣхъ поселеній морскаго прибрежья самое важное — Красноводскъ, бывшій Кызылъ-су, построенный при основаніи полуострова, загибающагося въ видѣ косы (Красноводская коса) на западѣ залива Балханскаго. Сосѣдство источниковъ, пастбищъ, даже годныхъ къ обработкѣ земель, глубокихъ водъ, позволяющихъ судамъ приставать къ самому берегу и почти никогда не замерзающихъ, обезпечиваютъ этой красноводской позиціи прочную важность, и если предпринятыя портовыя сооруженія будутъ доведены до конца, торговый городъ, возникающій въ этомъ мѣстѣ, можетъ сдѣлаться закаспійскимъ Баку. Въ 1877 году Красноводскъ возведенъ въ степень города, хотя населеніе его не достигало тогда даже 500 душъ; болѣе пышный, чѣмъ многіе города русской Азіи, онъ имѣетъ каменные дома, клубъ, общественный садъ; одного только не достаетъ ему—это совершенно прѣсной воды; въ ожиданіи устройства водопровода, жители должны добывать себѣ годную для питья и варки воду при помощи машинъ, дистиллирующихъ морскую воду [1]). Нефтяные ключи, бьющіе изъ земли въ окрестностяхъ Красноводска, у подошвы Малаго Бал-

[1]) *Загорскій*, Russische Revue, 1879 г., № 5.

хана, не разработываются, по причинѣ опаснаго сосѣдства туркменскихъ ордъ; но въ послѣднее время выкопали болѣе двухъ тысячъ нефтяныхъ колодцевъ на островѣ Челекень, который охраняетъ южный входъ въ заливъ Балханскій, напротивъ Красноводской косы; нефть, смѣшанная съ пескомъ, такая, какъ ее собирали недавно туркмены, менѣе цѣнилась въ торговлѣ, нежели бакинская; но съ тѣхъ поръ, какъ введена правильная эксплоатація источниковъ, съ примѣненіемъ болѣе усовершенствованныхъ способовъ, оказалось, что тамошняя нефть отличается замѣчательной чистотой. Изобиліе этого минеральнаго продукта необычайно велико: одинъ только колодезь, выкопанный въ 1874 году, давалъ до 160 тоннъ нефти въ день, столько, сколько туркмены начерпывали прежде впродолженіе цѣлаго года; можно сказать, что весь островъ Челекень лежитъ на громадномъ слоѣ нефти (по Загорскому, средняя годовая добыча этого продукта въ періодъ съ 1874 по 1877 годъ составляла 3,840 тоннъ). Красноводскъ вывозитъ, кромѣ того, сѣру, собираемую на югѣ отъ залива Кара-богазъ, и соль, которую даютъ въ изобиліи прибрежныя озера Каспія; это главный портъ Хивинскаго оазиса на Каспійскомъ морѣ (по Загорскому [1]), годовое торговое движеніе между Красноводскомъ и Хивой въ періодъ съ 1874 по 1878 годъ: 32 каравана (5,164 навьюченныхъ верблюда); онъ замѣнилъ Коне-базаръ, прежній рынокъ, лежавшій южнѣе, на берегу бухты, называемой Хивинской. Въ стратегическомъ отношеніи Красноводскъ важенъ какъ опорная точка для русскихъ армій на дорогѣ отъ Каспійскаго моря къ независимому еще Мервскому оазису.

Военный постъ Чикишлярскій, на томъ-же, то-есть восточномъ берегу Каспія, невдалекѣ отъ залива Гассанъ-Кале или Гассанъ-Кули, въ который изливается рѣка Атрекъ, занимаетъ гораздо менѣе счастливое мѣстоположеніе; войска могутъ приставать въ этомъ мѣстѣ къ берегу не иначе, какъ въ плоскодонныхъ лодкахъ, и въ окрестностяхъ нѣтъ никакихъ источниковъ для продовольствія отряда: тотчасъ-же за воротами укрѣпленія начинается во всѣ стороны безплодная пустыня. А между тѣмъ многочисленныя развалины, разсѣянныя въ окружающихъ пустынныхъ пространствахъ, доказываютъ, что въ прежнія времена эта часть страны была покрыта городами и деревнями. Въ теченіе вѣковъ, возникавшіе на разныхъ пунктахъ прибрежья рынки слѣдовали одинъ за другимъ въ этомъ юго-западномъ углу Каспійскаго моря, гдѣ проходитъ большая историческая дорога, ведущая изъ Передней Азіи къ областямъ Небесныхъ горъ и къ Китаю. Абускунъ, на развалины котораго теперь указываетъ Гумишъ-тепе (Серебряный холмикъ), между заливомъ Гассанъ-Кале и устьемъ рѣки Гюргень, былъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ

[1]) *Загорскій*, Russische Revue, 1879 г., № 5.

столѣтіяхъ, важнымъ торговымъ городомъ; говорятъ, онъ былъ разрушенъ наводненіемъ, вслѣдствіе разлива Каспійскаго моря, который произошелъ отъ внезапнаго наплыва водъ Аму-Дарьи, когда эта рѣка опять направила свое теченіе по старому руслу къ Балханскому заливу. Погибшему Абускуну наслѣдовалъ, какъ торговый центръ, городъ Нимъ-марданъ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Гюргеня; затѣмъ сборнымъ мѣстомъ купцовъ сдѣлался приморскій городъ Альгомъ, стоявшій при входѣ въ Астрабадскую бухту. Теперь Ашуръ-Аде, у оконечности длиннаго полуострова или косы, ограничивающей Астрабадскую бухту со стороны открытаго моря, былъ-бы самымъ удобнымъ рейдомъ для всѣхъ судовъ въ этихъ водахъ Каспія, если-бы эта низменная, на половину затопленная земля не отличалась такимъ крайне нездоровымъ климатомъ. На сѣверѣ отъ Чикишляра, Акъ-Тепе, „Бѣлый Бугоръ“, и Геюкъ-Тепе, „Зеленый Бугоръ“, господствуютъ часто надъ становищами іомудовъ.

Остатки многолюдныхъ городовъ, торговля которыхъ поддерживалась нѣкогда привозомъ товаровъ черезъ порты каспійскаго прибрежья, встрѣчаются также и во внутренности страны. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ плодородныхъ бассейновъ, орошаемыхъ рѣкой Гюргень, находился городъ того-же имени (Джорданъ), древній Гирканіаполисъ, то-есть „Волчій городъ“, прозвище котораго перешло на всю страну и даже на Каспій, который древніе очень часто называли „Гирканскимъ моремъ“. Отъ Гирканіаполиса остались только безобразныя кучи обломковъ среди травы и камышей, да одинокая башня Гумбеттикаусъ, возвышающаяся на 50 метровъ надъ окружающими грудами кирпичей [1]). На разстояніи около 120 километровъ къ сѣверо-востоку отъ Чикишляра виднѣются остатки Маздурана (извѣстнаго у русскихъ подъ именемъ Месторіана), покрывающіе значительное пространство. Персидское его названіе указываетъ на положеніе города между Ираномъ и Тураномъ; по легендѣ, очень распространенной въ Персіи, одинъ стрѣлокъ, одаренный сверхъестественной силой, пустилъ съ береговъ Гюргеня стрѣлу, которая должна была своимъ паденіемъ обозначить границу между двумя имперіями; стрѣла упала на то мѣсто, гдѣ впослѣдствіи выстроился Маздуранъ [2]). Судя по этимъ развалинамъ и по обломкамъ цитадели, это былъ одинъ изъ важныхъ городовъ Азіи; но что особенно даетъ высокое понятіе о могуществѣ древняго Маздурана, — это водопроводы, которые орошали поля и сады въ его окрестностяхъ, и равные которымъ, по крайней мѣрѣ по длинѣ, существовали только на полуостровѣ Ганго и въ римской имперіи. Одинъ изъ этихъ водопроводовъ, по сторонамъ котораго находились въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой крѣпостцы, шелъ черезъ земли, отдѣляющія

---

[1]) *Вамбери*, Странствованія дервиша въ Средней Азіи.

[2]) *H. Rawlinson*, Proceedings of the Geographical Society, march 1879.

Атрекъ отъ его притоковъ Сумбаръ, пересѣкалъ эту рѣку, затѣмъ, оросивъ Маздуранскую равнину, направлялся къ Каспійскому морю, куда и впадалъ послѣ теченія, общая длина котораго равнялась 159 километрамъ [1]). Вѣроятно, Атрекъ теперь уже не имѣетъ достаточно воды, чтобы можно было заставить его орошать такое обширное пространство земли.

Въ русскихъ владѣніяхъ Туркестана, къ востоку отъ Аму-Дарьи, область наилучшимъ образомъ орошаемая, благодаря работамъ туземцевъ, есть долина „Золотоносной рѣки". По выходѣ изъ горъ, Зарявшанъ дѣлится на многочисленные ирригаціонные каналы въ окрестностяхъ города Пенджакента, затѣмъ, развѣтвляясь все болѣе и болѣе, такъ что отведенныя изъ него канавы расходятся по возможно наибольшей ширинѣ территоріи, онъ развертываетъ свою сѣть арыковъ на сѣверѣ отъ Самарканда, потомъ поворачиваетъ свой пучекъ вѣтвей въ юго-западномъ направленіи, чтобы вступить въ предѣлы Бухарскаго ханства, ниже укрѣпленнаго города Катты-Курганъ, населеннаго частію арабами. Эти-то несущія плодородіе воды Согда, нынѣшняго Зарявшана или Зерявшана, составляли главное богатство древней Согдіаны и заранѣе предназначали ей роль одной изъ жизненныхъ странъ въ исторіи цивилизаціи; онѣ даютъ теперь пропитаніе почти 300,000 жителей, изъ которыхъ двѣ трети принадлежатъ къ узбекской рассѣ. По мадзейской легендѣ, Согдъ есть второе „благословенное мѣсто, сотворенное словомъ Ормузда" [2]).

Самаркандъ, главный центръ этой издревле прославленной страны, построенъ если не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, во времена Александра Македонскаго, городъ Марканда, то по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ: носимое имъ имя очень мало измѣнилось, хотя его приписываютъ обыкновенно арабу Самару, который овладѣлъ городомъ въ 634 году и ввелъ тамъ Магометову вѣру; въ эпоху китайскаго господства онъ былъ извѣстенъ подъ наименованіями Чинъ и Са-мо-кянь. Резиденція династіи Саманидовъ, между половиной девятаго и началомъ одиннадцатаго столѣтій, Самаркандъ сдѣлался „убѣжищемъ мира и науки", однимъ изъ городовъ Стараго Свѣта, которые наиболѣе содѣйствовали развитію человѣческихъ знаній. Это былъ также одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Азіи, по числу жителей, и когда его стѣны были разрушены полчищами Чингисъ-хана, въ 1219 году, армія, защищавшая городъ, насчитывала въ своихъ рядахъ не менѣе 110,000 человѣкъ [3]). Послѣ прохода страшнаго завоевателя, Самаркандъ имѣлъ только четверть своего прежняго населенія, то-есть около 25,000 семействъ [4]); но мало по малу онъ оправился

---

[1]) *Ломакинъ*, Journal de Saint-Pétersbourg, мартъ 1876.

[2]) *Burnouf*, Commentaire sur le Yaçna.

[3]) *Соболевъ*, Записки Русск. Географ. Общества, по отдѣлу Этнограф., IV, 1874 г.

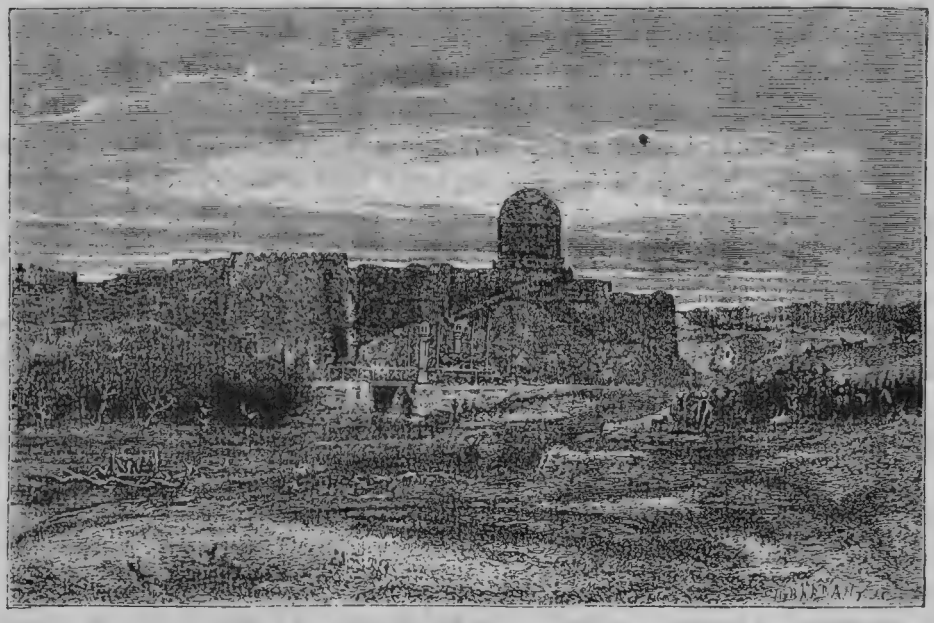
[4]) *Lehmann*, Mittheilungen von Petermann, 1865 г., № 6.

отъ погрома и сдѣлался средоточіемъ громадной имперіи Тамерлана, затѣмъ онъ снова былъ опустошенъ номадами: въ началѣ восемнадцатаго столѣтія въ немъ оставался всего только одинъ житель [1]). Развалины древняго Самарканда, уже утратившія всякую форму, разсѣяны среди полей и на высотахъ окрестностей; но самые замѣчательные памятники, пришедшіе въ ветхость или совершенно развалившіеся, которые составляютъ славу города, принадлежатъ къ эпохѣ Тамерлана и его преемниковъ. Когда подъѣзжаешь къ Самарканду, уже издали видны надъ линіей стѣнъ большіе голубые куполы и нѣкоторые минареты его мечетей, дворцы и медрессе, обрисовывающіеся на горизонтѣ горъ, бѣлыхъ зимой, фіолетовыхъ или синеватыхъ лѣтомъ. На сѣверо-востокѣ возвышаются господствующія надъ городомъ и его садами горы Чупанъ-ата, гдѣ находятся живописныя развалины и могила одного святаго, покровителя пастуховъ. У подошвы этихъ высотъ раздѣляются главные ирригаціонные каналы, „Бѣлая вода“ и „Черная вода“, Акъ-Дарья и Кара-Дарья. Каждый годъ весной четыре тысячи рабочихъ трудятся надъ разчисткой рѣки Акъ-Дарья, русло которой, болѣе возвышенное, скорѣе засаривается иломъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ бывшая резиденція Тамерлана превратилась въ одинъ изъ областныхъ городовъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи, русскіе построили съ западной стороны цитадели новый кварталъ съ правильными улицами, расходящимися къ окружности въ видѣ вѣтвей вѣера; сады, широкія аллеи украшаютъ этотъ европейскій кварталъ; но нужно пройти лабиринтъ узкихъ извилистыхъ улицъ въ магометанской части города, чтобы составить понятіе, каковъ былъ Самаркандъ во времена его величія. Есть-ли во всемъ свѣтѣ школы, которыя могли-бы сравниться, по колоссальности и богатству архитектуры, съ самаркандскими медрессе? Впрочемъ, теперь это школы только по имени, и доходы, получаемые съ земель *вакуфа*, употребляются исключительно на содержавіе муллъ и экономовъ или *мутевали*. Планъ этихъ зданій отличается замѣчательной простотой. Всѣ они имѣютъ впереди стрѣльчатый портикъ, широкій и глубокій, какъ-бы приглашающій проходящія толпы, и высоко поднимающійся надъ массой окружающихъ низенькихъ домовъ, надъ которыми онъ простираетъ свою широкую тѣнь. Это преддверіе, окаймленное рядомъ арабесокъ, обрамленнымъ двумя столбами такой-же высоты, какъ и портикъ, раздѣлено выступами, испещренными узорами изъ косоугольниковъ и кривыхъ линій на три равные яруса, которые всѣ орнаментированы съ такимъ-же изяществомъ и разнообразіемъ, какъ персидскіе ковры; линіи переплетаются и свиваются на разноцвѣтныхъ израсцахъ въ видѣ фигуръ изумительнаго разнообразія; на нѣкоторыхъ памятникахъ среди безконечной мозаики этихъ перевивокъ красуются тамъ и

[1]) *О. Палладій*, Труды членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ, томъ IV.

сямъ изображенія персидскаго льва, служащія указаніемъ на происхожденіе первыхъ зодчихъ зданія, и стихи изъ корана, начертанные куфическими буквами. Въ темной глубинѣ стрѣльчатой наперти, окруженной своей блестящей рамкой, неясно виднѣются другіе узоры изъ фарфора, и отверстія или двери, ведущія во внутренность зданія. Надъ ковчегами мечетей или медрессе высоко поднимаются круглыя башни, изъ которыхъ многія уже безъ вѣнчавшаго ихъ прежде пузатаго купола, разрушеннаго всесокрушающей рукой времени; а съ каждой стороны фасада, отдѣленныя отъ строенія маленькими аркадами или свободными пространствами, высятся круглыя колонны, нѣсколько съуживающіяся кверху до конечной



Самаркандъ. — Входъ въ цитадель.

капители, и не менѣе украшенныя бѣлыми и голубыми ромбами, чѣмъ главный корпусъ зданія. Это двѣ символическія колонны восточныхъ памятниковъ, которыя лучше всякой аллегорической статуи представляютъ глазамъ порабощеннаго народа законъ жрецовъ и силу земныхъ владыкъ.

Большинство дворцовъ эпохи Тимуридовъ находятся теперь уже въ состояніи развалинъ, но есть и такіе, въ которыхъ еще хорошо сохранилась та или другая часть зданія, фасадъ, башни или куполы. Главная площадь города, Регистанъ, постоянно оживленная толпой гуляющихъ и многочисленными ходячими торговцами въ пестрыхъ одѣяніяхъ, обставлена съ трехъ сторонъ самыми красивыми изъ самаркандскихъ медрессе: это Ширъ-даръ или „боги львы“, Тилла-кари или „Одѣтая въ золото“ и медрессе Улугъ-бега, названная такъ въ честь государя, по повелѣнію котораго она была построена въ 1420 году; эта послѣдняя медрессе была

та знаменитая школа математики и астрономіи, которая сдѣлала изъ Самарканда, въ пятнадцатомъ столѣтіи, одинъ изъ священныхъ городовъ науки. Самая великолѣпная мечеть Самарканда и всей центральной Азіи—Шахъ-Зиндехъ или „Живущій шахъ“, названная такъ по имени одного защитника ислама, который теперь покоится подъ однимъ изъ камней зданія, но который когда-нибудь пробудится, говорятъ правовѣрные, чтобы снова покорить міръ вѣрѣ пророка. Медрессе, тоже красивая, но уже сильно поврежденная временемъ, которая была основана Биби-ханымъ, одной изъ женъ Тамерлана, обращена теперь частію въ конюшню, частію

Самаркандъ. — Гуръ-эмиръ, гробница Тамерлана.

въ рынокъ для торговли хлопкомъ; въ этомъ зданіи существуетъ еще мраморная каѳедра, подъ которой ползаютъ больные и немощные въ чаяніи получить исцѣленіе, а въ одномъ изъ дворовъ сохранилась маленькая мечеть, сооруженная надъ усыпальницей, гдѣ покоится прахъ государыни, основательницы медрессе. Самъ Тамерланъ похороненъ въ склепѣ другой мечети, Гуръ-эмиръ, построенной на сосѣднемъ съ цитаделью холмѣ и еще увѣнчанной куполомъ рѣдкой красоты. На гробницѣ грознаго завоевателя лежитъ зеленоватый камень, какъ говорятъ изъ нефрита; со стороны, обращенной къ Меккѣ, древко боеваго знамени съ привязаннымъ къ нему конскимъ хвостомъ напоминаетъ могущество этого человѣка, ко-

торый, быть можетъ, не имѣлъ равнаго себѣ какъ разрушитель, и на котораго устрашенные народы смотрѣли какъ на бога. Вокругъ него покоятся: его наставникъ, его внукъ Улугъ-бегъ и нѣкоторые другіе изъ его потомковъ; въ сосѣдствѣ находятся могилы его женъ, а на стѣнахъ красуются надписи, повѣствующія о его славѣ. Одна изъ этихъ надписей грозитъ еще: „Если-бы я былъ живъ, міръ трепеталъ-бы отъ ужаса!“ [1]).

Въ цитадели, которая одна заключаетъ въ себѣ цѣлый кварталъ города и гдѣ теперь помѣщаются правительственныя учрежденія, гражданскія и военныя, тоже есть мечети, древнія могилы и бывшій дворецъ эмира, обращенный въ госпиталь. По серединѣ одного изъ дворовъ этого дворца лежитъ большой камень сѣроватаго мрамора, въ полтора метра высоты и въ три метра длины, который, по преданію, Тамерланъ велѣлъ привезти изъ Бруссы, и который служилъ ему тропомъ; этотъ камень, называемый туземцами *кокъ-ташъ*, находился прежде въ другомъ дворцѣ, развалины котораго еще видны въ нѣсколькихъ километрахъ отъ нынѣшняго города [2]). Послѣ Тимура, его преемники приходили возсѣсть на этотъ каменный престолъ, чтобы вступить въ обладаніе имперіей, и палачъ передъ кокъ-ташемъ отсѣкалъ голову несчастнымъ претендентамъ.

Окруженные такимъ множествомъ мечетей и другихъ религіозныхъ памятниковъ, мусульманскихъ святынь, жители Самарканда, между которыми болѣе половины таджиковъ, выказываютъ бо́льшее усердіе въ исполненіи правилъ и обрядностей своей вѣры, чѣмъ обитатели Ташкента и другихъ городовъ русскаго Туркестана. Самаркандъ считаетъ за честь заслуживать прозвище „Головы ислама“, даваемое ему старинной мусульманской поговоркой, которая называетъ Мекку „Сердцемъ ислама“; онъ носитъ также наименованіе „Ликъ Земли“ или „Вертоградъ Блаженныхъ“, по причинѣ многочисленныхъ гробницъ святыхъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ. Религіозная ревность не мѣшаетъ населенію Самарканда вести очень дѣятельную торговлю съ русскими завоевателями; однако, главные коммерсанты—иностранцы: евреи, индусы, афганцы. Промышленности въ Самаркандѣ нѣтъ никакой, кромѣ земледѣлія и садоводства (по Соболеву, годовая цѣнность сельскохозяйственныхъ произведеній, собираемыхъ въ Самаркандскомъ оазисѣ, простирается до 8.330,000 рублей). Вся окружающая его равнина, которая до сихъ поръ еще носитъ древнее имя Согдъ [3]), представляетъ одинъ обширный садъ, и развалины древняго Самарканда или Мераканда покрылись растительностью. На западѣ, возвышенія почвы, поднимающіяся надъ орошаемой равниной, носятъ еще слѣды построекъ и изрыты подземными галлереями, гдѣ при раскопкахъ

---

[1]) *Schyler*, Turkistan.

[2]) *Хорошкинъ*, Сборникъ путешествій въ Среднюю Азію.

[3]) *Записки (султана) Бабера*, во франц. переводѣ *Пави-де-Куртеля; Соболевъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. IV, 1874 г.

ВИДЪ ГОРОДА ХИВЫ.

находили черепки глиняной посуды и монеты; тамъ, по словамъ туземцевъ, имѣлъ мѣстопребываніе легендарный герой Афразіабъ, котораго одни считаютъ основателемъ города, другіе, напротивъ, его разрушителемъ. Старая стѣна Самарканда тянется еще далѣе за этими остатками древности, въ 6 километрахъ отъ города.

Населеніе зарявшанскаго города значительно возрасло со времени занятія края русскими, оно учетверилось; въ 1834 году число его не превышало восьми или девяти тысячъ душъ [1]). Благодаря своему счастливому положенію въ сосѣдствѣ горъ и здоровыхъ долинъ, Самаркандъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается однимъ изъ главныхъ центровъ европейской цивилизаціи, какъ онъ былъ нѣкогда средоточіемъ магометанской культуры. Поднимаясь вверхъ по долинѣ „Золотоносной“ рѣки черезъ укрѣпленный городъ Пенджакентъ, мы вступаемъ въ Когистанъ, эту чудную страну галчей, съ ея живописными ущельями, серебристыми водопадами, снѣговыми альпами. Въ этой длинной аллеѣ горъ, откуда постепенно поднимаешься къ плоскимъ возвышенностямъ цѣпи Кара-тегинъ, можно видѣть, такъ сказать, резюме центральной Азіи, со всѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ пріятнаго и грандіознаго въ картинахъ природы. При входѣ въ долину раскинулись фруктовые сады, орошаемые струящимися водами. Выше, зеленѣющіе луга, засѣянныя поля, рощи и лѣски, окаймляютъ теченіе рѣки, или, какъ у Варзаминора, покрываютъ высокія аллювіальныя террасы, оставленныя исчезнувшими озерами. Сквозь вѣтви деревьевъ виднѣются бѣлыя вершины горъ, стоячія воды разсѣяны въ гранитныхъ бассейнахъ и съ высоты цирковъ спускаются ледяныя рѣки. Когистанъ представляетъ также явленія, сходныя съ явленіями, наблюдаемыми на вулканахъ въ состояніи изверженія. Одна изъ горъ верхней долины Зарявшана, Канъ-Тагъ, прорѣзана, въ видѣ жилъ, мощными залежами каменнаго угля, которыя давно уже горятъ; гора окутана атмосферой изъ дыма и удушливыхъ газовъ, а по ночамъ отраженіе подземнаго пожара окрашиваетъ небеса краснымъ заревомъ [2]). Золотоносные пески Зарявшана разработываются въ настоящее время лишь очень небольшимъ числомъ жалкихъ золотоискателей. Золотая плотина, которую, по сказанію легенды, Александръ Македонскій построилъ поперегъ озера, носящаго его имя (Искандеръ-куль), оставила послѣ себя, какъ говорятъ, лишь кое-какіе, утратившіе всякую форму, обломки, и теперь даетъ потоку только рѣдкія блестки драгоцѣннаго металла [3]).

Самая населенная часть оазиса — та, которая составляетъ продолженіе Міанкаля или бухарскаго „Междурѣчья“: въ этой области, отъ Катты-кургана до Пеншамбе (Пейшамбе), деревни соединяются въ одинъ

[1]) *Alex. Burnes*, Travels into Bokhara.

[2]) *Федченко*, Geographical Magazine, май 1874.

[3]) *Schuyler*, Turkistan.

непрерывный городъ, утопающій въ зелени фруктовыхъ деревьевъ, которыя издали придаютъ ему видъ лѣса; каждый садъ какъ-бы стережется важными аистами, которые отъ времени до времени постукиваютъ клювомъ; хивинцы въ насмѣшку говорятъ, что это постукиванье аистовъ замѣняетъ бухарцамъ и коканцамъ „пѣніе соловья“. Одинъ изъ кишлаковъ этой плодоносной страны извѣстенъ подъ именемъ *Урусъ*, то-есть „русскій“, въ память бѣглыхъ московскихъ людей, которые поселились въ этомъ мѣстѣ лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ. Несчастные переселенцы, заподозрѣнные въ томъ, что они продолжали поклоняться своему прежнему Богу и тѣмъ навлекли напасть на свое новое отечество, были всѣ перерѣзаны бухарцами.

Верстахъ въ сорока на юго-востокъ отъ Самарканда, городъ Ургутъ, храбро сопротивлявшійся русскимъ, группируетъ свои дома въ тѣни чинаръ, на берегу ручья чистой воды, вытекающаго изъ глубокой поперечной долины. На югѣ открывается ущелье, ведущее на перевалъ Самаркандскихъ горъ (Самаркандъ-тау), черезъ который спускаются къ садамъ Шехръ-и-себса, тогда какъ на сѣверо-востокѣ широкая брешь въ цѣпи Кара-тау даетъ проходъ дорогѣ изъ Самарканда въ Ташкентъ и маленькой рѣчкѣ Джизакъ. Этотъ проломъ носитъ названіе „Змѣинаго“ ущелья (Жиланути), которое онъ получилъ, вѣроятно, или отъ извилистаго теченія рѣчки, или отъ пресмыкающихся, ползающихъ между его скалами. Этотъ важный горный проходъ, который прежде охранялся съ сѣверной стороны городомъ Джизакъ (Дизакъ), то-есть „Ключъ“, есть одинъ изъ историческихъ путей Азіи, и при немъ происходило много кровопролитныхъ битвъ изъ-за обладанія Зарявшаномъ или Сыръ-Дарьей. На западъ отъ „Змѣинаго“ дефилея высятся крутыя стѣны пирамидальнаго сланцеваго утеса, поднимающіяся на 120 метровъ и носящія названіе „Тамерлановыхъ воротъ“; двѣ персидскія надписи, вырѣзанныя на скалѣ, не упоминаютъ, впрочемъ, имени этого завоевателя. Одна изъ нихъ прославляетъ его внука Улугъ-бега, „побѣдителя царей и народовъ, тѣнь Аллаха на землѣ“; вторая, относящаяся къ 1571 году, говоритъ о побѣдѣ другой „тѣни Всемогущаго“,—„хана хановъ“ Абдуллы, который, „благодаря счастливому сочетанію созвѣздій“, нанесъ пораженіе арміи изъ 400,000 бойцовъ и „пролилъ потоки крови, которые впродолженіи цѣлаго мѣсяца текли въ рѣку Джизакъ.—Да вѣдаетъ о томъ весь свѣтъ!“ [1]).

Обиліе воды, которую долины Небесныхъ горъ изливаютъ въ Фергану, придаетъ этому бассейну высокую земледѣльческую важность, и въ этой области русскаго Туркестана, безъ всякаго сомнѣнія, населеніе, уже и теперь относительно плотное, сгруппируется въ наиболѣе густыхъ мас-

[1]) *E. Schuyler*, Turkistan.

сахъ. Въ сердцѣ горъ берега Нарына находятся на слишкомъ большой высотѣ надъ уровнемъ моря, чтобы на нихъ могли возникнуть города: только маленькіе казачьи посты, посѣщаемые черными или дикокаменными киргизами, могли основаться въ этой нагорной долинѣ. Но тотчасъ-же по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, при вступленіи въ сѣверо-восточную часть Ферганскаго бассейна, теченіе Нарына окаймляется городами и деревнями. Одинъ оазисъ, посреди котораго находится городъ Учъ-курганъ, идетъ вдоль лѣваго берега рѣки. На сѣверѣ, прекраснѣйшія равнины лежатъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нарына и Сыра, у которыхъ, также какъ у Аму-Дарьи и у рѣкъ Европейской Россіи и Сибири, правый берегъ возвышенный, а лѣвый низменный. Долины, орошаемыя водами потоковъ, спускающихся съ горъ Чокталъ, болѣе плодородны и покрыты болѣе богатой растительностью, чѣмъ прибрежныя террасы, возвышающіяся на сѣверной сторонѣ главной рѣки; онѣ состоятъ преимущественно изъ фруктовыхъ садовъ и огородовъ, тогда какъ на лѣвомъ берегу оазисы засѣваются хлѣбными растеніями; между этими двумя поясами, по берегамъ Сыра тамъ и сямъ залегаютъ степи. Отсюда необходимый обмѣнъ земледѣльческихъ произведеній между долинами юга и равниной сѣвера: первыя отправляютъ овощи и плоды, которые у нихъ родятся въ изобиліи, вторая посылаетъ пшеницу, которую она производитъ въ количествѣ превосходящемъ ея собственное потребленіе [1]).

Наманганъ есть главный центръ оазисовъ, удаленныхъ отъ рѣки. Это большой городъ, на базарѣ котораго, содержащемъ около тысячи лавокъ, идетъ очень бойкая торговля, и который имѣетъ бумагопрядильни для фабрикаціи тканей, употребляемыхъ туземцами; на наманганскомъ рынкѣ каждый годъ продается до 300,000 барановъ и овецъ, привозимыхъ изъ степей сѣвера; кромѣ того, отсюда отправляютъ на плотахъ внизъ по теченію Сыръ-Дарьи грузы фруктовъ, кожъ, войлоковъ, въ Перовскъ и Казалинскъ. Вокругъ наманганской цитадели раскинулся русскій кварталъ новѣйшей постройки, замѣнившій часть магометанскаго города, которая была разрушена бомбами во время войны, отдавшей край во власть Россіи. Кромѣ произведеній своей промышленности и плодовъ своихъ садовъ, Наманганъ имѣетъ запасъ богатствъ, которыя ему обезпечиваютъ въ будущемъ нефтяные источники и каменноугольныя залежи страны. Городъ Кассанъ, на сѣверо-западъ отъ Намангана, обязанъ своимъ благосостояніемъ тѣнистымъ долинамъ сосѣднихъ горъ Чоткалъ, плодороднымъ и превосходно обработаннымъ; онъ гордится своей древностью, считая себя старѣйшимъ между городами Ферганы; жители его, таджики,—самые красивые во всемъ Туркестанѣ [2]). Чустъ, также лежащій да-

[1]) *Kuhn*, Russische Revue, 1876 г., № 1.

[2]) *M-me de Ujfalvy*, Tour du Monde, 1869, vol. XXXVII, № 6; *Ch. de Ujfalvy*, Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.

*

леко отъ Сыръ-Дарьи, въ долинѣ, спускающейся съ горъ Чокталъ, тоже торговый городъ, гдѣ фабрикуютъ ножи, почти столь-же высоко цѣнимые, какъ и гиссарскія издѣлія; съ высоты своего холма онъ господствуетъ надъ прекрасно воздѣланными полями, простирающимися во всѣ стороны до линіи горизонта, но онъ не утилизируетъ минеральныхъ богатствъ, заключающихся въ окружающихъ горахъ; правильно эксплуатируются только залежи каменной соли, отъ которыхъ городъ Чустъ и получилъ свое турецкое имя Тусъ. Городъ Акъ-сы, бывшій одно время столицей всего Коканскаго ханства, расположенъ на крутомъ яру праваго берега Сыра. Въ своихъ „Запискахъ“ султанъ Баберъ хвалитъ дыни этого города какъ „лучшія въ свѣтѣ“.

Долина Кара-Дарьи или „Черной рѣки“, которая занимаетъ юго-восточный уголъ Ферганской области, и рѣка которой соединяется съ Нарыномъ, чтобы образовать Сыръ-Дарью, ниже Балыкчи, тоже орошаетъ своими водами сады многолюдныхъ городовъ. Узгентъ, стоящій при выходѣ ущелій Тянь-Шаня, пріобрѣлъ славу, благодаря находящейся въ сосѣдствѣ могилѣ, куда приходятъ пилигримы поклониться праху мусульманскаго святаго Хаджи-Юсуфа. Съ этой стороны пограничнымъ укрѣпленіемъ служитъ городъ Гульша, защищающій противъ китайцевъ горный проходъ Терекъ-Даванъ; человѣческія кости, бѣлѣющія по краямъ дороги, напоминаютъ бѣгство кашгарцевъ, прогнанныхъ китайскимъ завоеваніемъ: большая часть этихъ бѣглецовъ погибли среди снѣговъ [1]). По Куропаткину, годовое движеніе торговли между Ферганскимъ краемъ и Кашгаріей черезъ проходъ Терекъ-Даванъ выражается слѣдующими цифрами:

Вывозъ изъ Ферганы (тканей) . . . . . 50,000 рубл.
Привозъ въ Фергану (шелков. матерій, кожъ и пр.). 120,000 „

Главный городъ бассейна, Андиджанъ, построенъ не на Кара-Дарьѣ, но онъ получаетъ воды этой рѣки посредствомъ отведенныхъ изъ нея ирригаціонныхъ каналовъ. Это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Ферганской области, благодаря его тѣнистымъ садамъ и богатому дичью парку, который находится посреди самаго города: этотъ пощаженный человѣкомъ уголокъ сельской природы, гдѣ угасаетъ гулъ окружающихъ улицъ, придаетъ туркестанскому городу отдаленное сходство съ нѣкоторыми городами Англіи [2]); на сѣверо-востокѣ, въ долинѣ Кугарана, находятся пользующіяся извѣстностью въ краѣ Джалабадъ-аюпскія минеральныя воды, теплыя и горячія, частію углекислыя, частію сѣрнистыя, куда пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ лечиться сарты. Поля и равнины „Месопотаміи“ (междурѣчья), образуемой Кара-Дарьей и Нарыномъ, населены

---

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, Bulletin de la Société de Géographie, іюнь 1878 г.
[2]) *E. Schuyler*, Turkistan.

исключительно кипчакскими земледѣльцами, которые умѣютъ превосходно пользоваться этими землями, отличающимися необычайнымъ плодородіемъ [1]).

Городъ Ошъ, на юго-востокъ отъ Андиджана, и на той же рѣчкѣ Акъ-бура, притокѣ „Черной рѣки“, занимаетъ, на обоихъ берегахъ потока, выходъ плодородной и здоровой долины, по которой путешественники поднимаются на Алай и Памиръ. Прекрасныя, поросшія лѣсомъ, горы окружаютъ амфитеатръ города, но самой громкой славой пользуется уединенная скала, съ четырьмя остроконечными главами, профиль которой обрисовывается на горизонтѣ съ западной стороны: это знаменитый Тахтъ-и-Сулейманъ или „Соломоновъ тронъ“, о которомъ говорятъ восточныя легенды. Впрочемъ, разсказы объ этой горѣ не согласуются между собой. Въ то время какъ нѣкоторые изъ пилигримовъ приходятъ сюда поклониться только могилѣ визиря Сулеймана или Соломона, другіе становятся на колѣни передъ этой святыней, видя въ ней либо престолъ, либо гробницу великаго царя. Тутъ, говорятъ одни, онъ, возсѣдая на вершинѣ горы, вызывалъ безплотныхъ духовъ, чтобы передать имъ свои велѣнія; на этомъ мѣстѣ, сказываютъ другіе, онъ былъ умерщвленъ; воронкообразныя углубленія, которыя видны тамъ и сямъ въ усѣянной мелкимъ камнемъ почвѣ горы, служили убѣжищами его чернымъ собакамъ, и эти вѣрные псы, послѣ смерти своего господина, выпили его кровь и пожрали его тѣло [2]). Чтобы получить исцѣленіе отъ недуговъ, больные опускаютъ голову въ эти круглыя ямы. Съ площадки *мазара* или надгробнаго памятника, стоящаго на вершинѣ четыреглавой горы, взорамъ наблюдателя открывается роскошнѣйшая панорама зеленѣющей равнины, которую на югѣ ограничиваютъ громады горъ Алайскаго хребта, изрѣзанныя брешами или проломами; на востокѣ, поперечная цѣпь Тянь-Шаня представляется въ видѣ лазурнаго облака; у себя подъ ногами вы видите рѣку Акъ-буру, извивающуюся серебристой лентой въ ущельѣ, которое открылось ей по всемогущему слову Соломона [3]). Тахтъ-и-Сулейманъ, котораго размѣры и изолированность были преувеличены прежними путешественниками, есть одинъ изъ пунктовъ центральной Азіи, о которыхъ всего чаще трактовалось въ сочиненіяхъ по сравнительной географіи: извѣстно, что до недавнихъ путешествій, предпринятыхъ въ область Памира съ цѣлью изслѣдованія страны, многіе писатели видѣли въ „Соломоновомъ тронѣ“ знаменитую въ древности „Каменную Башню“, которая служила главнымъ мѣстомъ роздыха греческимъ путешественникамъ, ѣздившимъ по такъ называемой „Шелковой“ дорогѣ.

Къ западу отъ долины рѣки Акъ-буры находимъ нѣсколько важныхъ городовъ, разсѣянныхъ въ Ферганскомъ бассейнѣ. Наукатъ, Араванъ,

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, цитирован. сочиненіе.
[2]) *Schuyler*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Ch. de Ujfalvy*, цитированное сочиненіе.

Ассаке, слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегу ручья, воды котораго теряются въ равнинѣ, на югъ отъ Андиджана; далѣе, Шариханъ, городъ пришедшій въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ садовники города Ассаке отняли у него своими арыками необходимую для орошенія воду,—находится теперь въ сосѣдствѣ безплодной пустыни, покрытой мелкимъ летучимъ пескомъ, изъ котораго образуются переносные бугры при малѣйшемъ вѣтрѣ. Маргиланъ, окруженный садами, которые тянутся на многія версты во всѣ стороны, поднимаетъ куполы и минареты своихъ мечетей въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Шахъ-и-Марданъ, спускающаяся съ высокихъ ледниковъ Алайскаго хребта, развѣтвляется на многочисленные оросительные каналы, прежде, чѣмъ потеряться въ пескахъ. Этотъ городъ былъ выбранъ русскими властями, какъ будущая столица Ферганскаго края, благодаря здоровому климату занимаемой имъ мѣстности. Однако, русскій городъ въ Маргиланѣ построился не рядомъ съ сартскимъ; онъ расположился верстахъ въ пятнадцати отъ этого послѣдняго, и отъ одного города къ другому новыя строенія выдвигаются въ видѣ длинныхъ улицъ. По мѣстному преданію, „Двурогій“ Искандеръ, великій македонецъ, котораго мусульмане признаютъ также однимъ изъ святыхъ пророковъ ислама, кончилъ жизнь въ Маргиланѣ, и по этой причинѣ городъ до сихъ поръ остается священнымъ въ глазахъ населенія. Послѣ садоводства и огородничества, главный промыселъ маргиланскихъ сартовъ составляетъ производство тканей изъ верблюжьей шерсти, а также шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, въ особенности полосатыхъ тканей изъ очень легкаго шелка, въ родѣ модныхъ шелковыхъ матерій, какія выдѣлываются въ Дамаскѣ и даже во Франціи [1]). Шелководство производится тамъ довольно оригинальнымъ способомъ. Женщины завертываютъ яички шелковичнаго червя въ сырую тряпку и выводятъ гусеницъ своей собственной теплотой, нося тряпку впродолженіи двѣнадцати дней подъ поясомъ; затѣмъ, когда черви начнутъ ползать, онѣ помѣщаютъ ихъ въ корзинки, которыя выставляютъ на солнце, наполнивъ ихъ листьями шелковичнаго дерева и прикрывъ мокрымъ бѣльемъ.

Маргиланъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые по справедливости могутъ гордиться красотой своихъ окрестностей, и, нѣтъ сомнѣнія, современемъ еще откроютъ много великолѣпныхъ пейзажей въ горахъ, господствующихъ надъ главнымъ городомъ Ферганской области. На югозападѣ открывается прекрасная долина Исфайрана, грандіозный входъ которой охраняется мѣстечкомъ, носящимъ названіе Учъ-Курганъ, какъ одноимянный городъ на берегахъ Нарына. На югѣ, городокъ Вадиль, лежащій тоже при-выходѣ долины, служитъ лѣтомъ мѣстомъ дачной жизни. Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Шахъ-и-Марданъ, при которой

[1]) *Ch. de Ujfalvy*, цитированное сочиненіе.

стоитъ Вадиль, путешественникъ поднимается съ уступа на уступъ къ городку того же имени (Шахъ-и-Марданъ), одному изъ наиболѣе чтимыхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами святыхъ мѣстъ Ферганской области, благодаря находящейся будто-бы тамъ гробницѣ Али, хотя, впрочемъ, на обладаніе этой святыней претендуютъ также разныя другія мѣста мусульманскихъ странъ. Названіе Шахъ-и-Марданъ, то-есть „Царь людей", которое носятъ мѣстечко и рѣка, произошло отъ священныхъ останковъ, покоящихся въ храмѣ Али. Здѣсь мы находимся уже въ области водопадовъ, голубыхъ горныхъ озеръ, моренъ; затѣмъ, еще выше, идутъ вѣчные снѣга, ледники и вершины, болѣе высокія, чѣмъ европейскій Монъ-Бланъ.

Изъ Вадиля въ Коканъ, — настоящее имя котораго, по Соболеву, Хукандъ, — дорога идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, вдоль основанія горъ, до города Риштанъ, затѣмъ остается только перейти равнины, гдѣ рѣка Сохъ дѣлится и изсякаетъ мало по малу въ безчисленныхъ ирригаціонныхъ каналахъ. Коканъ, недавно столица государства того-же имени, присоединеннаго теперь къ русскимъ владѣніямъ подъ названіемъ Ферганской области, все еще можетъ считаться главнымъ городомъ края, какъ по численности населенія, такъ по торговлѣ и образованности своихъ жителей. Тамошніе таджики говорятъ персидскимъ языкомъ гораздо болѣе чистымъ, чѣмъ языкъ, употребляемый ихъ бухарскими соотечественниками, несмотря на то, что послѣдніе живутъ въ странѣ, лежащей ближе къ Ирану. Коканъ, городъ почти новый, такъ какъ онъ существуетъ всего только около полутораста лѣтъ, имѣетъ улицы болѣе широкія и болѣе правильныя, чѣмъ въ другихъ городахъ арало-каспійской покатости; онъ даже довольно чистый городъ, и обширные сады придаютъ нѣкоторымъ его кварталамъ сельскій видъ: болѣе сотни тысячъ жителей могли-бы легко помѣститься въ его чертѣ. Какъ промышленный городъ, Коканъ пріобрѣлъ нѣкоторую важность въ Туркестанѣ. Онъ имѣетъ писчебумажную фабрику, которая производитъ большую часть бумаги, употребляемой мусульманами страны, даже за предѣлами Ферганскаго края; его фабриканты приготовляютъ ткани, мало уступающія достоинствомъ бухарскимъ издѣліямъ; его мѣдники тоже очень искусны въ выдѣлкѣ котловъ и другой мѣдной посуды, а мастера, работающіе на монетномъ дворѣ, умѣютъ отливать пушки, сверлить ружья, дѣлать инструменты, золотыя и серебряныя вещи, оправлять драгоцѣнные камни. Размѣнный денежный знакъ, наиболѣе употребительный въ Туркестанѣ, и даже по ту сторону Небесныхъ горъ[1]), — монета, извѣстная подъ именемъ „коканъ", средняя цѣнность которой составляетъ около 65 сантимовъ; какъ гласитъ выбитая на коканѣ надпись, эти монеты чеканятся

[1]) *Федченко*, Путешествіе въ Туркестанъ.

въ „Очаровательномъ Коканѣ“ *(Хоканди Латифъ)*. Жители города далеко не всѣ могутъ похвалиться красотой: изъ трехъ купцовъ, торгующихъ на базарѣ, одинъ навѣрно страдаетъ зобомъ. Эта сильно распространенная тамъ болѣзнь и была причиной того, что русскіе покинули Коканъ, какъ столицу, и перенесли центръ управленія краемъ въ другой городъ, такъ какъ въ первое же время оккупаціи около трехъ сотъ русскихъ солдатъ заболѣли зобомъ.

Коканскій базаръ, очень обильно снабженный товарами, есть безспорно самый богатый рынокъ во всемъ русскомъ Туркестанѣ, и на немъ можно найти не только всѣ произведенія современной промышленности страны и привозные товары изъ Россіи, Англіи, Персіи и Индіи, но также старинныя вещи и настоящія произведенія искусства. Замѣчательные памятники Кокана — нѣсколько мечетей и въ особенности дворецъ, построенный ханомъ Худояромъ, въ которомъ теперь помѣщаются русскія присутственныя мѣста. Если зданія бывшей столицы коканскихъ хановъ не отличаются такимъ чистымъ стилемъ, какъ зданія Самарканда, то они имѣютъ то преимущество, что гораздо лучше сохранились, такъ что на нихъ можно изучить во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ безчисленные орнаменты фасадовъ и башень, придающіе стѣнамъ блескъ узорчатыхъ тканей; начертанныя тамъ и сямъ арабскія надписи благородными контурами своихъ буквъ еще болѣе возвышаютъ красоту этой пестрой мозаики эмальированныхъ рисунковъ.

Различные города, разсѣянные въ окрестностяхъ Кокана: Сохъ на югѣ, Исфара на юго-западѣ, Махрамъ на западѣ, не имѣютъ сколько нибудь важнаго значенія въ торговомъ отношеніи; когда Ферганская долина еще не была присоединена къ Россійской имперіи, Махрамъ былъ крѣпостью и мѣстомъ стоянки гарнизона, по причинѣ его положенія на яру лѣваго берега Сыръ-Дарьи, близъ границы Ходжентскаго края. Въ 1875 году происходила кровопролитная битва изъ-за обладанія этимъ стратегическимъ пунктомъ, и земляныя стѣны города, тамъ и сямъ разрушенныя и образующія широкія бреши, напоминаютъ о побѣдѣ, одержанной русскими.

Главные города Ферганской области, съ предполагаемымъ числомъ жителей, по Куну, Костенко и др. суть:

Коканъ (Кунъ, Костенко)	60,000 жит.
Наманганъ (Костенко)	50,000 „
Маргиланъ (Кунъ)	40,000 „
Андиджанъ (Кунъ, Шуйлеръ)	20,000 „
Ошъ	20,000 „
Наукатъ	15,000 „
Кассанъ	10,000 „
Чустъ или Тусъ (Костенко)	7,500 „

ВАРЗАМИНОРЪ ВЪ ДОЛИНѢ ЗАРЯВШАНА.

Узгентъ (Кунъ)	6,000 жит.
Ассаке	5,000 „
Шариханъ	5,000 „
Балыкчи	5,000 „
Исфари	5,000 „
Вадиль	3,000 „

Ходжентъ, городъ на Сыръ-Дарьѣ, ближайшій къ Ферганской области и служащій рынкомъ для вывоза произведеній этой провинціи, состоитъ уже изъ двухъ городовъ: на югѣ магометанскіе кварталы, населенные почти исключительно таджиками, раскинулись на обоихъ берегахъ рѣчки Ходжа-Бакарганъ, спускающейся съ Алайскихъ горъ; на сѣверѣ, кварталъ русскихъ жителей, постепенно разростающійся, наполняетъ пространство, отдѣляющее старый городъ отъ лѣваго берега Сыра: въ Ходжентѣ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи, туземцы, при основаніи города, селились вдали отъ берега главной рѣки; это объясняется тѣмъ, что имъ нужно имѣть подъ рукой не большую судоходную рѣку, а ирригаціонные каналы для орошенія садовъ и полей, и понятно, что при отводѣ воды арыками легче справляться съ маленькой рѣченкой, чѣмъ съ быстрымъ потокомъ. Лѣтомъ въ Ходжентѣ нестерпимая, удушливая жара: пыль, приносимая вѣтромъ изъ степей, наполняетъ атмосферу, а бѣлыя скалы горы Моголъ-тау, возвышающейся къ сѣверу отъ города, на другой сторонѣ главной рѣки, отражаютъ на Ходжентъ знойные солнечные лучи. Часто рѣчка Ходжа-Бакарганъ, гдѣ жители берутъ воду для питья и домашняго обихода, совершенно пересыхаетъ, и тогда женщины принуждены ходить за водой на Сыръ-Дарью, спускаясь и поднимаясь по высокому берегу рѣки. Дороги, расходящіяся въ видѣ радіусовъ, вокругъ города, обставлены по сторонамъ шелковичными деревьями; плантаціи хлопчатника и виноградники, среди которыхъ высятся тамъ и сямъ сторожевыя башни, простираются до края пустыни. Ходжентъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Туркестана, построенный, говорятъ туземцы, дочерью Адама, имѣлъ недавно весьма важное стратегическое значеніе. Расположенный въ сосѣдствѣ бывшей границы и, такъ сказать, напротивъ Махрамской крѣпости, помѣщенный, сверхъ того, вблизи изгиба Сыръ-Дарьи, которая перестаетъ течь въ западномъ направленіи и поворачиваетъ на сѣверо-западъ къ Аральскому морю,—онъ находится въ точкѣ встрѣчи армій, и много битвъ происходило предъ его стѣнами и въ окрестностяхъ. Въ 1866 году русскіе одержали неподалеку отъ Ходжента, при Ирджарѣ, побѣду, отдавшую въ ихъ руки весь край. Укрѣпленный городъ Ура-тепе, на дорогѣ изъ Джизака и Самарканда, тоже часто упоминается въ исторіи войнъ. Тепе, какъ и Джизакъ, одинъ изъ „ключей“, которые нѣкогда запирали Тамерлановы „Ворота“, на сѣверо-востокѣ отъ Самарканда.

Яны-Чиназъ или Ново-Чиназъ, при сліяніи рѣкъ Чирчикъ и Сыръ-Дарьи, представляетъ лишь небольшую группу домовъ, изъ которой русскіе надѣялись сдѣлать цвѣтущій городъ, избравъ его исходной точкой судоходства по Сыру и учредивъ тамъ складочное мѣсто для товаровъ, идущихъ въ Ташкентъ и вывозимыхъ оттуда; но въ виду препятствій, встрѣчаемыхъ судами на этой рѣкѣ впродолженіи почти всего года, суда очень рѣдко посѣщаютъ пристани Яны-Чиназа, и до сихъ поръ не возникло ни одной транспортной компаніи для перевозки грузовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ: Новый Чиназъ остался попрежнему простымъ мѣстомъ остановки для путешественниковъ, ѣдущихъ по дорогѣ изъ Ташкента въ Самаркандъ, и старый городъ Эски-Чиназъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ новаго, все еще самый многолюдный изъ двухъ. Нельзя того-же сказать про „Старый Ташкентъ“ или Эски-Ташкандъ (туземцы говорятъ Ташкандъ, русскіе-же привыкли называть городъ Ташкентомъ), находящійся на сѣверо-востокѣ, на той-же дорогѣ. Этотъ послѣдній городъ уже около полустолѣтія не болѣе какъ груда развалинъ, и жители его, гонимые разрушительнымъ дѣйствіемъ рѣки Чирчикъ, подтачивающей берега, переселились въ новый Ташкентъ.

Столица русскаго Туркестана сдѣлалась самымъ значительнымъ городомъ арало-каспійскихъ странъ и даже однимъ изъ первыхъ городовъ во всей Россійской имперіи. Въ громадныхъ азіатскихъ владѣніяхъ русской державы, по численности населенія, этотъ городъ уступаетъ одному только Тифлису, и возрастаніе его шло не менѣе быстрыми шагами. Раскинутый на такомъ-же обширномъ пространствѣ, какъ Парижъ, на 13 километровъ въ длину и отъ 7 до 8 километровъ въ ширину, Ташкентъ (имя котораго буквально значитъ „Каменный замокъ“) имѣетъ, впрочемъ, еще небольшое число жителей въ сравненіи съ протяженіемъ занимаемой имъ площади; дома, почти всѣ низкіе, скрыты зеленью, такъ что издали городъ кажется сплошнымъ лѣсомъ; только крыши высокихъ зданій русской постройки да куполы нѣкоторыхъ мечетей поднимаются надъ тополями, ивами и другими деревьями, растущими по краямъ каналовъ.

Мѣстоположеніе Ташкента выбрано очень удачно. Правда, городъ построенъ не на берегу большой рѣки; но снѣга цѣпи Ала-тау и источники горъ Чокталъ изливаютъ достаточно воды въ рѣчку Чирчикъ, для того чтобы эта послѣдняя могла питать городскіе каналы постояннымъ приливомъ. Ташкентъ расположенъ какъ-разъ около середины пояса земель орошаемыхъ, и, слѣдовательно, плодородныхъ и обитаемыхъ, который простирается отъ равнинъ Самарканда до долинъ „Семирѣчья“, а удобныя, легко проходимыя дороги позволяютъ ему сообщаться съ верхними долинами рѣкъ Сыра, Таласа и Чу. Послѣ побѣдоноснаго приступа, совершеннаго полковникомъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ и генералъ-губерна-

торъ Туркестанскаго края) Черняевымъ, во главѣ немногочисленнаго отряда, состоявшаго всего только изъ 1,950 человѣкъ послѣ этого завоеванія, которое стоило такъ мало человѣческихъ жизней и такъ мало денегъ,—завоеванія, которое удивило самихъ побѣдителей,—воображеніе воспламенилось. Авантюристы, искатели быстраго и легкаго обогащенія, устремились толпой въ новый городъ, сдѣлавшійся столицей русскаго Туркестана, въ 1865 году: петербургскіе и московскіе купцы видѣли въ завоеванномъ краѣ своего рода Калифорнію, и состоянія быстро наживались тамъ войной и торговлей. Современная русская литература описываетъ этихъ „ташкентцевъ", которые бросились на сартовъ и таджиковъ, какъ на добычу, обогатившись всяческими способами, вернулись въ Россію выставлять на-показъ свое богатство и хвастать своей щедростью. Но красные деньки спекуляціи прошли. Теперь большинство русскихъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Ташкентѣ, состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ; торговля находится въ рукахъ туземцевъ, сартовъ, и евреевъ, къ которымъ примѣшиваются въ небольшомъ числѣ: бухарцы, афганцы и индусы изъ Ширкапура, страшные ростовщики. На улицахъ Ташкента сталкиваются пришельцы изъ всѣхъ странъ Центральной Азіи. Даже ногайскіе татары, выселившіеся изъ Кавказскаго края, довольно многочисленны въ столицѣ Туркестана, гдѣ имъ пришлось опять найти своихъ господъ, русскихъ, отъ которыхъ они думали уйти. Впрочемъ, какъ люди смышленые и понатершіеся, благодаря сношеніямъ, которыя они имѣли на Кавказѣ съ цивилизованными европейцами, эти татары умѣютъ отлично устраивать свои дѣла въ Азіи, и служатъ посредниками между завоевателями и туземцами [1]). Что касается киргизовъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, которые населяютъ, въ числѣ слишкомъ 80,000 душъ, долину Ангрена и почти всю страну, простирающуюся отъ окрестностей Ташкента до окрестностей Пскента и Ходжента, то это все потомки бѣглецовъ изъ трехъ ордъ, пришедшихъ въ край въ давнія времена, за шестьсотъ лѣтъ назадъ. Хотя они сохранили вѣрную память о своей генеалогіи, имъ обыкновенно даютъ прозвище курамовъ, то есть „сволочи", и мѣстные сарты смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ, вѣроятно потому, что эти грубые сельскіе жители, честные и добродушные, не обладаютъ, какъ горожане, умѣньемъ зашибать деньгу и изобрѣтать прибыльные промыслы [2]); они населяютъ „семь городовъ", то-есть семь большихъ деревень (главныя изъ этихъ деревень—Пангасъ и Ашъ), состоящихъ изъ глиняныхъ домовъ, изъ тростниковыхъ шалашей и даже изъ землянокъ, подобныхъ логовищамъ дикихъ звѣрей. Въ окрест-

[1]) *Верещагинъ*, Tour du Monde, 1873 г.; — *Терентьевъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. IV, 1874 г.

[2]) *Хорошкинъ*, Сборникъ статей о Туркестанѣ.

ностяхъ Ташкента существуетъ нѣчто въ родѣ монастыря или пріюта, населеннаго единственно прокаженными, которые живутъ подаяніемъ [1]).

Хотя русскіе составляютъ весьма небольшую часть общей цифры населенія, однако русскій кварталъ Ташкента занимаетъ уже значительное пространство и заключаетъ около пятой части домовъ, но только

Ташкентъ. — Видъ улицы.

шестнадцатую часть всего числа жителей. Постоянное населеніе азіатскаго квартала въ 1871 году состояло изъ 78,126 душъ; по національностямъ оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Сартовъ	75,176	Индусовъ	93
Русскихъ	1,289	Афганцевъ	25
Татаръ (узбековъ)	708	Китайцевъ	3
Киргизовъ	375	Жителей, національность которыхъ осталась неопредѣлен.	64
Евреевъ	293		
Нѣмцевъ	110		

Населеніе русскаго города, безъ войска, въ 1875 году, состояло изъ 4,860 жителей. Широкія пыльныя улицы, обставленныя по сторонамъ

[1]) *Терентьевъ*, „Вѣстникъ Европы“, окт. 1875 г.

рядами деревьевъ, бѣлые домики, рѣзко отличающіеся отъ маленькихъ построекъ съ плоскими крышами сартскихъ кварталовъ; большія площади, съ клумбами цвѣтовъ, придаютъ городу видъ городовъ новой постройки въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи[1]). Въ Туркестанѣ дерево составляетъ рѣдкость, и каменщики не имѣютъ другихъ матеріаловъ для построекъ, кромѣ кирпичей изъ глины, высушенныхъ на солнцѣ, похожихъ на *adobes*, употребляемые въ Мехикѣ, или на „*carreaux*“, употребляемые въ Шампани. Кровли дѣлаются изъ вѣтвей ивы и изъ тростника, прикрытыхъ сверху слоемъ глины и дерна, украшенныхъ весной дикимъ макомъ и другими цвѣтками. Пока продолжается сухое время года, все идетъ хорошо, но во время сильныхъ дождей, разбухшая земля иногда проламываетъ хрупкую ивовую и камышевую настилку и все проваливается разомъ; осенью нужно наблюдать съ величайшей заботливостью за исправностью крыши, иначе рискуешь въ одну прекрасную ночь проснуться подъ проливнымъ дождемъ. Дома вообще имѣютъ только нижнее жилье или только одинъ этажъ; болѣе высокія зданія, палаты или мечети, подвергаются большой опасности въ этой странѣ, гдѣ землетрясенія часты, и въ городѣ можно встрѣтить много разрушенныхъ этимъ явленіемъ построекъ, поросшихъ деревцами и цвѣтами. Каналы извиваются, какъ естественные ручьи, въ тѣни ивъ и тополей, между развалинами, обрушивающимися стѣнами и новыми домами, зачастую почти не менѣе развалившимися, какъ и старые. Лѣтомъ, русскіе, владѣющіе садомъ въ предмѣстьяхъ, отправляются туда на дачу, и по обычаю узбековъ, обитаютъ въ палаткѣ среди зелени, наслаждаясь чистымъ воздухомъ, благоуханіемъ цвѣтовъ, журчаніемъ струящихся водъ и пѣніемъ птицъ. На югъ отъ Ташкента, на чиназской дорогѣ, городокъ Зенги-ата и окружающіе его сады служатъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для любителей загородныхъ прогулокъ.

Промышленность Ташкента, по развитію и размѣрамъ, не имѣетъ столько важности, какъ можно-бы было ожидать отъ города съ стотысячнымъ населеніемъ: городъ выросъ быстрѣе, нежели его мануфактурные рессурсы. Въ Ташкентѣ, правда, существуютъ „тридцать двѣ“ ремесленныя корпораціи, которыя полагается имѣть всякой восточной столицѣ, и каждая изъ этихъ корпорацій подраздѣляется, въ свою очередь, на тридцать двѣ спеціальности мастерства; но, за исключеніемъ фабрикаціи шелковыхъ тканей и дубленія кожъ, Ташкентъ не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ отраслей обработывающей промышленности. Въ послѣдніе годы тамъ стали выдѣлывать грубую фарфоровую посуду или *чини*, названную такъ потому, что она представляетъ подражаніе китайскимъ произведеніямъ этого рода. Нѣкоторыя національныя промышленности,

[1]) *Schuyler*, Turkistan.

какъ, напримѣръ, приготовленіе войлока и выдѣлка тканей изъ верблюжьей шерсти, остались монополіей туземцевъ, но большая часть другихъ манufактурныхъ издѣлій, фабрикуемыхъ въ краѣ, не могутъ выдерживать конкурренціи произведеній, отправляемыхъ съ нижегородской ярмарки и изъ Троицка. Ташкентъ получаетъ преимущественно изъ Россіи бумажныя ткани, за которыя онъ платитъ невыдѣланнымъ хлопкомъ и шелкомъ-сырцомъ; онъ покупаетъ также шелковыя матеріи, разныя издѣлія изъ металла, кожи, дерева, колоніальные товары. Совокупность его торговыхъ оборотовъ, по ввозу и вывозу, возрастала изъ году въ годъ: такъ, въ 1871 году общая цѣнность торговли этого города съ Россіей и съ сосѣдними ханствами составляла 15.104,815 р., а въ 1873 году она уже простиралась до 18.911,630 р. (торговое движеніе въ 1873 г.: 82,502 навьюченныхъ верблюда; 4,296 навьюченныхъ лошадей; 3,648 телѣгъ; такъ что въ настоящее время цѣнность торговыхъ оборотовъ не можетъ быть ниже 25 милліоновъ метал. рублей. Русское правительство дѣлало большія усилія, чтобы учредить въ Ташкентѣ постоянный рынокъ, который-бы соперничалъ, въ отношеніи средне-азіатскихъ владѣній, съ ярмарками нижегородской или ирбитской. Съ этой цѣлью въ 1870 году были построены магазины и помѣщенія для склада товаровъ на мѣстѣ, выбранномъ въ окрестностяхъ, верстахъ въ семи или восьми отъ городскаго базара; оставалось только заманить туда купцовъ. Но купцы низачто не соглашались покинуть свои лавки въ старомъ городѣ, чтобы идти торговать на указанной имъ ярмарочной площади. Напрасно прибѣгали къ принудительнымъ мѣрамъ, закрывая торговлю на базарѣ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для ярмарки, напрасно налагали штрафы и насильно приводили торговцевъ въ новыя лавки,—торговый потокъ не захотѣлъ войти въ приготовленное ему администраціей русло, и ярмарочное поле, открытое въ 1870 году, было почти совершенно оставлено четыре года спустя.

Большинство европейцевъ, живущихъ въ туркестанской столицѣ, смотрятъ на Ташкентъ, какъ на мѣсто ссылки, которое всякій спѣшитъ тотчасъ-же покинуть, какъ только приведшее его туда служебное честолюбіе или желаніе нажить состояніе удовлетворено. Кромѣ прекраснаго сада, окружающаго генералъ-губернаторскій дворецъ, и парка съ „тысячью абрикосовыхъ деревьевъ“, русскіе не знаютъ гдѣ провести время въ часы досуга. Взоры ихъ постоянно устремлены къ Европѣ: оттуда они получаютъ письма, газеты, журналы, все—что составляетъ умственную и нравственную жизнь. Впрочемъ, Ташкентъ также имѣетъ русскій оффиціальный органъ печати, гдѣ можно встрѣтить полезныя свѣдѣнія о Туркестанѣ и сосѣднихъ странахъ. Библіотека общественнаго собранія, содержащая 10,000 томовъ, богата сочиненіями, относящимися къ Средней Азіи. Ташкентъ имѣетъ также обсерваторію, школу шелководства, учительскую семинарію, двѣ гимназіи, мужскую и женскую. Въ 1879 году тамъ осно-

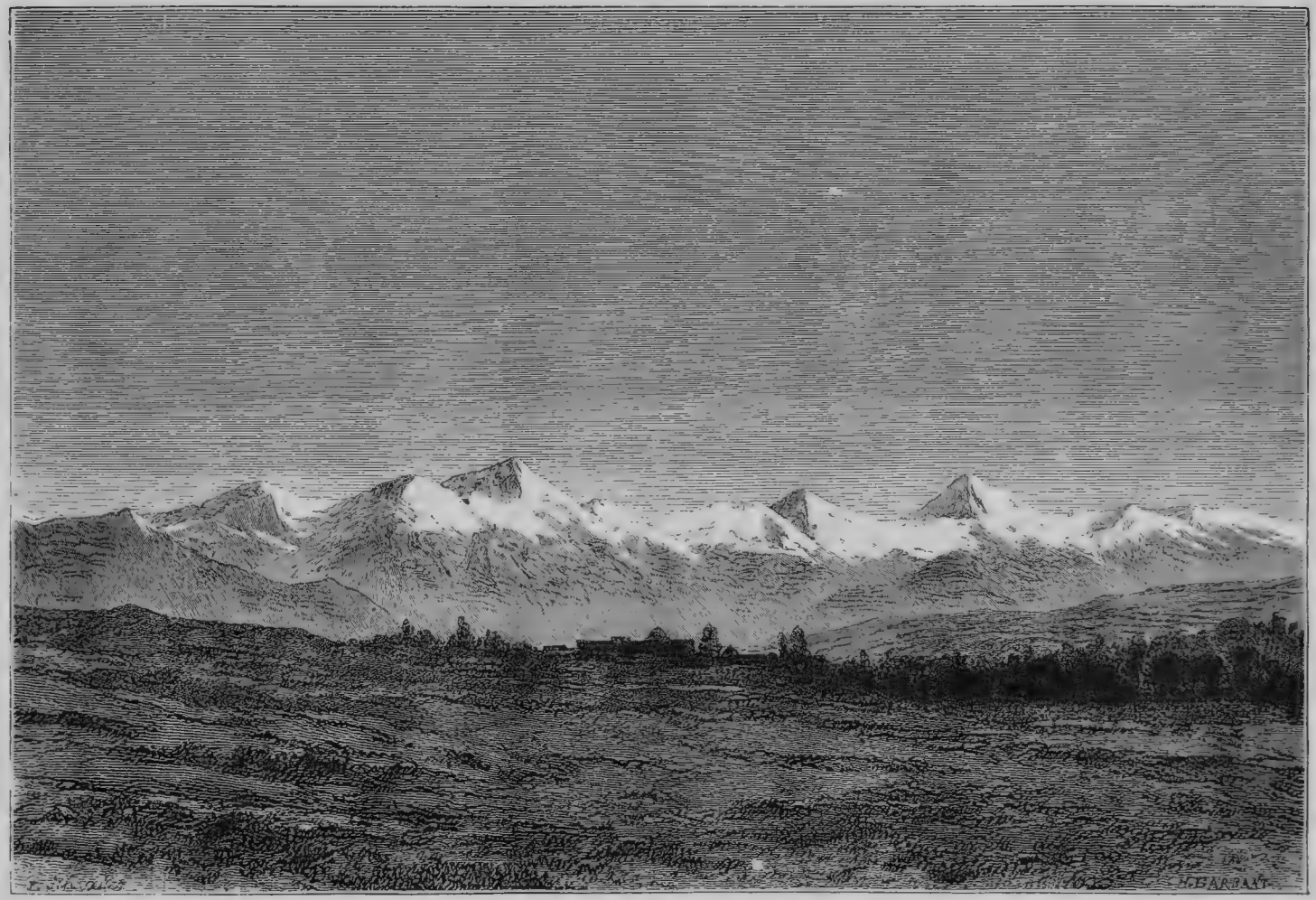
вался туркестанскій отдѣлъ русскаго географическаго общества. Кромѣ того, въ столицѣ Туркестана устроились было два другія ученыя общества; но одно изъ нихъ, учрежденное подъ оффиціальнымъ покровительствомъ, покончило свое существованіе отъ недостатка жизненной силы; другое, возникшее безъ разрѣшенія власти, получило приказаніе прекратить свою дѣятельность.

Чимкентъ, на сѣверъ отъ Ташкента, занимаетъ географическое положеніе во многомъ сходное съ мѣстоположеніемъ столицы края. Этотъ городъ тоже удаленъ отъ Сыръ-Дарьи и перерѣзанъ каналами, проведенными изъ многоводной рѣки; онъ также окруженъ зеленью, и самое его имя, полу-персидское, полу-турецкое, означающее „Зеленый городъ“, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ поясу его садовъ. Положеніе его важно какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи, ибо онъ занимаетъ западный выходъ широкаго пролома, который отдѣляетъ горную цѣпь Кара-тау отъ хребта Александровскаго, и черезъ который бассейнъ озера Балхашъ находится въ непосредственномъ сообщеніи съ равнинами Сыръ-Дарьи. Цитадель, теперь полуразрушенная, господствуетъ надъ городомъ съ вершины крутой террасы. Кумысъ, приготовляемый киргизами въ окрестностяхъ Чимкента, слываетъ лучшимъ во всемъ Туркестанѣ, и, жаждущіе пользоваться этимъ драгоцѣннымъ средствомъ, слабые здоровьемъ русскіе избрали „Зеленый городъ“ своимъ мѣстопребываніемъ.

Слѣдуя на сѣверо-западъ, черезъ неровную степь, вдоль южнаго основанія горъ Кара-тау, изобилующихъ залежами каменнаго угля, свинцовой и желѣзной руды, почтовая дорога изъ Ташкента въ Оренбургъ проходитъ черезъ древній городъ Туркестана, который принялъ имя всей страны, но который назывался Ясы, когда Тамерланъ началъ, въ 1397 году, постройку знаменитой мечети. Это зданіе, посѣщаемое толпами мусульманскихъ богомольцевъ, построено въ честь Хазрета-Ясави, спеціальнаго патрона киргизовъ. Возвышаясь посреди крѣпости, колоссальная мечеть, главная святыня центральной Азіи, носитъ еще слѣды русской канонады, которая поколебала ее въ 1864 году, и стѣны ея, расшатанныя также землетрясеніями, дали во многихъ мѣстахъ трещины сверху до низу. Впрочемъ, этотъ памятникъ Хазретъ-султана, „седьмое чудо свѣта“, не былъ никогда вполнѣ оконченъ строившимъ его персидскимъ зодчимъ; въ стѣнѣ еще видны дыры, куда упирались балки лѣсовъ, и которыя теперь служатъ пріютомъ аистамъ, птицамъ, — уважаемымъ, чтимымъ правовѣрными. Но даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ эта громадная руина, почти совершенно потерявшая свою изразцовую обшивку и всякія наружныя украшенія, производитъ большой эффектъ, особенно когда увидишь издали, изъ степи, ея величественную четыре-угольную массу, господствующую надъ сѣрымъ городомъ и его полуразрушенными стѣнами

Паперть или портикъ, высотой болѣе 30 метровъ, ведетъ въ темную внутренность мечети, по серединѣ которой стоитъ надгробный памятникъ святаго, окруженный другими гробницами и „писаными камнями“. Вообще эту область Татаріи можно назвать страной развалинъ: путешественникъ находитъ здѣсь остатки многочисленныхъ крѣпостей, нѣкогда защищавшихъ переходъ черезъ Сыръ и впослѣдствіи покинутыхъ, а также могильные курганы, разсѣянные тамъ и сямъ въ равнинѣ. Одна изъ этихъ грудъ обломковъ, на верху Сыра, къ югу отъ г. Туркестана, указываетъ мѣстоположеніе города Отрара, гдѣ умеръ Тамерланъ. Въ Суранѣ (Саврунъ) или Сауранѣ, другомъ разрушенномъ городѣ, на западъ отъ Туркестана, еще недавно стояли два высокіе минарета очень красивой постройки; одинъ изъ нихъ обрушился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другой тоже грозитъ скорымъ паденіемъ. При раскопкахъ кургановъ этой страны находили грубо сдѣланную глиняную посуду, мѣдныя монеты, кальцинированныя кости; но до сихъ поръ эти остатки старины еще не привели къ какимъ-нибудь важнымъ открытіямъ историческимъ или антропологическимъ.

На нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи бывшая коканская крѣпость Акъ-мечеть или „Бѣлая мечеть“ обязана теперешнимъ своимъ именемъ „Перовскъ“ бывшему оренбургскому генералъ-губернатору Перовскому, который овладѣлъ ею въ 1853 году, послѣ довольно продолжительной осады, выдержанной ея комендантомъ Якубъ-ханомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи кашгарскимъ эмиромъ. Генералъ Перовскій устроилъ на мѣстѣ взятаго укрѣпленія русскій фортъ, окруженный теперь новымъ городомъ, гдѣ хивинцы и сарты встрѣчаются съ киргизами. Расположенный во главѣ старой дельты Сыра, въ мѣстѣ бифуркаціи рѣки Яны-Дарья, которая течетъ на юго-западъ по направленію къ Аму-Дарьѣ, Перовскъ находится на прямой дорогѣ изъ Персіи и Хивы въ полуденную Сибирь, и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлается современемъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли между этими странами; но въ настоящее время онъ имѣетъ еще менѣе дѣятельности, нежели Казалинскъ, построенный ниже на главномъ рукавѣ Сыръ-Дарьи. Этотъ городъ наслѣдовалъ въ 1855 году Раимскому укрѣпленію (переименованному впослѣдствіи въ Аральское), которое было построено при устьи Сыра, близъ Аральскаго моря, но среди болотъ, оказавшихся очень нездоровыми, такъ что невозможно было продолжать держать тамъ гарнизоны. Крѣпость, которую обыкновенно называютъ сокращеннымъ именемъ Казала, носила сначала наименованіе форта № 1-й; она дѣйствительно была первая по порядку въ цѣломъ рядѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя Россія имѣетъ теперь вплоть до подножія Алтая и въ самомъ сердцѣ Небесныхъ горъ. Казалинскъ, расположенный въ низменной мѣстности, которую Сыръ наводняетъ во время своихъ разливовъ, долженъ завоевывать мало по малу почву, на которой стоятъ



ОБЩІЙ ВИДЪ ХОДЖЕНТА.

его дома и вѣтряныя мельницы; тѣмъ не менѣе онъ процвѣтаетъ, благодаря пересѣкающимся тамъ торговымъ дорогамъ, изъ Оренбурга въ Ташкентъ и Бухару, изъ Герата и Хивы въ Троицкъ и Екатеринбургъ, и воздѣланныя земли окружаютъ его на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ.

Городъ низовьевъ Яксарта, въ одно и то-же время базаръ и фортъ, не имѣетъ соперника на нижнемъ Оксусѣ. Тамъ находятся только мѣстечки, какъ Чимбай, и военные посты, какъ Петро-Александровскъ и Нукусъ, которые командуютъ берегами рѣки: въ лѣтнее время эти населенныя мѣста почти совершенно пустѣютъ, тогда какъ зимой стѣны ихъ заключаютъ въ себѣ тысячи кибитокъ и палатокъ кара-калпаковъ. Въ прежнія времена существовали многочисленные города въ области, теперь почти пустынной, гдѣ воды Яны-Дарьи образовали общую дельту Сыра и Аму. На разстояніи дневного перехода къ югу отъ Сыръ-Дарьи еще въ 1742 году, во время путешествія Гладышева, стоялъ городъ Яны-кендъ или „Новая крѣпость“, и кара-калпаки разбивали тамъ свои юрты среди развалинъ; запустѣніе этого города туземцы объясняютъ тѣмъ, что будтобы жители его были прогнаны змѣями [1]). Нѣкоторыя селенія дельты состоятъ изъ тростниковыхъ хижинъ, поставленныхъ среди болота на плотахъ изъ камыша, мѣрно качающихся по волѣ волнъ.

Въ Киргизскихъ степяхъ, простирающихся на сѣверъ отъ Аральскаго озера, города Тургай и Иргизъ—незначительныя мѣстечки, которымъ только ихъ административная роль придаетъ нѣкоторую важность. Однако, путешественники съ радостью отдыхаютъ тамъ отъ длиннаго и утомительнаго переѣзда черезъ степи по пескамъ, травянымъ пространствамъ и болотамъ.

У сѣвернаго основанія Небесныхъ горъ тянется поясъ воздѣланныхъ земель и городовъ, подобный поясу западнаго ската, но гораздо менѣе богатый и менѣе многолюдный: тамъ уже не существуетъ большихъ городовъ со времени кровавой рѣзни, превратившей въ пустыню почти всѣ обработанныя и населенныя мѣстности долины Или. Первый постъ, занятый русскими къ востоку отъ Кара-тау, хребта на рѣкѣ Таласъ, Ауаіе-ата, еще не возвысился на степень города, хотя онъ ведетъ дѣятельную торговлю хлѣбомъ и скотомъ, благодаря живущимъ въ долинѣ кара-киргизамъ: нѣсколько бараковъ—вотъ все, что указываетъ, рядомъ съ базаромъ и становищемъ ауліеатскихъ туземцевъ, на городъ, для котораго мечтали о высокой судьбѣ, давая ему имя Александрограда. Сначала предполагали даже сдѣлать его главнымъ городомъ всѣхъ русскихъ владѣній въ Туркестанѣ: только въ 1867 году рѣшеніе было принято окончательно въ пользу Ташкента. Имя его Ауліе-ата или „Святой отецъ“, происходитъ

[1]) *Левшинъ*, Описаніе киргизъ-кайсаковъ.

отъ одного чтимаго хана, могила котораго посѣщается, какъ святыня, киргизскими пилигримами. Верстахъ въ пятнадцати къ сѣверу, тоже на берегахъ Таласа, который теряется въ пескахъ пустыни, видны развалины древняго города, Тюмкента, вѣроятно покинутаго жителями вслѣдствіе набѣговъ кочевниковъ, или, быть можетъ, по причинѣ высыханія страны. Другія развалины, болѣе замѣчательныя, находятся выше по теченію, верстахъ въ пятидесяти: это остатки какого-то огромнаго зданія, покрывающаго около 3 десятинъ своими плитами краснаго песчаника, длиной почти въ 3 аршина; киргизская легенда говоритъ, что эти камни были набросаны съ сосѣдней горы княземъ духовъ. Лерхъ полагаетъ, что они были изсѣчены для постройки буддійскаго монастыря [1]). Одинъ китайскій путешественникъ, Чанъ-Чунъ, посѣтившій этотъ край въ 1221 году, разсказываетъ о городѣ изъ „краснаго камня“ и упоминаетъ въ то-же время о большихъ могильныхъ курганахъ, „расположенныхъ на подобіе звѣздъ созвѣздія Большой Медвѣдицы“. Киргизы называютъ ихъ Джитте-тепе, что̀ значитъ „Семь холмовъ“; впрочемъ, всѣхъ горокъ тамъ не семь, а шестнадцать: одна изъ нихъ носитъ надпись на манчжурскомъ языкѣ, въ которой прославляется побѣда, одержанная китайцами надъ джунгарами въ 1758 году.

Область, продолжающаяся къ востоку отъ Ауліе-ата, по сѣверному скату хребта Александровскаго, есть та самая страна „Тысячи источниковъ“, о которой говоритъ китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Цангъ, и гдѣ находилось нѣкогда царство Кара-Китай или „Черный Китай“, въ которомъ многіе ученые видятъ одно изъ царствъ „священника Іоанна“, розыскиваемыхъ послѣдовательно въ Абиссиніи, на Кавказѣ, въ Центральной Азіи [2]). Черезъ эту область проходилъ историческій путь переселенія народовъ, движенія армій и торговыхъ сношеній, между сѣвернымъ Китаемъ и западной Азіей; но на этой дорогѣ города, которые строилъ одинъ завоеватель, были разрушаемы другимъ, слѣдовавшимъ за нимъ, и потому теперь тамъ видны только развалины. Такъ, Токмакъ, бывшая столица Кипчакскаго царства, представляетъ нынѣ груды обломковъ, лежащія близъ лѣваго берега рѣки Чу, въ 27 километрахъ выше новаго Токмака, гдѣ основалась главная русская колонія этой долины. Недавно Токмакъ имѣлъ важное значеніе, благодаря своему положенію на дорогѣ, ведущей въ Вѣрный черезъ Кастекскій перевалъ; но въ послѣднее время этой дорогой, какъ слишкомъ трудной для ѣзды, перестали пользоваться, и колесные экипажи направляются теперь чрезъ другой проходъ, болѣе возвышенный, или, вѣрнѣе сказать, черезъ проломъ горъ, на сѣверѣ отъ станціи Пишпекъ.

---

[1]) *Lerch*;—*Schuyler*, Turkistan.

[2]) *Oppert*, Presbyter Johannes in Sage und Geschichte; — *Yule*, The Book of sir Marc Palo, Cathay.

Вѣрный, главный городъ Семирѣченской области, прежде носилъ названіе Алматы, данное ему по имени сосѣдней горы, которая поднимается къ югу отъ города въ видѣ высокой пирамидальной массы, и снѣга которой питаютъ Алматинку или „рѣку Яблонь“: это то-же самое названіе, какъ Мансанаресъ у испанцевъ. Вѣрный еще не имѣлъ времени оправдать свое имя, такъ какъ онъ существуетъ какъ русскій городъ всего только съ 1867 года. Составленный изъ нѣсколькихъ въ началѣ отдѣльныхъ кварталовъ, которые сливаются мало по малу, Вѣрный совершенно отличается отъ городовъ Туркестана: по внѣшнему виду это чисто сибирскій городъ, съ широкими улицами, низенькими деревянными или кирпичными домами, съ русскими вывѣсками на лавкахъ; тамъ начинается, наконецъ, истинно славянскій край. Тѣмъ не менѣе населеніе Вѣрнаго не исключительно русское: на улицахъ встрѣчаешь представителей почти всѣхъ рассъ сѣверной и центральной Азіи: сартовъ и таджиковъ, каракиргизовъ и киргизъ-кайсаковъ, даже афганцевъ, а между переселенцами изъ Европейской Россіи тамъ есть: мордвины, чуваши и черемисы [1]). Черноработіе по большей части калмыки, которыхъ легко узнать съ перваго взгляда по ихъ длинной висящей косѣ, а въ ихъ путешествіяхъ—по быку или коровѣ, которыхъ они употребляютъ для ѣзды. Торговля большей частію сосредоточена въ рукахъ китайцевъ, которымъ принадлежатъ также многія промышленныя заведенія города. Первые поселившіеся въ Вѣрномъ китайцы пріѣзжали туда покупать у мѣстныхъ звѣролововъ драгоцѣнное вещество, находящееся, въ началѣ лѣта, въ рогахъ оленя марала; но такъ какъ число этихъ животныхъ съ каждымъ годомъ уменьшается въ Тянь-Шанѣ, то этимъ негоціантамъ пришлось заняться болѣе правильной торговлей и долгое время они были единственными посредниками по привозу чая въ Семирѣченскую область [2]). Вѣрный служитъ складочнымъ мѣстомъ для продажи металлическихъ издѣлій русской фабрикаціи, которыя употребляются всѣми жителями Средней Азіи до границъ Тибета. Благодаря духу предпріимчивости, которымъ отличаются вѣрненскіе купцы, благодаря также административнымъ привилегіямъ города и его значительному гарнизону, численность котораго въ 1879 году простиралась до 3,500 человѣкъ, Вѣрный сдѣлался мало по малу центромъ торговли страны. Къ сѣверу отъ областнаго города, укрѣпленіе и мѣстечко Илійскъ охраняютъ проходъ черезъ рѣку Или и дороги, ведущія изъ Вѣрнаго въ Кульджинскій край и въ Семирѣченскую область. На востокѣ, по теченію Или, фортъ Борохудзиръ, вокругъ котораго основалась колонія крестьянъ, переселившихся изъ Томской губерніи, имѣетъ казенный садъ акклиматизаціи растеній и охраняетъ границу Кульджинскаго края.

---

[1]) *Костенко*, Туркестанскій край.

[2]) Russische Revue, 1876 г., № 10.

*

Въ области Семирѣчья самое многолюдное поселеніе — городъ Копалъ или Капалъ, лежащій у основанія сѣверныхъ скатовъ джунгарскаго Ала-тау, на берегу соименной ему рѣки, которая теряется въ болотахъ, верстахъ въ ста къ югу отъ озера Балхашъ. На сѣверо-востокѣ отъ Копала, мѣстечко Арасанъ замѣчательно своими горячими сѣрнистыми ключами, гдѣ русскіе чиновники края находятъ гостинницу, паркъ и удовольствія дачной жизни, какъ на минеральныхъ водахъ Европы. На сѣверѣ, главный пунктъ мѣстностей по теченію рѣки Лепсы, Лепсинскъ— цвѣтущій городъ, тогда какъ по ту сторону цѣпи озеръ Сухаго, Сассыкъ-куль и Ала-куль, станица Уджарская,—откуда путешественники поднимаются на перевалы хребта Тарбагатай,—ведетъ значительную торговлю съ кочевниками, также какъ и городъ Сергіополь, носившій прежде татарское имя Ая-гузъ; этотъ послѣдній городъ занимаетъ, на рѣкѣ Ая-гузъ, восточномъ притокѣ озера Балхашъ, широкую брешь или долину между хребтами Тарбагатай и Денгизъ-тау. Наконецъ, въ сердцѣ Тянь-Шаня, центромъ русской цивилизаціи является городокъ Караколь, лежащій верстахъ въ пятнадцати отъ залива Кара-су, у восточной оконечности озера Иссыкъ-куль. Бывшее казачье поселеніе, Караколь получилъ нынѣ важное и постоянно возрастающее значеніе, какъ станція торговыхъ каравановъ, ходящихъ между двумя склонами Небесныхъ горъ.

До тѣхъ поръ, пока славянское населеніе края состояло лишь изъ отрядовъ линейныхъ казаковъ, обязанныхъ колонизовать страну военными поселеніями, строить избы и обработывать землю, въ родѣ того, какъ дѣлается солдатское ученье,—каждая русская деревня была мѣстомъ пьянства и разгула. Вмѣсто того, чтобы воздѣлывать свои сады, казаки опустошали чужія поля, срубали яблони для топки печей. Они не только не оказывали цивилизующаго вліянія на калмыковъ, но, напротивъ, сами, въ концѣ концовъ, становились похожими на туземцевъ, не по честности, но по дикости нравовъ [1]). Чтобы придать себѣ важный видъ, они говорили между собой по-татарски, какъ-будто ихъ славянское происхожденіе было признакомъ низшей рассы [2]). Добровольное переселеніе русскихъ крестьянъ совершенно измѣнило характеръ колонизаціи, и земледѣліе съ той поры сдѣлало быстрые успѣхи: русскій сельскій міръ проникъ въ эти прекрасныя долины Семирѣчья, гдѣ русская цивилизація постепенно смѣнятъ монгольскую культуру; но пройдутъ еще многіе годы, прежде чѣмъ страна будетъ опять культивирована и заселена такъ же, какъ она была прежде О прежней населенности ея свидѣтельствуютъ встрѣчающіеся повсюду остатки городовъ и буддійскихъ памятниковъ, слѣды каналовъ, могильные курганы, изъ которыхъ многіе заключаютъ

---

[1]) *Сѣверцовъ*, Тянь-Шань.

[2]) *Schuyler*, Turkistan.

въ себѣ золотые сосуды, украшенные драгоцѣнными камнями. Русское населеніе Семирѣченскаго края въ 1872 году простиралось до 52,000 душъ, въ томъ числѣ было 28,000 солдатъ, 17,000 казаковъ-земледѣльцевъ и 7,000 другихъ жителей.

Къ востоку отъ Вѣрнаго, рѣка Или протекаетъ по Кульджинскому краю, столь богато одаренному природой, что по исчисленіямъ, которыя, впрочемъ, не опирались на точныя статистическія данныя, народонаселеніе его, до страшныхъ событій 1869 года, доходило до двухъ съ половиной милліоновъ душъ, что составляло, въ среднемъ выводѣ, около 40 жителей на квадратный километръ; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ тогда былъ въ три или четыре раза гуще населенъ, чѣмъ въ наши дни. Послѣ кровавой сѣчи, прекрасная страна превратилась въ громадный некрополь [1]). Путешественникъ повсюду встрѣчаетъ оросительные каналы, занесенные иломъ или превратившіеся въ болота, заброшенныя поля, опустошенные лѣса, города и деревни, лежащіе въ развалинахъ. Когда онъ поднимается вверхъ по долинѣ Или, за укрѣпленіемъ Борохудзиръ и за лѣсомъ низкорослыхъ вязовъ, насаженныхъ китайцами, взорамъ его послѣдовательно являются груды камней, указывающія гдѣ недавно стояли города: Тургень, Джаркендъ, Аккендъ, Хоргосъ, Алимъ-ту. У нѣкоторыхъ изъ бывшихъ укрѣпленныхъ городовъ сохранились еще стѣны и башни, но сквозь бреши видны внутри стѣнъ только развалины, наполовину скрытыя высокими травами и корнями деревьевъ. Городъ, который манчжуры основали въ 1764 году, и изъ котораго они сдѣлали столицу китайской провинціи, подъ разными именами, какъ-то: Или, Новая Кульджа, Манчжурская Кульджа, Гой-юанъ, представляетъ теперь въ высшей степени печальное зрѣлище [2]): стѣны крѣпости существуютъ еще; мѣстами высится еще зазубренная башня; уцѣлѣвшія кое-гдѣ двери, украшенныя рѣзьбой, стѣны домовъ, расписанныя фресками, составляютъ рѣзкій контрастъ съ нагроможденными подлѣ кучами обломковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостовая покрыта бѣлѣющими человѣческими костями. Послѣ прохода жестокихъ истребителей, таранчей, до восьмидесяти тысячъ труповъ было разсѣяно на улицахъ Или; два или три домика, обитаемыхъ дунганами,—таковы были, въ 1876 году, единственные признаки возрожденія разрушеннаго города. На востокѣ, другой многолюдный городъ, Баяндай, имѣвшій, какъ говорятъ, не менѣе 150,000 жителей, тоже былъ разрушенъ до основанія, такъ что отъ него осталось только нѣсколько обрывовъ городской стѣны; но на сѣверѣ, городокъ Суйдунъ еще обитаемъ.

Нынѣшняя столица была главнымъ городомъ страны прежде Или:

---

[1]) *Абрамовъ*, Записки Русск. Географ. Общества, т. I, 1867 г.; *Уйфальви*; *Шуйлеръ* и т. д.

[2]) Russische Revue, 1879 г., № 6.

это Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нинъ-Юанъ и Курень. Также, какъ Или, Старая Кульджа расположена на правомъ берегу рѣки; подобно всѣмъ городамъ китайской постройки, она имѣетъ форму правильнаго четыреугольника, окруженнаго высокой зубчатой стѣной, настолько широкой на верху, что по ней могутъ ѣздить запряженные экипажи. По серединѣ каждой изъ сторонъ четыреугольника открываются городскія ворота, защищаемыя круглымъ бастіономъ съ остроконечной башней на верхушкѣ. Двѣ главныя улицы, оканчивающіяся у четырехъ воротъ, пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, образуя равные кварталы квадратной формы, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на другіе квадраты пересѣченіемъ улицъ и переулковъ. Хотя планъ города былъ, очевидно, начертанъ китайцами, Кульджа сохраняетъ, однако, во внутренности видъ туркестанскаго города, и только тамъ и сямъ попадаются зданія, архитектура которыхъ напоминаетъ характеръ построекъ Серединной имперіи: дома, построенные изъ битой глины, покрытые глиняными кровлями, походятъ на жилища узбековъ и сартовъ въ среднеазіатскихъ городахъ. Живущіе въ Старой Кульджѣ дунганы и китайцы производятъ довольно большую торговлю и даже основали кое-какіе промышленныя заведенія, мельницы, фабрики разнаго печенья и пр.; но минеральныя богатства окружающихъ холмовъ, залежи мрамора, желѣзной руды и другихъ металловъ, мѣсторожденія сѣры, пласты каменнаго угля, разработываются еще въ незначительномъ размѣрѣ. Окрестные сады и поля, орошаемыя частію водами, выходящими подземнымъ путемъ изъ глубинъ озера Сайрамъ-Норъ [1]), производятъ въ изобиліи все необходимое для продовольствія жителей; а съ 1878 года тамъ разрѣшена и культура опіума (цѣнность опіума, вывезеннаго изъ Кульджинской территоріи въ Китайскую имперію въ 1874 году: 332,350 рублей; площадь земель, засѣваемыхъ макомъ: 2,820 десятинъ [2]). Населеніе Старой Кульджи, въ огромномъ большинствѣ состоитъ изъ магометанъ: городъ имѣетъ только двѣ буддійскія пагоды, между многочисленными мечетями, изъ которыхъ двѣ самыя красивыя, китайской архитектуры, были построены на средства пекинскаго правительства. Маленькая домовая церковь китайцевъ католиковъ, которая существовала тамъ до пришествія русскихъ, свидѣтельствуетъ о попыткахъ распространенія въ краѣ христіанства, сдѣланныхъ французскими и итальянскими миссіонерами; теперь въ Кульджѣ строятъ также православныя церкви съ разноцвѣтными куполами.

Такъ какъ русское правительство, послѣ подавленія возстанія дунганъ, въ іюлѣ 1870 года, заняло Илійскую долину только временно, въ

---

[1]) *Мушкетовъ*, Записки Минералогическаго Общества, 2-я серія, II томъ, 1877 г.
[2]) „Туркестанскія Вѣдомости“, 29 іюля 1880 г.

виду безсилія китайцевъ въ дѣлѣ поддержанія порядка въ пограничныхъ областяхъ, и обѣщало возвратить Кульджу Срединной имперіи, когда пекинское правительство окажется въ состояніи управлять этой страной, то русскіе колонисты не получили разрѣшенія селиться въ краѣ: солдаты, купцы, пріѣзжіе суть единственные представители Европы въ долинѣ Или, среди всѣхъ этихъ восточныхъ людей: татаръ и калмыковъ, таранчей, дунганъ и китайцевъ. Извѣстно, что въ силу недавно

Кульджинскій китаецъ.

заключеннаго трактата, Китай снова вступилъ во владѣніе частью территоріи, прилегающей къ правому берегу рѣки Или, причемъ Россія удержала за собой, на правахъ полной собственности, южную часть края и проходъ Небесныхъ горъ, которые позволяютъ ей господствовать въ военномъ отношеніи надъ бассейномъ Тарима и надъ всей Кашгаріей, точно также, какъ и надъ бассейномъ Или. Каковъ бы ни былъ исходъ возможныхъ въ будущемъ, по поводу этой пограничной области, дипломатическихъ пререканій или даже вооруженныхъ столкновеній,—во всякомъ случаѣ вѣроятно, что русскія избы скоро появятся подлѣ калмыцкихъ юртъ въ очаровательныхъ и богатыхъ долинахъ, орошаемыхъ притоками верхняго теченія Или. Въ настоящее время нѣтъ болѣе никакихъ городовъ, ни даже селеній на берегахъ рѣкъ въ этой области Небесныхъ горъ; но многочисленные остатки строеній показываютъ, какъ многолюдна была нѣкогда эта страна. На юго-западъ отъ Кульджи, въ долинѣ рѣки Текесъ, видны развалины древней столицы монгольскихъ хановъ, извѣст-

ные теперь у киргизъ подъ именемъ Акъ-курганъ или „Бѣлаго кургана“. Зданія и памятники, принадлежащія къ давнишнимъ цивилизаціямъ и эпохамъ, встрѣчаются еще въ разныхъ частяхъ края, свидѣтельствуя о борьбѣ, которая происходила здѣсь въ разныя времена и между разными народами изъ за обладанія этой роскошной страной. Въ долинѣ рѣки Кашъ сохранились идолы и камни, носящіе тибетскія надписи. Близь Хорюса, на востокъ отъ Кульджи, стоитъ мечеть, построенная въ томъ-же стилѣ, какъ и мусульманскіе храмы Самарканда.

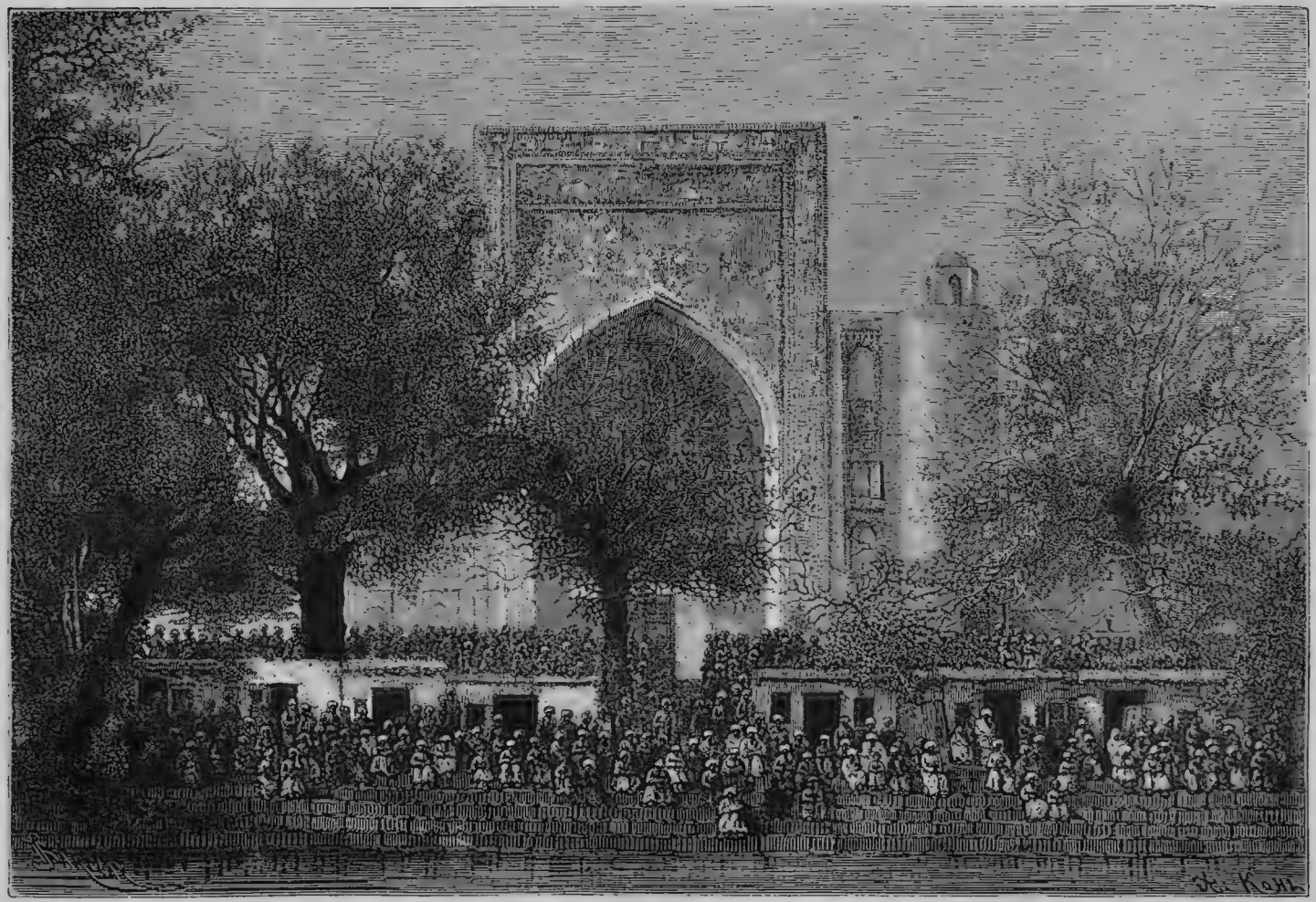
Населеніе главныхъ городовъ русскаго Туркестана, за исключеніемъ Ферганской области и Зарявшанскаго округа суть:

Сыръ-Дарьинская область.			*Аму-Дарьинская область.*		
Ташкентъ (1874 г.) .	86,250	жит.	Чимбай (лѣтомъ) . .	700	жит.
„ (1880 г.) .	100,000	„			
Ходжентъ (1879 г.) .	29,000	„	*Семирѣчье.*		
Ура-тепе (съ предм.) .	15,000	„	Вѣрный (съ 1879 г., съ		
Джизакъ	7,000	„	предмѣстьями). . .	14,850	„
Пангасъ	6,000	„	Лепсинскъ	3,000	„
Туркестанъ . . .	5,500	„	Копалъ	2,700	„
Чимкентъ	5,400	„	Караколъ.	2,275	„
Пскентъ	5,000	„			
Ашъ.	5,000	„	*Кульджа.*		
Перовскъ	3,400	„	Старая Кульджа . .	10,000	„
Ауліе-ата	3,300	„	„ „ (съ предм.)	15,000	„
Казалинскъ	2,950	„	Суйдунъ	4,000	„

Наибо́льшая часть русскаго Туркестана состоитъ изъ пустынь и пастбищъ. Исчисляютъ, что площадь почвы, гдѣ въ настоящее время можетъ быть производима культура хлѣбныхъ растеній, составляетъ только пятидесятую часть всего пространства этой территоріи. По Костенко, земледѣльческая область русскаго Туркестана, по роду земель, представляетъ слѣдующія цифры, въ гектарахъ (гектаръ немного болѣе девяти десятыхъ десятины):

	Поля.	Пастбища.	Пустыни или необраб. земли.	Всего.
Семирѣчье	902,700 (2,2 %)	19.800,000 (49,1 %)	19.237,300 (49.7 %)	40.640,000
Сыръ-Дарьин. обл.	393,800 (0,8 %)	19.430,000 (41,9 %)	27.306,200 (57,3 %)	47.130,000
Фергана.	600,000 (8 %)	3.300,000 (44,8 %)	3.410,000 (46,2 %)	7.370,000
Зарявшанск. окр. .	210,800 (9 %)	1.430,000 (54,2 %)	999,200 (37,8 %)	2.640,000
Аму-Дарьинск. обл.	50,300 (0,5 %)	1.430,000 (15,1 %)	7.979,700 (84,4 %)	9.460,000

Но, хотя эта область Средней Азіи въ настоящее время менѣе богата водой, чѣмъ была прежде, протекающія въ ней рѣки, которыя теперь теряются въ соляныхъ озерахъ или въ нездоровыхъ болотахъ, могли-бы,



БУХАРА. ПЕРЕДЪ МЕЧЕТЬЮ.

безъ всякаго сомнѣнія, развѣтвляться, въ видѣ ирригаціонныхъ каналовъ, на обширныхъ пространствахъ, нынѣ безплодныхъ и пустынныхъ. Исчисляя поверхность долинъ и равнинъ, которую можно было-бы нынѣ-же утилизировать для земледѣлія или получить посредствомъ искусственнаго орошенія, равной шестой части арало-каспійской покатости,—площадь производительныхъ земель занимала-бы пространство бо́льшее, чѣмъ вся Франція, и, слѣдовательно, тамъ могли-бы жить въ довольствѣ около сорока милліоновъ человѣкъ. Притомъ-же большая часть работъ по устройству искусственной ирригаціи была-бы только возстановленіемъ прежняго порядка вещей: берега Сыръ-Дарьи, сѣверная и западная части Бухары, почти все пространство, раздѣляющее двѣ главныя рѣки арало-каспійской покатости, были нѣкогда покрыты цвѣтущими полями и садами; Голодная степь носитъ это имя только съ того времени, когда засорились пескомъ арыки, которыми прежде была изборождена ея поверхность и которые теперь пытаются замѣнить новыми каналами.

Земли, которыя орошаетъ туземный пахарь,—таджикъ, сартъ или киргизъ,—даютъ обильные урожаи. Земледѣльческія орудія тамъ самыя простыя, первобытныя, тѣмъ не менѣе вся почва вспахивается, переворачивается, насыщается водой, а сборы плодовъ земныхъ щедро вознаграждали-бы трудъ земледѣльца, если-бы лучшая часть его заработка не уходила на уплату податей и налоговъ. Хотя столь значительная часть земель Туркестана обречена на безплодіе по недостатку воды, но того, что остается, обыкновенно достаточно для содержанія населенія, и жители могутъ, сверхъ того, предаваться культурѣ промышленныхъ растеній для вывоза ихъ въ Россію. Каждый оазисъ, воздѣлываемый какъ садъ, питаетъ своими произведеніями одинъ или нѣсколько городовъ, и населеніе края прокармливается главнымъ образомъ не земледѣліемъ, а садоводствомъ и огородничествомъ. Въ равнинѣ, площадь садовъ и огородовъ Бухары въ семь разъ превышаетъ площадь полей въ собственномъ смыслѣ; послѣднія встрѣчаются обширными пространствами только по скатамъ холмовъ и горъ. Культурныя земли неорошаемыя занимаютъ гораздо болѣе обширную площадь, чѣмъ земли, пользующіяся искусственнымъ орошеніемъ.

Культура хлопчатой бумаги значительно увеличилась въ Туркестанѣ за послѣднія десятилѣтія; такъ, въ 1858 году изъ Средней Азіи было вывезено въ Россію хлопка на сумму 677,000 рублей, а въ 1867 году отпускъ его простирался уже до 5.513,000 рублей. Производство хлопка исчисляется, для всей арало-каспійской покатости, въ 50,000 тоннъ (слишкомъ 3.000,000 пудовъ), изъ которыхъ двѣ трети приходятся на долю Бухарскаго ханства; хлопчатникъ можно воздѣлывать до самаго Казалинска, на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи; но волокно средне-азіатскаго хлопка гораздо грубѣе, чѣмъ волокно американскаго; къ тому же

первый очень грязенъ, такъ что онъ не нашелъ бы покупателей на рынкахъ западной Европы. Производство шелка сдѣлало, быть можетъ, еще болѣе значительные успѣхи въ русскомъ Туркестанѣ (вывозъ шелка изъ Средней Азіи въ Европейскую Россію: въ 1858 г. на 69,000 рублей; въ 1867 г. на 1.273,900 руб.). Общій сборъ шелка-сырца исчисляется для одной только Бухары въ милліонъ килограммовъ [1]); въ нѣкоторыхъ округахъ шелковица самое обыкновенное дерево, и употребляется для всякихъ насажденій, для живыхъ изгородей, для обсадки полей или дорогъ и т. п. Когда болѣзнь шелковичныхъ червей начала производить опустошенія въ шелковичникахъ Франціи и Италіи, иностранцы стали пріѣзжать толпой въ Бухару за покупкой яичекъ шелковичнаго червя; но эта торговля, въ началѣ терпимая, потомъ строго регламентированная, была, наконецъ, совершенно запрещена въ 1871 году. Что касается овечьей шерсти, то она груба, худо вымыта, худо вычесана, и можетъ идти только на выдѣлку низшихъ сортовъ суконъ. Но нѣкоторые сорта ковровъ замѣчательны прочностью ткани и въ особенности красотой и оригинальностью узоровъ. Ковры эти ткутъ туркменки, подъ руководствомъ какой-нибудь матроны, которая чертитъ рисунокъ на пескѣ, считаетъ число нитокъ, указываетъ цвѣта и оттѣнки. Ткани изъ верблюжьей шерсти, тоже очень прочныя, замѣнили парусину для приготовленія солдатскихъ блузъ и мѣшковъ всякаго рода.

Главное богатство киргизовъ и другихъ обитателей арало-каспійской покатости составляетъ домашній скотъ, общую цѣнность котораго опредѣляютъ приблизительно въ 99 милліоновъ рублей. По Костенко, количество скота въ русскомъ Туркестанѣ выражается слѣдующими цифрами:

	Верблюдовъ.	Лошадей.	Бык. и коровъ.	Барановъ.
Семирѣчье . . .	97,412	892,007	523,200	6.296,000
Сыръ-Дарья . . .	242,130	395,563	293,550	3.183,000
Зарявшанъ . . .	1,248	51,991	84,463	283,000
Фергана	38,294	213,760	220,717	1.260,000
Аму-Дарья . . .	11,267	48,000	38,070	329,600
Всего . . .	390,351	1.601,311	1.160,000	11.351,000

Курдючные бараны даютъ большое количество сала для мѣстнаго потребленія, и киргизы поставляютъ русскимъ каждый годъ шерсти на сумму около 500,000 рублей; продажа самихъ животныхъ на всей „линіи“ между Троицкомъ и Семипалатинскомъ, представляетъ цѣнность около 3.500,000 рублей. Доходъ, который киргизы получаютъ ежегодно отъ своихъ лошадей, превышаетъ 5 милліоновъ рублей; такъ, напримѣръ, въ 1863 году этотъ доходъ выражался слѣдующими цифрами:

---

[1]) *Петровскій, Костенко.*

Извозный промыселъ .	3.000,000 р.	Кожья	80,000 р.
Кобылье молоко. . .	1.700,000 „	Выдѣланная кожа . .	68,700 „
Конина	970,000 „		

Замѣчательно, что киргизъ даетъ Россіи больше товаровъ, чѣмъ сколько самъ спрашиваетъ отъ нея, такъ что „балансъ“ торговли между ними склоняется въ его пользу [1]). Однако, количество скота въ степи уменьшается: холодъ, бураны, особенно гололедица убавили число домашнихъ животныхъ; теперь даже не каждая юрта имѣетъ верблюда. Ввозъ хлѣба въ степь тоже уменьшился въ послѣднее время, такъ какъ кочевники уже не настолько богаты, чтобы могли покупать его въ достаточномъ количествѣ. Говорятъ, что во время зимы 1879—80 года число головъ скота, котораго было 860,000 въ Тургайской области, упало до 50,000. Бураны и болѣзни погубили въ эту жестокую зиму почти всѣхъ животныхъ.

Въ принципѣ, земли въ Туркестанѣ не могутъ быть присвоены въ полную и окончательную собственность. Право владѣнія почвой существуетъ только впродолженіе того времени, пока земля находится въ состояніи культуры; всякая залежь, оставшаяся три года безъ обработки, считается перешедшей въ казенное владѣніе, и государство можетъ опять взять ее, чтобы отдать тому, кто пожелаетъ пользоваться ею, съ обязательствомъ платить установленный земельный налогъ. Что касается не пахатныхъ земель, то можно сказать, что онѣ принадлежатъ всѣмъ: каждый имѣетъ право пользоваться такими землями, каждый можетъ пасти на нихъ свой скотъ и рубить лѣсъ въ какомъ угодно количествѣ. Воздѣлываемая почва передается по наслѣдству отъ отца къ сыну, безъ вмѣшательства государства, исключая того случая, когда она была дана лишь въ пользованіе, какъ, напримѣръ, земли вакуфа, доходы съ которыхъ принадлежатъ духовнымъ учрежденіямъ и учебнымъ заведеніямъ. Государство предоставляетъ владѣльцамъ земли право на извѣстное количество воды для орошенія полей, но при этомъ можетъ требовать, чтобы земледѣлецъ занимался тѣмъ или другимъ родомъ культуры, смотря по бо́льшему или меньшему обилію имѣющагося запаса воды.

Территорія русскаго Туркестана, которая заключаетъ въ своихъ предѣлахъ такъ много пустынныхъ мѣстностей, тогда какъ обитаемыя ея области по большей части удалены однѣ отъ другихъ и городовъ въ нихъ очень мало,—представляетъ тѣмъ самымъ особенныя трудности для русскаго господства; не имѣя нигдѣ центра, народы этой обширной страны легко ускользаютъ отъ непосредственнаго вліянія управляющей ими власти, и еще недавно многіе изъ нихъ сохраняли свою независимость, благодаря кочевому образу жизни и громадности пространства, которое ихъ непрія-

[1]) *Терентьевъ*, „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, 1875 г.

тели должны были пройти, чтобы добраться до нихъ. Что касается осѣдлыхъ населеній, пріученныхъ къ повиновенію, то они живутъ именно въ мѣстностяхъ наиболѣе удаленныхъ отъ центра имперіи, и если-бы какое-нибудь событіе предоставило ихъ самимъ себѣ, они, вѣроятно, тотчасъ же вступили бы въ новыя политическія группы, безъ сожалѣнія о томъ, что судьба отдѣлила ихъ отъ славянской державы. Присоединеніе этихъ странъ къ Россіи составляетъ фактъ чисто матеріальный: оно не имѣетъ основанія ни въ симпатіи жителей къ своимъ побѣдителямъ, ни въ сходствѣ происхожденія, религіи, нравовъ или обычаевъ. Во всѣхъ отношеніяхъ противоположность между двумя рассами полная.

Вооруженная сила — вотъ, слѣдовательно, главная опора русскаго владычества въ этой татарской Азіи. Понятно, какъ важно и необходимо было-бы, при этихъ условіяхъ, связать арало-каспійскую область съ Европейской Россіей удобными и быстрыми путями сообщенія. Безъ сомнѣнія, земледѣліе Зарявшанскаго округа, Ферганской долины, нѣкоторыхъ частей Сыръ-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей, имѣетъ нѣкоторую важность для Россіи, и произведенія этихъ странъ: хлопокъ, шелкъ, фрукты, направляются къ рынкамъ восточной Европы; но эти произведенія, представляющія въ сложности годовую цѣнность никакъ не болѣе пятидесяти милліоновъ рублей, далеко не такъ значительны, чтобы перевозка ихъ могла оплачивать издержки сооруженія и содержанія желѣзной дороги. Для торговыхъ сношеній, даже много превосходящихъ по размѣру нынѣ существующее движеніе, вовсе нѣтъ надобности искать другихъ перевозочныхъ средствъ помимо верблюдовъ и другихъ путей — помимо естественныхъ дорогъ степи или пустыни. Новые пути будутъ имѣть главной цѣлью сблизить Татарію съ Европейской Россіей и обезпечить окончательно господство русскихъ въ Средней Азіи. Моря и рѣки тѣхъ странъ не представляютъ благопріятныхъ условій для устройства этихъ путей сообщенія. Аму-Дарья не изливается болѣе въ Каспійское море; Аральское озеро и впадающія въ него рѣки неудобны въ томъ отношеніи, что по ихъ водамъ могутъ плавать лишь суда небольшой грузовмѣстимости и то только впродолженіе части года; издержки судоходства на много превышаютъ выгоды, военныя и торговыя, которыя можно изъ него извлечь. Поэтому пришли къ мысли о постройкѣ рельсоваго пути, который соединилъ бы Ташкентъ, Самаркандъ и Бухару съ желѣзнодорожной сѣтью Европы. Заранѣе даже дали этой предполагаемой линіи названіе „главной центрально-азіатской“, и этимъ путемъ направили, въ надеждахъ, торговое движеніе между полуостровомъ Ганга и западной Европой.

Но къ этому вопросу о будущей желѣзной дорогѣ въ Индію примѣшиваются политическія соперничества. Русскіе съ одной стороны, англичане съ другой, имѣютъ національный интересъ видѣть и представ-

лять вещи подъ различнымъ угломъ зрѣнія: начертанія будущаго пути избираютъ то сѣверное, то южное направленіе, смотря по національности инженеровъ, составляющихъ планы; проэктамъ Лессепса и Барановскаго, благопріятнымъ Россіи, противопоставляются проэкты Гохштеттера и Раулинсона, болѣе соотвѣтствующіе выгодамъ Австро-Венгріи и Великобританіи. Для сравненія, приводимъ здѣсь относительную длину проэктированныхъ желѣзно-дорожныхъ линій и судоходныхъ путей между Лондономъ и Калькутой:

Черезъ Кале, Константинополь и Кандагаръ . .	9,120	километр.
Черезъ Остенде, Варшаву, Баку и Тегеранъ. . .	9,800	„
Черезъ Остенде, Варшаву, Оренбургъ и Ташкентъ .	10,800	„
Черезъ Бриндизи, Александретту и Бассору . . .	11,475	„
Черезъ Бриндизи, Суэзскій перешеекъ и Бомбей .	12,000	„
Мимо мыса Доброй Надежды.	21,450	„

Однако, если взглянутъ на дѣло съ точки зрѣнія общаго интереса народовъ, не заботясь о политическомъ равновѣсіи государствъ, ведущихъ между собой борьбу изъ-за господства надъ Азіей, то должно признать, что лучшій планъ желѣзной дороги между Европой и Индіей тотъ, который, изъ самыхъ многолюдныхъ и торговыхъ областей западной Европы, направляется къ бассейну Ганга по линіи, въ одно и то же время кратчайшей и ближайшей къ центрамъ населенія и къ приморскимъ рынкамъ. Эта линія, очевидно, будетъ та, которая соединитъ рано или поздно желѣзную дорогу изъ Кале и Остенде въ Константинополь съ желѣзной дорогой изъ Курачи, Калькуты и Мадраса въ Кандагаръ: къ этой главной линіи, безъ сомнѣнія, примкнетъ вѣтвь изъ Кавказскаго края. На сѣверѣ Россія тоже будетъ имѣть одинъ изъ главныхъ путей для всемірной торговли, именно тотъ, который черезъ историческую дорогу переселенія народовъ и движенія завоевателей, то-есть черезъ порогъ Джунгаріи, соединитъ бассейнъ Волги съ бассейномъ Желтой рѣки. Желѣзныя дороги, которыя предполагаютъ провести въ Средней Азіи, и которыя, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ построены, могутъ быть лишь соединительными линіями между двумя большими магистральными путями изъ Европы въ Индустанъ и изъ Европы въ Китай.

Какова-бы ни была польза предполагаемой туркестанской желѣзной дороги съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что мѣстности, по которымъ нужно будетъ пролагать этотъ путь, не представятъ непреодолимыхъ трудностей. Главное препятствіе находится въ самомъ Оренбургѣ, въ исходномъ пунктѣ дороги: тамъ нужно будетъ построить черезъ рѣку Уралъ желѣзно-дорожный мостъ длиною около 200 саженъ. Провести рельсовый путь черезъ „Черные Пески“ (Кара-Кумъ), вѣроятно, не будетъ такъ трудно, какъ это могло

показаться первымъ путешественникамъ, ибо песчаные бугры, которые притомъ же легко было-бы прикрѣпить насажденіями деревьевъ, отдѣлены одинъ отъ другого узкими длинными долинами или оврагами, идущими отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, слѣдовательно, въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ должна идти будущая желѣзная дорога [1]). По другому плану, предполагаемый рельсовый путь, пересѣкающій эмбенскія болота, проходитъ въ пониженіяхъ плоской возвышенности Усть-Уртъ и, направляясь черезъ равнины Хивы, идетъ вверхъ по теченію Аму-Дарьи, чтобы подняться черезъ Бактріану къ горнымъ проходамъ индійскаго Кавказа [2]). Есть еще другіе проэкты, состоящіе въ томъ, чтобы обойти на сѣверѣ пустыню „Черныхъ Песковъ“, что̀ позволило бы построить безъ особенно большихъ издержекъ вѣтвь въ направленіи къ будущей сибирской желѣзно-дорожной сѣти черезъ Троицкъ и Екатеринбургъ. Предполагая стоимость линіи не болѣе ста тысячъ франковъ за километръ, издержки устройства дороги, только на пространствѣ отъ Оренбурга до Ташкента, будутъ простираться почти до 200 милліоновъ франк. (около 50 милліоновъ мет. рублей). Только далѣе, на дорогѣ въ Индію, встрѣтились бы серьезныя препятствія, и ни одно предварительное изысканіе относительно условій мѣстности не позволяетъ еще указать на мѣсто Бактріаны, гдѣ всего удобнѣе было-бы сдѣлать попытку продолженія рельсоваго пути черезъ Гинду-Кушъ.

Какъ завоеванная страна, Туркестанъ управляется военнымъ порядкомъ. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, котораго туземцы называютъ Ярынъ-падишахомъ или „полуцаремъ“, дѣйствительно облеченъ почти царской властью надъ покоренными народами. Онъ въ одно и то же время главный начальникъ гражданскаго управленія края, главнокомандующій находящихся тамъ военныхъ силъ, полномочный представитель верховной власти для всѣхъ дипломатическихъ сношеній Туркестана съ сосѣдними странами. Содержаніе его, весьма значительное, не опредѣлено закономъ, но назначается непосредственно Высочайшей волей. Въ видахъ увеличенія его власти, къ Туркестану были присоединены, по управленію, провинціи, принадлежащія къ Сибири по своимъ торговымъ сношеніямъ, какъ Семирѣчье, или даже по своему географическому положенію, какъ части областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской. Территорія, въ которой каждое желаніе ташкентскаго генералъ-губернатора имѣетъ силу повелѣнія, не менѣе обширна, чѣмъ Европейская Россія, да и вассальныя государства, Хиву и Бухару, можно разсматривать тоже какъ составную часть этой громадной провинціи.

[1]) *Joseph Barrande.* Bulletin de la Société de Géographie de Paris 1879 г., № 4.
[2]) *Барановскій,* Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 4.

Управленіе областей Туркестана организовано по образцу управленія русскихъ губерній, съ тѣми измѣненіями, какія обусловливаются преобладаніемъ военныхъ порядковъ. Губернаторы областей назначаются изъ военныхъ генераловъ, и при нихъ состоитъ областное правленіе, члены котораго опредѣляются генералъ-губернаторомъ. Во главѣ управленія округовъ или уѣздовъ, на которые дѣлится область, стоитъ начальникъ, отвѣтствующій за порядокъ и обязанный заботиться о поддержаніи его посредствомъ административныхъ уставовъ и при помощи военной силы. На обязанности его лежитъ также наблюденіе за правильнымъ и бездоимочнымъ поступленіемъ всякаго рода налоговъ: десятины, общинной подати, таможенныхъ пошлинъ, личныхъ или посемейныхъ сборовъ (кибиточный сборъ). Однако, самоуправленіе туземныхъ инородческихъ племенъ не вполнѣ уничтожено, и народные обычаи уважаются, поскольку они не кажутся противорѣчащими интересамъ русскаго государства. Киргизы, соединенные въ аулы изъ ста до двухъ сотъ семей, и въ болѣе значительныя общины, носящія русское названіе волости, сами избираютъ своихъ старшинъ и судей для мѣстныхъ дѣлъ; точно также городскіе жители: узбеки, сарты, таджики, назначаютъ изъ своей среды своихъ аксакаловъ или „бѣлыя бороды“, либо всѣмъ городскимъ обществомъ, либо по частямъ города; но это избирательное право приводится въ дѣйствіе не иначе, какъ подъ контролемъ генералъ-губернатора или его представителей, и всѣ народные выборные могутъ быть устраняемы по усмотрѣнію начальства. Оттого выборы въ большей части городовъ обратились въ простую формальность, и, можно сказать, что въ сущности всѣ власти: военная, административная, судебная, принадлежатъ русскому офицеру высшаго чина, находящемуся въ каждомъ городѣ Туркестана. Свобода вѣроисповѣданій полная, и именно отсутствіе всякихъ преслѣдованій за вѣру имѣло слѣдствіемъ ослабленіе въ значительной степени религіозной ревности у мусульманъ [1]). Что касается народнаго образованія, то оно еще очень мало цѣнится населеніемъ Туркестана. Общее число магометанскихъ дѣтей, обучающихся грамотѣ въ школахъ этого края, вѣроятно, не превышаетъ 5,000. По Костенко [2]), въ 1879 году число народныхъ школъ и учащихся въ нихъ, въ главныхъ городахъ было слѣдующее:

Ташкентъ .	118 школъ,	2,360 воспит.	Ура-тепе.	17 школъ,	280 воспит.
Самаркандъ	80 „	1,600 „	Джизакъ .	7 „	140 „
Ходжентъ .	20 „	400 „			

Средними учебными заведеніями служатъ такъ называемые медрессе или духовныя училища, гдѣ, впрочемъ, преподаваніе ограничивается чтеніемъ

[1]) *Schuyler*, Turkistan.
[2]) *Костенко*, Туркестанскій край.

корана. Въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ правительствомъ уже введено обученіе русскому языку.

Главный расходъ составляетъ содержаніе военной силы, численность которой въ обыкновенное время не превышаетъ 30,000 человѣкъ, но можетъ возвыситься, какъ это было, напримѣръ, въ 1880 году, до 70,000 солдатъ, и которую нужно снабжать всѣмъ необходимымъ изъ Россіи, съ разстоянія отъ 3,000 до 4,000 верстъ, дабы она всегда была готова въ выступленію въ походъ и къ дѣйствію въ мѣстностяхъ трудно доступныхъ, въ горахъ и пустыняхъ. Оттого бюджетъ Туркестана постоянно представлялъ дефицитъ, въ размѣрѣ отъ двухъ до десяти милліоновъ рублей, смотря по годамъ: расходы почти въ четыре раза превышаютъ доходы, и три четверти этихъ расходовъ идутъ на содержаніе арміи. Тогда какъ послѣдніе простираются обыкновенно до восьми милліоновъ рублей въ годъ, доходы составляютъ не болѣе двухъ съ половиной милліоновъ рублей. Поземельный налогъ, при сборѣ котораго допускаются большія злоупотребленія, даетъ ежегодно около 1.275,000 рублей. Доходы одного только Коканскаго ханства, до завоеванія края русскими, простирались, по Куну, до 2.290,000 рублей въ годъ.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ областей и округовъ или уѣздовъ русскаго Туркестана, Закаспійскаго отдѣла, Уральской области, къ востоку отъ рѣки Урала, и сѣверныхъ округовъ Средней Азіи, составляющихъ часть арало-каспійской покатости:

ОБЛАСТИ.	Округа или уѣзды.	Пространство въ квадр. километрахъ.	Число жителей, съ 1869 по 1877 г.
Сыръ-дарьинская область (1870 г.):	Городъ Ташкентъ	44,970	76,053
	Кураминскій уѣздъ	—	195,685
	Аулісатинскій „	65.715	103,835
	Чимкентскій „	61,836	176,205
	Туркестанскій „	80,817	115,852
	Перовскій „	109,891	100,090
	Казалинскій „	63,701	61,790
	Ходжентскій и Джизакскій уѣзды	26,198	122,190
	Итого	456,128	951,700
Аму-дарьинскій округъ		103,535	107,200
Зарявшанскій округъ:	Пенджакентскій уѣздъ	14,203	70,760
	Катты-курганскій „	4,993	95,465
	Самаркандскій „	5,437	121,725
	Итого	24,633	287,950

ОБЛАСТИ.	Округа или уѣзды.	Пространство въ квадр. километрахъ.	Число жителей, съ 1869 по 1877 г.
Ферганская область		85,800	729,690
Семирѣченская область (1869 г.):	Сергіопольскій уѣздъ	79,077	100,952
	Копальскій „	108.899	106,474
	Вѣрненскій „	75,879	160,631
	Токмакскій „	95,276	128,000
	Иссыкъ-кульскій (Каракольскій)	43,071	43,443
	Итого	402,202	539,500
Кульджа		65,000	139,680
Закаспійскій отдѣлъ (1877 г.):	Туркменское приставство	—	4,000
	Мангышлакское „	—	10,000
	Бузачинское „	327,069	16,780
	Тюкъ-караганское „	—	1,500
	Красноводскій округъ	—	107,400
	Итого	327,069	139,680
Уральская область къ востоку отъ рѣки Уралъ:	Часть Уральскаго уѣзда	49,300	275,500
	„ Гурьевскаго „	51,362	
	„ Калмыковскаго уѣзда	59,281	
	Эмбинскій уѣздъ	138,792	—
	Итого	298,735	—
Тургайская область (безъ Николаевскаго уѣзда):	Тургайскій уѣздъ	161,587	200,000
	Илецкій „	95,024	
	Иргизскій „	151,056	
	Итого	371,667	—
Акмолинская область	Сары суйскій округъ	231,009	150,000
	ВСЕГО	2.365,778	3.520,400

Глава IV.

I.

СИБИРЬ.

Сибирь—„страна сѣвера“. По мнѣнію нѣкоторыхъ этимологистовъ, имя ея есть то-же самое, что̀ имя „Сѣверье“, встарину примѣняемое къ различнымъ, лежащимъ на полночь, странамъ Европейской Россіи. Городъ Сибиръ или Сибирь, наименованіе котораго сдѣлалось именемъ всей сѣверной Азіи, былъ называемъ такъ только русскими; собственные его жители называли его Искеромъ. Казаки, пришедшіе съ юга и изъ центра московскаго государства, естественно, должны были видѣть „Сѣверъ“ по преимуществу въ этихъ холодныхъ областяхъ Обскаго бассейна, лежащихъ по ту сторону снѣговыхъ горъ, которыя образуютъ „поясъ міра“, cingulus terrae, какъ назывался на древнихъ картахъ длинный раздѣльный хребетъ, носящій нынѣ имя Урала, имѣющее тотъ-же смыслъ.

Уже гораздо ранѣе завоеванія Кучумова царства русскими казаками, эта „Земля мрака“ была извѣстна арабскимъ купцамъ и миссіонерамъ. Татары, господствовавшіе въ Сибири, исповѣдывали Магометову вѣру, и этотъ городъ былъ средоточіемъ обширной торговли шкурами пушныхъ звѣрей. Сами русскіе имѣли постоянныя торговыя сношенія съ жителями азіатскаго ската Уральскихъ горъ. Новгородцамъ были извѣстны страны, простирающіяся „за волоками“, страны заволоцкія, и ихъ торговые люди спускались по теченію притоковъ Оби. Въ первые годы шестнадцатаго столѣтія московскіе цари, наслѣдовавъ могущество Великаго Новгорода, стали именоваться господами „Обдорскія и Кондинскія земли“, то-есть всей области Обскаго бассейна, заключающейся между сліяніемъ рѣкъ Канды и Иртыша и поселеніемъ Обдорскъ, находящимся подъ полярнымъ кругомъ: слѣдовательно, ихъ владѣнія, то-есть звѣроловныя земли, по которымъ разъѣзжали русскіе агенты богатыхъ промышленниковъ Строгоновыхъ, окаймляли великую сибирскую рѣку на пространствѣ около тысячи верстъ [1]). Но славянское могущество скоро должно было утвер-

[1]) *Egli*, Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie, 1880.

диться за Уралом посредством завоеванія, и такъ велико благоговѣніе, которое люди питаютъ къ силѣ, что на побѣдоносную экспедицію атамана казацкой разбойничьей шайки, голова котораго была оцѣнена, смотрѣли, хотя эта экспедиція слѣдовала за многочисленными мирными путешествіями, какъ на событіе, приведшее къ открытію Сибири. И теперь еще многіе видятъ въ завоевателѣ Ермакѣ нѣчто въ родѣ изслѣдователя странъ, лежащихъ по ту сторону Каменнаго пояса; на самомъ-же дѣлѣ этотъ отважный казакъ только утвердился въ качествѣ господина тамъ, гдѣ купцы Строгоновы гораздо ранѣе появлялись въ качествѣ гостей. Карты рѣки Оби и Остяцкаго края, составленныя Себастіаномъ Мюнстеромъ и Герберштейномъ, вышли въ свѣтъ уже за цѣлое поколѣніе раньше того времени, когда казаки вступили въ городъ Сибирь. Самое имя этого города находится на картѣ Мюнстера.

Въ 1579 году Ермакъ началъ свою вторую экспедицію, которая кончилась, два года спустя, завоеваніемъ столицы татарскаго царства. Хотя его отрядъ, вооруженный ружьями и даже легкими пушками, имѣлъ противъ себя непріятеля, дѣйствовавшаго только стрѣлами и не имѣвшаго понятія объ огнестрѣльномъ оружіи, однако, казакамъ приходилось много терпѣть отъ безпрестанныхъ нападеній татаръ, выдерживать даже правильныя сраженія, и когда побѣдители вступили въ Сибиръ или Искеръ, они насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 400 человѣкъ, такъ что въ живыхъ не осталось даже половины тѣхъ, которые перешли черезъ Уральскія горы. Но эта маленькая дружина представляла собою могущество московскихъ царей; Ермакъ могъ просить себѣ помилованія у Ивана Грознаго, ударивъ ему челомъ всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, и хотя вскорѣ послѣ того казаки, потерявъ своего предводителя, погибшаго въ волнахъ Иртыша, принуждены были уйти обратно за Уралъ бѣглецами, Россія не думала отказываться отъ своихъ новыхъ правъ. Передъ концомъ шестнадцатаго столѣтія совершилось окончательное завоеваніе обширнаго зауральскаго края. Города: Сибирь, Тобольскъ, Тюмень сдѣлались опорными точками власти гораздо болѣе могущественной и грозной, чѣмъ власть татарскаго хана, ниспровергнутая Ермакомъ. Столица этого хана, Искеръ или Сибирь, стоявшая на крутомъ яру высокаго берега Иртыша, не существуетъ болѣе: рѣка, постепенно подмывающая берегъ, вѣроятно, разрушила городъ [1]); но въ 17 верстахъ ниже по теченію, тоже на правомъ берегу Иртыша [2]), возникала другая столица,

---

[1]) Отъ Искера или Сибира сохранились лишь бѣдные остатки, извѣстные подъ именемъ Кучумова городища: слѣды валовъ, кое-какіе признаки жилья, ямы, кирпичи, поросшіе крапивой, засоренные колодцы, признаки бывшихъ кладбищъ; значительная полоса берега, на которомъ стоялъ городъ, уже обвалилась въ Иртышъ. *Прим. перев.*

[2]) *Эли*, цитированное сочиненіе.

Тобольскъ, откуда русское господство распространялось все далѣе и далѣе, и наконецъ, вся громадная территорія сѣверной Азіи прибавилась къ владѣніямъ московскаго царя. Искатели шкуръ пушнаго звѣря, еще болѣе, чѣмъ солдаты, были истинными завоевателями Сибири; въ дѣйствительности, какъ говоритъ Коль, занятіе этой обширнѣйшей страны было лишь „продолжительной звѣроловной экспедиціей, охотой на соболя и куницу“. Тѣмъ не менѣе, однако, русскимъ пришлось выдержать не мало битвъ съ туземными инородцами до половины семнадцатаго столѣтія; буряты на берегахъ Ангары, коряки и другія инородческія племена долго сопротивлялись; но почти вездѣ завоеваніе было мирнымъ завладѣніемъ, и туземцы, слишкомъ малочисленные и разсѣянные на громадномъ пространствѣ, должны были безъ сопротивленія платить налагаемый на нихъ ясакъ или дань шкурами пушныхъ звѣрей. Впрочемъ, казаки никогда не отступали отъ своего правила—строить остроги при сліяніяхъ рѣкъ, которыя служили имъ дорогами, на порогахъ волоковъ между рѣчными бассейными, въ узкихъ проходахъ между горъ, и эти крѣпостцы, неодолимыя для дикарей, вооруженныхъ только стрѣлами, защищали ихъ экспедиціи отъ рѣки къ рѣкѣ и до береговъ Великаго океана. Во всемірной исторіи невозможно указать другой подобный примѣръ завоеванія столь обширной страны, совершеннаго окончательнымъ образомъ въ столь короткое время и такой ничтожной горстью людей, дѣйствовавшихъ по своей собственной иниціативѣ, безъ вождей и начальниковъ, безъ приказовъ, исходящихъ отъ отдаленнаго правительства [1]).

Даже Китай допустилъ казаковъ поселиться на берегахъ Амура, и впродолженіе полустолѣтія терпѣлъ существованіе ихъ торговыхъ постовъ въ предѣлахъ его владѣній. Только въ 1689 году Нерчинскій трактатъ заставилъ русскихъ очистить весь бассейнъ Амура и это была не большая потеря пока единственная польза края для завоевателей заключалась въ его богатствѣ пушными звѣрями; но въ теченіе настоящаго столѣтія обнаружились другія выгоды, вытекающія изъ обладанія Амуромъ. Россія поняла, какъ важно и полезно было-бы для нея имѣть свободный рѣчной выходъ въ Тихій океанъ. Она не хотѣла болѣе довольствоваться въ Азіи ролью исключительно континентальной державы и вознамѣрилась сдѣлаться также морской державой, пріобрѣсти себѣ военные порты, которые позволили-бы ей властвовать въ моряхъ, омывающихъ ея берега. Въ этихъ видахъ русскіе, мало заботясь о постановленіяхъ устарѣлаго нерчинскаго трактата, заняли позиціи, соотвѣтствующія предположенной цѣли. Въ 1851 году, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, сдѣлалъ распоряженіе объ основаніи торговой факторіи Николаевска, близъ устья Амура, и факторій Маріинска и Алексан-

[1]) *Erman*, Voyages en Sibérie.

дровска на двухъ оконечностяхъ волока, соединяющаго Амуръ съ заливомъ Кастри. Въ 1854 году, онъ самъ спустился по теченію рѣки во главѣ маленькой арміи, и на энергическіе протесты китайскихъ амбаней отвѣчалъ тѣмъ, что показывалъ имъ свой пароходъ, свою флотилію изъ барокъ, свои плоты, вооруженные пушками. Во время крымской войны Россія окончательно овладѣла лѣвымъ берегомъ Амура, учредивъ рядъ укрѣпленныхъ постовъ, и въ 1859 году Высочайшій указъ утвердилъ присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ занятой китайской территоріи. Наконецъ, въ 1860 году, въ то самое время, когда союзныя англо-французскія войска вступали побѣдоносно въ столицу Серединной имперіи, русскіе, безъ всякой войны, единственно посредствомъ искусной дипломатіи, добились уступки, на югѣ отъ Амура и на востокѣ отъ его притока Уссури,—сначала на правахъ общаго владѣнія, а вскорѣ затѣмъ въ полную собственность,—области морскаго прибрежья, которыя простираются до границъ Кореи.

Такъ совершилось на сѣверѣ Азіи то отливное движеніе, которое увлекаетъ къ востоку европейскую державу. Въ тринадцатомъ столѣтіи монголы сдѣлались, если не полными господами, то по крайней мѣрѣ верховными повелителями или сюзеренами тогдашней Руси, а теперь славяне занимаютъ часть странъ, откуда монгольскія орды ринулись на завоеваніе западнаго міра; и въ случаѣ войны съ Китаемъ, русскимъ легко было-бы найти себѣ союзниковъ между потомками ихъ бывшихъ завоевателей. По громадности владѣній, занимаемыхъ русскими арміями, „Бѣлый Царь“ справедливо можетъ считаться преемникомъ монгольскихъ великихъ хановъ, именовавшихъ себя „царями царей“. Въ одной только Азіи русскій Императоръ владѣетъ территоріей гораздо болѣе обширной, чѣмъ Европа, такъ какъ уже одна Сибирь, не считая даже областей, которыя были отдѣлены отъ нея въ послѣднее время для расширенія предѣловъ русской Средней Азіи, превосходитъ пространствомъ весь европейскій континентъ. Правда, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ нѣтъ никакого сходства между Европой и Сибирью. Этотъ особый міръ, обнимающій весь сѣверъ Азіи, гдѣ есть еще много обширныхъ пустынныхъ пространствъ, доселѣ неизслѣдованныхъ, не имѣетъ, на всей своей громадной окружности длиною почти въ 25,000 верстъ, внѣшней торговли равняющейся оборотамъ одного изъ третьеклассныхъ приморскихъ портовъ западной Европы, каковы, напримѣръ, Дувръ или Булонь. Занимая тринадцатую часть всей континентальной поверхности земнаго шара, Сибирь далеко не заключаетъ въ своихъ предѣлахъ столько населенія, сколько его имѣетъ одинъ городъ Лондонъ; она даже менѣе населена, нежели каждая изъ двухъ другихъ частей Азіатской Россіи, Кавказскій край и Туркестанъ: въ ней насчитываютъ всего только по одному жителю на 3 квадратныхъ версты (пространство Сибири около 11.929,600 квадр. верстъ; вѣроятное населеніе въ 1880 году 3.900,000 душъ).

Понятно, что карты, представляющей точнымъ образомъ контуры и физическія очертанія Сибири, пока еще не существуетъ. Только въ самое недавнее время могло быть совершено вполнѣ, безъ перерывовъ, кругосвѣтное плаваніе вокругъ Стараго Свѣта, и только теперь, въ первый разъ, видѣли, съ Ледовитаго океана, весь профиль береговъ Сибири. Во время охватившей западно-европейскіе народы страсти къ географическимъ изслѣдованіямъ, послѣ открытія Новаго Свѣта, мореплаватели тщетно пытались обойти на сѣверѣ азіатскій континентъ, чтобы найти прямой морской путь между западной Европой, Китаемъ и Индіей. Корабли, посланные подъ начальствомъ Уиллугби, Ченслера и Борро, слѣдовали по тому пути, который былъ указанъ имъ Себастіаномъ Каботомъ, какъ вѣроятная дорога къ китайскимъ берегамъ; но извѣстно, что эти суда не добрались даже до морей, омывающихъ берега Сибири: Уиллугби замерзъ со всѣмъ экипажемъ у Мурманскаго (Норманскаго) берега, близъ острова Некуева; его товарищъ Ченслеръ долженъ былъ возвращаться домой сухимъ путемъ, и экспедиція его ограничилась тѣмъ, что онъ завязалъ торговыя сношенія между Англіей и Московіей; Борро, въ 1556 году, тщетно старался проложить себѣ дорогу чрезъ льды Карскаго моря. Надѣясь, что, быть можетъ, для того чтобы попасть въ Китай, достаточно будетъ проникнуть въ Обскую губу и затѣмъ подняться по рѣкѣ Оби до воображаемаго озера Китайскаго, изображеннаго на картѣ Герберштейна, англичане возобновили свои попытки къ отысканію такъ называемаго „сѣверо-восточнаго прохода“. Въ 1580 году два другіе британскіе корабля, подъ командой Артура Пета и Чарльза Джекмана, направились къ полярнымъ морямъ Россіи. Мореплаватели получили совѣты и наставленія отъ величайшихъ географовъ того времени: Гаклюйтъ уже рекомендовалъ имъ укрѣпить проливъ, черезъ который они должны были достигнуть Китая, и такимъ образомъ обезпечить Англіи будущій сборъ пошлины съ проходящихъ судовъ, болѣе прибыльный, чѣмъ сборъ пошлины въ Зундѣ для Даніи. Съ своей стороны, Жераръ Меркаторъ совѣтовалъ осторожность, говоря, что за Обью корабли неминуемо должны удариться о мысъ Табинъ, который онъ, основываясь на словахъ Плинія, начертилъ на своей картѣ, на сѣверѣ Стараго Свѣта [1]). Но ни Петъ, ни Джекманъ не ушли дальше Карскаго моря. Голландцы, которые тоже подумывали о томъ, какъ-бы укрѣпить Югорскій Шаръ, полагая, что это и есть „ворота въ Китай“, были не болѣе счастливы, чѣмъ англичане, и ни одно изъ трехъ путешествій, въ которыхъ принималъ участіе знаменитый Баренцъ, не привело далѣе морей, окружающихъ Шпицбергенъ и Новую Землю. Въ 1608 году, голландецъ Гендрикъ Гудсонъ, состоявшій на англійской службѣ, совершилъ экспедицію въ полярныя моря, но то-

[1]) *Hakluyt*, Principal Navigations...;—*Oscar Peschel*, Geschichte der Erdkunde.

же не успѣлъ проникнуть далѣе тѣхъ водъ, гдѣ остановились его предшественники. Это была послѣдняя попытка, сдѣланная мореплавателями западной Европы, изысканія которыхъ въ этомъ направленіи прекращаются затѣмъ болѣе, чѣмъ на два столѣтія; но бѣломорскіе рыболовы и купцы очень хорошо знали дорогу въ Обскую и Енисейскую губы, какъ это доказываетъ одна грамота Бориса Годунова, данная въ 1600 году. Правда, что шестнадцать лѣтъ спустя плаваніе въ тѣ воды было воспрещено подъ угрозой смертной казни, изъ опасенія, чтобы русскіе кормчіе не показали чужеземцамъ дорогу къ берегамъ Сибири.

Запрещенное со стороны моря и признанное невозможнымъ мореплавателями и географами западной Европы, изслѣдованіе сибирскаго побережья должно было подготовляться въ самой Сибири, при помощи ладей, построенныхъ для рѣчнаго плаванія. Въ 1648 году, казакъ Дежневъ, выйдя изъ устья Колымы во главѣ флотиліи, состоявшей изъ семи маленькихъ суденышекъ, успѣлъ обойти вокругъ сѣверо-восточной оконечности Азіи, и задолго до рожденія Беринга, прошелъ черезъ проливъ, носящій имя этого мореплавателя. Стадухинъ тоже пускался въ плаваніе по этимъ восточнымъ морямъ Сибири, отыскивая острова, изобилующіе ископаемой мамонтовой костью, о которыхъ ему разсказывали туземцы. Въ 1735 году Прончищевъ и Лазиніусъ отправились на ладьяхъ изъ Якутска, съ цѣлью спуститься внизъ по теченію Лены, изслѣдовать ея дельту и затѣмъ пройти, насколько можно, вдоль береговъ моря на востокъ и на западъ отъ устьевъ рѣки. Прончищевъ дѣйствительно посѣтилъ часть морскихъ береговъ, простирающихся на востокъ отъ полуострова Таймуръ, и пробрался далеко въ Ледовитый океанъ; но ему не удалось обогнуть земли, которыя отдѣляютъ заливъ Ленскій отъ залива Енисейскаго: ладья, возвратившаяся въ Якутскъ, принесла его трупъ. Экспедиція Лаптева, начатая въ 1739 году, должна была, послѣ крушенія судна, продолжаться до самаго конца исключительно сухимъ путемъ; но она имѣла то важное значеніе, что привела къ изслѣдованію полуострова Таймурскаго и къ открытію сѣвернаго мыса Стараго Свѣта, мыса Табина по Плинію, Челюскина по нашимъ картамъ, названнаго такъ по имени неустрашимаго кормчаго, сопровождавшаго Прончищева и Лаптева. Что касается западнаго прибрежья, между лиманами Оби и Енисея и западными берегами полуострова Таймурскаго, то оно было передъ тѣмъ обслѣдовано Овцынымъ и Мининымъ съ 1737 по 1739 годъ.

Но въ ту эпоху уже началось мореплаваніе черезъ Тихій океанъ; корабли, которымъ льды закрывали входъ въ сѣверныя сибирскія моря, могли подниматься по Великому океану, между двухъ континентальныхъ массъ Стараго и Новаго Свѣта. Въ 1728 году, датчанинъ Берингъ, состоявшій на русской службѣ, проѣхалъ черезъ всю Сибирь сухимъ путемъ, и отплывъ на кораблѣ съ береговъ Тихаго океана, проникъ въ знамени-

тый проливъ, который теперь называется его именемъ; черезъ него географы западной Европы узнали впервые о существованіи этого морскаго прохода, который уже за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ былъ извѣстенъ сибирскимъ казакамъ. Но архивы якутской воеводской канцеляріи хранили тайну этого открытія, и Петръ Великій самъ не зналъ о немъ, когда давалъ Берингу порученіе идти изслѣдовать восточные берега Сибири. Впрочемъ, плавая вдоль азіатскихъ береговъ, датскій мореходецъ не примѣтилъ береговъ Новаго Свѣта и не зналъ въ точности, гдѣ находится проливъ; долгое время даже можно было сомнѣваться, дѣйствительно-ли Берингъ проникалъ въ тѣ воды. Нужно было, чтобы изслѣдованіе Кука, въ 1778 году, доказало неоспоримымъ образомъ, что пункты морскаго берега, снятые на карту Берингомъ, на сѣверо-востокѣ Азіи, были именно тѣ, которые находятся на берегахъ пролива его имени [1]). Но и послѣ путешествія знаменитаго англійскаго мореплавателя оставалось еще ознакомиться съ морями, окружающими Сахалинъ, Іессо, Курильскіе острова. Лаперузъ первый далъ чертежъ острововъ и береговъ континента: онъ убѣдился въ островномъ характерѣ Сахалина и въ существованіи пролива, соединяющаго Японское море съ Охотскимъ. Съ этого времени всѣ контуры Сибири были извѣстны въ ихъ главныхъ чертахъ: впредь оставалось только указывать въ ихъ деталяхъ второстепенныя очертанія.

Научное изслѣдованіе внутренней Сибири началось только въ восемнадцатомъ столѣтіи, съ поѣздки Мессершмидта и слѣдовавшей за нею, нѣсколько лѣтъ спустя, экспедиціи Гмелина, Миллера и Делиля-де-ла-Кройера, которые во время путешествія, продолжавшагося девять лѣтъ, съ 1733 по 1742 годъ, сдѣлали драгоцѣннѣйшія наблюденія по части физической географіи страны: еще и въ наши дни трудъ Гмелина составляетъ весьма полезный источникъ для знакомства съ Сибирью, хотя авторъ долженъ былъ воздержаться отъ сообщенія публикѣ результата своихъ точныхъ географическихъ наблюденій, ибо въ тѣ времена русское правительство ревниво оберегало отъ оглашенія документы, относящіеся къ рессурсамъ имперіи; часто канцелярская тайна хранилась въ этомъ отношеніи черезчуръ усердно, такъ какъ многочисленныя описанія пройденныхъ разными путешественниками путей, положенныя въ архивы, въ концѣ концовъ утерялись безслѣдно [2]). Палласъ, который путешествовалъ по Сибири съ 1770 по 1773 годъ, съ бо́льшей свободой, нежели его предшественникъ Гмелинъ, и котораго сопровождало нѣсколько студентовъ, связавшихъ свои спеціальные маршруты съ его главнымъ изслѣдованіемъ, изучилъ, особенно въ геологическомъ и естественно-историческомъ отно-

[1]) *Oscar Peschel*, Geschichte der Erdkunde.
[2]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise.

шеніяхъ, страны, простирающіяся до Забайкальскаго края, и оставленныя имъ путевыя записки составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ между изданными въ свѣтъ трудами изслѣдователей Сибири. Послѣ Палласа рядъ научныхъ путешествій прерывается на долгое время: французская революція и большія европейскія войны, въ которыя была вовлечена Россія, отвлекли вниманіе къ Западу: научныя экспедиціи въ Сибирь возобновились лишь много лѣтъ спустя послѣ политическихъ событій 1812 и 1815 годовъ. Норвежецъ Ганстенъ, сопровождаемый Эрманомъ, отправился въ 1828 году въ свое памятное въ наукѣ путешествіе, которое имѣло капитальную важность для изученія земнаго магнетизма. Многочисленныя астрономическія опредѣленія Эрмана послужили также опорными точками для картъ Сибири, которыя съ этого времени чертились уже съ приблизительной точностью; сдѣланныя имъ измѣренія положенія различныхъ точекъ страны относительно морскаго уровня, подтвержденныя послѣдующими измѣреніями, показали, кромѣ того, что высоты Сибири были значительно преувеличиваемы до тѣхъ поръ; но Эрманъ опубликовалъ лишь часть своихъ обширныхъ изысканій, обнимавшихъ все поле человѣческихъ знаній. Александръ Гумбольдтъ, Эренбергъ, Густавъ Розе, посѣтившіе Сибирь въ то время, когда Ганстенъ и Эрманъ находились еще тамъ, пробыли не долго въ тѣхъ краяхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ быстрая и непродолжительная поѣздка есть одна изъ важнѣйшихъ въ исторіи науки, такъ какъ Гумбольдтъ вывезъ изъ своего путешествія матеріалы, послужившіе ему источниками при составленіи сочиненія о центральной Азіи. Путешествія Миддендорфа въ сѣверную и восточную Сибирь тоже имѣли важное значеніе для знакомства съ этой страной и могутъ быть поставлены на ряду съ изслѣдованіями Гмелина, Палласа и Эрмана. Вскорѣ послѣ того, въ 1854 году, Шварцъ, Шмидтъ, Гленъ, Усольцевъ, Брылкинъ и ихъ спутники совершили большую „сибирскую экспедицію“, которая обслѣдовала громадную область, простирающуюся отъ Забайкалья до Лены и до сѣверныхъ притоковъ Амура. Такъ начался непрерывный рядъ новѣйшихъ путешествій, которыя продолжаются послѣдовательно и систематически во всѣхъ частяхъ Сибири; скоро не останется болѣе пробѣловъ среди изслѣдованныхъ территорій; пройденные изслѣдователями пути, которые пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ, образуютъ полную сѣть, и, распространяясь постепенно все далѣе и далѣе, покроютъ современемъ сосѣднія области, всю сѣверную часть Китайской имперіи.

Дѣло географическаго открытія въ собственномъ смыслѣ только что окончено, благодаря кругосвѣтному плаванію, столь счастливо выполненному Норденшельдомъ. „Сѣверо-восточный проходъ“, котораго тщетно искали Баренцъ, Уиллуби, Борро и многіе другіе мореплаватели, теперь найденъ, благодаря мореходной опытности и настойчивости знаменитаго

финляндскаго шведа. Тотъ полуостровъ Таймурскій, изслѣдованіе котораго стоило столькихъ человѣческихъ жизней, и который впродолженіи трехъ столѣтій былъ непроходимымъ рубежемъ между двумя морями, наконецъ, обойденъ, и это человѣку, изгнанному изъ предѣловъ ея территоріи, Россія обязана окончательнымъ вступленіемъ во владѣніе морями ея сибирской имперіи.

Большая часть Азіатской Россіи не менѣе правильна, чѣмъ Европейская Россія, въ общей формѣ своего рельефа. На востокѣ, какъ и на западѣ отъ Уральскаго хребта, обширныя пологія равнины, волнообразныя возвышенія холмовъ не представляютъ никакого препятствія передвиженіямъ жителей; громадность пространствъ, суровость климата, дремучіе лѣса, обширныя тундры и болота — вотъ тѣ затрудненія, которыя нужно было преодолѣвать человѣку, чтобы пройти Сибирь. Что касается многочисленныхъ рѣкъ, перерѣзывающихъ страну, то онѣ не только не останавливали его движенія, но даже, напротивъ, помогали ему въ его путешествіяхъ: это естественныя дороги, которыми, то поднимаясь, то спускаясь по теченію, казаки успѣли пройти, до самыхъ береговъ Великаго океана, пустынныя, повидимому, безпредѣльныя пространства, отдѣлявшія ихъ отъ далекой метрополіи. По причинѣ незначительнаго возвышенія почвы, большія сибирскія рѣки текутъ въ бассейнахъ, не вездѣ рѣзко разграниченныхъ: во многихъ мѣстахъ раздѣльный порогъ между притоками главныхъ рѣкъ составляютъ болота, луговыя пространства съ неопредѣленнымъ скатомъ, и можно легко перебраться отъ одной рѣки къ другой черезъ волоки. Отыскивая дорогу по слѣдамъ, человѣческимъ или звѣринымъ, какъ краснокожіе индѣйцы Сѣверной Америки, сибирскіе туземцы и казаки старались прежде всего открыть рѣку, теченіе которой должно было вести ихъ въ желаемомъ направленіи; при спускѣ, имъ оставалось только отдаться на волю потока; при подъемѣ, они гребли веслами до того мѣста, гдѣ вода не имѣетъ болѣе достаточной глубины, необходимой для плаванія ихъ лодки, сдѣланной изъ древесной коры или изъ досокъ, затѣмъ они взбирались на высокій берегъ и съ топоромъ въ рукахъ прокладывали себѣ дорогу къ другой рѣкѣ, текущей въ обратную сторону и, слѣдовательно, составляющей продолженіе ихъ пути. Свои утлыя ладьи они, смотря по обстоятельствамъ, либо перетаскивали черезъ пороги бассейновъ или волоки, либо бросали ихъ, чтобы построить себѣ новыя на томъ мѣстѣ, откуда должно было возобновиться ихъ путешествіе водой. Такимъ образомъ дороги для переселенія, завоеванія, колонизаціи были напередъ ясно указаны русскими судоходными рѣками страны, и поселки, деревни, мѣстечки выстроились двойнымъ рядомъ вдоль возвышенныхъ рѣчныхъ береговъ [1]) повсюду, гдѣ обиліе хорошихъ земель

[1]) *Венюковъ*, Этнографическая карта Сибири.

благопріятствовало поселенію колонистовъ. Отъ Урала до Якутска, на протяженіи почти 10,000 верстъ, плывущіе по сибирскимъ водамъ должны перебраться только черезъ два волока: первый между бассейнами Оби и Енисея, второй—между Енисеемъ и Леной.

Главный путь судоходства, который былъ въ то-же время путемъ сибирской исторіи, захватываетъ, по выходѣ изъ долинъ Уральскихъ горъ, теченіе Туры, затѣмъ теченія Тобола, Иртыша, Оби, Кети, Енисея, Верхней Тунгузки или Ангары, Лены и Алдана [1]). На сѣверѣ отъ этого большаго судоходнаго пути, завоевателямъ Сибири открывались другія рѣки, тоже соединенныя волоками; но между бассейномъ средняго теченія Лены и бассейномъ Амура, пороги на рѣкахъ, непроходимые лѣса, болота, скалы, недостатокъ рессурсовъ всякаго рода—ставили путешественникамъ такія неодолимыя препятствія, что многочисленныя экспедиціи казаковъ принуждены были воротиться съ дороги, послѣ мѣсяцевъ или даже годовъ безплодныхъ усилій. Притомъ-же о положеніи мѣстъ существовали странныя, самыя сбивчивыя представленія, и въ поискахъ за „источникомъ бѣлой воды“ и за изобилующей золотомъ землей казаки нерѣдко направлялись въ противоположную сторону отъ края, котораго они хотѣли достигнуть; такъ, они долгое время искали Байкалъ не въ бассейнѣ Енисея, но на востокѣ отъ Лены, въ направленіи къ Тихому океану. Казачій атаманъ Поярковъ, первый изъ русскихъ, проникшій въ долину Амура, въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, поднялся вверхъ по теченію Алдана, затѣмъ, переваливъ черезъ Становой хребетъ, спустился на югъ по теченію рѣки Зеи; третья часть его партіи, состоявшей изъ ста тридцати человѣкъ, погибла голодной смертью во время пути, и пережившіе должны были питаться тѣлами своихъ товарищей и туземцевъ, убитыхъ въ бояхъ.

Путешествія водой, которыя облегчили русскимъ завладѣніе Сибирью, могутъ быть совершаемы только въ средней полосѣ, простирающейся съ запада на востокъ страны. На югѣ, плоскогорья, массивы и цѣпи горъ раздѣляютъ рѣчные бассейны одинъ отъ другого; на сѣверѣ, рѣки, уже окончательно сформировавшіяся, получили ранѣе, въ верхней и средней части теченія, почти всѣ свои значительные притоки; впадающія воды уже не переплетаются тамъ своими истоками, и къ тому-же эти мерзлыя пустыни, гдѣ разгуливаютъ леденящіе полярные вѣтры, слишкомъ негостепріимны, чтобы человѣкъ охотно пускался въ ихъ предѣлы. Впрочемъ, къ востоку отъ Енисея сибирская равнина мѣняетъ свой характеръ: она не стелется тамъ низменной степью, покрытой жирной землей или лужами стоячей воды, болотами и зыбкими лугами, но становится неровной, каменистой, пробитой тамъ и сямъ выступающими скалами, и подни-

[1]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise, томъ IV, 1-я часть.

мается мѣстами даже въ видѣ массивовъ крутыхъ, трудно доступныхъ холмовъ; бассейнъ Лены отдѣленъ отъ бассейна Енисея настоящимъ плоскогорьемъ изъ древнѣйшихъ каменныхъ породъ, которое заставляетъ путешественниковъ сворачивать къ югу для обхода его высотъ. Такимъ образомъ административное дѣленіе Сибири на западную и восточную оправдывается физическимъ контрастомъ этихъ двухъ частей, контрастомъ, который замѣчается также въ особенностяхъ флоры, фауны и населенія.

На крайнемъ сѣверѣ Сибири тоже встрѣчаются кое-гдѣ группы высокихъ холмовъ, прерывающія однообразіе безконечныхъ равнинъ; Миддендорфъ даже далъ названіе „горъ“ цѣпи Сыверма, которая тянется подъ полярнымъ кругомъ, къ западу отъ Енисея, и хребту Бырранга, который занимаетъ сѣверную часть континента, между Енисеемъ и Хатангой, и который выдвигаетъ далеко въ Ледовитый океанъ двойной полуостровъ Таймурскій; нѣкоторыя изъ горныхъ вершинъ на восточномъ берегу этого полуострова имѣютъ, говорятъ, не менѣе 900 метр. (около 3,000 фут.) высоты [1]). Тѣмъ не менѣе Сибирь въ цѣломъ можетъ быть уподоблена правильной наклонной плоскости, покатой съ юго-востока къ сѣверо-западу Небесныя горы и джунгарскій Ала-тау, Тарбагатай и Алтай, Саянскія горы, — господствующія надъ бассейномъ Байкала, Витимское плоскогорье, параллельные хребты возвышенныхъ областей, извѣстные подъ общимъ именемъ Яблоноваго (т. е. поросшаго яблонями) хребта, наконецъ, сѣверо восточная оконечность цѣпи, которая направляется къ Берингову проливу, и которую обыкновенно называютъ Становымъ хребтомъ,— вся эта орографическая система составляетъ раздѣльную возвышенность между покатостями, воды которыхъ направляются, съ одной стороны, къ Ледовитому океану, съ другой—къ бассейнамъ безъ истеченія центральной Монголіи и къ Тихому океану.

Однако, эта водораздѣльная возвышенность дѣлится на массивы, на плоскогорья, на группы хребтовъ, ясно разграниченныхъ. На сѣверѣ отъ Тянь-Шаня, какъ извѣстно, открываются ворота Джунгаріи, гдѣ нѣкогда извивался морской проливъ. Верхняя долина Иртыша, между хребтами Тарбагатаемъ и Алтаемъ, образуетъ широкія ворота, которыя открываются къ востоку отъ Киргизскаго края въ страну монголовъ. Между Алтаемъ и Саянскими горами есть другіе проходы, черезъ которые производится сообщеніе между двумя покатостями. Далѣе на востокъ, около истоковъ Енисея и его западныхъ притоковъ, возвышенныя земли, средняя высота которыхъ отъ 2,000 до 3,000 метровъ, составляютъ краевую цѣпь, ограничивающую плоскогорья Монголіи, и каждая рѣка представляетъ легкій путь изъ Сибири къ Китайской имперіи. И самое Забайкалье представляетъ гористое плато, ограниченное на юго-западѣ двумя массивами:

[1]) *Nordenskjöld*, Lettres à M. Daubrée.

Хамаръ-дабаномъ, который возвышается у оконечности Святаго моря, и Сохондо, который господствуетъ, на границахъ Монголіи, надъ однимъ изъ главныхъ хребтовъ Яблоновыхъ горъ. Почти не поднимаясь въ гору, можно достигнуть съ этого плоскогорья переваловъ, находящихся на высотѣ отъ 1,000 до 1,200 метровъ, и которые позволяютъ проникнуть изъ бассейна Селенги, то-есть съ покатости, обращенной къ Ледовитому океану, на покатость, спускающуюся къ Великому океану. На сѣверовостокъ, гребни еще болѣе понижаются: за массивомъ Сохондо, повидимому, ни одна изъ вершинъ Яблоноваго или Становаго хребта не достигаетъ такой-же высоты, то-есть 2,815 метровъ [1]), и на большой части пространства, гдѣ линія водораздѣла изображается картографами въ формѣ высокаго горнаго хребта, на сѣверѣ отъ бассейновъ Амура и Уды, водораздѣльный порогъ состоитъ въ дѣйствительности изъ болотистыхъ земель, съ неопредѣленными скатами [2]). Но, начиная отъ береговъ Охотскаго моря, вся восточная область Сибири гориста или по крайней мѣрѣ очень неровна, холмиста, и рельефъ почвы представляетъ наибольшія возвышенія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ морскимъ берегомъ.

На югѣ отъ раздѣльной возвышенности, выпуклость которой усажена параллельными выступами, образующими цѣпь горъ Становаго хребта, область, по которой протекаютъ Амуръ и его притоки, есть въ цѣломъ ничто иное, какъ продолженіе монгольскаго плоскогорья. Этотъ массивъ высокихъ земель направляется на сѣверъ къ оконечности азіатскаго континента, постепенно съуживаясь, и понижается со стороны Тихаго океана рядомъ уступовъ, на которыхъ вытянулись горныя цѣпи, почти параллельныя, Большой Хинганъ, Малый Хинганъ, Манджурскія горы, и цѣпь, идущая вдоль морскаго прибрежья, на сѣверѣ отъ полуострова Кореи. Извѣстно, что прибрежныя и морскія горныя цѣпи восточной Азіи отличаются правильнымъ расположеніемъ въ видѣ кривыхъ, обращенныхъ выпуклостью къ востоку или къ юго-востоку. Между этими кривыми, изъ которыхъ многія имѣютъ почти съ математической точностью равный радіусъ кривизны, однѣ сомкнуты конецъ съ концомъ, и форма ихъ напоминаетъ форму цѣпочки, подвѣшенной въ нѣсколькихъ точкахъ, черезъ извѣстные промежутки; другія развертываются параллельно, какъ концентрическія дуги; наконецъ, важнѣйшія изъ нихъ примыкаютъ одною изъ своихъ оконечностей къ предъидущей кривой. Такъ, полуостровъ Камчатка и цѣпь Курильскихъ острововъ, наиболѣе геометрическая изъ всѣхъ по правильному очертанію ея кривой, соединяется съ холмами Чукотской земли. Впрочемъ, вулканическія силы имѣли большую долю участія въ образованіи этихъ горныхъ хребтовъ въ формѣ дугъ круга, которыя

[1]) *G. Radde*, Mittheilungen von Petermann, 1861 г., № 12.

[2]) *Миддендорфъ*; *Шварцъ*; *Кропоткинъ*.

окаймляютъ на востокѣ сибирскую плоскую возвышенность и ограничиваютъ воды Охотскаго моря. Въ то время, какъ массивы полуденной Сибири и краевыя цѣпи монгольскаго плоскогорья состоятъ изъ древнихъ каменныхъ породъ, хребетъ Сихота-Алинь, равно какъ различныя горы Манчжуріи, извергали нѣкогда лаву, а вулканы (сопки) полуострова Камчатки, до сихъ поръ находящіеся въ полной дѣятельности, выстроили, вдоль восточнаго берега, рядъ своихъ дымящихъ конусовъ, иногда красныхъ отъ расплавленныхъ веществъ, но всегда бѣлыхъ отъ покрывающаго ихъ снѣга и изливающихъ ледяныя рѣки въ нижнія ущелья. Камчатскія горы, впрочемъ, совершенно отличныя, обособленныя отъ горныхъ массъ восточной Сибири и возвышающіяся въ области почти островной,—самыя высокія въ Азіатской Россіи, послѣ колоссовъ Тянь-Шаня: одинъ изъ вулкановъ полуострова всего только на нѣсколько метровъ ниже савойскаго Монъ-Блана.

Рѣки, получающія начало въ постоянныхъ, никогда не растаявающихъ ледникахъ и фирнахъ системъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ и на склонахъ другихъ горныхъ цѣпей, гдѣ снѣгъ поочередно является и исчезаетъ, смотря по времени года, замѣчательны большою правильностью ихъ главнаго направленія. Вслѣдствіе наклоненія поверхности страны, воды текутъ преимущественно на сѣверъ и на сѣверо-западъ, во всей части Сибири, ограниченной съ юга дугой горныхъ цѣпей, отъ Тянь-Шаня до Становаго хребта. Не только три главныя рѣки: Обь, Енисей и Лена, но почти и всѣ другіе потоки той-же покатости спускаются такимъ образомъ къ сѣверу, слѣдуя почти по линіи меридіана. Однако, Лена, главный потокъ восточной Сибири, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый контрастъ съ двумя большими рѣками западной половины края, съ Иртышемъ—Обью и Енисеемъ—Ангарой. Между тѣмъ, какъ эти два потока спускаются параллельно къ той-же области Ледовитаго океана, Лена должна обойти на востокѣ, по длинной кривой, огромную горбину древнѣйшихъ горныхъ породъ центральной Сибири, прежде чѣмъ получить возможность течь безпрепятственно къ сѣверу, параллельно сосѣднимъ рѣкамъ, Оленеку и Янѣ.

Главныя сибирскія рѣки, какъ извѣстно, принадлежатъ къ величайшимъ въ свѣтѣ, не только по обширности ихъ бассейновъ, но также и по объему ихъ жидкой массы. Ни одна изъ европейскихъ рѣкъ, ни Дунай, ни Волга, не могутъ сравниться съ Обью, Енисеемъ или Леной по пространству области истеченія, ни по величинѣ годоваго стока. Правда, что паденіе воды изъ атмосферы, въ видѣ дождя или снѣга, относительно незначительно въ Сибири, исключая, развѣ, мѣстностей, подверженныхъ вліянію дождливыхъ муссоновъ. Среднимъ числомъ, количество атмосферныхъ осадковъ составляетъ не болѣе 20 сантиметровъ въ

годъ на всей покатости Ледовитаго океана; но вся вода, падающая изъ атмосферы, вся вода, тающая на почвѣ сѣверной Сибири, должна необходимо находить дорогу къ притокамъ Ледовитаго моря, ибо на глубинѣ нѣсколькихъ дециметровъ земля уже мерзлая, вода не можетъ просачиваться въ подземные слои, чтобы затѣмъ снова выступать на поверхность въ видѣ источниковъ, и должна стекать прямо въ рѣки [1]),—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ почва имѣетъ скатъ; въ другихъ мѣстахъ она застаивается въ видѣ лужъ, болотъ, мелкихъ озеръ, образующихъ лабиринтъ земли и воды, который безпрестанно измѣняетъ профиль своихъ береговъ, смотря по обилію дождей и дѣятельности испаренія. Такимъ порядкомъ полуостровъ Таймурскій превратился въ обширную сѣть стоячихъ водъ.

Исчисляя только въ половину годоваго паденія дождей и снѣговъ количество воды, которое Обь, Енисей и Лена уносятъ въ Ледовитый океанъ, средній стокъ каждой изъ этихъ рѣкъ долженъ быть никакъ не менѣе 10,000 кубич. метровъ въ секунду, слѣдовательно, онъ въ четыре раза превосходитъ объемъ, изливаемый въ море Роной или Рейномъ; но этотъ стокъ распредѣленъ неравномѣрно въ теченіе года: зимой ледяныя плиты поверхности замедляютъ движеніе глубокихъ водъ, и эти послѣднія занимаютъ тогда меньшую часть рѣчнаго русла. Небольшіе потоки даже совершенно останавливаются, жидкая масса замерзаетъ до самаго дна ложа: такъ какъ ледяной слой, на рѣкахъ и озерахъ высокихъ широтъ, достигаетъ толщины отъ 1 метра до 2 метровъ 40 сантиметровъ [2]) (болѣе сажени), то ручьи и даже значительныя рѣчки превращаются въ твердыя массы, тѣмъ легче, что ледъ, поднимающійся со дна, громоздится на поверхности и образуетъ запруды, на которыя опираются верхніе льды. Вода источниковъ или ручьевъ, еще не замерзшихъ, которая стремится уйти черезъ рѣчное русло, должна пробивать кристаллическій сводъ и разливаться по поверхности, гдѣ она тотчасъ-же замерзаетъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ поверхностныхъ разливовъ или *наледей*, отвердѣвшая вода выростаетъ въ цѣлую гору высотой въ нѣсколько метровъ. Многія большія рѣки, очень обильныя лѣтомъ, перестаютъ течь зимой, прерываемыя въ разныхъ мѣстахъ теченія льдами, залегающими на отмеляхъ; онѣ превращаются тогда въ рядъ скрытыхъ подъ ледяной корой водоемовъ, неимѣющихъ сообщенія между собой; прибрежные жители иногда принуждены ходить очень далеко отъ своихъ становищъ, чтобы найти воды подъ твердымъ слоемъ, покрывающимъ рѣку. Такимъ образомъ въ зимнее время большія рѣки лишаются дани всѣхъ мелкихъ и даже среднихъ притоковъ. Въ другихъ рѣкахъ, вода вытекла вся цѣликомъ, и верхняя ледяная плита провалилась надъ порожнимъ русломъ:

---

[1]) *Karl Weyprecht*, Die Metamorphosen des Polareises.

[2]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise.

неосторожные путники рискуютъ упасть въ скрытыя пропасти, когда они пускаются по этимъ неподдерживаемымъ снизу ледянымъ сводамъ рѣчныхъ ложъ. За исключеніемъ рѣкъ, питаемыхъ большими озерами посредствомъ подземныхъ ключей, всѣ рѣки, берущія начало на сѣверѣ отъ полярнаго круга, должны совершенно изсякать зимой, такъ какъ въ этихъ областяхъ, съ почвой всегда промерзлой и обледенѣлой, нѣтъ никакихъ источниковъ, которые бы ихъ питали [1]). Эти рѣки имѣютъ въ то время, пропорціонально ихъ нормальному стоку, лишь весьма незначительное количество воды, которое, впрочемъ, еще не было измѣрено ни однимъ путешественникомъ. Весной, во время таянія снѣговъ, рѣки, сбросивъ съ себя сковывавшую ихъ твердую кору, снова наполняютъ все русло до краевъ, часто выступаютъ даже изъ береговъ и разливаются на далекое пространство: онѣ возрождаются и выходятъ на свѣтъ Божій, послѣ того, какъ воды ихъ впродолженіе цѣлаго полугода текли въ потемкахъ. Какъ полупарализованныя существа, вдругъ возродившіяся къ жизни, сибирскія рѣки съ наступленіемъ лѣтняго тепла вновь пріобрѣтаютъ полную свободу движеній; онѣ опять становятся тѣмъ, чѣмъ рѣки менѣе холодныхъ поясовъ остаются во всякое время года—жизненными артеріями великаго земнаго тѣла.

Разсказываютъ, что во время зимы вода нижнихъ слоевъ, покрытая толстымъ слоемъ льда, „умираетъ“ мало по малу; рыбы не могутъ болѣе жить въ глубинахъ рѣки, гдѣ воздухъ постепенно дѣлается негоднымъ для дыханія. Въ концѣ осени, когда вода начинаетъ портиться, онѣ уходятъ массами либо въ озера, либо въ глубокіе бассейны водоворотовъ, либо въ заливъ, образуемый устьемъ рѣки. Чтобы наловить рыбы въ значительномъ количествѣ, достаточно тогда разломать ледъ надъ тѣми мѣстами, гдѣ вода осталась „живой“: всѣ запертыя животныя устремляются къ выходу, чтобы подышать свѣжимъ внѣшнимъ воздухомъ, и ихъ можно брать просто руками Тотчасъ-же послѣ вскрытія рѣки, рыбы несмѣтными стаями поднимаются вверхъ по теченію и идутъ на поиски пищи, какъ въ естественные садки, въ низменныя мѣстности затопленныхъ прибрежныхъ луговъ или лѣсовъ: загороди, устраиваемыя между рѣкой и этими боковыми разливами, позволяютъ береговымъ жителямъ дѣлать обильные уловы. Иногда рыбаки могли-бы собирать рыбу миріадами: когда, вслѣдствіе возврата холодовъ, вода по краямъ замерзаетъ до самаго дна, и когда она затѣмъ снова покрывается потокомъ разлива,—погруженныя на дно льдины вдругъ отрываются отъ рѣчнаго ложа и плаваютъ на поверхности, усѣянныя массой рыбъ, которыя плавали въ рѣкѣ. Такъ образуются обширныя ледяныя поля, покрытыя живымъ мясомъ, которое скоро предается гніенію и служитъ пищей морскимъ птицамъ.

[1]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise.

ОБЩІЙ ВИДЪ ЕКАТЕРИНБУРГА.

Вскрытіе большихъ сибирскихъ рѣкъ представляетъ нѣкоторыя особенности, зависящія отъ оріентированія ихъ по направленію меридіана. Въ то время, какъ на границахъ Татаріи или у подножія Алтайскихъ горъ поверхность рѣкъ бываетъ замерзшей только три или пять мѣсяцевъ въ году, ледъ держится все долѣе и долѣе по мѣрѣ того, какъ рѣчной потокъ проходитъ подъ болѣе сѣверными широтами, и на крайнемъ сѣверѣ: отъ 72 до 75 градуса широты, устья большихъ рѣкъ остаются открытыми лишь впродолженіе отъ шестидесяти до ста дней; только съ конца іюля до половины сентября мореходы и рыболовы, когда они посѣщаютъ Ледовитый океанъ, могутъ разсчитывать на свободный входъ въ рѣки Сибири. Миддендорфъ вычислилъ, что для каждаго градуса широты, между 56-й и 72-й параллелями, продолжительность замерзанія рѣкъ увеличивается среднимъ числомъ на девять дней съ небольшимъ; но замедленіе вскрытія не совершается правильнымъ образомъ отъ юга къ сѣверу: въ южной Сибири періодъ замерзанія не увеличивается даже на одну недѣлю на каждый градусъ широты, тогда какъ для того же пространства онъ возрастаетъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ для большихъ рѣкъ, въ сосѣдствѣ Ледовитаго океана [1]). Одною изъ главныхъ причинъ столь значительной разности во времени вскрытія слѣдуетъ считать отсутствіе источниковъ въ сѣверныхъ областяхъ Сибири, гдѣ въ руслѣ рѣкъ нѣтъ ни одной струйки ключевой воды, которая бы поднималась изъ глубины и способствовала болѣе скорому таянію верхнихъ льдовъ.

Рѣки сѣверной Сибири никогда бы не освобождались отъ своей ледяной коры, если-бы вскрытіе ихъ не подготовлялось втеченіе зимы движеніями, происходящими въ самой массѣ льда. Чѣмъ сильнѣе были зимніе холода, чѣмъ глубже проникалъ морозъ въ нижніе слои воды, тѣмъ болѣе кристаллическій пластъ, сжимающійся вслѣдствіе охлажденія, раскололся и потрескался во всѣхъ направленіяхъ; трескъ льдовъ, разрываемыхъ дѣйствіемъ мороза во время сильной стужи, особенно по ночамъ, походитъ иногда на шумъ сраженія: кажется, будто слышишь частый трескъ ружейной перестрѣлки, покрываемый время отъ времени грохотомъ артиллеріи. Въ то же время вода на глубинахъ, внезапно замерзающая, требуетъ, по причинѣ увеличенія объема, болѣе значительнаго пространства; она отталкиваетъ верхній слой льдовъ и сгибаетъ его въ видѣ свода. Весной, когда рѣка возобновила свое теченіе и дѣлаетъ уже усилія сбросить съ себя и унести ледяную кору, она начинаетъ тѣмъ, что затопляетъ оба свои берега, вслѣдствіе чего образуются двѣ боковыя рѣки, называемыя по мѣстному *заберегами:* въ это время, чтобы совершить переправу черезъ рѣку, нужно переплыть на лодкѣ черезъ одинъ изъ боковыхъ потоковъ, затѣмъ перетащить лодку черезъ ледяной сводъ

[1]) Sibirische Reise, томъ IV, часть первая.

и опять начать плаваніе по другой заберегѣ, идущей вдоль противоположнаго берега. Принимая постепенно все болѣе выпуклую поверхность, растрескавшійся ледъ, наконецъ, дѣлится неравномѣрно на огромныя плиты, которыя приходятъ въ движеніе въ постоянно прибывающей водѣ. Льдины, отрывающіяся со дна рѣчнаго ложа, близъ береговъ, поднимаютъ съ собой тину, песокъ, камешки, даже большія каменныя глыбы и пускаются въ путь съ этой ношей. Вся масса, мутная или прозрачная, начинаетъ такимъ образомъ свое движеніе къ морю; но, спускаясь въ болѣе холодныя области, она встрѣчаетъ преграды въ видѣ сплошнаго, еще нетронувшагося льда, который сдерживаетъ напоръ ледохода; иногда бываетъ также, что полярные вѣтры, дующіе съ большой силой, замедляютъ движеніе разбитыхъ льдинъ и останавливаютъ ихъ у какого-нибудь поворота рѣки: образуя плотину, ледяныя глыбы громоздятся одна на другую поперегъ рѣки, задерживаютъ воды вверху и впродолженіе нѣсколькихъ часовъ поднимаютъ ихъ уровень на аршинъ или на полтора аршина. Не находя болѣе выхода книзу, воды и льдины должны разливаться по сторонамъ; жидкая масса, покрытая кусками льда, устремляется на берега, переноситъ лежащія на нихъ гальки далѣе отъ берега, въ иныхъ мѣстахъ нагромождаетъ кучи или валы изъ обломковъ, а въ другихъ вырываетъ огромныя борозды на землѣ. Такимъ образомъ ледоходъ каждый годъ проводитъ новые берега для рѣчнаго русла.

Подобно рѣкамъ Европейской Россіи, и даже еще въ бо̀льшей степени, рѣки Азіатской Россіи, протекая по части земной выпуклости болѣе близкой къ полюсу, представляютъ замѣчательное явленіе постепеннаго перемѣщенія всей массы водъ въ сторону праваго берега. Вдоль этихъ могучихъ потоковъ, извивающихся по направленію отъ юга къ сѣверу, восточный возвышенный берегъ постоянно подтачивается волной, тогда какъ западный низменный, покрытый аллювіальной почвой, пересѣкаемый тамъ и сямъ старыми, засореннымп рѣчными руслами, все болѣе и болѣе покидается водами. Отсюда происходитъ тотъ рѣзкій контрастъ рельефа, который представляютъ два берега рѣки: лѣвый берегъ, надъ которымъ проходитъ теченіе, и который образовался постепеннымъ отложеніемъ наносовъ и осадковъ,—вездѣ ровный и мало возвышается надъ уровнемъ разливовъ; напротивъ, правый,—о который постоянно ударяется масса водъ, и который составляетъ первоначальную почву, еще не передѣланную рѣкой,—поднимается въ видѣ холмовъ, въ видѣ обрывистыхъ утесовъ или крутояровъ. Это различіе между берегами составляетъ до такой степени общее и повсемѣстное явленіе, что туземцы, даже въ томъ случаѣ, когда они еще не видали какой-нибудь рѣки, съ увѣренностью называютъ правый ея берегъ „высокимъ“, а лѣвый „низкимъ“: здѣсь замѣчается точно такая-же противоположность между берегами, какая существуетъ между „лѣснымъ“ или “нагорнымъ“ и „луговымъ“

или „степнымъ“ берегомъ, вдоль Волги и ея притоковъ. Также какъ въ Европейской Россіи, города въ Сибири строятся преимущественно на правомъ берегу, болѣе возвышенномъ и потому безопасномъ отъ наводненій; но эта выгода покупается дорогой цѣной: многіе города, хотя основанные въ относительно недавнее время, каковы Тобольскъ, Семипалатинскъ, Нарымъ, должны были частію перестроиться, вслѣдствіе обваловъ берега, подтачиваемаго рѣкой [1]).

Сѣверные морскіе берега Сибири, омываемые болѣе холодными водами, чѣмъ берега Норвегіи и Шотландіи, не изрѣзаны, однако, столь многочисленными фіордами. Изсѣченія сибирскаго побережья имѣютъ нѣкоторое сходство съ вырѣзками Скандинавіи только на пространствѣ между устьями рѣкъ Кары и Енисея. Карская губа, Обская губа, заливъ рѣки Тазъ, Енисейская губа и ихъ различныя изсѣченія, наконецъ, прибрежныя озера, которыя нѣкогда были морскими бухтами, а теперь отдѣлены отъ моря, придаютъ совокупности этой области норвежскій видъ: тамъ каждая земля—островъ или полуостровъ, каждая водная площадь—бухта или проливъ. Но къ востоку отъ Енисея образованіе морскаго прибрежья становится гораздо болѣе правильнымъ: фіорды встрѣчаются тамъ лишь на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, и большая часть ихъ врѣзываются далеко во внутренность материка. Причину этой рѣдкости фіордовъ на сибирскомъ прибрежьѣ нужно искать, безъ сомнѣнія, въ постепенной наклонности, въ отлогости континентальной почвы и скатовъ, которыми она продолжается подъ поверхностью моря. Настоящіе ледники не могли образоваться на этомъ прибрежьѣ и своимъ присутствіемъ сохранить его первоначальныя изсѣченія: рѣки, несущія землистыя частицы и обломки, моря, катящія въ своихъ волнахъ остатки безчисленныхъ организмовъ, регулировали изъ вѣка въ вѣкъ очертаніе сибирскихъ береговъ, придавая имъ форму, напоминающую въ общемъ контуры морскихъ береговъ умѣреннаго пояса.

Притомъ морское ложе, постоянно выравниваемое пескомъ, иломъ, всякаго рода обломками, падающими съ поверхности, обыкновенно представляетъ гораздо болѣе ровную поверхность, чѣмъ сосѣднія континентальныя пространства. Но весь сѣверный берегъ Сибири есть старое морское дно, поднимающееся медленнымъ движеніемъ надъ уровнемъ Ледовитаго океана. Это явленіе постепеннаго возвышенія сибирскаго прибрежья очень хорошо извѣстно, и путешественники приводятъ многочисленныя свидѣтельства, доказывающія его существованіе. Эрманъ, Миддендорфъ, Врангель прослѣдили линіи береговъ, начертанныя далеко внутри земель, мѣстами даже въ разстояніи около 200 верстъ отъ моря

[1]) *Von Baer*, Kaspische Studien; *Bernhard von Cotta*, etc.

и на высотѣ 330 и болѣе футъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ океана; они видѣли груды нанесенныхъ волнами деревьевъ, извѣстныхъ у туземныхъ жителей подъ именемъ „Адамова“ или „Ноева лѣса“ (адамовщина, ноевщина); и находящихся теперь въ большомъ разстояніи отъ моря, видѣли многочисленныя бухты, которыя превратились въ замкнутыя озера или даже совершенно обсохли, слои или мели замерзшихъ и вполнѣ сохранившихся морскихъ раковинъ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ нынѣ

Берега Енисея. — Плотина, воздвигнутая льдомъ.

живущихъ видовъ Ледовитаго океана; они указываютъ также въ разныхъ мѣстахъ мысы, которые были островами въ эпоху посѣщенія страны предъидущими путешественниками. Еще недавно, во время зимовки барона Норденшельда и его спутниковъ въ сосѣдствѣ Берингова пролива, Бове констатировалъ многія явленія этого рода, свидѣтельствующія о постепенномъ поднятіи сибирскаго берега [1]). Изъ сравненія всѣхъ наблюдавшихся фактовъ и свѣдѣній, полученныхъ отъ туземцевъ, повидимому, нужно заключить, что движеніе поднятія береговъ Сибири происходитъ довольно быстро; если китъ исчезъ изъ этихъ областей Ледовитаго океана,

[1]) Bollettino della Società Geografica di Roma, 1879.

то это должно быть приписано, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, возвышенію морскаго дна и обмеленію водъ [1]). Эрманъ и нѣкоторые другіе путешественники высказали мысль, что деревья, обломки которыхъ видны на берегахъ Ледовитаго океана, суть остатки лѣсовъ, росшихъ въ этомъ мѣстѣ въ ту эпоху, когда климатъ Сибири былъ теплѣе, чѣмъ въ наше время; но состояніе, въ какомъ находится такъ называемый Адамовъ лѣсъ, несомнѣнно доказываетъ, что это принесенныя водой деревья, облупленныя и поломанныя ударами льдинъ и посадками на мель. Этотъ сплавной лѣсъ состоитъ изъ хвойныхъ породъ и почти исключительно изъ лиственницъ, подобныхъ тѣмъ, которыя и въ наши дни во время разливовъ плывутъ во множествѣ внизъ по теченію большихъ сибирскихъ рѣкъ. Впродолженіе длиннаго ряда вѣковъ эти наносы деревъ были достаточно велики, чтобы окаймить почти всѣ берега Ледовитаго океана черной бахромой, которая позволяетъ во многихъ мѣстахъ различить линію берега между льдомъ моря и снѣгомъ твердой земли; такъ постепенно накопились тѣ „горы сплавнаго лѣса“, которыя мы видимъ на берегахъ, нынѣ поднятыхъ, полуострова Таймуръ, Новой Сибири, Новой Земли, архипелага императора Франца Іосифа, Шпицбергена. Такимъ образомъ остатки лѣсовъ южной Сибири уносятся рѣками и отлагаются отъ мыса до мыса, вдоль морскаго берега, на сѣверѣ отъ полярнаго круга [2]).

Теченіе трехъ главныхъ и промежуточныхъ, менѣе значительныхъ, сибирскихъ рѣкъ, которыя изливаются въ Ледовитый океанъ, между Новой Землей и архипелагомъ Новой Сибири, несетъ въ совокупности такую огромную массу воды, что она оказываетъ чувствительное вліяніе на нормальный порядокъ морскихъ теченій. Вступая въ море, жидкая масса, которую изливаютъ Обь, Енисей, Лена и другія рѣки, естественно обладаетъ поступательнымъ движеніемъ въ восточномъ направленіи: вращеніе земнаго шара на оси, которое направляетъ рѣчное теченіе на правый берегъ его ложа, заставляетъ его уклоняться къ востоку, какъ только потокъ выйдетъ изъ залива или губы. Но это направленіе есть то самое, по которому слѣдуютъ воды, текущія изъ тропическихъ морей, воды, которыя, пройдя мимо скандинавскихъ береговъ и обогнувъ Новую Землю, движутся еще, хотя уже довольно медленно, вдоль береговъ сѣверной Сибири. Какая доля участія въ этомъ движеніи водъ принадлежитъ сибирскимъ рѣкамъ, и какая Атлантическому океану? Безъ сомнѣнія, въ бо̀льшей части это теченіе рѣчнаго происхожденія, такъ какъ въ сосѣдствѣ сибирскихъ береговъ море гораздо менѣе солено, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ: между фіордомъ Хатанга и устьями Лены содержаніе

---

[1]) *Howarth*, Journal of the Geographical Society, XLIII, 1875.
[2]) *Middendorf*, Sibirische Reise.

соли въ Ледовитомъ океанѣ выражается только одной сотой, слѣдовательно составляетъ лишь треть нормальной солености; море въ этихъ областяхъ имѣетъ столь малую глубину, что вода его на двѣ трети сибирскаго происхожденія. Слѣдовательно, допуская существованіе этого теченія, идущаго вдоль морскихъ береговъ полярной Сибири въ восточномъ направленіи, проф. Норденшельдъ былъ правъ, когда ввѣрилъ ему свой корабль, въ надеждѣ, что движеніе водъ откроетъ ему свободный путь на югѣ отъ сплошныхъ ледяныхъ пространствъ, до Берингова пролива.

На покатости морей Берингова и Охотскаго, скатъ материка слишкомъ коротокъ, чтобы тамъ могли образоваться значительныя рѣки Хребетъ или горбъ земель, служащій въ тоже время линіей раздѣла водъ, лежитъ очень близко къ берегу Тихаго океана, и иной притокъ Лены, берущій начало менѣе чѣмъ въ 100 верстахъ отъ Охотскаго моря, проходитъ около 3,000 верстъ, чтобы соединиться, черезъ посредство своей главной рѣки, съ Ледовитымъ океаномъ. Только одинъ потокъ прѣсной воды, на сѣверѣ отъ рѣки Амура, можетъ быть сравниваемъ, по длинѣ теченія, но не по обилію воды, съ большими рѣками западной Европы, въ родѣ Роны или Рейна: это Анадырь, впадающій въ заливъ того же имени (Анадырская губа), между Беринговымъ проливомъ и полуостровомъ Камчаткой. Но на югѣ отъ Охотскаго моря прибрежныя возвышенности перерѣзаны проломомъ, черезъ который могла вылиться въ океанъ рѣка Амуръ, служившая веной истеченія для всѣхъ озерныхъ бассейновъ, которые нѣкогда покрывали плоскогорье Даурін и Монголіи.

Среднее теченіе этой рѣки, составляющей границу политическаго раздѣленія между двумя имперіями, Россійской и Китайской, остается свободнымъ отъ льдовъ впродолженіе шести или семи мѣсяцевъ въ году; между тѣмъ нижняя часть Амура, текущаго въ направленіи на сѣверовостокъ и на сѣверъ, представляетъ то же самое явленіе, какъ и рѣки сѣверной Сибири: весеннее вскрытіе и ледоходъ замедляется отъ верху книзу; льды, останавливаясь на порогахъ, въ видѣ временныхъ плотинъ или запрудъ, задерживаютъ воды разлива и заставляютъ ихъ искать себѣ выхода по сторонамъ въ сосѣднія равнины, причемъ наводненіе размываетъ берега, вырываетъ съ корнемъ деревья въ лѣсахъ и покрываетъ почву грязью и каменьями. Въ это время отъ высокаго берега часто отрываются огромныя стѣны и вдругъ обваливаются въ рѣку, образуя временныя запруды и вздымая громадныя волны, которыя распространяются верстъ на 15 и на 20 отъ мѣста обвала.

Область плоскихъ возвышенностей, раздѣляющая бассейны Лены и Амура, кажется, лучше чѣмъ всякая другая часть Сибири, сохранила тотъ видъ, какой должна была имѣть эта страна послѣ ледянаго періода. Тамъ каждая небольшая впадина земной поверхности наполнена болотомъ или озеромъ; ручьи, рѣчки и рѣки представляютъ непрерывное сцѣпленіе

бассейновъ и водовмѣстилищъ всякой величины; морены, поросшія теперь сосновымъ лѣсомъ и кое-гдѣ обнаженныя размывомъ водъ, напоминаютъ пребываніе древнихъ ледниковъ; природа, во всей ея совокупности, носитъ на себѣ отпечатокъ недоконченности; переходъ отъ одного геологическаго періода до другого еще не завершился [1]); рѣки еще не успѣли окончательно вырыть свои долины и урегулировать скатъ своихъ руслъ. Эти сибирскія нагорья, гдѣ преобладаютъ граниты и сланцы, походятъ на Финляндію и Скандинавію, которыя, какъ извѣстно, тоже принадлежатъ къ числу странъ, образованныхъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ.

Если плоскія возвышенности восточной Сибири еще усѣяны миріадами маленькихъ озеръ, то обширные бассейны уже исчезли въ этой странѣ, частію опорожненные проходящими черезъ нихъ рѣками, частію засоренные рѣчными наносами. Однако, одно изъ этихъ большихъ озеръ, настоящее внутреннее море, еще сохранилось: это Байкалъ (или Святое море), занимающій двѣ впадины, которыя слѣдуютъ одна за другой въ глубинахъ плоскогорья, между тремя покатостями Енисея, Лены и Амура. Прежде этотъ огромный озерный резервуаръ находился на гораздо большей высотѣ, чѣмъ въ наши дни; онъ, такъ сказать, висѣлъ надъ упомянутыми тремя рѣчными бассейнами, и направленіе его будущаго выходнаго истока зависѣло отъ первой трещины или пробоины въ его стѣнкахъ. Благодаря пролому, образованному Ангарой, Байкалъ принадлежитъ теперь къ бассейну Енисея. Но тѣмъ не менѣе, какъ по формѣ бассейна, въ которомъ онъ замкнутъ, такъ по своей большой глубинѣ и по происходящимъ въ немъ явленіямъ, онъ и понынѣ остается озеромъ географически отличнымъ отъ рѣчнаго бассейна, въ составъ котораго онъ вошелъ какъ-бы случайно. Оріентированіе долины, заключающей этотъ обширный озерный резервуаръ, пересѣкаетъ почти подъ прямымъ угломъ направленіе низменности, черезъ которую выливается излишекъ его жидкой массы, и ложе его спускается на нѣсколько сотъ саженъ ниже уровня океана: Ангара уноситъ только поверхностныя воды Святаго моря.

Столь обширная страна, какъ Сибирь, подверженная съ одной стороны вліяніямъ атлантическаго климата, съ другой, получающая вѣяніе Тихаго океана, и простирающаяся отъ юга къ сѣверу на пространствѣ 29 градусовъ географической широты, то-есть почти на цѣлой трети разстоянія, отдѣляющаго экваторъ отъ арктическаго полюса, должна, очевидно, имѣть, отъ одной оконечности до другой на этомъ огромномъ протяженіи, самые разнообразные климаты: холодная Сибирь также имѣетъ свои умѣренныя области, которымъ славянскіе колонисты сѣверныхъ

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

мѣстностей съ гордостью даютъ пышное названіе „Италіи“. Однако, въ сравненіи съ Европой, Сибирь можетъ быть разсматриваема въ своей совокупности, какъ страна крайнихъ температуръ: жаровъ относительно сильныхъ и особенно холодовъ, чрезвычайно суровыхъ. Слово „Сибирь“ совершенно справедливо сдѣлалось синонимомъ страны леденящихъ вѣтровъ и трескучихъ морозовъ, такъ какъ именно въ восточной Сибири колеблется зимой полюсъ холода. Средняя годовая температура, въ области, заключающейся между рѣками Анабарой и Индигиркой, на 12 градусовъ ниже точки замерзанія. Полюсъ стужи, перемѣщающійся въ различныя точки, смотря по силѣ боковыхъ давленій, отъ Якутска до устьевъ Лены, составляетъ метеорологическій центръ, вокругъ котораго уравновѣшиваются воздушныя теченія. Въ этомъ пространствѣ приготовляются въ большей части элементы климата западной Европы. Вслѣдствіе общаго движенія атмосферы, которое направляется поочередно отъ сѣверо-востока къ юго-западу и отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, приморская Европа и Сибирь находятся между собой въ постоянномъ метеорологическомъ обмѣнѣ: одна посылаетъ влажность и теплую температуру, другая даетъ холода и ясную погоду.

Въ сѣверной Сибири зимой термометръ держится впродолженіе цѣлыхъ недѣль ниже — 30 градусовъ стоградусной скалы, а иногда опускается до — 50 градусовъ. Въ 1871 году, 31 декабря, термометръ показывалъ въ Енисейскѣ температуру—58°,6 Цельсія, холодъ, впрочемъ, гораздо легче переносимый, нежели стоявшій за день передъ тѣмъ морозъ, который, хотя былъ на 13 градусовъ слабѣе, но зато сопровождался сильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ [1]). Невѣровъ констатировалъ температуру — 62 градуса въ Якутскѣ, а Гмелинъ разсказываетъ, что ему случалось испытывать холода еще болѣе значительные [2]). Впродолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ средняя температура +15 градусовъ; каждый годъ, во время теплыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, термометръ въ Якутскѣ часто показываетъ болѣе 30 градусовъ въ тѣни; въ исключительныхъ случаяхъ ртуть подымается даже до 38 градусовъ, то-есть выше, чѣмъ въ городахъ умѣренной Европы: жители полюса холода выносятъ тогда жары, какихъ никогда не приходится испытывать людямъ, живущимъ на три и четыре тысячи верстъ ближе къ экватору. Подобно тому, какъ въ Лапландіи [3]), высохшая земля сибирскихъ тундръ такъ сильно нагрѣвается тогда солнцемъ, что ноги пѣшеходовъ едва могутъ выносить прикосновеніе къ ней; кажется, что ступаешь по раскаленной лавѣ. Общая разность годовыхъ наибольшихъ и наименьшихъ температуръ въ Якутскѣ обнимаетъ, слѣдовательно, сотню градусовъ въ исключительные годы; обыкновенно она

[1]) *Базилевскій*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1872 г., т. VIII.
[2]) *Middendorff*, Sibirische Reise.
[3]) *Wahlenberg*, Flora laponica.

ПОРТЪ ЛАПЕРУЗА ВЪ ЗАЛИВѢ ДЕ КАСТРИ.

составляетъ около 90 градусовъ, пропорція все еще гораздо болѣе значительная, чѣмъ предѣлы колебанія температуры во всякомъ другомъ климатѣ на земномъ шарѣ: при переходѣ отъ зимы къ лѣту и отъ лѣта къ зимѣ суточное измѣненіе возрастающей или уменьшающей температуры составляетъ, въ среднемъ выводѣ, около половины градуса стоградуснаго термометра: во Франціи суточное повышеніе или пониженіе температуры не достигаетъ даже четверти градуса, и даже внѣ тропическаго пояса острова съ постояннымъ климатомъ, какъ напримѣръ, Фарерскіе, представляютъ между самой высокой и самой низкой температурой годовую разность, непревышающую 7 градусовъ: слѣдовательно, среднее суточное измѣненіе температуры составляетъ тамъ всего только одну двадцать-пятую градуса. Такимъ образомъ климатъ Якутска или, лучше сказать, сѣвернаго бассейна Лены долженъ быть признанъ наиболѣе совершеннымъ на всемъ земномъ шарѣ типомъ континентальныхъ климатовъ, отличающихся крайностями тепла и холода.

Приводимъ среднія температуры различныхъ мѣстъ Сибири, въ направленіи съ юга на сѣверъ, по Миддендорфу, Воейкову и другимъ:

	Широта.	Высота.	Средняя температура.	Самый холодный мѣсяцъ.	Самый теплый мѣсяцъ.	Разность.
Владивостокъ (Приморье) .	43°,07′	15 м.	4°,1	—14°,4	20°,1	34°,5
Благовѣщенскъ (Амуръ). .	50°,16′	119″	0°,0	—26°,7	22°,6	49°,3
Нерчинскій заводъ (Даурія).	51°,19′	687″	— 4°,3	—29°,5	17°,7	47°,2
Маріинскъ (Амуръ) . . .	51°,41′	10″		—18°,3	17°,7	36°,0
Иркутскъ (Ангара) . . .	52°,17′	460″	— 0°,1	—20°,8	18°,4	39°,2
Петропавловскъ (Камчатка).	53°,00′	15″	2°,8	— 7°,9	14°,5	22°,4
Николаевскъ (Амуръ) . .	53°,08′	30″		—18°,0	19°,7	37°,7
Барнаулъ (Алтай). . . .	53°,20′	111″	— 0°,02	—20°,3	19°,5	39°,8
Каинскъ (Бараба). . . .	55°,27′	139″	— 0°,7	—20°,0	20°,4	40°,4
Аянъ (Охотское море) . .	56°,27′	20″	— 3°,6	—20°,9	13°,4	34°,3
Томскъ (Обь)	56°,29′	62″	— 0°,9	—19°,2	18°,5	37°,7
Екатеринбургъ (Уралъ) . .	56°,50′	270″	0°,6	—16°,5	17°,5	34°,0
Тобольскъ (Иртышъ). . .	58°,12′	108″	0°,2	—19°,7	20°,0	39°,7
Охотскъ (прибрежье). . .	59°,21′	20″	— 5°,0	—23°,2	12°,6	35°,8
Якутскъ (Лена)	62°,02′	85″	—10°,9	—40°,8	17°,4	58°,2
Березовъ (Обь).	63°,56′	91″	— 4°,2	—23°,9	18°,8	42°,7
Туруханскъ (Енисей). . .	65°,55′	15″		—31°,0		
Нижне-Колымскъ (Колыма) .	68°,32′	20″	—12°,5	—36°,4		
Таймуръ	70°,44′				10°,7	
Усть-Янскъ (Яна) . . .	70°,55′	15″	—16°,2	—39°,3	11°,5	50°,8

Въ отношеніи климатическихъ условій кажется нормальнымъ тотъ фактъ, что область Сибири, гдѣ климатъ имѣетъ по преимуществу характеръ континентальный, не находится въ центрѣ страны, въ значительномъ разстояніи отъ морей. Всего естественнѣе было-бы искать около истоковъ Енисея, если не область самыхъ большихъ холодовъ, то область наибольшей разности между температурами. Однако, можно сказать, что, по крайней мѣрѣ по своей поверхности, сѣверныя и сѣверо-восточныя сибирскія моря представляютъ моря только повидимому и скорѣе должны быть причислены къ сушѣ. Покрытыя льдомъ впродолженіе большей части года, они продолжаютъ собою на далекое пространство континентальную поверхность, соединяя ее на сѣверѣ съ архипелагомъ Новой Сибири и съ Землей Врангеля, тогда какъ со стороны востока она соединяется посредствомъ этихъ ледовитыхъ морей съ Сѣверной Америкой, съ полярными островами, съ Гренландіей. На юго-востокѣ параллельные кряжи Становаго хребта, хотя мало возвышенные, образуютъ, однако, родъ экрана между открытыми морями сѣверной части Тихаго океана и плоскогорьями восточной Сибири. Понятно поэтому, что метеорологическое средоточіе континентальной области должно было перемѣститься къ сѣверо-востоку, далеко за геометрическій центръ страны. Въ отношеніи климата восточная Сибирь приближается къ сѣверной Америкѣ, тогда какъ Сибирь западная, отъ Оби до Енисея, составляетъ еще часть Европы и находится въ области юго-западныхъ вѣтровъ [1]). Однако, полюсъ холода, который въ тоже время есть центръ наибольшаго барометрическаго давленія во время зимы, былъ-бы перенесенъ гораздо далѣе на юго-западъ, если-бы восточная Сибирь не имѣла поверхности гораздо болѣе неровной, гористой, чѣмъ западная. Въ равнинахъ западной Сибири холодный воздухъ можетъ свободно распространяться въ ту и другую сторону; въ области-же холмовъ и долинъ востока истеченіе его замедляется треніемъ неровностей почвы [2]).

Съ перваго взгляда можно-бы было также подумать, что такъ какъ вліяніе географической широты уравновѣшивается вліяніемъ высоты положенія мѣста надъ уровнемъ моря, то средняя годовая температура южной Сибири должна быть столь-же низка, какъ и средняя температура сѣверныхъ ея пространствъ. Вслѣдствіе явленія аналогичнаго тому, что́ мы видимъ во Франціи,—гдѣ центральная плоская возвышенность, хотя лежащая южнѣе Фландріи, имѣетъ, однако, точно такія-же зимы,—и въ Германіи,—гдѣ баварскія Альпы отличаются точно такимъ же климатомъ, какъ и берега Балтійскаго моря,—Алтай, Даурскія горы, казалось-бы, должны имѣть столь же холодныя зимы, какъ и равнины во-

[1]) *Middendorff*, Sibirische Reise; *Воейковъ*, Извѣстія Русск. Географическ. Общества, 1871 г., № 5.

[2]) *Воейковъ*, Mittheilungen von Petermann, 1878 г., № 7; *Рыкачевъ*; *Hann* и др.

кругъ Якутска. Въ дѣйствительности, однако, этого нѣтъ. Натуралистъ Мюллеръ констатировалъ тотъ фактъ, что зимой температура сибирскихъ равнинъ, вообще говоря, ниже температуры высотъ и горъ: чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ холода становятся менѣе суровыми; температура возрастаетъ съ увеличеніемъ высоты мѣстъ до значительнаго возвышенія, которое, впрочемъ, до сихъ поръ еще не опредѣлено съ точностью. Это фактъ, который замѣчаютъ иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, и въ странахъ западной Европы, когда посѣвы въ равнинѣ истребляются морозами, между тѣмъ, какъ культурныя растенія на косогорахъ и холмахъ безъ всякаго вреда для себя переносятъ зимній холодъ. Извѣстно также, что зимой 1879—1880 года вершины Пиренеевъ и Овернскихъ горъ долго были окружены болѣе теплой атмосферой, чѣмъ та, которая стояла надъ равнинами, разстилающимися у ихъ основанія [1]). Но это метеорологическое явленіе, рѣдкое въ Европѣ, почти постоянно наблюдается въ восточной Сибири. Такъ, напримѣръ, нормальная температура въ январѣ мѣсяцѣ, которая въ Иркутскѣ, на высотѣ 1,500 футовъ, составляетъ —25°,7, въ Вознесенскѣ, лежащемъ на 1,100 фут. выше, равна —25°, а на горѣ Алибера, которая поднимается на 7,300 фут., средняя высота термометра въ томъ же мѣсяцѣ только — 16°,6. Эта неправильность въ порядкѣ измѣненія климатовъ должна быть приписана, безъ сомнѣнія, ясности неба, спокойствію, господствующему въ атмосферѣ. Теплый воздухъ собирается въ верхнихъ пространствахъ, тогда какъ болѣе холодные атмосферные слои, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и самые плотные, спускаются внизъ, въ силу своей бо́льшей тяжести, и скопляются надъ поверхностью земли. Въ Европѣ, гдѣ небо зимой почти всегда бываетъ покрыто облаками, ненормальное расположеніе слоевъ воздуха не можетъ долго продолжаться; но въ Сибири всѣ метеорологическія условія зимы соединяются, чтобы возвышать температуру верхнихъ воздушныхъ пространствъ въ ущербъ температурѣ нижнихъ, ближайшихъ къ земной поверхности слоевъ: сухость атмосферы, отсутствіе вѣтровъ, продолжительность ночей, во время которыхъ земная теплота уходитъ лучеиспусканіемъ въ верхнія области воздушнаго пространства [2]). Притомъ же относительно теплыя воздушныя теченія могутъ дуть въ высшихъ пространствахъ атмосферы, надъ холоднымъ воздухомъ, облегающимъ равнины; замѣчено, что на горѣ Алибера господствующіе зимой вѣтры дуютъ обыкновенно съ запада, съ сѣверо-запада или съ юго-запада [3]). Таковы, вмѣстѣ съ сухостью климата, причины, препятствующія образованію ледниковъ на горахъ Дауріи, на хребтахъ Становомъ и Алданскомъ. Даже горы въ 2,000 и въ 3,000 футовъ, которыя возвышаются на сѣверныхъ морскихъ

[1]) *De Nansouty; Alluard*, etc.
[2]) Zeitschrift für Meteorologie, 1 января 1871 г.
[3]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

берегахъ Сибири, къ востоку отъ полуострова Таймуръ, представляютъ только кое-гдѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, фирновыя поля, и баронъ Норденшельдъ не рѣшается утверждать, что онъ видѣлъ тамъ настоящіе ледники. Эти высоты не достигаютъ даже границы никогда нетающихъ снѣговъ, и лѣтомъ являются совершенно голыми или только испещрены бѣлыми полосами въ оврагахъ [1]).

Такимъ образомъ Сибирь, столь замѣчательная съ метеорологической точки зрѣнія, какъ страна, надъ которой совершаетъ свои колебанія полюсъ низкой температуры, не менѣе замѣчательна потоками холоднаго и густаго воздуха, который изливается, какъ водопадъ, въ ея равнины. Въ этой странѣ находится средоточіе наибольшаго барометрическаго давленія: въ январѣ ртуть въ барометрѣ поднимается тамъ обыкновенно до 774 миллиметровъ, то-есть на 20 или 25 миллиметр. выше, чѣмъ надъ западной Европой; холодный и сухой воздухъ, скопляющійся надъ этой областью Сибири, принужденъ, слѣдовательно, разливаться по сторонамъ, преимущественно на востокъ, къ Тихому океану, надъ которымъ залегаетъ масса воздуха гораздо менѣе значительная. Но лѣтомъ происходитъ обратное явленіе: барометрическое давленіе уменьшилось на 20 или 25 миллиметровъ въ восточной Сибири, и воздухъ окружающихъ областей, приносящій облака и дожди, долженъ притекать къ этимъ странамъ, чтобы пополнить пустоту, образовавшуюся вслѣдствіе атмосфернаго отлива [2]). Такимъ образомъ происходитъ періодическое чередованіе воздушныхъ волнъ вокругъ этой части земной выпуклости, которая является попеременно то притягательнымъ фокусомъ, то центромъ распространенія воздушныхъ массъ.

Путешественники, которымъ приводилось испытать сибирскую зиму во всей ея суровости, говорятъ о ней съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ. Безконечное безмолвіе, мертвая тишина царствуютъ въ пространствѣ. Вся природа кажется погруженной въ глубокій сонъ: мхи, травы спрятались въ снѣгу или уничтожены морозомъ; животныя забились въ свои логовища; рѣки перестали течь, и вмѣстѣ съ своими берегами исчезли подъ ледянымъ или снѣжнымъ покровомъ; земля, ослѣпительной бѣлизны въ центрѣ пейзажа, окоймленная сѣрой полосой въ отдаленіи, не представляетъ ни одного предмета, на которомъ бы могъ остановиться взоръ. Ни одной рѣзкой линіи, никакихъ яркихъ цвѣтовъ, ничего, что́-бы прерывало подавляющее однообразіе пространства. Единственный контрастъ съ угрюмымъ видомъ безпредѣльной снѣжной равнины составляетъ вѣчно ясная, безоблачная лазурь небеснаго свода, гдѣ шествуетъ солнце, поднимаясь едва на нѣсколько градусовъ надъ гори-

---

[1]) *Middendorff*, Sibirische Reise; *Nordenskjöld*, Lettres à M. Daubrée.

[2]) *Воейковъ*, Die atmospherische Circulation, Ergänzungsheft, № 38, Petermann's Mittheilungen.

зонтомъ. Дневное свѣтило восходитъ и закатывается, при трескучихъ морозахъ въ 36 или 40 градусовъ Цельсія, съ отчетливо очерченными контурами, безъ того красноватаго ореола, которымъ обыкновенно бываетъ окруженъ его дискъ на краю небосклона. Сила его лучей такъ велика, что снѣгъ таетъ на сторонѣ крышъ, обращенной къ свѣту, тогда какъ въ тѣни въ это же самое время температура бываетъ отъ 24 до 30 градусовъ ниже точки замерзанія [1]). Ночью, когда сѣверное сіяніе не разстилаетъ по небу своей разноцвѣтной драпировки и не вспыхиваетъ безчисленными ракетами, звѣзды и зодіакальный свѣтъ блестятъ необыкновенно ярко; можетъ быть, ни надъ какой другой частью земнаго шара не разстилается небо столь благопріятное для астрономическихъ наблюденій. Въ этой области полюса стужи атмосфера отличается совершенной прозрачностью: нигдѣ не увидишь ни малѣйшаго облачка, развѣ только на берегу рѣкъ, гдѣ поднимается густой туманъ, состоящій изъ обледенѣвшихъ водяныхъ частицъ, или въ сосѣдствѣ стадъ, скрытыхъ въ клубахъ пара, образующагося отъ дыханія животныхъ; но воздухъ, содержащій тонкіе кристаллики тумана, не менѣе сухъ, какъ и прозрачная атмосфера. Человѣкъ осмѣливается выходитъ изъ своего жилья въ эти страшные холода; но животныя остаются безвыходно въ своихъ норахъ и берлогахъ; только воронъ отваживается покружить въ воздухѣ, слабымъ и медленнымъ полетомъ, оставляя за собою легкую полоску пара [2]). Впрочемъ, сибирскія зимы не такъ ужь страшны и трудно переносимы, какъ воображаютъ иностранцы, прежде чѣмъ сами испытаютъ ихъ: человѣку, даже вновь прибывшему въ край, если онъ имѣетъ достаточную и соотвѣтственную пищу, хорошо одѣтъ, закутанъ въ мѣха, нечего бояться даже самыхъ сильныхъ морозовъ; мало найдется климатовъ болѣе здоровыхъ, чѣмъ климатъ холодной восточной Сибири, гдѣ воздухъ такъ прозраченъ, такъ спокоенъ, такъ совершенно сухъ и чистъ. Чахоточныхъ никогда не видывали въ Читѣ, въ томъ холодномъ Забайкальѣ, гдѣ ртуть въ термометрѣ замерзаетъ и остается въ твердомъ состояніи по цѣлымъ недѣлямъ [3]).

Эта суровая зима, во время которой отъ страшныхъ морозовъ трескается земля и береговые утесы рѣкъ разсѣкаются на правильныя колоннады, напоминающія столбы базальтовъ [4]), внезапно смѣняется восхитительной весной: перемѣна происходитъ такъ быстро, что природа вдругъ является совершенно обновленной; зелень распускающихся листьевъ на деревьяхъ, благоуханіе нарождающихся цвѣтовъ, опьяняющая теплота атмосферы, лучезарная ясность неба—все соединяется, чтобы сдѣлать изъ

---

[1]) *Hansteen*, Astronomische Nachrichten, VIII.

[2]) *Middendorff*, Sibirische Reise; *Wrangel*, Siberia and polar sea.

[3]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[4]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.

радостнаго чувства жизни настоящее наслажденіе. Сибирякамъ, посѣщающимъ умѣренныя страны западной Европы, кажется, что внѣ ихъ родины о веснѣ и понятія не имѣютъ. За этими первыми днями пробужденія природы изъ продолжительнаго зимняго сна наступаетъ періодъ холодной, вѣтряной, измѣнчивой погоды, какъ слѣдствіе пертурбаціи, которую производитъ въ атмосферѣ внезапная оттепель и быстрое таяніе снѣга на громадномъ пространствѣ: наступаетъ возвратъ холодовъ, подобный возобновленію стужи, извѣстному въ приморской Европѣ подъ именемъ дней „ледяныхъ святыхъ“, только этотъ возвратъ въ Сибири бываетъ позднѣе, именно около 20 мая; ночные морозы уничтожаютъ цвѣтъ на яблоняхъ: вотъ почему невозможно получить яблоки въ восточной Сибири, хотя общее количество лѣтней теплоты вполнѣ достаточно для вызрѣванія этихъ плодовъ [1]). Зимніе холода скоро даютъ себя чувствовать послѣ короткаго лѣта: часто ночные заморозки начинаются уже съ половины іюля; съ 10 августа листья на деревьяхъ, пожелтѣвшіе отъ холода, начинаютъ опадать; десять дней спустя одна только лиственница сохранила еще кое-гдѣ пучки своихъ иголъ. Случается также, съ первыхъ чиселъ августа, что снѣгъ, насѣвшій густымъ слоемъ на густолистыя деревья, заставляетъ ихъ гнуться подъ его тяжестью и даже ломаетъ на нихъ вѣтви [2]).

Даже въ лѣтніе мѣсяцы зима продолжаетъ царствовать въ глубинахъ почвы; послѣ самыхъ сильныхъ жаровъ заступъ не можетъ копать грунтъ болѣе, какъ на 3 аршина подъ поверхностью: ниже земля остается всегда замерзшей. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Гмелинъ сообщилъ ученому міру этотъ необыкновенный фактъ постояннаго замерзанія почвы до глубины 100 слишкомъ футовъ; но это явленіе казалось противорѣчащимъ теоріи правильнаго возрастанія земной температуры въ глубинахъ, и ученые недоумѣвали, какимъ образомъ мерзлая почва Якутска можетъ покрываться растительностью, и какъ могутъ вызрѣвать на ней посѣвы хлѣба. Геологъ Леопольдъ фонъ Бухъ отвергалъ наблюденія Гмелина, какъ неимѣющія никакой цѣны; астрономъ Ганстенъ тоже объявилъ ихъ ошибочными, въ то самое время, когда путешественникъ Эрманъ, въ 1832 году, засвидѣтельствовалъ совершенную точность указаннаго Гмелиномъ факта. Наблюденія, произведенныя Миддендорфомъ, согласно опредѣленнымъ указаніямъ петербургской академіи наукъ, устранили всѣ сомнѣнія по этому вопросу. Въ Якутскѣ существуетъ буровая скважина почти въ 380 футовъ глубины, предпринятая для устройства артезіанскаго колодца; скважина эта еще не прошла слой земли, отвердѣвшей отъ мороза, и отъ дальнѣйшаго буренія принуждены были отказаться, не до-

[1]) *Миддендорфъ; Ледебуръ; Финшъ.*
[2]) *Кропоткинъ*, Рукописныя замѣтки.

стигнувъ искомаго слоя воды, такъ какъ потеряли всякую надежду на успѣшное окончаніе предпріятія. На глубинѣ около 3 аршинъ, тамъ, гдѣ уже не ощущаются происходящія на поверхности земли колебанія тепла и холода, средняя температура, которая приблизительно представляетъ нормальный климатъ Якутска, оказалась равной—11,°25; на днѣ же буровой скважины средняя температура уже—3°,12. Слѣдовательно здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ земнаго шара, существуетъ возрастаніе температуры по мѣрѣ нисхожденія внутрь земли подъ поверхностный слой почвы, и это возрастаніе совершается въ Сибири даже быстрѣе, чѣмъ въ рудниковыхъ шахтахъ и копяхъ Европы, такъ какъ оно составляетъ одинъ градусъ на каждыя $6^1/_2$ саженъ; вычисленіе указываетъ присутствіе сырой почвы на разстояніи около 24 саженъ ниже того мѣста, гдѣ остановился буровой снарядъ. Нельзя, однако, допустить безусловно,—прежде чѣмъ будутъ сдѣланы сравнительныя наблюденія во всей сѣверной области Сибири,—что почва тамъ совершенно мерзлая до глубины 530 или 560 футовъ. Возможно, что какія-нибудь исключительныя обстоятельства способствуютъ, въ однихъ мѣстахъ нагрѣванію, въ другихъ охлажденію грунта, и ученые допускаютъ, какъ весьма вѣроятное предположеніе, что сосѣдство ключей и текучихъ водъ должно вліять на повышеніе температуры почвы. Въ 7 верстахъ отъ Якутска одинъ колодецъ глубиною всего только въ 59 фут. достигаетъ слоя земли столь же близкаго къ точкѣ таянія, какъ и якутскій колодецъ, выкопанный до глубины 380 футовъ; къ юго-западу, при сліяніи рѣкъ Алдана и Майи, какъ говорятъ, совершенно пробуравили слой мерзлой почвы на разстояніи одного аршина отъ поверхности, и проникли до слоя рыхлаго песка [1]).

Въ этихъ областяхъ сѣверной Сибири земные слои, температура которыхъ постоянно ниже точки замерзанія, заключаютъ во многихъ мѣстахъ площади окристаллизованной воды. Такъ напримѣръ, въ золотоносныхъ пескахъ Енисея нашли, между гравіемъ и торфомъ, слой льда толщиною около 21 фута [2]). Пластинки кристаллическаго льда, разломанныя льдины, разсѣянныя ледяныя глыбы всякой формы и величины, болѣе или менѣе чистыя или смѣшанныя съ пескомъ или грязью, встрѣчаются вездѣ въ почвѣ, и когда гуляешь по берегу моря или большой рѣки, часто случается присутствовать при образованіи этихъ прозрачныхъ ледяныхъ жилъ. Морскія волны выбрасываютъ на берега льдины и затѣмъ покрываютъ ихъ пескомъ. Подобно тому и рѣки отлагаютъ на берегу одинъ надъ другимъ ряды льдинъ и песку; тамъ-же, гдѣ почва потрескается, вода проникаетъ въ трещины и замерзаетъ въ видѣ пластинокъ. Точно также снѣга, скопляющіеся въ оврагахъ и покрывае-

[1]) *Middendorff*, Sibirische Reise.

[2]) *Кропоткинъ*, Expédition de l'Olekminsk et du Vitim.

мые кучами осыпающейся со скатовъ земли, превращаются постепенно въ кристаллическія массы. Такъ образуются эти ископаемые льды, изъ которыхъ самые древніе отложились, безъ сомнѣнія, въ предшествующія геологическія эпохи [1]).

Въ зимніе мѣсяцы атмосфера бываетъ обыкновенно спокойна въ области холоднаго полюса; но нельзя того же сказать о странахъ, составляющихъ окраины этой области. Отъ Уральскаго хребта до Енисея и отъ Саянскихъ горъ до береговъ Ледовитаго океана полуденные вѣтры, и преимущественно юго-западные, преобладаютъ зимой, тогда какъ на югѣ отъ этого пояса, въ Киргизской степи, также какъ въ степяхъ Астраханскихъ, господствующее вліяніе оказываютъ полярные вѣтры, спускающіеся съ высотъ атмосферы [2]). Слѣдовательно, общіе законы климата западной Сибири походятъ на общіе законы европейскаго климата: на востокѣ, какъ и на западѣ отъ Уральскихъ горъ, воздушныя теченія, идущія одно изъ-подъ тропиковъ, другое отъ сѣвернаго полюса, встрѣчаются на половинѣ дороги. Къ востоку же отъ Енисея, и особенно въ бассейнѣ Лены, движеніе воздушныхъ токовъ совершенно иное. Тамъ зимніе вѣтры дуютъ, вообще говоря, съ сѣверо-запада, то-есть отъ Ледовитаго океана къ Тихому: отъ пояса высокаго барометрическаго давленія они направляются къ поясу низкаго давленія, указанному Крузенштерномъ въ 1805 году. На этомъ „отвратительномъ“ Охотскомъ морѣ, какъ его называетъ знаменитый русскій мореплаватель, по цѣлымъ мѣсяцамъ свирѣпствуютъ такія страшныя бури, что часто сообщеніе между двумя берегами становится совершенно невозможнымъ. Въ Удскомъ, близъ прибрежья Охотскаго моря, эти яростные сибирскіе муссоны, слѣдующіе въ сѣверо-западномъ направленіи, дуютъ правильно впродолженіе семи мѣсяцевъ, съ сентября до апрѣля, и воздушныя массы, подобныя водопадамъ, низвергаются, такъ сказать, съ высоты Становаго хребта въ разстилающійся внизу морской бассейнъ. Въ эту бурную пору люди и вьючныя животныя тщетно пытаются по цѣлымъ днямъ взобраться по скату горъ противъ свирѣпаго вѣтра, несущагося съ вершинъ: путники и лошади опрокидываются порывами вѣтра, вьюки срываются и скатываются въ пропасть [3]). Даже на нижнемъ теченіи Амура эти бурные вѣтры дуютъ съ большой силой, хотя гораздо меньшей, чѣмъ на берегахъ Охотскаго моря. Въ океанѣ они далеко отклоняютъ „Черную рѣку“ японцевъ, морское теченіе Куро-сиво, и тѣмъ самымъ заставляютъ корабли измѣнять свой маршрутъ между двумя континентами. На плоскихъ возвышенностяхъ Монголіи этотъ ледяной сѣверо-западный вѣтеръ дуетъ

---

[1]) *Лопатинъ*, Нѣсколько замѣтокъ о ледяныхъ слояхъ восточной Сибири.

[2]) *Веселовскій*, О климатѣ Россіи.

[3]) *Рашевскій*, Записки Сибирскаго отдѣла Русск. Географ. Общества, III, 1857 г.; *Middendorff*, Sibirische Reise.

ЛЕДЯНЫЯ БОРОЗДЫ НА БЕРЕГАХЪ ЕНИСЕЯ.

также почти непрерывно впродолженіе всей зимы, и всѣ путешественники, отправляющіеся изъ Китая въ Сибирь, говорятъ о немъ съ ужасомъ [1]). Проводники карановъ, идущихъ противъ вѣтра, принуждены, подъ страхомъ отморозить себѣ лице, носить войлочную маску, въ которой сдѣланы только узенькіе прорѣзы для глазъ и для рта [2]).

На берегахъ Ледовитаго океана сѣверо-западный вѣтеръ отличается гораздо болѣе правильнымъ характеромъ: онъ дуетъ почти безъ перерыва, но ровнымъ дуновеніемъ и никогда не переходитъ въ бурю; такимъ, по крайней мѣрѣ, имѣли случай наблюдать его [3]) баронъ Норденшельдъ и его спутники во время своей зимовки на этихъ берегахъ въ 1878—1879 гг. Лѣтомъ, полярные вѣтры тоже привлекаются въ области сибирскаго прибрежья вслѣдствіе нагрѣванія поверхности тундръ: въ это время на морскомъ берегу образуется полоса правильныхъ бризъ. На восточной сторонѣ континента лѣтній муссонъ, притягиваемый къ области низкаго барометрическаго давленія и, слѣдовательно, разрѣженнаго воздуха, смѣнившей зимнюю волну высокаго давленія, дуетъ съ Тихаго океана къ внутренности земель: дуновеніе этихъ восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ нерѣдко бываетъ ощутительно даже въ сосѣдствѣ Байкальскаго озера, куда они приносятъ въ большомъ изобиліи дождя [4]). Эти лѣтніе муссоны, дующіе съ моря, чрезвычайно насыщены водяными парами; всѣ предметы покрываются плѣсенью подъ вліяніемъ постоянныхъ тумановъ. Въ періодъ господства этихъ вѣтровъ, берега Охотскаго моря всегда окутаны облаками, которыя безпрестанно разрѣшаются дождемъ и снова собираются массами: когда спускаешься съ Алданскихъ горъ, къ западу отъ которыхъ солнце ярко блеститъ на безоблачномъ небѣ, внизу постоянно видишь, въ эти лѣтніе мѣсяцы, обширное море движущагося водянаго пара. Въ моряхъ, окружающихъ Курильскіе острова, часто случается, что туманы и мелкіе дожди не позволяютъ разглядѣть берегъ впродолженіе цѣлыхъ недѣль. Какой контрастъ между этими сырыми областями архипелаговъ и морскаго прибрежья и внутренними странами, столь бѣдными дождемъ! На различныхъ пунктахъ Охотскаго берега паденіе воды изъ атмосферы, почти цѣликомъ заключенное въ предѣлахъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, навѣрно превышаетъ 1 метръ въ годъ, тогда какъ въ Якутскѣ количество выпадающаго дождя и снѣга въ тотъ же періодъ времени представляетъ 25 сантиметровъ.

Годовое количество атмосферной влаги, выпадающей въ разныхъ мѣстахъ Сибири, выражается слѣдующими цифрами (по Веселовскому, Воейкову, Гану):

---

[1]) *Pumpelly*, Geological Researches in China; *Richthofen*, China.

[2]) *Потанинъ*, Древняя и Новая Россія, 1879 г. № 6.

[3]) *Bove*, Bullettino della Società geografica Italiana, Dec. 1879.

[4]) *Воейковъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1875 г., № 5.

Аянъ (при Охотскомъ морѣ)	0,89 метр.	Барнаулъ	0,32 метр.
Якутскъ	0,25 „	Нерчинскій заводъ. .	0,40 „
Кяхта.	0,20 „	Тобольскъ	0,46 „

Цѣлыя зимы проходятъ безъ снѣга и въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Сибири, именно въ равнинахъ Забайкалья. Посреди Удинской степи, между Верхне-Удинскомъ, жители всю зиму ѣздятъ на колесахъ по замерзшему грунту, который звенитъ подъ ногами лошадей, словно асфальтовая мостовая [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Красноярскомъ округѣ, бури тоже сметаютъ съ равнинъ весь снѣгъ и наполняютъ имъ овраги окружающихъ горъ; зерно, брошенное на землю осенью, уносится вѣтромъ, незащищенное снѣжнымъ покровомъ, и лошади, запряженныя въ сани, то и дѣло принуждены останавливаться на голой почвѣ [2]).

Подъ вліяніемъ правильныхъ муссоновъ, падающій снѣгъ располагается параллельными дюнами, слѣдующими одна за другой на подобіе волнъ океана: въ безконечную зимнюю ночь прямолинейные ряды этихъ снѣжныхъ сугробовъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ *застругъ*, указываютъ чукчамъ направленіе, по которому они должны слѣдовать, съ такой же опредѣленностью, какъ это сдѣлалъ бы компасъ [3]). Но каждый годъ, въ эпоху перемѣны временъ года, сопровождающейся измѣненіемъ направленія муссоновъ въ прямо противоположное, сильныя бури ниспровергаютъ весь этотъ прекрасный порядокъ расположенія бѣлыхъ дюнъ: эти сибирскія вьюги, называемыя по мѣстному *буранами*, еще страшнѣе, чѣмъ *мятели*, бушующія въ придонскихъ степяхъ или на берегахъ Чернаго моря. Среди обширныхъ равнинъ бураны яростно кружатся вихремъ, какъ ураганъ тропическихъ странъ: вмѣстѣ съ снѣгомъ, они увлекаютъ всякаго рода обломки, крупный песокъ, куски льда, поломанныя вѣтви деревьевъ, часто даже людей, ослѣпляютъ ихъ и предаютъ ихъ смерти, когда они заблудились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего становища.

При громадномъ протяженіи своей территоріи и при разнообразіи своихъ климатовъ, Сибирь естественно дѣлится на обширныя области растительности, которыя болѣе рѣзко отличаются одна отъ другой, чѣмъ растительныя области Европы. Въ полуденной полосѣ Сибири степи имѣютъ характеристическую, совершенно опредѣленную флору, которая составляетъ продолженіе флоры, свойственной равнинамъ Аральскаго озера, Каспійскаго моря и Волги. На сѣверѣ полоса тундръ, совершенно лишенная лѣсной растительности, также представляетъ особую растительную область, ясно ограниченную, какъ пустыня, тогда какъ между этими двумя поясами, степей и тундръ, европейская область лѣсовъ продол-

[1]) *Кропоткинъ*, Рукописныя замѣтки.

[2]) *Ermann*, Voyages en Sibérie; *Ровинскій*, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г.

[3]) *Boye*, выше цитированная статья.

жается отъ запада къ востоку, но подраздѣляясь на второстепенныя области. Бассейны Оби и Енисея, бассейнъ Лены, бассейнъ Амура могутъ быть разсматриваемы въ общихъ чертахъ какъ подъ-области древесной флоры.

Сѣверная граница лѣсной растительности обыкновенно проводится картографами на слишкомъ большомъ разстояніи отъ Ледовитаго океана. Въ Сибири эта граница, вездѣ образуемая лиственницей (larix dauriса sibiriса), представляетъ очень неправильную линію: вмѣсто того, чтобы направляться отъ запада къ востоку по одному и тому же градусу широты, она изгибается къ сѣверу, воспроизводя въ общихъ чертахъ и длинными кривыми контуры морскаго берега, тогда какъ въ бассейнѣ Оби граница лѣсовъ приблизительно совпадаетъ съ полярнымъ кругомъ; она пересѣкаетъ Енисей почти подъ 70 градусомъ широты, а на полуостровѣ Таймуръ, на берегахъ рѣки Хатанги, поднимается еще на 260 верстъ выше къ сѣверу. Далѣе, въ восточномъ направленіи, она спускается мало по малу къ линіи полярнаго круга, и весь конечный полуостровъ, выступающій въ Беринговъ проливъ, остается внѣ пояса лѣсной растительности [1]). Притомъ скалы, болота, тысячи всякихъ особенностей рельефа почвы, отклоняютъ границу во всѣхъ направленіяхъ, и во всѣхъ рѣчныхъ долинахъ она выдвигается на подобіе мыса къ морю, благодаря защитѣ, которую представляютъ деревьямъ возвышенные берега рѣкъ.

Уже гораздо ближе границы древесной растительности, по сю сторону сѣвернаго фронта лѣсовъ, деревья, которымъ приходится бороться противъ сильнаго холода, ростутъ очень туго и медленно. Къ сѣверу отъ 60 градуса широты уже не встрѣтишь въ дѣвственномъ лѣсу деревъ, имѣющихъ болѣе полутора аршинъ въ толщину; къ сѣверу отъ 61 градуса деревья, среднимъ числомъ, имѣютъ не болѣе 30 сантиметровъ; въ сосѣдствѣ же тундры древесные стволы обыкновенно не превышаютъ полфута въ діаметрѣ. Издали эти лѣса крайняго сибирскаго сѣвера, состоящіе единственно изъ тонкоствольныхъ деревъ, походятъ на новыя насажденія, и легко представить себѣ удивленіе путешественника, когда онъ, проникнувъ въ чащу лѣса, убѣждается, что эти растенія, съ вѣтвями покрытыми мохомъ, точно бахрамой, все старыя деревья, живущія уже двѣ или три сотни лѣтъ. Земля, постоянно мерзлая уже на незначительной глубинѣ, не позволяетъ корнямъ забираться далеко отъ поверхности, чтобы извлекать нужные для его питанія соки; съ другой стороны, впродолженіе большой части года вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжныхъ массъ, которыя прекращаютъ сообщеніе дерева съ атмосферой. Впродолженіе зимы дерево бываетъ совершенно замерзшимъ, и стволъ и корни, такъ что то-

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise; *Grisebach*, la Végétation du globe, перев. *Чихачева*.

*

поръ, самъ сдѣлавшійся ломкимъ отъ мороза, разбивается о древесный стволъ, какъ о глыбу желѣза или камня; растеніе пробуждается изъ своего долгаго зимняго сна только при первыхъ лучахъ весенняго солнца [1]). Медленность роста придаетъ этимъ деревьямъ необычайную твердость, но за то они менѣе гибки, болѣе хрупки, и разъ поваленныя вѣтромъ или ударами топора, они могутъ быть замѣнены новыми особями лишь при помощи медленнаго усилія столѣтій. Послѣднія лиственницы, у которыхъ еще хватило силы подняться отъ земли въ видѣ тощихъ стволовъ, не успѣли даже выдѣлить изъ себя настоящихъ вѣтвей; онѣ усажены лишь сучьями, на которыхъ кое-гдѣ выростаютъ почки. Въ этой постоянной борьбѣ между жизнью и смертью большинство деревьевъ, прозябающихъ вблизи тундры, имѣютъ такой видъ, какъ-будто въ нихъ давно изсякли жизненные соки: сплошь покрытыя мохомъ, лишенныя вѣтвей, они кажутся умершими по крайней мѣрѣ полстолѣтія тому назадъ, а между тѣмъ каждый годъ, весной, появляются тамъ и сямъ маленькія почки, свидѣтельствующія объ остаткѣ движенія въ растеніи. Далѣе въ сѣверномъ направленіи, за этими лиственницами, которыя еще держатся въ прямомъ положеніи, другія деревья ползутъ по землѣ, наполовину скрытыя подъ мохомъ. Еще на разстояніи сотни верстъ къ сѣверу отъ пояса лѣсовъ, встрѣтишь эти лежачіе стволы, выросшіе не болѣе, какъ на аршинъ или полтора послѣ ста пятидесяти лѣтъ существованія; они кажутся скорѣе корнями, чѣмъ стеблями, и расползающіяся вѣтви ихъ можно принять за сухой валежникъ, оставленный въ тундрѣ; однако, вѣточки, торчащія изъ подъ моха на подобіе воронъихъ пе́рьевъ, указываютъ на существованіе небольшаго количества жизненнаго сока въ этой лежачей растительной массѣ.

Мертвыя деревья валяются въ большомъ числѣ впереди опушки поля борьбы растительныхъ организмовъ съ суровымъ климатомъ. Во всей сѣверной Сибири, также какъ и на скатахъ горъ южной полосы, слѣды исчезнувшаго лѣснаго пояса переходятъ за нынѣшнюю границу древесной растительности: такимъ образомъ здѣсь мы видимъ явленіе подобное тому, которое констатировано на швейцарскихъ и савойскихъ Альпахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвера Сибири отступленіе лѣса внутрь страны составляетъ не менѣе 20 или 25 верстъ; на такомъ разстояніи отъ опушки самыхъ маленькихъ, приземистыхъ теперешнихъ лѣсовъ встрѣчаются еще стволы и пни поваленныхъ деревъ. Миддендорфъ приписываетъ это попятное движеніе лѣсной растительности частымъ лѣтнимъ морозамъ, а не суровости зимняго холода, и въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія указываетъ на тотъ фактъ, что въ нижнихъ областяхъ Лены, гдѣ климатъ холоднѣе, чѣмъ во всякой другой

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.

странѣ, деревья какъ нельзя лучше выносятъ зимнюю стужу. Въ самомъ дѣлѣ, легко понять, что на крайнемъ сѣверѣ, въ такомъ климатѣ, гдѣ деревья имѣютъ только два съ половиной или много-много три мѣсяца сроку, чтобы развить свои почки и одѣться листвой, нѣсколько губительныхъ ночныхъ морозовъ въ теплое время года могутъ окончательно остановить движеніе растительныхъ соковъ [1]). Во всякомъ случаѣ климатъ всей сѣверной Сибири несомнѣнно долженъ былъ измѣниться въ послѣднія нѣсколько столѣтій, такъ какъ поясъ лѣсовъ отодвинулся по направленію къ экватору. Подобное же явленіе оскудѣнія древесной растительности на крайнемъ сѣверѣ обнаружилось и въ другихъ сѣверныхъ странахъ, въ Исландіи, въ Скандинавіи, на Уралѣ, въ британской Америкѣ [2]).

За предѣлами лѣсной области, вдоль береговъ Ледовитаго океана, и тамъ и сямъ во внутренности земель, образуя какъ-бы острова и архипелаги, простирается тундра, гдѣ единственную растительность составляютъ травы, мхи и лишаи. Эта тундра состоитъ не изъ однѣхъ только низменныхъ равнинъ: она заключаетъ также холмистыя мѣстности, и взятая въ совокупности она представляетъ преимущественно волнообразное пространство, гдѣ разности уровня между холмами и долинами достигаютъ 330 футовъ: отъ одного горизонта до другого высоты тундры, съ промежуточными долинами, слѣдуютъ однѣ за другими, какъ большія волны.

Во многихъ отношеніяхъ тундра похожа на степь, хотя происхожденіе ихъ различно. Недостатокъ влажности производитъ степь, недостатокъ тепла порождаетъ тундру; но та и другая имѣютъ одинаковый видъ и оставляютъ въ умѣ одинаковое впечатлѣніе угрюмаго, подавляющаго однообразія; роды растеній, прозябающихъ близъ Ледовитаго океана, встрѣчаются также на берегу Аральскаго моря, на разстояніи тридцати градусовъ ближе къ экватору. Въ самомъ дѣлѣ, флора сибирскихъ тундръ заключаетъ даже явнобрачныя растенія, составляющія еще, на одномъ только полуостровѣ Таймуръ, десять родовъ и двадцать одинъ видъ; но этихъ растеній не увидишь тамъ соединенными въ предѣлахъ одного и того-же горизонта. Мхи преобладаютъ, и на громадномъ протяженіи застилаютъ землю сплошнымъ ковромъ, такъ что кажется, что они одни и составляютъ всю растительность. Тундры, гдѣ господствуетъ мохъ многовласникъ (polytrichum), наполняютъ поле зрѣнія своей грязно-желтой окраской, тогда какъ тундры, гдѣ растетъ оленій мохъ (ягель), имѣютъ бѣлесоватый колоритъ. На этомъ тускломъ фонѣ, освѣщаемомъ лучами низко стоящаго солнца, ничто не останавливаетъ взора: это безконечность моря, но безъ движенія ударяющихся одна о другую волнъ; это царство безмолвія и смерти. Путешественникъ радъ, когда примѣтитъ среди

[1]) *Миддендорфъ*, Sibirische Reise.

[2]) *Schrenk*, Reise nach dem Nord-Osten des Europäischen Russlands; *Ricardson*, Searching Expedition.

утомительнаго однообразія бѣловатой или желтоватой равнины маленькій островокъ зелени, образуемый травой, которая покрыла почву вокругъ прежняго становища самоѣдовъ или берлоги полярной лисицы (песца) [1]). Мѣстами видны также небольшіе зыбкіе луга, но они встрѣчаются только по берегамъ текучихъ водъ; въ другихъ мѣстахъ слой мерзлой земли начинается такъ близко отъ поверхности, что трава уже не можетъ расти.

Между тундрами крайняго сѣвера и степями южной полосы лѣсной поясъ Сибири занимаетъ самое обширное протяженіе территоріи: отъ Урала до Камчатки можно-бы было идти постоянно въ тѣни лѣсовъ, въ густой сплошной тайгѣ, прерываемой только текучими водами, изрѣдка небольшими естественными прогалинами, да полосами расчищенной подъ пашни земли. Названіе *тайга*, взятое въ общемъ смыслѣ, примѣняется ко всѣмъ пространствамъ, покрытымъ лѣсами, но его употребляютъ спеціально на востокѣ отъ Алтая для обозначенія гористыхъ мѣстностей, гдѣ путешественникъ можетъ пробираться лишь съ большимъ трудомъ черезъ переплетающіеся корни и вѣтви деревьевъ, по болотистой, топкой и трясущейся подъ ногами почвѣ, гдѣ *мари*, то-есть торфяники и болота, чередуются съ *падями* или узкими оврагами безъ малѣйшей полоски травы на днѣ, по берегу ручьевъ. Золотоискатели даютъ также названіе тайги спеціально лѣсистымъ горамъ, куда они ходятъ на поиски золотоносныхъ песковъ: такъ, они говорятъ объ Енисейской тайгѣ, о тайгахъ по Окѣ и по Витиму. Тайга почти вездѣ представляетъ безмолвный лѣсъ, безъ травяной растительности, безъ дерна, и слѣдовательно, безъ насѣкомыхъ и птицъ: въ сравненіи съ европейскими лѣсами, она имѣетъ печальный, угрюмый видъ, и путешественникъ испытываетъ нѣкоторый ужасъ, углубляясь въ чащу ея [2]); подъ тѣнью ея не увидишь ни одного живого существа; только вѣтеръ оглашаетъ мрачную пустыню, когда онъ проносится надъ лѣсомъ и колышетъ вѣтви деревъ; часто также онъ валитъ стволы, плохо укрѣпленные корнями, которые стелются по камнямъ, покрытымъ мохомъ.

Въ сибирскихъ лѣсахъ преобладаютъ хвойныя деревья, но всѣ породы этихъ семействъ тѣ-же самыя, какъ и европейскіе виды, за исключеніемъ пихты, которая, кажется, есть единственная форма, спеціально свойственная восточной Сибири [3]). Это дерево тонкое, очень высокое, съ гладкой корой: рѣдко встрѣтишь пихту, стволъ которой имѣлъ-бы болѣе 5 или 6 вершковъ толщины, а между тѣмъ она достигаетъ 12 или 13 саженъ въ вышину, и стволъ ея поднимается высоко надъ верхушками

---

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.
[3]) *Grisebach*, La végétation du globe.

другихъ болѣе толстыхъ и болѣе старыхъ деревьевъ; въ сосѣдствѣ сѣверной опушки лѣснаго пояса пихта, почти голая, безъ вѣтвей, походитъ на столбъ, вкопанный въ землю. Среди большихъ лѣсовъ центральной Сибири она выдѣляется своей синевато-зеленой листвой: это „благородная сосна“ по преимуществу, но дерево ея рѣдко утилизируется; слишкомъ хрупкое, чтобы служить матеріаломъ для построекъ, оно не даетъ даже хорошаго топлива. Изъ хвойныхъ породъ особенно замѣчателенъ такъ называемый „сибирскій кедръ“ (pinus cembra), лучшее дерево Сибири и наиболѣе охотно употребляемое для постройки рѣчныхъ судовъ, а также для столярныхъ издѣлій; онъ не коробится, не гніетъ, кромѣ того случая, когда онъ подвергается черезчуръ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры; древесина его не имѣетъ узловъ, не трескается и отличается необычайной легкостью. Остяки строятъ изъ кедра свои барки и лодки; но стволъ этого драгоцѣннаго дерева, даже когда онъ имѣетъ сажень или полторы въ обхватѣ, даетъ имъ только двѣ плахи, такъ много топоръ откалываетъ щепокъ. Русскіе крестьяне нѣкоторыхъ округовъ, можетъ быть, обращаются еще менѣе бережливо, со своими лѣсными богатствами. На берегахъ Енисея не рѣдкость увидѣть огромные кедры, срубленные единственно для того, чтобы собрать съ нихъ шишки, содержащія вкусные орѣхи, которые услаждаютъ и сокращаютъ досужее время сибирячекъ въ длинные зимніе вечера [1]).

Самое обыкновенное и распространенное дерево сибирской тайги—лиственница; это древесная порода, которая всего лучше выноситъ страшные зимніе морозы и лѣтніе ночные холода, и которая образуетъ опушку лѣса на окраинахъ тундры; различныя разновидности лиственницы занимаютъ также наиболѣе значительную по протяженію область, такъ какъ ихъ встрѣтишь еще на югѣ Сибири, въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Уссури. Но сибирскіе лѣса заключаютъ, кромѣ того, большую часть деревьевъ умѣреннаго пояса Европы, границы распространенія которыхъ пересѣкаются здѣсь различнымъ образомъ, смотря по свойству почвы, высотѣ мѣстности, положенію ея въ отношеніи дѣйствія солнца и вѣтровъ: обыкновенная или боровая сосна (pinus sylvestrus) особенно любитъ песчаныя земли; ползучая сосна, можжевельникъ, пихта прозябаютъ на высокихъ скатахъ горъ, въ сосѣдствѣ голыхъ скалъ; въ долинахъ и по откосамъ холмовъ растутъ: липа, кленъ, рябина, ольха, ивы, тополи, осины, черемуха,—эта сибирская вишня,—абрикосовое дерево, береза, дерево которой столь полезно тунгусамъ, приготовляющимъ изъ нея всю свою незатѣйливую домашнюю утварь. Веселая, кудрявая березка составляетъ какъ-бы символъ родины для русскихъ крестьянъ. Замѣчено, что это дерево часто

---

[1]) *Эрманъ*, *Миддендорфъ*, цитированн. сочиненіе; *Seebohm*, Journal of Geograph. Society, vol. XLVIII, 1878 г.

замѣняетъ хвойныя породы въ лѣсахъ, гдѣ сосна была повалена бурей, срублена топоромъ или уничтожена огнемъ [1]). Съ юго-восточной стороны, около границъ Китая, береза также мало по малу распространяется, вытѣсняя туземные виды. Жители страны видятъ въ этомъ вѣрное предзнаменованіе близкаго наступленія господства „Бѣлаго Царя“. Уже двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе многочисленныхъ пожаровъ, береза стала замѣнять въ лѣсахъ сосны и ели, между туземцами распространился слухъ, что появленіе „бѣлаго дерева“ возвѣщаетъ скорое пришествіе русскихъ [2]).

Первобытные лѣса Сибири не заключаютъ въ себѣ исполиновъ растительнаго міра, какъ дѣвственные лѣса тропическихъ странъ, или лѣса Австраліи, Калифорніи, Орегона, или даже Ситхи, въ бывшихъ русско-американскихъ владѣніяхъ. Самый массивный стволъ, видѣнный Миддендорфомъ во время его путешествій по Сибири, былъ тополь около двухъ съ половиной аршинъ толщиною, который онъ встрѣтилъ между 52 и 53 градусами широты. Большія деревья сибирскаго лѣса, достигшія, повидимому, всего своего роста, имѣютъ среднимъ числомъ только отъ 30 до 40 сантиметровъ въ толщину, и не болѣе полутора аршинъ въ окружности. Климатъ Сибири, въ самомъ дѣлѣ, есть одинъ изъ наименѣе благопріятныхъ для развитія древесной растительности. Этотъ климатъ, континентальный по преимуществу, поперемѣнно то слишкомъ холодный, то не въ мѣру жаркій, бѣдный атмосферной влажностью, очень скупо удѣляетъ жизненные соки деревьямъ, и, благодаря ему, кора на нихъ трескается, листья вянутъ, вѣтви и корни побиваются морозомъ: всѣ условія соединились для того, чтобы подвергать растенія страданіямъ во время ихъ жизни и чтобы ускорить ихъ вѣкъ. Кромѣ того, лѣсные пожары, или по мѣстному палы, составляютъ въ Сибири очень частое явленіе. Когда лѣсъ загорится, зажженный молніей, дровосѣками или звѣроловами, пожаръ распространяется на огромное пространство во всѣ стороны, и останавливается только тогда, когда встрѣтитъ на пути озера, болота или рѣки. Распространенный въ воздухѣ слабый запахъ гари отъ паловъ въ дальнихъ лѣсахъ составляетъ одну изъ характерныхъ ихъ чертъ, о которой не безъ удовольствія вспоминаетъ сибирскій путешественникъ.

Сибирская флора чрезвычайно богата всякаго рода ягодами, которыя служатъ тамъ пищей животнымъ и людямъ. Изъ этихъ ягодъ, собираемыхъ въ огромныхъ количествахъ въ сосѣдствѣ городовъ, приготовляютъ варенья, наливки и другіе консервы, которые замѣняютъ отчасти фрукты въ продовольствіи сибиряковъ. Ядовитыя растенія рѣдко встрѣчаются въ лѣсной области Сибири, далѣе же, въ сѣверномъ направленіи, они, на-

[1]) *Булычевъ*, Записки Уральскаго общества естественныхъ наукъ, томъ IV, 1878 г.

[2]) *Ermann*, Voyages en Sibérie; *Gust. Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XXIII; Извѣстія Сибирскаго отдѣла географ. общества, за май 1877 года.

ЛѢСЪ НА БЕРЕГУ РѢКИ ХАТАНГИ.

конецъ, совсѣмъ исчезаютъ, или по крайней мѣрѣ утрачиваютъ свои вредныя свойства. Какая-нибудь бѣлая чемерица (veratrum), растеніе ядовитое на верховьяхъ Енисея, составляетъ одну изъ самыхъ любимыхъ овощей въ полярной области [1]). Что касается культурныхъ растеній, то человѣкъ можетъ выводить нѣкоторыя изъ нихъ даже въ мерзлой безплодной тундрѣ и во всѣхъ становищахъ на берегу Ледовитаго океана. Тамъ, гдѣ сѣверный олень находитъ себѣ пищу, откапывая копытами ягель, самоѣдъ или русскій тоже умѣютъ открывать питательныя растенія, могущія спасти ихъ отъ голодной смерти. Почва этихъ холодныхъ пространствъ сама собой производитъ противоцинготныя растенія: ложечную траву, кислицу (щавель), и во всѣхъ прѣсноводныхъ озерахъ и прудахъ можно-бы было въ обиліи собирать тѣ съѣдобные студенистые колобки, *nostoc pruniforme*, которые извѣстны подъ именемъ „водяныхъ сливъ“. Какъ говоритъ покойный академикъ Бэръ, житель тропическихъ странъ собираетъ свою пищу на деревьяхъ; въ умѣренномъ поясѣ поселянинъ пожинаетъ ее на землѣ; въ сосѣдствѣ же полюсовъ ее нужно искать въ водѣ. Однако, человѣкъ освободился посредствомъ земледѣлія: на крайнемъ сѣверѣ кое-какія овощи, южнѣе ячмень, затѣмъ нѣкоторые другіе зерновые хлѣба, еще далѣе къ югу пшеница и всѣ питательныя растенія умѣренной Европы, которыя, благодаря лѣтнимъ жарамъ и большому свѣту длинныхъ лѣтнихъ дней, развиваются здѣсь съ изумительной быстротой, позволяютъ жителямъ Сибири селиться на почвѣ, въ числѣ всѣ болѣе увеличивающемся по мѣрѣ удаленія ихъ отъ полюса.

Естественная граница сибирской земной фауны совпадаетъ съ предѣломъ древесной растительности, въ сосѣдствѣ Ледовитаго океана; однако, мыши и другіе грызуны, на которыхъ лѣтомъ охотится бѣлый медвѣдь, находятъ еще себѣ пріютъ въ мхахъ и лишаяхъ тундры. Къ югу отъ этой границы простирается поясъ европейскихъ видовъ, который постепенно измѣняется послѣдовательными переходами, подвигаясь къ востоку: поясъ степей, поясъ даурскихъ горныхъ цѣпей занимаютъ полуденную область Сибири, тогда какъ на юго-востокѣ часть Амурскаго бассейна и русская Манчжурія принадлежатъ уже къ китайской области.

Извѣстно, что еще въ недавнюю геологическую эпоху въ Сибири жили большой носорогъ и мамонтъ,—слонъ, превосходившій величиной и силой современныхъ намъ слоновъ. Эти исполинскія млекопитающія бродили также по лѣсамъ и лугамъ Европы, и кости ихъ были находимы въ новѣйшее время тысячами въ гротахъ и рѣчныхъ аллювіяхъ Франціи и Германіи; какъ и въ Сибири, они были современниками человѣку въ западныхъ странахъ Стараго Свѣта, и даже находили, въ пещерахъ Перигора, фигуры мамонтовъ, вырѣзанныя на костяхъ предшественниками

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.

нынѣшнихъ европейцевъ; но въ европейской почвѣ отъ этихъ громадныхъ животныхъ остались лишь части скелета, отдѣльныя кости, тогда какъ въ Сибири часто находили цѣльные костяки мамонтовъ и носороговъ, покрытые мясомъ и кожей. Въ 1771 году Палласъ присутствовалъ, на берегахъ низоваго Вилюя, къ западу отъ Якутска, при переноскѣ трупа носорога, отъ котораго куски мяса, отъ головы и ноги, хранятся теперь въ Петербургѣ, рядомъ съ другими останками того же рода, найденными въ 1877 году, на рѣчкѣ Бытантай, близь рѣки Яны. Въ 1799 году огромная глыба льда, увлекаемая теченіемъ Лены, была выброшена на берегъ близь устья этой рѣки, и тунгузскіе звѣроловы увидѣли форму мамонта мало по малу выдѣлявшуюся изъ ледяной массы, которая каждое лѣто частію растаевала. Они уже унесли бивни, когда натуралистъ Адамсъ пріѣхалъ осмотрѣть трупъ, у котораго еще висѣли куски мяса, и даже глаза и мозгъ остались въ черепѣ: это то самое животное, скелетъ котораго находится теперь въ Петербургѣ, въ зоологическомъ музеѣ академіи наукъ. Въ 1839 году другое открытіе того же рода доставило московскому музею второй экземпляръ мамонта, менѣе хорошо сохранившійся. Въ 1866 году научная экспедиція, подъ управленіемъ академика Шмидта, отправилась на завоеваніе другой драгоцѣнной находки мамонта, сдѣланной на берегахъ Таза, недалеко отъ губы того же имени; однако, животное оказалось уже не цѣлымъ. Съ давнихъ поръ сибирскіе охотники „на слоновую кость“ странствуютъ по прибрежнымъ мѣстностямъ Полярнаго океана и посѣщаютъ архипелагъ Новой Сибири въ поискахъ за мамонтами, и такъ велико было нѣкогда число этихъ толстокожихъ исполиновъ въ сѣверныхъ странахъ азіатскаго континента, что ежегодныя находки мамонтовой кости представляютъ, въ средней сложности, около тысячи пудовъ, получаемыхъ изъ останковъ двухъ сотъ недѣлимыхъ; въ 1840 году Миддендорфъ опредѣлялъ въ двадцать тысячъ число мамонтовъ, уже найденныхъ въ крутыхъ берегахъ рѣкъ.

Въ эпоху, когда жилъ этотъ большой слонъ, климатъ страны былъ ли теплѣе, чѣмъ въ настоящее время? Таковъ великій вопросъ, возбудившій оживленные споры между геологами. Мамонтъ, покрытый густой, длинной шерстью, могъ, конечно, выносить сильные зимніе холода; но въ пустынныхъ тундрахъ и на берегахъ Ледовитаго океана, гдѣ охотники собираютъ теперь его бивни, онъ, очевидно, не могъ-бы находить листвы деревьевъ, необходимой для его пропитанія. Нужно-ли изъ этого заключить, что полярный край былъ въ ту эпоху покрытъ лѣсами, или что мамонтъ не жилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ въ наши дни его кости, и что родиной его была умѣренная Сибирь, откуда впослѣдствіи теченіе рѣкъ перенесло трупы животнаго на крайній сѣверъ?[1]). Различныя преданія и

[1]) *Акад. Θ. Θ. Брандтъ*; *акад. Бэръ*; *Миддендорфъ* и др.

легенды, относящіяся къ мамонту и допотопному носорогу (rhinoceros tichorinus), распространены по всей Сибири и даже въ Китаѣ. По словамъ одной китайской исторіи, написанной въ царствованіе Хангъ-хи, мамонтъ („маментова“)—это большая крыса величиной со слона, живущая и ходящая всегда подъ землей и тотчасъ умирающая, какъ только ей случится придти въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ воздухомъ [1]). Самоѣды говорятъ, что мамонтъ и теперь еще существуетъ, и что онъ постоянно бродитъ по краю береговъ, питаясь трупами, выкидываемыми волной [2]). Что касается носорога, то, по ихъ повѣрьямъ, это была исполинская птица, и рога, покупаемые искателями слоновой кости, были ея когти; легенды разсказываютъ о страшныхъ битвахъ, которыя предки самоѣдовъ давали нѣкогда этому пернатому чудовищу. Изслѣдуя подъ микроскопомъ остатки растительной пищи, собранные въ бороздкахъ коренныхъ зубовъ сибирскаго носорога, хранящагося въ иркутскомъ музеѣ, натуралисты признали въ нихъ волокна пихты, лиственницы, березы, ивы, очень близко похожія или совершенно подобныя волокнамъ деревьевъ той же породы, которыя и теперь еще растутъ въ сѣверныхъ широтахъ. Это открытіе подтверждаетъ давно уже высказанное учеными мнѣніе, что носорогъ и другія большія толстокожія, находимыя въ аллювіальныхъ земляхъ сибирскаго сѣвера, жили въ области средней Сибири, къ югу отъ крайней границы полярныхъ странъ, гдѣ нынѣ собираются ихъ кости.

Животныя, обитавшія одновременно съ мамонтомъ и носорогомъ на сибирской почвѣ, вѣроятно, продолжаютъ еще существовать тамъ до настоящей минуты, такъ какъ вмѣстѣ съ костями этихъ допотопныхъ толстокожихъ находятъ скелеты лошадей, быковъ и овецъ; но постепенная эволюція, совершившаяся въ Европѣ, имѣла также мѣсто и въ Сибири, и животные виды измѣнились тамъ подобнымъ же образомъ. Сибирская фауна богаче европейской по количеству недѣлимыхъ: этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что человѣкъ еще не исполнилъ своего дѣла истребленія въ сѣверной Азіи. По контрасту, довольно удивительному на первый взглядъ, лѣса, въ сосѣдствѣ которыхъ поселился русскій колонистъ, богаче животными видами, чѣмъ мѣстности еще нетронутыя земледѣльцемъ: это происходитъ, безъ сомнѣнія, оттого, что человѣческій трудъ ввелъ бо́льшее разнообразіе въ растительный міръ и во всю совокупность природы. Обширныя пространства тайги почти совершенно пустынны, не населены животными, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ послѣднія скучены въ огромномъ множествѣ. Само собой разумѣется, наиболѣе богатыя животными формами страны Сибири—бассейнъ Амура и русская Манчжурія, болѣе плодородныя, имѣющія болѣе влажный и

[1]) *Klaproth*, Mémoires relatifs à l'Asie.
[2]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.

менѣе холодный климатъ, чѣмъ другія части Азіатской Россіи. Вообще говоря, сибирскіе животные виды: медвѣди, олени, козули, зайцы, бѣлки, сурки, кроты, отличаются болѣе крупными размѣрами,—почти на цѣлую треть,— и вѣсятъ гораздо болѣе,— часто наполовину,— чѣмъ ихъ европейскіе родичи. Подобно тому явленію, которое представляютъ большія млекопитающія Стараго Свѣта въ сравненіи съ млекопитающими Новаго Свѣта, имѣющими, вообще говоря, меньшіе размѣры, виды, населяющіе обширный азіатскій континентъ, превосходятъ ростомъ и величиной животныхъ относительно небольшаго европейскаго материка. Какова бы ни была главная причина этого контраста, во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что изобиліе пищи на морскомъ прибрежьѣ и на рѣчныхъ берегахъ Сибири играетъ немаловажную роль въ пріобрѣтеніи бо́льшей величины и силы соотвѣтственными видами сѣверной Азіи. Нужно также принять во вниманіе то обстоятельство, что европейскіе виды, преслѣдуемые человѣкомъ уже впродолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, живутъ въ постоянной тревогѣ, и что большинство недѣлимыхъ, убиваемыхъ преждевременно, не достигаютъ своего полнаго развитія. Дикіе звѣри нашей части свѣта, которымъ почти всѣмъ грозитъ неминуемое истребленіе, родятся и умираютъ, такъ сказать, въ полномъ бѣгствѣ [1]).

Что касается морскихъ животныхъ, то воды Ледовитаго океана, можетъ быть, не менѣе изобилуютъ ими, какъ и воды Тихаго океана. Профессоръ Норденшельдъ нашелъ, что полярныя моря Сибири очень богаты моллюсками, равно какъ и другими низшими организмами, и это обиліе животной жизни заставляетъ его думать, что рыбы тоже очень многочисленны въ Арктическомъ океанѣ. Рыболовство болѣе, чѣмъ мореплаваніе,— такова, можетъ быть, будетъ въ грядущемъ промышленность сибиряковъ на моряхъ, омывающихъ ихъ сѣверные берега. Китообразныя, рыбы, мягкотѣлыя и другіе морскіе организмы выбрасываются волнами на берега моря, съ обѣихъ сторонъ Берингова полуострова, въ столь значительныхъ количествахъ, что медвѣди и другія всеядныя животныя прибрежья очень прихотливы въ выборѣ пищи. Однако, есть также берега въ Чукотской землѣ, гдѣ никто не помнитъ, чтобы волнами выбрасывались на берегъ трупы китовъ. Кости этихъ животныхъ, находимыя въ большомъ числѣ въ почвѣ старыхъ береговъ, поднятыхъ выше морскаго уровня, и которыя во многихъ мѣстахъ покрыты слоемъ песку и обломками недавняго образованія, принадлежатъ уже довольно отдаленной эпохѣ исторіи нашей планеты [2]).

Правда, что со времени прибытія русскихъ въ край, нѣкоторые животные виды Сибири тоже подвергаются опасности исчезнуть съ лица

---

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

[2]) *Nordenskjöld*, Lettres à M. Daubrée.

земли, какъ исчезла уже Стеллерова „морская корова“ (rhytina Stelleri), которая милліонами населяла берега Берингова пролива, и порода которой была совершенно истреблена въ двадцать семь лѣтъ безпощадной охоты, съ 1741 до 1768 года. Эти угрожаемые въ своемъ существованіи сибирскіе виды—пушные звѣри, преслѣдованіе которыхъ, какъ извѣстно, увлекло казаковъ съ Уральскихъ горъ къ берегамъ Охотскаго моря. Многія изъ этихъ породъ съ дорого цѣнимой шкурой, которыя были истинной причиной присоединенія сѣверной Азіи къ громадной Россійской имперіи, стали теперь очень рѣдки, и купцы, промышляющіе пушнымъ товаромъ, не могутъ достать ихъ иначе, какъ употребляя туземныхъ звѣролововъ, которые подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ охоты, продолжающейся непрерывно по нѣскольку мѣсяцевъ въ лѣсныхъ трущобахъ, среди скалъ и снѣговъ. Сибирскіе мѣха отличаются между всѣми другими не только превосходствомъ въ отношеніи удерживанія теплоты тѣла, но также своей мягкостью и блескомъ шерсти: чѣмъ болѣе мѣсто происхожденія пушнаго звѣря имѣетъ характеръ альпійскій или континентальный по своему климату, тѣмъ красивѣе и цѣннѣе его шуба. Въ сосѣдствѣ моря у всѣхъ пушныхъ животныхъ шерсть уже менѣе лоснящаяся, точно также какъ въ западной Сибири, гдѣ господствуютъ юго-западные вѣтры. Шкуры соболя съ сѣвернаго Урала мало цѣнятся, тогда какъ шкурки соболей, живущихъ на верховьяхъ Лены, то-есть 15 градусами южнѣе, стóятъ чрезвычайно дорого. Если мы перевалимъ за Становой хребетъ и станемъ спускаться къ берегамъ Тихаго океана, то опять замѣтимъ, что очень многіе изъ животныхъ видовъ Сибири принимаютъ зимой бѣлую окраску, такъ что издали ихъ легко смѣшать съ окружающимъ снѣговъ: бѣлый медвѣдь, песецъ или ледяная лисица, полярный заяцъ, горностай, кулонокъ, часто даже волкъ и сѣверный олень, а между птицами: золотой подорожникъ, сова, бѣлая куропатка, также принимаютъ колорить окружающей среды. Что касается видовъ, постоянно сохраняющихъ свой бурый или черный цвѣтъ, то это по большей части такія животныя, которыя не показываются при полномъ дневномъ свѣтѣ [1]). Масть бѣлокъ представляетъ различные оттѣнки, смотря по характеру лѣса: бѣлка, живущая въ сосновыхъ лѣсахъ, имѣетъ рыжеватую или красноватую шкурку; бѣлка, водящаяся въ тайгахъ, гдѣ растутъ кедры и ели, отличается сплошь сѣрымъ цвѣтомъ, который бываетъ тѣмъ темнѣе, чѣмъ гуще лѣсная чаща [2]).

И другія породы животныхъ, кромѣ пушныхъ звѣрей, тоже уменьшились въ числѣ со времени прихода въ край русскихъ звѣролововъ. Сѣверный олень, который прежде жилъ въ горныхъ цѣпяхъ южной Си-

---

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Radde; Поляковъ*, Записки Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 3.

бири, и область распространенія котораго, какъ замѣчаетъ Радде, заходитъ въ предѣлы области верблюда, теперь встрѣчается только въ домашнемъ состояніи у сойотовъ, на верхнемъ Енисеѣ; дикое же животное исчезло изъ всѣхъ южныхъ лѣсовъ, гонимое золотоискателями, и въ настоящее время дикаго оленя можно найти только въ сѣверной Сибири, среди низкихъ лѣсовъ и тундръ. Каменный или дикій баранъ тоже пересталъ водиться въ горахъ и равнинахъ Сибири, хотя онъ тамъ былъ чрезвычайно распространенъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія; лѣтъ сорокъ тому назадъ оставалось едва нѣсколько недѣлимыхъ, а теперь всѣ каменные бараны удалились на югъ, въ Монголію. Большинство дикихъ животныхъ, составляющихъ предметъ охоты, безъ сомнѣнія, тоже было бы давно истреблено, если-бы стада ихъ не пополнялись каждый годъ; антилопы и дикія лошади, гонимыя изъ степей Гоби холодомъ и недостаткомъ пищи, спускаются массами, въ началѣ зимы, къ равнинамъ Сибири. Тигры, волки и другіе плотоядные хищники тоже эмигрируютъ, преслѣдуя уходящую дичь: тогда наступаетъ сезонъ охоты. Избіеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока весна позволитъ преслѣдуемымъ звѣрямъ удалиться опять въ пустыни Монголіи. И животныя отлично знаютъ границы двухъ странъ. Замѣчено, что тѣ же самыя птицы безбоязненно подпускаютъ къ себѣ человѣка, когда онѣ находятся на монгольской территоріи, и быстро удаляются въ бѣгство при малѣйшемъ шорохѣ, когда пребываютъ на сибирской почвѣ. Особенно водяныя птицы умѣютъ различать политическія границы, ибо монголъ никогда не позволитъ себѣ стрѣлять по нимъ на водѣ, этой по преимуществу священной стихіи въ его глазахъ. „Если птичья кровь смѣшается съ чистой водой, она неминуемо принесетъ смерть всѣмъ стадамъ, которыя придутъ пить эту воду“,—таково общее повѣрье между этими кочевниками [1]).

До сихъ поръ преслѣдованія человѣка, какъ кажется, нисколько не уменьшили численности нѣкоторыхъ породъ общежительныхъ животныхъ, которыя населяютъ несмѣтными колоніями различныя области полуденной Сибири. Степи по Иртышу и Енисею, степи Забайкалья и другихъ мѣстностей южной Сибири изрыты норами, простирающимися въ видѣ подземныхъ городовъ вездѣ, гдѣ почва лишена древесной растительности, песчаная и въ то же время достаточно крѣпкой консистенціи, чтобы галлереи грызуновъ не подвергались опасности проваловъ при малѣйшей перемѣнѣ температуры; въ этихъ степяхъ земля населена цѣлыми массами роющихъ животныхъ; все пространство, отъ одного горизонта до другого, покрыто правильными горками, похожими на высохшіе грязные вулканы, и подпочва принадлежитъ милліонамъ звѣрковъ, выкапывающимъ свои подземные ходы въ видѣ безконечнаго лабиринта; здѣсь сурокъ та-

[1]) *Gustav Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. XXIII.

барганъ или байбакъ (arctomys bobac), въ другомъ мѣстѣ заяцъ свистунъ или пищуха (lagomys agostonas), или какая нибудь другая порода, ведущая такой же образъ жизни, овладѣли подпочвой. Съ наступленіемъ вечерней прохлады на каждомъ бугоркѣ, возвышающемся надъ подземной норкой, появляется маленькій грызунъ, поднимается на заднихъ лапкахъ и боязливо осматривается кругомъ; онъ быстро убѣгаетъ въ свое жилище при малѣйшемъ шорохѣ, при всякомъ дуновеніи вѣтерка, при проходѣ какого-нибудь звѣрька, но тотчасъ же возвращается опять, чтобы внимательно разсмотрѣть напугавшій его предметъ. Иной разъ ряды табаргановъ, стоящихъ у входа въ свои подземныя палаты, тянутся на необозримое пространство, точно часовые безчисленнной арміи. Колоніи этихъ сурковъ байбаковъ населяютъ также голыя верхушки нѣкоторыхъ горныхъ хребтовъ Камчатки, Прибайкальскаго края, Витима, выше области лѣсовъ. При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ этотъ звѣрекъ могъ пробраться черезъ широкій, почти непроходимый поясъ тайги, отдѣляющій степи отъ верхнихъ хребтовъ горъ? Нужно допустить, что было время, когда этотъ лѣсной поясъ еще не существовалъ.

Вмѣшательство человѣка, впрочемъ, проявилось не только уменьшеніемъ численности или истребленія дикихъ животныхъ, оно ввело также многія новыя породы въ краѣ и видоизмѣнило ихъ посредствомъ приученія и скрещиваній. На сѣверѣ самоѣды, чукчи и камчадалы имѣютъ сѣвернаго оленя и собаку; лошадь, корова—постоянные товарищи человѣка во всей населенной области Сибири; якъ слѣдуетъ за сойотомъ верхняго Енисея, а въ сосѣдствѣ степей киргизскихъ и монгольскихъ появляется верблюдъ, представляющій въ мірѣ животномъ другую цивилизацію, отличную отъ европейской. Новыя разновидности домашнихъ животныхъ образовались вслѣдствіе смѣшенія породъ, и можно сказать, что различные обитатели Сибири, инородцы и русскіе, придали особенную физіономію, особенные нравы и повадки животнымъ, которыхъ они содержатъ. Собака самоѣда не походитъ на собаку казака, также какъ и собака казака рѣзко отличается отъ собаки манчжура.

Всѣ мѣстныя преданія и многіе остатки старины, найденные въ древнихъ могилахъ, свидѣтельствуютъ о народахъ, стоявшихъ на извѣстной степени цивилизаціи, которые нѣкогда населяли Сибирь: эти народы обозначаются общимъ названіемъ Чуди, къ какой-бы, впрочемъ, группѣ или національности они ни принадлежали, къ арійской, тюркской, финской или монгольской. На восточныхъ скатахъ Уральскаго хребта, въ долинахъ Алтайскихъ горъ, на берегахъ Енисея, и особенно въ минусинскомъ округѣ, чудскіе курганы или могилы чрезвычайно многочисленны; въ горнозаводскихъ мѣстностяхъ покинутыя древнія копи извѣстны у туземныхъ жителей вообще подъ именемъ „чудскихъ рудниковъ“; на запад-

ныхъ отрогахъ Алтая каменные межевые столбы, вышиной въ ростъ человѣка, испещренные какими-то странными надписями, еще необъясненными, составляютъ для нынѣшнихъ обитателей страны „границы“ древняго народа чуди, и даже можно видѣть до сихъ поръ на берегу одного священнаго озера, на Алтаѣ, двухъ всадниковъ, грубо изсѣченныхъ изъ гранита, которые какъ-бы надзираютъ за водами: это чудскіе „боги“. Различные старинные предметы, и въ особенности оружіе и воинскіе доспѣхи изъ мѣди, найденные подъ слоями торфа, въ древнихъ пріискахъ и золотопромывальныхъ рѣчныхъ наносахъ, доказываютъ, что ремесленники этихъ древнихъ народовъ обладали нѣкоторымъ вкусомъ и большимъ искусствомъ въ исполненіи своихъ работъ. Мало того—остатки каналовъ въ нѣсколько верстъ длиною, подземныя сооруженія шлюзовъ, мельничные жернова свидѣтельствуютъ о довольно высокой степени цивилизаціи. Чудь культивировала также фруктовыя деревья, которыя послѣ нея исчезли изъ края, по причинѣ-ли суровости холодовъ, или вслѣдствіе небрежности жителей; наконецъ, превосходная порода свиней, далеко превосходящая качествами ту, которая была привезена изъ Россіи, до сихъ поръ носитъ въ краѣ названіе „чудской“, такъ какъ народное преданіе считаетъ ее наслѣдіемъ, оставленнымъ прежними владѣтелями страны. Полагаютъ, что главное средоточіе туземной гражданственности находилось въ горныхъ цѣпяхъ сосѣднихъ съ Енисеемъ, потому что въ старинныхъ могилахъ этой области археологи собрали древности самыя богатыя и сдѣланныя съ наибольшимъ вкусомъ; курганы Алтая и береговъ Иртыша заключаютъ оружіе и домашнюю утварь болѣе грубой работы и менѣе оригинальнаго рисунка. Впрочемъ, замѣчается большое сходство между „чудскими“ древностями Алтая и многими „скиѳскими“ остатками старины, найденными на берегахъ Днѣпра и Чернаго моря. Весьма вѣроятно, что цивилизованная чудь, которая, по общему мнѣнію, была финскаго происхожденія, была истреблена во время продолжительныхъ войнъ, предшествовавшихъ великому переселенію азіатскихъ варваровъ. Чудскіе народы долгое время были передовыми защитниками Запада отъ варварскаго нашествія; хотя неизвѣстные Риму, они, можетъ быть, охраняли его впродолженіе многихъ вѣковъ. Монголы, замѣнившіе чудь, всѣ знаютъ, что они чужеземнаго происхожденія; когда у нихъ спросишь, гдѣ ихъ первоначальная родина, они показываютъ пальцемъ въ ту сторону горизонта, гдѣ юго-востокъ [1]).

Въ настоящее время чудь утратила свое имя, но, безъ всякаго сомнѣнія, потомки ея и теперь живутъ смѣшанные съ туземными народцами, которые почти всѣ пребываютъ въ полу-варварскомъ состояніи и которые сами должны неминуемо слиться съ русскими, или исчезнуть передъ ними. Хотя различные діалекты сибирскихъ инородцевъ позволяютъ

[1]) *Albin Kohn*, Sibirien und das Amur-Gebiet.

распредѣлить аборигеновъ страны на особыя племена и роды, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что смѣшенія между отдѣльными рассами были весьма значительны: отъ Уральскаго хребта до горныхъ цѣпей корейской границы замѣчается постепенный переходъ между типами жителей; вездѣ отдѣльные индивидуумы могутъ быть разсматриваемы, какъ представители монгольскихъ или тюркскихъ народцевъ, живущихъ на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Преимущественно у женщинъ можно наблюдать монгольскій типъ всего лучше характеризованный; даже въ сѣверозападной Сибири часто встрѣчаешь молодыхъ дѣвушекъ, имѣющихъ почти китайскій обликъ, который въ общихъ чертахъ напоминаетъ кошачью физіономію, съ ея косо лежащими глазами, съ выдающимися скулами, впалыми щеками и заостреннымъ подбородкомъ. Нравы и образъ жизни сибирскихъ кочевниковъ благопріятствуютъ этимъ смѣшеніямъ. Вынужденныя передвиженія цѣлыхъ родовъ приводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ другими племенами, отдѣляя ихъ отъ соплеменниковъ. Во время своихъ долгихъ странствованій, продолжающихся черезъ большую часть континента, туземные торговцы, якуты или буряты, покупаютъ себѣ женъ, то въ одномъ племени, то въ другомъ; они даже имѣютъ часто особенную семью въ каждомъ изъ посѣщаемыхъ ими краевъ, и соглашаются на временную продажу своихъ супругъ. Они уступаютъ также своихъ дѣтей иноплеменнымъ купцамъ, и часто бываетъ, что сироты семействъ, погибшихъ отъ голода, принимаются людьми чужаго племени или русскими, поселенцами или торговцами. Хотя славянскій типъ, особенно у малороссіянъ и раскольниковъ, совершенно сохранился въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ въ метрополіи, можно, однако, сказать, въ видѣ общаго правила, что племенныя смѣшенія все ближе и ближе соединяютъ всѣ народности, населяющія Сибирь: въ то время, какъ русскіе эмигранты „объякучиваются“, тунгусы мало по малу „обрусѣваютъ“; смотря по относительной важности приходящихъ въ соприкосновеніе этнографическихъ элементовъ, физіономія, нравы и обычаи тѣхъ и другихъ видоизмѣняются такимъ образомъ, что пріобрѣтаютъ все большее и большее сходство съ окружающей средой. Такъ финны и турки, живущіе въ Европѣ, приняли европейскій типъ, тогда какъ въ Азіи тѣ-же самые турки и финны до сихъ поръ сохраняютъ азіатскій типъ [1]).

Отнынѣ численное превосходство, также какъ и превосходство цивилизаціи, на всемъ пространствѣ территоріи, заключающейся между Уральскими горами и берегами Тихаго океана, принадлежитъ русскимъ, чистокровнымъ или происходящимъ отъ казаковъ, поженившихся на инородческихъ женщинахъ. Славяне въ Сибири составляютъ свыше трехъ милліоновъ человѣкъ, а съ присоединеніемъ къ этой странѣ уральскихъ

[1]) *A. Castren*, Reiseberichte und Briefe.

округовъ, свыше четырехъ милліоновъ, между тѣмъ какъ инородцы, болѣе или менѣе разсѣянные, неимѣющіе между собой какой-либо національной связи, не могутъ быть исчисляемы болѣе какъ въ семьсотъ съ небольшимъ тысячъ душъ, если не считать киргизовъ, степи которыхъ принадлежатъ къ такъ называемой „центральной Азіи“. Нѣкоторые изъ сибирскихъ народцевъ, кочевья которыхъ обнимаютъ пространство, превосходящее величиной всю Францію, состоятъ единственно изъ бродячихъ семействъ, убѣгающихъ передъ иноплеменными поселенцами. Русскіе занимаютъ сплоченными массами восточную покатость Уральскихъ горъ, бассейны Тобола, Иртыша и верхней Оби; они имѣютъ также большой численный перевѣсъ въ области верхняго Енисея и Ангары, равно какъ въ Забайкальѣ, и овладѣли всѣми пригодными для культуры землями по берегамъ главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ: аванпосты русской колонизаціи врѣзываются узкими полосами въ инородческую территорію, вдоль Енисея, Лены, Амура, а съ 1865 года они подвигаются на завоеваніе Алтая, богатыя долины котораго были до того времени исключены изъ числа мѣстъ, дозволенныхъ къ свободному заселенію.

Предполагаемое народонаселеніе Сибири и азіатскаго склона Уральскихъ горъ, распредѣленное по національностямъ, выражалось въ 1880 году слѣдующими цифрами (по Венюкову, Миддендорфу, Риттиху и др.):

Финны.	Вогулы	4,500	Тюрки.	Якуты	200,000
	Самоѣды	25,000		Долганы	500
	Остяки	25,000		Татары	80,000
	Сойоты	8,000	Разныхъ племенъ.	Чукчи	12,000
Монголы.	Тунгусы	50,000		Коряки	5,000
	Буряты	250,000		Камчадалы	3,000
	Калмыки	20,000		Гиляки	5,000
	Китайцы и манчжуры	10,000		Айносы	3,000
	Корейцы	3,000		Цыгане	5,000
	Юкагиры	1,600	Славяне.		4.500,000

II.

АЛТАЙ.

„Золотыя горы“ — ибо таковъ, вѣроятно, смыслъ названія Алтай, происходящаго отъ монгольскаго слова „Алтынъ“, синонима китайскаго выраженія „Джинъ-Шанъ“—обнимаютъ совокупность цѣпей и группъ, которыя возвышаются на сѣверѣ отъ воротъ Джунгаріи и составляютъ восточное продолженіе хребтовъ Тянь-Шаня и Памира. Гораздо менѣе

обширная и менѣе высокая, чѣмъ могущественная система Небесныхъ горъ, система Алтая можетъ быть, однако, сравниваема съ европейскими Альпами, не по высотѣ ея вершинъ, ни по разнообразію ея формъ, обилію покрывающихъ ея снѣговъ или богатству ея растительности, но по протяженію ея хребтовъ и длинѣ ея долинъ. Правда, собственно такъ называемый Алтай обнимаетъ, на русской территоріи, только гористую область, ограниченную съ запада долиной Чернаго Иртыша, а на востокѣ Суокскимъ переваломъ; но этотъ часто посѣщаемый караванами проходъ черезъ русско-китайскую границу составляетъ лишь чисто условную пограничную черту, ибо система Алтая продолжается на востокъ, чтобы образовать цѣпь Саянскихъ горъ, до пролома, сдѣланнаго долиной Енисея, и затѣмъ далѣе до горныхъ группъ Байкальскаго края. Со стороны Китая Алтай продолжается въ видѣ небольшихъ отроговъ и предгорій, которые почти всѣ еще не изслѣдованы, гораздо южнѣе истоковъ Енисея и проникаетъ на большое разстояніе вглубь пустынь монгольскихъ плоскихъ возвышенностей. Впрочемъ, названіе Алтай употребляется въ Сибири въ самомъ обширномъ смыслѣ, и часто его примѣняютъ не только къ холмамъ, но, кромѣ того, и къ равнинамъ основанія, ко всей области, которая въ административномъ отношеніи зависитъ отъ Барнаула, Бійска и Кузнецка.

Когда приближаешься къ Алтаю, направляясь отъ Уральскихъ горъ по большой дорогѣ полуденной Сибири, передъ собой видишь только неправильные холмы, болѣе голые, болѣе дикіе и печальные видомъ, чѣмъ степь. Лѣса, разсѣянные по равнинѣ, маленькія озера, отражающія въ гладкой поверхности своихъ водъ верхушки сосенъ, остались позади, и взоръ не встрѣчаетъ ничего, кромѣ обнаженныхъ, сѣроватыхъ пространствъ: на югѣ и на востокѣ горизонтъ ограниченъ профилемъ низкихъ горъ, безъ опредѣленнаго характера, скрывающихъ болѣе возвышенныя вершины китайской границы. Нѣкоторыя макушки, покрытыя зеленью, составляютъ пріятный контрастъ съ общей наготой горъ, но ансамбль пейзажа, въ западной области Алтая, почти вездѣ одинъ изъ самыхъ непривѣтливыхъ. Юго-западные вѣтры, которые приносятъ дождь въ Европу и даже на скаты Уральскаго хребта и на склоны Небесныхъ горъ, обращенные къ западу, становятся уже совершенно сухими, утратившими всю влажность, когда достигаютъ Алтая: они не только не даютъ дождей этимъ горамъ, возвышающимся поперегъ ихъ дороги, но даже быстро изсушаютъ листву тощихъ деревецъ, покрывающихъ скаты, и позволяютъ существовать только скудной травяной растительности степей [1]). Гораздо болѣе благодѣтельны сѣверо-восточные вѣтры, которые, хотя при-

[1]) *Веселовскій*, О климатѣ Россіи; *Тепляковъ*, Klima und Vegetation im Altaï; *Bernhard von Cotta*, Altaï.

носятъ на Алтай полярную стужу, но за то надѣляютъ его также дождями и одѣваютъ горы прекрасными пастбищами. Въ долинѣ Ургудей, на сѣверѣ Саянскаго хребта, не проходитъ дня безъ того, чтобы облака не собирались два или три раза на склонахъ и не покрывали ихъ снѣгомъ или не наводняли дождями, смотря по времени года [1]).

Въ этихъ областяхъ съ сырымъ климатомъ струящіяся воды и лѣса придаютъ горамъ видъ совершенно отличный отъ того, какой имѣетъ западный Алтай, составляющій простое предгорье монгольской степи: повсюду, гдѣ форма скалъ, крутизны горъ, профили вершинъ принимаютъ уже болѣе или менѣе грандіозный характеръ, пейзажъ Алтая, украшаемый водами и зеленью, напоминаетъ ландшафтъ Альпъ центральной Европы. Узкая и глубокая долина верхней Чуи (или Чу), ведущая къ Суокскому перевалу, главной тропѣ торговыхъ каравановъ между Бійскомъ и Монголіей, есть нѣчто въ родѣ знаменитаго швейцарскаго оврага „Via mala“, по контрасту деревьевъ съ мрачнымъ ущельемъ, на днѣ котораго реветъ вода потока [2]); но въ самомъ сердцѣ горной цѣпи верхній циркъ, гдѣ соединяются ручьи, образующіе вмѣстѣ рѣку Чую, представляетъ настоящую степь, гдѣ дожди выпадаютъ рѣдко, гдѣ небольшое количество снѣга, приносимое облаками зимой, тотчасъ же разметается вѣтромъ [3]). Впрочемъ, даже въ западномъ Алтаѣ многія долины имѣютъ всю прелесть своей первобытной красы. Во многихъ группахъ Алтайской цѣпи альпійская область имѣетъ свою опредѣленную границу, точно очерченную хребтомъ, который служитъ раздѣльной возвышенностью между Россіей и Китаемъ. По обѣ стороны этого пограничнаго хребта разница во всемъ полная: на сѣверѣ скаты горъ покрыты хвойными лѣсами, тогда какъ на югѣ тянутся на необозримое пространство каменистыя пустыни. Воды бѣгутъ съ обѣихъ сторонъ въ противоположныхъ направленіяхъ и населенія принадлежатъ къ различнымъ группамъ: со стороны Китая живутъ монголы, со стороны русской территоріи—теленгуты или калмыки [4]).

Система Алтайскихъ горъ состоитъ изъ большаго числа цѣпей, которыя могутъ быть разсматриваемы въ общихъ чертахъ, какъ расположенныя по направленію отъ запада-сѣверо-запада къ востоку-юго-востоку, параллельно Тарбагатаю, нѣкоторымъ второстепеннымъ цѣпямъ Небесныхъ горъ и многимъ другимъ горнымъ системамъ Азіи, между прочимъ, и Гималайскому хребту. Эти цѣпи, по мѣстному „Бѣлки“ (названіе, означающее то-же самое, что и „Альпы“, т. е. „бѣлыя“), соединены неправильными поперечными кряжами и нагорьями, совокупность которыхъ

[1]) *Венюковъ*, Русско-азіятскія пограничныя страны.

[2]) *Потанинъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6.

[3]) *Радловъ*, Briefe aus dem Altaï, Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, vol. XXI.

[4]) *Ney Elias*, Journal of the Geographical Society of London, 1813.

даетъ линіи водораздѣла между бассейномъ Оби и скатомъ возвышенности Гоби извилистое направленіе, идущее отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: въ толщѣ системы открываются очень большія продольныя долины, каковы, напримѣръ, долины Бухтармы. Алтай не составляетъ совершеннаго водораздѣльнаго хребта, доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что на западѣ одинъ изъ притоковъ Иртыша, Улюнгеръ, сообщающійся съ главной рѣкой посредствомъ теченія частію подземнаго, беретъ начало на самомъ Гоби и затѣмъ обходитъ всѣ западныя горныя массы. Средняя высота всей, разсматриваемой въ совокупности, Алтайской системы, принимая въ разсчетъ также промежуточныя долины и южныя плоскогорья, на которыя опираются горы, исчисляется только въ 4,000 или 5,000 футовъ, но главные хребты имѣютъ отъ 6,000 до 8,856 фут. Центральный узелъ системы, съ гидрографической точки зрѣнія, горная масса, откуда вытекаютъ на сѣверъ многіе притоки Катуни, на западъ Бухтарма, на югъ Ойгуръ, монгольскій данникъ рѣки Ике-эралъ, перерѣзанъ проломомъ, который имѣетъ не менѣе 9,250 фут. высоты, по Мирошниченко: это Уланъ-Дабасъ, или „Красный камень“, получившій это названіе отъ входящихъ въ составъ его рыжеватыхъ слоевъ желѣзной руды. На сѣверо-западѣ отъ этого страшнаго горнаго прохода поднимается самая высокая вершина Алтая, гора Бѣлуха, двѣ остроконечныя макушки которой, почти равной величины, имѣютъ около 11,000 фут. высоты. Горная масса, надъ которой господствуетъ Бѣлуха, и гдѣ возвышаются также крутыя стѣны утесовъ, называемыя „Катунскими колоннами“, совершенно ограничена отъ остальнаго Алтая, съ юга, съ запада и съ сѣвера рѣкой Катунь или Катунья, которая можетъ быть разсматриваема, какъ истинная верхняя Обь, и къ которой направляются многочисленныя рѣки; одна изъ нихъ, носящая тюркское названіе Кокъ-су, течетъ отъ запада къ востоку, въ узкой разсѣлинѣ плоскогорья Коргонъ, поднимающагося почти на 6,560 фут. надъ уровнемъ моря. Горная масса Бѣлухи или Катунскихъ бѣлокъ всего болѣе имѣетъ правъ на титулъ „Большаго Алтая“, присвоиваемый обыкновенно области еще мало извѣстной, монгольскаго Алтая. Именно та цѣпь, которую большинство географовъ называютъ „Большимъ Алтаемъ“, обозначается у Венюкова подъ именемъ „Малаго Алтая“ (эктагъ-Алтай): это краевая западная цѣпь плоскогорья Кобдо, крутые скаты котораго спускаются на юго-западѣ къ долинѣ Улюнгура и Чернаго Иртыша. Многія изъ вершинъ этой цѣпи поднимаются выше границы никогда не тающихъ снѣговъ.

Къ востоку отъ различныхъ группъ русскаго Алтая, обозначаемыхъ обыкновенно по имени рѣкъ, текущихъ у ихъ основанія, или по имени ближайшихъ поселеній, цѣпь Танну-ола продолжаетъ хребетъ въ Монголію, между горными потоками верхняго Енисея и водами, спускающимися къ озеру Убса-норъ, тогда какъ далѣе на сѣверѣ система Саян-

скихъ горъ развертываетъ амфитеатръ своихъ лѣсистыхъ вершинъ и оканчивается выше Енисея горной массой Шабинъ-дабагъ. Менѣе высокія, небольшія цѣпи группы Кузнецкихъ горъ (Ала-тау), образующія водораздѣлъ между бассейнами Оби и Енисея, поднимаются еще своими верхушками, тоже покрытыми лѣсомъ, до высоты 4,000 или 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Многочисленныя маленькія озера разсѣяны въ возвышенныхъ продольныхъ долинахъ, сосѣднихъ съ горнымъ узломъ, гдѣ соединяются Алтай и Саянъ; но самый обширный и самый живописный озерный бассейнъ Алтайскихъ горъ находится уже въ недалекомъ разстояніи отъ степей, хотя крутыя высоты окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, и хотя онъ имѣетъ совершенно альпійскій видъ: это озеро Телецкое, куда изливается р. Чулышманъ, и откуда выходитъ р. Бія, восточный притокъ Оби. По красотѣ своихъ береговъ, Телецкое озеро напоминаетъ швейцарскій Леманъ, и подобно послѣднему, состоитъ изъ двухъ озеръ, принадлежащихъ каждое къ отдѣльной системѣ изломовъ земной коры; но эти два озера не соединяются слегка изогнутыми кривыми, какъ бассейны Женевскаго озера. Пучины его, которыя покрываются слоемъ льда только въ чрезвычайно холодные годы, немного менѣе глубоки, чѣмъ пропасти Лемана. По Семенову [1]), Телецкое озеро лежитъ на высотѣ 1,580 фут.; водная площадь его равна 250 квадр. верстамъ, а глубина достигаетъ 800 фут. (930 фут. по Гельмерсену). Алтынъ-тау или „Золотая гора“, снѣжная верхушка которой господствуетъ надъ полуденной оконечностью Телецкаго озера, и которая продолжается вдоль западнаго его берега рядомъ утесовъ Кара-корумъ (это названіе означаетъ „Черныя крутизны“), почитается у калмыковъ какъ священная гора: они называютъ ее „отцомъ горъ и озера“ и говорятъ, что она всегда наказывала смертью дерзновенныхъ, которые покушались осквернить святыню восхожденіемъ на вершину Алтына [2]).

Бѣлуха, какъ показываетъ самое имя ея, покрыта никогда нетающимъ снѣгомъ, и на ней существуетъ даже ледникъ длиною около двухъ съ половиной верстъ; ледникъ этотъ спускающійся въ циркъ, окруженный Катунскими бѣлками, доставляетъ первыя воды рѣки Катунь, текущей черезъ древнія морены, которыя свидѣтельствуютъ о значительномъ отступленіи льдовъ [3]). Нѣсколько фирновыхъ массъ небольшихъ размѣровъ спускаются съ сосѣднихъ горъ, сильно измельчавшіе остатки глетчеровъ, которые нѣкогда покрывали всю эту цѣпь горъ, хотя извѣстный геологъ Бернгардъ Котта, основываясь на нѣкоторыхъ чисто отрицательныхъ признакахъ, считалъ себя вправѣ оспаривать существованіе ледяной эпохи

---

[1]) Географ. Словарь Россійской Имперіи.
[2]) *Радловъ; Гельмерсенъ; Семеновъ.*
[3]) *Gebler*, Uebersicht der Katunischen Gebirge.

на Алтаѣ. Что касается границы постоянныхъ снѣговъ на склонахъ Золотыхъ горъ, то еще недавно положеніе ея опредѣляли на средней высотѣ отъ 7,400 до 7,550 футовъ; но г. Мирошниченко констатировалъ, что на двухъ скатахъ, и между прочимъ на южной сторонѣ, выставленной не только непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей, но также вліянію отраженной теплоты полуденнаго нагорья, линія полнаго таянія снѣговъ переходитъ за 8,530 футовъ; хотя такимъ образомъ поднятая почти на 1,200 фут. выше, граница вѣчнаго снѣга всетаки лежитъ ниже, чѣмъ соотвѣтственная линія на Альпахъ и Пиренеяхъ.

Почти на всемъ своемъ протяженіи Алтай состоитъ изъ горныхъ массъ и цѣпей, образующихъ плоскогорья съ длинными хребтами и придавленными вершинами; ниже пояса постоянныхъ снѣговъ, высоты частію покрыты болотистыми пространствами, напоминающими, но въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ, нагорныя болота (hautes fanges) Арденновъ, и усѣянныя глыбами гранита, отчего и происходитъ данное имъ названіе „каменныхъ болотъ“. Глубокія долины, съ очень крутыми стѣнами, раздѣляютъ эти плоскія, какъ-бы усѣченныя верхушки [1]); долины, эти, какъ кажется, по большей части были вырыты дѣйствіемъ размыва въ слоистыхъ породахъ, залегающихъ между болѣе твердыми и лучше сопротивляющимися разрушенію гранитными массами, которыя образуютъ главныя группы Алтайскихъ горъ [2]). Даже отроги Салаира и Кузнецкаго Ала-тау, которые выдвигаются въ видѣ мысовъ или предгорій въ сѣверныя степи, состоятъ отчасти изъ гранита; порфиры, серпентины прорѣзываютъ тамъ и сямъ кристаллическія породы и сланцы Алтая, но нигдѣ незамѣтно въ этихъ горахъ слѣдовъ какого-бы то ни было вулканическаго дѣйствія. Алтай, очевидно, очень древняя система горъ: на немъ не найдешь ни одного слоя осадочныхъ формацій діасовой, тріасовой, юрской или мѣловой, ни одного третичнаго пласта. Со времени образованія палеозойскихъ (древнѣйшихъ) каменныхъ породъ, Алтай всегда возвышался своими вершинами надъ растилавшимися внизу морями или степями: залежи земляного угля, открытыя въ Кузнецкихъ горахъ, на берегахъ рѣки Томи, и металлоносныя жилы, которыя дали Алтайской области столь важное экономическое значеніе, ведутъ свое начало, безъ сомнѣнія, отъ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ геологической исторіи земли.

Растительное царство Алтая, въ сравненіи съ флорой окружающихъ степей, отличается необыкновеннымъ богатствомъ; однако, она уступаетъ флорѣ центральной Европы по числу видовъ. Ледебуръ, собравшій на Алтаѣ около 1,600 явнобрачныхъ растеній [3]), исчисляетъ въ четыре седь-

---

[1]) *Чихачевъ*, Путешествіе на Алтай.
[2]) *Bernhard von Cotta*, цитированное сочиненіе.
[3]) Reise durch das Altaï-Gebirge.

мыхъ общаго количества туземныхъ видовъ Германіи число видовъ, составляющихъ дикую флору Алтая, который лежитъ подъ той же самой широтой, какъ Богемскія горы, и такъ же, какъ онѣ, подверженъ попеременному дѣйствію юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Всѣ семейства растеній, исключая тѣхъ, которыя произрастаютъ по берегамъ соляныхъ озеръ, представлены на Алтаѣ меньшимъ числомъ видовъ, чѣмъ въ центральной Европѣ: клена тамъ совсѣмъ нѣтъ; липа встрѣчается лишь отдѣльными кучками, очень отдаленными одна отъ другой [1]), также и ольха очень рѣдкое дерево въ этихъ сибирскихъ лѣсахъ; но Алтай обладаетъ нѣкоторыми, свойственными исключительно сибирской флорѣ, древесными породами, какова татарская жимолость (lonicera tatarica) и гороховникъ (caragana arborescens), котораго жесткія вѣтви и бѣлесоватая листва, подрѣзанная, какъ у акаціи, виднѣются на большей части пустынныхъ, безплодныхъ скатовъ, въ перемежку съ дикими розами и таволгами, растущими среди мелкаго кустарника [2]).

Флора степей, которая продолжается по передовымъ скатамъ горъ, и ограничиваетъ по окраинамъ гористой области собственно такъ называемую „алтайскую“ флору, поднимается не выше, какъ на 1,000 футовъ. Она довольно бѣдна, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ почва насыщена солью, и общій колоритъ степнаго ландшафта сѣрый или желтоватый, переходящій тамъ и сямъ въ блѣдно-зеленый оттѣнокъ. Зеленѣющіе луга занимаютъ только хорошо орошаемыя лощины, и говорятъ, что для жителя голыхъ, однообразныхъ степей, съ ихъ тусклымъ колоритомъ съ ихъ неподвижными контурами, эти густыя высокія травы, волнуемыя вѣтромъ, какъ поверхность водъ, въ первое время представляютъ не очень пріятное зрѣлище: движеніе злаковъ, которые безпрестанно наклоняются и снова выпрямляются, видоизмѣняя свою окраску, производитъ у непривычнаго степняка нѣчто въ родѣ „морской болѣзни“. По берегамъ рѣкъ степная флора прерывается древесной растительностью: сосны и ели появляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но онѣ быстро исчезаютъ, благодаря частымъ лѣснымъ пожарамъ, которымъ подвергаетъ ихъ сосѣдство человѣка, и замѣняются березами и другими породами деревъ, отличающимися быстрымъ ростомъ. Между тополями и ивами, которые растутъ въ наибольшемъ числѣ по близости рѣкъ, спускающихся съ Алтайскихъ горъ, нѣкоторыя породы, какъ кажется, должны быть признаны уроженцами верхняго бассейна Оби.

Черная береза и кизильникъ или ирга поднимаются на верхнихъ склонахъ горъ до высоты 6,700 фут., тогда какъ лѣсной поясъ въ собственномъ смыслѣ находится, на Алтаѣ, въ предѣлахъ пояса, заключающагося между 4,260 и 6,500 футовъ высоты [3]); но во всей обитаемой

[1]) *Завалишинъ*, Описаніе Западной Сибири.
[2]) *Тепляковъ*, цитированное сочиненіе
[3]) *Ледебуръ*, цитирован. сочиненіе.

ЧИНДУГУТУЙ — ПРИТОКЪ ИРТЫША ВЪ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

области Алтайскихъ горъ этотъ поясъ былъ значительно съуженъ топоромъ дровосѣковъ; путешественники разсказываютъ, что имъ случалось тамъ проѣзжать обширныя пространства, въ нѣсколько сотъ квадратн. верстъ, не встрѣчая на пути ни одного высокоствольнаго дерева. Вдали отъ горнозаводскаго округа, въ долинахъ, не подверженныхъ изсушающему дуновенію юго-западныхъ вѣтровъ, можно еще увидѣть нетронутую тайгу, состоящую изъ сосенъ, а выше по скатамъ, изъ елей и пихтъ, болѣе роскошную, чѣмъ европейскіе лѣса, по причинѣ богатства и разнообразія растеній подлѣсья: эти древесныя породы, среднимъ числомъ, въ два раза превосходятъ величиной деревья лѣсовъ атлантическаго прибрежья, и цвѣты ихъ поражаютъ взоръ своимъ чуднымъ блескомъ, яркостью красокъ: акониты, шпорники (или кавалерійскія шпоры) кажутся путешественнику, пріѣхавшему съ запада, новыми видами, такъ пышно раскинулись ихъ цвѣтки, густаго синяго цвѣта, на большой высотѣ, надъ кустарникомъ. Альпійскія растенія, поясъ которыхъ простирается надъ поясомъ лѣсовъ до линіи постояннаго снѣга, также отличаются очень яркими цвѣтами и распространяютъ въ воздухѣ сильный запахъ. Эти растенія въ началѣ развѣяны между деревьями, которыя постепенно мельчаютъ, становятся все ниже, приземистѣе, по мѣрѣ того, какъ поднимаются вверхъ по склонамъ; затѣмъ, по прекращеніи древесной растительности, они покрываютъ всѣ верхушки горъ, въ перемежку съ лишаями и мхами, которые еще выше и сами исчезаютъ подъ снѣжной пеленой. Въ одной калмыцкой пѣснѣ воспѣваются эти прекрасныя горныя пастбища „стараго дѣда Алтая, нарядившагося въ одѣяніе изъ лучшихъ травъ“.

Животное царство Алтайскихъ горъ, также какъ и растительное, относительно очень богато: какъ поютъ калмыки, „бѣлый Алтай, съ четырьми, съ шестью долинами, даетъ пріютъ шестидесяти птицамъ и безчисленному множеству оленей“ [1]). Ледебуръ, который могъ изслѣдовать только одну часть алтайской области, и который, безъ сомнѣнія, оставилъ послѣ себя не мало матеріала для послѣдующихъ изслѣдователей, собралъ во время своего пребыванія на Золотыхъ горахъ, 21 видъ млекопитающихъ, 64 вида птицъ, 28 видовъ земноводныхъ; изъ класса же рыбъ всего только семь формъ. Уже на границѣ Китая алтайская фауна заключаетъ нѣсколькихъ животныхъ, принадлежащихъ къ фаунѣ центральной Азіи; но въ цѣломъ животныя тѣ же самыя, какихъ мы находимъ въ области Небесныхъ горъ и въ Сибири. Тигры, набитыя чучелы которыхъ выставлены въ барнаульскомъ музеѣ, были, безъ сомнѣнія, гости, пришедшіе, ради охоты, на чужую территорію; нѣтъ, кажется, основанія полагать, что этотъ видъ былъ уроженцемъ страны. Нѣкоторыя живот-

[1]) *Радловъ*, Volksliteratur der Türkischen Stämme Süd-Sibiriens.

ныя, нѣкогда довольно распространенныя въ краѣ, теперь исчезли или по крайней мѣрѣ стали очень рѣдки; таковы, напримѣръ: рѣчные бобры, нынѣ не существующіе на Алтаѣ, развѣ только, можетъ быть, еще на берегахъ Чернаго Иртыша. Лѣтъ сто тому назадъ, во времена Палласа, лоси водились здѣсь въ такомъ множествѣ, что ясакъ часто уплачивался шкурами этого животнаго, которыя цѣнились немногимъ дороже полтинника за шкуру [1]). Но если нѣкоторые виды исчезли, истребленные охотниками, то другія породы были введены земледѣльцами русскими или татарскими. Тогда какъ непредусмотрительные жители Небесныхъ горъ и другихъ областей центральной Азіи убиваютъ *марали*, для того только, чтобы отпилить у него рога и извлечь изъ нихъ драгоцѣнное студенистое вещество, такъ дорого цѣнимое китайцами, умные русскіе крестьяне Бухтарминской долины, изъ опасенія уничтожить породу, если-бы продолжалась такая безпощадная охота, ловятъ этихъ животныхъ живыми и успѣваютъ приручить ихъ. Такимъ образомъ отнынѣ марали можетъ быть прибавленъ къ тѣмъ сорока съ чѣмъ-то домашнимъ животнымъ, которыя перечислены у Жофруа-Сентъ-Илера. Въ 1879 году Потанинъ исчислялъ приблизительно въ двѣсти головъ число прирученныхъ марали, и теперь увеличеніе стадъ этого животнаго происходитъ уже путемъ естественнаго приращенія семействъ. Крестьяне разведеніе марали даже предпочитаютъ разведенію лошади. Это жвачное животное послушнѣе, меньше ѣстъ сѣна, лишь-бы только ему прибавляли соли въ кормъ; притомъ рога самца, которые обыкновенно отпиливаются весной, приносятъ среднимъ числомъ около 70 или 75 рублей въ годъ, то-есть гораздо больше того, сколько представляетъ годовая цѣнность работы лошади; вдобавокъ, мясо и кожа марали также имѣютъ большую экономическую цѣну. Туземные обитатели Саянскихъ и Алтайскихъ горъ также держатъ въ своихъ стадахъ домашнихъ яковъ. Что касается барановъ съ жирными хвостами и бурдюками (ovis steatopyga), разводимыхъ милліонами въ Татаріи, на полуденномъ склонѣ Кавказскихъ горъ и даже въ Малой Азіи, то они тоже произошли, какъ полагаютъ, отъ восточно-алтайскихъ горныхъ овецъ или аргали (ovis argali), которыя могутъ достигать роста небольшихъ коровъ, и которыя вооружены или лучше сказать обременены несоразмѣрно тяжелыми рогами [2]).

По свидѣтельству Ледебура [3]), пчелы были введены на Алтаѣ русскими поселенцами въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ; однако, весьма вѣроятно, что эти насѣкомыя находились и ранѣе въ краѣ, именно въ окрестностяхъ Телецкаго озера, такъ какъ они извѣстны тамъ подъ туземнымъ названіемъ, и ихъ встрѣ-

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.
[2]) *Bernhard von Cotta*, Altaï.
[3]) Reise durch das Altaï-Gebirge.

чаютъ въ дикомъ состояніи. Какъ бы то ни было, пчеловодство сдѣлалось однимъ изъ главныхъ промысловъ алтайской страны, и крестьяне держатъ по тысячѣ и по двѣ тысячи ульевъ вокругъ своихъ жилищъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ ежегодный сборъ меда доходитъ слишкомъ до 3,000 пудовъ; вывозъ изъ долины рѣки Бухтармы ежегодно простирается до 12,220 пудовъ меду и до 20,160 пудовъ воску [1]). Этотъ медъ, чрезвычайно ароматичный, составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ лакомствъ на Алтаѣ, гдѣ его ѣдятъ, какъ и вездѣ въ Россіи, съ засахаренными фруктами и со свѣжими огурцами [2]). Алтайскій медвѣдь, какъ и его родичи въ другихъ странахъ, не менѣе человѣка любитъ полакомиться медкомъ, и опытные охотники всегда подкарауливаютъ его около пчельниковъ. Крестьяне, которые стараются только отогнать его отъ своихъ садовъ, умѣютъ придавать своимъ пугаламъ, одѣтымъ въ лохмотья, достаточно сходства съ человѣкомъ, чтобы обмануть довѣрчиваго простака Михайлу Иваныча, извѣстнаго на Алтаѣ болѣе подъ кличкой „Мартына“.

Доисторическое населеніе Алтая оставило намъ кое-какіе слѣды своей цивилизаціи. Рудныя мѣсторожденія этой страны уже со временъ глубокой древности были разрабатываемы однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ народовъ, которые обозначаются общимъ именемъ „Чуди“; до сихъ поръ видны тамъ и сямъ въ горахъ и на сосѣдней равнинѣ относящіяся къ той отдаленной эпохѣ многочисленныя могилы, окруженныя камнями и по большей части заросшія частымъ кустарникомъ смородинника (ribes phylostybum), можетъ быть, насажденнаго рукой человѣка, такъ какъ это растеніе рѣдко встрѣчается вдали отъ могильныхъ кургановъ [3]). Когда русскіе снова открыли богатыя мѣсторожденія металловъ на Алтаѣ, они вездѣ нашли тамъ старинныя рудничныя раскопки, заключавшія разныя орудія изъ камня и мѣди. Палласъ разсказываетъ, что изъ одной обвалившейся подземной галлереи вытащили даже полуобгрызанный скелетъ одного изъ этихъ до-историческихъ рудокоповъ, подлѣ котораго лежалъ еще кожаный мѣшокъ, наполненный богатой минеральной землей. Во многихъ мѣстахъ почва, изрытая во всѣхъ направленіяхъ древней Чудью, провалилась, образовавъ огромныя воронкообразныя углубленія, отчасти наполненныя водой. Внѣ горнозаводской области, въ земледѣльческихъ округахъ, тоже находили, подъ верхнимъ слоемъ чернозема, скелеты людей и лошадей, вмѣстѣ съ различными предметами изъ золота, серебра, мѣди и желѣза, отличающимися довольно искусной и отчетливой работой [4]).

---

[1]) *Семеновъ; Потанинъ*, Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера.

[2]) *Розе; Финшъ* и др.

[3]) *Ледебуръ*, цитированное сочиненіе.

[4]) *Палласъ; Ледебуръ; Рупрехтъ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome IX, 1869 г.

Вѣроятно, впрочемъ, что древніе рудокопы Алтая и Енисея, точно также какъ и ихъ уральскіе собраты, были, по крайней мѣрѣ, въ значительной части, предками исчезнувшихъ инородцевъ, которые обитали въ долинахъ Алтая въ эпоху прибытія русскихъ, и которые принадлежатъ къ урало-алтайскому корню. Подъ вліяніемъ той общей иллюзіи, которая заставляетъ ученыхъ обращать взоры къ высокимъ горамъ, чтобы искать тамъ колыбель народовъ, именами Урала и Алтая, какъ нѣкогда именемъ Кавказа, пользовались для обозначенія различныхъ народностей сѣверной Азіи: татарскихъ, финскихъ и даже монгольскихъ [1]).

Монголы, раздѣленные на многія племена и поколѣнія, населяютъ всю южную покатость Алтая и сосѣднія нагорья, но они также перешли за границу этой области и живутъ среди русскихъ и татаръ въ сѣверныхъ долинахъ. Однако, главные представители монгольской рассы на Сѣверномъ Алтаѣ суть калмыки, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 12,000 до 20,000 душъ. Эти туземцы, которые сами себя называютъ теленгитами или теленгутами, и изъ которыхъ многіе даже не знаютъ имени „калмыкъ“, считаются „самыми честными изъ обитателей Азіи“. Жители долины рѣки Чулышманъ, телецы, по имени которыхъ и названо Телецкое озеро, составляютъ одну „братскую семью“. Такъ называемая „цивилизація“, конечно, сотретъ ихъ съ лица земли, какъ отдѣльную націю; но, тѣмъ не менѣе, они гораздо почтеннѣе и симпатичнѣе своихъ цивилизаторовъ своей простотой, своимъ прямодушіемъ, своей привѣтливостью и радушіемъ [2]). Еще не такъ давно эти мирные люди были въ одно и то же время подданными Китая и Россіи; для нихъ какъ-будто не существовало политической границы, и они должны были платить подати заразъ двумъ господамъ, пекинскому и петербургскому; только съ 1869 года калмыки сѣвернаго склона Алтайскихъ горъ перестали платить дань китайскимъ губернаторамъ провинцій Кобдо и Улясутая [3]). Еще въ концѣ прошлаго столѣтія теленгуты занимали гораздо болѣе значительную территорію и граница ихъ кочевьевъ переходила даже за Иртышъ; въ настоящее же время они живутъ только на восточномъ Алтаѣ, въ долинахъ и на плоскогорьяхъ округовъ бійскаго и кузнецкаго. Хотя калмыки принадлежатъ къ монгольскому племени, они не говорятъ болѣе языкомъ своей рассы; впрочемъ, ихъ тюркское нарѣчіе очень богато монгольскими выраженіями, тогда какъ они совсѣмъ не употребляютъ арабскихъ и персидскихъ словъ, какъ тюрки, подпавшіе вліянію ислама.

Чистые шаманисты, алтайскіе калмыки совершаютъ еще свободно

[1]) *A. Castrèn*, Die Völker des Altaï.

[2]) *Радловъ*, Reise durch den Altaï; *Ney Elias*, Journal of the Geograph. Society of London, 1873 г.

[3]) *Венюковъ*, Русско-азіатскія пограничныя страны.

свои религіозныя церемоніи, а въ торжественныхъ случаяхъ даже приносятъ жертвы, состоящія изъ живыхъ животныхъ. Ихъ идолы, или вѣрнѣе сказать, символическія изображенія состоятъ изъ чурбановъ или кусковъ древесной коры, представляющихъ людей, съ протянутыми руками, и нѣсколько напоминаютъ католическія фигуры ex-voto (приношенія по обѣту), которыми испещрены стѣны церквей въ Провансѣ, въ Италіи, въ Испаніи, гдѣ толпятся богомольцы. Эти образы, разныхъ цвѣтовъ, формъ и позъ, олицетворяютъ добрыхъ геніевъ и злыхъ духовъ, обитающихъ между небомъ и землей, въ горахъ, на днѣ рѣкъ и озеръ. Шкурки зайца, животнаго, на которое православные русскіе люди смотрятъ какъ на поганое, у калмыковъ, напротивъ, почитаются святыней и натягиваются на деревянные кресты, которые тоже служатъ священными символами. Наконецъ, разноцвѣтныя ленты, повѣшенныя на вѣткахъ деревьевъ или развѣвающіяся на воткнутыхъ въ землю жердяхъ представляютъ собою души предковъ, и каждый калмыкъ зоветъ ленту по имени одного изъ своихъ дѣдовъ или прадѣдовъ: онъ понимаетъ рѣчь, которую нашептываетъ ему лента, колыхаемая вѣтромъ; онъ слушаетъ совѣты и наставленія своего предка и почтительно бесѣдуетъ съ нимъ, но онъ никогда не откроетъ чужому то, что̀ ему сказалъ загробный голосъ. Когда онъ поетъ на ходьбѣ, слова, которыя онъ повторяетъ тихимъ и жалобнымъ голосомъ, часто суть тѣ самыя, которыя онъ слышалъ отъ мертвыхъ.

Хотя калмыки послѣдователи шаманства, тѣмъ не менѣе тысячи ихъ причисляются оффиціально къ исповѣдующимъ Христову вѣру. Разсказываютъ, что будто палочные удары и побои, наносимые этими инородцами своимъ женамъ, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ тѣхъ обращеній въ христіанство, которыя, по оффиціальнымъ отчетамъ, совершаются между пограничными населеніями. Часто случается, что побитая жена убѣгаетъ къ миссіонеру и проситъ окрестить ее, надѣясь этимъ средствомъ избавиться отъ своего драчливаго мужа; но послѣдній вскорѣ самъ является туда-же и въ свою очередь тоже принимаетъ св. крещеніе, дабы получить право вновь вступить во владѣніе своей супружницей: такимъ образомъ, двѣ души завоеваны „истинной вѣрѣ“ [1]). Точно также, большая часть татаръ, живущихъ въ русскихъ долинахъ, окрещены и считаются оффиціально христіанами; но и они также остались вѣрными шаманству. Большинство изъ нихъ даже забыли свои полученныя при крещеніи христіанскія имена и знаютъ другъ друга только подъ татарскими прозвищами, заимствованными почти исключительно изъ естественной исторіи, каковы: Собака, Волкъ, Воронъ, Ястребъ. Но образъ жизни, нравы и обычаи, положеніе туземцевъ различаются, смотря по мѣсту, гдѣ

[1]) *Поляковъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6.

они находятся. Чтобы видѣть этихъ инородцевъ такими, каковы они есть въ дѣйствительности, надо посѣтить ихъ въ ихъ родимыхъ лѣсахъ, а не въ миссіи въ Улалѣ, селеніи, лежащемъ въ верхней долинѣ рѣки Катунь, верстахъ въ ста выше города Бійска. Улала, центръ православной миссіи въ Алтайскомъ краѣ, обладаетъ любопытной коллекціей всѣхъ документовъ и сочиненій религіознаго содержанія, изданныхъ на алтайскомъ татарскомъ нарѣчіи, а также коллекціей народныхъ пѣсень, собранныхъ въ этой странѣ Радловомъ и Чивалковымъ. Радловъ встрѣтилъ только двухъ теленгутовъ, умѣющихъ писать не по тюркски, но на калмыцкомъ языкѣ своихъ болѣе цивилизованныхъ предковъ [1]).

Вообще говоря, татары, изъ всѣхъ не-славянскихъ народностей, представляютъ самую живую рассу, которая всего лучше сохраняетъ свою самобытность противъ русскихъ и которая съ наибольшимъ успѣхомъ оказываетъ сопротивленіе тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ, какія приноситъ имъ гражданственность, смѣшанная изъ столь разнородныхъ элементовъ. Однако, отъ многихъ татарскихъ племенъ осталось только одно имя. Киргизы, живущіе въ верхней долинѣ Катуни, совершенно отдѣленные отъ своихъ соплеменниковъ *казаковъ*, населяющихъ степи на западѣ отъ рѣки Иртыша, сдѣлались уже русскими по осѣдлому образу жизни и земледѣльческимъ нравамъ, но они говорятъ только турецкимъ языкомъ и монгольскимъ нарѣчіемъ своихъ сосѣдей калмыковъ [2]). Телеуты, обитающіе въ долинѣ рѣки Бій, тоже мало по малу становятся русскими по нравамъ и обычаямъ, также какъ куманды и различныя группы „черныхъ“ татаръ, названныхъ такъ потому, что они живутъ въ темномъ лѣсѣ. Гельмерсенъ и Радловъ полагаютъ, что телеуты финскаго племени, хотя они говорятъ тюркскимъ діалектомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію теленгутовъ. Что касается гассаковъ, пограничныхъ инородцевъ, наводящихъ страхъ своимъ разбойничествомъ на монголовъ и калмыковъ, то они принадлежатъ къ различныхъ національностямъ, и названіе ихъ употребляется въ общемъ смыслѣ для обозначенія всѣхъ бродячихъ мусульманскихъ племенъ, пришедшихъ съ запада: смотря по надобности и удобствамъ грабежа, гассаки сказываются то русскими, то китайскими подданными [3]).

Болѣе девяти десятыхъ населенія Алтайскаго края состоитъ изъ русскихъ, потомковъ купцовъ, чиновниковъ, казаковъ, рудокоповъ, солдатъ, ссыльныхъ. До 1865 года колонизація Золотыхъ горъ была воспрещена русскимъ крестьянамъ, такъ какъ всѣ земли этой области составляютъ особый удѣлъ, принадлежащій Императорскому Кабинету и предназначенный для разработки рудниковъ. Однако, почва въ алтайскихъ долинахъ такъ плодородна и необходимость увеличенія запашекъ такъ настоятельна,

---

[1]) *Семеновъ* и *Потанинъ*, Дополненіе къ Земледѣлію Карла Риттера.

[2]) *Чихачевъ*;—*Радловъ*.

[3]) *Ney Elias*, Journal of the Geographical Society of London, 1873.

что тысячи переселенцевъ отваживались водворяться на этихъ земляхъ, входъ на которыя имъ былъ запрещенъ. Крестьяне, пришедшіе изъ Россіи, преимущественно изъ губерній тамбовской, воронежской, пензенской, уфимской, выстраивали себѣ избенки въ какой-нибудь очень скромной долинѣ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ Алтая, гдѣ часто многіе изъ нихъ оставались по цѣлымъ годамъ неизвѣстными начальству, продолжая уплачивать подати въ мѣстахъ своего рожденія; благодаря кое-какимъ тайнымъ контрибуціямъ и подаркамъ, полиція снисходительно игнорировала ихъ пребываніе въ Сибири; потомъ, когда прошло] порядочно времени, когда они обжились въ краѣ, самая продолжительность ихъ пребыванія давала уже имъ достаточныя права на владѣніе землей. Особенно раскольники выказали большую ловкость въ овладѣваніи заповѣдными землями; въ настоящее время они имѣютъ довольно большое число многолюдныхъ селеній, окруженныхъ цвѣтущими нивами, и составляютъ около пятнадцатой части всего населенія Алтая. Они начинаютъ обыкновенно тѣмъ, что, никого не спрашивая, селятся на мѣстѣ, которое имъ всего больше полюбится; когда чиновникъ объявляетъ имъ приказъ удалиться, они упрашиваютъ его повременить до тѣхъ поръ, пока получится отвѣтъ на прошеніе, посланное ими въ Петербургъ на Высочайшее имя. Въ слѣдующемъ году ожидаемый отвѣтъ оказывается все еще неполученнымъ, а между тѣмъ домики выстроены, травы скошены, хлѣбъ сжатъ и свезенъ на гумно. Благодаря своей изворотливости и настойчивости, они въ концѣ концовъ успѣваютъ получить легальнымъ порядкомъ права, присвоенныя сначала самовольно и мало по малу превращаются въ „старыхъ сибиряковъ“ [1]). Въ настоящее время колонизація въ Алтайскомъ краѣ идетъ очень быстро; тысячи переселенцевъ основали новыя общины въ Бійскомъ округѣ и даже на земляхъ калмыковъ. Вообще дома раскольниковъ, поселившихся на Алтаѣ, свидѣтельствуютъ о гораздо большемъ матеріальномъ довольствѣ и болѣе развитомъ вкусѣ ихъ владѣльцевъ, чѣмъ крестьянскія избы въ Россіи: они больше походятъ на городскіе дома, чѣмъ на деревенскія жилища метрополіи; у большинства раскольниковъ вы увидите въ горницахъ чистенькую, красивую мебель, шелковыя занавѣски на окнахъ, драпировки, даже произведенія искусства. Нѣкоторыя изъ самыхъ зажиточныхъ и содержимыхъ въ наилучшемъ порядкѣ раскольничьихъ деревень принадлежатъ потомкамъ бѣглыхъ, которыхъ народная молва называла скрывшимися преступниками, но которые, по всей вѣроятности, были, покрайней мѣрѣ большей частію, раскольники безпоповцы, ибо ихъ потомки всѣ принадлежатъ къ этой сектѣ старовѣровъ, непріемлющей священства. Они убѣгали при появленіи рудокоповъ и жили прежде настоящими дикарями въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ долинахъ; многія изъ

[1]) *Розе;—Ледебуръ;—Финшъ.*

ихъ колоній даже проникли въ степи Монголіи, гдѣ, какъ полагаютъ, онѣ и понынѣ еще существуютъ. Эти маленькія славянскія республики извѣстны были подъ именемъ „каменьщиковъ“. Помилованные въ 1791 каменьщики, поселившіеся въ долинѣ рѣки Бухтармы, гдѣ они живутъ въ наибольшемъ числѣ, должны были покориться власти русскаго правительства; они выстроили себѣ, по правильному плану, деревни, гдѣ и дають примѣръ честной, трезвой и трудолюбивой жизни, но еще въ 1862 году человѣкъ пятьдесятъ изъ этихъ каменьщиковъ покинули край и отправились розыскивать таинственную „Бѣлую воду“, которая, можетъ быть, есть ничто иное, какъ озеро Лобъ-Норъ, и на берегу которой будто-бы находится „колонія счастливыхъ русскихъ, не знающихъ надъ собой никакой власти, не платящихъ податей и неопасающихся посѣщенія поповъ“ [1]). Г. Пржевальскій во время своихъ путешествій тоже слышалъ разсказы о существованіи этой вольной общины

Извѣстно, что въ прежнее время Алтайскій край имѣлъ важное значеніе для Россіи единственно своими богатыми рудниками, которые всѣ безъ исключенія были открыты на мѣстѣ старинныхъ копей, приписываемыхъ народу Чудь [2]). Съ начала восемнадцатаго столѣтія русскіе принялись за промываніе песка изъ ручьевъ въ „Золотыхъ горахъ“. Въ 1723 году Акинфій Демидовъ присоединилъ къ своимъ западнымъ, то есть уральскимъ горнымъ промысламъ металлоносную территорію Алтая, и два года спустя онъ основалъ первый въ странѣ плавильный заводъ. Въ 1836 году открыли въ Змѣиногорскѣ богатѣйшія мѣсторожденія серебросной свинцовой руды, которыя доставили славу горнозаводской области Алтая, и которыя были самые производительные рудники въ свѣтѣ въ теченіе второй половины восемнадцатаго столѣтія. Въ періодъ съ 1745 по 1860 годъ на Алтайскихъ рудникахъ было добыто въ общей сложности: серебра около 136,400 пудовъ, цѣнностью на 62.500,000 метал. руб.; золота около 900 пудовъ, цѣнностью на 12.500,000 метал. рубл. Въ 1747 году громадная территорія сибирскихъ горъ между Иртышемъ и Енисеемъ, исчисляемая въ 387,000 квадр. верстъ, увеличила собою удѣльныя имѣнія, и доходы отъ всѣхъ Алтайскихъ рудниковъ стали поступать въ кассу Императорскаго кабинета. Нѣмецкіе рудокопы, приглашенные на Алтай русскимъ правительствомъ съ половины восемнадцатаго столѣтія, были учителями удѣльныхъ крестьянъ въ дѣлѣ обработки рудъ и устройства подземныхъ галлерей. Эти переселенцы съ теченіемъ времени совершенно слились съ славянскимъ населеніемъ; только иногда встрѣтишь, между нынѣшними жителями, лица, напоминающія типъ ру-

[1]) *Потанинъ* „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6;—Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи *Карла Риттера.*

[2]) *Ledebour*, Reise durch das Altai-Gebirge.

докоповъ съ саксонскихъ Рудныхъ горъ; различныя нѣмецкія техническія выраженія до сихъ поръ сохранились въ языкѣ мѣстнаго горнозаводскаго населенія.

На китайскомъ склонѣ Золотыя горы не разработываются; не существуетъ также рудниковъ и въ восточной области Алтая: это, безъ сомнѣнія, происходитъ не только оттого, что эта часть горной цѣпи вообще менѣе извѣстна и менѣе населена, но также и оттого, что кристаллическія каменныя породы тамъ менѣе многочисленны. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть рудныхъ мѣсторожденій Алтая, на западѣ и на сѣверѣ этой системы, находятся въ палеозойскихъ формаціяхъ, залегающихъ въ сосѣдствѣ съ гранитами, порфирами, діоритами, серпентинами. Металлоносныя жилы Алтая дѣлятся главнымъ образомъ на двѣ категоріи рудниковъ—серебряные и мѣдные; они содержатъ также золото, свинецъ, цинкъ, желѣзо, а въ одномъ изъ нихъ встрѣчается сверхъ того металлъ теллурій въ соединеніи съ серебромъ и свинцомъ. Въ настоящее время эксплуатація этихъ рудниковъ ограничивается добываніемъ серебра, золота, мѣди, никкеля и желѣза. Въ 1876 году добыча на Алтайскихъ рудникахъ представляла, по Скальковскому [1]), слѣдующія цифры:

Серебра	617 пуд.	Никкеля	250 пуд.
Золота	64 „	Чугуна и желѣза	42,250 „
Мѣди	38,727 „		

Общая цѣнность . . . . . 2.000,000 руб.

Издержки добыванія рудъ, недостигавшія и половины общихъ расходовъ по содержанію рудниковъ до 1861 года, то-есть до отмѣны крѣпостной зависимости, увеличиваются изъ года въ годъ съ тѣхъ поръ, какъ трудъ рабочихъ оплачивается, и во многихъ мѣстахъ пришлось покинуть рудники, чтобы избавиться отъ необходимости копать землю на слишкомъ большихъ глубинахъ; между тѣмъ какъ относительная цѣнность металла постоянно понижалась, издержки производства возрастали вслѣдствіе того, что необходимо было предпринимать дорогостоющія работы по извлеченію руды на поверхность, по предупрежденію обваловъ внутри рудниковъ, по осушкѣ и провѣтриванію шахтъ, работы, которыми не имѣли надобности заниматься первые рудокопы. Весьма вѣроятно, что важное экономическое значеніе Алтая, какъ области горныхъ промысловъ, будетъ постепенно уменьшаться, по крайней мѣрѣ до той поры, пока залежи угля, находящіеся въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Томи, близъ города Кузнецка, не сдѣлаются предметомъ серьезной эксплуатаціи, и пока не будетъ устроена желѣзная дорога, по которой-бы это минеральное топливо могло быть удобно доставляемо на горные заводы. Отнынѣ земледѣліе и скотоводство составляютъ главные источники богатства

[1]) „Горный Журналъ“ за май 1878 г.

для Алтайскаго края; свободная промышленность, не поддерживаемая вспомоществованіями правительства, не можетъ развиться пока населеніе будетъ такъ разсѣяно и малолюдно, какимъ мы находимъ его въ настоящее время, и пока не будутъ созданы удобныя сообщенія изъ долины въ долину. Только въ 1804 году въ первый разъ воспользовались теченіемъ Иртыша для отправки металла въ Россію; но судно 32 тонны вмѣстимости, спускающееся въ одинъ день отъ порта рудниковъ, называемаго Верхней Пристанью, до города Усть-Каменогорска, не можетъ подняться обратно вверхъ по рѣкѣ, на этомъ пространствѣ около 130 верстъ, менѣе, какъ въ три дня, а иногда, и довольно часто, это плаваніе продолжается болѣе недѣли: такимъ образомъ, впродолженіе періода судоходства одно судно сдѣлаетъ много-много что девять или десять оборотовъ. На сѣверной окраинѣ Алтая, между нижними долинами и степной областью, сообщенія сухимъ путемъ, разумѣется, очень удобны, но не безопасно пускаться въ дорогу съ той стороны горъ, гдѣ тропинки теряются среди дикихъ скалъ и снѣговъ и гдѣ кочующіе туземцы появляются со своими стадами только во время лѣтняго сезона. Такъ называемая „дорога“, ведущая изъ Бійска въ Кобдо черезъ долину рѣки Чу и Суокскій или „Холодный“ перевалъ, есть самая важная изъ всѣхъ дорогъ, соединяющихъ Обскій бассейнъ съ Монголіей, а между тѣмъ послѣдній постоянный постъ русскихъ на этомъ историческомъ пути, Угодай, представляетъ жалкую деревушку, состоящую изъ какихъ-нибудь двадцати лачугъ, которая лежитъ въ 240 верстахъ отъ порога гребня Только лѣтомъ русскіе занимаютъ небольшой лагерь въ верхней долинѣ Чу, у подножія перевала; но на зиму они покидаютъ эту стоянку, отдавая ее подъ присмотръ калмыковъ [1]).

Пространство и населеніе трехъ округовъ Алтайскаго края суть:

	Площадь.	Населеніе (вѣроятное въ 1880 г.).	На 1 кв. верстѣ.
Барнаульскій .	110,200 кв. верстъ	200,000 жит.	1,8 жит.
Бійскій . . .	164,600 „ „	200,000 „	1,2 „
Кузнецкій . .	78,500 „ „	100,000 „	1,2 „
Вмѣстѣ .	353,300 кв. верст.	500,000 жит.	1,1 жит.

Хотя область Алтайскихъ горъ очень слабо населена, даже въ сосѣдствѣ рудниковъ и горныхъ заводовъ, однако русскіе города, мѣстечки и деревни относительно довольно многолюдны: населеніе, которое отличается своимъ духомъ общительности, соединилось въ небольшое число группъ. Столица всѣхъ русскихъ поселеній на Алтаѣ, Барнаулъ, городъ, построенный въ равнинѣ, куда часто спускаются горцы, есть одинъ изъ

[1]) *Ney Elias*, Journal of the Geographical Society of London, 1873.

самыхъ веселыхъ городовъ Сибири,—даже самый пріятный, какъ говорятъ нѣкоторые путешественники, и въ то-же время одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ благосостояніемъ пользуется наибольшее число жителей и гдѣ матеріальная жизнь наименѣе дорога; въ отношеніи промышленныхъ рессурсовъ Барнаулъ уступаетъ только Иркутску во всей обширной странѣ на востокъ отъ Уральскихъ провинцій, а черезъ отправку драгоцѣннаго металла въ Петербургъ, онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ столицей Имперіи. Барнаулъ, одинъ изъ старинныхъ городовъ Сибири, былъ какъ показываетъ самое названіе его, простой киргизскій аулъ, когда Демидовъ основалъ тамъ свое горнозаводское селеніе, на лѣвомъ берегу Оби; съ 1771 года онъ сдѣлался главнымъ городомъ всего Алтайскаго горнаго округа и мѣстопребываніемъ горнаго правленія. Большой плавильный заводъ, принадлежащій Императорскому кабинету, построенъ на плотинѣ, удерживающей воды рѣки Барнаулки выше соединенія ея съ Обью; но работы на этомъ заводѣ часто прерываются съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельность рудокоповъ уменьшилась. Однако, въ Барнаулѣ существуютъ также вольныя промышленныя заведенія: кожевенные и сыромятные заводы, фабрика охотничьихъ пуль, заводъ, на которомъ обработывается сода, добываемая изъ сосѣдняго озера. Кромѣ того, въ этомъ городѣ имѣется метеорологическая и магнитная обсерваторія, а также публичный музей естественной исторіи и древностей, замѣчательный въ особенности своей богатой минералогической коллекціей и остатками рудокопной промышленности древняго народа Чудь. Между горными заводами Барнаульскаго округа, первое мѣсто занимаетъ Суксунскій мѣдноплавильный заводъ, расположенный на сѣверо-западѣ, при небольшомъ притокѣ Оби. Значительныя лѣсныя богатства окрестной страны заставили избрать это мѣсто центромъ обработки мѣдныхъ рудъ, которыя привозятся сюда даже изъ отдаленныхъ рудниковъ, находящихся за нѣсколько сотъ верстъ. Въ настоящее время годовая добыча мѣди на Сузунскомъ заводѣ составляетъ около 33,000 пудовъ, цѣнностью на 250,000 рублей.

Городъ Змѣиногорскъ (получившій это названіе отъ „Змѣиной горы“, на которой онъ стоитъ), который нѣкогда былъ соперникомъ Барнаула по количеству населенія и важности промысловъ, теперь пришелъ въ упадокъ; во времена наибольшаго своего процвѣтанія онъ имѣлъ до 20,000 жителей, втрое больше, чѣмъ въ наши дни. Построенный на высотѣ около 1,000 футовъ, на скатахъ голаго, лишеннаго растительности холма, надъ рѣчкой Корбалихой, воды которой утекаютъ въ рѣку Алей, западный притокъ Оби, Змѣиногорскъ, болѣе извѣстный въ краѣ подъ сокращеннымъ именемъ Змѣева, былъ долгое время горнозаводскимъ средоточіемъ Алтая. Около половины всего серебра, извлекаемаго изъ металлоносныхъ жилъ Алтайскаго округа до половины девятнадцатаго столѣтія, получалось изъ змѣиногорскихъ подземныхъ галлерей, которыя та-

кимъ образомъ доставили правительству драгоцѣннаго металла на сумму свыше пятидесяти милліоновъ метал. рублей [1]). Огромныя глубокія ямы, образовавшіяся вслѣдствіе обвала кровель рудниковъ, открываются тамъ и сямъ надъ старыми раскопками и выработками, воды наполняютъ шахты до половины высоты. Можно было-бы, при помощи туннелей, удалить воду изъ подземныхъ галлерей и привести ихъ въ сообщеніе однѣ съ другими, принявшись за эксплоатацію новыхъ, еще не тронутыхъ жилъ [2]); но правительство отступило передъ громадностью потребныхъ для осуществленія этого предпріятія издержекъ, которыя, можетъ быть, не покрылись-бы будущими доходами, и съ 1869 года галлереи Змѣиногорска окончательно покинуты; тѣмъ не менѣе, рудокопы продолжаютъ разрабатывать кучи вынутой земли, отброшенныя прежде какъ слишкомъ бѣдныя металломъ, но еще достаточно богатыя, чтобы оплатить трудъ рабочаго. Теперь Змѣиногорскъ удерживаетъ еще за собой нѣкоторую важность въ горнозаводской промышленности края только благодаря своему большому плавильному заводу, гдѣ обрабатываются руды, привозимыя изъ горныхъ станцій, лежащихъ далѣе на югѣ, въ верхнихъ долинахъ Алтая. По всей вѣроятности Змѣиногорскъ постепенно утратитъ свое значеніе между городами этой области, такъ какъ, за исключеніемъ его подземныхъ минеральныхъ богатствъ, онъ не имѣетъ никакихъ рессурсовъ, никакихъ спеціальныхъ выгодъ, которыя могли-бы привлекать къ нему переселенцевъ или иногородныхъ купцовъ. Окружающіе холмы и долины, бѣдныя растительностью, представляютъ дикій и пустынный видъ; юго-западные вѣтры дуютъ страшными бурями на террасѣ, гдѣ раскиданы дома жителей; естественныя дороги, посредствомъ которыхъ производится сообщеніе между долиной Иртыша и долиной Оби, оставляютъ городъ въ сторонѣ. „Змѣиная гора“ до сихъ поръ заслуживаетъ данное ей прозвище: въ нѣсколько часовъ охоты тамъ можно легко поймать гадюкъ, тригоноцефаловъ (halys) и другихъ ядовитыхъ змѣй [3]).

Въ настоящее время самое дѣятельное горнозаводское селеніе или мѣстечко—Зыряновскъ, лежащій въ самомъ сердцѣ Алтая, у подошвы „Орлиной горы“, въ долинѣ нездоровой и безлѣсной, несмотря на имя протекающей на днѣ ея рѣчки Березовки, восточнаго подъ-притока Иртыша, съ которымъ она соединяется черезъ рѣку Бухтарму. До сихъ поръ Зыряновскъ доставлялъ почти четвертую часть всего серебра, добываемаго на Алтайскихъ рудникахъ; въ періодъ съ 1796 по 1854 годъ на Зыряновскихъ рудникахъ въ сложности было получено:

Серебра . . .	25,051 пудъ.	Цѣнность:	21.860,090 руб.
Свинца. . . .	619,248 „	„	2.162,000 „

[1]) *Субботинъ*, Курсъ политической экономіи.
[2]) *Bernhard von Cotta*, Altai.
[3]) *Finsh*, Reise nach Ost-Sibirien.

Кромѣ того, Зыряновскъ, вмѣстѣ съ деревней Бухтарминскомъ, есть самое важное мѣсто на Алтаѣ по размѣрамъ пчеловодства. Риддерскъ, названный такъ по имени горнаго инженера Риддера, который первый изслѣдовалъ здѣсь мѣсторожденія сереброносной свинцовой руды, находится на половинѣ дороги изъ Змѣиногорска въ Зыряновскъ, въ области истоковъ рѣкъ Ульбы и Убы.

Добыча на Риддерскомъ рудникѣ въ періодъ съ 1783 по 1854 годъ, по Гернгроссу и Семенову, была:

Серебра . . .	2,180 пуд.	Цѣнность:	1.960,600 руб.
Свинца . . .	1.753,140 „	„	6.131,200 „

Добыча на рудникахъ всей группы, съ 1783 до 1818 года, по Ледебуру:

Серебра . . .	3,920 пуд.	Цѣнность:	3.484,600 руб.
Свинца . . .	1.926,660 „	„	6.850,300 „

Риддерскъ, даже не считая шахтъ, находящихся въ ближайшихъ его окрестностяхъ, есть самый важный изъ алтайскихъ рудниковъ по производству свинца. Недалеко отъ этого горнозаводскаго селенія возвышается Ивановская Бѣлка, гранитная вершина безъ малаго въ двѣ версты вышиной; изъ всѣхъ Алтайскихъ горъ на эту Бѣлку всего чаще предпринимаются восхожденія. Локтевскій заводъ, названный такъ потому, что онъ находится на главномъ изгибѣ или излучинѣ рѣки Алей, къ западу отъ Змѣиногорска, есть весьма значительное горное заведеніе, гдѣ прежде работали одновременно до 1,200 вольныхъ рудокоповъ и мастеровъ и болѣе 27,000 удѣльныхъ горнозаводскихъ крестьянъ, и которое владѣетъ огромной лѣсной дачей, занимающей площадь въ 625,000 десятинъ; около 1860 года локтевскіе рудники давали, среднимъ числомъ до 300 пудовъ серебра и до 14,000 пудовъ свинца. На югѣ отъ Локтевскаго завода возвышаются горы очень богатыя мѣдной рудой, которымъ мѣстные жители дали прозвище Золотарскихъ по одному могильному кургану, гдѣ были найдены различныя золотыя украшенія, любопытной работы, вѣсившія вмѣстѣ болѣе 60 фунтовъ.

Въ долинѣ рѣки Убы и въ разныхъ мѣстахъ по близости Иртыша существуютъ другіе рудники, также снабжающіе своими продуктами змѣиногорскій плавильный заводъ; наконецъ, на сѣверо-востокѣ отъ Барнаула, между Обью и Томью, находятся вокругъ Салаира, многочисленныя мѣсторожденія серебряной руды, ежегодная добыча которой составляетъ по цѣнности около 50,000 металл. рублей. Каменный уголь и желѣзная руда въ Кузнецкомъ округѣ, по рѣкѣ Томи, мало эксплуатируются и даютъ едва нѣсколько тысячъ тоннъ въ годъ; но, кромѣ своихъ металлоносныхъ жилъ, Алтай содержитъ цѣнныя горныя породы, и нѣкоторыя изъ этихъ породъ разрабатываются для правительства въ колыванскомъ заводѣ (гранильная фабрика, приготовляющая издѣлія для

двора), лежащая верстахъ въ 30 къ сѣверо-востоку отъ Змѣиногорска. Окрестности Колывани пріобрѣли извѣстность въ наукѣ, благодаря описаніямъ геологовъ. Можетъ быть, нигдѣ во всемъ свѣтѣ не увидишь гранитныхъ скалъ разсыпавшихся въ болѣе причудливомъ безпорядкѣ [1]): взорамъ путешественника представляются пирамиды, колонны, обелиски, наклонные, нависшіе столбы, руины всевозможныхъ формъ и размѣровъ, въ одномъ мѣстѣ образующія ряды горизонтальныхъ и правильныхъ каменныхъ глыбъ, въ другомъ—поднимающіяся въ видѣ громадныхъ монолитовъ въ нѣсколько сотъ метровъ вышиною; деревья всякой породы, сосны съ темно-зеленой листвой и веселыя, кудрявыя березы растутъ среди разнообразныхъ скалъ, прикрѣпляютъ свои корни между камней, покрываютъ своей густой тѣнью даже высокіе утесы. Посреди этой живописной области гранитовъ въ развалинахъ разстилается глубокое и прозрачное озеро, около 8 верстъ въ окружности, въ зеркальной поверхности котораго отражаются фигуры деревьевъ и обрушивающихся скалъ. Крупные известковые бока долины Чараша, притока Оби, въ который изливаются воды рѣки Колыванъ, изрыты многочисленными пещерами, гдѣ находятся въ большомъ количествѣ кости исчезнувшихъ животныхъ, рядомъ съ костями видовъ еще существующихъ [2]). Колыванскія горныя породы иногда доставляютъ шлифовальнымъ мастерскимъ великолѣпныя каменныя глыбы, въ особенности яшмы, коричневыя и дымчатыя, мраморы, кварцы, порфиры, серпентины. Какъ въ большей части заводовъ, принадлежащихъ казнѣ, расходы по обдѣлкѣ этихъ цѣнныхъ камней далеко превосходятъ доходы: иная порфировая или яшмовая ваза, надъ которой цѣлые годы трудились десятковъ пять мастеровъ, и которая стоила не менѣе 20,000 рублей, на одно только жалованье рабочимъ, должна быть перевозима сотнями людей на саняхъ особеннаго устройства, прежде чѣмъ достигнетъ рѣчныхъ путей, по которымъ ее можно направить къ Петербургу, за пять тысячъ верстъ отъ мѣста ея происхожденія [3])

Главнымъ рынкомъ для верхнихъ восточныхъ долинъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ служитъ городъ Бійскъ, построенный на высокомъ правомъ берегу Біи, недалеко отъ сліянія ея съ Катунью, главной рѣкой Оби; окрестные татары называютъ ее Яшъ-тура, то-есть „Новымъ городомъ“. Слѣдовательно, Бійскъ занимаетъ очень выгодное положеніе, чтобы вести торговлю, съ одной стороны, съ Барнауломъ и степью, съ другой—съ долинами Алтая и, черезъ Суокскій перевалъ, съ Монголіей. Періодъ обогащенія для бійскихъ купцовъ былъ для жителей окружающей страны эпохой опустошенія и всеобщаго раззоренія. Подъ предлогомъ взысканія

[1]) *Ледебуръ; Ренованцъ; Розе; Гельмерсенъ; Финшъ.*

[2]) *Семеновъ* и *Потанинъ*, цитиров. сочиненіе.

[3]) *Finsh*, Reise nach West-Sibirien.

какихъ-то долговъ съ туземцевъ, купцы приступали къ описи и захвату въ свое владѣніе всего ихъ скота; нѣкоторые спекулянты этого рода вдругъ оказались владѣльцами тысячи, а то и двухъ тысячъ лошадей, да нѣсколькихъ сотъ верблюдовъ и быковъ. Но, разумѣется, при такихъ порядкахъ край скоро былъ раззоренъ въ конецъ, и когда не осталось болѣе несчастныхъ, которыхъ можно-бы было обирать, доходы кулаковъ стали быстро уменьшаться [1]). Каждый годъ бійскіе купцы съѣзжаются съ китайскими торговцами въ одномъ становищѣ, расположенномъ среди болотъ въ степи по рѣкѣ Чу, гдѣ китайцы продаютъ главнымъ образомъ шкуры пушныхъ звѣрей, рогатый скотъ и лошадей. Съ той поры, какъ Кашгарія утратила свою независимость, движеніе этой мѣновой торговли сильно уменьшилось; въ 1865 году обороты ея простирались на сумму около 200,000 рублей [2]).

Кузнецкъ или „Городъ кузнецовъ", лежащій въ верхнемъ бассейнѣ Томи, противъ впаденія въ нее рѣки Кондоры, мало по малу утратилъ свою важность. Названный такъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія русскими казаками, нашедшими тамъ туземныхъ кузнецовъ, Кузнецкъ сдѣлался важнымъ торговымъ центромъ въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго вѣка; въ ту эпоху въ немъ насчитывалось болѣе 3,000 жителей, но впослѣдствіи онъ пришелъ въ упадокъ, такъ что населеніе его убавилось наполовину, и только въ новѣйшее время, какъ административный центръ округа и мѣстопребываніе чиновниковъ, онъ опять пріобрѣлъ значеніе равное тому, какое имѣлъ сто лѣтъ назадъ. Промышленность Кузнецка попрежнему состоитъ въ производствѣ слесарныхъ и разныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Площадь кузнецкаго каменноугольнаго бассейна, которымъ пока еще не пользуются для промышленныхъ цѣлей, исчисляется приблизительно въ 4,500 квадр. верстъ.

Большіе охотники до путешествій, любители перемѣны и увеселеній, русскіе купцы и чиновники, живущіе въ городахъ равнины, у подножія Алтайскихъ горъ, не могли обойтись безъ того, чтобы не основать въ очаровательныхъ верхнихъ долинахъ станцій для лѣтняго отдыха и сельскихъ удовольствій. Самый важный изъ этихъ лѣтнихъ городовъ—Алтайская станица (у калмыковъ „Котонъ-карагай"), основанная въ 1871 году въ верхней долинѣ рѣки Бухтармы, на высотѣ 3,480 футовъ; не смотря на возвышенное положеніе мѣстности, тамъ еще воздѣлываютъ пшеницу, ленъ, коноплю; въ другихъ мѣстахъ, овесъ и ячмень даютъ урожаи до высоты слишкомъ 4,000 футовъ.

Главные города въ округахъ Алтайскаго края (въ 1873 году) суть:

---

[1]) *Потанинъ*, „Древняя и Новая Россія", 1879 г., № 6.

[2]) *Потанинъ*, Дополненіе къ Землевладѣнію Азіи Карла Риттера.

Барнаулъ	13,325 жит.	Зыряновскъ	4,500 жит.
Бійскъ	6,350 „	Кузнецкъ.	3,250 „
Змѣиногорскъ	6,000 „	Салаиръ	3,000 „
Сузунскій заводъ . .	5,400 „	Риддерскъ	2,500 „
Локтевскій заводъ . .	5,000 „		

III.

БАССЕЙНЪ ОБИ.

ОБЛАСТИ: АКМОЛИНСКАЯ, СЕМИПАЛАТИНСКАЯ, ГУБЕРНІИ: ТОМСКАЯ, ТОБОЛЬСКАЯ, ВОСТОЧНЫЕ УѢЗДЫ ГУБЕРНІЙ ПЕРМСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ.

Громадная обская система, заключающая болѣе трехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, занимаетъ всю западную часть Сибири, половину Киргизской степи, и распространяется даже, на югъ отъ Алтайскихъ горъ, въ предѣлы китайской территоріи. Но вся эта обширная страна, въ семь разъ превосходящая пространствомъ Францію, представляетъ еще, въ сѣверной своей части, сплошную мерзлую пустыню; населеніе сгруппировалось на азіатской покатости Уральскаго хребта и въ центральномъ поясѣ бассейна, между южными степями и сѣверными тундрами, и относительная важность его такъ незначительна, что, будучи распредѣлено равномѣрно по всей области Оби, число жителей составитъ немногимъ болѣе одного человѣка на квадратную версту.

Пространство и населеніе обскаго бассейна суть:

	Пространство.	Населеніе въ 1873 г.	На 1 кв. версту.
Тобольская губернія . .	1.212,442 кв. верстъ.	1.088,850 жит.	0,8 жит.
Томская „ . .	749,911 „ „	838,750 „	1,1 „
Семипалатинская область .	429,152 „ „	510,160 „	1,1 „
Азіатская часть губерній Пермской и Оренбургск.	133,950 „ „	1.350,000 „	10 „
Обская покатость въ областяхъ Тургайской и Акмолинской	603,677 „ „	321,830 „	0,5 „
Ачинскій округъ (Енисейской губерніи) . . .	51,251 „ „	70,810 „	1,3 „
Бассейнъ Чернаго Иртыша, въ Монголіи. . .	88,000(?)„ „	100,000(?)„	1,1 „
Всего. . . .	3.268,383 кв. верстъ.	4.280,400 жит.	1,3 жит.

ДОЛИНА БУХТАРМЫ.

Воды, спускающіяся къ Ледовитому океану черезъ теченіе Оби, только въ незначительной части вытекаютъ изъ возвышенныхъ снѣжныхъ долинъ. На востокѣ водораздѣльная линія между системами Оби и Енисея во многихъ мѣстахъ совершенно нечувствительна; тундра изливаетъ свои поверхностныя воды въ ту и другую сторону, такъ что невозможно примѣтить порогъ, разграничивающій двѣ водныя области; даже болота занимаютъ промежуточный поясъ, и, смотря по направленію вѣтровъ или мѣстному обилію дождей, способствуютъ питанію то одной, то другой изъ этихъ двухъ рѣкъ. На югѣ возвышенія почвы, даже настоящіе холмы, обозначаютъ, правда, хотя и не вездѣ правильно, раздѣльный порогъ между бассейномъ Оби и арало-каспійской покатостью; но этотъ водораздѣлъ во многихъ мѣстахъ прерывается, и тамъ тоже находятся болота, для которыхъ достаточно было самыхъ легкихъ колебаній земной поверхности, чтобы заставить ихъ изливать свои воды то къ сѣверу, то къ югу. Гидрографическая область Оби совершенно опредѣленно отграничена только съ западной стороны цѣпью Уральскихъ горъ, и съ юго-восточной горными массами и плоскогорьями Алтая: въ этихъ-то сибирскихъ горахъ, прилегающихъ къ китайской границѣ, находится единственный ледникъ Обскаго бассейна, ледникъ Бѣлухи.

Главной вѣтвью рѣки, систему которой мы здѣсь разсматриваемъ, можно считать не Обь, спускающуюся съ русскаго Алтая, а Иртышъ, питаемый водами китайскаго Алтая. Да и самъ Иртышъ,—или вѣрнѣе „Эрчисъ“, ибо таково его монгольское названіе,—вытекающій изъ снѣжныхъ долинъ западнаго ската Алтайскихъ горъ, въ дѣйствительности есть лишь притокъ другой рѣки, частію подземной, которая беретъ начало на самомъ плоскогорьи Кобдо, и, обойдя выступъ горъ на югѣ, направляется на сѣверо-западъ, мало наклоннымъ теченіемъ, къ большому озеру Улюнгуръ, одному изъ самыхъ обширныхъ озеръ Азіи. Небольшая цѣпь высотъ поднимается между восточнымъ берегомъ озера Улюнгуръ и ручьемъ, носящимъ названіе Иртыша; но эти высоты постепенно понижаются къ сѣверу, затѣмъ исчезаютъ совершенно, и близъ одного глинистаго перешейка, гдѣ ручей уже находится отъ озера не далѣе, какъ на разстояніи трехъ верстъ, видно высохшее русло истока или выпускнаго канала, которое, по словамъ кочующихъ въ той мѣстности киргизовъ, наполняется водой каждую весну, во время разливовъ Улюнгура. Подъ этимъ поверхностнымъ ложемъ, безъ сомнѣнія, текутъ скрытыя воды, какъ это доказали сравнительныя наблюденія, сдѣланныя надъ количествомъ протекающей въ Иртышѣ воды выше и ниже порога, гдѣ проходитъ выпускной потокъ, образующійся въ періодъ весенняго разлива. Верстахъ въ двадцати выше порога объемъ протекающей воды равняется 18 кубич. метрамъ въ секунду, тогда какъ ниже, и не принявъ въ себя никакого видимаго притока, рѣка катитъ втрое большее количество воды, именно

59 кубич. метровъ. Откуда могла взяться эта огромная жидкая масса, если не изъ подземнаго притока, который составляетъ продолженіе верхней рѣки Улюнгуръ, выливаясь изъ озера того же имени? На западѣ отъ упомянутаго порога, гдѣ озеро очень глубоко, одинъ маленькій мысъ, омываемый водами бассейна, недавно провалился въ пропасть, и контуры берега, вслѣдствіе этого, значительно измѣнились [1]).

Передъ вступленіемъ на русскую территорію, и даже до принятія большаго притока Кальджиръ, который приноситъ ему излишекъ водъ альпійскаго озера Марка (Марка-куль), бассейна слишкомъ въ 350 квадр. верстъ, лежащаго на высотѣ около 4,480 футовъ, Иртышъ, или „Черный Иртышъ“ (Кара-Иртышъ), который по настоящему слѣдовало бы называть Улюнгуромъ, является уже значительной рѣкой, и воды его настолько глубоки, что небольшія суда могутъ тамъ плавать впродолженіе половины года; средняя глубина его въ этомъ мѣстѣ около 10 футовъ, а ширина измѣняется отъ 50 до 80 саженъ; количество протекающей воды, измѣренное г. Мирошниченко лѣтомъ 1873 года, то-есть въ такое время, когда онъ бываетъ почти въ своемъ среднемъ (меженномъ) уровнѣ, оказалось равнымъ 374 кубич. метрамъ въ секунду: слѣдовательно, онъ катитъ въ этой части своего теченія втрое больше воды, чѣмъ Сена подъ мостами Парижа. По соединенію съ р. Кальджиръ, Иртышъ вступаетъ въ предѣлы русскихъ владѣній, дѣлится на нѣсколько болотистыхъ рукавовъ, и медленнымъ теченіемъ смѣшивается съ водами озера Зайсанъ или Дзайсангъ (Зайсанъ-норъ), водной площади еще болѣе обширной, чѣмъ Улунгуръ. Зайсанъ долгое время считался сибирскими русскими лежащимъ гдѣ-то на краю свѣта. Тобольскій губернаторъ, отправившій въ 1717 году первую экспедицію для открытія и осмотра Зайсанъ-нора, велѣлъ отпереть тюрьмы, чтобы найти въ нихъ сотню отчаянныхъ удальцовъ, которые бы согласились пуститься на это страшное море [2]).

Озеро Зайсанъ, представляющее бассейнъ треугольной формы, удлиненный въ томъ же направленіи, какъ горныя массы Алтая и какъ цѣпь Тарбагатай, то-есть отъ востока-юго-востока къ западо-сѣверо-западу, имѣетъ почти 100 верстъ въ длину, по крайней мѣрѣ въ періодъ разливовъ, ибо берега его почти гездѣ довольно низкіе, и малѣйшее измѣненіе уровня увеличиваетъ или уменьшаетъ поверхность озера въ значительныхъ размѣрахъ. По Шванебаху, среднее его протяженіе около 1,610 квадр. верстъ, слѣдовательно въ три раза превосходитъ поверхность Женевскаго озера, но онъ гораздо менѣе глубокъ; почти вездѣ въ Зайсанѣ лотъ достаетъ дно на глубинѣ отъ 3 до 4 саженъ, и даже въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ не находили болѣе 5 съ половиной саженъ. Оттого

---

[1]) *Мирошниченко*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 1.

[2]) *Великановъ*; *Карлъ Риттеръ* и друг.

вода въ этомъ бассейнѣ, волнуемая вѣтромъ до самой тины, покрывающей ложе, всегда мутная и желтоватая. Зайсанъ не похожъ на альпійское озеро; это скорѣе обширный степной прудъ, хотя сквозь вѣтви растущихъ по берегамъ его тополей, ивъ и осинъ виднѣются на сѣверѣ снѣжныя вершины Алтая, на югѣ тоже бѣлыя верхушки горъ Сауру. Это озеро одно изъ самыхъ богатыхъ рыбой во всемъ свѣтѣ: каждый уловъ, получаемый тамъ киргизами или казаками, кажется баснословнымъ иностраннымъ путешественникамъ. Кромѣ видовъ, находимыхъ также въ озерныхъ водахъ Европы, спеціальная фауна Зайсана заключаетъ, между прочимъ, превосходный видъ лосося, извѣстный въ краѣ подъ именемъ *нельмы*, какъ и другія сибирскія породы изъ лососинаго семейства; карпы этого озера также гораздо лучше соотвѣтственныхъ европейскихъ видовъ: очевидно, они здѣсь живутъ въ своемъ настоящемъ отечествѣ, и европейскіе рыбоводы могли-бы посредствомъ „скрещиваній“ съ зайсанской породой достигнуть усовершенствованія своихъ озерныхъ видовъ [1]). Названіе Зайсанъ-норъ или „Благородное озеро“ было, говорятъ, дано ему, вмѣсто прежняго наименованія Кизальпонъ [2]), благодарными калмыками въ память того, что необыкновенное обиліе рыбы въ озерѣ спасло ихъ отъ голода въ 1650 году. Судя по цифрѣ дохода, получаемаго казною съ мѣстныхъ казаковъ, которымъ предоставлено право лова, количество рыбы, добываемое изъ Зайсана, должно простираться ежегодно до 40,000 пудовъ. Водяная птица садится несмѣтными стаями среди камышей и на песчаныхъ меляхъ. Судоходства на Зайсанѣ не существуетъ; кромѣ какъ для цѣлей рыбной ловли и охоты, на берегахъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить человѣческія жилища. Торговыя сношенія между Семипалатинскомъ и Китаемъ производятся сухимъ путемъ; однако, пароходъ уже поднимался вверхъ по Иртышу въ 1864 году, плавалъ по Зайсану, проникалъ въ Черный Иртышъ и заходилъ даже на китайскую территорію до поста Актюбе, ниже сліянія этой рѣки съ Кальджиромъ; въ 1880 году занимались проэктомъ установленія правильнаго судоходства между Тюменью, Зайсаномъ и Кара-Иртышемъ, на пространствѣ около 4,200 верстъ.

На высотѣ 1,344 футовъ начинается теченіе „Бѣлаго“ Иртыша, выходящаго изъ озера Зайсанъ, не черезъ западную оконечность бассейна, но черезъ одну изъ бухтъ его сѣвернаго берега. Спускаясь пологимъ скатомъ, Бѣлый Иртышъ принимаетъ въ свои мутныя воды прозрачную волну алтайскихъ рѣкъ: Курчума, Нарыма, Бухтармы, но ниже сліянія съ этимъ послѣднимъ притокомъ онъ становится болѣе быстрымъ и вскорѣ вступаетъ въ горное ущелье. Изъ всѣхъ рѣкъ, изливающихъ свои воды въ Обскій бассейнъ, одинъ только Иртышъ беретъ начало на югѣ Алтая и

---

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

[2]) *Müller*, Histoire russe; *Carl Ritter*, Asien.

неровнаго водораздѣльнаго хребта, состоящаго изъ гранита и древнѣйшихъ каменныхъ породъ, который связываетъ эти горы съ системой Тянь-Шань. Иртышу нужно пройти черезъ этотъ естественный валъ, и проломъ, который онъ нашелъ, открывается какъ-разъ черезъ возвышенную горную массу, которую по смѣлости ея формъ и свойству ея каменныхъ породъ можно разсматривать какъ принадлежащую еще къ системѣ Алтая. Ущелье Иртыша одно изъ самыхъ живописныхъ по величественному виду и разнообразію скалъ; во многихъ мѣстахъ крутыя аспидныя горы, господствующія надъ рѣкой, поднимаются вертикально, иныя даже наклонены впередъ за отвѣсную линію, а съ вершины одной изъ нихъ громадная каменная глыба нависла надъ поверхностью потока; полосатыя сланцевыя стѣны увѣнчаны тамъ и сямъ массами изъ табличнаго гранита. Но это дикое ущелье не имѣетъ той красоты, которую даетъ контрастъ зелени съ каменными скалами: на берегахъ рѣки не видно ни лѣсовъ, ни засѣянныхъ полей; только немногочисленные островки представляютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ группы тополей или ивъ; рѣдкій кустарникъ покрываетъ зеленовато-сѣрымъ колоритомъ верхушки утесовъ. Правильность теченія прерывается тамъ и сямъ стремнинами, которыя, впрочемъ, неопасны, такъ что при спускѣ барки могутъ спокойно отдать себя на волю теченія. Боковыя террасы, футовъ на 20, на 30 болѣе возвышенныя, чѣмъ средній уровень нынѣшней рѣки, доказываютъ, что въ предшествовавшую геологическую эпоху Иртышъ протекалъ на болѣе значительной высотѣ, потому-ли что онъ углубилъ свое русло съ того времени, или потому, что онъ катилъ тогда болѣе значительную массу воды.

Ущелье Иртыша широко открывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ построили городъ Усть-Каменогорскъ (названный такъ потому, что онъ лежитъ при устьѣ ущелья), и рѣка, вступивъ въ равнину, принимаетъ свое нормальное направленіе къ сѣверо-западу: высота этого пункта, обозначавшаго прежде полуденную границу обскаго бассейна, исчисляется въ 1,150 футовъ. Ниже Устькаменогорска Иртышъ широко разливается въ своемъ глинистомъ ложѣ и дѣлится на множество рукавовъ, окружающихъ острова, изъ которыхъ иные имѣютъ площадь въ нѣсколько десятковъ или даже больше сотни квадр. верстъ, и которые даютъ прибрежнымъ жителямъ обильные сборы сѣна. Во всемъ своемъ нижнемъ теченіи, отъ алтайскаго ущелья до сліянія съ Обью, Иртышъ соединяется съ тысячью рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; но на протяженіи своего перехода черезъ солончаковыя и мало орошаемыя степи онъ пересталъ получать сотни потоковъ, которые прежде притекали къ нему справа и слѣва, и которые нынѣ теряются въ болотахъ; тамъ и сямъ по берегамъ тянутся ряды подвижныхъ дюнъ и преграждаютъ путь водамъ, текущимъ изъ внутренности земли. Эти песчаные бугры прежде стояли неподвижно, благодаря

сосновымъ лѣсамъ, которыми они были сплошь покрыты; но съ тѣхъ поръ, какъ деревья исчезли, поваленныя топоромъ лѣсорубовъ, горки пришли въ движеніе, и нѣкоторымъ селеніямъ, даже городу Семипалатинску, грозитъ опасность быть засыпанными пескомъ [1]). Здѣсь мы видимъ явленіе подобное тому, которое имѣло мѣсто во французскихъ ландахъ въ средніе вѣка, послѣ истребленія лѣсовъ, которые росли на дюнахъ морскаго прибрежья.

Большая часть пространства, заключающагося между Обью на востокѣ, Иртышемъ на западѣ и Омью на сѣверѣ, извѣстна подъ именемъ Барабинской „степи“, хотя она только въ рѣдкихъ мѣстахъ представляетъ видъ настоящей степи. Правда, это пространство совершенно ровное: выпуклости обширной равнины, которыя русскіе поселенцы величаютъ громкимъ именемъ „горъ“, возвышаются всего только на нѣсколько аршинъ надъ уровнемъ окружающихъ земель, и о существованіи ихъ догадываешься не по ихъ рельефу, а по различію растительности; въ почвѣ нигдѣ не видно ни одного камешка, и туземные жители, знающіе о камняхъ лишь по наслышкѣ, имѣютъ объ нихъ очень смутное понятіе. Въ южныхъ своихъ областяхъ Барабинская степь, если не покрыта, то по крайней мѣрѣ усѣяна хвойными лѣсами; въ другихъ же мѣстахъ лѣсъ состоитъ преимущественно изъ березъ, такъ что эта часть Барабы можетъ быть названа, употребляя выраженіе Миддендорфа, „березовой степью“. Деревья тамъ не скучены въ большіе лѣса, они разсѣяны группами и рощицами, какъ будто художникъ разставилъ ихъ въ живописномъ безпорядкѣ. Разнообразіе пейзажей въ этомъ естественномъ паркѣ безконечно велико, а между тѣмъ единственные элементы этого разнообразія — березки, да луговые травы и цвѣтки. Весной видъ этихъ разбросанныхъ рѣдкихъ лѣсковъ быстро измѣняется отъ дѣйствія паловъ, которые зажигаютъ поселенцы для того, чтобы трава была нѣжнѣе и сочнѣе, и чтобы устранить страшный бичъ — саранчу. Когда день пожара назначенъ, поселяне окрестныхъ деревень оповѣщаются заранѣе, дабы они могли пустить встрѣчные огни и тѣмъ защитить свои нивы отъ широко разливающагося моря пламени. Многочисленныя группы березъ погибаютъ въ этихъ палахъ, и различныя растенія всходятъ на мѣстѣ истребленныхъ огнемъ; но даже въ ту пору, когда эти луговыя пространства являются во всей своей свѣжести, они не похожи на луга западной Европы, они богаты деревянистыми растеніями, неравномѣрнаго роста, и нигдѣ не образуютъ настоящей муравы. Во многихъ луговыхъ мѣстностяхъ Барабы кормовыя травы слишкомъ перемѣшаны съ другими растеніями, чтобы стоило тратить время и трудъ на косьбу ихъ; крапива достигаетъ тамъ такого высокаго роста, что человѣкъ не можетъ достать рукой

[1]) *Von Middendorf*, Die Baraba.

верхнихъ листьевъ; даже всадникъ, сидящій на лошади, исчезаетъ среди этого моря зелени.

Барабинская степь принимаетъ видъ собственно такъ называемыхъ степей лишь въ солончаковыхъ земляхъ, гдѣ безплодная почва производитъ только кое-какіе жесткія рыжеватыя растенія, и на болотистыхъ берегахъ нѣкоторыхъ рѣкъ, которыя разливаются широко черезъ края, какова, напримѣръ, рѣка Омь. Тамъ кое-какія древесныя породы: береза, рябина, бузина, пытаются поддерживать борьбу за существованіе противъ мховъ или камышей, которые лучше приспособляются къ сырости почвы; но эти деревья встрѣчаются густой чащей только на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, появляясь тамъ и сямъ въ видѣ острововъ древесной растительности, на почвѣ совершенно горизонтальной и болѣе ровной, чѣмъ изборожденная волнами поверхность моря. Большая военная дорога Сибири, пересѣкающая Барабу, отъ Омска до Колывани, на протяженіи около 600 верстъ, проходитъ по нѣкоторымъ изъ этихъ болотистыхъ мѣстностей. Но земледѣліе дѣлаетъ мало по малу захваты въ степи. Цѣлыя партіи переселенцевъ изъ губерній воронежской, симбирской и самарской, направляются къ этой „березовой степи“, которая справедливо славится своимъ плодородіемъ, хотя почва тамъ состоитъ только изъ тонкаго слоя чернозема, покрывающаго подпочву изъ разложившихся слюдяныхъ сланцевъ. На востокѣ области березовыхъ лѣсовъ, на берегахъ рѣки Карасукъ, Миддендорфъ нашелъ одну деревню, по имени Кочки, гдѣ общее благосостояніе развилось такъ быстро, что всѣ хлѣбопашцы—примѣръ почти единственный—объявили себя довольными своимъ положеніемъ. Но нельзя того же сказать о поселенцахъ, живущихъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Барабинской степи. Колоніи русскихъ крестьянъ, пытавшіяся было селиться въ этихъ мѣстностяхъ, были прогнаны оттуда мошкарой. Комары, мошки и другія насѣкомыя этого рода составляютъ истинный бичъ края, и жители стараются предохранить себя отъ этихъ мучителей при помощи капюшоновъ, снабженныхъ маской изъ конскаго волоса[1]). Въ этой части южной Сибири, также какъ и въ сѣверныхъ тундрахъ, принуждены зажигать большіе костры изъ коровьяго кала и навоза (дымокуры), для того, чтобы животныя могли пастись и немного охранить себя отъ мучительной мошкары, подъ защитой густаго дыма.

Съ половины настоящаго столѣтія Бараба въ значительной степени утратила свою сырость, и нѣкоторыя мѣстности этой равнины начинаютъ уже страдать отъ засухи; многочисленныя болота и озера исчезли[2]); однако, обширныя водныя площади и теперь еще занимаютъ лощины Барабинской степи, но это все мелководныя озера, гладкое ложе которыхъ

---

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Ядринцевъ*, Отчетъ Русскаго Географическаго Общества, 1878 г.

продолжаетъ подъ поверхностью водъ нечувствительную покатость равнинъ. Самые высокіе берега не достигаютъ даже 20 футовъ высоты надъ озернымъ уровнемъ, да и то нужно проѣхать сотни верстъ, прежде чѣмъ встрѣтить одинъ изъ этихъ возвышенныхъ береговъ, образовавшихся путемъ размыва. Озеро Чаны, самое обширное водовмѣстилище въ Барабинской степи, простирающееся на пространствѣ 2,800 квадр. верстъ, не имѣетъ даже 25 футовъ глубины въ самыхъ впалыхъ мѣстахъ; во время путешествія по Сибири Палласа оно было очень богато рыбой, теперь же въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ рыбы. Озеро Сартламъ, гораздо менѣе обширное, чѣмъ Чаны, хотя туземцы и его также называютъ „моремъ“, есть самый глубокій изъ озерныхъ бассейновъ Барабы, но и въ немъ лотъ достаетъ дно уже на глубинѣ 30 или 31 фута. Осматривая эти степныя сибирскія озера безъ глубокихъ впадинъ, безъ крутыхъ скалистыхъ береговъ, безъ плоскихъ песчаныхъ и гальковыхъ береговъ, безъ мореновыхъ плотинъ, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что они имѣютъ форму подобную формѣ озеръ Швеціи и Финляндіи съ ихъ длинными *азарами:* такъ, все озеро Чаны раздѣлено на второстепенные бассейны длинными параллельными полуостровами, изъ которыхъ многіе, въ свою очередь, подраздѣляются на конечныя вѣтви похожія на клешни. Острова озера Чаны всѣ расположены по одному направленію, именно отъ сѣверо-востока къ юго-западу, и маленькія озера, окаймляющія берегъ, вытянулись въ томъ же направленіи. Въ различныхъ частяхъ обширнаго резервуара озерныя аллеи, раздѣляющія полуострова и сообщающіяся одна съ другой посредствомъ узкихъ проходовъ, образуютъ настоящій лабиринтъ каналовъ, гдѣ барки могли-бы плавать по цѣлымъ днямъ, не находя выхода къ собственно такъ называемому озеру. Рѣки, изливающіяся въ Чаны, тоже текутъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу; окрестныя болота тянутся по линіи той же оси; мало возвышенные хребты страны, служащіе водораздѣльной линіей между рѣчными бассейнами, слѣдуютъ въ томъ же самомъ направленіи. Какая геологическая причина этого прямолинейнаго и параллельнаго образованія всѣхъ физическихъ чертъ Барабинской степи, находящейся далеко отъ области ледниковъ? Какой дѣятель могъ такъ избороздить почву и окаймить ее бахромой изъ правильныхъ полуострововъ? Слѣдуетъ-ли видѣть, вмѣстѣ съ Миддендорфомъ [1]), въ этомъ образованіи дѣйствіе большаго морскаго теченія, которое нѣкогда направлялось къ Аральскому морю? Или, можетъ быть, льды Алтая, даже льды Урала спустились до этихъ равнинъ, гдѣ соединились въ большія движущіяся площади, избороздившія почву параллельными глетчерными полосами, совершенно подобными тѣмъ, какія наблюдаютъ

[1]) *Die Baraba*, Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, tome XIV, № 9, 1870 г.

въ Финляндіи и въ губерніяхъ олонецкой и архангельской? Слой разсыпавшихся слюдяныхъ сланцевъ, покрывающій Барабинскую степь, образовалъ ли точно такую же глетчерную глину, какую мы находимъ на сѣверѣ Россіи [1])? Наконецъ, направленіе господствующихъ вѣтровъ, дующихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, параллельно изборожденіямъ Барабы, имѣли ли свою долю вліянія въ орьентированіи ручьевъ и рѣкъ, мелей и полуостровныхъ плотинъ изъ песку или глины, полосъ растеній сухопутныхъ и водяныхъ, словомъ— всѣхъ поверхностныхъ физическихъ чертъ страны?

Озеро Чаны, также какъ и большая часть другихъ озерныхъ бассейновъ Барабинской степи, не имѣетъ видимаго истеченія къ Иртышу. Обиліе дождей не вознаграждаетъ убыли воды, происходящей отъ испаренія, и вслѣдствіе того должны были образоваться тамъ и сямъ соляные резервуары. Бассейнъ Чаны, столь обширный, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій столь незначительную глубину и раздѣленный на такое множество второстепенныхъ резервуаровъ параллельными плотинами изъ острововъ и полуострововъ, наполненъ прѣсной водой въ полуденной своей части, куда изливаются рѣки Каргашъ и Чулымъ; въ центральной области вода его сдѣлалась уже солоноватой, и хотя люди и животныя пьютъ ее, она не можетъ быть употребляема для приготовленія чаю; около западной оконечности бассейна вода уже совершенно соленая. Однако, Чаны и другія барабинскія озера должны имѣть подземные истоки къ Иртышу, такъ какъ близъ станицы Желѣзинской, на правомъ берегу этой рѣки, изъ земли бьютъ обильные ключи, которые увеличиваютъ замѣтнымъ образомъ объемъ воды въ Иртышѣ [2]). Нагорный берегъ, у подножія котораго бьютъ струи этихъ естественныхъ фонтановъ, покрываетъ пропасти, куда часто проваливаются обширные куски земли, извергаемые далѣе въ видѣ песку и грязи.

Усиленный притокомъ Омью, Иртышъ описываетъ длинную кривую въ восточномъ направленіи, затѣмъ, повернувъ опять на сѣверо-западъ, идетъ на соединеніе съ водами двухъ могучихъ рѣкъ, Ишима и Тобола. Ишимъ, называемый киргизами Изель, есть самый значительный изъ этихъ притоковъ, по крайней мѣрѣ по развитію его теченія, длину котораго опредѣляютъ въ 1,570 верстъ; многочисленныя опорожненныя озера, уменьшившіяся болота, которыя прежде изливали свои воды въ Ишимъ, свидѣтельствуютъ объ общемъ осушеніи страны. Тоболъ, много уступающій Иртышу по объему жидкой массы, могъ-бы быть, однако, разсматриваемъ какъ главная рѣка всего Обскаго бассейна, ибо общее направленіе его долины совпадаетъ съ направленіемъ, по которому слѣдуютъ ниже тече-

---

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Pallas*, Voyage en diverses parties de l'empire Russe.

ніе Иртыша, затѣмъ теченіе Оби. На всемъ своемъ протяженіи, отъ истоковъ до сліянія съ Иртышемъ, Тоболъ течетъ вдоль восточнаго основанія покатостей, спускающихся отъ Уральскихъ горныхъ цѣпей, и къ нему именно присоединяются важнѣйшіе притоки этого водораздѣльнаго хребта между системами Оби и Волги. Одинъ изъ этихъ притоковъ, рѣка Тура, по которой слѣдовали первые завоеватели Сибири, остался со временъ Ермака главнымъ историческимъ путемъ между Европейской и Азіятской Россіей. Прежде Тоболъ соединялся съ Иртышемъ какъ-разъ противъ высокаго берега, на которомъ расположены зданія верхней части Тобольска, и этому городу грозила опасность обрушиться постепенно, улица за улицей, вмѣстѣ съ обвалами крутаго яра, подтачиваемаго теченіемъ и водоворотами двухъ большихъ рѣкъ. Оборонительныя свайныя и фашинныя сооруженія были уносимы напоромъ воды, и рано или поздно Тобольскъ раздѣлилъ бы участь древней Сибири, построенной также на правомъ, нагорномъ берегу, Иртыша, если-бы сліяніе Тобола и его опасные водовороты не были отведены въ другое мѣсто. Въ 1716 году сибирскій губернаторъ Гагаринъ велѣлъ вырыть каналъ длиною болѣе 3 верстъ (для этой работы были употреблены плѣнные шведы), который перепесъ устье Тобола ниже города и позволилъ защитить съ успѣхомъ противъ размыва основаніе тобольскаго нагорнаго берега.

Верхняя Обь, соединяющаяся съ Иртышемъ почти въ 500 верстахъ ниже Тобольска, можетъ быть названа дочерью Алтая: ея главная вѣтвь, Катунь, то-есть „Царица“,—таково значеніе ея калмыцкаго имени,—беретъ начало изъ льдовъ, покрывающихъ высочайшую вершину Золотыхъ горъ; однако, рѣка получаетъ названіе Оби только при сліяніи Катуни съ другой вѣтвью, Біей, въ 610 верстахъ ниже ледника горы Бѣлухи: по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологистовъ, это наименованіе происходитъ отъ русскаго слова „Обѣ“ (т. е. обѣ рѣки)[1]; но это толкованіе представляется мало вѣроятнымъ, въ виду того факта, что русскіе славяне знали Обь гораздо ранѣе того времени, когда они впервые посѣтили Алтай и два большіе потока, соединяющіеся у Бійска въ одну рѣку. Окончательно выйдя изъ области горъ, Обь спускается по скату, который имѣетъ не болѣе 330 футовъ возвышенія надъ уровнемъ моря, въ мѣстѣ сліянія ея съ Барнаулкой, передъ главнымъ городомъ Алтайскаго горнаго округа. Тамъ она течетъ уже по ровной степи, и многія рѣки, не находящія достаточной покатости и не имѣющія довольно значительнаго количества воды, чтобы вырыть себѣ ложе, останавливаются въ равнинѣ и разливаются въ видѣ озеръ и болотъ. Здѣсь мы наблюдаемъ явленіе подобное тому, какое представляетъ на западѣ, на Иртышской покатости, Барабинская степь. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что въ предъидущую эпоху,

[1]) *Ледебуръ*, Reise durch das Altai-Gebirge.

когда климатъ страны былъ сырѣе, текучія воды, болѣе обильныя, могли пролагать себѣ болѣе правильный путь: иная рѣка, нѣкогда могучая, теперь оставила въ своей долинѣ только ряды маленькихъ озеръ. Многія изъ рѣкъ, направляющихся къ Оби, въ барнаульской области, являются нынѣ, такъ сказать, только намѣченными; но одного дождливаго года было-бы достаточно, чтобы возстановить ихъ теченіе. Каждый годъ онѣ мѣняются въ длинѣ, и истокъ ихъ передвигается вверхъ или внизъ по теченію, смотря по степени сырости временъ года.

Сама Обь должна, по причинѣ своего незначительнаго паденія, принимать во многихъ мѣстахъ озерный характеръ: она извивается нѣсколькими рукавами, образуя многочисленные острова, разливаясь постоянными наводненіями. Средняя ширина ея измѣняется отъ 375 саженъ до 3 верстъ, а въ періодъ весеннихъ разливовъ рѣка имѣетъ не менѣе 40 верстъ въ ширину: около Колывани она превращается тогда въ настоящее море, такъ что нельзя видѣть одновременно обоихъ береговъ. Ниже впаденія рѣкъ Томи и Чулыма, она дѣлится на такое множество вѣтвей, что образуетъ измѣнчивый лабиринтъ потоковъ, занимающій всю равнину. Впродолженіе пяти или шести зимнихъ мѣсяцевъ ледъ, покрывающій низкія воды этой части Оби, дѣлитъ рѣку на безчисленное множество бассейновъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого, въ которыхъ вода, неимѣющая теченія, портится до такой степени, что прибрежные жители не могутъ употреблять ее для питья: такъ образуются временно рѣчныя озера, безъ всякаго сообщенія одно съ другимъ, озера, подобныя степнымъ поверхностнымъ лужамъ, какія оставляютъ послѣ себя обѣдиѣвшія рѣки.

Кеть, которая изливается въ Обь выше Нарыма, не принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ притоковъ этой рѣки: со всѣми своими излучинами, она имѣетъ не болѣе 1,020 верстъ протяженія, что, конечно, очень небольшая длина для сибирской рѣки; но она судоходна почти до самыхъ болотъ, откуда беретъ начало (длина судоходнаго теченія, по Сиденснеру и Вагнеру, около 960 верстъ), и представляетъ лучшій естественный путь сообщенія между системой Оби и системой Енисея. Во время перваго похода казаковъ въ Сибирь, пришельцы держали путь именно по теченію этой рѣки. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія русскіе даже построили двѣ крѣпостцы, одну при устьѣ, другую при исходномъ пунктѣ рѣчнаго судоходства, чтобы поставить свои склады шкурокъ пушныхъ звѣрей въ безопасность отъ нападеній туземцевъ. Между постомъ на верхней Кети и теченіемъ Енисея, ниже города Енисейска, остается волокъ менѣе, чѣмъ въ 100 верстъ [1]): это единственный пробѣлъ, который представляется въ обширной сѣти водяныхъ путей, заключающейся между уральскими рѣками и Байкаломъ, на протяженіи 50 градусовъ

[1]) *Sedensner*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1878 г.

долготы, то-есть на протяженіи почти равномъ седьмой части земной окружности. Но уже давно заняты мыслью объ уничтоженіи этого пробѣла посредствомъ устройства судоходнаго канала, и съ 1872 года снова приступили къ научному изслѣдованію всѣхъ рѣкъ территоріи, которая ограничена Обью и Енисеемъ въ наиболѣе сближающейся части ихъ теченія. Рѣка Чулымъ, по которой небольшіе пароходы поднимаются до города Ачинска, на сѣверо-западѣ отъ Красноярска, построеннаго на Енисеѣ, есть одинъ изъ путей всего лучше изученныхъ; точно также рѣки Тымъ и Вагъ, по которымъ можно проѣхать соотвѣтственно на два притока Енисея, Сымъ и Елогуй, были тщательно изслѣдованы. При выборѣ мѣста для перехода изъ Обской системы въ Енисейскую предпочтеніе, какъ кажется, должно остаться за Кетью; однако, вмѣсто того чтобы подниматься по этой рѣкѣ до селенія Маковскаго, лежащаго недалеко отъ ея истока, суда, по проэкту 1875 года, будутъ вступать на сѣверовостокѣ отъ этого пункта въ маленькій притокъ Язеву, чтобы пройти каналомъ болотистую мѣстность съ неопредѣленнымъ скатомъ и спуститься къ Енисею рѣкою Большая Касъ: въ этомъ мѣстѣ волокъ между двумя озерами, лежащими на одномъ уровнѣ, имѣетъ всего только около трехъ съ половиной верстъ длины [1]). Соединительный каналъ, глубиною въ аршинъ три четверти, при ширинѣ въ 7 саженъ, могъ бы давать доступъ баркамъ, поднимающимъ до двухъ тысячъ пудовъ груза; съ той и другой стороны покатость такъ незначительна, что не было бы надобности устраивать шлюзъ [2]). Съ каждой стороны видимыя озера, лежащія на водораздѣльной линіи между бассейнами Оби и Енисея, продолжаются подъ землей глубокими водами, одѣтыми сверху травянымъ ковромъ, похожимъ по виду на мокрую почву окрестныхъ мѣстностей, но поднимающимся и опускающимся, смотря по высотѣ водъ, которыя онъ прикрываетъ. Единственнымъ затрудненіемъ для плаванія судовъ, имѣющихъ болѣе 5 футовъ водоуглубленія, были бы такъ называемые *ломы*, то-есть поломанныя деревья, которыя образуютъ запруду при поворотахъ ложа, и которыя, впрочемъ, легко убрать, такъ какъ они вездѣ лежатъ на тинистомъ днѣ. Когда каналъ будетъ оконченъ, издержки по перевозкѣ товаровъ уменьшатся въ значительной пропорціи; купцы даже разсчитываютъ на уменьшеніе въ размѣрѣ пяти рублей съ ящика чая [3]). Въ 1825 году, когда вся чайная торговля между Кяхтой и Нижнимъ-Новгородомъ производилась по рѣкамъ и волокомъ, движеніе товаровъ, провозимыхъ черезъ село Маковское, исчислялось слишкомъ въ 10 милліоновъ рублей.

Ниже Нарыма, Обь, къ которой присоединяются многія рѣки почти столь-же значительныя, какъ и Кеть, каковы Тымъ и Вагъ, продолжаетъ

---

[1]) *Сиденснеръ* и *Вагнеръ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 2.

[2]) Извѣстія Русскаго Географ. Общества, 1873 г., № 3.

[3]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

развертывать свои переплетающіяся излучины, сначала въ сѣверо-западномъ, затѣмъ въ западномъ направленіи, до тѣхъ поръ, пока ея болѣе прозрачныя воды не смѣшаются съ темнобурыми водами Иртыша посредствомъ цѣлаго лабиринта каналовъ, гдѣ только опытные и искусные кормчіе могутъ безошибочно опредѣлять путь. По соединеніи двѣ могучія рѣки, изъ которыхъ каждая можетъ быть сравнена съ Дунаемъ по объему жидкой массы, снова разлучаются, какъ будто одно русло слишкомъ тѣсно, чтобы вмѣстить это движущееся прѣсноводное море, и два потока, Большая Обь и Малая Обь, удаленные другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 30 или на 40 верстъ, по вездѣ связанные между собою излучинами безчисленныхъ притоковъ, текутъ извилистой линіей до самаго залива, куда изливаются ихъ воды, и который носитъ названіе Обской губы. Малая Обь, болѣе узкая и менѣе глубокая, составляетъ лѣвый рукавъ; барки, которымъ нужно идти вверхъ по рѣкѣ, всегда выбираютъ этотъ меньшій рукавъ, потому что теченіе тамъ не такъ сильно. Большая Обь, которая и есть настоящая рѣка, благодаря постоянному притоку водъ къ правому берегу, служитъ обычнымъ путемъ для судовъ, спускающихся къ низовьямъ; но плаваніе по ней иногда бываетъ довольно опасно, именно когда сѣверный вѣтеръ вздымаетъ высокія волны, бѣгущія въ направленіи противоположномъ теченію. При сліяніи Иртыша съ Обью мы уже перешли за черту пояса хлѣбопашества; но Обь остается до самаго устья въ предѣлахъ пояса лѣсовъ. Сосны, ели, лиственницы, березы, ивы сопровождаютъ рѣку въ нижнемъ ея теченіи; затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Ледовитому океану, эти деревья постепенно мельчаютъ, становятся приземистѣе, а въ сосѣдствѣ залива они являются уже только въ видѣ узенькихъ полосокъ зелени. Осенью темная зелень сосенъ и елокъ, болѣе нѣжный оттѣнокъ лиственницъ составляютъ рѣзкій контрастъ съ зеленой или оранжевой листвой березъ и багряно-краснымъ цвѣтомъ ясеней: менѣе блестящіе, менѣе разнообразные окраской, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки, обскіе лѣса отличаются болѣе яркимъ осеннимъ колоритомъ, чѣмъ лѣса приморской Европы.

Нигдѣ на берегахъ Большой и Малой Оби не увидишь настоящихъ скалъ; высокіе или нагорные берега состоятъ изъ глинъ и песковъ, которые иногда осыпаются на подобіе водопада, когда теченіе подточитъ ихъ основаніе и собственная тяжесть увлекаетъ ихъ въ рѣку. Но эти нагорные берега очень неодинаковы: берега западной стороны, у подножія которыхъ течетъ Малая Обь, не высоки, и откосы ихъ во многихъ мѣстахъ скрыты подъ густой растительностью камышей, осоки и другихъ водяныхъ растеній; полосы травы и древесныхъ вѣтвей обозначаютъ тамъ разности уровней разлива среди деревьевъ, ростущихъ на берегу и на островахъ; завязшіе въ илѣ или выброшенные волнами стволы деревъ лежатъ раскиданные на песчаныхъ меляхъ. Высокій восточный

берегъ, у основанія котораго проходитъ широкое и быстрое теченіе Большой Оби, поднимается своими крутизнами и откосами до высоты 28 саженъ, и глубокіе овраги, открывающіеся на извѣстныхъ разстояніяхъ въ бокахъ яра, позволяютъ передовому кустарнику лѣса спускаться тамъ и сямъ до самой рѣки. Поваленныя деревья, прибитыя водой къ подножію крутого берега, обозначаютъ уровень разлива, но на плоскомъ песчаномъ берегу видны также груды камней, гранитовъ, сіенитовъ, порфировъ, сланцевъ, конгломератовъ, приносимыхъ каждый годъ льдами, которые въ слѣдующемъ году опять подхватываютъ ихъ за нижнюю грань, когда они вросли въ берегъ, и переносятъ ихъ далѣе при новомъ ледоходѣ [1]).

Обь изливается въ свой обширный лиманъ или губу однимъ устьемъ около 3 верстъ шириною и отъ 4 до 13 саженъ глубиною. Часто разсматриваютъ всю часть этого залива, орьентированную въ направленіи отъ запада къ востоку, какъ продолженіе рѣки; но въ этой бухтѣ, гдѣ разстояніе отъ одного берега до другого 50 верстъ, воды не имѣютъ уже никакого теченія. Другіе второстепенные заливы открываются при устьѣ каждой рѣки и присоединятся къ морскому пространству которое тянется почти на 800 верстъ въ направленіи къ полюсу. Обширный Обскій заливъ, также какъ заливъ рѣки Тазъ (Тазовская губа), который соединяется съ нимъ на востокѣ, еще не изслѣдованы во многихъ частяхъ; однако, онъ былъ часто посѣщаемъ въ прежнія времена рыболовами изъ Холмогоръ и съ рѣки Печоры, и въ эти послѣдніе годы снова предпринимали плаванія по его водамъ; въ 1877 году Даль первый проникъ изъ Карскаго моря въ Обскую губу, по которой спустился въ самую рѣку, обойдя длинный полуостровъ Ялманъ, названный такъ по имени Іельмертса, повара одного голландскаго корабля [2]). Такимъ образомъ торговый путь изъ Сибири черезъ Ледовитое море былъ открытъ, и отнынѣ можно отправлять прямо въ порты западной Европы зерновый хлѣбъ, шерсть, сало, кожи и пушной товаръ изъ бассейновъ Оби и Иртыша.

Сама Обь, эта исполинская рѣка, по берегамъ которой живетъ столько различныхъ народовъ, обозначающихъ ее различными именами (у татаръ она называется *Омаръ* или *Уморъ*; у остяковъ—*Асъ*, *Ягъ* или *Кольта*; у самоѣдовъ—*Ку-ау*), и которую древніе географы считали прямымъ воднымъ путемъ въ восточный Китай, открыта для судоходства почти на всемъ протяженіи своего теченія. Включая Улунгуръ въ бассейнъ Оби и разсматривая его какъ главную вѣтвь рѣки, находимъ, что длина этого громаднаго потока можетъ быть приблизительно исчисляема почти въ 5,350 верстъ; именно:

---

[1]) *Finsch*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Миддендорфъ*, Sibirische Reise.

Теченіе Улунгура	470	верстъ. (?)
Черный Иртышъ, отъ впаденія Улунгура въ о. Зайсанъ.	560	„ (?)
Иртышъ, отъ о. Зайсанъ до сліянія съ Обью . . .	3,450	„
Обь, отъ сліянія съ Иртышемъ до Большаго Носа, при входѣ въ губу	1,170	„
Общая длина теченія Иртыша—Оби . . .	5,340	верстъ.

Но судоходная сѣть Обской системы гораздо болѣе значительна: лѣтомъ всѣ большіе притоки и во все время, пока не спадутъ воды весенняго разлива, многіе изъ второстепенныхъ притоковъ даютъ доступъ баркамъ и плоскодоннымъ пароходамъ; такимъ образомъ совокупность судоходныхъ путей этого бассейна, безъ всякаго сомнѣнія, простирается до 15,000 верстъ, и теперь съ каждымъ годомъ увеличивается численность пароваго флота, разсѣкающаго своими колесами желтоватыя или темно-красныя воды этихъ рѣкъ; первый пароходъ, который былъ пущенъ въ бассейнъ Оби, въ 1844 году, прошелъ сначала по рѣкѣ Турѣ. Всѣхъ пароходовъ на рѣкахъ Обскаго бассейна въ 1877 году было 34, сила которыхъ въ сложности равнялась 2,655 паровымъ лошадямъ. Перевезено товаровъ въ 1878 году 46,700 тоннъ. Цѣнность торговли водянымъ путемъ въ двухъ губерніяхъ тобольской и томской въ 1866 году простиралась до 3.906,000 рубл. Различные проэкты каналовъ были предлагаемы, чтобы соединить бассейнъ Оби съ рѣками Европейской Россіи, но проломы Уральскаго хребта слишкомъ высоки и климатъ сѣверной Сибири слишкомъ суровъ, чтобы можно было приступить къ осуществленію этихъ предпріятій. Финшъ во время своего путешествія въ западную Сибирь пришелъ къ убѣжденію, что нечего и думать о прорытіи морскаго канала между устьемъ Оби и Карской губой, который-бы далъ возможность избѣгнуть опаснаго и труднаго плаванія вокругъ полуострова Ялмалъ; по, по мнѣнію Струве, можно-бы было прокопать рѣчной судоходный путь, длиною около 75 верстъ, между Кокпелой, соединяющейся съ Печорой черезъ Ленву, и Войкаромъ притокомъ Оби. Въ этой области Уральскихъ горъ одно пониженіе цѣпи заключаетъ два озера, изъ которыхъ одно имѣетъ стокъ къ Европѣ, другое къ Азіи. Еще гораздо легче было-бы провести каналъ между теченіемъ Таза и теченіемъ Енисея, около 66 градуса широты, между деревней Тазовкой и городомъ Туруханскомъ [1]).

Половина народонаселенія Сибири распредѣлена съ полуденной области Обскаго бассейна въ видѣ правильнаго пояса, который простирается именно по обѣ стороны первоначальнаго историческаго пути и его продолженія, нынѣшней большой сибирской дороги. Это населеніе состоитъ почти исключительно изъ славянскихъ элементовъ и образуетъ собою настоящую азіатскую Россію по языку, нравамъ и гражданственности. Въ

[1]) Mittheilungen von Petermann, 1880 г., № 8.

этомъ поясѣ русскіе совершенно замѣнили, какъ господствующая расса, татаръ, отпынѣ разсѣянныхъ отдѣльными, несвязанными между собой группами въ степяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ городовъ и рѣчныхъ береговъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ татаръ, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ, встрѣчаются еще въ сосѣдствѣ Тобольска, на западѣ отъ Иртыша, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилось средоточіе ихъ царства. На берегахъ Иртыша можно также встрѣтить русскихъ крестьянъ, которымъ преданіе приписываетъ татарское происхожденіе, но которые, если и сохранили какое-нибудь сходство со своими предками, то развѣ только чертами лица [1]). Ачинскіе телеуты, тѣ, которые живутъ отдѣльными колѣнами (аймаками), разсѣянными между Кузнецкомъ и Красноярскомъ, тоже сдѣлались русскими, хотя они говорятъ еще чистымъ теленгутскимъ нарѣчіемъ [2]). На востокъ отъ Оби, между городами Томскомъ и Енисейскомъ, татары кизильцы (кизылъ) или „красные“, названные такъ въ отличіе отъ бійскихъ „черныхъ“ татаръ, занимаютъ долину рѣки Чулыма: ихъ особенное нарѣчіе, одно изъ самыхъ чистыхъ между тюркскими языками, въ послѣднее время приняло въ себя не малое количество русскихъ словъ и сверхъ того содержало много монгольскихъ реченій; но, подобно тюркскому діалекту теленгутовъ или телеутовъ, оно отличается почти отъ всѣхъ языковъ тюркскаго корня совершеннымъ отсутствіемъ арабскихъ и персидскихъ выраженій: это объясняется тѣмъ, что, не бывъ никогда обращены въ исламъ, красные татары, прежде придерживавшіеся шаманства, а нынѣ православные христіане, никогда не были въ сношеніяхъ съ магометанскими народами юга [3]). Что касается татаръ казаковъ или кайсаковъ, обыкновенно обозначаемыхъ подъ именемъ киргизовъ, то они живутъ въ южной части Обскаго бассейна и около истоковъ Иртыша и составляютъ одно этнографическое цѣлое съ киргизами арало-каспійской покатости. Большое число бродячихъ племенъ имѣютъ пастбища и становища въ томъ и другомъ гидрографическомъ бассейнѣ. Впрочемъ, административныя дѣленія въ этой странѣ русской Азіи совпадаютъ съ этнологическими границами: территорія киргизовъ причисляется къ средне-азіатскому генералъ-губернаторству, даже тѣ части ея, которыя лежатъ за Иртышемъ. Число татаръ, живущихъ въ бассейнѣ Оби и въ уѣздахъ Пермской и Оренбургской губерній, опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Тобольской губерніи.	37,150 душъ.
Въ Томской губерніи, безъ Алтая	9,750 „
На Алтаѣ.	14,975 „
Всего.	61,875 душъ.

[1]) *Щаповъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, т. III.

[2]) *Радловъ*, Reise durch den Altaï.

[3]) *Костровъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, томъ VIII, 1865 г.; *Потанинъ*, Дополненіе къ землевладѣнію Азіи, Карла Риттера.

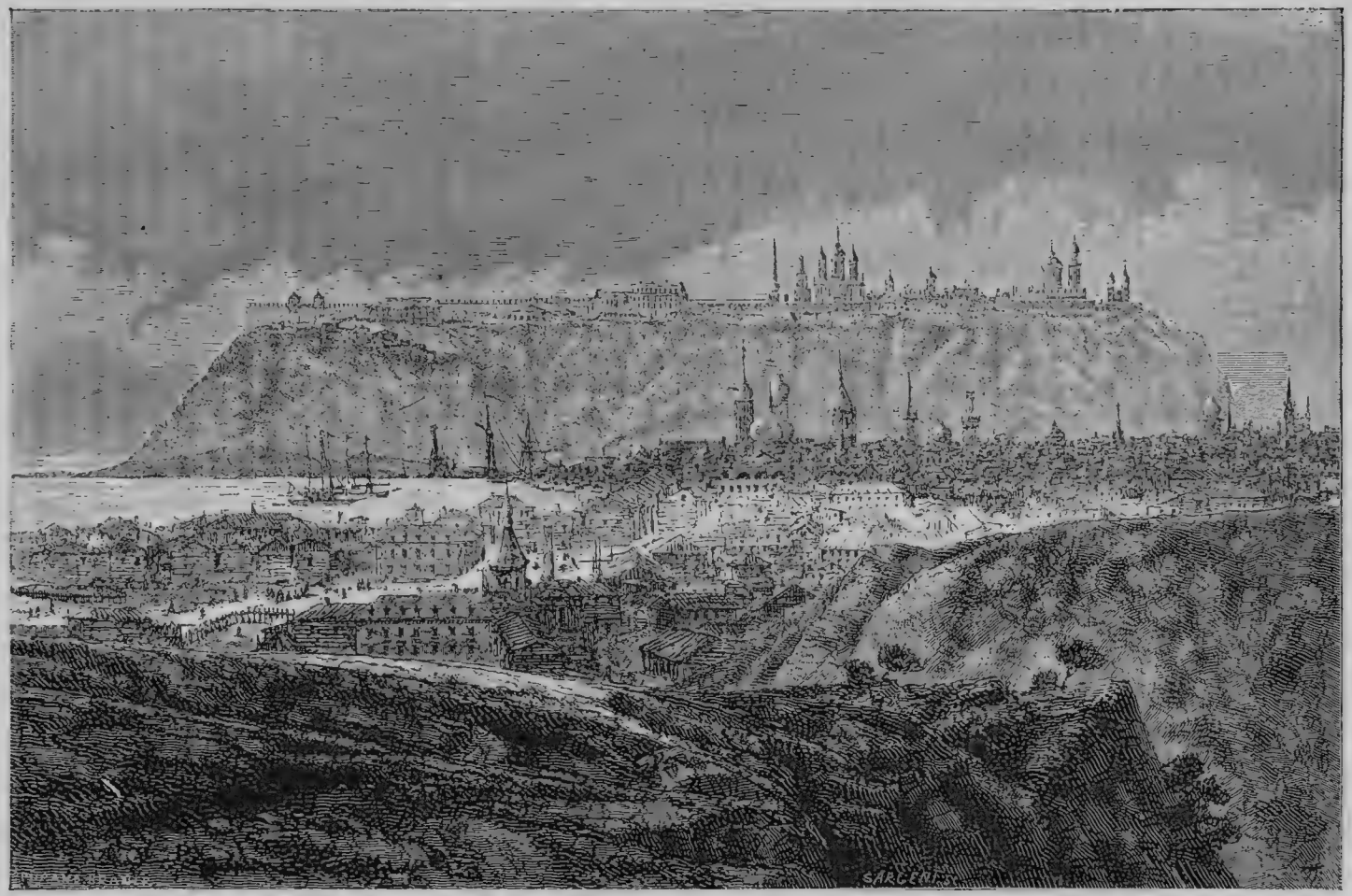
Башкиры азіатскаго Урала, какъ и башкиры другого склона, включены въ составъ европейскихъ губерній, Пермской и Оренбургской.

Въ сѣверной части Обскаго бассейна туземцы, у которыхъ обладаніе землей было отнято русскими поселенцами, принадлежатъ не къ тюркской рассѣ, а къ финскому племени: это вогулы, остяки, самоѣды. Вогулы,—уральцы по преимуществу, такъ какъ Уральскія горы стали ихъ родиной съ той поры, какъ русскіе постепенно оттѣснили ихъ по направленію къ востоку,—живутъ теперь главнымъ образомъ по восточной покатости Уральскаго хребта, на сѣверъ отъ Екатеринбурга; особенно много встрѣтишь ихъ въ долинѣ рѣки Конды, непосредственнаго притока Иртыша: тѣ изъ нихъ, которые попадаются тамъ и сямъ на западномъ склонѣ горъ, въ Европейской Россіи, не постоянные жители, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, а прохожіе звѣроловы. Финны остяцкой группы, вогулы, еще недавно называвшіе себя, подобно остякамъ, манзами (т. е. „людьми“), сохранили изъ отличительныхъ признаковъ своей рассы маленькіе косолежащіе глаза и привычку говорить между собой своимъ старымъ нарѣчіемъ, болѣе или менѣе испорченнымъ; но по одеждѣ, образу жизни и роду занятій, по нравамъ и обычаямъ, большинство ихъ сдѣлались такими же русскими, какъ крестьяне, переселившіеся съ другой стороны горъ [1]). Сами они, когда спросишь у нихъ, какого они рода племени, утверждаютъ, что они русскіе, и съ теченіемъ времени кончится тѣмъ, что и другіе станутъ считать ихъ таковыми: тѣ изъ нихъ, которые занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ въ избахъ, сливаются постепенно съ массой окружающаго населенія. Поэтому довольно трудно опредѣлить съ точностью число вогуловъ: его показывали различно, отъ восемнадцати до тридцати тысячъ душъ; оффиціальная статистика насчитываетъ этихъ инородцевъ только четыре съ половиной тысячи душъ.

Вогульскіе звѣроловы всего лучше сохранили нравы и обычаи тѣхъ иноплеменныхъ народцевъ, съ которыми Ермакъ долженъ былъ вести войну прежде, чѣмъ добрался до Сибирскаго царства. Одѣтые въ мохнатыя малицы съ капюшонами, украшенными съ лѣвой и съ правой стороны ушами животныхъ, они походятъ издали на лѣсныхъ звѣрей; но выраженіе лица у нихъ робкое, даже пугливое. Они брѣютъ бороду и усы, которые въ зимнюю стужу превращались-бы отъ дыханія въ куски льда, и это открытое, безволосое лицо придаетъ еще болѣе добродушный видъ ихъ физіономіи. Говорятъ, не бывало примѣра, чтобы вогулы ослушались приказаній купцовъ, которые эксплуатируютъ этихъ простодушныхъ дикарей и своими вымогательствами обращаютъ ихъ въ настоящихъ рабовъ. Вогулы добровольно, безъ всякихъ напоминаній, приносятъ положенныя съ нихъ подати городскимъ властямъ, и впередъ обязываются дѣлать все,

---

[1]) *Сорокинъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1878 г., № 3.



ОБЩІЙ ВИДЪ ТОБОЛЬСКА.

что имъ прикажутъ. Само собой разумѣется, что они дали, хотя и не безъ сопротивленія, обратить себя въ православную вѣру. Сдѣлавшись христіанами по приказу начальства съ 1722 года, они научились ходить на исповѣдь и къ причастію, вѣнчаться въ церкви, крестить своихъ дѣтей по обряду православной вѣры. Но это обращеніе было лишь кажущееся. Въ дѣйствительности-же и теперь еще, то-есть по прошествіи болѣе полутораста лѣтъ со времени крещенія этихъ инородцевъ, каждая вогульская семья имѣетъ своихъ домашнихъ боговъ, своихъ пенатовъ, представляющихъ либо какое-нибудь четвероногое животное съ хвостомъ, покрытымъ чешуей, либо человѣка, обвѣшаннаго звѣриными шкурами и съ огромной шапкой на головѣ: эти грубыя изображенія бываютъ обыкновенно прикрѣплены къ корѣ сосны, елки или березы, и многія лѣсныя просѣки обязаны имъ прозвищемъ „Шайтанка“ или „Шайтанская“ (то-есть „Чортова“), которое дано имъ русскими [1]), тогда какъ съ своей стороны вогулы обозначаютъ чорта именемъ „Господъ“, происходящимъ, вѣроятно, отъ русскаго слова Господь. Эти инородцы покланяются также большому національному идолу [2]), безъ сомнѣнія „Золотой бабѣ“, о которой говоритъ баронъ Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи [3]). Святилище этого идола находится, по разсказамъ охотниковъ, въ одной возвышенной долинѣ Уральскихъ горъ, среди болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Женщины, которымъ случиться проходить по близости этого священнаго мѣста, не имѣютъ даже права смотрѣть на верхушки деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ укрывается божество: запрещенный взглядъ стоилъ-бы имъ жизни. Въ ночь празднества, совершаемаго въ честь этого національнаго идола, мужчины племени собираются вокругъ кумирни и зажигаютъ помостъ изъ жердей, который горитъ словно гигантскій факелъ; затѣмъ, когда мракъ снова воцарится въ священной оградѣ, одинъ изъ вогуловъ подходитъ къ лошади, привязанной къ дереву, и наноситъ ей смертельный ударъ остроконечнымъ пожемъ. Кровь жертвы бьетъ ключемъ въ священную чашу, къ которой поочередно подходятъ испить всѣ присутствующіе. Церемонія считается неудавшейся, если лошадь умираетъ сразу и если каждый изъ участниковъ торжества не успѣетъ вкусить свою долю крови въ то время, какъ бѣдное животное хрипитъ и мало по малу угасаетъ. Говорятъ, что вогулы поклоняются также солнцу,—культъ очень естественный въ этой странѣ холодовъ и тумановъ,—и чтобы имѣть хорошую, ясную погоду, обращаются съ мольбами къ дневному свѣтилу, или прямо, или черезъ посредство своихъ шамановъ, къ которымъ они питаютъ безграничное довѣріе. „Наши шаманы лучше поповъ“, говорятъ

---

[1]) *Pallas*, Voyages dans plusieurs provinces de la Russie.
[2]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.
[3]) Rerum moscovitarum commentarii

они. „Попы предсказываютъ намъ то, что будетъ послѣ смерти, шаманы же возвѣщаютъ то, что случится въ жизни“.

Подобно многимъ другимъ финскимъ народностямъ, вогулы имѣютъ семейныя клейма, которыя они выкалываютъ себѣ на кистяхъ рукъ, на рукахъ и ногахъ. Эти фигуры, изображающія по большей части лукъ связанный со стрѣлами, квадраты, кружки, арабески, узоры, составляютъ не одно только украшеніе въ глазахъ вогуловъ; онѣ имѣютъ въ то же время священный характеръ; онѣ представляютъ семейное преданіе, продолженіе рода изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ лѣсахъ вогулъ вырѣзываетъ свое клеймо на стволахъ деревьевъ, чтобы дать знать о своемъ проходѣ тѣмъ, которые пройдутъ послѣ него. Тѣмъ же фамильнымъ клеймомъ онъ дѣлаетъ рукоприкладство подъ документами церковными или гражданскими, которые даютъ ему къ подписи русскіе чиновники или священники. Наконецъ, онъ старается вылѣчиться отъ вередовъ или ранъ, татуируя себѣ кожу непосредственно надъ больнымъ мѣстомъ: такимъ способомъ онъ заклинаетъ болѣзнь. Несмотря, однако, на эти символическія татуировки, свидѣтельствующія о существовавшемъ нѣкогда духѣ національной солидарности, вогулы, лишенные нынѣ всякой инициативы и самодѣятельности по милости корыстолюбивыхъ купцовъ, которые ихъ безпощадно эксплуатируютъ, сдѣлались, можетъ быть, наименѣе общежительнымъ народомъ изъ сибирскихъ туземцевъ. Лѣтомъ они живутъ разрозненными семьями, изъ которыхъ каждая сама по себѣ гоняется за дичью въ лѣсу; зимой устраиваютъ свои юрты на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой: нигдѣ эти зимнія жилища (зимовья) не бываютъ сближены настолько, чтобы представлять видъ соединеннаго селенія. Семейный духъ тоже, кажется, очень мало развитъ у этихъ инородцевъ. Вогулъ звѣроловъ можетъ имѣть одну или нѣсколькихъ женъ, смотря по степени своихъ достатковъ; но малѣйшая размолвка между супругами расторгаетъ брачныя узы, и тогда мужчина живетъ совершенно одинокимъ, безъ всякихъ друзей, кромѣ своихъ оленей и собаки. Большинство стариковъ, покинутыхъ своей родней, умираютъ одинокими: голодъ или холодъ—таковы обыкновенныя причины смерти для этихъ несчастныхъ. Оттого и погребеніе умершихъ совершается, вообще говоря, безъ особенной торжественности. Обрядъ похоронъ ограничивается тѣмъ, что вогулы вырываютъ яму на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ смерть сразила ихъ родича, и, болѣе великодушные, чѣмъ наканунѣ, не забываютъ положить въ могилу, вмѣстѣ съ оружіемъ усопшаго, запасъ тютюна и водки. Соли они не кладутъ, потому что вогулы никогда не употребляютъ этой минеральной приправы въ приготовленіи своихъ яствъ [1]).

Самымъ значительнымъ туземнымъ племенемъ на сѣверо-западѣ Си-

[1]) *Палласъ*, Путешествія; *Сорокинъ*, цитированное сочиненіе.

бирп являются тѣ инородцы, которыхъ русскіе и другіе европейцы обозначаютъ подъ именемъ остяковъ, и которые сами себя называютъ Кондиху (жители земли по рѣкѣ Кондѣ), Асъ-ху или Асъ-якъ (обитатели страны по рѣкѣ Оби), или просто манзами, то-есть „людьми“. Клапротъ усматриваетъ въ наименованіи Асъ-якъ происхожденіе того прозвища, которое дали имъ цивилизованные пришельцы, истребители ихъ рассы. Эрманъ, напротивъ, уподобляетъ это названіе „остякъ“ татарскому слову уштякъ или „чужой“ и русскому наименованію чудь, которое имѣетъ тотъ-же смыслъ, и которое славяне давали первобытнымъ жителямъ древней Сибири. По этнографическимъ картамъ, остяки занимаютъ огромную территорію, отъ устьевъ Оби до средняго теченія Иртыша, и отъ Уральскихъ горъ до Нижней Тунгуски; но эта область почти что въ милліонъ квадр. верстъ далеко не вся принадлежитъ имъ: это необъятная пустыня, въ которой тамъ и сямъ разсѣяны ихъ становища, и совокупность маленькихъ русскихъ колоній, пріютившихся по берегамъ рѣкъ, составляетъ болѣе значительную группу населенія. Какъ велико число остяковъ въ этомъ громадномъ пространствѣ, которое, при другихъ, болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, было-бы населено сотней милліоновъ людей? Кастренъ насчитывалъ ихъ около 20,000 душъ, въ 1845 году. Съ той эпохи переписи, можетъ быть, болѣе полныя, дали для остяцкаго населенія общую цифру, простирающуюся до 23,000 или 25,000 жителей. Однако, мало вѣроятно, чтобы численность этого племени возрасла въ эти послѣдніе годы, за исключеніемъ, впрочемъ, березовскаго и сургушскаго округовъ, гдѣ увеличеніе населенія было довольно значительно, если вѣрить результатамъ переписи. Притомъ многія названія колѣнъ, существовавшія еще въ началѣ настоящаго столѣтія, теперь уже не упоминаются, и полагаютъ, что эти народцы исчезли вмѣстѣ съ именемъ, которое они носили. Столь важныя въ научномъ отношеніи записки Кастрена и Радлова, касающіяся нарѣчій этихъ азіатскихъ народностей, ихъ сравнительной грамматики и ихъ мѣста въ ряду человѣческихъ языковъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онѣ относятся къ народамъ, существованію которыхъ грозитъ серьезная опасность, и которые, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени будутъ вычеркнуты изъ списка этнографическихъ индивидуальностей: многія группы остяковъ, въ сосѣдствѣ русскихъ поселеній, даже забыли свой природный языкъ, и только по преданію ихъ причисляютъ еще къ остяцкому племени. По свидѣтельству Щапова, обрусѣвшіе остяки вообще отличаются болѣе низкимъ ростомъ, чѣмъ ихъ сохранившіеся въ первоначальной чистотѣ соплеменники, но зато рождаемость въ ихъ семьяхъ, какъ кажется, болѣе значительна [1]).

[1]) Записки Сибирскаго Географ. Общества, III.

Когда казаки предприняли покореніе Сибири, остяки противопоставили завоевателямъ настоящія арміи. Они имѣли въ то время національную организацію, жили правильно построенными городами. Въ продолженіе одной только военной экспедиціи, въ 1501 году, русскіе разрушили 41 такихъ укрѣпленныхъ мѣстъ; до сихъ поръ видны еще остатки нѣкоторыхъ древнихъ остяцкихъ городковъ въ обдорскомъ округѣ. Въ настоящее время остяки, звѣроловы или рыболовы, живутъ въ жалкихъ низенькихъ землянкахъ или юртахъ, покорно подчиняются своимъ господамъ, русскимъ, и охотно платятъ ясакъ, когда это позволяетъ ихъ крайняя бѣдность; достаточно показать сыну узелъ на веревкѣ, сдѣланный его отцемъ, чтобы напомнить про его долгъ, и сынъ почитаетъ для себя священной обязанностью уплатить этотъ долгъ. Уменьшеніе численности этого инородческаго племени идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ такой быстрой прогрессіи, что его приписываютъ не только голоду, но также безплодію остяцкихъ женщинъ; кромѣ того, двѣ трети новорожденныхъ обыкновенно умираютъ на первомъ году жизни; обычай многоженства, съ одной стороны, и съ другой—вынужденное безбрачіе, происходящее отъ трудности заплатить калымъ за невѣсту, способствуютъ уменьшенію пропорціональнаго числа рожденій[1]). Но каковы-бы ни были перемѣны, совершившіяся въ явленіяхъ рождаемости, страшная нищета и голодъ уже сами по себѣ достаточно объясняютъ вымираніе остяцкаго народа. Сдѣлавшись данниками русскаго правительства со времени покоренія Сибири, эти инородцы прежде должны были платить ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей; но лѣсные пожары, топоръ лѣсоруба, порохъ охотника годъ отъ году уменьшаютъ обиліе добычи, животныя исчезаютъ и звѣроловъ осужденъ на ту же участь, какъ и дичь, составляющая единственный источникъ его пропитанія. Обязанные теперь платить дань не натурой, а деньгами, остяки не въ состояніи нести лежащее на нихъ бремя платежей, раздѣлываться съ купцами за забранную въ долгъ муку и другой товаръ, уплачивать казнѣ недоимки податей, и если имъ откажутъ въ выдачѣ съѣстныхъ припасовъ на зиму, они гибнутъ цѣлыми семьями, падая жертвой голоднаго тифа. Привычка къ пьянству также много способствуетъ истребленію этой рассы: при помощи одуряющей водки и крѣпкой махорки, несчастные дикари впадаютъ въ такое полное продолжительное опьяненіе, что всякая другая одурь, происходящая не отъ спиртныхъ напитковъ, называется ими не иначе, какъ „полупьянымъ“ состояніемъ. Положеніе нѣкоторыхъ остяцкихъ колѣнъ до такой степени плачевно, и вымираніе всѣхъ туземцевъ вслѣдствіе истощенія отъ недостатка пищи предвидится съ такой увѣренностью при нынѣшнихъ порядкахъ, что пред-

[1]) *Поляковъ*, Письма о путешествіи въ долину Оби.

лагали даже отобрать у остяковъ дѣтей и раздать ихъ въ русскія семейства, предоставивъ стариковъ и вообще взрослыхъ ихъ роковой участи [1]).

Не слѣдуетъ искать въ нынѣшнихъ остякахъ чистокровныхъ представителей угорской семьи, то есть близкихъ родичей венгерцевъ, хотя на старинныхъ картахъ земля ихъ носитъ названіе Югріи. На югѣ отъ шестидесятаго градуса широты мы не находимъ болѣе чистыхъ, несмѣшанныхъ остяковъ [2]). Собранные до сихъ поръ черепа этого племени представляютъ различные характеры, хотя всѣ они принадлежатъ въ большей или меньшей степени къ типу короткоголовыхъ (брахицефаловъ); нѣкоторые изъ нихъ приближаются къ формѣ монгольскихъ череповъ, другіе, напротивъ, напоминаютъ форму черепа лопарей [3]). Точно также остяцкія нарѣчія, которыя изъ всѣхъ финскихъ языковъ по корнямъ и даже по грамматическому строю наиболѣе походятъ на мадьярскій діалектъ [4]), имѣютъ очевидную связь съ одной стороны съ турецкимъ, съ другой съ монгольскимъ языками, и даже, на основаніи этого двойного лингвистическаго средства, Кастренъ приписываетъ остякамъ алтайское происхожденіе, такъ какъ только на Золотыхъ горахъ они могли находиться въ соприкосновеніи съ турками и монголами. Остяцкій языкъ, также какъ и другіе финскіе діалекты, отличается большой звучностью и очень пріятенъ для уха; между его согласными есть одна шипящая, похожая на англійскій звукъ *th*; но онъ не имѣетъ буквы *ϑ*. Вологодскій, Эрманъ, Лербергъ, Альквистъ, Кастренъ изучили остяцкое нарѣчіе и составили его словари и переводы съ него.

Обыкновенно путешественники принимаютъ за типическихъ представителей извѣстной рассы первыхъ индивидуумовъ, которыхъ имъ случалось изучать: этимъ объясняется значительная разница портретовъ, которые они намъ рисуютъ. До сихъ поръ сибирскіе туземцы не соглашались дать мѣрять себя, воображая, что эта операція была-бы первымъ шагомъ къ распространенію на нихъ воинской повинности [5]). Однако, остяки были посѣщаемы и наблюдаемы достаточно большимъ числомъ ученыхъ изслѣдователей, чтобы можно было опредѣлить ихъ типъ среди разнообразія недѣлимыхъ, сдѣлавшихся по виду русскими, самоѣдами или монголами. Въ среднемъ выводѣ, они ростомъ немного пониже русскихъ, но, когда имѣютъ пищи въ достаточномъ количествѣ, не слабѣе ихъ тѣлосложеніемъ. Лицо у нихъ круглое, лобъ выпуклый, скулы выдающіяся, подбородокъ короткій и круглый, ротъ большой и толстогубый, глаза

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

[2]) *Ermann*, Цитированное сочиненіе.

[3]) *Virchow*, Berliner Gesellschaft für Anthropologie.... 21 іюля 1877 г.—*Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

[4]) *Klaproth*, Asia polyglotta;—*Castrén*, Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre;—*Ermann*, и другіе.

[5]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

черные, сдѣлавшіеся отъ постояннаго прищуриванія слегка скошенными и свѣтящіяся какимъ-то особеннымъ блескомъ подъ пересѣкающимися рѣсницами: въ странѣ ослѣпительныхъ снѣговъ, докучливыхъ мошекъ, ѣдкаго дыма внутри юртъ, русскіе, какъ и туземцы, принуждены постоянно щурить глаза, оставляя между сдвинутыми вѣками лишь проходъ для узкаго луча свѣта. Носъ остяка, приплюснутый при основаніи, представляетъ, особенно у дѣтей, подобіе широкой пуговицы или большой бородавки по серединѣ лица. Волосы у нихъ черные, гладкіе и жесткіе; борода рѣдкая, какъ у большинства азіатцевъ. Типъ молодыхъ дѣвушекъ, также какъ у другихъ финскихъ инородцевъ, замѣтно болѣе приближается къ монгольской физіономіи, чѣмъ типъ мужчинъ и старыхъ женщинъ, у которыхъ щеки потеряли округлость и пухлость[1]).

Какъ замѣчаетъ г. Поляковъ, Обдорскій край, главное средоточіе остяцкихъ колѣнъ, въ точности представляетъ, какъ съ точки зрѣнія антропологіи, и съ точки зрѣнія физической географіи, тѣ условія, въ которыхъ по всей вѣроятности, находилась западная Европа въ эпоху сѣвернаго оленя. Остяки ѣдятъ, какъ это, безъ сомнѣнія, дѣлали и европейцы тѣхъ дальнихъ временъ исторіи человѣчества, плотоядныхъ животныхъ такъ-же охотно, какъ и травоядныхъ; лисицы, песцы и другіе родственные имъ виды составляютъ любимую пищу остяковъ; они пожираютъ сырое мясо, какъ пожирали его древніе пещерные обитатели береговъ Везера, и всегда начинаютъ съ куска, который кажется имъ самымъ деликатнымъ, самымъ вкуснымъ,— съ внутренностей животнаго; зимой любятъ полакомиться стружками сырой и мороженой рыбы. Камень, но въ особенности рога и кости животныхъ, и теперь еще служатъ имъ матеріаломъ для приготовленія большей части орудій и домашней утвари совершенно похожихъ на тѣ, которыя выдѣлывали для себя древніе обитатели европейскихъ гротовъ. Медвѣжій зубъ составляетъ для нихъ амулетъ, символъ даннаго слова, цѣлебное лекарство отъ болѣзней. Тагары или рогожи, которыя плетутъ остячки, не менѣе похожи на плетеныя изъ камыша, находимыя между остатками древнихъ озерныхъ селеній Швейцаріи, какъ и на плетенья, приготовляемыя современными намъ камчадалками; точно также снаряды, употребляемые ими для тканья волоконъ дикой крапивы, совершенно одинаковы съ тѣми, которые и теперь еще можно видѣть въ сѣверной Россіи, и происхожденіе которыхъ, безъ сомнѣнія, относится къ предъидущимъ вѣкамъ человѣчества.

Порабощеніе и безконечные, неоплатные долги ловкимъ эксплуататорамъ купцамъ привели къ тому, что остяки утратили свою національную связь и должны были покинуть города, въ которыхъ они жили до прихода русскихъ; но семейныя или родовыя группы, состоящія изъ со-

[1]) *Миддендорфъ*, Sibirische Reise.

тенъ, иногда даже изъ тысячъ душъ, сохранили прежній духъ солидарности; члены такой семейной федераціи или рода смотрятъ другъ на друга какъ на родныхъ, охотно помогаютъ другъ другу и живутъ между собою какъ братья; хотя право собственности признается и хотя территоріи охоты опредѣленно разграничены, счастливый звѣроловъ всегда дѣлится продуктомъ своей охоты съ тѣми, которые вернулись съ промысла съ пустыми руками; при этомъ послѣднимъ даже нѣтъ надобности ждать пока имъ дадутъ: они имѣютъ право сами брать извѣстную долю добычи. Когда возникнетъ какой-нибудь споръ между двумя членами родоваго союза,—что вообще рѣдко случается, такъ какъ всѣ остяки въ высшей степени честны и миролюбивы,—они обращаются къ старѣйшинѣ, который рѣшаетъ дѣло въ послѣдней инстанціи и безъ всякихъ юридическихъ формальностей; въ окрестностяхъ Обдорска, когда произойдетъ несогласіе между нѣсколькими семействами, нужно идти на судъ къ князю, наслѣднику того, который былъ утвержденъ въ княжескомъ достоинствѣ грамотой Екатерины II, въ 1768 году. Ни князь, ни старѣйшины не получаютъ отъ народа никакого содержанія; но, также какъ и шаманы, они не отказываются отъ подарковъ, подносимыхъ имъ подданными.

Съ незапамятныхъ временъ каждый остяцкій родовой союзъ имѣетъ своихъ особенныхъ боговъ, покровителей племени, которыхъ хранятъ шаманы, представляющіе въ одно и то же время жрецовъ, прорицателей, знахарей и волшебниковъ. Священныя рощи состоятъ изъ боговъ, разставленныхъ цѣлыми сотнями, изъ столбовъ, грубо изваянныхъ въ видѣ фигуръ самой разнообразной формы, изъ которыхъ многія напоминаютъ идоловъ полинезійскихъ дикарей [1]). Кромѣ того, каждое семейство имѣетъ своихъ домашнихъ божковъ, всего чаще одѣтыхъ въ красное платье, съ придѣланной наверху головой изъ бѣлой жести, иногда даже вооруженныхъ кольчугой и мечемъ. Но надъ всѣми этими семейными и родовыми богами, въ „седьмомъ мірѣ“, царитъ главный богъ, облеченный въ свѣтъ утренней зари и возвѣщающій свою волю голосомъ грома и бури: это Турмъ или Турумъ, имя котораго напоминаетъ названія бога Тора скандинавовъ, Таранна галловъ [2]). Никто не смѣетъ молиться этому высочайшему богу; онъ не внимаетъ даже молитвамъ шамана и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ только непреложными законами справедливости или велѣніями неумолимаго рока. Остякъ знаетъ, что онъ не долженъ совершать въ честь его жертвоприношеній; только его сынамъ, къ которымъ причисляется также русскій святой, Николай угодникъ, только низшимъ божествамъ остякъ приноситъ въ жертву оленей или барановъ, даже въ церквахъ [3]); только имъ онъ можетъ дѣлать подарки, состоящіе изъ пушнины, отрост-

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

[2]) *Ermann*, Voyages en Sibérie; *E. Desjardins*, рукописныя замѣтки.

[3]) *Поляковъ*, цитированное сочиненіе.

ковъ оленьихъ роговъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей; въ жертву этимъ божествамъ онъ иногда приноситъ и самого себя. Однако, одинъ только шаманъ своимъ посредничествомъ можетъ склонить божество къ принятію этихъ даровъ, только онъ одинъ своимъ пѣніемъ и продолжительными ударами въ бубенъ можетъ достигнуть того, что богъ выслушаетъ просьбу: привязанная къ концу длинной палки лента, которую держатъ противъ рта идола, указываетъ своими колыханіями божественный отвѣтъ. Точно также одинъ только шаманъ можетъ совершать чудеса, которыя, впрочемъ, считаются таковыми не только туземцами, но даже и живущими въ краѣ русскими; въ мнѣніи послѣднихъ „черная вѣра“, то-есть шаманство, не менѣе дѣйствительна, какъ и ихъ собственная, хотя она дѣйствуетъ въ силу дьявола. Въ глазахъ большинства коренныхъ сибиряковъ, также какъ и въ глазахъ инородцевъ монгольской, тюркской или манчжурской рассы, шаманы представляются чѣмъ то въ родѣ полубоговъ, управляющихъ таинственными силами природы; они заклинаютъ стихіи, исцѣляютъ недуги, знаютъ секреты будущаго, фамильярно разговариваютъ съ добрыми и злыми духами земли и неба. „Богатырю свойственна грубая сила, шаману присущи слова, которыя даютъ силу; богатырь владѣетъ лукомъ и стрѣлой, но только шаманъ можетъ сдѣлать, что стрѣла попадетъ или не попадетъ въ цѣль, что рана будетъ смертельна или несмертельна. Богатырю принадлежатъ шумъ и трубный гласъ, то что видно и слышно, шаманъ же обладаетъ тѣмъ, чего нельзя ни видѣть, ни слышать,—безмолвной, сокровенной наукой, знаніемъ вещей и пониманіемъ причинъ“ [1]). Врангель признается, что онъ никогда не могъ видѣть настоящаго шамана безъ нѣкотораго ужаса. Но это сверхчеловѣческое могущество не передается по наслѣдству. Шаманъ не выбираетъ своего сына себѣ въ ученики; если онъ примѣтитъ въ своемъ племени мальчика или молодого парня худого, блѣднаго, болѣзненнаго, подверженнаго припадкамъ бѣшенства или падучей болѣзни, ищущаго одиночества, часто убѣгающаго въ лѣсъ, бодрствующаго во время ночи,— это и есть преемникъ, на котораго падаетъ его выборъ. Сначала онъ старается урегулировать его болѣзненные припадки своими чародѣйскими средствами, потомъ заставляетъ его пройти школу послушничества, обучаетъ его искусству совершать чудеса. Кудесничество шамановъ есть настоящая наука въ томъ смыслѣ, что она научаетъ познавать извѣстныя физіологическія явленія, чтобы пользоваться ими для своихъ цѣлей [2]).

Иногда боги одной семьи или одного племени отправляются въ гости къ другимъ богамъ: въ этихъ случаяхъ устраиваются торжественныя церемоніи, остяки исполняютъ старинныя воинственныя пляски, теперь

[1]) *Elie Reclus*, La littérature turkmène.

[2]) *Радловъ; Миддендорфъ; Врангель; А. Лефевръ* и др.

лишенныя смысла, представляютъ мимикой различныя сцены охоты, наигрываютъ на самодѣльной *домбрѣ*, инструментѣ съ металлическими струнами, похожемъ на *томбору*, которой Эрманъ ошибочно приписываетъ мадьярское происхожденіе, такъ какъ венгерцы заимствовали ее у своихъ сосѣдей южныхъ славянъ [1]). Пляски оканчиваются пиршествомъ, въ которомъ всегда принимаютъ участіе и боги, ибо шаманъ угощаетъ ихъ (мажетъ имъ лица) кровью или рыбьимъ жиромъ. Но надо, чтобы богъ чувствовалъ это чествованіе, чтобы онъ отблагодарилъ за дѣлаемое ему приношеніе; съ нимъ договариваются насчетъ цѣны подарка, торгуются, и иногда удается убѣдить его быть болѣе умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, болѣе снисходительнымъ въ своемъ торгѣ. Есть также и злые боги [2]): таковъ богъ водъ, котораго иногда пробуютъ умилостивить, принося въ жертву оленя, то-есть утопляя его въ рѣкѣ. Понятія о святости, о волшебствѣ пріурочиваются ко всему, что въ природѣ отличается величіемъ, силой, уединеннымъ положеніемъ. Кедръ, который высится одиноко среди сосноваго лѣса, есть священное дерево; медвѣдь, на котораго тоже смотрятъ какъ на „сына Турума“ и представителя справедливости на землѣ,—почитается священнымъ у остяковъ, какъ почитался онъ въ былое время у зырянъ и пермяковъ; когда охотникъ убиваетъ звѣря, онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ попросивъ у него прощенья за совершаемое имъ преступленіе, и впродолженіе пяти дней, слѣдующихъ за убіеніемъ, онъ обязанъ исполнять передъ трупомъ разныя церемоніи, къ которымъ, у нѣкоторыхъ остяцкихъ колѣнъ, примѣшиваются, по странному контрасту, ругательства и даже побои [3]). Ни одна клятва не считается болѣе страшной, чѣмъ та, когда остякъ клянется „челюстью медвѣдя“, ибо медвѣдь, живой-ли, мертвый-ли, все видитъ, все знаетъ. Подобно большей части финскихъ народцевъ, остяки благоговѣйно чтутъ память своихъ усопшихъ братьевъ и заботятся о томъ, чтобы у схороненнаго покойника было все, въ чемъ нуждаются живые: санки (нарты), стрѣлы съ желѣзнымъ набалдашникомъ, острога, топоръ, ножъ, камень отъ очага или чувала, дрова и по крайней мѣрѣ подобіе пищи. Кромѣ того, родственники держатъ въ юртѣ куклу изъ полѣна, представляющую покойника; они одѣваютъ и раздѣваютъ ее, усаживаютъ за столъ, укладываютъ на ночь въ постель; но по прошествіи трехъ лѣтъ они считаютъ смерть окончательно наступившей, такъ какъ трупъ уже совершенно разложился, и кукла погребается рядомъ съ костями умершаго, въ могилѣ, которую украшаютъ оленьими рогами, вырѣзанными изъ дерева фигурками, бубенчиками, развѣвающимися лоскутками. Въ третьемъ мірѣ нѣтъ болѣе ни болѣзней, ни печалей, нѣтъ ни русскихъ чиновниковъ, ни податей и

[1]) *Paul de Kiraly*, рукописныя замѣтки.
[2]) *Поляковъ*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.

недоимокъ; но увы! остякамъ не суждено войти въ этотъ рай, они на вѣки останутся во второмъ мірѣ, который находится по ту сторону океана, за Обской губой [1]).

Жена у остяковъ покупается, какъ скотъ, и всегда считается существомъ нечистымъ, поганымъ; она не имѣетъ даже имени [2]). Также какъ у самоѣдовъ, одна часть юрты всегда остается запретной для нея, именно тотъ уголъ, гдѣ сложены съѣстные припасы; въ нѣкоторыхъ колѣнахъ доходитъ даже до того, что ея мужъ и ея собственныя дѣти имѣютъ привычку дѣлать окуриванья, чтобы очистить мѣсто, гдѣ она сидѣла [3]). Женщина никогда не наслѣдуетъ ни малѣйшей доли имущества, напротивъ, она сама составляетъ часть наслѣдства. Однако, общая мягкость нравовъ предохраняетъ ее отъ всякаго насилія, и въ отношеніи любви и согласія между супругами многія остяцкія семьи могли-бы послужить образцомъ для семействъ ихъ сосѣдей русскихъ поселенцевъ. Въ южныхъ областяхъ и вдоль всего теченія Оби, гдѣ вліяніе татаръ, прежнихъ властителей края, предшествовало вліянію русскихъ, обычай требуетъ, чтобы женщины завѣшивались покрываловъ, какъ магометанки, или отворачивались въ присутствіи мужчинъ, тогда какъ во внутреннихъ пустыняхъ онѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, какъ самоѣдки, и одѣваются подобнымъ же образомъ. Впрочемъ, всѣ остяки, которые ведутъ такой-же образъ жизни, какъ самоѣды, содержа стада оленей (оленные остяки), сдѣлались и сами настоящими самоѣдами, по нравамъ и обычаямъ, по одеждѣ и даже по языку [4]). Нечувствительные переходы типа, нравовъ, религіозныхъ обрядовъ, отъ семьи къ семьѣ, смотря по народцамъ, съ которыми остяки приходятъ въ соприкосновеніе, и съ которыми они вступаютъ въ брачные союзы, совершались постепенно. Въ тобольскомъ округѣ, татары, извѣстные подъ именемъ заболотныхъ, и ачапрскіе, исповѣдующіе исламъ, какъ кажется, тѣ же остяки, только отатарившіеся [5]).

Самоѣды, обитающіе на крайнемъ сѣверѣ Сибири, вокругъ устьевъ Оби и Таза и по берегамъ Енисея, принадлежатъ къ поколѣнію юраковъ, и, слѣдовательно, соплеменники самоѣдовъ, кочующихъ въ сѣверной Европѣ; это такіе-же самые люди, низенькіе ростомъ, боязливые, уныло выглядывающіе, гостепріимные и смирные, но практикующіе еще религію крови и втыкающіе куски сырого мяса въ зубы своимъ идоламъ. Восточные сибирскіе самоѣды, которые встрѣчаются тамъ и сямъ на югъ отъ Таймурскаго полуострова, до залива рѣки Хатанги, составляютъ другую группу, группу тавгинцевъ, которая у русскихъ часто обозначается подъ

---

[1]) *Поляковъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Костровъ*, Собраніе записокъ о Сибири.
[3]) *Ermann*, Путешествіе въ Сибирь.
[4]) *A. Castren*, Die Völker des Altaï.
[5]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, Тобольскъ.

именемъ „Дикой орды“, не потому, чтобы эти инородцы были менѣе цивилизованы, чѣмъ другая самоядь, а потому, что они не крещены какъ ихъ родичи, и остались болѣе независимыми. Они держатся въ сторонѣ отъ русскихъ купцовъ, священниковъ и чиновниковъ; но нигдѣ въ своемъ шествіи къ сѣверу, далеко отъ славянъ, тунгусовъ и якутовъ, эти самоѣды „дикой орды“ не подвинулись до самаго моря. Они считаютъ всю область прибрежья принадлежащей по праву „народу“ бѣлыхъ медвѣдей, и пресерьозно разсказываютъ, что неоднократно пытались было завоевать эту приморскую страну, но каждый разъ были прогоняемы медвѣдями, которые всегда выставляли по двѣнадцати своихъ бойцовъ въ шеренгу противъ восьмерыхъ самоѣдскихъ воиновъ [1]).

Нѣкоторыя другія племена разсѣяны гораздо далѣе на югѣ, и даже въ верхнемъ бассейнѣ Енисея, за предѣлами территоріи русской колонизаціи. Эти самоѣды, впрочемъ, очень малочисленные, которые живутъ по берегамъ рѣкъ Кана и Маны, на юго-востокѣ отъ Красноярска, извѣстны подъ именемъ камассовъ или камассинцевъ. Кастренъ видитъ въ нихъ самыхъ чистыхъ представителей рассы, тѣхъ, которые остались на своей первоначальной родинѣ, въ сосѣдствѣ Алтайскихъ горъ; нѣкоторые изъ окружающихъ народцевъ, отатарившіеся или омонголившіеся, разсказываютъ, что ихъ предки говорили другимъ языкомъ, отличнымъ отъ ихъ нынѣшней рѣчи, и Кастренъ полагаетъ, что этотъ языкъ былъ самоѣдскій. Прогнанные тюркскими завоевателями изъ своихъ родимыхъ долинъ, самоѣды спустились на сѣверъ и сѣверо-западъ вдоль по теченію Енисея и Оби, оставляя по дорогѣ тамъ и сямъ свои поселенія, въ мѣстностяхъ, наименѣе подверженныхъ вражескимъ нападеніямъ, но принужденные во многихъ мѣстахъ перемѣнить имя, нравы и нарѣчія, соотвѣтственно тѣмъ народностямъ, съ которыми они находились въ соприкосновеніи [2]). Прежде, во времена татарскаго владычества, большинство изъ этихъ инородцевъ смѣшались съ тюркскими народностями. На правомъ берегу Оби и въ долинахъ восточныхъ ея притоковъ: Чулыма, Кети, Тыма живутъ около 4,000 самоѣдовъ, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ остякамъ, и которые, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ сдѣлаются русскими.

Славянское населеніе относительно очень плотно въ той части Пермской губерніи, которая находится на восточной покатости Уральскаго хребта, и которая образуетъ треугольное пространство, съ условными границами, орошаемое различными притоками Тобола и Иртыша. Эта область Азіи, соединенная еще съ Европейской Россіей въ администра-

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.
[2]) Die Völker des Altaï.

*

тивномъ отношеніи, была колонизована первая, и въ настоящее время заключаетъ слишкомъ милліонъ жителей, то-есть населена пропорціонально отъ двадцати до тридцати разъ плотнѣе, чѣмъ Сибирь. Она, конечно, воспользовалась выгодами, которыя даетъ ей близость европейскихъ городовъ, но своей относительной важностью, въ ряду другихъ провинцій имперіи, она обязана собственнымъ рессурсамъ, своимъ природнымъ богатствамъ. Средній Уралъ есть главная горнозаводская страна Россіи, и азіатскій склонъ его еще богаче европейскаго ската, гдѣ добываютъ въ изобиліи драгоцѣнные металлы, желѣзную руду, каменный уголь, соль. Точно также, какъ на европейской покатости, кристаллическія горныя породы, силурійскіе, девонскіе, тріасовые пласты верхнихъ хребтовъ и боковыхъ кряжей были частію разрушены атмосферными дѣятелями и разсѣяны у восточнаго основанія горъ, въ видѣ грудъ каменныхъ обломковъ большой мощности, гдѣ находятся драгоцѣнныя руды, скрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища, которыя и привлекли въ эту страну славянское населеніе. Фискальныя соображенія побудили русское правительство сгруппировать въ одну провинцію горнозаводскіе округи той и другой покатости Каменнаго пояса, тогда какъ естественная граница должна бы была слѣдовать либо по направленію водораздѣльной линіи, либо по низменности Иртыша, которая представляетъ впадину древняго пролива, соединявшаго Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ. Административныя границы, начертанныя между двумя континентами, проходятъ черезъ страну почти случайно, пересѣкая наискось рѣки бассейна и перерѣзывая безъ всякаго соображенія съ географическимъ закономъ область озеръ, болотъ, лѣсовъ, неопредѣленныхъ покатостей, которая простирается на востокъ отъ Уральскихъ горъ.

Только около начала восемнадцатаго столѣтія начали оцѣнивать важное значеніе подземныхъ рудныхъ залежей и были основаны первые плавильные заводы на восточномъ склонѣ средняго Урала, построенные на мѣстѣ старыхъ копей жившаго здѣсь прежде народа Чудь, который разрабатывалъ всѣ встрѣчающіяся въ странѣ руды, за исключеніемъ одного желѣза[1]). Возрастающая важность уральскаго горнозаводскаго округа, значительные бюджетные доходы, которые получало изъ этого источника русское правительство, и въ особенности баснословныя богатства, которыя съумѣли пріобрѣсти нѣкоторые горнопромышленники, сдѣлавшіеся основателями княжескихъ домовъ, въ силу обладанія золотой жилой или залежью малахита, все болѣе и болѣе привлекали вниманіе къ этимъ горамъ, которыя теперь стали одной изъ классическихъ областей геологіи, и по которымъ путешествовали многочисленные ученые: до сотни тысячъ рабочихъ работали одновременно на рудникахъ и заво-

[1]) *Паллас*; *Лапахинъ* и др.

дахъ Урала. Со времени открытія „золотыхъ полей“ Калифорніи и Австраліи относительная важность Урала, какъ страны производства драгоцѣнныхъ металловъ, значительно уменьшилась; точно также мѣдныя руды екатеринбургскаго округа не могутъ оспаривать европейскіе рынки у продуктовъ мѣдныхъ рудниковъ Австраліи, Боливіи, Чили; но желѣзныя руды Урала, столь же высокаго качества, пользующіяся такимъ же предпочтеніемъ, какъ лучшія руды Швеціи, всегда будутъ имѣть для Россіи капитальную цѣнность, а по нѣкоторымъ дорогимъ каменнымъ породамъ, особенно по своимъ великолѣпнымъ малахитамъ, Уралъ и теперь еще занимаетъ первое мѣсто между рудными горами. Желѣзная дорога, соединяющая нынѣ два главные центра Пермской губерніи, Пермь, городъ административный, бѣдный и печальный, и Екатеринбургъ, городъ промышленный и горнозаводскій, городъ европейскаго вида, позволитъ болѣе дѣятельно эксплоатировать эти богатства, которыя до сихъ поръ утилизировались только для дворцовъ государей, да для нѣкоторыхъ привилегированныхъ музеевъ. Именно эти мѣсторожденія малахита находятся недалеко отъ желѣзной дороги и отъ станціи, которая носитъ имя „Азіи“, чтобы напомнить ѣдущимъ изъ Европы путешественникамъ, что они вступаютъ въ другую часть свѣта. Въ Нижне-Тагильскѣ, обогатившемся отъ своихъ рудниковъ золотыхъ, платиновыхъ, желѣзныхъ, открыли на глубинѣ 42 саженъ чистую массу великолѣпнаго малахита, занимающую нѣсколько саженъ по всѣмъ тремъ измѣреніямъ и вѣсящую около 2,000 пудовъ [1]). Вообще Нижнетагильскій чугуноплавильный заводъ самый важный изъ горныхъ заводовъ Сибири (среднее годовое количество чугуна, выплавляемаго на этомъ заводѣ, простирается, по Субботину, до 2.450,000 пудовъ). Холмъ, называемый Высокой горой, который питаетъ рудой, съ 1720 года, плавильные заводы Тагильскіе и Невьянскіе, представляютъ громадную глыбу желѣза, разрабатываемую въ видѣ каменоломни и заключающую по меньшей мѣрѣ 367 милліардовъ пудовъ желѣзной руды, которая на двѣ трети состоитъ изъ чистаго металла: выемки, сдѣланныя до сихъ поръ въ бокахъ этой металлической горы рудокопами, наглядно показываютъ относительную маловажность приложеннаго до сихъ поръ человѣческаго труда въ сравненіи съ тѣми богатствами, которыя еще лежатъ непочатыми въ нѣдрахъ Урала.

Прежде главнымъ городомъ этого горнозаводскаго округа былъ Верхо-Турье, названный такъ по причинѣ его положенія въ долинѣ верхней Туры. Онъ былъ построенъ, съ 1598 года, на мѣстѣ древняго Неромъ-Кура, „чудскаго или вогульскаго городища“, и, впродолженіе болѣе чѣмъ полутораста лѣтъ, служилъ средоточіемъ торговли для всей области горной промышленности; въ этомъ городѣ находится древнѣйшій

[1]) *Murchison*, Russia and the Ural mountains.

монастырь русской Азіи[1]). Съ открытіемъ, въ 1763 году, новой дороги изъ Перми въ Екатеринбургъ, проходящей гораздо южнѣе, Верхотурье утратилъ всю свою важность, какъ торговый городъ; ту же участь испыталъ и сосѣдъ его Пелымъ, лежащій на рѣкѣ Тавдѣ. Этотъ послѣдній представляетъ теперь бѣдную деревушку, и путешественникъ отыскиваетъ въ немъ мѣсто, гдѣ стояли дома, въ которыхъ Минихъ, Бирономъ и многіе другіе изгнанники прошлаго столѣтія провели свои годы ссылки. Всѣ рудники и металлургическія заведенія верхней долины Туры составляютъ одинъ округъ, Гороблагодатскій. Гора этого имени, Благодать, есть огромная глыба магнитнаго желѣзняка, поднимающаяся на границѣ Европы съ Азіей до высоты 1,540 футовъ. По преданію, одинъ вогулъ открылъ русскимъ рудокопамъ существованіе этой замѣчательной горы, и чтобы наказать его за то, что онъ привлекъ въ страну толпу чужеземцевъ, его соотечественники сожгли его живаго: часовня, которая высится на одной изъ двухъ вершинъ горы Благодати, была сооружена, говорятъ, ради искупленія этого преступленія. Теперь ужъ не находятъ сильныхъ естественныхъ магнитовъ въ гороблагодатской рудѣ: лучшіе экземпляры получаются съ другой болѣе высокой горы (2,770 футовъ), называемой Кашканаръ, которая господствуетъ надъ городомъ Нижне-Туринскомъ[2]).

Долина рѣки Тагиль, которая соединяется съ Турой въ предѣлахъ Пермской губерніи, еще богаче горными заводами, чѣмъ верхній бассейнъ Туры; но промышленная дѣятельность направилась также въ верхнюю долину рѣки Нейвы, которая получаетъ начало въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ истоковъ Тагиля, въ той-же самой группѣ горъ. Тамъ, въ верховьяхъ Нейвы, ниже одного прекраснаго альпійскаго озера, находится знаменитый Невьянскій или Нейвинскій заводъ, который считаютъ,—однако ошибочно,—самымъ старымъ изъ всѣхъ горныхъ заводовъ азіатскаго Урала; основаніе его относится къ 1699 году. Спустя три года Петръ I отдалъ его въ „вѣчное“ владѣніе горному промышленнику Демидову, прибавивъ къ заводу пространство земли, исчисляемое въ 1.275,775 десятинъ. Подобно Пизѣ, Невьянскъ тоже имѣетъ свою наклонную башню; но эта массивная постройка страны вогуловъ не представляетъ и тѣни того изящества стиля, какимъ отличается итальянское зданіе.

Къ востоку отъ Невьянска и на той-же рѣкѣ Нейвѣ находимъ другой городъ съ желѣзоплавильными и мѣдеплавильными заводами, Алапаевскъ, гдѣ тоже собираются тысячи рабочихъ и рудокоповъ. Но для этихъ мануфактурныхъ горнозаводскихъ городовъ и для окружающихъ

---

[1]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.

[2]) *Эрманъ*, цитированное сочиненіе.

ихъ промышленныхъ селеній нуженъ былъ экспедиціонный рынокъ, лежащій уже въ области равнины и легкодоступный какъ для барокъ, такъ и для телѣгъ. Такимъ рынкомъ сдѣлался городъ Ирбить. Расположенный при сліяніи рѣчки Ирбити съ Ницей, которая принимаетъ въ себя Нейву и далѣе соединяется съ Турой, этотъ городъ, какъ полагаютъ, татарскаго происхожденія, и названіе котораго произошло, вѣроятно, отъ имени Ирбейскъ, даннаго ему туземцами, былъ, въ первыя времена русской колонизаціи, простой слободой, окруженной пустынными, необитаемыми пространствами: со всѣхъ сторонъ тянулись на большое разстояніе лѣса, хвойные на сѣверо-западѣ, лиственные и преимущественно березовые на югѣ и юго-востокѣ [1]). Колонизація началась только съ половины семнадцатаго столѣтія. Въ 1775 году Ирбить возведенъ былъ на степень города, въ награду за то, что онъ остался вѣрнымъ императрицѣ во время пугачевскаго бунта. Какъ городъ, Ирбить немного увеличился; но каждый годъ онъ пріобрѣтаетъ на извѣстное время первостепенную важность между сибирскими городами: впродолженіе всего февраля мѣсяца онъ становится Нижнимъ Новгородомъ азіатской Россіи. Дома, пустые въ остальное время года, наполняются тогда иногородными гостями, пріѣзжающими изъ всѣхъ частей Имперіи; смотря по болѣе или менѣе благопріятному ходу торговли, на ирбитскую ярмарку съѣзжается отъ 12,000 до 20,000 посѣтителей. Несмотря на суровость температуры, несмотря на сильные морозы и леденящій вѣтеръ, который иногда поднимаетъ снѣжные вихри и бураны, сибирскій трактъ ни на минуту „не отдыхаетъ“ во все продолженіе ярмарки. Дома, стоящіе по краямъ дороги, превращаются въ эту горячую пору въ гостинницы и постоялые дворы, гдѣ постоянно кипитъ пузатый самоваръ, чтобы приготовить чай пріѣзжающимъ, и лошади во всей упряжи, поставляемыя крестьянами ближайшихъ къ тракту селеній, стоятъ наготовѣ въ ожиданіи повозокъ и обозовъ съ товаромъ. Съ начала текущаго столѣтія торговля ирбитской ярмарки, снабжающей товарами почти всю Сибирь, болѣе чѣмъ удесятерилась по своимъ оборотамъ. Въ 1809 году общая цѣнность привезеннаго на ярмарку товара превышала три съ половиной милліона рублей; въ 1829 году ее исчисляли почти въ 11 милліоновъ; въ 1849 году она достигала уже 32 милліоновъ; а въ настоящее время эта цѣнность простирается слишкомъ до 50 милліоновъ рубл. въ хорошіе годы: такъ, въ 1879 году было привезено на ирбитскую ярмарку разныхъ товаровъ на сумму 50.373,000 рубл., изъ этого числа продано на сумму 48.890,150 рублей. Европейская Россія, черезъ посредство ирбитскаго годоваго торга, доставляетъ сибирякамъ всѣхъ мѣстностей, вплоть до береговъ Тихаго океана, всякаго рода ткани и матеріи, отечественнаго или иностраннаго

[1]) *Булычевъ*, Записки Уральскаго общества естествоиспытателей, томъ IV, 1878 г.

производства, орудія и инструменты, металлическія издѣлія, сахаръ, пшеничную муку, виноградныя вина, даже крупчатые сухари, и въ обмѣнъ за эти мануфактурныя произведенія и колоніальные товары купцы ея запасаются здѣсь сибирскими продуктами, преимущественно пушнымъ товаромъ и кожьемъ. Какъ только ярмарка кончилась и громадный базаръ опустѣлъ, на улицахъ Ирбити снова воцаряется тишина и безмолвіе; впродолженіе одиннадцати мѣсяцевъ этотъ торговый центръ территоріи, равной пространствомъ всей Европѣ, представляетъ не болѣе, какъ угрюмый и сонный провинціальный городишко, жители котораго обращаютъ взоры къ Екатеринбургу, Тюмени или Тобольску, какъ къ столицамъ, центрамъ человѣческой дѣятельности. Что касается желѣзныхъ рудниковъ, которые первоначально вызвали къ жизни, среди лѣсовъ при рѣкѣ Ницѣ, городъ Ирбить, то они утратили свою важность. Главный заводъ этой мѣстности, называемый Ирбитскимъ, хотя онъ лежитъ въ шестидесяти слишкомъ верстахъ къ юго-западу отъ города, производитъ среднимъ числомъ до 735,000 пудовъ желѣза [1]).

По соединеніи съ ирбитской Ницей, рѣка Тура протекаетъ черезъ округъ Тобольской губерніи, административный пунктъ котораго городъ Туринскъ (древній Епанчинъ), и затѣмъ спускается на юго-востокъ къ Тюмени, одному изъ значительнѣйшихъ городовъ Сибири. Этотъ городъ славился уже до прибытія русскихъ въ край, и на картѣ Герберштейна, относящейся къ 1549 году, онъ представленъ обнесенный каменной оградой; сибирскіе татары до сихъ поръ еще знаютъ его подъ именемъ Дженгисъ-тора или „города Чингисъ-хана“, и приписываютъ основаніе его знаменитому азіатскому завоевателю [2]). Какъ мѣсто соединенія многочисленныхъ дорогъ, какъ западная оконечность главнаго судоходнаго пути Сибири, какъ конечный пунктъ громадной березовой аллеи, которую Екатерина II велѣла насадить на всемъ пространствѣ отъ Нижняго Новгорода до горныхъ заводовъ Урала, и которую она пыталась защитить отъ топора русскихъ и башкирцевъ угрозами ссылки и смертной казни, Тюмень сдѣлался, несмотря на близкое сосѣдство Ирбити, однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Обскаго бассейна. Здѣсь тоже бываетъ каждый годъ значительная ярмарка, гдѣ производится торговля чаемъ и другими товарами, и обороты которой превышаютъ милліонъ рублей; но своимъ важнымъ значеніемъ городъ обязанъ главнымъ образомъ своей мануфактурной промышленности, которая годъ отъ году все болѣе увеличивается: Тюмень имѣетъ претензію быть сибирскимъ „Манчестеромъ“, и изъ его мастерскихъ выходятъ, между прочимъ, ковры, употребляемые почти во всей Азіатской Россіи. Въ 1871 году въ этомъ городѣ насчи-

---

[1]) *Семеновъ*, Географ. словарь Россійской Имперіи.

[2]) *Ermann*, Путешествіе въ Сибирь.

ОСТЯКИ.

тывали уже болѣе сотни различныхъ фабрикъ и заводовъ, а въ наши дни между его промышленными заведеніями существуютъ такія значительныя, какъ мастерская для изготовленія паровыхъ машинъ, обширный кожевенный заводъ, выдѣлывающій кожанаго товара на сумму около милліона рублей въ годъ, и, въ окрестностяхъ города, строительная верфь для пароваго флота Обскаго бассейна; лѣса, растущіе по Турѣ, доставляютъ этой верфи дерево, считающееся лучшимъ въ Сибири. Городъ и окружающія его селенія выдѣлываютъ также въ большомъ количествѣ разную домашнюю утварь и посуду изъ липы и деревянные ящики разнаго рода; въ тюменскомъ округѣ каждый годъ приготовляется около 50,000 штукъ телѣгъ и саней. Тюмень есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный складочный пунктъ для пароходовъ, плавающихъ по Оби, хотя онъ бываетъ соединенъ съ сѣтью рѣчнаго судоходства только въ періодъ весенняго половодья; лѣтомъ пароходы обыкновенно не могутъ проникать въ рѣку Туру; они принуждены останавливаться на Тоболѣ, на половинѣ дороги изъ Тюмени въ Тобольскъ, у пристани села Артамонова.

Екатеринбургъ, лежащій у восточнаго основанія Уральскихъ горъ (порогъ которыхъ, впрочемъ, находится всего только на 656 футовъ выше мѣстоположенія этого города), не пользуется такими-же временными выгодами, какъ Тюмень, для рѣчнаго судоходства; но онъ поставленъ въ столь-же благопріятныя условія въ отношеніи сухопутныхъ сообщеній и покамѣстъ (до устройства сибирскаго рельсоваго пути) составляетъ конечный пунктъ желѣзныхъ дорогъ изъ Европы въ Азію; онъ занимаетъ центральное положеніе между двумя горнозаводскими областями, между сѣвернымъ и южнымъ Ураломъ, и въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, верстахъ въ десяти къ сѣверо-востоку, находится Березовъ или Березовскій заводъ, который еще недавно имѣлъ столь важное экономическое значеніе, благодаря своимъ золотымъ и платиновымъ рудникамъ, открытымъ въ 1820 году; въ 1827 году общая цѣнность этихъ благородныхъ металловъ, добытыхъ изъ Березовскихъ рудниковъ, простиралась до 15 милліоновъ рублей [1]). Горные заводы Верхъ-Исетскіе, составляющіе предмѣстье города, на сѣверо-западѣ, и Нижне-Исетскіе, на юго-востокѣ, также представляютъ значительную важность по своему производству, въ особенности по отливкѣ чугуна. Екатеринбургъ, который величается тѣмъ, что онъ еще европейскій городъ, есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Россіи. Онъ расположенъ наклонно, по отлогой покатости, спускающейся къ берегу рѣки Исеть, которая въ этомъ мѣстѣ расширяется и образуетъ судоходное озеро, окруженное деревьями. Высокіе бѣлые каменные дома съ зелеными крышами изъ листоваго желѣза, похожаго на плиты малахиты, поднимаются надъ живописными деревянными домиками, и надъ

[1]) *Эрманъ*, цитированное сочиненіе.

всей массой строеній господствуютъ колокольни и позолоченные куполы церквей; вдали на горизонтѣ виднѣются волнообразныя очертанія Уральскихъ горъ. Первый домикъ Екатеринбурга былъ построенъ въ 1722 году, и городъ сталъ быстро развиваться, благодаря сосѣдству богатыхъ рудниковъ. Промышленность этой азіатской столицы, резиденціи горнозаводскихъ властей, составляющихъ своего рода правительство (главное управленіе Уральскихъ горныхъ заводовъ), зависитъ, какъ и прежде, отъ богатствъ, заключающихся въ нѣдрахъ земли. Екатеринбургская гранильная фабрика пользуется большой извѣстностью. Здѣшніе шлифовальщики драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней отправляютъ въ Европейскую Россію порфировыя вазы, столы и другую мебель изъ малахита, изъ родонита, и тысячу различныхъ издѣлій изъ дымчатаго топаза, изъ яшмы, изъ горнаго хрусталя, превосходно вырѣзанныхъ и отполированныхъ, но не отличающихся разнообразіемъ рисунковъ. Существовавшій прежде въ Екатеринбургѣ монетный дворъ, гдѣ чеканилась мѣдная монета, иногда также золотая и платиновая, упраздненъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но взамѣнъ того промышленная дѣятельность города увеличилась нѣсколькими частными фабриками, въ томъ числѣ механическимъ заводомъ. Добыча разныхъ металловъ изъ уральскихъ рудниковъ, на обоихъ склонахъ горъ, представляла въ 1876 году слѣдующія цифры:

Золота . . .	400 пудовъ.	Мѣди	121,025 пудовъ.
Платины. . .	90 „	Никкеля	248½ „
Желѣза . . .	29.908,117 „	(3.745,100 пудовъ на казенныхъ заводахъ, остальное количество на частныхъ).	

Въ Екатеринбургѣ существуетъ метеорологическая обсерваторія, и съ 1872 года этотъ городъ сдѣлался мѣстопребываніемъ ученаго общества, „уральскаго общества естествоиспытателей“, которое издаетъ интересный сборникъ, содержащій статьи на русскомъ и даже на французскомъ языкѣ по геологіи, ботаникѣ, зоологіи и этнографіи уральскихъ странъ. Это общество устроило, съ 1876 года, въ разныхъ частяхъ Урала, около 70 метеорологическихъ станцій, сравнительныя таблицы которыхъ очень полезны для изученія мѣстнаго климата. Уже ближайшія окрестности Екатеринбурга представляютъ множество любопытныхъ предметовъ наблюденія въ подземныхъ галлереяхъ рудниковъ и на поверхности земли. Въ особенности замѣчательны, верстахъ въ четырехъ къ югу отъ озера Шарташъ, многочисленныя горки изъ слоистаго гранита, прозванныя, по причинѣ ихъ сходства съ палатками, „каменными шатрами“ [1]). Одинъ изъ утесовъ, окаймляющихъ теченіе рѣки Пыжмы, покрытъ какими-то надписями на неизвѣстномъ языкѣ, которыя отличаются отъ надписей, находимыхъ на Алтаѣ и Енисеѣ, гораздо большимъ изяществомъ буквъ [2]).

[1]) *Рогова*, Записки уральскаго общества естествоиспытателей, томъ I, 1873 г.

[2]) *Спасскій*, De antiquis quibusdam sculpturis; *Эрманъ* и друг.

Къ востоку отъ Екатеринбурга встрѣчаемъ другіе города, Камышловъ на Пыжмѣ, Далматовъ и Шадринскъ на Исети, которые зависятъ еще въ административномъ отношеніи отъ Перми. На югѣ также есть города, которые, хотя находятся въ Обскомъ бассейнѣ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ европейскимъ губерніямъ. Троицкъ, на рѣкѣ Уй, притокъ Тобола, есть самый важный изъ этихъ новыхъ городовъ, благодаря своему положенію, въ качествѣ промежуточной станціи, между Оренбургомъ и Омскомъ, при соединеніи двухъ плодородныхъ долинъ и на окраинахъ степи, которая простирается на югъ и на востокъ, къ арало-каспійскимъ странамъ и къ Небеснымъ горамъ. Окруженный разноплеменными населеніями: русскими, башкирами, мещеряками, киргизами, Троицкъ былъ прежде однимъ изъ главныхъ рынковъ западной Азіи; въ немъ образовались нѣкогда многіе изъ купеческихъ каравановъ, перевозящихъ европейскіе товары въ Ташкентъ, въ Хиву, въ Бухару, въ Челябинскъ или Челябу, городъ, лежащій на дорогѣ изъ Троицка въ Екатеринбургъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ дорога изъ Оренбурга въ Ташкентъ сдѣлалась главнымъ путемъ изъ Европы въ Туркестанъ, Троицкъ въ значительной степени утратилъ свое прежнее торговое значеніе; дѣятельность его сосредоточена теперь главнымъ образомъ на торговлѣ скотомъ. Ярмарка въ селѣ Крестовомъ, считается самымъ важнымъ годовымъ торгомъ на азіатской сторонѣ Урала; въ 1875 году привозъ товаровъ на эту ярмарку по цѣнности простирался до 8.350,000 рублей.

Городъ Курганъ, который находится уже въ предѣлахъ административной территоріи русской Азіи, на лѣвомъ берегу Тобола, напоминаетъ своимъ именемъ существованіе древней искусственной горки, но этотъ холмъ „Царской крѣпости“, который имѣлъ 80 саженъ въ окружности и былъ обнесенъ каменной стѣной и обведенъ рвомъ, пересталъ существовать уже около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ: русскіе, раскопавъ курганъ, гдѣ ими было найдено множество драгоцѣнныхъ украшеній, сдѣланныхъ изъ золота и серебра, построили на немъ крѣпостцу, которую, однако, они принуждены были впослѣдствіи покинуть, по причинѣ постоянныхъ обваловъ берега, подтачиваемаго водами Тобола. Военная колонія, находившаяся у подножія бугра, переселилась верстъ на девять ниже по рѣкѣ, и мало по малу разрослась въ торговый городъ, который мы видимъ нынѣ на мѣстѣ ея; въ окрестныхъ селеніяхъ главный промыселъ жителей—выдѣлка бочекъ для сала. Курганъ—самое значительное городское поселеніе выше Тобольска; однако, Ялуторовскъ, лежащій также на лѣвомъ берегу Тобола, построенный въ 1641 году, на развалинахъ прежняго татарскаго городка, представляетъ довольно оживленный пунктъ, по крайней мѣрѣ во время происходящей въ немъ ежегодно конской ярмарки; это городъ съ черными домами, съ широкими улицами, окруженный вѣтряными мельницами, высящимися на срубахъ пирамидальной

формы. Окружающая страна есть одна изъ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей Сибири, и большинство населенія живетъ въ довольствѣ, благодаря продажѣ скота, сала, кожъ, пшеницы и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Ялуторовскій округъ есть также одинъ изъ тѣхъ округовъ Сибири, куда правительство въ недавнее время посылало наибольшее число ссыльныхъ, осужденныхъ за кражу, и куда сельскія общества европейской Россіи отправляли своихъ лѣнивыхъ членовъ, отъ которыхъ они хотѣли отдѣлаться; цыганъ тамъ тоже больше, чѣмъ во всякой другой части страны. Преступленія довольно часты въ этой области, самой населенной во всей Сибири.

Ишимъ, притокъ Иртыша, какъ и Тоболъ, и сохраняющій направленіе параллельное этой послѣдней рѣкѣ въ большей части своего теченія, также омываетъ нѣсколько важныхъ городовъ. Акмолинскъ (отъ татарскаго слова Акъ-молы, означающаго „Бѣлую могилу"), главный городъ области того-же имени (Акмолинской), лежитъ недалеко отъ истоковъ Ишима, среди киргизской степи, и близкое сосѣдство кочующихъ киргизъ-кайсацкихъ племенъ сдѣлало его значительнымъ рынкомъ. Далѣе на западѣ, при сліяніи Ишима и рѣки его имени, Атбасаръ, бывшая казачья станица, основанная для наблюденія за кочевниками окрестной мѣстности, сдѣлался мало по малу городомъ мирныхъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Петропавловскъ, на правомъ берегу Ишима, лежитъ уже за предѣлами киргизской территоріи, и вся окружающая его мѣстность населена славянами болѣе или менѣе чистаго происхожденія; тѣмъ не менѣе онъ служитъ мѣстомъ мѣновой торговли съ номадами, которые приходятъ сюда толпами сбывать свои продукты, продавать свой скотъ и, въ свою очередь, запасаются здѣсь всѣмъ необходимымъ; болѣе трехъ тысячъ этихъ сыновъ степи поселилось въ городѣ рядомъ съ русскими въ качествѣ осѣдлыхъ жителей. Петропавловскъ самый многолюдный городъ во всемъ бассейнѣ Ишима; сверхъ того онъ имѣетъ то преимущество надъ большей частью сибирскихъ городовъ, что представляетъ живописную картину, благодаря скаламъ, на которыхъ лежатъ развалины старинной крѣпости, на высотѣ 14 саженъ надъ уровнемъ рѣки. Ишимъ, который получилъ имя омывающей его рѣки, когда былъ возведенъ на степень города, не можетъ соперничать съ Петропавловскомъ ни по красотѣ мѣстоположенія, ни по числу жителей; но онъ производитъ болѣе обширную торговлю въ дни ежегодной ярмарки, продолжающейся съ 1 по 20 декабря: въ это время сюда собирается около десяти тысячъ иногородныхъ посѣтителей, и торговые обороты простираются до 5 милліоновъ рублей. Окружающая область, называемая Ишимской „степью", есть одна изъ богатѣйшихъ странъ Сибири: это волнообразная территорія, покрытая черноземной почвой, изрѣзанная оврагами и пересѣченная грядами холмовъ, слегка покатыхъ къ сѣверу, круто обрѣзанныхъ на южной сто-

ронѣ, и постепенными переходами сливающаяся съ Киргизской степью. Въ ишимскомъ округѣ многочисленные бассейны бываютъ поперемѣнно то мелководными озерами, изобилующими, однако, рыбой, то луговыми равнинами, гдѣ крестьяне косятъ траву. Въ 1841 году въ округѣ насчитывали болѣе трехъ-сотъ высохшихъ озеръ. Затѣмъ въ 1859 году они опять начали наполняться, и пять лѣтъ спустя вода вездѣ снова приняла свой нормальный уровень.

Будущіе города верхняго бассейна русскаго Иртыша, каковы Зайсанъ, близъ озера того-же имени, Кокбектинскъ или Кокбекты, на боковомъ притокѣ этой рѣки, и Каркаралинскъ, въ небольшомъ замкнутомъ бассейнѣ, едва отдѣляющемся отъ Обской покатости, представляютъ пока еще только казачьи посты, вокругъ которыхъ сгруппировались русскіе поселенцы хлѣбопашцы, татарскіе торговцы и киргизы, мѣняющіе свою кочевую жизнь на осѣдлое существованіе. Первый городъ на Иртышѣ, заслуживающій этого названія,—Устькаменогорскъ, лежащій, какъ показываетъ его имя, при выходѣ изъ горнаго ущелья, и недалеко отъ области рудниковъ. На сѣверо-востокѣ, въ маленькой долинѣ рѣчки Глубокой, около тысячи рабочихъ разработываютъ залежи мѣдной руды въ Бѣлоудовскомъ рудникѣ. Ниже Семипалатинскъ, возведенный нынѣ на степень областнаго города, расположенъ на возвышенномъ правомъ берегу Иртыша; впрочемъ, онъ долженъ былъ часто перемѣнять мѣсто по причинѣ обваловъ берега, подтачиваемаго водами рѣки, и нашествія дюнъ, и одна изъ подгородныхъ деревень, окруженная со всѣхъ сторонъ сыпучими песками, выстроилась на прежнемъ мѣстоположеніи города, подъ именемъ „Стараго Семипалатинска“. Это наименованіе Семи Палатъ, данное русскому городу, обязано своимъ происхожденіемъ семи домишкамъ, которые нѣкогда находились въ окрестностяхъ и служили капищами туземнымъ калмыкамъ: во время путешествія Гмелина по Сибири, одна изъ этихъ лачугъ заключала еще двухъ идоловъ, изображавшихъ медвѣдей, а въ другой видны были на стѣнахъ какія-то неясныя очертанія, похожія на человѣческія фигуры. Недалеко оттуда, въ Аблайкитской долинѣ, находятся развалины другого языческаго храма, очевидно буддистскаго происхожденія. Семипалатинскъ, населенный преимущественно татарами, прежде поддерживалъ дѣятельныя торговыя сношенія съ китайскимъ городомъ Чучучакомъ, которыя, вслѣдствіе событій въ Кашгаріи, нынѣ почти совершенно прекратились; но взамѣнъ того онъ ведетъ теперь торговлю съ Ташкентомъ и Бухарой, и въ лавкахъ его мы найдемъ тѣ-же самые товары, какіе продаются на базарахъ этихъ двухъ среднеазіатскихъ городовъ. Что касается движенія торговаго обмѣна съ Россіей, то оно иногда пріостанавливается лѣтомъ вслѣдствіе большаго спада водъ въ Иртышѣ: въ этомъ мѣстѣ, внизъ по теченію рѣки, показываются послѣдніе ряды камней или пороги на днѣ рѣчного ложа. Пески нѣкоторыхъ

притоковъ Иртыша даютъ каждый годъ золотопромывальщикамъ небольшое количество золота.

Слѣдующій за Семипалатинскомъ ниже по Иртышу городокъ Павлодаръ есть не болѣе, какъ промежуточная станція и пристань на половинѣ дороги изъ Семипалатинска въ Омскъ, нынѣшнюю столицу Западной Сибири. Омскъ построенъ въ степи, на обоихъ берегахъ Оми, при сліяніи этой рѣки съ Иртышемъ; кромѣ того онъ находится на главномъ сибирскомъ трактѣ и въ поясѣ русской колонизаціи, раздѣляющемъ киргизовъ на югѣ и татаръ на сѣверѣ. Крѣпость его, которая существуетъ еще на правомъ берегу Оми, сдѣлалась резиденціей высшей военной и гражданской администраціи края (главное управленіе Западной Сибири), и мѣстная торговля извлекла выгоды изъ этого обстоятельства. Въ Омскѣ, который добивался чести сдѣлаться современемъ мѣстопребываніемъ сибирскаго университета, главное учебное заведеніе—военная гимназія, гдѣ учится около 350 воспитанниковъ; при этой школѣ имѣется музей естественной исторіи. Въ 1877 году въ этомъ городѣ основался одинъ изъ отдѣловъ русскаго географическаго общества (западно-сибирскій), имѣющій задачей научныя изслѣдованія во всей Западной Сибири.

На востокъ отъ Омска, главная сибирская дорога слѣдуетъ вверхъ по долинѣ рѣки Оми, гдѣ находится, почти на половинѣ пути отъ Иртыша до Оби, городъ Каинскъ, на берегу Оми, въ центрѣ Барабинской степи. Въ числѣ его жителей насчитывается нѣсколько сотъ евреевъ, сосланныхъ на поселеніе и водворенныхъ въ этой части Сибири за контрабанду. На берегахъ Иртыша, между Омскомъ и Тобольскомъ, на разстояніи около тысячи верстъ по извилинамъ рѣки, въ настоящее время существуетъ только одинъ городъ, Тара, лежащій на лѣвомъ берегу Иртыша, напротивъ впаденія рѣки его имени. Будучи гораздо болѣе древнимъ русскимъ поселеніемъ, чѣмъ Омскъ, такъ какъ основаніе ея относится къ концу шестнадцатаго столѣтія, Тара пользовалась прежде выгодами, которыми впослѣдствіи овладѣлъ Омскъ, какъ пограничный военный городъ, и отсюда въ прежнее время отправлялись всѣ военныя экспедиціи противъ киргизовъ. Между постоянными жителями города находятся еще магометане бухарцы, потомки купцовъ изъ Татаріи, которые поселились въ Тарѣ, когда она была главнымъ рынкомъ окружающей страны. При Петрѣ Великомъ здѣсь было перебито, по приказанію царя, около семи сотъ жителей раскольниковъ, отказавшихся принести присягу на вѣрноподданство. Съ той эпохи Тара, которая, впрочемъ, стоитъ въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта, принадлежитъ къ числу городовъ наиболѣе медленно возраставшихъ.

Тобольскъ, бывшая столица всей Азіатской Россіи, а въ наши дни простой губернскій городъ, также пришелъ въ упадокъ; онъ теперь стоитъ уже только шестымъ между городами Сибири по числу жителей, и при-

томъ многіе другіе города, какъ кажется, должны скоро опередить его въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ онъ занимаетъ географическое положеніе одно изъ самыхъ важныхъ и выгодныхъ, при соединеніи долинъ двухъ большихъ рѣкъ Иртыша и Тобола, и слѣдовательно въ центрѣ судоходной сѣти Западной Сибири; но онъ находится на сѣверѣ отъ 58 градуса сѣверн. широты, правда, ближе къ экватору, чѣмъ Петербургъ, но подъ изотермическими линіями менѣе благопріятными, недалеко отъ границы произрастанія хлѣбовъ. Кромѣ того, Тобольскъ, городъ развѣнчанный, пересталъ быть одною изъ главныхъ станцій большаго торговаго пути Сибири, который прежде дѣлалъ крюкъ къ сѣверу, чтобы пройти передъ губернаторскимъ дворцомъ, и который теперь изъ Тюмени направляется прямо въ Омскъ черезъ Ялуторовскъ и Ишимъ; но онъ все еще служитъ сборнымъ мѣстомъ для партій арестантовъ, пригоняемыхъ изъ Россіи, и распредѣленіемъ ихъ по разнымъ частямъ Сибири завѣдуетъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Во время путешествія Фалька, въ 1772 году, Тобольскъ имѣлъ болѣе 15,000 жителей, почти столько-же, какъ и въ наши дни. Отъ татарской эпохи не сохранилось никакихъ остатковъ: Бищикъ-тура или „Женскій городъ“, существовавшій въ этомъ мѣстѣ во время нашествія Ермака (которому въ Тобольскѣ поставленъ памятникъ на высокомъ холмѣ—мраморный обелискъ на гранитномъ пьедесталѣ съ надписью: „покорителю Сибири Ермаку“), былъ совершенно разрушенъ казаками. Не уцѣлѣло также ни одного зданія отъ первыхъ временъ занятія края русскими, такъ какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи два большіе пожара опустошили городъ. Тѣмъ не менѣе Тобольскъ, съ его церквами, высоко поднимающими свои разрисованные куполы, съ его стариннымъ кремлемъ, господствующимъ съ горы надъ нижними кварталами, расположенными на берегу широкаго Иртыша, все еще есть по красотѣ вида одинъ изъ самыхъ величественныхъ городовъ Сибири. Его рыбный рынокъ — одинъ изъ самыхъ богатыхъ, наиболѣе обильно снабжаемыхъ во всемъ свѣтѣ. Барки и досчаники привозятъ на тобольскій рынокъ ежегодно до 500,000 пудовъ разной рыбы, продажа которой производитъ въ городѣ торговые обороты на сумму по меньшей мѣрѣ милліона рублей, но за которую, вѣроятно, было заплочено никакъ не болѣе 10,000 рублей остяцкимъ рыболовамъ [1]). Ниже Тобольска на Иртышѣ нѣтъ ни одного города; но большая деревня Самарова, построенная на холмѣ, который господствуетъ съ южной стороны надъ двумя аллювіальными равнинами Иртыша и Оби, соединяющимися ниже въ видѣ взаимно переплетающихся каналовъ или рукавовъ, замѣчательна какъ бывшая столица остяцкаго царства. Туземцы покинули это поселеніе, чтобы отправиться на жительство въ отдаленныя становища; на ихъ мѣсто пришли

[1]) *Поляковъ*, Письма о путешествіи въ долину Оби.

и водворились русскіе ямщики, занимающіеся извознымъ промысломъ. Эти низменныя страны, гдѣ соединяются Иртышъ, Обь и ихъ притоки, составляютъ одну изъ наименѣе доступныхъ частей Сибири, именно по причинѣ ихъ малаго возвышенія. Огромныя пространства, обнимающія многія тысячи квадр. верстъ, представляютъ болота неприступныя для звѣролова и даже для рыболова. Вообще можно сказать, что за исключеніемъ земель прилегающихъ близко къ большимъ рѣкамъ и вслѣдствіе того пользующихся естественнымъ дренажемъ, все пространство, которое простирается на сѣверѣ отъ 57 градуса широты, между Тоболомъ и Обью, есть одно обширное болото. Огромные лѣса совершенно непроходимые и напоминающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропическія чащи корнепусковъ, такъ какъ по нимъ можно пробираться неиначе, какъ въ лодкѣ,—занимаютъ все пространство, заключающееся между Обью и Уральскими горами: эти лѣса составляютъ совершенно особенный міръ съ своеобразнымъ характеромъ природы, міръ дико суровый, угрюмый, безмолвный. Область, отдѣляющая Обь отъ Иртыша, и по которой протекаютъ двѣ рѣки Юганъ, перерѣзана по серединѣ незначительнымъ возвышеніемъ почвы, образующимъ тундру длиною около 600 верстъ, которая у окрестныхъ татаръ извѣстна подъ именемъ *Урмана*. Этотъ хребетъ, поднимающійся надъ лѣсами и надъ равниной, сплошь состоитъ изъ растительныхъ остатковъ, и почва его трясется подъ ногами человѣка, хотя послѣдній не рискуетъ увязнуть въ ней; кое-гдѣ холмики, покрытые кривыми, приземистыми березками, ростущими на этой тундрѣ, превращаются въ островки во время дождей.

Къ сѣверу отъ Алтайскихъ горъ и Барнаульскихъ равнинъ нѣтъ ни одного большаго города на берегахъ Оби. Колывань, который еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ простой крѣпостцей или острогомъ, пріобрѣлъ нѣкоторую важность, какъ мѣсто рыбной ловли и какъ рынокъ земледѣльческихъ продуктовъ; но главнымъ торговымъ центромъ этой страны сдѣлался Томскъ, лежащій близъ праваго берега Томи, верстахъ въ ста отъ сліянія этой рѣки съ Иртышемъ. Изъ всѣхъ городскихъ поселеній Сибири Томскъ, можетъ быть, наиболѣе походитъ на городъ Европейской Россіи по архитектурѣ домовъ, роскоши магазиновъ, оживленію главныхъ улицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это городъ, жители котораго выказываютъ въ сильной степени коммерческую инициативу и предпріимчивость; уже около двухъ столѣтій онъ находится въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Бухарой, и татарскіе торговцы имѣютъ въ немъ свой особенный кварталъ; томскіе казаки, самые предпріимчивые колонизаторы, были истинными завоевателями Сибири, и услуги, которыя они этимъ оказали распространенію русскаго могущества, были признаны и награждены въ семнадцатомъ столѣтіи титуломъ „боярскихъ дѣтей“, по-

жалованнымъ имъ царемъ. Сотни рабочихъ заняты розысками золота въ южныхъ и юго-восточныхъ золотоносныхъ округахъ, которые хотя не такъ богаты металломъ, какъ золотые пріиски восточной Сибири, но гдѣ за то издержки по исканію розсыпей гораздо менѣе значительны. Томскъ есть также одинъ изъ четырехъ городовъ Сибири, которые оспариваютъ другъ у друга первенство въ отношеніи числа жителей, и въ скоромъ времени онъ сдѣлается умственнымъ центромъ Азіатской Россіи, какъ мѣстопребываніе сибирскаго университета. Уже болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ были пожертвованы частными лицами большія суммы на основаніе въ краѣ высшаго учебнаго заведенія, но пожертвованный капиталъ до сихъ поръ не былъ употребленъ согласно назначенію: только въ 1880 году выборъ окончательно остановился на Томскѣ, гдѣ и совершена закладка зданія для будущаго главнаго училища Сибири. Обширный паркъ пожертвованный однимъ томскимъ гражданиномъ, будетъ обращенъ въ ботаническій садъ при университетѣ. Какъ всѣ города Азіатской Россіи, Томскъ, „сибирская Москва“, занимаетъ огромное пространство, и предмѣстья его, гдѣ бараки чередуются съ грудами развалинъ, продолжаются на нѣсколько верстъ. Въ 1876 году пароходная пристань находилась на разстояніи почти 7 верстъ отъ центра города [1]).

Къ востоку отъ Томска два города, Маріинскъ и Ачинскъ, лежащіе въ бассейнѣ рѣки Чулымъ, по которой теперь поднимаются пароходы (съ 1866 года), имѣютъ нѣкоторую важность, какъ станціи на главной сибирской дорогѣ; но ниже, по теченію Оби, города, отстоящіе одинъ отъ другого на сотни верстъ, представляютъ ничто иное, какъ группы невзрачныхъ домишекъ. На всемъ пространствѣ отъ Томска до сліянія Иртыша съ Обью, то-есть на разстояніи болѣе 1,500 верстъ, мы встрѣчаемъ только два бѣдные городка или вѣрнѣе мѣстечка — Нарымъ (по остяцки значитъ „Болото“), томской губерніи, ниже впаденія р. Кеть въ Обь, и Сургутъ, тобольской, при устьѣ небольшого притока того-же имени, откуда вывозятся въ большомъ количествѣ кедровые орѣхи; чтобы достать шишки, содержащіе эти орѣхи, туземцы карабкаются высоко на деревья, при помощи желѣзныхъ крючьевъ, привязанныхъ къ рукамъ, къ ногамъ и къ груди. Верстахъ въ 660 ниже, на рѣкѣ Сосвѣ, уральскомъ притокѣ Малой Оби, находится Березовъ, самое сѣверное поселеніе Обскаго бассейна, носящее еще названіе города. Березовъ прославился въ исторіи какъ мѣсто ссылки: тамъ кончили жизнь Меньшиковъ, Остерманъ, Долгорукіе, и со временъ этихъ знаменитыхъ изгнанниковъ многіе осуждены были умирать медленной смертью на этой мерзлой землѣ, вдали отъ друзей и враговъ, оторванные отъ всѣхъ радостей жизни и отъ волнующихъ страстей! Березовъ лежитъ на рубежѣ

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

обитаемаго міра: тамъ съ трудомъ можно разводить только кое-какіе огородныя овощи, и большинство животныхъ, повсюду сопровождающихъ человѣка, не могутъ слѣдовать за нимъ далѣе. Такъ, напримѣръ, воробей не переходитъ за Березовъ въ своихъ странствованіяхъ къ сѣверу, и съ наступленіемъ зимняго времени обыкновенно переселяется въ болѣе южныя мѣстности. Своимъ важнымъ значеніемъ этотъ городъ обязанъ торговлѣ шкурами пушныхъ звѣрей, которая, впрочемъ, теперь гораздо менѣе дѣятельна, чѣмъ была въ прежнее время; нынѣ главный предметъ ея составляютъ бѣличьи шкурки. На сѣверѣ отъ Березова нѣтъ никакихъ поселеній, кромѣ рыболовныхъ станцій. Самое значительное изъ этихъ поселеній, Обдорскъ, близъ устья Оби, входный портъ этой могучей рѣки, состоитъ изъ шестидесяти домишекъ и одной часовни. Въ этой области снѣговъ и леденящихъ вѣтровъ, гдѣ средніе зимніе морозы колеблются между — 25 и — 35 градусами, климатъ слишкомъ холоденъ для того, чтобы можно было предпринять какія-либо попытки въ видахъ разработки рудныхъ мѣсторожденій золота, платины, желѣза, существующихъ въ окрестныхъ холмахъ [1]). Земля тамъ оттаиваетъ въ лѣтніе мѣсяцы среднимъ числомъ только на 5, на 7 вершковъ. Обдорская ярмарка, гдѣ остяки и самоѣды продавали свои шкуры пушнаго звѣря, въ наши дни гораздо менѣе посѣщается противъ прежняго времени; туземные инородцы стали предпочитать ей другую ярмарку, происходящую въ городкѣ Туруханскѣ, на Енисеѣ, гдѣ они менѣе рискуютъ уступить добычу всей своей годовой охоты за нѣсколько полуштофовъ дрянной водки.

Селеніе Мангазея, которое было основано казаками звѣроловами на востокъ отъ Обдорска при рѣкѣ Тазъ, не существуетъ болѣе; его смѣнила другая деревушка, Тазовка.

Города и главныя селенія обскаго бассейна, безъ округовъ Алтайскаго края суть:

Пермская губернія.		*Оренбургская губернія.*	
Нижне-Тагильскъ (зав.).	28,000 жит.	Троицкъ	8,300 жит.
Екатеринбургъ. . . .	23,150 „	Челябинскъ	5,800 „
Невьянскъ	10,000 „		
Шадринскъ.	7,200 „	*Тобольская губернія.*	
Алапаевскъ.	5,420 „	Тобольскъ.	18,500 „
Далматовъ	4,350 „	Тюмень.	15,500 „
Ирбить	4,200 „	Тара	6,450 „
Верхотурье.	3,500 „	Курганъ	6,120 „
Камышловъ.	2,160 „	Ишимъ.	5,850 „

[1]) *Эрманъ*, Путешествіе въ Сибирь.

Ялуторовскъ	3,950 жит.	Павлодаръ.	1,320 жит.
Туринскъ	3,650 „	Кокбекты	1,273 „
Березовъ	1,650 „	Каркаралинскъ	1,000 „
Сургутъ	1,150 „		

Акмолинская область.

Омскъ	30,550 „	Томскъ.	29,600 „
Петропавловскъ . . .	11,400 „	Маріинскъ.	5,300 „
Акмолинскъ	5,550 „	Каинскъ	5,200 „
Атбасаръ	1,750 „	Колывань	3,400 „
		Нарымъ	1,930 „

Томская губернія, безъ Алтая.

Семипалатинская область.

Семипалатинскъ . . .	10,150 „	Ачинскъ (1873 г.) . .	3,950 „
Усть-Каменогорскъ . .	3,500 „		

Енисейская губернія.

IV.

БАССЕЙНЪ ЕНИСЕЯ И БАЙКАЛЪ.

Съ гидрографической точки зрѣнія, воды, которыя Енисей несетъ въ Ледовитый океанъ, принадлежатъ, также какъ воды Оби, къ двумъ различнымъ бассейнамъ. Улюнгуръ и Черный Иртышъ—рѣки Монголіи, которымъ проломъ въ окружающихъ горахъ позволилъ изливаться на сѣверную покатость азіатскаго континента. Подобно тому Селенга получаетъ начало въ горахъ, окаймляющихъ возвышенную пустыни Гоби или Шамо, и бѣжитъ, дѣлая крутые повороты, по впадинѣ или долинѣ холмистаго плоскогорья, откуда вытекаютъ на восточной и сѣверо-восточной сторонахъ потоки, спускающіеся къ Амуру и къ Ленѣ. Селенга впадаетъ въ большую поперечную долину, которую наполняютъ воды Байкала, и точно также черезъ поперечную ложбину, перпендикулярную къ этому обширному озерному бассейну, выходитъ рѣка Ангара. Направленіе этого байкальскаго истока въ началѣ параллельно направленію Лены, и весьма возможно, что въ предшествующую эпоху Ангара соединялась съ этой исполинской рѣкой черезъ какой-нибудь боковой проломъ; но русло, еще не вполнѣ сформировавшееся, по которому Ангара бѣжитъ стремнинами, увлекаетъ ее теперь на сѣверъ; успленная другими потоками, она принимаетъ названіе Верхней Тунгузки, какъ будто бы это въ самомъ дѣлѣ была другая рѣка, и описывая большой изгибъ къ сѣверу и къ западу,

---

[1]) *Поляковъ*, цитированное сочиненіе.

течетъ по ровной покатости и равномѣрнымъ паденіемъ къ Енисею. Что касается этой послѣдней рѣки, одной изъ главныхъ рѣкъ Сибири, то она беретъ начало въ цѣпи горъ, составляющихъ на востокѣ продолженіе Алтайской цѣпи; затѣмъ, по выходѣ изъ верхняго бассейна черезъ рядъ слѣдующихъ одно за другимъ горныхъ ущелій, перерѣзывающихъ параллельные кряжи Саянскаго хребта, она спускается правильно съ юга на сѣверъ къ Ледовитому океану, не встрѣчая на пути тѣхъ многочисленныхъ неровностей почвы и другихъ геологическихъ случайностей, которыя прерываютъ нормальное теченіе его главнаго восточнаго притока. Оттого эта могучая рѣка по справедливости сохраняетъ одно и то же имя, отъ своего вступленія на русскую территорію до впаденія въ Ледовитый океанъ: она можетъ быть уподоблена главному стволу дерева, къ которому присоединяется боковая вѣтвь, болѣе крѣпкая, болѣе длинная и болѣе богатая вѣтками и сучьями.

Вѣроятная длина Енисея. . . . . 4,000 верстъ.
„ „ Селенги—Ангары—Енисея 5,100 „
Вѣроятная площадь бассейна . . . . . 2.595,000 кв. верстъ.

По исторіи населяющихъ ихъ народностей два бассейна западнаго Енисея и Прибайкальскаго края также разнятся между собою и потому должны быть изучаемы каждый отдѣльно.

Бассейнъ западнаго Енисея.

Енисей получаетъ свои первыя воды изъ китайской территоріи, заключающейся въ обширномъ амфитеатрѣ, который образуютъ на сѣверѣ различныя отрасли Саянскихъ горъ, на югѣ краевая цѣпь хребта Танну-ола, на востокѣ плоская возвышенность, усѣянная озерами, съ которой текутъ въ восточномъ направленіи верхніе притоки Селенги. Ни одна изъ рѣкъ, которыя зарождаются въ этомъ амфитеатрѣ горъ, не получила отъ туземцевъ имени Енисея; но насколько можно судить по разсказамъ мѣстныхъ жителей и описаніямъ русскихъ путешественниковъ, пробиравшихся въ эту страну, среднее возвышеніе которой около 4,000 футовъ, главной рѣкой должна быть признана рѣка Бей-кемъ, которую питаютъ многочисленные ручьи, спускающіеся съ восточнаго Саяна, болѣе извѣстнаго подъ именемъ тайги (лѣса) Ергикъ-Таргакъ: Бей-кемъ есть та самая рѣка, которую нѣкоторые путешественники называютъ „Большимъ Енисеемъ“. „Малый Енисей“ или Хуа-кемъ беретъ начало южнѣе, на высотахъ, прилегающихъ къ обширной впадинѣ или котловинѣ Косоголь, и принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны воды, посылаемыя ему долинами горной цѣпи Танну-ола. Соединенныя въ одинъ потокъ, который принимаетъ наименованіе Улу-кемъ, рѣки Бей-кемъ и Хуа-кемъ образуютъ вмѣстѣ истинный Енисей, на встрѣчу которому, въ той же самой впа-

динѣ, бывшей нѣкогда дномъ озера, течетъ другая *кемъ*, рѣка Кемчикъ, получающая начало въ горномъ узлѣ, изъ котораго расходятся большіе хребты: Алтайскій, Танну-ола и Саянскій. Кажется, что съ окружающихъ горъ не спускается ни одного ледника къ бассейну верхняго Енисея; но тамъ и сямъ гребни расположенныхъ на его окраинахъ хребтовъ достигаютъ границы никогда нетающихъ снѣговъ, и большая часть вершинъ остаются бѣлыми впродолженіе восьми мѣсяцевъ въ году. Верхушки хребта Ергикъ-Таргакъ, наиболѣе извѣстной изъ горныхъ цѣпей этой области, поднимаются, по всей вѣроятности, до 9,850 футовъ, а перевалы, ведущіе черзъ этотъ хребетъ, съ русскаго склона на китайскій, имѣютъ не менѣе 7,300 футовъ высоты [1]).

Занимая покатость, наклоненную къ сѣверу, бассейнъ верхняго Енисея составляетъ въ дѣйствительности часть Сибири по своему климату, по виду природы, по растительности и животному царству, но не по жителямъ, которые принадлежатъ къ монгольскому племени и къ которымъ еще не примѣшались русскіе поселенцы. Сибирскіе кедры, лиственницы растутъ лѣсами по скатамъ горъ; выше тянутся чащи рододендроновъ и другихъ альпійскихъ растеній; внизу, на днѣ долинъ и лощинъ, тополи и ивы осѣняютъ воды рѣчекъ и озеръ. Охотники гоняются за краснымъ оленемъ въ лѣсахъ верхняго Енисея, и табарганы живутъ миріадами въ дерновыхъ бугоркахъ. Рыбы, свойственныя сибирскимъ рѣкамъ, населяютъ также воды этой страны, и съ нѣкотораго времени минусинскіе рыбаки стали ѣздить на промыселъ къ озерамъ, разсѣяннымъ по берегамъ верхняго Енисея, и на обратномъ пути спускаются по этой рѣкѣ на плотахъ, съ грузомъ наловленной рыбы. Однако, переходъ отъ одного климата къ другому наблюдается во многихъ мѣстахъ, въ особенности на востокѣ, тамъ, гдѣ водораздѣльная граница, довольно неопредѣленная, между Енисеемъ и Селенгой, усѣяна озерными бассейнами. Нѣкоторые изъ этихъ бассейновъ наполнены соленой водой, тогда какъ другіе содержатъ въ растворѣ магнезію и минеральныя вещества въ различныхъ пропорціяхъ.

По вступленіи въ предѣлы русскихъ владѣній, на разстояніи около версты ниже своего сліянія съ Кемчикомъ, Большой Кемъ или „Большая Рѣка“,— ибо таковъ, кажется, смыслъ тунгузскаго слова Іоансси (по Кривошапкину [2]), истинное названіе—„Еханесъ“ [3]), которое русскіе передѣлали въ Енисей,— проходитъ черезъ *бомъ* или очень узкую дефилею, пробивая рядъ параллельныхъ цѣпей, расположенныхъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку на Саянскомъ плоскогорьѣ, вершины котораго, состоящія изъ протогина и изъ сланцевъ [3]), поднимаются, съ

[1]) *Крыжинъ*; *Потанинъ*, Дополненіе къ Землевѣденію Карла Риттера, т. IV, 1877 г.

[2]) *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ.

[3]) *Шварцъ*; *Чихачевъ*; *Потанинъ*.

той и другой стороны, до высоты болѣе 8,100 футовъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ границы рѣка вступаетъ въ тѣсное ущелье, стѣны котораго отстоятъ одна отъ другой не болѣе, какъ на 15 саженъ: въ этомъ проломѣ, около полуверсты длиною, черезъ который нѣкогда вытекла вода озера, наполнявшаго весь верхній бассейнъ горъ, теченіе такъ быстро, что оно рѣдко замерзаетъ зимой; но непосредственно ниже этого ущелья, тамъ, гдѣ вода разливается по бассейну съ незначительнымъ паденіемъ, поверхность рѣки бываетъ покрыта толстой ледяной корой впродолженіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ. Ниже другіе пороги и стремнины прерываютъ теченіе рѣки во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открываются проломы для прохода водъ черезъ параллельные кряжи, отдѣленные одинъ отъ другого глубокими долинами, которыя прежде были наполнены озерами. Многіе изъ этихъ стремительныхъ потоковъ опасны для проходящихъ плотовъ и барокъ; однако, ни одинъ изъ нихъ не представляетъ непреодолимаго препятствія для судоходства. Такъ называемый „Большой порогъ“, ниже впаденія рѣки Усъ, самый опасный; волны кружатъ и перевертываютъ задомъ напередъ плывущіе плоты, и неопытные и боязливые люди между гонщиками велятъ привязывать себя къ бревнамъ плота. По выходѣ рѣки изъ горъ, въ Саянскомъ, видъ мѣстности вдругъ измѣняется совершенно: дикія скалы исчезли и на далекое пространство разстилается зелень степей [1]). Между Красноярскомъ и Енисейскомъ тоже есть нѣсколько пороговъ, которые считаются болѣе опасными, потому что они находятся въ такой части рѣки, гдѣ чаще плаваютъ суда; эти стремнины покрываютъ весь Енисей кипящей пѣной, и безпорядочное столкновеніе ихъ волнъ производитъ такой оглушительный шумъ, что матросы на судахъ не могутъ слышать другъ друга. Длина главнаго порога около 10 верстъ, и барки или суда, спускающіяся внизъ по теченію, пробѣгаютъ это разстояніе менѣе, чѣмъ въ полчаса [2]). Но въ цѣломъ среднее и нижнее теченіе Енисея представляетъ тихую рѣку, благодаря незначительности паденія воды: уклонъ его немногимъ болѣе уклона Оби. Въ Красноярскѣ, гдѣ онъ находится еще на разстояніи 2,000 верстъ отъ моря, высота его средняго уровня около 520 футовъ; въ Енисейскѣ, ниже пороговъ, эта высота уже уменьшилась до 220 футовъ [3]).

Енисей, подобно Оби, проходитъ въ своемъ теченіи нѣсколько областей, гдѣ почва уже настолько обсохла, что имъ по справедливости можетъ быть дано названіе степей; кочевые татары располагаютъ въ этихъ мѣстностяхъ свои становища такъ же свободно, какъ въ степяхъ Туркестана. Такъ, вдоль лѣваго берега Енисея, выше Минусинска, Абаканская степь тянется на пространствѣ около 50 верстъ; ручьи тамъ изсякаютъ прежде, чѣмъ достигнуть

[1]) *Кропоткинъ*, Записки Русск. Географ. Общества, томъ V.
[2]) *Кривошапкинъ*; *Сиденснеръ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1878 г., № 3.
[3]) *Семеновъ*, Географическій Словарь Россійской Имперіи.

рѣки, и соляныя озера занимаютъ старыя рѣчныя ложа. Точно также, на западѣ отъ Минусинска, Качинская степь обнимаетъ бо́льшую часть равнины, ограниченной съ южной стороны рѣкой Абаканъ, и даже переходитъ съ лѣваго берега Енисея на правый возвышенный, гдѣ захватываетъ небольшую полосу береговой земли[1]). Но такія обсохшія области составляютъ исключеніе въ бассейнѣ Енисея. Многочисленные притоки, спускающіеся большею частію съ восточной покатости, усиливаютъ этотъ могучій потокъ и дѣлаютъ его одною изъ величественныхъ рѣкъ Азіи гораздо ранѣе, чѣмъ онъ соединится съ Верхней Тунгузкой. Средняя ширина его, въ этой части теченія, отъ полутора до двухъ верстъ; во время весенняго полноводья онъ разливается верстъ на шесть въ ширину, а глубина его, которая обыкновенно равна 5½ саженямъ, превышаетъ тогда 8 сажень; суда, плывущія внизъ по теченію, спускаются со скоростью отъ 10 до 15 верстъ въ часъ, смотря по высотѣ воды: изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что по количеству протекающей воды Енисей по меньшей мѣрѣ равенъ Дунаю. Верхняя Тунгузка болѣе чѣмъ вдвое увеличиваетъ объемъ этой жидкой массы. Подъ давленіемъ этого могучаго потока, Енисей, измѣняя направленіе, изгибается къ западу, и на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, два теченія, одно мутное и желтоватое, теченіе Енисея, другое темносинее, почти черное, теченіе Тунгузки, катятъ свои воды въ одномъ и томъ же руслѣ, соединяясь по бокамъ большими водоворотами, представляющими смѣшанные оттѣнки цвѣтовъ. Подъ конецъ обѣ рѣки сливаются такъ, что ихъ уже невозможно различить, содержаніе землистыхъ частицъ уравнивается въ той и другой. Замѣчательно, что линія сліянія есть въ то же время граница между животными видами: у осетровъ и стерлядей Тунгузки спина черная, тогда какъ тѣ же рыбы, живущія въ верхнемъ и низовомъ Енисеѣ, имѣютъ сѣроватый цвѣтъ[2]). Отчего происходитъ этотъ контрастъ—отъ различія въ степени чистоты водъ, или отъ предъидущаго разобщенія двухъ бассейновъ?

Ниже соединенія съ Верхней Тунгузкой Енисей течетъ нормальнымъ образомъ, какъ почти всѣ сибирскія рѣки, между низменнымъ или „луговымъ“ берегомъ, по лѣвую сторону, и высокимъ берегомъ по правую, обыкновенно называемымъ мѣстными жителями „каменнымъ берегомъ“. Однако, ниже впаденія притока Симъ, оба берега становятся возвышенными: длинный рядъ утесовъ, на которыхъ всѣ выступы кажутся черными отъ безчисленнаго множества ласточкиныхъ гнѣздъ, перерѣзываетъ русло, останавливаетъ теченіе рѣки и заставляетъ ее разливаться, по направленію къ верховью, въ бассейнъ болѣе 15 верстъ шириною,

---

[1]) *Сѐменовъ* и *Потанинъ*, Дополненіе къ Землевѣденію Азіи Карла Ритгера, т. IV.
[2]) *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ.

заключающій болѣе пятидесяти острововъ, образуемыхъ ея переплетающимися рукавами. При узкихъ воротахъ этой естественной запруды гранитный порогъ продолжается черезъ всю рѣку, и когда вода стоитъ на низкомъ уровнѣ, нѣкоторые проходы представляютъ судамъ глубину не болѣе 2 аршинъ; это единственное препятствіе, которое можетъ внушать опасенія большимъ пароходамъ на всемъ нижнемъ теченіи Енисея. Во многихъ мѣстахъ рѣки лотъ достаетъ дно только на глубинѣ около 20 саженъ.

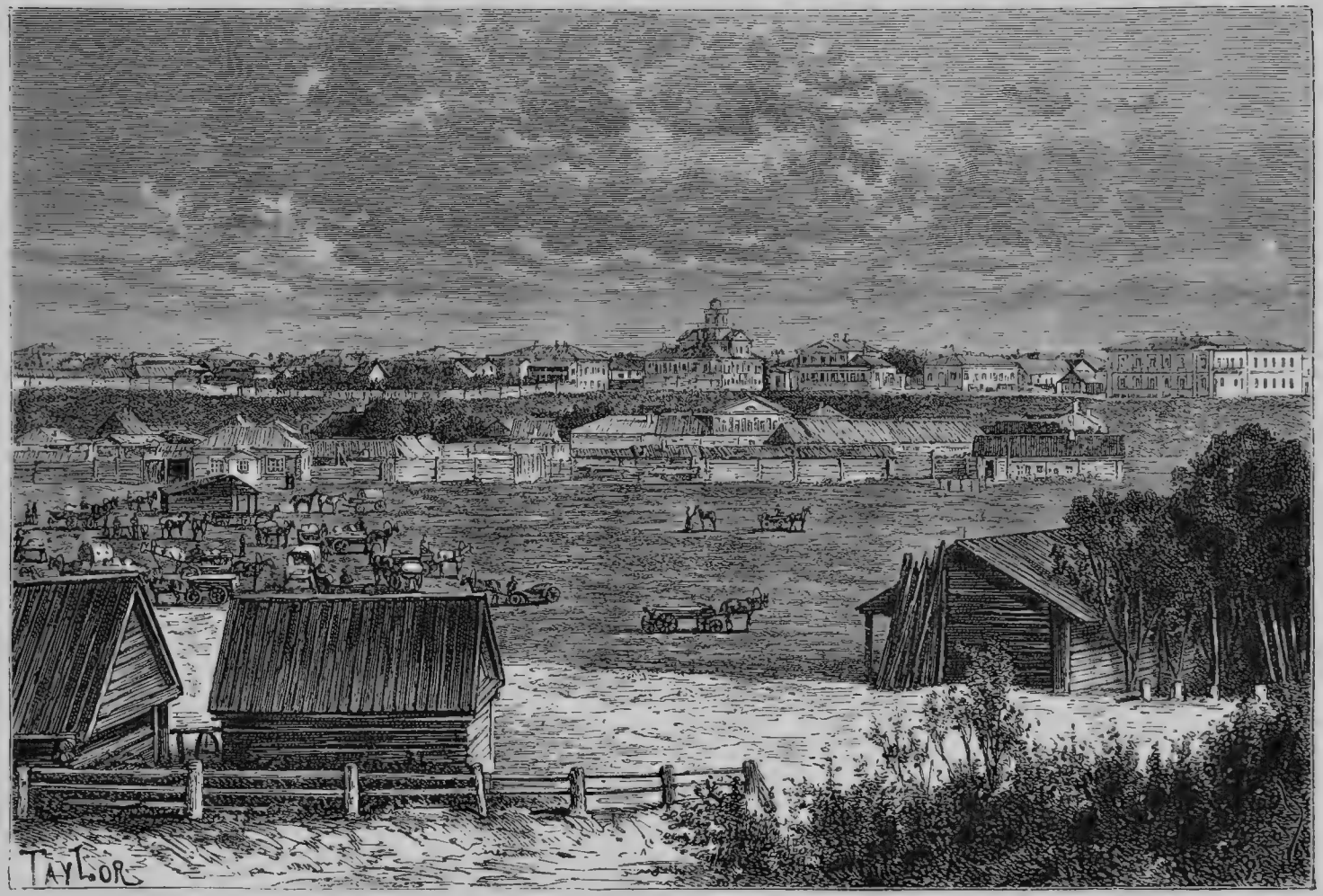
Послѣ большой или верхней Тунгузки, съ Енисеемъ соединяются еще, въ области лѣсовъ, двѣ другія Тунгузки: Подкаменная и Нижняя, а также многія другія рѣки, почти столь же многоводныя: Бахта, Елугуй, Курейка; Нижняя Тунгузка, развернутая длина которой исчисляется въ 2,530 верстъ, имѣетъ около версты въ ширину при впаденіи въ Енисей. Подъ широтами менѣе близкими къ полюсу этотъ могучій притокъ сдѣлался-бы отличнымъ судоходнымъ путемъ для перехода изъ одного рѣчнаго бассейна въ другой; онъ получаетъ начало въ небольшомъ разстояніи отъ Лены и сначала кажется, что теченіе его должно направиться къ этой рѣкѣ, такъ какъ нѣкоторое время онъ слѣдуетъ вдоль ея западнаго берега, на незначительномъ разстояніи, и близъ Киренска подходитъ къ ней на разстояніе менѣе 20 верстъ, отдѣленный линіей водораздѣла, которая находится на высотѣ 815 футовъ надъ уровнемъ Лены, на высотѣ 560 фут. надъ уровнемъ Нижней Тунгузки [1]). Но въ тотъ моментъ, когда послѣдняя, повидимому, готовится пробить себѣ путь черезъ этотъ невысокій водораздѣльный хребетъ, чтобы соединиться съ Леной, она вдругъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ и направляется къ Енисею, описывая длинныя извилины и усиливаясь по дорогѣ принятіемъ въ себя Илимпи и сотни другихъ рѣчекъ и ручьевъ. Одинъ изъ этихъ притоковъ, рѣка Таймура, протекаетъ черезъ область очень богатую залежами каменнаго угля, изъ которыхъ одна объята подземнымъ пожаромъ. Въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ „Горѣлая“, верстахъ въ ста выше сліянія Таймуры съ Тунгузкой, земля постоянно дымится, точно въ глубинахъ ея горитъ неугасающій вулканъ. Тогда какъ окружающая страна представляетъ безлѣсную равнину, деревья растутъ кругомъ по окраинамъ каменноугольнаго бассейна, благодаря теплой температурѣ, которую даетъ ихъ корнямъ нагрѣваемая извнутри почва [2]).

Въ нижней части своего теченія, тамъ, гдѣ исполинская рѣка протекаетъ черезъ мерзлый поясъ тундръ, Енисей не получаетъ болѣе притоковъ. Впрочемъ, въ этой области онъ уже походитъ скорѣе на морской заливъ; онъ пытается образовать дельту во внутренности континента.

---

[1]) *Чекановскій*; *Миллеръ*, *Штубендорфъ*, *Большевъ*.

[2]) *Третьяковъ*, Туруханскій округъ.



ОБЩІЙ ВИДЪ ОМСКА.

Когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, воды рѣчнаго теченія поддерживаются приливомъ съ моря верстъ на 500 отъ устья въ собственномъ смыслѣ. Берега рѣки удалены одинъ отъ другого верстъ на 50, мѣстами даже на 60 слишкомъ; правда, что рѣчныя воды, начиная смѣшиваться съ водами океана, окружаютъ множество низменныхъ острововъ, образовавшихся по большей части изъ древесныхъ стволовъ, завязшихъ въ тинѣ дна, которые постепенно сгнили и смѣшались съ землистыми наносами. Въ этомъ обширномъ прѣсноводномъ фьордѣ, совершенно открытомъ дѣйствію вѣтровъ, которые безпрепятственно разгуливаютъ по гладкой, безлѣсной поверхности тундры, плаваніе очень опасно для обыкновенныхъ плоскодонныхъ судовъ, и русскіе рыболовы не любятъ пускаться далеко отъ береговъ. Но передъ тѣмъ, какъ соединиться съ моремъ, рѣка снова съуживается, и устье ея имѣетъ всего только отъ 19 до 20 верстъ въ ширину. Въ холодные годы это устье бываетъ открыто для судоходства только впродолженіе около пятидесяти дней, съ 10 іюля до конца августа: морскіе льды, гонимые вѣтромъ, и рѣчныя льдины, увлекаемыя ледоходомъ, иногда сталкиваются и образуютъ громадныя запруды, движущіяся ледяныя горы, которыя разрушаютъ берега и срываютъ со дна песчаныя мели, чтобы перенести ихъ на другое мѣсто.

Воды Енисея менѣе богаты рыбой, нежели воды Оби, хотя и здѣсь нѣкоторыя области рѣки изобилуютъ животною жизнью, преимущественно въ устьѣ. Различныя рыбьи породы, очень цѣнимыя въ Европѣ, какъ: линь, налимъ, окунь, плаваютъ массами; но рядомъ съ осетрами, стерлядями, нельмами, сигами различныхъ формъ, эти рыбы считаются малоцѣнными, и ихъ ловятъ только какъ кормъ для собакъ [1]). Почти всѣ прибрежные жители занимаются рыболовствомъ, тогда какъ хлѣбопашество и скотоводство составляютъ еще весьма незначительный источникъ пропитанія для русскаго населенія края, за исключеніемъ развѣ минусинскихъ степей; оттого и судоходство на Енисеѣ до сихъ поръ ограничивается ловлей и перевозкой рыбы. Нельзя не удивляться, что такая огромная и судоходная рѣка, оживляющая столь обширный бассейнъ, еще такъ мало утилизируется человѣкомъ. Область, орошаемая Енисеемъ и его притоками, изобилуетъ металлами, лѣсами, рыбой, дичью, а южная часть ея могла-бы прокармливать произведеніями почвы милліоны людей; между тѣмъ на всей судоходной сѣти Енисея, общая длина которой никакъ не менѣе 7,500 верстъ, не считая Байкала, существовало въ 1876 г. только 4 парохода, да два парусныхъ судна, поднимающія болѣе 3,000 пудовъ груза. Большая часть енисейскихъ судовъ состояла изъ плашкотовъ, буксируемыхъ пароходами, и барокъ, построенныхъ изъ отесанныхъ четыреугольныхъ бревенъ. Нагруженные зерновымъ хлѣбомъ въ южной

[1]) *Шмидтъ*; *Г. Тель*, Шведская экспедиція 1876 года на Енисей.

области рѣки, эти суда спускаются по теченію до низовыхъ пристаней, гдѣ выгружаются продукты, а самые плашкоты и барки разбираются и дерево, изъ котораго они сдѣланы, продается на дрова или на постройки. Теперь, когда проф. Норденшельдъ отыскалъ морскіе пути, ведущіе изъ западной Европы къ устью Енисея, когда онъ открылъ превосходную якорную стоянку, находящуюся на восточномъ берегу, при входѣ въ заливъ, и названную имъ, въ честь своего друга, „Диксоновой гаванью“ (Dicksonshavn), нужно надѣяться, что торговля разовьется и на главной рѣкѣ центральной Сибири, на Енисеѣ, который, по размѣрамъ судоходства, еще такъ далеко отсталъ отъ Оби, своей западной сосѣдки. Уже нѣкоторыя попытки торговыхъ экспедицій на этотъ берегъ Сибири были сдѣланы негоціантами англійскими, скандинавскими и сибирскими.

Правда, что бассейнъ Енисея, болѣе удаленный отъ Европейской Россіи, чѣмъ бассейнъ Оби, гораздо болѣе гористый въ своей полуденной области, незаключающій плодородныхъ черноземныхъ пространствъ и не простирающійся на такое-же значительное разстояніе къ югу, не можетъ содержать въ себѣ столь-же плотнаго населенія, какъ сосѣдній Обскій бассейнъ; именно самыя плодоносныя равнины, Минусинскія степи, заняты кочующими инородцами, которыхъ еще не замѣнило осѣдлое населеніе. Однако, вся часть бассейна, заключающаяся между сѣвернымъ скатомъ Саянскихъ горъ и сліяніемъ Енисея съ Ангарой, уже колонизована почти повсемѣстно группами русскихъ поселенцевъ, разсѣянныхъ вдоль рѣкъ и по краямъ главной сибирской дороги; древности, оставленныя въ краѣ, доказываютъ, что въ давнія времена жители были скучены тамъ значительными общинами. Въ 1733 году, во время проѣзда Гмелина по Сибири, старинныя золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, вынутыя изъ древнихъ могилъ, были такъ обыкновенны, что ихъ можно было найти въ каждомъ домѣ [1]). Въ Абаканской степи, на обоихъ берегахъ рѣки Абаканъ, также какъ на берегахъ самого Енисея, на всемъ пространствѣ верстъ на двѣсти внизъ отъ города Абакана, могилы сгруппированы сотнями и тысячами, особенно въ плодородныхъ мѣстностяхъ. Нѣкоторыя части этой степи походятъ на обширныя кладбища: могильные курганы возвышаются тамъ въ такомъ множествѣ, что издали кажется, будто видишь города, состоящіе изъ палатокъ, или стада какихъ-то гигантскихъ животныхъ. Между этими могилами есть также могилы недавняго происхожденія, да и въ наши дни иногда, во время большихъ религіозныхъ церемоній, выкапываютъ ямы и дѣлаютъ потомъ насыпи, не для того, чтобы положить туда тѣла умершихъ героевъ, но только для того, чтобы зарыть какія-нибудь древности, относящіяся къ героическимъ временамъ:

[1]) *Эрманъ*, Путешествія въ Сибирь.

панцыри и кольчуги, каменные топоры, мѣдныя орудія, серебряныя монеты. Большая часть могильныхъ холмовъ состоитъ изъ древнихъ кургановъ, имѣющихъ до 4 и 5 саженъ въ вышину, и прикрывающихъ или останки начальниковъ племени, погребенныхъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и конями, или останки цѣлыхъ семействъ, или, наконецъ, цѣлыя груды человѣческихъ костей, безъ сомнѣнія принадлежащихъ покойникамъ, которыя были свалены въ одну общую могилу послѣ какой-нибудь битвы: эти погребальныя горки извѣстны подъ именемъ „черныхъ“ кургановъ. Но самыя замѣчательныя между древними могилами — это ограды изъ сложенныхъ камней, изъ которыхъ иные отесаны такимъ образомъ, что представляютъ нѣкоторое подобіе людей—мужчинъ, женщинъ или дѣтей: русскіе обыкновенно называютъ эти изваянные камни „каменными бабами“,—то же самое названіе, которое дается грубымъ фигурамъ, встрѣчающимся на могильныхъ курганахъ южной Россіи. Впрочемъ, большая часть этихъ грубыхъ изображеній уже исчезла, вѣроятно растаскана. На сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ еще надгробнымъ изваяніямъ, они, повидимому, представляютъ монголовъ, и нѣкоторые изъ вырѣзанныхъ камней, какъ кажется, изображали верблюдовъ, ихъ путевыхъ товарищей [1]). Впрочемъ, народы, останки которыхъ погребены подъ этими курганами, стояли несомнѣнно на болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ европейцы соотвѣтственнаго бронзоваго вѣка, ибо между ихъ драгоцѣнностями нерѣдко находили настоящія произведенія искусства, украшенія изъ плющенаго золота (бити), фарфоровые сосуды, бронзовыя вазы, украшенныя барельефами, изображающими фигуры животныхъ, отчетливо сдѣланныя и узнаваемыя съ перваго взгляда, какъ-то: фигуры каменнаго барана (аргали), краснаго оленя, орла, волка, и кромѣ того изображающія крылатыхъ чудовищъ, грифовъ или летучихъ драконовъ [2]). Металлическія зеркала, подобныя тѣмъ, какія употребляютъ въ наши дни буряты и монголы при своихъ буддистскихъ обрядахъ, также встрѣчаются часто въ этихъ древнихъ могилахъ; но издѣлія изъ желѣза до сихъ поръ были находимы только въ курганахъ недавняго происхожденія. Изображенія утки, птицы почитавшейся священною у древнихъ финновъ, тоже очень обыкновенны на предметахъ, извлекаемыхъ изъ могильныхъ холмовъ. По общему преданію, люди, погребенные въ этихъ древнихъ могилахъ, были та самая „чудь“, которая, замѣтивъ въ своихъ лѣсахъ появленіе березы, предвѣстницы господства бѣлаго человѣка, испугалась и заживо похоронила себя въ вырытыхъ ею самою ямахъ.

Туземное населеніе въ верхнемъ бассейнѣ Енисея, на китайской территоріи и въ предѣлахъ Сибири, состоитъ изъ монголовъ, финновъ,

[1]) *Костровъ*, Записки Сибирскаго отдѣла Географ. Общества, томъ VII, 1864 г.

[2]) *А. Кастренъ*; *Спасскій*; *Радловъ*; *Поповъ*; *Степановъ*; *Скороговоровъ*; *Дезоръ* и друг.

тюрковъ, представляющихъ разнообразное смѣшеніе племенъ, которыя притомъ смѣшиваются одно съ другимъ почти всѣми путешественниками. Большая часть народовъ, живущихъ въ Обскомъ бассейнѣ, встрѣчаются также въ разныхъ частяхъ области Енисея. Такъ, татары подвинулись на востокъ до самыхъ воротъ Минусинска, Канска и Красноярска; они располагаются въ этихъ степяхъ становищами (лѣтомъ въ обычныхъ кочевыхъ юртахъ, зимой—въ низенькихъ срубахъ, называемыхъ зимовьями) и ведутъ тамъ такой-же образъ жизни, какъ древнія киргизскія населенія [1]). Остяки бродятъ, по обѣ стороны рѣки, въ лѣсахъ, которые тянутся на сѣверѣ отъ сліянія Ангары съ Енисеемъ; самоѣды разбиваютъ свои чумы въ тундрахъ, прилегающихъ къ Енисейскому заливу. Даже въ долинахъ верхнихъ притоковъ главной рѣки, на сѣверномъ скатѣ хребта Ергикъ-Таргакъ-Тайги, есть нѣсколько семействъ самоѣдовъ, какъ полагаютъ, потомковъ тѣхъ инородцевъ, которые остались въ своей первоначальной родинѣ въ эпоху переселенія ихъ единоплеменниковъ въ сѣверныя области. Въ 1847 году, во время путешествія Кастрена, эти представители древней рассы, извѣстные въ краѣ подъ именемъ моторовъ и называвшіе сами себя тубаларами, казалось, были очень близки къ исчезновенію. Натуральная оспа производила между ними страшныя опустошенія, и большая часть пережившихъ эпидемію переселились на китайскую территорію [2]). Другіе слились съ окрестными татарами и сойотами. Старый самоѣдскій языкъ пересталъ существовать ранѣе исчезновенія самаго племени.

Сойоты, которыхъ нынѣ насчитываютъ приблизительно отъ семи до восьми тысячъ, принадлежатъ, какъ и моторы, къ финской рассѣ и говорятъ діалектомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію самоѣдовъ [3]). Подраздѣленные на различныя колѣна, каждое съ своимъ особеннымъ именемъ, они живутъ въ двухъ или трехъ долинахъ русской территоріи, но племя ихъ гораздо многочисленнѣе въ китайской части страны, въ бассейнѣ рѣки Улу-Кемъ и въ бассейнѣ Селенги. Прежде эти инородцы были подвластны одновременно двумъ сосѣднимъ державамъ, Россіи и Китаю, и должны были приносить каждый годъ свой ясакъ или дань мѣхами русскимъ сборщикамъ и китайскимъ чиновникамъ, но потомъ они догадались отойти подальше отъ границы, чтобы избавиться отъ необходимости платить двойную подать, и такимъ образомъ обширныя пространства, нѣкогда населенныя, обратились въ пустыни. Сойоты, которые, какъ кажется, представляютъ помѣсь финской рассы съ тюркской, имѣютъ по большей части довольно правильныя черты лица, тонкій и прямой носъ, небольшіе, проницательные глаза подъ едва замѣтно изогнутыми

[1]) *Семеновъ* и *Потанинъ*, Дополненіе къ Землевладѣнію Азіи Карла Риттера.
[2]) Reiseberichte und Briefe; *Семеновъ* и *Потанинъ*, цитированное сочиненіе.
[3]) *А. Кастренъ*, цитированное сочиненіе.

рѣсницами, широкій лобъ, острый подбородокъ; выраженіе лица у нихъ смѣлое и осмысленное. Они обнаруживаютъ большую ловкость и снаровку въ разныхъ искусствахъ и ремеслахъ, для которыхъ у нихъ имѣются лишь самые первобытные снаряды и орудія: такъ, они умѣютъ добывать желѣзо изъ рудниковъ, выплавлять изъ него полосы чугуна, отливать пули, приготовлять порохъ, поправлять ружья. Они очень искусно плаваютъ по рѣкамъ и озерамъ, употребляя для этой цѣли плоты изъ бревенъ, связанныхъ конскимъ волосомъ. Но хлѣбопашествомъ они не занимаются; почти всѣ кочевники, они не имѣютъ другихъ богатствъ, кромѣ своихъ стадъ овецъ, коровъ, яковъ, табуновъ лошадей; ихъ верховые кони, отличающіеся стройностью и красотой формъ, очень цѣнятся минусинскими покупателями. Молоко и всѣ молочные продукты, сыръ, масло, кумысъ, составляютъ главную пищу сойотовъ, но они съ особеннымъ наслажденіемъ и слишкомъ часто пьютъ молоко въ формѣ *айрака*, перебродившаго напитка, имѣющаго то свойство, что выпившій его въ приличной дозѣ скоро впадаетъ въ состояніе глубокаго опьяненія.

Другой туземный народъ, болѣе многочисленный, чѣмъ сойоты, извѣстенъ подъ именемъ уріанховъ. Эти инородцы, которые сами себя называютъ „донва“, считаются принадлежащими къ тюркской рассѣ: они имѣютъ тюркскій типъ лица и большинство ихъ говоритъ татарскимъ нарѣчіемъ; хотя различія религіи, вообще говоря, совпадаютъ съ различіями рассы, уріанхи по своимъ вѣрованіямъ должны быть причислены и къ тюркамъ, и къ буддистамъ [1]). Ихъ племена или колѣна смѣшиваются съ колѣнами сойотовъ, но главная масса ихъ обитаетъ восточнѣе, въ долинѣ рѣки Бей-Кемъ, по берегамъ озера Косоголъ и на верхнихъ притокахъ Селенги и Ангары. Нѣкоторыя группы уріанховъ живутъ звѣроловами въ лѣсахъ; но большая часть ихъ занимается скотоводствомъ, питаясь, подобно сойотамъ, молокомъ, причемъ употребляютъ въ пищу даже молоко свиней [2]). Болѣе искусные хлѣбопашцы, чѣмъ сойоты, они сѣютъ преимущественно ячмень и просо, и на ихъ земляхъ можно встрѣтить оросительные каналы, очень остроумно проведенные по склонамъ горъ. Но феодальный порядокъ въ сильной степени способствовалъ обѣдненію народа. Въ то время, какъ *дайнанъ* или князекъ, которому принадлежитъ верховная ленная власть въ странѣ, обладаетъ многочисленными стадами, въ то время, какъ его богатые подданные имѣютъ по тысячѣ головъ скота, простой народъ терпитъ нужду во всемъ и живетъ въ рабствѣ. Каждый богатый уріанхъ, каждый „господинъ“ окруженъ толпой слугъ, которые постоянно ухаживаютъ за нимъ, одѣваютъ и раздѣваютъ его, поднимаютъ его на рукахъ, чтобы посадить его на лошадь,

---

[1]) *Поповъ*, Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Русск. Географ. Общества, май 1874 г.
[2]) *Веселовъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, томъ VII.

даже кладутъ ему пищу въ ротъ. При такихъ условіяхъ быта уріанхская нація естественно раздѣлилась на двѣ враждебныя одна другой политическія партіи: бѣдняки, побуждаемые своими интересами, клонятъ больше въ сторону русскихъ, тогда какъ дворяне и ламы, принадлежащіе по большей части къ однимъ и тѣмъ же семействамъ и пользующіеся одинаковыми привилегіями, опираются на китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ страны. Русскіе путешественники вообще встрѣчаютъ очень недружелюбный пріемъ въ землѣ уріанховъ, и дайнанъ старается выпроводить ихъ какъ можно скорѣе изъ своихъ владѣній, хотя и не смѣетъ сдѣлать имъ ничего худаго. Монгольское вліяніе еще продолжаетъ преобладать во всей этой области: дархаты или „вольные“, которые живутъ къ югу отъ уріанховъ, но принадлежатъ къ той же этнографической группѣ, до такой степени омонголились, что перестали даже говорить на своемъ природномъ тюркскомъ нарѣчіи. На западѣ и юго-западѣ, сойоны, другой тюркскій народъ, отличный отъ уріанховъ и дархатовъ, но болѣе или менѣе смѣшанный съ киргизами, также усвоили себѣ образъ жизни монголовъ и выучиваются ихъ языку. Шаманскія вѣрованія и обряды такъ называемыхъ „желтыхъ“ сойоновъ, обитающихъ въ китайской Монголіи, далеко отъ границы, мало по малу складываются въ правильное ученіе и измѣняются въ правовѣрный ламайскій культъ. Среди этихъ кочевниковъ тамъ и сямъ воздвигнуты капища и монастыри. У дархатовъ, численность которыхъ опредѣляется въ семь тысячъ душъ, и которые представляютъ почти треть общаго числа восточныхъ уріанховъ, насчитываютъ не менѣе 1,400 монаховъ, составляющихъ, слѣдовательно, пятую часть населенія [1]). „Черные“ сойоны, живущіе на территоріи болѣе близкой къ русской границѣ, лучше сохранили старые нравы и обычаи. Также какъ сойоты и калмыки, они употребляютъ для верховой ѣзды быка и даже предпочитаютъ его лошади, потому что онъ сильнѣе, выносливѣе, идетъ болѣе вѣрнымъ шагомъ и не такъ скоро устаетъ. Даже на охоту они ѣздятъ на быкахъ, и, какъ говорятъ, по быстротѣ бѣга могутъ поспорить съ конными наѣздниками [2]).

Территорія, населенная исключительно русскими колонистами, отдѣляетъ земли сойотовъ и уріанховъ отъ области, гдѣ живутъ енисейскіе татары: это, такъ сказать, клинъ, который все далѣе и далѣе врѣзывается въ середину дерева. Карагассы, на сѣверной покатости Саянскихъ горъ, такъ уменьшились въ числѣ, что теперь ихъ осталось только нѣсколько сотъ душъ: говорятъ даже (не подкрѣпляя, впрочемъ, этого увѣренія статистическими данными), что будто ихъ жены утратили способность дѣторожденія. По крайней мѣрѣ, этотъ вымирающій народъ оставитъ по себѣ

[1]) *Шишмаревъ*, Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, томъ II, № 5.
[2]) *Радловъ*, Ermann's Archiv, томъ XXIII.

добрую память: какъ поклонники солнца, карагассы хотятъ, чтобы его свѣтъ не озарялъ дурныхъ дѣлъ; они честны и гостепріимны, даютъ пріютъ бѣглымъ и дѣлятъ съ ними свою пищу. Другіе татары, сагайцы и качинцы, которые живутъ, въ числѣ отъ четырнадцати до пятнадцати тысячъ душъ [1]), въ бассейнѣ рѣки Абакана, западнаго притока Енисея, мало по малу принимаютъ черты русской народности. Большая часть тѣхъ изъ этихъ инородцевъ, которые кочуютъ въ степяхъ, простирающихся на западъ отъ Енисея, живутъ въ большомъ довольствѣ: между ними есть даже много такихъ, которые считаютъ свой скотъ не головами, а стадами, и встрѣчаются богачи, имѣющіе до 70 стадъ, изъ которыхъ каждое заключаетъ, среднимъ числомъ, около пятидесяти штукъ скота [2]). Почти всѣ енисейскіе татары крещены въ православную вѣру, но первоначальный языческій культъ продолжаетъ существовать подъ внѣшней оболочкой новой религіи, и злой богъ, то-есть дьяволъ, все еще призывается въ молитвахъ: еще не такъ давно нѣкоторые татары имѣли обыкновеніе въ извѣстный часъ обращаться лицомъ къ востоку и произносить краткую, но горячую молитву: „не убей меня“ [3]).

На сѣверѣ отъ енисейскихъ русскихъ и татаръ, инородческія населенія, обитающія на покатости Ледовитаго океана, имѣютъ еще въ своемъ распоряженіи обширныя пространства земли. Тунгусы, господствующій народъ восточной Сибири, упоминаемый уже въ 1612 году голландцемъ Массой [4]), занимаютъ почти всю область, ограничиваемую съ западной стороны теченіемъ Енисея, именно бассейны трехъ рѣкъ, называемыхъ по имени этого народа Тунгузками (Верхняя, Подкаменная, Нижняя) и наибольшую часть бассейна Амура. Соплеменники манчжуровъ, которые завоевали Китай, тунгусы, вышедшіе, какъ и манчжуры, изъ приамурскихъ странъ, тоже овладѣли Сибирью вплоть до Енисея, если не порабощая другія народности, то по крайней мѣрѣ присвоивая себѣ пригодныя для охоты территоріи, на пространствѣ отъ береговъ Китайскаго моря до береговъ Ледовитаго океана. Самоѣды называютъ ихъ айями, то-есть „молодыми братьями“, и это прозвище, повидимому, указываетъ, съ одной стороны, на недавнее прибытіе тунгусовъ въ край, съ другой на ихъ миролюбивыя отношенія къ старымъ владѣтелямъ земли [5]). Около середины его теченія тунгусы перешли за Енисей и подвинулись, на лѣвомъ берегу рѣки, въ этнологическую область остяковъ; но около центра ихъ территоріи, между Байкаломъ и Леной, они стѣснены съ сѣвера якутами, съ юга бурятами и русскими: въ этомъ мѣстѣ связь тунгусской

[1]) *Венюковъ*, Русско-азіатская граница.
[2]) *Потанинъ*, „Древняя и Новая Россія“, за 1877 г., № 8.
[3]) *Гмелинъ*, Путешествія въ Сибирь.
[4]) *Von Baer*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome X, 1842.
[5]) *A. Castren*, Nordische Reisen und Forschungen.

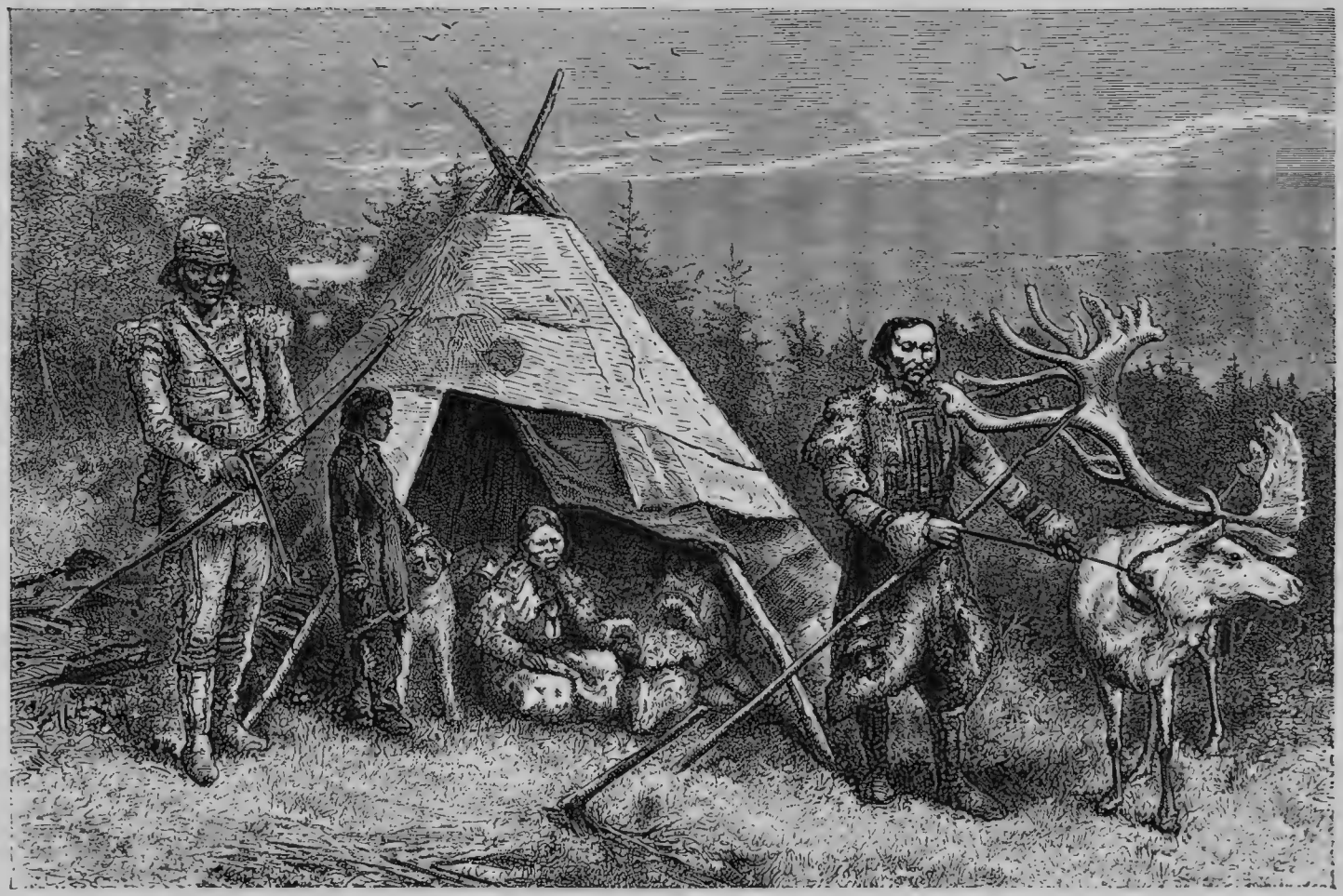
рассы прерывается. Почти всѣ кочевники, тунгусы пропорціонально очень немногочисленны, во всей Сибири ихъ, можетъ быть, наберется не болѣе пятидесяти или семидесяти тысячъ душъ (у разныхъ писателей цифра показана различно; въ 1820 году Штраленбергъ насчитывалъ ихъ около 75,000 душъ); но ихъ мужество, ихъ иниціатива и предпріимчивость, ихъ смышленость и находчивость даютъ имъ нравственное первенство надъ другими сибирскими инородцами. Впрочемъ и сами они принимаютъ, какъ большая часть націй, имена, указывающія на ихъ умственное превосходство: такъ, наименованія *донки* и *бойе*, изъ которыхъ первое примѣняется ко всей націи, тогда какъ второе отличаетъ лишь одно изъ ихъ племенъ или колѣнъ, означаютъ то же, что̀ „люди“, какъ-бы желая выразить, что тунгусы — люди по преимуществу [1]). Русское названіе ихъ, какъ полагаютъ, татарскаго происхожденія и буквальный смыслъ его—„озерные жители“; Палласъ, напротивъ, видитъ въ этомъ названіи бранную кличку на тюркскомъ языкѣ; по Клапроту, слово тунгу или тунгху должно быть понимаемо въ смыслѣ „восточныхъ варваровъ“, названныхъ такъ китайцами [2]).

Смотря по роду занятій и образу жизни тунгусовъ, русскіе обыкновенно подраздѣляютъ ихъ на тунгусовъ „конныхъ“ или „скотоводныхъ“, „оленныхъ“ или „собачьихъ“, „степныхъ“, „лѣсныхъ“ или „береговыхъ“. Нѣкоторое число осѣдлыхъ семействъ приняли также русскіе нравы и обычаи и почти ничѣмъ уже не отличаются отъ коренныхъ русскихъ, кромѣ происхожденія. Тѣ изъ тунгусовъ, которые стали заниматься хлѣбопашествомъ, весьма немногочисленны, и пріучить себя къ этой новой жизни имъ очень трудно; но, благодаря своей природной смышлености и ловкости, они и тутъ успѣваютъ лучше, чѣмъ другіе сибирскіе инородцы [3]). Однако, за этимъ незначительнымъ исключеніемъ, почти вся нація состоитъ изъ звѣролововъ, живущихъ въ лѣсахъ: въ сравненіи со всѣми другими обитателями Сибири, тунгусы могутъ считаться идеаломъ бродячаго народа, и тысячи изъ нихъ даже не даютъ себѣ труда носить съ собой жерди, бересту, кожи и тому подобные предметы, необходимые для сооруженія чума или ураса: покинутый шалашъ въ лѣсу, пещера въ скалѣ, дупло въ старомъ деревѣ, выгрызенное временемъ, достаточны одинокому охотнику: маленькія санки вмѣщаютъ всѣ его пожитки, и съ такимъ легкимъ багажемъ онъ странствуетъ, отъ границъ Китая до береговъ Ледовитаго океана, на разстояніи тысячъ верстъ. И однако, не смотря на всю свою страсть къ кочевой жизни, тунгусъ умѣетъ безошибочно находить, черезъ горы, равнины и рѣки, обратный путь къ звѣро-

[1]) *Carl Hiekisch*, Die Tungusen.

[2]) *A. Castren*, Völker des Altaï; *Klaproth*, Tableaux historiques; *Rittich*, Ethnographie Russlands.

[3]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise.



ТУНГУЗЫ.

ловной территоріи, которую онъ оставилъ за собою, и гдѣ разставлены его охотничьи снаряды — силки, капканы, западни и самострѣлы, уважаемые всѣми его родичами, какъ его неприкосновенная собственность. Малѣйшія примѣты, оставленныя звѣроловомъ въ дикомъ лѣсу, тотчасъ же узнаются людьми его племени. Порѣзка на стволѣ дерева, сломанная вѣтвь, указываютъ направленіе, котораго нужно держаться; хворостина, брошенная поперегъ тропинки, означаетъ, что не слѣдуетъ идти дальше въ эту сторону; стрѣлы, повѣшенныя на деревьяхъ въ разныхъ положеніяхъ, имѣютъ языкъ, хорошо понятный кочевникамъ: это ихъ письмена. Но и сама природа говоритъ съ ними тысячью знаковъ, которые они истолковываютъ съ изумительной проницательностью: по примѣтамъ, непонятнымъ европейцамъ, они угадываютъ присутствіе дичи, сосѣдство прогалины въ лѣсу или близость ручья, и направляются къ мѣсту, гдѣ навѣрно найдутъ ягодъ, чтобы утолить голодъ, или воду, чтобы утолить жажду. Очень суевѣрные, какъ всѣ охотники, они видятъ также во многихъ ничего незначащихъ явленіяхъ предвѣщаніе хорошей или худой охоты, и очень остерегаются, какъ-бы не совершить какого-нибудь большаго „грѣха“, который могъ-бы навлечь имъ неудачу въ ловитвѣ или иное злоключеніе: такъ, они боятся перешагнуть черезъ очагъ или занести на ногахъ или одеждѣ свѣжаго снѣгу въ юрту; на всѣхъ трудныхъ переходахъ черезъ горы или болота они пробираются молча, съ чувствомъ религіознаго благоговѣнія, и не преминутъ предложить возліянія злымъ духамъ, хотя-бы принесеніе этой жертвы стоило имъ послѣдней капли драгоцѣнной водки [1]). Никогда женщина, какъ ни хорошо съ ней обращаются вообще, не можетъ рожать во внутренности чума; почувствовавъ первыя родовыя боли, она немедленно убѣгаетъ въ лѣсъ, и тамъ одна, безъ помощи мужа, рискуя умереть въ снѣгу или подъ дождемъ, разрѣшается отъ бремени. Такъ требуетъ обычай. Новорожденный, когда его принесутъ изъ лѣсу, получаетъ имя чужого человѣка, мужчины или женщины, который первый придетъ въ юрту, и который долженъ при этомъ перешагнуть черезъ горящую головню, какъ-бы для того, чтобы очистить только-что вступившаго въ жизнь младенца отъ грѣховъ его племени. Традиціонные обряды соблюдаются также и при похоронахъ. Тѣло умершаго не зарывается въ землю, а вѣшается на вѣтвяхъ деревьевъ, зашитое въ оленью кожу, причемъ голова трупа всегда обращена къ западу; рядомъ къ высокому столбу привязываютъ ружье, котелъ, лукъ со стрѣлами, чтобы и по смерти душа тунгуса тѣшилась любимымъ лѣснымъ промысломъ [2]).

Монголы по виду, съ ихъ широкой головой, круглымъ лицомъ, выдающимися скулами, узенькими, вкось лежащими глазами, тунгусы отли-

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Георги*; *Миддендорфъ*, *Кастренъ* и друг.

чаются въ особенности четырехугольной формой ихъ лба. Между ними не встрѣтишь жирныхъ толстяковъ, какъ между ихъ соплеменниками: бродячая жизнь, безпрестанное скитанье, крайняя воздержность и умѣренность въ пищѣ, не позволяютъ имъ толстѣть. Худощавые и гибкіе тѣломъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, они быстро скользятъ по снѣгу на своихъ лыжахъ и стрѣлой мчатся по тонкому льду, на который не рискнулъ-бы ступить тяжелый остякъ. Они отличаются замѣчательной ловкостью во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и когда имъ случается сойтись на какомъ-нибудь праздникѣ или пиршествѣ, они любятъ побороться и побѣгать взапуски. Они охотно поютъ, всегда сопровождая оживленными жестами свои импровизаціи, обращенныя на тотъ предметъ, который попался на глаза, все равно будетъ-ли то лѣсъ или болото, трава или снѣгъ. До пляски они тоже страстные охотники, пляшутъ съ какимъ-то бѣшенымъ увлеченіемъ, и ихъ безпорядочный галопъ принимаетъ такой оживленный характеръ, что иногда даже зрители другой рассы не выдерживаютъ и тоже пускаются въ плясъ; забавно видѣть какъ неуклюжій остякъ съ медвѣжьей походкой грузно скачетъ въ кругѣ возлѣ ловкихъ тунгусовъ съ красивой и благородной поступью. Стройный тѣломъ, тунгусъ изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ самый щеголеватый, самый изобрѣтательный въ украшеніи своей особы. Особенно у тѣхъ, которые кочуютъ въ бассейнѣ Тунгузки, костюмъ поражаетъ богатствомъ и вкусомъ и замѣчателенъ какъ красотой общаго рисунка, такъ и удивительнымъ совершенствомъ деталей отдѣлки, состоящей изъ вышивокъ и бахромокъ; одинъ только тунгусъ можетъ наряжаться въ подобную одежду, подъ которой всякій другой туземецъ имѣлъ-бы шутовской видъ [1]). Удивительное сходство въ рисункѣ матерій наводитъ на мысль, что, вѣроятно, когда-нибудь существовали продолжительныя сношенія между тунгусами и японцами [2]). Обычай ношенія кольчуги и щита, нѣкогда общераспространенный между сибирскими туземцами, не существуетъ болѣе у тунгусовъ; въ настоящее время обыкновенное оружіе тунгуса—*пальва*, длинная палка, на которую онъ опирается, чтобы управлять санками, и которая оканчивается острымъ клинкомъ. Что касается узоровъ, которыми многіе туземцы татуируютъ себѣ лицо, то они не могутъ сравниться въ отношеніи удачнаго расположенія линій съ подобными-же узорами большинства полинезійцевъ: у тунгусскихъ женщинъ, которыя еще татуируются, главный мотивъ украшенія состоитъ изъ четырехъ параллельныхъ дугъ круга, нарисованныхъ на каждой щекѣ, отъ угла глаза до угла рта; съ внутренней и съ наружной стороны кривой проводятся поперечныя линіи, нѣсколько похожія на маленькихъ мотыльковъ со сложенными крыльями [3]).

---

[1]) *Миддендорфъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Raphael Pumpelly*; *Крапоткинъ*.

[3]) *Паллассъ*; *Кастренъ*; *Ганстенъ*; *Радде*; *Миддендорфъ* и друг.

Начиная съ Бранта, посѣтившаго Сибирь въ концѣ семнадцатаго столѣтія, всѣ путешественники наперерывъ другъ передъ другомъ восхваляютъ качества тунгусовъ. Живые, полные инициативы и увлеченія, всегда веселые, даже въ самой глубокой нищетѣ, неунывающіе ни передъ какими бѣдами и невзгодами, уважающіе собственную личность и личность другихъ, щеголеватые манерами и поэтичные въ рѣчи, услужливые безъ раболѣпства, гордые безъ чванства, презирающіе ложь, страданіе и самую смерть,—тунгусы просто героическій народъ. Тунгусы не требуютъ отъ обидчика цѣны крови и не знаютъ обычая кровавой мести, свойственнаго большинству народцевъ, пребывающихъ еще въ состояніи варварства; но какъ люди, вступившіе въ вѣкъ рыцарства, они вызываютъ другъ друга на дуэль, и правила поединка опредѣлены строго соблюдаемымъ церемоніаломъ [1]). Обитая подъ тѣмъ-же самымъ климатомъ, какъ коварные, мстительные якуты, толстые, неповоротливые буряты и молчаливые самоѣды, которые живутъ чисто внутренней жизнью, подобно деревьямъ ихъ родины, приземистымъ стволамъ, прячущимся въ лишаяхъ и мхахъ, тунгусы представляютъ замѣчательный примѣръ упорнаго сохраненія присущихъ рассѣ качествъ въ самыхъ разнообразныхъ средахъ. Взятые въ массѣ, тунгусы не измѣнили своего исконнаго образа жизни и не усвоили себѣ новыхъ потребностей и привычекъ, сдѣлавшись сосѣдями русскихъ. Принявъ по виду христіанскую религію, они сохранили свою лѣсную, языческую вѣру, свои нравы и свою дикую свободу. „Наша вѣра велитъ намъ жить и умирать въ лѣсу“, говорятъ они. Довольные малымъ, до крайности воздержанные, они привыкли терпѣть голодъ и жажду по цѣлымъ днямъ; никогда не жалуясь, даже не теряя своей обычной веселости, они переносятъ всѣ лишенія и невзгоды продолжительной зимы. Единственное домашнее животное, сѣверный олень, единственное дерево—береза, удовлетворяютъ всѣ ихъ немногосложныя потребности. Олень даетъ имъ мясо, шкуру, изъ которой приготовляютъ одежду, сухія жилы и кишки, которыя служатъ нитками, кости, изъ которыхъ вырѣзываютъ орудія; береза доставляетъ кору, бересту, которую употребляютъ на приготовленіе коробокъ, корзинъ, дѣтскихъ люлекъ и на обшивку юртъ или урасовъ [2]). Если тунгусы сопровождаютъ иногда, въ качествѣ ямщиковъ и проводниковъ, впродолженіе нѣсколькихъ дней и недѣль экспедиціи русскихъ охотниковъ или землемѣровъ и обыкновенно принимаютъ участіе въ ихъ трапезѣ, то они слѣдуютъ въ этомъ случаѣ своему національному обычаю, по которому гостепріимство считается первой и главной обязанностью человѣка, и который позволяетъ всѣмъ раздѣлять пищу каждаго. Прежде между ними не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, хотя

[1]) *Hieckisch*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, томъ XXIII.

*

частная собственность, состоящая въ правѣ охоты въ извѣстномъ округѣ или мѣстности, существовала уже въ ясно опредѣленной формѣ [1]). Каждая семья имѣетъ свое стадо оленей и свою кредитную или вѣрнѣе долговую книжку, по которой забираются припасы у русскаго или якутскаго купца.

Несмотря на всю эластичность своего характера и силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ, тунгусы, сдавленные, такъ сказать, между русскими и якутами, подвергаются серьезной опасности, которая грозитъ ихъ существованію, какъ народа. Дѣтей у нихъ родится много, и они воспитываютъ ихъ съ большой заботливостью, но смертность весьма значительна въ ихъ семействахъ; разныя повальныя болѣзни, каковы: оспа, корь, скарлатина, часто истребляютъ немалую долю населенія лѣсовъ, а голодъ, этотъ главный врагъ тунгусскаго народа, иногда уноситъ въ могилу всѣхъ обитателей юрты: тунгусы, приготовленные къ этому роду смерти, говорятъ о ней съ удивительнымъ спокойствіемъ духа, какъ-будто это самый естественный конецъ. Во многихъ лѣсахъ, гдѣ прежде находились становища тунгусовъ, теперь увидишь только остатки хижинъ да кожаные гробы, висящіе между двумя деревьями, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ земли. Тунгусское колѣно, которое всего долѣе оказывало сопротивленіе русскимъ, исчезло совершенно: отъ него осталось только имя, сохранившееся въ названіи селенія Тасеевскаго, построеннаго на рѣкѣ Усолкѣ, къ сѣверу отъ Канска.

Географическое положеніе, климатъ относительно теплый и плодородіе почвы обезпечиваютъ въ будущемъ значительную важность нѣкоторымъ областямъ Енисея; но въ настоящее время тамъ существуетъ лишь весьма небольшое число городовъ, да и эти города, за исключеніемъ двухъ или трехъ, представляютъ въ дѣйствительности простыя мѣстечки. Самый южный изъ нихъ, Минусинскъ, величающій себя столицей „Италіи“,— правда, Италіи сибирской,— и пріобрѣвшій нѣкоторую важность, какъ средоточіе довольно значительной торговли съ верхнимъ бассейномъ рѣкъ Кемъ или Кхемъ и съ Монголіей, возрастаетъ очень медленно. Въ 1863 году онъ имѣлъ уже около 4,000 жителей, а десять лѣтъ спустя населеніе его не увеличилось даже до 4,500 душъ. Занимая прекрасное мѣстоположеніе на правомъ берегу Енисея, въ виду живописнаго амфитеатра горъ, Минусинскъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ тѣхъ городовъ Сибири, которые обладаютъ наиболѣе обильнымъ запасомъ минеральныхъ богатствъ въ окружающей территоріи. Съ 1835 года здѣсь были найдены золотыя розсыпи и съ тѣхъ поръ производятся поиски блестокъ золота въ наносныхъ пескахъ долинъ, впадающихъ въ долину Енисея, преимущественно долинъ, которыя открываются на востокѣ въ сосѣдствѣ горъ

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

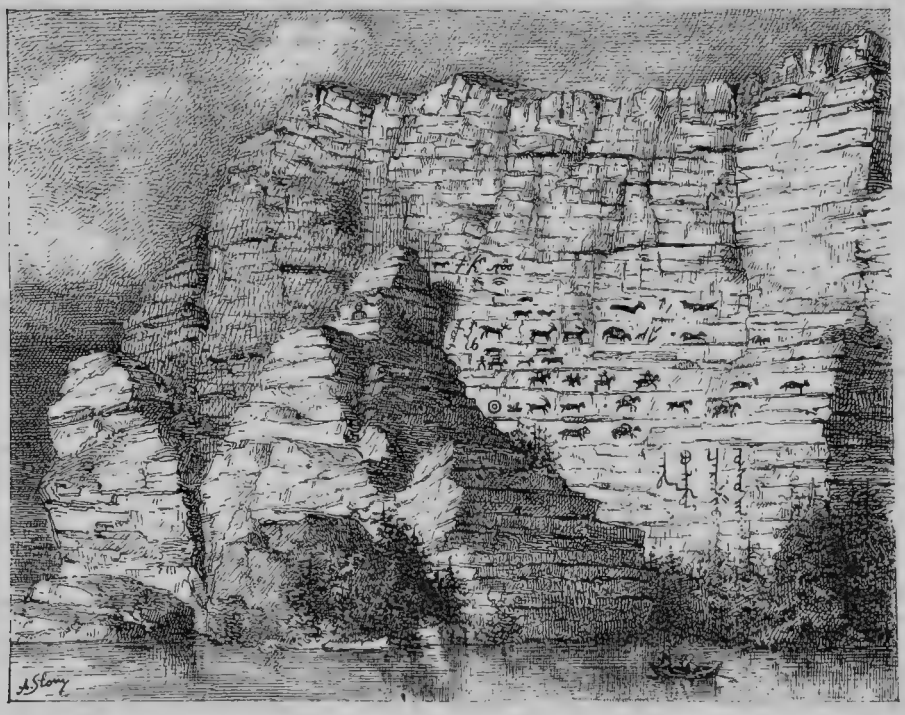
Ергикъ-Таргакъ-Тайга. Въ періодъ съ 1845 по 1859 годъ на этихъ пріискахъ общее количество промытаго золота составляло около 680 пудовъ, на сумму 8.775,000 рублей; средняя же годовая добыча равнялась 48 пудамъ, цѣнностью на 600,000 рублей. Кромѣ того въ сосѣднихъ горахъ были открыты мѣсторожденія свинцоваго блеска и мѣди, но эти руды не разработываются болѣе со времени отмѣны принудительнаго труда, такъ какъ вниманіе вольныхъ горнопромышленниковъ направлено главнымъ образомъ на поиски драгоцѣннаго металла. Залежи ископаемаго угля въ настоящее время не имѣютъ никакой цѣны по причинѣ обширнаго протяженія лѣсовъ, слабаго развитія промышленности и недостатка удобныхъ путей сообщенія. Соляныя озера въ окрестностяхъ Минусинска пока еще утилизируются только для мѣстнаго продовольствія. Желѣзную руду ищутъ и разработываютъ только сойоты, такъ какъ уральскіе горные заводы въ изобиліи доставляютъ желѣзо и чугунъ нужные для потребленія енисейскихъ русскихъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области нѣтъ ни одной горы, гдѣ-бы не встрѣчались старыя подземныя галлереи и копи каменнаго угля, куски наполовину проплавленнаго колчедана и груды шлаковъ [1]),—свидѣтельство дѣятельности древнихъ туземныхъ рудокоповъ. Къ сѣверо-востоку отъ Минусинска, въ долинѣ рѣки Убы, находится глыба самороднаго желѣза, вѣсомъ въ 40 слишкомъ пудовъ, которой Палласъ приписывалъ метеорическое происхожденіе.

Верстахъ въ 75 ниже Минусинска по теченію Енисея, селеніе Абаканское (или Абаканскъ), бывшее важной крѣпостью въ прошломъ столѣтіи, когда еще не существовало Минусинска, сохранило нѣкоторое движеніе какъ мѣсто переправы съ одного берега на другой: утесы лѣваго берега покрыты надписями, очень хорошо сохранившимися, которыя почти всѣ составлены на монгольскомъ языкѣ; впрочемъ, Палласъ видѣлъ тамъ двѣ надписи на татарскомъ нарѣчіи. Въ сосѣдствѣ съ этими береговыми утесами сотни могилъ, покрытыхъ камнями и расположенныхъ по двѣ рядомъ, занимаютъ значительное пространство: можетъ быть, надписи разсказываютъ о битвѣ, гдѣ погибли воины, похороненные въ этихъ могилкахъ. Ниже по рѣкѣ, близъ деревни Новоселово, одна скала на берегу Енисея тоже покрыта древними надписями, а въ долинѣ рѣки Сизимъ, часто посѣщаемой золотоискателями, крутой скалистый берегъ въ одномъ мѣстѣ испещренъ гіероглифическими рисунками, представляющими птицъ, дикихъ звѣрей и наѣздниковъ. Точно также, противъ впаденія рѣки Бирюсы, близъ Красноярска, видны человѣческія фигуры, разрисованныя красной краской, на скалѣ, господствующей надъ теченіемъ Енисея.

---

[1]) *Палласъ*, Voyage dans l'empire de Russie; *Goebel*, Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, tome X, 1865.

Красноярскъ, главный городъ Енисейской губерніи, построенъ, какъ показываетъ его имя, происходящее отъ слова „Красный яръ“, при основаніи красноватыхъ крутыхъ утесовъ, на глинистомъ полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Енисея и Качи. Занимая благопріятное положеніе при большой и всегда судоходной рѣкѣ, въ мѣстѣ пересѣченія ея главнымъ сибирскимъ трактомъ, и пользуясь, сверхъ того, выгодами административнаго центра, Красноярскъ, естественно, долженъ былъ быстро развиться, населеніе его болѣе чѣмъ удвоилось съ половины настоящаго столѣтія, такъ что теперь онъ самый значительный городъ



Гіероглифы на береговой скалѣ Енисея.

между Томскомъ и Иркутскомъ; но зимой путешественники и обозы избѣгаютъ его по причинѣ недостатка снѣга на окружающей равнинѣ, выметаемой до-чиста вѣтрами. Красноярскъ служитъ средоточіемъ торговли для пріисковъ, разсѣянныхъ въ окрестныхъ долинахъ, но самъ онъ не эксплоатируетъ находящихся въ его сосѣдствѣ залежей минеральнаго угля, и одни только татары извлекаютъ небольшое количество желѣзной руды изъ горъ, состоящихъ изъ краснаго мергеля, которыя возвышаются по берегамъ Енисея. Въ окрестностяхъ города, на берегахъ рѣки Качи, изъ земли бьютъ минеральные ключи, желѣзистые и сѣрные.

Енисейскъ, по значенію, только второй городъ на берегахъ Енисея, хотя онъ носитъ названіе этой рѣки. Повидимому, онъ занимаетъ вели-

колѣпное мѣстоположеніе, на лѣвомъ берегу, ниже сліянія двухъ большихъ рѣкъ, Енисея и Верхней Тунгузки. Это, безъ сомнѣнія, важныя выгоды; но Енисейскъ находится почти внѣ пояса русскаго населенія, среди озеръ и болотъ, на низменномъ берегу, который часто заливается водами и покрывается льдами во время весенняго вскрытія рѣкъ. Много разъ, при сильныхъ разливахъ, городу грозила опасность быть снесеннымъ водой. Въ прошломъ столѣтіи, когда перевозка товаровъ производилась исключительно воднымъ путемъ, енисейская ярмарка, на которой главный предметъ обмѣна составляли мѣха и желѣзныя издѣлія, была однимъ изъ важнѣйшихъ годовыхъ торговъ Сибири; постройка большой сибирской дороги, проходящей южнѣе, черезъ Красноярскъ, отвлекла торговое теченіе въ другую сторону. Окрестности Енисейска изобилуютъ мѣсторожденіями желѣза: всѣ окружающіе холмы, бассейны озеръ наполнены желѣзной рудой; повсюду бьютъ изъ земли желѣзистые источники, и каждое болото подернуто на поверхности радужной пленкой, образующейся отъ примѣси желѣза [1]). На сѣверо-востокѣ отъ города многочисленные золотопромышленники ищутъ золото въ пескахъ рѣчекъ, текущихъ въ Енисей, между Верхней и Подкаменной Тунгузками: въ этой мѣстности собираютъ болѣе двухъ третей золота, добываемаго въ Енисейской губерніи; но добыча его значительно уменьшилась въ эти послѣдніе годы. Въ 1875 году на пріискахъ этой губерніи было добыто около 450 пудовъ золота, на сумму 4.950,000 рублей; число рабочихъ въ этомъ году было 16,450. Положеніе пріисковыхъ рабочихъ, работающихъ въ водѣ, не пользующихся хорошей пищей, незнакомыхъ ни съ какими правилами гигіены, въ высшей степени печальное; болѣе четверти этихъ несчастныхъ заболѣваютъ на работахъ, и изъ шестнадцати тысячъ работниковъ каждый годъ болѣе тысячи стараются уйти съ пріисковъ. Въ Канскомъ округѣ, также какъ въ Нижне-удинскомъ, орошаемыхъ многочисленными рѣками и рѣчками, протекающими въ гористой области, которая ограничена теченіемъ Енисея и Ангары, эксплоатація золотоносныхъ песковъ также составляетъ главную горную промышленность. На сѣверѣ отъ города Канска утилизируютъ, для добыванія соли, соляные источники, вода которыхъ содержитъ отъ 11 до 12 частей чистой соли.

Ниже Енисейска рѣка протекаетъ уже по пустыннымъ пространствамъ. Тамъ и сямъ на берегахъ показываются бѣдныя деревушки съ полуразвалившимися хижинами, да и тѣ встрѣчаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ лодка спускается внизъ по рѣкѣ. Однако, одна изъ этихъ деревень, Туруханскъ, носитъ еще имя города, и живущіе въ немъ чиновники, въ сущности такіе-же ссыльные, какъ и несчастные, осужденные на невольное пребываніе въ этомъ страшномъ мѣстѣ, управляютъ

[1]) *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ.

семействами кочевыхъ инородцевъ: тунгусовъ, остяковъ, самоѣдовъ и якутовъ, и многочисленными поселенцами, торговцами и рыболовами, которые называютъ себя русскими, но которые въ дѣйствительности имѣютъ смѣшанное происхожденіе и отъ времени до времени приносятъ еще жертвы древнимъ языческимъ богамъ, состоящія изъ соболей и бѣлокъ [1]). Туруханскъ, главный городъ территоріи, гдѣ насчитывается всего только 2,200 осѣдлыхъ жителей на пространствѣ втрое бо́льшемъ, чѣмъ Франція, содержитъ одинъ болѣе пятой части населенія своего округа. Домишки этого городка разсѣяны на островѣ, при сліяніи рѣки Туруханъ съ Енисеемъ, сообщающимся въ этомъ мѣстѣ съ обширными озерами: пристань, живые мосты на сваяхъ, складочные амбары ожидаютъ торговли, которая должна со временемъ открыться между Сибирью и западной Европой черезъ Енисейскій заливъ; ярмарка, на которой вымѣниваютъ у инородцевъ шкурки пушныхъ звѣрей, привлекаетъ въ Туруханскъ самоѣдовъ и остяковъ, кочующихъ въ сѣверной Сибири между Обью и Леной. Что касается огромныхъ залежей графита, открытыхъ на востокѣ отъ Туруханска, между рѣками Курейкой и Нижней Тунгузкой, и изъ которыхъ одна, какъ полагаютъ, содержитъ по меньшей мѣрѣ 12.000,000 пудовъ камня, то до сихъ поръ эти богатства остаются непочатыми, такъ какъ разработка ихъ оказалась слишкомъ убыточной по причинѣ суровости климата и твердости мерзлой почвы. На лондонской всемірной выставкѣ 1851 года графитъ съ рѣки Курейки былъ признанъ лучшимъ въ свѣтѣ.

Города Енисейскаго бассейна, безъ Ангары, въ 1873 году:

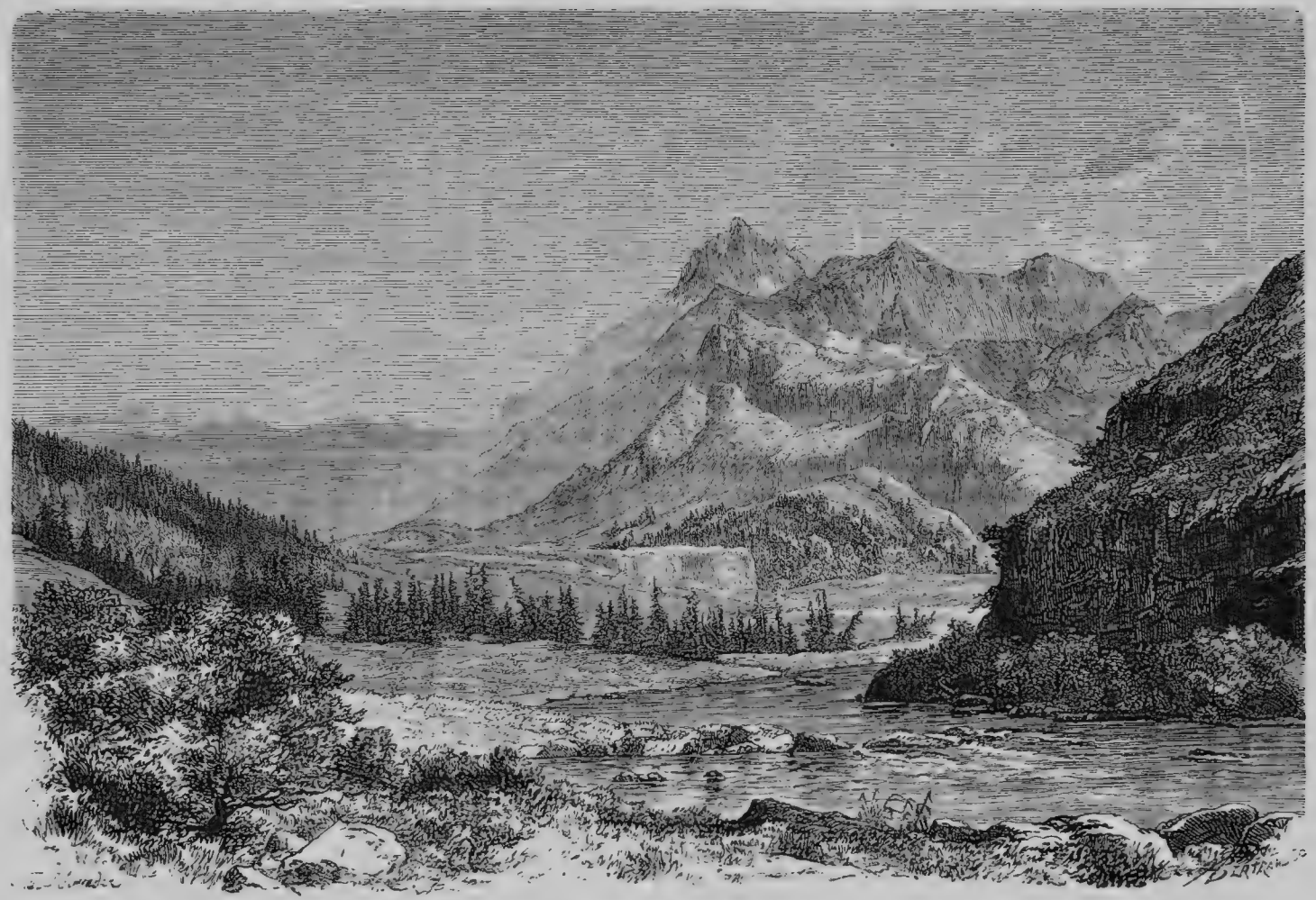
Красноярскъ	14,150 жит.	Канскъ	2,270 жит.
Енисейскъ	7,180 „	Туруханскъ	216 „
Минусинскъ.	4,440 „		

Маленькая пристань Дундинко, на нижнемъ Енисеѣ, была посѣщена профессоромъ Норденшельдомъ; недалеко оттуда находится поселеніе сосланныхъ изъ Россіи скопцовъ, которые всѣ финляндскіе уроженцы.

Байкалъ и Ангара.

Подобно Иртышу и Енисею, Селенга, главная рѣка верхняго бассейна Ангары, получаетъ начало на полуденной сторонѣ горъ, ограничивающихъ съ юга равнины Сибири, и излишекъ водъ этого бассейна находитъ себѣ путь къ сѣверу также черезъ проломъ въ горной цѣпи. Но въ то время, какъ Енисей спускается правильнымъ скатомъ отъ своего истока до устья, нигдѣ не разливаясь въ озерный резервуаръ, а Иртышъ наполняетъ только неглубокую впадину озера Зайсанъ прежде,

[1]) *Щаповъ*, Записки Русскаго Географич. Общества, томъ III.



ГРУППА ГОРЪ МУНКУ-САРДЫХЪ.

чѣмъ продолжать свое теченіе, Селенга теряется въ бездонной котловинѣ Байкала, окруженной со всѣхъ сторонъ горными хребтами, и рѣка, выходящая изъ этого озера, Ангара, есть лишь истокъ его, истокъ, который, можетъ быть, образовался въ относительно недавнюю эпоху: онъ не имѣетъ никакой связи съ Селенгой въ смыслѣ ея непосредственнаго продолженія. Словно море, Байкалъ явственно отдѣляетъ сибирскую покатость отъ полуденной области, извѣстной подъ именемъ Забайкалья.

Горныя цѣпи, возвышающіяся на западѣ обширнаго моря, называемаго также Святымъ моремъ, и которыя даютъ начало на южной сторонѣ притокамъ Селенги, на сѣверномъ—притокамъ Ангары, принадлежатъ къ системѣ Саянскихъ горъ, которыя сами составляютъ продолженіе Алтая. Хребетъ Ергикъ-Таргакъ-Тайга, гребень котораго служитъ границей между Россіей и Китайской имперіей, соединяется съ горами Прибайкалья цѣпью высокихъ вершинъ, которая поднимается до пояса постоянныхъ снѣговъ, и которая тѣмъ не менѣе оставалась неизвѣстной географамъ до недавняго времени. Въ 1832 году Карлъ Риттеръ не зналъ даже о существованіи этой цѣпи, и хотя Александръ Гумбольдтъ упоминаетъ объ ней подъ китайскимъ именемъ Мондоргонъ-оола, но онъ смѣшиваетъ ее съ другими группами и даетъ ей только треть ея дѣйствительной высоты: первое восхожденіе на эти горы было совершено въ 1859 году натуралистомъ Радде. Цѣпь Мунку-Сардыкъ, имя которой означаетъ „Серебряную гору“, представляетъ высокую горную массу, покрытую на верхушкѣ вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ (отчего произошло названіе), тогда какъ всѣ другія вершины страны показываютъ лѣтомъ свои голыя скалы, что̀ можно объяснить только существованіемъ теплаго воздушнаго теченія, идущаго съ запада, въ верхнихъ областяхъ атмосферы [1]). Монголы никогда не взбираются на Серебряную гору; они останавливаются на мѣстѣ поклоненія, находящемся у основанія полуденнаго ледника, и помочивъ виски въ струѣ воды, льющейся изъ хрустальной массы льда, кланяются нѣсколько разъ передъ невидимымъ горнымъ духомъ, бормочутъ свои молитвы и брызгаютъ нѣсколькими каплями водки на всѣ четыре стороны горизонта. Эта ледяная рѣка, единственная, которая спускается съ хребта Мунку-Сардыкъ на монгольской покатости, занимаетъ пространство почти въ 9 квадр. верстъ; но скатъ, обращенный на сѣверъ, изливаетъ къ Сибири двойной ледникъ гораздо болѣе значительный, выдвинувшій свои конечныя морены, смѣшанныя со льдомъ, на разстояніи 4 верстъ отъ вершины и запрудившій своей обрывистой массой воды истеченія озера Ехой, пропасти, наполненной лазурной водой и плавающими льдинами. Съ узкой площадки на вершинѣ хребта Мунку-Сардыкъ открывается обширный видъ къ западу.

[1]) *Кропоткинъ*, Рукописныя замѣтки.

къ сѣверу, къ востоку, на цѣлый міръ горъ, скалъ, лѣсовъ, тогда какъ на югѣ взоръ теряется въ безконечномъ пространствѣ пустыни, сливающейся съ основаніемъ небеснаго свода; синяя поверхность большаго озера Косіо (Косоголъ) и зеленѣющіе лѣса лиственницы, покрывающіе нижній поясъ горъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ ярко-краснымъ цвѣтомъ голыхъ утесовъ и съ бѣлизной снѣговъ [1]). Посреди бассейна Косоголъ, который продолжается съ сѣвера на югъ на протяженіи около 112 верстъ, и площадь котораго исчисляютъ въ 2,900 квадр. верстъ, виднѣются блистающія, какъ бѣловатое облако, скалы острова, почитаемаго священнымъ буддистами, которые прозвали его Далай-куй, то-есть „пупомъ моря“.

Пирамидальная масса Мунку-Сардыка составляетъ центръ разсѣянія водъ; на юго-западѣ, различные ручьи, переходя послѣдовательно изъ притока въ притокъ, достигаютъ, наконецъ, Енисея. На сѣверо-западѣ рѣка Ока, первыя воды которой собираются въ озерѣ Ехой, течетъ сначала вдоль основанія хребта Ергикъ-Таргакъ, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и образуетъ вмѣстѣ съ Ангарой Верхнюю Тунгузку. На востокѣ двѣ рѣки Иркутъ, Черный и Бѣлый, также получаютъ начало въ сосѣдствѣ, на горѣ Нуку-Дабанъ, почитаемой туземцами, которые приносятъ въ это священное мѣсто различные дары божеству, шкуры звѣрей, лоскутки матеріи, ружейные кремни, старыя монеты. Наконецъ, на югѣ озеро Косоголъ служитъ главнымъ резервуаромъ водъ для верхней Селенги. Но обиліе рѣкъ, вытекающихъ изъ этого горнаго узла, не всегда одинаково: оно измѣняется въ весьма значительной степени, такъ какъ годовое паденіе снѣга и дождя представляетъ большія неравенства въ этой области, смотря по положенію горъ и направленію вѣтровъ. По счастливой случайности, метеорологическія наблюденія могли быть производимы правильно на одномъ изъ самыхъ высокихъ мысовъ этой гористой области, благодаря жиламъ графита, которыя были открыты французомъ Алибером, около 1850 года, выше пояса лѣсной растительности, и которыя вскорѣ сдѣлались предметомъ дѣятельной разработки. Рудникъ Алибера, заложенный въ сіенитовой скалѣ съ крупными кристаллами, содержитъ милліоны килограммовъ превосходнаго графита, уже хорошо извѣстнаго художникамъ и пріобрѣтеннаго въ собственность обширной карандашной фабрикой, находящейся въ сосѣдствѣ Нюренберга. Однако, суровость, климата не позволила поддерживать эту прибыльную эксплоатацію: построенныя для рудника зданія, складочные сараи, дороги—все было покинуто.

Горы, составляющія непосредственное продолженіе горнаго узла Мунку Сардыкъ на востокѣ, и которыя опускаются на берегу рѣки Иркутъ, недалеко отъ западной оконечности Байкала, принадлежатъ къ

[1]) *Gustav Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Band XXIII.

той-же самой орографической системѣ. Это такъ называемые Тункинскіе „Гольцы“ (голыя, безлѣсныя скалы), на сѣверѣ которыхъ тянутся другія возвышенія почвы въ видѣ параллельныхъ грядъ, между долинами рѣкъ Оки и Ангары. Цѣпь гольцовъ представляетъ совершенный контрастъ съ Саянскими горами. Если смотрѣть изъ долины Иркута, раздѣляющей эти двѣ горныя системы, то на сѣверѣ увидимъ разорванные пики гольцовъ, нагроможденныя одна на другую остроконечныя пирамиды, тогда какъ на югѣ тянутся Саянскія горы въ формѣ длинныхъ округленныхъ хребтовъ. А между тѣмъ обѣ цѣпи состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же кристаллическихъ и палеозойскихъ каменныхъ породъ, и у основанія той и другой нѣкогда происходили изліянія лавы. Изъ трещинъ, открывающихся у подножія горной массы Мунку-Сардыкъ, вышелъ базальтовый потокъ; по краямъ долины Иркута, на значительной части ея протяженія, залегаютъ слои лавы, и нѣкоторыя изъ горокъ этой долины были признаны,—можетъ быть ошибочно—за настоящіе конусы изверженія. Равнымъ образомъ лавы выступили на поверхность земли въ Тункинской долинѣ, недалеко отъ Байкала, также какъ на берегахъ Селенги, въ Забайкальѣ. Введенные въ заблужденіе относительно свойства нѣкоторыхъ горныхъ породъ, путешественники преувеличили важность вулканическихъ явленій въ этой области Сибири; но во всякомъ случаѣ существованіе огнедышущихъ отдушинъ на далекомъ разстояніи отъ моря, вблизи прѣсноводныхъ бассейновъ Байкала и Косогола, составляетъ весьма замѣчательный фактъ. Единственныя конусообразныя горки съ кратеромъ, которыя до сихъ поръ были открыты въ этомъ краѣ, и о которыхъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія,—это двѣ „Чашки“, находящіяся близъ китайской границы, въ Саянскихъ горахъ, около истоковъ рѣки Джунъ-Булакъ, лѣваго притока Оки. Эти маленькія горки, высота которыхъ не достигаетъ 410 футовъ, хотя онѣ стоятъ на плоскогорьи, поднимающемся почти на двѣ версты надъ уровнемъ моря, кажутся незначительными буграми среди окружающихъ высокихъ горъ, но потокъ лавы, вылившійся изъ главнаго кратера, имѣетъ не менѣе 20 верстъ въ длину; на лавѣ лежатъ большія глыбы гранита, что̀ даетъ поводъ предполагать, что изліяніе ея послѣдовало въ эпоху предшествовавшую послѣ-ледяному періоду[1]). Область Иркута, Ангары, Байкала, Мунку-Сардыка представляетъ въ геологическомъ отношеніи ту особенность, что землетрясенія тамъ бываютъ всего чаще и проявляются съ наибольшей силой. Городъ Иркутскъ стоитъ на главномъ вибраціонномъ центрѣ Сибири, также какъ Ходжентъ помѣщается на главномъ туркестанскомъ центрѣ колебанія почвы. Многіе признаки указываютъ на то, что въ долинахъ Селенги и Ангары имѣли мѣсто большіе провалы земли.

---

[1]) *Кропоткинъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, томы IX и X.

На Тункинскихъ горахъ растутъ такіе-же лѣса, какъ и на Саянскихъ, также и животныя, населяющія эти двѣ горныя системы, принадлежатъ къ однимъ и тѣмъ же видамъ [1]). Но другая, менѣе высокая цѣпь, которая ограничиваетъ съ южной стороны долину Иркута, уже отличается въ этомъ отношеніи отъ Саянскихъ горъ: сплошь покрытая лѣсами, она тянется въ видѣ длинныхъ хребтовъ и отличается нѣкоторыми особенностями своего геологическаго состава и своей фауны. Она начинаетъ собою систему Байкальскихъ горъ, которая опять поднимается у юго-западнаго угла обширнаго озера, гдѣ образуетъ горную массу Камаръ-Дабанъ (или Хамаръ-Дабанъ), самую высокую изъ всѣхъ цѣпей байкальскаго прибрежья. Эта группа достигаетъ высоты 7,000 футовъ и покрывается зимой огромнымъ количествомъ снѣга: полярные вѣтры, которые проносятся надъ Иркутскомъ, не оставляя въ немъ гонимыхъ ими хлопьевъ, приносятъ значительныя массы снѣга на Камаръ-Дабанъ [2]).

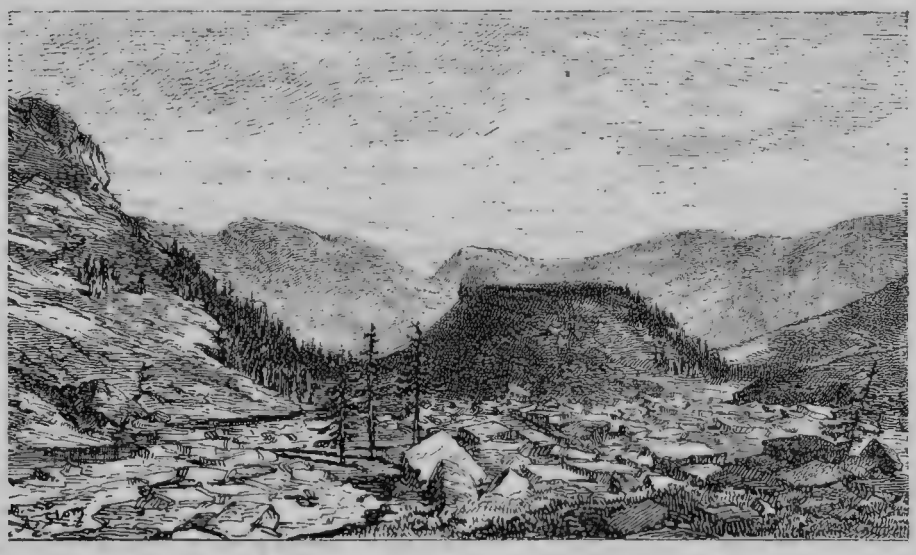
Различныя высоты горной цѣпи Мунку-Сардыкъ, по Радде:

Главная вершина	3,490	метр.
Основаніе южнаго ледника	3,231	„
Верхняя граница явнобрачныхъ растеній	3,205	„
Верхняя граница лѣсовъ	2,225	„
Рудникъ Алибера	2,241	„
Нуку-Дабанъ	2,161	„
Косоголъ	1,645	„

Среднимъ числомъ, горы и холмы, окаймляющіе воды Байкала на сѣверѣ и на югѣ, имѣютъ только отъ 3,000 до 4,000 футовъ высоты. По причинѣ контраста, который представляетъ ихъ рельефъ съ ровной поверхностью озернаго бассейна, они кажутся какъ-бы отдѣльными цѣпями, параллельными одна другой; но ихъ скорѣе слѣдуетъ разсматривать какъ части плоской возвышенности съ волнообразной поверхностью, складки и возвышенія которой тянутся отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, между бассейнами Лены и Аргуни. Байкалъ частію наполняетъ своими водами двѣ борозды этого плоскогорья: это двойное озеро; большой островъ Ольхонскій на западномъ берегу водной площади, и мысъ или полуостровъ Святой, на восточной ея окраинѣ, суть отрывки горной цѣпи, которая нѣкогда раздѣляла озеро на два бассейна [3]), почти равной величины. Впрочемъ, огромныя глубины Байкала, вертикальныя стѣны его береговыхъ утесовъ, продолжающіяся такъ же отвѣсно подъ водой, свидѣтельствуютъ о значительныхъ провалахъ почвы, которые имѣли мѣсто въ этой части земной поверхности. Большинство ученыхъ полагали прежде, что

[1]) *Густавъ Радде*, цитированное сочиненіе.
[2]) *Эрманъ*, Путешествіе въ Сибирь.
[3]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

Байкалъ образовался путемъ наполненія водой трещины вулканическаго происхожденія; но геологическое изслѣдованіе береговъ озера доказало, что изверженія лавы могли имѣть лишь самое незначительное вліяніе на профиль береговъ: вулканическія изверженія констатированы только въ равнинѣ, разстилающейся близъ западной оконечности озернаго резервуара, на сѣверо-западѣ отъ цѣпи Камаръ-Дабанъ. Почти всѣ высоты, окружающія озеро, стоятъ,— какъ и высоты полуденнаго плоскогорья до горъ Яблоноваго хребта,— изъ крупнозернистыхъ гранитовъ, сіенитовъ, кристаллическихъ сланцевъ и порфировъ, чередующихся тамъ и



Кратеръ „Чашка“ близъ истоковъ сибирской Оки.

сямъ съ древними известняками, песчаниками и очень мощными слоями конгломератовъ.

Байкалъ, имя котораго произошло, вѣроятно, отъ якутскихъ словъ Бай-хай, означающихъ „Богатое“ или „Счастливое море“, извѣстенъ у монголовъ подъ названіемъ Далай-Норъ или „Священнаго моря“; сами русскіе, прибрежные жители, даютъ ему преимущественно это наименованіе „Святаго моря“, утверждая, что „никогда еще не было случая, чтобы на немъ погибла христіанская душа“, развѣ только въ состояніи смертнаго грѣха. Всѣ мѣстные жители: монголы, уріанхи, буряты и русскіе, приходятъ въ негодованіе, когда услышатъ, что Байкалъ называютъ озеромъ: въ ихъ глазахъ, это прѣсноводное море, почти равное по достоинству морю соленой воды. Тамошніе рыбаки разсказывали Гмелину, что „море“ гнѣвается, когда его называютъ озеромъ, и говорили о немъ всегда въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Такъ, во всѣхъ странахъ міра, дикіе народы, пребывающіе во власти неукрощенныхъ силъ при-

роды, привыкли трепетать и благоговѣть передъ ними. Многіе изъ опасныхъ подводныхъ камней почитаются священными, и прибрежные жители часто ходили поклониться имъ и принести приличныя жертвы, когда вѣтеръ позволялъ пристать къ камню: близь выхода Ангары изъ озера одна изъ этихъ скалъ слыветъ у туземцевъ престоломъ „Бѣлаго Бога“. Полуостровъ или мысъ священный по преимуществу, который выступаетъ далеко въ озеро, на восточномъ берегу, оканчивается утесами „Шаманскаго“ носа, которые поднимаются саженъ на 25 надъ поверхностью водъ, въ видѣ колоннъ или грубо изваянныхъ статуй. Въ глазахъ тунгусовъ эти утесы — боги, властители водъ, которыя омываютъ ихъ ноги, покровители птицъ, которыя несмѣтными стаями кружатся въ огромной полости ихъ рта.

„Море“ или „озеро“, Байкалъ во всякомъ случаѣ есть самый обширный бассейнъ азіатскаго континента, и во многихъ русскихъ сочиненіяхъ по географіи ему еще даютъ первое мѣсто между всѣми озерами земнаго шара, какъ-бы игнорируя существованіе озеръ, образующихъ „прѣсноводное Средиземное море“ Сѣверной Америки и какъ-бы не зная объ открытіи большихъ африканскихъ озеръ Ніанца (Викторія) и Танганійка. Тѣмъ не менѣе, если Байкалъ уступаетъ по протяженію обширнымъ озернымъ пространствамъ Африки и Новаго Свѣта, то онъ превосходитъ большинство ихъ по массѣ воды, ибо глубина его громадна и самыя низкія его впадины лежатъ гораздо ниже уровня океана. Для сравненія приводимъ размѣры самыхъ большихъ прѣсноводныхъ озеръ Стараго и Новаго Свѣта:

	Площадь.	Наибол. глубина.	Средн. глубина.	Приблизительный объемъ воды.
Байкалъ . . .	34,975 кв. км.	1,375 метр.	250 метр.	8,743 куб. кил.
Ніанца (Уксреве)	83,900 „	?	?	?
Танганійка . .	39,000 „	?	?	?
Верхнее . . .	81,000 „	313 „	220 „	17,820 „
Мичиганъ . . .	57,000 „	263 „	90 „	5,130 „
Гуронъ	52,000 „	213 „	75 „	3,900 „
Эріе	24,600 „	62 „	15 „	369 „
Онтаріо . . .	16,200 „	185 „	120 (?)	1,944 „
Женевское . .	578 „	354 „	150 „	87 „

Средняя глубина Байкала превышаетъ 117 саженъ. У основанія крутыхъ береговыхъ утесовъ лотъ находитъ скалы дна лишь на глубинахъ, превышающихъ 50 саженъ, а для обыкновенныхъ канатовъ, которыми располагаютъ рыболовы, озеро почти вездѣ представляетъ пучины неизмѣримой глубины. Въ 1859 году, когда были произведены первые правильные

[1]) *Georgi*, Reise im Russischen Reiche; *Carl Ritter*, Asien.

промѣры дна Байкала, отъ одного берега до другого, для укладки телеграфнаго кабеля между иркутскимъ берегомъ и дельтой Селенги, Кононовъ, какъ ему показалось, нашелъ дно на глубинѣ почти 600 саженъ, а впослѣдствіи новое подводное изслѣдованіе этой области дало ему почти 700 саженъ (1,491 метр.), какъ наибольшую глубину въ полуденныхъ пространствахъ Байкала; но новѣйшее, гораздо болѣе подробное, изслѣдованіе дна, произведенное, впродолженіе зимы 1876 года, учеными ссыльными поляками Дыбовскимъ и Годлевскимъ, которые располагались со своими измѣрительными снарядами на льду озера, у края трещинъ или прорубей, позволило исправить эти первыя измѣренія. Наибольшая измѣренная глубина, которая, по всей вѣроятности, соотвѣтствуетъ самой глубокой впадинѣ ложа, оказалась равной 643 саженямъ (1,373 метрамъ); на пространствахъ въ нѣсколько верстъ длиною дно представляетъ правильныя равнины, залегающія на разстояніи 513, 560 и 607 саженъ отъ поверхности водъ. Самый замѣчательный фактъ, обнаруженный промѣрами,— это существованіе подводнаго горнаго хребта высотою болѣе 1,000 метровъ, параллельнаго берегамъ Иркутска и Забайкалья, который тянется по серединѣ бассейна и дѣлитъ его на двѣ второстепенныя впадины [1]). Съ давнихъ поръ судовщики, плавающіе по Байкалу, говорили о существованіи въ озерѣ подводныхъ скалъ или мелей, на которыхъ они будто-бы даже бросали якорь въ дурную погоду; но этимъ разсказамъ не придавали вѣры. Упомянутые изслѣдователи гг. Дыбовскій и Годлевскій доказали, что это преданіе не лишено основанія: дѣйствительно, лотъ указываетъ слой воды толщиною не болѣе 28 саженъ надъ цѣпью подводныхъ горъ [2]). Въ сосѣдствѣ самыхъ глубокихъ мѣстъ озера поднимаются самыя высокія горы прибрежья; въ „Святомъ морѣ“, какъ и въ океанѣ, почти вездѣ промѣры обнаруживали, что глубина водъ соотвѣтствуетъ крутизнѣ береговъ. Часть озера, лежащая къ сѣверу отъ острова Ольхонскаго и Святаго мыса, окружена менѣе обрывистыми берегами, и воды ея имѣютъ меньшую толщину. Въ „Маломъ морѣ“,—такъ называютъ заливъ, образуемый островомъ Ольхонскимъ и противолежащимъ берегомъ,—глубина достигаетъ 30 саженъ. Благодаря громадному объему жидкой массы, правильно смѣшиваемой дѣйствіемъ тяжести, которая увлекаетъ ко дну болѣе плотную воду, температура Байкальскаго озера представляетъ лишь весьма незначительныя разности: на поверхности измѣненія ея не превышаютъ 10 градусовъ сто-градуснаго термометра; на глубинѣ 70 саженъ амплитуда колебаній температуры составляетъ всего только 2 съ половиной градуса, тогда какъ на днѣ температура воды постоянно держится на 3 съ половиной градусахъ [3]).

---

[1]) *Дыбовскій* и *Годлевскій*, цитированный мемуаръ.

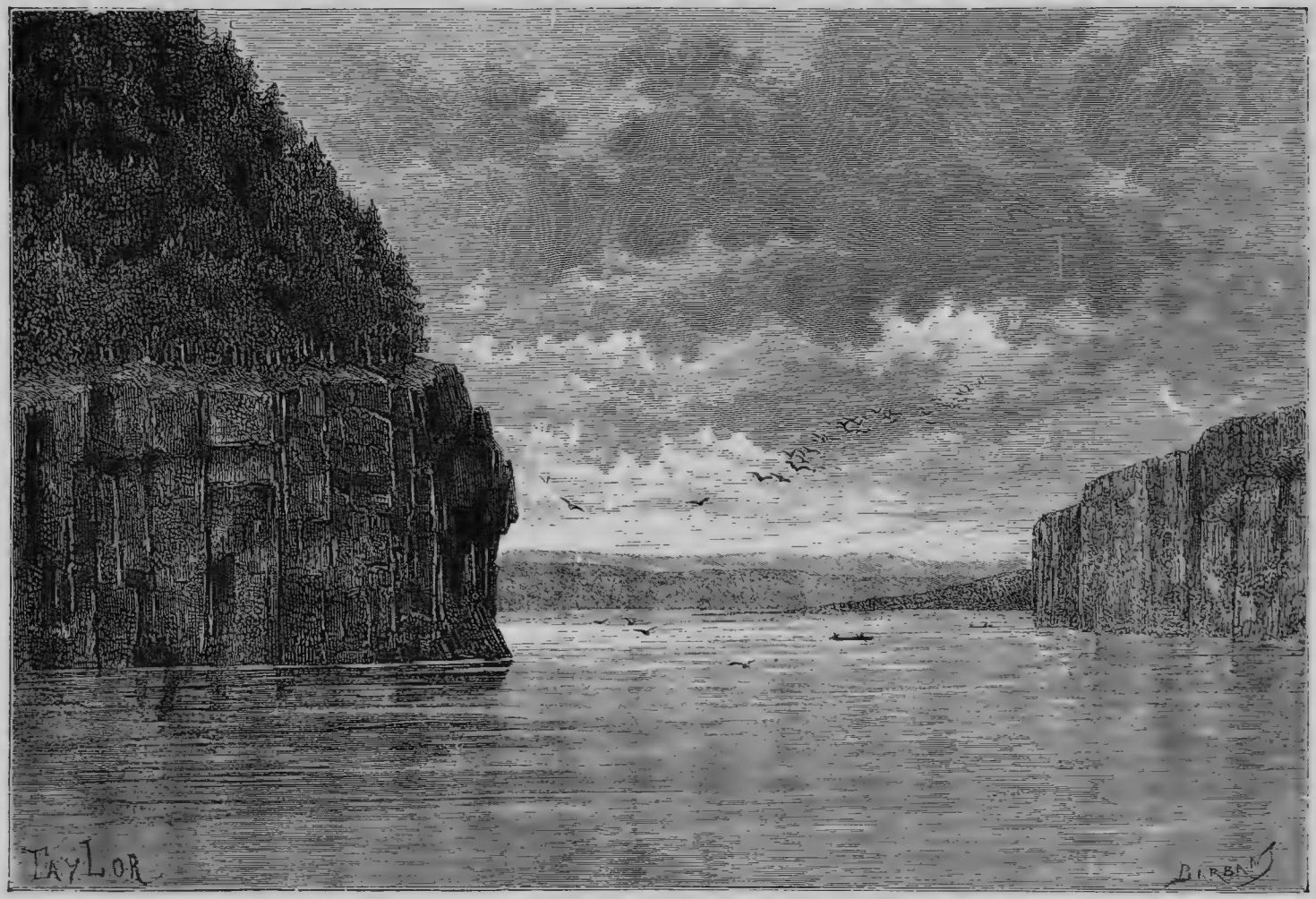
[2]) Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, т. VIII, октябрь, 1877 г.

[3]) *Struve*, Mittheilungen von Petermann, 1880 г., № 8.

Байкалъ, какъ онъ ни обширенъ и какъ ни глубокъ, есть однако, только остатокъ бассейна гораздо болѣе значительнаго. Вездѣ на его окраинахъ, гдѣ скалы не высятся непосредственно надъ поверхностью водъ, и гдѣ покатость твердой земли довольно отлога, чтобы могли образоваться плоскіе берега, можно замѣтить лежащія одна надъ другой линіи старыхъ береговъ, которые покрыты совершенно такими же гальками, какъ и нынѣшніе берега, находящіеся въ извѣстныхъ разстояніяхъ кругомъ всего теперешняго берега и въ долинахъ притоковъ, доказываютъ, что въ недавнюю эпоху озеро поднималось по меньшей мѣрѣ на 3 сажени выше уровня, который оно занимаетъ въ наши дни. Въ предшествовавшую геологическую эпоху водная масса Святаго моря была еще больше и сообщалась съ древнимъ озеромъ долины Иркута посредствомъ пролива, неимѣющаго ничего общаго съ проломомъ, черезъ который нынѣ вытекаетъ Ангара. Часть этой рѣки, заключающаяся между Байкаломъ и сліяніемъ Иркута, была прежде незначительнымъ ручьемъ, впадавшимъ въ Иркутъ: валъ изъ песчаниковыхъ скалъ отдѣлялъ ея истоки отъ впадины, занимаемой громаднымъ озеромъ. Но въ то время, какъ на сѣверной сторонѣ этихъ скалъ шла неустанная работа размыванія и изображеніе скатовъ рытвинами, производимая снѣжными лавинами и дождевыми водами, на южной непрерывно дѣйствовалъ натекъ жидкой массы Байкала; наконецъ, наступилъ моментъ, когда въ раздѣльной стѣнѣ образовалась пробоина, и воды озера устремились въ отверстіе, давъ такимъ образомъ начало одной изъ могучихъ рѣкъ земнаго шара. Самое имя Ангары, какъ говорятъ, означаетъ по тунгусски „бѣгство воды“, и можетъ быть, напоминаетъ внезапное истеченіе жидкой массы черезъ проломъ, образовавшійся въ сѣверной закраинѣ Байкала [1]). Каналъ этого истока постепенно расширился и углубился подъ тяжестью водъ, которыя черезъ него изливались, и озеро, избавившись отъ излишка своей жидкой массы, могло сохранять свой уровень въ тѣсныхъ предѣлахъ: разность между уровнемъ лѣтнихъ водъ, поднимающихся вслѣдствіе таянія снѣговъ, и уровнемъ зимнихъ водъ, неполучающихъ, по причинѣ мороза, дани отъ текущихъ въ озеро ручьевъ, не превышаетъ, среднимъ числомъ 1 метра [2]); но въ нѣкоторые исключительные годы прибыль воды въ Байкалѣ достигала почти 2 метровъ выше нормальнаго уровня. Годовая разность между самымъ высокимъ и самымъ низкимъ стояніемъ воды значительнѣе въ альпійскихъ озерахъ, особенно въ Лаго-Маджіоре, гдѣ она можетъ достигать 7 метровъ при большихъ разливахъ. Правда, что на скатахъ Альпъ годовое паденіе атмосферной влаги гораздо значительнѣе, пропорціонально протяженію бассейна, чѣмъ на покатостяхъ высотъ, окружающихъ сибир-

[1]) *Мелліцкій*, Verhandlungen der Mineralogischen Gesellschaft in St. Petersburg, 1856 г.

[2]) *Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches.



АНГАРА.

ское прѣсноводное море; разливы притоковъ Байкала, каковы: Селенга, Баргузинъ, верхняя Ангара и сотни другихъ рѣкъ и рѣчекъ, успѣваютъ значительно уменьшиться, прежде чѣмъ воды вступятъ въ общій резервуаръ, и такимъ образомъ Байкалъ получаетъ менѣе наносовъ всякаго рода, чѣмъ альпійскія озера, хотя Селенга катитъ мутныя воды. Вода въ Святомъ морѣ гораздо прозрачнѣе, чѣмъ въ Лаго-Маджіоре или въ Женевскомъ озерѣ: на глубинѣ 5 саженъ можно совершенно ясно различить все находящееся на днѣ до малѣйшаго камешка; только на глубинахъ болѣе 7 саженъ перестаешь распознавать большіе камни дна; даже послѣ сильныхъ дождей вода остается прозрачной въ сосѣдствѣ плоскаго берега и впадающихъ въ озеро ручьевъ.

Это незначительное содержаніе твердыхъ землистыхъ частицъ въ водѣ, текущей въ Байкалъ изъ окружающихъ гранитныхъ долинъ, объясняетъ отчетливость излома, правильность угловъ и граней, которую еще представляютъ контуры береговъ озера: края Святаго моря какъ-будто сохранили свою первоначальную архитектуру, и это придаетъ имъ еще болѣе величественный видъ; плавая у подножія высокихъ береговыхъ утесовъ, которые съ отдаленныхъ, неизвѣстныхъ намъ эпохъ стоятъ несокрушимо, еще неуничтоженные всеразрушающимъ временемъ, невольно воображаешь себя перенесеннымъ за тысячи вѣковъ назадъ, въ первобытную природу. Однако, нельзя сказать, чтобы на берегахъ Байкала совершенно не было новѣйшихъ геологическихъ образованій; наносныя формаціи тоже встрѣчаются, особенно около сѣверной его оконечности, гдѣ бассейнъ имѣетъ меньшую глубину. Въ этомъ мѣстѣ верхняя Ангара и нѣкоторыя сосѣднія съ нею рѣки соединяются въ болотистую дельту, отдѣленную отъ свободной поверхности озера грядами дюнъ, которыя, впрочемъ, поднимаются отъ земли не болѣе, какъ на нѣсколько саженъ (отъ 1 до 5) и по большей части скрыты подъ кустарникомъ, состоящимъ изъ ползучихъ сосенъ и разныхъ другихъ деревянистыхъ растеній. Въ южномъ бассейнѣ дельта Селенги тоже прерываетъ выпуклой линіей своей аллювіальной равнины первоначальное очертаніе берега.

Наиболѣе грандіозный и живописный видъ имѣютъ береговые утесы вдоль западныхъ береговъ Байкала, преимущественно вдоль крутыхъ откосовъ острова Ольхонскаго, у выхода Ангары. Надъ самой поверхностью водъ поднимаются высокіе мысы въ формѣ неравныхъ башенъ высотою до 650 и 1,000 футовъ, съ выступами, покрытыми тамъ и сямъ сосновымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Между этими мысами, осаждаемыми волнами и изрѣзанными гротами, куда съ шумомъ низвергается вода, нѣкоторые, болѣе рыхлые и мягкіе пласты скалъ частію обрушились, и черезъ эти бреши видѣнъ весь амфитеатръ прибрежныхъ горъ, поднимающихся надъ террасами на подобіе ступенекъ исполинской лѣстницы. Несмотря, однако, на всю ихъ грандіозность, эти байкальскіе пейзажи обыкновенно

оставляютъ въ умѣ путешественника невеселое впечатлѣніе. На берегахъ нигдѣ не видно никакого жилья, ни одной нивы, вездѣ только дикая природа и пустыня. Когда ѣдешь вдоль береговъ озера, видъ горъ измѣняется очень мало, едва замѣтно: одинъ мысъ смѣняется другимъ подобнымъ же выступомъ суши; за окруженной скалами бухтой открывается другая такая-же бухта, потомъ опять бухта и такъ далѣе; постоянно имѣя передъ глазами одинаковый пейзажъ, наконецъ, начинаешь спрашивать себя, не кружитъ-ли возница на одномъ и томъ же мѣстѣ. Лѣса, покрывающіе скаты горъ и узкія полосы прибрежья, состоятъ исключительно изъ сибирскихъ породъ хвойныхъ деревъ, сосенъ, елокъ или лиственницъ; нигдѣ невидно ясени, вяза, дуба, которые, въ европейскихъ странахъ, сообщаютъ такую прелесть ландшафту обиліемъ своей листвы, разнообразіемъ оттѣнковъ зелени, величественнымъ видомъ высокихъ стволовъ. Подъ конецъ этотъ однообразный темнозеленый колоритъ сосноваго бора наводитъ на душу не меньшее уныніе, какъ и черноватыя крутизны скалъ, на которыхъ рододендроны, съ ихъ красными цвѣтками и коричневыми стеблями, кажутся издали какими-то пятнами ржавчины. Одно только дерево изъ ростущихъ на берегахъ Байкала напоминаетъ своимъ видомъ и обиліемъ вѣтвей густолистыя деревья Европы: это душистая осокорь или сибирскій тополь (populus balsamifera), простирающій надъ ручьями свои широкія вѣтви, похожія на вѣтки орѣшины. Между низкими растеніями самыя обыкновенныя на берегахъ Байкала—разные виды таволги (spiraeae): съ середины озера гребцы видятъ во многихъ мѣстахъ синеву воды, отдѣленную отъ черной линіи лѣсовъ бѣлой полосой, которую образуютъ милліоны спирей въ цвѣту [1]).

Байкалъ слишкомъ обширенъ, чтобы впадающіе въ него притоки могли образовать въ немъ замѣтное теченіе: воды на поверхности озера движутся отъ одного берега къ другому, смотря по направленію атмосферныхъ теченій. Общее движеніе жидкой массы отъ сѣверо-востока къ юго-западу, движеніе, о которомъ говоритъ Гессъ [2]), продолжается лишь подъ вліяніемъ полярныхъ вѣтровъ: въ полуденной части озернаго бассейна этотъ вѣтеръ извѣстенъ подъ именемъ „баргузина“, потому что тамъ онъ кажется выходящимъ изъ бухты, въ которую впадаетъ рѣка Каргузинъ, на югѣ отъ мыса Святаго. Противный вѣтеръ, тотъ, который дуетъ съ запада и юго-запада, прибрежные жители называютъ обыкновенно „култукомъ“, по имени деревни, расположенной у западнаго угла озера. Подъ вліяніемъ этихъ чередующихся вѣтровъ, воды Байкала движутся то въ ту, то въ другую сторону и повышаютъ уровень озера. Но, кромѣ этихъ общихъ вѣтровъ, внезапныя бризы и бури, спускающіяся

---

[1]) *Радде*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Карлъ Риттеръ*, „Землевѣденіе“, Азія.

черезъ боковыя долины и ущелья, часто измѣняютъ движеніе волнъ, и нерѣдко поверхностныя борозды пересѣкаютъ въ видѣ полосъ пѣны могучее волненіе зыби.

Поверхность Байкала постоянно замерзаетъ зимой, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, и снова освобождается отъ льда только въ маѣ мѣсяцѣ. Ледяная кора на этомъ прѣсноводномъ морѣ не образуется изъ кристаллическихъ пластинокъ, поднимающихся со дна, какъ въ рѣкѣ Ангарѣ и въ большей части другихъ быстрыхъ потоковъ Сибири, но появляется сначала на краяхъ бассейна въ видѣ тонкой пленки, окаймляющей берегъ, и къ которой затѣмъ прилипаютъ льдины, приносимыя притоками. Замерзаніе постепенно распространяется отъ краевъ все далѣе къ серединѣ, пока, наконецъ, вся поверхность водъ покрывается ледяной скатертью; но внезапныя бури ломаютъ хрупкій кристаллическій слой и смѣшиваютъ его въ безпорядочную массу съ кусками льда, оторванными отъ береговъ. Даже когда ледъ на всемъ своемъ протяженіи пріобрѣтаетъ нормальную толщину, достигающую 1 метра или 1 метра 25 сантиметр., и когда лихія почтовыя тройки, мчащіяся со скоростью товарнаго поѣзда, переѣзжаютъ озеро безъ всякой опасности, даже и тогда ледяная площадь не перестаетъ колебаться подъ жидкой массой, которая ее поддерживаетъ. Проѣзжающіе явственно слышатъ глухой шумъ воды, перекатывающейся подъ твердымъ сводомъ и заставляющей его изгибаться въ видѣ длинныхъ волнъ. Иногда отъ внезапнаго удара ледъ приходитъ въ сотрясеніе, сопровождающееся металлическимъ звукомъ, похожимъ на жужжаніе шмеля [1]); иногда протяжный трескъ, какъ-бы стонъ, возвѣщаетъ, что ледъ раскололся, и въ массѣ его появляются узенькія, почти незамѣтныя трещинки, продолжающіяся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; эти трещинки либо опять смыкаются вскорѣ, либо расширяются въ зіяющія щели, съ краями неравной высоты [2]): лошади тогда съ разбѣгу перескакиваютъ черезъ трещину, причемъ иногда бываютъ несчастные случаи, и кибитка проваливается въ мерзлую воду; но обыкновенно это невольное плаваніе оканчивается благополучно, и кибитку успѣваютъ вытащить на ледъ [3]). Вѣроятно, черезъ эти-то трещины льда воздухъ проникаетъ отъ времени до времени въ глубины озера, благодаря чему рыбы и тюлени могутъ жить зимой, несмотря на толстую кору, сковывающую поверхность водъ. Но эти временныя щели скоро опять замерзаютъ; подъ вліяніемъ морозовъ отъ 20 до 40 градусовъ, вода, находящаяся въ соприкосновеніи съ атмосферой, замерзаетъ почти мгновенно: на стѣнахъ скалъ, окаймляющихъ Святое море, часто можно видѣть полосы отвер-

---

[1]) *Russel-Killough*, Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océanie.

[2]) *Carl Ritter*, Asien.

[3]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

дѣвшей пѣны, остатокъ бурныхъ волнъ, схваченныхъ морозомъ на лету и частію замерзшихъ [1]).

За зимними льдами слѣдуютъ весенніе и лѣтніе туманы. Какъ только холодная вода, освобожденная бурями отъ твердаго слоя, отдѣлявшаго ее отъ воздуха, получитъ возможность свободно распространять свои испаренія въ пространствѣ, озеро тотчасъ-же начинаетъ дымиться, словно громадный котелъ. Каждое утро, весной, густой туманъ застилаетъ поверхность Байкала и скрываетъ берега отъ взоровъ гребцовъ; но послѣ полудня, когда поверхностная часть воды достаточно нагрѣлась, туманъ разсѣевается. По той-же причинѣ атмосфера снова пріобрѣтаетъ чистоту и ясность въ концѣ лѣта и въ началѣ осени: въ эту пору года температура воды приближается къ температурѣ воздуха и наконецъ даже превосходитъ ее.

Фауна Байкала относительно бѣдна видами. Недостатокъ аллювіальныхъ земель на берегахъ озера, чрезвычайно крутой скатъ береговыхъ утесовъ къ пучинамъ въ нѣсколько сотъ аршинъ глубины, не позволили ракообразнымъ и другимъ прибрежнымъ животнымъ расплодиться въ большомъ числѣ, и, вслѣдствіе того, водяныя птицы довольно рѣдки: за исключеніемъ баклановъ-рыболововъ и различныхъ породъ чаекъ, которыя кружатся многочисленными стаями надъ нѣкоторыми подводными скалами, и изъ которыхъ одна была прежде извѣстна только въ Исландіи и въ западной Европѣ, не увидишь лѣтомъ никакой птицы на Байкалѣ; но весной и осенью лѣса, окружающіе Святое море, временно оживляются стаями странствующихъ птицъ, перелетающихъ изъ центральной Азіи въ Сибирь и обратно [2]). Воды озера изобилуютъ преимущественно видами осетроваго семейства и лососями или нельмами, въ особенности той породой, которая въ краѣ извѣстна подъ именемъ *омуля*. Но разсказы Палласа и предъидущихъ путешественниковъ о „миріадахъ“ рыбъ, поднимающихся изъ озера въ текущія къ нему рѣки, уже не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: истребленіе яичекъ (икры) производится рыболовами въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что скоро придется принять серьезныя мѣры къ сохраненію существующихъ видовъ, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались уже рѣдки. Есть также породы, которыя исчезли въ самомъ Байкалѣ, неизвѣстно въ какую эпоху, но которыя еще встрѣчаются въ маленькомъ озерѣ, лежащемъ недалеко отъ сѣверной окопечности Святаго моря, въ углубленіи плоской возвышенности: это Форелиха или „Форелевое озеро“ (по тунгусски *Давачанда амутъ*) [3]). Это водовмѣстилище, необыкновенно глубокое, очень богато форелью, которой до сихъ поръ еще не находили ни въ Байкалѣ, ни въ его притокахъ; его особенная

[1]) *Russel-Killough*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Pallas*, Voyages dans l'Empire de Russie; *Paddc*, цитированное сочиненіе.

[3]) *Ermann*, Voyages en Sibérie.

фауна заключаетъ, кромѣ того, много другихъ рыбьихъ породъ. Что касается байкальскихъ тюленей, то они тоже водятся не во всѣхъ частяхъ Святаго моря. На западныхъ берегахъ они совсѣмъ не встрѣчаются: лѣтомъ ихъ увидишь преимущественно на восточныхъ подводныхъ скалахъ острова Ольхонскаго, тогда какъ осенью они всего чаще посѣщаютъ южные берега, между устьями Баргузина и Селенги. Принадлежатъ-ли они къ океанской фаунѣ или составляютъ особенный видъ? Во всякомъ случаѣ, ихъ невозможно отличить отъ тюленя, живущаго на Шпицбергенѣ (phoca foetida). Преслѣдуемые рыболовами, которые съ большимъ барышемъ продаютъ ихъ шкуры китайскимъ купцамъ, байкальскіе тюлени рѣдко показываются на поверхности озера; они не вылѣзаютъ на плоскіе берега, какъ тюлени полярнаго моря, и колыбелью новорожденнымъ служатъ плавающія льдины.

Понятно, что въ этомъ внутреннемъ морѣ, гдѣ рыбный промыселъ находится уже въ упадкѣ, и на берегахъ котораго не существуетъ ни одного города, ни одного важнаго промышленнаго мѣста, судоходство должно быть весьма незначительно. Правда, что первый пароходъ Сибири былъ пущенъ по водамъ Байкала, въ 1844 году, но для мѣстной службы, именно, для переправы между иркутскимъ берегомъ и дельтой Селенги. Въ этой части Святаго моря сосредоточивается все торговое движеніе въ собственномъ смыслѣ: тамъ проходятъ товары и пассажиры, направляющіеся изъ Сибири въ Китай и въ бассейнъ Амура. Прежде, когда еще не существовало пароходнаго сообщенія, часто случалось, что парусныя суда, гоняемыя вѣтромъ, блуждавшія въ туманѣ, проводили въ дорогѣ по двѣ недѣли, чтобы сдѣлать этотъ небольшой переѣздъ, менѣе чѣмъ въ 100 верстъ, черезъ Байкалъ [1]); правда, что управлять этими неуклюжими судами, похожими на большіе деревянные ящики, очень трудно, и байкальскіе „мореходы“, буряты или русскіе мужики съ восточнаго берега, не отваживаются плыть иначе, какъ при попутномъ вѣтрѣ. Въ промежутокъ времени, отдѣляющій періодъ навигаціи отъ періода санной ѣзды, товарные обозы пользуются сухопутной дорогой, которая идетъ вокругъ западной оконечности озера, слѣдуя вдоль основанія горной цѣпи Камаръ-Дабанъ. Прежняя дорога поднималась зигзагами по скатамъ этихъ горъ, переваливала черезъ ихъ хребты и вершины по снѣгамъ и болотамъ и затѣмъ спускалась на югѣ по направленію къ Селенгѣ.

Байкалъ получаетъ воды съ территоріи, площадь которой исчисляютъ въ 281,600 квадр. верстъ, и на которой бассейнъ Селенги, въ Монголіи и въ Забайкальѣ, занимаетъ по крайней мѣрѣ двѣ трети пространства. Полукругъ, образуемый окраиной этого бассейна, обширная равнина, покрытая коричневымъ и пористымъ порфиромъ, похожимъ на лаву, имѣетъ

[1]) *Густавъ Радде*, цитированное сочиненіе.

не менѣе 2,350 верстъ длины, а главный потокъ, тотъ, который выходитъ изъ озера Косоголъ, у подошвы хребта Мунку-Сардыкъ, и который, послѣ полученія разныхъ именъ, принимаетъ, наконецъ, названіе Селенги, развертываетъ свою длинную кривую на протяженіи около 1,030 верстъ. Эта рѣка судоходна для плоскодонныхъ судовъ на всемъ своемъ нижнемъ теченіи, внизъ отъ сліянія ея съ Орхономъ, и кяхтинскіе негоціанты пользуются ею для отправки грузовъ чая: такимъ образомъ отъ китайской границы до Ледовитаго океана, на пространствѣ около 4,500 верстъ, идетъ непрерывный судоходный путь, сначала изъ Селенги въ Байкалъ, затѣмъ изъ Ангары въ Енисей, и, наконецъ, по Енисею до самаго моря. Селенга принимаетъ въ себя нѣсколько большихъ притоковъ, между прочимъ, забайкальскую Уду, которой широкая долина, спускающаяся съ Становаго хребта, начинается въ небольшомъ разстояніи отъ Амура. Аллювіальная равнина, которую Селенга образовала своими наносами при впаденіи въ Байкалъ, окаймляетъ озеро на протяженіи около 30 верстъ, и рѣка дѣлится при устьяхъ на восемь или десять рукавовъ, величина и относительная важность которыхъ измѣняется, смотря по силѣ размыва и высотѣ разлива; недавно почва рѣчной дельты провалилась на значительномъ пространствѣ.

Селенга, Баргузинъ, съ берегами, населенными бурятами, и Верхняя Ангара, протекающая черезъ гористую страну тунгусовъ, а также другіе менѣе обильные притоки, въ соединеніи съ дождями, приносятъ въ Байкалъ значительный излишекъ водъ, который уходитъ изъ озера черезъ Ангару, одну изъ могучихъ рѣкъ Азіи, катящую, безъ сомнѣнія, болѣе 3,000 кубич. метровъ въ секунду. По выходѣ изъ широкаго залива, берега котораго осѣнены лиственницами, Ангара обтекаетъ своими пѣнящимися, словно кипящими волнами „Шаманскій камень“, стремительно несется по покатости, наклоненной отъ 30 до 40 сантиметровъ на километръ, и вскорѣ поглощаетъ въ своемъ могучемъ потокѣ, не увеличиваясь замѣтнымъ образомъ, рѣки Иркутъ, Куду, Китай, Бѣлую. Быстрота теченія такъ велика, что темносинія, почти черныя воды Ангары еще продолжаютъ бѣжать передъ высокими берегами Иркутска въ то время, когда всѣ ея притоки уже покрылись толстымъ слоемъ льда. Зима давно уже наступила со своими постоянными десяти и двадцатиградусными холодами, а рѣка все еще остается свободной отъ ледянаго покрова; но воды ея постоянно дымятся: надъ рѣкой стелется густой туманъ; съ высоты крутаго яра едва можно различить кое-гдѣ быстрое клокотанье или бѣловатыя полосы, показывающія, что вода еще не перестала течь. Ангара начинаетъ замерзать только послѣ 30-ти градусныхъ морозовъ, продолжающихся нѣсколько дней сряду. Но тогда замерзаніе совершается очень быстро: со дна, охлажденнаго вслѣдствіе лученспусканія теплоты, происходящаго сквозь прозрачную воду, поднимаются льдинки, которыя

соединяются одна съ другой, слипаясь своими иглами, и двѣнадцать часовъ спустя послѣ появленія на поверхности рѣки первыхъ кристаллическихъ пластинокъ проѣзжающіе могутъ уже переправляться черезъ Ангару по льду [1]). Во время весенняго вскрытія, разломанныя льдины, уносимыя быстрымъ теченіемъ, ударяются о ледяные мосты, которые еще держатся на болѣе тихихъ водахъ ниже по рѣкѣ, и, скопляясь у входа въ тѣснины, образуютъ иногда цѣлыя ледяныя горы, поднимающіяся саженъ на 20 и болѣе надъ уровнемъ рѣчной воды: когда эта масса нагроможденнаго льда обрушивается, рѣка уноситъ ледяныя глыбы, смѣшанныя съ обломками камней, оторванными отъ крутыхъ откосовъ береговыхъ скалъ [2]).

Между этими тѣснинами Ангары самая знаменитая та, въ которой рѣка катится стремнинами и даже образуетъ, между подводными камнями или порогами, настоящіе водопады, гдѣ не отваживаются проходить обыкновенныя суда. На пространствѣ около 70 верстъ, внизъ отъ сліянія Оки и Ангары, изъ которыхъ послѣдняя получаетъ отъ этого мѣста новое названіе — Верхней Тунгузки, слѣдуютъ одинъ за другимъ девять пороговъ (по мѣстному падуновъ или шиверовъ) между гранитными и сіенитовыми скалами; ревъ волнъ, ударяющихся о каменистые островки, слышенъ за нѣсколько верстъ, въ видѣ постоянныхъ раскатовъ грома.

Названія, данныя падунамъ прибрежными жителями, свидѣтельствуютъ объ ужасѣ, который они внушали. Но пароходы проходятъ эти пороги безъ всякой опасности, и быстрое движеніе, шумъ сталкивающихся волнъ вызываютъ въ пассажирахъ только мимолетное волненіе; ниже сліянія съ Илимомъ, Ангара протекаетъ у основанія другихъ скалъ, серпентиновыхъ и базальтовыхъ массъ, поднимающихся почти на 600 футовъ надъ уровнемъ воды. Это послѣднія крутизны берега; однако, рѣка не въ силахъ пробить себѣ дорогу черезъ плоскую возвышенность, поднимающуюся на сѣверѣ, и повернувъ къ западу, идетъ на соединеніе съ Енисеемъ; недалеко отъ сліянія ея съ этой рѣкой соперницей, она принимаетъ въ себя большой притокъ Чуну, который приноситъ ей воды обширнаго бассейна, орошаемаго золотоносными потоками, спускающимися съ Саянскихъ горъ. Между притоками Ангары есть также „Соляныя“ рѣчки, и даже, на одномъ островѣ этой рѣки, верстахъ въ семидесяти ниже Иркутска, соляные источники бьютъ фонтаномъ изъ скалъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ прѣсной водой. Въ сосѣдствѣ многихъ изъ береговыхъ утесовъ Ангары залегаютъ пласты землянаго угля, непочатые запасы минеральнаго богатства для будущаго.

---

[1]) *Сиверсъ*; *Палласъ*; *Миддендорфъ*; *Ровинскій*, „Древняя и Новая Россія“, 1876 г., № 3.

[2]) *Семеновъ*, Географ. Словарь Россійской Имперіи.

Также какъ на Енисеѣ, русскіе составляютъ господствующее населеніе въ долинѣ Селенги, на Байкалѣ и по берегамъ рѣки, которая обязана однимъ изъ своихъ именъ туземной націи—тунгусовъ; но эти послѣдніе и буряты являются еще единственными обитателями многихъ лѣсныхъ мѣстностей.

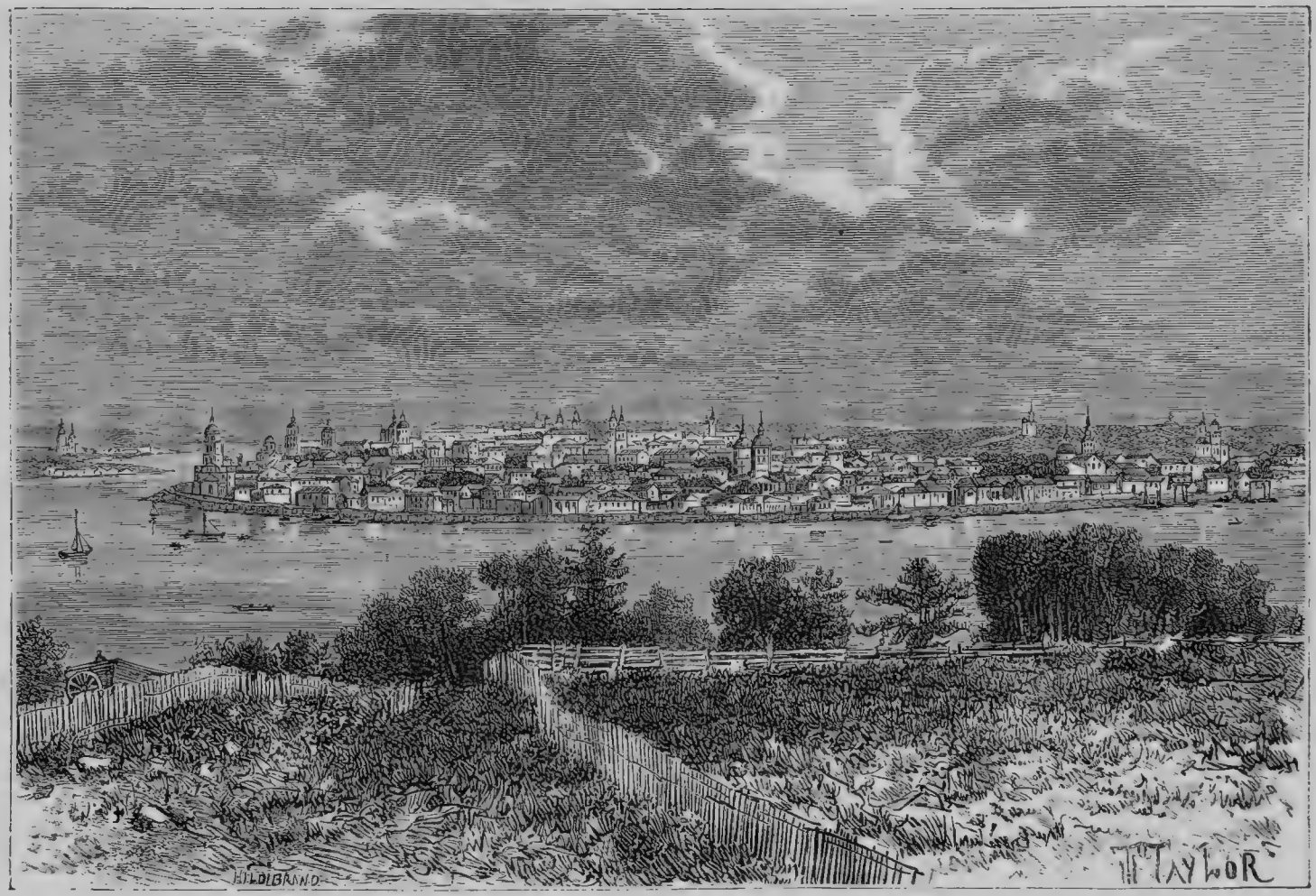
Два названные народа, тунгусы и буряты, составляютъ совершенную противоположность одинъ другого. Въ то время, какъ тунгусъ смѣлъ и веселъ, скроменъ, почтителенъ и прямодушенъ, бурятъ обыкновенно боязливъ, угрюмъ, грубъ, ко всему равнодушенъ, плутоватъ и, главное, страшно лѣнивъ, лѣнивъ, какъ табарганъ, и даже больше чѣмъ табарганъ, потому-что зимой воруетъ у послѣдняго запасы кореньевъ, сложенные въ норкахъ [1]). Его широкое скулистое лицо рѣдко озаряется открытымъ взглядомъ; его маленькіе прищуренные глаза, оттѣненные узенькими приподнятыми рѣсницами, еле высматриваютъ изъ-подъ широкаго плоскаго лба черезъ коротенькій приплюснутый носъ, подъ которымъ оттопырены толстыя губы. Сильные, коренастые и широкоплечіе, буряты по большей части не отличаются стройностью и гибкостью стана, тѣло у нихъ дородное, отяжелѣвшее отъ жира, походка тяжелая, какъ у ихъ соплеменниковъ монголовъ. Главный ихъ порокъ—пьянство, и такъ какъ хмѣльные напитки дѣйствуютъ на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на русскихъ, то чарка самой слабой сивухи, нѣсколько глотковъ кумыса достаточны, чтобы повергнуть бурята въ опьяненіе. Бурятъ, если только крайняя бѣдность не вынуждаетъ его обходиться безъ всякаго убранства жилья и облекаться въ рубища, въ грубую кожанную одежду, доставшуюся ему по наслѣдству отъ родныхъ, любитъ похвастать роскошью: юрта его убрана внутри коврами, которые разостланы на полу или развѣшаны по стѣнамъ; самъ онъ щеголяетъ въ шелковомъ халатѣ (зимой въ длинной бараньей шубѣ, покрытой шелковой матеріей, съ опушкой изъ дорогихъ мѣховъ), стянутомъ поясомъ, къ которому привязаны кисетъ съ табакомъ, китайская трубочка—ганза, ножъ, огниво и чайная чашка; его жены и дочери носятъ вышитые наряды, испещренные металлическими украшеніями, и прядки ихъ кось, закинутыя на грудь, увѣшаны перламутромъ, золотыми монетами, кусками малахита, и продолжаются серебряной бахромой [2]).

Буряты, которые сами себя называютъ гуннами, то-есть „людьми“, принадлежатъ къ монгольской расѣ, какъ ихъ соплеменники калмыки, и въ сосѣдствѣ китайской границы ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ монголовъ. Эти инородцы говорятъ различными нарѣчіями монгольскаго языка, и очевидно, свою цивилизацію они получили, да и теперь еще

---

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Эрманъ*, Путешествіе въ Сибирь.



ВИДЪ ИРКУТСКА ДО ПОЖАРА ВЪ 1878 ГОДУ.

получаютъ отчасти, съ юга, изъ китайскихъ предѣловъ [1]) Мужчины по-прежнему брѣютъ голову, оставляя на затылкѣ длинную косу, которая отъ маковки спускается на спину, какъ у китайцевъ, и украшаютъ свою шапку китайской шелковой кистью; самые ученые между ними имѣютъ книги духовнаго содержанія, переведенныя съ тибетскаго языка на монгольскій и на тангузскій, и религіозныя вѣрованія и обряды ихъ ничѣмъ не отличаются отъ культа заграничныхъ буддистовъ. У нихъ тоже есть ламы, которые облекаются въ красные халаты или шубы, на головѣ носятъ желтыя шапки и подпоясываются разноцвѣтнымъ кушакомъ; они также имѣютъ религіозныя процессіи, празднества съ музыкой, многочисленныя церемоніи. Въ Забайкальѣ едва-ли найдется хоть одно бурятское семейство, въ которомъ-бы не имѣлось по крайней мѣрѣ одного священника или ламы; обыкновенно каждый третій ребенокъ дѣлается духовнымъ лицомъ [2]). На берегахъ Байкала, и особенно въ сосѣдствѣ Иркутска, буряты болѣе или менѣе обрусѣли; тысячи изъ нихъ крестились въ христіанскую вѣру; кое-гдѣ происходило смѣшеніе племенъ, и въ то время, какъ буряты дѣлались русскими, русскіе, въ свою очередь, становились бурятами: во многихъ селеніяхъ трудно распознать истинное происхожденіе жителей, и всѣ они, казаки и буряты, говорятъ двумя языками; въ деревняхъ мужикъ хвастаетъ своимъ умѣньемъ говорить по монгольски, подобно тому, какъ въ городѣ цивилизованный русскій щеголяетъ своимъ прекраснымъ французскимъ діалектомъ. Въ бассейнѣ Байкала, самое чистое, безпримѣсное бурятское населеніе находится, какъ кажется, на островѣ Ольхонѣ, гдѣ туземцы рѣдко видятъ у себя путешественниковъ или купцовъ.

Тунгусъ—исключительно звѣроловъ; бурятъ, пришедшій изъ степей Монголіи,—по преимуществу скотоводъ, а на берегахъ озеръ онъ занимается также рыбной ловлей. Подобно калмыкамъ, онъ употребляетъ для верховой ѣзды быка, но предпочитаетъ, однако, лошадь, и животныя этой породы, которыми онъ владѣетъ, едва-ли не самыя замѣчательныя во всей Сибири, не по красотѣ, но по неприхотливости и умѣренности въ пищѣ и силѣ выносливости по-истинѣ изумительнымъ. Малорослыя бурятскія лошадки легко дѣлаютъ переѣзды въ пятьдесятъ и даже въ сотню верстъ, постоянно сохраняя свою обычную рысь и не требуя ни корму, ни питья; въ концѣ такой огромной станціи онѣ кажутся еще бодрыми, неутомленными. Зимой бурятъ имѣетъ обыкновеніе оставлять своего коня на ночь въ совершенно открытомъ дворѣ, чтобы пріучить его такимъ образомъ къ перенесенію 40 и 50-ти градусныхъ морозовъ, отъ которыхъ, конечно,

---

[1]) *Струковъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, 1865 г., № 8; *Albin Kohn* und *Richard Andree*.

[2]) *Эрманъ*, цитированное сочиненіе.

погибли-бы въ короткое время лошади всякой другой породы [1]). За то буряты очень цѣнятъ этихъ товарищей, которые переносятъ ихъ съ такой быстротой черезъ степи или лѣса; обычай запрещаетъ имъ убивать или продавать лошадей, употреблявшихся для верховой ѣзды: они убиваютъ, для употребленія въ пищу только тѣхъ животныхъ, которыя никогда не носили на себѣ всадника. По религіозному преданію, верховой конь долженъ сопутствовать своему хозяину при переселеніи его на тотъ свѣтъ; но лукавые буряты стараются обойти это преданіе и надуть своего бога, привязывая возлѣ могилы, куда зарытъ покойникъ, какую-нибудь старую, никуда негодную клячу или молодаго жеребенка, да и то при помощи тоненькой, некрѣпкой веревки: испуганное животное скоро разрываетъ свои узы и присоединяется къ табуну. „Мы отдали его Богу, Богъ возвратилъ намъ его назадъ!“—таково обыкновенное извиненіе наслѣдниковъ умершаго. Въ нѣкоторыхъ округахъ буряты также научились отъ русскихъ косить сѣно, пахать землю и сѣять хлѣбъ, и даже, въ Иркутской губерніи, они сдѣлались болѣе искусными земледѣльцами, чѣмъ ихъ учителя: они лучше удобряютъ и орошаютъ свои пашни и луга и держатъ больше скота [2]). Вообще въ веденіи хозяйства и промышленности ихъ превосходятъ только поселенцы старовѣры, извѣстные въ краѣ подъ именемъ „семейскихъ“, самые трудолюбивые и смышленые изъ сибиряковъ.

Со стороны тунгусовъ территорія, занимаемая бурятами, опредѣленно ограничена: сѣверная оконечность Байкала принадлежитъ тунгусамъ, тогда какъ все большое озеро, отъ острова Ольхонскаго и мыса Святаго до залива Култукъ, составляетъ бурятское море. Буряты дѣлятся на племена или колѣна, носящія различныя названія, большею частію по имени мѣстности, гдѣ живутъ (селенгинскіе, баргузинскіе, ольхонскіе и проч.); колѣна подраздѣляются на аймаки, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего князька или тайшу и старшинъ и управляется согласно своимъ обычаямъ: нѣкоторые аймаки составляютъ между собою союзъ и сходятся на общія собранія, устраиваемыя гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ просѣкахъ или на берегу озеръ, для обсужденія общихъ дѣлъ. Администрація не вмѣшивается въ ихъ внутреннее управленіе и въ ихъ частные споры, кромѣ того случая, когда возникнетъ какое-нибудь столкновеніе между тайшами. Правительство еще не требовало отъ нихъ рекрутъ, и хотя у нихъ отбираютъ отъ времени до времени, для отдачи русскимъ поселенцамъ, кое-какія земли изъ огромной области, которая была уступлена этимъ инородцамъ при Екатеринѣ II на „вѣчныя“ времена, но имъ все еще остается земли больше, чѣмъ сколько они могутъ обработывать. Что касается религіоз-

---

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[2]) *Ровинскій*, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., № 2.

ныхъ вѣрованій, то на сѣверѣ буряты еще придерживаются шаманства, которое отъ сѣвера къ югу постепенно переходитъ въ ламайскую вѣру. Вліяніе русскаго православія тоже проявилось, особенно введеніемъ въ бурятскій пантеонъ св. Николая, сказаніе о житіи котораго совершенно сходно съ легендой монгольскаго святаго Цаганъ-Убукгунъ или „Бѣлаго Старца"; въ то время какъ буряты ходятъ въ русскій храмъ дѣлать приношенія Николѣ угоднику, русскіе, съ своей стороны, почитаютъ изображеніе ламайскаго Бѣлаго Старца [1]). Сѣверные буряты, хотя очень религіозные, держатъ, однако, очень ограниченное число шамановъ, потому что слишкомъ бѣдны и не могутъ давать приличнаго вознагражденія этимъ посредникамъ боговъ; но это не мѣшаетъ имъ самимъ совершать всѣ нужныя церемоніи передъ своими домашними божками (бурханами), сотканными изъ верблюжьей шерсти, также какъ передъ уединенными скалами и мысами, на берегу источниковъ, рѣкъ и озеръ, и располагать въ свою пользу добрыхъ и злыхъ геніевъ посредствомъ приношеній, состоящихъ изъ звѣриныхъ шкурокъ, лентъ и лоскутковъ матеріи, зеркальцевъ, конскихъ гривъ и хвостовъ. Въ окружающей ихъ природѣ всякій предметъ имъ кажется живымъ, все видитъ и слышитъ ихъ и относится къ нимъ дружелюбно или враждебно. Оттого бурятъ проходитъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ мимо всѣхъ этихъ страшныхъ боговъ, утесовъ, лѣсовъ или ручьевъ: по его вѣрованію, иногда достаточно одного слова, громкаго смѣха, бормотанья, чтобы разбудить уснувшую бурю [2]).

Буряты долгое время были извѣстны подъ именемъ „братскихъ" (въ ед. числѣ—„братской"), которое имъ дали поселившіеся на Байкалѣ русскіе колонисты, и происхожденіе котораго можно объяснить игрой словъ, безъ сомнѣнія, невольной. Укрѣпленіе, которое было построено, чтобы держать этихъ инородцевъ въ повиновеніи, при сліяніи Ангары съ Окой, и которое въ наши дни сдѣлалось маленькимъ мѣстечкомъ, до сихъ поръ носитъ названіе Братскаго острога, также и равнина, разстилающаяся между Байкаломъ и отрогами Яблоноваго хребта, сохранила имя Братской степи. Но эти инородцы, покоренные двѣсти лѣтъ тому назадъ сибирскими казаками, которые заставили ихъ платить ясакъ московскому царю, давно оставили всякую мысль о возмущеніи, и теперь они принадлежатъ къ числу самыхъ мирныхъ подданныхъ русскаго государства; они даже принуждены были подчиниться чрезвычайно строгимъ полицейскимъ правиламъ. Въ силу договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Китаемъ, въ 1727 и 1768 годахъ, относительно размежеванія границъ двухъ имперій, были приняты величайшія предосторожности, чтобы воспрепятствовать переходу кочевниковъ съ одной территоріи на другую, и

[1]) *Кропоткинъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, томъ IX, 1867 г.
[2]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

особенно строгій надзоръ былъ установленъ въ пограничныхъ земляхъ, населенныхъ бурятами и монголами, по причинѣ торговыхъ сношеній, которыя производились черезъ границу у Маймачина. Промежуточный нейтральный поясъ былъ отмѣренъ въ 10, 20 или 60 метровъ ширины, смотря по свойству мѣстности, и обозначенъ межевыми столбами, поставленными на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Каждый день эта демаркаціонная линія объѣзжалась и осматривалась, съ той и другой стороны, пограничной стражей, и когда открывали гдѣ-нибудь слѣды человѣческихъ ногъ, ихъ тщательно обкладывали камнями или кусками дерна, чтобы сохранить это „вещественное доказательство“ преступленія до тѣхъ поръ, пока виновные не будутъ отысканы и наказаны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ граница пересѣкается ручьями, поставили съ каждой стороны высокія сваи, между которыми были протянуты, поперегъ воды, канаты, сплетенные изъ конскаго волоса: такимъ образомъ никто не могъ перейти запрещенный рубежъ и утверждать, что онъ его не замѣтилъ [1]). Эти правила неуклонно соблюдались до 1852 года, но съ того времени строгости прекратились: сваи подгнили и волосяные канаты попадали въ воду, императорская печать, приложенная къ столбамъ, сломалась и большая часть межевыхъ знаковъ исчезли. Теперь дважды въ годъ конные казаки ѣздятъ еще къ монгольскимъ пограничнымъ постамъ показывать свои паспорты, состоящіе изъ дощечекъ, которыя совершенно приходятся къ другимъ кускамъ дерева, отпиленнымъ монголами отъ той-же доски. Двѣ половинки прикладываются одна къ другой, и когда все оказывается въ порядкѣ, казаки и монголы обмѣниваются привѣтствіями, осыпаютъ другъ друга благословеніями и дѣлаютъ приличныя возліянія, во славу своихъ государей [2]). Въ настоящее время всѣхъ бурятъ насчитывается около четверти милліона (именно: въ Иркутской губерніи 113,922 и въ Забайкальской области 135,460, въ обѣихъ вмѣстѣ 249,382 души [3]).

Городъ, охраняющій границу въ бассейнѣ Селенги, долгое время держалъ въ своихъ рукахъ монополію торговли съ Китаемъ. Въ 1728 году, послѣ заключенія дружественнаго трактата между двумя имперіями, основались, на разстояніи какихъ-нибудь ста саженъ одна отъ другой, двѣ конторы негоціантовъ китайскихъ и русскихъ: на южной сторонѣ пограничной черты Май-мей-ченъ (Маймачинъ) или „Складъ“ китайцевъ; на сѣверной русская Кяхта, защищенная укрѣпленнымъ постомъ казаковъ. Между этими двумя торговыми мѣстечками, которыя оба состоятъ изъ деревянныхъ построекъ, контрастъ полный, и можетъ быть, во всемъ свѣтѣ не найдется другого столь замѣчательнаго примѣра противополож-

[1]) *Klaproth*, Mémoires relatifs à l'Asie.

[2]) *G. Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XXIII.

[3]) *Венюковъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., № 1.

ности во внѣшнемъ видѣ городскихъ поселеній. Кяхта походитъ на красивый кварталъ европейскаго города, и главная ея церковь, увѣнчанная блестящимъ позлащеннымъ куполомъ, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ храмовъ Сибири. Маймачень есть, такъ сказать, предмѣстье Пекина, гораздо болѣе красивое и лучше содержимое, чѣмъ другіе города сѣвернаго Китая; ворота покрыты скульптурными украшеніями, на стѣнахъ наклеены полосы красной бумаги, во всѣхъ жилищахъ поютъ птицы, и загнутые кверху углы крышъ увѣшаны колокольчиками, которые постоянно звонятъ при малѣйшемъ вѣткѣ [1]). Между двумя слободами китайцы воздвигли высокую досчатую стѣну въ формѣ ширмъ, чтобы предохранить свои дома отъ пагубнаго вліянія русской атмосферы; прежде на этихъ ширмахъ была нарисована буква, означающая „Счастье“. Такимъ образомъ всякое вредное вѣяніе, исходящее изъ Кяхты, равно какъ всякое богохульство, произнесенное русскими, задерживались на пути китайскимъ экраномъ и отражались въ пустыню [2]). Въ этомъ пограничномъ рынкѣ между русскими или „о-ло-ло-се“ и китайцами или „никандзи“ выработался особенный коммерческій „языкъ“, одинъ изъ самыхъ элементарныхъ: это жаргонъ, состоящій изъ смѣси русскихъ и китайскихъ словъ.

Процвѣтаніе Кяхты и Маймачена много измѣнялось, смотря по ходу политическихъ событій. Иногда торговля прерывалась на цѣлые годы; но огромные барыши, которые монополія позволяла извлекать изъ этой торговли, скоро возвращали кяхтинскимъ негоціантамъ ихъ богатство и роскошь. Китай, который продаетъ Россіи гораздо больше, чѣмъ сколько самъ покупаетъ у нея, вывозилъ сначала на русскіе рынки только золото, серебро, ревень и шелковыя ткани. Но мало по малу главнымъ предметомъ китайской отпускной торговли сдѣлался чай, и русскіе долго хвастались тѣмъ, что они получаютъ лучшій въ свѣтѣ чай, благодаря „кяхтинскому каравану“, который употреблялъ полтора года, чтобы совершить путь изъ Китая до нижегородской ярмарки. Нѣтъ сомнѣнія, чай перваго сбора, привозимый въ Кяхту, и который могутъ вкушать, по особенной милости, высокопоставленныя лица и гости купцовъ, даетъ отмѣнный, ароматическій напитокъ. Эти отборные чаи доставляются непосредственно съ чайныхъ плантацій, находящихся въ областяхъ, гдѣ растетъ лучшее чайное дерево, и принадлежащихъ самимъ русскимъ негоціантамъ. Но при перевозкѣ чай неоднократно подвергается фальсификаціи на главныхъ станціяхъ, по дорогѣ изъ Кяхты въ Россію, сначала въ Иркутскѣ, потомъ въ Томскѣ, далѣе въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Москвѣ [3]). Тяньцзинскій трактатъ 1858 года положилъ конецъ торговому первенству

[1]) *Russel-Killough*, Seize mille lieux à travers l'Asie et l'Océanie.

[2]) *Klaproth*, Mémoires relatifs à l'Asie.

[3]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

Кяхты; на нижегородской ярмаркѣ 1880 года кяхтинскій чай представлялъ лишь десятую часть всего количества привезенныхъ чаевъ. Теперь Россія получаетъ морскимъ путемъ и изъ заграницы наибольшую часть товаровъ, которые прежде она покупала непосредственно у маймаченскихъ китайцевъ; кромѣ того ей открылись другія дороги къ Пекину и Янтсекіангу черезъ разные пункты ея китайской границы, въ особенности черезъ Кобдо, и русскіе купцы не имѣютъ болѣе надобности останавливаться передъ мистическими ширмами Маймачена; они могутъ проникать далѣе къ внутреннимъ рынкамъ Небесной имперіи. Обороты кяхтинской торговли значительно уменьшились въ послѣднее время, какъ показываютъ слѣдующія цифры.

Торговое движеніе Кяхты, по средней годовой цѣнности:

Съ 1824 по 1830 г. . 13.680,450 руб. Съ 1849 по 1859 г. . 13.313,410 руб.
„ 1830 „ 1849 г. . 12.039,510 „

Торговля Кяхты и всей Амурской области въ 1872 г. . 10.840,000 руб.

Тѣмъ не менѣе въ Кяхтѣ и теперь еще производится въ большихъ размѣрахъ розничная торговля, и маймаченская ярмарка „бѣлаго мѣсяца“, то-есть февраля, привлекаетъ множество китайскихъ и монгольскихъ купцовъ. Вмѣстѣ съ сосѣднимъ городомъ Троицкосавскомъ, который лежитъ верстахъ въ двухъ къ сѣверу и служитъ мѣстопребываніемъ для большей части чиновниковъ, Кяхта есть самый многолюдный городъ Забайкальскаго края и самый богатый во всей Восточной Сибири; она имѣетъ свой портъ на Селенгѣ, Усть-Кяхту, названную такъ по имени ручья, впадающаго въ эту рѣку.

Два Селенгинска, „Старый“ и „Новый“, построенные въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, не имѣютъ той важности, какая, казалось-бы, должна принадлежать центральнымъ городамъ столь значительнаго бассейна, какъ бассейнъ Селенги: это происходитъ оттого, что окружающія равнины не отличаются плодородіемъ, за исключеніемъ земель, окаймляющихъ рѣку Чикой и ея золотоносные берега; обширныя пространства этого края состоятъ изъ песчаныхъ и солончаковыхъ степей, и между озерами, наполняющими ихъ впадины, нѣкоторыя содержатъ соленую воду. На юго-западѣ отъ Селенгинска, недалеко отъ полуденнаго берега „Гуснаго озера“ находится главный бурятскій храмъ, гдѣ живетъ хамбалама, подчиненный непосредственно ургинскому ламѣ, называющемуся кутухтой; при этомъ храмѣ есть монастырь, въ которомъ число монаховъ доходитъ до двухсотъ. Слоновые бивни, исполинскія раковины тридакны или „кропильницы“, получаемыя съ Индійскаго океана, шкуры тигровъ и леопардовъ, свидѣтельствуютъ о частыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ нѣкогда между байкальскими ламами и индійскими буддистами черезъ посредство Тибета [1]).

---

[1]) *Эрманъ*, Путешествіе въ Сибирь.

Послѣ Кяхты главный городъ всей Забайкальской области, въ бассейнѣ Селенги,—Верхнеудинскъ, лежащій при сліяніи Уды и Селенги, по которой пароходы поднимаются до этого мѣста. Портомъ на Байкалѣ для этого города служитъ село Посольское, дома котораго группируются вокругъ богатаго монастыря, на западной сторонѣ устьевъ Селенги, изливающейся въ озеро многими рукавами. Ни одно изъ населенныхъ мѣстъ на берегахъ Святаго моря не возвысилось еще на степень города. Деревня Лиственничная, на берегу залива, откуда выходитъ Ангара, служитъ пристанью, гдѣ ѣдущіе изъ Иркутска садятся на суда, чтобы переправиться черезъ Байкалъ; Култукъ, на западной оконечности озера, рыболовная гавань; Душъ-Качанъ, у сѣвернаго конца бассейна, тоже пристань, гдѣ тунгусы должны уплачивать свой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей; деревня Турка, на восточномъ берегу моря, напротивъ острова Ольхонскаго, замѣчательна только своими минеральными водами, сѣрнистыми и желѣзистыми, которыми пользуются нѣсколько больныхъ, пріѣзжающихъ изъ Иркутска. Что касается Баргузина, лежащаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восточнаго берега, въ долинѣ, по которой протекаетъ рѣка того же имени, то онъ имѣетъ только административное значеніе, какъ уѣздный городъ. Тунка, въ долинѣ Иркута, большое село, дома котораго раскиданы среди полей и луговъ на обширномъ пространствѣ.

Столица Восточной Сибири, Иркутскъ, вѣроятно самый многолюдный городъ Азіатской Россіи къ сѣверу отъ Ташкента, стоитъ не на берегу рѣки Иркута, какъ можно-бы было подумать, судя по названію. Правда, въ 1652 году, девять лѣтъ спустя послѣ открытія Ангары казакомъ Ивановымъ, была основана, на лѣвомъ берегу этой рѣки, при впаденіи въ нее Иркута, контора для вымѣнки у туземцевъ шкурокъ пушнаго звѣря; но съ 1669 года эта торговая колонія перемѣстилась на другую сторону Ангары, къ устью ея притока, рѣчки Ушаковки, гдѣ мало по малу выстроился большой городъ, занимающій теперь пространство въ нѣсколько квадр. верстъ. Иркутскъ быстро развивался: въ 1735 году, во время путешествія Гмелина, онъ имѣлъ уже 6,500 жителей; но большинство, состоявшее изъ мужчинъ, чиновниковъ, солдатъ, торговыхъ людей, работниковъ, не могло основывать семействъ, и населеніе должно было безпрестанно пополняться новыми, пришлыми элементами (въ 1875 году въ Иркутскѣ насчитывалось 32,514 жителей, въ томъ числѣ чиновниковъ, военныхъ, священно- и церковнослужителей, лицъ монашествующаго духовенства, ссыльныхъ, мужской прислуги было 12,870 человѣкъ); во всѣ времена смертность въ Иркутскѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ число рожденій, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

---

[1]) Russische Revue, 1876 г., № 10.

Населеніе Иркутска въ 1838 г.	16,569 жит.
„ „ „ 1857 г.	23,989 „
Перевѣсъ смертности надъ рождаемостью съ 1830 по 1857 г.	1,425 „
Иммиграція.	8,845 „

Зимой населеніе города увеличивается тысячами золотоискателей, возвращающихся изъ окрестныхъ возвышенныхъ долинъ.

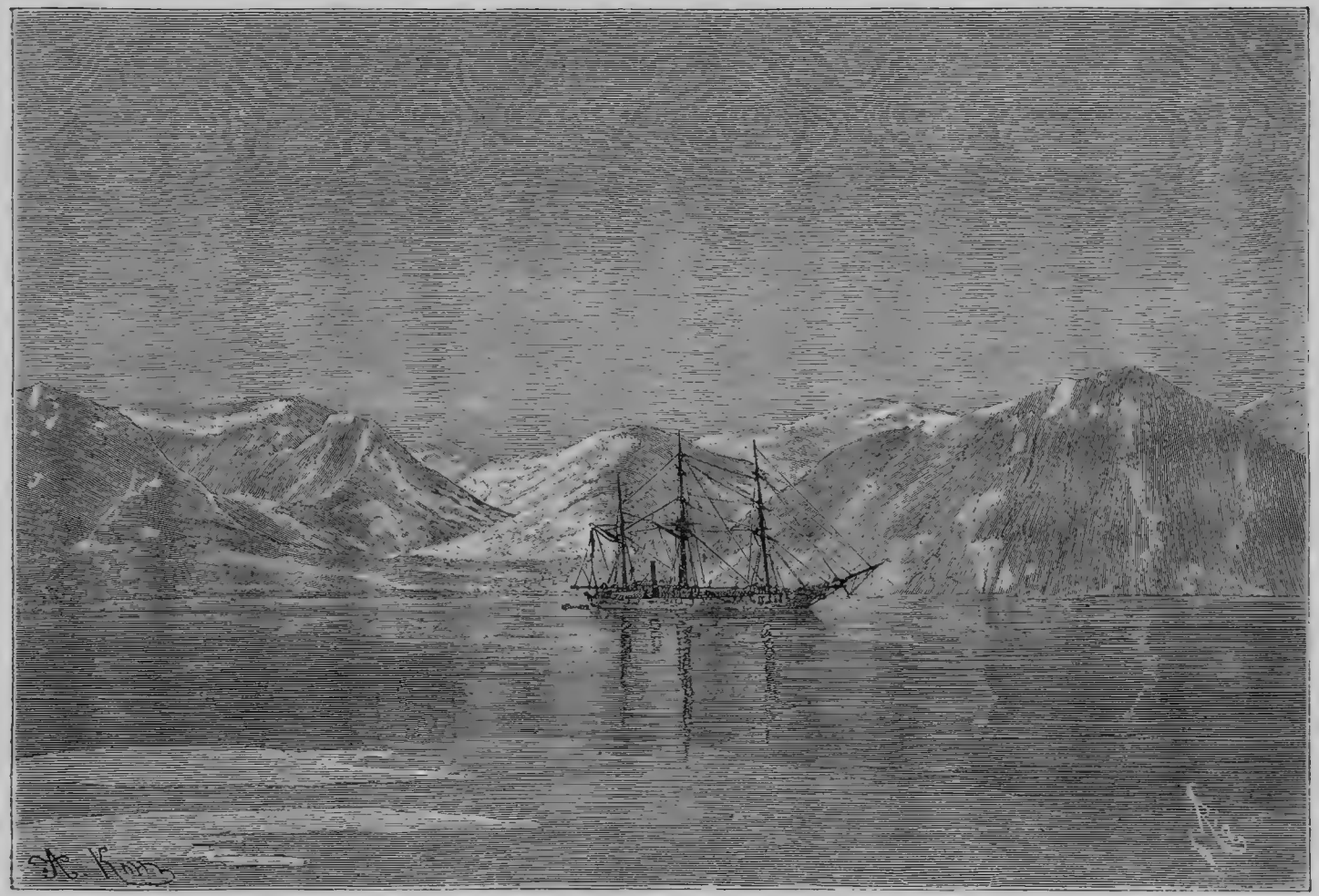
Восточно-сибирская столица, съ широкими и прямыми улицами, съ низкими домами, не имѣетъ любопытныхъ памятниковъ. Она, правда, гордится тѣмъ, что въ стѣнахъ ея находится древнѣйшее зданіе, какое существуетъ въ Сибири, но это зданіе есть ничто иное, какъ остатки крѣпостцы или острога, на которомъ видѣнъ годъ постройки (1661-й). На иркутскихъ тріумфальныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ 1858 году, послѣ заключенія айгунскаго трактата, красуется горделивая надпись, оправданная завоеваніемъ: „Дорога къ Великому океану“. Отдѣлъ русскаго географическаго общества, основанный въ Иркутскѣ въ 1869 году, издаетъ свои записки, заключающія важные матеріалы и изслѣдованія, но онъ лишился нѣкоторыхъ изъ своихъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ во время недавняго пожара (въ 1878 году), истребившаго вмѣстѣ съ тѣмъ значительную часть города. Иркутскъ—промышленный центръ, и число его фабричныхъ заведеній, между которыми винокуренные и водочные заводы занимаютъ первое мѣсто, какъ и въ другихъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи, быстро возросло (въ 1877 году состояніе фабричной и заводской промышленности въ Иркутской губерніи выразилось слѣдующими цифрами: 169 фабрикъ и заводовъ; 34,080 рабочихъ; цѣнность произведеній, 355,386 рубл.; производство винокуренныхъ заводовъ, 1.897,455 рубл.). Недавно въ иркутскомъ округѣ основалась фарфоровая и фаянсовая фабрика, имѣющая въ своемъ распоряженіи глину превосходнаго качества, и произведенія этой фабрики находятъ сбытъ даже въ Забайкальскую область [1]). Различныя мелкія промышленности и ремесла, введеніемъ которыхъ край обязанъ ссыльнымъ полякамъ, много способствовали промышленному прогрессу Иркутска и вообще Восточной Сибири. Но что отличаетъ этотъ городъ между всѣми сибирскими городами—это то, что онъ сдѣлался центромъ умственной жизни: тамъ много читаютъ, обсуждаютъ событія и идеи, тамъ иногда даже проявляется оппозиціонное движеніе, съ которымъ правительство должно считаться. Въ Иркутскѣ выходитъ единственная независимая газета Сибири [2]).

Страна такъ рѣдко населена, что ниже Иркутска, на пространствѣ безъ малаго 1,500 верстъ, на Ангарѣ нѣтъ ни одного городскаго поселенія, хотя мѣстечко Балаганскъ и носитъ названіе города. Единствен-

---

[1]) Russische Revue, 1879 г., № 3.

[2]) Преувеличеніе автора. *Пр. редакціи.*



„ВЕГА“ ВЪ БУХТѢ КОНЬЯМЪ ВЪ АРКТИЧЕСКОМЪ МОРѢ.

ный городъ всего бассейна, Нижнеудинскъ, находится далеко отъ главной рѣки, при ея притокѣ Удѣ и на большомъ сибирскомъ трактѣ, посреди области золотыхъ пріисковъ и желѣзныхъ рудниковъ, для которыхъ онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ. Еще болѣе половины губерніи остается совершенно необитаемой, и различныя группы населенія: русскіе, буряты, тунгусы, татары, карагассы, разсѣяны тамъ на подобіе островковъ. Констатировано, что зобъ составляетъ очень обыкновенную болѣзнь въ нѣкоторыхъ частяхъ Иркутской губерніи, особенно въ той ея части, которая орошается Леной. Въ сравненіи съ совокупностью народонаселенія, зобастые и кретины представляютъ, правда, не болѣе одной сотой части числа жителей, но въ нѣкоторыхъ округахъ ихъ насчитываютъ по одному на десятерыхъ человѣкъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ они составляютъ треть или даже половину общаго числа крестьянъ [1]). Всѣ эти несчастные русскаго происхожденія: ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ такъ называемымъ „инородческимъ“ племенамъ. Причину этой неуязвимости бурятъ и тунгусовъ слѣдуетъ искать не въ какой-либо привилегіи или особенности рассы; она должна быть приписана просто тому обстоятельству, что они при выборѣ мѣстъ для кочевки или поселенія всегда избѣгали такихъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствуетъ болѣзнь. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ Иркутска открывается великолѣпная долина, одна изъ самыхъ плодородныхъ въ краѣ и наиболѣе защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, гдѣ русскіе охотно стали селиться, удивляясь, что находятъ такой благодатный уголокъ совершенно пустыннымъ [2]). Всѣ деревни этой долины носятъ русскія имена и такимъ образомъ составляютъ, среди другихъ селеній, нѣчто въ родѣ глоттологическаго острова, но въ то же время и островъ патологическій: страдающіе зобомъ тамъ очень обыкновенны.

Города бассейновъ Селенги и Ангары:

	Ново-Селенгинскъ . . . 1,050 жит.
Забайкальская область.	
Кяхта, Троицко-Савскъ и Усть-Кяхта, въ 1873 г. . . . . 9,050 жит.	*Иркутская губернія.*
	Иркутскъ, въ 1875 г. . 32,520 „
Верхнеудинскъ . . . . 3,475 „	Нижнеудинскъ . . . . 3,320 „

[1]) *Кашинъ*, Зобъ и кретинизмъ въ долинѣ Лены.

[2]) *Ровинскій*, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., № 3.

V.

БАССЕЙНЪ ЛЕНЫ, БЕРЕГА ЛЕДОВИТАГО ОКЕАНА.

На востокѣ отъ Енисея нѣсколько значительныхъ рѣкъ получаютъ начало на возвышенныхъ земляхъ, ограничивающихъ съ сѣверной стороны бассейнъ Нижней Тунгузки, и, спустившись въ равнину, протекаютъ по пустыннымъ пространствамъ тундры и изливаются въ широкіе заливы Ледовитаго океана. Эти рѣки и большія озера, черезъ которыя онѣ проходятъ, извѣстны еще только въ ихъ главныхъ чертахъ, хотя онѣ съ давнихъ поръ, уже болѣе двухъ съ половиной столѣтій, посѣщаются звѣроловами и русскими чиновниками, которымъ остяки, самоѣды, тунгуссы и якуты обязаны выплачивать ясакъ мѣхами. Малочисленные туземцы этой страны называются большею частію по именамъ этихъ рѣкъ, ледяная поверхность которыхъ служитъ имъ удобнымъ путемъ въ зимнее время. Имена Пясины (въ документахъ, хранящихся въ сибирскихъ архивахъ, встрѣчаются также равнозначащія съ этимъ именемъ названія Пясида и Пясинга; самоѣдское названіе Пясина, имѣющее тотъ же смыслъ, что и слово *тундра*, перешедшее въ русскій языкъ, примѣняется къ мерзлымъ равнинамъ крайняго сѣвера), Таймыры или Таймыра, Балахны, Анабары, Хатанги и ея притока Боганиды часто упоминаются звѣроловами въ сибирской исторіи; но, хотя многія изъ этихъ рѣкъ имѣютъ около 1,000 верстъ въ длину, онѣ не представляютъ никакого значенія въ экономическомъ отношеніи: перепись не насчитываетъ даже 500 туземцевъ въ громадныхъ территоріяхъ Пясины и Хатанги, принадлежащихъ къ Енисейской губерніи, и русскія „деревни“, обозначаемыя на картахъ, суть ничто иное, какъ группы, состоящія изъ двухъ или трехъ зимнихъ жилищъ, такъ называемыхъ *зимовьевъ*, имѣющія, среднимъ числомъ, отъ 5 до 10 обитателей. Столица всей этой обширной области, село Хатангское, на рѣкѣ Хатангѣ, состояло, въ 1865 году, изъ маленькой деревянной церкви и пяти лачугъ, въ которыхъ жили девять человѣкъ. Если когда-нибудь судоходство получитъ нѣкоторую важность на сибирскомъ прибрежьи Ледовитаго океана, Хатанга, безъ сомнѣнія, увидитъ на своихъ берегахъ нѣсколько новыхъ поселеній, благодаря ея заливу почти въ 300 верстъ длиною, который представляетъ превосходное убѣжище для кораблей, и въ которомъ должны были искать пристанища первые изслѣдователи полярныхъ морей. Сравненіе прежнихъ изображеній морскаго прибрежья съ картой, составленной Бове, спутникомъ проф. Норденшельда, показываетъ, какъ мало еще извѣстна Таймурская Земля, не смотря на изслѣдованіе Миддендорфа и путешествія скупщиковъ шкуръ пушныхъ звѣрей: разногласіе между различными картами доходитъ иногда до нѣсколькихъ градусовъ.

Рѣка Оленекъ, которая во всей нижней части своего теченія, на протяженіи болѣе 5 градусовъ широты, сохраняетъ направленіе параллельное Ленѣ, есть, послѣ Оби, Енисея, Лены, Амура, одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Сибири. Со своими извилинами она имѣетъ безъ малаго 2,000 верстъ въ длину, и соединяется съ моремъ посредствомъ устья, около 10 верстъ шириною и отъ 3 до 3¼ саженъ глубиною, представляющаго хорошую гавань, непосредственно на западѣ отъ низменнаго аллювіальнаго полуострова, образовавшагося изъ наносовъ Лены. Изслѣдованный почти на всемъ его теченіи Чекановскимъ и Миллеромъ въ 1874 году, Оленекъ оказывается не только рѣкой, протекающей по пустыннымъ тундрамъ и окаймленной тамъ и сямъ приземистыми деревцами: онъ беретъ начало среди большихъ лѣсовъ, и воды его сплавляютъ до самаго моря многочисленные поваленные стволы деревьевъ, которые выкидываются волнами на плоскіе берега материка и сосѣднихъ островковъ. Кромѣ лѣсовъ, долина Оленека заключаетъ въ себѣ также минеральныя богатства, между прочимъ нефтяные источники, а воды рѣки изобилуютъ рыбой. Становища рыбаковъ и звѣролововъ чаще встрѣчаются на Оленекѣ, чѣмъ на западныхъ рѣкахъ, текущихъ на мерзломъ Таймырскомъ полуостровѣ; на берегу рѣчнаго устья существуетъ даже настоящая деревня, Болкалакъ (селеніе Усть-Оленское): въ 1863 году тамъ насчитывали до 62 метисовъ, происходящихъ отъ якутскихъ женщинъ и русскихъ ссыльныхъ и совершенно забывшихъ славянскій языкъ своихъ отцовъ. Напротивъ селенія Болкалакъ, на правомъ берегу Оленека, Анжу отыскалъ, въ 1822 году, слѣды становища, гдѣ члены экспедиціи Прончищева провели зиму 1737 года, и могилы, гдѣ похоронено большинство ихъ. Наблюденія, произведенныя Миллеромъ для опредѣленія силы земнаго магнетизма, во время экспедиціи Чекановскаго на Оленекъ, показали, что полюсъ магнитной напряженности находится приблизительно между 64 и 65 градусами широты и около 110 градуса долготы, къ востоку отъ парижскаго меридіана, между рѣками Оленекъ и Вилюй.

Лена, соперница Оби и Енисея по обилію воды и самая многоводная рѣка Восточной Сибири, принадлежитъ всѣмъ своимъ теченіемъ покатости Ледовитаго океана: истоки ея находятся не на южной сторонѣ краевыхъ горныхъ цѣпей монгольской плоской возвышенности, какъ истоки Иртыша, Енисея, Селенги, и она не проходитъ, подобно этимъ рѣкамъ, черезъ глубокія ущелья, прежде чѣмъ вступить въ равнины Сибири: долина, въ которой нѣкогда, какъ кажется, протекала большая рѣка, соединяетъ ея бассейнъ съ бассейномъ Ангары, въ сосѣдствѣ Иркутска. Лена получаетъ свои первыя воды съ возвышенностей относительно незначительныхъ, такъ какъ самые высокіе хребты прибрежной цѣпи Байкала, питающіе ея истоки, поднимаются всего только отъ 3,000 до 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря; тѣмъ не менѣе берега верхней Лены очень живописны.

*

Рѣка, еще узкая, проходитъ сначала между сланцеватыхъ скалъ, затѣмъ, у Качуги, она вырываетъ себѣ ложе въ пластахъ краснаго песчаника, принадлежащихъ, вѣроятно, къ пермской формаціи. Изборожденные рытвинами крутые откосы береговъ возвышаются на сотни футовъ, мѣстами даже саженъ на 50 надъ потокомъ, и оканчиваются на верху зубчатыми выступами, похожими на зубцы стѣны: стоя внизу, можно подумать, что эти разрѣзанныя скалы суть ничто иное, какъ передовые отроги горъ; но когда взберешься на ихъ вершину, оказывается, что онѣ составляютъ закраину почти ровнаго плоскогорья. Между тѣмъ, какъ утесы лѣваго берега почти всѣ лишены растительности, утесы праваго покрыты въ углубленіяхъ и на террасахъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Вода течетъ быстро между этими высокими скалистыми берегами, однако, рѣка вездѣ судоходна внизъ отъ деревни Качуги, находящейся въ разстояніи около 150 верстъ отъ истока. На сѣверѣ отъ области песчаниковъ начинается ущелье, извѣстное въ краѣ подъ названіемъ „Щекъ“; въ этомъ мѣстѣ известковые утесы, изрытые по бокамъ пещерами, господствуютъ съ высоты 14 саженъ надъ быстро убѣгающими водами Лены; глубина фарватера здѣсь не меньше 10 саженъ, но крутыя извилины рѣки, быстрота теченія и подводные камни у береговъ могутъ поставить судно въ опасное положеніе. Одну изъ скалъ этого ущелья живущіе въ томъ краю буряты почитаютъ за своего главнаго бога.

Ниже тѣснины „Щекъ“, Лена соединяется съ Витимомъ, который удваиваетъ объемъ потока и увеличиваетъ его ширину до 280 саженъ. Витимъ можетъ считаться главной рѣкой по развитію его теченія и, безъ сомнѣнія, также по массѣ его водъ, такъ какъ онъ течетъ въ области болѣе подверженной дѣйствію дождливыхъ муссоновъ Тихаго океана; но теченіе его менѣе правильно и менѣе удобно для судоходства, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что для прибрежныхъ жителей Лена осталась главной вѣтвью. Витимъ получаетъ начало на востокѣ отъ Байкала, въ гористомъ плато, которое простирается отъ этого озера до Яблоноваго хребта, и котораго параллельные выступы продолжаются отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Рѣка и ея многочисленные притоки текутъ сначала въ бороздахъ этой плоской возвышенности, потомъ соединяются посредствомъ разсѣлинъ, открывающихся въ поперечномъ направленіи отъ одной борозды или впадины до другой. Даже въ той части бассейна, гдѣ Витимъ уже опредѣленно принялъ видъ рѣки, главная долина и долины притоковъ слѣдуютъ попеременно то въ нормальномъ направленіи плоскогорья, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, то въ направленіи боковыхъ разрѣзовъ, отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Быстрый и извилистый, съ крутыми поворотами, Витимъ становится судоходнымъ только ниже пороговъ, прерывающихъ его теченіе въ разстояніи 550 верстъ кверху отъ слиянія его съ Леной. Впадины, по которымъ протекаетъ Витимъ, были

нѣкогда заняты озерами, расположенными одно надъ другимъ уступами: большая часть этихъ озерныхъ бассейновъ были послѣдовательно замѣнены аллювіальными равнинами; однако, нѣкоторые существуютъ до сихъ поръ: таково большое озеро Оронъ, соединяющееся съ Витимомъ посредствомъ короткаго истока. На западѣ отъ Витима путешественники проѣзжали по обширнымъ площадямъ лавы, потоки которой вылились по направленію къ Байкальскому озеру: одна изъ этихъ площадей застывшей лавы имѣетъ не менѣе 115 верстъ въ длину [1]).

Начиная отъ полуострова, образуемаго сліяніемъ Витима, Лена течетъ между низменными берегами; но ниже снова появляются высокіе скалистые берега, даже крутые утесы: песчаники и известняки поднимаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саженъ на 25 или еще выше, и отражаютъ въ поверхности водъ деревья, растущія наклонно на ихъ краяхъ. Самые знаменитые пейзажи на берегахъ этой могучей сибирской рѣки — это такъ называемыя „Колоннады Лены“, похожія на замки въ развалинахъ, стѣны и башни которыхъ высятся на пространствѣ нѣсколькихъ миль, вдоль праваго берега; известковые пласты, неравномѣрно расколотые сверху до низу береговыхъ утесовъ, представляютъ разнообразнѣйшіе виды: овраги и рытвины, вырытые дождями и снѣжными лавинами, обвалы; пещеры, деревья, сгруппированныя на выступахъ или пріютившіяся въ углубленіяхъ между скалъ, извилины рѣки и тысячи другихъ деталей берега разнообразятъ до безконечности постоянно мѣняющуюся картину ленскихъ колоннадъ.

Въ этой части своего теченія Лена уже усилилась принятіемъ въ себя водъ могучей Олекмы, быстрое теченіе которой ощутительно на разстояніи 30 верстъ отъ мѣста сліянія. Ниже къ Ленѣ присоединяются еще болѣе обильныя рѣки: съ правой стороны Алданъ, съ лѣвой Вилюй. Здѣсь прекращается среднее теченіе Лены. Она кончила обходное движеніе къ востоку вокругъ возвышенныхъ земель центральной Сибири и принимаетъ свое нормальное направленіе по океанской покатости: русло ея, усѣянное островами, имѣетъ не менѣе 7 или 8 верстъ средней ширины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разливается какъ настоящее море. При сліяніи ея съ Алданомъ, разстояніе отъ берега до берега около 20 верстъ. Разсматриваемая въ цѣломъ, долина Вилюя составляетъ восточное продолженіе долины Нижней Тунгузки и продолжается къ Тихому океану долиной Алдана. Слѣдовательно, теченіе Лены пересѣкается въ этомъ мѣстѣ поперечной впадиной, которая во всѣ времена имѣла значительную важность для переселеній туземцевъ и для ихъ торговыхъ сношеній, и которая приноситъ также нѣкоторую пользу русскимъ, такъ какъ долина Алдана представляетъ кратчайшій путь изъ бассейна Лены

[1]) *Лопатинъ*, Экспедиція въ Витимъ; *Кропоткинъ* рукописныя замѣтки.

къ берегамъ Великаго океана. Въ климатѣ менѣе суровомъ столь благопріятное географическое положеніе вызвало-бы къ жизни первоклассный городъ.

По принятіи въ себя Алдана и Вилюя, главная рѣка Восточной Сибири имѣетъ уже всю свою жидкую массу и болѣе не увеличивается: ея съуженный бассейнъ посылаетъ ей лишь незначительные притоки. Растущія по берегамъ ея деревья постепенно мельчаютъ, понижаются, и число растительныхъ видовъ уменьшается: устилающіе тундру ковры мховъ и лишаевъ подступаютъ къ самымъ берегамъ Лены, острова покрыты лишь маленькими приземистыми деревцами; впрочемъ, послѣдній изъ острововъ рѣки въ собственномъ смыслѣ, Титъ-Ари, называемый русскими „Лиственничнымъ“, заключаетъ, кромѣ деревьевъ, отъ которыхъ получилъ свое имя, небольшой лѣсокъ, состоящій изъ елокъ, березъ и тополей. Ниже этой группы зелени начинается обширная дельта Лены, обнимающая пространство приблизительно въ 20,000 квадр. верстъ. Но эта огромная область, окруженная водой, не вся состоитъ изъ аллювіальныхъ земель. На сѣверо-западѣ, Халангатъ, ограниченный, съ одной стороны, крайнимъ западнымъ лиманомъ дельты, съ другой — однимъ изъ рукавовъ рѣки, представляетъ неровную землю, усѣянную холмами и озерами: это бывшій морской островъ или цѣлый архипелагъ, который наносами Лены, а также дѣйствовавшимъ одновременно медленнымъ поднятіемъ почвы, былъ постепенно приближенъ къ материку. Землистыя частицы, приносимыя теченіемъ рѣки, не находятъ себѣ свободнаго выхода къ морю въ сѣверо-западномъ направленіи: съ этой стороны скалистые крутые утесы сибирскаго прибрежья и возвышенныя земли Халангата образуютъ естественную границу рѣчной дельты. Вслѣдствіе этого, главныя теченія Лены и приносимыя ими твердыя частицы должны были отклоняться къ востоку, и потому съ этой стороны контуры острововъ, излучины и бифуркаціи рѣчныхъ рукавовъ измѣняются всего чаще и всего замѣтнѣе. Въ морѣ передъ устьями Лены вода имѣетъ очень слабую соленость, и мореходы могутъ пробираться черезъ эту сосѣднюю съ дельтой мелководную область лишь съ величайшей осторожностью и не иначе, какъ съ лотомъ въ рукахъ, потому что глубина тутъ не превышаетъ 14 — 21 аршина [1]). Очертанія дельты должны видоизмѣняться изъ года въ годъ отъ дѣйствія рѣчныхъ наносовъ, плывучаго лѣса, бурь и въ особенности льдовъ, которые, въ періодъ вскрытія рѣки, подъ напоромъ ледохода срываютъ цѣлые острова и уносятъ ихъ далеко на другое мѣсто. Карты лепской дельты, начерченныя въ разныя времена, на основаніи съемки береговъ болѣе или менѣе суммарной, поверхностной, много разнятся одна отъ другой, и эти разногласія слишкомъ значительны,

[1]) *Palander*, Письма Норденшельда.

чтобы ихъ можно было приписывать исключительно личнымъ ошибкамъ составителей картъ. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ какъ русскіе познакомились съ дельтой Лены, главнымъ судоходнымъ фарватеромъ остается все тотъ, который идетъ вокругъ восточнаго мыса континента, и который открывается на юго-востокѣ, подлѣ треугольнаго полуострова. Подъ давленіемъ береговаго морскаго теченія, которое направляется отъ запада къ востоку, составляя продолженіе теплаго теченія Атлантическаго океана, весь аллювіальный полуостровъ, образовавшійся изъ наносовъ Лены, отклонился къ востоку и отбрасываетъ воды рѣки на восточные берега. На сѣверной сторонѣ дельты, другое устье, впрочемъ, загражденное песчаными мелями, такъ называемый Туматскій рукавъ, тоже сохранилось возлѣ сигнальнаго столба, поставленнаго Лаптевымъ на берегу, въ 1739 г. У западной оконечности области дельты мореходы узнаютъ входъ не по грудамъ камней, сложенныхъ рукой человѣка, но по выступу твердой земли, по Ледяному мысу, названному такъ по причинѣ снѣга и льда, который держится круглый годъ у основанія скалъ, никогда неосвѣщаемаго солнечными лучами.

Долина Лены, вверхъ отъ сліянія съ Витимомъ . 1,370 верстъ.
„ Витима „ „ „ „ Леной . 2,000 „
„ Витима—Лены до Ледовитаго океана . . 5,300 „
Площадь рѣчнаго бассейна . . . . . 2.200,000 кв. верстъ.

Извѣстно, что громадный бассейнъ Лены былъ въ первый разъ соединенъ съ Европой путемъ, пройденнымъ судномъ только спустя два съ половиной столѣтія послѣ занятія страны русскими. Въ 1878 году пароходъ „Лена“, подъ командой норвежца Іогансена, проникъ въ эту рѣку и поднялся по ней до города Якутска. Такимъ образомъ дорога проложена, и надѣются, что суда будутъ ею иногда пользоваться, несмотря на значительныя препятствія, которыя могутъ противопоставить льды при обходѣ Таймырскаго полуострова и при самомъ входѣ въ устья Лены. Ледоходъ начинается въ рукавахъ дельты только въ концѣ іюня или даже въ первыхъ числахъ іюля, и, говорятъ, что иногда льдины, скопляющіяся сплошной массой при устьяхъ и гонимыя вѣтромъ съ моря во внутренность, вверхъ по теченію, совершенно преграждали входъ впродолженіе всего лѣта. Вообще правильное судоходное сообщеніе между западной Европой и рѣкой якутовъ можетъ установиться только тогда, когда будутъ учреждены околополярныя обсерваторіи, предложенныя австрійскимъ мореплавателемъ Вейпрехтомъ, и когда въ европейскихъ портахъ будутъ своевременно получаться свѣдѣнія о ходѣ общихъ передвиженій ледяныхъ пространствъ въ Ледовитомъ океанѣ. Лена гораздо менѣе доступна для судовъ, нежели Обь или Енисей, и никогда не будетъ имѣть такой-же важности для международной торговли, какъ эти двѣ рѣки, но тѣмъ не менѣе она представляетъ удобства для движенія

внутренней торговли, и судоходство можетъ развѣтвляться въ ея бассейнѣ на пространствѣ около 10,000 верстъ.

Судоходное теченіе	Лены	4,340 верстъ.
„ „	Витима	535 „
„ „	Олекмы	937 „
„ „	Алдана	1,410 „
„ „	Амги	468 „
„ „	Маи (притока Алдана)	468 „
„ „	Вилюя	1,128 „

Естественныя богатства ленскаго бассейна, все населеніе котораго не превышаетъ 300,000 душъ, также равняются природнымъ рессурсамъ Западной Сибири. Лена не менѣе изобильна рыбой, чѣмъ Обь, а лѣса ея даже обширнѣе обскихъ; по берегамъ ея тянутся, плодородныя равнины и плоскія возвышенности съ превосходными пастбищами; золотоносные пески Витима и Олекмы безспорно богатѣйшія золотыя розсыпи во всей Азіи; мѣсторожденія свинцовой и серебряной руды, мѣди, желѣза встрѣчаются въ разныхъ частяхъ бассейна, хотя до сихъ поръ еще не было произведено систематическаго изслѣдованія этихъ минеральныхъ сокровищъ; озера, соляные источники, цѣлыя горы, состоящія изъ кристаллическихъ хлористыхъ соединеній, доставляютъ въ изобиліи поваренную соль; ключи сѣрнистой воды бьютъ изъ земли на берегу рѣки и теряются въ ея потокѣ; наконецъ, пласты каменнаго угля, принадлежащіе къ той же формаціи, какъ и залежи бассейна Нижней Тунгузки, выходятъ на самую поверхность земли, на берегахъ Вилюя, и тянутся, почти безъ перерыва, вдоль теченія Лены, на пространствѣ около 1,500 верстъ, внизъ отъ „Колоннадъ“. Нѣкоторые изъ этихъ выступающихъ наружу слоевъ ископаемаго угля, охваченные лѣсными пожарами, горѣли впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и дымъ, постоянно поднимавшійся изъ земли, породилъ мѣстныя преданія о существованіи вулкановъ въ сѣверной Сибири [1]).

Хараулахскіе холмы, почти горы, поднимающіе тамъ и сямъ свои бѣлыя, или по крайней мѣрѣ покрытыя полосами снѣга, верхушки до высоты 1,320 футовъ, отдѣляютъ нижнюю Лену отъ другой большой рѣки, Яны, которая течетъ прямо на сѣверъ, и воды которой тоже изливаются въ океанъ посредствомъ обширной дельты, развертывающей свои низменные берега отъ запада къ востоку на пространствѣ около 150 верстъ. Водораздѣльная линія высотъ, которая принимаетъ, на большой части своего протяженія, видъ настоящей цѣпи горъ, Верхоянскій хребетъ, соединяется съ южной оконечностью Хараулахскихъ горъ, и, направляясь на востокъ къ плоскогорьямъ Становаго хребта, господствуетъ на сѣверѣ надъ нижней долиной Алдана. Чтобы проѣхать изъ

[1]) *Норденшельдъ*, Sibirische Reise.

ЧУКЧИ. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА.

Якутска въ Нижне-Колымскъ, городокъ на нижнемъ теченіи Колымы, нужно перевалить черезъ хребетъ въ 2,140 футовъ высоты, по обѣ стороны котораго поднимаются вершины высотою отъ 825 до 1,000 футовъ [1]). Горный проходъ, черезъ который пролегаетъ дорога въ городъ Верхо-Янскъ, на верхней Янѣ, имѣетъ не менѣе 4,600 футовъ возвышенія и идетъ по вырѣзкѣ гребня глубиною около 650 футовъ [2]). Индигирка и Колыма, получающія начало, какъ и Яна, на сѣверной покатости Верхоянскаго водораздѣльнаго хребта, представляютъ замѣчательное сходство съ этой рѣкой по длинѣ и направленію ихъ теченія, по обилію ихъ водъ, по стремнинамъ и порогамъ, которые онѣ образуютъ въ верхней части своего ложа, по островамъ ихъ дельтъ. Всѣ эти рѣки берутъ начало въ гористой области лѣсовъ и протекаютъ на сѣверѣ по гладкимъ равнинамъ тундры; хотя всѣ онѣ судоходны, но по нимъ плаваютъ пока только рыбачьи лодки якутовъ, юкагировъ и немногочисленныхъ русскихъ поселенцевъ. Самая обильная рыбой изъ этихъ трехъ рѣкъ — Колыма; двѣ рѣки Анюй, которыя присоединяются съ восточной стороны къ Колымѣ и образуютъ съ ней одну общую дельту, также очень богаты животной жизнью.

Нѣкоторые ближайшіе къ морскому берегу островки съ незапамятныхъ временъ извѣстны туземцамъ, которые, безъ сомнѣнія, и показали ихъ первымъ русскимъ изслѣдователямъ; таковы „Медвѣжьи острова“, лежащіе въ морѣ на сѣверѣ отъ Колымскаго залива, и на которыхъ, съ прошлаго столѣтія находятся зимнія хижины (зимовья), построенныя рыболовами [3]). Одинъ изъ этихъ острововъ, такъ называемый „островъ Четырехъ Столбовъ“, упоминается всѣми посѣтившими тѣ воды мореплавателями, вниманіе которыхъ приковываютъ четыре отдѣльно стоящія базальтовыя колонны, почти столь правильныя, какъ-будто онѣ были вытесаны и воздвигнуты рукой человѣка: матросы экспедиціи проф. Норденшельда приняли ихъ за маяки, поставленные русскимъ правительствомъ, чтобы указывать путь изслѣдователямъ Ледовитаго океана. Другой островъ Медвѣжьяго архипелага содержитъ такое множество мамонтовыхъ костей, что про южный его берегъ составилось понятіе, будто онъ весь состоитъ изъ бивней исполинскаго допотопнаго толстокожаго [4]). По всей вѣроятности, и другіе большіе острова сибирскаго Полярнаго моря, открытіе которыхъ относятъ обыкновенно къ прошлому столѣтію или даже къ болѣе близкой къ намъ эпохѣ, тоже были посѣщаемы туземцами гораздо ранѣе. Такъ, въ Ляховскомъ архипелагѣ, островъ, называемый „Ближнимъ“ или „Первымъ“, не могъ быть совершенно неизвѣстенъ, такъ

[1]) *Врангель*, *Анжу*, Siberia and the Polar Sea.
[2]) *Neumann*, Mittheilungen von Petermann, 1877 г., № 11.
[3]) *Кропоткинъ*, Экспедиція въ сѣверныя моря.
[4]) *Neumann*, Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 12.

какъ юго-западная оконечность этого острова, мысъ Киселякъ, образуемый величественными базальтовыми колоннадами [1]), и высокая гора Каптагай, поднимающаяся на нѣсколько сотъ метровъ, находятся всего только на разстояніи 70 верстъ отъ мыса Святой Носъ, и слѣдовательно всегда, въ ясную погоду, показываются острому зрѣнію тунгусовъ и якутовъ. Дикіе олени переходятъ по льду съ материка на островъ, также какъ бѣлые медвѣди и другія животныя, даже мелкіе грызуны [2]); значитъ охотникамъ нужно было только идти по слѣдамъ дичи, чтобы открыть „Первый“ островъ. Съ этого острова на „Второй“ переходъ тоже былъ не трудепъ; но „Третій“, Котельный островъ, который находится уже среди моря, далеко отъ береговъ континента, равно какъ многіе островки, лежащіе на западѣ, вѣроятно, были осмотрѣны впервые долгое время спустя послѣ открытія южныхъ острововъ; однако, тамъ нашли русскую могилу, въ 1811 году; Геденстремъ видѣлъ тамъ юкагирскія санки и каменный ножъ, доказательство древняго посѣщенія, ибо юкагиры уже съ давнихъ поръ употребляютъ желѣзные ножи, вымѣниваемые ими у русскихъ торговцевъ. Котельный островъ очень обширная земля, площадь которой, по опредѣленію Анжу, не менѣе 18,000 квадр. верстъ, и которой Геденстремъ приписывалъ пространство по крайней мѣрѣ втрое бо́льшее: полоса состоящая изъ подводныхъ камней и обширныхъ мелей, обыкновенно соединяетъ ее съ лежащимъ восточнѣе большимъ островомъ, носящимъ названіе Ѳаддѣевскаго; между этими двумя землями остается только узкій протокъ (около 80 саженъ шириною), черезъ который стремительно текутъ морскія воды, то въ ту, то въ другую сторону, сообразно измѣненію направленія прилива. Во время бури песчаная плотина, соединяющая два острова, Котельный и Ѳаддѣевскій, покрывается пѣнящимися волнами.

Позже всѣхъ открытъ, или, вѣрнѣе сказать, отысканъ въ этихъ водахъ, островъ, которому дали имя Новой Сибири, хотя, впрочемъ, названіе это часто примѣняется ко всей группѣ островныхъ земель, лежащихъ на сѣверѣ отъ азіатскаго континента, между устьями Лены и Индигирки. Купецъ Сыроватскій первый осмотрѣлъ его въ 1806 году, и вскорѣ послѣ того, въ 1809 и 1810 годахъ, Геденстремъ, Санниковъ, Кожевинъ тщательно изслѣдовали новую землю. Затѣмъ ее посѣтилъ Анжу, въ 1820—23 годахъ, во время экспедиціи Врангеля, и съ тѣхъ поръ звѣроловы постоянно проводили тамъ зиму, поселяясь въ зимовьяхъ, построенныхъ Санниковымъ. Также какъ сосѣдніе острова, Новая Сибирь довольно богата животными видами, благодаря ледяному мосту, который соединяетъ ее каждый годъ съ материкомъ Азіи; фауна ея за-

[1]) *Bove*, Bollettino della Società Geografica Italiana, 1879 г., № 12.
[2]) *Wrangel*, Siberia and the Polar Sea.

ключаетъ бѣлыхъ медвѣдей, сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ лисицъ или песцовъ, россомахъ, мелкихъ грызуновъ и многочисленныя породы птицъ. Кромѣ того, охотники находятъ тамъ остатки исчезнувшихъ животныхъ, кости мамонтовъ и носороговъ, рога буйволовъ, лошадиныя копыта; Геденстремъ открылъ тамъ топоръ, сдѣланный изъ мамонтоваго бивня. Плоскіе берега усѣяны стволами лиственницъ и тополей, выброшенныхъ волнами; но главную достопримѣчательность острова составляетъ гряда холмовъ, которая тянется вдоль полуденнаго берега, на пространствѣ около 5 верстъ: эти холмы заключаютъ, въ слояхъ песчаника и гравія, значительныя скопленія обугленныхъ деревьевъ, которыя, по мнѣнію однихъ, принадлежатъ къ юрской эпохѣ, тогда какъ другіе видятъ въ нихъ просто слои наноснаго, выброшеннаго волнами лѣса, принадлежащаго къ новѣйшей эпохѣ. Хотя эти холмы, или, какъ ихъ называютъ, „Лѣсныя горы“ поднимаются всего только футовъ на сто, на двѣсти надъ уровнемъ моря, ихъ, однако, иногда можно, благодаря дѣйствію миража, разглядѣть съ сибирскаго берега, съ разстоянія 260 верстъ [1]).

Во время своихъ многочисленныхъ путешествій, предпринятыхъ для изслѣдованія полярнаго моря на востокъ отъ Новой Сибири, извѣстный русскій мореплаватель Врангель постоянно стремился пробраться къ сѣверной землѣ, о которой ему разсказывали туземцы, и къ которой, какъ онъ самъ видѣлъ, направлялись стаи перелетныхъ птицъ; притомъ и на картѣ 1765 года, хранящейся въ московскомъ архивѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, показанъ островъ въ тѣхъ водахъ, гдѣ его искалъ Врангель. Однако, въ три послѣдовательныя поѣздки на саняхъ по сибирскимъ льдамъ, онъ каждый разъ былъ останавливаемъ полыньей, чистымъ отъ льда пространствомъ, какія находили другіе мореплаватели въ полярныхъ моряхъ, и русское названіе которыхъ перешло и въ Новый Свѣтъ, гдѣ дали имя Polynia „свободному морю“, встрѣченному Гэйзомъ въ американскомъ Полярномъ океанѣ, на сѣверѣ отъ Смитова пролива. Ледъ на краяхъ полыньи былъ такъ тонокъ, что отказывался поддерживать сани, и путешественники не могли продолжать путь далѣе въ Ледовитый океанъ; они явственно чувствовали, какъ подъ ними море поднимается длинными волнами. Такимъ образомъ Врангель достигъ лишь отрицательнаго результата во всѣхъ своихъ развѣдкахъ, и изъ самыхъ его изслѣдованій можно было вывести заключеніе, что искомая земля не существуетъ. Она, однако, существуетъ и нашлась въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Врангель напередъ очертилъ на картѣ ея предполагаемые контуры, основываясь на разсказахъ туземцевъ: большой островъ, поднимающійся изъ моря высокими берегами, который, въ память тщетно искавшаго его покойнаго мореплавателя, названъ, по его имени, „Землей

[1]) *Hedenström*, Fragments sur la Sibérie, 1830 г.

Врангеля", лежитъ на сѣверѣ отъ Чукотской Земли, недалеко отъ входа изъ Ледовитаго океана въ Беринговъ проливъ. Эта новая полярная земля, открытая въ первый разъ въ 1849 году Келлетомъ и послѣ того опять видѣнная китоловомъ Лонгомъ въ 1867 году, пока еще обозначается на картахъ лишь неопредѣленными очертаніями, и неизвѣстно даже, на какое разстояніе она продолжается на сѣверъ, и составляетъ-ли замѣченная Лонгомъ въ 1867 году земля часть ея: гора Лонгъ, поднимающаяся на самой полуденной оконечности острова, достигаетъ 2,475 футовъ высоты, и ея правильная конусообразная форма подала поводъ причислить ее къ потухшимъ вулканамъ. Льды помѣшали Норденшельду и Паландеру посѣтить эти острова. До сихъ поръ все морское пространство на сѣверъ отъ Новой Сибири и отъ Земли Врангеля, между архипелагомъ Франца-Іосифа на западѣ и полярными архипелагами Америки на востокѣ, остается неизслѣдованнымъ, и неизвѣстно, продолжается-ли Гренландія въ ту сторону какимъ нибудь полуостровомъ, какъ это предполагаетъ Петерманнъ, или воды омываютъ тамъ только острова или архипелаги. Какъ бы то ни было, на сѣверныхъ берегахъ Сибири нигдѣ не найдено эрратическихъ камней: это обстоятельство доказываетъ, по мнѣнію барона Норденшельда, что въ ледовитыхъ моряхъ Сибири не существуетъ большихъ земель, или вѣрнѣе, что плавучіе льды не переносятъ каменныхъ обломковъ, какъ это допускало до сихъ поръ большинство геологовъ. На сѣверо-западѣ отъ Таймырскаго полуострова, норвежскій мореплаватель Іогансенъ открылъ, въ 1878 году, островъ, которому онъ далъ вполнѣ справедливое названіе Ensomheden или „Пустыни". Эта уединенная земля, затерянная среди ледяныхъ пространствъ океана, занимаетъ площадь въ 175 квадр. верстъ и оканчивается на западѣ высокими береговыми утесами, надъ которыми господствуетъ гора, имѣющая около 510 футовъ высоты; низменный и песчаный восточный берегъ усѣянъ древесными стволами, принесенными туда морскими теченіями. Можетъ быть, этотъ островъ былъ уже видѣнъ Лаптевымъ въ 1741 году [1]).

Буряты очень многочисленны въ полуденной части областей, лежащихъ по теченію Лены. Изъ всѣхъ сибирскихъ туземцевъ эти инородцы всего лучше сохранили формы древней общины, къ великому удивленію русскихъ крестьянъ, у которыхъ вліяніе міра гораздо менѣе даетъ себя чувствовать въ частной жизни членовъ сельской общины. Бѣдный бурятъ считаетъ себя вправѣ требовать пищи и пріюта у богатаго; когда убиваютъ животное, всѣ приходятъ взять себѣ за трапезой равную долю, и хозяинъ между ними тотъ, кто послѣдній прикладывается къ яствамъ; даже желѣзныя украшенія, которыя молодыя дѣвушки заплетаютъ себѣ

[1]) *Mohn*, Mittheilungen von Petermann, 1879 г.

въ волоса, берутся безъ церемоніи и безъ всякаго вознагражденія у кузнеца общины, который продастъ свои издѣлія только постороннимъ людямъ. Сборъ хлѣба на поляхъ производится въ пользу всѣхъ, и каждый беретъ, сколько ему надо, изъ общественнаго амбара. Каждыя пять или десять лѣтъ буряты одного округа соединяются, чтобы предпринять сообща охоту на лѣснаго звѣря: для этой цѣли они выбираютъ временныхъ начальниковъ или атамановъ, и, разбившись на партіи, человѣкъ по двадцати въ каждой, расходятся въ разныя стороны по лѣснымъ чащамъ; но добыча охоты дѣлится равномѣрно между всѣми членами *абы* [1]).

Господствующее населеніе въ бассейнѣ Лены составляютъ якуты. Территорія, на пространствѣ которой кочуютъ эти инородцы, и которая по крайней мѣрѣ въ два раза обширнѣе Франціи, обнимаетъ большую часть средняго бассейна Лены, берега этой рѣки въ ея сѣверномъ теченіи, въ низовьяхъ, и прибрежье Арктическаго океана, между Хатангскимъ заливомъ и дельтой Лены. Якуты обитаютъ также, на востокѣ, по берегамъ Яны, Индигирки, Колымы, и живутъ тамъ и сямъ группами на подобіе острововъ, среди другихъ народностей, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ страны, гдѣ они являются преобладающей рассой. Такъ, въ западной Сибири, мы находимъ нѣсколько якутскихъ семействъ на Енисеѣ, ниже города Туруханска; на востокѣ они располагаются своими становищами на нижнемъ теченіи Индигирки; на юго-востокѣ ихъ встрѣтишь даже въ бассейнѣ Амура. Впрочемъ, эти области сѣверной Сибири не составляютъ наслѣдственнаго владѣнія ихъ племени; они здѣсь тоже пришельцы: въ этомъ отношеніи преданіе ихъ отличается большой точностью. Они жили прежде въ странахъ, окружающихъ Байкальское озеро, но вытѣсненные оттуда бурятами, принуждены были переселиться на сѣверъ и покориться тяжелымъ невзгодамъ жизни въ суровомъ полярномъ климатѣ: татарскія имена мѣстъ въ прибайкальской территоріи до сихъ поръ напоминаютъ о ихъ пребываніи въ томъ краѣ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія они очутились лицомъ къ лицу съ другими врагами, съ русскими авантюристами, сибирскими казаками, и ихъ отступательное движеніе продолжалось къ Ледовитому океану. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія ихъ увидѣли въ первый разъ на Таймырскомъ полуостровѣ, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи они появляются на берегахъ верхней Колымы. Во время этого перемѣщенія, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, якутамъ пришлось не только акклиматизироваться, приспособиться къ условіямъ новой физической среды, но еще измѣнить и самый образъ жизни: бывъ прежде пастушескимъ и наѣздническимъ народомъ, какъ ихъ соплеменники киргизы, они должны были на новыхъ

[1]) *Щаповъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1874 г., примѣчанія.

мѣстахъ сдѣлаться также рыболовами, звѣроловами, оленеводами. Нѣкоторыя слова ихъ языка и традиціонные обычаи свидѣтельствуютъ о разницѣ, существующей между старыми и современными нравами этого многочисленнаго сибирскаго племени [1]).

Впрочемъ, нынѣшніе якуты далеко не сохранили свою рассу въ первоначальной чистотѣ, напротивъ — съ той эпохи, когда ихъ предки покинули берега Святаго моря, кровь ихъ сильно смѣшалась съ кровью народовъ, которыхъ они встрѣчали въ своихъ переселеніяхъ. Всего болѣе и чаще происходило смѣшеніе съ кочевниками тунгусами, которые во многихъ мѣстностяхъ странствуютъ по той же звѣроловной территоріи, какъ и якуты, и съ которыми послѣдніе находятся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. При существованіи обычая, даже религіознаго закона, обязывающаго якутовъ выбирать себѣ женъ внѣ своей родни, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже внѣ своего рода или клана, такія смѣшенія съ иноплеменниками были неизбѣжны: благодаря этому обычаю вступленія въ бракъ съ людьми чужаго рода и племени, большое число якутскихъ семействъ превратились въ настоящихъ монголовъ; въ Алданскихъ горахъ на юго-востокѣ отъ Якутска, они сдѣлались истыми тунгусами по наружности и чертамъ лица. Въ другихъ мѣстахъ якуты обрусѣли; однако, чаще можно наблюдать обратное явленіе. Русскіе, которые женятся на якутскихъ женщинахъ, мало по малу „объякучиваются“. Во многихъ становищахъ встрѣчаешь звѣролововъ славянскаго происхожденія, но по чертамъ лица и нравамъ совершенныхъ якутовъ. Здѣсь татарская цивилизація беретъ верхъ надъ цивилизаціей русской.

По описанію Миддендорфа, якутъ чистой рассы имѣетъ овальный обликъ, носъ прямой, скулы мало выдающіяся, вѣки чуть скошенныя, волосы черные: онъ гораздо больше походитъ на киргиза, чѣмъ на монгола. По росту онъ занимаетъ середину между русскимъ и тунгусомъ (средній ростъ русскихъ въ Якутскѣ 1,83, якутовъ 1,74, тунгусовъ 1,63 метра). Костюмъ его не отличается отъ одежды его сѣверныхъ сосѣдей; единственное отличіе составляетъ высокій головной уборъ, похожій на калпакъ киргизовъ и хивинцевъ: эта мѣховая шапка, очевидно, скроена по образцу малахая, какой носили его предки, прежде чѣмъ разлучились со своими соплеменниками южными татарами. Якутскій языкъ, изученный Бетлингомъ, Арминіемъ Вамбери и другими учеными, свидѣтельствуетъ, также какъ типъ и костюмъ, о сходствѣ этой націи съ различными народами тюркскаго и татарскаго племени; безъ сомнѣнія, фризу изъ Ганновера и саксонцу изъ Трансильваніи труднѣе будетъ объясняться другъ съ другомъ, чѣмъ якуту понимать разговоръ османлиса изъ Анатоліи или изъ Константинополя [2]). Конечно, татары и якуты съ трудомъ

---

[1]) *Von Middendorff*, Sibirische Reise.

[2]) *A. Vambéry*, Die primitive Cultur des Türko-tatarischen Volkes.

могли бы разговаривать между собой, но малѣйшее знакомство съ грамматикой сдѣлало бы бесѣду легкой. Якутскія названія мѣстъ нѣсколько разнятся отъ именъ, употребляемыхъ въ Туркестанѣ, но между тѣми и другими легко признать семейное сродство, и по многимъ выраженіямъ географическая номенклатура представляетъ сходство, отъ береговъ Босфора до устьевъ Лены. Якутскій языкъ чрезвычайно богатъ терминами, означающими различныя формы горъ, лѣсовъ, рѣкъ, ручьевъ и вообще всѣхъ физическихъ чертъ земной поверхности. Большое число выраженій синонимныхъ составляетъ даже одну изъ главныхъ трудностей, на которыя наталкивается русскій, когда онъ хочетъ выучиться по якутски. Несмотря на то, многіе русскіе и тунгусы чаще и охотнѣе употребляютъ якутскій языкъ, чѣмъ свой природный, и даже въ городѣ Якутскѣ, главномъ центрѣ русскаго господства въ странѣ, языкъ туземцевъ былъ, лѣтъ двадцать назадъ, моднымъ діалектомъ, языкомъ свѣтской бесѣды въ гостинныхъ многихъ русскихъ чиновниковъ. Правда, что въ туземное нарѣчіе вошло много словъ славянскихъ, преимущественно такихъ, которыя относятся къ бюрократіи, къ приказному слогу и къ современнымъ техническимъ искусствамъ и ремесламъ; но заимствованія, сдѣланныя русскимъ языкомъ изъ якутскаго, были еще значительнѣе. Въ отношеніи языка, какъ и въ отношеніи рассы, якуты одержали верхъ надъ славянами, и указываютъ даже семейства русскихъ поповъ и дьячковъ, которыя отатарились по языку и обычаямъ, сохранивъ лишь свои славянскія имена да религіозныя вѣрованія.

Якутовъ по справедливости можно бы было назвать „сибирскими жидами“. Они одарены въ высокой степени коммерческимъ геніемъ, но къ несчастію, непредусмотрительность, легкомысленная безпечность тунгусовъ предали имъ въ жертву этихъ простодушныхъ дикарей: якуту напередъ принадлежатъ олени тунгуса и куницы, которыя попадутся въ его капканъ. Но не надъ одними только туземными обитателями Сибири якутъ изощряетъ свой духъ спекуляціи и торгашества, онъ также ловко и успѣшно надуваетъ и казака, и многія мѣстныя поговорки выставляютъ въ смѣшномъ видѣ глупыя притязанія русскаго, который хочетъ поспорить въ хитрости съ якутомъ: „какъ онъ ни хитеръ, говоритъ г. Уваровскій, а всегда кончается тѣмъ, что якутъ перехитритъ его“. Полный увѣренности въ превосходство своего торговаго генія, якутъ не встрѣчаетъ достойныхъ себя противниковъ, по части меркантильнаго надувательства, кромѣ какъ въ китайскихъ даурцахъ забайкальскаго края. Эти послѣдніе не уступаютъ ему въ недовѣрчивости, въ изворотливости, въ знаніи людей, въ притворной наивности, въ умѣньи приводить въ движеніе тайныя пружины тщеславія; и сверхъ того, они превосходятъ его въ воздержности, въ любви къ порядку и бережливости. Въ самомъ дѣлѣ, якутъ не заботится о будущемъ, какъ только имѣетъ возможность

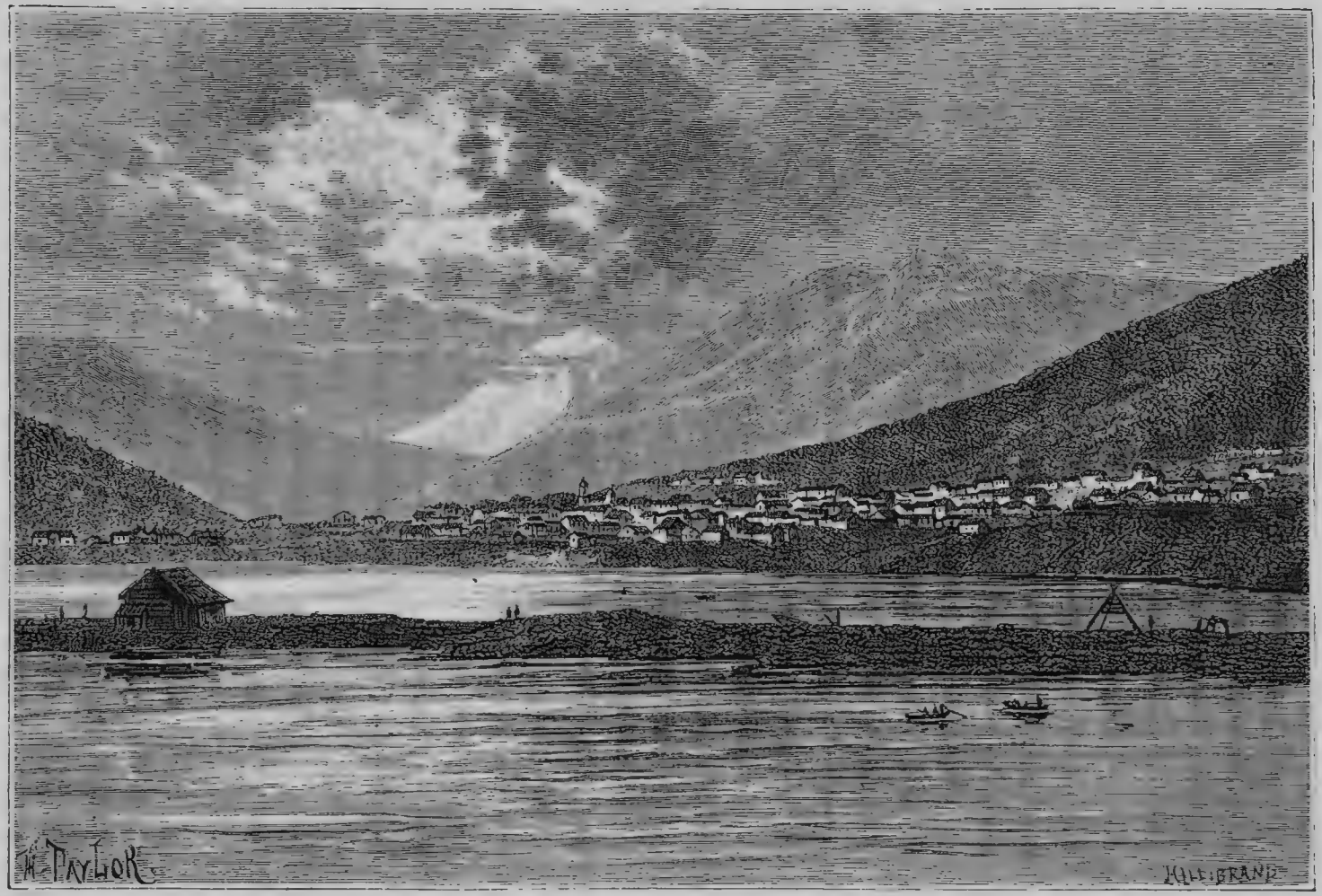
наслаждаться настоящимъ; въ такія блаженныя минуты онъ только повторяетъ мѣстное присловье: „хорошо ѣсть, хорошо разжирѣть—вотъ самое лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ“ [1]). Пока ему необходимо трудиться, онъ дѣлаетъ это съ такой-же стойкостью и неутомимостью, какъ еврей или китаецъ; онъ переноситъ всѣ невзгоды и терпитъ голодъ съ такой-же безропотностью и покорностью судьбѣ, какъ тунгусъ; никакая опасность не пугаетъ его, никакое препятствіе не останавливаетъ его. Но когда настаетъ часъ отдыха, онъ предается лѣни не хуже любаго животнаго; если онъ мѣняетъ шашки на карты или пускается въ какую-нибудь другую азартную игру, то это для того, чтобы рискнуть своей работой цѣлаго года или даже цѣлой жизни. Разворенный несчастливымъ оборотомъ игры, онъ опять становится искуснымъ звѣроловомъ или плутоватымъ торговцемъ, и снова начинаетъ свою бродячую жизнь, полную труда и лишеній.

Несмотря на свои недостатки, якутъ, между всѣми обитателями Сибири, наиболѣе благоденствуетъ, благодаря своему замѣчательному таланту ассимиляціи или приспособленія. Онъ умѣетъ прилаживаться къ окружающей средѣ, къ природѣ и людямъ. Впродолженіе длинной ночи полярнаго круга онъ проводитъ время въ снѣ, какъ бѣлый медвѣдь, зарывшійся въ снѣгъ; но во все время, пока лѣтнее солнце описываетъ полный кругъ надъ горизонтомъ, онъ работаетъ безъ устали. Онъ такъ же удобно располагается въ самоѣдскомъ чумѣ, какъ и въ русской избѣ, построенной изъ положенныхъ горизонтально одно на другое бревенъ. Осѣдлый житель или кочевникъ, смотря по требованіямъ промысла, онъ всегда готовъ, какое-бы дѣло ему ни представлялось. Съ самоѣдомъ или тунгусомъ онъ и самъ дѣлается самоѣдомъ или тунгусомъ, но сохраняя при этой метаморфозѣ свой природный геній, который позволяетъ ему быть первымъ между его новыми товарищами. Среди русскихъ онъ такъ же скоро становится русскимъ и усвоиваетъ съ изумительной легкостью бюрократическіе порядки и формальности. Въ борьбѣ за существованіе якуты до сихъ поръ не имѣли причины опасаться, что имъ придется исчезнуть передъ русскими; въ очень многихъ деревняхъ они болѣе, чѣмъ другіе поселяне, пользуются достаткомъ и довольствомъ, опрятно содержатъ свои дома, и русскіе парни добиваются руки ихъ молодыхъ дѣвушекъ [2]). Хотя тысячи якутовъ обрусѣли, однако, число ихъ болѣе, чѣмъ удвоилось, можетъ быть учетверилось съ начала настоящаго столѣтія, если правда, что ихъ было тогда только около пятидесяти тысячъ душъ; всѣ новѣйшія статистики единогласно опредѣляютъ цифру якутскаго народа слишкомъ въ двѣсти тысячъ душъ [3]). Внѣ городовъ эти инородцы

[1]) *Эрманъ*, Путешествіе по Сибири.

[2]) *Эрманъ*, цитированное сочиненіе.

[3]) *Венюковъ*, Этнографическая карта Азіатской Россіи.



ОБЩІЙ ВИДЪ ПЕТРОПАВЛОВСКА.

сохранили независимое внутреннее управленіе; они имѣютъ еще собственныхъ князьковъ или *тойоновъ*, содержаніе которыхъ оплачивается посредствомъ добровольныхъ взносовъ.

Въ суровомъ климатѣ сѣверной Сибири якуты не во всѣхъ округахъ могутъ заниматься хлѣбопашествомъ, но какъ скотоводы они и тамъ успѣли сдѣлать то, чего русскіе еще и не пробовали: они съумѣли развести у себя рогатый скотъ и лошадей даже по ту сторону полярнаго круга (только коровы защищены у нихъ павѣсомъ и въ сильныя вьюги загоняются даже въ юрты, лошади же всегда на дворѣ и на морозѣ), и не затрудняются тѣмъ, что имъ иногда приходится ѣздить добывать сѣно для этого скота за сотни верстъ; они успѣли даже развести особую породу молочныхъ кобылъ, которыя даютъ столько же молока, какъ коровы, и которыхъ можно доить нѣсколько разъ въ день; маленькія лошади, которыхъ они продаютъ на золотые пріиски, высоко цѣнятся за ихъ силу, выносливость (вмѣсто овса, якутская лошадь ѣстъ кору ивы, лиственницу, старую траву, а между тѣмъ скачетъ 30 верстъ безъ отдыха). Якуты ѣдятъ мясо и предпочитаютъ конину; но они очень бережливы на счетъ жизни своихъ домашнихъ животныхъ и убиваютъ ихъ только въ большіе праздники. Какъ ремесленники, они почти не имѣютъ равныхъ себѣ и успѣваютъ во всѣхъ мастерствахъ и художествахъ. Ловкость, которую они обнаруживаютъ въ ручныхъ работахъ, позволяетъ имъ выдѣлывать, при помощи самыхъ примитивныхъ средствъ, орудія и драгоцѣнныя вещи изъ накладнаго золота и серебра, вырѣзывать изъ кости всякія подѣлки; они добываютъ руду изъ желѣзистой скалы, выплавляютъ желѣзо и приготовляютъ изъ него инструменты лучше тѣхъ, которые привозятъ русскіе купцы. Въ Якутскѣ всѣ рабочіе и мастеровые: печники, плотники, столяры, живописцы, даже скульпторы, изъ якутовъ[1]); якутскія женщины хорошія кухарки, швеи; всѣ няньки—якутки. Тамъ можно видѣть самовары, даже ружья якутской фабрикаціи; переимчивый туземный ремесленникъ умѣетъ всему подражать, но съ оригинальнымъ талантомъ: одно изъ любопытныхъ произведеній его промышленности — родъ корзинки, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ, промежутки которой замазаны глиной, и которую они обмакиваютъ въ холодную воду, чтобы покрыть ее прозрачнымъ слоемъ льда; такимъ образомъ впродолженіе болѣе чѣмъ половины года корзинка имѣетъ видъ хрустальной вазы.

Большинство якутовъ, окрещенныхъ въ христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, для формы, носятъ имена чиновниковъ, русскихъ, поляковъ или нѣмцевъ, впрочемъ, до такой степени искаженныя, что ихъ невозможно узнать. Обычай дѣтоубійства, именно умерщвленія дѣвочекъ, нѣкогда общераспространенный у якутскихъ племенъ, теперь совершенно

[1]) *F. von Wrangel*, Siberia and the Polar Sea.

вышелъ изъ употребленія; прежде младенцевъ женскаго пола, отъ которыхъ родители хотѣли избавиться, клали въ корзинки и относили въ лѣсъ, гдѣ вѣшали корзинку на сукъ дерева; еще недавно можно было встрѣтить старухъ якутокъ, которыя въ дѣтствѣ были подобраны въ лѣсу и воспитаны чужими людьми [1]). Старые обряды шаманскаго культа еще не совсѣмъ оставлены: якуты по прежнему вѣрятъ въ чародѣйство, взываютъ къ добрымъ духамъ и заклинаютъ демоновъ. Безъ сомнѣнія, со временъ путешествія Гмелина, относящагося къ первой половинѣ прошлаго столѣтія, произошли весьма значительныя перемѣны въ нравахъ націи; но религія въ сущности осталась та же самая. И теперь, какъ прежде, при переходѣ черезъ горные хребты совершаются самыя торжественныя религіозныя церемоніи и шаманъ впадаетъ въ самое сильное изступленіе, произнося свои заклинанья, обращенныя къ божествамъ водъ и воздушныхъ пространствъ, къ „маленькой прабабкѣ рѣчкѣ, существующей отъ вѣчности“, и къ „бабушкѣ горѣ“, къ „карликамъ, которыхъ ищешь по правую руку въ восьми долинахъ, и которые вдругъ появляются на лѣвой сторонѣ въ девяти горахъ“. Затѣмъ онъ обращается къ злому духу съ такимъ воззваніемъ: „А ты, Шандай, старый какъ камни, не замедляй нашего пути, не поражай нашихъ юношей, не моргай глазами, не устремляй на насъ твоего взора, и пусть безмолвствуетъ твой языкъ!“ Послѣ того шаманъ разбрасываетъ по воздуху полныя ложки растопленнаго коровьяго масла, чтобы возблагодарить боговъ и умилостивить злыхъ духовъ, и привязываетъ конскіе хвосты или гривы къ стволамъ деревьевъ или къ столбамъ, поставленнымъ на скалахъ. Ко всѣмъ своимъ богамъ якуты прибавили русскихъ святыхъ, въ особенности Николая Угодника, и къ своимъ шайтанамъ русскихъ чертей и лѣшихъ: такимъ образомъ пантеонъ ихъ значительно увеличился. Они говорятъ также о богѣ, всеобщемъ отцѣ, но онъ пребываетъ слишкомъ высоко и далеко отъ нихъ, чтобы поклоненіе ему могло сложиться въ опредѣленный культъ. Этотъ то высочайшій богъ и сотворилъ землю, въ началѣ маленькую и ровную; но злой духъ сталъ рыть почву, раскапывать ее какъ собака, отчего и образовались долины и горы; такъ какъ земля постоянно увеличивалась, то долины съ теченіемъ времени сдѣлались ложами рѣкъ и морей, и материки выступили наружу среди водъ [2]).

Долганы, живущіе, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, въ лѣсахъ и тундрахъ сѣвера Сибири, между рѣками Пясиной и Хатангой, многими причисляются къ тунгусскому племени: однако, ихъ типъ и нарѣчіе свидѣтельствуютъ, что это тоже якуты, какъ и обитатели бассейна Лены [3]); но они разнообразно смѣшались съ тунгусами, самоѣдами и русскими,

---

[1]) *Врангель*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

[3]) *Кастренъ; Миддендорфъ.*

и безъ сомнѣнія, дальность разстоянія была причиной того, что мало по малу совершенно прекратились ихъ сношенія съ другими якутами, отъ которыхъ, можетъ быть, ихъ отдѣлили нѣкогда эпидеміи, оспа и тифъ, истребившіе часть племени и заставившіе остальныхъ удалиться на крайній сѣверъ [1]). Что касается юкагировъ, юрты которыхъ сгруппированы маленькими деревушками въ ледяной тундрѣ, тамъ, гдѣ ее прорѣзываютъ рѣки Яна, Индигирка, Колыма, то Гмелинъ причисляетъ ихъ къ якутамъ; Биллингсъ и Миддендорфъ видятъ въ нихъ тунгусовъ, тогда какъ Шифнеръ полагаетъ, что они составляютъ особый народъ среди сибирскихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, юкагиры говорятъ особымъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ нарѣчій другихъ инородцевъ Сибири [2]); но несомнѣнно, что они представляютъ сильную помѣсь и смѣшиваются со всѣми своими сосѣдями, туземцами и русскими. Многочисленные прежде, по ихъ выраженію, „какъ звѣзды на ясномъ небѣ“ [3]), они теперь уменьшаются въ числѣ и вымираютъ; скоро отъ нихъ останутся только курганы да развалины укрѣпленій или остроговъ, построенныхъ изъ бревенъ. По Венюкову, число ихъ въ настоящее время не превышаетъ 1,600 душъ; другіе писатели насчитываютъ ихъ еще менѣе, и только какой нибудь десятокъ юкагировъ умѣютъ еще говорить своимъ природнымъ языкомъ [4]). Другой народецъ, нѣкогда тоже очень могущественный, чуванцы, состоялъ въ 1860 году всего только изъ 267 человѣкъ.

Малочисленное населеніе бассейна Лены и сѣверныхъ тундръ почти вездѣ разсѣяно деревнями и поселками очень удаленными другъ отъ друга, и за исключеніемъ Якутска, всѣ группы домовъ или лачугъ, носящія громкое имя городовъ, не были бы удостоены даже названія мѣстечекъ въ многолюдныхъ странахъ. Эти города занимаютъ значительное пространство, по причинѣ большой ширины улицъ, обширности площадей, дворовъ, садовъ и огородовъ; но, исключая праздничныхъ и базарныхъ дней, они всегда безлюдны, безмолвны, пустынны, и почти совершенно исчезаютъ, когда снѣгъ покрываетъ однообразной бѣлой пеленой землю, растенія и крыши домовъ: они сливаются тогда съ окружающимъ пространствомъ.

Верхоленскъ, находящійся, какъ показываетъ его имя, на верхней Ленѣ, есть одна изъ этихъ административныхъ деревень, получившихъ названіе городовъ; населенный нѣсколькими сотнями русскихъ, окруженный бурятскими и тунгусскими становищами, онъ имѣетъ нѣкоторое зна-

---

[1]) *Кривощапкинъ*, Енисейскій округъ.

[2]) *Акад. Шифнеръ*, Bulletin de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, tome III, IV.

[3]) *Врангель*, цитированное сочиненіе.

[4]) *Венюковъ*, Этнографическая карта Азіатской Россіи; *К. Нейманъ*, Записки Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества.

ченіе только какъ первая торговая станція между Иркутскомъ и Якутскомъ, при началѣ судоходства по Ленѣ. Киренскъ, при сліяніи Киренги и Лены, также обязанъ кое-какимъ торговымъ движеніемъ своему положенію близъ волока, посредствомъ котораго бассейнъ Лены соединяется съ бассейномъ Нижней Тунгузки. Олекминскъ, въ округѣ котораго, въ мореновыхъ отложеніяхъ, находятся богатѣйшія въ Сибири золотоносныя розсыпи [1]), представляетъ еще менѣе значительное мѣстечко, чѣмъ два предъидущіе „города“, хотя онъ построенъ при выходѣ длинной долины рѣки Олекмы, которая даетъ доступъ, кратчайшимъ путемъ, изъ Якутска къ сѣверной вѣтви Амура. Отъ этого поселенія, состоящаго изъ двадцати четырехъ домишекъ, до ближайшаго города, Якутска, разстояніе около 600 верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи рѣчной долины существуютъ лишь рыбачьи деревушки, да постоялые дворы для судовщиковъ.

Областной городъ Якутскъ, занимающій очень выгодное мѣстоположеніе, близъ лѣваго берега рѣки, на той части теченія Лены, которая наиболѣе приближается къ Тихому океану, и недалеко отъ сліянія главной рѣки съ Алданомъ и Вилюемъ, сдѣлался настоящимъ городомъ, если принять во вниманіе трудную борьбу, которую въ этихъ негостепріимныхъ странахъ человѣкъ долженъ выдерживать противъ чрезвычайно суроваго климата. Правда, два болѣе многолюдные города, Архангельскъ и Трондгьемъ, находятся въ еще меньшемъ разстояніи отъ полюса, но стужа въ этихъ населенныхъ мѣстахъ далеко не такъ жестока, и почва тамъ не остается круглый годъ замерзшей. Якутскъ — самый холодный городъ въ свѣтѣ, и средняя температура его климата та же самая, какъ на вершинѣ Монъ-Блана; несмотря на то, тамъ живутъ постоянно около пяти тысячъ человѣкъ, а во время ярмарки, на которой производится мѣновая торговля шкурами пушныхъ звѣрей и съѣстными припасами на сумму болѣе милліона рублей, туда пріѣзжаютъ изъ другихъ мѣстъ тысячи звѣролововъ, купцовъ, судовщиковъ. Правда, что между обитателями Якутска есть много такихъ, которые живутъ тамъ противъ воли, это — солдаты, чиновники и ссыльные. Въ царствованіе императора Николая этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ ссылки для политическихъ преступниковъ; впослѣдствіи туда стали водворять на жительство преимущественно ссылаемыхъ по дѣламъ, касающимся религіи.

Вилюйскъ, жалкая деревушка, главный населенный пунктъ большой долины рѣки Вилюя и мѣсто ссылки государственныхъ преступниковъ; Верхо-Янскъ на Янѣ, Средне-Колымскъ, на Колымѣ, и Нижне-Колымскъ, основанный въ 1644 году на той же рѣкѣ, также причисляются оффиціально къ городамъ. Булунъ или Булани, пристань на нижней Ленѣ, еще не возведенъ на степень города, а Жиганскъ, мѣстечко

---

[1]) *Кроноткинъ*, рукописныя замѣтки.

на берегу Лены, на половинѣ дороги изъ Якутска въ Булунъ, былъ исключенъ изъ числа штатныхъ городовъ.

„Города“ бассейновъ Лены и восточныхъ рѣкъ:

Якутскъ, въ 1873 г. . .	4,830 жит.	Олекминскъ	500 жит.
Верхоленскъ	970 „	Вилюйскъ	390 „
Киренскъ	820 „	Верхоянскъ	330 „
Средне-Колымскъ въ 1873 г.	590 „	Нижне-Колымскъ . . .	200 „

VI.

БЕРИНГОВЪ ПОЛУОСТРОВЪ, БАССЕЙНЪ АНАДЫРА И КАМЧАТКИ; ЧУКЧИ, КОРЯКИ И КАМЧАДАЛЫ.

Сѣверо-восточный уголъ Сибири и полуостровъ Камчатка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣляются отъ континентальной массы Азіи; они обращены къ Америкѣ, и даже нѣкоторыя изъ ихъ бухтъ лучше извѣстны и чаще посѣщаются американскими мореходами, чѣмъ русскими судами; различные пункты морскаго прибрежья въ сосѣдствѣ Берингова пролива носятъ англійскія названія, которыми они обязаны китоловамъ, приходящимъ изъ Новой Англіи и изъ Санъ-Франциско. Нѣкоторыя изъ инородческихъ племенъ, населяющихъ эту страну, по своей родственной связи, тоже, кажется, ближе стоятъ къ американскимъ аборигенамъ, нежели къ туземнымъ народцамъ Азіи. Словомъ изъ всѣхъ частей Сибири ни одна не осталась болѣе чуждой славянскому міру, не смотря на давнее завоеваніе края русскими.

Цѣпь горъ, извѣстная подъ именемъ „Становаго хребта“, соединяется съ горными массами Чукотской Земли и полуострова Камчатки лишь неправильными отрогами и неопредѣленными плоскогорьями. Гряда высотъ, болѣе другихъ представляющая видъ правильной цѣпи, направляется отъ востока къ западу, на югѣ отъ полярнаго круга, и служитъ раздѣльной линіей между сѣверными притоками рѣки Анадыръ и Ледовитымъ океаномъ; самыя возвышенныя верхушки этой гряды достигаютъ, какъ говорятъ, 4,920 футовъ высоты [1]). Можно сказать вообще, что гористая плоская возвышенность, заключающаяся между двумя краевыми цѣпями Становаго и Верхоянскаго хребтовъ, оканчивается на западной сторонѣ Анадырскаго бассейна длинной стѣной, въ родѣ мола, имѣющей около 2,000 средней высоты и поднимающей свои высочайшія вершины почти на 3,000 футовъ [2]); это, такъ сказать, оконечность континенталь-

---

[1]) *Karl Neumann*, Globus, 1874 г.

[2]) *Karl Neumann*, цитированная статья.

наго остова. Далѣе горныя массы имѣютъ уже островной характеръ. Фьорды, которыми изрѣзана восточная часть Берингова полуострова, представляютъ остатки проливовъ, отдѣлявшихъ когда-то острова отъ материка. Такъ, Беринговъ полуостровъ въ собственномъ смыслѣ дѣлится на два второстепенные полуострова, соединенные съ твердой землей узкой полосой или перешейкомъ, имѣющимъ не болѣе 100 верстъ ширины. Притомъ вся эта полуостровная область отличается очень неровнымъ рельефомъ почвы. Сердце-Камень, послѣдній выступъ материка на морскомъ берегу, обращенномъ къ сѣверу, имѣетъ болѣе 1,000 футовъ высоты; Восточный мысъ, азіатскій пилонъ Берингова пролива, поднимается верхушками своихъ утесовъ до высоты 2,320 футовъ; Чукотскій носъ, который выдвигается уже въ Тихій океанъ, напротивъ острова св. Лаврентія, возвышается на 2,720 футовъ надъ поверхностью моря; другіе мысы достигаютъ еще большей высоты [1]). На полночной оконечности бухты Этелькунемъ, открывающейся на сѣверной сторонѣ Анадырскаго залива, виднѣется даже огромная гора; эта гора, Макачинга, съ черными выступами, раздѣленными бѣлыми, наполненными снѣгомъ, оврагами, достигаетъ 8,800 футовъ высоты [2]): подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ это самая высокая вершина Стараго и Новаго Свѣта.

Горныя цѣпи, соединяющія полуостровъ Камчатку съ твердой землей, также составляютъ отдѣльную орографическую систему. Кажется, что въ общемъ своемъ направленіи онѣ тянутся параллельно послѣднимъ отрогамъ Становаго хребта, то-есть отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Такъ, цѣпь высотъ, начинающаяся вдоль западнаго берега, съ самой широкой части полуострова, продолжается вдоль береговъ Берингова моря и оканчивается при входѣ въ Анадырскій заливъ; однако этотъ хребетъ долженъ быть разсматриваемъ преимущественно какъ краевая цѣпь гористой плоской возвышенности, которою продолжается на западѣ плоскогорье Верхне-анадырское, и которая представляетъ во многихъ мѣстахъ видъ настоящей степи: на этихъ пространствахъ пасутся лѣтомъ многочисленныя оленьи стада коряковъ [3]). Въ общемъ рельефѣ полуострова Камчатки западныя высоты, господствующія надъ Охотскимъ моремъ, болѣе возвышены, чѣмъ правильныя цѣпи и горныя массы восточнаго берега, омываемаго Тихимъ океаномъ; но къ хребтамъ изъ гранита, порфира и палеозойскихъ сланцевъ, составляющихъ древній остовъ полуострова, впослѣдствіи прибавились вулканическія горныя породы: трахиты, базальты, лавы, шлаки новѣйшей формаціи, которые поднялись на высоту гораздо бо́льшую сравнительно съ возвышеніемъ другихъ горныхъ цѣпей. Эти конусообразныя горы недавняго образованія иззубрили мысами восточный

[1]) *Bove*, Bollettino della Società Geografica Italiana, декабрь, 1879 г.
[2]) *Bove*, цитированная статья.
[3]) *G. Kennan*, Tent-Life in Siberia.

берегъ Камчатки, изливая свои потоки лавы въ море; тогда какъ кривая береговая линія полуострова, обращенная къ западу, отличается замѣчательной правильностью, сторона, обращенная къ востоку, изрѣзана бухтами и бухточками самыхъ разнообразныхъ формъ. Одинъ изъ этихъ маленькихъ заливовъ, открывающійся недалеко отъ полуденной оконечности Камчатки, есть знаменитая губа Авачинская, одна изъ бухтъ, оспаривающихъ у Ріо-де-Жанейро и у Санъ-Франциско право на названіе „лучшаго порта въ свѣтѣ“.

Вулканы полуострова Камчатки оканчиваютъ на сѣверѣ изогнутую цѣпь Курильскихъ острововъ, которая обращена своей выпуклой стороной къ открытому морю, какъ и другія цѣпи островныхъ группъ Тихаго океана, расположенныхъ въ видѣ дуги круга, каковы острова Филиппинскіе, Ліу-Кіу, Японскіе, Алеутскіе. Около половины восточнаго прибрежья Камчатки двѣ дуги круга смыкаются, и именно въ точкѣ соединенія двухъ трещинъ поднимаются самые высокіе и наиболѣе дѣятельные вулканы полуострова. Около сорока горъ Камчатки очевидно вулканическаго происхожденія: ихъ конусообразная форма, существованіе кратеровъ на ихъ вершинахъ или на склонахъ, потоки лавы, вылившіеся когда-то изъ ихъ трещинъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи; но въ настоящее время насчитываютъ не болѣе десятка или дюжины горъ, подземный очагъ которыхъ еще выбрасываетъ вулканическіе шлаки, пепелъ или пары. Колоссъ всѣхъ этихъ дымящихся горъ, Ключевская сопка, высится недалеко отъ моря, непосредственно на югѣ отъ большой долины, по которой протекаетъ рѣка Камчатка; онъ окруженъ нѣсколькими рядами террасъ и второстепенныхъ вершинъ, образующими какъ-бы громадный пьедесталъ исполинской горы, основаніе которой имѣетъ не менѣе 310 верстъ въ окружности. Вершина сопки, растрескавшаяся во всѣхъ направленіяхъ, постоянно дымится и выбрасываетъ пепелъ, даже по два и по три раза въ годъ; взрывы мелкихъ каменныхъ обломковъ иногда распространяли вулканическую пыль на разстояніе до 300 верстъ и покрывали снѣжныя равнины слоемъ въ нѣсколько сантиметровъ толщины, мѣшая такимъ образомъ камчадаламъ путешествовать на собакахъ, запряженныхъ въ сани. Одно изъ изверженій, о которомъ разсказываетъ Крашенинниковъ, продолжалось четыре года, съ 1727 до 1731; изверженіе 1737 года, гораздо болѣе сильное, сопровождалось изліяніемъ огромныхъ потоковъ лавы и таяніемъ ледниковъ, причемъ окружающія долины были залиты водяными лавинами, образовавшимися изъ растопленнаго льда[1]). Въ 1854 году другая огненная рѣка спустилась съ вершины Ключевской сопки; но очевидцами и наблюдателями этихъ явленій,

[1]) *Alexis Perrey*, Annales des sciences philosophiques et naturelles de Lyon, 1864, tome VIII.

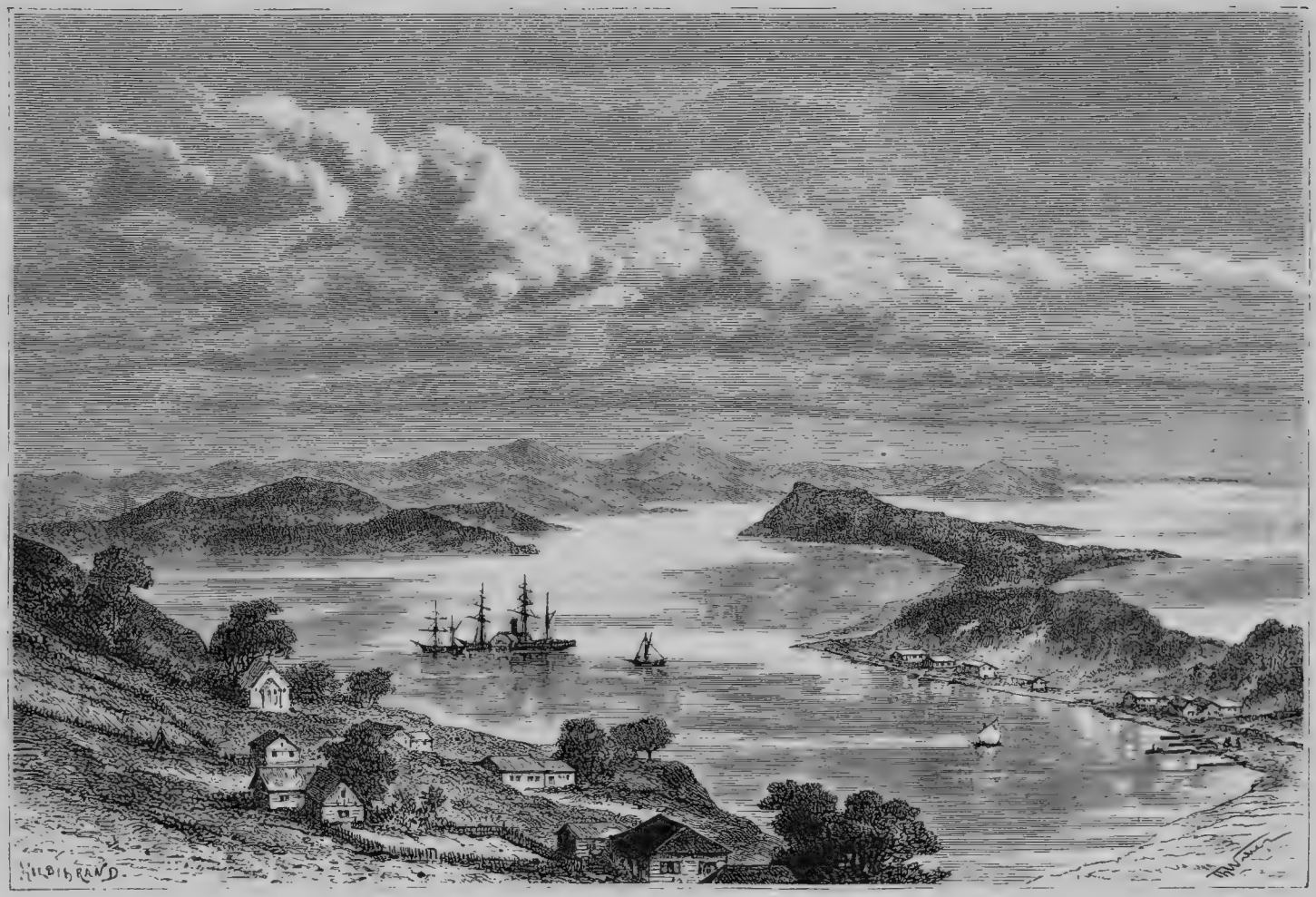
равныхъ или даже превосходящихъ, по энергіи дѣйствія, подобныя же явленія, имѣющія мѣсто на Везувіи и на Этнѣ, бываютъ только немногочисленные камчадалы да нѣсколько русскихъ чиновниковъ; новость объ изверженіяхъ камчатскихъ сопокъ теряется прежде, чѣмъ успѣетъ возбудить общественное вниманіе въ Америкѣ и Европѣ. Сильныя землетрясенія тоже часто колебали Камчатку и окружающія ее воды. Въ 1737 году одно изъ сотрясеній, какъ говорятъ, подняло морскія волны въ видѣ громаднаго вала высотою въ 28 саженъ (?), который обрушился на берега, смылъ юрты камчадаловъ и обнаружилъ на днѣ морскомъ скалы, которыхъ туземцы прежде никогда не видали. Приводимъ высоты главныхъ вулкановъ Камчатки, выраженныя въ метрахъ:

Ключевская сопка,	вулканъ	дѣйствующій	4,804 м.
Коряковская „	„	„	3,420 „
Ушкина „	„	потухшій.	3,352 „
Шевелючъ „	„	дѣйствующій	3,215 „
Кроноцкая „	„	потухшій	3,034 „
Крестовская „	„	„	2,700 „
Жупановская „	„	дѣйствующій	2,589 „
Авача „	„	„	2,548 „
Большая Толбача „	„	„	2,377 „
Вилючинская сопка „		потухшій.	2,060 „

Сѣверная часть полуострова Камчатки, лежащая внѣ очага, образуемаго соединеніемъ цѣпи Курильскихъ острововъ съ дугой Алеутскихъ, какъ кажется, гораздо менѣе подвержена землетрясеніямъ, чѣмъ полуденная область; подземная дѣятельность проявляется тамъ лишь горячими ключами. Впрочемъ, источники горячей воды бьютъ изъ земли также и на Беринговомъ полуостровѣ: они во многихъ мѣстахъ пробиваются на поверхность ручейками посреди перешейка, раздѣляющаго этотъ полуостровъ на двѣ половины.

Анадыръ — единственная рѣка сѣверо-восточной Сибири, которая можетъ быть сравниваема, въ отношеніи поверхности бассейна и длины теченія, съ рѣками той-же важности, какъ рѣки западной Европы; но, протекая отчасти подъ полярнымъ кругомъ, она прорѣзываетъ лишь пустынныя пространства тундры; маленькое укрѣпленіе или острогъ Анадырскъ, построенный въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, какъ складочное мѣсто для шкуръ пушнаго звѣря, былъ покинутъ его русскимъ гарнизономъ, и чукчи предали его пламени; это укрѣпленіе замѣнено теперь четырьмя небольшими деревнями, общее населеніе которыхъ не превышаетъ 200 душъ и состоитъ изъ чуванцевъ, юкагировъ и казаковъ, имѣющихъ одинаковые полудикіе нравы, хотя всѣ они говорятъ русскимъ языкомъ [1]). Анадыръ, также какъ большая часть другихъ рѣкъ и рѣчекъ

[1]) *Rennan*, Tent-Life in Siberia.



„ЗОЛОТОЙ РОГЪ“ ВО ВЛАДИВОСТОКѢ.

Чукотской земли и Камчатки, до такой степени изобилуетъ рыбой въ періодъ восхожденія ея для метанія икры, что вода рѣчная кажется живой и буквально кишитъ рыбами. Когда несмѣтныя стаи нельмы плывутъ вверхъ по теченію, вода выше этой движущейся массы поднимается на подобіе бара; рыбы такъ густо скучены, что ихъ можно брать рукой, даже собаки сами ходятъ ловить рыбу и медвѣдь таскаетъ ее лапой прямо изъ воды. Случается, что вода становится на нѣкоторое время совершенно негодной для питья по причинѣ невыносимаго запаха и вкуса, которые сообщили ей милліоны мертвыхъ и разлагающихся животныхъ организмовъ.

Рѣка Камчатка, отъ которой полуостровъ получилъ свое названіе, не имѣетъ и половины длины Анадыра; но, протекая гораздо южнѣе, черезъ равнины, отличающіяся большимъ природнымъ плодородіемъ и сверхъ того еще удобряемыя вулканическимъ пепломъ, она орошаетъ мѣстности, кое-гдѣ покрытыя воздѣланными полями, и на берегахъ ея мы находимъ около двадцати селеній, камчадальскихъ и русскихъ. Это въ дѣйствительности главная рѣка Камчатки, хотя названіе „Большая Рѣка“ было дано русскими поселенцами другой рѣкѣ, изливающейся на западъ въ Охотское море, недалеко отъ полуденной оконечности полуострова.

Моря, омывающія сѣверо-восточные полуострова Сибири, не глубоки. Если оконечность азіатскаго материка, обращенная къ Америкѣ, изрѣзана на отрывки фьордами, которые, такъ сказать, стремятся сдѣлаться перешейками, то, взамѣнъ того, дно моря лежитъ настолько близко къ поверхности, что можетъ быть разсматриваемо какъ часть континентальной почвы. Мелкія морскія воды, простирающіяся вдоль прибрежья сѣверной Сибири, отъ мысовъ Таймырскаго полуострова до Земли Врангеля, продолжаются до конечной точки Берингова полуострова, затѣмъ по ту сторону пролива, вдоль береговъ Сѣверной Америки. Туземнымъ жителямъ, чукчамъ, не безъизвѣстно, что Азія и Америка соединены между собой подводными мелями; они говорятъ даже, что эти два материка прежде соединялись перешейкомъ, и два звѣролова разсказывали путешественнику Нейману, какъ этотъ перешеекъ провалился въ море во время страшной битвы, происходившей между однимъ богатыремъ и бѣлымъ медвѣдемъ. Наибольшая глубина воды, найденная до сихъ поръ лотомъ, между двумя крайними, противолежащими полуостровами Стараго и Новаго Свѣта, оказалась 27,2 саженъ; но средняя глубина, данная промѣрами, сдѣланными во всѣхъ азіатскихъ и американскихъ водахъ, заключающихся между Беринговымъ проливомъ, островомъ св. Лаврентія и дельтой рѣки Юкона, не достигаетъ даже 19 саженъ. Настоящій океанъ, съ его пучинами, начинается, съ одной стороны, лишь на сѣверѣ отъ Земли Врангеля, съ другой—лишь въ открытомъ морѣ на широтѣ Камчатки, между

этимъ полуостровомъ и Алеутскими островами, гдѣ открывается впадина глубиною около версты. Но на югѣ отъ гряды острововъ ложе Тихаго океана понижается и образуетъ, на широтѣ Японіи, самую глубокую пропасть, какая до сихъ поръ была найдена подъ массой морскихъ водъ: въ этомъ мѣстѣ свинцовая гиря лота опускается на 8 верстъ (8,573 метра). Въ почти замкнутомъ бассейнѣ Охотскаго моря наибольшая глубина 652 метра [1]).

Узкія Берингови ворота, ведущія изъ Ледовитаго океана въ Тихій, хотя онѣ представляютъ простую царапину земной коры, получили капитальную важность въ исторіи географическихъ открытій. Однако первое путешествіе, совершенное съ цѣлью изслѣдованія этой области моря, путешествіе Дежнева, было долгое время забыто; прошло восемьдесятъ лѣтъ прежде, чѣмъ были предприняты, по совѣту Лейбница, новыя путешествія въ этомъ направленіи и прежде чѣмъ Берингъ объѣхалъ, отъ Анадырскаго залива до Сердце-Камня, сибирскій полуостровъ, носящій его имя. Въ 1741 году онъ во второй разъ пустился по этимъ морямъ, чтобы изслѣдовать американскіе берега; но это плаваніе окончилось несчастливо: на обратномъ пути корабль его, гонимый противными вѣтрами, сѣлъ на мель у самаго большаго изъ острововъ, названныхъ въ честь его „Командорскимъ“ архипелагомъ; могила отважнаго мореплавателя, недавно совершенно разрушенная, видна еще на „Беринговомъ островѣ“, длинномъ выступѣ изъ высокихъ скалъ вулканическаго происхожденія, который, очевидно, составляетъ западный столбъ образуемаго Алеутскими островами криваго моста, перекинутаго черезъ море отъ вулкановъ Аляски къ большой дымящейся горѣ полуострова Камчатки, къ Ключевской сопкѣ. Кукъ тоже объѣхалъ Берингово море и осмотрѣлъ, лавируя, всю сѣверную воронку пролива, но не доходилъ до Земли Врангеля. Послѣ него другіе знаменитые мореплаватели, какъ Литке, Коцебу, также посѣтили Беринговъ проливъ и сосѣднія моря, не говоря уже о постоянномъ плаваніи многочисленныхъ китоловныхъ судовъ, которыхъ иногда въ одинъ годъ видѣли до четырехъ сотъ въ тѣхъ водахъ Наконецъ, Макъ-Клюръ, пройдя черезъ Беринговъ проливъ, объѣхалъ, въ 1850 году, вокругъ Америки, а профессоръ Норденшельдъ, въ 1879 году, обогнулъ мысъ Восточный, доказавъ такимъ образомъ, что „сѣверо-восточный проходъ“, столь долго отыскиваемый мореплавателями, сталъ возможнымъ съ той поры, какъ судоходство начало пользоваться услугами пара.

Какъ срединный проломъ огромнаго полукруга земель, который развертывается на протяженіи почти 40,000 верстъ, отъ Мыса Доброй Надежды до мыса Горнъ, Беринговъ проливъ есть естественно одна изъ

---

[1]) *Старицкій*, Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, VIII, 1872 г., № 5; Извѣстія Русск. Географ. Общества, IX, 1873 г., № 9.

тѣхъ океанскихъ областей, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе для системы воздушныхъ и морскихъ теченій. Вѣтры, которые на материкахъ Азіи и Америки ударяются о плоскія возвышенности и цѣпи холмовъ или горъ, находятъ свободный проходъ на проливѣ. Массы теплаго воздуха, залегающія надъ Тихимъ океаномъ, и массы холоднаго воздуха, приходящія отъ сѣвернаго полюса, движутся въ противоположномъ направленіи въ этомъ узкомъ проходѣ, стараясь вытѣснить одна другую. Въ морскихъ воротахъ образуются противоположныя теченія, и вслѣдствіе различной плотности воздуха, располагаются правильными слоями одно надъ другимъ, какъ маленькіе воздушные токи, какіе можно наблюдать, если пріотворить дверь изъ теплой комнаты въ холодныя сѣни. Во время зимовки, проведенной въ 1879 году близъ сѣвернаго входа въ Беринговъ проливъ, баронъ Норденшельдъ констатировалъ, что ледяной вѣтеръ, идущій съ сѣверо-запада и скользящій по поверхности водъ, постоянно дулъ съ Ледовитаго океана по направленію къ Тихому, пригоняя къ берегу ледяныя площади и груды разломаннаго льда, вздымающіяся въ видѣ холмовъ, тогда какъ вверху полосы облаковъ, безпрестанно движущіяся съ юга на сѣверъ, доказывали существованіе встрѣчнаго воздушнаго теченія. Подобно тому, два противоположныя океанскія теченія направляются на встрѣчу одно другому, но узкое и мелководное пространство, которое имъ отмѣриваютъ Беринговы ворота, не позволяетъ этимъ морскимъ рѣкамъ свободно развиваться. Масса тропическихъ водъ, направляющаяся изъ Южнаго моря къ сѣверной части Тихаго океана, течетъ изъ Японскихъ морей къ Берингову морю, черезъ многочисленные пробѣлы гряды Алеутскихъ острововъ; но ударяясь о подводные высокіе берега мелей, соединяющихъ Азію съ Америкой, она должна почти вся течь обратно къ югу, чтобы слѣдовать вдоль морскихъ береговъ Новаго Свѣта. Студеныя воды Полярнаго океана низвергаются въ сѣверное воронкообразное углубленіе Берингова пролива, но отъ дѣйствія вращательнаго движенія земнаго шара онѣ уклоняются вправо и слѣдуютъ главной своею массой параллельно азіатскому берегу, надъ бороздой наибольшихъ глубинъ, которая проходитъ между Беринговымъ полуостровомъ и островомъ св. Лаврентія. Съ другой стороны, небольшое количество теплой воды, которое японское теченіе Куро-Сиво или „Черный Потокъ“ гонитъ къ Алеутскимъ островамъ, направляется на сѣверъ и утекаетъ черезъ Беринговъ проливъ. Г. Онацевичъ убѣдился въ существованіи теченія относительно теплой воды, направляющагося отъ Восточнаго мыса къ Сердце-Камню [1]). Такимъ образомъ въ проходѣ, соединяющемъ Тихій океанъ съ Ледовитымъ, установляется нѣчто въ родѣ водоворота, съ мая до сентября, впродолженіе короткаго лѣтняго сезона, разламывающаго

[1]) Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 4.

ледяной мость между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Въ это время можно видѣть, какъ большія ледяныя глыбы спускаются длинными вереницами вдоль азіатскаго берега, тогда какъ меньшія льдины несутся въ противоположномъ направленіи, отъ юга къ сѣверу, у береговъ Америки. Впрочемъ, ни одна изъ кристаллическихъ массъ, увлекаемыхъ теченіемъ въ ту или другую сторону, не заслуживаетъ названія „ледяной горы“; такъ какъ погруженная въ воду часть среднимъ числомъ представляетъ семерную толщину наружной, выступающей изъ-подъ воды, части, то всякая ледяная глыба, возвышающаяся надъ поверхностью моря болѣе, чѣмъ на 5 метровъ, садится на мель на какомъ-нибудь подводномъ берегу прежде, чѣмъ достигнетъ пролива. Въ бассейнахъ почти замкнутыхъ Охотскаго и Японскаго морей воды движутся подобнымъ-же образомъ. Каждому теченію, идущему съ юга, соотвѣтствуетъ встрѣчное теченіе, направляющееся въ противоположную сторону [1]).

Видъ растительности на обоихъ берегахъ Берингова пролива свидѣтельствуетъ о противоположности климатовъ. Въ то время, какъ американскій берегъ покрытъ лѣсами даже на довольно большомъ разстояніи къ сѣверу отъ мыса Принца Валлійскаго, азіатскій берегъ не имѣетъ другой растительности, кромѣ мховъ и лишаевъ да кое-какихъ маленькихъ приземистыхъ деревцовъ, пріютившихся въ лощинахъ. Издали это прибрежье кажется совершенно голымъ. Поясъ, лишенный древесныхъ породъ, обнимаетъ весь Беринговъ полуостровъ, берега Анадырскаго залива, и даже продолжается на югъ отъ послѣдняго вплоть до самаго основанія полуострова Камчатки. Но эта послѣдняя земля, хотя она почти вся лежитъ на сѣверѣ отъ изотермической линіи точки замерзанія, очень богата лѣсами и доставляетъ даже хорошій корабельный лѣсъ для флота. Камчатская флора заключаетъ большую часть сибирскихъ деревъ, лиственницу и различныя породы другихъ хвойныхъ, березу, рябину, тополь, иву; многочисленные ягодные кусты растутъ въ подлѣсьѣ и составляютъ одинъ изъ источниковъ продовольствія для мѣстныхъ жителей. Послѣдніе выкапываютъ изъ земли коренья и клубни, которые служатъ имъ пищей или употребляются для приготовленія опьяняющихъ напитковъ; они ѣдятъ также молодую, еще зеленую кору березы, смѣшанную съ икрой [2]). Въ нѣкоторыхъ долинахъ, особенно въ долинѣ рѣки Камчатки, гдѣ почва необычайно плодородна, травы часто превышаютъ ростъ человѣка и русскіе поселенцы косятъ сѣно до трехъ разъ въ годъ. Культура хлѣбныхъ растеній, предпринимавшаяся въ разныя времена, до сихъ поръ не удавалась; хотя климатъ довольно равномѣрный, благодаря сосѣдству моря, окружающаго страну со всѣхъ сторонъ, но туманы и из-

[1]) *Schrenk*, Strömungsverhältnisse im Ochotskischen und Japanischen Meere.
[2]) *Крашенинниковъ*, Описаніе земли Камчатки.

морозь, совпадающіе со временемъ цвѣтенія злаковъ, почти всегда убивали растенія, даже въ долинахъ наилучше защищенныхъ отъ дѣйствія холодныхъ вѣтровъ; изъ зерновыхъ хлѣбовъ овесъ всего чаще достигаетъ полнаго вызрѣванія. Конопля сѣется и родится, но не въ такомъ количествѣ, чтобы пенька могла замѣнить, въ фабрикаціи камчадальскихъ рыболовныхъ снастей, дикую крапиву, растущую на равнинахъ и достигающую двухъ аршинъ въ вышину. Огородничество имѣло больше успѣха, чѣмъ земледѣліе въ собственномъ смыслѣ, и теперь туземцы воздѣлываютъ, въ тысячахъ огородовъ, капусту, картофель, свеклу, рѣпу, морковь и другіе овощи, введенные изъ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Однако, эти растительные продукты, въ соединеніи съ древесной корой, ягодами или корнями растеній, даютъ камчадаламъ лишь незначительную часть того, что необходимо для ихъ существованія и для прокормленія ихъ собакъ, безъ которыхъ имъ почти невозможно было-бы выходить зимой изъ своихъ хижинъ. Въ четыре лѣтніе мѣсяца имъ нужно сдѣлать запасъ сушеной рыбы на восемь мѣсяцевъ, когда земля и воды покрыты снѣгомъ и льдомъ; нормальный кормъ одной камчадальской собаки впродолженіе зимы состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ штукъ рыбы, а запасъ, потребный для содержанія шести собакъ, составляющихъ обыкновенную упряжку однихъ санокъ, можетъ превышать сотню тысячъ сельдей [1]). Кромѣ того, нужно прокормить семью, и если природа оказывается враждебной, если рыбная и звѣриная ловля не доставляютъ необходимыхъ запасовъ, голодная смерть является неизбѣжной; зима и голодовка—слова синонимическія для большинства туземныхъ обитателей Камчатки.

Животное царство сѣверо-восточной Сибири богаче фауны западныхъ арктическихъ областей: вѣроятно, причину этого слѣдуетъ искать въ формѣ континента, который, съуживаясь къ Берингову проливу, сближаетъ животныхъ, переселяющихся съ запада, съ животными, приходящими съ юга; кромѣ того, нѣкоторые американскіе виды, птицы, перелетающія черезъ проливъ, четвероногія, переходящія его зимой по льду, прибавились къ азіатской фаунѣ Чукотскаго полуострова [2]). Въ этой землѣ изъ млекопитающихъ альпійскій заяцъ встрѣчается всего чаще, даже въ сосѣдствѣ юртъ, и несмотря на стаи голодныхъ собакъ, рыскающихъ въ окрестностяхъ человѣческихъ жилищъ. Изъ другихъ четвероногихъ этой странѣ свойственны медвѣдь, сурокъ, ласка, выдра, а дикіе олени бродятъ, стадами въ нѣсколько тысячъ головъ [3]), въ гористыхъ мѣстностяхъ верхняго бассейна Анадыра. Змѣи, лягушки, жабы не водятся ни въ сѣверо-восточной Сибири, ни въ Камчаткѣ; но фауна этого полуострова заключаетъ одинъ видъ пресмыкающихся—ящерицъ, на которыхъ туземцы

[1]) *F. von Wrangell*, Siberia and the Polar Sea.
[2]) Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1853 г.
[3]) *Врангель*; *Норденшельдъ*, Сѣверо-восточный проходъ.

прежде смотрѣли какъ на зловѣщихъ звѣрей, какъ на соглядатаевъ злыхъ духовъ земли; примѣтивъ ящерицу, туземцы старались догнать ее и изрубить на куски, дабы она не могла донести, на кого былъ направленъ ея фатальный взоръ [1]).

Благодаря своимъ относительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, Камчатка, естественно, гораздо болѣе богата животными видами, чѣмъ Беринговъ полуостровъ и бассейнъ рѣки Анадырь. Пеструшки или леммпнги (myodes torquatus) и другіе виды мелкихъ грызуновъ водятся тамъ въ несмѣтномъ множествѣ, и нерѣдко можно видѣть, какъ они милліонами переплываютъ по прямой линіи черезъ рѣки, озера, даже черезъ морскіе заливы и проливы, преслѣдуемые и пожираемые стаями хищныхъ рыбъ; на берегахъ путешественники иногда должны были стоять по цѣлымъ часамъ, выжидая пока передъ ними продефилируетъ громадная армія маленькихъ звѣрковъ. Эти великія переселенія продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ, и проходимыя животными пространства превышаютъ тысячу верстъ. Такъ, камчатскія пеструшки отправляются весной, потомъ, обойдя вокругъ Пенжинскаго залива, на сѣверной сторонѣ Охотскаго моря, онѣ достигаютъ своихъ лѣтнихъ становищъ на западномъ берегу около половины іюля, и обыкновенно возвращаются въ Камчатку не ранѣе октября мѣсяца. Впрочемъ, странствованія не предпринимаются регулярно каждый годъ, а на берегахъ Чукотской Земли, по словамъ спутника Норденшельда, Бове, пеструшки — животныя осѣдлыя и живущія уединенно [2]). Камчадалы очень радуются, когда видятъ, что пеструшки не приготовляются, въ обычную пору, покинуть свои зимнія становища: у нихъ это считается вѣрной примѣтой, что лѣто будетъ счастливое, урожайное, и что они будутъ имѣть въ изобиліи всѣ земныя блага. Пеструшки, очень промышленныя и экономныя, собираютъ свои запасы зеренъ и корней въ большіе подземные склады, которые онѣ, говорятъ, прикрываютъ, отправляясь въ дальнее странствованіе, ядовитыми травами, для того, чтобы воспрепятствовать другимъ породамъ грызуновъ расхищать ихъ запасы: таковъ разсказъ, передаваемый, со словъ туземцевъ, Крашенинниковымъ, который, впрочемъ, самъ не вполнѣ вѣритъ этому. Камчадалы, во время голодовки, тоже приходятъ черпать изъ этихъ запасовъ, но всегда кладутъ на мѣсто взятаго икру или рыбьи остатки, чтобы не довести пеструшекъ до отчаянія и сохранить при себѣ этихъ благодѣтельныхъ поставщиковъ.

Многіе животные виды уменьшились въ числѣ на полуостровѣ Камчаткѣ и въ Чукотской Землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ явились русскіе промышленники звѣроловы и систематически принялись за дѣло истребленія.

---

[1]) *Крашенинниковъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Bove*, Bollettino della Società Geografica Italiana, декабрь, 1879 г.

Пушныя животныя, доставляющія драгоцѣнные мѣха: соболи, горностаи россомахи, лисицы, теперь уже рѣдко встрѣчаются въ сѣверныхъ областяхъ, и многіе звѣроловные посты пришлось совершенно покинуть по причинѣ отсутствія дичи; но въ Камчаткѣ еще убиваютъ ежегодно отъ шести до девяти тысячъ соболей, шкурки которыхъ отправляются въ Россію американскими купцами, поселившимися въ Петропавловскѣ и на берегу Охотскаго моря. Лисицы различныхъ породъ и въ особенности песцы были въ прошломъ столѣтіи самымъ обыкновеннымъ дикимъ животнымъ на полуостровѣ; камчадалы отгоняли ихъ палками отъ своихъ юртъ, и несмотря на то, когда давали кормъ собакамъ, лисицы всегда являлись принять участіе въ собачьей трапезѣ. Днемъ и ночью эти хитрые грабители пробирались въ хижины дикарей и овладѣвали всѣмъ съѣстнымъ, грызли обувь, разрывали шубы спящихъ камчадаловъ; съ изумительной изобрѣтательностью и ловкостью они умѣли доставать съѣстные припасы, положенные на столбахъ или повѣшенные на бревнахъ сруба избы [1]). Теперь это животное сдѣлалось рѣдкимъ въ Камчаткѣ, да и тѣ представители его, которые еще остались въ краѣ, кажется, не носятъ уже дорогой синевато-черной или чернобурой шубы своихъ предковъ, но бѣлый мѣхъ, не имѣющій большой цѣны [2]).

Но всего сильнѣе и замѣтнѣе было истребленіе животныхъ видовъ въ области моря: тамъ нѣкоторые виды, еще недавно существовавшіе въ большомъ числѣ, теперь совершенно исчезли. Около половины нынѣшняго столѣтія Беринговo море изобиловало китами, которые играли тамъ въ огромномъ множествѣ, и американскія китобойныя суда, приходившія преимущественно изъ Нью-Бедфорда и другихъ портовъ Новой Англіи, направлялись сотнями къ этимъ водамъ Тихаго океана. Въ настоящее же время въ Беринговомъ морѣ, подобно тому, какъ въ водахъ окружающихъ Шпицбергенъ и другія области Атлантическаго океана, попадаются лишь случайно заблудившіяся китообразныя животныя, и китоловы должны идти искать свою добычу гораздо далѣе на сѣверъ, въ заливы Ледовитаго океана. Говорятъ, на западѣ отъ Сердце-Камня теперь уже не встрѣтишь ни одного кита [3]). Предсказываютъ, что уже не далеко то время, когда отважные мореходы, почти исключительно американцы, принимающіе участіе въ опасномъ китоловномъ промыслѣ, не захотятъ болѣе подвергаться риску въ виду незначительной и невѣрной прибыли. Главная опасность, которой подвергаются китоловныя суда, предпринимающія экспедицію въ широты полярнаго пояса, заключается въ возможности быть запертымъ льдами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ четырнадцать су-

[1]) *Steller*; *Von Middendorff*, Sibirische Reise.
[2]) *G. Rennan*, цитированное сочиненіе.
[3]) *Онацевичъ*, Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 4.

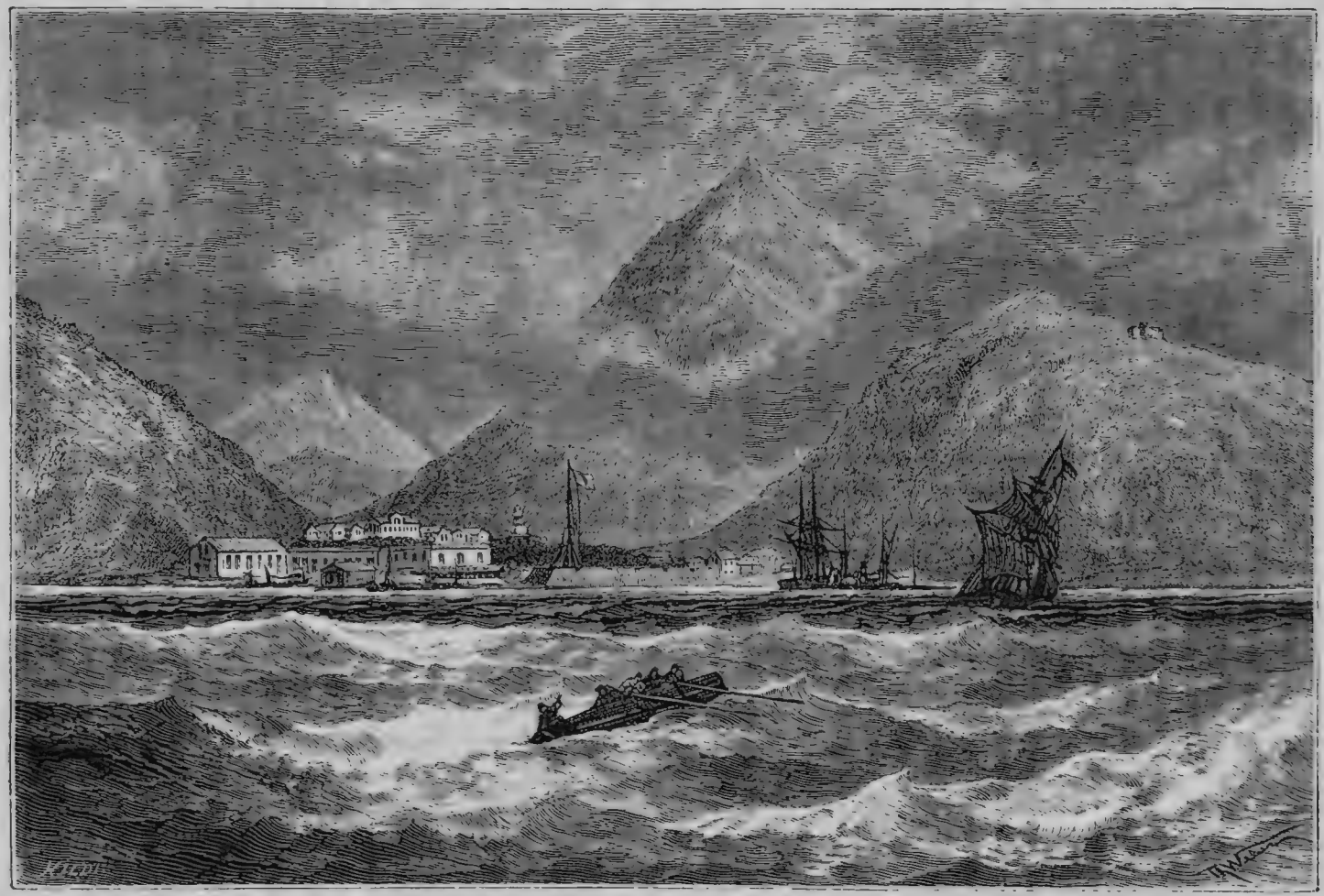
довъ американскаго китобойнаго флота были окружены и раздавлены плавающими ледяными горами.

Морскія выдры, мѣхъ которыхъ, извѣстный подъ именемъ камчатскаго бобра, чрезвычайно дорого цѣнится, не попадаются болѣе на плоскихъ берегахъ Берингова острова, гдѣ Стеллеръ и его спутники убили 800 штукъ этихъ животныхъ впродолженіе восьмимѣсячнаго пребыванія. Морской левъ или сивучъ (otaria Stelleri), животное китовой породы, страшное видомъ, но пугливое, котораго прежде можно было видѣть на всѣхъ подводныхъ и береговыхъ камняхъ твердой земли и острововъ, и который во время тумановъ, столь частыхъ въ тѣхъ областяхъ моря, издали извѣщалъ мореплавателей своими криками о близости земли, теперь рѣдко встрѣчается тамъ и сямъ на какомъ-нибудь уединенномъ утесѣ прибрежья. Наконецъ, большая Стеллерова морская корова (rhytina Stelleri), млекопитающее изъ семейства травоядныхъ китовъ, которая имѣла много сходства съ манатомъ или ламантиномъ Карибскаго моря, и которую нѣкоторые натуралисты называли этимъ именемъ [1]), была совершенно истреблена. Первое извѣстіе объ этой породѣ китообразныхъ было сообщено ученому міру Стеллеромъ въ 1741 году, а въ 1768 году она, какъ говорятъ, уже окончательно исчезла [2]); однако, свѣдѣнія, собранныя барономъ Норденшельдомъ у туземцевъ, позволяютъ ему утверждать, что отдѣльныя особи морской коровы были еще встрѣчаемы и убиваемы до 1779 или 1780 года [3]). Какъ бы то ни было, можно сказать положительно, что животное болѣе не существуетъ, и теперь съ большимъ трудомъ удается еще находить, какъ рѣдкость для музеевъ, кое-какія кости его въ обломкахъ на плоскихъ берегахъ моря. Впрочемъ, морская корова заранѣе была обречена на истребленіе самымъ образомъ своей жизни. Это огромное животное, имѣвшее въ длину не менѣе 8 или 9 метровъ (слишкомъ 4 сажени), и вѣсившее болѣе 180 пудовъ, не убѣгало при приближеніи охотниковъ; когда звѣроловы заставали его врасплохъ щиплющаго водоросли на берегу, оно спокойно продолжало ѣсть, медленно поматывая головой, какъ корова, жующая жвачку, но не тревожа длинноногихъ журавлей, пріютившихся на его шеѣ, которые избавляли его отъ паразитовъ. Самецъ въ минуту опасности не покидалъ своихъ и давалъ себя убить подлѣ нихъ; случалось видѣть не раненыхъ самцовъ, оставшихся по цѣлымъ днямъ у трупа убитой самки. Морскихъ коровъ били острогой въ родѣ якоря, и тридцать человѣкъ, стоявшихъ на берегу, тащили пронзенное гарпуномъ животное изъ воды, затѣмъ убивали его дубинами, когда оно ослабѣвало отъ потери крови. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія на морскихъ пастбищахъ Берингова острова водилось

[1]) *Крашенинниковъ*, Описаніе земли Камчатки.

[2]) *Бэръ*; *Брандтъ*; *Миддендорфъ*.

[3]) Lettres de l'Expédition à la découverte du passage Nord-Est.



АЯНСКІЙ ПОРТЪ ВЪ ОХОТСКОМЪ МОРѢ.

такое множество Стеллеровыхъ коровъ, что мяса ихъ съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе всѣхъ обитателей Камчатки, а кожей ихъ, „похожей на кору стараго дуба“, легко можно бы было обтянуть всѣ *байдары* (лодки, сложенныя изъ тонкихъ жердей и обшитыя тюленьими кожами), которыя плавали по водамъ Берингова моря[1]). Но область, обитаемая этимъ животнымъ, не простиралась за архипелагъ Командорскихъ острововъ, гдѣ дно моря покрыто лѣсами водорослей, достигающихъ въ вышину отъ 28 до 42 аршинъ: этимъ и объясняется истребленіе цѣлой породы морской коровы въ такой короткій промежутокъ времени, менѣе чѣмъ въ полстолѣтія.

Другому виду морскихъ млекопитающихъ этой страны, морскому коту (otaria ursina), тоже грозила опасность исчезнуть съ лица земли, и мягкій, теплый мѣхъ его, извѣстный подъ именемъ котиковаго, приносилъ уже звѣроловамъ ничтожную годовую прибыль, когда американская компанія, уже владѣвшая островами Прибылова, на берегу Новаго Свѣта, пріобрѣла отъ русскаго правительства исключительное право охоты на этого звѣря, на островахъ Беринговомъ и Мѣдномъ, съ обязательствомъ уплачивать въ казну по два рубля за каждаго убитаго кота: для правильнаго веденія котиковаго промысла была построена, въ сѣверо-западной части Берингова острова, необитаемаго въ ту эпоху, когда туда присталъ знаменитый мореплаватель, деревня, населенная 300 алеутами, привезенными съ острова Ачи. Воспитываемые стадами, почти какъ домашнія животныя, а не убиваемые случайно, какъ дѣлалось прежде, морскіе коты удивительно расплодились въ какихъ нибудь двадцать лѣтъ: между тѣмъ какъ прежде на всѣхъ Алеутскихъ островахъ и на Командорскомъ архипелагѣ охота на этого звѣря доставляла бывшей русской компаніи всего только около 3,200 котиковыхъ шкуръ ежегодно[2]), въ настоящее время на одномъ только Беринговомъ островѣ убивается отъ 12,000 до 13,000 головъ[3]). Но теперь при боѣ всегда соблюдаются извѣстныя правила: самокъ, котятъ, старыхъ котовъ и самцовъ, у которыхъ шкура попорчена ранами, не трогаютъ, и охотники послѣдовательно выбираютъ для боя различныя части громаднаго стада, заключающаго около полмилліона головъ. У этихъ животныхъ замѣчательно развитъ инстинктъ собственности. Каждый глава семейства выбираетъ на скалахъ мѣсто становища, по мѣстному *лежбища*, гдѣ и поселяется на житье со своими самками и дѣтенышами, составляющими цѣлое стадо въ сто и до ста двадцати головъ. Если чужое животное осмѣлится переступить за границы этого семейнаго лежбища, самецъ съ яростью накидывается на дерзкаго нахала, завязывается страшная битва, со всѣхъ сторонъ сбѣ-

[1]) *Стеллеръ*; *Крашенинниковъ*.
[2]) *Семеновъ*, Географическій словарь Россійской Имперіи.
[3]) *Карлъ Нейманъ*; *Норденшельдъ*.

гаются зрители, затѣмъ, увлеченные пыломъ борьбы, сами принимаютъ участіе въ дракѣ, какъ отмстители обиженныхъ. Такимъ образомъ иногда сраженіе распространяется все далѣе и далѣе и охватываетъ пространство въ нѣсколько сотъ саженъ. Вспыльчивый и нѣжный, морской котъ зорко наблюдаетъ съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста за своимъ многочисленнымъ семействомъ: когда самка уронитъ своего котенка, самецъ набрасывается на нее, толкаетъ ее на камни и безпощадно бьетъ и кусаетъ ее, потомъ, когда гнѣвъ его пройдетъ, оба супруга проливаютъ обильныя слезы. Но при малѣйшей тревогѣ, всѣ коты, старые и молодые, стремглавъ бросаются къ морю, причемъ маленькіе падаютъ, смятые и раздавленные массой бѣгущихъ, и груды труповъ остаются разсѣянные тамъ и сямъ на морскомъ берегу [1]).

Рыболовы, звѣроловы или скотоводы, всѣ обитатели Берингова полуострова, Камчатки и острововъ азіатскаго прибрежья безусловно зависятъ отъ климата и окружающей природы въ отношеніи своего образа жизни и рода занятій; почти вездѣ самое мѣсто жительства мѣняется съ перемѣной зимы на лѣто и лѣта на зиму. Одежда, пища, жилье и мѣстопребываніе—все разнится, смотря по времени года.

Чукчи или чаукту, то-есть „люди“ (по Гуперу [2]), настоящее ихъ имя — *туски*, то-есть „братья“ или „союзники“), которые составляютъ самый многочисленный туземный народъ сѣверо-восточной Сибири, бродятъ, со своими стадами сѣвернаго оленя, по всему Берингову полуострову, въ бассейнѣ рѣки Анадыра и по ту сторону послѣднихъ отраслей Становаго хребта, въ тундрахъ, по которымъ протекаютъ Колыма и Индигирка: указомъ 1869 года опредѣлены границы областей, присвоенныхъ чукчамъ, на югѣ отъ земли, занимаемой юкагирами. Совокупность чукотской территоріи обнимаетъ площадь приблизительно въ 704,000 квадр. верстъ; но на этомъ громадномъ пространствѣ, равномъ по величинѣ Франціи и Апеннинскому полуострову взятымъ вмѣстѣ, насчитываютъ всего только 12,000 жителей [3]). Спутникъ проф. Норденшельда, Бове, полагаетъ даже, что численность этой націи не превышаетъ 3,000 или 5,000 душъ [4]); но онъ не имѣлъ возможности дѣлать дальнія экскурсіи во внутренность края и ознакомился лишь съ туземцами, живущими на морскомъ берегу. По мнѣнію его, первоначальную родину этого племени слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Амура, тогда какъ Нейманъ полагаетъ, что чукчи пришли изъ сѣверныхъ странъ Новаго Свѣта.

Типъ чукчей чисто монгольскій, съ круглой головой, съ широкимъ

[1]) *Стеллеръ*; *Крашенинниковъ*; *Норденшельдъ*.
[2]) *Hooper*, Ten months among the tents of the Tuski.
[3]) *Венюковъ*, Этнографическая карта Россійской Имперіи.
[4]) *Bove*, Bollettino della Società Geografica Italiana, дек. 1879 г.

и плоскимъ лицомъ, съ выдающимися скулами; носъ у многихъ такъ глубоко вдавленъ между оттопыренными щеками, что можно бы было приложить линейку къ лицу, не дотронувшись до переносья; губы толстыя, а волоса, черные и гладкіе, ниспадая на лобъ, и безъ того низкій, еще болѣе съуживаютъ его. Шея у чукчей толстая, мышцы замѣчательно сильныя, мускульныя связки тонкія и деликатныя; большинство ихъ малорослы, однако, встрѣчаются также индивидуумы высокаго стана. Между азіатскими чукчами и сѣверо-американскими эскимосами существуетъ большое этнографическое сходство. Благодаря тѣмъ и другимъ, переходъ типовъ между аборигенами Новаго Свѣта и коренными жителями Стараго совершенно нечувствителенъ: отъ краснокожаго американца до якута и бурята, смѣшенія племенъ создали всѣ промежуточныя степени, всѣ градаціи, и послѣдовательными переходами установилось сродство рассъ, каково бы, впрочемъ, ни было первоначальное различіе, и хотя языки различныхъ народцевъ разнятся между собой. Можно встрѣтить чукчей, имѣющихъ совершенное сходство съ американскими сіуксами, исключая одежды: это замѣчательные представители дикаго индѣйца Америки [1]). Очевидное сходство типа между чукчей и эскимосами, одинаковость ихъ обычаевъ и образа жизни, употребленіе ими орудій и снарядовъ, сдѣланныхъ изъ тѣхъ же матеріаловъ и съ тѣмъ же рисункомъ, подобныхъ древнимъ орудіямъ, находимымъ въ различныхъ доисторическихъ гротахъ, европейскихъ и американскихъ, и относящимся къ каменному вѣку, привели нѣкоторыхъ антропологовъ къ заключенію, что эти двѣ націи крайняго сѣвера континентовъ суть представители предшествовавшаго человѣчества или племени, постепенно оттѣсненнаго къ сѣверу и вынужденнаго давленіемъ народовъ завоевателей искать себѣ убѣжища на берегахъ Ледовитаго океана. По мнѣнію этихъ антропологовъ, предковъ чукчей и эскимосовъ нужно искать не въ тундрахъ, на которыхъ они нынѣ обитаютъ, но гораздо южнѣе, въ тѣхъ странахъ, гдѣ находятъ ископаемые остатки промышленности и искусства, подобные произведеніямъ этихъ народцевъ.

Какъ бы то ни было, нынѣшніе чукчи не похожи на народъ, находящійся въ состояніи упадка, вымирающій,— они, напротивъ, занимаютъ очень видное мѣсто между другими инородцами сибирскаго поморья. Славяне слишкомъ рѣдко вступаютъ въ сношенія съ этимъ народцемъ, чтобы господство ихъ давало себя сильно чувствовать, и многіе изъ чукчей, которые едва умѣютъ сказать нѣсколько словъ по русски, въ родѣ „здравствуй“ да „прощай“, не знаютъ даже о существованіи Бѣлаго Царя, о которомъ говорятъ съ такимъ благоговѣніемъ и трепетомъ монголы, живущіе на китайской границѣ; благодаря своимъ сношеніямъ

[1]) *G. Kennan*, Tent-life in Siberia.

съ американскими китоловами, они лучше знакомы съ Соединенными Штатами, нежели съ Россіей, и въ своей рѣчи они употребляютъ много англійскихъ словъ. Они платятъ русскимъ ясакъ шкурами лисицы или другаго пушнаго звѣря, и знаютъ, что, переходя изъ рукъ въ руки, эта дань въ концѣ концовъ будетъ положена къ ногамъ важной особы, которая царствуетъ въ Иркутскѣ; но они не подозрѣваютъ даже, что этотъ владыка самъ есть не болѣе, какъ слуга другого болѣе могущественнаго властелина [1]). Впрочемъ, если какой-нибудь образъ, завезенный китоловомъ изъ Америки, случайно попадетъ въ руки чукча, послѣдній съ радостью повѣситъ его въ своей юртѣ, сдѣланной изъ выброшенныхъ моремъ бревенъ или китовыхъ реберъ, обтянутыхъ оленьими шкурами (внутри юрты дѣлается вторая низенькая палатка изъ двойныхъ шкуръ, въ которой въ холодное время устраиваютъ чувалъ), и потомъ будетъ набожно креститься передъ этимъ изображеніемъ, сдѣлавшимся для него священнымъ [2]).

Чукотская нація естественно дѣлится на двѣ группы колѣнъ — на внутреннихъ или оленныхъ и береговыхъ или рыболововъ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой не только образомъ жизни, но также нарѣчіями [3]). Тундровые чукчи, питающіеся мясомъ и молокомъ сѣверныхъ оленей, живутъ, вообще говоря, въ бо̀льшемъ довольствѣ, чѣмъ рыболовы, хотя и у нихъ тоже существуетъ большое неравенство состояній. По свидѣтельству Бове, у оленныхъ чукчей и теперь еще можно встрѣтить стадо въ 20,000 и 30,000 головъ, принадлежащія одному хозяину; Крашенинниковъ же расказываетъ о коряцкихъ старшинахъ, владѣвшихъ стадами до сотни тысячъ головъ [4]). Оленные чукчи — постоянные путешественники, и странствуя отъ береговъ Колымы до береговъ Анадыра, съ тундры на тундру, они проѣзжаютъ на оленяхъ, запряженныхъ въ санки, сотни и тысячи верстъ: эти бродячія привычки развиваютъ у нихъ, между прочимъ замѣчательный талантъ, которымъ обладаютъ также и американскіе эскимосы,— умѣнье чертить на пескѣ или на землѣ карты съ изумительной точностью; многіе путешественники разсказываютъ съ удивленіемъ объ этихъ чертежахъ, которые часто позволяли имъ съ увѣренностью направлять свой путь черезъ пустыню. Оленеводы умѣютъ пріобрѣсти любовь своихъ животныхъ: Паландеръ разсказываетъ, какъ чукча при выходѣ изъ юрты, послѣ ночнаго сна, находитъ передъ жилищемъ все свое стадо оленей, выстроенное въ правильномъ порядкѣ, подъ предводительствомъ стараго самца съ большими вѣтвистыми рогами, и какъ каждый олень поочередно проходитъ передъ своимъ хозяиномъ и трется мордой объ его руки.

---

[1]) *Nordenskjöld*, Expédition au passage du Nord-Est.
[2]) *George Kennan*, Tent-life in Siberia.
[3]) *Karl Neumann*, Globus, 1874.
[4]) Описаніе земли Камчатки.

Оленный чукча обыкновенно презираетъ чукчу рыболова, болѣе осѣдлаго, менѣе храбраго, менѣе сильнаго и менѣе заботящагося о своей особѣ [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе богатаго, вынужденнаго просить у него оленьихъ шкуръ для постройки своей юрты и для приготовленія себѣ одежды; впрочемъ, можетъ быть, эти двѣ главныя группы чукчей, оленные и береговые, не принадлежатъ къ одной и той же рассѣ, ибо типъ лица и языкъ у нихъ различные. Рыболовъ болѣе подверженъ опасности голодовокъ во время продолжительной зимы и долженъ больше заботиться о собираніи запасовъ на все время прекращенія его промысла. Онъ сушитъ рыбу, собираетъ молодые побѣги приземистой ивы и многихъ другихъ видовъ растеній, которые, будучи заквашены, потомъ заморожены, даютъ ему зимній салатъ или щи. Кромѣ того онъ также выкапываетъ изъ земли разные коренья и клубни, а старухи вынимаютъ изъ внутренностей убитыхъ или павшихъ оленей зеленыя вещества (остатки ягеля), еще непереварившіяся въ желудкѣ, чтобы консервировать ихъ какъ овощи: для чукчей, какъ и для эскимосовъ, это одно изъ самыхъ любимыхъ блюдъ [2]). Но основу пищи составляютъ: рыба, мясо тюленье и моржовое, и запахъ этой снѣди, въ соединеніи съ дымомъ и смрадомъ отъ животнаго жира, употребляемаго для освѣщенія и отопленія жилищъ, дѣлаетъ пребываніе въ нихъ почти невыносимымъ для непривычнаго человѣка.

Встарину чукчи были народомъ воинственнымъ, покорявшимъ другія племена; они храбро защищались, во главѣ другихъ народцевъ, противъ русскихъ, и когда согласились вступить съ ними въ торговыя сношенія, то предлагали свои товары на остріѣ своихъ копій: русскіе торговцы, зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, поняли, что лучше не обижаться такимъ оригинальнымъ способомъ мѣны [3]). Еще недавно одно племя, онкилоны, обитавшіе на берегахъ Сѣвернаго мыса, было прогнано чукчами: проф. Норденшельдъ и его спутники, во время памятной экспедиціи корабля „Веги“, видѣли селеніе, покинутое этимъ побѣжденнымъ племенемъ, остатки котораго, удалившіеся на югъ отъ Берингова пролива, къ устьямъ Анадыра, извѣстны у большинства русскихъ писателей подъ именемъ анкаловъ и намолло; они отличаются своимъ „аглютинативнымъ“ (полисинтетическимъ) языкомъ отъ окрестныхъ чукотскихъ колѣнъ, которыя, по свидѣтельству Бове, говорятъ нарѣчіемъ монгольскаго происхожденія [4]). Чукчи носили прежде латы изъ китовой кожи или кольчугу изъ дерева и моржовой кости, похожую на воинскіе до-

---

[1]) *Гуперъ*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Норденшельдъ*, Открытіе Сѣверо-восточнаго прохода; *Гуперъ*, цитированное сочиненіе.

[3]) *G. Kennan*, Tent-life in Siberia.

[4]) *Bove*, Bollettino della Società Geografica Italiana, дек. 1879 г.

спѣхи японцевъ [1]); употребленіе этой брони прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ исчезли воинственные нравы. Въ настоящее время чукчи самые мирные люди въ свѣтѣ, всегда живущіе во взаимномъ согласіи и дружбѣ, преданные другъ другу, всегда добродушные и веселые, не смотря ни на какія бѣды и невзгоды, выказывающіе необыкновенную кротость и ласковость во всѣхъ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Они не убиваютъ болѣе своихъ стариковъ, какъ того требовала прежде сыновняя любовь, ради избавленія этихъ несчастныхъ отъ непосильной борьбы съ холодомъ и голодомъ, которая часто составляетъ ихъ удѣлъ; по разсказамъ, передаваемымъ г. Онагацевичемъ, большинство стариковъ сами себя убиваютъ чтобы избавить своихъ дѣтей отъ печальной обязанности наносить имъ смертельный ударъ [2]). Въ 1848 году Гуперъ видѣлъ еще одного сына, который незадолго передъ тѣмъ умертвилъ свою мать по ея просьбѣ, и котораго всѣ родичи очень хвалили за его послушаніе [3]).

Сдѣлавшись христіанами и „цивилизованными“ людьми, благодаря частымъ сношеніямъ съ американскими китоловами, чукчи оставили нѣкоторые изъ своихъ старыхъ обычаевъ, но и теперь они все еще сжигаютъ трупы покойниковъ или выставляютъ ихъ на деревянныхъ помостахъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ [4]), они по прежнему приносятъ животныхъ въ жертву духамъ горъ, рѣкъ, минеральныхъ источниковъ, по прежнему покупаютъ себѣ двухъ или нѣсколько женъ, когда обладаютъ достаточнымъ количествомъ оленей, чтобы сдѣлать это дорогостоющее пріобрѣтеніе. Благодаря труду своихъ женъ, которыя воздвигаютъ палатки, приготовляютъ пищу, шьютъ и украшаютъ одежду, прилаживаютъ санки, запрягаютъ оленей, чукчи не знаютъ другихъ заботъ, кромѣ занятія рыболовствомъ, охотой и торговлей: женщины по виду какъ-будто рабыни, но въ дѣйствительности это онѣ командуютъ, а мужчины повинуются. Что касается дѣтей, то они всегда пользуются самымъ внимательнымъ и нѣжнымъ уходомъ. Отецъ и мать поочередно носятъ ихъ на плечѣ и очень заботятся, чтобы имъ не приходилось терпѣть отъ голода или холода: эти маленькія существа такъ плотно закутаны въ оленьи шкуры, что походятъ на шаръ съ продѣтымъ сквозь него брускомъ, такъ какъ ихъ вытянутыя руки не могутъ болѣе складываться въ мѣшкѣ изъ мѣховъ, въ которые они завернуты [5]).

Изъ всѣхъ инородческихъ племенъ тунгусы, какъ кажется, имѣютъ наибольшее вліяніе на чукчей. Костюмъ тѣхъ и другихъ очень похожъ по покрою и украшеніямъ; многія чукотскія женщины татуируются по

---

[1]) *Биллингсъ* и *Зауеръ*, Expedition to the northern parts of Russia.
[2]) Mittheilungen von Petermann, 1879 г., № 4.
[3]) *Karl Neumann*, Globus, 1874; *Hooper*, Ten months among the tents of the Tusk.
[4]) *Hooper*, цитированное сочиненіе.
[5]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

тунгузски, двумя полосами темносиняго цвѣта, проведенными отъ глазъ къ подбородку и служащими какъ-бы стеблями для цѣлаго развѣтвленія маленькихъ узоровъ, которое направляется къ носу и ко рту; у другихъ женщинъ рисунокъ на лицѣ расположенъ въ обратномъ порядкѣ, именно главныя линіи слѣдуютъ отъ виска къ подбородку по передней округлости щеки, тогда какъ второстепенныя черты, кружки и овалы, идутъ къ мочкѣ уха [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ чукчи окрещены, нѣкоторые мужчины рисуютъ себѣ на щекѣ черный латинскій крестъ, замѣнившій зубъ морскаго коня, который ихъ предки продѣвали въ дыру на щекѣ, и который въ то время считался самымъ почетнымъ украшеніемъ воиновъ; чукчи, отличившіеся на охотѣ или въ какой-нибудь битвѣ, тоже татуируютъ себѣ на груди грубое изображеніе своего подвига [2]). Раскопки, произведенныя профессоромъ Норденшельдомъ и его спутниками въ кухонныхъ отбросахъ чукчей, привели къ открытію украшеній, домашней утвари и снарядовъ, сдѣланныхъ изъ камня, изъ кости или изъ зубовъ рыбъ или мамонтовъ. Большая часть этихъ предметовъ представляетъ поразительное сходство съ подобными же издѣліями, употребляемыми гренландцами, сходство до того полное, что его невозможно приписать одному только дѣйствію одинаковыхъ условій окружающей природы, которая доставляетъ обоимъ народамъ одни и тѣ-же источники пропитанія и заставляетъ ихъ вести точно такой-же образъ жизни; въ этомъ совпаденіи нужно видѣть также слѣдствіе торговыхъ сношеній, которыя ведутся послѣдовательно отъ одного племени къ другому, черезъ посредство эскимосовъ, на всемъ пространствѣ крайняго сѣвера, отъ полуострова Беринга до полуострова Лабрадора. Не странно-ли слышать на Босфорѣ, въ гренландскихъ фьордахъ и въ Антильскомъ морѣ одно и тоже турецкое слово, примѣненное къ маленькимъ лодкамъ туземцевъ, впрочемъ весьма различнымъ по внѣшнему виду [3])? Съ одной стороны, якутъ, чукча, эскимосъ передали гренландцу слово, которое они употребляютъ для обозначенія своего челна, называемаго ими „каякомъ“; съ другой, путешествуя въ противоположномъ направленіи по шарообразной поверхности земли, испанецъ далъ названіе „каюко“ пирогѣ американскаго индѣйца, столь отличной, впрочемъ, отъ граціознаго „каика“, плавающаго по водамъ Константинополя.

Посредники торговаго обмѣна между Америкой и Сибирью, чукчи, повидимому, были прежде очень могущественны на берегахъ Берингова пролива; они играли первенствующую роль между купцами, эскимосами или представителями другихъ народностей, собиравшимися въ мѣстахъ мѣновой торговли, преимущественно на одномъ изъ острововъ группы

[1]) *Nordenskjöld*, Lettres à M. Daubrée.

[2]) *Бове*, цитированный мемуаръ.

[3]) *Гмелинъ*, Путешествіе въ Сибирь.

Діомида или Гвоздева, посреди пролива [1]). Но преобладающее значеніе въ торговлѣ тѣхъ странъ принадлежитъ нынѣ американцамъ: американскіе торговцы привезли чукчамъ желѣзныя орудія, чтобы замѣнить ими туземныя издѣлія изъ камня или изъ кости; они-же приводятъ этихъ инородцевъ въ соприкосновеніе съ промышленнымъ міромъ: на берегахъ Берингова пролива можно уже встрѣтить механическіе приборы американскаго происхожденія, усовершенствованные рыболовные снаряды, револьверы, ружья, заряжающіяся съ казенной части. Тѣ же американцы привозятъ фатальную водку, и за рюмку дряннаго подкрашеннаго напитка, которой достаточно, чтобы повергнуть ихъ въ опьяненіе, чукчи охотно отдаютъ чужестраннымъ коммерсантамъ всю добычу своей охоты или рыбной ловли. Въ трезвомъ состояніи они, напротивъ, очень тонкіе и хитрые коммерсанты, едва-ли уступающіе въ ловкости своимъ сосѣдямъ якутамъ.

Кажется, что этнографическая область чукчей распространяется за Беринговъ проливъ, на американскую территорію, тогда какъ, съ другой стороны, группы эскимосовъ живутъ на азіатскомъ континентѣ, если вѣрно, что племя анкали или намолло принадлежитъ къ этой этнологической группѣ, какъ это допускаетъ общепринятое мнѣніе. Коряки, живущіе на югѣ бассейна Анадыра, при основаніи полуострова Камчатки, въ долинѣ рѣки Пенжины и на сѣверо-западныхъ берегахъ Охотскаго моря, повидимому, суть родичи чукчей, и говорятъ нарѣчіемъ очень близко подходящимъ къ чукотскому языку. Эти инородцы, которыхъ насчитываютъ болѣе 5,000 душъ, дѣлятся, какъ и чукчи, на осѣдлыя семейства, занимающіяся главнымъ образомъ рыболовствомъ, и на кочующихъ оленеводовъ и звѣролововъ. Полуденную границу ихъ территоріи въ Камчаткѣ составляетъ деревня Тигильская, близъ рѣки Сѣдонки, куда они приходятъ разъ въ годъ для обмѣна своихъ произведеній камчадаламъ и русскимъ торговцамъ. Вообще эта деревня есть главный торговый пунктъ западнаго берега полуострова [2]).

Путешественники, которымъ приводилось имѣть сношенія съ осѣдлыми коряками, обитающими по большей части на берегахъ сѣверныхъ бухтъ Охотскаго моря, даютъ далеко не лестные отзывы о нравственныхъ качествахъ этихъ инородцевъ. Потомки раззоренныхъ кочевниковъ, лишившихся своихъ стадъ сѣвернаго оленя, эти коряки не имѣютъ теперь другихъ источниковъ пропитанія, кромѣ рыбной ловли и мѣновой торговли съ иностранными моряками и съ русскими коммерсантами. Первые пріучили ихъ къ пьянству и разгульной жизни, вторые научили обману и воровству [3]); они совершенно погрязли въ нищетѣ и порокахъ, такъ что въ Сибири не знаютъ болѣе развращенныхъ инородцевъ, чѣмъ осѣдлые

[1]) *Hooper*, The tents of the Tuski.
[2]) *George Kennan*, The Tent-life in Siberia.
[3]) *Кеннанъ*; *Нейманъ*; *Норденшельдъ*.

ГОЛЬДЫ.

коряки. Напротивъ, коряки кочевые, еще владѣющіе большими стадами оленей, привыкшіе къ вольной и независимой жизни и сохранившіе полное сознаніе своего равенства, не уступаютъ тунгусамъ по смышлености, прямодушію, природному достоинству, благородству осанки и обращенія. Они не признаютъ ни правительства, ни законовъ, навязанныхъ извнѣ; всякій человѣкъ, владѣющій хотя-бы только десяткомъ оленей, самъ себѣ господинъ и законъ. Отдѣльныя семьи вообще соединяются группами по шести или семи, въ маленькія республики, но онѣ вступаютъ между собой въ союзъ по доброй волѣ, и каждый имѣетъ въ этой федераціи равный голосъ. Съ тайономъ, какъ вообще называютъ самаго богатаго члена общины, другіе члены обыкновенно совѣтуются на счетъ выбора мѣста для становища, или на счетъ времени перекочевки; но онъ не имѣетъ никакой фактической власти. Не признавая надъ собой никакихъ властей и не повинуясь никому, оленные коряки, однако, самые услужливые, самые гостепріимные изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, а въ семейной жизни это лучшіе мужья и отцы: во время двухъ съ половиной лѣтъ пребыванія среди этихъ кочевниковъ, Кеннанъ ни разу не видалъ, чтобы корякъ ударилъ женщину или ребенка. Съ такой-же любовью и лаской они воспитываютъ своихъ домашнихъ животныхъ, и изъ привязанности къ своему стаду они отказываются продавать живыхъ оленей, какъ-бы ни была высока цѣна, предлагаемая чужимъ покупателемъ; но они безъ малѣйшаго колебанія соглашаются продать мясо животнаго, когда настала пора убить его. Впрочемъ, только въ случаѣ крайней необходимости коряки рѣшаются убить скотину изъ стада: оттого-то они, пропорціонально ихъ численности, самые крупные владѣльцы оленьихъ стадъ, какіе существуютъ въ Сибири.

Обычаи коряковъ естественно приближаются къ обычаямъ чукчей и камчадаловъ, между которыми они живутъ, и съ которыми они имѣютъ частыя торговыя сношенія. Они тоже питаютъ большое довѣріе къ своимъ шаманамъ, ловкимъ кудесникамъ и скоморохамъ, которые подъ открытымъ небомъ продѣлываютъ самые удивительные фокусы и кунстштюки. Коряки приносятъ жертвы только злымъ духамъ, такъ какъ имъ кажется безполезнымъ заискивать благосклонность добрыхъ божествъ, и головы убиваемыхъ животныхъ обыкновенно кладутся на большіе камни, обращенные въ сторону восхода солнца. Подобно камчадаламъ, они обязаны, въ силу обычая, завоевывать себѣ женъ посредствомъ отрабатыванія впродолженіе одного года или даже двухъ-трехъ лѣтъ въ домѣ будущаго тестя, и до самаго дня свадьбы, которая имѣетъ подобіе похищенія невѣсты, молодая дѣвушка бдительно охраняется старухами, которыя пускаютъ входъ веревки, плети и палки, чтобы удалить отъ нея претендента [1]). Наконецъ, у коряковъ сохранился еще въ полной силѣ исконный

[1]) *Крашенинниковъ; Ед. де-Лессепсъ; Геро; Кеннанъ.*

обычай умерщвлять стариковъ и больныхъ, чтобы избавить ихъ отъ страданій продолжительной агоніи. Этотъ обычай, рѣдко исполняемый у чукчей, до сихъ поръ остается общераспространеннымъ у ихъ южныхъ сосѣдей. Всѣ коряки считаютъ этотъ родъ смерти естественнымъ концомъ своего существованія, и когда имъ кажется, что пришла пора умереть, они сами говорятъ, какимъ способомъ должно быть дано имъ послѣднее свидѣтельство привязанности: одни просятъ, чтобы ихъ побили камнями, другіе избираютъ смерть посредствомъ удара топоромъ или ножемъ. Всѣ молодые коряки учатся искусству наносить роковой ударъ, не причиняя страданій жертвѣ [1]). Тотчасъ-же послѣ смерти, трупъ сжигается, дабы душа могла уйти въ воздухъ. Въ эпоху, къ которой относится путешествіе Крашенинникова, дѣтоубійство также было общераспространеннымъ обычаемъ: изъ двухъ близнецовъ одинъ всегда приносится въ жертву.

До сихъ поръ существуетъ еще нѣкоторое число коряковъ, которые съумѣли сохранить вполнѣ свою независимость, и которые не платятъ ясака русскимъ чиновникамъ. Но нѣтъ также между инородческими племенами Сибири народа, который-бы боролся съ большимъ мужествомъ противъ русскихъ ради сохраненія своей свободы. Въ различныхъ войнахъ, которыя корякамъ пришлось выдержать противъ казаковъ, они всегда являлись болѣе страшными противниками, чѣмъ другіе инородцы, потому что они по-истинѣ бились на жизнь и смерть. Когда они видѣли себя окруженными непріятелемъ слишкомъ многочисленнымъ и слишкомъ хорошо вооруженнымъ, чтобы можно было надѣяться одолѣть его, они клялись „погубить солнце“, убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ рабства или пытокъ, сжигали все свое имущество, затѣмъ бросались въ самую середину сѣчи: ни одинъ изъ нихъ не искалъ спасенія въ бѣгствѣ, всѣ падали на мѣстѣ битвы одинъ подлѣ другаго, окруженные трупами [2]).

Камчадалы или ительмены, называемые коряками „кончало“, вѣроятно, обязаны своимъ русскимъ наименованіемъ рѣкѣ Камчаткѣ, по имени которой былъ названъ и весь полуостровъ. Ясно отличаясь отъ чукчей и коряковъ, они принадлежатъ къ другой этнографической группѣ, хотя климатъ заставилъ эти различныя племена вести одинаковый образъ жизни. Камчадалы вообще ростомъ пониже коряковъ, на которыхъ они, впрочемъ, походятъ круглымъ и широкимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими, глубоко сидящими глазами, приплюснутымъ носомъ, черными гладкими волосами, смуглымъ цвѣтомъ кожи. Языкъ ихъ, очень богатый гортанными звуками, отличается отъ коряцкаго нарѣчія словосочиненіемъ и состоитъ изъ неизмѣнныхъ корней, смыслъ которыхъ из-

[1]) *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатской земли; *G. Kennan*, The tent-life in Siberia; *Семеновъ*, Географ. Словарь Россійской Имперіи.

[2]) *Ed. de Lesseps*, Du Kamtchatka à Paris.

мѣняется посредствомъ присоединенія приставокъ [1]). Но этотъ характеристическій діалектъ быстро теряется, какъ исчезаетъ и сама расса. Въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова, и преимущественно въ долинѣ рѣки Камчатки, населеніе почти совершенно обрусѣло, и старый языкъ вышелъ изъ употребленія. Сдѣлавшись по вѣрѣ „православными“ и часто смѣшиваясь посредствомъ брачныхъ союзовъ съ русскими поселенцами, камчадалы сливаются тамъ и сямъ со своими прежними властителями; оригинальный типъ ихъ уже изгладился. Южные камчадалы или курильцы, живущіе въ полуденной части полуострова, на берегахъ „Большой Рѣки“ и на полуденной оконечности, на мысѣ Лопатка (плечевая кость), названная такъ по причинѣ его формы,—еще не совсѣмъ забыли свой языкъ. Сѣверные или пенжинскіе камчадалы изъ всѣхъ коренныхъ обитателей края наименѣе подверглись обрусѣнію, и нарѣчіе ихъ приняло въ себя лишь незначительное число русскихъ словъ.

Въ настоящее время число жителей полуострова, которые еще имѣютъ право называться камчадалами, по приблизительному исчисленію, не превышаетъ трехъ тысячъ душъ. Это по большей части люди въ высшей степени смирные, очень честные, исключая тѣхъ, которые живутъ осѣдло въ деревняхъ, гдѣ русскіе, постоянно обманывая простодушныхъ дикарей, научили и ихъ хитрить и обманывать; ихъ домъ, лѣтній и зимній, всегда гостепріимно открытъ чужеземцу; они никогда не устаютъ оказывать всяческія услуги и быстро забываютъ нанесенныя имъ обиды; несмотря на крайнюю бѣдность и другія невзгоды жизни, они всегда сохраняютъ удивительно ровное настроеніе духа. Не знавъ надъ собой никакихъ господъ до прибытія русскихъ въ край, они должны были такъ много терпѣть отъ первыхъ завоевателей, отъ притѣсненій чиновниковъ и обмановъ купцовъ, что дважды открыто бунтовали, въ 1731 и 1740 годахъ; но съ той эпохи они оставили всякую мысль о возстаніи, и теперь малѣйшій представитель власти принимается ими съ глубокимъ почетомъ, чуть не съ благоговѣніемъ. Консерваторы въ высшей степени, крѣпко привязанные къ старинѣ, они никогда не покидаютъ тропы, проторенной ихъ отцами, и прокладываютъ новую дорожку только въ такомъ случаѣ, если старая отъ выбоинъ сдѣлалась совершенно непроходимой. Въ нихъ нѣтъ ни капли героическаго темперамента коряковъ, и ихъ жалобныя, тоскливыя пѣсни, которыя первоначально, какъ кажется, были простымъ подражаніемъ крикамъ морскихъ птицъ [2]), не прославляютъ какихъ-либо битвъ или военныхъ подвиговъ; любовь, работа, странствованія въ саняхъ на собакахъ, охота и рыбная ловля—вотъ единственныя темы ихъ народной поэзіи. Въ своихъ подражательныхъ пляскахъ они очень искусно воспро-

---

[1]) *G. Kennan*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Эрманъ*, Путешествіе въ Сибирь.

изводятъ тѣлодвиженія разныхъ животныхъ; такъ, они прыгаютъ, какъ олень, бѣгаютъ, какъ лисица, даже кидаются въ воду и плаваютъ какъ тюлень. Что касается обрядовъ прежней, языческой религіи, то они почти совсѣмъ вышли изъ употребленія; теперь услышишь развѣ только, да и то очень рѣдко, разсказъ о собакѣ, принесенной камчадалами въ жертву злымъ геніямъ, которые удаляютъ рыбу или дичь; многія церемоніи, которыя прежде были совершаемы какъ религіозный актъ, превратились мало по малу въ драматическое представленіе. Суевѣрія ихъ ничѣмъ не отличаются отъ суевѣрій другихъ сибиряковъ всякаго рода и племени—славянскаго, финскаго или манчжурскаго: такъ, напримѣръ, подобно всѣмъ сибирскимъ звѣроловамъ, они, когда преслѣдуютъ какого-нибудь звѣря, больше всего заботятся о томъ, чтобы не произнести его имени, изъ опасенія неудачи или несчастія.

Для ѣзды камчадалы употребляютъ собакъ, безъ которыхъ ихъ жизнь впродолженіе длинной, девятимѣсячной зимы должна-бы была совершенно измѣниться. Лѣтомъ, когда ѣзды не требуется, эти животныя, которыя величиной, шерстью и физіономіей больше похожи на волка и даже воютъ по волчьи, ходятъ по волѣ, отыскивая себѣ пищу въ лѣсахъ и на берегу рѣкъ, гдѣ сами ловятъ рыбу; но какъ только выпадетъ первый снѣгъ, они, какъ вѣрные слуги, возвращаются въ балаганъ хозяина. Нѣтъ животныхъ болѣе крѣпкихъ и бодрыхъ, болѣе выносливыхъ и легче переносящихъ усталость и голодъ, какъ ѣздовыя собаки камчадала: онѣ иной разъ везутъ свою нарту двое сутокъ подрядъ, не кормясь, не получая никакой пищи, кромѣ развѣ кусковъ кожи, оторванныхъ ими самими отъ сбруи. Упряжка изъ одиннадцати собакъ пробѣгаетъ обыкновенно отъ шестидесяти до семидесяти пяти верстъ въ день, везя одного человѣка и до 10 или 11 пудовъ клади; но нерѣдко бывало, что собаки пробѣгали въ день пространство въ два или три раза болѣе значительное [1]). Впродолженіе длинной зимы, когда рѣки скованы льдомъ, когда море неприступно по причинѣ непроглядныхъ тумановъ и бурь, ѣзда на собакахъ составляетъ единственное средство сообщенія и поддержанія общественной жизни между деревушками камчадаловъ; безъ этихъ животныхъ каждая группа семействъ оставалась-бы совершенно изолированной, почти запертой въ своихъ подземныхъ жилищахъ.

Въ громадной территоріи, простирающейся отъ камчатскаго мыса Лопатки до Чукотскаго полуострова, не существуетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго центра населенія; едва нѣсколько становищъ кочующихъ инородцевъ заслуживаютъ названіе деревень. Однако, городъ Петропавловскъ недавно имѣлъ нѣкоторое значеніе какъ военный портъ и крѣпость, хотя и въ то время число его жителей не превышало насе-

[1]) *Neumann*, Globus, 1875 г., № 4.

ленія какого-нибудь малолюднаго европейскаго мѣстечка: расположенная на восточномъ берегу великолѣпной Авачинской губы, эта столица Камчатки совершенно защищена отъ вѣтровъ, и суда, приходящія въ ея гавань, могутъ бросать якорь у самаго берега. Подъ болѣе умѣренными широтами, въ сосѣдствѣ съ густо населенными странами, этотъ городъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался-бы однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ въ свѣтѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ китоловный промыселъ въ окружающихъ моряхъ утратилъ свою важность, а торговля шкурами пушнаго звѣря была монополизпрована нѣсколькими негоціантами, Петропавловскъ пришелъ въ упадокъ и обезлюдѣлъ; въ настоящее время онъ имѣетъ не болѣе 500 жителей, тогда какъ прежде населеніе его простиралось до тысячи душъ; изъ этого порта американская компанія шкурки морскихъ котовъ, убиваемыхъ на Командорскихъ островахъ, отправляетъ въ Санъ-Франциско, гдѣ онѣ подвергаются спеціальной выдѣлкѣ. Столица Камчатки съ гордостью показываетъ свои монументы, воздвигнутые въ честь Беринга и Лаперуза, двухъ знаменитыхъ мореплавателей, имена которыхъ остались— одно за проливомъ, отдѣляющимъ Азію отъ Америки, другаго—за проходомъ, посредствомъ котораго Охотское море сообщается съ Японскимъ. Старыя укрѣпленія Петропавловска, теперь покрытыя дерномъ и цвѣтами, напоминаютъ пораженіе англо-французовъ, которые во время крымской войны предприняли аттаку этой камчадальской деревни, стоящей на концѣ Стараго Свѣта.

VII.

СТАНОВОЙ ХРЕБЕТЪ, БАССЕЙНЪ АМУРА, РУССКАЯ МАНЧЖУРІЯ.

Изъ всѣхъ естественныхъ областей Сибири бассейнъ Амура и сосѣднее морское прибрежье суть страны, которыя обѣщаютъ достигнуть со временемъ наиболѣе важнаго политическаго значенія. Омываемыя водами Японскаго моря, выдвинутыя на югѣ между Монголіей и Кореей, и граничащія съ Китаемъ, какъ-разъ въ сосѣдствѣ той „великой стѣны“, которую Срединная имперія воздвигла нѣкогда, чтобы оградить себя отъ сѣверныхъ варваровъ, долины Амура, долины его южныхъ притоковъ и берега русской Манчжуріи являются представителями, передъ лицомъ народовъ крайняго азіатскаго Востока, военнаго могущества стомилліонной державы. Притомъ тамъ находится единственная часть морскаго прибрежья, посредствомъ которой громадное Россійское государство соприкасается съ моремъ, открывающимся свободно, почти впродолженіе всего года, на океанскія пространства. Корабли, выходящіе изъ портовъ Манч-

журіи, не должны проходить черезъ чужой проливъ въ родѣ Босфора или Зунда, и не обязаны лавировать въ теченіе восьми мѣсяцевъ среди ледяныхъ горъ и полей, какъ суда, отплывающія изъ Архангельска. Хотя лежащія подъ одинаковой широтой съ берегами Прованса и Каталоніи, внутреннія бухты Посьета и Петра Великаго бываютъ, правда, заперты льдами въ серединѣ зимы; но ихъ эскадры, которыя могутъ зимовать южнѣе, въ портахъ какой-либо дружественной державы, представляютъ, тѣмъ не менѣе, грозную морскую силу. Если чего недостаетъ русской Манчжуріи, прежде чѣмъ она будетъ имѣть возможность завоевать первенствующее политическое значеніе, на которое Россія претендуетъ для нея, то это—населенія цивилизованнаго, обогащеннаго земледѣліемъ, торговлей и промышленностью. Страны нижняго Амура и Приморской области не заселились такъ быстро, какъ надѣялись русскіе патріоты; пути сообщенія еще не устроены въ этой огромной территоріи; разстояніе еще не побѣждено. Связь, соединяющая Владивостокъ съ Кронштадтомъ, существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности; цѣпь русскихъ городовъ и деревень, которая впослѣдствіи соединитъ эти два крайніе порта имперіи, прерывается еще широкими пробѣлами во всей своей восточной части, пробѣлами, которымъ, кажется, не суждено скоро пополниться, потому что горы, голыя скалы, озера, болота занимаютъ почти весь бассейнъ низоваго Амура, и на этомъ обширномъ пространствѣ многія мѣстности, еще неизслѣдованныя, ожидаютъ путешественниковъ, которые опишутъ ихъ поверхность и откроютъ богатства, сокрытыя въ ихъ нѣдрахъ. Можно сказать, что въ Азіи русскій царь владѣетъ еще только кадромъ своей имперіи.

Высоты, холмы, горы и плоскогорья, ограничивающіе съ сѣвера бассейнъ Амура, составляютъ, въ своей совокупности, одну изъ тѣхъ малоизвѣстныхъ областей, которыя изображаютъ на картахъ безъ достаточной точности, соединяя промежуточными хребтами отдѣльныя горныя группы и возвышенности, уже изслѣдованныя болѣе или менѣе подробно. Въ дѣйствительности эта извилистая цѣпь, проводимая на картѣ отъ плоскихъ возвышенностей Забайкалья до Чукотскаго полуострова, на протяженіи около 4,000 верстъ, есть не болѣе, какъ водораздѣльная линія: поэтому Миддендорфъ предлагаетъ называть ее Становымъ Водораздѣломъ, чтобы замѣнить присвоенное ей нынѣ неточное наименованіе Становаго хребта. Извѣстно, какъ много разнятся водораздѣльныя высоты или грани отъ горныхъ цѣпей, которыя онѣ во многихъ странахъ пересѣкаютъ подъ прямымъ угломъ; обвалъ земли, перемѣщеніе одного камня, зарореніе болота мохомъ или камышемъ могутъ измѣнить линію раздѣла между двумя покатостями, тогда какъ большія колебанія почвы, сгибы, разрывы или поднятія, начертываютъ направленіе горныхъ хребтовъ на цѣлые вѣка жизни планеты. Эти горы, правда, измѣняются подъ непре-

рывнымъ вліяніемъ метеоровъ и всѣхъ геологическихъ дѣятелей, но ось ихъ отъ этого не перемѣняетъ своего направленія; она обнаруживается подземными каменными породами тамъ, гдѣ сама горная цѣпь исчезла и продолжается подъ рѣками или ручьями, перерѣзывающими ее съ той или другой стороны; положеніе ея можно угадать даже подъ морскими проливами или заливами. По нерчинскому трактату, условная граница между Китайской имперіей и русской Сибирью была опредѣлена такимъ образомъ, что она должна проходить по гребню Становаго хребта; но это всегда была не болѣе какъ фиктивная раздѣльная черта. Естественныя границы образуются не гипсометрическими линіями, но поясами различныхъ произведеній природы. На полуденныхъ склонахъ Становаго хребта, также какъ въ бассейнѣ Лены, скаты и низа горъ покрыты хвойными деревьями, мхами и лишаями: это, слѣдовательно, естественная область сѣверныхъ оленей. Оттого-то, несмотря на дипломатическіе трактаты, „оленные“ тунгусы спускались гораздо южнѣе Становаго хребта, по крайней мѣрѣ на 4 градуса къ югу отъ фиктивной границы, до мѣстъ сосѣднихъ съ Амуромъ. Но долины Зеи, Буреи и другихъ притоковъ этой большой рѣки представляютъ обширные луга, которые гораздо болѣе пригодны для коневодства, чѣмъ для оленеводства. Соотвѣтственно различію физическихъ условій, измѣняются нравы и цивилизація. На этихъ лугахъ живутъ „конные“ тунгусы, населеніе осѣдлое, которое съ неудовольствіемъ принимало посѣщенія кочевыхъ тунгусовъ, и которое исправно платило подать, требуемую китайцами. Послѣдніе, впрочемъ, не имѣли желанія воздвигать межевые знаки своей границы въ лѣсахъ верхняго пояса Становаго хребта; они ставили ихъ при сліяніи рѣкъ, около естественныхъ границъ луговой области, между конными тунгусами съ одной стороны и оленными съ другой [1]).

Изысканія Миддендорфа, Шварца, Усольцева, Крапоткина и другихъ изслѣдователей доказали несомнѣннымъ образомъ, что Становой хребетъ не имѣетъ той извилистой формы, какую придали ему въ своихъ описаніяхъ первые путешественники, которые поднимались по теченію рѣкъ и затѣмъ спускались по другую сторону пороговъ или другихъ рѣчныхъ долинъ. Совокупность высотъ, образующихъ „позвоночный хребетъ“ восточной Сибири, состоитъ скорѣе изъ широкой выпуклины или горба, на которомъ возвышаются кряжи, въ иныхъ мѣстахъ параллельные, въ другихъ слегка сходящіеся. Вся плоская возвышенность Монголіи, отъ озера Косоголъ до хребта Большаго Хинганскаго, образуетъ общій стволъ, на которомъ возвышаются хребты, изъ которыхъ искусственное соединеніе на картахъ сдѣлало цѣпи горъ болѣе или менѣе извилистой формы. Совокупность этихъ возвышенныхъ земель направляется къ сѣверо-востоку,

[1]) *Middendorf*, Sibirische Reise.

постепенно съуживаясь и уменьшаясь. Рѣки, получающія начало на этомъ плато, между различными хребтами, расположенными на его поверхности, сначала слѣдуютъ общему направленію плоской возвышенности, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, затѣмъ уходятъ черезъ какой-нибудь проломъ въ горныхъ кряжахъ и либо направляются въ бокъ къ Ленѣ или къ Амуру, либо спускаются непосредственно къ Ледовитому океану или къ Охотскому морю. Цѣпи горъ, слѣдующія одна за другой на востокѣ отъ Становаго хребта, на перерѣзъ долины Амура, затѣмъ, еще восточнѣе, вдоль морскаго прибрежья, принадлежатъ къ той-же самой орографической системѣ и слѣдуютъ въ томъ-же направленіи съ юго-запада на сѣверо востокъ.

Гористая область, простирающаяся на югѣ отъ Байкала, ограничена, близъ китайской границы, самой высокой цѣпью Становаго хребта, извѣстной у жителей Дауріи подъ именемъ „Яблоноваго“ хребта, которое, вѣроятно, произошло отъ растущихъ тамъ рощицами дикихъ яблонь: это продолженіе монгольскаго хребта Кентей. Въ дѣйствительности, эта цѣпь есть ничто иное, какъ закраина плоскогорья и представляется въ видѣ горъ только съ восточной своей стороны, надъ рѣками Ингодой и Шилкой. На западѣ дорога, идущая отъ Святаго моря къ Читѣ, поднимается до самой вершины Яблоноваго хребта по отлогой покатости, которая моглабы служить для устройства желѣзной дороги, и которая оканчивается на востокѣ озерами и болотами [1]). Верхняя часть краевой цѣпи состоитъ изъ гранитныхъ и палеозейскихъ горныхъ породъ, одѣтыхъ хвойными деревьями и усѣянныхъ на вершинѣ глыбами гранита, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ. Дождь, падающій въ изобиліи на вершины, тотчасъ-же исчезаетъ между этими гранитными глыбами и течетъ подъ камнями и подъ корнями деревьевъ до основанія горъ, гдѣ подземные ручьи показываются на поверхности, разливаясь въ видѣ обширныхъ болотъ, которыя очень затрудняютъ путешественникамъ доступъ къ скатамъ хребтовъ. Впрочемъ, верхушки Яблоновыхъ горъ тянутся однообразно, нигдѣ не представляя живописныхъ пейзажей, какіе свойственны известковымъ горамъ; на склонахъ растительность тоже имѣетъ однообразный характеръ: только березы болѣе свѣтлыми оттѣнками своей листвы мѣстами прерываютъ темную зелень сосноваго бора [2]).

Горная масса Сохондо или Чохондо, которая возвышается на югѣ и внѣ Яблоновой цѣпи, близъ монгольской границы, заключаетъ самую высокую вершину всей системы Становаго хребта. Эта двуглавая вершина высится своей отвѣсной гранитной стѣной надъ террасой, усѣянной огромными глыбами и содержащей два озера, гдѣ скопляются воды, образую-

---

[1]) *Кропоткинъ*, Рукописныя замѣтки.

[2]) *Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XXIII.

щіяся отъ таянія снѣга; можно подумать, что въ этомъ мѣстѣ обрушилась цѣлая плоскость горы. Лѣтомъ на верхнихъ скатахъ цѣпи Сохондо виднѣются кое-гдѣ полосы снѣга, но высшая ея вершина, хотя она поднимается почти на двѣ съ половиной версты, не достигаетъ границы никогда нетающихъ снѣговъ; вообще ни одна изъ вершинъ Становаго хребта, не исключая даже вершинъ сѣверной оконечности этой системы, не бываетъ покрыта снѣгомъ впродолженіе всего лѣта. Однако, группа Сохондо получаетъ зимой очень большое количество снѣга: она почти всегда бываетъ окружена облаками, такъ что рѣдко можно видѣть ея верхушку сквозь разорванныя массы паровъ. Живущіе въ сосѣдствѣ тунгусы и буряты смотрятъ на эту гору со страхомъ и трепетомъ, какъ на грозное божество, безъ сомнѣнія потому, что она почти всегда является имъ угрюмой, угрожающей, ниспосылающей на землю бури и грозы. Даже звѣроловы рѣдко отваживаются взбираться по ея скатамъ.

Хребетъ, начинающійся въ горной массѣ Сохондо, также какъ Яблоновыя горы, продолжается на сѣверо-востокъ къ Витимскому плоскогорью, тогда какъ на востокѣ другія цѣпи тянутся въ томъ-же направленіи, къ сліянію рѣкъ Шилки и Аргунь. Одна изъ этихъ цѣпей, Адонъ-чолонъ, круто возвышающаяся надъ подернутой паромъ равниной, такъ что кажется, какъ-будто она поднимается изъ моря, ограничена у своего полуденнаго основанія областью, которую можно разсматривать какъ отрывокъ монгольской степи Гоби или Шамо на русской территоріи: это плоская возвышенность, которую русскіе поселенцы называютъ обыкновенно „даурскими степями“, но не потому чтобы мѣстность тамъ походила на низменныя равнины приднѣпровья или арало-каспійской покатости: она обязана этимъ названіемъ единственно своимъ голымъ, лишеннымъ растительности, скатамъ и солености своихъ водъ; искусственная земляная насыпь, отъ которой еще видны тамъ и сямъ кое-какіе остатки, перерѣзывала нѣкогда эти степи на всемъ ихъ протяженіи отъ Становаго хребта до цѣпи Хинганъ: подобно большой китайской стѣнѣ, этотъ валъ защищалъ осѣдлыя населенія противъ набѣговъ кочевниковъ [1]); сооруженіе его приписываютъ Чингисъ-хану. Эта „степная“ область, средняя высота которой отъ 2,140 до 2,952 футовъ, отдѣлена отъ рѣки Ононъ, главной вѣтви Шилки, обширными сосновыми лѣсами, которые задерживаютъ влажные вѣтры; на самой степи воздухъ отличается большой сухостью и влажность недостаточна, чтобы вездѣ поддерживать растительность піоновъ, аконитовъ и лилій, которые придаютъ столько прелести нерчинскимъ степямъ. Во многихъ мѣстахъ нужно пройти пространства верстъ въ десять, пятнадцать и даже болѣе, прежде чѣмъ найдешь источникъ, гдѣ можно утолить жажду. Единственныя водныя площади, которыя встрѣчаешь въ углубленіяхъ

[1]) *Шишмаревъ; Крапоткинъ; Поповъ; Васильевъ.*

плато,—это озера, наполненныя соленой водой; тамъ и сямъ почва покрыта бѣлымъ налетомъ соли и магнезіи, словно снѣгомъ, недавно выпавшимъ. Одинъ изъ бассейновъ этой страны, Тарей, обыкновенно изображается на картахъ какъ двойное озеро, раздѣленное узкой полосой земли. Но самый большой изъ этихъ резервуаровъ, поверхность котораго обнимаетъ почти тысячу квадр. верстъ, часто пересыхаетъ совершенно. Такимъ видѣлъ его Палласъ, въ 1772 году; во время посѣщенія края путешественникомъ Радде, въ 1856 году, онъ тоже былъ высохшимъ уже пять лѣтъ подрядъ. Старый соединительный каналъ между двумя озерами, многочисленные острова, вокругъ которыхъ еще видны знаки, оставленные волнами, свидѣтельствовали объ изобиліи воды, которая нѣкогда находилась въ бассейнѣ; въ настоящее время малое озеро или Дзунъ-Тарей, вода котораго насыщена солью, берега-же покрыты красноватыми растеніями, очень уменьшилось въ размѣрахъ, а большое озеро или Барунъ-Тарей состоитъ лишь изъ лужъ стоячей гнилой воды, изъ пластовъ соли и громадныхъ пространствъ, поросшихъ камышемъ, откуда и произошло монгольское имя русскаго поста Хулюсутай или Улясутай, означающее „городъ камышей“. Мы видимъ здѣсь густыя чащи растеній, сильно разростающіяся на слояхъ земли, которые прикрываютъ древніе льды [1]).

Почва даурскихъ степей во многихъ мѣстахъ сплошь усѣяна мелкими голышами, камешками изъ бѣлаго кварца, яшмы, агата, происходящими отъ вывѣтриванія и распаденія сосѣднихъ горныхъ породъ, песокъ которыхъ улетѣлъ въ видѣ пыли, тогда какъ глина была унесена потоками. Тѣмъ не менѣе скудная травяная растительность разстилается по степи, и стаи птицъ, принадлежащихъ, правда, къ небольшому числу видовъ, перелетаютъ по странѣ. Это единственная область Даурiи, гдѣ встрѣчается антилопа gutturosa; тигры тоже иногда заходятъ туда, а на лугахъ бродятъ многочисленные табуны джигетаевъ или дикихъ лошадей. Козаки еще не научились укрощать и приручать этихъ прекрасныхъ животныхъ, какъ это умѣютъ дѣлать китайцы, живущіе по Желтой рѣкѣ; но мѣстные охотники съ жаромъ преслѣдуютъ джигетая ради его мяса, которое они употребляютъ въ пищу, а также ради шкуры, продаваемой ими монголамъ, у которыхъ существуетъ повѣрье, что волоса дикой лошади, особенно длинные волоса хвоста, сжигаемые на горячихъ угольяхъ и вдыхаемые домашними животными, обладаютъ свойствомъ исцѣлять ихъ отъ всякихъ болѣзней. Постоянныя странствованія дикихъ животныхъ происходятъ съ юга на сѣверъ, чѣмъ охотники и объясняютъ тотъ фактъ, что дичь каждый годъ является подъ ихъ пули. Замѣчено, что у всѣхъ водяныхъ птицъ, совершившихъ длинный перелетъ черезъ пустыню Гоби, желудокъ бываетъ наполненъ гравіемъ изъ бѣлаго кварца, проглоченнымъ

[1]) *Радде*, цитированное сочиненіе.

во время путешествія: онѣ снова принимаются за настоящую пищу только отдохнувъ при концѣ своего пути [1]). Съ другой стороны Амура происходятъ подобныя-же переселенія животныхъ, вызываемыя также климатическими перемѣнами. Козули очень хорошо знаютъ, будетъ-ли предстоящая зима суровая и особенно выпадетъ-ли большое количество снѣгу. Предчувствуя холодную и снѣжную зиму, они переселяются массой на правый берегъ Амура; въ 1867 году, когда лѣса по рѣкѣ Буреѣ вдругъ покрылись обильнымъ снѣгомъ, козули эмигрировали въ Манчжурію: въ то время Амуръ несъ уже большія льдины, на которыя и садились отдыхать отощавшія отъ усталости животныя, и жители прибрежныхъ станицъ убивали ихъ палками на этихъ ловучихъ островахъ. Мѣхъ козуль даетъ превосходныя шубы (*даха*), которыя въ большой модѣ въ Сибири, и которыхъ густая шерсть, всегда оставляемая снаружи, на лицевой сторонѣ, отлично защищаетъ отъ холода и особенно отъ вѣтра [2]).

Горныя цѣпи Дауріи, ограничивающія область пустыни, не имѣютъ растительности на своихъ скатахъ, обращенныхъ на полдень. Это явленіе подобно тому, которое мы наблюдаемъ на Алтаѣ, на Тянь-Шанѣ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа; влажность, необходимая для древесной растительности, лучше держится на тѣневой, чѣмъ на солнечной сторонѣ; сверхъ того, палы (пожары), пускаемые весной пастухами, производятъ гораздо болѣе опустошительное дѣйствіе на полуденныхъ отлогостяхъ: такъ какъ съ этой стороны распространеніе огня не задерживается снѣгомъ, то сухая трава и низкій кустарникъ выгораютъ до самой вершины горъ. Но на сѣверѣ Дауріи и пролома, черезъ который выходитъ рѣка Шилка, кряжи Становаго хребта одинаково покрыты лѣсной растительностью на обоихъ склонахъ: тамъ влажность достаточно велика, чтобы поддерживать съ той и другой стороны лѣса почти непроникаемые, по причинѣ топей и болотъ, остатковъ бывшихъ озеръ, которыя нѣкогда залегали вдоль основанія горъ. Только надъ поясомъ лѣсовъ высятся сѣроватые гранитные куполы, перерѣзанные тамъ и сямъ глубокими брешами; это тѣ гребни безъ зелени, видъ которыхъ заставилъ казаковъ дать горамъ Становаго хребта и всей восточной Сибири названіе „Гольцовъ“, то-есть „голыхъ скалъ“.

На сѣверѣ отъ Амура главныя группы Становаго хребта поднимаются между бассейномъ р. Зеи и бассейномъ р. Алдана; тамъ различныя вершины достигаютъ двухъ верстъ высоты, уступая, однако, въ этомъ отношеніи цѣпи Сохондо; ручьи и рѣки въ изобиліи текутъ съ этихъ горныхъ массъ къ Амуру, Ленѣ и другимъ главнымъ рѣкамъ, непосредственнымъ притокамъ Тихаго океана. По ту сторону болотистыхъ пло-

---

[1]) *Радде*, цитированное сочиненіе.

[2]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

скогорій, отдѣляющихъ бассейнъ Алдана отъ бассейна Уды, горная цѣпь, гораздо болѣе крутая на склонѣ, обращенномъ къ Охотскому морю, чѣмъ на противоположномъ скатѣ, принимаетъ наименованіе Алданскаго или Джугджурскаго хребта; самыя высокія ея вершины не превышаютъ тысячи метровъ (3,280 футовъ). Эта часть Становаго хребта, хотя одна изъ наименѣе возвышенныхъ, есть одна изъ самыхъ богатыхъ по разнообразію геологическихъ формацій; граниты, гнейсы, порфиры покрыты тамъ древними сланцами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже юрскими пластами; на сѣверѣ, тамъ гдѣ Алданскій хребетъ приближается къ новѣйшимъ образованіямъ Верхоянскихъ горъ, простираются слои каменно-угольной формаціи, а въ сосѣдствѣ Охотскаго моря, напротивъ вулканическаго полуострова Камчатки, видны вулканическія породы, базальты и трахиты. Мѣсторожденія желѣза, свинца, серебра и золота, найденныя въ этихъ горахъ, столь значительны, что въ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ, сдѣлались-бы предметомъ дѣятельной и обширной разработки.

Къ западу отъ Охотска и къ сѣверу отъ пролома въ горахъ, черезъ который проходитъ дорога изъ Якутска къ морю, высится гора Капитанъ, которой тунгусы дали это названіе, можетъ быть, въ память какого-нибудь русскаго капитана, или, можетъ быть, какъ главной вершинѣ всей этой гористой области; она едва переходитъ за поясъ лѣсовъ лиственницы, чтобы вступить въ область лишаевъ и оленьяго мха. Ледниковъ тамъ нигдѣ не видно, и даже вершины никогда не бываютъ покрыты снѣгомъ; но по замѣчательному контрасту, который свидѣтельствуетъ о противоположности климатовъ между Европой и Сибирью въ отношеніи атмосфернаго давленія, количества выпадающаго дождя и снѣга, направленія вѣтровъ,—эти горы Становаго хребта, неимѣющія глетчеровъ, господствуютъ, однако, надъ долинами, совершенно наполненными постояннымъ, никогда нетающимъ льдомъ. Снѣгъ, уносимый вѣтромъ съ сосѣднихъ вершинъ, скопляется у подножія Капитана; тамъ, въ этихъ впадинахъ, куда рѣдко заглядываетъ солнце, онъ постепенно превращается въ ледъ и съ теченіемъ времени занимаетъ обширные бассейны; даже источники и ручьи, текущіе въ окружающихъ долинахъ, замерзаютъ, разливаясь по огромной кристаллизованной площади. Эти лощины съ ледянымъ дномъ служатъ естественнымъ сборнымъ мѣстомъ для сѣверныхъ оленей, которые укрываются туда отъ назойливой мошкары [1]).

На востокѣ отъ Становаго хребта, другая горная цѣпь, которая начинается на манчжурской территоріи, и которую китайцы, монголы, гольды и русскіе знаютъ подъ разными наименованіями, тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ и оканчивается на югѣ Охотскаго моря выступами, изрѣзанными глубокими бухтами, и архипелагомъ Шантарскихъ

[1]) *Эрманъ*, Путешествіе по Сибири.

острововъ: эта цѣпь Даусъ-Алинь есть та самая, которую Миддендорфъ назвалъ въ своемъ описаніи Бурейскими горами, по имени значительнаго притока Амура, рѣки Буреи, текущей на западъ, параллельно хребту; русскіе обыкновенно даютъ ей наименованіе „Малаго Хингана“. Лѣса, растущіе на покатостяхъ этихъ горъ, принадлежатъ къ другой области растительности, нежели лѣса остальной Сибири; дубъ, неизвѣстный въ долинахъ Лены и Енисея, составляетъ во многихъ мѣстностяхъ Бурейскихъ горъ, господствующую древесную породу, и вообще въ этой странѣ деревья съ опадающей листвой преобладаютъ надъ хвойными породами, постоянно сохраняющими листья; вообще, что касается флоры, то мы находимся уже въ настоящей Манчжуріи. Въ лѣсныхъ чащахъ рыскаетъ тигръ, царь звѣрей, какъ называютъ его мѣстные жители: здѣсь начинается область его обитанія.

Все пространство, ограниченное на западѣ теченіемъ Уссури и нижняго Амура, занято до самаго моря холмами и горными цѣпями, которые обыкновенно обозначаются подъ общимъ именемъ „Манчжурскихъ горъ“: въ дѣйствительности это плоская возвышенность, разрѣзанная на безчисленное множество вѣтвей и снова поднимающаяся на востокѣ въ видѣ выступовъ, которые тянутся вдоль береговъ Японскаго моря, представляя со стороны этого моря свои самые крутые скаты. Также какъ Алданскій хребетъ, на который онъ походитъ своей высотой, видомъ своихъ верхнихъ макушекъ, лишенныхъ растительности и господствующихъ надъ лѣсистыми склонами, и, наконецъ, своимъ направленіемъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, хребетъ Манчжурскихъ горъ или Сухоте-Алинь (Сихота-Алинь, то-есть „Цѣпь Господня“) представляетъ лишь небольшое число проходовъ; болота и лѣса западной покатости дѣлаютъ очень затруднительнымъ сообщеніе изъ долины Уссури къ морскому прибрежью [1]): только на югѣ, широкій порогъ, гдѣ скопляются дождевыя воды, поддерживаетъ сообщеніе между большимъ озеромъ Ханкай и береговой рѣкой Суйфунъ, впадающей въ Японское море, на сѣверѣ залива Петра Великаго. Многіе утверждали, что хребетъ Сихота-Алинь отчасти вулканическаго происхожденія, и что потоки базальта, вылившіеся изъ кратеровъ этой цѣпи, выдвинулись въ Татарскій проливъ крутыми скалистыми мысами, возвышающимися саженъ на 50 и на 100 надъ поверхностью водъ [2]); но кажется, что горы въ сосѣдствѣ залива де-Кастри, которыя принимали за вулканы, въ дѣйствительности суть обыкновенныя высоты, состоящія изъ пластовъ песчаника.

Различныя высоты Становаго хребта, Бурейскихъ и Манчжурскихъ горъ суть:

---

[1]) *Гельмерсенъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, IV, 1868.
[2]) *Большевъ*, „Географическое Обозрѣніе“, май 1878 г.

Сохондо (по Радде)	8,300	фут.
Становой хребетъ, между Алданомъ и Зеей.	6,888	„
Средняя высота Алданскаго хребта . .	2,952	„
Гора Капитанъ	4,260	„
Перевалъ на Капитанѣ	4,200	„
Лагаръ-аулъ (Бурейскія горы). . . .	3,450	„
Средняя высота Сихота-Алиня. . . .	2,952	„
Голая гора, главная вершина. . . .	5,660	„

Изъ четырехъ большихъ рѣкъ Сибири Амуръ есть наименѣе значительная по протяженію своего бассейна, но она обѣщаетъ сдѣлаться современемъ самой важной рѣкой для судоходства, хотя въ наши дни она далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи рѣкамъ Обскаго бассейна, на которыхъ всѣ прибрежные города имѣютъ частыя сношенія другъ съ другомъ посредствомъ пароходовъ. Въ то время, какъ Обь, Енисей, Лена текутъ съ юга на сѣверъ, наперерѣзъ движенію населеній, и впадаютъ въ Ледовитый океанъ, Амуръ развертываетъ свои излучины въ восточномъ направленіи, по направленію историческихъ путей, и изливаетъ свои воды въ море, гдѣ суда могутъ плавать впродолженіе бо́льшей части года. Мало есть рѣкъ, которымъ-бы нужно было пройти столько гористыхъ возвышенностей, чтобы спускаться съ уступа на уступъ: получая начало на даурскомъ плоскогорьѣ, Амуръ долженъ пробить себѣ дорогу черезъ восточную краевую цѣпь этой возвышенности, чтобы вступить въ равнины своего средняго теченія, возвышающіяся на 2,000 футовъ надъ уровнемъ океана. Затѣмъ онъ пробирается въ разсѣлину хребта Малый Хинганъ, по выходѣ изъ которой течетъ по низменнымъ равнинамъ, отдѣленнымъ отъ моря хребтомъ Сихота-Алинь. Подойдя къ этой приморской цѣпи, рѣка слѣдуетъ вдоль ея основанія въ сѣверо-восточномъ направленіи; наконецъ, пробивъ этотъ послѣдній валъ, вступаетъ въ океанъ; но и тутъ она встрѣчаетъ передъ собою островъ Сахалинъ, и ея фарватеръ долженъ обходить его двумя рукавами, изъ которыхъ одинъ проходитъ на сѣверѣ острова, а другой проникаетъ на югъ въ Татарскій проливъ [1]). Амуръ, столь-же обильный водою, какъ три другія главныя рѣки сѣверной Сибири, всегда имѣлъ, какъ историческій путь, первостепенную важность: встарину онъ служилъ дорогой монголамъ, манчжурамъ, всѣмъ приходившимъ въ движеніе народамъ восточной Азіи, а теперь онъ сдѣлался продолженіемъ южнаго сибирскаго тракта, по которому слѣдовали, въ противоположномъ направленіи, русскіе завоеватели и колонисты. Нижнее теченіе Амура дополняетъ естественный путь, который начинается, на разстояніи почти 10,000 верстъ, устьемъ Невы. Вмѣстѣ съ тѣмъ при-

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

амурскія страны представляютъ для человѣка ту важную выгоду, что онѣ находятся въ болѣе умѣренномъ климатѣ, сравнительно съ климатомъ остальной Сибири; даже нѣкоторые изъ притоковъ его полуденнаго бассейна, въ предѣлахъ Китайской имперіи, получаютъ начало подъ 40-мъ градусомъ широты, слѣдовательно, ближе къ экватору, чѣмъ къ полюсу.

Такъ какъ болѣе половины Амурскаго бассейна находится еще на недостаточно изслѣдованныхъ территоріяхъ Монголіи и Манчжуріи, то невозможно вычислить съ точностью поверхность земель, которыя изливаютъ въ эту рѣку излишекъ своихъ водъ; приблизительнымъ образомъ ее опредѣляютъ въ 1.750,000 или въ 1.800,000 квадр. верстъ, что составитъ пространство въ четыре раза превосходящее площадь Франціи. Если разсматривать рѣку Керуленъ или Курулунъ какъ составную часть Амурскаго бассейна, хотя она не принадлежитъ къ нему постояннымъ образомъ, то общее протяженіе рѣки Амура и ея притока, самаго отдаленнаго по мѣсту происхожденія, составляетъ около 4,685 верстъ. Рѣка Керуленъ получаетъ начало на полуденной покатости горъ Кентей, монгольскаго продолженія Яблоноваго хребта, и течетъ на сѣверъ, вдоль основанія одной изъ террасъ плоскогорья Гоби или Шамо, затѣмъ изливается въ озеро Далай. Это „Святое“ море — ибо таково значеніе монгольскаго слова „Далай“ — принимаетъ въ себя также рѣку Урсунъ, истокъ озера Бупръ-норъ; но эти притоки, приходящіе изъ пустыни, приносятъ ему незначительное количество воды, которое почти все и уходитъ, путемъ испаренія, изъ озернаго резервуара. Изъ озера вытекаетъ лишь узкій и лѣнивый потокъ мутной воды, Далай-голъ, который соединяется съ быстрой рѣчкой Хайларъ, составляющей живой истокъ рѣки Аргунь. Во время весеннихъ разливовъ этого потока, который спускается съ возвышенныхъ долинъ хребта Большой Хинганъ, часть его водъ течетъ обратно въ Далай-голъ и черезъ этотъ каналъ вступаетъ въ озеро Далай-норъ, откуда рыба выходитъ тогда многочисленными стаями и проникаетъ черезъ Аргунь на русскую территорію. Такимъ образомъ, хотя „Святое море“ находится въ предѣлахъ Монголіи, русскіе рыболовы косвенно пользуются его рыбными богатствами, которыхъ монголы еще не надумались утилизировать [1]).

Рѣчка Хайларъ, по соединеніи съ рѣчкой Далай-голъ, принимаетъ названіе „Аргунь“ и направляется на сѣверо-востокъ, параллельно различнымъ цѣпямъ Становаго хребта, образуя политическую границу между Китаемъ и Сибирью. Что касается Шилки, рѣки, которой воды, соединенныя съ водами Аргуни, образуютъ остроконечный мысъ, называемый „Стрѣлкой“, принимая съ этого мѣста имя „Амуръ“, то бассейнъ ея почти весь находится на русской территоріи; только рѣка Ононъ, которая есть, вмѣстѣ съ Ингодой, главный притокъ Шилки, получаетъ начало въ

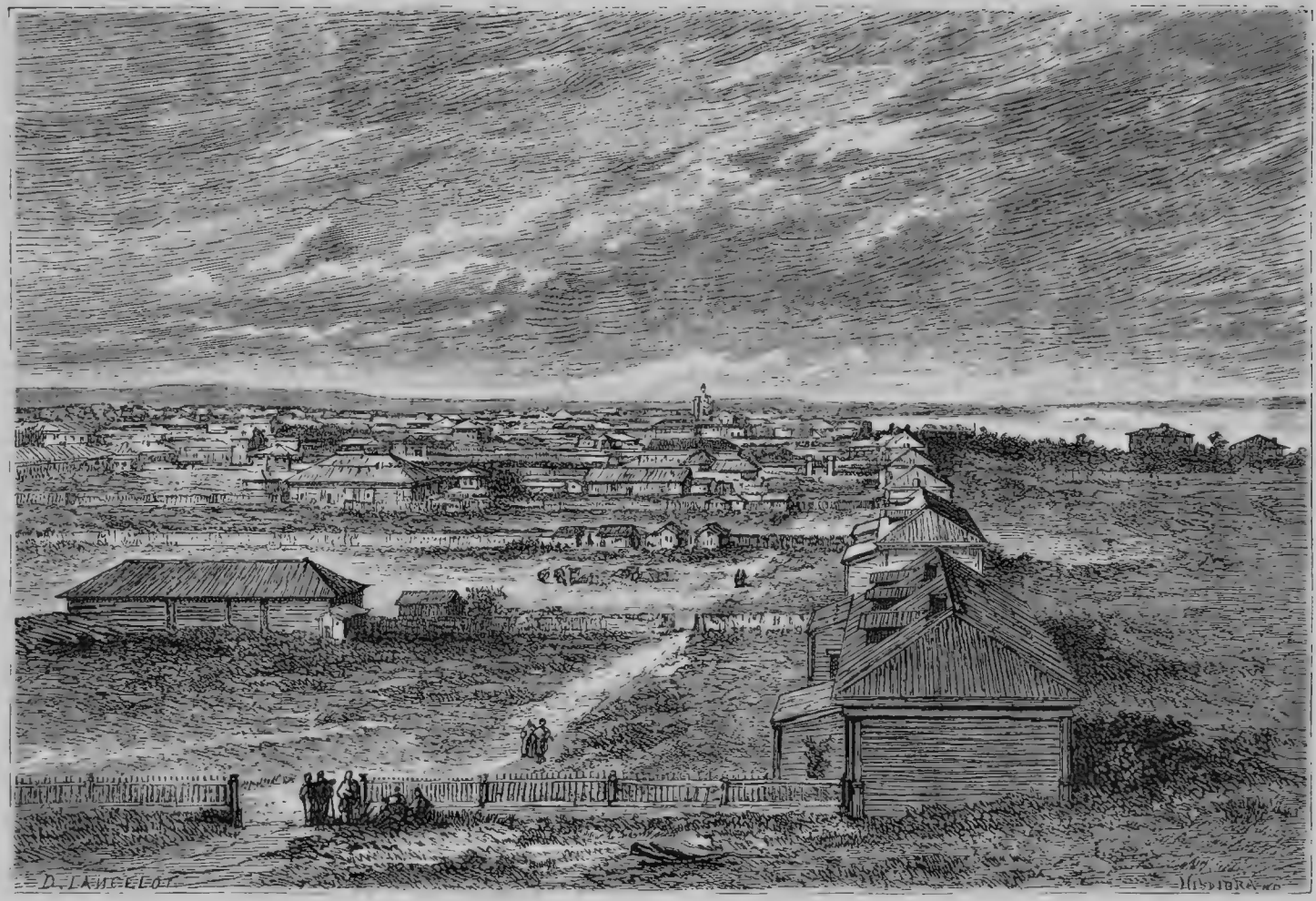
[1]) *Radde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XXIII.

предѣлахъ Монголіи и вступаетъ въ русскую Даурію не прежде, какъ обойдя издали, съ южной стороны, горную массу Сохондо. Которая изъ этихъ двухъ рѣкъ, Аргунь или Шилка, должна быть разсматриваема какъ главная вѣтвь Амура? Аргунь превосходитъ Шилку въ отношеніи длины бассейна, но Шилка, протекающая по болѣе сырой области, катитъ, вѣроятно, бо̀льшее количество воды, и эта вода содержитъ въ себѣ менѣе землистыхъ частицъ. Въ историческомъ отношеніи прозрачная Шилка тоже является болѣе важной рѣкой, такъ какъ воды ея носили ладьи казаковъ, которые столько разъ пытались утвердиться на берегахъ Амура, или поддерживать тамъ свои поселенія, уже основанныя, прежде чѣмъ Муравьевъ-Амурскій не овладѣлъ окончательно всѣмъ теченіемъ главной рѣки, въ 1853 году. Между тѣмъ какъ на югѣ, для монголовъ, проводящихъ все время на конѣ, излюбленной дорогой служитъ звонкая почва степей, русскіе предпочитали спускаться или подниматься по теченію рѣкъ, и Шилка, судоходная во всей своей нижней части, представляла имъ прямой путь, чтобы направляться на востокъ, по другую сторону Хинганскихъ горъ. Тунгусы, кочующіе по Шилкѣ, тоже обозначаютъ этимъ именемъ все нижнее теченіе рѣки, внизъ отъ сліянія ея съ Аргунью. Происхожденіе имени Амура неизвѣстно въ точности: одни производятъ его отъ гиляцкихъ словъ „Я-муръ“, означающихъ „Большую Рѣку“ [1]); по мнѣнію другихъ, оно есть ничто иное, какъ измѣненное названіе „Маму“, употребляемое прибрежными туземцами, обитающими по нижнему теченію рѣки; третьи, наконецъ, полагаютъ, что это слово произошло оттого, что первые русскіе, укрѣпившіеся въ верховьяхъ Амура, въ городкѣ Албазинѣ, на берегахъ ручья Эмури, стали впослѣдствіи придавать долинѣ этого маленькаго потока, столь храбро оспариваемой ими, легендарную важность, такъ что прозвище Эмуръ или Амуръ сдѣлалось наименованіемъ всей страны и протекающей черезъ нее главной рѣки. Какъ-бы то ни было, каждый изъ народовъ, которые встрѣчаются въ долинѣ Амура, даетъ этой рѣкѣ различное наименованіе. Гольды называютъ ее Манго, якуты—Кара-Туранъ или „Черной Рѣкой“; манчжуры—Сахалинъ-ула или „Рѣкой черной воды“; китайцы—Гелонгъ-Кіангъ или „Рѣкой Чернаго дракона“, безъ сомнѣнія, по причинѣ темнаго цвѣта ея водъ.

У мыса Стрѣлки, въ мѣстѣ сліянія Шилки съ Аргунью, Амуръ имѣетъ уже отъ 8 до 10 аршинъ глубины, а ширина его безъ малаго полверсты. Стѣсненный между выступами горъ Большаго Хингана и боковыми отрогами Становаго хребта, онъ направляется на востокъ черезъ рядъ ущелій, по выходѣ изъ которыхъ спускается на юго-востокъ, слѣдуя вдоль подошвы высотъ вулканической цѣпи Илькури-Алинь. Ниже, по

---

[1]) *Carl Ritter*, Asien.



БЛАГОВѢЩЕНСКЪ НА АМУРѢ.

обѣ стороны его теченія, но особенно на лѣвой сторонѣ, между притоками Зеей и Буреей, разстилаются обширныя равнины, которыя Миддендорфъ сравниваетъ съ „преріями“ Новаго Свѣта, хотя поверхность ихъ тамъ и сямъ перерѣзана оврагами и рытвинами; но эти равнины не покрыты злаками, какъ американскія травяныя степи, а поросли на обширныхъ пространствахъ чащами мелкаго дуба, орѣшника и другихъ кустарниковъ; подобно преріямъ, онѣ даютъ обильныя жатвы земледѣльцу, который расчищаетъ ихъ подъ пашни.

Также какъ другія большія рѣки Сибири, Амуръ представляетъ нормальный потокъ, то-есть правый его берегъ, вообще говоря, выше лѣваго. По принятіи въ себя съ лѣвой стороны притоковъ Зеи и Буреи, Амуръ ударяется о цѣпь горъ, извѣстную подъ именемъ „Малаго Хингана“ и долженъ пройти черезъ нее ущельемъ въ 160 верстъ длины, болѣе величественнымъ, чѣмъ рейнскія тѣснины между Бингеномъ и Кобленцомъ, но, конечно, неимѣющимъ той красы, которую придаютъ пейзажамъ на Рейнѣ города, пріютившіеся на узкомъ берегу, зеленѣющія нивы на косогорахъ и замки, лежащіе въ развалинахъ или заново отстроенные—на вершинахъ скалъ. Никакой дороги еще не проложено вдоль рѣки въ этомъ проломѣ горъ; существуетъ только тропинка, да и та исчезаетъ подъ водой во время разливовъ; всадники, желающіе попасть съ одной стороны хребта Малый Хинганъ на другую, должны удалиться отъ берега Амура и пробираться съ большимъ трудомъ черезъ лѣса, чтобы объѣхать выступы горъ или мысы въ нѣсколько сотъ метровъ высоты, омывающіе скалы своего основанія въ глубокой водѣ рѣчнаго потока. По выходѣ изъ этого ущелья, которое тянется по направленію съ сѣвера на югъ, Амуръ изгибается къ востоку, затѣмъ къ сѣверо-востоку, слѣдуя такимъ образомъ толчку, который сообщаетъ ему могучій Сунгари или Куэнъ-Гонгъ, считаемый китайцами главной рѣкой. Какъ Обь — Иртышъ, Енисей — Ангара, Амуръ или Аргунь—Шилка, Сунгари тоже образуется изъ двухъ рѣкъ почти равныхъ по обилію, Верхняго Сунгари и Ноньи [1]).

Сунгари дѣйствительно можетъ быть разсматриваемъ какъ главная вѣтвь рѣчнаго ствола, не по развитію или длинѣ его теченія, ни, вѣроятно, по количеству воды, но по оріентированію его долины, развертывающейся параллельно хребту Хинганъ, горамъ Манчжуріи и самой оси всей сѣверо-восточной Азіи. При сліяніи съ Амуромъ мутныя воды Сунгари, то зеленоватаго, то молочнаго цвѣта,— откуда и произошло манчжурское названіе „Молочной рѣки“, данное Сунгари,—занимаютъ около двухъ третей общаго ложа. Выше впаденія Сунгари, Амуръ и его притоки имѣютъ очень измѣнчивую высоту воды, и уровень ихъ быстро понижается въ лѣтніе мѣсяцы. Этотъ фактъ доказываетъ, что различныя

[1]) *Karl Ritter*, Asien.

группы горъ, окружающія верхній бассейнъ Амура, не настолько высоки, чтобы вершины ихъ могли быть покрыты большими пространствами постоянныхъ снѣговъ; таяніе фирновыхъ полей недостаточно, какъ на Альпахъ, для поддержанія уровня водъ въ періодъ мелководья; оттого судоходство среди пороговъ сопряжено съ большими опасностями. Горныя цѣпи, окружающія бассейнъ Сунгари еще недостаточно извѣстны, чтобы можно было вычислить, въ стокѣ рѣки, количество воды, доставляемое таяніемъ ихъ снѣговъ; тѣмъ не менѣе вѣроятно, что хребетъ Шанъ-Алинь или „Бѣлыя горы“, составляющія восточную границу этого бассейна, достигаютъ, какъ показываетъ самое ихъ названіе, пояса постоянныхъ снѣговъ, слѣдовательно отъ трехъ до четырехъ тысячъ метровъ высоты, и такимъ образомъ способствуютъ увеличенію рѣчныхъ разливовъ. Но главная причина выступленія изъ береговъ Сунгари и другихъ рѣкъ восточной Сибири—это обиліе дождей, приносимыхъ лѣтними муссонами, которые дуютъ съ сѣверо-востока по направленію къ нагорьямъ Монголіи. Ниже сліянія съ Сунгари Амуръ принимаетъ тогда видъ моря въ движеніи; острова покрываются водой; всѣ вѣтви рѣки, развѣтвляющіяся на протяженіи 10, даже 20 верстъ, сливаются въ одинъ безбрежный потокъ; деревни уносятся вмѣстѣ съ крутоярыми берегами, на которыхъ онѣ были построены, и вырванныя съ корнемъ деревья, цѣлые лѣса плывутъ длинными вереницами, увлекаемые теченіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ низовье Амура колонизовано русскими, часто приходилось перемѣнять мѣстоположеніе прибрежныхъ станицъ, чтобы перенести ихъ на террасы болѣе возвышенныя или менѣе разрываемыя водой при основаніи.

Сунгари, находящійся всѣмъ своимъ теченіемъ въ предѣлахъ Китайскаго царства, принадлежитъ исторически и соціально къ совершенно другому міру, чѣмъ Амуръ. Въ то время, какъ эта послѣдняя рѣка, сдѣлавшаяся русской по праву завоеванія, извивалась недавно внѣ области цивилизованныхъ народовъ и носила на своихъ водахъ лишь барки полудикихъ тунгусовъ и гольдовъ, Сунгари, напротивъ, орошаетъ бассейнъ, гдѣ города многочисленны, гдѣ воздѣланныя равнины занимаютъ значительныя пространства, и гдѣ пути сообщенія пересѣкаютъ страну въ разныхъ направленіяхъ. Бассейнъ Амура въ собственномъ смыслѣ представляетъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, безлюдную, мало изслѣдованную пустыню, тогда какъ на китайскомъ Сунгари сотни тысячъ жителей скучены въ деревняхъ, выше города Сянь-Синъ-Ченъ. Приамурскій край и страна по теченію Сунгари, хотя и составляетъ часть одного и того же гидрографическаго бассейна, имѣютъ, однако, противоположные центры притяженія. На Амурѣ движеніе людей и товаровъ совершается по направленію отъ запада къ востоку, изъ Иркутска въ Хабаровку и на берега Тихаго океана; населеніе сунгарійскаго края устремляетъ взоры на югъ, къ Мукдену, Желтому морю и Пекину. Сообщенія между

китайскимъ Сунгари и русскими владѣніями рѣдки, и русскимъ путешественникамъ Максимовичу, Усольцеву, Кропоткину, Хилковскому не безъ труда удалось проникнуть черезъ эту рѣку въ предѣлы Небесной имперіи.

Но рѣка Уссури, составляющая, послѣ Сунгари, главный протокъ низоваго Амура, принадлежитъ отнынѣ къ русскому міру. Выбранная, въ 1860 году, за границу между двумя имперіями, эта рѣка течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ въ бороздѣ или продольной впадинѣ, раздѣляющей два параллельные хребта Шанъ-Алинь и Сухоте-Алинь и долина ея сдѣлалась стратегическимъ и торговымъ путемъ, который ведетъ съ береговъ Амура къ южнымъ портамъ русской Манчжуріи. Уссури принимаетъ это имя только въ средней части своего бассейна, ниже впаденія всѣхъ верхнихъ притоковъ, изъ которыхъ одинъ, рѣка Сунгача, выходитъ изъ „срединемнаго“ моря, ибо таковъ смыслъ китайскаго слова Ханъ-кай или Ханъ-хай, изъ котораго русскіе сдѣлали наименованіе Ханка или Хинка. Это обширное озеро, измѣнчивая поверхность котораго обнимаетъ, среднимъ числомъ, около 3,000 квадр. верстъ, можетъ быть разсматриваемо, несмотря на его громкое китайское прозвище, просто какъ постоянное наводненіе, ибо глубина его, какъ кажется, ни въ одномъ мѣстѣ не превышаетъ 14 аршинъ: можно идти по озеру на разстояніе цѣлой версты, не находя болѣе 30 сантиметровъ воды [1]). Но въ эпоху лѣтнихъ муссоновъ, приносящихъ столь значительное количество дождевой воды въ область нижняго Амура, Ханка выступаетъ изъ береговъ и разливается на далекое пространство въ низменной равнинѣ, которую оно нѣкогда занимало, образуя тогда настоящее „внутренее море“. Въ обыкновенное время Ханка дѣлится на два резервуара, „Большое озеро“ и „Малое озеро“, отдѣленные одинъ отъ другаго песчаной косой замѣчательно правильнаго очертанія, которая закругляется къ сѣверу, такъ что составляетъ точное продолженіе кривой береговъ, восточныхъ и западныхъ: этотъ береговой кордонъ, развертывающій свою дугу круга съ геометрической отчетливостью, походитъ на тысячи другихъ песчаныхъ косъ подобной же формы, слѣдующихъ одна за другой по берегамъ океана; но мало извѣстно примѣровъ этого рода образованій на берегу относительно необширныхъ озерныхъ бассейновъ. Это объясняется тѣмъ, что внутреннія водныя площади, по большей части, защищены отъ вѣтровъ, и что послѣдніе не приходятъ на нихъ регулярно изъ одной и той же стороны горизонта. Озеро Ханка, напротивъ, совершенно выставлено дѣйствію полуденныхъ вѣтровъ, которые дуютъ впродолженіе большой части года, низвергаясь въ проломъ, открывающійся на западѣ горной цѣпи Сухоте-Алинь; такимъ образомъ на поверхности бассейна

[1]) *Будишевъ*, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, янв. 1868 г.

образуется правильная зыбь, которая направляется съ юга на сѣверъ и очерчиваетъ съ замѣчательной отчетливостью кругообразный контуръ плоскихъ береговъ. „Средиземное море“ Уссурійскаго края очень богато рыбой, а въ первыя времена занятія края русскими и сама рѣка Уссури отличалась необычайнымъ обиліемъ рыбъ всякой породы, въ особенности стерлядей, карповъ и лососей. Переходя въ бродъ потоки, посредствомъ которыхъ рѣка сообщается съ озерами своихъ береговъ, въ періодъ ежегоднаго поднятія лососей вверхъ по теченію, для метанія икры, путешественники просто руками ловили рыбу десятками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыба кишѣла въ такомъ множествѣ, что слышенъ былъ глухой шумъ отъ ея плавниковъ. По соединеніи съ Уссури, Амуръ течетъ отнынѣ цѣликомъ на русской территоріи. Въ него, правда, еще впадаютъ справа и слѣва, важныя рѣки, но онъ уже достигъ своей полной ширины, и новые притоки его, повидимому, ничего не прибавляютъ къ его жидкой массѣ. Дробясь на многочисленныя рукава вокругъ травянистыхъ острововъ, онъ извивается въ своей широкой долинѣ, описывая излучины и ударяясь черезъ извѣстные промежутки объ основаніе холмовъ своего праваго берега; озера и обширныя болота сопровождаютъ его теченіе, преимущественно на лѣвомъ берегу, и служатъ ему водоотводными резервуарами во время наводненій: измѣнчивые каналы, въ которыхъ теченіе часто мѣняетъ свое направленіе въ прямо противоположное, сообразно колебаніямъ рѣчнаго уровня, соединяютъ Амуръ съ этими скопленіями стоячихъ водъ. Одно изъ этихъ озеръ, Кизи, занимаетъ на восточной сторонѣ рѣки большую часть поперечной впадины, направляющейся къ заливу де-Кастри. Въ этомъ мѣстѣ долина нижняго Амура напоминаетъ своей формой долину низовьевъ Дуная, который направляется къ Кюстенджійскому перешейку, какъ будто для того, чтобы прямо броситься въ Черное море, и который, однако, долженъ вдругъ повернуть подъ прямымъ угломъ, чтобы обойти съ западной и сѣверной стороны полуостровъ Добруджу. Точно также и Амуръ, хотя наполняетъ на половину перешеекъ Кизи боковымъ потокомъ, направляется, однако, главнымъ своимъ теченіемъ къ сѣверу, гдѣ и находитъ, наконецъ, проломъ въ приморскихъ высотахъ, позволяющій ему вступить въ Тихій океанъ. Простой водоотводный резервуаръ Амура, озеро Кизи имѣетъ всего только около трехъ четвертей аршина глубины, въ зимніе мѣсяцы, въ періодъ мелководья рѣки, тогда какъ лѣтомъ, во время разливовъ, уровень его поднимается до 10 футовъ. Невысокій и некрутой хребетъ, около 15 верстъ шириною, отдѣляетъ озеро отъ берега Тихаго океана, но туземцы могутъ пользоваться для своихъ лодокъ маленькой рѣчкой Табой, спускающейся съ этого хребта, и отъ одной покатости до другой, волокъ, который имъ нужно пройти, не имѣетъ даже двухъ верстъ въ длину. Съ 1857 года инженеръ Романовъ производилъ изслѣдованіе этого волока, въ видахъ

устройства желѣзной дороги, длиною около 50 верстъ, которая избавила бы путешественниковъ отъ необходимости дѣлать крюкъ почти въ 500 верстъ по опасному для плаванія устью Амура; но осуществленіе подобнаго проэкта не принесло бы почти никакой пользы пока русскія колоніи того края будутъ имѣть столь маловажное значеніе, какое онѣ имѣютъ въ наши дни. Въ 1878 году не существовало даже хорошей колесной дороги черезъ перешеекъ Кизи.

Отброшенный къ сѣверу, Амуръ сообщается еще, на правой и на лѣвой сторонѣ, съ нѣсколькими озерами, которыя напоминаютъ то время, когда эта рѣка искала себѣ выхода къ морю. Въ этой части своего теченія Амуръ является еще, такъ сказать, недоконченнымъ, не вполнѣ сформировавшимся: воды его образуютъ цѣлый лабиринтъ живыхъ рукавовъ, лѣнивыхъ потоковъ и озеръ, въ которыхъ еще рѣзвятся кашалоты, заходящіе изъ открытаго моря. Большая рѣка Амгунь, спускающаяся съ Бурейскихъ горъ, соединяется съ Амуромъ и образуетъ нѣчто въ родѣ внутренней дельты, гдѣ движеніе водъ перемѣщается сообразно разливамъ, безпрестанно измѣняя форму острововъ и песчаныхъ мелей. Напротивъ этой дельты Амгуни, близъ гилякской деревни Тыръ, высятся, на одной скалѣ праваго берега, три колонны, изъ мрамора, порфира и гранита, покрытыя монгольскими надписями: это пограничные знаки Срединной имперіи, воздвигнутые династіей Іоанъ, въ ту эпоху, когда ей былъ подвластенъ Китай, въ концѣ тринадцатаго и въ четырнадцатомъ столѣтіяхъ. На картѣ Ремезова, появившейся въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ этомъ мѣстѣ показанъ городъ, какъ предѣлъ завоеваній царя Александра Македонскаго, который „спряталъ тамъ свое оружіе и оставилъ колоколъ“: таково преданіе, распространенное между казаками [1]). Впрочемъ, выборъ скалы Тыръ, какъ границы имперіи, какъ нельзя болѣе удаченъ, потому что тотчасъ же ниже этого утеса Амуръ изгибается къ сѣверо-востоку, затѣмъ къ востоку, и наконецъ, находитъ проломъ, черезъ который можетъ изливаться въ океанъ или, вѣрнѣе сказать, въ мелководный, усѣянный песчаными мелями лиманъ, образуемый Татарскимъ проливомъ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ континента до острова Сахалина море занято подводными мелями, между коими извиваются судоходные фарватеры, излучины которыхъ перемѣщаются во время каждой бури, и по которымъ лоцманы должны каждый разъ слѣдовать съ лотомъ въ рукѣ. Эти затрудненія при входѣ, а также продолжительное замерзаніе и скопленіе льда, запирающее устье Амура впродолженіе шести мѣсяцевъ въ году, составляютъ большія препятствія для торговли и отчасти уничтожаютъ выгоды, которыя представляетъ эта рѣка и ея притоки развитіемъ своихъ судоходныхъ путей, исчисляемыхъ въ 10,000 верстъ. Въ озерномъ

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

лабиринтѣ нижняго теченія Амура, еще весьма недостаточно извѣстномъ, плаваніе сопряжено съ большой опасностью въ бурную погоду: во время одной бури болѣе сорока русскихъ барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, потерпѣли крушеніе на серединѣ рѣки, вслѣдствіе того, что въ подводной ихъ части, между кормой и носомъ, образовались пробоины, въ которыя и хлынула вода; три четверти продовольствія, предназначеннаго для Николаевска и постовъ уссурійскаго края, были поглощены волнами [1]).

На сѣверѣ отъ Амурскаго лимана нѣсколько рѣкъ, получающихъ начало въ холмистой области, которую ограничиваютъ съ сѣверо-запада Становой хребетъ, съ юго-востока—продолженіе Бурейскихъ горъ, изливаютъ свои воды въ фьорды Охотскаго моря. Многочисленные острова гористаго Шантарскаго архипелага разсѣяны въ открытомъ морѣ, впереди всѣхъ этихъ заливовъ; во всякомъ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ, въ сосѣдствѣ населенныхъ морскихъ береговъ, эти острова имѣли бы большую важность, торговую и стратегическую, какъ защита внутреннихъ бухтъ и ихъ безчисленныхъ бухточекъ; но среди холодныхъ тумановъ, господствующихъ въ Охотскомъ морѣ, всѣ эти великолѣпныя гавани, такъ хорошо защищенныя отъ вѣтровъ, приносятъ пользу только немногочисленнымъ рыболовамъ. Поэтому русскіе естественно должны были обращать взоры на югъ отъ Амура, къ болѣе удобнымъ для судоходства берегамъ, чтобы найти тамъ порты, которые могли бы вступить въ торговыя сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ. Такова побудительная причина дипломатической дѣятельности, выказанной русскимъ правительствомъ, чтобы добиться сначала, въ 1858 году, совмѣстнаго съ Китаемъ владѣнія всей областью морскаго прибрежья, заключающейся между Амуромъ и Кореей, затѣмъ, въ 1860 году, чтобы пріобрѣсти ее въ исключительную собственность Россіи.

Уже весь скалистый берегъ, расположенный напротивъ острова Сахалина, представляетъ нѣсколько хорошихъ гаваней, которыя могли бы имѣть нѣкоторую пользу въ торговомъ отношеніи, если бы окружающія мѣстности были колонизованы, и если бы открылись удобныя средства сообщенія черезъ горы и лѣса прибрежной полосы. Такъ бухта де-Кастри, которую первый посѣтилъ Лаперузъ, въ 1787 году, и которой онъ далъ носимое ею нынѣ имя, можетъ служить пристанищемъ для цѣлыхъ флотовъ судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ; нѣтъ сомнѣнія, что ея положеніе въ сосѣдствѣ Амура доставитъ ей рано или поздно дѣйствительную важность, и что ея внѣшній рейдъ и ея бухточки, защищенныя песчаными мелями и островками, покроются со временемъ многочисленными барками. На югѣ бухта Старкъ, Императорскій портъ, заливъ Пластунъ, заливы св. Владиміра и св. Ольги, слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

морскаго берега, и несмотря на туманы и бури, царствующіе на этомъ опасномъ Японскомъ морѣ, купцы китайскіе и русскіе узнали туда дорогу и посылаютъ свои суда, главнымъ образомъ для покупки тамъ „морской капусты", водорослей, отправляемыхъ въ Китай и Японію, гдѣ они служатъ пищей для бѣднаго люда и употребляются для приготовленія клея [1]).

Берега заливовъ св. Владиміра и св. Ольги многіе путешественники сравнивали съ берегами Финляндіи, по причинѣ многочисленныхъ изсѣченій прибрежья, подводныхъ гранитныхъ скалъ, которыми оно окаймлено, и очевидныхъ слѣдовъ медленнаго поднятія материка, которое тамъ наблюдали: линіи старыхъ береговъ видны на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря. Но даже независимо отъ того, находится или не находится она въ поясѣ постепеннаго поднятія почвы, часть прибрежья, поворачивающая отъ мыса Островнаго прямо на западъ и продолжающаяся до самаго основанія полуострова Кореи, вполнѣ представляетъ видъ одного изъ береговъ Финляндіи или Скандинавіи, изсѣченныхъ и разрѣзанныхъ на безконечное множество заливовъ, бухтъ и бухточекъ, съ безчисленными архипелагами острововъ, островковъ и подводныхъ скалъ или шхеръ. Часть этихъ изсѣченій, занимающая отъ востока къ западу около 200 верстъ протяженія, образуетъ большой заливъ, которому англичане дали имя Викторіи, тогда какъ русскіе посвятили его памяти Петра Великаго; но этотъ заливъ самъ по себѣ представляетъ цѣлое море, гдѣ завоеватели могли затрудняться развѣ только въ выборѣ, чтобы найти удобный военный и коммерческій портъ. На востокѣ расположена полукругомъ бухта Америка, въ которую впадаетъ судоходная рѣка Сучанъ, и которая врѣзывается справа и слѣва въ материкъ, чтобы образовать два порта—Врангель и Находку. Въ центрѣ находятся два залива Уссурійскій и Амурскій, между которыми выдвинулся полуостровъ Муравьева, гдѣ на берегу бухты Золотой Рогъ, построенъ Владивостокъ, лучшій русскій портъ въ Японскомъ морѣ; наконецъ, на западъ находимъ извилистыя бухты залива Посьетъ, еще лучше защищенныя, чѣмъ Тулонская бухта, скалистыми полуостровами, узкими полосами земли и песчаными косами, изогнутыми на подобіе „клешней рака". Этимъ то военнымъ постомъ, съ пушками, всегда обращенными дуломъ къ югу, и оканчивается, со стороны Китая и Японіи, громадная Россійская имперія.

Даже въ самой полуденной части русской Манчжуріи зимній климатъ очень суровъ. Хотя заливъ Петра Великаго круглый годъ не замерзаетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, но на маленькихъ бухтахъ прибрежья, начиная съ декабря мѣсяца, разстилается сплошная

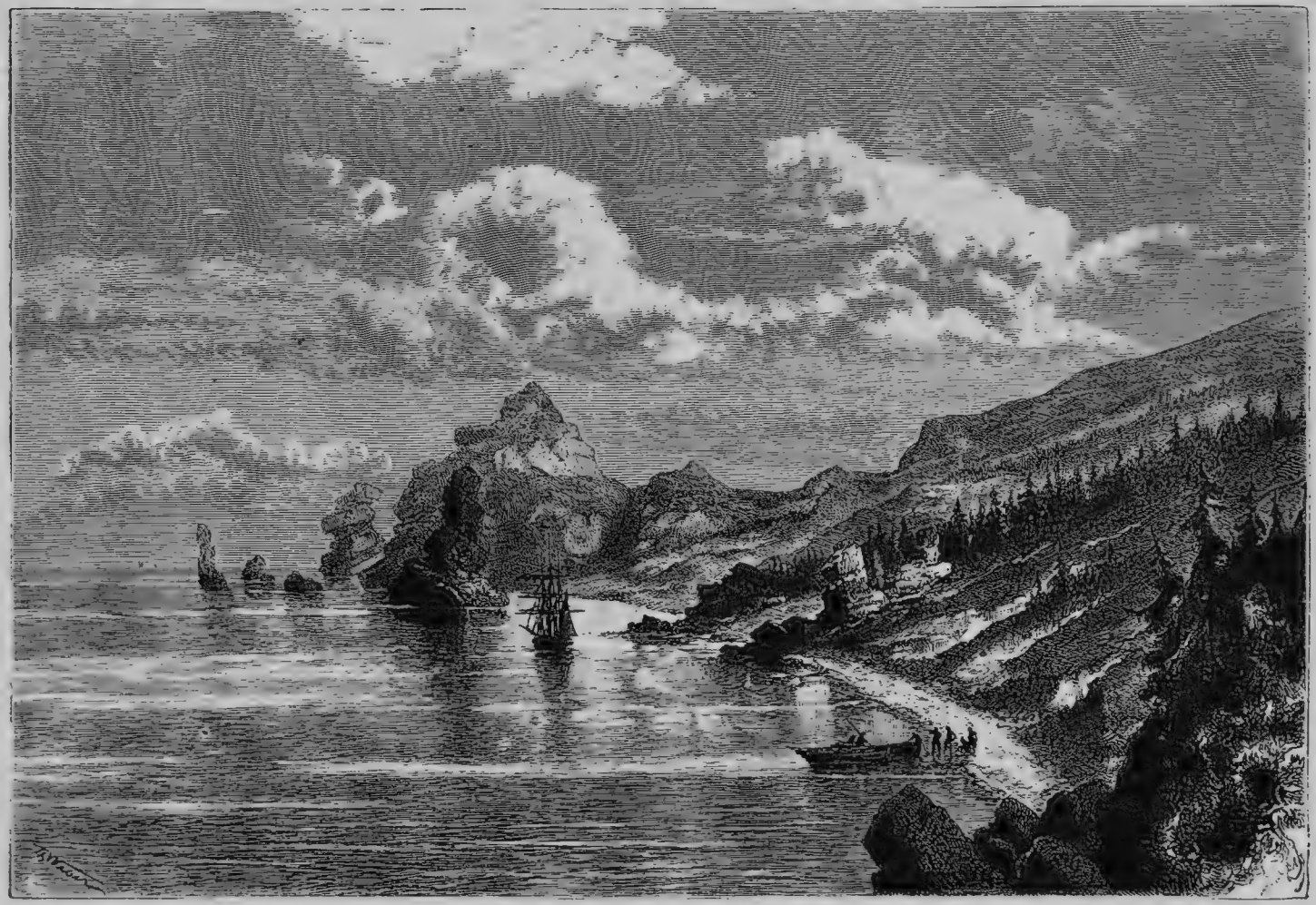
[1]) *Большевъ*, Экспедиція 1874 года, „Географическое Обозрѣніе", іюнь, 1879 г.

ледяная кора; въ портѣ Владивостокъ суда остаются запертыми льдомъ впродолженіе ста слишкомъ дней въ году. Въ этомъ мѣстѣ годовая температура почти на десять съ половиной градусовъ ниже, чѣмъ подъ той же широтой въ западной Европѣ; для сравненія приводимъ среднія температуры Владивостока и Марсели:

Владивостокъ (43°07′ с. ш.). . . . . 4°,1
Марсель (43°17′50″ с. ш.) . . . . . 14°,36

Озеро Ханка тоже бываетъ покрыто цѣлыхъ пять мѣсяцевъ слоемъ льда, который достигаетъ полутора аршинъ толщины [1]). Въ бассейнѣ Амура зимой термометръ нерѣдко показываетъ —40 градусовъ, а въ Нерчинскомъ заводѣ даже случалось наблюдать 45 градусные морозы. Зато лѣтнія жары тамъ почти такъ-же сильны, какъ въ жаркомъ поясѣ; даже на берегу моря, въ портѣ св. Ольги, температура поднимается до 36 и болѣе градусовъ. Эта часть Сибири, хотя она лежитъ на берегахъ Тихаго океана, находится, однако, въ области континентальнаго климата, что́ зависитъ отъ направленія теченій, атмосферныхъ и морскихъ. Теплыя воды, распространяющіяся въ Великомъ океанѣ вдоль восточныхъ береговъ Японіи, направляются на сѣверо-востокъ, оставляя въ сторонѣ Сахалинъ и Курильскіе острова, затѣмъ текутъ обратно на югъ, слѣдуя вдоль береговъ Ванкувера, Орегона и Калифорніи. Такимъ образомъ азіатское прибрежье находится внѣ сферы теплотворнаго вліянія южныхъ морскихъ теченій, и льды, образующіеся зимой въ Охотскомъ морѣ и на подводныхъ меляхъ Татарскаго пролива, охлаждаютъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ атмосферу прибрежныхъ мѣстностей. Сверхъ того, зимой на эту страну постоянно дуютъ холодные вѣтры, лѣтомъ, напротивъ, теплые, вслѣдствіе чего нормальная температура увеличивается въ томъ и другомъ направленіи: въ сезонъ холодовъ она дѣлается болѣе низкой, въ сезонъ жаровъ болѣе высокой, чѣмъ бы слѣдовало. Климатическая противоположность между внутренней областью, около верховьевъ Амура, и областью морскаго прибрежья амурскаго и манчжурскаго происходитъ главнымъ образомъ оттого, что нагорья центральной Азіи и воды Тихаго океана оказываютъ отклоняющее вліяніе на ходъ вѣтровъ. Въ то время, какъ на верхнемъ Амурѣ полярный сѣверо-восточный воздушный токъ, или зимній вѣтеръ и юго-западный противо-пассатъ, или лѣтній вѣтеръ всегда сохраняютъ свое нормальное направленіе, атмосферныя теченія, господствующія на восточныхъ берегахъ Сибири, приходятъ съ сѣверо-запада и съ юго-востока. Извѣстно, какія огромныя количества дождевой воды приносятъ эти юго-восточные муссоны въ бассейнъ Амура и на берега аянскій и охотскій: въ періодъ ихъ дуновенія цѣлое море облаковъ, сквозь которыя рѣдко когда проглянетъ свѣтлый кусокъ неба,

[1]) *Пржевальскій*, „Вѣстникъ Европы“, 1870 г., томъ III.



МЫСЪ ЖОНКІЕРЪ НА САХАЛИНѢ.

постоянно виситъ сводомъ надъ волнующейся поверхностью моря. Но если климатъ восточной Сибири отличается своими крайностями тепла и холода, сухости и сырости воздуха, то онъ по крайней мѣрѣ имѣетъ за собой преимущество большой правильности въ ходѣ его годовыхъ измѣненій. Онъ не представляетъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ температуры, какія свойственны климату западной Сибири. Сухіе холода зимы, сырыя жары лѣта держатся тамъ правильно, безъ внезапныхъ и быстрыхъ перемѣнъ. Въ наименѣе сыромъ мѣсяцѣ, въ февралѣ, паденіе атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ дождя или снѣга, представляетъ въ Нерчинскомъ заводѣ только пятьдесятъ восьмую часть дождевой воды, выпадающей въ мѣсяцѣ проливныхъ дождей [1]). Во Владивостокѣ разность между зимними снѣгами и лѣтними дождями еще болѣе значительна; первые представляютъ количество почти въ 840 разъ меньшее, нежели вторые. Въ 1858 году г. Венюкову пришлось выдержать на берегахъ Уссури дождь впродолженіе 45 дней подъ рядъ. Отъ чрезмѣрно обильныхъ дождей гніютъ посѣвы казаковъ уссурійскаго края и полуденнаго Амура, которые еще не научились подражать китайцамъ, умѣющимъ приспособлять различные роды культуръ къ перемѣнамъ временъ года [2]).

Особенностямъ климата, свойственнаго восточной Сибири, естественно соотвѣтствуютъ и отличительныя черты растительнаго и животнаго царствъ. Лѣса, черезъ которые путешественнику приходится проходить въ бассейнѣ Амура, не состоятъ, какъ тайга на покатости Ледовитаго океана, сплошь изъ однѣхъ и тѣхъ же породъ хвойныхъ деревъ. Формы древесной растительности въ Амурскомъ краѣ очень разнообразны, но распредѣленіе ихъ довольно однообразно [3]). Къ соснамъ, елямъ, кедрамъ, лиственницамъ тамъ примѣшиваются лиственныя деревья, не только русская береза, но также дубъ, вязъ, грабина, ясень, кленъ, липа, осина, и между этими деревьями есть такія, которыя поднимаются саженъ на 14 въ вышину, и стволъ которыхъ имѣетъ болѣе полутора аршинъ въ толщину. Въ полуденной части мѣстностей по теченію Уссури и на скатахъ хребта Сихоте-Алинь лиственные лѣса преобладаютъ надъ лѣсами съ постоянно зеленѣющими иглами. Ліаны дикаго винограда обвиваются вокругъ стволовъ сосенъ въ лѣсахъ Амурскаго края, и ягоды ихъ вызрѣваютъ, хотя до сихъ поръ еще не удалось развести съ пользой домашній виноградъ. На верхнемъ Уссури китайцы имѣютъ плантаціи джиншеня или стосила (panax ginseng), драгоцѣннаго растенія, корень котораго, якобы обладающій свойствомъ „исцѣлять отъ всякихъ болѣзней“, покупается на вѣсъ золота; дикія плодовыя деревья орѣховое, персиковое, грушевое растутъ

[1]) *Восйковъ*, Die Atmosphärische Circulation, Ergänzungsheft zu den Mittheil. von Petermann, № 38.

[2]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

[3]) *Макъ*, Уссурійскій край; *Максимовичъ*, Primit. Flor. Amurens.

въ лѣсахъ, и сдѣланныя вокругъ деревень попытки насажденія фруктовыхъ садовъ доказываютъ, что Уссурійскій край можетъ сдѣлаться современемъ одною изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ странъ по производству садовыхъ плодовъ [1]). Въ цѣломъ растительное царство Амурскаго края приближается къ флорѣ Китая и даже къ флорѣ Индо-Китая; вмѣстѣ съ тѣмъ по многимъ изъ свойственныхъ ему видовъ оно можетъ быть разсматриваемо какъ переходная флора между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ.

Главную достопримѣчательность флоры восточной Сибири составляютъ чащи травянистыхъ растеній, густо разростающихся на аллювіаль-

Травяная растительность на островахъ Амура.

ныхъ земляхъ, на берегахъ и островахъ Амура и его большихъ притоковъ. Зонтичныя растенія, чернобыльники, тростники, хлѣбные злаки различныхъ видовъ перемѣшиваются тамъ до высоты 10 футовъ своими стеблями, листьями, цвѣтками и плодами, которые притомъ еще и ліаны связываютъ другъ съ другомъ своей безконечно переплетающейся сѣтью. Между этими роскошными лугами есть такіе, по которымъ можно пробираться неиначе, какъ съ топоромъ въ рукѣ, и обыкновенно люди, которые отваживаются пускаться черезъ эти травяныя дебри, должны слѣдовать по тропинкамъ, протореннымъ дикими звѣрями. Кабаны, красные олени, козули прячутся въ этихъ высокихъ травахъ еще лучше, чѣмъ въ лѣсу [2]). Тигръ, не менѣе

[1]) *Th. von Busse*, Mittheilungen von Peterman, 1871 г., № 3.

[2]) *Padde*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol. XXIII.

великолѣпной породы, чѣмъ его королевскій родичъ, обитатель бенгальскихъ джунглей [1]), живетъ, также какъ и пантера, въ чащахъ Уссурійскаго края и встрѣчается тамъ вмѣстѣ съ медвѣдемъ и соболемъ. Такимъ образомъ полуденные типы животныхъ смѣшиваются съ сѣверными формами въ этой богатой фаунѣ, принадлежащей въ одно и тоже время къ фаунѣ Сибири и къ фаунѣ Китая.

По племенному составу обитателей его береговъ, Амуръ еще можетъ считаться тунгузской рѣкой. За исключеніемъ цивилизованныхъ китайцевъ и русскихъ, все прибрежное населеніе, на пространствѣ отъ „Стрѣлки“ до впаденія Уссури, состоитъ изъ тунгусовъ; только гиляки, живущіе въ низовьяхъ Амура и въ области морскаго прибрежья, принадлежатъ къ другой расѣ, родственной курильцамъ и камчадаламъ.

Тунгусы Амурскаго края дѣлятся на различныя колѣна, изъ которыхъ иныя мало имѣютъ сношеній или даже живутъ въ явной враждѣ между собою. Одно изъ этихъ поколѣній, ламуты, имя которыхъ означаетъ то же, что „поморяне“ [2]), кочуютъ со своими оленями на западномъ берегу Охотскаго моря; обманы и надувательства торговцевъ, русскихъ или якутскихъ, не успѣли еще испортить ихъ характеръ, и путешественники все еще не нахвалятся ихъ безукоризненной честностью [3]). Орочи или орочоны, которыхъ въ 1875 году насчитывали уже только около 260 душъ, живутъ отдѣльными семьями на берегахъ Шилки и верхняго Амура; эти инородцы ничѣмъ не отличаются отъ своихъ восточныхъ сосѣдей, манегровъ, кромѣ, развѣ, сохранившагося у нихъ донынѣ традиціоннаго обычая употреблять оленей для верховой ѣзды. Орочоны и манегры, хотя большая часть ихъ окрещена въ православную вѣру, тѣмъ не менѣе сохранили своихъ шамановъ и своихъ домашнихъ идоловъ, а также зубы и когти животныхъ, употребляемые ими вмѣсто амулетовъ. До сихъ поръ китайцы имѣли на нихъ больше вліянія, чѣмъ русскіе; костюмъ этихъ тунгусовъ, ихъ украшенія, очевидно, скопированы съ образцовъ, занесенныхъ съ юга, да и черты лица также свидѣтельствуютъ о смѣшеніяхъ между тунгузскими женщинами и китайскими колонистами. Процессъ ассимиляціи, который мало по малу преобразовываетъ тунгусовъ, замѣтенъ въ особенности на правомъ или китайскомъ берегу Амура, въ сосѣдствѣ города Айгуна, который составляетъ центръ цивилизаціи для всей страны. Даурцы, потомки кочевниковъ того же имени, жившихъ западнѣе въ нынѣшней Даурiи, сдѣлались осѣдлыми и занимаются земледѣліемъ; большинство ихъ имѣютъ домики, построенные на китайскій ладъ, сады, гдѣ они воздѣлываютъ овощи и фруктовыя де-

[1]) *Пржевальскій*, „Вѣстникъ Европы“, 1870 г., томъ III.
[2]) *Castrèn; Klaprothe; Kiekisch*, Die Tungusen.
[3]) *Karl Neumann*, Globus, 1875 г., № 4.

*

ревья, отлично обработанныя поля, и ихъ религіозныя церемоніи по большей части заимствованы изъ буддійской вѣры. Они смотрятъ какъ на низшія существа на тунгусовъ бираръ, то-есть „прибрежныхъ жителей“, коневодовъ и скотоводовъ, которые еще кочуютъ на сѣверной сторонѣ Амура, противъ даурскихъ колоній.

Гольды, другое тунгусское племя, которыхъ встрѣчаютъ преимущественно на правомъ берегу Амура и на берегахъ Сунгари и Уссури, населяютъ также нѣсколько деревень на лѣвомъ или русскомъ берегу, между мысомъ, образуемымъ впаденіемъ Уссури, и устьемъ Горина, лѣваго притока Амура. Народъ робкій и боязливый, они рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе съ китайцами, манчжурами или русскими; однако, и они переняли кое-какіе обычаи у своихъ цивилизованныхъ сосѣдей, такъ, напримѣръ, подобно китайцамъ, они заплетаютъ волосы въ косу, которая спускается по курмѣ (курткѣ) на спину. Гольды питаются почти исключительно рыбой, которую доставляютъ имъ въ изобиліи текучія воды; отличные пловцы, они проводятъ столько-же времени на поверхности воды, какъ и на твердой землѣ: когда на рѣкѣ сильное волненіе, они плаваютъ на большихъ лодкахъ съ обрубленнымъ, четыреугольнымъ носомъ, тогда какъ въ тихую погоду они быстро скользятъ по гладкой поверхности водъ на своихъ легкихъ челнахъ изъ березовой коры. Хлѣбопашествомъ они не занимаются, даже не разводятъ огородныхъ овощей; только вымѣниваютъ иногда у манчжуръ рисъ и медъ на собольи шкурки. Гольды очень любятъ животныхъ, и хижины или юрты ихъ всегда окружены множествомъ собакъ и свиней, которыя кормятся, какъ и ихъ хозяева, рыбой, свѣжей или вяленой (юколой). Тутъ-же на дворѣ, въ низенькихъ хлѣвушкахъ, заперты медвѣди, волки, лисицы; гольды держатъ также въ клѣткахъ дикихъ гусей, утокъ и орловъ; различныя религіозныя суевѣрія, относящіяся къ этимъ пернатымъ хищникамъ, была даже причиной того, что манчжуры прозвали это тунгусское колѣно „Орлятами“ [1]). Въ полуостровной области, заключающейся между Сунгари, Амуромъ и Уссури, тигръ дѣлаетъ частые визиты въ селенія гольдовъ, которые не всегда осмѣливаются вступать въ бой съ этимъ, какъ они его величаютъ, „господиномъ“, представителемъ одного царственнаго колѣна, надъ которымъ господствуетъ Горный Духъ, извѣстный у китайцевъ Манчжуріи подъ именемъ Шань-Шеня. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что зимой 1857 года одинъ тигръ приходилъ каждую ночь брать свой раціонъ, состоявшій изъ двухъ собакъ, которыхъ гольды привязывали для него за оградой селенія. Несчастные, когда у нихъ истощился запасъ собакъ, не имѣя больше ничего предложить страшному посѣтителю, собирались уже приносить ему въ жертву своихъ собственныхъ дѣтей, когда казаки, слу-

[1]) „Древняя и Новая Россія“. 1878 г., № 12.

чайно проходившіе черезъ деревню, избавили ее, наконецъ, отъ докучливаго гостя.

Къ сѣверу отъ гольдовъ, другія тунгусскія колѣна, мангуны, самагиры, игатконы, нигидалы и другихъ наименованій, живутъ на берегахъ нижняго Амура и его притока Амгунь. Мангуны походятъ на гольдовъ по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ, по привычкѣ держать въ клѣткѣ орловъ и другихъ животныхъ; но они болѣе цивилизованы, благодаря манчжурскому вліянію, которое теперь смѣняется вліяніемъ русскихъ; домики, которые они воздвигаютъ на могилахъ своихъ умершихъ родныхъ, украшены любопытными изваяніями, исполненными съ большимъ вкусомъ. Что касается нигидаловъ, живущихъ особнякомъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Амгунь, то они, повидимому, составляютъ остатокъ народа, стоявшаго на болѣе высокой ступени цивилизаціи, чѣмъ на какой стоятъ нынѣшніе ихъ потомки. Люди этого колѣна суть, можетъ быть, самые честные, самые правдивые представители благородной рассы тунгусовъ; чтобы избѣгнуть по возможности всякихъ сношеній съ купцами якутскими, русскими, манчжурскими, они должны были удалиться въ трудно доступныя мѣстности. Обладая большимъ числомъ драгоцѣнныхъ вещей и дорогихъ матерій вышитыхъ въ китайскомъ вкусѣ, которыя свидѣтельствуютъ о вліяніи, которое нѣкогда имѣла на нихъ мода цивилизованныхъ народовъ юга, они ни за что не соглашаются продать эти драгоцѣнности, которыя у нихъ берутся для украшенія невѣстъ и покойниковъ [1]). Каменный вѣкъ прекратился въ этихъ странахъ, даже гораздо южнѣе, на морскомъ прибрежьѣ Манчжуріи, только въ относительно недавнюю эпоху: онъ продолжался тамъ до начала христіанской эры. Племена, населявшія Уссурійскій край, посылали корейцамъ сотни тысячъ стрѣлъ своего издѣлія, высоко цѣнившихся по причинѣ превосходнаго качества камня, который доставляли ихъ каменоломни для фабрикаціи оружія [2]).

Прибрежье океана, между устьемъ Амура и заливомъ Петра Великаго, тоже населено инородцами тунгусскаго племени, орочонами и гольдами, которыхъ китайцы называютъ Ю-пи-та-це, то-есть „Людьми, одѣтыми въ рыбьи кожи“, а русскіе сократили это прозвище и стали называть ихъ тазами. Тѣ изъ прибрежныхъ инородцевъ, которые еще сохранили старыя моды, дѣйствительно носятъ одежду, сдѣланную изъ кожи лососины и очень красиво вышитую разными узорами; но въ горахъ и на западной отлогости хребта Сихоте-Алинь, ю-пи-та-це теперь уже не заслуживаютъ болѣе этого національнаго наименованія и одѣваются, какъ другіе тунгусы, въ костюмъ, приготовляемый изъ кожъ животныхъ и изъ матерій русскихъ и китайскихъ. Тазы вообще честны и прямодушны,

---

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.

[2]) *Палладіусъ*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, 1871 г., № 6.

очень гостепріимны, какъ большая часть тунгусовъ, но они не съумѣли сохранить своей свободы; они по большей части попали въ зависимость къ манзамъ, китайскимъ переселенцамъ, которые сдѣлались господами страны съ экономической точки зрѣнія, и которые еще недавно имѣли свое собственное правительство, очень грозное и наводившее страхъ, потому что начальники приказывали обрѣзывать уши провинившимся или даже живьемъ зарывали ихъ въ землю. Это они научили тазовъ хорошимъ способамъ земледѣлія, но они же и пользуются плодомъ ихъ труда, какъ заимодавцы и купцы, тѣ же манзы—обладатели рудниковъ и копей, хозяева рыболовныхъ судовъ, и это для нихъ промывается песокъ ручьевъ на золотыхъ пріискахъ, для нихъ собирается „морская капуста“ и трепангъ. При вступленіи въ бракъ, тазы обязаны, въ силу установившагося обычая, просить особеннаго разрѣшенія у китайскаго купца, и послѣдній продаетъ за дорогую цѣну оффиціальную желтую бумагу. Купецъ предсѣдательствуетъ также и на похоронахъ, и украшаетъ, конечно, за приличное вознагражденіе, жилище таза обоями, изображающими бога Будду[2]). Живя въ полномъ угнетеніи, тазы быстро уменьшаются въ числѣ. Въ 1874 году ихъ насчитывали всего только около 250 душъ; можетъ быть, черезъ одно или два поколѣнія они совершенно исчезнутъ, какъ отдѣльная расса, тѣмъ болѣе, что манзы почти всѣ берутъ себѣ женъ между туземками[3]). Общее число жителей тунгусскихъ колѣнъ всѣхъ наименованій въ юго-западной Сибири исчисляютъ различно—отъ десяти до тринадцать тысячъ душъ.

Путешественники и чиновники правительства насчитывали, въ 1873 году, отъ 3,000 до 7,000 китайцевъ, и даже больше, на русскомъ прибрежьѣ Тихаго океана; но это населеніе возрастаетъ довольно быстро, и нѣтъ сомнѣнія, оно увеличивалось бы десятками или сотнями тысячъ, если бы переселеніе могло совершаться съ полной свободой. Въ шестнадцатомъ столѣтіи китайцы занимали всю страну, сгруппированные въ значительныя колоніи, и построили тамъ города и крѣпости; но съ 1605 по 1607 годъ манчжуры произвели на нихъ пять послѣдовательныхъ нападеній и разгромили край: они выжгли города и деревни, перерѣзали большую часть жителей, другихъ увели въ неволю; остались только бѣглецы, успѣвшіе скрыться въ непроходимыхъ дебряхъ и болотахъ, да китайскіе переселенцы, привлеченные культурой драгоцѣннаго джиньшеня и поисками за золотымъ пескомъ: потомки этихъ эмигрантовъ и живутъ нынѣ въ странѣ подъ именемъ манзовъ или мандзовъ, то-есть „вольныхъ людей“; однако г. Палладіусъ видитъ въ этомъ названіи презрительную кличку, даваемую китайцами изгнаннымъ изъ отечества; сами манзы на-

[1]) *Большевъ*, Географическое обозрѣніе, іюнь, 1879 г.

[2]) *Большевъ*, цитированный мемуаръ.

[3]) *Пржевальскій*, „Вѣстникъ Европы“, 1870 г., т. III.

зываютъ себя пао-туп-ци, что значитъ „ходоки“ или „бѣгуны“ [1]). Въ 1861 году, послѣ уступки прибрежья русскимъ, китайское правительство разрѣшило своимъ подданнымъ переселяться колонистами въ эту страну со своими женами. Самые богатые вернулись въ метрополію, остались только бѣдняки, къ которымъ впослѣдствіи присоединились бродяги и разбойники изъ Манчжуріи: таковы главные элементы китайскаго населенія въ Приморской области. Корейскіе эмигранты тоже нерѣдко укрывались на русскую территорію, не взирая на изданіе строгаго закона грозившаго имъ смертной казнью. Въ 1868 году насчитывали уже болѣе 1,400 этихъ бѣглецовъ изъ Кореи, все трудолюбивыхъ земледѣльцевъ [2]); но когда въ слѣдующемъ году наводненія заставили удалиться съ полуострова массы несчастныхъ, которые приходили просить убѣжища въ русскихъ владѣніяхъ, то корейская эммиграція была временно воспрещена; даже высылали обратно за границу бѣглецовъ, которые и были обезглавлены по возвращеніи въ отечество; другіе были отправлены въ порты Татарскаго моря и на берега Амура [3]). Въ 1873 году число корейцевъ, поселившихся въ Приморской области, было около 3,500, изъ которыхъ болѣе половины дали себя окрестить въ православную вѣру.

До прибытія русскихъ въ край, обитателями нижняго Амура были гиляки или киле, единоплеменники тѣхъ, которые живутъ на островѣ Сахалинѣ, и родичи тѣхъ таинственныхъ айносовъ, происхожденіе которыхъ составляетъ предметъ оживленныхъ споровъ между этнологами. Гиляки не имѣютъ той открытой и ясной физіономіи, какая свойственна большинству тунгусовъ, и ихъ маленькія глазки свѣтятся мрачнымъ блескомъ; лицо у нихъ плоское, носъ приплюснутый, губы толстыя, скулы выдающіяся, волосы черные, борода довольно густая. Болѣе удаленные отъ манчжуровъ, чѣмъ амурскіе тунгусы, они остались и гораздо болѣе дикими, хотя и между ними есть также кузнецы, механики, даже искусные скульпторы. Путешественники, которымъ случалось имѣть сношенія съ ними, не хвалятъ ихъ характера: они описываютъ ихъ лживыми, злопамятными, мстительными, нечистыми на руку. По крайней мѣрѣ гиляки отличаются большой любовью къ свободѣ: они не признаютъ надъ собой никакихъ властей и повинуются только обычаю. Преданіе опредѣляетъ у нихъ всѣ правила, относящіяся къ празднествамъ, всѣ обряды, исполняемые при отправленіи на охоту или рыбную ловлю, всѣ церемоніи, совершаемыя на свадьбахъ и похоронахъ. Невѣсты, покупаемыя отцомъ еще маленькими дѣвочками четырехъ или пяти лѣтъ, воспитываются вмѣстѣ со своимъ будущимъ мужемъ до совершеннолѣтія. У нѣкоторыхъ колѣнъ тѣла покойниковъ сожигаютъ; въ другихъ мѣстахъ гробы вѣ-

[1]) *Палладіусъ*, Извѣстія Русскаго Географ. Общества, VII, 1873 г.
[2]) *Пржевальскій*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, V, 1869 г.
[3]) *Степановъ*, „Древняя и Новая Россія“, мартъ, 1880 г.

шаютъ на деревьяхъ, или ставятъ на особо устроенномъ помостѣ въ сосѣдствѣ хижинъ. Душа гиляка, по ихъ вѣрованію, переходитъ въ тѣло его любимой собаки; оттого это животное, когда его откормятъ порядкомъ, приносится въ жертву на могилѣ его хозяина [1]).

Огонь составляетъ у гиляковъ предметъ не менѣе глубокаго почитанія, чѣмъ у памирскихъ таджиковъ. Они ни за что на свѣтѣ не согласятся перенести горящую головню изъ одной юрты въ другую: она не должна выходить изъ домашняго очага, который сдѣлался священнымъ, благодаря ей. Медвѣдь или Котръ, представитель Кура, властителя небесъ, есть одно изъ главныхъ божествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой богъ, котораго гиляки иногда бываютъ вынуждены употреблять въ пищу, какъ и остяки. Они изловляютъ Мишку зимой, въ самой его берлогѣ. Удостовѣрившись, что медвѣдь лежитъ въ своемъ убѣжищѣ, они дѣлаютъ въ берлогѣ отверстіе и овладѣваютъ животнымъ при помощи ременнаго аркана, затѣмъ тащатъ его къ себѣ въ деревню, испуская крики, чтобы оглушить бѣднаго звѣря, еще полусоннаго, но все-таки страшнаго. Пойманный медвѣдь держится плѣнникомъ, кормится и откармливается рыбой, затѣмъ въ день праздника, справляемаго въ честь его, звѣря убиваютъ, послѣ битвы, въ которой всѣ туземцы соединенными силами нападаютъ на него безъ оружія. Подобно гольдамъ, гиляки держатъ орловъ въ клѣткѣ и даютъ имъ тотъ же кормъ, какъ и медвѣдямъ; но они никогда не охотятся на волка, которому приписываютъ пагубное вліяніе [2]).

Гольды и гиляки, орочоны и манегры, нѣтъ сомнѣнія, должны исчезнуть передъ русскими. Хотя колонизація въ собственномъ смыслѣ подвигается очень медленно, и даже изъ основанныхъ поселеній очень многія, по причинѣ неудачнаго выбора мѣста въ сосѣдствѣ болотъ или лѣсныхъ чащей, слишкомъ трудныхъ для расчистки подъ пашни, пришлось покинуть впослѣдствіи, однако военные посты, рыболовныя станціи, склады съѣстныхъ припасовъ даютъ славянскому населенію твердыя точки опоры. Порты морскаго прибрежья и мѣстности, гдѣ введена культура почвы, составляютъ своего рода „Новыя Россіи“, изъ которыхъ каждая постепенно, шагъ за шагомъ, присоединяетъ къ себѣ всю окружающую территорію. Амурскія травяныя степи около Благовѣщенска и полуденныя области, орошаемыя рѣкой Уссури, принадлежатъ къ числу странъ, гдѣ русское населеніе возрастаетъ и благоденствуетъ, тогда какъ казаки, поселенные на нижнемъ теченіи Уссури, колоніями, удаленными одна отъ другой на разстояніе отъ 25 до 32 верстъ, пришли въ крайне бѣдственное положеніе и терпятъ недостатокъ въ скотѣ и въ хлѣбѣ [3]): въ 1867 году каждая „душа“ въ этихъ колоніяхъ едва имѣла возможность

[1]) *Sachot*, La Sibérie orientale et l'Amérique russe.

[2]) „Древняя и Новая Россія“, 1878 г., № 12.

[3]) *Пржевальскій*, Извѣстія Русск. Географ. Общества, т. VI, 1870 г.

обработывать кусокъ земли величиной менѣе трети десятины [1]). Нѣсколько финляндскихъ семействъ, которымъ правительство предоставило земли на верхнемъ Уссури, принуждены были покинуть ихъ и удалиться во Владивостокъ. Чехи тоже предлагали колонизовать долину Уссури и манчжурское прибрежье, но съ условіемъ, чтобы имъ предоставлено было право пользоваться свободными муниципальными учрежденіями; правительство отвергло эти предложенія колонизаціи, такъ какъ сопровождавшее ихъ условіе было признано опаснымъ. Можно сказать вообще, что сдѣланныя до сихъ поръ попытки колонизаціи въ бассейнѣ Амура не имѣли успѣха. Чтобы занять во что бы то ни стало „линію“ отъ Забайкалья до Владивостока въ два года, были основаны станицы черезъ правильные промежутки, но всѣ выбранныя мѣста оказались непригодными для земледѣлія. Вообще колоніи тѣмъ лучше прививаются и преуспѣваютъ, чѣмъ менѣе онѣ подвергаются стѣснительному вмѣшательству и надзору со стороны властей [2]). Большое число русскихъ поселеній, основанныхъ въ бассейнѣ Амура, были названы по имени путешественниковъ, прославившихся своими изслѣдованіями въ Сибири.

Русскіе города, разсѣянные въ странѣ тунгусовъ и гиляковъ, на прибрежьяхъ Охотскаго моря, Татарскаго пролива и Японскаго моря, еще рѣдки и слабо населены: едва два или три изъ нихъ могли-бы быть признаны поселеніями, превосходящими, по числу жителей, простыя деревни, если-бы ихъ перенести въ многолюдныя мѣстности Европейской Россіи; однако, они обязаны нѣкоторою историческою важностью своему географическому положенію, дѣлающему ихъ передовыми постами русскаго могущества на берегу Тихаго океана, въ виду Новаго Свѣта.

Городъ Охотскъ, который, подобно Венеціи, далъ свое имя цѣлому морю, никогда не имѣлъ болѣе нѣсколькихъ сотенъ жителей; но его плохой портъ, расположенный на лиманѣ, при сліяніи рѣкъ Охоты и Кухтуи, представлялъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторую дѣятельность. До 1807 года, эпохи, въ которую впервые былъ посланъ корабль прямо изъ Россіи въ Охотскъ, мимо Мыса Доброй Надежды, вся провизія и всѣ предметы необходимые для русскаго тихоокеанскаго флота должны были быть отправляемы изъ Якутска сухимъ путемъ: правительство и бывшая россійско-американская торговая компанія употребляли каждый годъ по тринадцати тысячъ лошадей для перевозки этой клади черезъ Алданскія горы [3]). Въ 1844 году американская компанія для рыбной ловли и торговли мѣхами пушнаго звѣря перевела свои конторы и верфи изъ Охотска въ портъ Аянъ, занимающій болѣе благопріятное положеніе на томъ же берегу

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.
[2]) *Венюковъ*, „Русская Старина“, №№ 1 и 2.
[3]) *Шемелинъ; Ф. Миддендорфъ.*

моря, но тремя градусами ближе къ экватору, въ климатѣ менѣе суровомъ, хотя не менѣе сыромъ и обильномъ бурями. Другой городъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, стоитъ недалеко отъ юго-западнаго угла Охотскаго моря, на рѣкѣ Удѣ: это Удской-Острогъ, одинъ изъ древнѣйшихъ укрѣпленныхъ постовъ, построенныхъ казаками. Гижига или Гижигинскъ, Пенжина или Пенжинскъ, группы домишекъ, пріютившіяся на сѣверной оконечности Охотскаго моря, каждый при одномъ изъ заливовъ, которыми оканчивается это море, также носятъ имя „городовъ“.

Русскіе городки въ бассейнѣ Амура, хотя основанные долгое время спустя послѣ Охотска, превзошли, однако, по важности древній городъ, державшій въ своихъ рукахъ монополію русской торговли на Тихомъ океанѣ. Чита, столица Забайкалья, построенный въ равнинѣ, открытой всѣмъ вѣтрамъ, имѣетъ административную важность, которую даютъ ему его рангъ областнаго города и его мѣстоположеніе какъ центральнаго этапа между Байкаломъ и Амуромъ; но рѣка его Ингода, которая вступаетъ ниже Читы въ горное ущелье, становится судоходной только во время весенняго разлива, и въ этотъ-то непродолжительный промежутокъ времени по ней отправляются партіи барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, солью, солониной и мануфактурными товарами, предназначенными для всѣхъ колоній Амурскаго края включительно до Николаевска; суда эти строятся въ громадныхъ лѣсахъ, которые тянутся выше Читы. Нерчинскъ стоитъ не на рѣчномъ пути: перенесенный съ 1812 года, по причинѣ наводненій, опустошавшихъ его на прежнемъ мѣстѣ, онъ теперь построенъ на лѣвомъ берегу Нерчи, въ 4 верстахъ отъ Шилки, по которой могутъ плавать лишь мелкія суда, хотя она образуется изъ двухъ значительныхъ рѣкъ—Онона и Ингоды; начальный пунктъ настоящаго судоходства находится верстахъ въ 150 ниже, въ Стрѣтенскомъ, цвѣтущемъ селѣ, гдѣ существуютъ склады и механическія мастерскія; въ этой пристани зимуетъ большая часть русскихъ судовъ, плавающихъ на Амурѣ. Однако, Нерчинскъ—торговый городъ, гдѣ встрѣчаются для мѣновыхъ сдѣлокъ русскіе и тунгусы, и который сдѣлался рынкомъ всей области. Многочисленные рудники Нерчинскаго округа, гдѣ добываютъ содержащую серебро-свинцовую руду, ртуть, мѣдь, желѣзо, олово, даже цинкъ; далѣе золотые пріиски, залежи ископаемаго угля, мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней, наконецъ, минеральные источники — таковы богатства, которыя обезпечиваютъ окружающей странѣ особенную важность. Въ историческомъ отношеніи имя Нерчинска напоминаетъ трактатъ, который былъ заключенъ тамъ въ 1689 году между Россіей и Китаемъ, и къ выгодѣ этой послѣдней державы; онъ напоминаетъ также пребываніе декабристовъ и многихъ другихъ политическихъ ссыльныхъ, осужденныхъ на работы въ рудникахъ. Главная карательная колонія страны находится въ

Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, расположенныхъ на берегу Шилки, верстахъ въ ста съ небольшимъ ниже села Стрѣтенскаго; тамъ содержится болѣе 2,000 преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и между ними есть нѣкоторое число политическихъ ссыльныхъ [1]). Эти золотопромывальные заводы, также какъ и всѣ золотопромывальни въ бассейнахъ Аргуни и Шилки, часто обозначаются подъ именемъ *Нерчинскихъ пріисковъ*. Въ 1878 году въ бассейнѣ Амура было добыто около 172 пудовъ золота, на сумму 5.075,000 рубл.; на работы было употреблено 39,250 человѣкъ, изъ которыхъ 1,935 убѣжали. Напменованіе Нерчинскъ часто примѣняется также, въ сочиненіяхъ по метеорологіи, къ Нерчинскому сереброплавильному заводу, находящемуся въ 277 верстахъ къ востоку отъ города, на небольшомъ притокѣ Аргуни. На этомъ заводѣ сдѣланы были важныя метеорологическія наблюденія, послужившія ученымъ главной опорной точкой для изученія климата восточной Сибири; вокругъ металлургическихъ заведеній выстроился хорошенькій городокъ.

Со времени первыхъ русскихъ вторженій въ край берега Амура имѣютъ уже города, лежащіе въ развалинахъ; таковъ древній Албазинъ, крѣпость, которая была основана въ 1651 году казачьимъ атаманомъ Хабаровымъ, и которую китайскія войска принуждены были осаждать и брать три раза прежде, чѣмъ русскіе отказались, наконецъ, отъ этой позиціи, по Нерчинскому трактату; въ новѣйшее время большая станица выстроилась тремя рядами домовъ у подножія разрушенной крѣпостцы, которая обросла деревьями и кустарникомъ и превратилась въ зеленѣющую горку. Нынѣшняя столица отвоеванной у китайцевъ территоріи на среднемъ Амурѣ есть городъ Благовѣщенскъ, основанный на полуостровной террасѣ, образуемой соединеніемъ Амура и Зеи, въ 28 верстахъ отъ мѣста сліянія. Новый русскій городъ, съ его широкими улицами, обставленными низкими домами съ красными крышами, которые всѣ построены по одному плану солдатами, съ его голыми, безлѣсными окрестностями, представляетъ печальный видъ въ сравненіи съ многолюднымъ китайскимъ городомъ Айгуномъ, стоящимъ на другомъ берегу Амура, въ 35 верстахъ ниже Благовѣщенска; тѣмъ не менѣе послѣдній ведетъ довольно дѣятельную торговлю съ Манчжуріей: съ 1869 года обороты этой торговли простирались, среднимъ числомъ, до 500,000 рубл. въ годъ. Даже на русской территоріи живутъ болѣе десяти тысячъ китайскихъ подданныхъ, платящихъ подати чиновникамъ праваго берега. Окрестная страна Благовѣщенска есть будущая обильная житница Амурской области. Большинство колонистовъ, принадлежащихъ къ раскольничьей сектѣ духоборцевъ, состоитъ изъ добровольныхъ переселенцевъ, выбравшихъ мѣста для своихъ деревень на рѣкахъ Зеѣ и За-

[1]) *H. Lansdell*, Proceedings of the Geographical Society, октябрь, 1880 г.

витой, безъ вмѣшательства военнаго начальства края. При переселеніи ихъ изъ Россіи первыми пришли, весной, молодые люди, снабженные запасами провизіи и въ сопровожденіи лошадей, которыхъ они вымѣняли у манчжуръ на рабочихъ быковъ. Когда прибыли семейства, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, избы были уже выстроены, и упряжки въ шесть, семь или восемь паръ воловъ расчистили чащи мелкаго дубняка. Теперь деревни переселенцевъ достигли цвѣтущаго состоянія и своимъ хорошимъ видомъ составляютъ рѣзкую противоположность съ печальными становищами, устроенными по приказу, среди мелкаго кустарника, скалъ или болотъ [1]). Одна изъ самыхъ богатыхъ станицъ — Михайло-Семеновская, расположенная при выходѣ изъ ущелья р. Буреи.

Нынѣшнюю столицу всей области нижняго Амура и морскаго прибрежья составляетъ Хабаровка, названная такъ въ честь неустрашимаго казачьяго атамана Ерофея Хабарова, который первый спускался внизъ по теченію Амура почти до самаго устья. Хабаровка, построенная на скатѣ холмовъ, даже крутыхъ утесовъ, господствующихъ надъ правымъ берегомъ Амура, при впаденіи въ него Уссури, состояла недавно изъ небольшаго числа казармъ и военныхъ складовъ; но ея счастливое географическое положеніе въ точкѣ раздѣленія трехъ большихъ судоходныхъ путей, образуемыхъ среднимъ и нижнимъ Амуромъ и его притокомъ Уссури, въ мѣстности, имѣющей климатъ одинъ изъ наименѣе суровыхъ въ Сибири, повидимому, приготовляетъ новому городу хорошую будущность и торговое процвѣтаніе, хотя окрестности его покрыты болотами и лѣсами, которые очень трудно превратить въ культурныя земли; и теперь уже тамъ, среднимъ числомъ, продается каждый годъ около 20,000 собольихъ шкурокъ.

Что касается русскихъ колоній на низовьяхъ Амура, то онѣ оказались наименѣе удавшимися изъ всѣхъ поселеній Сибири; нѣкоторыя изъ основанныхъ тамъ колоній пришлось даже совсѣмъ покинуть, такъ какъ крайне неблагопріятныя условія мѣстности, дождливый климатъ и неблагодарная почва, болотистая въ низинахъ, каменистая на покатостяхъ высотъ, покрытыхъ большими деревьями, окончательно обманули надежды русскихъ земледѣльцевъ. Софійскъ и Маріинскъ имѣютъ нѣкоторую важность, благодаря своему положенію на Амурѣ, при входѣ въ долину, ведущую къ заливу де-Кастри. Николаевскъ, бывшій „Чербахъ“ гиляковъ, есть портъ устья Амура, и какъ таковой, проявляетъ нѣкоторую дѣятельность въ лѣтніе мѣсяцы. Тамъ существуютъ даже конторы американскихъ негоціантовъ; но почти все мѣстное населеніе города состоитъ изъ солдатъ и чиновниковъ; даже вольные жители смотрятъ на себя какъ на ссыльныхъ, и большинство ихъ имѣютъ лишь временное пребываніе въ

---

[1]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки; *Венюковъ*.

Николаевскѣ; женщины составляютъ незначительное меньшинство въ этомъ лагерѣ, состоящемъ изъ деревянныхъ домиковъ. Затруднительность прохода черезъ баръ и неудобства внѣшняго рейда, ледъ, сковывающій воды въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ, совершенное прекращеніе сношеній съ остальнымъ міромъ впродолженіе двухъ промежуточныхъ періодовъ, осени и весны, между навигаціей и саннымъ путемъ—все это мѣшаетъ Николаевску пользоваться выгодами, принадлежащими ему, какъ входному порту одной изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ. Сверхъ того, мало найдется мѣстъ болѣе непріятныхъ по климату и болѣе печальныхъ для обитанія, чѣмъ Николаевскъ: жители его проводятъ цѣлые мѣсяцы, не видя солнца; съ неба постоянно мороситъ мелкій дождикъ, сопровождаемый туманомъ; зимой снѣжныя вьюги или пурги прекращаютъ всякое сообщеніе, такъ что иной разъ невозможно пробраться изъ одного дома въ другой. Эти причины привели къ упадку Николаевска и къ замѣнѣ его Хабаровкой. Движеніе судоходства въ Николаевскомъ портѣ въ 1876 году было:

Прибыло: 16 морскихъ судовъ, съ грузомъ на . . 500,000 руб.
амурскихъ судовъ 9, съ грузомъ на . . 400,000 „

Порты манчжурскаго прибрежья извлекли для себя пользу изъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставленъ Николаевскъ, и эмигранты съ низовьевъ Амура поселились въ Императорскомъ портѣ, во Владимірѣ, въ портѣ св. Ольги, въ портахъ залива Петра Великаго, особенно во Владивостокѣ, куда были переведены военныя заведенія изъ Николаевска. Самое имя Владивостокъ, означающее „Властитель Востока“, и напоминающее Владикавказъ, „Властитель Кавказа“, построенный на другой оконечности Азіи, свидѣтельствуетъ о важномъ политическомъ назначеніи, о которомъ основатели этой станціи, въ 1860 году, мечтали для нея. Проливъ, соединяющій Амурскій заливъ съ заливомъ Уссурійскимъ, былъ названъ „Восточнымъ Босфоромъ“; гавань, въ которую ведутъ проходы пролива, врѣзывающагося полукругомъ въ полуостровъ Муравьева Амурскаго, получилъ наименованіе „Золотаго Рога“: изъ этого видно, что Владивостоку предназначалась роль втораго Константинополя. Осуществятся или нѣтъ эти честолюбивые планы, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Владивостокъ уже поднялся на степень главнаго города всей русской Азіи, къ востоку отъ Иркутска, и по всей вѣроятности сохранитъ за собой это значеніе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока русскіе не займутъ другихъ портовъ подъ болѣе полуденной широтой. Равнымъ образомъ предполагаютъ сдѣлать этотъ городъ зимней станціей для иностранныхъ негоціантовъ, пріѣзжающихъ изъ Шангая и Нингпо. Въ 1880 году, опасенія войны съ Китаемъ, по поводу кульджинскаго вопроса, были причиной того, что Владивостокъ сдѣлался самой оживленной станціей крайняго Востока, и въ первый разъ, благодаря вооруженіямъ этого воен-

наго порта, Россія оказалась болѣе сильной, чѣмъ Великобританія, въ моряхъ Китая и Японіи. Но Владивостокъ имѣетъ важность гораздо болѣе въ военномъ, нежели въ торговомъ отношеніи, и расходы по возведенію всѣхъ большихъ работъ, предпринятыхъ на берегахъ „Золотаго Рога“, плотинъ, верфей, арсеналовъ, были оплачены не частной предпріимчивостью, а средствами государственнаго бюджета. Половина населенія города состоитъ изъ солдатъ, чиновниковъ, освобожденныхъ каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ, а другую половину составляютъ: манзы, китайцы, корейцы, которыхъ джонки, деревянные домики, сараи и вся домашняя обстановка придаютъ городу своеобразную физіономію, совершенно отличную отъ типа славянскихъ городовъ; добровольно поселившійся русскій элементъ представленъ только нѣсколькими ремесленниками, и женщины встрѣчаются здѣсь въ очень небольшомъ числѣ; вообще Владивостокъ имѣетъ еще видъ военнаго лагеря, гдѣ правильныя привычки семейной жизни составляютъ исключеніе. Отпускная торговля, состоящая изъ оленьихъ роговъ, трепанга, съѣдобныхъ грибовъ и дубленыхъ кожъ, незначительна и находится всецѣло въ рукахъ китайцевъ. Внѣшняя торговля Владивостока въ 1879 году выразилась слѣдующими цифрами:

Привозъ: 2.184,950 рублей. Вывозъ: 104,520 рублей.
Движеніе торговаго судоходства: въ 1872 г.: 2,787 тоннъ;
въ 1873 г.: 12,724 „

Нѣкоторые изъ портовъ манчжурскаго прибрежья, въ особенности порты бухты Америка, на востокѣ, и бухтъ залива Посьетъ, на западѣ, легко могли-бы пріобрѣсти болѣе значительную торговую дѣятельность. Такъ, напримѣръ, вывозъ морской капусты изъ бухты Посьета въ три послѣдовательные года представлялъ, по Гельмерсену, слѣдующія, быстро увеличивающіяся цифры:

Въ 1864 г. 4,000 р. Въ 1865 г. 135,000 р. Въ 1866 г. 400,000 р.

Владивостокъ еще не соединенъ хорошими путями сообщенія съ странами внутренней части континента. Лѣтомъ все движеніе, направляющееся изъ этого города въ долину Уссури, производится по Амурскому заливу и по рѣкѣ Суйфунъ, судоходной для маленькихъ пароходовъ на протяженіи около 50 верстъ. Но зимой „Восточный Босфоръ“ бываетъ запертъ льдами, хотя воды залива остаются открытыми со стороны моря, и Владивостокъ временно дѣлается узникомъ. „Владѣтель Востока“ ласкаетъ себя надеждой сдѣлаться современемъ конечной станціей желѣзной дороги, опоясывающей весь Старый Свѣтъ, какъ онъ давно уже сдѣлался крайней точкой „датскаго“ телеграфа, центральный пунктъ котораго находится въ Копенгагенѣ, и который протянулъ свои проволоки на половинѣ поверхности земнаго шара.

„Города“ бассейна Амура и восточнаго прибрежья Сибири суть:

Хабаровка (въ 1873 г.). 770 жит.

Бассейнъ Амура.

Нерчинскъ (въ 1873 г.)	3,700	жит.
Нерчинскій заводъ „	2,100	„
Чита „	2,750	„
Благовѣщенскъ „	3,900	„
Николаевскъ „	3,300	„

Приморская область.

Охотскъ (въ 1873 г.)	210	„
Аянъ „	200	„
Гижигинскъ „	200	„
Владивостокъ (въ 1879 г.)	8,850	„

VIII.

САХАЛИНЪ.

Этотъ большой островъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ на земномъ шарѣ, такъ какъ онъ занимаетъ пространство почти въ 56,000 квадр. верстъ, принадлежитъ къ дѣйствительно знакомому европейцамъ міру лишь съ недавняго времени, не болѣе ста лѣтъ. Голландскій мореплаватель Мартинъ Герритъ де-Фрисъ проходилъ, въ 1643 году, вдоль восточныхъ береговъ этого острова и бросалъ якорь въ заливѣ Терпѣнія, но онъ полагалъ, что плыветъ около береговъ японской земли Іессо. Даже на картѣ капитана Кука, изданной въ Лондонѣ, въ 1784 году, Сахалинъ представленъ въ видѣ простаго островка, лежащаго близъ Амурскаго залива; изъ всѣхъ прежнихъ географовъ одинъ только Бюашъ съумѣлъ придать сѣверной части Сахалина контуры довольно сходные съ истиннымъ ея очертаніемъ, но и онъ все еще причислялъ гораздо болѣе половины острова къ Іессо [1]). Самое имя Сахалина свидѣтельствуетъ о полномъ невѣдѣніи, въ которомъ находились тогда относительно этой земли, которую географы, такъ сказать, заставляли путешествовать на картахъ. Вѣроятно, что манчжурское названіе „Сахаланъ андахада“, то-есть „Скала въ Амурскомъ лиманѣ“,—названіе, отъ котораго произошло имя Сахалина,—примѣнялось къ какому-нибудь островку рѣчнаго устья, а не къ большой островной массѣ, которая тянется противъ манчжурскаго прибрежья на пространствѣ почти 900 верстъ отъ сѣвера къ югу. Японцы и айносы Курильскихъ острововъ называли, да и теперь еще называютъ этотъ островъ Крафто (Карафту, Карафуто): это имя и слѣдовало-бы сохранить за нимъ; японскій мореплаватель Маміа-Ринцо обозначаетъ его просто какъ сѣверный Іессо, „Кита-Іезо“ [2]). Другія наименованія, какъ-то Таракай, Чока, Сизамъ, повидимому, относятся только къ отдѣльнымъ частямъ острова или къ его жителямъ [3]).

[1]) *Oscar Peschel*, Geschichte der Erdkunde.

[2]) Geographical Magazine, 1877 г.

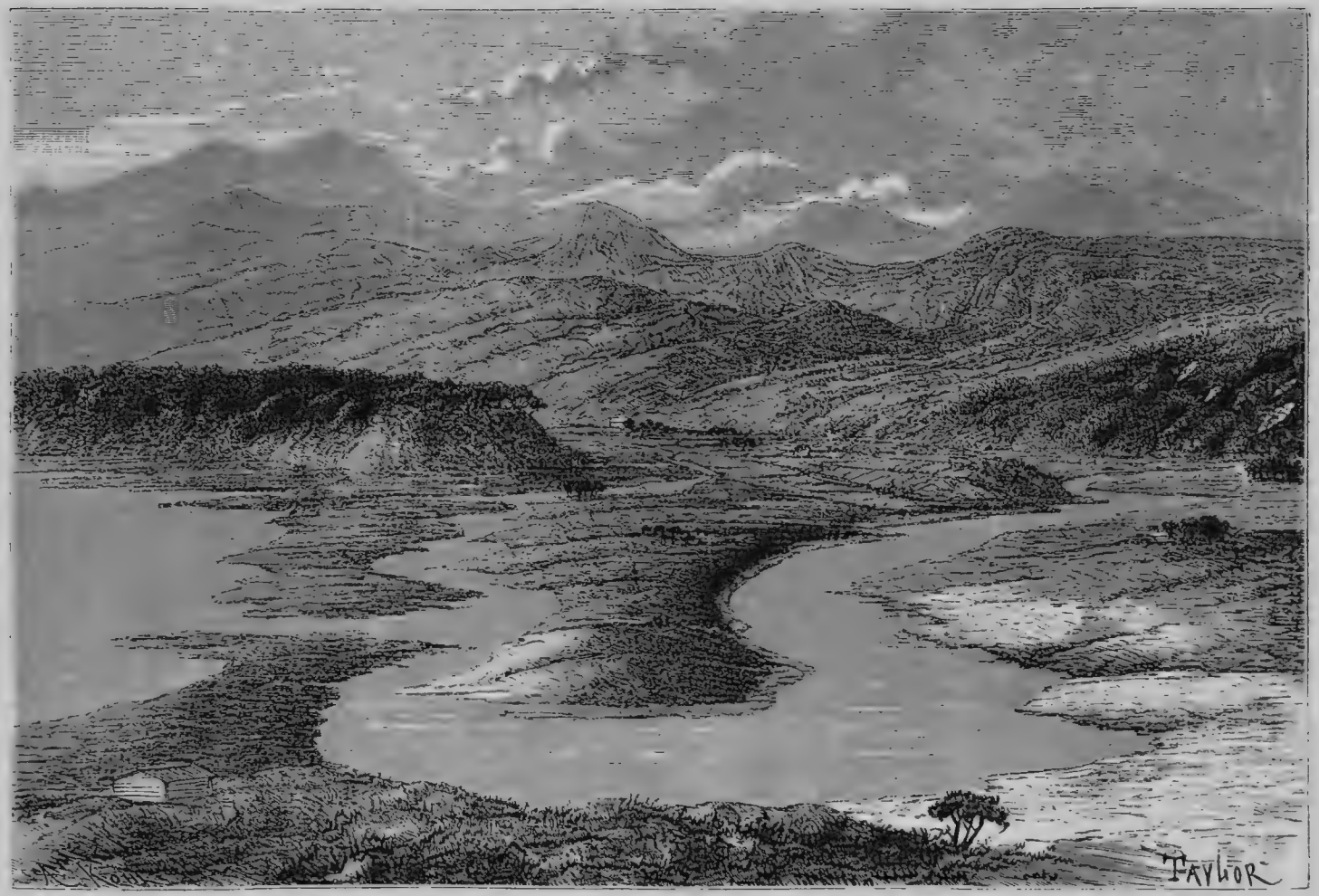
[3]) *Шмидтъ; Семеновъ*, Географ. Словарь Россійской Имперіи.

Уже въ 1787 году Лаперузъ, проходя черезъ проливъ, носящій нынѣ его имя и отдѣляющій Сахалинъ отъ Іессо, проникъ въ Татарскій заливъ и осмотрѣлъ, до бухты де-Кастри, всѣ берега острова и континента: островной характеръ Сахалина казался неподлежащимъ сомнѣнію; однако, разсказы, слышанные французскимъ мореплавателемъ отъ туземцевъ относительно волока, черезъ который они перетаскивали свои сани, примѣнялись, по мнѣнію нѣкоторыхъ тогдашнихъ географовъ, къ перешейку, соединяющему Сахалинъ съ материкомъ, ибо въ то время еще не знали о существованіи порога Кизи между Амуромъ и заливомъ де-Кастри; впрочемъ, этотъ разсказъ относился, можетъ быть, къ ледяному перешейку, который каждую зиму соединяетъ Сахалинъ съ твердой землей. Въ 1797 году англичанинъ Броутонъ, въ 1805 году русскій нѣмецъ Крузенштернъ, изъ которыхъ первый посѣтилъ западные берега, а второй объѣхалъ на кораблѣ вокругъ сѣверной части острова, тоже полагали, что Сахалинъ соединяется песчаной мелью съ берегами Стараго Свѣта. До половины настоящаго столѣтія на бо́льшей части европейскихъ картъ Сахалинъ изображался въ видѣ полуострова, хотя японскій кормчій Маміа-Ринцо уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ путешествія Крузенштерна поднимался вверхъ по Татарскому проливу и проникалъ этимъ путемъ въ лиманъ Амура [1]). Наконецъ, гидрографическія работы Невельскаго, произведенныя въ періодъ съ 1849 по 1852 годъ, обнаружили точную форму береговъ Сахалина и пролива Маміа-Ринцо: суда, имѣющія до 5 метровъ водоуглубленія, могутъ безопасно лавировать въ этомъ проливѣ между песчаными мелями. Правда, что впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году воды этого прохода бываютъ сплошь покрыты толстымъ слоемъ льда, соединяющимъ оба берега; плавающія льдины встрѣчаются тамъ до іюня мѣсяца.

Съ 1875 года весь островъ принадлежитъ Россіи до Лаперузова пролива, такъ какъ южныя части Сахалина были уступлены въ этомъ году Японіей въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Но изслѣдованіе острова началось уже ранѣе: Бошнякъ, Орловъ, Рудановскій, Шренкъ, Шмидтъ, Гленъ, Брылкинъ, Шебунинъ, Лопатинъ, Добротворскій объѣхали Сахалинъ въ разныхъ направленіяхъ или посѣтили его берега съ цѣлью изучить его рельефъ, климатъ, жителей, рудныя мѣсторожденія и гавани. Уже русскія имена мѣстъ оспариваютъ поверхность острова у туземныхъ прозвищъ, употребляемыхъ айносами и гилякми, и многія изъ французскихъ наименованій, данныхъ Лаперузомъ мысамъ, островкамъ, бухтамъ, прибрежнымъ горамъ были искажены или постепенно приходятъ въ забвеніе.

По устройству поверхности Сахалинъ походитъ на континентальную

[1]) *Von Siebold*, Nippon.



ДОЛИНА ДУЭ НА САХАЛИНѢ.

Манчжурію. Если-бы почва вдругъ осѣла на нѣсколько сотъ метровъ, горная цѣпь Сихота-Алинь тоже сдѣлалась-бы островной землей, хребетъ которой тянулся бы на пространствѣ нѣсколькихъ градусовъ широты; съ другой стороны, если-бы дно моря внезапно поднялось, Сахалинъ образовалъ-бы длинную закраину азіатскаго континента. Холмы и горы острова, принадлежащіе, повидимому, къ болѣе близкой къ намъ геологической эпохѣ, чѣмъ возвышенности сосѣдняго материка, расположены въ видѣ длинныхъ меридіональныхъ цѣпей. Западная цѣпь, самая высокая изъ сахалинскихъ горъ, которая окаймляетъ все прибрежье, отъ сѣвера къ югу, поднимается тамъ и сямъ въ видѣ настоящихъ пиковъ, высотою отъ 3,280 до 5,000 футовъ; но въ другихъ частяхъ хребта есть мѣста, гдѣ верхушки не превышаютъ 600 фут., и черезъ которыя переходятъ съ одного склона на другой безъ малѣйшаго затрудненія. На востокъ отъ этой главной гряды горъ, состоящей изъ мѣловыхъ и третичныхъ формацій, тянутся параллельно другія цѣпи или отрывки цѣпей, среднее возвышеніе которыхъ исчисляется всего только въ 660 футовъ, и вершины которыхъ по большей части имѣютъ округленную форму; только немногія изъ этихъ высотъ заслуживаютъ названія горъ. Одна только Тіара, которая господствуетъ надъ восточной цѣпью, оканчивающейся длиннымъ полуостровомъ, ограничивающимъ съ восточной стороны заливъ Терпѣнія, представляетъ довольно величественную вершину, которая по высотѣ можетъ быть сравниваема съ вершинами западной цѣпи. Горы Сахалина нигдѣ не достигаютъ пояса постоянныхъ снѣговъ; но многія изъ нихъ переходятъ за верхній предѣлъ растительности, и ихъ голыя сѣроватыя скалы сливаются съ дождевыми облаками.

Различныя высоты Сахалинскихъ горъ, по Шмидту и Глену:

Средняя высота западной цѣпи (Шмидтъ) . . .	2,970	футовъ.
Пикъ Ла-Мартиньеръ (Ктеусъ-палъ), въ центрѣ цѣпи (Гленъ)	4,950	„
Бернизетъ, на югѣ острова (Гленъ)	3,960	„
Аркай-палъ, перевалъ на востокѣ отъ Дуэ (Гленъ).	690	„
Перевалъ между Кусунаемъ и Мануэ (Гленъ).	740	„
Тіара, пикъ восточной цѣпи (Гленъ)	1,980	„

Горныя цѣпи, расположенныя по линіи меридіана съ сѣвера на югъ, ограничиваютъ равнины или долины, открывающіяся въ томъ же направленіи, по которымъ текутъ рѣки, либо съ сѣвера на югъ, либо съ юга на сѣверъ. Такъ, самая большая рѣка Сахалина Поронай (Баранай), или Плій, изливается въ заливъ Терпѣнія, пробѣжавъ извилистой линіей широкую равнину, разстилающуюся у основанія западной цѣпи, и въ той же самой бороздѣ поверхности острова, на сѣверѣ отъ низкаго порога, берутъ начало истоки рѣки Тымъ, которая спускается на сѣверъ къ Охотскому морю. Въ этихъ же промежуточныхъ углубленіяхъ рельефа

разсѣяны озера, и правильныя кривыя заливовъ и бухтъ, ограниченныя справа и слѣва полуостровами и мысами, образуемыми выступами меридіональныхъ цѣпей, тоже открываются въ эти низменныя земли. Подобно тому, какъ на берегахъ озера Ханка, непрерывное дѣйствіе зыби, гонимой южными вѣтрами, проявляется также и на берегахъ Сахалина. Такъ, плоскій песчаный берегъ, развертывающійся въ видѣ правильнаго полукруга вокругъ залива Терпѣнія, отдѣлилъ отъ моря нѣсколько озеръ и болотъ, которыя напоминаютъ прежнія очертанія берега, и въ которыя изливаются воды рѣки Поронай. Образованіе береговаго кордона было, вѣроятно, облегчено медленнымъ поднятіемъ берега, ибо находили кучи морскихъ обломковъ на земляхъ, лежащихъ нынѣ на 7—10 футовъ выше поверхности моря [1]).

Какъ сибирскій островъ, Сахалинъ находится въ области климата восточной Сибири: вокругъ восточныхъ его мысовъ скопленія обломковъ льда держатся до іюля мѣсяца, и въ продолженіе всего апрѣля можно еще ѣздить на саняхъ вдоль морскаго берега въ заливѣ Терпѣнія. Въ январѣ мѣсяцѣ часто случается, на берегахъ этого залива, что ртуть въ термометрѣ стоитъ на 34 градусахъ Цельзія ниже точки замерзанія, тогда какъ на западномъ берегу, хорошо защищенномъ меридіональной цѣпью горъ, температура на 12 градусовъ теплѣе. Но даже и на этомъ берегу, не смотря на то, что онъ пользуется относительно гораздо болѣе благопріятными условіями, климатъ очень суровъ; хотя южная оконечность Сахалина находится подъ 46-мъ градусомъ широты, въ такомъ же разстояніи отъ полюса, какъ ломбардскіе города, пріютившіеся у подножія Альпъ, температура тамъ почти столь же низкая, какъ въ Архангельскѣ и въ Гапарандѣ. Постъ Кусунай, лежащій подъ 48 градусомъ широты, на берегу Татарскаго залива, находится, по словамъ г. Добротворскаго, подъ изотермой 2°,23, то-есть средняя температура тамъ ниже даже, чѣмъ въ норвежскомъ городѣ Тромсе, лежащемъ почти на 22 градуса ближе къ сѣверному полюсу. Средняя температура іюля, самаго теплаго мѣсяца въ году, не превышаетъ въ Кусунаѣ 16 или 17 градусовъ, а самыя сильныя жары достигаютъ только 25 градусовъ по Цельзію. Даже берега залива Анива, столь красиво расположенныя въ формѣ полумѣсяца, такъ что они получаютъ всю силу полуденныхъ лучей солнца, имѣютъ очень суровый климатъ, по причинѣ сѣверныхъ вѣтровъ, которые проходятъ черезъ широкія пониженія или долины, открывающіяся между цѣпями горъ. Непріятности климата Сахалина еще увеличиваются чрезвычайной сыростью воздуха, постоянными туманами, дождями и снѣгомъ. Въ Кусунаѣ, занимающемъ сравнительно привилегированное положеніе, благодаря вѣтрамъ съ континента, которые часто очи-

[1]) *Венюковъ*, Границы Россіи.

щаютъ его атмосферу, число дней съ дождемъ или туманомъ доходитъ до 253; слѣдовательно, не остается даже трети года для хорошей погоды; а на восточномъ берегу пропорція ясныхъ солнечныхъ дней еще гораздо менѣе значительна [1]). Въ громадной Россійской Имперіи, гдѣ правительство открыло столь печальныя мѣста ссылки, нѣтъ болѣе страшныхъ мѣстъ, чѣмъ Сахалинъ, затерянный среди леденящихъ дождей и снѣжныхъ бурь.

Молодая дѣвушка племени айносъ.

Растительное царство этого сибирскаго острова естественно походитъ на флору береговъ Манчжуріи, отъ которыхъ онъ отдѣленъ лишь узкимъ проливомъ Маміа-Ринцо. Большая часть деревьевъ, покрывающихъ сплошными лѣсами покатости горъ, принадлежатъ къ флорѣ сибирской и манчжурской; но нѣкоторыя древесныя породы Японскаго архипелага тоже распространились на островѣ, гдѣ существуетъ даже родъ бамбука (arundinaria kurilensis), достигающаго въ вышину роста

[1]) *Hehn*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, vol XXV.

человѣка и покрывающаго цѣлыя горы, гдѣ на верхнихъ склонахъ онъ ростетъ рядомъ съ приземистой камчатской березкой; наконецъ, и нѣкоторыя американскія породы примѣшались къ азіатской флорѣ острова; въ міоценовую эпоху Сахалинъ, по мнѣнію Шмидта, составлялъ часть Новаго Свѣта. Такимъ образомъ, здѣсь встрѣчаются и соединяются, въ видѣ самобытныхъ группъ зелени, растенія, происходящія изъ самыхъ противоположныхъ странъ земнаго шара. На 700 видовъ явнобрачныхъ растеній насчитываютъ всего только около двадцати формъ, принадлежащихъ спеціально сахалинской флорѣ. Лѣсныя растенія и растенія подлѣсья, прозябающія у подножія горъ, составляютъ, по своимъ формамъ, продолженіе, по ту сторону Татарскаго залива, лѣсовъ противоположнаго берега. Выше, поясъ растительности, который поднимается до высоты почти полверсты по склонамъ горъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ хвойныхъ породъ. Третій поясъ, еще болѣе возвышенный, заключаетъ преимущественно березу и вербу; далѣе, около вершинъ, виднѣются густыя и почти черноватыя вѣтви ползучихъ растительныхъ видовъ [1]). Животныя, рыскающія въ этихъ лѣсахъ, тѣ же самыя, которыя водятся на сосѣднемъ континентѣ: по обѣ стороны пролива одинаково охотятся на медвѣдя, дикаго оленя, соболя. Тигръ часто посѣщаетъ сѣверную часть острова, благодаря ледяному мосту, который представляетъ ему въ зимнее время проливъ Маміа-Ринцо; но его никогда не видали около южной оконечности Сахалина, и говорятъ, что до прибытія русскихъ въ край, айносы не знали этого звѣря даже по имени.

Населеніе острова, исчисляемое всего только въ пятнадцать тысячъ человѣкъ (такъ что, слѣдовательно, приходится менѣе одного жителя на пять квадр. верстъ), состоитъ единственно изъ переселенцевъ, пришедшихъ съ континента и съ окружающихъ острововъ. Гиляки, живущіе въ числѣ около 2,000 человѣкъ во всей сѣверной части Сахалина, ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ соплеменниковъ, обитающихъ на нижнемъ Амурѣ. Орочи, населяющіе восточный берегъ острова, суть тунгусы того же племени, какъ амурскіе мангуны и орочоны, и даже называютъ себя тѣмъ же именемъ—ольча. Айносы, эти бородатые и смирные люди, которые, какъ полагаютъ, были первоначальными обитателями Курильскихъ острововъ и всего Японскаго архипелага, составляютъ коренное населеніе полуденныхъ областей Сахалина, но принадлежащія имъ названія мѣстъ, встрѣчающіяся даже въ сѣверныхъ частяхъ острова, доказываютъ, что эта раса нѣкогда занимала гораздо болѣе значительное пространство. Гиляки и орочи оттѣснили ихъ къ югу, затѣмъ, съ половины настоящаго столѣтія, оспа совершенно обезлюдила нѣкоторыя изъ ихъ деревень. Съ другой стороны, рабство, въ которое почти всѣ айносы были

[1]) *Шмидтъ;*—Шренкъ, цитированный сборникъ.

обращены японскими рыболовами, тоже способствовало уменьшенію численности аборигеновъ, равно какъ и нравственному ихъ упадку.

Представителями „цивилизованныхъ“ народовъ на Сахалинѣ являются японцы и русскіе. Первые занимаются преимущественно рыболовными промыслами; они основали на морскомъ берегу, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, колоніи и конторы, гдѣ не увидишь другихъ жителей, кромѣ временныхъ и безсемейныхъ пришельцевъ. Что касается русскаго элемента, состоящаго почти исключительно изъ чиновниковъ, военныхъ, полицейскихъ или ссыльныхъ, то всѣ они прибыли противъ воли на этотъ негостепріимный островъ, въ страну дождя, снѣга и тумановъ, и забота о прокормленіи ихъ лежитъ на правительствѣ, такъ какъ рессурсы острова совершенно недостаточны для ихъ содержанія. Айносы и гиляки живутъ продуктами рыбной ловли, но русскіе имѣютъ другія потребности, чѣмъ туземцы; притомъ же, морскія животныя сильно убавились въ водахъ Сахалина, и Тюленій островъ, обширная мель, лежащая на юго-востокѣ залива Терпѣнія, не кишитъ уже безчисленнымъ множествомъ китообразныхъ, какъ бывало прежде, когда нѣсколько человѣкъ рыболововъ могли набить тысячи звѣрей въ одну экспедицію. Культура хлѣбныхъ растеній и овощей, равно какъ разведеніе домашняго скота, не получили еще серьезной важности на островѣ, и вообще могли бы достигнуть сколько нибудь значительныхъ успѣховъ только въ небольшомъ числѣ долинъ, наилучше защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ; вслѣдствіе этого, муку, необходимую для продовольствія населенія, приходится привозить съ континента, даже изъ Россіи. Правда, Сахалинъ обладаетъ въ своихъ многочисленныхъ залежахъ каменнаго угля значительнымъ естественнымъ богатствомъ, которое все болѣе и болѣе дѣятельно разрабатывается русскими ссыльными и очень цѣнится мореплавателями Тихаго океана; но это ископаемое топливо стоитъ дороже, чѣмъ уголь изъ Японіи и Австраліи, да къ тому же и количество его, добываемое ежегодно, недостаточно велико, чтобы продажа этого продукта могла покрыть расходы по содержанію жителей [1]). Смертность между эмигрантами много превосходитъ число рожденій. До сихъ поръ Сахалинъ не сдѣлался еще колоніей: для русскихъ это не болѣе, какъ тюрьма, мѣсто ссылки.

Русскіе посты на Сахалинѣ всѣ расположены на берегахъ моря. Дуэ, при бухтѣ Жонкьеръ, около середины западнаго берега, есть самое важное поселеніе: около 2,000 ссыльныхъ, отдаваемыхъ администраціей въ работу къ частнымъ предпринимателямъ, за плату отъ 30 до 70 к. [2]) въ день, работаютъ въ окрестныхъ каменоломняхъ и каменноугольныхъ

---

[1]) *Венюковъ*, Границы Россіи.

[2]) *Тальбергъ*, „Вѣстникъ Европы“, май 1879 г.

копяхъ, первыхъ, которыя были начаты разработкой на этомъ островѣ. Другіе два поста, Кусунай и Мануэ, имѣютъ то преимущество, что они соединены дорогой, пролегающей черезъ островъ въ самой узкой его части, и обязаны этому положенію большимъ облегченіемъ для своихъ торговыхъ сношеній. Южнѣе, на восточномъ берегу, около семи сотъ китайцевъ, подъ управленіемъ нѣсколькихъ японцевъ, занимаются, въ маленькой бухтѣ Маука, ловлей трепанга и морской капусты; на другой сторонѣ полуострова, на берегу залива Анива, высятся казармы поста Корсакова, главнаго военнаго пункта на Сахалинѣ: гарнизонъ этого укрѣпленія состоитъ изъ 500 человѣкъ. Муравьевъ, или Муравьевскій, на томъ же берегу, при озерѣ, сообщающемся посредствомъ узкаго канала съ заливомъ Анива,—тоже одинъ изъ военныхъ постовъ Сахалина и стережетъ воды Японіи. Не смотря на затруднительность прохода черезъ баръ, его портъ есть, можетъ быть, наименѣе худой изъ портовъ острова. На всей своей окружности, безъ малаго въ 2,000 верстъ длиною, Сахалинъ не имѣетъ ни одной гавани, гдѣ суда могли бы найти безопасное пристанище.

Населеніе Сахалина:

Гиляки, по Шмидту	2,000 душъ.	Японцы, по Шмидту	400 душъ.
Айносы „ „	2,500 „	Русскіе	5,000 „
Орочи, по Венюкову	400 „		

IX.

МАТЕРІАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ И УПРАВЛЕНІЕ СИБИРИ.

Извѣстно, что русскіе составляютъ уже, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ, самый значительный элементъ сибирскаго населенія. Тѣ, которые называютъ себя русскими, и которыхъ дѣйствительно можно признать таковыми, или потому, что ихъ происхожденіе даетъ имъ право считать себя славянами, или потому, что смѣшенія съ русской кровью, языкъ, нравы и обычаи сдѣлали ихъ единоплеменниками завоевателей края, представляютъ около семи восьмыхъ сибиряковъ, и эта пропорція быстро увеличивается къ ихъ выгодѣ, не только вслѣдствіе собственнаго ихъ размноженія, но также вслѣдствіе численнаго уменьшенія или „обрусѣнія“ инородцевъ. Въ настоящее время господствующее населеніе Сибири, гдѣ великорусскій элементъ является совершенно преобладающимъ, почти совсѣмъ утратило отличія и особенности, характеризующія малороссовъ и великороссовъ, литовцевъ, эстовъ, нѣмцевъ балтійскихъ провинцій; оно можетъ быть разсматриваемо какъ гораздо болѣе однородное, чѣмъ на-

селеніе русской имперіи въ Европѣ. Славяне всякаго происхожденія,—за исключеніемъ поляковъ,—нѣмцы и финны, говорящіе русскимъ языкомъ, суть одинаково русскіе передъ лицомъ якутовъ и тунгусовъ.

Первоначальное происхожденіе большинства сибиряковъ хорошо извѣстно. Первые русскіе, вступившіе въ торговыя сношенія съ сибирскими народами, были звѣроловы или промышленные люди, приходившіе изъ новгородскихъ колоній сѣверной Россіи; затѣмъ слѣдовали казаки, сопровождавшіе Ермака при завоеваніи имъ Сибири; но только небольшое число тѣхъ и другихъ привели съ собой своихъ женъ: большая часть брачныхъ союзовъ совершалась съ туземными дѣвушками. Почти всѣ тѣ, которые прибыли въ край впослѣдствіи, до половины девятнадцатаго столѣтія, были невольные колонисты, либо какъ солдаты или чиновники, либо какъ ссыльные; эти послѣдніе составляли, можетъ быть, самый многочисленный элементъ пришлаго населенія; но смертность между ними была гораздо сильнѣе, чѣмъ между другими жителями страны, и большинство ихъ умирало, не успѣвъ основать семьи. Если даже взять среднее число ссыльныхъ, показываемое оффиціальными документами, именно, отъ восьми до девяти тысячъ въ годъ [1]), то выходитъ, что въ теченіе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ болѣе милліона человѣкъ было отправлено противъ воли въ Сибирь, не считая лицъ, высылаемыхъ на жительство. По оффиціальнымъ даннымъ, въ періодъ съ 1823 по 1858 годъ сосланныхъ было: мужчинъ 238,489, женщинъ 42,844; кромѣ того, 23,285 женщинъ и дѣтей, слѣдовавшихъ добровольно за главой семейства, всего 304,618 человѣкъ; слѣдовательно, средняя годовая цифра составляла 8,700. Первые добровольные поселенцы,—если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, пришедшихъ въ прежнее время,—были крестьяне, устремившіеся изъ Россіи на нижній Амуръ тотчасъ послѣ присоединенія сѣверной Манчжуріи къ Россійской Имперіи. При существованіи крѣпостнаго права, понятно, не могло быть никакого добровольнаго переселенія. Помѣщики и вообще владѣльцы крѣпостныхъ, берегли своихъ крестьянъ для обработки земель и посылали въ Сибирь, по крайней мѣрѣ, въ округи, не имѣющіе рудниковъ или пріисковъ, только тѣхъ несчастныхъ, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться; правда, что эти изгнанники, переставъ быть рабами, скоро достигали на поселеніи бо́льшаго матеріальнаго довольства, чѣмъ какимъ пользовались у себя на родинѣ. Страны сѣверной Азіи населились русскими колонистами, подобно тому, какъ населились губерніи Вятская, Пермская, Оренбургская; но къ каторжнымъ, къ преступникамъ всякаго рода, къ лицамъ, ссылаемымъ, по приговору общества, за порочное поведеніе, были прибавлены раскольники и мятежники. Утомительность продолжительнаго пути, эпидеміи,

[1]) *Максимовъ*, Сибирь и каторга.

цынга, трудность приспособленія къ новому климату, тяжелая подневольная жизнь, строгости вынужденнаго мѣстопребыванія, постоянный полицейскій надзоръ, тоска по родинѣ—всѣ эти причины объясняютъ большую смертность среди ссыльныхъ, а незначительная пропорція женщинъ между ними допускаетъ лишь медленное возстановленіе семействъ. Русское населеніе Сибири болѣе чѣмъ утроилось за послѣднія сто лѣтъ, но въ сравненіи съ нѣкоторыми колоніями, Азіатская Россія заселилась въ очень слабой степени въ продолженіе почти трехъ столѣтій, протекшихъ со времени присоединенія сибирскаго царства; бывали даже, если вѣрны показанія оффиціальныхъ переписей, временныя убыли въ цифрѣ народонаселенія нѣкоторыхъ областей: такъ, въ то время, какъ населеніе Томской губерніи возрастаетъ каждый годъ, вслѣдствіе избытка рожденій, слишкомъ на 20,000 душъ, Иркутская губернія имѣла въ 1873 году жителей на двѣнадцать тысячъ менѣе, чѣмъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1861 году насчитывали 370,455, а въ 1873 г. только 358,700 жителей), такъ что, среднимъ числомъ, населеніе этой губерніи уменьшалось на тысячу душъ въ годъ [1]). Въ большей части городовъ населеніе уменьшалось бы, если бы равновѣсіе не возстановлялось постояннымъ приливомъ новыхъ эмигрантовъ; но въ деревняхъ число жителей увеличивается. Въ цѣломъ, не подлежитъ сомнѣнію, что размноженіе славянской расы съ излишкомъ вознаградило по числу людей убыль, которую туземныя племена, за исключеніемъ якутовъ, испытали во многихъ областяхъ сибирской территоріи.

Народонаселеніе Сибири въ разныя эпохи, безъ азіатскаго склона Урала:

1796 г.	1.193,145 жит.	Въ 1880 г. (вѣроятн.	
1816 „	1.540,424 „	цифра)	3.900,000 жит.
1869 „	3.327,627 „	„ 1880 г. (съ азі-	
Въ 1870—73 гг. .	3.440,362 „	атск. Ураломъ).	5.200,000 „

Пропорція мужчинъ естественно болѣе значительна, чѣмъ пропорція женщинъ, такъ какъ Сибирь есть въ одно и то же время страна изгнанія и добровольнаго переселенія; однако, разность между полами здѣсь гораздо меньше, нежели въ Австраліи и въ земляхъ дальняго запада (Far West) Сѣверной Америки: въ восточной Сибири считаютъ среднимъ числомъ 10 мужчинъ на 9 женщинъ [2]).

Имя Сибири сдѣлалось синонимомъ „страны ссылки“. Каждый успѣхъ, каждый шагъ впередъ русскаго господства въ Азіи былъ отмѣченъ линіей тюремъ: при каждомъ новомъ присоединеніи территоріи партіи ссыльныхъ, медленно тянувшіяся черезъ степи и лѣса, шли свидѣтель-

---

[1]) *Russische Revue*, 1876 г., № 10.

[2]) Russische Revue, 1876 г., № 10.

ствовать въ отдаленныхъ окраинахъ имперіи о могуществѣ Россіи. Едва только основывался гдѣ нибудь на громадномъ пространствѣ сибирской территоріи острогъ, монастырь, крѣпостца, какъ тотчасъ же открывались и кельи для ссыльныхъ; колоніи Пелымъ, Березовъ, Селенгинскъ, Албазинъ уже при самомъ рожденіи были предназначены служить мѣстомъ заключенія: какъ только донесеніе объ открытіи новой земли достигало Петербурга, тотчасъ же направляли въ это новое владѣніе партію каторжниковъ. Такимъ образомъ, исторія страны сливается со скорбной исторіей ссылки.

Первый указъ объ изгнаніи постигъ набатный колоколъ города Углича, виновный въ томъ, что онъ созвалъ народъ во время убіенія царевича Димитрія клевретами Бориса Годунова, въ 1591 году. Онъ былъ осужденъ на „урваніе языка и уха“, подобно обыкновеннымъ уголовнымъ преступникамъ, и сосланъ въ Пелымъ [1]), куда за нимъ вскорѣ послѣдовали граждане его города, затѣмъ всѣ лица, казавшіяся подозрительными Борису. Въ первое столѣтіе русской колонизаціи Сибирь не получала другихъ ссыльныхъ, кромѣ государственныхъ преступниковъ, но въ концѣ семнадцатаго вѣка малороссы изъ побѣжденной Украйны должны были направиться по той же дорогѣ, какъ и ссыльные изъ Великороссіи: эти малороссійскіе изгнанники, посылавшіеся небольшими партіями, всего лучше сохранили нравы родной стороны. Затѣмъ ссыльные раскольники увеличили собой число сибиряковъ; но сколько изъ нихъ погибло въ дорогѣ отъ утомленія, отъ голода, отъ всякаго рода пытокъ! Сколь многіе должны были повторять то, что говоритъ раскольничій попъ Аввакумъ въ своихъ запискахъ: „Плоты трудно тащить противъ теченія; начальники и конвойные неумолимы, палки ихъ больно бьютъ, кнуты ихъ рѣжутъ кожу, а пища наша — падаль, которую и волкъ не станетъ ѣсть!“ — „И эти мученія долго продлятся?“ спрашивала жена попа, падая въ изнеможеніи. — „До самой смерти“, кротко отвѣчалъ Аввакумъ. — „Да будетъ воля Божія“, говорила она съ новымъ мужествомъ. Въ этихъ сибирскихъ раскольникахъ легко узнать людей, первое испытаніе которыхъ, при вступленіи въ общину, состояло въ томъ, что они давали себѣ класть горячія уголья въ уши.

Стрѣльцы, тоже раскольники, были сосланы Петромъ Великимъ, который велѣлъ отправить ихъ въ качествѣ гарнизона въ самыя отдаленныя крѣпостцы или остроги имперіи до Охотска и Камчатки: и теперь еще можно встрѣтить прямыхъ потомковъ этихъ стрѣльцовъ въ поселеніяхъ на берегахъ Лены. Послѣ царствованія Петра придворныя интриги привели въ Сибирь другихъ невольныхъ колонистовъ, вельможъ и временщиковъ, Меньшиковыхъ, Долгорукихъ, Бироновъ, Миниховъ, Толстыхъ,

[1]) Колоколъ этотъ до сихъ поръ находится въ Тобольскѣ. *Прим. перев.*

Бутурлиныхъ. „До свиданія на томъ свѣтѣ“, могли они сказать своимъ друзьямъ, отправляясь въ Сибирь, какъ и всѣ ссыльные, ибо большинство ихъ были забыты; другіе безслѣдно пропали въ сибирскихъ пустыняхъ, и когда поворотъ фортуны снова доставлялъ власть ихъ друзьямъ, тщетно искали несчастныхъ изгнанниковъ въ лѣсахъ и тундрахъ Сибири; одинъ изъ нихъ, Соймоновъ, съ трудомъ отысканный, былъ назначенъ сибирскимъ губернаторомъ. Съ 1658 года началась ссылка поляковъ въ Сибирь, но ссылки ихъ массами относятся къ царствованію Екатерины II, когда этой участи подверглись барскіе конфедераты, затѣмъ товарищи Косцюшко. Далѣе, около девяти сотъ поляковъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона I, тоже были посланы въ Сибирь. Особенно многочисленны были партіи политическихъ преступниковъ, отправленныя послѣ революціи 1830 года и различныхъ возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ Польшѣ съ той эпохи. Ссыльные поляки много способствовали прогрессу страны; они улучшили управленіе рудниками, создали многія мѣстныя промышленности, научили садоводству и развили образованіе въ семействахъ. Поляковъ, сосланныхъ прямо въ Сибирь въ 1863 году, насчитываютъ 18,023 [1]).

Ссыльные, имя которыхъ возбуждаетъ наиболѣе симпатій между русскими,—„декабристы“, которые прибыли въ Сибирь въ 1826 году. Въ началѣ имъ дѣйствительно приходилось много терпѣть, но мало по малу судьба ихъ улучшилась, благодаря преданности ихъ женъ, пожелавшихъ раздѣлить изгнаніе мужей, благодаря также нравственному превосходству декабристовъ надъ ихъ тюремщиками и выказанному ими духу солидарности: они были соединены между собой въ братскую общину, заботившуюся о томъ, чтобы никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды, и чтобы всѣ одинаково могли пользоваться книгами, журналами и другими, возможными въ ихъ положеніи, выгодами цивилизованной жизни. Вліяніе ихъ до сихъ поръ еще замѣтно въ городахъ восточной Сибири. Впослѣдствіи и другіе политическіе ссыльные присоединились къ сибирскому населенію; но имъ уже не оказываютъ такого снисхожденія и не даютъ такихъ льготъ, какими пользовались декабристы: они идутъ пѣшкомъ, какъ и арестанты, осужденные за обыкновенныя преступленія, и работаютъ, наравнѣ съ послѣдними, въ тюрьмахъ, рудникахъ или казенныхъ заводахъ, не имѣя права читать, соединяться въ товарищества, ни выбирать себѣ родъ занятій по своему вкусу.

Въ прежнее время партіи ссыльныхъ, осужденныхъ за обыкновенныя преступленія или по политическимъ дѣламъ, должны были пройти пѣшкомъ, привязанные рукой къ длинной желѣзной палкѣ, пространство почти въ 6,000 верстъ, отдѣляющее тюрьмы Европейской Россіи отъ Забай-

[1]) Совершенно невѣрно: въ каторгу 972 чел. и на поселеніе 1,427.
Прим. ред.

калья. Это путешествіе продолжалось цѣлыхъ два года. И теперь еще ссыльные совершаютъ пѣшкомъ переходъ отъ Томска до Читы: когда партія на пути вступаетъ въ деревню, арестанты затягиваютъ, съ дозволенія начальника конвоя, жалобную пѣсню или, вѣрнѣе, протяжное завываніе, взывающее къ милосердію жителей, и крестьяне несутъ подаяніе „несчастнымъ“, ибо таково обыкновенное названіе, которое даютъ имъ всѣ сибиряки, отказываясь видѣть въ нихъ преступниковъ. Каторжные, то-есть осужденные за тяжкія уголовныя преступленія, вездѣ находятъ хорошій пріемъ, и по водвореніи ихъ на поселеніе, возстановленіе ихъ честнаго имени облегчается имъ нѣкотораго рода уваженіемъ, которое питаютъ къ нимъ, какъ къ людямъ съ характеромъ; но ссыльно-поселенецъ, то-есть водворенный въ Сибири за воровство или другое менѣе важное преступленіе, довольно часто возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе въ мѣстномъ населеніи. Побѣги во время слѣдованія партіи легко осуществимы, но между ссыльными искони установилось правило не бѣгать съ дороги, дабы ихъ товарищамъ не пришлось терпѣть изъ-за нихъ. Даже во время пути арестанты соединяются въ артели и выбираютъ изъ своей среды старосту [1]).

Сибиряки, ряды которыхъ пополняются элементами, вербуемыми въ одно и то же время между худшими и между лучшими изъ русскихъ, естественно составляютъ во многихъ отношеніяхъ рѣзкій контрастъ съ жителями метрополіи. Съ одной стороны, наслѣдственность, съ другой, вліяніе новой среды должны были дѣйствовать на нихъ въ такой степени, что они образовали собою особенную группу въ большой семьѣ народовъ Россійской имперіи. Ихъ природный умъ, который, впрочемъ, рѣдко бываетъ развитъ образованіемъ, можетъ быть, еще болѣе смѣтливъ, чѣмъ у жителей Европейской Россіи. Счастье осыпать заѣзжаго человѣка вопросами играетъ не послѣднюю роль въ удовольствіи, которое испытываетъ сибирякъ, когда ему случится чествовать гостя въ своей избѣ, обыкновенно просторной и опрятно содержимой, гдѣ полъ лучше выскобленъ и вымытъ, чѣмъ столъ въ жилищѣ инаго горемычнаго мужика Европейской Россіи. Никогда не испытавъ на себѣ крѣпостной зависимости (за исключеніемъ тѣхъ, которые были приписаны къ казеннымъ рудникамъ и заводамъ), располагая бо́льшимъ пространствомъ земли, чѣмъ русскій крестьянинъ, и менѣе часто приходя въ соприкосновеніе съ чиновниками всякаго рода, сибиряки обладаютъ болѣе сильнымъ чувствомъ равенства: у нихъ нѣтъ ничего раболѣпнаго ни въ голосѣ, ни въ манерахъ, но, съ другой стороны, они не отличаются и природной кротостью нрава, наивнымъ добродушіемъ славянъ Европейской Россіи. Вообще го-

[1]) Все это относится къ прежнему времени; нынѣ, какъ извѣстно, ссыльные перевозятся морскимъ путемъ на островъ Сахалинъ. *Прим. ред.*

воря, они не походятъ на россіянъ ни нравами и обычаями, ни качествами характера и дѣятельности. Главный ихъ недостатокъ—равнодушіе, индифферентизмъ: очень практичные и разсчетливые, они никогда не увлекаются ни религіознымъ рвеніемъ, ни политическими идеями; между ними не встрѣтишь ни поэтовъ, ни музыкантовъ. Они любознательны, но не хотятъ дать себѣ труда учиться; они любятъ удобства жизни, но не умѣютъ добыть себѣ ихъ посредствомъ труда; они называютъ себя равными другъ другу, но имъ не приходитъ мысли сдѣлаться свободными. Однако, примѣры великаго самоотверженія, которыми такъ богата исторія сибирскихъ ссыльныхъ, не пропали даромъ, и подобно золотымъ жиламъ въ гнилой горной породѣ, достойные удивленія характеры проявляются тамъ и сямъ среди общей посредственности. Если Сибири суждено когда нибудь пріобрѣсти значительную важность въ цивилизованномъ мірѣ, какъ можно надѣяться въ виду природныхъ богатствъ большой части ея территоріи, то она не преминетъ оказать свое дѣйствіе въ смыслѣ развитія мѣстной автономіи и свободы.

Точно также какъ въ Европейской Россіи, масса сибирскаго народонаселенія сгруппирована въ сельскія общества. Вся земля Сибири, за исключеніемъ нѣсколькихъ земельныхъ владѣній, уступленныхъ въ особенныхъ условіяхъ, остается до сихъ поръ достояніемъ государства, и обществамъ принадлежитъ только право пользованія ею: такъ, напримѣръ, въ Енисейской губерніи существуетъ всего только одинъ землевладѣлецъ, права котораго восходятъ ко временамъ царствованія Екатерины II. Но частная земельная собственность уже создается сама собой косвеннымъ образомъ, именно путемъ долгосрочныхъ арендъ, заключаемыхъ на восемьдесятъ лѣтъ, подобно тому, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Въ Сибири, какъ и въ Россіи, совокупность міра отвѣтствуетъ круговой порукой за исправный взносъ въ казну податей и распредѣляетъ земли соотвѣтственно числу „душъ“, то-есть способныхъ къ работѣ лицъ мужскаго пола, которыя, въ свою очередь, должны уплачивать обществу долю податей и сборовъ, падающую на данную семью. Среднимъ числомъ, сибирскій міръ или сельское общество состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, имѣющихъ каждая свою долю земель, соотвѣтствующую приблизительно числу ея жителей, такъ что каждая „душа“ располагаетъ участкомъ около пяти десятинъ, пространство, которое, при хорошей обработкѣ, было-бы вполнѣ достаточно для содержанія нѣсколькихъ семействъ. Но практикуемая нынѣ система земледѣлія есть ничто иное, какъ хищничество: сибирскій крестьянинъ не употребляетъ удобренія и придерживается переложнаго способа хозяйства; онъ утилизируетъ только треть своихъ земель, и собравъ три или четыре жатвы съ даннаго участка, переходитъ къ другой части своего поля. При такомъ порядкѣ, пахатная земля можетъ быть распредѣляема вновь только по прошествіи

длиннаго періода лѣтъ, въ эпохи ревизій или народныхъ переписей, тогда какъ луга, регулярно производящіе получаемый съ нихъ продуктъ, сѣно, подвергаются передѣлу каждый годъ. Лѣсъ остается въ общемъ пользованіи; однако, всякій крестьянинъ можетъ поселиться въ лѣсу, вырубить себѣ тамъ просѣку и разчистить землю подъ пашню, но онъ не дѣлается собственникомъ занятаго имъ участка, и управленіе государственныхъ имуществъ можетъ во всякое время отобрать у него эту землю, выдавъ ему вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ рублей за десятину.

Сельское общество обязано принимать въ свою среду всѣхъ ссыльнопоселенцевъ или каторжныхъ, перешедшихъ въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ по истеченіи срока каторги. Они получаютъ мѣсто для постройки дома, полдесятины земли для разведенія огорода и пропорціональную долю полей и луговъ; но есть много несчастныхъ, которые остаются внѣ всякаго сословія и не пользуются ни землей, ни правами. Это измѣнчивое населеніе состоитъ изъ бродягъ, число которыхъ, разумѣется, неизвѣстно чиновникамъ, производящимъ перепись, но которые, по приблизительному исчисленію, составляютъ около четверти осужденныхъ на каторжныя работы; съ 1848 по 1849 годъ изъ однихъ только нерчинскихъ тюремъ бѣжало 3,104 человѣка. Бродяги убѣгаютъ отъ тяжелой работы въ рудникахъ или отъ тоски тюремнаго заключенія, подвергая себя образу жизни, который показался бы ужаснымъ для всякаго другаго человѣка, кромѣ арестанта. Да и это счастье пожить на волѣ, гдѣ самъ себѣ господинъ, продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ, ибо во время жестокой зимы бѣглымъ въ большинствѣ случаевъ не остается инаго исхода, кромѣ какъ явиться къ властямъ и дать себя запереть, подъ вымышленнымъ именемъ, въ какомъ нибудь острогѣ, отдаленномъ отъ того, гдѣ они содержались до побѣга. Чтобы воспрепятствовать побѣгамъ, русскія власти Забайкальской области и другихъ странъ Сибири въ прежнее время приказывали вырывать ноздри всѣмъ осужденнымъ на каторгу; затѣмъ до 1864 года имъ клали клейма на лбу и на щёкахъ, то-есть буквы, вызженныя на мясѣ; теперь ограничиваются тѣмъ, что ставятъ внѣ закона всѣхъ бѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ, и такимъ образомъ дали тунгузамъ и бурятамъ право безнаказанно стрѣлять по несчастнымъ. Благодаря этому, нравы туземцевъ ожесточились, и человѣческая жизнь теперь цѣнится очень дешево въ тѣхъ краяхъ: свистъ пули скоро теряется въ безмолвіи тайги [1]). Въ Забайкальѣ существуетъ повсемѣстное повѣрье, что бурятъ въ этомъ случаѣ думаетъ про себя такъ: „худенькій бѣглый лучше доброй козы, потому что на козѣ одна шкура, на *чалдонѣ* (бродягѣ) три: рубаха, кафтанишко и кое-какой полушубокъ“ [2]). Тѣмъ

[1]) *Von Middendorf*, Sibirische Reise.
[2]) *Кропоткинъ*, рукописныя замѣтки.

не менѣе нѣтъ недостатка въ бѣглыхъ даже въ этихъ странахъ; они скоро научаются избѣгать опасныхъ мѣстъ, угадывають направленіе, по которому нужно слѣдовать въ дѣвственномъ лѣсу, и узнаютъ знаки, оставленные тунгусами и другими, прежде нихъ проходившими, бродягами. Отъ одной оконечности Сибири до другой всѣ бродяги покрыли страну примѣтами таинственными или даже невидимыми для другихъ, но совершенно ясными для нихъ всѣхъ. Притомъ же имъ покровительствуютъ крестьяне, которымъ выгодно употреблять ихъ на работу въ своихъ хуторахъ, не давая имъ другаго жалованья, кромѣ пропитанія. Въ отдѣльно стоящихъ домахъ бродяга всегда находитъ хлѣбъ, молоко, соль, какую нибудь старую одежонку, оставленныя крестьянами для своихъ несчастныхъ братьевъ. Есть множество деревень, гдѣ бродяги могутъ жить безъ опаски, даже заниматься хлѣбопашествомъ и основывать собственную семью, будучи вполнѣ увѣрены, что никто изъ жителей не выдастъ ихъ начальству; кое-гдѣ они даже построили цѣлыя деревни. Иногда случалось, что сами власти, въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, когда нельзя было найти въ достаточномъ числѣ обыкновенныхъ рабочихъ, дѣлали призывъ къ „бродягамъ“, съ молчаливымъ обязательствомъ не спрашивать у нихъ вида на жительства, и сотни бѣглыхъ изъ окрестныхъ лѣсовъ тотчасъ же являлись для исполненія требуемой работы. Замѣчено, что, по оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число стариковъ, достигшихъ столѣтняго возраста, гораздо значительнѣе въ Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи, гдѣ, однако, средняя смертность менѣе велика; именно оказывается, что одинъ столѣтній старикъ приходится въ Сибири на 103, а въ Россіи на 2702 жителей [1]). Но многіе изъ этихъ якобы столѣтнихъ сибирскихъ стариковъ не бродяги ли, принятые сельскими обществами въ свою среду на мѣсто умершихъ крестьянъ? „Непомнящій родства“ бѣглый, какой нибудь „Иванъ Безымянный“ или „Михайло Ничегонезнайкинъ“, получилъ бумаги, которыя дѣлаютъ его въ глазахъ всѣхъ представителемъ извѣстной семьи. Что за бѣда, если эти документы прибавятъ лишніе два или три десятка лѣтъ къ его возрасту.

Бродяги, убѣжавшіе изъ своей тюрьмы или съ мѣста водворенія, не единственный бродячій элементъ среди сибирскаго населенія. Въ этой безпредѣльно обширной странѣ самая громадность пространства располагаетъ человѣка къ бродячей жизни. Такъ, секта „странниковъ“ имѣетъ много представителей въ Сибири, гдѣ они безпрестанно бродятъ по лѣсамъ и горамъ, въ поискахъ за той чудодѣйственной „Бѣлой водой“, которая очищаетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ и въ то же время доставляетъ имъ безконечныя сокровища. Въ большей части городовъ и деревень они

[1]) Русскій Временникъ, II, 1872 г.

[2]) *Albin Kohn* und *Richard Andree*, Sibirien und das Amur-Gebiet.

находятъ друзей, которые, принадлежа втайнѣ къ той же сектѣ, ведутъ осѣдлую жизнь и по наружности соблюдаютъ обряды православной вѣры: единственная ихъ миссія состоитъ въ томъ, чтобы давать пріютъ своимъ странствующимъ братьямъ и укрывать ихъ отъ глазъ полиціи. Когда странника откроютъ и засадятъ въ острогъ, онъ благодаритъ Господа за посланное ему испытаніе, долженствующее очистить и укрѣпить его вѣру. Тѣмъ не менѣе, расколъ находитъ, вообще говоря, менѣе благопріятную почву въ Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи: индифферентизмъ сибиряка въ дѣлѣ религіи, въ концѣ концовъ, оказываетъ свое дѣйствіе на самихъ раскольниковъ. За исключеніемъ старовѣровъ, живущихъ въ долинахъ Алтая, и колоній на Амурѣ, основанныхъ духоборцами, огромное большинство славянскаго населенія края состоитъ изъ православныхъ; во всей Сибири существуетъ только пять протестанскихъ церквей, и по даннымъ оффиціальныхъ переписей, насчитывается только 6990 протестантовъ на всемъ пространствѣ отъ Тобольска до Владивостока [1]). Миссіонерское учрежденіе, основанное въ Иркутскѣ, занимается обращеніемъ сибирскихъ инородцевъ въ православную вѣру.

Земледѣльческая производительность Сибири, находящаяся еще въ первобытномъ состояніи, едва достаточна для прокормленія жителей страны, хотя въ южной полосѣ ея много превосходныхъ земель, которыя могли бы давать въ изобиліи всѣ продукты умѣренной Европы. Въ одномъ описаніи Россіи, переведенномъ Клапротомъ [2]), китайскій авторъ говоритъ съ удивленіемъ о томъ, что русскіе, хотя они умѣютъ сѣять хлѣбъ, „не знакомы съ искусствомъ выпалывать сорныя травы, выростающія на нивахъ“. Это замѣчаніе китайскаго писателя сохранило всю свою справедливость до сего дня, и сибиряки все еще повторяютъ поговорку, слышанную отъ нихъ Гмелинымъ: „Все, что даетъ трудъ, дурно, потому что исходитъ не отъ Бога“. Нѣкоторые русскіе раскольники и переселенцы китайскіе и корейскіе въ Приморской области подаютъ, правда, примѣръ выдержаннаго труда сибирскимъ земледѣльцамъ, но они не находятъ подражателей; почти вездѣ поля и огороды имѣютъ видъ запустѣнія. Но луга, разумѣется, очень хороши, богаты сочной травой и прокармливаютъ большое количество скота. Лошади, впрочемъ, не пользующіяся заботливымъ уходомъ, живущія табунами почти дикими, то же очень многочисленны въ Сибири; тамъ насчитываютъ почти по лошади на каждаго жителя. „Сибирская язва“, которая производитъ большія опустошенія между стадами зародилась первоначально, какъ говорятъ, въ Барабинской степи.

---

[1]) *Finsch*, Reise nach West-Sibirien.

[2]) Mémoires rélatifs à l'Asie.

Звѣроловство, которое нѣкогда играло капитальную историческую роль, такъ какъ оно привело къ открытію и колонизаціи Сибири, до сихъ поръ остается однимъ изъ главныхъ промысловъ Азіатской Россіи, и какъ было двѣсти лѣтъ назадъ, такъ и теперь все тѣ же якуты и тунгусы доставляютъ своимъ побѣдителямъ дань шкурами пушнаго звѣря или ясакъ, подающій поводъ къ столькимъ жестокостямъ и безчестнымъ спекуляціямъ; однако, и нынѣ еще есть цѣлыя деревни промышленниковъ, занимающихся охотой на пушнаго звѣря: эти охотники самые благородные изъ сибиряковъ, самые прямодушные и самые храбрые [1]). Около пятидесяти видовъ животныхъ преслѣдуются ради ихъ болѣе или менѣе дорогаго мѣха, и количество особей, убиваемыхъ въ теченіе промысловаго сезона, нужно считать милліонами. Ежегодный вывозъ изъ Сибири мѣховъ всякаго рода, не включая сюда шкуръ морскихъ животныхъ, представляетъ валовую цѣнность отъ 4 до 5 милліоновъ рублей. Соболій мѣхъ служитъ регуляторомъ цѣнъ для всѣхъ родовъ сибирскаго пушнаго товара; онъ стоитъ, среднимъ числомъ, отъ 8 до 10 рублей за шкуру, но лучшіе мѣха, съ густой черной остью, черной подпушкой и бѣлымъ кончикомъ, достигаютъ, въ самой Сибири, цѣны 60 рублей; а такъ какъ соболь маленькій звѣрокъ меньше европейской куницы, и брюшки не употребляются на выдѣлку дорогихъ мѣховъ, то требуется до 80 шкурокъ для одной шубы, вслѣдствіе чего цѣна такой шубы доходитъ до 5,000 рублей. Мѣхъ чернобурой лисицы цѣнится еще дороже, чѣмъ соболій, такъ что за одну шкуру высшаго качества платятъ 300 руб. и больше. Шкурки бѣлокъ однѣ доставляютъ около третьей части дохода, получаемаго Сибирью отъ продажи мѣховъ; случалось, что до десяти милліоновъ, даже до двѣнадцати и пятнадцати милліоновъ этихъ грызуновъ были убиваемы въ одинъ годъ во время ихъ переселеній несмѣтными стаями, когда выгонитъ ихъ лѣсной пожаръ или неурожай кедровыхъ орѣховъ. Китай получаетъ черезъ Кяхту значительную часть этихъ мѣховъ, но Европа получаетъ ихъ гораздо больше: на ирбитской ярмаркѣ пріѣзжіе купцы, русскіе, польскіе, нѣмецкіе, оспариваютъ другъ у друга драгоцѣнныя шкуры пушнаго звѣря, цѣна котораго увеличивается вдесятеро, при переходѣ изъ страны лова въ страну потребленія. Въ 1876 году на ирбитскую ярмарку были привезены слѣдующія количества пушнаго товара [2]).

Бѣлки (сплошь сѣрой)	5.000,000 шкуръ.
Горностая	215,000 „
Зайца	300,000 „
Лисицы разныхъ породъ	82,000 „
Куницы разныхъ породъ	750,000 „

[1]) *Радде*; — *Крапоткинъ*.

[2]) *Субботинъ*, Курсъ политической экономіи.

Соболя . . . . . 12,000 штукъ.
Другой пушнины . . . . . 200,000 „

Извѣстно, что многіе виды пушнаго звѣря, особеено изъ самыхъ дорогихъ и потому наиболѣе ревностно преслѣдуемыхъ, значительно уменьшились въ числѣ съ тѣхъ поръ, какъ сибирскіе тайги и урманы вошли въ кругъ притяженія европейскихъ рынковъ. Однако, ни одинъ изъ сухопытныхъ видовъ, за которыми гоняются сибирскіе охотники, еще не исчезъ совершенно. Лѣса представляютъ имъ болѣе безопасныя убѣжища, чѣмъ какія могутъ дать берега океана морскимъ животнымъ.

Рыболовство имѣетъ первостепенную экономическую важность для сибиряковъ, такъ какъ оно доставляетъ главную пищу цѣлымъ населеніямъ, не только между инородцами, но также между жителями русскаго происхожденія. Но большой рыболовный промыселъ значительно уменьшился, по крайней мѣрѣ на Байкалѣ. Русскіе не гоняются болѣе за китами въ полярныхъ моряхъ, а что касается ловли другихъ морскихъ звѣрей китовой породы, то русскихъ промышленниковъ смѣнили американскіе рыболовы въ сѣверномъ Тихомъ океанѣ и норвежскіе въ Карскомъ морѣ. Совокупность сибирскихъ рыболовныхъ промысловъ, имѣющихъ цѣлью не мѣстное потребленіе,—которое громадно,—но вывозъ продуктовъ въ другія мѣста, представляетъ ежегодно весьма незначительную цѣнность. Въ этомъ отношеніи, громадная Сибирь съ ея тысячами верстъ протяженія морскихъ береговъ, съ ея большими озерами, ея исполинскими рѣками и безчисленными ихъ притоками, менѣе важна нежели одни только бассейны Кубани, Терека и Куры, на обоихъ склонахъ Кавказа.

Горная промышленность тоже значительно уменьшилась, по размѣрамъ добыванія, съ половины настоящаго столѣтія, но, тѣмъ не менѣе, богатства рудныхъ мѣсторожденій Сибири обезпечиваетъ этой странѣ высокое мѣсто между государствами, производящими драгоцѣнные металлы. Среднимъ числомъ, Россійская имперія доставляетъ торговлѣ восьмую часть золота, собираемаго каждый годъ во всемъ свѣтѣ, и три четверти этого количества, то есть около одиннадцатой части всемірной добычи, приходится на долю Сибири. Въ первой четверти текущаго столѣтія были произведены первыя промывки золота въ ручьяхъ и рѣчкахъ сибирскаго Урала и уже ранѣе алтайскіе рудники обогащали казну Императорскаго кабинета, которому они принадлежатъ; но періодъ процвѣтанія начался около 1825 года и продолжался до половины нынѣшняго столѣтія. Съ этой эпохи число рудниковъ и золотопромывальныхъ заводовъ возросло, правда, но выгоды, даваемыя этими предпріятіями, стали гораздо меньше противъ прежняго времени. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что люди, заправляющіе этими предпріятіями, почти всѣ безъ исключенія не обладаютъ необходимымъ образованіемъ, они не знаютъ даже свойства гор-

ныхъ породъ, доставляющихъ золотоносные пески. Съ другой стороны, пески въ большей части рѣчекъ, несущихъ золото, дѣйствительно оскудѣли съ тѣхъ поръ, какъ тысячи золотоискателей бросились на поиски драгоцѣннаго металла. Среднее содержаніе золотоносныхъ песковъ въ Енисейской губерніи постепенно понизилось съ 3 тысячныхъ чистаго золота до пятой и даже десятой доли этого количества [1]). Сверхъ того, владѣльцы рудниковъ и пріисковъ лишились монополіи, которая такъ обогащала ихъ въ прежнія времена; они не располагаютъ болѣе тысячами подневольныхъ работниковъ, которыхъ имъ давала казна. Трудъ сдѣлался свободнымъ, и между тѣмъ, какъ цѣнность золота постепенно уменьшалась на рынкѣ, соразмѣрно измѣненію цѣнъ на жизненные припасы и произведенія обрабатывающей промышленности, плата рабочимъ возрастала. Однако, эти послѣдніе попрежнему остаются въ самомъ бѣдственномъ положеніи: работая въ холодной, полурастаявшей водѣ ручьевъ, постоянно подверженные рѣзкимъ перемѣнамъ и непогодамъ чрезвычайно суроваго климата, мучимые комарами и мошками, принужденные проводить ночь въ грязныхъ, вонючихъ сараяхъ, они, въ добавокъ ко всему этому, получаютъ недостаточную и недоброкачественную пищу, запиваемую отравленной водкой, которыя, т. е. пищу и водку, они должны покупать въ лавочкахъ хозяевъ пріисковъ, платя въ три или четыре раза дороже противъ дѣйствительной цѣны товара. Въ концѣ пріисковаго сезона, когда морозъ снова превратитъ песокъ въ камень, большинство рабочихъ оказываются такими же бѣдными, какими они были, отправляясь на пріиски, да и тѣ, которымъ удалось сберечь кое-какіе деньжонки, тотчасъ же пропиваютъ ихъ въ кабакахъ ближайшихъ къ пріиску деревень, каковы, напримѣръ, „Парижъ“ и „Лондонъ“ въ Олекминскомъ округѣ. Среднимъ числомъ, насчитываютъ тысячу золотопромывальныхъ заведеній, или пріисковъ, добывающихъ около двухъ пудовъ золота въ годъ, можетъ быть, около двухъ съ половиною пудовъ, если принять въ разсчетъ количество металла, которое удается скрыть отъ чиновниковъ фиска, чтобы не платить установленной пошлины. Съ 1726 года, эпохи, когда началась эксплуатація золотыхъ рудниковъ въ Сибири, количество собраннаго золота не должно быть, по цѣнности, менѣе 750 милліоновъ металл. рублей (добыча золота во всей Россіи, какъ Европейской, такъ и Азіятской, въ періодъ съ 1720 по 1876 годъ: 76,337 пудовъ; цѣнность 1.105.000.000 металл. рублей). Послѣ Урала и Алтая, самыми производительными золотоносными мѣстностями должны считаться области въ бассейнахъ верхняго Енисея и Ангары, а также въ бассейнахъ Витима и Олекмы. Въ 1877 году въ восточной Сибири насчитывали золотоискателей 51.272 челов. Въ настоящее время ежегодная добыча

[1]) *Субботинъ*, Курсъ промышленной экономіи.

золота въ Сибири исчисляется, по цѣнности, въ 7 съ половиной милліоновъ металл. рублей.

Добываніе серебра въ Сибири пропорціонально гораздо менѣе значительно; тѣмъ не менѣе, однако, Забайкальскіе серебряные рудники, самые важные и разрабатываемые уже съ начала восемнадцатаго столѣтія, доставили смѣшанную съ свинцомъ массу серебра вѣсомъ около 200,000 пудовъ, представляющую цѣнность болѣе 125 милліоновъ металл. рублей; средняя годовая цѣнность простирается до 1 250,000 металл. руб. Мѣдь тоже составляетъ предметъ довольно значительной разработки на Уралѣ и на Алтаѣ, но главной металлической промышленностью края должно считаться добываніе желѣза. Первый желѣзоплавильный заводъ, основанный на сибирской покатости Уральскаго хребта, существуетъ уже около двухъ съ половиной столѣтій; въ настоящее время занимается около ста тысячъ рабочихъ въ различныхъ металлургическихъ заведеніяхъ Екатеринбургскаго горнаго округа, и желѣзо, которое они утилизируютъ, принадлежитъ къ лучшимъ извѣстнымъ до сихъ поръ, сортамъ этого металла. Ежегодное производство утроилось на Уралѣ съ начала нынѣшняго столѣтія; но нужно замѣтить, что въ тотъ же періодъ времени возрастаніе этой отрасли промышленности было гораздо значительнѣе въ большей части цивилизованныхъ государствъ. Ежегодная добыча желѣза на Уралѣ европейскомъ и азіатскомъ:

Съ 1797 по 1867 г. 169,000 тоннъ. Съ 1867 по 1877 г. 492,000 тоннъ.

Графитъ тоже разрабатывается на Уралѣ, и недавно разрабатывался на горѣ Алибера, близъ Иркутска. Сибирь извлекаетъ изъ своихъ соляныхъ озеръ, соляныхъ источниковъ и копей все количество поваренной соли, необходимое для мѣстнаго потребленія. Что касается угля, то она имѣетъ его въ значительныхъ количествахъ, въ Кузнецкомъ округѣ, въ бассейнѣ Лены, въ бассейнѣ Амура, на островѣ Сахалинѣ; но до сихъ поръ эти минеральныя богатства остаются почти безъ всякаго употребленія. Да и какую пользу могли бы принести эти обильные запасы ископаемаго топлива въ странѣ безъ промышленности, почти безъ жителей?

Мануфактурныя заведенія, въ родѣ фабрикъ, какія мы видимъ въ Европѣ, могутъ, само собой разумѣется, возникать лишь въ южной полосѣ Сибири, гдѣ поселилось русское населеніе; но и тамъ они еще рѣдки, и совокупность ихъ производства представляетъ только незначительную часть различныхъ предметовъ фабричной промышленности, въ которыхъ Сибирь нуждается каждый годъ. Предпріимчивые люди исканіе счастья въ разработкѣ золотоносныхъ розсыпей предпочитаютъ занятію серьезной промышленностью, и, благодаря этому, золотые пріиски поглощаютъ почти всѣ мелкіе капиталы сибиряковъ. Желѣзныя издѣлія при-

*

возятся съ Урала, фаянсовая посуда, разнаго рода матеріи, кожаный товаръ получаются изъ Европейской Россіи; предметы роскоши, настоящіе или поддѣльные, также приходятъ съ запада: жители восточной Сибири покупаютъ всѣ продукты этого рода до самыхъ малоцѣнныхъ, даже свѣчи, чашки, гвозди, писчую бумагу, на рынкахъ, лежащихъ къ западу отъ Иртыша и Тобола. Большая часть сибирскихъ фабрикъ и заводовъ, основанныхъ въ прежнее время, располагали трудомъ каторжниковъ, и, не имѣя надобности платить жалованье рабочимъ, могли, благодаря этому обстоятельству, выдерживать, въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ производства, конкурренцію съ россійскими или иностранными фабриками; но въ наши дни ручной трудъ оплачивается въ Сибири столь же дорого, какъ и въ другихъ частяхъ Россійской Имперіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ бассейнахъ Енисея и Амура, заработная плата даже выше, чѣмъ въ Россіи. Мануфактурная промышленность Сибири въ собственномъ смыслѣ имѣетъ дѣйствительную важность только по одной отрасли—по части винокуреннаго производства: въ Азіи, какъ и въ Европѣ, зерновой хлѣбъ и картофель массами превращаются въ водку и продаются въ безчисленныхъ кабакахъ; однако, пьянство, можетъ быть, менѣе распространено въ Сибири, нежели въ Европейской Россіи. Считая эти винокуренные и водочные заводы вмѣстѣ съ мануфактурами, оказывается, что общее число промышленныхъ заведеній, на всемъ пространствѣ отъ Оби до Амура, превышаетъ тысячу. По исчисленію г. Субботина, въ 1876 году фабрикъ и заводовъ во всей Сибири было 1,100; рабочихъ на нихъ 4,000; годовое производство около 8,000,000 рублей слѣдовательно, на каждаго жителя приходится по 1 р. 80 копѣекъ.

Впрочемъ, страна, очень бѣдная городами, то-есть притягательными центрами для всякаго рода дѣятельности, удовольствій для умственной жизни и школьнаго образованія, понятно, не можетъ имѣть промышленности, кромѣ самой первобытной, такъ сказать, зачаточной. Громадная Сибирь, превосходящая по протяженію весь европейскій континентъ, содержитъ, вмѣстѣ съ горнозаводской областью восточнаго Урала, всего только семнадцать городовъ, имѣющихъ свыше 5,000 жителей; слѣдовательно, тамъ приходится по одному городу на пространство, равное Франціи и Апеннинскому полуострову взятымъ вмѣстѣ. Да и эти немногіе города походятъ скорѣе на деревни, и большая часть ихъ жилищъ состоятъ изъ простыхъ деревянныхъ строеній. Каменные дома еще очень малочисленны въ Сибири: въ 1875 году болѣе половины городовъ, именно 18 изъ 31, не имѣли ни одного зданія, построеннаго не изъ дерева, да и въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали каменныя или кирпичныя постройки, ихъ насчитывали не болѣе, какъ десятками [1]). Въ нѣкоторыхъ

[1]) *Ровинскій*, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., № 2.

частяхъ восточной Сибири опасеніе землетрясеній способствуетъ, повидимому, въ нѣкоторой степени, поддержанію обычая строить дома изъ дерева; но главную причину этого способа постройки слѣдуетъ искать, безъ сомнѣнія, въ первобытномъ состояніи сибирской цивилизаціи вообще [1]). Замѣчательно, впрочемъ, что сибирскіе города населяются очень медленно; почти все приращеніе народонаселенія приходится на долю деревень. Число городскихъ жителей увеличивается гораздо менѣе отъ перевѣса рожденій надъ смертными случаями, чѣмъ отъ прибытія новыхъ поселенцевъ изъ Россіи. Нѣкоторыя важныя ярмарки до сихъ поръ еще происходятъ въ чистомъ полѣ, и иная лѣсная просѣка на берегахъ Амура или Лены становится, въ извѣстное время года, сборнымъ мѣстомъ, куда сходятся для мѣны тысячи якутовъ, тунгусовъ, русскихъ; знаменитая ирбитская ярмарка первоначально тоже собиралась на открытомъ полѣ въ лѣсу. Сибирскіе купцы почти всѣ изъ урожденцовъ россійскихъ губерній, либо изъ владимірскихъ офеней, вязниковцевъ, которые, переходя съ рынка на рынокъ, добрались, наконецъ, до страны якутовъ и бурятъ, либо изъ прикащиковъ, урожденцевъ сѣверной Россіи, которые еще дѣтьми были отданы въ наймы или, лучше сказать, проданы своей семьей. Одинъ только городъ Чердынь, Пермской губерніи, поставляетъ этой торговлѣ каждый годъ отъ двадцати до сорока мальчиковъ, которыхъ извозчики отвозятъ, за условленную плату, на ирбитскую ярмарку, и которые поступаютъ, въ качествѣ учениковъ безъ жалованья, къ какому нибудь патрону, хозяину заведенія или купцу [2]).

Торговля Сибири съ Европейскою Россіей, естественно, должна быть значительна, такъ какъ большая часть мануфактурныхъ произведеній и всѣ предметы роскоши привозятся въ Сибирь изъ-за Урала; но торговыя сношенія съ Китаемъ, страной сопредѣльной съ сибирской территоріей на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, все еще представляютъ очень небольшую относительную важность, и даже уменьшились въ послѣднее время пропорціонально общей торговлѣ имперіи. Въ торговомъ обмѣнѣ между двумя государствами Китай играетъ первую роль, такъ какъ онъ является страной отпуска; но потребленіе чая, который китайцы отправляютъ черезъ сибирскія таможни, возрастаетъ довольно медленно; притомъ же морской путь черезъ Суэзскій каналъ противодѣйствуетъ дорогамъ черезъ Сибирь, и конкурренція его все болѣе и болѣе усиливается съ каждымъ годомъ. Что касается произведеній мануфактуръ россійскихъ и сибирскихъ, то они лучше расходятся между киргизами и монголами, чѣмъ между обладающими болѣе утонченнымъ вкусомъ и болѣе требовательными китайцами, которые, притомъ же, по-

[1]) *Потанинъ*, „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., № 6.
[2]) *Потанинъ*, цитированная статья.

лучаютъ черезъ свои приморскіе порты всѣ нужные имъ европейскіе товары. Русская Приморская область доставляетъ, правда, „морскую капусту“, трепангъ и рыбу сосѣднимъ территоріямъ Китая; но пока населеніе русской Манчжуріи будетъ состоять всего лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ жителей, эта торговля, понятно, не можетъ имѣть сколько нибудь важнаго экономическаго значенія.

Торговля Россіи съ Китаемъ, по Субботину:

	Отпускъ. Рубли.	Привозъ. Рубли.	Общая сумма. Рубли.	Отношеніе ко всей внѣшней торговлѣ Россіи.
Среднія цифры за 1827—1831 гг.	12.000,000	200,000	1.400,000	1 %
„ „ „ 1842—1846 гг.	6.500,000	6.500,000	13.000,000	8 „
„ „ „ 1864—1868 гг.	5.800,000	4,500,000	10,300,000	2,5 „
За 1876 годъ	2.500,000	14.100,000	16.600,000	2 „

Слабое развитіе торговыхъ сношеній между Сибирью и странами крайняго азіатскаго Востока обнаруживается, между прочимъ, малочисленностью телеграфическихъ депешъ, передаваемыхъ изъ Россіи въ Китай и Японію; общее число ихъ немногихъ превышаетъ тысячу штукъ, именно:

Движеніе депешъ между Россіей и Китаемъ въ 1878 году.	595
„ „ между Россіей и Японіей въ 1878 году . .	515
Всего. . .	1,110

Депеши, передаваемыя транзитомъ между западной Европой и Китаемъ и Японіей, черезъ Владивостокъ, гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ телеграммы изъ Россіи (въ 1878 году транзитомъ черезъ Владивостокъ было передано по телеграфу 246,332 слова, что̀ составитъ около 20,000 депешъ).

Пути сообщенія, которыми Сибирь обогатится мало по малу, будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать какъ увеличенію народонаселенія края, такъ и развитію его торговыхъ сношеній. Уже существующая нынѣ большая дорога изъ Перми въ Кяхту, или „сибирскій трактъ“, какъ ее обыкновенно называютъ, болѣе сдѣлала для цивилизаціи Сибири, чѣмъ даже водяные пути, представляемые большими судоходными рѣками. Жители сгруппировались преимущественно вдоль этой дороги и до нѣкотораго разстоянія съ каждой стороны ея; партіи телегъ или саней съ кладью тянутся по ней длинными вереницами въ эпоху ярмарокъ, проходя, среднимъ числомъ, отъ 70 до 100 верстъ въ день, не смотря на то, что лѣтомъ мѣстами приходится съ большимъ трудомъ пробираться черезъ топи и болота Лошади, принадлежащія къ особой породѣ, ѣдятъ на ходу изъ яслей, привязанныхъ къ предшествующему возу и часто на половину наполненныхъ снѣгомъ, который смѣшивается съ овсомъ; во главѣ обоза идетъ телега *старшаго* или главнаго возчика, украшенная маленькой часовенкой, походной

церковью, заключающей св. икону. Извозъ, то-есть перевозка кладей, вызвалъ къ жизни, вдоль сибирскаго тракта, богатыя, цвѣтущія деревни, состоящія обыкновенно изъ одной улицы, которая тянется на версту и на двѣ и обставлена красивыми, двухъ-этажными домами, украшенными балкономъ и составляющими рѣзкій контрастъ съ тѣми бѣдными, невзрачными лачугами, въ какихъ живутъ крестьяне центральной Россіи. Нѣкоторыя изъ мѣстъ остановки, слѣдующихъ одно за другимъ по краямъ этого пути, черезъ извѣстные, отдаленные промежутки, поднялись на степень городовъ, и тѣ изъ нихъ, которые находятся на берегу значительной рѣки, и, слѣдовательно, на перекресткѣ дорогъ, получили, понятно, особенно важное значеніе. Перемѣны въ направленіи тракта каждый разъ сопровождались упадкомъ оставшихся въ сторонѣ отъ дороги городовъ, быстрымъ возрастаніемъ пріобрѣвшихъ выгодное положеніе мѣстъ, появленіемъ новыхъ поселеній въ лѣсу или въ степи. Желѣзныя дороги, къ которымъ присоединятся побочныя вѣтви, будутъ, безъ сомнѣнія, имѣть подобныя же слѣдствія, но постройки этихъ усовершенствованныхъ путей сообщенія придется еще долго ждать, по причинѣ громадности разстояній и очень малой населенности странъ, черезъ которыя нужно ихъ проводить. Рельсовый путь проложенъ уже черезъ Уральскія горы, и двѣ станціи, слѣдующія одна за другой по обѣ стороны порога, носятъ названія „Европы“ и „Азіи“; но этотъ путь еще не связанъ съ европейской желѣзнодорожной сѣтью. Вѣтвь, долженствующая соединить желѣзныя дороги Европы и Центральной Азіи съ трансазіатской линіей отъ Екатеринбурга до Пекина, пройдетъ, какъ кажется, черезъ Оренбургъ. Разстояніе отъ Урала до столицы Китая исчисляется генераломъ Богдановичемъ въ 5,800 километровъ, изъ которыхъ немного болѣе 1,100 километровъ находятся на китайской территоріи [1]).

Первый участокъ этой магистральной линіи, между Екатеринбургомъ и Тюменью, уже начатъ: расходы на сооруженіе его исчислены въ 25 милліоновъ рублей, для разстоянія около 350 верстъ; устройство же всего пути на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана потребуетъ не менѣе 500 милліоновъ метал. рублей. Когда Сибирь, такъ долго остававшаяся внѣ пути націй, сдѣлается обязательнымъ мѣстомъ проѣзда для большей части путешественниковъ между Европой и крайнимъ Востокомъ, это событіе, безъ всякаго сомнѣнія, повлечетъ за собой настоящій переворотъ въ исторіи народовъ. Китай только съ одной стороны легко доступенъ для постройки международныхъ желѣзныхъ дорогъ, именно со стороны сибирской территоріи. На югѣ, на западѣ Срединной Имперіи высокія плоскогорья, горныя цѣпи поднимаются до пояса постоянныхъ снѣговъ, тогда какъ на сѣверной границѣ, открывающіеся въ хребтахъ проломы и пороги, съ правильными, болѣе или менѣе отлогими скатами, дѣлаютъ возмож-

[1]) Congrès international des sciences géographiques de Paris, août 1875.

нымъ во многихъ мѣстахъ переходъ изъ бассейновъ Иртыша и Амура въ бассейнъ Желтой рѣки. Дорога, по которой происходили въ древности воинственныя переселенія гунновъ и монголовъ, легко можетъ снова открыться, но на этотъ разъ она будетъ служить средствомъ для движенія локомотивовъ и вагоновъ. Какія націи, какія расы извлекутъ наибольшія выгоды изъ этого пути, долженствующаго соединить двѣ противоположныя покатости Стараго Свѣта? Это одна изъ самыхъ серьезныхъ проблемъ будущаго.

Сибирскій народъ не приготовляется сильнымъ общественнымъ образованіемъ къ предстоящимъ ему высокимъ судьбамъ въ цивилизованномъ мірѣ. Сибирь стоитъ еще гораздо ниже Европы въ отношеніи пропорціональнаго числа школъ и учащихся. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ едва насчитаетъ десятокъ дѣтей, посѣщающихъ школу. Въ 1870 году во всей восточной Сибири существовало только 283 учебныхъ заведеній съ 8,610 воспитанниками, для населенія, простиравшагося до полутора милліона человѣкъ. Въ 1876 году общественное образованіе въ Сибири, безъ азіатскаго склона Урала, представляло слѣдующія цифры: Народныхъ школъ . 600, съ 16,200 учащ. (14,000 мальч. и 2,200 дѣвоч.). Высшихъ школъ. . 96, съ 3,800 воспитанниками.

Извѣстно, что во многихъ округахъ русскія колоніи, затерянныя среди якутскаго населенія, забыли свой родной языкъ и даже славянскіе нравы до такой степени, что тамъ мужчины покупаютъ себѣ женъ, уплачивая калымъ, какъ туземцы. Тѣмъ не менѣе многіе сибиряки, очень замѣчательные своими познаніями и трудами, уже выдвинулись изъ толпы, и между современными учеными и литераторами Россіи найдется не мало сибирскихъ урожденцевъ, даже такихъ, въ жилахъ которыхъ есть примѣсь бурятской или якутской крови. Но молодые люди Азіатской Россіи, желающіе пріобрѣсти серьезное научное образованіе, принуждены еще отправляться въ Европу. Сибирскій университетъ, такъ давно ожидаемый и заранѣе обезпеченный въ своемъ существованіи значительнымъ капиталомъ, пожертвованнымъ еще полстолѣтія тому назадъ, теперь только приступаетъ къ сооруженію своего зданія и едва выводитъ первые ряды камня надъ уровнемъ почвы: основаніе его было рѣшено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта только въ 1878 году. Въ этомъ же году во всей Сибири для населенія въ 4 милліона человѣкъ, живущихъ на пространствѣ, болѣе обширномъ, чѣмъ Европа, существовало только два журнала, одинъ еженедѣльный, другой ежемѣсячный, если не считать оффиціальныхъ листковъ, Губернскихъ или Областныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ въ каждомъ губернскомъ и областномъ городѣ.

Въ административномъ отношеніи Сибирь раздѣлена на два гене-

ралъ-губернаторства: Западную Сибирь, главное управленіе которой находится въ Омскѣ, и Восточную Сибирь, гдѣ главный городъ Иркутскъ: эти части подраздѣляются на губерніи и области, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на округи и уѣзды. Амурская область, управленіе которой имѣетъ болѣе военный характеръ, чѣмъ управленіе другихъ частей этой громадной территоріи, раздѣлена на казачьи „полки“ и „батальоны“. Въ цѣломъ, можно сказать, что администрація Сибири организована по образцу управленія Европейской Россіи. Учрежденія муниципальныя, судебныя, религіозныя — все установлено по тому же плану, и различія, происходящія отъ громадности пространствъ и мѣстныхъ обычаевъ и особенностей, мало по малу сглаживаются [1]). Въ прежнее время настоящими господами этого обширнаго края, внѣ городовъ, были купцы: пользуясь монополіей торговли мѣхами пушнаго звѣря, они располагали жизнью цѣлыхъ населеній. И теперь еще купцы имѣютъ большую силу, однако, въ наши дни власть генераловъ и высшихъ гражданскихъ чиновниковъ правительства беретъ перевѣсъ надъ значеніемъ купечества. На практикѣ эти представители верховной власти имѣютъ всѣ права, и ихъ воля или ихъ капризъ всегда исполняются. Страна изгнанія и тюремъ, населенная ссыльными и сыновьями невольныхъ поселенцевъ, которые слишкомъ малочисленны, слишкомъ разбросаны, чтобы образовать группу солидной оппозиціи, Сибирь никогда не домогалась автономіи. Но если-бы даже она и пріобрѣла ее когда нибудь, жители ея слишкомъ тѣсно связаны съ европейскими русскими узами общаго происхожденія и общей гражданственности, чтобы будущее этихъ двухъ странъ могло быть раздѣлено. Отъ Дуная до Амура Россія и Сибирь имѣютъ однѣ и тѣ же политическія судьбы, и одна и та же жизнь всегда будетъ соединять двѣ націи, если-бы даже одна и та же воля когда нибудь перестала направлять руки, наводящія пушки Севастополя и Владивостока.

Какова будетъ въ исторіи человѣчества роль, долженствующая выпасть на долю этого колоссальнаго государства, уже столь могущественнаго, хотя его народы еще такъ мало утилизировали свои громадныя естественныя богатства? Безъ сомнѣнія, держава, владѣнія которой раскинулись на половинѣ земной окружности, и которая считаетъ сотню милліоновъ подданныхъ, два милліона солдатъ, имѣетъ большой вѣсъ въ дѣлахъ міра; но не толпой вооруженныхъ людей измѣряется вліяніе націй въ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса: оно измѣряется степенью осуществленія ими принциповъ справедливости, ихъ труда и жертвами на пользу общей цивилизаціи и свободы.

---

[1]) Земскія учрежденія и новыя судебныя установленія (по уставамъ 19 ноября 1864 г.) еще не введены въ Сибири. *Прим. перев.*

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ губерній, областей, округовъ и уѣздовъ Сибири и азіатской покатости Уральскаго хребта, равно какъ тѣхъ административныхъ дѣленій и „центральной Азіи“, которыя составляютъ часть Обскаго бассейна. Уѣзды Орскій и Верхнеуральскій, которые также находятся на востокѣ отъ Уральскихъ горъ, принадлежатъ къ бассейну рѣки Урала, уже описанному въ томѣ, относящемся къ Европѣ.

Губерніи и области.	Уѣзды и округи.	Квадр. километр.	Жителей въ 1870 году.
	Уѣзды, причисляемые къ Европейской Россіи.		
Азіатскій склонъ Пермской губерніи: 5 уѣздовъ	Верхотурскій	63,415	189,515
	Екатеринбургскій	28,380	318,317
	Ирбитскій	10,120	122,135
	Камышловскій	15,290	214,797
	Шадринскій	17,985	260,597
	Вмѣстѣ	135,190	1.105,361
Азіатскій склонъ Оренбургской губ.: 4 уѣзда.	Троицкій	18,525	103,363
	Челябинскій	39,050	277,561
	Орскій	43,955	113,362
	Верхнеуральскій	53,625	132,834
	Вмѣстѣ	155,155	627,120
	Центральная Азія (покатость Оби).		
Тургайская область	Николаевскій	84,993	90,000 ?
Акмолинская область: 4 уѣзда	Акмолинскій	125,772	
	Кокчетавскій	72,479	
	Омскій	46,713	
	Петропавловскій	69,366	
	Вмѣстѣ	314,330	232,000 ?
Семипалатинская область 4 уѣзда	Семипалатинскій	75,145	
	Каркаралинскій	200,255	
	Кокбектинскій	98,263	
	Павлодарскій	116,011	
	Вмѣстѣ	487,674	510,000 ?

Губерніи и области.	Уѣзды и округи.	Квадр. километр.	Жителей въ 1870 году.
	Западная Сибирь.		
Тобольская губ.: 10 округовъ	Тобольскій	121,330	110,268
	Березовскій	1.010,625	23,763
	Сургутскій		7,348
	Ишимскій	41,140	200,049
	Курганскій	23,450	196,889
	Тюкалинскій (Омскъ)	66,330	119,064
	Тарскій	80,080	113,479
	Туринскій	86,955	55,463
	Тюменскій	19,415	94,389
	Ялуторовскій	22,440	166,136
	Вмѣстѣ	1.471,745	1.086,848
Томская губ.: 6 округовъ.	Томскій	298,760	175,820
	Барнаульскій	128,535	185,912
	Бійскій	187,385	187,127
	Каинскій	76,450	106,057
	Кузнецкій	97,845	113,933
	Маріинскій	73,865	69,907
	Вмѣстѣ	862,840	838,756
	Восточная Сибирь.		
Енисейская губ.: 5 округовъ	Красноярскій	20,497	84,475
	Енисейскій	454,084	59,197
	Канскій	83,064	64,588
	Ачинскій	58,240	70,810
	Минусинскій	106,402	110,288
	Туруханскій	1.849,141	7,427
	Вмѣстѣ	2.571,428	396,783
Иркутская губ.: 5 округовъ	Иркутскій	79,854	116,598
	Балаганскій	43,676	108,341
	Нижнеудинскій	121,539	41,784
	Верхоленскій	88,080	55,851
	Киренскій	467,619	36,055
	Вмѣстѣ	800,768	358,629

Губерніи и области.	Уѣзды и округи.	Квадр. километр.	Жителей въ 1870 году.
Якутская область: 5 округовъ	Якутскій	866,899	140,435
	Олекминскій	361,654	13,817
	Вилюйскій	1.132,893	61,212
	Верхоянскій	804,924	31,802
	Колымскій	762.283	6,811
	Вмѣстѣ	3.929,193	235,067
Забайкальская область: 6 округовъ	Читинскій	28,589	72,981
	Нерчинскій	26,590	28,841
	Округъ Нерчинскаго завода	36,056	130,372
	Верхнеудинскій	41,468	109,026
	Селенгинскій	38,910	70,144
	Баргузинскій	42,968	19,416
	Вмѣстѣ	623.596	430.780
Амурская область		282,122	28,589
Приморская область: 6 округовъ	Николаевскій	—	9,031
	Софійскій	—	8,037
	Петропавловскій	—	5,846
	Охотскій	—	4,608
	Гижигинскій	—	6,901
	Удинскій	—	1,454
Уссурійская область: 5 округовъ	Уссурійскій	—	6,779
	Суйфунскій	—	1.196
	Ханкайскій	—	4,779
	Аввакумовскій	—	1.175
	Сучанскій	—	656
	Вмѣстѣ (Приморская и Уссурійская области).	1.858,488	106,437

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаканская степь, 550, 554.
Абаканскъ, 565.
Абживскій окр., 79.
Абрау, 50.
Абулъ, 138, 139.
Абускунъ, 394, 395.
Абхазія, 49, 59, 66, 79.
Авача, 616.
Авачинская губа, 615
Агишъ-тау. 46.
Аграханъ, 106.
Адай-кохъ, 47, 88, 89.
Аданъ-чолонъ, 641.
Аджара, 122.
Аджарскій хребетъ (Аджаръ). 121, 138.
Адиша, ледники, 119.
Адишъ, 88.
Адлеръ, 84.
Адулъ, 56.
Азія 1—3, 5, 9, 12, 17, 19, 22, 24—27, 33.
Азія, станц. ж. д. 533.
Айбугирскій заливъ, 302, 303.
Айгеръ-гиль, 182.
Айгунъ, 659.
Акеръ, 185, 203.
Акмолинская обл., 504, 547.
Акмолинскъ, 540, 547.
Аксай, 104, 105.
Акулиссы, 202.
Акъ-кумъ (Муюнъ-кумъ) 274, 276, 284.
Акъ-робатъ, 361.
Акъ-серай, см. Сургъ-абъ.
Акъ-су (Мургабъ), 272, 289, 372.
Акъ-сы, 404.
Акъ-тау, 311.
Актогой, см. Кегенъ.
Акъ-Ширякъ, 259, 282.
Акъ-ча, 365, 368.
Алагёзъ, 7, 52, 182.
Алагиръ, 54, 102.
Алазанъ, 140.
Алай, 225, 230, 234, 236, 237, 239.
Алай-тагъ, 239.
Ала-куль, 268—271, 273.
Аламанъ, 247.
Алапаевскъ, 534, 546.
Алатау, 247, 248.
Ала-тау Заилійскій, 250, 251.
Ала-тау Кунгей, 250, 251, 258.
Ала-тау Терскей, 252, 258, 259.
Алахунъ-дагъ, 106.
Албазинъ, 667.
Алданскій хребетъ, 459, 644, 646.
Алданъ, 597, 600.
Александровскаго, фортъ, см. Николаевскъ.
Александровская слобода, 101, 105.
Александровскій хребетъ, 252.
Александрополь, 54, 197, 203.
Алетскій проходъ, 267.
Алибера, гора (рудникъ) 459, 570, 572.
Алматы, 251, 263.
Алтай, 4, 10, 12, 458, 480, 482—492, 496—498, 519.
Алтайская станица (Котонъ-карагай), 503.
Алтайскій край, 494, 495, 498, 503.
Алтынъ-Имель, 247, 262.
Алтынъ-тау, 486.
Амга, 600.
Амгунъ, 653.
Америка, бухта, 655, 670.
Амилишка, 55.
Аму-Дарьинская область, 424.
Аму-Дарья (Оксусъ, Джигунъ), 16, 221, 268, 289—299, 301, 306, 307, 379.
Амура, бассейнъ, 637, 638, 647, 656, 671.
Амурскій заливъ, 655.
Амурскій край (обл.) 657—659, 697.
Амуръ, 9, 15, 436, 437, 454, 646—654.
Анабара, 594.
Анадырскъ, 616.
Анадырь, 454, 616.
Анапа, 84, 87.
Ангара (Верхняя Тунгузка), 455, 547, 548, 551, 568, 569, 576, 582, 583.
Ангары, долина, 571.
Анди, 105, 106.
Андиджанъ, 404, 408.
Андхой, 365, 366, 368.
Андхойское ханство, 367.
Ани, 197, 198.
Анива, 674.
Анюй, 601.
Апшеронскій полуостровъ, 45, 106, 147, 148, 149.
Араванъ, 405.
Арагва, 140.
Аракса, долина, 187.
Араксъ, 137, 138, 175—177, 185, 186.
Аралихъ, 54.
Арало-каспійскій склонъ (впадина), 11, 219—222.
Аралъ-тюбе, 269.
Аральское море (Аралъ), 12, 16, 221, 282, 284, 287, 298, 300—306.
Араратъ, 7, 52, 177—181.
Арасанъ, 420.
Аргунь, 647, 648.
Ардаганъ, 163, 175.
Ардануджъ, 136.
Ардахаръ, 201.
Арджеванъ, см. Тріалетскія горы.
Ардонъ, 88, 91.
Арзіани, 122.
Аркай-палъ, 673.
Аркатскія горы, 266, 267.
Арменія, Русская, 175, 188, 190, 191, 196.
Арпачай, 185, 187, 197.
Артвинъ, 136, 137.
Аспинца, минер. воды, 164.
Ассаке, 406, 409.
Астара, 175.

Атбасаръ, 540, 547.
Атешъ-га (Апшеронъ), горы, 106.
Атешъ-га, нефт. источ. 148.
Атрекъ, 309, 396.
Ауліе-ата, 417, 424.
Афганистанъ, (Афганскій Туркестанъ), 349, 350, 368.
Ахалкалаки, 163.
Ахалцыхъ, 163, 164, 175.
Ахалъ-атокъ, 308.
Ахты, 118.
Ачинскій окр. 504.
Ачинскъ, 545, 547.
Ашуръ-Аде, 395.
Ашъ, 411, 424.
Ащи-сай, 314.
Ая-гузъ, 272.
Аянъ, 457, 466, 665, 671.

Баба-дагъ, 106.
Багдадъ, деревня, 133.
Бадахшанъ, 353—357.
Бадахшанъ (Вардожъ), рѣка, 357.
Бадахшанъ, городъ, 357, 368.
Базардьюзъ, 106.
Байкальскія горы, 572.
Байкалъ, 12, 455, 547, 568, 569, 571—581.
Байкундъ, 384.
Байсунъ, 375.
Бакинская губ. 118, 149, 175.
Баксанъ, 55, 56.
Баксу, 91.
Бактріана, см. Афганистанъ.
Баку, 50, 54, 148—150, 173—175.
Балаганскъ, 592.
Балаханскій нефт. источн. 149.
Балаханъ, 148, 174.
Балахна, рѣка, 594.
Балхашъ, 12, 221, 268—273.
Балханскій заливъ, 300.
Балханъ (Больш. и Малый), 299, 308, 309, 393.
Балхъ, рѣка, 365
Балхъ, городъ, 364, 368.
Балыкчи, 409.
Баміанскій проходъ, 359, 361.
Баміянъ, 360, 361.
Барабинская степь (Барлба), 509—512, 687.
Баргузинъ, рѣка, 582.
Баргузинъ, городъ, 591.
Барда (Бердайя), 170.
Барлукъ, 248, 264, 267.
Барнаулка, 513.
Барнаулъ, 457, 466, 498, 499, 504.
Барнаульскій окр., 498.
Барскаунъ, 259, 263, 282.
Басканъ, 272.
Бассинги, 55, 56.
Баталпашинская станица, 86, 87.
Батумская область, 137.
Батумъ, 135, 137.
Бахта, 552.
Башъ-Алай, 235, 239.
Баязетъ, 178.
Бедъ-пакъ-дала, см. Голодная степь.
Безопасное, село, 88.
Бекешевская станица, 87.
Бергушета, 185, 203.
Березовскій заводъ, 537.
Березовъ, 457, 545—547.
Берингово море, 454, 623.
Беринговъ островъ, 618, 624, 625.
Беринговъ полуостровъ, 614, 616.
Беринговъ проливъ, 477, 617—620.
Бермамутъ, 101.
Бернизетъ, 673.
Бешъ-тау, 89.
Бзыбскій окр., 79.
Бзыбь, 66
Билинги, 56.
Бійенъ, 272.
Бійскій окр., 498.
Бійскъ, 502, 504.
Бія, 486, 513.
Благодарное, село, 101, 105.
Благовѣщенскъ, 457, 667, 671.
Благодать—гора, 534.
Ближній (Первый), островъ, 601.
Боганида, 594.
Богосъ, 56.
Болкалакъ (Усть-Оленское), 595.
Большая Касъ, 515.
Большая Рѣка, 617.
Большая Толбача, 616.
Большой Кебинъ, 250, 251.
Борбало, 105, 106, 156.
Боржомъ, 164.
Боро-хоро, 247, 248, 262.
Бороходзиръ, 419
Босъ-дагъ, 147.
Братская степь, 587.
Братскій острогъ, 587.
Брянскъ, пристань, 104.
Буамскій дефилей, 251, 252.
Бузгола-хана, 378.
Булунъ, 612.
Бургасутай, 267.
Бурея, 649.
Буреи, долина, 639.
Бурейскія горы, см. Даусъ-Алинь.
Бухара, 349, 371, 372, 379, 385.
Бухара, городъ, 380—384.
Бухтарма, 485, 507.
Бухтарминскъ, 501.
Бухтармы, долина, 490, 491, 496, 503.
Бѣлая, рѣка (сибирская), 582.
Бѣлки, 484.
Бѣлоглинское, село, 88.
Бѣлоканы, 172, 175.
Бѣлоудовскій рудн., 541.
Бѣлуха (Катунскіе Бѣлки), 485.
Бырранга, 444.

Вагаршабадъ, 198.
Вагъ, 515.
Вадиль, 406, 409.
Варандзи, окр., 383.
Вардзія, 163.
Вардожъ, см. Бадахшанъ, рѣка.
Ведено, 115.
Верхне-анадырское плоског., 614.
Верхнеудинскъ, 591, 593.
Верхняя Пристань, 498.
Верхняя Тунгузка, см. Ангара.
Верхоленскъ, 611, 613.
Верхотурье, 533, 534, 546.
Верхоянскій хребетъ, 600.
Верхоянскъ, 612, 613.
Вилюй, 597, 600.
Вилюйскъ, 612, 613.
Вилючинская сопка, 616.
Витимъ, 596, 597, 599, 600.
Вицыри, 106.
Владивостокъ, 457, 656, 657, 669, 671.
Владикавказъ, 54, 102, 105.
Вознесенскъ, 459.
Войкаръ, 518.
Вольная Сванетія, 119, 125.
Восточная Сибирь, 697.
Восточный, мысъ, 614.
Врангель, бухта, 655.
Высокая, гора, 533.
Вѣрный, 263, 419, 424.

Гагры, 84.
Газрети-Султанъ, 238, 239.
Газъ-кудь (Ой-кудь), 290.
Гамышъ (гора Семенова), 252, 263.
Гариболо, 51.
Гармъ, 374.
Гелендженкъ, 84.
Гелендендорфъ, 171.
Гемышь, 184.
Геокъ-Тепе, 371.
Георгіевскій фортъ (Калата), 385.
Георгіевскъ, 101.
Герп-рудъ (Теджекъ), 292.
Гешикъ-хаши, 254.
Гижигинскъ, 666, 671.
Гинду-Кушъ, 353, 359.
Гирканія, см. Гургенъ.
Гирканіаполисъ (Джорданъ), 395.
Гиссарскія горы, 238, 239.
Гиссаръ, 374, 375, 378.
Гиссаръ, городъ, 375, 376.
Годореби, 139.
Гокъ-Чай, 183.

Голая гора, 646.
Голодная степь (Бедъ-пакъ-дала), 276.
Гори, 165, 175.
Гороблагодатскій округъ, 534.
Григоріополисская станица, 87.
Грозный, 104, 105.
Грузія, 137, 139, 150, 152, 156.
Губденъ, 118.
Гузель-донъ, 91.
Гунибъ, 115.
Гулистана, горы, 308.
Гульша, 404.
Гургенъ (Гирканія), 309.
Гурзиванъ, 367, 368.
Гурумди, 235.

Дагестанъ, 44, 46, 62, 105, 118, 149.
Далай-норъ, 647.
Далай-голъ, 647.
Далматовъ, 539, 546.
Даманъ - и - кохъ (Копетъ-дагъ), 308, 309.
Данданъ-Шиканъ, 362.
Дарвазъ, 373.
Дарго, окр. 113.
Дарзабъ, 368.
Дарьяльское ущелье, 55, 61.
Дау-кара, 286, 296.
Даурія, 642, 643.
Даурскія горы, 458, 459.
Даурскія степи, 641, 642
Даусъ-Алинь (Бурейскія горы, Малый Хинганъ), 645, 646.
Девдораки, 55, 56, 102.
Де-Кастри, бухта, 654.
Делижанъ, 200.
Денау, 375.
Денгизъ-тау, 266, 267.
Дербентъ, 54, 116, 118.
Дергезъ-атокъ, 308.
Джабеши, 119.
Джаирскій проходъ, 267.
Джалабадъ—аюпскія минер. воды, 404.
Джаланашъ, 250, 263.
Джаланашъ-куль, 268.
Джвари, 135, 137.
Джермъ, 356.
Джигунъ, см. Аму-Дарья.
Джиды, бассейнъ, 8.
Джизакъ, 402, 424, 431.
Джирузи, 203.
Джорданъ, см. Гирканіаполисъ.
Джульфа, 202.
Джуманъ-тау, 65.
Джунъ-Булакъ, 571.
Дзеа-кохъ, 88.
Дихъ-тау, 88.
Диклосъ-мта, 106.
Диксонова гавань, 554.
Дири-дагъ, 186.
Донское, село, 88.
Дора, 353.
Дундинко, прист., 568.
Дура-и-Зинданъ, 362.
Душамбе, 375.
Душъ-качанъ, прист., 591.
Дуэ, 647.

Егорлыкъ, 87.
Ейскъ, 86, 87.
Екатеринбургъ, 457, 537, 538, 546.
Екатеринодаръ, 86, 87, 103.
Елисаветполь, 54, 139, 170, 171, 175.
Елисаветпольская губ., 175.
Елогуй, 515, 552.
Енисей, 15, 446, 447, 518, 547—554.
Енисейская губ., 547.
Енисейскъ, 456, 566—568.
Ергикъ - Таргакъ (Тайга), 548, 549, 569.
Ехой, 569, 570.

Желѣзноводскъ, 99.
Жиганскъ, 612.
Жиланути, см. Змѣиное ущелье.
Жупановская сопка, 616.

Заалайскія горы, 239.
Забайкалье (Забайкальская обл.), 461, 466, 588, 593.
Зайсанъ, постъ, 541.
Зайсанъ-норъ, 506, 507.
Закавказская Татарія, 137.
Закавказье, 44, 59, 60, 123, 125, 144, 150.
Закаспійскій отдѣлъ, 393.
Закаталы, городъ, 172.
Закаталы, окр., 175.
Занга, 199.
Зангезуръ, окр., 184, 203.
Западная Сибирь, 697.
Зарявшанскія горы, 238.
Зарявшанскій ледникъ, 291.
Зарявшанскій округъ (Зарявшанъ), 424, 426.
Зарявшанъ (Согдъ) рѣка, 291, 384, 396.
Заука, проходъ, 263, 282.
Зеи, долина, 639.
Земля Врангеля, 603, 604.
Зенги-ата, 413.
Зея, 649.
Зикари, 88, 89.
Зилга-кохъ, 88, 89.
Зіяуэддинъ, 384.
Змѣиная гора, 500.
Змѣиногорскъ (Змѣевъ), 499, 500, 496, 504.
Змѣиное ущелье (Жиланути), 402.
Золотарскія горы, 501.
Золотой Рогъ, 655, 669, 670.
Зугдиди, 135, 137.
Зунгари, долина, 21.
Зыряновскіе рудники, 500, 501.
Зыряновскъ, 500, 504.

Ивановская Бѣлка, 501.
Ивановская станица, 87.
Идокопазъ, 66.
Или, 268, 271, 272.
Илійскъ, 419.
Ильинская станица, 87.
Имель, см. Чурту.
Имеретія, 118, 129, 131.
Императорскій портъ, 654.
Ингода, 647, 666.
Ингуръ, 119.
Индаръ-абъ, 359.
Индигирка, 601.
Ивухъ, 107.
Иракъ, 360, 361.
Ирбитскій заводъ, 536.
Ирбитъ, 535, 536, 546.
Иргизъ, рѣка, 285.
Иргизъ, городъ, 417.
Иренъ-хабирганъ, 247.
Ирикъ, 56.
Иркутская губ., 588, 592, 593.
Иркутскъ, 457, 459, 571, 591—593.
Иркутъ, 570, 571, 582.
Иртыша, низменность, 532.
Иртышъ, 498, 505—508, 518, 541.
Иръ-ташъ, 282.
Исетскіе заводы, 537.
Искандеръ, 291.
Искеръ, см. Сибирь, городъ.
Исфайрамъ, 235, 239.
Исфара, 408, 409.
Исыкъ-куль, 221, 252, 253, 258, 263.
Ишимская степь, 540.
Ишимъ, рѣка, 512.
Ишимъ, городъ, 540, 546.
Ишкашимъ, 354.
Ишклг (Качалъ-дагъ), 185.

Іора, рѣка, 140.

Кабарда, 94.
Каваръ (Ново-Баязетъ), 200, 203.
Кавказія, 64.
Кавказскія горы, 42, 51.
Кавказскій хребетъ, 7, 45, 49, 89.
Кавказъ, 19, 42—45, 51, 53, 56, 57, 59—63, 65, 72—74, 204—218.
Кавукъ, 239.
Кагызманъ, 196, 203.
Казалинскъ, 416, 424.
Казанголъ-дагъ, 184.
Казанишъ, 118.
Казбекъ, 46, 47, 49, 55, 88.
Казиль-Гійдукъ, 139.
Казиль-дагъ, 176.
Казыкъ-уртъ, 260.

Каинскъ, 457, 542, 547.
Кайдакъ (Кара-су) 315.
Кайтаго-Табасеранъ, округъ, 112.
Кала-ата, см. Георгіевскій фортъ.
Калаусъ, 89.
Кальджиръ, 506.
Кальчидонъ (Караганъ), 54, 56.
Камаръ-Дабанъ (Хамаръ-Дабанъ), 445, 572.
Камчатка, 7, 9, 20, 445, 613—616, 620—623.
Камчатка, рѣка, 617.
Камчатскія горы, 446.
Камышловъ, 539, 546.
Кандылъ-ташъ, 251.
Канлы, 139.
Канскій округъ, 567.
Канскъ, 568.
Канъ-тагъ, 401.
Капитанъ, гора, 644, 646.
Каптагай, 602.
Каптагайскій порогъ, 248, 263.
Капуджикъ, 184.
Капчагайское ущелье, 282.
Кара-адыръ, 264, 265.
Карабага, степь, 142.
Карабагскія горы, 184.
Карабагъ, 185.
Кара-бель, 263.
Кара-богазъ, 312, 313.
Кара-бура, 263.
Караганъ, см. Кальчидонъ.
Кара-дагъ, 309.
Кара-Дарья, 283.
Кара-казыкъ, 239.
Кара-кале, 198.
Каракалинскъ, 541, 547.
Каракентскія угольныя кони, 86.
Кара-коль, горы, 257.
Караколь, городъ, 420, 424.
Кара-коталъ, 361.
Кара-куль, городъ, 384.
Кара-куль, озеро, 233, 234.
Кара-кумъ, 221, 276, 277, 284, 300, 307.
Кара-су, заливъ, см. Кайдакъ.
Кара-су, рѣка, 182.
Каратагъ, 375.
Кара-тау, 260, 263, 415.
Каратегинъ, 374.
Кара-теке, 257.
Кара-талъ, 272.
Карашаръ, 245.
Караче-тау, 236.
Каргашъ, 512.
Карійскіе пріиски, 667.
Карская область, 203.
Карсъ, 197, 203.
Карсъ-чай, 197.
Карталинія, 57, 151, 153.
Кахетія, 58, 153, 154.
Карчъ-Шаль, 122.
Каршн, 378, 379.
Каспій, 315, 316.
Каспійское море, 45, 147.
Кассанъ, 403, 408.
Катунскіе Бѣлки, см. Бѣлуха.
Катунъ (Катунскія горы), 244, 245, 262.
Катунь, 485, 486, 513.
Катъ, 296.
Кауфманъ, пикъ, 235, 239.
Кафирнаганъ, 375, 376.
Качалъ-дагъ, см. Ишкли.
Качинская степь, 551.
Качка, см. Кокча.
Качу, 106.
Качуга, 596.
Кашка, 376, 377.
Кашканаръ, 531.
Кашкаръ, 259.
Кашъ, 245.
Квирила, 120, 134.
Кегенъ (Актогой, Чарынъ), 249, 250.
Кедобекъ, заводъ, 170.
Келатъ-атокъ, 308.
Кемчикъ, 549.
Керечи-дагъ, 176.
Керки, 379.
Керминехъ, 384.
Керуленъ, 647.
Кеть, 514, 515.
Кизи, 652.
Кизляръ, 104, 105.
Кизылъ-Агачъ, 145.
Кизылъ-аланъ (Гога и Магога), 310.
Кизылъ-артъ, 234.
Кизылъ-кайя, 106.
Кизылъ-кумъ, 276, 284.
Кизылъ-су, см. Сургабъ.
Килабаръ-панджа, 373.
Кила-панджа, 352.
Килифъ, 379.
Киммерійское ущелье, 42.
Кинзыракъ, 203.
Киренскъ, 612, 613.
Кирпки, 147.
Киселякъ, 602.
Кисловодскъ, 100.
Китай, рѣка, 582.
Кичкинаколь, 56.
Кишмъ, 357.
Ключевская сопка, 615, 616.
Кобн, 102.
Кобдо, 485.
Когартъ-тау, 257.
Когистанъ, 401.
Когъ-артъ, 258, 263.
Коджоръ, 139.
Коджоры, 169.
Кодоръ, 66.
Койретынъ-дагъ, 139.
Коканъ, 263, 407, 408.
Кокбетинскъ (Кокбеты), 541, 547.
Кокпела, 518.
Кокча (Качка), 353, 355, 379.
Кокъ-су, 272, 485.
Кокъ-тепе, 254.
Кокъ-шаль, 256.
Колотъ, 58.
Колхида, 42.
Колыванскій заводъ, 501, 502.
Колывань, 544, 547.
Колыма, 601.
Копалъ, 420, 424.
Копетъ-дагъ, см. Дамапъ-и-Кохъ.
Коргонъ, 485.
Корея, 20, 21.
Корпдашъ, 119.
Корсаковъ, 678.
Коряковская сопка, 616.
Косоголь (Косіо), 570—572.
Котельный (Третій), островъ, 602.
Котонъ-карагай, см. Алтайская станица.
Кохъ—и—амбара, 363.
Кочки, 510.
Кошети, 243, 262.
Коштанъ-тау, 46, 47, 88.
Красноводскъ, 393, 394.
Краснополяна, 88.
Красноярскій округъ, 466.
Красноярскъ, 566, 568.
Красныя горы, 49.
Крестовая гора, 89.
Крестовская сопка, 616.
Крестовое, село, 539.
Кроноцкая сопка, 616.
Крызъ, 117, 118.
Ктеусъ-налъ, см. Ла-Мартиньеръ.
Куакакъ, 359.
Куба, 117, 118.
Кубанская область, 85, 87, 149.
Кубань, 47, 68, 69, 81.
Кугульта, 88.
Куда, 582.
Куда-ко, 71.
Кузнецкій округъ, 498, 501.
Кузнецкія горы (Ала-тау), 486, 487.
Кузнецкъ, 503, 504.
Куку-Оба, 70.
Кукча-денгизъ, 286.
Кулаи, 316.
Кулахи, 134, 137.
Кульджа, городъ, 263.
Кульджинскій край (Кульджа), 421, 424.
Култукъ, пристань, 591.
Кульпъ, 177.
Кума, 89, 90.
Кумани, 148.
Кумскій Проранъ, 90.
Кунгеса, долина, 247.
Кунгесъ, 271.
Кунградское озеро, 286.
Кунградъ, 391.
Кундузъ, рѣка, см. Сургабъ.
Кундузъ, городъ, 362, 368.

Кундузъ, округъ, 363.
Кура, 53, 137—140, 142, 145.
Курганъ, 539, 546.
Курганъ-тюбе, 375.
Курейка, 552.
Курскій каналъ, 93.
Курта, 58.
Курушъ, 60.
Курчумъ, 507.
Курянъ-дагъ, 308.
Кусупай, 674, 678.
Кутаисская губ., 137.
Кутаисъ, 53, 124, 133, 134, 137.
Кутемальда, 252.
Кяхта, 466, 588—590, 593.

Лагичъ, 173.
Ладовская станица, 86—88.
Лазистанъ, (Лазія), 118, 122, 123, 131, 132.
Лазурдъ, (Лажурдъ), окр., 354.
Лакманъ, 375.
Ла-Мартиньеръ (Ктеусъ-палъ), 673.
Латтабандъ, 362.
Лахамули, 128.
Ледовитый океанъ, 451—454, 465, 476, 599.
Ледяной, мысъ, 599.
Лена, 15, 17, 446, 447, 595—600.
Ленкоранъ, городъ, 174.
Ленкоранъ, окр., 145, 146.
Ленса, 272.
Ленскій проходъ, 248.
Ленскъ, 420, 424.
Лиственичная, деревня, 591.
Лиственичный, островъ, см. Титъ-Ари.
Лозы, вулканъ, 148.
Локтевскій заводъ, 501, 504.
Лонгъ, 604.

Мадьяры, городъ, 101.
Мазаръ—и—Шерифъ, 365.
Маздуранъ (Месторіанъ), 395.
Майкопъ, 86, 87.
Маймачинъ, 588, 589.
Малый Хинганъ, см. Даусъ-Алинь.
Макачинга, 614.
Маковское, село, 515.
Малка, 91.
Малый Кебинъ, 251.
Мамисонское ущелье, 47, 64.
Мамисонъ, 89.
Маміа-Ринцо, см. Татарскій проливъ.
Мангышлакъ, 311, 314.
Манракъ, 264, 265, 267.
Манчжурія (Русская), 637, 638, 655.
Манчжурскія горы, см. Сихота-Алинь.
Маныч, 42, 89, 92.
Мануэ, 678.
Маргиланъ, 406, 408.
Маріинскъ, 457, 545, 547, 688.
Марка-куль, 506.
Марухъ, 65, 66.
Маука, заливъ, 678.
Махмудъ-чаласи, 143.
Махромъ, 408.
Маштаги, 174, 175.
Мая, 600.
Медвѣжье, село, 88.
Медвѣжьи, острова, 601.
Меймене, городъ, 366—368.
Меймене, рѣка, 366.
Мельчиги, 91.
Мервскій Мургабъ, 292.
Мервъ, 368, 369.
Мерке, 250.
Мертвый Култукъ, 314, 315.
Мескъ, 165.
Месторіанъ, см. Маздуранъ.
Мзымта, 66,
Мингрелія, 58, 118, 126, 129—131.
Минусинскія степи, 554.
Минусинскъ, 564, 565, 568.
Михайло-Семеновская, станица, 668.
Минъ-Джильке, 263.
Міанкальскій округъ, 384.
Моздокъ, 103, 105.
Монголія, возвышенность, 639.
Монголія, 464.
Муганъ, 143, 144, 146.
Музартъ, 254, 255, 263.
Музартъ-тау, 254.
Мунку-Сардыкъ, 569—572.
Муравьевскій постъ, 678.
Мургабъ, см. Акъ-су.
Мусъ-тау, 264, 267.
Муюнъ-кумъ, см. Акъ-кумъ.
Мцхетъ, 166.
Мычинъ, 66.

Нагебо, 122.
Накерала, горы, 134.
Наманганъ, 403, 408.
Нара-тау (Наратъ), 247, 262.
Наргизъ, 147.
Нарымъ, рѣка, 507.
Нарынское, укрѣпл., 263.
Нарынъ, 256, 258, 282.
Наукатъ, 405, 408.
Нахаръ, 66.
Нахичевань, 201—203.
Находка, 655.
Невьянскіе заводы, 533, 534.
Невьянскъ, 546.
Нейва, 534.
Непись-Цкаро, 122.
Нерчинскіе пріиски, 667.
Нерчинскій заводъ, 457, 466, 656, 657, 667, 671.
Нерчинскъ, 666, 671.
Нибъ-Кумбъ, 373.
Нижне-Колымскъ, 457, 601, 612, 613.
Нижне-Тагильскій заводъ, 533.
Нижне-Тагильскъ, 533, 546.
Нижне-удинскій округъ, 567.
Нижнеудинскъ, 593.
Нижняя Тунгузка, 552.
Николаевская станица, 86.
Николаевскъ, городъ, 457, 668, 669, 671.
Николаевскъ (фортъ Александровскаго), 393.
Николая, гора, 263.
Новая Земля, 453.
Новая Сибирь, 453, 602, 603.
Ново-Баязетъ, см. Каваръ.
Ново-Георгіевское, село, 88.
Ново-Михайловская станица, 87.
Ново-Покровская станица, 87.
Новороссійскъ, 53, 84.
Ново-Селенгинскъ, см. Селенгинскъ.
Ново-Троицкая станица, 87.
Номинъ-мингинъ-гоби. 244.
Нуамъ-Куамъ, 119.
Нуку-Дабанъ, 570, 572.
Нусканъ, 353.
Нукусъ, 417.
Нуха, 172, 175.
Нянь-Шань, 249.

Обдорскій край, 526.
Обдорскъ, 546.
Обь, бассейнъ, 504.
Обская губа, 517.
Обь, 15, 446, 447, 505, 513—518.
Огурчинскій, остр., 316.
Ой-куль, см. Газъ-куль.
Ока (сибирская) 570.
Оксусъ, см. Аму-Дарья.
Олекма, 597, 600.
Олекминскъ, 612, 613.
Оленекъ, 595.
Олты, село, 123, 136.
Ольхонскій, островъ, 572.
Омскъ, 542, 547.
Омь, 510, 512.
Они, 134.
Ононъ, 647.
Ордубатъ, 202, 203.
Оронъ, 597.
Орпири, 134.
Осетія, 58.
Османъ-дагъ, 147.
Отказное, село, 101, 105.
Охотское море, 17, 454, 464, 465, 618, 620, 654.
Охотскъ, 8, 457, 665, 671.
Охтенъ, см. Фишта.
Ошъ, 405, 408.

Павлодаръ, 542, 547.
Палеостомъ, 120.
Памбакъ, 182.
Памиръ, 221, 225, 228—232, 258, 294.

Пангасъ, 40, 424.
Панджа, 353.
Пасисъ-Мта, 56, 120.
Пашковская станица, 87.
Пелымъ, 534.
Пенжинскъ, 666.
Передняя Азія, 17.
Первый, островъ, см. Ближній.
Перли-дагъ, 176.
Перовскъ, 416, 424.
Песчаноокопское, село, 88.
Петра Великаго, бухта, 638, 655, 670.
Петро-Александровскъ, 417.
Петрова, ледникъ, 282.
Петровская, станица, 87.
Петровскъ, 115.
Петропавловскъ (Западно-сибирскій), 457, 540, 547.
Петропавловскъ (восточно-сибирскій), 636, 637.
Пицунда, мѣстечко, 83.
Пицунда, рѣка, 66.
Пластунъ, заливъ, 654.
Подкаменная Тунгузка, 552.
Поронай, 673.
Посолье, 591.
Посьета, бухта, 638, 655, 670.
Поти, 53, 124, 134, 135.
Предкавказье, 44, 59.
При-амурская область (см. Амурскій край.
Приморская область, 638, 671.
Псегаско, 66.
Псеканъ-Су, 56.
Пскентъ, 424.
Псувъ, 66.
Пустыня (Ensomheden), остр. 604.
Пясина, 594.
Пятигорскъ, 53, 54, 99, 100. 105.

Ратши, 125, 129.
Регаръ, 375.
Редутъ-кале, 53, 124, 134, 135,
Риддерскъ, 501, 504.
Ріонъ (Фазъ), 42, 52, 118, 120, 121.
Роки, 103.
Ромишанъ, округъ, 383.
Рошанъ, 372, 373.
Рустакъ, 358.

Саваланъ, 145.
Сагалатло, 122.
Садонъ, 103.
Сайрамъ, 248, 263.
Салаиръ, 501, 504.
Сальяны, 140, 174, 175.
Самаркандъ, 380, 396—401, 431.
Самарова, 543.
Самсаръ, 138, 139.
Самурзакань, 79.
Самуръ, 107.
Сангаро, 66.
Сандалъ, гора, 238, 239.
Сандата, 88.
Санташъ, 249, 263.
Сарахсъ, 370.
Сари, 145.
Сари-дагъ, 106.
Сарипулъ, 365, 368.
Сари-чуй, 375.
Сарканъ, 272.
Сартламъ, 511.
Сархадъ, 290, 351.
Сары-Джассы, 256.
Сары-камышъ, 300, 307.
Сары-куль, 289.
Сары-су, 285.
Сассыкъ-куль, 268, 270, 271, 273.
Саумаль-куль, 285.
Сауру, 264, 267.
Сахалинскія горы, 673.
Сахалинъ, 20, 21, 646, 671—678.
Саянскія горы, 483—486, 549, 569—571.
Сванетія, 118, 123, 128.
Святой, мысъ, 572.
Св. Владиміра, заливъ, 654, 655.
Св. Ольги, заливъ, 654—656
Св. островъ, 148, 149.
Севанъ, 184.
Селенга, 547, 548, 568—571, 582.
Селенги, долина, 571.
Селенгинскъ (Старый и Новый), 590, 593.
Семенова, гора, см. Гамышъ,
Семеновка, 200.
Семипалатинская область, 504, 547.
Семипалатинскъ, 509, 541, 547.
Семирѣченскій край, 272.
Семирѣчье, 420, 421, 424, 426.
Сергіополь, 420.
Сердце-Камень, 614.
Серебряковская, пристань, 90.
Сибирь, 6—8, 12, 17, 32, 434—482, 678—698.
Сибирь (Искеръ), городъ, 435, 437.
Сигнахъ, 172, 175.
Сигунъ, см. Сыръ-Дарья.
Ситирти, 262.
Сихота-Алинь (Манчжурскія горы) 445, 446, 645, 646.
Соганлы-дагъ, 176.
Соглыкъ, 170.
Сомхетъ, 182.
Сонъ-куль, 259, 263.
Софійскъ, 668.
Сохондо, 445, 640, 641, 646.
Сохъ, 408.
Сочи, 53.
Средне-Егорлыкское, село, 88.
Средне-Колымскъ, 612, 613.
Срѣтенское, село, 666.
Ставрополь, 54, 87, 88.
Ставропольская губ., 85, 88, 105.
Становой хребетъ, 445, 458, 459, 464, 637—639, 641, 643, 644, 646.
Старая Кульджа, 422, 424.
Старкъ, 654.
Старо-Минская, станица, 87.
Старо-Щербиновская, станица, 87.
Степанъ-Цминда, 56.
Суйдунъ, 421, 424.
Суйокскій перевалъ, 483, 484, 498.
Суйокъ, 257, 263.
Суйфунъ, 645, 670.
Суксунскій заводъ, 499, 504.
Сулакъ, 106.
Сунгари, 649, 650.
Сунджа, 91.
Сурамскій перевалъ, 119.
Сурамъ, гора, 48.
Сурамъ, мѣстеч., 148, 164.
Сургабъ (Кизылъ-су, Уакшъ), 291, 293, 374, 375.
Сургъ-абъ (Кунузъ, Акъ-серай), 359, 361, 364.
Сургутъ, 545, 547.
Сухумскій округъ, 79.
Сухумъ-кале, 50, 66, 67, 83.
Сыверма, горы, 444.
Сымъ, 515.
Сыръ-Дарьинская область, 424, 426.
Сыръ-Дарья (Яксартъ, Сигунъ), 16, 221, 268, 282—284, 286—291, 301, 302, 306, 410.

Табой, 652.
Тагарма (Тигальма), 230.
Тагиль, 534.
Тазовка, 546.
Тазъ, 517, 518.
Таймыра, 552, 594.
Таймырскій полуостровъ (Таймуръ), 439, 442, 444, 447, 457, 467, 594.
Таласъ, 285.
Таласъ-тау, 260, 263.
Талгаръ, 251, 263.
Талиханъ, 362.
Талки, 247, 248, 262.
Талы, 175.
Талышъ, гора, 146.
Талышъ, деревня, 198.
Тамань (Таманскій полуостровъ), 45, 66, 69, 70, 80, 84.
Тамань, деревня, 84.
Танаисъ, 42.
Танну-ола, 485.
Тара, 542, 546.
Тарбагатай, 4, 12, 221, 264, 267.
Тарей, 642.
Тарки, 116, 118.
Тасеевское, село, 564.

Тасъ-тау, 265, 267.
Татарскій проливъ (Маміа-Ринцо), 653, 656, 672.
Тахъ-и-Сулиманъ, 357, 405.
Ташкентъ, 263, 410—414, 424, 431.
Ташъ-робатъ, 263.
Тебулосъ-мта, 54, 106.
Теджекъ, см. Гери—рудъ.
Текели-дагъ, 177.
Текесъ, 249, 271.
Телавъ, 172, 175.
Телецкое озеро, 486, 492.
Темиргоевская станица, 87.
Темиръ-Ханъ-Шура, 115, 118.
Темрюкское озеро, 71.
Темрюкъ, городъ, 84, 87.
Темрюкъ, островъ, 70.
Тенкекскій перевалъ, 248.
Тентякъ-соръ, 315.
Тепли, 89.
Терекъ, 55, 89, 91, 92, 102.
Терекъ-даванъ, 239, 404.
Термезъ, 375.
Терпѣнія, заливъ, 674.
Терская область, 105, 149.
Терсколь, 56.
Терсъ-агаръ, 239.
Тетнульдъ, 56, 119.
Тигальма, см. Тагарма.
Тигильская, деревня, 632.
Титъ-Ари (Лиственничный), остр. 598.
Тифлисская губ. 149, 175.
Тифлисъ, 54, 166—169, 175, 186.
Тіара, 673.
Тквибула, 134.
Тобольская губ. 504, 519, 546.
Тобольскъ, 457, 466, 542, 543, 546.
Тоболъ, 512, 513.
Токмакъ, 418
Токранъ, 271.
Томская губ. 504, 519, 547.
Томскъ, 457, 544, 545, 547.
Торопованъ, 139.
Третій, островъ, см. Котельный.
Тріалетскія горы (Тріалеты). 138, 139.
Троицкосавскъ, 590, 593.
Троицкъ, 539, 546.
Труйбера, ледники, 119.
Туапсе, 84.
Туматскій рукавъ, 599.
Тунка, 591.
Тункинская долина, 571.
Тункинскіе гольцы, 571, 572.
Тура, 513, 518.
Тургай, городъ, 417.
Тургай, рѣка, 285.
Тургень, 250.
Туринскъ, 536, 547.
Турка, 591.
Туркестанъ (Русскій), 7, 220, 221, 274, 276, 279—281, 316, 392, 424—427, 430—432.
Туркестанъ, городъ, 415, 424.
Туртумъ, 123.
Туругъ-артъ, 256, 257, 263.
Туруханскъ, 457, 567, 568.
Тусъ-кане, 284.
Тхванъ-дагъ, 106.
Тымъ, 515, 673.
Тюленій, островъ, 677.
Тюмень, 536, 537, 546.
Тюпъ-караганъ, 314.
Тянь-Шань, 4, 7, 10, 12, 221, 239—243, 246, 247, 257—263.
Тянь-Шань-пелу, 248.

Уакшъ, См. Сургабъ.
Уамуръ, 373.
Уаханъ, 351, 352, 368, 372, 373.
Угодай, 498.
Угусъ-басъ, 258, 263.
Уда (забайкальская), 582.
Уджарская, станица, 420.
Удинская степь, 466.
Удской острогъ, 666.
Узбой, 299, 300, 306, 307.
Узгентъ, 404, 409.
Узъ-бель, 234.
Улала, 494.
Уланъ-Дабасъ, 485.
Улухамъ, 56.
Улюнгуръ, рѣка, 485, 506, 517, 518.
Улюнгуръ, озеро, 505.
Улюстай, см. Хулюстай.
Уманская, станица, 87.
Ура-тепе, 409, 424, 431.
Уралъ, горы, 532, 533.
Ургенджъ, 391.
Ургутъ, 402.
Урмана, 544.
Урсунъ, 647.
Урумбашъ, 257.
Урусъ, 402.
Урусъ-Мартанъ, 104, 105.
Урухъ-донъ, 56, 91.
Уръ-кошаръ, 264.
Успенская станица, 87.
Уссури, 651, 652, 657.
Уссурійскій заливъ, 655.
Уссурійскій край, 658, 659.
Усть-Уртъ, 310, 311.
Усть-Каменогорскъ, 508, 541, 547.
Усть-Кяхта, 590, 593.
Усть-Лабинскъ, 86.
Усть-Оленское, см. Болкалакъ.
Усть-Янскъ, 457.
Уфлисъ-цихе, 165.
Уцера, 134.
Учъ-Курганъ, 403.
Ушба, 46, 119.

Файзабадъ, 356, 357, 375, 376.
Фергана, 284, 402—404, 424, 426.
Ферганская область, 403.
Фишта (Охтень), 65, 66.
Фіагъ-донъ, 91.
Форелевое озеро, 580.

Хабаровка, 668, 671
Хабаръ-ассу, 266, 267.
Хаджи-какъ, 359, 361.
Хаджу-Оба, 383.
Хайларъ, 647.
Халангатъ, 598.
Хамаръ-дабанъ, см. Камаръ-Дабанъ.
Хани, 120.
Ханкай, 645, 651, 656.
Ханъ-Тенгри, 254, 256, 263.
Хараулахскіе холмы, 600.
Хатанга, 594.
Хатангское, село, 594.
Хива, городъ, 388, 390.
Хива (хорезмъ), ханство, 294, 386—388, 392.
Химры, 115.
Хинганъ (Больш. и Мал.), 445.
Ходжа-Мохамедъ, 355.
Ходжейли, 391.
Ходжентъ, 409, 424, 431.
Хони, 134, 137.
Хорезмъ, см. Хива.
Хульмъ, рѣка, 362, 364.
Хульмъ, городъ, 364.
Хульмъ, округъ, 364.
Хулюстай (Улюстай), 642.
Хунзахъ, 115.

Цаленджиха, 135, 137.
Цебельда, 79.
Це-донъ, 56.
Центральная Азія, 11.
Цинубани, 164.
Цхенисъ, 120.

Чабдара, см. Гиссарскія горы.
Чаганъ-обо, 267.
Чаны, 511, 512.
Чарджуй, 379.
Чарынъ, см. Кегенъ.
Чатыръ-куль, 257, 263.
Чашки, 571.
Чекелень, 394.
Челябинскъ, 546.
Черекъ, гора, 56.
Черекъ, рѣка, 91.
Черное море, 8.
Черноморскій округъ, 87.
Черныя горы, 48, 89.
Четырехъ Столбовъ, островъ, 601.
Чехатай, 122.
Чечня, 108.
Чибрскій перевалъ, 360.
Чикишлярскій, постъ, 394.
Чикментъ, 415, 424.
Чикой, 590.
Чилдыръ-дагъ, 176.
Чиликъ, 250.
Чимбай, 417, 424.
Чингилъ, 176.

Чита, 461, 666, 671.
Чичикли, 257.
Чорухъ, 122, 123.
Чоткалъ, 260.
Чу, 251, 252, 284, 285.
Чуй (Чу), долина, 484.
Чукотская земля, 445, 476, 613, 621, 622.
Чукотскій носъ, 614.
Чулымшанъ, 486.
Чулымъ, 512, 515.
Чуна, 583.
Чурту (Эмиль, Имель), 273.
Чустъ, 403, 404, 408.

Шабинъ-дабагъ, 486.
Шадринскъ, 539, 546.
Шалбузъ-дагъ, 106.
Шаликъ-тау, 254.
Шаманскій носъ, 574.
Шамси, 259, 263.
Шамхоръ, 169.
Шараванъ, 133.
Шариханъ, 406, 409.
Шахтъ-и-пуль, 365.
Шахъ-дагъ, 54, 56, 106.
Шахъ-и-Марданъ, 407.
Шаханъ, см. Шигнанъ.
Шевелючъ, 616.
Шельвели, 238, 239.
Шемаха, 54, 146, 173.
Шехръ-и-себсъ, 376, 377.
Шибирханъ, 365, 368.
Шигнанъ (Шаханъ), 372, 373.
Шилка, 647, 648, 666.
Ширабадъ, 375.
Ширванъ, 146.
Ширикума, степи, 142.
Шуша, 54, 161, 171, 172, 175.

Щуровскаго, ледникъ, 236, 239.

Эби-норъ, 268, 271
Эльбрусъ, 7, 46, 47, 49, 50, 88, 89.
Эмиль, см. Чурту.
Эмлекли, 139.
Эриванская губ., 203.
Эривань, 178, 186, 187, 199, 200, 203.
Эристова, каналъ, 92.
Эски-Чиназъ, 410.
Эссентуки, 100, 101.
Этекъ-Майданскій перевалъ, 182.
Эчміадзенъ, 178, 198, 199.

Юлдузъ (Большой и Малый), 245, 246, 262.
Юрчи, 375.

Яблоновый хребетъ, 445, 640.
Язева, 515.
Яксартъ, см. Сыръ-Дарья.
Якутскъ, 17, 456, 457, 462, 463, 465, 466, 607, 612, 613.
Ялуторовскій округъ, 540.
Ялуторовскъ, 539, 547.
Яна, 600.
Яны-Дарья, 286.
Яны-Кендъ, 417.
Яны-курганъ, 384.
Яны-чиназъ, 410.
Японское море, 655.
Яссы-тау, 257.

Оаддѣевскій островъ, 602.
Оазъ, см. Ріонъ.
Оапагорія, 84.

6-25-12.